И.В. Ковтун

Андроновский орнамент

И.В. Ковтун Андроновский орнамент

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА

И.В. КОВТУН

АНДРОНОВСКИЙ ОРНАМЕНТ (МОРФОЛОГИЯ И МИФОЛОГИЯ)

Казань 2016

TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES
KHALIKOV INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

I.V. KOVTUN

ANDRONOVO ORNAMENT (MORPHOLOGY AND MYTHOLOGY)

Kazan 2016

УДК [903.27:7.031.1:7.046.1:392.5]«637»
ББК Т4(0)3+Щ03(0)3

Ответственный редактор
к.и.н. А.А. Чижевский

Рецензенты:
д.и.н. А.В. Епимахов и д.и.н., проф. Я.А. Шер.

И.В. Ковтун
Андроновский орнамент (морфология и мифология). − Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. − 547 с.

ISBN 978-5-9909131-0-3

Монография посвящена типологической классификации и мифологии андроновского орнаментального комплекса первой половины II тыс. до н.э. В исследовании представлены около 2000 сосудов в составе Свода андроновской орнаментации. Обоснованы критерии типо-морфологического своеобразия андроновского орнамента. Рассматриваются проблемы мировоззрения, этнической и лингвистической принадлежности андроновского населения Северо-Западной Азии. Реконструированы смысловые значения ключевых орнаментальных сюжетов на андроновских сосудах.

Работа адресована археологам, палеоэтнологам, искусствоведам, историкам религий и специалистам в области этнолингвокультурогенеза индоиранских народов.

The work deals with the typological classification and mythology of Andronovo ornamental complex of the first half of II millinery BC. About 2000 vessels of Andronovo ornamentation are presented in this research. The criteria of typological and morphological specifics of Andronovo ornament are justified. Issues of world view, ethnic and linguistic identity of Andronovo population of Northern-Western Asia are analyzed. The meaning of key ornamental themes of Andronovo vessels are reconstructed.

The work is intended to be used by paleo-ethnologists, art specialists, religion historians and specialists in ethnic and cultura genesis of Indo-Iranian peoples.

УДК [903.27:7.031.1:7.046.1:392.5]«637»
ББК Т4(0)3+Щ03(0)3

ISBN 978-5-9909131-0-3

© Институт археологии АН РТ, 2016

© ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие **6**

1. Морфология андроновского орнамента **8**

1.1. Инвариантность андроновского декора 8

1.2. Структура и система 15

1.3. Инвариантные комбинации 20

2. Хронология андроновских древностей **58**

2.1. Стратиграфия и относительная хронология 58

2.2. Сосуществование и взаимодействие культур 62

2.3. Кинжалы и браслеты 73

2.4. Ножи томского типа и экспансия 79

2.5. Фактор касситерита и атипичный инвентарь 82

3. Этнолингвокультурная принадлежность **87**

3.1. Ранне- / прандроновский комплекс 87

3.2. «Андроновская культура» и «андроновский диалект» 91

4. Андроновские орнаментальные традиции **99**

4.1. Соотношение орнаментальных композиций 99

4.2. Кардинальные и ординарные инвариантные комбинации 100

5. Мифология андроновской орнаментации **103**

5.1. Бинарность в орнаментации и в мифе 104

5.2. Троичность композиции и мифа о Йиме 112

5.3. Троичность композиции и миф о Трите / Трайтаоне 116

5.4. Змее- / драконоборческие и мифокалендарные мотивы 122

5.5. Аджа Экапад, Варуна и космографические композиции 131

5.6. Андроновские браслеты и баран-Индра / Веретрагна 141

5.7. Орнаментальные вариации основного мифа 148

5.8. Сосуды с четырёхугольным устьем 154

Заключение: аниконизм и монотеизм **158**

Библиография **163**

Свод андроновской орнаментации **187**

ПАМЯТИ АГНИ (04.1999 г. – 02.12.2015 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало этой книги было положено почти тридцать лет назад, в кажущемся таким далёким 1987 году. Ещё студентом увлёкшись изучением андроновских древностей, я начал собирать рисунки андроновских сосудов, ломая голову над принципами построения их орнаментации и смыслом, означаемым сочетаниями причудливых геометрических узоров. Сосудов становилось всё больше, а понимания украшающих их орнаментальных комбинаций всё меньше. Проходили дни, месяцы, годы, и порою казалось, что никаких смысловых закомерностей в причудливом калейдоскопе меандров, треугольников и зигзагов нет, а время и силы потрачены напрасно. Часто, разложив этот собранный в статьях, книгах и архивах и неумолимо растущий «источниковый фонд» на полу однокомнатной квартиры, я по нескольку дней всматривался в сочетания геометрических мотивов, пытаясь найти ключ к их «дешифровке». Рисунки андроновских горшков, как ковёр, устилали полы нашей «хрущёвки», по ним, смеясь, бегал в ползунках маленький сын, а орнаментальный ребус казался неразрешимым.

Надежду на преодоление этой головоломки вселяла работа Софьи Владимировны Зотовой «Ковровые орнаменты андроновской керамики», изданная пятьдесят лет назад [Зотова, 1965, с. 177-181]. Автору удалось установить типологические различия т.н. «ковровых» меандров, т.е. обнаружить характерные отличительные черты одной разновидности (группы) андроновских меандровых мотивов, обусловленные способом их построения. Если С.В. Зотовой удалось выявить отдельные многократно повторяющиеся элементы орнаментальной системы, размышлял я, то наверняка существуют и другие элементарные составляющие, подчиняющиеся общим принципам построения, композиционного расположения и взаимного сочетания.

С точки зрения исследовательской перспективы, гениальная в своей простоте и очевидности дифференцирующих критериев работа С.В. Зотовой представляется отправной точкой и ключевым вектором типологической классификации андроновского орнаментального комплекса.

Оценивая основополагающее значение вклада исследователя в обоснование структурных и морфологических принципов андроновской орнаментации, считаю необходимым привести самые общие и, к сожалению, неполные биографические сведения о С.В. Зотовой, известные, пожалуй, только узкому кругу её коллег по Институту археологии РАН.

Софья Владимировна родилась 1 сентября 1930 г. в г. Ишиме Тюменской области. В 1953 г. окончила исторический факультет МГУ, а в 1965 г. – аспирантуру Института археологии. Работала в Институте археологии в 1965-1998 гг. (в секторе неолита и бронзы, а с 1972 г. – в научном архиве). Основные научные интересы – андроновская культура, личные фонды исследователей-археологов. Археологические экспедиции: 1949-1961 гг. (Сибирь, Урал, Центральная Россия). Автор нескольких научных публикаций, в том числе: О сибирских кельтах сейминско- турбинского типа // КСИА. 1965. Вып. 101; Ковровые орнаменты андроновской культуры // Новое в советской археологии. М., 1965. [Институт археологии: история и современность: Сборник научных биографий, 2000, с. 112].

Нельзя не упомянуть и имена других исследователей, занимавшихся «алфавитом» андроновского орнамента: М.Н. Комаровой, В.С. Сорокина, Я.А. Шера, П.М. Кожина, М.Д. Хлобыстиной, Ю.И. Михайлова и В.В. Боброва, А.П. Сенчилова, И.В. Рудковского, И.А. Кукушкина и др.

Особо необходимо выделить фундаментальные и концептуальные исследования Е.Е. Кузьминой, не только плодотворно обращавшейся к анализу андроновской орнаментации, но и немало способствовавшей осмыслению самого андроноведения в качестве тематически обособленной субдисциплины.

Разумеется, работа по реконструкции смыслового значения многих андроновских композиций, как и любая масштабная научная тема, никогда не будет исчерпана. Но за весьма продолжительный период подготовки этой книги случались происшествия, казалось бы, способные перечеркнуть всё ранее сделанное. Первый раз, ещё в «докомпьютерную эру», собранный и уже отчасти систематизированный мною орнаментальный архив и его типологическое описание чудом не сгорели при пожаре соседней квартиры. Второй раз, пару лет назад, «сгорел» уже вин-

честер с записанным графическим сводом и описанием сосудов. Но по невероятно счастливому стечению обстоятельств абсолютно всю информацию удалось восстановить. По-видимому, рукописи действительно не горят. Однако третьего раза я почёл за благо не дожидаться. Надеюсь, что суммированный в этой книге труд нескольких поколений исследователей андроновских древностей и полученные промежуточные результаты найдут своё продолжение.

Предлагаемая монография и Свод андроновской орнаментации могли состояться и состоялись только при ощутимой помощи и поддержке многих людей. Поэтому я бесконечно признателен своей жене **Оксане**, а также благодарен:

Моему учителю ***В.В. Боброву*** за многолетние добрые советы, неизменную помощь и искреннее участие, а также за разрешение использования андроновских сосудов из неопубликованных полевых исследований;

К.М. Байпакову за содействие в изучении архивных фондов Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН Казахской ССР;

С.В. Баштаннику за помощь в подготовке иллюстраций;

Л.Ю. Бобровой за содействие в подготовке иллюстративной части монографии;

А.В. Епимахову за советы и конструктивные замечания;

Е.Н. Ермолаевой, С.В. Омеличкиной, А.К. Рыбкиной и Н.С. Соколовой за выполненные переводы;

В.Н. Жаронкину за конструктивные консультации;

С.В. Кузьминых за помощь в подготовке и издании монографии;

В.И. Молодину за разрешение использования неопубликованных результатов полевых исследований;

А.В. Нескорову за предоставленные сведения и материалы неопубликованных полевых изысканий;

В.А. Окуневу и ***Н.Г. Самойловой*** за колоссальный труд по перерисовке и оформлению подавляющего большинства иллюстраций монографии;

Д.В. Папину за предоставленные неопубликованные сведения о результатах полевых исследований;

Е.В. Попову за помощь в подготовке иллюстраций монографии;

А.С. Савельевой за большую работу по подготовке и оформлению иллюстративной части монографии;

А.Г. Ситдикову, А.А. Чижевскому и всему Учёному совету Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан за поддержку и осуществление издания монографии;

А.А. Тишкину за конструктивные советы и консультации;

А.Я. Труфанову за предоставленные рисунки неопубликованной андроновской и еловской керамики;

Я.А. Шеру за высказанные советы и замечания;

О.В. Умеренковой за содействие в подготовке монографии;

Я.Г. Юрову за создание серии иллюстраций и оформление обложки книги.

Особую благодарность приношу ***Юрию Иннокентьевичу Михайлову,*** другу и учителю, тридцать лет назад открывшему для меня непостижимый фейерверк андроновской орнаментации и ушедший в вечность андроновский мир.

1. МОРФОЛОГИЯ АНДРОНОВСКОГО ОРНАМЕНТА

Андроновский орнаментальный комплекс представляет систему из морфологически значимых составляющих и способов их преобразования и сочетания в композиционных построениях. В основе этого единства орнаментальных элементов и их структурной организации лежит качество инвариантности.

1.1. ИНВАРИАНТНОСТЬ АНДРОНОВСКОГО ДЕКОРА

Понятие «инварианта» или «инвариантности» (от латинского invarians, invariantis – неизменяющийся) изначально связано с математическими дисциплинами. В математическом понимании под инвариантностью подразумевается неизменность какой-либо величины по отношению к некоторым преобразованиям. Применительно к данному и другим подобным исследованиям, под инвариантностью понимается неизменное сохранение значимых качеств или признаков объекта при его преобразованиях и трансформациях.

Категория инвариантности объективна, как любой из законов природы, и существует вне зависимости от полноты наших представлений об этом феномене. Универсальность принципа инвариантности обусловлена его связью с законами сохранения [Илларионов, 1968, с. 89-95]. В этом качестве идея инвариантности под разными наименованиями не только использовалась в археологических исследованиях, но и неоднократно становилась частью известных археологических концепций. Элементы теории инвариантности присущи пониманию археологического типа как кластера, т.е. как устойчивого, объективно существующего и выявленного сочетания признаков (А. Кригер, А. Сполдинг) [Молодин, Глушков, 1989, с. 18-19; Клейн, 1991, с. 31, 36, 109-112, 364]. Принципы инвариантности фигурируют в моделях археологического процесса и археологического объекта в «Аналитической археологии» Д. Кларка [см. по: Фёдоров-Давыдов, 1970, с. 258-270], а также в общей модели стиля (применительно к трактовке керамической социологии и этнической иконографии) Д.Р. Сакетта [Sackett, 1977, p. 369-379] и др. В отечественной археологии критерий инвариантности нередко используется в процедуре сравнительно-типологического описания. Подобная методология применялась и Е.Н. Черных при выделении такой таксономической единицы, как «конечный типологический разряд» [Черных, 1970, с. 52], и т.д.

Концепция «изобразительного инварианта» привнесена в отечественную петроглифику работами Я.А. Шера, предложившего применить принцип инвариантности в стилистическом анализе наскальных изображений [Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, с. 62-71; Шер, 1980, с. 28-32 и др.]: «Те элементы изображений, которые при преобразовании других элементов остаются неизменными и устойчиво повторяются на разных по содержанию изображениях, будем называть изобразительными инвариантами» [Шер, 1980, с. 32].

Изображение состоит из содержательных и выразительных элементов, представляя собой единство того, что изображено (бык, лошадь, олень и т.д.) и как изображено (в стиле мадлен, в геометрическом стиле, в скифо-сибирском зверином стиле и т.д.). Распознаваемость стиля основана на устойчивой повторяемости и неизменности (инвариантности) изобразительных элементов плана выражения, а элементы плана содержания меняются только в зависимости от смысла данного изображения [Первобытное искусство, 1998, с. 77]. Тем самым, означаемое (лошадь, олень, волк и т.д.) связывается с планом содержания, а означающее (скифо-сибирский стиль, таштыкский стиль, курыканский стиль и т.д.) – с планом выражения изобразительного языка [Шер, 1980, с. 41].

Иначе говоря, инвариантные элементы плана выражения выполняют функцию стилистически значимых признаков изображения. Неизменное сохранение и устойчивое повторение этих признаков в различных образах может свидетельствовать о наличии определённой изобразительной, а зачастую и культурной традиции.

В процессе инструментального применения метода, основанного на алгоритме такой аналитической схемы, обнаружились противоречия и проблемы. Это потребовало внесения

корректив в методологию и метод инвариантного анализа памятников (предметов) изобразительного искусства [Ковтун, 1993, с. 25-26; Ковтун, 2001а, с. 6; Ковтун, 2005, с. 40-50]. Отчасти внесённые изменения перекликаются с опубликованными ранее критическими замечаниями в адрес отдельных положений Я.А. Шера [Антонова, Раевский, 1981, с. 233; Кузьмина, 1983, с. 96; Переводчикова, 1994, с. 25-27]. Наиболее созвучной моему пониманию проблемы представляется точка зрения Е.Е. Кузьминой, полагавшей, что «для выделения стиля важна повторяемость не отдельного элемента (который может присутствовать в различных стилях, – например, «запятая» на крупе), а повторяемость сочетания элементов стандартных блоков» [Кузьмина, 1983, с. 96].

Если отдельные иконографические элементы, а равно изобразительные персонажи, композиции и сюжеты рассматривать в качестве коммуникативной системы («текста»), то и метод, используемый для их исследования, обязан учитывать закономерности структурной организации перечисленных составляющих «языка» изобразительного искусства: «Возможно ли говорить о жизни языка, ничего не зная о частях речи, т.е. об известных группах слов, расположенных по законам их изменений?» [Пропп, 2001, с. 18].

Большинство изобразительных комплексов можно дифференцировать на устойчиво повторяющиеся, неизменные морфологические компоненты. Их можно назвать «стандартными блоками», инвариантными элементами изображения, изобразительными инвариантами – значения не имеет, как в прямом, так и в семиотическом смысле этого слова. Сами по себе, как единичные признаки, даже в представительной серии содержательно различных образов, они ничего не доказывают и не опровергают. Но совпадение способа их сочетания в представительной серии различных изображений составляет одно из главных оснований единства стиля – стилистический инвариант.

Итак, ключевые признаки инвариантности – устойчивость и неизменность – объективны только при сохранении неизменного сочетания нескольких устойчивых элементов изображения [Ковтун, 2003, с. 18-19]. Например, в серии из семи андроновских сосудов три сосуда отличаются от прочих неизменным повторением одних и тех же мотивов в каждой из трёх орнаментальных зон (рис. 1, *1*). Назовём их орнаментальный сюжет условно-исходным: зона венчика (I) – цепочка треугольников; зона шейки-плечика (II) – каннелюры; зона тулова (III) – «ёлочка» (рис. 1, *1*). Их орнаментальные схемы совпадают идеально, поэтому судить о наличии или отсутствии здесь признаков инвариантности излишне. Очевидность сходства исключает необходимость аргументации.

Оставшиеся четыре сосуда, также с трёхзональной разбивкой орнаментального поля, отличаются и друг от друга, и от сосудов, рассмотренных выше (рис. 1, *2-5*). Суть этих отличий заключается в разности орнаментальных мотивов II и III зон у каждого экземпляра (рис. 1, *2-5*).

Однако все семь сосудов обнаруживают неизменно одинаковую орнаментацию I зоны – зоны венчика. У всех экземпляров она декорирована цепочкой треугольников (рис. 1, *1-5*). Является ли в данном случае мотив зоны венчика «изобразительным инвариантом»?

Формальные признаки инвариантности в этом примере, конечно же, есть: цепочка треугольников присутствует на венчиках огромного количества андроновских сосудов, и этот бесспорный факт заслуживает объяснения. Но не это является основанием общего мнения о единстве геометрического стиля андроновского орнамента. На фоне преобразования мотивов II и III зон неизменное сохранение и устойчивое повторение мотива цепочки треугольников в I зоне остаётся малозаметным, воспринимаясь как исключительно декоративный элемент. Это не совсем так, но в предложенном ракурсе, более важен факт отсутствия устойчивого, т.е. инвариантного сочетания этого мотива с каким-либо другим. Сочетание подразумевает «смысловую» связку, наличие которой характеризует изобразительное искусство как вторичную моделирующую систему, выстроенную по типу языка [Лотман, 2000а, с. 22]. Нет «смысловой» связки – нет сочетания; нет сочетания – нет инварианта. Эта логика представлена в графической модели, иллюстрирующей рассмотренный случай, где цепочку треугольников символизирует чёрный треугольник А (рис. 2), а изменяющиеся мотивы II и III зон обозначены неповторяющимися буквами и символами (рис. 2).

Другой пример с диаметрально противоположным результатом. Возьмём орнаментальную схему трёх андроновских сосудов из предыдущего примера (рис. 3, *1*). Сравним представленный на них орнаментальный сюжет с похожим, запечатлённым ещё на шести андроновских сосудах (рис. 3, *2-7*). Сравнивая орнаментальные схемы по зонам, обнаружим, что

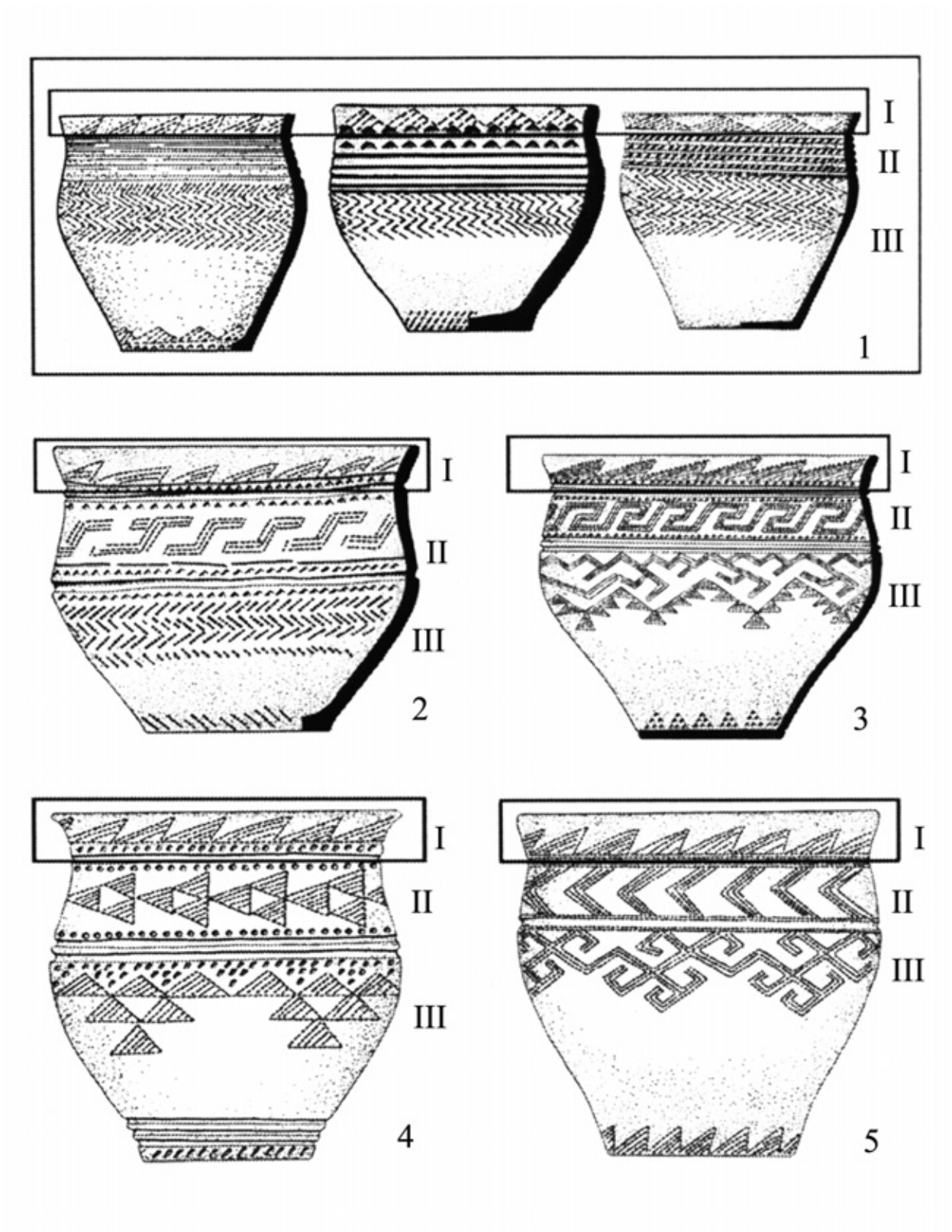


Рисунок 1. Графическая модель безынвариантного преобразования орнаментального сюжета.

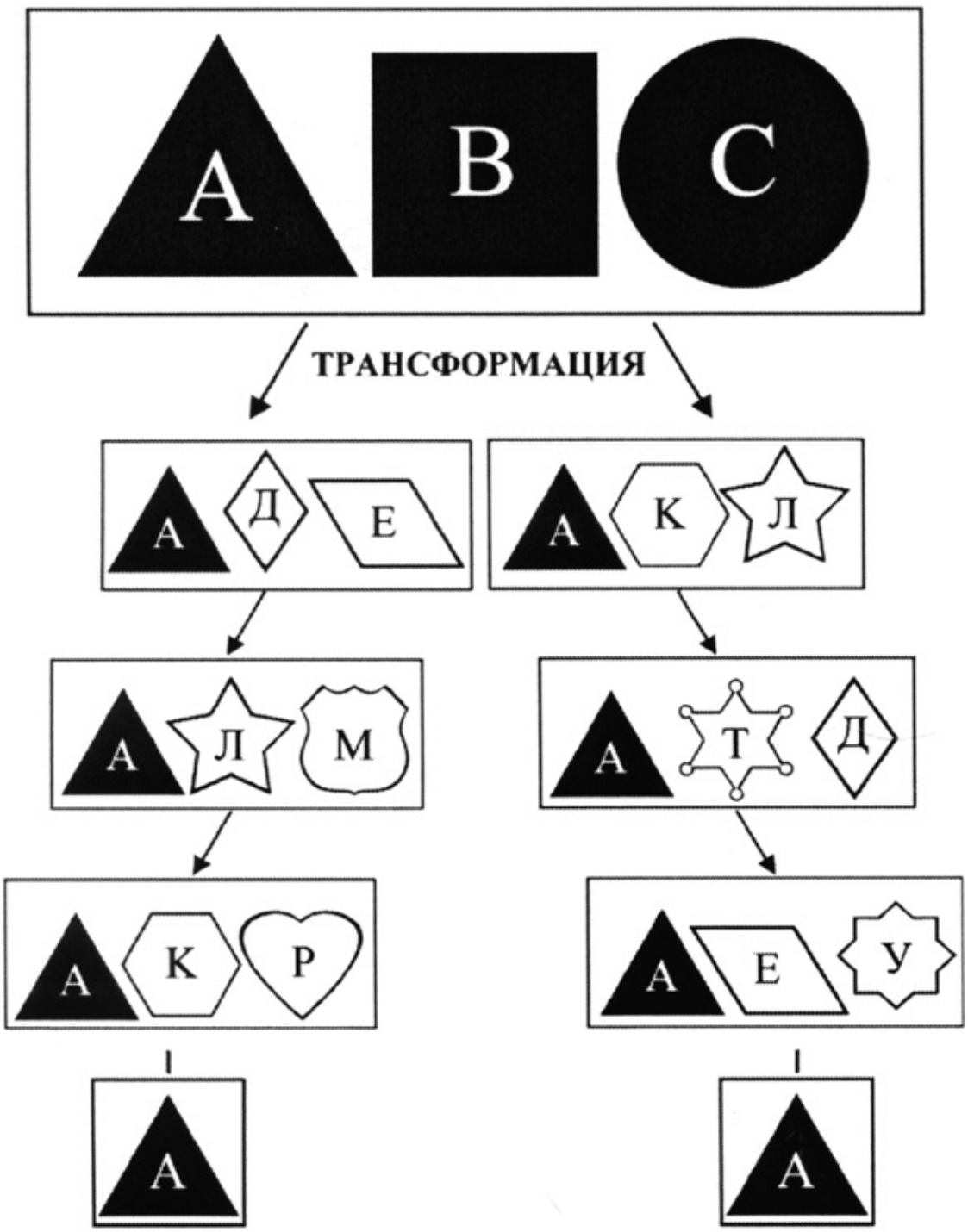


Рисунок 2. Схема безынвариантного преобразования системы.

единственное отличие указанных шести экземпляров связано с орнаментацией I зоны – зоны венчика (рис. 3). На трёх сосудах с условно-исходной орнаментальной схемой эту зону занимает цепочка треугольников (рис. 3, *1*), а на четырёх из шести представленных для сравнения экземплярах в этой зоне фигурируют другие мотивы (рис. 3, *2-5*). В двух оставшихся случаях орнаментация I зоны отсутствует вовсе, и орнаментальный сюжет этих горшков состоит не из трёх, а из двух зон (рис. 3, *6, 7*).

Таким образом, в данном примере орнаментация I зоны видоизменяется вплоть до полного исчезновения. При этом орнаментальные мотивы II и III зон во всех случаях остаются неизменными (рис. 3, *2-7*). При этом преобразование или полное исчезновение мотива I зоны не влияют на характер орнаментации двух последующих зон. Между ними и орнаментом зоны венчика нет взаимосвязанного инвариантного сочетания, а стало быть нет и «смысловой» связки, являющейся основой инвариантной структуры.

В то же время между II и III зоной такая «связка» есть. Вне зависимости от орнаментального мотива, избранного для декорирования венчика, характер орнаментальных мотивов во II и III зонах остаётся неизменным: II – каннелюры; III – «ёлочка» (рис. 3, *2-7*). Подобное сочетание является инвариантным, т.к. устойчивое сохранение одного мотива неизменно влечёт появление другого.

Симптоматичным представляется и факт сохранения аналогичной инвариантной комбинации в орнаментации серии сосудов лугавской культуры (рис. 5; 6).

Посредством графического моделирования можно продемонстрировать различие между двумя рассмотренными примерами. Например, в изобразительной системе «ABC» элемент «A» сохраняется при всех преобразованиях элементов «B» или «C». В данном случае «A» – не инвариант, а ставший частью новой системы элемент с отсутствием признаков преобразования – дериват, реликт, механическая копия, эпигонство и т.п. (рис. 2). Но если в изобразительной системе «ABC» при любых преобразованиях «B» неизменными остаются «A» и «C» или, скажем, при любых преобразованиях «C» так же устойчиво неизменными остаются «A» и «B», то «AC» и «AB» – это инвариант, в основание которого положен не единичный признак, а устойчивость неизменного сочетания нескольких элементов (рис. 4).

Структура андроновского орнаментального комплекса включает две группы инвариантных элементов. Первая олицетворяет серии инвариантных комбинаций, образованные неизменными сочетаниями устойчивых орнаментальных элементов.

Вторая группа представлена совокупностью орнаментальных вариаций, демонстрирующих диапазон возможных отклонений от канонической нормы. Инвариантность подобных элементов двояка. Это либо инвариантный остаток, унаследованный от стилистически предшествующего композиционного канона, либо устойчивая совокупность «атипичных» изобразительных вариаций, неизменность которых даёт начало генерации новым композиционным построениям. В этом смысле процесс сосуществования устойчивых и «атипичных» орнаментальных композиций подобен соотношению ядра и периферии археологического типа. Проводя эту аналогию с моделью археологического типа Д. Кларка, немаловажно, что и здесь вариации, колебания и изменчивость признаются «базисом развития, основой того механизма, посредством которого один тип предметов переходит в другой тип» [Фёдоров-Давыдов, 1970, с. 265]. Следовательно, инвариантные орнаментальные композиции не только сохраняются при всех преобразованиях, но и основаны на них, т.к. «сам инвариант определяется совокупностью этих преобразований» [Иванов, Топоров, 1975, с. 44].

За инвариантным преобразованием плана выражения композиции – состава её элементной структуры и (или) сочетания определённых мотивов угадывается кардинальное видоизменение плана содержания орнаментального сюжета. При этом известны случаи, когда вместе с инвариантным преобразованием плана выражения ключевого орнаментального мотива не происходит кардинальной трансформации плана содержания композиции. Это объясняется схожим смысловым значением ряда отличных элементов и мотивов андроновской орнаментации (см.: 5.4.; 5.5.; 5.7.). Для передачи идентичного, но семантически «свёрнутого» до уровня орнаментальной композиции сюжета и / или схожих персонажей композиции использовались различные средства (элементы) орнаментальной кодировки. Синонимичность последних характеризует их как смысловой инвариант. Доказательством смысловой идентичности различных орнаментальных элементов / мотивов представляются случаи их сочетания в пределах одной орнаментальной зоны (рис. 11-13).

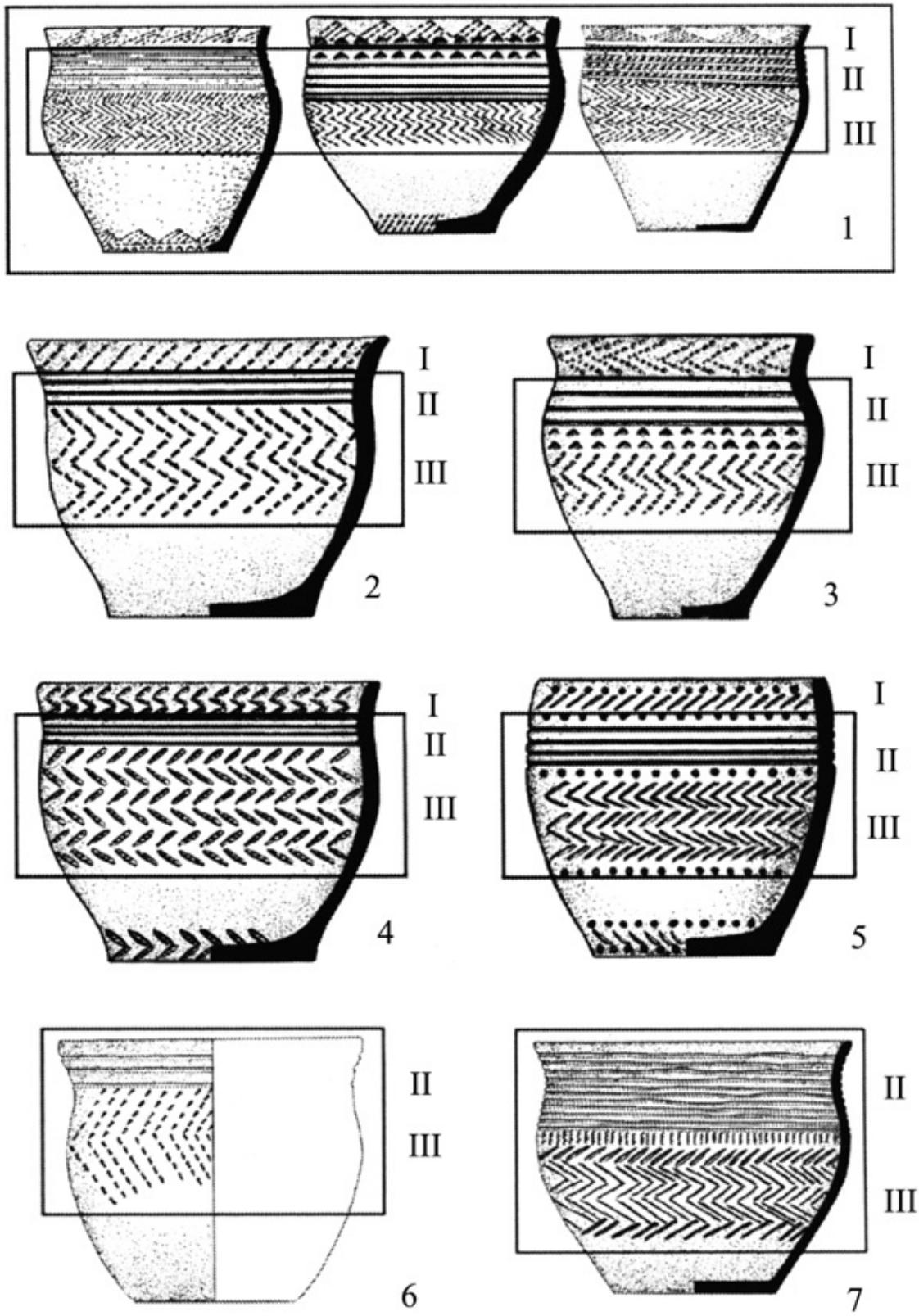


Рисунок 3. Графическая модель инвариантного преобразования орнаментального сюжета.

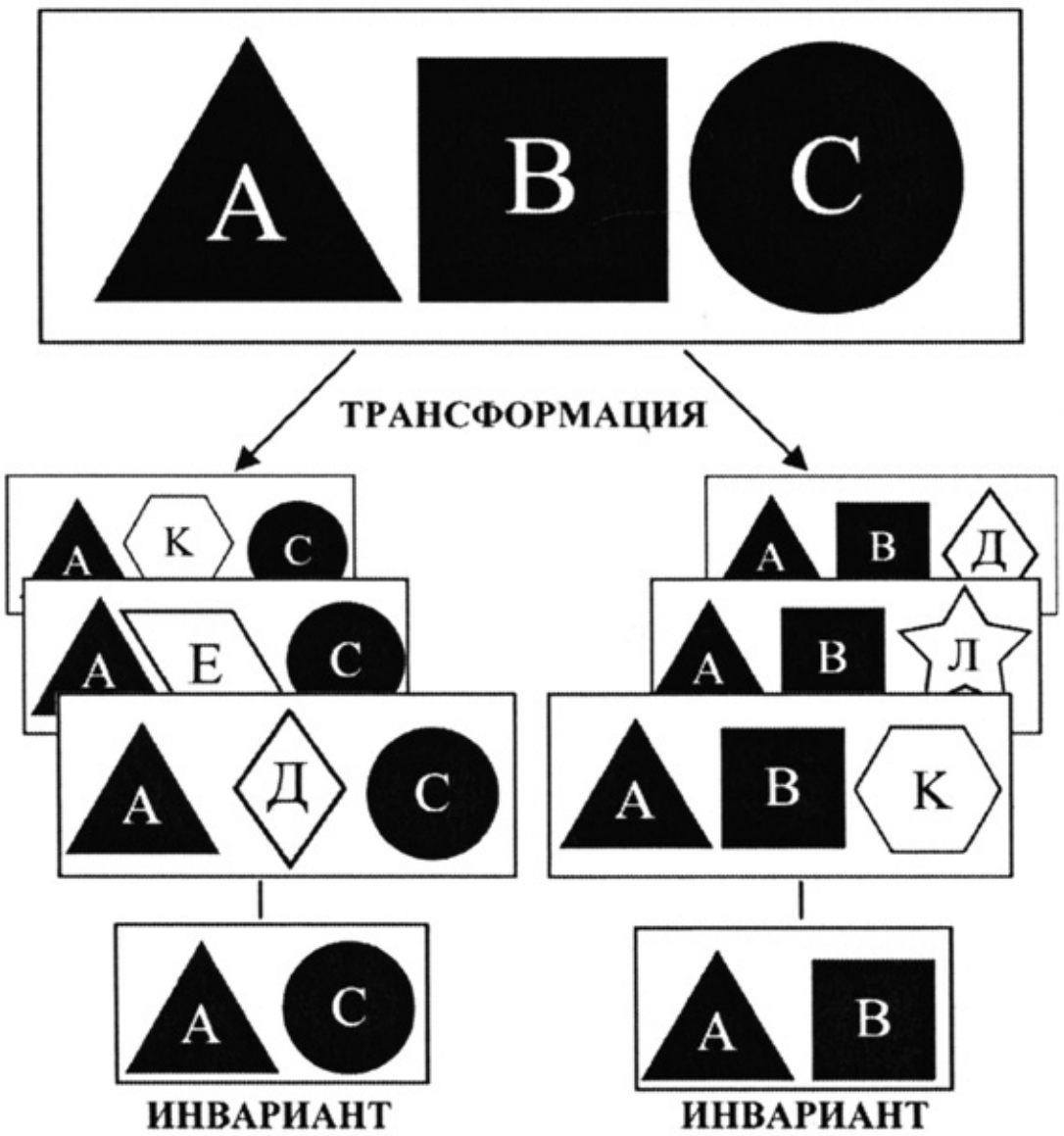


Рисунок 4. Схема инвариантного преобразования системы.

Коммуникативная специфика содержательно значимых андроновских орнаментальных построений обусловлена их семантической компрессией. План содержания данных композиций аккумулирует объёмную, но «свёрнутую» или формульную информацию об их смысловом значении: подразумеваемых персонажах, сюжетных эпизодах и / или о собственно мифологическом повествовании. Поэтому инвариантность плана выражения таких композиций проявляется в сочетаниях элементов, передающих кардинальное содержание сюжетов и образов, означаемых орнаментальными символами и их сочетаниями. Указанными инвариантными сочетаниями (инвариантными комбинациями) кардинальных элементов плана выражения передавался ключевой лейтмотив плана содержания андроновских орнаментальных сюжетов.

Кардинальным орнаментальным элементам сопутствуют иные, не отличающиеся такой же устойчиво повторяющейся неизменностью. Их можно назвать ординарными, поскольку их наличие или отсутствие не влечёт за собой появления или исчезновения других элементов ор-

наментальной композиции. В отличие от кардинальных, ординарные элементы спорадически изменчивы и не образуют инвариантных сочетаний. План выражения подобных элементов и (или) образуемых ими композиций чаще связан с локальными особенностями и индивидуальностью орнаментального «почерка». Смысловая функция ординарных элементов в структуре плана содержания орнаментальной композиции нередко сводится к передаче «второстепенной» информации, означаемой подобными символами.

Использование устойчивых сочетаний орнаментальных элементов – иннвариантных комбинаций или орнаментальных формул – обязано стремлению сохранить и воспроизвести нечто содержательно значимое. В этом стремлении и состоит первопричина инвариантности кардинальных элементов, визуально воспринимаемой как воспроизводство орнаментального стиля, но, в сущности, олицетворяющей воспроизведённый смысл.

Соотношение смысла композиции и орнаментального стиля напоминает взаимосвязь мифа с ритуалом. Воспроизводство кардинальных элементов в серии орнаментальных композиций / инвариантных комбинаций сопоставимо с ритуальным актом, многократно передающим главное в содержании мифа. Посредством этого «ритуала» инвариантность смысла из жанра устного повествования, нарратива, переносилась в область компоновки устойчивых орнаментальных сочетаний различных элементов и построений. Так, устойчивые сочетания определённых орнаментальных символов и мотивов использовались для передачи фабулы подразумеваемого мифологического повествования, его ключевого сюжета, главных героев мифа и т.п.

Устойчивым сочетанием кардинальных элементов олицетворялась самая значимая информация о содержании орнаментальной композиции. В большинстве случаев редукция этой семантической составляющей либо её замещение не синонимичным мотивом без радикального изменения смыслового значения была невозможна.

Вероятно, именно такая форма знакового изображения органично присуща, в основе своей, ираноязычным андроновским сообществам (см.: 3.1.; 3.2.). Она представляется неким компромиссом между семиотическим потенциалом андроновского орнамента и древнеиранскими представлениями, значительно позднее воплотившимися в письменных памятниках авестийского периода. Так, «Древние иранцы считали письмо изобретением Злого Духа – Анхра-Манью, а потому совершенно непригодным для записи священных изречений. Все священные тексты читались наизусть и передавались из уст в уста по памяти» [Стеблин-Каменский, 1993, с. 3].

Вероятно, поэтому андроновский орнамент напоминает ещё и орнаментализованную протоформу не состоявшегося логографического (или иероглифического) письма, в котором знаки – графемы (протологограммы) или идеограммы передают не слово, морфему, или фонему, а значения содержательно широких понятий. Это характеризует андроновский орнаментальный комплекс как вторичную моделирующую систему в состоянии, адекватном уровню развития данной формы общественного сознания. В андроновской идеографической системе устойчивые сочетания орнаментальных символов уже означали различных персонажей, ключевые сюжетные эпизоды и собственно мифологические повествования.

Реконструкция указанных представлений опирается на разработанный метод [Ковтун, 2005, с. 40-50; Ковтун, 2012г; Ковтун, 2013в; Ковтун, 2014б; и др.] установления инвариантных компаративно-семантических соответствий между смысловым значением изобразительных и орнаментальных артефактов и содержанием архаичных слоёв древних литературных памятников, фольклорных источников, прочих объектов нематериального культурного наследия.

1.2. СТРУКТУРА И СИСТЕМА

Андроновский орнамент морфологически неоднороден. Самым очевидным доказательством этого представляются отличия семи системообразующих орнаментальных элементов, лежащих в основании всего разнообразия андроновской орнаментальной графики:

I. Меандр (табл. 1-6).

II. Треугольник (табл. 7-9).

III. Горизонтальный зигзаг (табл. 10).

IV. «Ёлочка» (вертикальный зигзаг) (табл. 11).

V. Каннелюры (табл. 12).

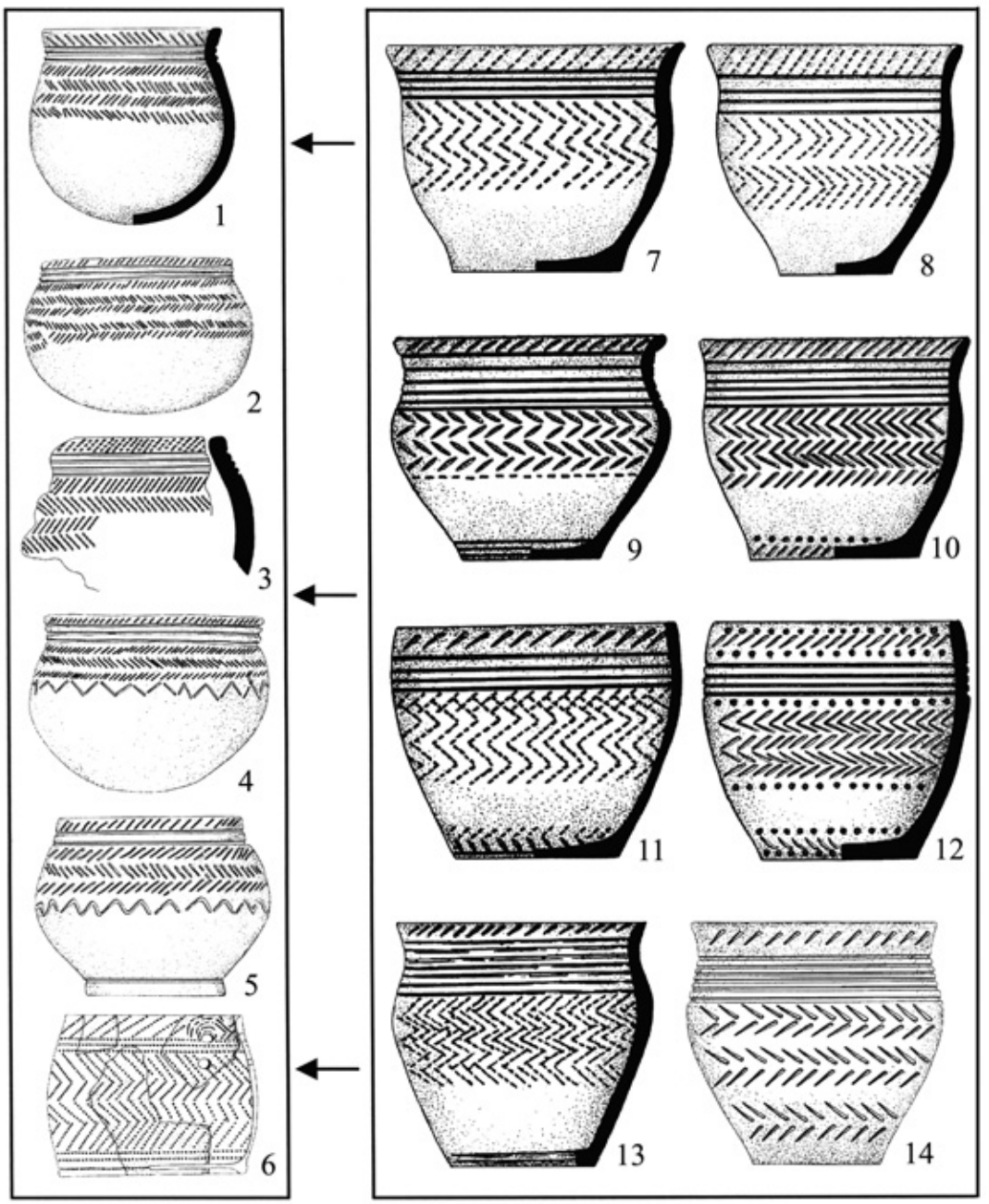


Рисунок 5. Андроновская орнаментальная традиция в декоре лугавских сосудов: 1- Лугавское; 2, 4, 5 - по Грязнову [1962]; 3 - Устинкинский могильник; 6 - Торгажак; 7, 8 - Солёноозёрная III; 9, 11 - Титово II; 10 - Орак; 12 - Б. Пичугино; 13 - Урский; 14 - Зевакино.

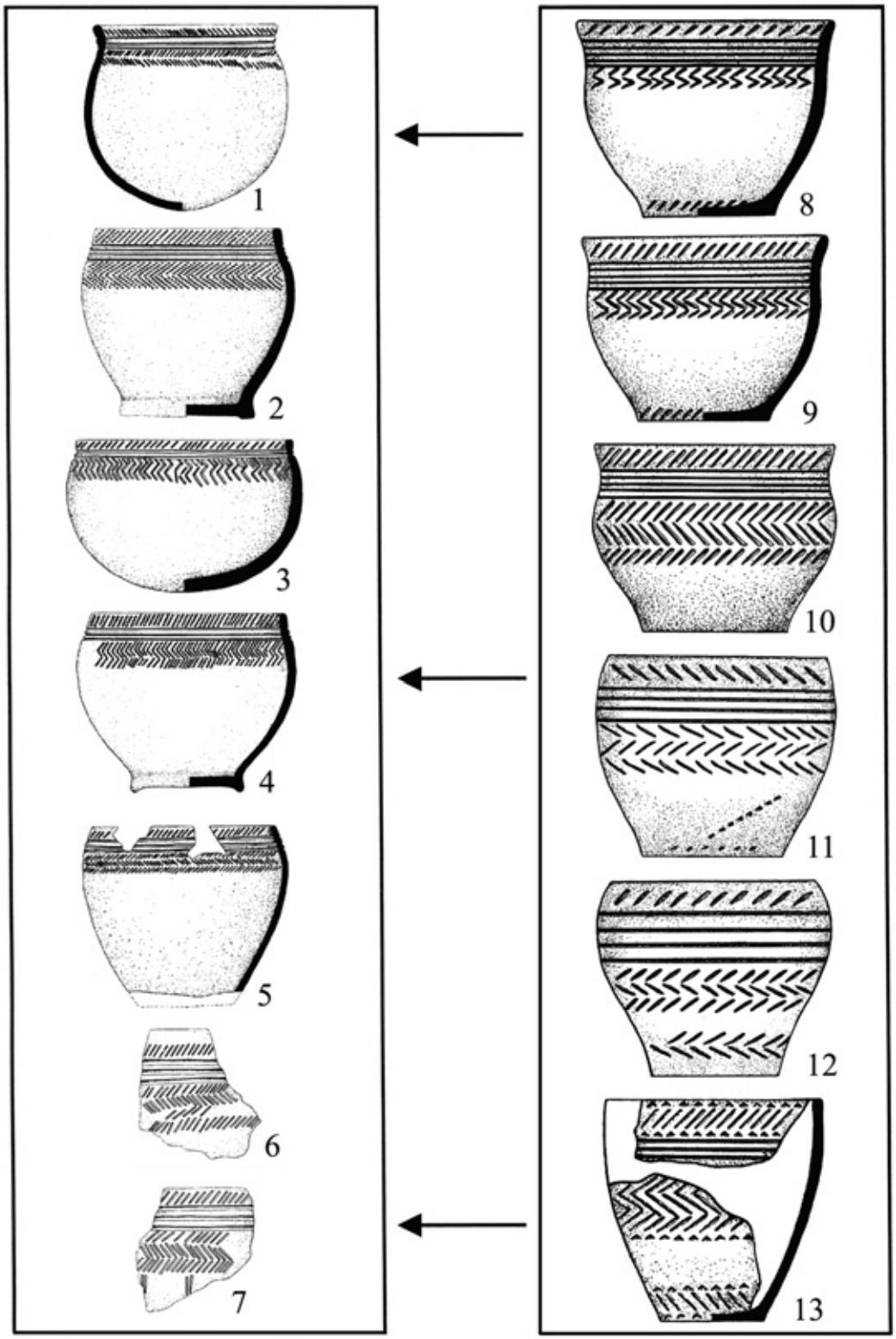


Рисунок 6. Андроновская орнаментальная традиция в декоре лугавских сосудов:
1 - Лугавское; 2, 5 - Устинкинский могильник; 3 - Улус Фёдорова; 4 - Кызлас;
6 - Солнечный Лог; 7 - Аскыз; 8-10 - Боровое; 11, 12 - Устье Бири IV; 13 - Михайловка.

VI. «Насечки» и «штрихполосы» (табл. 13).

VII. Вдавления различной конфигурации (табл. 14).

Каждый из перечисленных конструктивных элементов для образования орнаментальных мотивов представлен ограниченным набором изобразительных вариаций своего исходного символа. Совокупности этих вариаций – орнаментальных мотивов образуют орнаментальные блоки, с присущими им правилами композиционной и структурно-иерархической организации элементов. При этом все орнаментальные сюжеты на андроновских сосудах являются результатом различных сочетаний данных изобразительных вариаций – мотивов, входящих в тот или иной орнаментальный блок. Количество орнаментальных мотивов в каждом из блоков неодинаково. В этом смысле наибольшее разнообразие обнаруживают меандры и треугольники.

Мотивы и элементы, составляющие меандровый орнаментальный блок, подразделяются на две группы: линейных (табл. 1-3) и «ковровых» (табл. 4-6) меандров. В группе линейных меандров выделяются три типа изображений, отличаемых по способу их соединения в раппорт либо отсутствию такого соединения вовсе. Ранее типология данной группы меандров предлагалась применительно к андроновским материалам Обь-Чулымского междуречья [Бобров, Михайлов, 1989, с. 64, рис. 56]. Принципиально она приемлема и для памятников всего ареала, с необходимой корректировкой в наименовании типов линейного меандра: разомкнутые (табл. 1); замкнутые (табл. 2); сомкнутые (табл. 3).

Особенности второй группы меандров гораздо раньше привлекли к себе внимание [Зотова, 1965, с. 177-180]. Принцип, положенный Софьей Владимировной Зотовой в основу типологии данной группы меандров, названных ею «ковровыми», сохранил свою актуальность: форма исходной меандровой фигуры – «крючок» в сочетании с местом его соприкосновения с зигзагом: вершиной либо серединой одной из сторон последнего.

У «ковровых» меандров А-типа исходный «Г»-образный «крючок» спускался из вершины зигзага. Данная фигура могла симметрично удваиваться, т.е. удваивалось и количество исходных «крючков». По мере усложнения и прибавления новых «крючков» окончательная меандровая фигура могла приобретать и асимметричный вид (табл. 4).

«Ковровые» меандры Б-типа также характеризуются присоединением исходной фигуры, напоминающей букву «П», к вершине зигзага либо, гораздо реже, к исходящей из неё прямой линии. Усложнение окончательной фигуры достигалось посредством присоединения дополнительных, чаще «Г»-образных «крючков» (табл. 5).

При построении «ковровых» меандров В-типа исходная фигура – коленчатый «крючок» – присоединялась к середине одной либо сразу двух сторон зигзага. Последующие усложнения достигались тем же способом, что и в предыдущих случаях (табл. 6) [Зотова, 1965, с. 177-180].

Критериями типологической классификации изображений треугольного орнаментального блока являются: пространственная ориентация оси «основание-вершина»; отличия в способах соединения треугольных фигур между собой и в раппорт, а также особенности компоновки фигур в пределах орнаментальной зоны и окончательная конфигурация производного мотива.

Таким образом, были обособлены треугольники «вертикального» (табл. 7), «горизонтального» (табл. 8) и «пирамидального» (табл. 9) типов. У первых направление оси «основание – вершина» вертикальное (или вертикально-диагональное), а у вторых, соответственно, горизонтальное (или горизонтально-диагональное). Треугольники «вертикального» типа образуют три вида производных орнаментальных мотивов:

1) бордюр из косо- или прямоугольных треугольников вершинами к верху с редким, но возможным удвоением мотива (табл. 7, I);

2) бордюр из косо- или прямоугольных треугольников вершинами к низу (табл. 7, II);

3) бордюр из двух цепочек косо- или прямоугольных треугольников с противопоставленными или «взаимопроникающими» вершинами (табл. 7, III).

Треугольники «горизонтального» типа образуют четыре вида производных орнаментальных мотивов:

1) с горизонтально-сомкнутым способом соединения элементов (табл. 8, I);

2) с диагонально-сомкнутым способом соединения элементов (табл. 8, II);

3) с вертикально-сомкнутым способом соединения элементов (табл. 8, III);

4) с комбинированным способом соединения элементов, который в различных сочетаниях объединяет все вышеперечисленные конструктивные приёмы (табл. 8, IV).

Разновидности орнаментальных конструкций «пирамидального» типа (он же способ построения и производный мотив) сводятся к особенностям конфигурации и количественной вариабельности ярусов «пирамиды», а также направлению вершин образующих её треугольников. Соответственно, речь может идти о трёх основных видах этой орнаментальной фигуры – мотива (табл. 9).

Для прочих орнаментальных блоков – горизонтального зигзага «ёлочки», каннелюр, «насечек», «штрихполос» и вдавлений – подобная типологическая классификация вряд ли целесообразна ввиду отсутствия объективно значимых критериев. Тем не менее, для орнаментального блока «ёлочки» характерно бытование двух видов производных мотивов этого элемента: сплошной «ёлочки» (табл. 11, I, II) и «шевронной» (табл. 11, III-X). Изображения каннелюр объективно подразделяются на собственно каннелюровую орнаментацию (табл. 12, I, II) и различные способы её имитации – псевдоканнелюры (табл. 12, III, IV). Наконец, различие между «насечками» (табл. 12, I, II) и «штрихполосами» (табл. 13, III-VI) отражено уже в их наименовании. Причём в этих случаях выделяются сплошные (табл. 13, I, II), ромбовидные (табл. 13, VI) и фризовые (табл. 13, V) виды мотивов, производных от данных орнаментальных элементов.

Прочие изобразительные вариации, представленные в этих орнаментальных блоках, сводятся либо к степени заполнения орнаментального поля доминирующим мотивом, либо к количественной вариабельности исходного конструктивного элемента.

Структурообразующая функция в андроновском орнаментальном комплексе отводилась композиции. Небезуспешные попытки осмысления принципов композиционного построения и структуры андроновской орнаментальной схемы предпринимались исследователями неоднократно. В данном случае подразумевается выявленный Ю.И. Михайловым «композиционный канон», в соответствии с которым осуществлялось орнаментальное заполнение фёдоровских горшков» [Михайлов, 1990, с. 7]. Суть идеи Ю.И. Михайлова заключается в статистическом обосновании композиционной зависимости между орнаментацией зоны венчика цепочкой треугольников и трехзональной разбивкой орнаментального поля сосуда: «Нарушение этой зависимости в большинстве случаев связано с отказом от традиционного трёхзонального членения орнаментального поля» [Михайлов, 1990, с. 7]. В монографии, посвящённой андроновским древностям Обь-Чулымского междуречья, данный тезис приводится применительно к рассматриваемым материалам [Бобров, Михайлов, 1989, с. 67-70]. Помимо этого, опираясь на анализ 309 сосудов из 34 андроновских могильников юга Западной Сибири и Казахстана, авторы монографии выделяют три варианта построения андроновской орнаментальной композиции: «Первый – наличие на венчике сосуда цепочки треугольников в сочетании с трёхзональной разбивкой орнаментального поля. Второй – появление на венчике какого-либо другого мотива и нарушение трёхзонального членения орнаментального поля. Третий – наличие на венчике цепочки треугольников и отсутствие трёхзонального членения» [Бобров, Михайлов, 1989, с. 68-69]. Статистическое преобладание первого варианта (61%) дало В.В. Боброву и Ю.И. Михайлову основание полагать, что «первый вариант построения композиции был традиционным и выступал в качестве композиционного канона» [Бобров, Михайлов, 1989, с. 69].

При всей значимости сделанных наблюдений, их оформление в качестве концепции «андроновского композиционного канона» представляется не вполне корректным. Во-первых, верификация композиционного канона должна опираться на весь комплекс структурообразующих связей исследуемого объекта. В данном же случае выбрана только одна из них, а именно достоверно установленное отношение детерминации между наличием (или отсутствием) треугольных элементов на венчике сосуда и количеством орнаментальных зон последнего. Во-вторых, из схемы и статистической сводки Ю.И. Михайлова и В.В. Боброва неоправданно исключены сосуды негоршковидных форм, и потому представительство «канонического» варианта композиции составило 61%. [Михайлов, 1990а, с. 36-39; Михайлов, 1990, с. 7-8; Бобров, Михайлов, 1989, с. 67-73].

По моим подсчётам общий удельный вес сосудов с треугольниками по венчику (и горшковидных, и негоршковидных форм) по всему андроновскому ареалу составляет около 771 из 1973 учтённых экземпляров, или 39,08%. Как видно, и этот показатель свидетельствует о неслучайности сделанных обобщений. Так, Д. Кларк предлагает считать критерием типа внутреннюю однородность популяции, выраженную корреляцией признаков в группе предметов на уровне 30-60% [Фёдоров-Давыдов, 1970, с. 261; Клейн, 1991, с. 61].

Вариабельность количества орнаментальных зон, зависящую от мотива присутствующего (либо отсутствующего) в зоне венчика, следует признать одним из главных принципов структурирования андроновских орнаментальных композиций. Всего же при выделении композиционных вариантов андроновского орнамента учитывались различия или обоюдные соответствия по трём критериям:

а) зональность орнаментального поля (количественный критерий);

б) характер орнаментального сюжета в каждой из зон (качественный критерий);

в) фактор наличия доминантной зоны венчика и характер её орнаментации (трансформирующий критерий).

Репертуар приёмов, использовавшихся при создании андроновских орнаментальных композиций, не исключал и предельно простых решений. Удачное определение последним предложено В.В. Бобровым, обозначившим подобные орнаментальные схемы как моносюжетные. Первоначально этот термин охватывал сосуды, орнаментированные многократным повторением одного и того же элемента: «ёлочки», зигзага, каннелюр и т.д. Однако сюда же следует относить и сосуды с тождественным орнаментальным сюжетом двух или более зон, включая керамику, на которой эти мотивы дополняет иной орнамент в доминантной зоне венчика.

Всего было выделено шесть вариантов моносюжетных композиций:

1. Моносюжет-эталон. Зональность отсутствует. Характеризуется многократным повторением одного элемента в пределах орнаментального поля сосуда (табл. 15).

2. Моносюжет-дубликат. Отличается двухзональной разбивкой орнаментального поля с тождественным сюжетом в каждой из зон (табл. 16).

3. Моносюжет-доминант. Зона венчика орнаментирована доминантным мотивом – цепочкой треугольников. В остальном полностью идентичен эталонному варианту (табл. 17).

4. Моносюжет-псевдодоминант. Аналогичен предыдущему, за исключением орнаментации зоны венчика, украшенной не цепочкой треугольников, а иными мотивами (табл. 18).

5. Классический моносюжет. Трёхзональная разбивка орнаментального поля. В зоне венчика представлен доминантный мотив – цепочка треугольников, а в двух других – любые взаимоидентичные (табл. 19).

6. Ложноклассический моносюжет. Аналогичен предыдущему, за исключением присутствия в зоне венчика цепочки треугольников, которые заменены иным орнаментальным мотивом (табл. 20).

Помимо этого, выделено три варианта полисюжетных композиций, отличающихся от моносюжетных зональной комбинаторикой орнаментальных мотивов, представляющих разные орнаментальные блоки либо входящие в них различные группы, типы и виды, а в отдельных случаях и их более детальные изобразительные вариации:

1. Классический полисюжет. Включает сосуды с трёхзональной разбивкой орнаментального поля, цепочкой треугольников по венчику и неодинаковыми сюжетами в двух последующих зонах (табл. 21; 22).

2. Редуцированный полисюжет. Производный (стилизованный) в основном от предыдущего. Основное отличие от классического – утрата доминантной зоны венчика и двухзональная разбивка орнаментального поля с неодинаковыми сюжетами в каждой из зон (табл. 23; 24).

3. Неоклассический полисюжет. Трёхзональная разбивка орнаментального поля. Доминантный мотив зоны венчика – цепочка треугольников – утрачен и вытеснен иными орнаментальными элементами. Две последующие зоны заполнены неодинаковыми сюжетами (табл. 25).

1.3. ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ

Незыблемость и целостность существующей системы определяется устойчивостью структурообразующих связей между самыми слабыми из её звеньев. Звеньями андроновской орнаментальной системы являются выделенные морфологические компоненты: элементы – мотивы и структура – композиционные варианты. Первые представлены в зональных сюжетах, а вторые некоторыми общими правилами их сочетания на орнаментальном поле сосуда. Кроме того, комбинаторика орнаментальных мотивов, составляющих сюжет каждой из зон, обнаруживается на сериях сосудов с различной степенью идентичности подобного сочетания. Это удостоверяет детерминантность содержательно значимых компонентов андроновского

орнаментального комплекса. Разделённые сотнями и тысячами километров культурные сообщества, быть может, проживавшие в разное время и, возможно, даже не подозревавшие о существовании друг друга, в совершенно различных жизненных обстоятельствах изображали на сосудах идентичные комбинации фигуративно-знаковых символов. Следовательно, такое инвариантное повторение имело содержательно значимый смысл.

В данном контексте почти не имеют значения техника нанесения орнаментальных элементов, особенности авторской манеры исполнения, специфические приёмы декорирования, практикуемые отдельной культурной группой, а равно место и время создания орнаментальной композиции. Это не план содержания и даже не план выражения, а скорее особенности «почерка», при всех преобразованиях которого неизменной, т.е. инвариантной, остаётся комбинация зональных сюжетов с присущей ей вариацией композиционного решения. Поэтому в данном и других подобных случаях следует говорить не об изобразительном, а об иконографическом инварианте, с присущей последнему строго установленной системой изображения сюжета, композиции, образа и т.д., не исключая из этого ряда и содержательно значимые орнаментальные символы.

Таким образом, неизменная комбинаторика зональных орнаментальных сюжетов на базе устойчиво повторяющихся типов (видов) орнаментальных элементов и вариантов композиционного решения составляют основное содержание интегративной таксономической единицы классификации андроновского орнаментального комплекса – инвариантной комбинации (ИК).

Разумеется, ряд сосудов не включён в данную типо-морфологическую классификацию. Это обусловлено двумя основными причинам: либо объективной недоступностью материала, либо уникальностью орнаментальной схемы. Первая причина не исключает репрезентативности концептуальной схемы, т.к. все извлечённые на данный момент из земли сосуды всё равно остаются некой выборкой от количественно неизвестной совокупности. Второе обстоятельство также подтверждает аксиому правила, не существующего без исключений, что удостоверяет объективность созданной типологии. Такие экземпляры не превышают 3-5% от прошедших через руки автора экземпляров, и образование самостоятельной инвариантной комбинации на основании единичного орнаментального построения бессодержательно. Иногда такие композиции очерчивают перспективы развития / деградации близкой орнаментальной схемы либо скрытые противоречия в самой системе андроновского орнамента, по-разному выражавшей содержательно схожую идею. Это учитывалось при анализе генезиса и смысловых значений орнаментальных сочетаний. Но количественным критерием обособления инвариантных комбинаций даже по определению представляется совпадение схем декора не менее чем у двух сосудов.

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «МЕАНДР»

ИК: М–1 (табл. 26). Орнаментальная схема образована посредством сочетания линейных меандров замкнутого типа, представленных как во второй, так и в третьей зонах. Композиционный вариант – классический моносюжет, в котором доминантный мотив – цепочка треугольников по венчику – сопутствует трёхзональной разбивке орнаментального поля сосуда. Обнаружены на территории Кузнецкой котловины – Урский, к. 4, м. 1 (табл. 26, *3*), Алтая – ЕГМ-II, м. 1 (табл. 26, *6*), Кытманово, м. 29 (табл. 26, *2*), Томского Приобья – ЕК-II, м. 253 (табл. 26, *10*), Барабы – Старый Тартас-4 (табл. 26, *1*), Восточного – Джартас, огр. 14, циста (табл. 26, *5*) – и Центрального Казахстана – Айшрак, огр. 1 (табл. 26, *9*), огр. 4 (табл. 26, *4*), из Южного Зауралья – Путиловская Заимка II, к. 2, п. 1 (табл. 26, *7*) – и лесостепного Притоболья – Субботино, к. 3, погр. (табл. 26, *8*).

ИК: М–2 (табл. 27). Иконографически отличается от орнамента предыдущих сосудов только способами композиционного решения – моносюжет-дубликат или ложноклассический моносюжет (табл. 27, *3*). Зафиксированы на территории Южного Зауралья – Сухомесовский, к. 3 (табл. 27, *3*), Смолино, к. 2 (табл. 27, *1*), Урефты I, к. 10, сос. 4 (табл. 27, *5*), к. 15, п. 6) (табл. 27, *4*) – и на близлежащей территории Северо-Западного Казахстана – Лисаковский I, м. яма № 5 (табл. 27, *2*).

ИК: М–3 (табл. 28; 29). Объединяет орнаментальные конструкции с линейным меандром замкнутого типа во второй (средней) и «ковровым» меандром А-типа в третьей зоне. Композиционный вариант – классический полисюжет. На мичуринском сосуде – редуцированный

полисюжет с изменением типа орнаментации в первых двух зонах (табл. 29, *8*). Известны из районов Алтая – Нижняя Суетка, м. 1 (табл. 28, *1*), Подтурино (табл. 28, *4, 6*) Чекановский Лог-10 (табл. 28, *3*), Рублёво VIII, м. 11 (табл. 28, *9*), Кузнецкой котловины – Титово II, к. 2 (табл. 29, *2*), Танай I, к. 10, м. 4 (табл. 29, *5*), Урский, к. 11, м. 1 (табл. 29, *1* – одна из сторон сосуда), Танай XII, к. 12, м. 2 (табл. 29, *9*), п. кв. a-b-XLVI-XLIV (табл. 29, *10*), Восточного Казахстана – Берёзовский, к. 30 (табл. 29, *3*), а также Северо-Восточного – Мичурино I (табл. 29, *8*), Центрального – Котанэмель I, к. 13, нижнее погр. (табл. 28, *5*), Мыржик III (табл. 28, *7*), Балыкты (табл. 29, *6*), Карасай (табл. 28, *8*), Бозенген, м. 7 (табл. 29, *11*), Северо-Западного – Лисаковский I (табл. 29, *7*) – и Западного – Алексеевский, п. 4 (табл. 28, *2*), в Южном Зауралье – Смолино (табл. 29, *4*).

Выделяется танайский сосуд с необычной орнаментацией второй зоны, где наряду ещё с тремя иными элементами изображён и линейный меандр замкнутого типа (табл. 29, *9*). Поэтому данный горшок одновременно отнесён ещё и к двум другим инвариантным комбинация – М-10, ТМ – 24-26 (табл. 38, *6*; 204, *5*).

Для датировки этой орнаментальной схемы исключительно важна находка с берёзовским сосудом (табл. 29, *3*) ***кинжала срубно-андроновского типа с перехватом и слабо выделенным перекрестием*** [Ткачёв, Ткачёва, 1996, с. 80, рис. 2; Ткачёв, Ткачёва, 2008, с. 157, рис. 63, 12]. ***Это может свидетельствовать о достаточно раннем времени, т.к. в постсейминскую эпоху такие «архаичные» параметры изделий подобного типа неизвестны.***

ИК: М–4 (табл. 30; 31). Объединяет орнаментальные конструкции, образованные сочетанием линейного меандра замкнутого типа во второй зоне с «ковровым» меандром В-типа в третьей зоне. Композиционный вариант – классический полисюжет. Известны из районов Среднего Енисея – Сухое озеро I, к. 442, м. 4 (табл. 30, *5*), Орак, м. 37 (табл. 30, *6*), Кузнецкой котловины – Танай I, к. 10, м. 4 (табл. 30, *2*), Барабы – Старый Тартас-4, к. 10, п. 1 (табл. 31, *1*; *2*), Восточного Казахстана – Кенжеколь-1, м. 24 (табл. 31, *6*), Центрального – Бегазы (табл. 31, *3*) Северного – Биырек-коль, огр. 23, м. 2 (табл. 31, *5*), Акмола, к. 2, м. (табл. 30, *1*), к. 19. (табл. 30, *3, 4*), а также из Южного Зауралья – Урефты I, к. VI, п. 2 (табл. 31, *4*).

Кенжекольский горшок (табл. 31, *6*) ***найден в богатом захоронении с браслетом с конусовидными спиралями на окончаниях*** [Мерц, Казизов, Мерц, 2007, с. 37, 38]***, а также с сосудом, относящимся к инвариантной комбинации ТМ–22-23*** (табл. 203, *4*). ***Таким образом, данное украшение не только датирует сосуды инвариантной схемы М–4*** (табл. 30; 31)***, но и синхронизирует её с орнаментальным построением ТМ–22-23*** (табл. 203).

ИК: М–5 (табл. 32). Объединяет сосуды, орнаментированные во второй зоне линейным меандром замкнутого типа, а в третьей «ковровым» меандром Б-типа. Композиционный вариант – классический полисюжет, где при трёхзональной разбивке орнаментального поля зона венчика украшена доминантным мотивом – цепочкой треугольников. Всего два местонахождения: три сосуда из Барабы – Старый Тартас-4, к. 6, п. 1 (табл. 32, *2, 3*), к. 12, к. 1 (табл. 32, *1*) – и один с Алтая – Подтурино (табл. 32, *4*) ***Два барабинских экземпляра обнаружены в одном погребении с сосудом, на котором имеется валик*** [см.: Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 57, рис. 7, 1-4]. ***Это даёт основания для синхронизации рассмотренной орнаментальной схемы с ранним (?) этапом общности культур валиковой керамики эпохи поздней бронзы.***

ИК: М–6-7 (табл. 33). Композиционно идентичны предыдущей серии сосудов – классический полисюжет. Вторая зона также орнаментирована линейным меандром замкнутого типа, а в третьей представлен «ковровый» меандр А и В-типов одновременно. На одном сосуде отмечено сочетание «коврового» меандра Б и В-типов, поэтому этот экземпляр может считаться отступлением от правила.

Сосуды с подобной орнаментацией известны в Кузнецкой котловине – Титово II, к. 4 (табл. 33, *2*), Урский, к. 11, м. 1 (табл. 33, *1*), к. 14, м. 1 (табл. 33, *6*), Томском Приобье – ЕК-II, к. 52 (табл. 33, *4*), в Северном и Северо-Восточном Казахстане – Боровое, огр. 14, погр. В (табл. 33, *3*), Мичурино I (табл. 33, *7*), в Барабе – Старый Тартас-4, к. 5, п. 1 (табл. 33, *5*).

ИК: М–8 (табл. 34). Объединяет немногочисленные сосуды, орнаментированные во второй зоне линейным меандром замкнутого типа, а в третьей линейным меандром разомкнутого типа. Варианты композиционного решения – полисюжет классический и полисюжет редуцированный, учитывая производный характер последнего и малочисленность подобных экземпляров. Найдены на территории Кузнецкой котловины – Танай XII, п. 79, сос. 2 (табл. 34, *4*),

Алтая – Нижняя Суетка, м. 16 (табл. 34, *3*), Восточного Казахстана – Малый Койтас, м. 1 (табл. 34, *2*), Северного Казахстана – Биырек-коль, огр. 23, м. 1 (табл. 34, *1*).

ИК: М–9 (табл. 35; 36). Характеризуется сочетанием линейного меандра замкнутого типа во второй зоне с линейным меандром сомкнутого типа в третьей зоне. Довольно редкое сочетание, если иметь в виду, что некоторые из рассматриваемых сосудов орнаментированы меандрами, относящимися к линейным, но одновременно напоминающим «ковровые». За исключением тау-таринского сосуда, чей композиционный вариант – классический полисюжет. Сосуды с подобной орнаментальной схемой в основном известны с Алтая – Чекановский Лог-10 (табл. 35, *2, 6*), из Северного Казахстана – Боровое, огр. 14, п. Е (табл. 36, *4*), огр. 14, п. Е (табл. 36, *3*), огр. 14, п. Г (табл. 36, *1*), а также Центрального – Сангру II, огр. 20 (табл. 35, *1*), Жиланды, огр. 2, вост. пр-ка (табл. 35, *3*), Северо-Западного – Лисаковский I (табл. 35, *7*), Южного – Тау-Тары (табл. 35, *4*), из Южного Зауралья – Путиловская Заимка II, к. 2, п. 1 (табл. 35, *5*), Солнце-Талика, к. 1, мог. яма (табл. 36, *2*).

Как и другие сосуды с линейными меандрами, в третьей зоне эта серия «обрывается» восточнее р. Оби, и подобные орнаментальные схемы неизвестны ни в Кузнецкой котловине, ни на Среднем Енисее. Для хронологии рассмотренного орнаментального сюжета исключительно важна находка браслета с конусовидными спиралями на окончаниях, сделанная в одной ограде с сосудом из могильника Сангру II (табл. 35, *1*) [см.: Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 110, рис. 81].

ИК: М–10 (табл. 37; 38). Объединяет орнаментальные схемы, состоящие из линейных меандров разомкнутого типа во второй зоне и «ковровых» А-типа в третьей. Композиционный вариант – классический, а в одном случае неоклассический (табл. 37, *7*) полисюжет. Происходят из районов Семиречья – Ой-Джайляу III (табл. 37, *5*), из Казахстана: Центрального – Сангру II, к. 4 (табл. 37, *1*), Дындыбай, к. 11, (табл. 37, *2*), Северного – Бурлук I, огр. 6 (табл. 37, *7*), Ермак, м. 71 (табл. 37, *3*), Северо-Восточного – Мичурино I (табл. 38, *5*), Восточного –Зевакино, огр. 72б (табл. 37, *4*); лесостепного Алтая – Подтурино (табл. 38, *1*), Чекановский Лог-10 (табл. 37, *6*), Кытманово, м. 32 (табл. 37, *8*), БЕ-6, к. 5, м. 3 (табл. 38, *3*); Томского Приобья – ЕК-II, к. 50, с. II, глуб. 90 см, сос. 1 (табл. 38, *2*); Кузнецкой котловины – Титово II, к. 6, м. 5 (табл. 38, *4*), Танай XII, к. 12, м. 2 (табл. 38, *6*), п. кв. a-b-XLVI-XLIV (табл. 37, *9*). Титовский сосуд сочетает «ковровые» меандры А и В типов, поэтому фигурирует ещё и в инвариантной комбинации М–13-14 (табл. 41, *1).*

Данное орнаментальное построение неизвестно восточнее Томского Приобья и Кузнецкой котловины, в Ачинско-Мариинской лесостепи и на Среднем Енисее. В этом смысле показателен мичуринский сосуд с двойной орнаментацией второй зоны (табл. 38, *5*) ***и потому относящийся ещё и к инвариантной комбинации ТМ–13*** (табл. 195, *6*). ***В обоих случаях восточная граница орнаментальной схемы остаётся почти идентичной, но при замене разомкнутых меандров на взаимообращённые треугольники ареал подобного построения продолжается на восток, включая Кузнецкую котловину. Эта тенденция удостоверяется и своеобразным кузнецким сосудом из Таная XII, совмещающим три типологически отличных, а фактически сразу четыре неодинаковых орнаментальных элемента во второй зоне*** (табл. 38, *6*). ***Думается, танайский сосуд отражает реминисценции алтайско-казахстанского влияния.***

ИК: М–11-12 (табл. 39; 40). Включает сосуды, аналогичные (в том числе и композиционно) предыдущим, за исключением замены «коврового» меандра А-типа в третьей зоне на меандр типа Б. Известны из районов Среднего Енисея – Орак, м. 16 (табл. 39, *4*), Ачинско-Мариинской лесостепи – Большое Пичугино, к. 2, м. 1 (табл. 39, *1*), Кузнецкой котловины – Титово II, к. 5, м. 6 (табл. 39, *3*), Новосибирского Приобья –Вахрушево, к. 6, м. 2 (табл. 40, *1*), Барабы – Преображенка III, к. 12, п. 1 (табл. 39, *2*), к. 21, п. 2 (табл. 40, *2*), Старый Тартас-4, к. 1, м. 1 (табл. 39, *6*), к. 9, п. 1 (табл. 40, *3*), а также Северного Казахстана – Боровое, огр. 5, сев. мог. (табл. 39, *5*). Один из двух старотартасских сосудов выделяется сочетанием «ковровых» меандров А и Б – типов в третьей зоне (табл. 40, *3*).

Примечательна исключительно восточная и сравнительно компактная локализация сосудов с подобной орнаментацией.

ИК: М–13-14 (табл. 41; 42). Орнаментальная схема близка двум предыдущим, за исключением замены типа «коврового» меандра в третьей зоне; а именно на «ковровый» меандр типа В. Известны из районов Ачинско-Мариинской лесостепи – Большое Пичугино, к. 7, м. 2 (табл.

42, *6*), Кузнецкой котловины – Дегтярёвка (Урский) (табл. 41, *7*), Урский, к. 8, м. 2 (табл. 41, *5*), к. 13, м. 1 (табл. 41, *6*), к. 14, м. 2 (табл. 41, *2*), Юрман I, к. 2, п. (табл. 41, *3*), Титово II, к. 6, м. 5 (табл. 41, *1*), Барабы – Абрамово IV, к. 21, п. 1 (табл. 42, *3*) Северного Казахстана – Акмола, к. 19 (табл. 42, *2*), к. 20 (табл. 42, *5*), Боровое, огр. 10, м. 2 (табл. 42, *4*), огр. 14, погр. Ж (табл. 41, *4*) Бурлук I, огр. 3) (табл. 42, *1*). Один сосуд из титовского могильника отличается сочетанием меандровых «ковровых» построений А и В-типов в третьей зоне (табл. 41, *1*) и потому включён ещё и в инвариантную комбинацию М–10 (табл. 38, *4*).

Локализация данных образцов образует географическую ось от Ачинско-Мариинской лесостепи до Барабы и Северного Казахстана. Поэтому примечателен факт отсутствия подобной орнаментации на Среднем Енисее, Алтае, в Центральном, Восточном и Южном Казахстане, а также в районах Зауралья.

Сосуд из кузнецкого могильника Юрман I (табл. 41, *3*) ***найден в одном погребении с кинжалом срубно-андроновского типа*** [Савинов, Бобров, 1995, с. 84-85, рис. 1, 1, 2] ***с выделенным перекрестием. Среди изделий подобного типа это самая восточная находка, сделанная в закрытом, собственно андроновском комплексе. Хронологический диапазон этого изделия удостоверяет датировку всей серии сосудов с аналогичной орнаментальной схемой***.

ИК: М–15 (табл. 43). Включает сосуды, орнамент которых составляют исключительно линейные меандры разомкнутого типа, а зона венчика декорирована доминантным мотивом – цепочкой треугольников. В совокупности с трёхзональной разбивкой орнаментального поля это определяет избранный в данном случае вариант композиции – классический моносюжет, а в одном случае ложноклассический моносюжет (табл. 43, *5*). Сосудов с подобной орнаментацией немного, и найдены они на Алтае – Прудской I, м. 1 (табл. 43, *1*), Змеевка, к. I, п. III) (табл. 43, *3*), в Центральном Казахстане – Сангру II, огр. 1, ящик 3 (табл. 43, *2*), Бозенген, огр. 9, м. 1) (табл. 43, *4*), Северо-Западном Казахстане – Лисаковский I (табл. 43, *6*), а в экзотической версии в Южном Зауралье – в могильнике Урефты I, к. 13А, п. 19 (табл. 43, *5*).

Почти неизвестны сочетания разомкнутых меандров во второй зоне с иными типами линейных меандров – сомкнутыми и замкнутыми. Редкие исключения обнаружились в Северо-Западном Казахстане в могильнике Лисаковский I (табл. 43, *7*)***, на Алтае в могильнике Фирсово XIV, м. 67*** (табл. 43, *8*) ***и в Томском Приобье – ЕК-II, к. 52, м. 12*** (табл. 43, *9*). ***Это симптоматичные примеры хронологически поздней утраты представления о канонических сочетаниях элементов в собственно андроновской орнаментике.***

ИК: М–16 (табл. 44). Объединяет сосуды, орнаментированные во второй зоне линейным меандром сомкнутого типа, а в третьей, «ковровым» А-типа. Композиция – классический полисюжет. Встречены на Среднем Енисее – Орак, м. 32 (табл. 44, *3*), в Кузнецкой котловине – Танай I, к. 10, м. 3 (табл. 44, *2*), Танай XII, п. 30, сос. 1 (табл. 44, *8*), Титово II, к. 4 (табл. 44, *6*), Барабе – Старый Тартас-4, к. 5, п. 1 (табл. 44, *4*), к. 16, п. 1 (табл. 44, *5*), в Центральном Казахстане – Карасай (табл. 44, *1*). Условно сюда отнесён и центрально-казахстанский сосуд из могильника Шапат, м. 23, орнаментированный во второй зоне «ковровым» меандром А-типа (табл. 44, *7*), конфигуративно напоминающим некоторые разновидности сомкнутых меандров линейного типа.

Примечательно, что орнаментированный «ёлочкой» сосуд, найденный в одной могиле с горшком из Таная XII (табл. 44, *8*)***, типично ирменской формы*** (табл. 137, *10*).

ИК: М–17 (табл. 45). Состоит из сосудов, композиционно и типологически близких предыдущему сюжету, за исключением типа меандра в третьей зоне. В данном случае это «ковровый» меандр типа В. Найдены в Барабе – Старый Тартас-4, к. 15, п. 1 (табл. 45, *4*), Тартас-1, захор. 351 (табл. 45, *5*), Кузнецкой котловине – Юрман I, к. 2, п. (табл. 45, *2*), в Ачинско-Мариинской лесостепи – Большое Пичугино (табл. 45, *1, 3*).

Сосуд из могильника Юрман I найден в одном погребении с вышеупомянутым кинжалом срубно-андроновского типа [Савинов, Бобров, 1995, с. 84-85, рис. 1, 1, 3].

ИК: М–18-21 (табл. 46). Сводная серия сосудов, типологически и композиционно идентичных двум предыдущим, за исключением орнаментации третьей зоны. Здесь присутствует «ковровый» меандр только Б-типа, а также его сочетание с А-типом и В-типом, как с каждым из них в отдельности, так и с обоими, на одном сосуде. Керамика с такой орнаментацией третьей зоны обнаружена в Северном Казахстане – Акмола, к. 19 (табл. 46, *2*), Барабе – Старый

Тартас-4, к. 12, п. 1 (табл. 46, *1*), в Кузнецкой котловине – Урский, к. 9 (табл. 46, *3*), к. 15, м. 1 (табл. 46, *4*).

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «ТРЕУГОЛЬНИК»

ИК: Т–1 (табл. 47). Объединяет сосуды, орнаментальная композиция которых, вероятно, по каким-то причинам не была окончена. Схема исключительно проста: треугольники «вертикального» типа, обрамляющие венчик, в композиционном решении – моносюжет-эталон. Встречены на Среднем Енисее – Солёноозёрная I, м. 16 (табл. 47, *1*), на Алтае – Рублёво VIII (табл. 47, *4*), в Барабе – Преображенка III, погр. 10 (табл. 47, *2*), в Центральном Казахстане – Сангру II, огр. Б (табл. 47, *3*), Шапат, жерт. 1 (табл. 47, *5*), м. 15 (табл. 47, *6*).

ИК: Т–2-3 (табл. 48). Включает три типа композиции. В одном случае это моносюжет-доминант (табл. 48, *1*), а в оставшихся – классический или ложноклассический моносюжет. Найдены в Томском Приобье – ЕК-II, м. 161 (табл. 48, *1*), м. 167, № 5 (табл. 48, *4*), м. 174, № 2 (табл. 48, *7*), м. 208, № 2 (табл. 48, *6*), м. 270, № 2 (табл. 48, *5*), на Алтае – Калантырь-13, сборы (табл. 48, *2*), в Центральном Казахстане – Мыржик II, к. 4 (табл. 48, *3*).

ИК: Т–4 (табл. 49). Объединяет сосуды с композиционным решением моносюжет-эталон. Треугольники здесь расположены вершиной вниз. Такие сосуды известны в Кузнецкой котловине – Заречное I (табл. 49, *4*), Томском Приобье – ЕК-II, м. 49а, № 2 (табл. 49, *3*), м. 60, № 1 (табл. 49, *6*), транш. 14 метр (табл. 49, *11*), на Алтае – БЕ-XIV, м. 14 (табл. 49, *5*), Змеевка (табл. 49, *1, 2*), Фирсово XIV, кв. 17 (табл. 49, *10*), в Казахстане: Восточном – Кенжеколь-1, м. 33 (табл. 49, *8*), Северо-Восточном – Мичурино I (табл. 49, *9*) в Центральном – Шет-II, огр. II (табл. 49, *7*).

Восточнее р. Томи, т.е. в Ачинско-Мариинской лесостепи и на Среднем Енисее, такое незамысловатое орнаментальное построение не встречено ни разу.

ИК: Т–5 (табл. 50). Композиционно усложнённое продолжение предыдущей орнаментальной темы. Сохранён исходный элемент в виде треугольников «вертикального» типа с обращёнными к низу вершинами, но изменено композиционное решение. В основном представлены вариантом моносюжет-дубликат, но встречены классический и ложноклассический моносюжеты. Известны на территории Алтая – Быково II, м. 9 (табл. 50, *3*), Барабы – Преображенка III, к. 48, п. 1 (табл. 50, *6*), Южного Зауралья – Кинзерский, к. 73, п. 1 (табл. 50, 7), Урефты I, к. 13, сос. 4; к. 13, п. 17 (табл. 50, 10, 11), Казахстана: Восточного – Кенжеколь-1, м. 36 (табл. 50, *9*), Северо-Восточного – Мичурино I (табл. 50, *12*), Центрального – Балыкты, к. 19, насыпь (табл. 50, *1*), Ижевский I, подъём. мат-л (табл. 50, *8*), Звенигородка, огр. 2, жерт. 2 (табл. 50, *13*), Бозенген, к. 5а, жерт. 1 (табл. 50, *14*), м. 7 (табл. 50, *15*), Северо-Западного – Лисаковский I, к 3, п. 2 (табл. 50, *4, 5*), а также неустановленный памятник близ Челябинска (табл. 50, *2*). В одном случае (Балыкты) композиционное решение иное – классический моносюжет, а ещё в двух – ложноклассический моносюжет, усложнённый удвоением цепочки треугольников в третьей зоне (табл. 50, *8*) и дополнительной орнаментацией треугольных элементов (табл. 50, *13*).

На востоке ареала, за Обью, сосудов с такой орнаментацией нет. Поэтому Кузнецкая котловина, Ачинско-Мариинская лесостепь и районы Среднего Енисея не охвачены данной инвариантной комбинацией.

ИК: Т–6 (табл. 51; 52). Ещё один композиционный вариант двух предыдущих сюжетов. Тот же треугольник «вертикального» типа вершиной вниз во второй зоне в композиции моносюжет-доминант, т.е. в зоне венчика изображён доминантный мотив – цепочка треугольников. Происходят с Алтая – Кытманово, м. 27 (табл. 51, *4*), Нижняя Суетка, м. 26 (табл. 52, *5*), из Томского Приобья – ЕК-II, м. 55, № 1 (табл. 51, *3*), из районов Казахстана: Северного – Ермак, (табл. 52, *2*), м. 32 (табл. 52, *1*), Биырек-коль, огр. 23, м. 1 (табл. 52, *3*), Северо-Восточного – Мичурино I (табл. 51, *7, 8*), Северо-Западного – Лисаковский I (табл. 51, *6*), Центрального – Ижевский I, подъём. мат-л (табл. 51, *5*), Шапат, м. 3 (табл. 52, *6*), м. 4 (табл. 52, *8*), м. 21 (табл. 52, *7*), Нуртай, огр. 8, м. 2 (табл. 51, *9*), огр. 13, м. 2 (табл. 51, *10*), а также Южного – Тау-Тары (табл. 51, *1, 2*; 52, *4*).

ИК: Т–7 (табл. 53). Последняя из серии композиционных вариаций на тему «вертикального» треугольника с обращённой к низу вершиной. Здесь этот мотив сохраняется, как и в предыдущем случае, но с заменой доминантного мотива зоны венчика на иные элементы. Таким

образом, композиционная схема – моносюжет-псевдодоминант. Сосуды с такой орнаментацией известны на Среднем Енисее – Орак, м. 28 (табл. 53, *3*), на Алтае – Рублёво VIII (табл. 53, *5*), в Барабе – Тартас-1, захор. 358 (табл. 53, *11*), в Казахстане: Восточном – Шоиндыколь, м. 14 (табл. 53, *1*), Центральном – Жамбай-Карасу, огр. 1 (табл. 53, *2*), Аяпперген (Аяпберген), кур.-огр. 7, п. 3 (табл. 53, *4*), Шапат, м. 39 (табл. 53, *7*), Актобе I, огр. 2, м. 2 (табл. 53, *8*), Бозенген, к. 23, м. 4 (табл. 53, *9*), к. 23, м. 9 (табл. 53, *10*), а также в Северо-Западном – Лисаковский I (табл. 53, *6*).

ИК: Т–8-9 (табл. 54). Объединяет сосуды, орнамент которых сводится к противопоставленным треугольниками «вертикального» типа, а композиционные варианты разнятся – моносюжет-эталон и моносюжет-псевдодоминант: Южное Зауралье – Смолино, к. 7, п. 1 (табл. 54, *3*), Солнце-Талика, к. 2, мог. яма (табл. 54, *1*), Бараба – Преображенка III, к. 34 (табл. 54, *4*), Томское Приобье – ЕК-II, м. 30, № 1 (табл. 54, *7*), Восточный Казахстан – Кенжеколь-1, м. 31 (табл. 54, *5*), Маринка, м. 10) (табл. 54, *6*). Сосуд из могильника Кызылтас отнесён сюда условно (табл. 54, *2*), т.к. отличается от рассмотренных цепочкой ромбов в третьей зоне.

ИК: Т–10 (табл. 55). За исключением композиционного решения, орнаментальные построения аналогичны предыдущим. В данном случае это моносюжет-доминант. Сосуды происходят из Центрального Казахстана – Шет I, огр. 3 (табл. 55, *2*), Шет III (табл. 55, *1*), с Алтая – Фирсово XIV, сос. 1, м. 179) (табл. 55, *3*), из Томского Приобья – ЕК-II, к. 49, м. 3, № 1 (табл. 55, *4*).

ИК: Т–11 (табл. 56). Композиционное решение – классический полисюжет. Как и в предыдущих случаях, вторая зона декорирована треугольниками «вертикального» типа, но не двумя, а одной цепочкой таких элементов, обращённых вершинами вверх. В третьей зоне, напротив, присутствует цепочка треугольников, обращённых вершинами к низу. Известны на Алтае – Гилёво-VI (табл. 56, 1), из Центрального – Котанэмель I, огр. 15 (табл. 56, *2*), Ташик (табл. 56, *6*), Шапат, м. 39 (табл. 56, *3*), а также Северо-Восточного Казахстана – Мичурино I (табл. 56, *4, 5*).

ИК: Т–12 (табл. 57). Включает сосуды, орнаментированные треугольниками «горизонтального» типа с диагонально-сомкнутым способом соединения в раппорт, в композиции моносюжет-дубликат. Обнаружены в Барабе – Преображенка III, п. 3 (табл. 57, *1*), в Южном Казахстане – Тау-Тары (табл. 57, *2*).

ИК: Т–13 (табл. 58). Включает сосуды, орнаментированные вышеописанными элементами, но в композиции – моносюжет-доминант, т.е. с треугольниками по венчику. Найдены на Алтае – Быково II, м. 12 (табл. 58, *1*), Чекановский Лог-10 (табл. 58, *2*), Рублёво VIII (табл. 58, *4, 7*), Фирсово XIV, м. 57 (табл. 58, *10*), сос. 2, м. 179 (табл. 58, *9*), в Восточном Казахстане – Кенжеколь-1, м. 27 (табл. 58, *5*), Северном – Ермак, м. 9, № 1 (табл. 58, *3*), в Северо-Восточном – Мичурино I (табл. 58, *8*), а также в Южном Зауралье – Урефты I, к. 13, п. 5 (табл. 58, *6*).

Помимо сравнительно компактной локализации, охватывающей Алтай и Восточный Казахстан, данная серия является характерной иллюстрацией кардинальных и ординарных элементов. Первые – это треугольники по венчику и сочетающиеся с ними треугольники «горизонтального» типа с диагонально-сомкнутым способом соединения. Всё прочее: разделяющие данные элементы каннелюры или их имитация (табл. 58, *1, 3, 4*)***, а равно разделяющие или обрамляющие их же треугольники вершинами к верху*** (табл. 58, *2, 5*) – ***представляются ординарными элементами схемы. Они могут меняться, но символизируемое смысловое значение орнаментального построения – нет. Потому, что ключевое, структурообразующее начало композиции, т.е. её содержание, передаётся сочетанием неизменных кардинальных элементов. Они и образуют инвариантную комбинацию, представляющуюся носителем смыслового значения всего орнаментального построения.***

ИК: Т–14 (табл. 59). Состоит только из двух экземпляров. Орнаментальные элементы аналогичны двум предыдущим. Композиция – классический моносюжет. Найдены в Центральном Казахстане – Тасырбай II, пристройка огр. 3 (табл. 59, *1*), на Алтае – Быково IV, м. 1 (табл. 59, *2*).

ИК: Т–15-16 (табл. 60). Объединяет сосуды с изображением треугольников «пирамидального» типа. В двух случаях композиционное решение – моносюжет-дубликат с повтором орнаментальной схемы в каждой из двух зон, в одном классический моносюжет, дополняющий эту схему доминантным мотивом в зоне венчика – цепочкой треугольников. Найдены в Северном

Казахстане – Боровое, огр. 14, м. Б (табл. 60, *1*), Южном Зауралье – Путиловская Заимка II, к. 7 (табл. 60, *2*), в Семиречье – Талапты (табл. 60, *3*).

В одном погребении с сосудом из Путиловской Заимки найден кинжал срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием [Зданович, 1988, с. 96, рис. 36, 4]***, что представляется основанием для датировки этой орнаментальной схемы.***

ИК: Т–17. Орнаментальные элементы аналогичны предыдущему сюжету – треугольники «пирамидального» типа. В зоне венчика – цепочка треугольников. Композиция – моносюжет-доминант. Известны со Среднего Енисея – Орак, м. 12 (табл. 61, *4*), Усть-Ерба, к. 2 (табл. 61, *5*), из Кузнецкой котловины – Танай XII (табл. 61, *6*), с Алтая – Нижняя Суетка, м. 30 (табл. 61, *1*), из Восточного Казахстана – Зевакино, огр. 16 (табл. 61, *2*), из Семиречья – Талапты (табл. 61, *3*).

Очевидно, что локализация данного разряда связана с восточными и периферийными участками андроновского ареала (табл. 61).

ИК: Т–18 (табл. 62; 63). Объединяет сосуды, орнаментированные во второй зоне цепочкой треугольников «вертикального» типа, обращённых вершинами к верху; третья зона заполнена треугольниками «пирамидального» типа. Композиция – классический полисюжет. Известны на Среднем Енисее – Усть-Ерба, к. 2, м. 2 (табл. 62, *3*), в Кузнецкой котловине – Титово II, к. 8, м. 2 (табл. 62, *5*), Томском Приобье – ЕК-II, м. 174 (табл. 63, *5*), на Алтае – Кытманово, м. 24 (табл. 63, *1*), Фирсово XIV, сос. 2, м. 15 (табл. 63, *7*), мог. 113 (табл. 63, *8*), сос. 1, яма 30 (табл. 63, *2*), Барсучиха-2, п. 1 (табл. 63, *9*), Малаховский, м. 1 (табл. 62, *6*), в Барабе – Тартас-1, захор. 351 (с «дополнительным» зигзагом между второй и третьей зоной) (табл. 63, *10*), Преображенка III, к. 14, п. 2 (табл. 63, 3), к. 26, п. 1 (табл. 62, 1), в Восточном Казахстане – Малое Карасу, об. 1, южный ящик (табл. 62, *4*), Кенжеколь-1, м. 28 (табл. 63, *6*), Центральном – Бозенген, м. 6 (табл. 63, *11*), Северном – Ермак (табл. 62, *2*), а также в Южном Зауралье – Сосновский, к. 2 (табл. 63, *4*).

Хронологически значимой для данной орнаментальной схемы представляется находка в могильнике Малое Карасу в одном каменном ящике с сосудом (табл. 62, *4*) ***бронзового браслета с конусовидными спиралями на окончаниях*** [см.: Ермолаева, 2001, с. 102, 105, рис. 3; с. 107, рис. 5, 6].

ИК: Т–19 (табл. 64-68). Почти аналогичны предыдущим, за исключением одной кардинальной детали: во второй зоне изображён не один, а два ряда противопоставленных цепочек треугольников. Известны на Среднем Енисее – Орак, м. 23 (табл. 66, *2*), Подкунинский, к. 4, м. (табл. 67, *3*), Ланин Лог, к. 1, м. 1 (табл. 64, *1*), к. 1, м. 2 (табл. 65, *6*), Андроново, м. 1, 5-7 (?) (табл. 67, *5*), Усть-Ерба, к. 2, м. (табл. 65, *4*), в Кузнецкой котловине – Урский, к. 2 (табл. 65, *2*), к. 7, м. 2 (табл. 65, *1*), к. 11, м. 2 (табл. 65, *3*), к. 13, м. 1 (табл. 65, *5*), Танай XII, к. 6, м. 2 (табл. 67, *2*), Томском Приобье – ЕК-II, м. 185 (табл. 67, *1*), Барабе – Абрамово IV, к. 21, п. 3 (табл. 64, *4*), Старый Тартас-4, к. 5, п. 1 (табл. 66, *5*), к. 15, м. (табл. 66, *4*), на Алтае – Кытманово, м. 30 (табл. 68, *4*), Подтурино (табл. 66, *3*; 67, *6*), Фирсово XIV, м. ? (табл. 64, *7*), п. 26 (табл. 64, *8*), в Казахстане: Восточном – Зевакино, огр. 24 (табл. 66, *1*), Кызылтас, огр. 20, (табл. 64, *5*), огр. 39 (табл. 64, *6*), Меновное-9 (табл. 67, *7*), Северном – Боровое, огр. 20 (табл. 68, *1*), Бурлук I, огр. 14 (табл. 68, *2*), Алыпкаш (табл. 66, *6*), Центральном – Канаттас (табл. 64, *3*), Дындыбай, к. 8 (табл. 64, *2*), Бегазы (табл. 67, *4*), Атасу (табл. 68, *3*), а также в Южном Зауралье – Смолино, к. 4, (табл. 68, *5*), Урефты I, к. 21, п. 8 (табл. 68, *6*). В двух последних случаях композиция – редуцированный, а ещё в одном – неоклассический (табл. 68, *3*) полисюжет. Есть и другие не принципиальные различия между отдельными экземплярами, сводящиеся к прямо- или косо поставленным треугольникам второй зоны и размерам «пирамидок», в третьей.

Сосуд из Меновного-9 сочетает взаимонаправленные треугольники во второй зоне с замкнутым линейным меандром (табл. 67, *7*)***. Поэтому он отнесён ещё и к инвариантной комбинации МТ–2*** (табл. 173, *2*)***. Такое сочетание, меняющее во второй зоне треугольники на меандры, сужает ареал схемы, ограничивая её западную границу верхним течением Иртыша.***

ИК: Т–20 (табл. 69). Включает сосуды с орнаментацией второй зоны, тождественной предыдущей серии, но в третьей зоне появляются треугольники «вертикального» типа вершиной вниз. Композиция – классический или неоклассический (табл. 69, *3*, *4*) полисюжет, а на двух шапатских, бозенгенском, еловском и мичуринском экземплярах – редуцированный полисюжет. Известны в Томском Приобье – ЕК-II, м. 52, № 19 (табл. 69, *14*), в Казахстане: Восточном – Кызылтас, огр. 36 (табл. 69, *13*), Северо-Восточном – Мичурино I (табл. 69, *11, 12*), Центральном –

Жаман-Узен II, огр. 1, м. 1 (табл. 69, *2*), Шапат, м. 1 (табл. 69, *6*), м. 5 (табл. 69, *7*), м. 15 (табл. 69, *8*), м. 26 (табл. 69, *9*), м. 38 (табл. 69, *10*), Бозенген, к. 12, м. 5 (табл. 69, *15*), к. 23, м. 4) (табл. 69, *5*), Северном – Акмола, к. 23 (табл. 69, *4*), Ермак (табл. 69, *1*), а также в Южном Зауралье – Смолино, к. 7, п. 2 (табл. 69, *3*). Акмолинский экземпляр вместо треугольников имеет ромбы, отражающие алакульское влияние (табл. 69, *4*).

Редуплицированная орнаментальная схема смолинского сосуда, как искажённое исключение, и единичность еловского экземпляра удостоверяют причастность прочих горшков с таким орнаментальным сочетанием только к северо-восточным и центральным областям Казахстана.

ИК: Т–21-22 (табл. 70). Отличается сосудами, орнаментированными во второй зоне треугольниками «горизонтального» типа с диагонально-сомкнутым способом их соединения. Третья зона заполнялась «пирамидальными» треугольными конструкциями. Композиция – классический полисюжет, в одном случае – редуцированный полисюжет. Известны из Кузнецкой котловины – Дегтярёвка (Урский) (табл. 70, *1*), Томского Приобья – Юрт-Акбалык II, к. 1 (табл. 70, *4*), ЕК-II, м. 232, № 1 (табл. 70, *6*), с Алтая – Быково IV, сборы (табл. 70, *5*), из Барабы – Венгерово VII, к. 1, м. 5 (табл. 70, *2*), Центрального Казахстана – Жиланды, огр. 7, п. 5. (табл. 70, *3*).

Данный орнаментальный сюжет в большей степени характерен для восточной части ареала.

ИК: Т–23-25 (табл. 71). Состоит из сосудов, орнаментированных во второй зоне раппортом из треугольников «горизонтального» типа с вертикально-сомкнутым способом их соединения в орнаментальную конструкцию-мотив. Третья зона орнаментирована треугольниками «пирамидального» типа. Включает три типа композиционных вариаций: классический полисюжет (табл. 71, *1*), редуцированный полисюжет (табл. 71, *2, 3*) и неоклассический полисюжет (табл. 71, *4*). Сосуды происходят со Среднего Енисея – Андроново, м. 4 (табл. 71, *1*), из Томского Приобья – ЕК-II, к. 52, м. 9 (табл. 71, *4*), м. 184, № 1 (табл. 71, *3*), Восточного Казахстана – Зевакино, огр. 72 (табл. 71, *2*).

Эта оригинальная орнаментальная схема известна исключительно в восточной части ареала.

ИК: Т–26 (табл. 72). В первой зоне – доминантный мотив в виде цепочки треугольников, во второй – треугольники «горизонтального» типа с горизонтально-сомкнутым способом их соединения, а в третьей зоне также треугольники, но «пирамидального» типа. Композиционный вариант – классический полисюжет. Известны только из Центрального Казахстана – Канаттас (табл. 72, *1*), Ижевский I, подъём. мат-л (табл. 72, *2*), Икпень I, м. 24 (табл. 72, *3*). У последнего экземпляра во второй зоне имеются ромбы, выдающие алакульское или нуртайское влияние.

ИК: Т–27 (табл. 73). Орнаментальный сюжет данных сосудов также близок трём предыдущим группам и, вероятно, производен от некоторых из них. Это предположение связано с орнаментацией второй зоны, где треугольники «горизонтального» типа отличаются от предыдущих комбинированным способом соединения. Последний сочетает в себе принципы диагонально- и вертикально-сомкнутого способов построения подобных конструкций и, следовательно, рассматривается обособленно. Композиционный вариант – классический полисюжет. ***Обнаружены только в Кузнецкой котловине*** – Урский, к. 1, м. 1 (табл. 73, *3*), Чудиновка-1, сос. 2, к. 2, м. 1 (табл. 73, *4*), Титово II, к. 5, м. 5 (табл. 73, *2*), а ещё один «стилизованный» экземпляр найден на Алтае – Нижняя Суетка (табл. 73, *1*).

ИК: Т–28-29 (табл. 74). Состоит из сосудов, орнаментированных во второй зоне треугольниками «горизонтального» типа с горизонтально-сомкнутым и диагонально-сомкнутым способами соединения в раппорт, а в третьей – треугольниками «вертикального» типа с обращёнными к низу вершинами. Согласно вариантам композиционного решения, здесь представлены классический и редуцированный полисюжеты. Обнаружены в Центральном Казахстане – Шет I, огр. 3 (табл. 74, *2*), Шет II, огр. 2 (табл. 74, *1*), а также Южном – Тау-Тары (табл. 74, *3*).

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «ЗИГЗАГ»

ИК: З–1 (табл. 75-84). Состоит из сосудов, полностью или частично заполненных горизонтальными зигзагообразными линиями в композиционном варианте – моносюжет-эталон. Единственное исключение из этого правила (табл. 78, *4*) связано с трудностями при определе-

нии автономности отдельных мотивов и элементов. Не исключено, что при более выраженной орнаментации зоны венчика этот экземпляр мог бы относиться и к композиции моносюжет-псевдодоминант.

Сосуды с рассматриваемой орнаментацией встречаются достаточно часто и происходят со Среднего Енисея – Орак, м. 10 (табл. 79, *1*), м. 35 (табл. 84, *6*), Сухое озеро IA, к. О (табл. 84, *5*), Сухое озеро I, к. 23, м. 2 (табл. 77, *6*), Ланин Лог, к. 2, м. 1 (табл. 82, *2*), из Кузнецкой котловины – Урский, к. 2, м. 2 (табл. 78, *3*), к. 8, м. 1 (табл. 80, *3*), к. 10, м. 1 (табл. 82, *3*), Танай XII (табл. 81, *10*), п. 33 (табл. 84, *10*), п. 34 (табл. 84, *11*), п. 36 (табл. 84, *9*), п. 37 (табл. 82, *10*), п. 38 (табл. 75, *20*), п. 39 (табл. 83, *10*), Заречное I (табл. 77, *3*; 78, *4*; 81, *7*), Томского Приобья – ЕК-II, м. 14 (табл. 77, *5*), м. 16, № 1 (табл. 78, *2*), м. 98, № 1 (табл. 83, *1*), м. 228, № 1 (табл. 83, *9*), Новосибирского Приобья – Вахрушево, к. 2 (табл. 82, *4*), с Алтая – БЕ-XVI, м. 15 (табл. 78, *5*), сбор (табл. 84, *4*), БЕ-XIV, м. 27 (табл. 81, *4*), БЕ-XII, м. 9 (табл. 84, *2*), БЕ-6, к. 3, м. 1 (табл. 77, *1, 2*), Подтурино (табл. 79, *5*; 80, *1*; 81, *5*; 83, *5*), Чарышское-6 (табл. 76, *2*), Чекановский Лог-2 (табл. 82, *1*), Чекановский Лог-10 (табл. 75, *4*), Иконниково (табл. 79, *4*), Быково II, м. 7 (табл. 83, *4*), поминальник (табл. 76, *1*), Быково IV, м. 2 (табл. 84, *1*), Кытманово, м. 3 (табл. 76, *3*), м. 15 (табл. 75, *1*), м. 28 (табл. 78, *6*), Змеевка, к. 2, п. IV (табл. 81, *6*), Прудской I, к. 6, насыпь (табл. 82, *5*), ЕГМ-II, м. 6 (табл. 83, *2*), м. 13 (табл. 80, *2*), м. 19 (табл. 78, *1*), Рублёво VIII, м. 14 (табл. 75, *5*), Фирсово XIV, кв. 16 (табл. 75, *13*), кв. 74/2 (табл. 75, *12*), кв. 150/2 (табл. 75, *16*), кв. 165/2 (табл. 75, *14*), кв. 178/3 (табл. 75, *15*), м. (?) (табл. 75, *17*), сос. 1, м. 15 (табл.75, *18*), м. 33 (табл. 75, *19*), м. 93 (табл. 78, *7*), м. 121 (табл. 82, *9*), м. 122 (табл. 76, *6*), м. 138 (табл. 79, *6*), из Казахстана: Восточного – Шоиндыколь (табл. 84, *3*), м. 7 (табл. 80, *4*) Зевакино, к. 19 (табл. 83, *3*), Канай (табл. 77, *4*; 81, *8*), Средняя база Беткудук, огр. 39 (табл. 76, *4*), Кенжеколь-1, м. 25 (табл. 82, *8*), Маринка, м. 13 (табл. 75, *9*), м. 17 (табл. 75, *10*), м. 31 (табл. 75, *11*), Северо-Восточного – Мичурино I (табл. 75, *6-8*), Северного и Северо-Западного – Куропаткино II, к. 7, яма (табл. 79, *3*), Боровое, огр. 3, пр. (табл. 79, *2*), огр. 14, п. Ж (табл. 81, *1*), Бурлук I, огр. 9 (табл. 81, *3*; 83, *6*), Лисаковский I (табл. 80, *6*), м. 6 (табл. 80, *5*), Центрального – Жиланды, огр. 1 (табл. 76, *5*), Ижевский I (табл. 83, *7*), Аяпперген, огр. 5, м. 4 (табл. 81, *9*), Ташик (табл. 75, *21*), а также из Барабы – Венгерово I, к. 3, п. 1 (табл. 84, *8*), к. 3, п. 7 (табл. 84, *7*), Преображенка III, п. 8 (табл. 82, *7*), к. 8, п. 5 (табл. 75, *3*), к. 95 (табл. 82, *6*), Южного Зауралья – Кинзерский (табл. 83, *8*), Солнце-Талика, к. 3, яма 3 (табл. 75, *2*), а также без точного местонахождения (табл. 81, *2*).

ИК: З–2 (табл. 85-88). Орнаментальная схема образована зональным повторением базового элемента – горизонтального зигзага, в композиционном варианте моносюжет-дубликат. Известны на территории Кузнецкой котловины – Урский, к. 17, м. 1 (табл. 87, *3*), Титово II, к. 6, м. 4 (табл. 87, *2*), Алтая – Быково II, м. 14 (табл. 85, *1*), поминальник (табл. 88, *1*), Быково IV, сборы (табл. 87, *4*), Подтурино (табл. 85, *2*), Нижняя Суетка, м. 14 (табл. 85, *3*), у с. Чайкино (табл. 88, *5*), Фирсово XIV, кв. 47 (табл. 85, *9*), кв. 152 (табл. 85, *10*), сос. 2, м. 6 (табл. 88, *9*), м. 73 (табл. 88, *10*), м. 80 (табл. 88, *11*), м. 94 (табл. 88, *12*), м. 96 (табл. 88, *13*), м. 143 (табл. 87, *9*), м. 151 (табл. 86, *10*), м. 238 (табл. 87, *10*), п. 29 (2010-2011 гг.) (табл. 86, *13*), Томского Приобья – ЕК-II (?) (табл. 85, *11*), Барабы – Преображенка III, шурф (табл. 86, *4*), п. 1 (табл. 88, *3*), к. 24, п. 2 (табл. 88, *4*), Венгерово I, к. 3, п. 6 (табл. 85, *6*), Восточного Казахстана – Кенжеколь-1, м. 16 (табл. 86, *5*), м. 17 (табл. 87, *6*), м. 32 (табл. 86, *6*), Маринка, м. 2 (табл. 86, *9*), м. 24, (табл. 88, *8*), а также Северного – Алыпкаш (табл. 85, *4*; 86, *3*), Боровое, огр. 8 (табл. 87, *5*), огр. 10, м. 1 (табл. 86, 2), Центрального – Самара, к. 4, м. 1 (табл. 86, *1*), Ижевский I (табл. 85, *5*; 88, *2*), Шапат, жерт. 4 (табл. 88, *7*), Ташик (табл. 86, *11*; 87, *11, 12*), Балыкты, огр. 13, перекр. (табл. 86, *12*), Южного Зауралья – Сухомесовский (табл. 87, *1*) и Урефты I, где подобных сосудов много: к. 13, сос. 6 (табл. 85, *7*), к. 13, сос. 7 (табл. 85, *8*), к. 13, п. 9 (табл. 86, *7*), к. 13, п. 11 (табл. 86, *8*), к. 13А, сос. 12 (табл. 87, *7*), к. 15, п. 5 (табл. 87, *8*), к. 21, п. 10 (табл. 88, *6*).

В разрушенном алтайском могильнике у с. Чайкино вместе с сосудом найдена конусовидная спираль браслета с подобными окончаниями [Белоусов, Запрудский, Кулагина, 2006, с. 13, рис. 2, 2]. ***Находка может датировать керамику с подобной орнаментальной схемой. Аналогичная спираль, но уже с двумя браслетами, найдена в могильнике Маринка*** [Ткачёва, Ткачёв, 2008а, с. 111, рис. 31, 14, 15], ***что удостоверяет датировку этой орнаментальной схемы по подобным изделиям.***

ИК: З–3 (табл. 89-91). Объединяет сосуды, орнаментированные по всему тулову либо его части горизонтальным зигзагом, за исключением зоны венчика, которая декорирована доминантным мотивом – цепочкой треугольников. Композиционный вариант – моносюжет-до-

минант. Известны из районов Среднего Енисея – Солёноозёрная I, м. 30 (табл. 91, *4*), Томского Приобья – ЕК-II, м. 70, № 1 (табл. 91, *9*), к. 52, м. 6, № 1 (табл. 91, *1*), Алтая – Нижняя Суетка, м. 12 (табл. 89, *2*), м. 24 (табл. 89, *1*) Рублёво VIII (табл. 90, *3*; 91, *2*), ЕГМ-II, м. 1 (табл. 91, *5*), БЕ-XIV, м. 18 (табл. 90, *1*), Змеевка (табл. 91, *3*), Кривое I (табл. 89, *3*), Манжиха (табл. 89, *5*), Рублёво VIII, м. 17 (табл. 89, *7*), Фирсово XIV, кв. 45 (табл. 89, *11*), м. 49 (табл. 90, *7*), м. 69 (табл. 90, *8*), м. 145, (табл. 90, *9*), Восточного Казахстана – Кенжеколь-1, м. 15 (табл. 90, *5*), Маринка, м. 26 (табл. 91, *6*), м. 29 (табл. 91, *7*), м. 32 (табл. 91, *8*), а также Северо-Восточного – Мичурино I (табл. 89, *8-10*), Центрального – Балыкты, огр. 14, м. (табл. 90, *4*), огр. 3 (табл. 90, *2*), Акимбек I, сев. ящик (табл. 89, *6*), Ташик (табл. 90, *10*), Северо-Западного – Лисаковский I, к. 2, жертв. «О» (табл. 89, *4*), Южного Зауралья – из могильника Большеказакбаевский 2 и сосуда с явным черкаскульским субстратом (табл. 90, *6*).

ИК: 3–4 (табл. 92-105). Орнаментальным сюжетом напоминает предыдущий. Отличие между ними заключается в выборе иного варианта композиционного решения – моносюжет-псевдодоминант. Иначе говоря, зона венчика у данных сосудов украшена не цепочкой треугольников, а другими мотивами. Весьма представительная серия.

Сосуды подобного облика известны из районов Среднего Енисея – Андроново (табл. 92, *4*), Ярки (табл. 93, *2*), Орак, м. 12 (табл. 97, *4*), м. 20 (табл. 101, *3*), м. 22 (табл. 103, *2*), м. 26 (табл. 105, *4*), Сухое озеро I, к. 16, м. 1 (табл. 104, *5*), к. 442, м. 5 (табл. 105, *2*), Новосёлово (табл. 102, *5*), Батени «Ярки» (табл. 103, *4*), Солёноозёрная I, м. 27 (табл. 99, *1*), м. 30 (табл. 94, *1*), Устье-Бири IV, м. 14 (табл. 99, *5*), м. 16 (табл. 99, *6*), м. 25 (табл. 103, *1*), Пристань I, м. 2 (табл. 102, *2*), Новая Чёрная III, м. 18 (табл. 105, *3*), Ачинско-Мариинской лесостепи – Кошколь, к. 7, м. 2 (табл. 96, *3*), Кузнецкой котловины – Титово II, к. 8, м. 1 (табл. 104, *2*), мкп, м. 1 (табл. 101, *5*; 102, *1*), Урский, к. 14, м. 3 (табл. 99, *2*), к. 16, м. 1 (табл. 103, *3*), Юрман I, к. 3, м. (табл. 97, *2*), Танай XII (табл. 95, *7*), п. 61 (табл. 101, *9*), Заречное I (табл. 100, *6*; 101, *2*; 104, *1*; 105, *1*), Томского Приобья – ЕК-II, м. 1, № 1 (табл. 98, *3*), м. 14, № 1 (табл. 101, *7*), м. 49б, № 8 (табл. 93, *4*), м. 56, № 6 (табл. 93, *3*), Алтая – Подтурино (табл. 94, *3, 4*; 95, *1, 5*; 97, *3*; 104, *3, 4*), Чарышское-6 (табл. 95, *2*; 97, *1*), Берёзка I (табл. 101, *6*), Елбана (табл. 102, *3*), Шипуново (табл. 98, *2*), Восход-I (табл. 100, *2*), ЕГМ-II, м. 2 (табл. 95, *4*), м. 12 (табл. 94, *5*), м. 18 (табл. 94, *2*), м. 19 (табл. 96, *2*), Кытманово (табл. 100, *4*), (табл. 102, *7*), м. 20, сос. № 3 (табл. 97, *6*), м. 31 (табл. 99, *3*), (табл. 105, *6*), БЕ-XVI, мог. 1 (табл. 93, *6*), мог. 2 (табл. 100, *1*), сбор (табл. 104, *6*), БЕ-XIV, м. 15 (табл. 101, *1*), м. 16 (табл. 102, *4*), БЕ-6, к. 3, м. 1 (табл. 92, *2, 3*), Змеевка (табл. 93, *5*; 100, *3*), Фирсово XIV, м. 134 (табл. 93, *7*), Барсучиха-2, п. 3 (табл. 101, *8*), Барабы – Венгерово-I, к. 3, п. 4 (табл. 92, *1*), Преображенка III, п. 8 (табл. 100, *5*), п. 17 (табл. 95, *6*), к. 73, п. 4 (табл. 98, *1*), к. 73, п. 5 (табл. 96, *4*), к. 78, п. 1 (табл. 96, *1*), Старый Тартас-4, к. 4, п. 1 (табл. 103, *6*), к. 6, п. 1 (табл. 102, *6*), грунт. п. 2, (табл. 103, *5*), Восточного Казахстана – Меновное-9, огр. 15 (табл. 97, *5*), Шоиндыколь, м. 8 (табл. 105, *5*), Кенжеколь-1, м. 40 (табл. 94, *6*), Кызылтас, огр. 31Б (табл. 92, *6*), а также Северо-Восточного – Мичурино I (табл. 96, *6*), Северного – Боровое, огр. 14, м. Г (табл. 96, *5*), Биырек-коль, огр. 23, м. 5 (табл. 101, *4*), Акмола, к. 31) (табл. 92, *5*), Центрального – Тасырбай II, огр. 5 (табл. 95, *3*), Шапат, м. 4 (табл. 98, *5*), Южного Зауралья – Кинзерский (табл. 93, *1*), Урефты I, к. 15, п. 1 (табл. 98, *4*) – и без точного местонахождения (табл. 99, *4*).

Это ещё один пример орнаментальной схемы, известной, главным образом, на восточной периферии андроновского ареала (табл. 92-105). ***Одним из её хронологических маркеров являются два сосуда из барабинского могильника Старый Тартас-4, один из которых с валиком*** (табл. 103, *6*)***, а другой найден в одном погребении с сосудом, также имеющим валик*** (табл. 102, *6*) [см.: Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 56-57, рис. 6, 8; 7, 3, 4], ***причём орнаментальный сюжет первого является почти матричной копией аналогичного сосуда с валиком из андроновского комплекса поселения Белоярское на Среднем Енисее, опубликованного С. Рахимовым.***

ИК: 3–5 (табл. 106; 107). Вторая и третья зоны орнаментированы одним мотивом – горизонтальным зигзагом. В зоне венчика – цепочка треугольников. Композиционный вариант – классический моносюжет. Известны на Среднем Енисее – Орак, м. 21 (табл. 107, *3*), в Кузнецкой котловине – Юрман I, к. 1, м. 2 (табл. 107, *1*), Танай XII, (табл. 107, *5*), Томском Приобье – ЕК-II, м. 2, № 1 (табл. 106, *2*), к. 52, сек. 3, № 25 (табл. 106, *1*), на Алтае – Кытманово, м. 2 (табл. 107, *2*), Фирсово XIV, м. 74 (табл. 106, *4*), в Северном и Северо-Восточном Казахстане – Алыпкаш (табл. 106, *3*), Мичурино I (табл. 106, *5, 6*), в Южном Зауралье – Урефты I, к. 21, п. 7 (табл.

107, *4*). Мичуринский сосуд совмещает во второй зоне зигзаг с треугольниками (табл. 106, *6*), а в целом схема тяготеет к восточной периферии ареала.

ИК: 3–6 (табл. 108-110). Сюжет орнаментальной схемы тождествен предыдущему, кроме зоны венчика, орнаментировавшейся любым мотивом, кроме доминантного – треугольника. Следовательно, рассматриваемый композиционный вариант – ложноклассический моносюжет, хотя встречается и моносюжет-дубликат (табл. 109, *4*; 110, *1-3*, *5, 8, 9*). Ареал подобных орнаментальных схем включает два центрально-казахстанских экземпляра из могильника Бугулы I (табл. 108, *3*), огр. 4, яма 5 (табл. 108, *2*), а также сосуды из Казахстана: Восточного – Зевакино, огр. 72а (табл. 109, *5*), Центрального – Айшрак (табл. 109, *3*), Ижевский I (табл. 109, *6*), Шапат, м. 18 (табл. 109, *7*), Ташик (табл. 109, *9*), Западного – Алексеевский, п. 4 (табл. 110, *2*), Южного – Тау-Тары (табл. 109, *1*), Барабы – Преображенка III, к. 8, п. 2 (табл. 109, *4*), Тартас-1, захор. 351 (табл. 109, *8*), из Томского Приобья – ЕК-II, м. 183, № 2 (табл. 108, *1*), Кузнецкой котловины – Урский, к. 3, м. 1 (табл. 110, *5*), к. 3, м. 2 (табл. 110, *3*), Алтая – Восход-I (табл. 110, *1*), Фирсово XIV, сос. 4, м. 22 (табл. 110, *9*), Южного Зауралья – Смолино (табл. 110, *4*), Фёдоровский, к. 39, м. 1 (табл. 109, *2*) и Урефты I, где таких сосудов больше, чем где-либо: к. 2, яма в кв. Д-8 (табл. 110, *6*), к. 13, п. 7 (табл. 110, *7*), к. 13, п. 9 (табл. 108, *7*), к. 13, п. 10 (табл. 110, *8*), к. 21, п. 1 (табл. 108, *5*), к. 21, п. 13 (табл. 108, *4*), к. 21, сос. 4 (табл. 108, *6*).

В первых шести иллюстративно выделенных случаях зона венчика декорирована базовым для данной схемы мотивом – зигзагом (табл. 108). Зевакинский (табл. 109, *5*), ижевский (табл. 109, *6*) и один из урских сосудов (табл. 110, *5*) демонстрируют редкий случай подчёркнутой неорнаментированности зоны венчика, представляя собой своего рода упрощённый ложноклассический моносюжет.

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «ЁЛОЧКА» (ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ЗИГЗАГ)

ИК: Ё–1 (табл. 111-132). Одна из самых представительных орнаментальных схем, базовый элемент которой не считается носителем сакральных смыслов и отождествляется с украшением утилитарной посуды. Орнаментальное поле таких сосудов полностью или частично, без разделения на зоны и, в основном, без дополнительных декоративных элементов заполнялось вертикальным зигзагом, именуемым «ёлочкой». Композиционное решение представлено вариантом моносюжет-эталон.

Сосуды со столь употребительной орнаментикой распространены на Среднем Енисее – Орак, м. 12 (табл. 118, *2*), м. 19 (табл. 113, *3*), м. 25 (табл. 131, *2*), м. 29 (табл. 124, *1*), м. 32 (табл. 126, *1,* 126, *4*), м. 39 (табл. 129, *4*), Пристань I, м. 3 (табл. 112, *1*), огр. 7, м. 2 (табл. 124, *3*), огр. 7, м. 7 (табл. 121, *3*), огр. 7, м. 9 (табл. 120, *3*), огр. 9, м. (табл. 118, *5*), Новая Чёрная III, м. 6 (табл. 131, *6*), м. 8 (табл. 114, *6*), м. 13 (табл. 116, *3*), м. 14 (табл. 119, *3*), м. 15 (табл. 117, *1*), м. 16 (табл. 121, *1*), м. 23 (табл. 111, *3*), Ярки (табл. 122, *6*), м. 2 (табл. 122, *5*), Сухое озеро IA, к. 3, м. 3 (табл. 123, *1*), к. 3, м. 4 (табл. 118, *3*), к. 442, м. 2 (табл. 112, *2*)[1], Сухое озеро I, к. 107 (табл. 125, *1*), к. 442, м. 2 (табл. 125, *3*), к. 442, м. 3 (табл. 125, *4*), к. 662, м. 2 (табл. 131, *1*), Солёноозёрная I, м. 13а (табл. 130, *6*), м. 21 (табл. 122, *1*, *2*), м. 23 (табл. 130, *5*), Устье-Бири IV, м. 2 (табл. 113, *5*; 131, *3*), Новосёлово (табл. 116, *2*), Лебяжье I, м. 8 (табл. 130, *1*), в Ачинско-Мариинской лесостепи – Ашпыл (табл. 124, *2*), в Кузнецкой котловине – Урский, к. 8, м. 1 (табл. 121, *4*), к. 14, м. 1 (табл. 115, *3*), Васьково V, к. 1, м. 3 (табл. 119, *4*), Чудиновка-1, тр. 2, ш. 1, м. 1, сос. 3 (табл. 115, *5*), сос. 1, к. 2, м. 1 (табл. 128, *5*), сос. 1, к. 4, м. 1 (табл. 128, *6*), Танай I, к. 7, м. 1 (табл. 129, *3*), Титово II, мкп, м. 2 (табл. 124, *5*), мкп, м. 5 (табл. 119, *5*), Танай XII (табл. 119, *6*), п. 60, сос. 1 (табл. 115, *6*), п. 60, сос. 2 (табл. 115, *7*), п. 31, сос. 1 (табл. 121, *9*), Заречное I) (табл. 113, *4*; *115, 2*), в Томском – ЕК-II, м. 11, № 2 (табл. 129, *1*), м. 32, № 3 (табл. 111, *1*), м. 48 (табл. 121, *6*; 123, *2*), м. 58, № 2 (табл. 132, *4*), м. 114, № 1 (табл. 130, *2*), м. 154, № 2 (табл. 120, *7*), м. 201, № 1 (табл. 129, *7*), м. 209, № 1 (табл. 122, *8*), м. 237, № 2 (табл. 127, *5*), м. 238 или 338, № 2 (табл. 122, *9*), м. 293, № 1 (табл. 129, *8*), м. 309, № 2 (табл. 125, *5*), м. 309, № 3 (табл. 130, *7*), м. 318, № 1 (табл. 129, *9*), м. 321, № 5 (табл. 129, *10*), м. 338, № 4 (табл. 117, *8*),

[1] В монографии Г.А. Максименкова номер кургана 442 и могилы 2 повторяется и в Сухом Озере I и в Сухом Озере IA [Максименков, 1978, с. 28, 32, 184, 183]. Вероятно, нумерация курганов велась по первому – «взрослому» могильнику, а расположенные в межкурганном пространстве захоронения детского могильника Сухое Озеро IA нумеровались по его курганам, что и привело (?) к идентичному обозначению разных погребений в двух могильниках.

к. 51, м. 1 (табл. 121, *5*), кв. 14-Т, № 1 (табл. 120, *8*), отвал (табл. 130, *8*), Новосибирском Приобье – Вахрушево (табл. 112, *3*), к. 1, м. 2 (табл. 121, *2*), к. 8, м. 1 (табл. 127, *1*), к. 8, м. 2 (табл. 130, *3*), на Алтае – БЕ-XIV, м. 22 (табл. 112, *5*), м. 25 (табл. 113, *1*), БЕ-6, к. 5, м. 2 (табл. 118, *6*), Подтурино (табл. 113, *6*; 114, *3*; 117, *4*; 132, *2*), Чекановский Лог-2 (табл. 131, *4*), Чекановский Лог-7 (табл. 117, *3*), Кытманово (табл. 121, *8*; 124, *6*), м. 8 (табл. 120, *6*), м. 10 (табл. 112, *6*), м. 12 (табл. 129, *2*), м. 25-26 (табл. 123, *5*), м. 33 (табл. 123, *3*; 126, *6*), Нижняя Суетка, м. 4 (табл. 132, *1*), Быково II, м. 2 (табл. 116, *6*), Восход-I (табл. 119, *1*), Коврижка-2 (табл. 118, *4*), Рублёво VIII, м. 7 (табл. 117, *7*), Фирсово XIV, кв. 79/1 (табл. 119, *9*), в Барабе – Преображенка III, к. 18, п. 2 (табл. 119, *2*), к. 18, п. 3 (табл. 115, *4*), к. 27, п. 5 (табл. 111, *2*), к. 33, п. 1 (табл. 129, *5*), к. 45, п. 2 (табл. 117, *2*), к. 47, п. 1 (табл. 120, *5*), к. 48, п. 1 (табл. 113, *2*), к. 59, п. 1 (табл. 126, *2*), к. 75, п. 2 (табл. 126, *3*), к. 91, п. 1 (табл. 128, *3*), Старый Тартас-4, к. 7, п. 2 (табл. 114, *1, 5*), к. 13, п. 1 (табл. 127, *4*), к. 17, п. 1 (табл. 117, *5*) – (найден в одном кургане с вотивным «вислообушным» топориком), Тартас-1, захор. 333 (табл. 129, *11*), захор. 351 (табл. 129, *12*), Старый Сад, к. 79, яма (табл. 121, *10*), к. 79, п. 2, с. 2 (табл. 127, *6*), к. 80, п. 4, с. 2 (табл. 127, *7*), к. 80, п. 4, с. 3 (табл. 116, *7*), Абрамово IV, к. 11, п. 1 (табл. 122, *3*), Венгерово VII, к. 1 м. 2 (табл. 123, *4*), к. 1, м. 3 (табл. 116, *5*; 127, *2*), а также в Казахстане: Восточном – Канай (табл. 123, *6*), Малый Койтас, огр. 35, ящ. 4. (табл. 131, *5*), огр. 35, ящ. 5 (табл. 127, *3*), Джартас, огр. 17, циста (табл. 120, *1*), огр. 36, м. (табл. 125, *2*), Зевакино, огр. 23, м. 1 (табл. 114, *4*), огр. 24 (табл. 114, *2*; 131, *7*), огр. 25а, (табл. 128, *4*), огр. 26а (табл. 117, *6*), Меновное-9, к. 8, огр. 13, м. (табл. 128, *1*), к. 8, огр. В (табл. 128, *2*), Кенжеколь-1, м. 42 (табл. 118, *8*), Берёзовский, огр. 22А (табл. 121, *7*), Барашки, огр. 29 (табл. 122, *7*), Кызылтас, огр. 37 (табл. 118, *9*), Северо-Восточном – Мичурино I (табл. 119, *8*; 132, *3*), Северном – Боровое, огр. 2 (табл. 123, *7*), огр. 5 (табл. 120, *4*), огр. 5, сев. м. (табл. 124, *4*), огр. 14, м. Д (табл. 120, *2*), огр. 43 (табл. 118, *1*), Акмола, к. 23 (табл. 122, *4*), огр. 23 (табл. 126, *5*). Единичные экземпляры известны из Центрального – Бугулы I (табл. 130, *4*), Балыкты, огр. 3, жерт. 1 (табл. 126, *7*), к. 19, насыпь (табл. 129, *6*) – и Северо-Западного – Лисаковский I, к. 2 (табл. 116, *4*), (табл. 111, *4*; 119, *7*) – Казахстана, а также из Южного Зауралья – Кинзерский-2 (табл. 115, *1*), к. 71 (табл. 112, *4*), Смолино, к. 7, п. 1 (табл. 116, *1*) и без точного местонахождения (табл. 118, *7*).

Массовость такой орнаментации удостоверяет орнаментальный облик «архаического стиля», одного из культурообразующих субстратов андроновского комплекса. Эти «архаичные» орнаментальные построения распространены, главным образом, в восточной зоне андроновского массива. Поэтому кратное возрастание сосудов с подобной орнаментацией в восточных районах ареала, особенно к востоку от Оби, безусловно, заслуживает культурно-исторического комментария.

Оригинальный «молниевидный» тип «ёлочной» орнаментации представлен на сравнительно узкой территории Алтая и Северо-Восточного Казахстана (табл. 132, *1-3*).

ИК: Ё–2 (табл. 133). Включает сосуды, орнаментальные схемы которых образованы композиционным дублированием исходного элемента – «ёлочки» в двух зонах. Композиционный вариант – моносюжет-дубликат. Известны на Среднем Енисее – Сухое озеро I, к. 430, м. 5 (табл. 133, *1*), Усть-Ерба, м. 3 (табл. 133, *4*), в Томском Приобье – ЕК-II, м. 148, № 2 (табл. 133, *6*), м. 154, № 1 (табл. 133, *3*), м. 337, № 1 (табл. 133, *7*), Барабе – Старый Тартас-4, к. 10, м. 1 (табл. 133, *5*), а также в Северном Казахстане – Боровое, огр. 5 (табл. 133, *2*).

ИК: Ё–3 (табл. 134). Состоит из сосудов, орнаментированных «ёлочкой», за исключением первой зоны, украшенной доминантным мотивом – цепочкой треугольников. Композиционный вариант – моносюжет-доминант. Происходят со Среднего Енисея – Новая Чёрная III, м. 16 (табл. 134, *3*), из Кузнецкой котловины – Чудиновка-1, сос. 1, к. 1, м. 2 (табл. 134, *7*), Томского Приобья – ЕК-II, м. 70, № 3 (табл. 134, *5*), Барабы – Преображенка III, погр. 15 (табл. 134, *2*), Гандичевский, к. 2, п. 1 (табл. 134, *4*), Старый Тартас-4, к. 14, п. 2 (табл. 134, *1*), Старый Сад, к. 79, п., с. 1 (табл. 134, *8*) а также Центрального Казахстана – Икпень I, м. 5 (табл. 134, *6*).

Для датировки этой немногочисленной орнаментальной серии показательно, с одной стороны, наличие валиков на среднеенисейском экземпляре из могильника Новая Чёрная III (табл. 134, *3*) ***и на сосуде из Чудиновки-1*** (табл. 134, *7*)***, а с другой, находка подобного сосуда в нуртайском могильнике Икпень I*** [Ткачёв, 2002, с. 255, рис. 107, 9] (табл. 134, *6*).

ИК: Ё–4 (табл. 135-139). Орнаментальный сюжет на данных сосудах, в принципе, аналогичен предыдущему. Но композиционное решение иное, т.к. из зоны венчика исчезает доминантный мотив – цепочка треугольников, замещаемый другими орнаментальными элемента-

ми. Композиционный вариант – моносюжет-псевдодоминант. Известны из районов Среднего Енисея – Солёноозёрная I, м. 5 (табл. 137, *2*), м. 13 (табл. 136, *1*), Устье-Бири IV, м. 11 (табл. 135, *3*), Пристань I, огр. 8, м. (табл. 138, *4*), Новая Чёрная III, м. 7 (табл. 135, *2*), м. 22 (табл. 139, *2*), Солёноозёрная IV, п. ком. 1, м. 4 (табл. 138, *5*), Сухое озеро I, к. 440, м. 3 (табл. 136, *2*), Сухое озеро IA, к. Ж, м. 2 (табл. 139, *1*), к. Е, м. (табл. 137, *1*), к. 436, м. 2 (табл. 139, *3*), Ачинско-Мариинской лесостепи – Большое Пичугино или Михайловка (табл. 138, *1*), Кузнецкой котловины – Урский, к. 15, м. 1 (табл. 136, *5*), Чудиновка-1, сос. 1, к. 9, м. 3 (табл. 138, *6*), Танай XII, м. 30, сос. 2 (табл. 137, *10*), Томского Приобья – ЕК-II, к. 52, м. 13, № 3 (табл. 137, *4*), м. 142, № 3 (табл. 136, *8*), м. 193, № 1 (табл. 136, *9*), м. 205, № 3 (табл. 138, *7*), м. 252, № 1 (табл. 137, *8*), м. 291, № 1 (табл. 138, *8*), м. 309, № 4 (табл. 139, *9*), Барабы – Преображенка III, п. 13 (табл. 135, *5*), к. 21, п. 2 (табл. 137, *3*), к. 84, п. 1 (табл. 135, *1*, *6*), Гандичевский (табл. 135, *4*), Старый Тартас-4, к. 5, п. 1 (табл. 136, *4, 6*), к. 11, п. 1 (табл. 139, *4*), Старый Сад (табл. 136, *3*), к. 44, п. 1, с. 1 (табл. 138, *9*), к. 44, п. 1, с. 2 (табл. 139, *10*), с Алтая – Быково II, м. 1 (табл. 136, *7*), Кытманово, м. 12 (табл. 139, *8*), м. 20 (табл. 137, *6*), Барсучиха-2, п. 4 (табл. 137, *9*), Подтурино (табл. 137, *5*), из Казахстана Восточного – Меновное-9, огр. 15 (табл. 139, *5*), Берёзовский, огр. 6 (табл. 139, *6*), огр. 9 (табл. 139, *7*), огр. 18 (табл. 135, *7*), огр. 28 (табл. 135, *8*), Барашки, огр. 26) (табл. 137, *7*), а также Северного – Акмола, к. 14 (табл. 138, *3*), к. 24 (табл. 138, *2*).

Как и в трёх предыдущих случаях, рассматриваемая орнаментальная схема связана с восточной частью ареала. Это очевидное свидетельство как хронологических особенностей, так и культурообразующих составляющих, означаемых этой и вышеуказанными орнаментальными сериями. На двух среднеенисейских сосудах из Солёноозёрной IV (табл. 138, *5*) ***и Сухого озера IA*** (табл. 139, *3*)***, на сосуде из Старого Сада*** (табл. 136, 3)***, а также на горшке из ЕК-II*** (табл. 138, *8*) ***фигурирует валик как основание датировки этой орнаментальной схемы, а на сосуде из Устья-Бири IV– ряд «жемчужин»*** (табл. 135, *3*).

ИК: Ё–5 (табл. 140-143). Состоит из сосудов с идентичным «ёлочным» орнаментом во второй и третьей зонах. Первая зона декорирована доминирующим мотивом – цепочкой треугольников. Композиционный вариант – классический моносюжет. Своеобразны центральноказахстанские экземпляры из могильников Айшрак и Айшрак Б с «ёлочкой» не сплошного, а «шевронного» типа (табл. 143).

Найдены на Среднем Енисее – Лебяжье I, м. 9 (табл. 140, *3*), Пристань I огр. 7, м. 5 (табл. 140, *4*), Сухое озеро I, к. 430, м. 3 (табл. 142, *1*), к. 430, м. 7 (табл. 142, *3*), Солёноозёрная I, м. 4 (табл. 141, *2*), м. 20 (табл. 141, *1, 5*), Орак, м. 1 (табл. 140, *5*), в Ачинско-Мариинской лесостепи – Кадат IX, м. 4 (табл. 141, *6*), Томском – ЕК-II, м. 78, № 1 (табл. 142, *4*), м. 252, № 3 (табл. 142, *5*), Новосибирском Приобье – Вахрушево, к. 1, м. 2 (табл. 140, *2*), Барабе – Преображенка III, к. 17, п. 1 (табл. 140, *1*), Старый Тартас-4, к. 9, п. 1 (табл. 140, *6*; 141, *3*), к. 17, п. 2 (табл. 141, *4*) (найден в одном кургане с вотивным «вислообушным» топориком), в Восточном Казахстане – Малый Койтас, огр. 35, ящ. 4 (табл. 142, *2*) и Центральном – Айшрак (табл. 143, *3*), огр. 6 (табл. 143, *2*), Айшрак Б, кур.-огр. 6 (табл. 143, *1*).

Для определения хронологического диапазона этого оригинального орнаментального сюжета показателен факт совместной находки в кургане могильника Старый Тартас-4 подобного сосуда (табл. 141, *4*) ***и вотивного «вислообушного» топора*** (см. Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 59-60, рис. 9, 2; 10, 6). ***Имеется и единственный прямой аналог данному изделию, обнаруженный в среднеенисейском андроновском могильнике Ланин Лог*** [Вадецкая, 1986, с. 49; Аванесова, 1991, с. 14; Ковтун, 1998, с. 251; Ковтун, 2000, с. 118-120, рис. II, 2, 3].

ИК: Ё–6 (табл. 144; 145). Сосуды с оригинальной орнаментальной схемой. Они близки и к «ёлочно-треугольным» построениям. Но логичнее видеть в них следствие генетической линии с собственно «ёлочной» орнаментальной основой. Аналогичное заключение применимо и к следующей орнаментальной схеме.

Орнаментальный сюжет и отчасти его композиция полностью повторяют предыдущие. Единственное отличие сводится к завершению основного декора третьей зоны характерными треугольниками «вертикального» типа с обращёнными к низу вершинами. В одних случаях они представляются органичной частью орнаментальной схемы третьей зоны (табл. 145, *2-4*), в других оформлены в виде её «декоративного» обрамления (табл. 144; 145, *1*). Композиционно и те и другие относятся к варианту классический моносюжет. Но треугольные выступы вносят и полисюжетный акцент, затрудняя чёткое композиционно-типологическое разграниче-

ние. Ареал подобных сосудов включает Средний Енисей – Сухое озеро I, к. 94, м. (табл. 145, *3*), Кузнецкую котловину – Васьково V, к. 1, м. 2 (табл. 145, *1*), Барабу – Преображенка III, к. 21, п. 2 (табл. 145, *2*), Старый Тартас-4, к. 19, п. 2 или 3 (табл. 145, *4*), а также Северный Казахстан – Акмола, огр. 15 (табл. 144, *1*), к. 15 (табл. 144, *2, 3*).

Именно три акмолинских экземпляра демонстрируют «декоративность» выступов (табл. 144, *1-3*), а барабинские и енисейский сосуды подчёркивают их включённость в общую орнаментальную схему третьей зоны (табл. 145, *2-4*). Промежуточное положение (как территориально, так и типологически) занимает васьковский экземпляр (табл. 145, *1*).

ИК: Ё–7-8 (табл. 146). Отличаются отсутствием «ёлочки» в третьей зоне, как у предыдущей серии сосудов. Поэтому здесь использован иной способ композиционного решения. Формально он напоминает классический полисюжет, а треугольники третьей зоны – самостоятельный зональный элемент. Но если обрамление треугольными выступами основания орнаментации преемственно от предыдущей серии, то вероятна моносюжетная трактовка схемы с треугольниками на венчике в композиционном решении моносюжет-доминант (табл. 146, *2, 3*). В прочих случаях треугольники в третьей зоне являются самостоятельным элементом, и такая композиция составляет классический или неоклассический полисюжет (табл. 146, *1, 4-7*).

Орнаментация отдельных сосудов всё же имеет свои особенности. У экземпляра из Борового вместо треугольных выступов изображён ряд «штрихполос» (табл. 146, *6*), а у кытмановского горшка замещён доминантный мотив (табл. 146, *7*), что и определяет его композиционную характеристику – неоклассический полисюжет. Ареал таких сосудов охватывает Средний Енисей – Орак, м. 1 (табл. 146, *2*), Северный Казахстан – Бурлук I, огр. 7 (табл. 146, *3*), Боровое, огр. 5 (табл. 146, *6*), а также Восточный – Шоиндыколь, м. 11 (табл. 146), Алтай – Кытманово, м. 23 (табл. 146, *7*), Барабу – Старый Тартас-4, к. 7, п. 1 (табл. 146, *1*), к. 19, п. 2 или 3 (табл. 146, *5*).

ИК: Ё–9 (табл. 147-149). Объединяет сосуды, вторая и третья зоны которых орнаментированы «ёлочкой», а на венчике доминантный мотив – цепочка треугольников уступает место другим элементам, чаще тоже «ёлочке». Композиционный вариант – ложноклассический моносюжет. Происходят со Среднего Енисея – Пристань I, огр. 8, м. (табл. 147, *6*), огр. 7, м. 9 (табл. 148, *1*), огр. 7, м. 7 (табл. 147, *5*), м. 2 (1923 г.) (табл. 149, *1*), Сухое озеро I, к. 7, м. (табл. 149, *2*), Орак, м. 38 (табл. 148, *2*), Солёноозёрная III, м. 7 (табл. 148, *3*), из Кузнецкой котловины – Танай XII, п. 58, сос. 1 (табл. 148, *5*), Томского Приобья – ЕК-II, м. 70, № 2 (табл. 149, *8*), м. 137, № 3 (табл. 148, *4*), м. 153, № 3 (табл. 149, *7*), м. 307, № 6 (табл. 149, *6*), Барабы – Преображенка III, к. 12, п. 8 (табл. 149, *3*), Старый Сад, к. 79, п. 1, с. 2 (табл. 147, *7*), Северного – Боровое, огр. 10, № 1 (табл. 149, *4*), огр. 14, м. Б (табл. 147, *3*), Акмола, к. 15 – под насыпью (табл. 149, *5*), к. 15 – под насыпью, в центре (табл. 147, *4*), а также Центрального – Нуртай, к. 5, жертвенник (табл. 147, *2*), Алпымса, к. 5, жертв. (табл. 147, *1*) – Казахстана.

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «КАННЕЛЮР»

ИК: К–1 (табл. 150-154). Тулово сосудов полностью или частично украшено каннелюрами или их имитацией без каких-либо декоративных элементов. Композиционный вариант – моносюжет-эталон. Происходят из районов Среднего Енисея –Устье-Бири IV, м. 14 (табл. 152, *3*), Сухое озеро I, к. 29 (табл. 151, *2*), Сухое озеро IA, к. Ж, м. 1 (табл. 150, *2*), Томского Приобья – ЕК-II, м. 31 (табл. 154, *2*), м. 34, № 1 (табл. 154, *5*), м. 56 (табл. 154, *1*), м. 124, № 4 (табл. 154, *6*), м. 137, № 1 (табл. 154, *7*), м. 163, № 2 (табл. 154, *8*), м. 164, № 8 (табл. 154, *9*), м. 230, № 1 (табл. 154, *12*), м. 246, усл. 1 (табл. 154, *10*), м. 259, № 1 (табл. 154, *11*), м. 273, № 3 (табл. 154, *13*), м. 307, № 3 (табл. 154, *14*), м. 335, № 1 (табл. 154, *15*), к. 51, м. 4, № 1 (табл. 152, *6*), к. 51, м. 6, № 1, (табл. 154, *16*), Барабы – Преображенка III, п. 4 (табл. 150, *3*), к. 56, п. 2 (табл. 153, *2*), к. 73, п. 9 (табл. 151, *10*), Старый Тартас-4, к. 3, п. 1 (табл. 154, *3*), Алтая – Подтурино (табл. 151, *5*; 153, *5*), Коврижка 2 (?) (табл. 150, *6*), Рублёво VIII (табл. 150, *14, 15*), м. 17 (табл. 150, *13*), Фирсово XIV, м. 8, сос. 3 (табл. 150, *17*), Кытманово, ммп (табл. 150, *18*), Казахстана: Восточного – Зевакино, огр. 72 (табл. 150, *9, 11*), Маринка, жерт. сос. № 2 (табл. 152, *10*), жерт. сос. № 3 (табл. 152, *11*), м. 9 (табл. 150, *16*), м. 11 (табл. 153, *9*), м. 27 (табл. 152, *12*), Северного – Бурлук I, огр. 9 (табл. 152, *2*), Калачевский (табл. 153, *1*), Боровое, м. А (табл. 153, *3*), огр. 14, п. В (табл. 153, *4*), Алыпкаш (табл. 152, *4*; 153, *6*), Соколовка III (табл. 151, *7*), Северо-Западного – Лисаковский I (табл. 152, *7-9*), Южного – Тамгалы I, огр. 1, ящ. 2 (табл.

151, *9*), Центрального Жиланды, огр. 7, п. 1 (табл. 150, *4*), огр. 7, п. 2 (табл. 151, *6*), огр. 7, п. 5 (табл. 150, *7, 12*), Шет I (табл. 150, *8*), Атасу (табл. 150, *5*), Аксу-Аюлы, огр. 3 (табл. 150, *1*), Бугулы I (табл. 151, *11*), Аяпперген (Аяпберген), кур.-огр. 7, п. 3 (табл. 151, *12*), Шапат, м. 15 (табл. 151, *13, 14*), м. 28 (табл. 151, *15*), м. 33 (табл. 151, *16*), Икпень I, ? (табл. 153, *10*), м. 4 (табл. 153, *12*), м. 6 (табл. 153, *11*), м. 19 (табл. 152, *13*), Звенигородка, огр. 2, жерт. 5 (табл. 152, *14*), Ташик (табл. 153, *13*), Бозенген, м. (табл. 151, *17*), огр. 6, м. 1 (табл. 153, *14*), к. 8, м. 5 (табл. 153, *15*), огр. 8 у м. 9 (табл. 153, *16*), к. 8 у м. 8 (табл. 153, *17*), к. 8, перекр. м. 7 (табл. 153, *18*), из Южного Зауралья – Смолино (табл. 151, *3*), Путиловская Заимка II, к. 2, п. 1 (табл. 151, *8*), Урефты I, к. VII, п. 2 (табл. 154, *4*), к. 16, п. (табл. 153, *7, 8*), Кинзерский (табл. 151, *1, 4*), к. 71 (табл. 152, *1*), Фёдоровский (табл. 152, *5*) и без точного местонахождения (табл. 150, *10*).

В ЕК-II подавляющее большинство горшков украшено имитацией каннелюр – последовательными горизонтальными оттисками гребенчатого штампа, продолжающими не андроновскую, а автохтонную орнаментальную традицию. В могильнике Урефты I в погребении с сосудом, половина которого орнаментирована имитацией каннелюр (табл. 154, *4*)***, обнаружен кинжал срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием*** [Стефанов, Днепров, Корочкова, 1983, с. 157, рис. 2, 8, 10; с. 160-161]. ***Думается, что в соседнем погребении этого кургана зафиксированы подобные кузнецким и среднеенисейским внутримогильные статуарные сооружения из дерева: «у южной стенки, кроме того, обнаружены остатки двух берёзовых брёвен, стоявших вертикально»*** [Стефанов, Днепров, Корочкова, 1983, с. 160]. ***Сочетание двух сравнительно редких для андроновских захоронений находок удостоверяет хронологическую нишу и датировку схемы, имитирующей орнамент из каннелюр.***

ИК: К–2 (табл. 155; 156). Схожий орнаментальный сюжет, но разделённый на две зоны, что соответствует композиции моносюжет-дубликат. На одних экземплярах это более очевидно, на других обозначены только контуры подобной орнаментальной композиции. В одном случае зафиксирован классический моносюжет (табл. 155, *14*).

Ареал сосудов с таким орнаментом тяготеет к западной зоне и ограничен территорией между Тоболо-Иртышским междуречьем, включая прилегающие районы, и Южным Зауральем: Бараба – Преображенка III, к. 61, п. 1 (табл. 155, *1*), Старый Сад, к. 80, п. 1, с. 2 (табл. 155, *14*), лесостепное Притоболье – Субботино к. 3, насыпь (табл. 155, *3*), Центральный – Актобе II, огр. 5, м. (табл. 156, *7*), Северный и Северо-Западный Казахстан – Алыпкаш (табл. 156, *3*), Лисаковский I (табл. 155, *8-12*; 156, *6*), раск. VII, п. 1 (табл. 155, *5*), а также Южное Зауралье – Смолино, к. 7, п. 1 (1907 г.) (табл. 155, *2*), Фёдоровский (табл. 156, *2*), Сухомесовский (табл. 155, *4*), Касарги (табл. 155, *6, 7*), Нурбаково (табл. 156, *4*), Путиловская Заимка II (табл. 156, *1*), Урефты I, к. 2, п. 15 (табл. 156, *5*).

Вероятным территориальным исключением представляется сосуд с имитацией двух зон «каннелюр» из Томского Приобья – ЕК-II, м. 8, № 1 (табл. 155, *13*).

ИК: К–3 (табл. 157, *2*). Оригинальная орнаментальная конструкция. Образована совмещением орнаментальной основы – каннелюр с доминантным мотивом на венчике сосуда – цепочкой треугольников. Композиция – моносюжет-доминант. Известна на Среднем Енисее – Сухое озеро I, к. 409 (табл. 157, *2*), Сухое озеро IA, к. B, м. (табл. 157, *1*), в Кузнецкой котловине – Танай I, к. 7, м. 3 (табл. 157, *3*), в Томском Приобье – ЕК-II, м. 162, № 7 (табл. 157, *5*), м. 258, № 1 (табл. 157, *6*), м. 324, № 2 (табл. 157, *7*), в Северном Казахстане – Боровое, огр. 5, юж. м. (табл. 157, *4*).

Локализация сосудов с рассматриваемой орнаментацией связана исключительно с восточной частью ареала (табл. 157). ***Для датировки этой серии важен сосуд с подквадратным устьем из среднеенисейского могильника Сухое озеро I.***

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «НАСЕЧКИ» И «ВДАВЛЕНИЯ»

ИК: НВ–1 (табл. 158-160). Охватывает около трёх десятков так называемых «бедно орнаментированных» горшков. К орнаментации этой посуды применимо определение «вдавления» (ямочные, миндалевидные, подтреугольные и т.д.), конфигурация и компоновка которых отличны от «насечек» или «штрихполос» – наклонных (реже прямых) оттисков гладкого или гребенчатого штампа. На практике подобное разделение зачастую типологически условно.

Целесообразность выделения каких-либо композиционных групп в этой серии сосудов сомнительна. Поэтому они объединены в рамках композиционного варианта моносюжет-эталон. Ареал таких экземпляров включает районы Среднего Енисея – Батени «Ярки» (табл. 159, *4*), Новая Чёрная III, м. 9 (табл. 158, *11*), м. 15 (табл. 159, *1*), Сухое озеро IA, к. M, м. (табл. 159, *9*), к. H, м. 2 (табл. 158, *8*), к. 3, м. 1 (табл. 159, *8*), к. 442, м. 5 (табл. 159, *2*), Орак, м. 2 (табл. 159, *7*), м. 34 (табл. 160, *4*), Ярки I, м. 3 (табл. 159, *3*), Ачинско-Мариинской лесостепи – Кошколь, к. 8, м. 7 (табл. 160, *5*), Кузнецкой котловины – Титово II, к. 6, м. 6 (табл. 158, *9*), Танай XII, к. 1, м. 2 (табл. 160, *6*), ров, соор. № 5 (табл. 158, *15*), Томского Приобья – ЕК-II, м. 6, № 1 (табл. 159, *14*), м. 194, № 4 (табл. 159, *15*), Алтая – ЕГМ-II, м. 5 (табл. 158, *2*), БЕ-XIV, м. 28 (табл. 160, *1*), Кытманово, м. 20 (табл. 158, *6*), Подтурино (табл. 160, *2, 3, 7*), Чекановский Лог-7 (табл. 158, *12*), Восход-I (табл. 158, *5*), Фирсово XIV, м. 62 (табл. 159, *13*), Барабы – Преображенка III, п. 2 (табл. 158, *1*), к. 27, п. 4 (табл. 158, *4*), к. 48, п. 1 (табл. 159, *5*), к. 56, п. 1 (табл. 159, *6*), Старый Тартас-4, к. 3, п. 1 (табл. 159, *10*), Тартас-1, захор. 340 (табл. 160, *12*), Старый Сад, к. 80, п. 2, с. 1 (табл. 160, *13*), Восточного Казахстана – Белокаменка, огр. сев. погр. (табл. 158, *7*), Берёзовский, огр. 12 (табл. 160, *8*), огр. 14 (табл. 160, *9*), огр. 22Е (табл. 160, *11*), огр. 28 (табл. 160, *10*), Барашки, огр. 25 (табл. 159, *11*), огр. 32 (табл. 159, *12*), а также Центрального – Шет I (табл. 158, *10*), Шапат, жерт. 7 (табл. 158, *13*), Бозенген, к. 20, м. 3 (табл. 158, *14*) – и Южного Зауралья – Кинзерский (табл. 158, *3*).

Район локализации охватывает главным образом восточную периферию ареала, совпадая с территорией распространения большинства сосудов с орнаментальной схемой Ё–I.

На одном из подтуринских сосудов зафиксирован валик (табл. 160, *7*)***, что отражает хронологический диапазон этой орнаментальной серии.***

ИК: НВ–2-3 (табл. 161-164). Керамика орнаментирована не вдавлениями, а рядами «насечек». Большинство сосудов относится к варианту моносюжет-эталон, но есть экземпляры с композицией моносюжет-псевдодоминант (табл. 162, *4*; 163, *6*; 164, *1-3, 5-7*) или редуцированный полисюжет (табл. 164, *4, 8-10*) «Насечки» выполнены различным образом: от невыразительных оттисков до «штрихполосовидных» ярусов гребенчатого штампа. Иногда «штрихполосы» образуют подобие ромбовидных фигур (табл. 162). Возможно, этот мотив заимствован или унаследован андроновцами от иных культур.

К районам, где обнаружены рассматриваемые сосуды, относятся Средний Енисей – Сухое озеро I, к. 30, м. (табл. 161, *9*), Сухое озеро IA, к. 442, м. 4 (табл. 164, *5*), Солёноозёрная III, м. 5 (табл. 161, *2*), Ачинско-Мариинская лесостепь – Большое Пичугино, к. 2, м. 1 (табл. 161, *4*), Томское Приобье – ЕК-II, м. 20, № 1 (табл. 164, *7*), м. 63, № 1 (табл. 164, *8*), м. 146, № 2 (табл. 161, *14*), м. 148, № 1 (табл. 161, *15*), м. 199, № 5 (табл. 161, *16*), м. 207, № 2 (табл. 164, *9*), м. 299, № 1 (табл. 161, *17*), м. 302, № 1 (табл. 161, *18*), м. 358, № 1 (табл. 161, *19*), кв. 20АН, сос. 1 (табл. 161, *20*), (?) (табл. 163, *7*), Новосибирское Приобье – Вахрушево, к. 1, м. 2 (табл. 161, *7*), к. 6, м. 2 (табл. 161, *5*), Бараба – Гандичевский, к. 1, п. 2 (табл. 161, *6*), к. 4, п. 1 (табл. 163, *5*), к. 4, п. 2 (табл. 161, *3*), к. 3, п. 1 (табл. 163, *3*), Преображенка III, (табл. 162, *4*), к. 60, п. 1 (табл. 163, *6*), Старый Тартас-4, к. 6, м. 1 (табл. 164, *6*), Алтай – БЕ-XII, м. 10 (табл. 162, *1*), Нижняя Суетка, м. 17 (табл. 161, *8*), Быково IV, м. 5 (табл. 161, *10*), Подтурино (табл. 161, *1*; 164, *1*), Чекановский Лог-10 (табл. 164, *4*), Фирсово XIV, м. 39 (табл. 161, *12*), м. 70 (табл. 161, *13*), Южное Зауралье – Урефты I, к. VI, п. 2 (табл. 162, *2*), к. VII, п. 1 (табл. 163, *4*), Смолино (табл. 162, *3*), Фёдоровский, к. 39, м. 2 (табл. 163, *1*). Несколько сосудов найдено в Восточном Казахстане – Зевакино, огр. 21А (табл. 164, *3*), Маринка, м. 11 (табл. 164, *10*) а также в Центральном – Беласар, огр. 6 (табл. 163, *2*), Балыкты, к. 19, м. 3 (табл. 161, *11*), Ташик (табл. 164, *2*).

Сосуд из Старого Тартаса-4 украшен валиком (табл. 164, *6*)***, что в совокупности с прочими особенностями, присущими этой серии, может указывать на её сравнительно поздний возраст и узкий хронологический диапазон.***

Другой сосуд из могильника Урефты I (табл. 163, *4*) ***найден в одном погребении с кинжалом срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием, и, вероятно, с двумя деревянными статуарными сооружениями, зафиксированными в этом захоронении*** [см. по: Стефанов, Днепров, Корочкова, 1983, с. 157, рис. 2, 5, 7; с. 160-161]. ***Такое сочетание представляется ещё одним основанием для датировки данной орнаментальной схемы и, в частности, определения её нижнего хронологического рубежа. Хронологически значима и находка четырёхугольного сосуда в ЕК-II*** (табл. 163, *7*).

ИК: НВ–4 (табл. 165). Орнамент сосудов характеризуется повторением базового элемента – насечковидных «штрихполос» в двух зонах, как правило, следующих за зоной венчика. Композиционный вариант – моносюжет-дубликат (табл. 165, *1, 6*), а в большинстве случаев – ложноклассический моносюжет с замещением доминантного мотива зоны венчика – цепочки треугольников иными элементами (табл. 165, *2-5, 7*). Посуда с такой орнаментальной схемой немногочисленна и известна в Ачинско-Мариинской лесостепи – Ашпыл (табл. 165, *4*), на Алтае – Фирсово XIV, м. ? (табл. 165, *6*), в Томском Приобье – ЕК-II, м. 47, № 2 (табл. 165, *2*), м. 104, № 1 (табл. 165, *7*), Барабе – Абрамово IV, к. 78, п. 1 (табл. 165, *3*), в Центральном Казахстане – Аяпперген (Аяпберген), кур.-огр. (табл. 165, *5*), а также в Южном Зауралье – Путиловская Заимка II, к. 2, п. 1 (табл. 165, *1*).

ИК: НВ–5 (табл. 166). Тулово сосудов полностью или частично орнаментировалось насечковидными «штрихполосами», а венчик занят доминирующим мотивом – цепочкой треугольников. На всех сосудах композиционный вариант – моносюжет-доминант. Известны в Томском Приобье – ЕК-II, м. 167, № 3 (табл. 166, *1*), на Алтае – Рублёво VIII (табл. 166, *4*), в Восточном Казахстане – Канай (табл. 166, *3*), Южном Зауралье – Смолино, к. 11 (табл. 166, *2*).

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «МЕАНДР»-«ТРЕУГОЛЬНИК»

ИК: МТ–1 (табл. 167-169). Первая комбинированная, т.е. образованная сочетанием отличных базовых элементов или их производных, орнаментальная схема. Объединяет в пределах общего орнаментального поля линейный меандр разомкнутого типа (вторая зона) и «пирамидальные» треугольные построения (третья зона). В двух случаях указанные построения стилизованы (табл. 168, *2, 7*). Цепочка треугольников по венчику определяет композиционный вариант – классический полисюжет. Известны на Среднем Енисее – Сухое озеро I, к. 243, м. (табл. 167, *5*), к. 413, м. (табл. 167, *6*), к. 430, м. 4 (табл. 168, *1*), к. 430, м. 6 (табл. 168, *4*), Новая Чёрная II, к. 2, м. (табл. 167, *3*), Мохов III, м. (табл. 169, *1*), Устье-Бири IV, м. 7 (табл. 169, *5*), Солёноозёрная I, м. 21 (табл. 168, *3*), в Кузнецкой котловине – Урский, к. 11, м. 1 (табл. 167, *2*), Танай XII, п. кв. Y-Z-XLII-XLIV (табл. 168, *6*), Новосибирском Приобье – Вахрушево, к. 2 (табл. 168, *5*), Барабе – Преображенка III, к. 27, п. 5 (табл. 168, *2*), Погорелка-2, к. 43 (табл. 168, *7*), Старый Сад, к. 80, п. 3, с. 1 (табл. 168, *8*), к. 80, п. 3, с. 2 (табл. 167, *7*), на Алтае – Киприно II, м. 2 (табл. 169, *3*), м. 5 (табл. 169, *4*), Подтурино (табл. 167, *4*), в Центральном Казахстане – Сангру II, огр. 1, ящ. 1 (табл. 169, *2*), Самара, к, 2, м. 2 (табл. 167, *1*), Балыкты, огр. 13, м. 1 (табл. 169, *6*).

Сосуд из могильника Самара (табл. 167, *1*) ***найден в одном погребении с обломком спиралевидного окончания браслета*** [Ткачёв, 2002а, с. 58]. ***Такие браслеты предшествуют, в целом, браслетам с конусовидными спиралями и не характерны для собственно андроновского массива. Но единичные находки подобных изделий известны в андроновских комплексах. Возможно, их следует рассматривать как переживший своё время реликт*** (см.: 2.3.). ***Тем не менее, сочетание такого изделия с собственно андроновским сосудом является одним из хронологических маркеров данного орнаментального сюжета.***

ИК: МТ–2 (табл. 170-173). Орнаментальный сюжет сосудов образован комбинацией линейного меандра замкнутого типа (вторая зона) с треугольниками «пирамидального» типа (третья зона) в композиции классический полисюжет. Известны на Среднем Енисее – Пристань I, огр. 7, м. 2 (табл. 171, *6*), Сухое озеро I, к. 1, м. (табл. 171, *5*), Орак, м. 1 (табл. 170, *1*), м. 22 (табл. 171, *3*), в Кузнецкой котловине – Титово II, к. 1 (табл. 173, *1*), к. 3, м. 1 (табл. 171, *7*), Урский, к. 11, м. 2 (табл. 170, *2*), Юрман I, к. 1, м. 1 (табл. 172, *3, 6*), к. 1, м. 2 (табл. 172, *5*), Танай I, к. 7, м. 2 (табл. 171, *4*), Танай XII, к. 6, м. 1 (табл. 170, *3*), Томском Приобье – ЕК-II, к. 50, м. 3, ЮЗ камера, № 5 (табл. 173, *3*), м. 185, № 2 (табл. 170, *6*), а также Новосибирском Приобье – Вахрушево, к. 4, (табл. 172, *1*), в Барабе – Преображенка III, к. 14, п. 2 (табл. 172, *2*), Старый Тартас-4, к. 1, п. 1 (табл. 171, *2*), в Северо-Восточном – Мичурино I (табл. 172, *7*), Восточном – Малый Койтас, огр. 35, ящ. 3 (табл. 171, *1*), Кара-Узек (табл. 172, *4*), Меновное-9, к. 8, огр. А, м. (табл. 173, *2*), огр. 11, м. (табл. 170, *4*), Меновное-10 (табл. 170, *5*), Берёзовский, огр. 37 (табл. 171, *8*) – Казахстане. Один экземпляр демонстрирует позитив-негативные метаморфозы линейного меандра замкнутого типа (табл. 173, *3*). Сосуд из Меновного-9 сочетает линейный

меандр во второй зоне со взаимонаправленными треугольниками. Поэтому он отнесён ещё и к инвариантному сочетанию Т–19 (табл. 67, *7*).

Орнаментальная схема восточной зоны ареала. Такие сосуды, вероятно, неизвестны к западу от Иртыша.

ИК: МТ–3-4 (табл. 174-175). Состоит из комбинации линейного меандра сомкнутого типа во второй зоне с «пирамидальными» треугольными конструкциями в третьей. За одним исключением, представлен композицией классический полисюжет. В оговоренном же случае отсутствие доминантного мотива указывает на композиционный вариант – редуцированный полисюжет (табл. 174, *6*). Известны на Среднем Енисее – Лебяжье V, м. 2 (табл. 174, *1*), Андроново, м. 2 (табл. 175, *3*), Батени «Ярки» (табл. 174, *6*), Сухое озеро I, к. 2, м. (табл. 174, *4*), к. 29 (табл. 174, *3*), Орак, к. 47, м. (табл. 174, *2*), в Кузнецкой котловине – Урский, к. 4, м. 2 (табл. 175, *1*), в Томском Приобье – ЕК-II, м. 10 (табл. 175, *2*), к. 50, м. 2, № 6 (табл. 174, *5*).

Западной границей ареала подобных сосудов, вероятно, следует считать правый берег р. Оби (табл. 174-175). ***Для датировки этой орнаментальной серии симптоматичен сосуд с подквадратным устьем из среднеенисейского могильника Сухое озеро I*** (табл. 174, *3*).

ИК: МТ–5-6 (табл. 176). Орнаментальная схема образована сочетанием линейного меандра во второй зоне и треугольников «вертикального» типа с обращенными к низу вершинами в третьей. Два способа композиционного решения: классический (рис. 176, *1, 4, 5*) и редуцированный (рис. 176, *2, 3, 6*) полисюжет. В двух случаях линейный меандр второй зоны замкнутого типа, в одном – разомкнутого. Известны в Центральном Казахстане – Жаман-Узен II, огр. 3 (табл. 176, *2*), Сангру II, к. 4 (табл. 176, *3*), Айшрак, огр. 4 (табл. 176, *1*), в Томском Приобье – ЕК-II, м. 103, № 1 (табл. 176, *5*), к. 50, м. 2, № 4 (табл. 176, *6*), на Среднем Енисее – Сухое озеро I, к. 8 (табл. 176, *4*).

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «МЕАНДР»-«ЗИГЗАГ»

ИК: МЗ–1 (табл. 177). Сосуды орнаментированы линейным меандром разомкнутого типа во второй зоне и горизонтальным зигзагом в третьей, в композиции – классический полисюжет. На шапатском экземпляре – неоклассический полисюжет. Известны на Среднем Енисее – Новая Чёрная III, м. 19 (табл. 177, *1*), Солёноозёрная IV, п. комп. 1, м. 2 (табл. 177, *4*), в Ачинско-Мариинской лесостепи – Кадат IX, м. 2 (табл. 177, *3*), Барабе – Старый Тартас-4, к. 8, п. 1, где сочетаются разомкнутые и сомкнутые меандры (табл. 179, *3*), в Северном – Бурлук I, огр. 13 (табл. 177, *5*), а также Центральном Казахстане – Шапат, м. 46 (табл. 177, *6*), в Южном Зауралье – Приплодный Лог I, к. 11, яма 1 (табл. 177, *2*).

Старотартасский сосуд отнесён и к инвариантной комбинации МЗ-3 (табл. 179, *3*).

ИК: МЗ–2 (табл. 178). Состоит из сосудов, орнаментированных во второй зоне линейным меандром замкнутого типа, а в третьей – горизонтальным зигзагом, в композиции – классический полисюжет. Происходят из районов Среднего Енисея – Солёноозёрная IV, п. комп. 1, м. 4 (табл. 178, *4*), Орак, м. 38 (табл. 178, *1*), Кузнецкой котловины – Чудиновка-1, сос. 2, к. 1, м. 1 (табл. 178, *5*), Барабы – Старый Сад, к. 79, яма 2 (табл. 178, *6*), Восточного – Средняя база Беткудук, огр. 38, ящ. (табл. 178, *2*), Северного Казахстана – Боровое, огр. 3, пристр. (табл. 178, *3*).

На чудиновском горшке линейный меандр второй зоны выполнен в позитив-негативной инверсии, а сам он найден в одном кургане с сосудом с валиком (табл. 178, *5*; 134, *7*). Ещё один сосуд сочетает два типа линейных меандров во второй зоне: замкнутый и сомкнутый, а значит, с равным успехом может быть отнесён к следующей орнаментальной схеме (табл. 178, *4*).

ИК: МЗ–3 (табл. 179). Орнамент и композиция близки предыдущей схеме, за исключением декора второй зоны, в которой появляется линейный меандр сомкнутого типа. На шапатском экземпляре композиция упрощена – редуцированный полисюжет (табл. 179, *5*). Найдены на Среднем Енисее – Солёноозёрная IV, п. комп. 1, м. 4 (табл. 178, *4*), в Барабе – Старый Тартас-4, к. 8, п. 1 (табл. 179, *3*), в Кузнецкой котловине – Васьково V, к. 1, м. 2 (табл. 179, *1*), в Восточном – Меновное-9, огр. 9, м. (табл. 179, *2*), а также Центральном Казахстане – Акимбек (табл. 179, *4*), Шапат, м. 50 (табл. 179, *5*).

Барабинский экземпляр демонстрирует сочетание двух типов линейного меандра во второй зоне: сомкнутого и разомкнутого (табл. 179, *3*).

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ «МЕАНДР»-«ЁЛОЧКА» (ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ЗИГЗАГ)

ИК: МЁ–1-2 (табл. 180). Композиционный вариант – классический полисюжет, где при трёхзональной разбивке орнаментального поля сосуда зона венчика заполнялась доминантным мотивом – цепочкой треугольников. Вторая зона украшена линейным меандром: в двух случаях разомкнутого типа, ещё в одном – разомкнутого на фоне «ёлочного» декора, а ёще в одном случае вторая зона заполнена бордюром линейного меандра сомкнутого типа. На одном из сосудов определить тип линейного меандра сложно, т.к. он не находит аналогов в андроновском декоре (табл. 180, *5*). Третья зона у всех экземпляров орнаментирована «ёлочкой».

Один сосуд обнаружен на Среднем Енисее – Солёноозёрная I, м. 4 (табл. 180, *3*), ещё один в Ачинско-Мариинской лесостепи – Ашпыл (табл. 180, *2*), а три оставшихся происходят из Барабы – Старый Тартас-4, к. 14, п. (табл. 180, *1*), к. 17, п. 2 (табл. 180, *4*), Преображенка III, к. 25, м. 1 (табл. 180, *5*).

Под одной курганной насыпью со старотартасским сосудом (табл. 180, *4*) ***найден упоминавшийся вотивный «вислообушный» топорик*** [см.: Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 59-60, рис. 9, 4; 10, 6].

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «ТРЕУГОЛЬНИК»-«МЕАНДР»

ИК: ТМ–1 (табл. 181). Орнаментальная схема образована сочетанием цепочки треугольников «вертикального» типа вершинами вверх во второй зоне с бордюром из линейных меандров разомкнутого типа в третьей. Сюда же отнесён типологически близкий сосуд с линейным меандром сомкнутого типа в третьей зоне (табл. 181, *5*). Композиционное решение – классический полисюжет, а в одном случае, – неоклассический полисюжет (табл. 181, *6*). Известны, в основном, на Алтае – Нижняя Суетка, м. 14 (табл. 181, *1*), БЕ-XIV, м. 1 (табл. 181, *4*), м. 9 (табл. 181, *2*), БЕ-6, к. 5, м. 4 (табл. 181, *5*), Рублёво VIII, м. 15 (табл. 181, *6*), в Восточном Казахстане – Маринка, м. 8 (табл. 181, *7*), в Барабе – Венгерово I, к. 3, п. 3 (табл. 181, *3*).

Локализация сосудов с подобным орнаментальным сочетанием ограничена территорий между Верхней Обью и Верхним Иртышом.

ИК: ТМ–2 (табл. 182; 183). Орнаментальный сюжет почти идентичен предыдущему. Зона венчика – доминантный мотив из цепочки треугольников, вторая зона – цепочка из треугольников «вертикального» типа вершинами к верху. В третьей зоне представлен бордюр, также образованный линейным меандром, но уже замкнутого типа. Известны в Южном Зауралье – Фёдоровский, к. 39, м. 2 (табл. 182, *6*), Большеказакбаевский 2, кур. 18, м. (табл. 182, *4*), Смолино, к. 4 (1907 г.) (табл. 183, *1*), Путиловская Заимка II, к. 2, п. 1 (табл. 183, *3*), Большеказакбаевский 2, к. 18 (табл. 183, *4*), в Северо-Западном – Лисаковский I (табл. 183, *5*), Северном – Ермак, м. 69-1 (табл. 182, *2*), в Центральном – Айшрак, огр. 2 (табл. 183, *2*), огр. 11 (табл. 182, *5*) – Казахстане и на Алтае – Нижняя Суетка, м. 5 (табл. 182, *3*), м. 31 (табл. 182, *1*). У одного из айшракских экземпляров удвоенный ряд треугольников второй зоны скомбинирован с зигзагом (табл.183, *2*). Поэтому указанный сосуд отнесён к данному типу орнаментальной схемы с известным допуском.

ИК: ТМ (табл. 184). Основу этого орнаментального сюжета в первой и второй зонах составляет схема, аналогичная вышеописанным (ТМ-1 и ТМ-2). Но третья зона здесь декорирована «ковровым» меандром А-типа. Композиционный вариант – классический полисюжет, кроме сосуда из могильника Ижевский I, представленного неоклассическим полисюжетом (табл. 184, *5*). На одном из мичуринских сосудов меняется тип орнаментации первой и второй зон (табл. 184, *11*). Происходят из районов Алтая – Фирсово XIV, м. 41 (табл. 184, *12*), м. 75 (табл. 184, *13*), Барабы – Старый Сад, к. 80, п. 1, с. 1 (табл. 184, *14*), Восточного Казахстана – Кенжеколь-1, м. 18) (табл. 184, *8*), а также Северо-Восточного – Мичурино I (табл. 184, *9-11*), Северного и Северо-Западного – Алыпкаш (табл. 184, *6*, *7*), Уркаш 7 (табл. 184, *2*), Центрального – Бегазы (табл. 184, *1*), Ижевский I, под. мат-л (табл. 184, *5*), Балыкты, огр. 11, м. 2 (табл. 184, *4*), Южного – Кожа-Бала (табл. 184, *3*) ***Исключая Фирсово XIV и Старый Сад, сосуды с такой орнаментацией найдены только в Казахстане.***

ИК: ТМ–4-5 (табл. 185). В двух первых зонах орнаментальные мотивы аналогичны предыдущим, а в третьей также представлен «ковровый» меандр, но уже В-типа. На одном сосуде имеется сочетание Б и В – типов «коврового» меандра в третьей зоне (табл. 185, *4*). Во всех случаях вариант композиционного решения – классический полисюжет. Известны на Среднем Енисее – Ярки II, м. 9 (табл. 185, *4*), Алтае – ЕГМ-II (табл. 185, *1*), Нижняя Суетка, м. 7 (табл. 185, *2*), в Барабе – Старый Сад, к. 79, п. 3, с. 1 (табл. 185, *5*), в Восточном Казахстане – Зевакино, огр. 72 (табл. 185, *3*).

Сравнительно с предыдущими типологически схожими инвариантными комбинациями ТМ–2 и ТМ–3, орнаментальная схема «смещается» на восток.

ИК: ТМ–6-7 (табл. 186). Орнаментальная схема отличается своеобразием второй зоны, где изображена цепочка из треугольников «вертикального» типа с вершинами, обращёнными к низу. В одном случае этот мотив сопровождался элементами, имитирующими позитив-негативные метаморфозы меандровых построений (табл. 186, *2*). Третья зона в большинстве случаев заполнялась линейным меандром замкнутого, а в одном случае – сомкнутого типа. Фёдоровский сосуд орнаментирован меандром, типологически относящимся к линейным, но одновременно напоминающим «ковровые» (табл. 186, *3*). Композиционных вариантов также два: классический полисюжет (табл. 186, *1-3*) и неоклассический полисюжет (табл. 186, *4, 5*). Перечисленная керамика происходит из Южного Зауралья – Фёдоровский, к. 33, м. 1 (табл. 186, *3*), «близ Челябинска» (табл. 186, *1*), Урефты I, к. 1 (табл. 186, *4*), Северо-Западного Казахстана – Лисаковский I, раск. VII, огр. 2, м. 5 (табл. 186, *5*), Барабы – Преображенка III, п. 15 (табл. 186, *2*).

ИК: ТМ–8-9 (табл. 187; 188). Схема орнаментации повторяет предыдущую, за исключением третьей зоны с «ковровыми» меандрами А-типа. На некоторых казахстанских сосудах треугольные построения обозначены аморфной зигзагообразной линией. Поэтому направленность вершины треугольников можно трактовать по-разному. В одном случае вторая зона не орнаментирована, а треугольники «сдвинуты» в третью зону, прямо над меандром. Этот сосуд рассматривается как исключение (табл. 188, *4*). Превалирующий вариант композиции – классический полисюжет на одном из сосудов уступает место неоклассическому полисюжету (табл. 187, *5*). Керамика с таким орнаментом найдена в комплексах Южного Зауралья – Синеглазово (табл. 187, *4*), Солнце-Талика, к. 1, м. (табл. 188, *4*), к. 2, м. (табл. 187, *2, 5*), к. 6 (табл. 187, *1*), Северного Казахстана – Петропавловский (табл. 187, *3*), Центрального – Балыкты, огр. 11, м. 1 (табл. 188, *6*), огр. 11, м. 2 (табл. 188, *1*), огр. 13, м. 1 (табл. 188, *2*), Звенигородка, огр. 3 (табл. 188, *5*), Южного – Тау-Тары (табл. 188, *3*).

ИК: ТМ–10 (табл. 189). Композиционно эта орнаментальная схема соответствует варианту классический полисюжет. В зоне венчика доминантный мотив – цепочка треугольников. Исключение составляет мичуринский сосуд – редуцированный полисюжет. Вторая зона декорирована двумя противопоставленными рядами треугольников «вертикального» типа, а в третьей зоне фигурирует линейный меандр разомкнутого типа либо его позитив-негативная имитация (табл. 189, *5*). На бегазинском и лисаковском горшках негатив двойной цепочки противопоставленных треугольников имитируют ромбы (табл. 189, *6, 7*). Имитацией разомкнутой негативной свастики служит и ромбический раппорт на зареченском сосуде (табл. 189, *6*). Керамика с таким орнаментальным сюжетом найдена в Казахстане: Северо-Западном – Лисаковский I (табл. 189, *7*), Центральном – Бегазы (табл. 189, *6*), Самара, к. 2, м. 1 (табл. 189, *3*), Ак-Мустафа (табл. 189, *1*), Северо-Восточном – Мичурино I (табл. 189, *8*), Восточном – Зевакино, огр. 72б (табл. 189, *4*), а также на Алтае – БЕ-XIV, м. 20 (табл. 189, *2*), в Кузнецкой котловине – Заречное I (табл. 189, *5*).

Сосуд из могильника Самара найден в одном кургане с фрагментом браслета с конусовидными спиралями [Ткачёв, 2002, с. 58]***, датирующим эту орнаментальную схему.***

ИК: ТМ–11 (табл. 190; 191). Композиционное решение – классический, а в одном случае – неоклассический (табл. 191, *1*) полисюжет. Идентична предыдущей и орнаментальная схема второй зоны – две противопоставленные цепочки треугольников «вертикального» типа, за одним исключением в виде ромбического раппорта (табл. 191, *3*). Отличия связаны с третьей зоной, орнаментированной линейным меандром замкнутого типа. Находки керамики с подобной орнаментацией связаны с территорией Южного Зауралья – Путиловская Заимка II, к. 5 (табл. 191, *3*), Большеказакбаевский 2, к. 20, яма (табл. 191, *4*), Казахстана: Северного – Боровое, огр. 6 (табл. 191, *2*), Соколовка III (?), яма 2 (табл. 190, *3*), Алыпкаш (табл. 190, *2*; 191, *1*), Северо-

Западного – Лисаковский I, огр № 4 (табл. 190, *5*), Центрального – Жиланды, огр. 7, п. 3 (табл. 190, *6*), Аяпперген, огр. 5, м. 2, (табл. 190, *8*), Восточного – Средняя база Беткудук (табл. 190, *7*), а также Алтая – Ново-Александровка (табл. 190, *1*), БЕ-6, к. 5, м. 1 (табл. 190, *4*), Фирсово XIV, м. 169 (табл. 190, *9*), м. 181 (табл. 190, *10*).

Помимо не принципиального исключения из Фирсово XIV, восточнее р. Оби такая орнаментальная схема неизвестна.

ИК: ТМ–12 (табл. 192; 193). Композиция и орнаментальный сюжет полностью идентичны предыдущим, за исключением третьей зоны, декорированной бордюром линейного меандра сомкнутого типа. На сосуде из могильника Солнце-Талика вторая зона декорирована не треугольниками, а раппортом из ромбов (табл. 193, *4*). Эффект позитив-негативных преобразований зигзаго-ромбического раппорта в цепочки противопоставленных треугольников наблюдается и во второй зоне сосуда из могильника Зевакино (табл. 192, *6*). На сосуде из могильника Быково II во второй зоне, помимо противопоставленных треугольников, фигурирует линейный меандр разомкнутого типа (табл. 192, *3*).

Керамика с подобной орнаментацией известна в Южном Зауралье – Солнце-Талика к. 3, яма 1 (табл. 193, *4*), «близ Челябинска» (табл. 193, *1*), в Казахстане: Центральном – Айшрак (табл. 192, *5* (?) – возможно, тоже в огр. 5 – *И.К.*), огр. 3 (табл. 192, *2*), огр. 5 (табл. 192, *4*), Сангру II, огр. Б (табл. 193, *2*), Восточном – Зевакино, огр. 72б (табл. 192, *6*), а также на Алтае – ЕГМ-II, м. 22 (табл. 192, *1*), Быково II, м. 17 (табл. 192, *3*), Елбанка-IV (табл. 193, *5*), в Барабе – Преображенка III, п. 12 (табл. 193, *3*).

Восточная граница этой орнаментальной схемы, скорее всего, совпадает с предыдущей.

ИК: ТМ–13 (табл. 194-198). Орнамент и композиция в основном аналогичны трём предыдущим схемам, отличаясь лишь декором третьей зоны, где фигурирует «ковровый» меандр А-типа. Сюда же отнесены два горшка с композиционными (табл. 194, *6*) или изобразительными (табл. 197, *5*) отличиями от «эталонной» орнаментальной формулы большинства представленных здесь сосудов.

Сосуды с подобным орнаментальным сюжетом известны из андроновских памятников Южного Зауралья – Урефты I, к. VI, п. 1 (табл. 194, *6*), Исаковский (табл. 194, *3*), Касарги (табл. 196, *5*), Казахстана: Северного – Соколовка III, яма 2 (табл. 197, *3*), Бурлук I, огр. 14 (табл. 197, *5*), Северо-Западного – Лисаковский I, раск. 1, огр. 4 (табл. 197, *1*), Центрального – Жиланды, огр. 2, зап. пр. (табл. 196, *2*), Алпымса, к. 2, м. 1 (табл. 197, *4*), Балыкты (табл. 195, *5*), Ижевский I (табл. 195, *1*), Звенигородка, огр. 3 (табл. 197, *6*), Северо-Восточного – Мичурино I (табл. 195, *6*), а также Алтая – Кытманово, м. 19 (табл. 194, *1*), м. 21 (табл. 198, *4*), м. 24 (табл. 196, *1*), Фирсово XIV, п. 26 (табл. 196, *6, 7*), Быково II, м. 9 (табл. 197, *2*), Подтурино (табл. 194, *2*; 195, *4*; 196, *3*; 198, *3, 5, 6*), Томского Приобья – ЕК-II, к. 52, м. 4, № 8 (табл. 194, *5*), к. 52, м. 8 (табл. 195, *3*), м. 158, № 2 (табл. 195, *2*), Кузнецкой котловины – Дегтярёвка (Урский) (табл. 198, *1*), Титово II, к. 5, м. 5 (табл. 198, *2*), к. 7, м. 1 (табл. 196, *4*), мкп, м. 4 (табл. 194, *4*).

При сравнительно широком распространении, такое орнаментальное построение неизвестно восточнее Кузнецкой котловины, в андроновских комплексах Ачинско-Мариинской лесостепи и Среднего Енисея. В этом смысле показателен мичуринский сосуд с двойной орнаментацией второй зоны (табл. 195, *6*) ***и потому относящийся ещё и к инвариантной комбинации М–10*** (табл. 38, *5*). ***В обоих случаях восточная граница орнаментальной схемы остаётся близкой, но с заменой разомкнутых меандров на взаимообращённые треугольники ареал построения продолжается до Кузнецкой котловины.***

В одном кургане с сосудом из могильника Алпымса (табл. 197, *4*) ***были обнаружены втульчатый двухлопастной наконечник стрелы и обломок ножа (кинжала ?) весьма архаичного облика. А.А. Ткачёв датирует эти изделия концом первой половины II тыс. до н.э.*** [Ткачёв, 2003, с. 220-221]. ***Возможно, такая датировка, применительно к данной орнаментальной схеме, и объясняет отсутствие подобных орнаментальных вариаций восточнее р. Томи.***

На близкую дату для этой орнаментальной серии указывают и браслеты с конусовидными спиралями [Федорук, Федорук, Папин, 2013, с. 276, рис. 2]***, найденные вместе с сосудами из фирсовского п. 26*** (табл. 196, *6, 7*).

ИК: ТМ–14 (табл. 199). Композиционный вариант этой орнаментальной схемы, как и в предыдущих случаях, – классический полисюжет, вероятно, кроме шапатского экземпляра. Первая зона орнаментирована доминирующим мотивом – цепочкой треугольников, вторая, –

двумя противопоставленными рядами треугольников «вертикального» типа, а вот третья – также «ковровым» меандром, но уже Б-типа. Известны из Южного Зауралья – Фёдоровский, к. 39, м. 1 (табл. 199, *4*), Центрального Казахстана – Аяпперген, огр. 11, м. (табл. 199, *6*), Шапат, м. 20 (табл. 199, *7*), а также Восточного – Малый Койтас, м. 8 (табл. 199, *1*), с Алтая – Фирсово XIV (табл. 199, *2*), Степной Чумыш, к. 2 (табл. 199, *5*), из Барабы – Старый Тартас-4, к. 10, м. 1 (табл. 199, *3*).

Сравнительно с предыдущим орнаментальным построением, неизвестным восточнее Кузнецкой котловины, данная серия ещё больше сужает восточную зону подобных сосудов. Они не встречаются к востоку от р. Оби в андроновских комплексах Томского и Новосибирского Приобья, Кузнецкой котловины, Ачинско-Мариинской лесостепи и Среднего Енисея.

ИК: ТМ–15-16 (табл. 200). Композиционно и в орнаментации первых двух зон идентична трём предыдущим схемам. Отличия связаны с третьей зоной, где также фигурирует «ковровый» меандр, но в сочетании нескольких его типов в пределах одной орнаментальной зоны в разных вариациях на каждом сосуде. Исключение составляют центрально-казахстанский, фирсовские и кытмановский экземпляры, где очевиден только «ковровый» меандр В-типа. Происходят с территории Алтая – Кытманово (табл. 200, *2*), Быково II, м. 9 (табл. 200, *4*), Фирсово XIV, сос. 2, яма 30 (табл. 200, *5*), сос. 1, м. 22 (табл. 200, *7*), м. 91 (табл. 200, *8*), м. 131 (табл. 200, *6*), п. 29 (2010-2011 гг.) (табл. 200, *9*), Казахстана: Северного – Биырек-коль, огр. 23, м. 1 (табл. 200, *3*), Центрального – Алпымса, к. 2, м. 1 (табл. 200, *1*). На одном из фирсовских сосудов взаимонаправленные треугольники во второй зоне меняются на диагональный зигзаг, имитирующий подобное построение в позитив-негативной инверсии (табл. 200, *7*).

В одном кургане с сосудом из могильника Алпымса (табл. 200, *1*) ***и другим сосудом ТМ–13*** (табл. 197, *4*) ***найдены вышеупомянутые наконечник стрелы и обломок ножа (кинжала ?) архаичной формы*** [Ткачёв, 2003, с. 220-221].

Подытоживая особенности инвариантных сочетаний цепочки взаимонаправленных треугольников «вертикального» типа с «ковровыми» меандрами (ТМ–13, ТМ–14, ТМ–15-16), очевиден дисбаланс в выборе типа меандра третьей зоны. Существенно превалируют меандры А-типа, и всего два горшка орнаментированы меандрами В-типа, присущими восточной зоне.

Сочетанием взаимонаправленных цепочек треугольников с меандрами А-типа означалась смысловая данность массовой композиции, тогда как редчайшее совмещение первых с меандрами В-типа бессодержательно. Отсутствие комбинаций взаимонаправленных цепочек треугольников во второй зоне с меандрами В-типа в третьей удостоверяет хронологический и семантический диссонанс этих элементов в системе андроновской орнаментации. Меандры В-типа, в целом, хронологически позднее А-типа, и потому сочетаются с иными элементами второй зоны, образуя композиции с собственным смысловым значением.

ИК: ТМ–17-19 (табл. 201). Три варианта композиционного решения: классический полисюжет (табл. 201, *2-4*), полисюжет редуцированный (табл. 201, *5*) и неоклассический полисюжет (табл. 201, *1, 6*). В первом и третьем случае вторая, а во втором случае первая зона заполнялась треугольными элементами «горизонтального» типа с диагонально-сомкнутым способом их соединения между собой. На лисаковском сосуде одновременно фигурируют ещё и горизонтальный и вертикальный способы соединения треугольников. Как и неорнаментированная шейка, это признаки алакульского влияния (табл. 201, *6*). В третьей зоне у всех экземпляров представлен линейный меандр замкнутого типа (табл. 201, *1-6*). Сосудов с таким орнаментальным сюжетом больше всего в Северном и Северо-Западном Казахстане – Алыпкаш (табл. 201, *5*), Акмола, к. 15 (табл. 201, *4*), Лисаковский I (табл. 201, *6*), а также в Южном Зауралье – Путиловская Заимка II, к. 7 (табл. 201, *3*), один экземпляр происходит из Центрального Казахстана – могильник Былкылдак (табл. 201, *1*), а ещё один сосуд найден на Тянь-Шане – Пригородный (табл. 201, *2*).

В одном кургане с сосудом из могильника Путиловская Заимка II (табл. 201, *3*) ***обнаружен кинжал срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием*** [см.: Зданович, 1988, с. 96, рис. 38, 4; с. 99], ***хотя сам сосуд в публикацию Г.Б. Здановича не включён.***

ИК: ТМ–20-21 (табл. 202). По композиционному решению – редуцированный полисюжет, в котором утрачена доминантная орнаментация зоны венчика цепочкой треугольников. Верх-

нюю зону заполняют треугольники «горизонтального» типа с горизонтально- и вертикально-сомкнутым способами соединения. В следующей зоне – линейный меандр замкнутого типа. Известны в Центральном Казахстане – Майтан, огр. 36а, м. 3 (табл. 202, *1*), Актобе I, огр. 1, м. 1 (табл. 202, *2*). Объединены условно, т.к. очевидна разница в способе конструирования мотива из треугольников.

ИК: ТМ–22-23 (табл. 203). Включает два варианта композиционной организации орнаментального поля: полисюжет классический и неоклассический полисюжет, вытесняющий доминантную цепочку треугольников иными мотивами. Вторая зона орнаментирована треугольниками «горизонтального» типа с диагонально-сомкнутым способом соединения. В третьей зоне фигурирует «ковровый» меандр А-типа. Известны в Казахстане: Восточном – Кенжеколь-1, м. 24 (табл. 203, *4*), Маринка, м. 35 (табл. 203, *6*), Центральном – Жиланды, огр. 7, п. 5 (табл. 203, *3*), а также на Алтае – Чекановский Лог-10 (табл. 203, *2*), Фирсово XIV, м. ? (табл. 203, *8*), п. 7 (табл. 203, *10*), в Томском Приобье – ЕК-II, к. 52, с. III, шт. 2, 3 (табл. 203, *9*), в Семиречье – Талапты (табл. 203, *1*).

Как исключение сюда отнесены сосуд из Южного Зауралья, из могильника Нурбаково, с линейным меандром сомкнутого типа в третьей зоне, конфигурацией напоминающим «ковровый» А-тип (табл. 203, *5*), и ещё один экземпляр из Маринки, м. 18, с «ковровыми» меандрами В-типа (табл. 203, *7*).

Кенжекольский экземпляр (табл. 203, *4*) ***обнаружен в богатом захоронении с браслетом с конусовидными спиралями на окончаниях*** [Мерц, Казизов, Мерц, 2007, с. 37, 38], ***а также с сосудом инвариантной комбинации М–4*** (табл. 31, *6*)***. Этот браслет не только датирует сосуды малочисленной схемы ТМ–22-23*** (табл. 203)***, но и синхронизирует её с представительным орнаментальным построением М–4*** (табл. 30; 31).

Аналогичные браслеты найдены и в п. 7 могильника Фирсово XIV [Федорук, Федорук, Папин, 2013, с. 275, рис. 1] ***с сосудом данной инвариантной комбинации ТМ–22-23*** (табл. 203, *10*)***, что также удостоверяет дату данной орнаментальной схемы.***

ИК: ТМ–24-26 (табл. 204). Два варианта композиции: классический и редуцированный полисюжет. Орнамент третьей зоны типологически идентичен предыдущей серии – «ковровый» меандр А-типа. Отличия же связаны со второй зоной. Здесь представлены треугольники «горизонтального» типа с вертикально-сомкнутым и комбинированным, вертикально-диагональным способами соединения между собой. Происходят из Кузнецкой котловины – Танай XII, к. 2, п. 1 (табл. 204, *2*), к. 7, п. 1 (табл. 204, *6*), к. 12, п. 2 (табл. 204, *5*), с Алтая – Павловка-13 (табл. 204, *1*), из Центрального Казахстана – Майтан, огр. 17б, м. 1 (табл. 204, *4*), а также из Барабы – Абрамово IV, к. 19, п. 1 (табл. 204, *3*).

Оригинальность серии дополняется орнаментальным полимотивом второй зоны из четырёх неодинаковых элементов, среди которых фигурируют и треугольники «горизонтального» типа с вертикально-сомкнутым и вертикально-диагональным способами соединения (табл. 204, *5*).

ИК: ТМ–27-28 (табл. 205). Выделяется условно. Композиция: классический и редуцированный полисюжет. Вторая зона орнаментирована треугольниками «горизонтального» типа в одном случае с диагонально-, а в другом с горизонтально-сомкнутым способом соединения. Третья зона заполнялась линейным меандром разомкнутого типа. Найдены в Южном Зауралье («близ Челябинска») (табл. 205, *2*) и в Северном Казахстане – Ермак, м. 16 (табл. 205, *1*).

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «ТРЕУГОЛЬНИК»-«ЗИГЗАГ»

ИК: ТЗ–1 (табл. 206; 207). Образован сочетанием цепочки треугольников «вертикального» типа вершинами вверх во второй зоне и зигзагообразных линий в третьей зоне. Способ композиционного решения – классический полисюжет. Известен сосуд, в третьей зоне которого зафиксировано включённое сочетание собственно зигзага (горизонтального) и «ёлочки» (зигзага вертикального) (табл. 206, *6*). На мичуринском экземпляре треугольники во второй зоне совмещены с зигзагом (табл. 206, *7*), поэтому он отнесён ещё и к комбинации З–5 (табл. 106, *6*). Сосуды с подобной орнаментальной схемой встречены на Среднем Енисее – Сухое озеро I, к. 468, м. 1 (табл. 206, *6*), на Алтае – Подтурино (табл. 207, *5*), Рублёво VIII (табл. 206, *2*), м. 17 (табл. 206, 5; 207, *6*), в Кузнецкой котловине – Урский, к. 1, м. 2 (табл. 207, *2*), Томском Приобье – ЕК-II, м. 81, № 1 (табл. 207, *7*), но в основном они известны в Северо-Восточном Казахстане – Мичурино I (табл. 206, *7*) – и по северо- и центрально-казахстанским комплексам: Алыпкаш

(табл. 207, *1*), Айшрак, огр. 10 (табл. 207, *3*), Айшрак Б кур.-огр. II (табл. 206, *1*), Жиланды, огр. 4 (табл. 206, *3*), Сангру II, огр 1, ящ. 1 (табл. 207, *4*), Нуртай, огр. 2, м. (табл. 206, *4*). Два сосуда из Рублёво VIII отличаются от прочих по композиции – неоклассический полисюжет, а также конфигурацией зигзага и уступом на плечиках сглаженным широким каннелюром – м. 17 (табл. 206, *5*; 207, *6*).

ИК: ТЗ–2 (табл. 208-210). Главное и единственное типологическое отличие от орнамента предыдущих сосудов связано со второй зоной, которая заполнялась двумя цепочками противопоставленных треугольников «вертикального» типа. Вариант композиции аналогичен предыдущему – классический полисюжет.

Большинство керамики с такой орнаментацией связано с восточной периферией ареала: Средним Енисеем – Знаменка (табл. 209, *3*), Орак, м. 17 (табл. 210, *4*), м. 44 (табл. 209, *4*), Пристань I, огр. 7, м. 8 (табл. 208, *3*), Новая Чёрная III, м. 15 (табл. 209, *2*), Кузнецкой котловиной – Урский, к. 3, м. 2 (табл. 210, *2*), к. 12, м. 1 (табл. 210, *1*), Титово II, к. 5, м. 2 (табл. 209, *1*), к. 6, м. 2 (табл. 209, *5*), мкп, м. 3 (табл. 209, *7*), а также с районами Казахстана: Северного – Алыпкаш (табл. 210, *3*), Боровое, огр. 14, м. Д (табл. 208, *2*), Центрального – Егизек I, огр. 23 (табл. 208, *1*), Сангру II, огр 1, ящ. 3 (табл. 208, *4*), огр. 1, ящ. 5 (табл. 209, *6*), Балыкты, огр. 10, м. 2 (табл. 208, *5*).

ИК: ТЗ–3 (табл. 211). Характеризуется двухзональной разбивкой орнаментального поля и композицией редуцированный полисюжет с утраченными зоной венчика и её доминантным мотивом – цепочкой треугольников. Во всём остальном орнаментальный сюжет повторяет предыдущий и является производным от него. Это подтверждается немногочисленностью подобной керамики. ***Две трети таких сосудов найдено в Казахстане***: Средний Енисей – Лебяжье V, м. 1 (табл. 211, *1*), Томское Приобье – ЕК-II (табл. 211, *3*), Восточный – Кеженколь-1 (табл. 211, *6*), а также Центральный Казахстан – Сангру II огр. 1, ящ. 7 (табл. 211, *5*), Косагал (табл. 211, *2*), Тасырбай II, прист. огр. 3 (табл. 211, *4*).

ИК: ТЗ–4-5 (табл. 212; 213). Объединяет два варианта композиционного решения: классический полисюжет (табл. 212) и неоклассический полисюжет (табл. 213, *1, 2*). В обоих случаях вторая зона орнаментирована треугольниками «горизонтального» типа с горизонтально-, вертикально- и диагонально-сомкнутым способами их соединения при явном преобладании последнего. Третья зона заполнена различным количеством зигзагообразных линий. Происходят с территории Кузнецкой котловины – Заречное I (табл. 213, *2*), Томского Приобья – ЕК-II, м. 212, на дне (табл. 212, *6*), кв. 18 (табл. 213, *1*), Алтая – ЕГМ-II, м. 9 (табл. 212, *5*), Центрального Казахстана – Сангру II, огр. 20 или 27 (табл. 212, *2*), Аксу-Аюлы, огр. 3 (табл. 212, *1*), а также Северного Казахстана – Биырек-коль, огр. 23, м. 3 (табл. 212, *4*) и без точного местонахождения (табл. 212, *3*).

ИК: ТЗ–6-8 (табл. 214). Сосуды со своеобразным орнаментальным сюжетом и тремя различными вариантами композиционного решения, с трудом укладывающиеся в предложенную классификацию. Цепочка треугольников «вертикального» типа с обращёнными к низу вершинами и следующий за ней зигзаг нанесены в пределах одной орнаментальной зоны. Но если абстрагироваться от этого обстоятельства, то можно представить классический (табл. 214, *1*), редуцированный (табл. 214, *3, 4, 5*) и неоклассический (табл. 214, *2*) полисюжет.

Орнаментальная схема этой немногочисленной серии сосудов далека от классики андроновского орнамента. Поэтому, скорее всего, эти экземпляры отражают сравнительно поздние структурные трансформации и (или) (?) инокультурные влияния. Найдены в Южном Зауралье – Смолино (табл. 214, *5*), в Казахстане Северо-Западном – Лисаковский I (табл. 214, *2*), Северо-Восточном – Мичурино I (табл. 214, *7*), в Томском Приобье – ЕК-II, м. 25, № 1 (табл. 214, *3*), м. 253, № 1 (табл. 214, *8*), ЕК-I, раскоп 1 (табл. 214, *1*), на Алтае – Фирсово XIV, м. 64 (табл. 214, *4*), Рублёво VIII (табл. 214, *6*).

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «ТРЕУГОЛЬНИК»-«ЁЛОЧКА» (ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ЗИГЗАГ)

ИК: ТЁ–1 (табл. 215). Представлены композицией классический полисюжет. Вторая зона орнаментирована цепочкой треугольников вертикального типа вершинами вверх. В третьей зоне – «ёлочка», сочетающаяся с «включённым» горизонтальным зигзагом (табл. 215, *1*) или напоминающая «шевронные» фигуры в третьей зоне (табл. 215, *2*). Локализация: Средний

Енисей – Сухое озеро I, к. 468, м. 1 (табл. 215, *1*), Томское Приобье – ЕК-II, м. 13, № 1 (табл. 215, *3*), м. 257, № 1 (табл. 215, *4*), м. 304, № 4 (табл. 215, *5*), Центральный Казахстан – Айшрак, огр. 11 (табл. 215, *2*).

ИК: ТЁ–2-3 (табл. 216)**.** Композиционно смешанная серия. В трёх случаях это неоклассический полисюжет (табл. 216, *2-4*), а в третьем полисюжет-классический (табл. 216, *1*). В отличие от предыдущих сосудов, вторая зона украшена двумя цепочками противопоставленных треугольников «вертикального» типа. Интересно совпадение в региональной локализации предыдущих и рассматриваемых сосудов: Средний Енисей – Новосёлово (табл. 216, *1*), Томское Приобье – Вахрушево, к. 6, м. 2 (табл. 216, *2*), ЕК-II, м. 80, № 3 (табл. 216, *4*), Центральный Казахстан – Мыржик II, к. 1, м. 1 (табл. 216, *3*).

ИК: ТЁ–4-6 (табл. 217). Два варианта композиционного решения: классический и редуцированный полисюжет с утраченной орнаментацией зоны венчика. Следующая орнаментальная зона заполнялась треугольными элементами «горизонтального» типа, в двух случаях связанными вертикально-сомкнутым, а ещё в одном – диагонально-сомкнутым способом. Третья зона орнаментирована «ёлочкой», причём в двух случаях – «шевронного» типа.

Сосуды с такой орнаментальной схемой найдены в Новосибирском Приобье – Вахрушево, к. 7, м. 1 (табл. 217, *1*), в Южном Казахстане – Тау-Тары (табл. 217, *2*), на Тянь-Шане – Арпа (табл. 217, *3*).

Показательно, что это необычное и редкое сочетание орнаментальных мотивов зафиксировано в удалённых комплексах на разных периферия андроновского ареала.

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «ЗИГЗАГ»-«МЕАНДР»

ИК: ЗМ–1-2 (табл. 218). На всех имеющихся в моём распоряжении экземплярах доминантная орнаментация зоны венчика цепочкой треугольников не утрачена только на шапатском сосуде. В остальном всё орнаментальное поле состоит из верхней (-их) зоны, украшенной зигзагом, и нижней, декорированной «ковровым» меандром А-типа. Варианты композиции – неоклассический и редуцированный полисюжет.

Обнаружены на Среднем Енисее – Солёноозёрная I, м. 1 (табл. 218, *4*), в Казахстане: Восточном – Кенжеколь-1 (табл. 218, *5*), Северном – Алыпкаш (табл. 218, *1*), Северо-Восточном – Мичурино I (табл. 218, *8*), Центральном – Шапат, м. 46 (табл. 218, *7*), Ташик (табл. 218, *9*), Южном – Тамгалы I, огр. 2, ящ. 1 (табл. 218, *3*), а также в Южном Зауралье – Солнце-Талика, к. 3, яма 3 (табл. 218, *2*), Урефты I, к. 13, п. 7 (табл. 218, *6*).

Отсутствие орнамента в зоне шейки-плечиков у южноуральского сосуда (табл. 218, *2*) ***объясняется влиянием алакульской традиции, а валиковая рельефность зигзага у среднеенисейского образца*** (табл. 218, *4*) – ***хронологически поздними импульсами общности КВК.***

Показателен тамгалинский сосуд, найденный в одной ограде с сосудом без орнамента и валиком (табл. 218, *3*) [см.: Рогожинский, 1999, с. 13, рис. 6]. ***Подобное совпадение не случайно и удостоверяет синхронизацию данной орнаментальной схемы с общностью культур валиковой керамики эпохи поздней бронзы.***

ИК: ЗМ–3-5 (табл. 219). Сосуды с различными композициями, но со схожим принципом построения орнаментальных сюжетов: зона зигзага предшествует линейным меандрам сомкнутого типа. Всего три варианта композиции: классический, редуцированный и неоклассический полисюжет. Найдены в Северо-Восточном Казахстане – Мичурино I (табл. 219, *5*), на Алтае – Подтурино (табл. 219, *1*), в Томском Приобье – ЕК-II, м. 24, № 7 (табл. 219, *2*), а также в Южном Зауралье – Фёдоровский (табл. 219, *3*), Урефты I, к. 25, п. 70 (табл. 219, *4*).

На сосуде из могильника Мичурино I, помимо линейного меандра сомкнутого типа, в третьей зоне фигурируют ещё два типа орнаментации, вероятно, означающие календарный месячный цикл. Это двадцать треугольников «горизонтального» типа с вертикально-сомкнутым способом соединения (10 + 10 = 20), далее шесть аналогично связанных ромбов (3 + 3 = 26), затем один разомкнутый меандровый элемент линейного типа (27) и за ним цепочка из четырёх линейных меандров сомкнутого типа, последний из которых выполнен только «наполовину», как и одиночный элемент (30-31). Всего 31 элемент, из которых два «не завершены» и суммарно могут считаться как один, что при итоговом подсчёте даёт число 30, означающее количество суток календарного месяца (табл. 219, *5*)[2].

[2] Возможна и иная символизация бордюра мичуринского сосуда. Ведийский год богов – это тридцатилетний

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «ЗИГЗАГ»-«ТРЕУГОЛЬНИК»

ИК: ЗТ–1 (табл. 220). Связаны единством композиции. Классический полисюжет. Вторая зона заполнялась зигзагообразной линией, как бы разделяющей её на два противопоставленных ряда взаимопроникающих «треугольников», воспринимаемых только в позитив-негативной инверсии. Третья зона украшена треугольниками «пирамидального» типа. Один экземпляр составляет исключение из общего правила: вторая зона украшена зигзагом, имеющим диагональный уклон, а в третьей «пирамидка» из треугольников чередуется с «ковровым» меандром (табл. 220, *4*). На кузнецком сосуде зигзаг второй зоны напоминает построения сомкнутых меандров (табл. 220, *5*).

Местонахождения таких сосудов связаны со среднеенисейским регионом – Пристань I, огр. 7, м. 4 (табл. 220, *3*), Ярки II, м. 7 (1926 г.) (табл. 220, *1*), Кузнецкой котловиной – Танай XII, к. 13, п. 1 (табл. 220, *5*), Северным Казахстаном – Алыпкаш (табл. 220, *2*) и Восточным – Малый Койтас (табл. 220, *4*).

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «ЗИГЗАГ»-«ЁЛОЧКА» (ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ЗИГЗАГ)

ИК: ЗЁ–1-2 (табл. 221). Включает один сосуд с композицией классический полисюжет, а остальные – с производным редуцированным полисюжетом, где утрачивается орнаментация зоны венчика доминантным мотивом – цепочкой треугольников. Следующие орнаментальные зоны украшены зигзагом и «ёлочным» декором соответственно. В трёх случаях последняя зона сосуда заполнялась «ёлочкой» «шевронного» типа (табл. 221, *1, 2, 4*). Керамика с подобной орнаментальной схемой тяготеет к центральной части андроновского ареала и сопредельным северо-восточным территориям: Центральный Казахстан – Койшокы II, огр. 4 (табл. 221, *5*), Ижевский I, под. мат-л (табл. 221, *3, 4*), Былкылдак I или II) (табл. 221, *2*), Бараба – Венгерово I, к. 3, п. 1 (табл. 221, *1*), Новосибирское Приобье – Вахрушево, к. 2 (табл. 221, 6). ***Хронология этой орнаментальной схемы определяется по браслету с конусовидными спиралями на окончаниях из одного погребения с сосудом в Койшокы II*** [см.: Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 81-84, рис. 53, 4, 5; 54, 1]. ***Аналогичное значение эта находка имеет и для следующего орнаментального сюжета, типологически и генетически связанного с рассмотренным.***

ИК: ЗЁ–3 (табл. 222). Типологически напоминает предыдущую орнаментальную схему: зигзаг, а в следующей зоне «ёлочка». Но композиционное решение иное: неоклассический полисюжет, где доминантный мотив зоны венчика – цепочка треугольников вытесняется иными элементами. В одних случаях зональность орнаментального поля сосуда акцентирована, в других – почти нет. На двух сосудах «ёлочная» орнаментация выполнена в стилизованной «шевронной» манере (табл. 222, *1, 2*). Сосуды с рассмотренной орнаментальной схемой обнаружены на Алтае – Фирсово XIV, м. 78 (табл. 222, *1*), в Кузнецкой котловине – Танай XII, п. 24 (табл. 222, *2*), п. кв. R-S-LVI (табл. 222, *4*), а также в Томском Приобье – ЕК-II, м. 21, № 1 (табл. 222, *3*).

Таким образом, локализация этой изобразительной схемы представляется сравнительно узкой и ограничена междуречьем Верхнего Приобья и Нижнего Притомья.

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «ЁЛОЧКА» (ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ЗИГЗАГ)-«МЕАНДР»

ИК: ЁМ–1 (табл. 223). Композиционный вариант – классический полисюжет. Вторая орнаментальная зона заполнялась «ёлочными» (вертикально-зигзаговыми) элементами «шевронного» типа. Орнамент третьей зоны представлен «ковровым» меандром А-типа, а в двух фирсовских случаях – В-типа. Зафиксировано одиннадцать сосудов с такой орнаментацией, два из которых имеют композиционное отличие – редуцированный полисюжет (табл. 223, *6*, *7*), а у мичуринского экземпляра «ковровый» меандр выполнен в позитив-негативной инверсии.

период в жизни человека, приносящего жертвы в новолуние и полнолуние. За первые пятнадцать лет он получает триста шестьдесят ночей, а за следующие пятнадцать – ещё и триста шестьдесят дней (2 × 12 × 15 = 360) [см. по: Satapatha-Brahmana, XI. 1. 2. 10, 11].

Примечательна устойчивость орнаментальной комбинации и, соответственно, подразумеваемого ею смыслового значения: «ёлочка» «шевронного» типа ни с какими разновидностями меандров, кроме «ковровых» А-типа в третьей зоне, не сочетается.

Один сосуд найден в Кузнецкой котловине – Дегтярёвка (Урский), к. 10 (табл. 223, *4*), один в Томском Приобье – ЕК-II, м. 64, № 1 (табл. 223, *9*), ещё пять происходят с территории Алтая – Чёрная Курья II, Самарка IБ (табл. 223, *3, 5*), Рублёво VIII, м. 15 (табл. 223, *6*), Фирсово XIV, п. 7 (табл. 223, *10*), п. 26 (табл. 223, *11*), один из Северо-Восточного – Мичурино I (табл. 223, *8*), один из Северо-Западного Казахстана – Лисаковский I (табл. 223, *7*), а два других из Центрального – Ижевский I, под. мат-л (табл. 223, *1, 2*).

В погребении 7 могильника Фирсово XIV найдены браслеты с конусовидными спиралями на окончаниях [Федорук, Федорук, Папин, 2013, с. 275, рис. 1]***, но, учитывая различие в орнаментации третьей зоны (ковровый меандр В, а не А-типа), фирсовский экземпляр может датировать всю орнаментальную серию только условно.***

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «ЁЛОЧКА» (ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ЗИГЗАГ)-«ТРЕУГОЛЬНИК»

ИК: ЁТ–1 (табл. 224). Композиции всех сосудов относятся к классическому полисюжету, т.е. трёхзональной разбивке орнаментального поля сопутствовало украшение венчика доминантным мотивом – цепочкой треугольников. Вторую орнаментальную зону заполняют «ёлочные» (вертикально-зигзаговые) элементы «шевронного» типа. Третья зона декорирована треугольниками «пирамидального» типа. Сосуды с такой схемой орнаментации найдены в районах Среднего Енисея – Орак, м. 29 (табл. 224, *4*), Кузнецкой котловины – Урский, к. 11, м. 1 (табл. 224, *2*), а также лесостепного Алтая – ЕГМ-II, м. 1 (табл. 224, *1*), Иконниково (табл. 224, *3*), Фирсово XIV, м. 66 (табл. 224, *5*), м. 68 (табл. 224, *6*).

Подобная керамика локализована исключительно на восточной периферии андроновского ареала.

ИК: ЁТ–2 (табл. 225). Единственное отличие орнамента этих сосудов от предыдущих заключается в том, что вторая зона заполнена не «шевронной», а сплошной «ёлочкой». Керамика с подобным орнаментом обнаружена на Среднем Енисее – Устье-Бири IV, м. 28 (табл. 225, *2*), в Кузнецкой котловине – Урский, к. 1, м. 1 (табл. 225, *1*), Танай XII, п. кв. V-W-XLII-XLI (табл. 225, *4*). Сюда же возможно отнести сосуд с трансформированной, но схожей орнаментальной схемой из Томского Приобья – ЕК-II, м. 289, № 1 (табл. 225, *3*), а также барабинский горшок из Старого Сада, к. 80, п. 2, с. 2 с иным способом композиционного решения – неоклассический полисюжет (табл. 225, *5*).

Ареал этих сосудов несколько шире территориальных рамок предыдущей серии.

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «ЁЛОЧКА» (ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ЗИГЗАГ)-«ЗИГЗАГ»

ИК: ЁЗ–1 (табл. 226). Композиционно относятся к варианту классический полисюжет: трёхзональная разбивка орнаментального поля, цепочка треугольников по венчику и неодинаковые орнаментальные элементы во второй и третьей зонах. В данном случае это «ёлочка» (вертикальный зигзаг) и горизонтальный зигзаг соответственно. Различие между типом «ёлочки» («шевронная» и сплошная), заполняющей вторую зону, принимается как вынужденный допуск ввиду малочисленности серии. Найдены в могильниках Орак, м. 27 – Средний Енисей (табл. 226, *1*), Урский, к. 11, м. 1 – Кузнецкая котловина (табл. 226, *3*) Ой-Джайляу III – Семиречье (табл. 226, *2*).

ИК: ЁЗ–2 (табл. 227). По композиционному решению производна от предыдущей – редуцированный полисюжет с утраченными трёхзональной разбивкой и орнаментацией венчика доминантным мотивом – цепочкой треугольников. Орнамент второй и третьей зон не изменился: «ёлочка» и зигзаг соответственно. На одном сосуде сохранилось иное композиционное решение – неоклассический полисюжет (табл. 227, *7*). Известны из районов Казахстана: Восточного – Кенжеколь-1, м. 34 (табл. 227, *5*), Кызылтас, огр. 41 (табл. 227, *6*), Северного – Акмола, огр. 23 (табл. 227, *3*), Северо-Западного – Лисаковский I, огр. 2, м. (табл. 227, *2*); Томского При-

обья – ЕК-II, м. 110, № 1 (табл. 227, *7*), м. 174 (табл. 227, *4*), а также Новосибирского Приобья – Вахрушево, к. 1, м. 1 (табл. 227, *1*). Зигзаг третьей зоны на сосудах из ЕК-II и Лисаковского могильника передан в форме горизонтальной «ёлочки», в первом случае вершинами вниз, а во втором – вверх (табл. 227, *2, 4*).

На кызылтаском сосуде «ёлочка» «шевронного» типа (табл. 227, *6*), а кенжекольский экземпляр перемежает «ёлочку» верхней зоны с зигзагом, идентичным расположенному в следующей условной зоне тулова (табл. 227, *5*).

Сосуд из могильника Вахрушево имеет два валика (табл. 227, *1*)***, удостоверяя вероятность синхронизации этой орнаментальной схемы с общностью культур валиковой керамики эпохи поздней бронзы.***

ИК: ЁЗ–3 (табл. 228). Включает два сосуда, композиционно относящиеся к варианту неоклассический полисюжет, в котором место доминантной цепочки треугольников по венчику занимают иные мотивы. В данном случае это подовальные и подтреугольные вдавления. Вторая и третья зоны, как и в двух предыдущих случаях, заполнялась «ёлочкой» и зигзагом соответственно. Посуда с такой орнаментацией найдена в Барабе – Преображенка III, к. 57, п. 1 (табл. 228, *2*), в Ачинско-Мариинской лесостепи – Ашпыл (табл. 228, *1*).

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «КАННЕЛЮР»-«МЕАНДР»

ИК: КМ–1 (табл. 229). Композиционное решение – классический полисюжет. Вторая зона заполнялась каннелюрами, их имитацией либо, вероятно, подразумеваемой как каннелюры, содержательно равнозначной им неорнаментированной средней зоной, а третья зона – линейным меандром разомкнутого типа. Найдены в Томском Приобье – ЕК II, к. 52, м. 10, № 1 (табл. 229, *1*), на Алтае – Фирсово XIV, сос. 3, м. 22 (табл. 229, *5*), сос. 2, м. 74 (табл. 229, *3*), БЕ-XVI (табл. 229, *2*), в Северо-Восточном Казахстане – Мичурино I (табл. 229, *4*).

Локализация этих сосудов ограничена районами Верхнего Приобья и сопредельной территорией Северо-Восточного Казахстана.

ИК: КМ–2-3 (табл. 230). Отличаются от предыдущих лишь композиционно. Всего два варианта: неоклассический и редуцированный полисюжет. При первом доминантная цепочка треугольников по венчику вытеснена иными мотивами либо своеобразной имитацией подобных «треугольников», а при втором доминантный мотив утрачен вместе с автономной зоной венчика и трёхзональностью. Происходят с территории Центрального Казахстана – Бегазы, огр. 1 (табл. 230, *3*), из Южного Зауралья – Путиловская Заимка II, к. 2, п. 1 (табл. 230, *1*), Солнце-Талика, к. 3, яма 3 (табл. 230, *2*).

ИК: КМ–4 (табл. 231). Композиция – классический полисюжет. Главное отличие орнаментации этих сосудов от предыдущих в том, что третья зона заполнялась иным типом меандра, а именно линейными меандрами замкнутого типа. Вторая зона украшалась каннелюрами, их имитацией либо содержательно равнозначной им неорнаментированной средней зоной, как у отражающей алакульское влияние серии горшков из могильника Лисаковский I. Компактной территориальной локализации не наблюдается: Томское Приобье – ЕК-II, м. 22, № 1 (табл. 231, *9*), Центральный Казахстан – Егизек II, огр. 2 (табл. 231, *1*), Северо-Западный Казахстан – Лисаковский I (табл. 231, *5-8*), Ушкаттинский I (табл. 231, *10*), Тянь-Шань – Арпа (табл. 231, *3*), Южное Зауралье – Фёдоровский, к. 60 (табл. 231, *2*), Солнце-Талика, к. 2, м. (табл. 231, *4*).

«Ёлочка», линейный меандр замкнутого типа и треугольники «пирамидального» типа (табл. 231, *9*) ***сочетаются в третьей зоне сосуда из ЕК-II. Поэтому он присутствует и в других инвариантных комбинациях*** (табл. 234, *7*; 258, *8*). ***Взаимозаменяемость данных элементов может означать сопоставимость их смысловых значений, актуализировавшихся конкретным семантическим контекстом.***

ИК: КМ–5-6 (табл. 232; 233). Композиционно все сосуды соответствуют критериям классического полисюжета, за исключением горшка из могильника Кытманово (м. 4) с двумя мотивами на венчике: доминантная цепочка треугольников и «ёлочка». Это признак совмещения двух вариантов композиционного решения: классического и неоклассического полисюжета (табл. 232, *1*). Вторая зона у всех сосудов заполнялась каннелюрами, а третья «ковровым» меандром А-типа, за исключением сосуда из Орака с «ковровым» меандром, но только Б-типа, в третьей зоне (табл. 233, *6*).

Сосуды с подобной орнаментальной схемой известны с территории Среднего Енисея – Орак, м. 15 (табл. 233, *6*), лесостепного Алтая – Кытманово, м. 34 (табл. 232, *1, 2*), Казахстана: Восточного – Меновное-9, огр. 7, м. (табл. 232, *5*), Центрального – Аксу-Аюлы, к. 2 (табл. 233, *1*), Айшрак, огр. 11 (табл. 232, *3*), Северного – Бугулы I (табл. 233, *2*), огр. 4, яма 4 (табл. 233, *4*)), Северо-Западного – Лисаковский I (табл. 232, *6*), Ушкаттинский I (табл. 233, *5*), а также Южного Зауралья – Сухомесовский (табл. 233, *3*), Урефты I, к. IV, п. 1 (табл. 232, *4*).

Оракский случай не только уникален в этой инвариантной комбинации, но и подчёркивает восточную границу данной серии. Подобные сосуды неизвестны к востоку от Оби.

Одновременно закономерности построения орнаментальных схем, сочетающих каннелюры с меандрами, вызывает ассоциацию с инвариантными комбинациями ТМ–13, ТМ–14, ТМ–15-16. В обоих случаях очевиден приоритет выбора типа меандра третьей зоны. Здесь превалируют меандры А-типа и только единичные экземпляры украшались меандрами Б или В-типа, присущими восточной зоне. Вероятно, это сходство двух несхожих типов орнаментальных композиций объясняется единством обусловивших их причин: хронологической и семантической. Сочетанием каннелюр с меандрами А-типа подразумевалось понятное современникам смысловое содержание композиции, а с меандром Б-типа, скорее всего, нет.

Поскольку меандры В-типа, в целом, хронологически позднее А-типа, их использование в сочетании с зоной каннелюр вообще потеряло смысл. Вероятно, такое построение было замещено орнаментальными комбинациями, передающими схожее содержательное значение, но иными выразительными средствами.

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «КАННЕЛЮР»-«ТРЕУГОЛЬНИК»

ИК: КТ–1 (табл. 234; 235). Орнаментальная схема этих сосудов соответствует композиционным критериям классического полисюжета, где при трёхзональной разбивке орнаментального поля зона венчика декорирована доминантной цепочкой треугольников. Вторая зона заполнена каннелюрами, а третья – треугольниками «пирамидального» типа.

За исключением североказахстанского и трёх восточно-казахстанских экземпляров – Боровое, огр. 6 (табл. 234, *4*), Меновное-9, огр. 2, м. (табл. 235, *1*), Берёзовский, огр. 1 (табл. 234, *5*), огр. 7 (табл. 234, *6*), большинство сосудов этой серии обнаружены, в основном, ближе или к востоку от Оби: в Барабе – Старый Сад, к. 80, п. 1, с. 3 (табл. 235, *9*), Томском Приобье – ЕК-II, м. 22, № 1 (табл. 234, *7*), Кузнецкой котловине – Дегтярёвка (Урский) (табл. 235, *3*), Чудиновка-1, сос. 1, к. 1, м. 1 (табл. 235, *6*), сос. 1, к. 6, м. 1 (табл. 235, *7*), сос. 3, к. 7, м. 1 (табл. 235, *8*), Танай I, к. 7, м. 4, (табл. 234, *2*), на Алтае – Подтурино (табл. 235, *4*), Чекановский Лог-10 (табл. 234, *1*), в Ачинско-Мариинской лесостепи – Кадат IX, м. 3 (табл. 235, *5*), а также на Среднем Енисее – Орак, м. 40 (табл. 235, *2*), Солёноозёрная I, м. 8 (табл. 234, *3*).

Один из чудиновских сосудов – сос. 1, к. 1, м. 1 (табл. 235, *6*) – найден в кургане, давшем горшок с валиком под венчиком (табл. 134, *7*).

В третьей зоне еловского сосуда сочетаются сразу три элемента: «ёлочка», линейный меандр замкнутого типа и треугольники «пирамидального» типа (табл. 234, *7*). ***Поэтому он фигурирует и в других инвариантных комбинациях*** (табл. 231, *9*; 258, *8*), ***удостоверяя смысловую взаимозаменяемость данных элементов, означавших нечто сопоставимое или близкородственное.***

ИК: КТ–2-3 (табл. 236). Объединяет два варианта композиционного решения: неоклассический и редуцированный полисюжет. В первом случае цепочка треугольников по венчику замещена оттиском наклонного штампа, а во втором орнаментальная зона венчика отсутствует вовсе. Один сосуд происходит со Среднего Енисея – Устье-Бири IV, м. 6 (табл. 236, *4*), два из Кузнецкой котловины – Титово II, к. 5, м. 5 (табл. 236, *2*), Чудиновка-1, сос. 2, к. 8, м. 1 (табл. 236, *6*), ещё два с Алтая – Рублёво VIII (табл. 236, *1*), м. 19 (табл. 236, *5*), а один из среднеенисейского могильника Подкунинский к. 2, м. (табл. 236, *3*). Обращают на себя внимание оригинальные пирамидальные фигуры рублёвского экземпляра (табл. 236, *1*).

Рассмотренный сюжет также относится к числу орнаментальных схем, локализованных в междуречье р. Оби и р. Енисея.

ИК: КТ–4-5 (табл. 237; 238). Композиционно большинство сосудов относятся к классическому полисюжету. Первая зона – цепочка треугольников по венчику, вторая – каннелюры, а третья, иная, чем у двух предыдущих серий, заполнена бордюром из треугольников (или подтреугольных построений) «вертикального» типа с обращёнными к низу вершинами. В одном случае они обрамлены треугольными фестонами (табл. 238, *4*), а в другом каннелюры во второй зоне «прерваны» рядом «штрихполос» (табл. 238, *1*). Композиция одного из вахрушевских сосудов представлена неоклассическим полисюжетом, отличимым по орнаментации венчика не цепочкой треугольников, а каннелюрами (табл. 238, *5*). Известны из Казахстана: Центрального – Байбала I (табл. 237, *2*), Бугулы I (табл. 237, *3*), Северного – Бурлук I, огр. 7 (табл. 238, *2*), Восточного – Средняя база Беткудук, огр. 3, п. (табл. 237, *1*), Алтая – Кытманово, м. 6 (табл. 237, *4*), м. 23 (табл. 238, *4*), Барабы – Старый Тартас-4, гр. п. 1 (табл. 238, *3*), Тартас-1, захор. 358 (табл. 237, *6*; 238, *6*), Новосибирского Приобья – Вахрушево, к. 6, м. 1 (табл. 238, *1*), к. 7, м. 1 (табл. 238, *5*), Кузнецкой котловины – Чудиновка-1, сос. 1, к. 7, м. 1 (табл. 237, *5*).

За исключением одного чудиновского сосуда, такая орнаментальная схема локализована в центре ареала – от Верхнего Приобья до Центрального Казахстана.

ИК: КТ–6 (табл. 239-241). По способу композиционного решения представляет редуцированный полисюжет, в котором утрачен доминантный орнаментальный мотив цепочки треугольников по венчику.

В ряде случаев выраженность зоны каннелюр условна, но эти сосуды также отнесены к данному орнаментальному сюжету. Как и в предыдущем случае, за зоной каннелюр следует зона бордюра из треугольников с обращенными к низу вершинами. Техника и манера их исполнения разные, но план содержания идентичен. Находки сосудов с такой орнаментацией в основном связаны с территорией Казахстана: Центрального – Жаман-Узен, огр. 2, п. 2 (табл. 240, *6*), Аксу-Аюлы, огр. 2 (табл. 241, *2*), Сангру II, огр. Б (табл. 239, *2*), Шет I, огр. 1 (табл. 240, *7-10*), огр. 3 (табл. 240, *4*), Шет III (табл. 240, *3*), Койшокы II, огр. 4 (табл. 241, *5*), Ижевский I (табл. 240, *1, 2, 5*), Шапат, м. 9 (табл. 241, *7*), м. 10 (табл. 241, *8*), Бозенген, к. 5а, м. 1 (табл. 241, *9*), к. 8, м. 11 (табл. 241, *10*), Ташик (табл. 241, *11-15*), Восточного – Малый Койтас, м. 8 (табл. 241, *4*), с Кузнецкой котловиной – Заречное I (табл. 239, *3*), Урский, к. 1, м. 3 (табл. 239, *4-6*), Чудиновка-1, сос. 3, к. 3, м. 1 (табл. 239, *7*), а также с лесостепным Алтаем – Змеевка (табл. 241, *1*), Мехток (табл. 241, *6*). По одному экземпляру найдено в Барабе (Преображенка III, к. 91, п. 2) (табл. 239, *1*) и на Среднем Енисее (Устье-Бири IV, сборы) (табл. 241, *3*).

Как и у предыдущей орнаментальной серии КТ–4-5, основные находки посуды с производной от неё и упрощённой орнаментальной комбинацией КТ–6 сконцентрированы в срединной части ареала и практически неизвестны западнее Тоболо-Ишимского водораздела и восточнее междуречья р. Оби и р. Томи.

В одном погребении с сосудом из Койшокы II обнаружен браслет с конусовидными спиралями на окончаниях, а также сосуд из орнаментальной серии ЗЁ–1-2 (см. выше) [см.: Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 81-84, рис. 53, 4, 5; 54, 1]. ***Подобное сочетание допускает не только датировку отдельного орнаментального сюжета, но и синхронизацию серий сосудов (и памятников, в которых они найдены) с различными схемами орнаментации.***

ИК: КТ–7 (табл. 242). Объединяет сосуды, типологически близкие двум предыдущим сериям, но демонстрирующие иной вариант композиционного решения – неоклассический полисюжет, в котором доминантный мотив цепочки треугольников по венчику вытесняется другими элементами. В данном случае венчик всех сосудов декорирован одним рядом ямочных либо подтреугольных вдавлений. Сосуды с таким орнаментом найдены в Центральном Казахстане – Шет II, огр. 2 (табл. 242, *6*), на Алтае – Кытманово) (табл. 242, *5*), в Кузнецкой котловине – Урский, к. 1, м. 3 (табл. 242, *4*), к. 15, м. 1 (табл. 242, *1*), Чудиновка-1, сос. 1, к. 22, м. 1 (табл. 242, *7*), а также в Южном Зауралье – Сухомесовский, к. 6 (табл. 242, *3*) – и на Среднем Енисее – Усть-Ерба, м. 1 (табл. 242, *2*).

Очевидных приоритетов в локализации этой орнаментальной схемы не усматривается.

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «КАННЕЛЮР»-«ЗИГЗАГ»

ИК: КЗ–1 (табл. 243-245). Композиционно выдержаны в «каноническом» варианте: классический полисюжет, где зона венчика украшена цепочкой треугольников. Вторая и третья зоны орнаментированы каннелюрами и зигзаговыми построениями соответственно.

Такая орнаментальная схема более характерна для памятников, расположенных к востоку от Оби. Исключение составляют два сосуда из Южного Зауралья: в могильнике Урефты I – яма кв. Д-8 (табл. 243, *8*), к. 8, п. (табл. 245, *4*); ещё четыре центрально-казахстанских экземпляра – Айшрак Б, кур-огр. II (табл. 243, *7*), Актобе I, огр. 2, м. 3 (табл. 243, *10*) Ташик (табл. 245, *7*), Балыкты, огр. 3, жерт. 1 (табл. 243, *12*), а также похожий на урефтинский (табл. 245, *4*), не совсем обычный сосуд из Северного Казахстана (Боровое, огр. 10, м. 2, табл. 245, *1*), горшок из могильника Мичурино I в Северо-Восточном Казахстане (табл. 243, *9*) и два барабинских сосуда из могильника Старый Тартас – 4, к. 15, м. 17 (табл. 244, *1*), к. 15, м. 18 (табл. 244, *5*).

Больше горшков с подобной орнаментацией найдено на Среднем Енисее – Солёноозёрная I, м. 15 (табл. 243, *5, 6*), м. 31 (табл. 244, *3*), Красный Яр, к. 1 (?) (табл. 244, *8*), в Кузнецкой котловине – Урский, к. 6 (табл. 244, *7*), Чудиновка-1, сос. 2, к. 10, м. 1. Здесь треугольники в зоне венчика перевёрнуты как у горшка из могильника Ташик – (табл. 245, *6* сравн. 245, *7*), Танай XII (табл. 243, *11*) и на Алтае – Чекановский Лог-10 (табл. 243, *1, 2, 4*; 245, *3*), БЕ-XVI, м. 8 (табл. 244, *4*), сбор (табл. 244, *2*), Быково IV, м. 4 (табл. 243, *3*), Берёзка I (?) (табл. 245, *2*), Иконниково (табл. 244, *6*), Фирсово XIV, кв. 32 (табл. 245, *5*).

ИК: КЗ–2-3 (табл. 246-249). Типологически близки предыдущей схеме, но композиционно представляют редуцированный полисюжет с утратой доминантного мотива – цепочки треугольников по венчику. Таким образом, орнаментальный сюжет сосуда состоит из двух зон: верхней – зоны каннелюр (или их имитации) и нижней – зоны заполненной зигзаговыми построениями. Территориально рассматриваемая орнаментальная схема представлена на сосудах, обнаруженных в Южном Зауралье – Фёдоровский, к. 42 (табл. 248, *7*), Смолино, к. 7, п. 2, 1908 г. (табл. 248, *6*), Большеказакбаевский 2, к. 19, яма 2 (табл. 246, *10*), в Казахстане: Центральном – Аксу-Аюлы, огр. 2 (табл. 246, *8*), Сангру II, огр. В (табл. 248, *5*), Мыржик III (табл. 246, *2*), Шет II, огр. 2 (табл. 247, *2, 10*), Атасу I (табл. 246, *3*), Балыкты (табл. 246, *9*), Жиланды, огр. 7, п. 3 (табл. 247, *8*), Самара, к. 4, м. 2 (табл. 247, *6*), Тасырбай II, огр. 3 (табл. 247, *7*), Аяпперген (Аяпберген), кур.-огр. (табл. 247, *11*), Икпень I, м. 20 (табл. 246, *12*), Звенигородка, огр. 8, жерт. 4 (табл. 248, *10*), огр. 2, жерт. 3 (табл. 248, *11*), Актобе I, огр. 3, м. 2 (табл. 248, *12*), Нуртай, к. 15, м. 1 (табл. 246, *13*), огр. 22в, м. 1 (табл. 246, *14*), Бозенген, к. 5б, жерт. (табл. 246, *15*), Ташик (табл. 246, *16-18*; 247, *15-18*), Северо-Западном – Лисаковский I, раск. VIII, к. 1, м. 7 (табл. 246, *4*), Восточном – Средняя база Беткудук, огр. 39, ящ. 1 (табл. 247, *4*), Меновное-9, к. 8, огр. Г, м. (табл. 246, *6*), Малое Карасу, сев. ящ. (табл. 249, *5*), Маринка, м. 12 (табл. 247, *12*), м. 19 (табл. 247, *13*), Северо-Восточном – Мичурино I (табл. 246, *11*; 248, *9*), Южном – Тамгалы I (табл. 249, *3*), огр. 1, ящ. 5 (табл. 247, *1, 3*), огр. 1, ящ. 7 (табл. 246, *7*), огр. 2 (табл. 249, *1, 4*), огр. 3 (табл. 248, *8*); на Алтае – Кытманово, сборы (табл. 247, *5*), БЕ-XIV, м. 19 (табл. 249, *2*), Рублёво VIII (табл. 249, *7*); в Кузнецкой котловине – Заречное I (табл. 246, *1*), Чудиновка-1, сос. 3, к. 8, м. 1 (табл. 249, *8*); Томском – ЕК-II, м. 53, № 1 (табл. 247, *14*), м. 254, № 1 (табл. 249, *9*), Новосибирском Приобье – Вахрушево, к. 7, м. 2 (табл. 249, *6*), в Барабе – Преображенка III, п. 6 (табл. 248, *2*), п. 18 (табл. 248, *1*), а также на Среднем Енисее – Устье-Бири IV, м. 19 (табл. 248, *4*), м. 21 (табл. 246, *5*), сборы (табл. 247, *9*) и без точного местонахождения (табл. 248, *3*). ***Самым примечательным диссонансом орнаментальной схемы КЗ–2-3 и типологически близкой инвариантной комбинации КЗ–1, представляется территориальное несовпадение распространённости этих орнаментальных схем. Сосуды КЗ–1 с каннелюрово-зигзаговой схемой в композиции классический полисюжет с цепочкой треугольников по венчику тяготеют к приобским территориям и районам восточнее Оби. Но исчезновение доминантной цепочки треугольников с венчика и трансформация орнаментальной схемы в редуцированный полисюжет кардинально меняют локализацию принципиально схожего орнаментального построения КЗ–2-3. Начинают превалировать казахстанские находки, почти в два раза превышающие прочие экземпляры с подобной орнаментацией. Вероятно,***

это указывает на исходный вариант развития подобной орнаментальной схемы от КЗ–2-3 к КЗ–1, а заодно и на территорию её происхождения.

Хронологическим индикатором для сосудов этой орнаментальной серии является браслет с конусовидными спиралями на окончаниях из могильника Малое Карасу. Он найден в каменном ящике, имевшем общую среднюю стенку с ящиком, где и обнаружен упоминавшийся сосуд (табл. 249, *5*) [Ермолаева, 2001, с. 102, 105, рис. 3; с. 107, рис. 5, 7].

В типологических рамках данной орнаментальной схемы выделяется её разновидность с пояском подтреугольных или ямочных вдавлений, а также «насечек» под каннелюрами перед началом зоны зигзага (табл. 250). Возможно, это декоративный, но устойчиво повторяющийся элемент. В одном случае на этом месте фигурирует цепочка треугольников вершинами к верху (табл. 250, *10*). Поэтому проигнорировать такую серию сосудов невозможно. Горшки с такой отличительной орнаментальной деталью известны из памятников Центрального Казахстана – Егизек I, огр. 23 (табл. 250, *3, 4*), Егизек II, огр. 2 (табл. 250, *2*), Икпень I, мог. 2 (табл. 250, *10*), Восточного Казахстана – Маринка, м. 1 (табл. 250, *9*), Томского Приобья – ЕК-II, м. 233, № 1 (табл. 250, *13*), Кузнецкой котловины – Урский, к. 1, м. 3 (табл. 250, *8*), к. 13, м. 1 (табл. 250, *5*), лесостепного Алтая – Гилёво VI (табл. 250, *7*), могильник на реке Чарыш – Чесноково I (табл. 250, *1*), Фирсово XIV, кв. 12 (табл. 250, *11*), м. 156 (табл. 250, *12*), Среднего Енисея – Андроново, м. 3 (табл. 250, *6*).

Ещё одна причина особого внимания к этой серии керамики обусловлена находкой в могильнике Чесноково I, якобы совместно (?) с сосудом (табл. 250, *1*), ***золотой серьги с раструбом и двумя фигурками коней*** [см.: Кирюшин, Шульга, 1996, с. 33-37], ***стилизованных под сейминско-турбинские, но более поздних, относящихся к «постсейминско-турбинской» изобразительной традиции*** [Ковтун, 2013в, с. 346-348 и др.].

ИК: КЗ–4 (табл. 251; 252). Орнаментальный сюжет типологически почти идентичен двум предыдущим, но отличается подтреугольными орнаментальными построениями «вертикального» типа, обращёнными вершинами к низу. Эти элементы образованы подтреугольными и ямочными вдавлениями, заполняющими свободные пространства между окончанием зоны каннелюр и началом зоны зигзага.

Ю.И. Михайлов полагает, что в подобной композиции данный орнаментальный элемент является индикатором погребений девочек и молодых женщин [Михайлов, 1990, с. 16-17]. Помимо этого у подобных сосудов ограничена локализация – в относительной близости или к востоку от Оби: на Среднем Енисее – Орак, м. 35 (табл. 251, *8*), Ярки (табл. 251, *5*), Ярки II, м. 6 (табл. 251, *1*), м. 10 (табл. 251, *3*), в Кузнецкой котловине – Титово II, к. 11 (табл. 252, *2, 4*), Заречное I (табл. 251, *4*; 252, *3*), на Алтае – Кытманово, м. 16 (табл. 251, *6*), в Томском – ЕК-II, м. 262, № 3 (табл. 252, *6*), к. 51, м. 1, № 2 (табл. 252, *1*), Новосибирском Приобье – Юрт-Акбалык II, к. 2 (табл. 251, *2*), а также в Барабинской лесостепи – Преображенка III, п. 14 (табл. 251, *7*). Небезынтересны два центрально-казахстанских сосуда: один из могильника Бозенген, к. 23, жерт. (табл. 252, *7*) и из детского захоронения нуртайского (по А.А. Ткачёву) могильника Икпень I, м. 9 [Ткачёв, 2002, с. 254], где аналогичная орнаментальная схема передана иными выразительными средствами (табл. 252, *5*).

ИК: КЗ–5 (табл. 253). Отличается от предыдущего орнаментального сюжета только композицией, представленной неоклассическим полисюжетом, где зона венчика орнаментирована не цепочкой треугольников, а иными элементами: пояском (поясками) из ямочных, насечковидных либо подтреугольных вдавлений, «ёлочным» орнаментом, и т.д. ***Районы находок таких сосудов*** только отчасти сопоставимы с предыдущими, т.к. ***не распространяются восточнее обского притока р. Ини***: Кузнецкая котловина – Заречное I (табл. 253, *1, 2, 4*), Танай XII (табл. 253, *10*), п. кв. F-G-XLIV-XLV (табл. 253, *11*), Чудиновка-1, сос. 2, к. 11, м. 1 (табл. 253, *9*); Алтай – Кытманово, КОКМ, ин. № 2452/1 (табл. 253, *3*), Подтурино (табл. 253, *7*), Бараба – Абрамово IV, к. 22, п. 6 (табл. 253, *6*), Старый Тартас-4, к. 10, п. 1 (табл. 253, *8*), Преображенка III, к. 77, п. 4 (табл. 253, *5*).

ИК: КЗ–6-7 (табл. 254). По способу композиционного решения орнаментальная схема этих сосудов также относится к неоклассическому полисюжету. Отличие от предыдущей орнаментальной схемы сводится к отсутствию подтреугольных построений «вертикального» типа вершинами к низу из подтреугольных и ямочных вдавлений, «вписанных» между каннелюрами и зигзагом. Венчики этих сосудов, кроме одного (табл. 254, *8*), орнаментированы одним или двумя рядами округлых, подовальных или подтреугольных вдавлений.

Помимо сосудов из Центрального – Аяпперген [Аяпберген], огр. 6, п. (табл. 254, *9*), Северного Казахстана – Биырек-коль, огр. 23, м. 2 (табл. 254, *5*), ещё одного со Среднего Енисея – Новосёлово (табл. 254, *8*), а также Кузнецкой котловины – Чудиновка-1, сос. 2, к. 7, м. 1 (табл. 254, *1*), сос. 1, к. 9, м. 1 (табл. 254, *11*), ***такая керамика превалирует на Алтае***: Быково II, м. 5 (табл. 254, *6*), Подтурино (табл. 254, *2, 3, 7*), БЕ-XVI, м. 11 (табл. 254, *4*), Фирсово XIV, сос. 2, м. 22 (табл. 254, *10*).

ИК: КЗ–8 (табл. 255). Орнамент сосудов отличается от предыдущих только мотивом зоны венчика. Это пояс из диагональных насечковидных или миндалевидных оттисков гладкого штампа. ***Все находки таких сосудов сделаны только в Центральном*** – Тасырбай II, огр. 1 (табл. 255, *3*), Балыкты, огр. 11, жерт. (табл. 255, *1*), Ижевский I (табл. 255, *2*) – ***и территориально близкого этим памятникам могильника Мичурино I*** (табл. 255, *4*) ***в Северо-Восточном Казахстане, а также на Алтае – Кытманово м. 13*** (табл. 255, *5*).

ИК: КЗ–9 (табл. 256). Композиционный вариант аналогичен трём предыдущим – неоклассический полисюжет. Его своеобразие сводится к мотиву, избранному для зоны венчика, орнаментированного зигзагом. Сосуды с подобной орнаментальной схемой найдены в Южном Зауралье – Урефты I, к. 2, яма кв. Е-4 (табл. 256, *8*), в Казахстане: Центральном – Шет III (табл. 256, *3*), Ижевский I, под. мат-л (табл. 256, *2*), Нуртай, к. 14а, жерт. 1 (табл. 256, 7), Северном – Боровое, огр. II (табл. 256, *5*), Ермак (табл. 256, *6*), в Северо-Западном – Лисаковский I, к. 2, п. 3 (табл. 256, *1*), а также на Среднем Енисее – Ярки II, м. 8 (табл. 256, *4*). ***Южноуральское и средненисейское исключения*** (табл. 256, *4, 8*) ***подтверждают популярность этого сюжета в северо- и центрально-казахстанской части ареала.***

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «КАННЕЛЮР»-«ЁЛОЧКА» (ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ЗИГЗАГ)

ИК: КЁ–1 (табл. 257-262). Открывает представительную серию сосудов, орнаментальная схема которых в своей основе образована сочетанием каннелюр либо их имитаций во второй зоне и «ёлочных» (вертикально-зигзаговых) мотивов в зоне третьей. Композиционно удовлетворяет критериям классического полисюжета, где при трёхзональной разбивке орнаментального поля зона венчика украшена цепочкой треугольников.

Подавляющее большинство подобных сосудов найдено близ или к востоку от р. Оби, на восточной периферии андроновского ареала. Исключение составляют экземпляр из цисты центрально-казахстанского могильника Бугулы I (табл. 257, *2*), два сосуда из Северного Казахстана – Боровое, огр. 14, м. К (табл. 257, *1*), огр. 46 (табл. 257, *5*), два из Восточного – Малый Койтас (табл. 258, *6*), Берёзовский, огр. 22В (табл. 261, *4*). Западнее р. Оби сделаны и две барабинские находки – Преображенка III, к. 17, п. 1 (табл. 261, *1*), Сопка II, к. 48 или 46, п. 1 (табл. 258, *7*). Основная же часть керамики с рассматриваемой орнаментальной схемой происходит из районов Среднего Енисея – Сухое озеро I, к. 97, м. (табл. 257, *6*), к. 440, м. 1 (табл. 260, *1*), к. 440, м. 2 (табл. 259, *4*), к. 470, м. (табл. 258, *2*), Орак, м. 33 (табл. 262, *2*), Пристань I, огр. 7, м. 4 (табл. 259, *7*), огр. 9, м. (табл. 262, *1*), место неиз. (табл. 262, *3*), Анаш (табл. 260, *4*), Солёноозёрная I, м. 31 (табл. 259, *5*), Солёноозёрная III, м. 1 (табл. 260, *2*), Солёноозёрная IV, п. ком. 1, м. 2 (табл. 259, *2*), Ачинско-Мариинской лесостепи – Большое Пичугино, к. 9, м. 2 (табл. 262, *4, 5*), Кадат IX, м. 3 (табл. 257, *3*), из Кузнецкой котловины – Урский, к. 3, м. 1 (табл. 258, *1*; 259, *1*), к. 10, м. 1 (табл. 259, *3*), Танай I, к. 7, м. 1 (табл. 258, *3*), к. 10, м. 2 (табл. 261, *2*), к. 10, м. 3 (табл. 260, *3*), Чудиновка-1, сос. 1, к. 9, м. 2 (табл. 260, *5*), Томского Приобья – ЕК-II, м. 22, № 1 (табл. 258, *8*), м. 78 (табл. 259, *6*), м. 154, № 4 (табл. 259, *8*) а также с Алтая – Хомутинка (табл. 261, *3*), Подтурино (табл. 257, *4*; 258, *4, 5*).

Особое место в этой серии занимает один из сосудов могильника ЕК-II, в третьей зоне которого сочетаются сразу три элемента: «ёлочка», линейный меандр замкнутого типа и треугольники «пирамидального» типа (табл. 258, *8*). ***Вероятно, подобным сочетанием удостоверяется смысловой изоморфизм данных элементов, означавших, по-видимому, некие сопоставимые или взаимосвязанные данности. Сосуд с этой орнаментальной схемой включён и в другие инвариантные комбинации, отражающие орнаментальное неоднообразие его третьей зоны*** (табл. 231, *9*; 234, *7*).

ИК: КЁ–2 (табл. 263). Почти идентичен предыдущему орнаментальному сюжету, за исключением окончания третьей зоны, заполненной «ёлочными» (вертикально-зигзаговыми) мотивами. Её обрамляет цепочка (бордюр) из треугольников «вертикального» типа, обращённых вершинами к низу. Подобные сосуды известны из Северного Казахстана – Акмола, огр. 23 (табл. 263, *1*), Барабы – Преображенка III, к. 26, м. 1 (табл. 263, *3*), Старый Тартас-4, к. 1, насыпь (табл. 263, *6*), к. 3, насыпь (табл. 263, *4*), к. 17, п. 2 (табл. 263, *7*), Старый Сад, к. 78, п. 1, с. 1 (табл. 263, *9*), на Алтае – Кытманово, м. 22 (табл. 263, *2*), в Ачинско-Мариинской лесостепи – Большое Пичугино или Михайловка (табл. 263, *8*), на Среднем Енисее – Орак, м. 34 (табл. 263, *5*).

По логике «от обратного» интересны не только памятники, в которых подобные сосуды есть, но и районы, где керамики с такой орнаментацией нет. ***Более половины сосудов с данной орнаментальной схемой найдено в Барабе и в сопредельном Северном Казахстане. Один из барабинских экземпляров*** (табл. 263, *7*) ***зафиксирован под общей курганной насыпью с упоминавшимся вотивным «вислообушным» топориком из могильника Старый Тартас-4*** [см.: Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 59-60, рис. 9, 3; 10, 6].

ИК: КЁ–3 (табл. 264; 265). Отличается от орнаментальной серии КЁ–1 только способом композиционного решения. В данном случае это редуцированный полисюжет, выделяющийся утратой характерной орнаментации зоны венчика и «смещением» к верху декора второй зоны: каннелюр (либо их имитаций), а вслед за ними и орнаментального сюжета третьей зоны – «ёлочки».

Сосуды с таким орнаментом, главным образом, известны на востоке андроновского ареала к востоку от Иртыша и к востоку от р. Оби: Центральный Казахстан –Актобе II, огр. 8, м. 2 и СВ сектор (табл. 264, *6*), Ташик (табл. 264, *8, 9*; 265, *8*), Восточный Казахстан – Берёзовский, огр. 22Б (табл. 265, *5*), Бараба – Преображенка III, к. 84, п. 1 (табл. 264, *4*), Алтай – ЕГМ-II, м. 18 (табл. 264, *3*), БЕ-XIV, м. 13 (табл. 264, *1*), Кытманово, м. 7 (табл. 264, *2*), ммп (табл. 265, *7*), Рублёво VIII, м. 10 (табл. 264, *5*), Томское Приобье – ЕК-II, м. 178, № 1 (табл. 265, *1*), м. 202, № 1 (табл. 264, *7*), Кузнецкая котловина – Титово II (табл. 265, *2*), Юрман I, к. 3, м. (табл. 265, *3*), Чудиновка-1, сос. 1, к. 6, м. 2 (табл. 265, *6*), Средний Енисей – Орак (табл. 265, *4*).

Судя по единичности находок, в каждом из выделенных районов данная орнаментальная схема не имела самостоятельного смыслового значения, представляясь композиционно упрощённой разновидностью каннелюрно-«ёлочных» построений с орнаментированным венчиком – КЁ–1, КЁ–4, КЁ–5 и КЁ–6.

ИК: КЁ–4 (табл. 266-270). Композиционный вариант этих сосудов – неоклассический полисюжет. Вместо доминантного мотива – цепочки треугольников, зона венчика заполнена одним – полутора, реже двумя рядами «ёлочки» (вертикального зигзага). Встречаются случаи её совмещения с включённой имитацией каннелюр или рядами подтреугольных вдавлений. Вторая зона – каннелюры, третья – «ёлочка». Отличен от прочих орнамент старотартасского сосуда, отступающий от эталонной схемы (табл. 269, *1*) как рекомбинация построения на ряде сосудов КЁ–7 (табл. 279, *1-3*).

На двух сосудах из могильников Урский и ЕК-II «ёлочка» нанесена на каннелюры, совмещая оба мотива в одной орнаментальной зоне (табл. 270).

Единичные находки сосудов с подобной орнаментацией сделаны в Казахстане: Центральном – Мыржик I, к. 16 (табл. 266, *2*) Восточном – Зевакино, к. 260 (табл. 269, *5*), Берёзовский, огр. 38 (табл. 266, *5*), Барашки, огр. 30 (табл. 266, *6*), огр. 35 (табл. 266, *7*). Больше их найдено в Северном Казахстане – Боровое, огр. 1 (табл. 268, *5*), огр. 5, юж. м. (табл. 266, *1*), огр. 6 (табл. 267, *7*), огр. 16, (табл. 267, *4*), огр. 36 (табл. 267, *2*), Бурлук I, к. 11 (табл. 267, *6*). При этом пять из шести экземпляров происходят из могильника Боровое. Такие сосуды известны в Барабе – Абрамово IV, к. 11, п. 4 (табл. 268, *6*), Старый Тартас-4, к. 7, п. 1 (табл. 268, *2*), к. 15, м. (табл. 269, *1*), к. 19, п. 3 (табл. 269, *3*), в Томском – ЕК-II, м. 181, № 1 (табл. 270, *2*), м. 186, № 2 (табл. 268, *1*), Новосибирском Приобье – Вахрушево, к. 1, м. 1 (табл. 269, *4*), на Алтае – Кытманово, м. 32 (табл. 267, *1*), Подтурино, (табл. 266, *4*; 268, *4*), в Кузнецкой котловине – Титово II, к. 3, м. 1 (табл. 266, *3*), к. 5, м. 4 (табл. 269, *6*), к. 6, м. 1 (табл. 267, *3*), к. 6, м. 3 (табл. 267, *5*), Урский, к. 7, м. 1 (табл. 268, *7*), к. 7, м. 2 (табл. 269, *2*), к. 10, м. 1 (табл. 270, *1*), Танай XII, п. 56 (табл. 266, *8*), п. 57 (?) (табл. 268, *8*), п. 57 (?) (табл. 266, *9*), п. кв. ф-у-18-19 (табл. 267, *9*), в Ачинско-Мариинской лесостепи – Ашпыл (табл. 269, *7*), на Среднем Енисее – Орак, м. 18 (табл. 268, *3*), Солёноозёрная I, погр. ком. 1, м. 1 (табл. 267, *8*).

Даже с пятью горшками из весьма специфического могильника Боровое керамика западносибирских комплексов (24 экз.) ощутимо преобладает над казахстанскими экземплярами (8 экз.), составляя 75% сосудов с такой орнаментацией.

ИК: КЁ–5 (табл. 271; 272). Композиционным решением не отличается от предыдущего – неоклассический полисюжет. Разница состоит в мотиве зоны венчика. Это ряд, реже два ряда подтреугольных, ямочных, миндалевидных и т.п. вдавлений. Вторая и третья зоны декорированы каннелюрами и «ёлочкой» соответственно.

В большинстве случаев подобные сосуды происходят из районов Среднего Енисея – Лебяжье I, м. 9 (табл. 271, *5*), Солёноозёрная I, м. 5 (табл. 272, *3*), Устье-Бири IV, м. 1 (табл. 271, *1*), Солёноозёрная IV, погр. ком. м. 3 (табл. 271, *4*), Сухое озеро I, к. 26, м. (табл. 272, *5*), Орак, м. 24 (табл. 271, *2*), м. 30 (табл. 272, *4*), Новосёлово (табл. 272, *1*), единично из Ачинско-Мариинской лесостепи – Кадат IX, м. 1 (табл. 271, *6*), Кузнецкой котловины – Урский, к. 15, м. 1 (табл. 272, *2*), Танай XII, п. 57 (табл. 271, *9*), Томского Приобья – ЕК-II, м. 59, № 1 (табл. 271, *8*), м. 167, № 4 (табл. 272, *8*), а также лесостепного Алтая – Кытманово, м. 8 (табл. 271, *3*), м. 29 (табл. 271, *7*). Один сосуд найден в Восточном Казахстане – Зевакино, к. 157 (табл. 272, *6*), и ещё один в Южном Зауралье – Смолино (табл. 272, *7*). Хотя вычурное исполнение «ёлочного» мотива удостоверяет условность отнесения этого сосуда к данной группе

Таким образом, Обь-Енисейское междуречье, с преобладанием среднеенисейского региона, является основным ареалом этой орнаментальной серии.

ИК: КЁ–6 (табл. 273-278). Композиционно и типологически идентичен двум предыдущим орнаментальным сюжетам с той разницей, что мотив в зоне венчика здесь иной – раппорт из диагональных оттисков гребенчатого или гладкого штампа. На двух сосудах из Ачинско-Мариинской лесостепи он сопровождается поясками из ямочных и подтреугольных вдавлений: Большое Пичугино, к. 2, м. 1 (табл. 277, *3*), Михайловка, к. 3 (табл. 275, *1*), а на сосуде из Южного Зауралья (Урефты I, к. IV, п. 3) пояску диагональных оттисков гребёнки предшествуют и последуют ряды каннелюр (табл. 276, *7*). Это удостоверяет условность его присоединения к сосудам с рассматриваемым типом композиционного сочетания.

В эталонном виде данная орнаментальная схема запечатлена на керамике, в основном из районов Среднего Енисея: Орак, м. 2 (табл. 277, *2*), Сухое озеро I, к. 239, м. (табл. 277, *4*), Устье-Бири IV, м. 3 (табл. 274, *4*), м. 13 (табл. 277, *5*), м. 18 (табл. 275, *2*), м. 20 (табл. 275, *3*), м. 23 (табл. 277, *6*), Солёноозёрная I, м. 33 (табл. 278, *3*), Солёноозёрная III, м. 3 (табл. 276, *6*), м. 4 (табл. 276, *3*), м. 6 (табл. 276, *4*), Лебяжье V, м. 1 (табл. 276, *5*); Кузнецкой котловины – Урский, к. 3, м. 1 (табл. 276, *1*), к. 15, м. 1 (табл. 273, *5*; 278, *1*), Чудиновка-1, сос. 2, к. 9, м. 2 (табл. 273, *6*), сос. 1, к. 10, м. 1 (табл. 277, *9*), сос. 2, к. 33, м. 1 (табл. 276, *8*), Титово II, к. 5, м. 3 (табл. 276, *2*), к. 7, м. 2 (табл. 277, *1*), Юрман I, к. 3, м. (табл. 277, *8*), Танай XII, п. кв. R-S-LVI (табл. 278, *4*), п. 56, сос. 2 (табл. 278, *5*); Алтая – Подтурино (табл. 273, *1, 3*), Чекановский Лог-2 (табл. 273, *4*), а также Томского Приобья – ЕК-II, м. 154 (табл. 277, *7*), м. 191, № 1 (табл. 275, *6*), Барабы – Преображенка III (табл. 275, *5*), к. 48, п. 1 (табл. 273, *2*), Абрамово IV, к. 11, п. 1 (табл. 275, *4*), Тартас-1, захор. 358 (табл. 278, *6*), Старый Сад, к. 80, п. 3, с. 2 (табл. 274, *6*). Кратно реже она встречается в Казахстане: Восточном – Зевакино, огр. 91, м. 2 (табл. 278, *2*), Шоиндыколь, м. 15 (табл. 274, *2*), Берёзовский, огр. 22Б (табл. 274, *5*), Северном – Боровое, огр. 14, м. И (табл. 274, *3*), Акмола, к. 15 (табл. 274, *1*).

Доля казахстанской посуды с подобным типом орнаментального сочетания составляет около 13%. Прочая каннелюрно-«ёлочная» керамика с раппортом из диагонального штампа по венчику, при трёх барабинских экземплярах (менее 10%), обнаружена близ или к востоку от р. Оби.

Хронологически симптоматично почти абсолютное сходство рассмотренного орнаментального сюжета с изобразительно идентичной схемой на лугавской керамике [Ковтун, 2001а, с. 165, табл. 113]. ***Для относительной хронологии этой серии, а равно для иных орнаментальных композиций на сосудах подобной формы*** (табл. 289), ***морфологически значимо подпрямоугольное устье преображенского экземпляра*** (табл. 273, *2*).

ИК: КЁ–7 (табл. 279-280). По композиционному построению орнаментальный сюжет аналогичен трём предыдущим, но типологически производен от орнаментальных серий КЁ–4 и КЁ–6, т.к. венчик украшен характерными для них мотивами. Очевидно и родство с инвариантной комбинацией КЕ–2, отличающейся только наличием доминантных треугольников по венчику (табл. 263).

Обособление этих сосудов обусловлено бордюром из треугольников, обращённых вершинами к низу, обрамляющих окончание третьей, «ёлочной», зоны. Техника и орнаментальный «почерк» исполнения данных элементов различны, но содержание идентично.

Сосуды с такой орнаментальной схемой обнаружены в центрально-казахстанском могильнике Ортау II, к. 3 (табл. 280, *2*), в северо-казахстанском могильнике Акмола к. 15, кам. ящ. (табл. 280, *4*), огр. 19 (табл. 280, *5*), к. 24 (табл. 280, *6*), в барабинском могильнике Преображенка III, к. 27, п. 2 (табл. 280, *3*), в Новосибирском Приобье в могильнике Вахрушево, к. 7, м. 2 (табл. 279, *1*), на Среднем Енисее в могильниках Солёноозёрная I, м. 4 (табл. 279, *2, 3*) и Солёноозёрная IV, погр. ком. 1, м. 4 (табл. 280, *1*).

В схожей инвариантной комбинациии КЁ–2 более половины сосудов найдено в Барабе и Северном Казахстане. С утратой доминантных треугольников на венчике в «упрощённом» варианте КЁ–7 орнаментальная схема сокращает долю барабинских сосудов и расширяет своё представительство на востоке ареала до 45% против 55% казахстанских и барабинских экземпляров. Принципиальное соотношение остаётся близким КЁ–2, но объём резко снизившейся барабинской части замещается увеличившимся количеством казахстанской посуды.

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ – «КАННЕЛЮР»-«НАСЕЧКИ» И «ВДАВЛЕНИЯ»

ИК: КНВ–1 (табл. 281). Орнаментальная схема очень близка композиции моносюжет-эталон. Её единственное отличие состоит в использовании не одного, а двух мотивов при заполнении однозонального орнаментального поля сосудов. Оттиски гребенчатых или гладких «насечек» и ямочные вдавления, выполненные прямо на каннелюрах или чересполосно, органично сочетаются и выглядят как единое целое. Этим и обусловлена сепаратность схемы, хотя её производность от моносюжетных орнаментов из каннелюр также очевидна.

Почти все сосуды подобного облика найдены на Среднем Енисее – Устье-Бири IV, м. 4 (табл. 281, *5*), Новая Чёрная II, к. 10, м. (табл. 281, *3*), Сухое озеро I, к. 2, м. (табл. 281, *1*), Сухое озеро 1А, к. 243А, м. (табл. 281, *6*), к. 436, м. 6 (табл. 281, *4*). Только один сосуд обнаружен в своеобразном североказахстанском могильнике Боровое, огр. II (табл. 281, *2*).

ИК: КНВ–2-3 (табл. 282). Орнаментально этот сюжет идентичен предыдущему, а композиционно отличен от него появлением доминантного мотива – цепочки треугольников по венчику. Известны четыре сосуда: из барабинского могильника Преображенка III – к. 34, п. 3 (табл. 282, *1*), среднеенисейских могильников Сухое озеро I – к. 243, м. (табл. 282, *2*) и Новая Чёрная II – к. 1, м. 1 (табл. 282, *3*), а также из восточно-казахстанского могильника Берёзовский – огр. 13 (табл. 282, *4*). По композиционному решению первый и четвёртый сосуды близки варианту – моносюжет-доминант (табл. 282, *1, 4*), а второй и третий варианту – классический полисюжет, ввиду наличия третьей зоны, также орнаментированной рядами «насечек» или вдавлений (табл. 282, *2, 3*).

ИК: КНВ–4-6 (табл. 283-285). Объединяет три способа композиционного решения схожего орнаментального сюжета: зона шейки или шейки-тулова заполнена каннелюрами, которые сверху и (или) снизу обрамлены рядами подтреугольных, миндалевидных или ямочных вдавлений.

Первый вариант композиции – двухзональный моносюжет-псевдодоминант. Зона венчика (венчика-шейки) заполнялась вдавлениями и (или) насечками, за которыми следует зона или пояс из каннелюр. Таких сосудов всего три: из центрально-казахстанского могильника Бозенген (табл. 283, *3*), североказахстанского могильника Обалы, огр. 7 (табл. 283, *1*) и из среднеенисейского могильника Сухое озеро – IA, к. Ж, м. 3 (табл. 283, *2*).

Следующий вариант композиционного решения объединяет сосуды с неорнаментированным венчиком, за которым следует пояс каннелюр, а ниже – поясок из ямочных, миндалевидных вдавлений или диагональных «насечек». Утрата орнаментации в доминантной зоне венчика означает композицию редуцированный полисюжет. Сосуды с таким орнаментом найдены на территории Кузнецкой котловины – Юрман I, к. 3, м. (табл. 284, *2*), Центрального Казахстана – Беласар, кур.-огр. 2 (табл. 284, *1*), Шет I, огр. 3 (табл. 284, *4*), Икпень I, жерт. 1 (табл. 284, *5*), а также Семиречья (Талапты) (табл. 284, *3*).

Третий, самый представительный композиционный вариант – неоклассический полисюжет, отличается от предыдущего наличием орнамента на венчике, но не доминантного мотива – цепочки треугольников, а замещивших его «насечек» из оттисков штампа и ямочных вдавлений различной конфигурации. Орнаментальный рисунок первой и третьей зон совпадает. Поэтому средняя – вторая зона каннелюр оказывалась обрамлённой двумя поясами из вышеупомянутых элементов. Сосуды с таким орнаментальным построением найдены в Южном Зауралье – Большеказакбаевский, к. 19, яма 2 (табл. 285, *8*), в Казахстане: Центральном –Беласар, кур.-огр. 2 (табл. 285, *5*), Сангру II, огр. 5 (табл. 285, *3*), Северо-Восточном – Мичурино I (табл. 285, *9*), Восточном – Средняя база Беткудук, огр. 3, погр. кам. (табл. 285, *6*), Маринка, м. 11 (табл. 285, *10*), Барашки, огр. 28 (табл. 285, *11*); а также на Алтае – Быково II, пом-к (табл. 285, *4*), БЕ-XVI, м. 4 (табл. 285, *2*), Фирсово XIV, м. 8, № 1 (табл. 285, *12*), м. 63 (табл. 285, *1*), в Барабе – Преображенка III, к. 95, п. 3 (табл. 285, *7*), Тартас-1, захор. 358 (табл. 285, *13*), на Среднем Енисее – Новая Чёрная III, м. 4 (табл. 285, *14*). На двух последних экземплярах представлены несколько поясков «насечек» в третьей зоне (табл. 285, *13, 14*).

ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ «НАСЕЧКИ»-«МЕАНДР»

ИК: НМ–1 (табл. 286). Композиция орнаментальной схемы соответствует варианту – классический полисюжет. При трёхзональной разбивке орнаментального поля его первая зона – зона венчика – занята доминантным мотивом – цепочкой треугольников. Вторая зона представлена раппортом из диагональных или вертикальных оттисков гребенчатого штампа – штрихполосовидных «насечек», а третья декорирована линейным меандром замкнутого типа. Композиционно и орнаментально отличен мичуринский экземпляр со сплошными гребенчатыми «насечками» и утраченным доминантным мотивом, что характеризует его как редуцированный полисюжет (табл. 286, *4*). Сосудов с такой орнаментацией всего четыре: первый из североказахстанского могильника Алыпкаш (табл. 286, *1*), второй из могильника Лисаковский I (табл. 286, *3*) в Северо-Западном Казахстане, третий из могильника Мичурино I (табл. 286, *4*) в Северо-Восточном Казахстане, а четвёртый – из алтайского могильника Нижняя Суетка, м. 1 (табл. 286, *2*).

ИК: НМ–2-3 (табл. 287). Включает четыре сосуда, три из которых композиционно аналогичны предыдущим. Ещё один экземпляр отличается замещением доминантного мотива – цепочки треугольников на венчике поясом каннелюр, что характеризует его как неоклассический полисюжет. Орнаментация второй зоны – штрихполосовидные «насечки». В третьей зоне опять линейный меандр, но уже разомкнутого типа.

Сосуды с подобной орнаментацией отличаются весьма ограниченным ареалом: Северо-Восточный Казахстан – Мичурино I (табл. 287, *3*), Бараба – Преображенка III, п. 5 (табл. 287, *1*), к. 8, п. 6 (табл. 287, *2*).

Инвариантные комбинации НМ–1 и НМ–2-3 представляются редким, отчасти даже «винтажным» воплощением орнаментальной схемы, восходящей к мотиву второй зоны на ряде сосудов аркаимо-синташтинского времени.

В заключение акцентирую внимание ещё на одной андроновской орнаментальной композиции. Она не составляет отдельной инвариантной комбинации, но в её основу положен оригинальный мотив, названный «паркетным» [Савинов, Бобров, 1995, с. 87] и имитирующий плетение. Сосуды с подобной орнаментацией не отличаются узкой территориальной локализацией и не являются статистически значимой величиной применительно к отдельно взятому памятнику. Они найдены в могильнике Сухое озеро I (Средний Енисей) (табл. 288, *2*), на поселении Тамбар (Ачинско-Мариинская лесостепь) (табл. 288, *4*), в могильниках Юрман I (Кузнецкая котловина) (табл. 288, *5*), в Подтурино (табл. 288, *3*) и Кытманово (табл. 288, *7*) на Алтае, в Преображенке III (табл. 288, *1*) и, возможно (?), в Старом Тартасе-4 (табл. 288, *6*) из Барабы (табл. 288).

Ближайшие территориально-хронологические параллели данному орнаментальному сюжету (мотиву) связаны с окуневскими и самусьскими (?) древностями, а также с образцами керамического комплекса поселения Канай [см.: Черников, 1960, с. 213, табл. 18, 2]. Думается, это ещё одно реминисцентное проявление предшествующей архаичной традиции декора в андроновском орнаментальном комплексе.

2. ХРОНОЛОГИЯ АНДРОНОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Данные стратиграфических наблюдений не являются показателем каких-либо межкультурных связей и чаще свидетельствуют об их полном отсутствии. Подчёркивая формальную сторону вопроса, следует обратить внимание на серию оригинальных стратиграфических и планиграфических ситуаций, интерпретация которых как раз допускает вероятность определённого межкультурного взаимодействия.

2.1. СТРАТИГРАФИЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Суммируем наиболее известные стратиграфические ситуации, зафиксированные в разных частях ареала. При этом содержание нижеприведённой стратиграфической сводки не является абсолютным критерием хронологических рубежей. Соотношение культур по данным стратиграфии комплексов обусловлено относительной хронологией, предполагающей и относительность подобной аргументации.

Первая серия стратиграфических ситуаций характеризует соотношение андроновских древностей с «перекрываемыми» материалами:

1. Петровка-II. Жилище 18 с фёдоровской посудой прорезает петровский слой [Зданович, 1988, с. 124].

2. Икпень-I. На данном поселении нуринский строительный горизонт перекрывает отложения нуртайского посёлка. Хронологический разрыв между бытованием нуринского и нуртайского комплексов незначителен. Нарядная нуринская посуда равномерно распределена по всей площади межжилищного пространства, преобладая на полах и в колодцах жилищ 2, 3, 7-9, 11-13, а также в средних слоях зольника в виде крупных фрагментов и развалов сосудов; в небольшом количестве она встречена и в верхнем слое заполнения нуртайских жилищ [Ткачёв, 2002, с. 38].

3. Преображенка III. Курган 8. Сооружён на месте жилища кротовской культуры. Андроновские погребения № 2 и № 6 прорезают культурный слой поселения и врезаны в материк. Однако сам курган сооружён в эпоху поздней бронзы, т.к. в насыпи обнаружены захоронения этого времени [Молодин, 1985, с. 115].

4. Преображенка III. Курган 14. Андроновское погребение № 2 прорезает культурный слой кротовского жилища № 4 [Молодин, 1985, с. 115]. В.И. Молодин упоминает ещё об одном подобном случае на этом же памятнике: в культурный слой жилища № 2 было врезано андроновское погребение, не нарушившее материка [Молодин, 1985, с. 115].

5. Сопка II. Курган 44. Кротовское погребение № 2 перерезано андроновской могилой № 1 [Молодин, 1985, с. 82].

6. Ляпустин Мыс. Андроновское жилище врезано в слой елунинской культуры [Кирюшин, 1986, с. 27].

7. Иткуль. Андроновская землянка прорезала слой самусьского времени [Матющенко, 1973, с. 42] (?).

8. Заречное I. Зафиксирован факт использования площади самусьского поселения под кладбище андроновцев, а андроновский курган 25 сооружён на слое, вкючавшем самусьские артефакты [Бобров, Михайлов, 1989, с. 106; Мыльникова, Дураков, Кобелева, 2010, с. 111].

9. Васьково V. Андроновский могильник сооружён на месте расположения поселения эпохи ранней бронзы [Бобров, Михайлов, 1989, с. 27], а также, самусьского (?) времени [Бобров, 1992, с. 28].

10. Кадат IX. Андроновские могилы 1, 2 и 3 прорезают слой кратковременной стоянки эпохи ранней бронзы [Бобров, Михайлов, 1989, с. 109].

11. Устье-Бири. Могила 27. При сооружении выкладки над могилой-цистой переиспользовано изваяние, отнесённое к окуневской культуре [Леонтьев, 1984, с. 81]. Э.Б. Вадецкая, сообщая об этом же случае, трактует его несколько иначе: «Одна могила закрыта окуневской стелой» [Вадецкая, 1986, с. 49].

12. Солёноозёрная I. Могила 28. Ограбленная циста перекрыта плитой с личиной (стелой), отнесённой к окуневской культуре [Нащокин, 1966, с. 6]. Вероятно, об этом же эпизоде говорят и авторы коллективной работы, посвящённой памятникам окуневской культуры. Однако номер описываемой могилы определяется ими как 29, а внутримогильное соотношение – как ящик [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 81, с. 45, № 137].

13. Солёноозёрная I (?). В одном из раскопанных Н.В. Нащёкиным погребений Л.Р. Кызласов позднее обнаружил незамеченную переиспользованную стелу с вырезанной на ней личиной [Кызласов, 1986, с. 155-157, рис. 95], которую большинство авторов отождествляют с окуневскими древностями.

14. Солёноозёрная I. На территории некрополя между могилами 31-33 и 21 найдено каменное изваяние с двумя личинами: рельефной антропоморфной и плоской схематичной [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 141, № 107].

15. Сухое озеро I. Курган 430, могила 7 (комбинированная гробница). Перекрыта стелой с предельно схематизированной личиной. Отнесена к окуневской культуре [Максименков, 1978, с. 26, рис. 4, с. 27; Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 81, 147, № 152].

Перечисленные факты как будто свидетельствуют, что андроновские памятники появились позже нуртайских и петровских в Центральном и Северном Казахстане, кротовских в Барабе, елунинских на Алтае, самусьских (?) в Барнаульско-Бийском Приобье и Кузнецкой котловине, а также, вероятно, позднее среденеенисейского населения, оставившего статуарные памятники, отождествляемые с окуневской культурой. Стратиграфических ситуаций, обратных перечисленным, в настоящее время не зафиксировано.

Стратиграфическое соотношение кротовских и андроновских материалов на территории Барабинской лесостепи было зафиксировано неоднократно. Поэтому гораздо интереснее то, что последние перекрывают кротовские комплексы, неоднозначные в хронологическом отношении и относящиеся ко второму, преображенскому, и заключительному – сопкинскому этапам [по: Молодин, Глушков, 1989, с. 110]. Подобное соотношение косвенно свидетельствует в пользу волнообразности андроновского проникновения на кротовскую территорию. Стратиграфическое соотношение самусьских и андроновских материалов на памятнике Заречное I напоминает преображенскую ситуацию, с той разницей, что андроновские погребения сооружены на площадке самусьского поселения.

О случае, зафиксированном Б.Х. Кадиковым, помимо информации В.И. Матющенко, нет никаких сведений [Матющенко, 1973, с. 42]. Поэтому нет и достаточных оснований для того, чтобы присоединиться к указанному заключению или его отвергнуть.

Установлено сходство самусьской керамики Заречного I с керамическим комплексом поселения Крохалёвка I [Молодин, Глушков, 1989, с. 76], а созданная на базе типологического анализа хронологическая шкала синхронизировала последний с сопкинским этапом кротовской культуры XIII-XII вв. до н.э. [Молодин, Глушков, 1989, с. 103]. Эту же дату, но уже на основании анализа литейных форм, предлагают для Крохалёвки I и другие исследователи [Кузьминых, Черных, 1988, с. 73]. Подобная «перекрёстная» датировка свидетельствует об объективности полученного результата и позволяет распространить указанные хронологические рамки на самусьские материалы Заречного I.

Между финалом самусьского комплекса разнокультурного поселения Заречное I и возникновением на его месте андроновского кладбища должен был существовать значительный хронологический разрыв, т.к. погребения последнего прорезают самусьский слой и материк [Бобров, Михайлов, 1989, с. 106]. Аналогичный вывод справедлив и относительно ситуации, зафиксированной В.И. Молодиным на Преображенке III. Переиспользование площадки, ранее занятой поселением, предполагает наличие времени, необходимого для естественной рекультивации микроландшафта. В обоих случаях на месте кротовского и самусьского поселений андроновцы сооружали свои детские кладбища. Эта проблема исследовалась М.П. Грязновым, писавшим об андроновском обычае сооружения обособленных детских кладбищ с отличным от взрослого погребальным обрядом [Грязнов, 1956, с. 22-25]. Данный вопрос рассмотрен и в работе В.И. Молодина [Молодин, 1985, с. 109-113]. Приведённые исследования избавляют от необходимости перечисления этнографических примеров, характеризующих специфику детской погребальной обрядности, включая возможное устройство захоронений в местах, мало приспособленных для некрополя. Соответственно, не исключена вероятность сооружения барабинскими и кузнецкими андроновцами детских могильников на руинах покинутых и не

функционирующих поселений. Широкие этнографические параллели демонстрируют транскультурность представлений, предполагающих прямую связь между фактом смерти и разрушенным / покинутым домом / поселением [Тайлор, 1989, с. 268]. Согласно другой мифологической универсалии, «...кладбище можно рассматривать как своеобразное поселение умерших, “уравновешивающее” поселение живых» [Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова, 1988, с. 73]. Соответственно, мировоззренчески логичным представлялось нахождение умерших в разрушенных, лишённых признаков жизни, а значит и статуса человеческих, «жилищах».

Итак, время сооружения андроновских могильников Преображенка III, Заречное I, а возможно, и Васьково V может рассматриваться не только исходя из собственно стратиграфической ситуации на указанных памятниках, но и в соответствии с предполагаемыми мировоззренческими представлениями, возможно, отчасти обусловившими возникновение перечисленных погребальных комплексов.

Наблюдения о соотношении андроновских материалов с древностями, относимыми к окуневской культуре, не исчерпываются плитами с рисунками, переиспользовавшимися андроновцами при сооружении своих захоронений. Личины на плитах, переиспользованных в андроновских погребениях, представлены двумя типами композиций, находящими ближайшие аналогии в Черновой VIII. Это не случайно, как не случайны локализация трёх подобных комплексов в пределах Чулымо-Енисейской котловины и отразившиеся в орнаменте черновской, сухоозёрской и солёноозёрской керамики свидетельства взаимодействия окуневской и андроновской культурных традиций.

В могиле кургана 13 окуневского могильника Итколь II обнаружен окуневский сосуд, украшенный по венчику типично андроновским линейным меандром замкнутого типа. Автор раскопок считает это захоронение одним из самых древних в данном кургане и относит весь комплекс к позднему черновскому этапу окуневской культуры. При этом в насыпи кургана 13 обнаружены обломки окуневских стел с антропо- и зооморфными персонажами, служившие перекрытием могилы, частью ограды и др. [Поляков, 2014, с. 339-354].

Сосуществуя с населением, оставившим могильник Черновая VIII, и с другими окуневскими сообществами этого периода, андроновцы взаимодействовали с ним на сравнительно узкой территории, привнося и заимствуя отдельные орнаменты и используя в качестве строительного материала изготовлявшиеся их соседями и, возможно, вышедшие из употребления каменные стелы. Вероятно, их создателей тоже не смущала такая метаморфоза. Иначе говоря, погребения Черновой VIII и другие окуневские древности данного периода следует синхронизировать с андроновскими (среднеенисейскими раннеандроновскими), оговорив некоторые существенные обстоятельства.

Дискуссионна сама идея мирного взаимодействия андроновцев и окуневцев на территории Чулымо-Енисейской котловины. Близость хозяйственного уклада и обстоятельства, удостоверяющие процесс взаимных культурных влияний, не разрешают вопроса о том, в какие формы мог вылиться предполагаемый «симбиоз». Помимо этого, нет абсолютных гарантий, что все черновские стелы являлись исключительно строительным материалом. Не исключено, что некоторые из них (среди которых известны и сравнительно целые образцы), подобно каракольским, а возможно и тас-хаазинской, были украшены личинами, выполненными специально для погребального обряда. Тогда мирное сосуществование андроновцев и авторов черновских рисунков маловероятно [Ковтун, 1998, с. 249]. По крайней мере, солёнооозёрский и сухоозёрский комплексы сложно отнести к периоду, предшествовавшему финалу обоюдных контактов в пределах рассматриваемого района.

Показательно, что во всех рассматриваемых ситуациях стелы с личинами использовались с целью сооружения цистовых и комбинированных (одна стенка – плита) гробниц. Среднеенисейские андроновцы «предпочитали» подобный материал для перекрытия погребальных камер, выполненных цистовой кладкой, и «игнорировали» его, когда дело касалось каменных ящиков. Появление первых в районах Среднего Енисея, в основном, связано с заключительной фазой пребывания андроновцев в этом регионе [Ковтун, 1991, с. 69-71]. Изображение на стеле из Сухого озера I выполнено в исключительно схематичной манере, а главное, напоминает некоторые типы оленных камней, особенно тувинские (или III типа по классификации Э.А. Новгородовой). Возможно, данное сходство более значимо для культурно-хронологической верификации собственно окуневских древностей. Но и рассмотренные погребения, как минимум, не относятся к периоду адаптации андроновцев на Среднем Енисее.

Следующая сводка стратиграфических ситуаций характеризует соотношение собственно андроновских комплексов с «перекрывающими» их материалами:

1. Родионовка. Постройка с нуринской керамикой частично нарушена котлованом, содержавшим саргаринско-алексеевскую посуду [Зданович, 1988, с. 127-128].

2. Икпень-I. На участке зольника, перекрытом стерильной гумусной прослойкой, сохранившейся под глиняным выкидом из саргаринско-алексеевской землянки, совместно залегали нуртайская и нуринская керамика, а внизу прослежена тонкая прослойка с фрагментами нуртайской посуды [Ткачёв, 2002, с. 38]. Аналогичная последовательность развития керамических комплексов планиграфически прослежена на поселении Икпень-III, где нуринская посуда также преобладает в среднем горизонте зольника и присутствует в виде развалов сосудов и крупных фрагментов на полах, в хозяйственных углублениях и колодцах котлованов жилищ [Ткачёв, 2002, с. 104, табл. 40].

3. Усть-Кенетай. Жилища с саргаринско-алексеевской посудой прорезали межжилищный зольник и котлован нуринской постройки [Ткачёв, 2010, с. 85].

4. Щетково-2. При исследовании А.В. Матвеевым данного поселения выявлено перекрывание фёдоровской канавы пахомовским сооружением 3. По мнению А.В. Епимахова, данное наблюдение дублирует вывод К.В. Сальникова, сделанный при исследовании поселения Ново-Бурино, где «фёдоровско-черкаскульский» слой прорезан «замараевским» [Епимахов, 2014, с. 179].

5. Язево I. Слой, содержащий керамику андроновского (фёдоровского?) типа (наряду с алакульской и черкаскульской), связан с нижними наслоениями памятника и, соответственно, выделяется стратиграфически как наиболее ранний по отношению к слоям, содержавшим керамику межовскую, алексеевскую, а также эпохи раннего железного века [Потёмкина, 1985, с. 63-64].

6. Камышное II. Незначительное количество керамики фёдоровского типа (найденной совместно с петровской и алакульской) относится к раннему строительному горизонту, представленному оборонительными рвами. Последние прорезаны двумя жилищами, время существования которых определяется по найденной в них алексеевской и межовской керамике (Потёмкина, 1985, с. 99), а также по обнаруженному здесь же фрагменту браслета с конусовидными спиралями [Потёмкина, 1985, с. 101, рис. 34, 9].

7. Преображенка III. Ирменские курганы №№ 28 и 23 перекрывают андроновскую могилу № 12 и могилы №№ 2 и 1 соответственно [Молодин, 1985, с. 115].

8. Преображенка III. Андроновское погребение № 1 кургана № 28 перерезано ямой, в которой был обнаружен сосуд ирменского времени [Молодин, 1985, с. 115].

9. Преображенка III. Курган 44, погребение № 1, совершённое по обряду, типичному для поздней бронзы, частично перекрывало пятно андроновской могилы № 2 [Молодин, 1977].

10. Преображенка III. Курган 71, погребение № 2. Совершено по обряду кремации (?). Керамика из насыпи и погребение № 1 относятся к эпохе поздней бронзы [Молодин, 1977].

11. Преображенка III. Курган 73. Под насыпью сооружено шесть андроновских могил, а в насыпи обнаружена ирменская керамика и одно ирменское погребение [Молодин, 1977].

12. Преображенка III. Курган 77. Погребение № 4 относится к андроновской культуре, а погребения №№ 1-3, 5 – к эпохе поздней бронзы [Молодин, 1977] (ирменские ?). В насыпи также найдена ирменская керамика [Молодин, 1985, с. 122, рис. 61, 13].

13. Преображенка III. Курган 95. Погребения №№ 2-6 – андроновские, а погребение № 1 сооружено в эпоху поздней бронзы [Молодин, 1977].

14. Каргат 6. Материковый выброс, образовавшийся при сооружении ирменского жилища, перекрывает культурный слой андроновцев, не нарушая его [Молодин, 1985, с. 116].

15. Большой Лог. Андроновский слой перекрыт позднебронзовым, в котором найдены фрагменты сосудов с валиками, «...напоминающие замараевскую посуду» [Кирюшин, 1986, с. 27].

16. Грунтовый могильник Рублёво VIII. Край андроновского погребения перерезало позднебронзовое захоронение саргаринско-алексеевского типа (устное сообщение автора раскопок Д.В. Папина).

17. Корчажка 5. Поселение на оз. Иткуль, правый берег р. Оби, раскопки Б.Х. Кадикова. Слой с андроновской керамикой перекрыт слоем с керамикой типа еловской и ирменской [Членова, 1983, с. 24].

18. Ирмень I. Андроновский слой поселения перекрыт ирменским [Грязнов, 1956, с. 32-34, рис. 9].

19. Змеевка. Курган 2. Здесь, наряду с детскими андроновскими погребениями №№ 3 и 4, обнаружено захоронение молодой женщины с сосудами и вещами ирменской культуры. По мнению Н.Л. Членовой, последнее либо синхронно андроновским могилам, либо сооружено позднее [Членова, 1983, с. 25].

20. Красный Яр I. Небольшое андроновское поселение на северной окраине мыса перекрыто ирменским [Троицкая, 1978, с. 99].

21. Куделька / Куделька 2. Андроновский слой перекрыт ирменским и перерезан жилищем ирменской культуры [Бобров, Михайлов, 1989, с. 106; Зах, 1997, с. 42].

22. Заречное I. Курган 1, могила 1. По мнению В.В. Боброва и Ю.И. Михайлова, погребение, близкое к еловскому типу (?), частично перекрывало андроновскую могилу № 2. Всего в кургане пятнадцать могил, из которых три андроновские, а остальные В.А. Зах относит к ирменской культуре [Бобров, Михайлов, 1989, с. 106-107], включая захоронение 1, которое, судя по керамике, скорее ирменское [Зах, 1997, с. 73-75, рис.32, 1, 12, 21].

23. Заречное I. Курган 9, сооружённый в эпоху поздней бронзы, перекрывал шесть детских андроновских могил [Бобров, Михайлов, 1989, с. 107], а погребение 12, вероятно, частично перекрывало андроновское погребение 11 [Зах, 1997, с. 80]. Схожая ситуация зафиксирована в кургане 10 [Бобров, Михайлов, 1989, с. 107], где ирменское погребение 10 перерезало андроновское погребение 9 [Зах, 1997, с. 80].

24. Заречное I. Курган 25. Курган ирменской культуры был сооружён на погребальном / погребально-поминальном комплексе андроновской культуры. В одном ряду с ирменскими сосудами на уровне ирменского погребения (№ 2) найден развал сосуда андроновской культуры, возможно, переиспользованного ирменцами [Мыльникова, Дураков, Кобелева, 2010, с. 111, и др.].

25. Васьково 5. В двух андроновских курганах зафиксированы ирменские впускные захоронения [Бобров, Михайлов, 1989, с. 107].

26. Журавлево IV. Ирменский могильник. В насыпях курганов 5, 6 и 11 обнаружены фрагменты андроновской посуды [Бобров, Михайлов, 1989, с. 107].

27. ЕК-II. Могила 280 перекрывает могилу 281. Первая содержала ирменский сосуд, а вторая – сосуд баночной формы с ямочным орнаментом, нож томского типа в деревянных ножнах, бронзовую бляшку и бронзовый двулопастной наконечник стрелы с выделенной втулкой [Матющенко, 1980, рис. 28, 9; 30, 2; Ковтун, 1999, с. 23; Матющенко, 2004, с. 158-159, рис. 241].

28. Тамбар. Лугавское жилище № 4 прорезало слой с раннебронзовыми и андроновскими материалами [Бобров, Михайлов, 1989, с. 109].

Изложенные факты дают основания предполагать смену андроновского населения в Северном и Центральном Казахстане саргаринско-алексеевским, пахомовским в Притоболье, ирменским в Барабе и Кузнецкой котловине, лугавским в Ачинско-Мариинской лесостепи, а также ирменским и саргаринско-алексеевским, относящимся к общности культур валиковой керамики, на Алтае.

Примечателен случай из погребения 281 могильника ЕК-II. Это захоронение не является собственно андроновским, но позволяет определить верхнюю дату некоторых типов металлических изделий, встречающихся в андроновских (или андроноидных) комплексах еловского микрорайона (особенно ножей томского типа, являющихся местным подражанием выгнутообушковым изделиям финала карасукской эпохи [Ковтун, 1993, с. 51-52; Ковтун, 1998, с. 250; Ковтун, 1999, с. 22-23].

2.2. СОСУЩЕСТВОВАНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

За многие десятилетия исследована представительная серия комплексов, материалы которых свидетельствуют о хронологической синхронности андроновской и сосуществовавших с ней культур. Отличительной чертой подобного подхода является фиксация одновременности разнокультурных материалов, позволяющая удостоверить факт или вероятность взаимодействия оставивших их групп населения.

Южное Зауралье. Согласно обобщениям И.П. Алаевой, исходящей из возобладавшей парадимгмы об алакульско-фёдоровском сосуществовании в Южном Зауралье, выделяется ряд алакульских комплексов с фёдоровским субстратом (вероятно, под последним подразумевают-

ся собственно андроновские древности – *И.К.*). Это могильники Троицк-7, Приплодный Лог I, Урефты I, Кулевчи VI, Солнце-Талика, Акмулла-I [Алаева, 2015, с. 257-261].

Сосуществование фёдоровского и черкаскульского населения удостоверяется наблюдениями А.В. Матвеева, писавшего, что «немногочисленная керамика, напоминающая черкаскульскую, представлена на многих фёдоровских памятниках Зауралья, которые, следуя взглядам Г.Б. Здановича, Е.Е. Кузьминой и Т.С. Малютиной, вряд ли правомерно считать позднефёдоровскими. Таковыми являются селища Черёмуховый Куст, Дуванское-17, могильник Урефты I и др. В могиле 1 кургана 39 Фёдоровского некрополя сосуд с отчётливо выраженными черкаскульскими морфологическими и орнаментальными признаками находился вместе с классическим фёдоровским горшком» [Матвеев, 2014, с. 78]. Нельзя считать типично андроновской и орнаментацию некоторых других сосудов этого памятника [см. по: Сальников, 1940, с. 63, рис. 1, 5, 6, 10 и др.]. Таким образом, памятник, давший наименование целому культурному массиву, традиционно ассоциируемому с андроновскими древностями восточной части ареала, имеет к нему весьма опосредованное отношение.

Лесостепное и подтаёжное Притоболье. В качестве определённого основания для межкультурной синхронизации могут рассматриваться материалы двух поселений: Язево I и Камышное I. Керамика андроновского (фёдоровского?) облика залегала совместно с алакульской и черкаскульской в нижних наслоениях памятника в первом случае и в жилищах 1 и 2 во втором [Потёмкина, 1985, с. 63, 106-107, рис. 37-38]. Любопытна и планиграфическая ситуация, зафиксированная в кургане 2 могильника Субботино: периферийное погребение с керамикой фёдоровского типа находилось под одной насыпью с алакульскими могилами. Стратиграфических данных о последовательности сооружения захоронений нет [Потёмкина, 1985, с. 236-238]. Отсутствие у андроновского населения традиции впускных захоронений приводит к мысли о незначительном хронологическом промежутке между созданием алакульских и фёдоровских погребений под одной насыпью.

По мнению А.В. Матвеева, не имеется никаких свидетельств сосуществования алакульцев и фёдоровцев в подтаёжном Притоболье: «В нашем случае нет никаких сомнений в том, что подтаёжные алакульские и фёдоровские памятники разновременны. Публикуя материалы поселения Дуванское-17, О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов подчеркнули отсутствие среди его посуды алакульских гончарных изделий. То же самое отметил В.А. Зах при анализе материалов селища Черёмуховый Куст. Нет собственно фёдоровской керамики и в алакульских памятниках данного района. Иными словами, никаких свидетельств синхронного обживания алакульскими и фёдоровскими группами территории подтаёжного Притоболья или их контактов в данном районе до сих пор не зафиксировано» [Матвеев, 2014, с. 73].

Центральный Казахстан. Согласно наблюдениям А.А. Ткачёва, на керамике однослойного поселения Энтузиаст-I, материалы которого дают возможность проследить процесс формирования атасуских черт, незначительное количество нуринских черепков равномерно распространено по всему раскопу, залегая совместно с атасуской керамикой в заполнении землянок и на межжилищном пространстве. Синкретическая атасуско-нуринская посуда находилась и в основании культурного слоя поселения Энтузиаст-II [Ткачёв, 2010, с. 85].

На поселении Атасу I зафиксировано два строительных горизонта: нижний представлен прямоугольными конструкциями, в заполнении которых нуринская посуда преобладает над атасуской; верхний – круглыми помещениями, прорезавшими слой с атасуской и нуринской керамикой [Кадырбаев, 1983, с. 135, 137; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 25-47, рис. 7; Ткачёв, 2010, с. 85]. Т.С. Малютина полагает, что: «На пос. Атасу в основании фёдоровского слоя лежит алакульский, аналогичная картина зафиксирована на поселении Новоникольское I» [Малютина, 1994, с. 21]. По мнению А.А. Ткачёва, на поселении Атасу I первоначально существовал небольшой нуртайский посёлок, на месте которого андроновско-канайские мигранты из Казахстанского Прииртышья основали поселение, выросшее в значительный ремесленно-металлургический центр, [Ткачёв, 2010, с. 85-86].

В памятниках южной и северной зон Центрального Казахстана атасуская и нуринская керамика всегда залегают совместно или встречаются раздельно на однослойных поселениях, не перекрывая друг друга. На многослойных поселениях они, как правило, находятся в смешанном состоянии, залегая ниже бегазы-дандыбаевских и саргаринско-алексеевских комплексов [Ткачёв, 2010, с. 86].

Среднее Прииртышье. К числу стратиграфических данных, отражающих сосуществование и взаимодействие андроновского населения этого региона со своим окружением, относятся материалы поселения Чернооозерье IV, иллюстрирующие связи с кротовской культурной традицией. Но однозначного мнения о культурной атрибуции всех комплексов данного памятника, вероятно, нет. Так, в более ранней работе авторы раскопок отмечают, что «... наряду с традиционно кротовскими на полу жилища и в ямах найдены сосуды, очень близкие местным андроноидным эпохи поздней бронзы – с печатно-гребенчатой ёлочкой, уголковыми вдавлениями над венчиком, прочерченными узорами» [Генинг, Стефанова, 1982, с. 63]. Позднее появилась информация о совместном залегании на полу кротовского жилища Черноозерья IV кротовских и андроновских сосудов, причём на одном из последних был сформован невысокий валик. Помимо этого, материалы таких андроновских памятников Среднего Прииртышья, как поселение Черноозерье I, ранний комплекс поселения Сибирская Саргатка I, Николаевское IV, Ишмагал и др., включают фрагменты кротовской керамики, а в их коллекции присутствует керамика амангельдинского типа. По мнению Н.К. Стефановой, всё это свидетельствует о сосуществовании кротовцев и андроновцев [Стефанова, 1988, с. 69-70].

Сочетание андроновских бронзовых изделий с кротовским погребальным обрядом при смешанном керамическом комплексе констатируется для могильника Черноозерье I (и для Сопки II). Это позволило определить позднекротовскую культурную принадлежность памятника [Молодин, Новиков, 1998, с. 80-81]. Позднее данный комплекс был атрибутирован в составе позднекротовской (черноозерской) культуры [Молодин, 2014, с. 50-53]. По мнению А.В. Полеводова, весьма близок Черноозерью I могильник Боровянка XVII [Полеводов, 2000, с. 101].

Барабинская лесостепь. Исследуя поселение Туруновка, В.И. Молодин зафиксировал непотревоженные остатки кротовского культурного слоя. Здесь же, в хозяйственной яме, не нарушенной жилищем, отнесённым к финальной бронзе, были обнаружены два одновременно использовавшихся сосуда. Автор раскопок отмечает кротовскую культурную принадлежность последних, указывая при этом на типично андроновскую орнаментальную схему одного из них [Молодин, 1979, с. 76-77].

Гораздо позднее это неожиданное заключение подтвердилось целой серией наблюдений о пересечении кротовских и андроновских культурных традиций. Многие из них сделаны по материалам поликультурного некрополя Тартас-1. Здесь в позднекротовском погребении 332 обнаружен сосуд, орнаментальная композиция которого «имитирует» андроновскую. В преднамеренно пристроенных к позднекротовским рядам захоронениях 313, 314 и 324 умершие положены скорченно на боку. В могиле 313 находился баночный андроновский сосуд, а в захоронении 324 – два нефритовых височных кольца, характерных для сейминско-турбинских могильников. Данные погребения рассматриваются как свидетельство первой волны контактов андроновцев с позднекротовцами на уровне брачных отношений. В другом ряду из семи могил погребённые захоронены по кротовскому обряду, т.е. на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток. Но сосуды в этих могилах андроновские или выполненные по андроновским стандартам (погребение 333), что интерпретируется как следующий уровень интеграции позднекротовской и андроновской культур. В следующем ряду из семи потревоженных (осквернённых) в древности могил доминируют андроновские признаки, хотя и в посуде, и в положении скелетов проявляются позднекротовские черты (погребения 339, 344). В собственно андроновских погребениях памятника также усматриваются инокультурные элементы: в захоронении 351, совершённом по андроновским канонам, три сосуда андроновские, а один – кротовский; роговое блюдо в захоронении 302 [Молодин, Мыльникова, Новикова, Соловьёв, Наглер, Дураков, Ефремова, Кобелева, Ненахов, 2009, с. 339-341], а согласно другой публикации, в могиле 238, где и на блюде, и в андроновском горшке найдены кости рыбы, а в северо-западном углу – рыбий скелет [Молодин, Парцингер, Гришин, Новикова, Соловьев, Гаркуша, Марченко, Пиецонка, Казакова, 2007, с. 332-333] и др. Кроме того, в разрушенном захоронении 414 зафиксированы крупные фрагменты андроновского «парадного» горшка и позднекротовская керамика [Молодин, Мыльникова, Новикова, Дураков, Кобелева, Ефремова, Соловьёв, 2011, с. 50, рис. 22].

В андроновском захоронении 478 Тартаса-1 найден небольшой глиняный сосудик в виде уточки, попавший в андроновскую могилу «от аборигенного населения, ещё сохранившего автохтонные культурные традиции» [Молодин, Хансен, Мыльникова, Наглер, Кобелева, Дураков, Ефремова, Новикова, Нестерова, Ненахов, Ковыршина, Мосечкина, Васильева, 2011,

с. 208-210, рис. 2, 1]. Аналогичный сосудик, только с опущенной головой уточки, обнаружен в Самусь IV [см. по: Ковтун, 2013в, фото 114, 9-11].

Комментируя андроновско-позднекротовские контакты, авторы исследований усматривают «взаимодействие с местной культурой на уровне организации семейно-брачных отношений (причём с фиксацией разных стадий этого взаимодействия)» [Молодин, Мыльникова, Новикова, Соловьёв, Наглер, Дураков, Ефремова, Кобелева, Ненахов, 2009, с. 342].

Небезынтересны и возможные истолкования природы андроновских бронзовых изделий, найденных в позднекротовских могилах. Так, кинжалы срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием из позднекротовских погребений (Сопка II, Тартас-1) скорее удостоверяют андроновско-кротовское противостояние, поскольку заимствование совершенных оружейных форм, включая трофейное оружие, – один из верных признаков вооружённых конфликтов. Но браслеты с конусовидными спиралями, также происходящие из позднекротовских комплексов (Сопка II, Тартас-1), могут быть либо военной добычей аборигенов, либо отражать их торгово-обменные операции с андроновцами, включая женщин, носивших эти украшения. Возможна и «синтетическая» версия: «Популярные у разных народов войны за (из-за) женщин и многообразные сценарии “охоты на женщин” (см. у Геродота о похищении женщин как первопричине войн) были универсальным механизмом экспансии. Женщины, браки и свойство связывали разные территории и их обитателей, и брачные контакты были шагами по освоению новых земель» [Головнёв, 2013, с. 119][3].

Думается, перечисленные вопросы получат своё разрешение в рамках разрабатываемой культурно-исторической модели андроновско-позднекротовских взаимодействий / взаимоотношений [напр.: Молодин, Мыльникова, Новикова, Соловьёв, Наглер, Дураков, Ефремова, Кобелева, Ненахов, 2009, с. 337-342; Корякова, Молодин, 2012, с. 94-99].

Имеются свидетельства сосуществования андроновцев с представителями андроноидного культурного массива. В могильнике Старый Сад, расположенном в 5 км от с. Венгерово, одноимённого района Новосибирской области, в пределах одного погребального поля на отдалении 80-90 м располагались курганы андроновской культуры и эпохи поздней бронзы [Молодин, Мыльникова, Нескоров, 2011, с. 195-197] (устное сообщение А.В. Нескорова). В разное время высказывались мнения о сходстве материалов Старого Сада с пахомовскими (раннесузгунскими), черкаскульскими и бегазы-дандыбаевскими или раннедандыбаевскими древностями, а также с материалами переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Центрального Казахстана. Большой группой исследователей высказана обоснованная идея о принадлежности могильника Старый Сад (разумеется, за исключением андроновского комплекса памятника – *И.К.*) к восточному варианту пахомовской культуры [Молодин, Наглер, Хансен, Дураков, Кобелева, Ефремова, Новикова, Мыльникова, Васильев, Васильева, Ковыршина, Кудинова, Мосечкина, Ненахов, Нестерова, Сальнокова, 2012, с. 233].

Примечательно, что и в андроновской, и в позднебронзовой керамической коллекции могильника Старый Сад имеются сосуды с подквадратным устьем, чрезвычайно редкие для ан-

[3] Очевидным и серийным наблюдениям относительно андроновско-позднекротовских взаимодействий не вполне соответствуют (?) интерпретации палеоантропологов. Согласно заключению Т.А. Чикишевой, «Европеоидный компонент, вошедший в антропологический состав женской группы поздних кротовцев, не соответствует хорошо известным и общепринятым критериям антропологического типа носителей андроновской (фёдоровской) культуры. Решение вопроса о взаимосвязях кротовцев с племенами андроновской культурно-исторической общности лежит, по-видимому, в так называемом андроноидном антропологическом пространстве», и далее: «судя по антропологическим данным, смешивалось кротовское население не с племенами андроновцев (фёдоровцев), а с носителями иных антропологических комплексов, связанных с населением, отодвинутым на север в предтаежную зону Западной Сибири волной мигрантов-фёдоровцев» [Чикишева, 2012, с. 109-110]. Вероятно, данный компонент и объединяет в один кластер мужские краниологические серии позднекротовского комплекса Черноозерья I и ЕК-II [Чикишева, 2012, с. 118, рис. 15]. Это усложняет культурно-историческую картину, поскольку в Обь-Иртышье проникает «варваризированное» андроновское население, «сложившееся в результате слияния пришельцев с местными автохтонными племенами (теми же классическими кротовцами Прииртышья» [Молодин, 2010, с. 69]. Отличия кротовских черепов из Сопки II с существенной монголоидной примесью (не менее 50%) от андроновских отмечались и в другом палеоантропологическом исследовании [Дрёмов, 1997, с. 120]. Но такие заключения, в свою очередь, противоречат как археологической картине межкультурного взаимодействия, так и палеогенетическим исследованиям мтДНК, свидетельствующим о генетических контактах пришлого андроновского населения с автохтонным позднекротовским [Пилипенко, 2010, с. 4, 11, 13-14; Молодин, Пилипенко, Журавлев, Трапезов, Ромащенко, 2012, с. 67].

дроновских комплексов и уникальные для эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири [Ковтун, Нескоров, 2015, с. 15, 18-20, рис. 3, 4; 4; 5]. Расстояние между этими курганами – около 270 м, а от позднебронзового кургана с подквадратным сосудом до ближайшего андроновского кургана – около 120 м (устное сообщение А.В. Нескорова). Симптоматично, что позднебронзовый сосуд из Старого Сада украшен «ковровым» меандром А-типа, типологически аналогичным хантыйскому и мансийскому мотиву «соболь» / «соболь с головой». Данный элемент характерен для передачи смыслового значения, олицетворяемого подквадратной андроновской посудой с такой орнаментацией [Ковтун, Нескоров, 2015, с. 20, 21, и др.] (см.: 5.8.).

Вероятно, ситуация, планиграфически схожая с описаной в Старом Саде, зафиксирована и в могильнике Тартас-1. В этом некрополе также обнаружены как андроновские, так и пахомовские захоронения [Молодин, Хансен, Дураков, Райнхольд, Ефремова, Ненахов, Ковыршина, Мыльникова, Нестерова, Кобелева, Борзых, Сальникова, Демахина, 2015, с. 333-335].

В кургане 13 андроновского могильника Погорелка-2 зафиксированы рвы, прямоугольным периметром ограждающие погребения комплекса. Как указывают исследователи памятника, «похожие конструкции, как и сходные в плане сооружения, зафиксированы на более поздних памятниках ирменской культуры, что указывает на хронологическую близость сопоставляемых комплексов данных культур» [Наглер, Кобелева, Дураков, Молодин, Хансен, 2011, с. 212-213, 215, рис. 1].

В.В. Бобров, Т.А. Чикишева и Ю.И. Михайлов также приходят к схожим выводам: «Краниологический анализ позволяет предполагать, что на этой территории (в Барабе – *И.К.*) ирменцы контактировали с андроновцами, культура которых претерпела изменения. Декор андроновской посуды из могильника Преображенка-3 демонстрирует нарушение орнаментального канона, что свидетельствует о некоторой трансформации культуры» [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 146].

Алтай. В ходе раскопок А.П. Уманским могильника Кытманово зафиксирован факт сооружения среди андроновских могил погребения, содержащего керамику и бронзовые изделия эпохи поздней бронзы [Уманский, 1962-1963]. Различные авторы расходятся в оценке культурной принадлежности этих материалов. Н.Л. Членова считала эту могилу ирменской (№ 17) [Членова, 1983, с. 25], а Ю.Ф. Кирюшин и А.Б. Шамшин рассматривали данный случай в качестве характерного примера совместного залегания корчажкинской (иткульской) и ирменской керамики в закрытом комплексе [Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 149]. В другой работе второй сосуд отнесён к быстровскому этапу ирменской культуры [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, с. 39]. Необходимо заметить, что данное захоронение не может рассматриваться в качестве закрытого комплекса, т.к. оно было потревожено, о чём свидетельствуют сброшенные в кучу кости погребённого. В любом случае, изображения двух сосудов из этой могилы убеждают в их ирменской принадлежности. Один орнаментирован негативным ромбическим бордюром по венчику, каннелюрами и цепочкой обращённых вершинами к низу треугольников на плечиках. Второй украшен чередующимися горизонтальными рядами «сетки», жемчужин и вдавлений [Уманский, 1962-1963; Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, с. 82, рис. 26, 1, 4]. Оба типа орнаментации имеют параллели в погребальных и поселенческих комплексах собственно ирменской культуры.

Более объективные данные получены при раскопках позднеирменского поселения Крестьянское-9, где на полу жилища был обнаружен фрагмент андроновского сосуда, использовавшийся в качестве лощила [Иванов, 1990, с. 97]. Вероятно, хронологический промежуток между моментом изготовления и периодом вторичного переиспользования рассматриваемой находки был не столь значителен, чтобы исключать возможность попадания андроновского изделия в ирменскую среду, т.е. от андроновцев к ирменцам (?).

Пока не закрыта и проблема соотношения собственно андроновских древностей и традиции валиковой орнаментации. В последние десятилетия прошлого века проделана значительная работа по сбору, систематизации и культурно-хронологической атрибуции комплексов с валиковой керамикой из рассматриваемого региона [напр.: Иванов, 1988, с. 101-104; Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990, с. 104-128; Удодов, 1991, с. 74-76 и др.]. Но в окончательном разрешении проблемы валика на андроновской керамике преждевременно ставить точку. Целесообразно выделить два аспекта: появление валиков на собственно андроновской посуде и соотношение материалов культур валиковой керамики с андроновскими древностями в соответствии с планиграфией и стратиграфией смешанных комплексов. На практике подобное разделение произ-

вести сложнее, т.к. включение валиков в андроновскую орнаментальную схему, скорее всего, маркирует стадию исторического финала андроновцев как культурного образования, а синтез двух традиций затрудняет идентификацию. Но даже допуская несовместимость валика с «парадной» андроновской орнаментацией, очевидно бытование единых комплексов, содержащих и валиковую, и андроновскую керамику [Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990, с. 105]. В качестве иллюстрации можно привести материалы и планиграфические ситуации могильников Киприно II и Подтурино [Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990, с. 109; Кирюшин, Лузин, 1993, с. 75, 89, рис. 6, 1], а также, вероятно, поселения Переезд [Удодов, 1991, с. 75]. Введённые в научный оборот материалы позволяют говорить о совместном нахождении андроновской и валиковой посуды на поселениях Калиновка 2, Заковряшино, Корчажка 5, Фирсово 15 и Ляпустин Мыс [Иванов, 1988, с. 103; Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990, с. 106-114; Лузин, 1990, с. 48, рис. 1, 32; Удодов 1991, с. 75]. Не менее значимы и факты, позволяющие синхронизировать позднеандроновскую валиковую и бегазы-дандыбаевскую посуду с поселения Бурла 3 [Удодов, 1991, с. 76].

Интересные результаты были получены в ходе раскопок грунтового могильника Фирсово XIV, в составе которого, помимо превалирующего андроновского комплекса, обнаружились захоронения эпохи поздней бронзы и раннего железного века [Шамшин, Ченских, 1994, с. 48]. Помимо этого, на андроновской керамике данного памятника фигурируют андроноидные мотивы, присущие культурам эпохи поздней бронзы (рис. 11, *6*). Кострище, сооружённое в центре андроновского некрополя и, скорее всего, являющееся составной частью последнего, содержало, помимо андроновской желобчатой подвески, позднебронзовый нож с выделенной рукоятью и «хвостатым» лезвием [Шамшин, Ченских, 1994, с. 48, 50]. Важные наблюдения авторов раскопок относительно поздней даты андроновского комплекса представляются обоснованными. Даже допуская принадлежность указанного ножа к позднебронзовому комплексу памятника, одновременно следует признать функционирование андроновского кострища вплоть до этого времени. В противном случае сложно объяснить причины появления упомянутого изделия на площади зафиксированного прокала.

Новосибирское Приобье. Т.Н. Троицкой на материалах поселения Красный Яр I произведены наблюдения на предмет локализации андроновских и немногочисленных еловских фрагментов керамики. Первоначально отмечалось отсутствие фактов, свидетельствующих о послойном разделении этих разнокультурных комплексов: «слои не имели хронологического различия, андроновская и карасукская керамика залегали вместе на одинаковой глубине, но обломки андроновской керамики были много мельче и не подбирались в целые сосуды. Видимо, остатки андроновского поселения были полностью уничтожены жителями карасукского времени» [Троицкая, 1974, с. 42]. Однако в более поздней работе автором указано на планиграфическую сопряжённость андроновской и еловской керамики, обнаруженной, в основном, в северной части поселения. Последнее обстоятельство позволило Т.Н. Троицкой констатировать, «...что андроновское поселение относится ко времени параллельного бытования андроновской и еловской керамики» [Троицкая, 1978, с. 99].

Томское Приобье. Вероятно, применительно к данному району будет точнее говорить не об андроновском комплексе, а о древностях с известной долей андроновского субстрата. Такая формулировка вносит элемент допуска, но именно это уточнение характеризует некоторые комплексы, которыми предстоит оперировать. В первую очередь это могильник ЕК-II. Возобновление его исследований позволило идентифицировать массив, состоящий как минимум из четырёх разнокультурных групп. Хотя это не исключает возможности их хронологически тесного существования. Близкая точка зрения ранее высказывалась самим автором раскопок [Матющенко, 1973, с. 37]. Планиграфически, по крайней мере, самусьские (?) могилы соседствуют с андроновскими захоронениями [Матющенко, 1988, с. 33] или погребениями с близкими им материалами. В свою очередь, последние располагались в одном ряду с погребениями, давшими сосуды, орнаментированные в гребенчато-ямочной манере [Косарев, 1981, с. 130]. Похожая ситуация характерна и для еловского комплекса ЕК-II [Матющенко, 1974, с. 136-143], в связи с чем нельзя не отметить присутствия в нём керамики с валиками [Матющенко, Тихонов, 1991, с. 79, рис. 3, 2; с. 80, рис. 4, 6; с. 82, рис. 6, 3].

Показательно, что при анализе хронологического соотношения различных комплексов ЕК-II стратиграфические и планиграфические данные выглядят не так убедительно, как сами материалы могильника, отражающие трудноуловимую начальную фазу процесса культурогенеза.

Кузнецкая котловина. Имеются свидетельства в пользу хронологической близости андроновских погребений и андроноидных захоронений, а также поселенческих материалов эпохи поздней бронзы у оз. Танай. Упомянутые случаи связаны с компактной локализацией андроновских и андроноидных комплексов в составе могильника Танай I [Бобров, Михайлов, 1989, с. 110]. Культурно идентичны и хронологически синхронны последним андроноидные материалы поселений Танай-4, Танай-4А и Калтышино 5, отнесённые к корчажкинской культуре [Бобров, Касастикова, 1989, с. 17-18; Бобров, 1992, с. 16; Бобров, 1995, с. 75-78; Бобров, Умеренкова, 1999, с. 264-265; Бобров, Жаронкин, 2000, с. 239; Бобров, Молодин, Журба, Колонцов, Кравцов, Кравцов, Соболев, 2000, с. 82-86; Бобров, Умеренкова, 2000, с. 241-244; Бобров, 2001, с. 251; Бобров, 2001а, с. 226-227; Бобров, Жаронкин, Умеренкова, 2001, с. 205-206; Жаронкин, 2006, с. 370]. Схожая планиграфическая ситуация зафиксирована и на поликультурном некрополе Танай XII [Бобров, Горяев, 2000, с. 226-230; Бобров, 2001, с. 250-252; Бобров, Горяев, 2001, с. 240-243; Бобров, Горяев, 2001а, с. 244-249; Бобров, Горяев, Умеренкова, 2002, с. 229-233; Бобров, Горяев, 2004, с. 189-193].

Недавно опубликованы результаты исследования палеоантропологической серии из андроноидных погребений Таная XII. Они раскрывают некоторые из вероятных механизмов процессов культурогенеза этого оригинального комплекса. Автор предполагает миграцию мужчин андроноидного Еловского археологического комплекса в Кузнецкую котловину и их вступление в брачные связи с местными андроновскими женщинами. Данный фактор представляется решающим в формировании корчажкинских древностей региона [Зубова, 2014, с. 94].

Соглашаясь с некоторыми специальными основаниями этой реконструкции, но не с предлагаемой последовательностью и содержанием её событийного ряда, обратимся к уточнению культурной принадлежности андроноидных памятников северо-запада Кузнецкой котловины. Андроноидные комплексы Таная I, Таная XII и Таная-4 на первый взгляд напоминают своего рода южный вариант древностей еловского типа. На сходство керамики Таная I и ЕК-II обращалось внимание при отнесении первого к корчажкинской культуре: «По всем основным признакам посуда могильника Танай-I напоминает керамику ЕК-II еловского и отражает культуру погребального комплекса» [Бобров, 1995, с. 77]. При этом симптоматично то, что практически полная аналогия по форме и орнаменту сосуда из Таная I [Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, 2006, с. 27, рис. 4], обнаруженная в ЕК-I [Матющенко, 2001, с. 41, рис. 3, 4], представлена здесь в единственном уникальном экземпляре. Не менее показательны ещё два сосуда с фактически аналогичной орнаментальной схемой (утрачены только цепочки треугольников в нижней части тулова и / или на шейке), но уже в близлежащих ирменских могильниках Журавлёво IV [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 71, рис. 55, 3] и Танай VII [Бобров, Мыльникова, Мыльникова, 2004, с. 32, рис. 16, 23], также уникальные для каждого погребального комплекса[4].

Позднее исследователями отмечалась сложность культурной атрибуции андроноидных погребений Таная XII и указывалось, что черты его погребального обряда и инвентарь имеют аналогии в памятниках как еловской, так и корчажкинской культур, а некоторые детали

[4] Думается, пространственно-временной «дрейф» этой инвариантной орнаментальной композиции из андроноидного ЕК-I в андроноидный Танай I, либо наоборот, а из Таная I – в расположенные неподалёку ирменские комплексы Журавлёво IV и Танай VII обусловлен территориальным перемещением и генетической преемственностью носителей данной орнаментальной традиции, воплощённой в конкретной композиции. Воспроизведение такого орнаментального построения невозможно без визуального знакомства с первоисточником, быть может, восходящим к декоративной отделке археологически не сохранимых предметов: одежды, обуви, ковров и т.п. Поэтому данная орнаментальная схема представляется маркером истории сравнительно узкой социальной группы (семьи, большой семьи, линиджа ?), представители которой мигрировали из Томского Приобья в Кузнецкую котловину (или наоборот), а позднее претерпели социокультурную трансформацию при преобразовании раннеандроноидного танайского сообщества и формирования, в т.ч. и на его основе, ирменской культуры. Подобная, но существенно видоизменённая композиция фигурирует на сосуде из расположенного в близлежащем районе ирменского могильника Титово I [см. по: Савинов, Бобров, 1978, с. 57, рис. 6], что только подтверждает высказанное предположение. Вероятно, не случайно ключевой мотив данной композиции запечатлён ещё на андроновском сосуде из Титово II, замещая линейный меандр замкнутого типа (табл. 173, 1). На основании материалов поселений Танай-4 и Танай-4А также приводились обоснованные подтверждения сосуществования и взаимовлияния танайского постандроновского и ирменского населения [Бобров, Жаронкин, 2000, с. 239; Жаронкин, 2006, с. 370]. Отсутствие в ирменских комплексах Томского Приобья подобной орнаментальной композиции косвенно указывает на вероятность её заимствования в ЕК-I «из» Таная I, а не наоборот.

конструкций и предметы – в материалах культур Минусинской котловины и развитой бронзы Барабы, а также в других постандроновских культурах Западной Сибири и Казахстана [Бобров, Горяев, 2000, с. 230].

Орнаментация посуды андроноидных танайских и еловских памятников, безусловно, обнаруживает схожие черты (главным образом с ЕК-I), но и заметно отличается по ряду существенных признаков (особенно от еловского комплекса ЕК-II). Например, на танайских сосудах отсутствуют фигурирующие на еловской посуде собственно меандровые композиции: «Основной мотив декора сосудов – штрихованные треугольники, сочетания которых образуют «фестоны», «ленты», «пояса» по венчику и плечикам сосудов. Шейка оформлена рядами линий или “сеточкой”» [Бобров, Горяев, 2000, с. 229; Бобров, Горяев, 2004, с. 191]. Такая оценка удостоверяется и публикациями около полусотни сосудов из андроноидных погребений Таная I и Таная XII, а также из соответствующих поселенческих комплексов Таная-4, Таная-4А и местонахождения Исток [см. по: Бобров, 1992, табл.: «Периодизация культур эпохи бронзы…»; Бобров, Умеренкова, 1999, с. 266, рис. 1, 2-5; Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, 2006, с. 27, рис. 3, 4; Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, 2008, с. 30, рис. 1, 2; с. 31, рис. 4; с. 33, рис. 2; Бобров, Молодин, Журба, Колонцов, Кравцов, Кравцов, Соболев, 2000, с. 84, рис. 56; Бобров, Умеренкова, 2000, с. 242, рис. 1, 3, 6, 7; Бобров, Фрибус, Марочкин, Соколов, Баштанник, 2006, с. 275, рис. 1, 5, 6].

Сходство орнаментальных композиций на андроноидной танайской и корчажкинской керамике, на мой взгляд, неочевидно. Применительно к опубликованным сосудам из погребальных памятников у оз. Танай параллели между танайскими и корчажкинскими орнаментальными схемами отсутствуют. В одном случае усматривается соответствие между орнаментом горшка из Таная-4 [Бобров, Умеренкова, 1999, с. 266, рис. 1, 4] и корчажкинской поселенческой посудой, что обусловлено эпохальным фоном (присущим именно этой, а не погребальной керамике), а не узкой культурной спецификацией. При этом сами авторы изысканий отмечают существенные отличия корчажкинского и танайского поселенческого орнамента: «поселение Танай от корчажкинских отличается почти полным отсутствием мотива зигзаг, использованием в качестве разделителя ямок с насечками, широким применением жемчужника для декора венчика» [Бобров, Касастикова, 1989, с. 18].

Симптоматично, что в корчажкинской орнаментации отсутствуют, а в еловской либо отсутствуют, либо исключительно редки нанесённые на сосуды из Таная I, Таная XII, Таная-4 и Калтышино 5 и отражающие карасукоидное влияние треугольные «пирамидки»[5],

[5] Композиции с треугольниками «пирамидального» типа – это важнейший инвариантный культурно-хронологический индикатор, удостоверяющий взаимодействие с одним из позднейших собственно андроновских анклавов, локализованным главным образом на Среднем Енисее (см. 5.4.). Из всей свиты андроноидных культур «пирамидальные» орнаментальные построения из треугольных элементов (вершиной вверх и / или вниз) имеются только на керамике карасукской культуры, отнесённой к её древнейшему этапу [см.: Поляков, 2013, с. 403-407, рис. 1, 12; 2, 1, 4], и на сосудах из упомянутых андроноидных танайских захоронений и поселенческих комплексов. Предполагаемые «исключения» (?) – один горшок из Еловского поселения [Косарев, 1981, с. 150, рис. 56, 8] и сосуды еловско-ирменского комплекса Крохалёвки 7А [Титова, Троицкая, 2008, с. 97, рис. 4, 4, 6; с. 99, рис. 5, 3; Сумин, Евтеева, Ануфриев, Росляков, 2013, с. 199, рис. 138]. Но именно такой орнамент еловской (?) керамики Крохалёвки 7А признаётся авторами переходным от еловского к ирменскому, т.к. углы заштрихованных треугольников подчёркнуты точкой, а сам орнаментальный комплекс памятника, по моему мнению, ближе танайским андроноидным композициям, чем декору территориально ближайшего Еловского археологического комплекса [см. по: Титова, Троицкая, 2008, с. 94-97, рис. 1-4; с. 99, рис. 5, 1-5; Сумин, Евтеева, Ануфриев, Росляков, 2013, с. 198-199, рис. 137-139]. Примечательно, что указанный ирменский орнаментальный приём использовался и на андроноидной керамике Таная-4. Наряду с прочими обстоятельствами, это удостоверяет совместное проживание представителей данных культур [Жаронкин, 2006, с. 370], как и на Крохалёвке 7А [Титова, Троицкая, 2008, с. 94, 98]. Орнаментальная схема сосуда из Еловского поселения производна от собственно андроновской инвариантной комбинации КТ–1 (табл. 234; 235).

Позднее стилизованные двухярусные «пирамидки», но только из треугольников вершиной вниз, встречаются на ирменской керамике, включая т.н. ордынские и реже подобные им быстровские комплексы [Матвеев, 1993, с. 136, рис. 23, 16; с. 172, табл. 18, 3; с. 180, табл. 26, 7; Зах, 1997, с. 58, рис. 24, 2, 11; с. 59, рис. 25, 9; с. 60, рис. 26, 14]. Однако карасукоидные танайские фестоны из треугольников на быстровской и ордынской керамике отсутствуют. Известны «пирамидки» на посуде из мавзолеев Северного Тагискена, датированных IX-VIII вв. до н.э. [Итина, Яблонский, 2001, с. 101; рис. 47, 116; 50, 154; 59, 277; 62, 306; 68, 365; 81, 501; 82, 513; 95, 643], и, например, в Синцзяне на сосудах из могильника на западном берегу р. Манас, в 5 км к северу от города Шихецзы [см. по:

иногда обрамлённые фестонами из треугольников, а также строго вертикальные «решётчато-лестничные» мотивы [см. по: Бобров, 1992, табл.: «Периодизация культур эпохи бронзы…»; Бобров, Молодин, Журба, Колонцов, Кравцов, Кравцов, Соболев, 2000, с. 84, рис. 56; Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, 2008, с. 30, рис. 1]. Не находят адекватных параллелей в еловской и кочажкинской орнаментике и некоторые другие композиции, запечатлённые на сосудах танайского андроноидного комплекса [см. по: Бобров, 1992, табл.: «Периодизация культур эпохи бронзы…»: не менее пяти сосудов; Бобров, Умеренкова, 1999, с. 266, рис. 1, 2, 3, 5; Бобров, Молодин, Журба, Колонцов, Кравцов, Кравцов, Соболев, 2000, с. 84, рис. 56.: не менее семи сосудов; Бобров, Умеренкова, 2000, с. 242, рис. 1, 3, 7; Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, 2008, с. 30, рис. 2; с. 31, рис. 4].

Как и в ирменских комплексах этого района, в андроноидных материалах Таная I и Таная XII, на мой взгляд, усматривается присутствие карасукоидного субстрата, но не позднего лугавского, а раннего, т.н. «классической» карасукской культуры: орнамент и форма ряда сосудов, каменные оградки погребений, перекрытия грунтовых могил каменной плитой, антропологическое сходство с андроновцами Минусинской котловины из Сухого озера и др. Карасукоидные черты присущи и ряду андроноидных сосудов с поселений Танай-4 [см. по: Бобров, Молодин, Журба, Колонцов, Кравцов, Кравцов, Соболев, 2000, с. 84, рис. 56] и Калтышино 5. На карасукские влияния указывают и параллели с оригинальным типом комбинированных украшений. Установлена прямая аналогия между сложными наборными украшениями, обнаруженными в Танае I и Танае XII, и такими же украшениями из ЕК-I и карасукского могильника Новый Белоярск-I [Боброва, Умеренкова, 2015, с. 189-190; см. также: Бобров, Умеренкова, 2003, с. 260-263]. Помимо этого, результаты химического анализа танайских бронз также свидетельствует об их близости составу металла культур эпохи поздней бронзы Среднего Енисея [Бобров, 2001, с. 251][6].

Для идентификации танайского андроноидного комплекса необходима верификация природы северного («позднеандроновско-еловского» или «еловского») субстрата. По одонтологическим признакам андроновские мужчины из Таная XII обнаруживают сходство не с другими андроновскими группами, а с андроноидными сериями, максимально сближаясь с андроновцами и еловцами Томского Приобья [Зубова, 2014, с. 95]. Возможно, это свидетельствует о перемещениях андроновцев из этого района в окрестности оз. Танай и обратно либо наоборот. Но данные соответствия могут удостоверять и совсем иные закономерности. Например, восхождение к единому генетическому истоку, подобно андроновцам Новосибирского Приобья, образующим кластер с пахомовской культурой Барабы и также восходящих к указанному корню [см. по: Зубова, 2014, с. 95, рис. 2].

Позднее, как предполагает А.В. Зубова, «группа андроноидного населения, родственного оставившему могильники Еловского археологического комплекса, мигрирует на территорию Кузнецкой котловины. Здесь это население вступает в брачные связи с местными андроновскими женщинами», что изменяет культурный облик населения данного района [Зубова, 2014, с. 95-96].

Характер андроновско-андроноидных взаимодействий удостоверяется краниологическими и одонтологическими особенностями танайской серии. Мужчины андроноидного комплекса «некрополя Танай-12 объединяются с фёдоровцами Кузнецкой котловины из Чудиновки-1 и Титово-2, а также с андроновской группой из Минусинской котловины, оставившей захоронения в могильнике Сухое озеро» [Зубова, 2014, с. 94], и «максимально близки по одонтологическому составу женщинам андроновской популяции из Таная-12» [Зубова, 2014, с. 95]. Это означает, что мужчины, представляющие андроноидный комплекс Таная XII, являются генетическими потомками, а не брачными партнёрами андроновских женщин, захороненных в этом же могильнике, а равно потомками, родственниками и отчасти современниками андроновцев северо-запада Кузнецкой котловины, а также людей, погребённых в андроновско-карасукском комплексе Сухое озеро (I, IA, II – ?). Следовательно, к числу мигрантов из Томского Приобья представителей андроноидной культуры из Таная XII отнести невозможно. Подобным статусом, скорее всего, обладала значительная часть т.н.

Новоженов, 2012, с. 274, рис. 161А, 9, 10].

[6] Для реконструкции связей постандроновских культур Обь-Енисейского междуречья показательны отмеченные исследователями параллели между т.н. быстровским этапом ирменской культуры и «классическим» этапом карасукской культуры [Матвеев, 1993, с. 110; Поляков, 2006, с. 449-451].

«андроновских женщин», инкорпорированных из позднеандроновско-еловских и собственно еловских андроноидных сообществ Томского Приобья. Они получали брачных партнёров среди андроновских мужчин не только в окрестностях оз. Танай, но и в иных андроновских коллективах северо-запада Кузнецкой котловины (Чудиновка-1, Титово II). Благодаря именно этому экзогамному «субстрату» в материальную и духовную культуру танайского позднеандроновского социума проникали иные традиции и стереотипы, с усвоением которых данная среда буквально «взрывалась» изнутри и претерпевала андроноидные трансформации. В этом смысле весь процесс андроноизации представляется триумфом «культуры женщин» над «культурой мужчин». При этом танайский межкультурный синтез являет пример уникальной «вторичной» андроноизации в результате неравноценного слияния культурных традиций ещё андроновского и уже андроноидного населения.

Второй фактор культурного своеобразия танайских андроноидных комплексов сводится к заметным проявлениям восточных (карасукоидных) влияний. Этим компонентом обусловлены колоритные различия, существующие между танайскими андроноидными материалами и древностями еловской культуры. Карасукский субстрат также может рассматриваться как следствие взаимодействия позднеандроновских и андроноидных культурных традиций.

Помимо этого, катализатором и одновременно следствием танайского культурогенеза представляется не только тесное сосуществование и уникальный синтез местных позднеандроновских и привнесённых андроноидных традиций, но и взаимовлияние андроноидных и раннеирменских групп, в том числе и в составе единых сообществ: Танай-4, Калтышино 5, Крохалёвка 7А. Не случайно женская серия андроноидного комплекса Таная XII по одонтологическим признакам наиболее близка представителям ирменской культуры Новосибирского Приобья [см. по: Зубова, 2014, с. 96, рис. 3]. Это может свидетельствовать о продолжении экзогамной традиции и о брачном выборе мужчинами андроноидного танайского комплекса женщин из ирменской среды указанного района[7]. Хотя такая специфическая черта собственно андроновской погребальной обрядности, как деревянный столб у западной стенки захоронения из ирменского могильника Титово VII [Бобров, Мыльникова, Мыльников, 2004, с. 7], может удостоверять и андроновско-ирменские связи.

Сочетание перечисленных культурообразующих факторов в совокупности с отсутствием неопосредованного доандроновского автохтонного компонента и обусловило своеобразный колорит танайского андроноидного массива.

Таким образом, как мне представляется, во второй половине 80-х и в конце 90-х гг. прошлого века – первой половине 2000-х гг. В.В. Бобровым и его учениками на берегах и в окрестностях оз. Танай были открыты и исследованы памятники оригинальной андроноидной культуры. Полагаю, что по вышеперечисленным, а равно и по иным значимым признакам андроноидные погребения Таная I и Таная XII, а также андроноидные комплексы поселения Танай-4, местонахождения Исток и, вероятно, поселения Калтышино 5 и Танай-4А подлежат выделению в особую танайскую культуру эпохи поздней бронзы.

Ачинско-Мариинская лесостепь. Тамбарское поселение, расположенное на берегу одноимённого водохранилища, содержало материалы от эпохи ранней бронзы до раннего железного века. Стратиграфическая ситуация памятника характеризуется слоем со смешанным археологическим материалом. Такое положение не способствует установлению относительного хронологического соотношения разичных культурных комплексов. Тем не менее планиграфически в северной части поселения автором раскопок выделен участок концентрации андроновских материалов [Бобров, Михайлов, 1987, с. 18]. Здесь же были обнаружены фрагменты посуды с гребенчато-ямочной орнаментацией и характерными признаками трансформации андроновской орнаментальной схемы. Обращает на себя внимание и то, что несколько подобных фрагментов украшены горизонтальными валиками, которые, в свою очередь, присутствуют и на 7% собственно андроновской керамики [Бобров, Михайлов, 1987, с. 20, 24, рис. 3, 4; с. 25, рис. 4, 1; с. 26, рис. 5, 8, 13].

Средний Енисей. Многими исследователями этого региона неоднократно отмечался факт отсутствия андроновских памятников на юге Минусинской котловины южнее широты современного города Абакан (Г.А Максименков, Э.Б. Вадецкая, Б.Н. Пяткин, И.П. Лазаретов,

[7] Абсолютно аналогичная экзогамная ситуация реконструирована применительно к брачным взаимоотношениям мужчин-андроновцев из окрестностей оз. Танай и всего северо-запада Кузнецкой котловины («мужья») и представительниц еловской культуры Томского Приобья («жёны») (см. выше).

В.В. Бобров, Ю.И. Михайлов, Д.Г. Савинов, и др.). На этом факте основано и предположение о том, что уже в андроновское время на юге, в собственно Минусинской котловине, продолжали жить представители окуневской культуры, возможно, до момента появления здесь карасукского населения (Э.Б. Вадецкая, Б.Н. Пяткин, В.А. Семёнов, И.П. Лазаретов, Д.Г. Савинов и др.) [см. обзор: Поляков, Святко, 2009, с. 27-28]. По мнению Б.Н. Пяткина, изложенному мне в 1993 г., андроновско-окуневские взаимоотношения отличались исключительной конфликтностью, обусловленной борьбой за южные районы Минусинской котловины. «Андроновцы бились с окуневцами!» – говорил Борис Николаевич. Действительно, имеются данные, которые можно связать с окуневско-андроновским противостоянием. Это, например, внушительное количество убитых, зафиксированное в окуневских погребениях могильников Красный Яр II, Черновая VIII, Разлив X, Малые Копёны III, Карасук II, Лебяжье, Черёмушкин Лог, Моисеиха, Тесь I, Абакан у церкви и др. [Максименков, 1980, с. 23; Вадецкая, 1981, с. 14, 17, 19-21]. Объяснение таких фактов исключительно внутригрупповыми столкновениями или ритуальным герантоцидом не представляется исчерпывающим. Небезынтересно, что в отличие от захоронений афанасьевской, андроновской и карасукской культур, где встречаются только наконечники стрел, в окуневских погребениях представлен собственно оружейный комплекс [Вадецкая, 1981, с. 13, и др.; Лазаретов, 1997, с. 54, табл. XIII, 1-5; и др.]. Указанное обстоятельство считается одним из надёжных этнографических индикаторов систематических вооружённых конфликтов. Если и в андроновскую эпоху юг Минусинской котловины удерживался под контролем окуневцев, остановивших андроновское продвижение, то отражением подобной ситуации могут быть полифункциональные фортификационные сооружения севера и юга Хакасии, т.н. «све», давшие материалы окуневского и карасукского времени: горы Шишка, Устанах, Чебаки и др. [см. по: Готлиб, 1997, с. 134-151], а в одном случае и андроновскую керамику [Кириллова, Подольский, 2006, с. 138, рис. 7; 8; с. 140].

Симптоматично, что именно в южных памятниках карасукской культуры, как указывают А.В. Поляков и С.В. Святко, фиксируются элементы, свидетельствующие о возможных контактах с окуневским населением, включая окуневскую стелу в «алтарной» нише карасукского поселения Торгажак. Кроме того, под головами погребённых в карасукских могилах найдены каменные плиты, названные «подушками» (Быстрая-II, могила 4; Подкунинские Горы, оградка 9, могила 2) и считающиеся «визитной карточкой» окуневского погребального обряда [Поляков, Святко, 2009, с. 28]. Небезынтересны и антропологические соответствия, как будто подтверждающие окуневскую примесь в составе северных групп карасукцев [Громов, 1997, с. 319]. Контакты окуневцев и карасукцев подтверждают сосуществование, взаимодействие и противостояние (в двух первых случаях) окуневского, андроновского и карасукского населения на территории средненисейских котловин.

Помимо этого, перечисленными фактами, возможно, объясняется находка своеобразного окуневского погребения в составе массива андроноидных захоронений кузнецкого могильника Танай XII [см. по: Бобров, Горяев, 2001, с. 244-248; Бобров, 2006, с. 322-324], отличающегося карасукоидным субстратом и отнесённого мною к самостоятельной танайской культуре (см. выше).

Неизвестны случаи перекрывания андроновского комплекса собственно карасукским или наоборот, а в районах Среднего Енисея неоднократно зафиксированы планиграфические группы андроновских и карасукских курганов в составе одного могильника [Бобров, Михайлов, 1989, с. 110]. В аналогичном ключе можно рассматривать и материалы Ужурского могильника, отражающие взаимодействие андроновского комплекса с карасукоидным и лесным гребенчато-ямочным субстратом [Членова, 1966, с. 212-228].

О соотношении андроновских и лугавских (или карасук-лугавских) комплексов свидетельствует планиграфическая ситуация в могильнике Орак. Но исследователи по-разному интерпретируют одни и те же обстоятельства. Так, М.Н. Комарова, со ссылкой на наблюдения Г.П. Сосновского, усматривала в разрушении могилой № 43 детского андроновского погребения и использования его плит для сооружения лугавского (или карасук-лугавского) захоронения свидетельство того, «что карасукские могилы сооружались в то время, когда андроновское кладбище уже не функционировало и о нём, как о кладбище, не знали и не помнили» [Комарова, 1961, с. 54]. Н.Л. Членова, признавая более поздний в целом возраст детских оградок, пристроенных к основной андроновской, отрицает значительный хронологический разрыв между ними, т.к. «...пристройка дополнительных оград к основной возможна лишь

тогда, когда эта основная отрада ещё не задернована и видна на поверхности» [Членова, 1983, с. 24]. «То же самое и с перестройкой андроновской цисты в карасукский ящик – это возможно лишь тогда, когда андроновская циста ещё как-то заметна на поверхности» [Членова, 1972, с. 35]. Последняя версия более убедительна, что подтверждается всей планиграфией памятника: лугавские (или карасук-лугавские) оградки №№ 41-43 и оградка «Е» находятся в самом центре комплекса и окружены андроновскими №№ 14, 20, 24-28 и «В». По мнению Н.Л. Членовой, последние сооружены позднее [Комарова, 1961, с. 59; Членова, 1983, с. 24].

2.3. КИНЖАЛЫ И БРАСЛЕТЫ

Андроновские древности не относятся к культурам, изобилующим бронзовыми изделиями из закрытых комплексов с узкой хронологией. Тем не менее подобные находки есть. Их систематизация составляет предметный базис для датирования найденных с ними сосудов и их орнаментальных серий – инвариантных комбинаций, в свою очередь обнаруженных с сосудами с иными орнаментальными инвариантными комбинациями и т.д.

Многие исследователи андроновских древностей обращались к анализу бронзовых изделий этой эпохи, и историография данного вопроса весьма обширна [напр.: Черников, 1960, с. 75-87; Сальников, 1967, с. 338-339; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 266-270; Черных, 1970; Матющенко, 1973, с. 11-22, 53-58; Аванесова, 1975, с. 67-73; Пяткин, 1977, с. 28-31; Максименков, 1978, с. 72-73; Членова, 1983, с. 30-31; Кузьмина, 1985, с. 33; Молодин, 1985, с. 56-65, 102-104; Ткачёв, 2002; Ткачёв, 2002а; и др.]. Существует и специальное монографическое исследование Н.А. Аванесовой, посвящённое характеристике андроновских бронз (в очень широком культурно-хронологическом смысле этого термина – *И.К.*) всего ареала [Аванесова, 1991].

Перечень изделий из собственно андроновских комплексов, приемлемых для их датировки, ограничен четырьмя-пятью наименованиями. Одной из самых массовых находок остаются кинжалы срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием (ромбической, реже подтреугольной формы), известные из районов Южного Зауралья, лесостепного Притоболья, Северного, Восточного и Южного Казахстана, Среднего Прииртышья, Барабы, Верхнего и Томского Приобья, Кузнецкой котловины и Среднего Енисея. Часть их происходит из сборов и случайных находок, хотя известны экземпляры из могильников Урефты I, Большеказакбаевского 2, Путиловская Заимка II, Зевакино, Берёзовского, Черноозерье I, Боровянка XVII (?), Сопка II (Сопка-2/5), Тартас-1, Томского на Малом Мысу, ЕК-II, Юрман I, а также поселений Берёзовское, Камышное-I, Явленка-I.

Кинжал из восточно-казахстанского могильника Берёзовского вообще не имеет перекрестия, а только боковые выемки, что придаёт ему архаичный облик [Ткачёва, Ткачёв, 2008а, с. 157, рис. 63, 12]. Но большинство изделий из перечисленных памятников отличает оформившееся и хорошо выделенное перекрестие, продольная нервюра и притуплённый конец черенка. Кинжалы, относимые к данному типу Е.Н. Черных, производят впечатление архаичных, т.к. характеризуются ромбической пяткой черенка, отсутствием в ряде случаев ребра жёсткости и параметрически невыразительным перекрестием у большинства экземпляров [Черных, 1970, с. 63, 66-67, рис. 57; 58]. Поэтому, вслед за Е.Е. Кузьминой [Кузьмина, 1966, с. 42], данные изделия корректнее определять как кинжалы с намечающимся перекрестием.

Интересные особенности рассматриваемых кинжалов были выявлены Н.А. Аванесовой. Так, длина их лезвия составляет 2/3 общей длины, а выемки перемещаются от лезвийной части к рукояти [Аванесова, 1991, с. 23]. Этот признак, наряду с величиной и формой перекрестия, определяет облик типологической периферии, проявившейся в изделиях переходных форм. Например, в упоминавшемся кинжале из Берёзовского [Ткачёва, Ткачёв, 2008а, с. 157, рис. 63, 12], а также на кинжалах из могильника Малый Койтас или поселения Новоникольское-I [Аванесова, 1991, рис. 25, 16; 26, 6].

Исследователи, опубликовавшие рассматриваемые кинжалы, предлагают для них и комплексов, из которых они происходят, различные даты: Урефты I – последняя треть или четверть II тыс. до н.э. [Стефанов, Днепров, Корочкова, 1983, с. 164] (датировку по ^{14}C см. ниже); Путиловская Заимка II – XIV-XII вв. до н.э. [Зданович, 1988, с. 167, табл. 9; с. 170, табл. 10 В, 13, 14]; Берёзовский – конец XVI-XIV вв. до н.э. [Ткачёва, Ткачёв, 2008а, с. 157, рис. 63, 12;

с. 265-266], Сопка II – XIV-XII вв. до н.э. [Молодин, 1985, с. 87-88] (позднее датировка памятника скорректирована по ^{14}C); Тартас-1 (датировку по ^{14}C см. ниже); ЕК-II – верхняя дата XII-XI вв. до н.э. [Матющенко, 1973, с. 42, 67]; Черноозерье I – XII-X или XII-IX вв. до н.э. [Генинг, Ещенко, 1973, с. 57]; Томский могильник на Малом Мысу – XIII-XII-X /IX/ вв. до н.э. [Косарев, 1981, с. 131]; Берёзовское – синхронно андроновским (фёдоровским) комплексам [Сальников, 1967, с. 358-359]; Камышное-I – XVII-XV вв. до н.э. [Потёмкина, 1985, с. 262-263, рис. 106]; Явленка-I – XIV-XII вв. до н.э. [Зданович, 1988, с. 167, табл. 9; с. 170, табл. 10 В, 5].

Дата литейной матрицы с поселения Камышное-I обосновывается Т.М. Потёмкиной находкой остророёберного сосуда, попавшего в поселенческий слой вследствие сооружения погребения, а на самом поселении подобная керамика неизвестна. Отсюда следует вывод, что могильник является более поздним комплексом [Потёмкина, 1985, с. 232, 234, рис. 98, 2]. Однако матрица и сосуд найдены в разных раскопах, на диаметрально противоположных периферийных комплекса; погребение, давшее сосуд, разрушено карьером; наконец, в зольнике рядом с местонахождением матрицы обнаружен браслет со свёрнутыми в конусовидную спираль концами, бытование которого несопоставимо с периодом распространения в Урало-Казахстанских степях сосудов остророёберных форм.

Кинжалы рассматриваемого типа неизвестны в памятниках культур, бытовавших на сейминско-турбинском хронологическом горизонте, либо в качестве совместных находок с датирующими изделиями данной эпохи. Для собственно сейминско-турбинских памятников имеются следующие даты: Сатыга XVI – 2140-1940 гг. до н.э. (95%) [Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005, с. 94-97, табл. 3; с. 100, рис. 3]; Юринский (Усть-Ветлужский) – 1950-1860 гг. до н.э. (40,6%); 1850-1770 гг. до н.э. (27,6%) [Юнгнер, Карпелан, 2005, с. 112]; Шайтанское Озеро II с изделиями, переходными от сейминско-турбинских к шайтанско-кижировским формам [Кузьминых, 2015, с. 69] (суммарно по четырём компактным датам) – XIX-XVIII вв. до н.э. (95,4%) [Корочкова, 2014, с. 573] или в интервале 1880-1770 гг. до н.э. (95,4%) [Корочкова, Спиридонов, Стефанов, 2015, с. 66]. Погребение «литейщика» № 282 из Сопки-2/4В с сейминско-турбинским кельтом и двумя формами для их отливки датировано 2470-2030 гг. до н.э. (95,4%), а захоронение № 425 из Сопки-2/4Б с кинжалом сопкинско-каракольского типа – 2350-2120 гг. до н.э. (88,7%). Дата погребения № 427 из Сопки-2/4Б с литейной формой сейминско-турбинского копья определена 2310-2130 гг. до н.э. (92,8%) [Молодин, Марченко, Гришин, Орлова, 2010, с. 241-242; Марченко, Молодин, Гришин, Орлова, 2014, с. 464-466]. Одиновское захоронение № 24 из Преображенки-6 с вильчатым наконечником гиперкопья (38,5 см) сейминско-турбинского типа датировано 2310-2130 гг. до н.э. (93,6%) [Молодин, 2013, с. 313, рис. 4; Marchenko, Orlova, Panov, Zubova, Molodin, Pozdnyakova, Grishin, Uslamin, 2015, p. 598, Tab. 1; p. 599, Fig. 3, 2]. Дата одиновского захоронения 487 из Тартаса-1 с сейминско-турбинским кельтом определялась 2700-2100 гг. до н.э. (95,4%) [Молодин, 2013, с. 317-321, рис. 13, 3; 14; Марченко, Молодин, Гришин, Орлова, 2014, с. 464, 466], а по совокупности двух дат, полученных для этого комплекса, была скорректирована в пределах XXV-XXII вв. до н.э. [Молодин, Марченко, 2015, с. 64].

В 2016 г. в аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (ИМКЭС СО РАН, г. Томск) мною были получены радиоуглеродные даты по костям погребённых в разновременном могильнике Ростовка. В настоящее время бесспорным представляется сочетание бронзового сейминско-турбинского изделия с датированным костным образцом в закрытом комплексе могилы 29 [Матющенко, Синицына, 1988, с. 39, 40, рис. 49]. Дата костей погребённого из этого захоронения с бронзовым выгнутообушковым ножом, лежавшим поверх тазовых костей [Матющенко, Синицына, 1988, с. 39, 40, рис. 49, 2], т.е. на поясе умершего, определена в диапазоне 2490-2200 гг. до н.э. (68,2%); 2700-2000 гг. до н.э. (95,4%)[8].

Наконец, калиброванная дата угля из могилы 2 Елунино I [Юнгнер, Карпелан, 2005, с. 112] – 1980-1868 гг. до н.э. (76,2%); 1847-1775 гг. до н.э. (16,0%); 2016-1997 гг. до н.э. (3,2%)[9].

Следовательно, постсейминско-турбинская эпоха – время появления кинжалов срубно-андроновского типа – наступает, в целом, позднее последних веков III тыс. до н.э. – XIX (XVIII ?) вв. до н.э. [см. по: Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005, с. 97, 99-100; Юнгнер, Карпелан, 2005,

[8] Калибровка произведена в программе OxCal v3.10. Bronk Ramsey (2005). Калибровочная кривая IntCal13 [Reimer et al, 2013].

[9] Здесь и далее калибровка произведена в программе OxCal v4.2.4. Bronk Ramsey (2013).

с. 112; Епимахов, 2007, с. 406; Корочкова, 2014, с. 573; см. также: Молодин, Марченко, Гришин, Орлова, 2010, с. 241-243; Марченко, Молодин, Гришин, Орлова, 2014, с. 464, 466, 467]. Эта веха представляется нижним хронологическим рубежом данных изделий, особенно кинжалов подобного типа из собственно андроновских комплексов. Но оригинальная литейная форма из Мынчункура, где помимо кинжала вырезано желобчатое долото [Черников, 1960, с. 259, табл. 66, 2, 3, 4], намекает, что в целом подобные кинжалы могут быть и значительно моложе.

Сопоставление мынчункурского долота со сложносоставной формой из Ростовки [Аванесова, 1991, с. 35] не вполне корректно, т.к. венчик последнего тонкий, как у сейминско-турбинских кельтов, а мынчункурская форма, не имея валика-обруча, снабжена утилитарным расширением в верхней части, выполнявшим аналогичную функцию. Следовательно, ростовкинский образец старше, а мынчункурский датируется периодом бытования аналогичных долот, т.е. финальными фазами бронзового века [Черных, Кузьминых, 1989, с. 130]. Это подтверждается и их совместимостью в закрытых комплексах с металлическими изделиями, получившими типологическое продолжение в культурах раннего железного века [Черных, 1970, с. 92]. Поздней бронзой датируется и матрица для кинжала, вырезанная на этой же форме. Всё вышеперечисленное может указывать на сравнительно широкий временной интервал.

Для нижней даты таких предметов вооружения примечателен, по-видимому, уникальный случай датирования по ^{14}C позднекротовского захоронения 20 могильника Тартас-1, содержавшего кинжал срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием. Время данного погребения определено 1830-1660 гг. до н.э. (83%); 1880-1840 гг. до н.э. (12,4%) [Molodin, Marchenko, Kuzmin, Grishin, Van Strydonck, Orlova, 2012, p. 739, Tab. 1; p. 742, Fig. 3, 6]. Поэтому, вероятно, XIX (XVIII) – вторую четверть XVII вв. до н.э. следует принять за диапазон, в который укладывается нижняя хронологическая граница подобных изделий. Для кинжалов данного типа из собственно андроновских комплексов рубежи этого периода, с учётом имеющихся радиоуглеродных датировок андроновских древностей (см. ниже), могут быть приблизительно на столетие моложе. Такой вывод, отчасти, удостоверяется датировками по ^{14}C смешанного алакульско-андроновско-фёдоровского могильника Урефты I, где обнаружено подобное изделие: 1880-1670 гг. до н.э. (95,4%); 1690-1520 гг. до н.э. (95,4%); 1700-1520 гг. до н.э. (92,2%) [см. по: Hanks, Epimakhov, Renfrew, 2007, p. 361, Fig. 3] или 1780-1680 (68,9%); 1685-1520 (95,4%); 1690-1520 гг. до н.э. (92,7%) [см. по: Стефанов, Корочкова, 2006, с. 116, табл. 2].

Верхний хронологический рубеж рассмотренного типа кинжалов определяется началом распространения в Северо-Западной Азии валиковой керамики, т.е. до XV в. до н.э. [о дате см. по: Дегтярёва, Нескоров, 2015, с. 38]. С этого времени в степях Евразии появляются кинжалы «киммерийского» типа, сопутствующие общности культур валиковой керамики и вытесняющие срубно-андроновские формы. Находки кинжалов срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием в комплексах с валиковой керамикой неизвестны.

Таким образом, бытование кинжалов срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием в собственно андроновских комплекса в основном ограничено периодом со второй четверти XVIII-XVII и до конца XVI вв. до н.э.

Другим датирующим и количественно представительным изделием являются андроновские браслеты с конусовидными спиралями на окончаниях. Они известны из Тувы, районов Верхнего и Томского Приобья, Барабы, Среднего Прииртышья, Восточного, Центрального, Северного и Южного Казахстана, лесостепного Притоболья, Южного Зауралья, а также из Средней Азии. Браслеты найдены в могильниках Аймырлыг [Стамбульник, Чугунов, 2006, с. 301-302, рис. 30], Кытманово [Уманский, 1962-1963; Кузьмина, 1985, с. 34; Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, с. 64-65, рис. 8, 3; 9, 2, 3], Быково II [Кирюшин, 1987а, с. 33, рис. 3, 4], Фирсово XIV [Шамшин, 1992, с. 44-45, рис. 1, 4; Шамшин, Ченских, 1994, с. 49; Федорук, Федорук, Папин, 2013, с. 275-276, рис. 1, 2], Быково IV [Абдулганеев, Лузин, Кунгурова, 1993, с. 104, рис. 1, 7, 10], Рублёво VIII [Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004, с. 68], у с. Чайкино, Чекановский Лог-2 [Белоусов, Запрудский, Кулагина, 2006, с. 12-13, рис. 2, 2], Ново-Александровка, ЕК-II [Матющенко, 1973, с. 97-98; Матющенко, 2004, с. 71, рис. 93, 1; с. 367, рис. 417, 43] (рис. 17, *1*), Томском могильнике на Большом мысу [Комарова, 1952, с. 31, рис. 17, 5], Сопка II [Молодин, 1985, с. 64-65, рис. 31, 1-10], Тартас-1 [Молодин, Мыльникова, Новикова, Соловьёв, Наглер, Дураков, Ефремова, Кобелева, Ненахов, 2009, с. 339], Боровянка XVII [Погодин, Полеводов, 2003, с. 58], Малое Карасу [Ермолаева, 2001, с. 102, 105, рис. 3], Маринка [Ткачёв, Винокурова, 1994, с. 54; Ткачёва, Ткачёв, 2008а, с. 111, рис. 31, 15], Кенжеколь-1 [Мерц,

Казизов, Мерц, 2007, с. 38], Мастау Бай II (Черногорка) [Stöllner, Samašev, Berdenov, Cierny, Doll, Garner, Gontscharov, Gorelik, Hauptmann, Herd, Kušč, Merz, Riese, Sikorski, Lickgraf, 2013, s. 371-373, Abb. 14], Айшрак, Аксу-Аюлы [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 273], Сангру II [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 103-104, Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 110, рис. 81, 3], Беласар Б [Маргулан, 1979, с. 41, рис. 20], Койшокы II, Шет I, Шет III [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 84, рис. 54, 1, 2; с. 90, 98, рис. 68, 12], Жиланды [Кадырбаев, 1974, с. 32, рис 4, 4], Ельшибек [Аванесова, 1991, рис. 54, 16], Ташик [Евдокимов, Новоженов, Ломан, 1985, с. 27], Лисаковский I [Усманова, 1989, с. 117; Усманова, 2005, с. 210, 212, рис. 69, 6, 7; 71, 5] (рис. 18, *3*), Алыпкаш [Зданович, 1988, с. 170, табл. 10, 18], Кожа-бала [Ковтун, 1999а, с. 27, рис. 1], Ой-Джайляу-III и, возможно, Ой-Джайляу-VII [Горячев, 2008, с. 46, 48, 51, 57, рис. 4, 4], Субботино [Потёмкина, 1985, с. 238, рис. 101, 2], Солнце-Талика [Алаева, 2015, с. 261], а также на поселениях Камышное I, Камышное II [Потёмкина, 1985, с. 108, рис. 39, 4; с. 101, рис. 34, 9], Большой Лог I [Кирюшин, Лузин, 1990, с. 52-53, рис. 5, 5], Черноозерье I (городище; браслет обнаружен в заполнении рва, около предполагаемого основного моста-прохода) [Генинг, Стефанов, 1993, рис. 8, 2], Тургень-II [Горячев, 2013, с. 360, рис. 5, 1] и в кладе у с. Палацы [Черников, 1960, с. 205, табл. X]. Среднеазиатские экземпляры происходят из могильника Чакка [Аванесова, 1991, с. 69, рис. 54, 19, 23], верховьев р. Чирчик [Кузьмина, 1966, с. 71, 145, табл. XIV, 15 (?)], из погребения в окрестностях Ташкента в с. Искандер, также на р. Чирчик [Кузьмина, 1966, с. 71, 145, табл. XIV, 18, 20; Аванесова, 1991, с. 69, рис. 54, 25, 28, 29; с. 200] (рис. 19, *2*) и из Узгенского района (по Е.Е. Кузьминой) либо с рудника Аурахмат (по Н.А. Аванесовой) [сравн.: Кузьмина, 1966, с. 71, 145, табл. XIV, 21; Аванесова, 1991, с. 69, рис. 54, 27; с. 200] (рис. 19, *3*).

Прототипами этих украшений представляются браслеты с плоскими спиралями из памятников культур, бытовавших в основном на сейминско-турбинском хронологическом горизонте. Тогда как браслеты с конусовидными спиралями в сейминско-турбинских или синхронных им комплексах не обнаружены. По мнению Н.А. Аванесовой, традиция исходной формы браслетов и с плоскими, и с коническими спиралями восходит к таким петровским (или нуртайским – *И.К.*) комплексам, как Улубай, Нуртай и Графские развалины [Аванесова, 1991, с. 69-70]. Но, вероятно, истоки морфологии браслетов с плоскими спиралями уходят ещё глубже, к эпохе бытования аркаимо-синташтинских древностей. Это удостоверяется их находками в памятниках, давших подобные материалы [см. напр. по: Куприянова, 2008, с. 20-21].

Отдельные экземпляры изделий с плоскими спиралями «доживают» до позднебронзового периода, примером чему служат материалы Осинкинского могильника на Северном Алтае [Савинов, 1975, с. 96, рис. 2, 14, 16] или, например, позднеандроновского могильника Самара из Центрального Казахстана [см.: Ткачёв, 2002а, с. 58, 62, 63]. Природа подобных реминисценций проясняется при обращении к параллелям со сходным принципом моделировки деталей, а именно браслетам с выпуклостями на концах и биконическим перстням из памятников карасукского времени [напр: Новгородова, 1970, с. 130-131, рис. 42; Максименков, 1975, с. 49-52; и др.]. Соответствующую картину представляет и Н.А. Аванесова, допускающая сохранение традиции изготовления рассматриваемых браслетов и в эпоху поздней бронзы, но в форме имитации такой детали, как спирали на окончаниях [Аванесова, 1991, с. 69-70]. Вероятно, это свидетельствует о сравнительно поздней дате перечисленных экземпляров.

Помимо этого, известны браслеты, которые безоговорочно нельзя отнести ни к одному из указанных типов. Такие украшения происходят, в частности, из Борисоглебовского могильника поздняковской культуры [Попова, 1970, с. 195, рис 34, 2], из могильников Былкылдак 1 [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 125, табл. XII], Ой-Джайляу III [Марьяшев, Горячев, 1992, с. 7, рис. 3], Койшокы IV [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 86, рис. 56] и др. Согласно классификации Е.Н. Черных, это округложелобчатые браслеты со спиральными концами [Черных, 1970, с. 70-71, рис. 61, 59-61]. Но по форме и технологии изготовления их спирали не могут считаться ни плоскими (щитковидными), ни коническими, ни литыми. Поэтому по сравнению с ранее рассмотренными изделиями украшения, классифицированные Е.Н. Черных, представляются браслетами с намечающимися конусовидными спиралями, образующими морфологически переходную форму.

Браслеты с плоскими и намечающимися конусовидными спиралями могли бытовать достаточное длительное время. Например, в могильнике Ташик зафиксирован случай, когда погребённому (-ой ?) сопутствовали браслет с плоскими и браслет с конусовидными спиралями:

«концы браслета с правой руки были закруглены в виде конусовидных спиралей, концы браслета с левой руки – плоские, закруглённые» [Евдокимов, Новоженов, Ломан, 1985, с. 21].

Однако этот неординарный случай составляет единичное исключение из правила, косвенно подтверждая различные горизонты бытования двух типов браслетов. Поэтому нижний хронологический рубеж браслетов с оформившимися конусовидными спиралями удостоверяется верхними абсолютными датами типологически предшествующих браслетов с плоскими спиралями. Такие украшения синхронны сейминско-турбинским древностям, и их верхний рубеж, в основном, ограничен XVIII (XVII) в. до н.э. Вероятно, это же время следует принять за нижнюю дату производных от данных изделий браслетов с конусовидными спиралями на окончаниях.

Примечательно отсутствие браслетов с конусовидными спиралями в андроновских памятниках Кузнецкой котловины, Ачинско-Мариинской лесостепи и Среднего Енисея. Это может указывать на их сравнительно раннюю верхнюю дату. Поэтому браслеты из Тувы и Томского Приобья знаменуют финал подобной морфологической формы, в собственно андроновской среде удостоверяя её эпизодическое бытование в начале формирования свиты андроноидных культур. Помимо могильников Аймырлыг и ЕК-II, к указанной культурно-хронологической стадии, вероятно, относятся браслеты с конусовидными спиралями из Томского могильника на Большом мысу и из Боровянки XVII. Не исключено (?), что в этот же хронологический ряд следует включить и браслеты из Черноозерья I и Сопки II, отражающие, по мнению В.И. Молодина, сложение позднекротовской (черноозерской) культуры [Молодин, 2014, с. 53, и др.], поздний этап которой (черноозерский) обладает идентифицирующими признаками андроноидного образования.

Исторические причины отсутствия браслетов с конусовидными спиралями в андроновских памятниках Кузнецкой котловины, Ачинско-Мариинской лесостепи и Среднего Енисея могли быть обусловлены ограничением доступа андроновцев, проживавших в указанных районах, к источникам касситерита и сокращением общей численности и номенклатуры изделий из бронзы [подр. см.: Ковтун, 1998, с. 251].

Е.Е. Кузьмина определяла нижнюю дату подобных украшений по среднеазиатским аналогиям временем после третьей четверти II тыс. до н.э. [Кузьмина, 1966, с. 72], иначе говоря, с середины XIII в. до н.э. Не исключено, что для орнаментированных и морфологически оригинальных экземпляров из верховьев р. Чирчик, из погребения в окрестностях Ташкента в с. Искандер, также на р. Чирчик, и из Узгенского района (по Е.Е. Кузьминой) либо с рудника Аурахмат (по Н.А. Аванесовой) справедлива дата, близкая указанной Е.Е. Кузьминой. Но для браслетов с конусовидными спиралями с территории Северо-Западной Азии имеются основания для удревнения хронологического диапазона данных изделий.

Сейчас известны радиоуглеродные датировки для некоторых алтайских памятников, в т.ч. давших браслеты с конусовидными спиралями: Рублёво VIII – XVII-XIV вв. до н.э., Чекановский Лог-10 – XVI-XV вв. до н.э., Манжиха V – около XV в. до н.э. К XVIII-XVI вв. до н.э., по результатам радиоуглеродного датирования, отнесены грунтовые могильники Подтурино, Восход I, Телеутский Взвоз-I, а также Фирсово XIV. Однако разброс девяти фирсовских дат охватывает период с XXII до III вв. до н.э. [Кирюшин, Грушин, Орлова, Папин, 2007, с. 256-258], что, конечно, не добавляет уверенности в датировке могильника в целом. Помимо этого, калибровка полученной в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии РАН даты андроновского погребения могильника Телеутский Взвоз-I [Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2000, с. 45] указала на 1921-1751 гг. до н.э. (95,4%).

Небезынтересно, что на Среднем Енисее, где подобные браслеты не обнаружены, андроновское время по ^{14}C укладывается между 1715 ± 65 и 1420 ± 40 гг. до н.э. [Gorsdorf, Parzinger, Nagler, 2004, p. 88], а по другой процедуре подсчёта тех же данных – с 1610 по 1410 гг. до н.э. [Епимахов, 2005, с. 172-173]. В более поздних работах среднеенисейские андроновские памятники датируются по ^{14}C в диапазоне 1744-1500 гг. до н.э. [Svyatko, Mallory, Murphy, Polyakov, Reimer, Schulting, 2009, p. 251], или 1675-1510 гг. до н.э. [Святко, Поляков, 2009, с. 147], или укладываются в отрезок XVII-XV вв. до н.э. [Поляков, Святко, 2009, с. 31, 32]. Таким образом, все эти даты относятся к промежутку XVIII-XV вв. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 151].

Радиоуглеродные даты смешанных андроновско-алакульских комплексов Южного Зауралья получены для Урефты I, Солнце-Талика и Каменной Речки III. Суммарно они охватывают

период с 1880 по 1520 гг. до н.э., но большинство нижних дат указывают на начало XVII в. [см. по: Hanks, Epimakhov, Renfrew, 2007, p. 361, Fig. 3].

Противоречивые радиоуглеродные даты известны из андроновских памятников Нижнего Притоболья. Калибровка четырёх дат поселения Черёмуховый Куст [Матвеев, Орищенко, Зах, Панфилов, Петренко, 1991, с. 30; Зах, 1995, с. 85] дала в одном случае заведомо недостоверные результаты, а в оставшихся трёх следующие значения: 1981-1526 гг. до н.э. (94,1%); 2018-1995 гг. до н.э. (1,3%); 1630-1497 гг. до н.э. (95,4%); 2136-1872 гг. до н.э. (89,9%); 1845-1813 гг. до н.э. (3,2%); 1801-1778 гг. до н.э. (2,3%). Повторная калибровка дат поселения Курья 1 [Зах, Зимина, Рябогина, 2011, с. 220] дала близкие результаты: 1776-1607 гг. до н.э. (90,9%); 1871-1845 гг. до н.э. (2,4%); 1582-1560 гг. до н.э. (1,7%); 1811-1804 гг. до н.э. (0,4%).

Четырнадцать дат получены в лаборатории археологических технологий Ленинградского отделения Института археологии АН СССР для двух андроновских могильников Кузнецкой котловины [Бобров, 1990, с. 87]. Калибровка всей серии дала неодинаковые результаты. Датировки могильника Васьково V близки полученным на сопредельных территориях: кур. 1, м. 1 – 1569-1404 гг. до н.э. (92,0 %); 1607-1582 гг. до н.э. (3,4 %); кур. 1, м. 2 – 1497-1292 гг. до н.э. (95,4 %). Без крайних значений хронология этого комплекса укладывается между второй четвертью XVI – финалом XV вв. до н.э. Пиковые значения времени первого погребения охватывают период с 1490 по 1450 гг. до н.э., а второго (без двух крайних пиков) близки 1410 г. до н.э. Суммирование данных показателей позволяет ограничить вероятностный хронологический диапазон васьковских захоронений XV в. до н.э.

Даты могильника Титово II не соответствуют хронологии по ^{14}C васьковского могильника, а равно андроновских погребений Южного Зауралья, Северо-Западного Казахстана, Барабы, Алтая и Среднего Енисея и, скорее всего, не корректны[10].

Собственно андроновские захоронения на некрополе Старый Тартас-4 [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 48-62] датированы по органическим материалам, которые указали на XVIII-XV вв. до н.э. [Молодин, Марченко, Гришин, 2011, с. 251-252]. Этот хронологический диапазон (XVIII-XV вв. до н.э.) подтверждали [Molodin, Marchenko, Kuzmin, Grishin, Van Strydonck, Orlova, 2012, p. 744, 746], а позднее экстраполировали на весь комплекс «андроновских (фёдоровских) памятников Барабинской лесостепи» [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 149]. Радиоуглеродные даты позднекротовских захоронений Сопки-2/5 охватывают XXI-XVIII/XVII вв. до н.э. (позднее скорректированы до XIX-XVIII/XVII вв. до н.э. [Molodin, Marchenko, Kuzmin, Grishin, Van Strydonck, Orlova, 2012, 746; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 148]). Хронология смешанного андроновско-позднекротовского комплекса могильника Тартас-1, первоначально датированного в диапазоне XIX-XVI-XIV вв. до н.э. (без крайних значений) [Молодин, Парцингер, Марченко, Пиецонка, Орлова, Кузьмин, Гришин, 2008, с. 326-327], а в другой работе XIX-XV или XVII-XV вв. до н.э. [Molodin, Marchenko, Kuzmin, Grishin, Van Strydonck, Orlova, 2012, p. 743], уточнялась и как будто укладывается в XVII-XIV вв. до н.э. [Молодин, Марченко, Гришин, 2011, с. 251]. Поскольку в позднекротовском погребении 321 Тартаса-1 обнаружен фрагмент браслета с конусовидными спиралями [Молодин, Мыльникова, Новикова, Соловьёв, Наглер, Дураков, Ефремова, Кобелева, Ненахов, 2009, с. 339], датировка данного комплекса представляется особенно значимой для указанного типа бронзовых украшений. Авторы исследования и датировки предполагают, что «верхний предел позднекротовских захоронений не моложе XVI в. до н.э., а нижний предел не старше XIX в. до н.э.» [Molodin, Marchenko, Kuzmin, Grishin, Van Strydonck, Orlova, 2012, p. 743].

Последний диапазон и отсутствие подобных изделий в андроновских комплексах, расположенных восточнее правого притока Оби р. Ини, позволяют ограничить бытование брас-

[10] Судя по плотности датировок и четырёхсотлетнему диапазону дат из одного погребения (кур. 6, м. 2; кур. 6, м. 4), в процедуре датирования допущены системные ошибки: кур. 5, м. 1 – 1127-906 гг. до н.э. (95,4%); кур. 5, м. 1 – 1224-993 гг. до н.э. (94,8%); 987-980 гг. до н.э. (0,6%); кур. 5, м. 2 – 1017-830 (95,4%); кур. 6, м. 2 – 810-731 гг. до н.э. (51,4%); 691-660 гг. до н.э. (10,6%); 651-543 гг. до н.э. (33,5%); кур. 6, м. 2 – 1111-894 гг. до н.э. (94,2%); 867-855 гг. до н.э. (1,2%); кур. 6, м. 2 – 1209-974 гг. до н.э. (93,2%); 957-941 гг. до н.э. (2,2%); кур. 6, м. 2 – 1216-976 гг. до н.э. (95,4%); кур. 6, м. 3 – 1261-1018 гг. до н.э. (95,4%); кур. 6, м. 3 – 1375-1352 гг. до н.э. (3,2%); 1303-1055 гг. до н.э. (92,2%); кур. 6, м. 3 – 1391-1337 гг. до н.э. (11,4%); 1322-1114 (84,0%); кур. 6, м. 4 – 912-799 гг. до н.э. (95,4%); кур. 6, м. 4 – 1121-903 гг. до н.э. (95,4%). Даже при исключении крайних значений и упомянутых противоречивых результатов, вероятностное время могильника Титово II охватывает только постандроновский период с конца XIV-XIII и до XI (X) вв. до н.э.

летов с конусовидными спиралями у андроновцев окончанием первой половины II тыс. до н.э. или XVI в. до н.э. Это соответствует хронологическому финалу позднекротовских комплексов [Molodin, Marchenko, Kuzmin, Grishin, Van Strydonck, Orlova, 2012, p. 743], ещё содержащих подобные изделия, тогда как в собственно андроновских комплексах Барабы они уже отсутствуют. Абсолютно аналогичный вывод применим и к кинжалам срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием.

Для нижнего рубежа браслетов с конусовидными спиралями на окончаниях показательно отсутствие их совместных находок с предшествующими сейминско-турбинским древностями. Такая последовательность прослеживается и по радиоуглеродным датировкам. Сравнение дат по ^{14}C демонстрирует безусловный хронологический приоритет сейминско-турбинских древностей сравнительно с собственно андроновскими материалами [см. напр.: Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 153]. Кроме того, датировка по ^{14}C погребений могильника Лисаковский I, давшего самый информативный орнаментированный браслет с конусовидными спиралями на окончаниях, укладывается в 120-летний период с 1780 до 1660 или 1610 гг. до н.э. [Panyushkina, Mills, Usmanova, Li, 2008, p. 467-468; Панюшкина, 2013, с. 204, табл. 4] или со второй четверти XVIII до середины / финала XVII вв. до н.э. Отмечается также, что образцы из смешанных алакульско-фёдоровских погребений Лисаковского I могут быть ещё моложе: 1780-1530 гг. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 143].

Позднее уже другой эпохальный феномен знаменует начало культурно-исторического периода, определяющего верхнюю хронологическую границу данных украшений. Это распространение общности КВК, с керамикой которой браслеты с конусовидными спиралями также никогда не пересекаются. Как уже отмечалось выше, начало данного процесса относится к XV в. до н.э. и, соответственно, исчезновение рассмотренного типа браслетов предшествовало этому времени.

Таким образом, бытование браслетов с конусовидными спиралями на окончаниях в Северо-Западной Азии в основном охватывает хронологический горизонт со второй четверти XVIII и до конца XVI вв. до н.э. Вероятно, среднеазиатские экземпляры, а также браслеты из могильников Аймырлыг, ЕК-II, Томского на Большом мысу, Боровянки XVII и из клада у с. Палацы отличает более молодой возраст.

2.4. НОЖИ ТОМСКОГО ТИПА И ЭКСПАНСИЯ

Из датирующих предметов, найденных с браслетами с конусовидными спиралями в закрытых комплексах, следует выделить нож томского типа из могильника ЕК-II [Матющенко, 1973, с. 97-98; Матющенко, 2004, с. 69-71, рис. 91, 10; 93, 1], в коллекции которого собрано максимальное количество таких изделий [Матющенко, 2004, с. 34, рис. 33, 4, с. 35, рис. 35, 5, с. 38, рис. 38, 2, с. 39, рис. 40, 2, с. 55, рис. 68, 10, с. 59, рис. 74, 2, с. 62, рис. 79, 3, с. 63, рис. 80, 2, с. 64, рис. 82, 2, с. 69, рис. 91, 10, с. 82, рис. 111, 3, с. 90, рис. 125, 3, с. 91, рис. 127, 2, с. 97, рис. 138, 2, с. 158, рис. 241, 5, с. 201, рис. 297, 3, с. 203, рис. 300, 2, с. 213, рис. 315, 3, с. 220, рис. 324, 3, с. 227, рис. 333, 4, с. 241, рис. 351, 2, с. 250, рис. 362, 4, с. 256, рис. 371, 4, с. 269, рис. 385, 8, с. 281, рис. 401, 4], и инвентарь палацкого клада [Черников, 1960, с. 205, табл. X]. В указанных случаях речь идёт о редком, но не единственном сочетании в пределах закрытого комплекса изделий, периоды бытования которых соприкасаются на периферии своих рубежей, знаменуя финал одной и канун следующей эпохи. Отсюда верхняя дата указанных браслетов должна определяться по комплексу позднейшего в хронологическом отношении сопутствующего инвентаря. Поэтому небесполезным представляется детальное рассмотрение двух вышеупомянутых находок.

Ножи томского типа представляются оригинальным западносибирским изделием. Они происходят из памятников различных культур эпохи поздней бронзы: могильников ЕК-I, ЕК-II, Томского на Малом мысу, Сопка II, Протока, Осинкинский и Черноозерье I, Боровянка XVII (?), Старый Сад, а также поселений Еловское, Ирмень I, Тух-Эмптор IV и др. [Матющенко, 1974, с. 47; Матющенко, 1973, с. 114, рис. 8; Матющенко, 1980, рис. 28, 9; Матющенко, 2004, с. 34, рис. 33, 4, с. 35, рис. 35, 5, с. 38, рис. 38, 2, с. 39, рис. 40, 2, с. 55, рис. 68, 10, с. 59, рис. 74, 2, с. 62, рис. 79, 3, с. 63, рис. 80, 2, с. 64, рис. 82, 2, с. 69, рис. 91, 10, с. 82, рис. 111, 3, с. 90, рис. 125, 3, с. 91, рис. 127, 2, с. 97, рис. 138, 2, с. 158, рис. 241, 5, с. 201, рис. 297, 3, с. 203,

рис. 300, 2, с. 213, рис. 315, 3, с. 220, рис. 324, 3, с. 227, рис. 333, 4, с. 241, рис. 351, 2, с. 250, рис. 362, 4, с. 256, рис. 371, 4, с. 269, рис. 385, 8, с. 281, рис. 401, 4; Комарова, 1952, рис. 8, 11, 15; Молодин, 1985, с. 63, рис. 30, 7; Полосьмак, 1989, с. 140, рис. 4, 2; Савинов, 1975, с. 96, рис. 2, 8; Генинг, Ещенко, 1973, рис. 4, 11; Погодин, Полеводов, 2003, с. 58; Молодин, Мыльникова, Нескоров, 2011, с. 196, рис. 2; Матющенко, Игольникова, 1966, с. 190, рис. 6, 1; Баранес, Косарев, Славнин, 1966, с. 61, табл. 3, 3; Грязнов, 1956, с. 41, рис. 14, 1; Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 44, рис. 19, 6; и др.].

Ножи томского типа тяготеют к древностям, отражающим влияние андроновской или андроноидной культурной традиции. Их происхождение обусловлено трансформацией в Верхнем и Томском Приобье, а также в Барабе технологических стандартов карасукской эпохи. Поэтому ножи томского типа интерпретировались как подражание выгнутообушковым карасукским [Ковтун, 1993, с. 51-52; Ковтун, 2013в, с. 328]. Похожая ситуация отмечена Н.Л. Членовой на среднеенисейских материалах при выделении группы карасукских «варваризированных» ножей [Членова, 1972, с. 179, табл. 9, 11-21]. Истоки всех перечисленных образцов восходят к сейминско-турбинской и елунинской (Цыганкова Сопка 2) выгнутообушковой форме. Соответственно ножи томского типа представляются финалом деградации этого параметрического стандарта. Следовательно, наряду с кинжалами постсейминского типа, они являются частью неоднородного постсейминско-турбинского оружейного комплекса. В свою очередь, рисунки предметов последнего, включая нож томского типа, сопутствуют грибовидным антропоморфам, олицетворяющим «постсейминско-турбинскую» изобразительную традицию. Так, подобный персонаж, обнаруженный А.А. Тишкиным в урочище Бошту, запечатлён с оружием, напоминающим нож томского типа [Ковтун, 2013в, с. 328-329, табл. 115, 1, 3-10].

Примечательно, что находки различного оружия, как правило, связаны не с собственно андроновскими памятниками, а с комплексами, содержащими известную долю андроновского субстрата. М.Ф. Косарев отнёс их к черноозерско-томскому варианту андроновской культурной общности. Дискуссионными остаются принципы подобного подхода и правомерность такого объединения [Молодин, 1985, с. 76; Бобров, 1988, с. 12-13; Полеводов, 2000, с. 100-101; и др.]. Но непреложным остаётся факт наличия в памятниках указанного культурного типа схожего комплекса металлических изделий, включая оружие.

Учитывая закономерности процесса андроноизации, содержательно адекватной альтернативой понятию «вариант» представляется определение «черноозерско-томский хронологический горизонт». Помимо могильников Черноозерье I, Томского на Малом Мысу, раннего комплекса ЕК-II и, возможно, части материалов Черноозерского I городища, с ним связано существование кротовского населения сопкинского этапа (по В.И. Молодину и И.Г. Глушкову) или позднекротовской (черноозерской) культуры [Молодин, Новиков, 1998, с. 80; Молодин, 2014, с. 53, и др.]. Основные типы оружия рукопашного боя в большинстве этих комплексов составляют кинжалы срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием, выемками у основания клинка и ребром жёсткости, кинжалы «киммерийского» типа, а также рассматриваемые ножи томского типа и их прототипы – выгнутообушковые карасукоидного облика. Морфологически близкие изделия сейминско-турбинского времени рассматриваются как предметы вооружения [Черных, Кузьминых, 1989, с. 122]. Соответственно, в появлении подобных, но более поздних оружейных форм в Барабе, Среднем Прииртышье и Томском Приобье усматривается не только проникновение новых вооружений в инокультурную среду, но и масштабы спроса на подобные вещи.

Подтверждением этого являются эволюционно-типологические особенности андроновских кинжалов, служивших действенным оружием рукопашного боя. Этому способствовало увеличение лезвийной части клинка, оформление выделенного и устойчивого перекрестия, защищавшего руку от ранения, подтреугольная форма клинка и окончательно сформировавшееся ребро жёсткости [Аванесова, 1991, с. 24]. Указанная специализация обусловлена характером военных столкновений, стимулировавших поиск оптимальных форм: «…ближний и рукопашный бой играл очень важное, если не решающее значение в стратегии и тактике кротовцев» [Молодин, Шатов, 2000, с. 361]. Характеризуя военное дело кротовской культуры, исследователи констатируют: «Перед носителями культуры (кротовской – *И.К.*) всё более остро вырисовывалась проблема давления с юго-запада представителей андроновской (фёдоровской) культуры, которое к XIII в. до н.э., несомненно, вылилось в мощную экспансию, за-

вершившуюся уничтожением, ассимиляцией или вытеснением аборигенного населения, в том числе и носителей кротовской культуры» [Молодин, Шатов, 2000, с. 361].

Находки из могильника Боровянка XVII в Среднем Прииртышье, близкие черноозерско-томскому кругу памятников [Погодин, Полеводов, 2003, с. 56-60], качественно дополняют и без того непростую картину культурогенеза, взаимодействия культурных и изобразительных традиций в Обь-Иртышском междуречье, а также в Новосибирском и Томском Приобье накануне и в ходе широкомасштабной андроновской экспансии. В одном погребении этого памятника обнаружен «бронзовый однолезвийный нож с чуть выгнутой спинкой» [Погодин, Полеводов, 2003, с. 58], судя по всему, близкий томскому типу либо морфологически переходный от выгнутообушковых к томским, а также «перстень с конусовидными спиральными окончаниями и пластинчатый браслет с аналогичными окончаниями» [Погодин, Полеводов, 2003, с. 58]. В этом же и ещё в двух погребениях памятника найдены семь бронзовых антропоморфных изображений – в круге и без него; поза – стоя с расставленными ногами и раздвинутыми руками. Кроме того, в этой могиле (103) найдена деревянная личина (маскоид) подтреугольной, расширяющейся к верху формы [Погодин, Полеводов, 2003, с. 57-58].

Авторы публикации указывают на аналогию бронзовым изображениям, происходящую из могильника Черноозерье I, и более отдалённые параллели из Крохалёвки-13, а также с матрицы, найденной на поселении Сайгатино-VI [Погодин, Полеводов, 2003, с. 59]. Это серия антропоморфных образов, продолжающая самусьскую иконографическую традицию и, если следовать сравнительному анализу Ж.Н. Труфановой, предвосхищающая кулайскую антропоморфную металлопластику [Труфанова, 2003, с. 21]. Помимо антропоморфных изображений на самусьской керамике и упомянутой фигурки с поселения Крохалёвка-13 [Троицкая, Дураков, Савин, 2001, с. 92, рис. 2], к числу вероятных аналогов (прототипов?) боровянских антропоморфов может относиться и бронзовая стилизованная фигурка человека, заключённого в круг, с самусьского поселения Завьялово-1А [Молодин, 1977, с. 74, 148, табл. 61, 6].

Абсолютная хронология томских изделий подтверждается и их происхождением из памятников с кинжалами срубно-андроновского и «киммерийского» типов, а также браслетами с конусовидными спиралями. Совстречаемость с последними в закрытых комплексах (ЕК-II, Боровянка XVII) удостоверяет более поздний, в целом, нижний хронологический рубеж томских изделий. Это соотносится и с культурно-хронологической принадлежностью комплексов с подобными ножами. Но из этого ряда исключаются некоторые ножи из Сопки II, Томского могильника на Малом мысу и поселения Тух-Эмптор IV, а возможно, и экземпляр из Боровянки XVII, представляющие морфологически переходные формы от собственно выгнутообушковых к «варваризированным» изделиям томского типа.

Безоговорочной уверенности, что андроновские браслеты из ЕК-II и Боровянки XVII найдены с наиболее ранними экземплярами ножей томского типа, нет. Соответственно, определяется и верхний хронологический рубеж их бытования. Разные авторы указывали на существование близких форм за рамками позднебронзовой эпохи [Кузьмина, 1966, с. 47; Гришин, 1971, с. 11-12; Аванесова, 1991, с. 27]. Опуская большереченские дериваты из Томского могильника на Большом мысу [Комарова, 1952, с. 39-41, рис. 21-23], обратимся к ближайшим в хронологическом отношении параллелям из Орака у Болота [Комарова, 1975, с. 87, рис. 2, 32], Сопки II [Молодин, 1985, с. 63, рис. 30, 10], Крутихи [Уманский, 1992, с. 168, рис. 2] и Журавлево IV [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 51, рис. 39, 1]. При желании этот список не трудно продолжить. Н.Л. Членова называет такие изделия пластинчатыми ножами ирменского типа, а некоторые из ножей томской серии найдены в памятниках с ирменскими комплексами. Основное отличие первых от томских – более «грациальные» параметры и характерная изогнутость обушка. Уже отмечался случай (см.: 2.1.), когда ирменская могила перекрыла погребение, содержавшее нож томского типа [Матющенко, 1980, рис. 28, 9; 30, 2; Ковтун, 1999, с. 23; Матющенко, 2004, с. 158-159, рис. 241].

По этой линии привязок андроновский браслет из мог. 47 ЕК-II представляется наиболее поздним среди западносибирских изделий подобного типа. Вероятно, не намного старше и браслет из мог. 103 Боровянки XVII. Что касается браслета из клада у с. Палацы, то карасукский кинжал из этого комплекса, по Н.Л. Членовой, указывает на время не ранее VIII до н.э. [Членова, 1976, с. 47]. Сейчас эта дата должна быть удревнена. Но особенность андроновских древностей Восточного Казахстана [Ковтун, 1998, с. 251-252] удостоверяет сравнительно позднее время палацкой находки, выглядящей как реликт. Симптоматична и совстречаемость

других категорий инвентаря, фигурирующих в данном эпизоде. Это кельты с пещеркой, обнаруженные как в упомянутом кладе [Черников, 1960, с. 205, табл. X, 3, 4], так и в могильнике Сопка II, в одном погребении с ножом, типологически близким изделиям томского типа [см. по: Молодин, 1985, с. 63, рис. 30, 10, 12]. Поэтому верхний хронологический рубеж палацкого браслета соотносится с абсолютными датами перечисленных орудий.

Из западносибирских комплексов с такими браслетами к собственно андроновским можно отнести только алтайские памятники и, видимо, поселение Камышное-I в лесостепном Притоболье. Историческая логика освоения андроновцами западносибирской лесостепи объясняет и различия в датах. Браслеты, обнаруженные в ЕК-II, Томском могильнике на Большом мысу, Боровянке XVII, Сопке II и на поселения Камышное II, составляют финальную фазу бытования подобных изделий. Культурные группы, оставившие перечисленные комплексы, либо активно взаимодействовали с андроновцами в ходе экспансии, либо сформировались при ощутимом участии андроновского субстрата (см.: 2.3.).

В этот же культурно-хронологический ряд, вероятно, следует отнести и браслеты из Фирсово XIV. Здесь на площади андроновского кострища найден позднебронзовый нож т.н. карасукских форм и присутствуют атипичные и позднебронзовые мотивы на андроновской керамике [Шамшин, Ченских, 1994, с. 49-50]. В элементном составе подобной орнаментации выделяется мотив диагональной «сетки» [см. по: Шамшин, 1997, с. 328, рис. 1, 52] (рис. 11, *б*), типичный для поздних стадий эпохи бронзы. Возможно, часть материалов этого памятника отражает начавшийся процесс формирования корчажкинской (?) или иной андроноидной культуры лесостепного Алтая.

2.5. ФАКТОР КАССИТЕРИТА И АТИПИЧНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

За исключением районов Алтая, в собственно андроновских западносибирских памятниках Иртышско-Енисейского междуречья практически отсутствует параметрически крупный (кинжалы, браслеты, наконечники и т.п.) бронзовый инвентарь. Эта существенная деталь погребальной практики андроновского населения Казахстана и в несколько меньшей степени Южного Зауралья или лесостепного Притоболья почти не встречается в погребениях указанного региона. Разумеется, это не означает, что андроновцы перестали пользоваться бронзовыми изделиями вообще. В Минусинской котловине сделано несколько случайных находок кинжалов срубно-андроновского типа [Гришин, 1971]. Единственная находка крупного бронзового изделия из собственно андроновского комплекса в междуречье обского притока р. Ини и Енисея связана с кузнецким могильником Юрман I, где также был обнаружен кинжал срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием [Савинов, Бобров, 1995, с. 84, рис. 1, 1]. Но во всех прочих случаях в собственно андроновских захоронениях этого региона, включающего Кузнецкую котловину, Ачинско-Мариинскую лесостепь и районы Среднего Енисея, обнаруживались исключительно бронзовые мелкие украшения или аксессуары верхней одежды.

«Исчезновение» крупных бронз из андроновских комплексов, скорее всего, обусловлено конкретно-историческими причинами. Думается, что главной подоплёкой отмеченного обстоятельства являлся дефицит. Поскольку в западносибирском регионе известны собственные месторождения меди, то и речь может идти не о её нехватке, а об отсутствии соответствующих легирующих добавок, олова в данном случае.

Результаты спектрального анализа металлических изделий андроновского времени из районов Среднего Енисея позволили Б.Н. Пяткину разделить весь андроновский металл на две группы: металлургически «чистую» медь и оловянистую бронзу. Расчёты автора показали, что если в первом случае использовались месторождения Минусинской котловины, то во втором – привозная лигатура на базе последних [Пяткин, 1977, с. 28-29]. Б.Н. Пяткин связывал эти факты с постепенным сокращением объёмов доставки олова в Минусинскую котловину до практически полного исчезновения [Пяткин, 1977, с. 31-32].

Этот процесс отразился на многих сторонах жизни андроновского населения, в том числе потребовалось внесение утилитарных корректив в практику погребальной обрядности. Именно таким причинно-следственным контекстом объясняется фактическое отсутствие в собственно андроновских погребениях Иртышско-Енисейского междуречья (за исключением Алтая и Восточного Казахстана) крупных бронзовых изделий, а равно симптоматичные наход-

ки их миниатюрных копий (см. ниже). В последнем случае показателен пример тагарских погребений тесинского этапа с хронологически значимыми уменьшенными или миниатюрными копиями реальных предметов вооружения [напр.: Вадецкая, 1981, с. 13; и др.], происхождение которых также обусловлено утилитарной корректировкой погребальной обрядности.

Имеются и другие данные, позволяющие связывать «деметаллизацию» андроновских комплексов с нарастающим дефицитом касситерита. В 1989 г. ныне покойный Борис Николаевич Пяткин передал автору в основном неопубликованные результаты спектрального анализа двадцати шести бронзовых изделий из андроновских могильников Орак, Сухое озеро I, Пристань I и Каменка II, полученные им в 1969 г. в Лаборатории археологической технологии ЛОИА. Среди находок этой немногочисленной серии, подвергшихся спектральному анализу андроновских бронз, металлургически «чистая» медь отмечена для изделий из могильников Каменка II, Сухое озеро I и Орак (всего шесть случаев). Учитывая, что для андроновского металла характерны высокооловянистые типы бронз, историческое и эпохальное содержание этих весьма скромных данных можно интерпретировать как канун перехода населения среднеенисейских котловин к новому типу сплавов – мышьяковистой бронзе, типичной для позднебронзового периода, и замене западного импорта лигатуры на восточный. Небезынтересно, что в опубликованных В.И. Матющенко результатах спектрального анализа бронзовых изделий могильника ЕК-II, два предмета приближаются к нехарактерному для андроновских бронз сплаву меди с мышьяком [Матющенко, 1973, с. 108, прил. 2]. Не исключена и естественная примесь последнего, предполагающая использование месторождений Минусинской котловины или Северной Тувы [Пяткин, 1977, с. 27-28].

Причины, вызвавшие прекращение импорта касситерита, связаны с широким распространением ранних андроноидных культур, занявших некогда андроновскую территорию. Ключевую активную фазу этого процесса олицетворяют погребальные комплексы танайской, еловской и карасукской культур, планиграфически входящие в состав андроновских могильников Новосибирского (?) и Томского Приобья, Кузнецкой котловины и Среднего Енисея.

Думается, в этот период в ритуально-обрядовом обиходе андроновских коллективов и появляются вотивные, а по сути, экономичные копии вислообушных топоров, найденные в Барабе (Старый Тартас-4) [Молодин, Новиков, Гришин, 1998, с. 294-297, рис. 1, 2, 3; Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 59-60], на Среднем Енисее (Ланин Лог) [Вадецкая, 1986, с. 49; Аванесова, 1991, с. 14; Ковтун, 2000, с. 118-120, табл. II, 2, 3] и, вероятно, в Северном Казахстане в андроновском (нуринском) могильнике Шондыкорасы II (судя по масштабу, не более 6 см в длину) [см. по: Сакенов, 2013, с. 47, рис. 9, 3]. Н.А. Аванесова датировала изделия подобного типа XIV-XII вв. до н.э. [Аванесова, 1991, с. 14]. Сейчас эта дата подлежит корректировке в сторону удревнения. Вотивные ритуальные копии вислообушных топоров, скорее всего, моложе оригинальных изделий. Нахождение таких экзотических изделий в удалённых андроновских комплексах позволяет синхронизировать зафиксированные в них деревянные статуарные сооружения (Ланин Лог) и сосуды с подквадратным устьем (Старый Тартас-4) [Ковтун, 2000, с. 118]. Следовательно, нижняя хронологическая граница андроновских комплексов, отмеченных одной из этих особенностей, с учётом вышеприведённых радиоуглеродных датировок, предположительно охватывает XVI-XV вв. до н.э.

В свою очередь, деревянные статуарные сооружения никогда не пересекаются с валиковой керамикой из позднеандроновских захоронений [Ковтун, 1991, с. 69-71]. Следовательно, хронологический горизонт андроновских внутримогильных столбов, сочетающихся в рамках одного комплекса или памятника с кинжалами срубно-андроновского типа (Урефты I, Юрман I), должен предшествовать появлению валиков на андроновской керамике.

Полагаю, значимость валика как индикатора ощутимых культурно-исторических процессов более объективна на погребальных сосудах. Поселенческая керамика отражает непосредственную картину изменений, происходящих с различными утилитарными формами. Тогда как сакрализованная атрибутика погребального ритуала более устойчива к воздействию инокультурных влияний и внутрикультурных новаций и в этом смысле более архаична. Но если морфологические трансформации керамической посуды всё-таки проникают в консервативную сферу погребальной обрядности, то их появление свидетельствует о масштабах, степени влияния и необратимости этого процесса.

Такой оригинальный культурно-хронологический маркер, как валик, зафиксирован на андроновских сосудах из могильников: Сухое озеро I, Сухое озеро IA, Пристань I, Новая Чёрная

III, Солёноозёрная I, Солёноозёрная IV, Орак, Устье-Бири I (Средний Енисей); Михайловка, Большое Пичугино (Ачинско-Мариинская лесостепь); Чудиновка-1 (Кузнецкая котловина); ЕК-II (Томское Приобье);Вахрушево, Катково 1 (Новосибирское Приобье); Преображенка III, Венгерово VII, Старый Тартас-4, Старый Сад, Погорелка-2 (Бараба); Подтурино, Киприно II, Чекановский Лог-10 (Алтай);Звенигородка, Шет II, Шет III (Центральный), Тамгалы I (Южный) Казахстан, а также Солнце-Талика (табл. 291-296) (Южное Зауралье) и др. Определение времени появления валиков на сосудах из андроновских погребений может опираться на обоснованную Е.Н. Черных хронологическую схему поздней фазы общности культур валиковой керамики [Черных, 1983, с. 95; Ковтун, 1991, с. 69] с коррекцией абсолютных дат последними данными по ^{14}C. Согласно имеющимся датировкам, саргаринско-алексеевские древности Южного Зауралья и Алтая бытовали в диапазоне XV/XIV-XIII/XII вв. до н.э. Период их сосуществования с андроновской (фёдоровской – по мнению А.Д. Дегтярёвой и А.В. Нескорова) культурой, вероятно, охватывал XV-XIV вв. до н.э. [Дегтярёва, Нескоров, 2015, с. 38].

Другим необычным хронологическим индикатором некоторых серий андроновских древностей представляются сосуды с подквадратным устьем и с валиком. Появление у андроновцев подквадратной посуды (табл. 289) отчасти совпадает с «валиковым периодом». Но хронологический горизонт сосудов с подквадратным устьем охватывает ещё и более ранний период, тогда как бытование керамики с валиком продолжительнее по времени.

О времени бытования этой немногочисленной серии сосудов могут свидетельствовать их морфологические параллели: из черкаскульского (или близкого ему) погребения могильника Такталачук в восточном Татарстане (табл. 290, *3*) [Казаков, 1979, с. 151, рис. 4, 9], сузгунский или пахомовский (раннесузгунский) четырёхгранный сосуд с Красноярского городища в южнотаёжном Прииртышье (табл. 290, *4*), пахомовский (раннесузгунский) четырёхгранный сосуд из могильника Старый Сад (табл. 290, *5*) [Данченко, Полеводов, 2002, с. 25-26, рис. 1], в собственно андроновском комплексе которого также обнаружены сосуды с подквадратным устьем (табл. 289, *15-18*).

В барабинском могильнике Старый Тартас-4 обнаружены андроновские сосуды как с подквадратным устьем, так и с валиком. Более того, в погребении 1 кургана 16 этого памятника зафиксированы и сосуд с атипичной формой устья, и сосуд с «имитацией» валика (табл. 295, *6*). Авторы публикации характеризуют последний как «сосуд с ребром, напоминающий алакульский тип» [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 58]. Именно в этом могильнике в андроновском погребении из кургана, расположенного рядом с курганом, давшим сосуд с подквадратным устьем, и обнаружен упоминавшийся бронзовый вотивный вислообушный топорик [см. по: Молодин, Новиков, Гришин, 1998, с. 294-297, рис. 1, 2, 3; Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 59-60], имеющий параллели в Ланином Логу [Вадецкая, 1986, с. 49; Ковтун, 2000, с. 118-120, табл. II, 2, 3] и, вероятно, в Шондыкорасы II [см. по: Сакенов, 2013, с. 47, рис. 9, 3]. Подобные топорики, включая вотивный экземпляр, датированы XIV-XII вв. до н.э. [Аванесова, 1991, с. 14]. Но время собственно андроновских захоронений в некрополе Старый Тартас-4 [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 48-62] ограничено XVIII-XV вв. до н.э. [Молодин, Марченко, Гришин, 2011, с. 251-252]. Поэтому, учитывая черкаскульские, пахомовские и сузгунские параллели, вотивный вислообушный топорик, а также сочетания с валиком, нижняя дата сосудов с подквадратным устьем может быть предположительно определена XVI-XV вв. до н.э.

Непосредственное сочетание подквадратного устья с валиком зафиксировано на двух андроновских сосудах из исследовавшегося А.В. Нескоровым могильника Старый Сад (табл. 294, *9*, *10*). Симптоматично, что в составе захоронений данного некрополя присутствует и своеобразный позднебронзовый комплекс [Молодин, Нескоров, 1992, с. 93-97; Молодин, Мыльникова, Нескоров, 2011, с. 195-198].

Четыре сосуда с подквадратным устьем из среднеенисейских могильников Сухое озеро I и Новая Чёрная II найдены в погребальных камерах, сооружённых с использованием цистовой кладки, являющейся позднеандроновским строительным приёмом, положительно коррелирующим с «модой на валик» в андроновском керамическом комплексе [Ковтун, 1991, с. 69-71; Ковтун, 2000, с. 120].

Судя по поселенческим материалам, керамика с валиком изготовлялась андроновцами вплоть до их исчезновения с исторической авансцены. По некоторым экземплярам подобных сосудов можно судить и о синхронности хронологически поздних, но иконографически иден-

тичных орнаментальных сюжетов на разных периферии андроновского ареала. Так, сосуд с волнообразным валиком из среднеенисейского могильника Солёноозёрная I представляет одну инвариантную комбинацию с сосудом из ограды 2 южно-казахстанского могильника Тамгалы I (ИК: ЗМ–1-2), найденном в одной ограде с сосудом без орнамента, но с валиком (табл. 296, *1*).

Таким образом, датировка по факту сопряжённости с валиковой керамикой, найденной в закрытых андроновских комплексах (табл. 291-297, *1-5*; 298, *1-3*), позволяет наметить ещё одну хронологическую нишу андроновских орнаментальных серий.

Обоснованность верхнего хронологического рубежа может быть аргументирована только для отдельных реликтовых андроновских анклавов, переживших свое время, либо для отдельных комплексов андроновской керамики, демонстрирующей сложившиеся орнаментальные или морфологические признаки финальной стадии эпохи бронзы. Иллюстрацией последнего являются «жемчужины», зафиксированные на собственно андроновской керамике могильника Солёноозёрная I, а также поселений Куделька, Тамбар и оз. Гориное [Максименков, 1978, с. 178, табл. 43, 13; Зах, 1997, с. 45, рис. 17, 9; Бобров, Михайлов, 1987, с. 25, рис. 5, 5; Лузин, 1991, с. 56-58] (табл. 297, *1-5*). Ближайшие параллели этим новациям в андроновском керамическом комплексе связаны с памятниками эпохи поздней и финальной бронзы и даже раннего железного века (табл. 297, *6-15*).

Другой небезынтересный пример подобного рода связан с присутствием на андроновской керамике вертикальных и диагональных валиковых налепов (табл. 298, *1-3*), ранее названных валиками «донгальского» типа [Ковтун, 2001, с. 214-217]. Наименование связано с материалами поселения Донгал (Карагандинская область), где В.Г. Ломаном выделен оригинальный донгальский тип керамики VIII в. до н.э. как составной части общности культур переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку [Ломан, 1987, с. 115-128]. В опубликованной части коллекции присутствуют сосуды с необычными диагональными налепными валиками (табл. 298, *8, 9*), происхождение которых В.Г. Ломан не комментирует, но включает их в перечень особенностей, составивших своеобразие выделенного типа [Ломан, 1987, с. 120-123].

Представленные параллели можно разделить на андроновские и неандроновские (табл. 298). Характеризуя особенности местонахождения и морфологии первых, отмечу сосуд из Орака (табл. 298, *2*) в погребении с цистовой конструкцией и четырёхгранным каменным столбом в центре гробницы [Комарова, 1961, с. 39-40], что указывает на позднеандроновский возраст комплекса. Горшок из могильника Киприно II примечателен наличием горизонтального валика под венчиком (табл. 298, *1*), что также характеризует андроновский керамический комплекс на позднем этапе его существования. [Ковтун, 1991, с. 69-71]. Сосуд с диагональными валиковыми налепами и каннелюрно- «ёлочной» орнаментацией обнаружен в барабинском андроновском могильнике Погорелка-2 (табл. 298, *3*) в одном кургане с горшком, украшенным вертикальным валиком. Авторы исследования отмечают квадратное «ограждение» погребений кургана 13 рвами, указывая на параллели в ирменских комплексах и относя данный комплекс к завершающей стадии андроновской культуры в Барабе, т.е. к середине II тыс. до н.э. [Наглер, Кобелева, Дураков, Молодин, Хансен, 2011, с. 214, 215, рис. 2, 2, 4].

Фрагмент сосуда с поселения Косоголь (табл. 298, *4*) (материалы В.В. Иванчука) обнаружен на участке, где, помимо андроновской, присутствовала ещё и тагарская керамика [см.: Мартынов, 1987, с. 41-42]. Поэтому культурную принадлежность данной керамики следует оставить открытой.

Прочие фрагменты происходят из памятников, датировка которых может отличаться от хронологии, предложенной для донгальского типа: Новоильинка, Трушниково, Атасу, Алексеевское (табл. 298, *5-8*). Аналогичные валики фигурируют и на сосудах из центрально-казахстанского могильника Кызыл, датированного концом переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку [Бейсенов, Ломан, Касеналин, 2013, с. 70-71, рис. 12, 2; 13, 3; 14, 2]. Но датировка двух захоронений последнего по ^{14}С дала даты, существенно отличные от донгальских: 1506-1292 вв. до н.э. (95,4%) и 1427-1258 вв. до н.э. (95,4%); 1245-1234 вв. до н.э. (95,4%) [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 169, табл. 7; с. 171]. Быть может, это и объясняет присутствие вертикальных / диагональных валиков на андроновской керамике?

Кроме того, подобные вертикальные валики известны на алтайской керамике быстрянского типа, датируемой ранним железным веком. М.Т. Абдулганеев считает такое украшение обычным для быстрянского комплекса [Абдулганеев, 1994, с. 106; Абдулганеев, 1996, с. 130, 133, рис. 2, 9; и др.] (табл. 298, *11*).

По вертикальной форме налепа и отсутствию сочетания с валиковой керамикой наиболее возрастным в этой серии выглядит сосуд из Орака. Но уникальность случая не позволяет считать его «родоначальником» всех последующих валиков подобного облика. С учётом датировок андроновских древностей Среднего Енисея по ^{14}C, пока его время укладывается в период с 1715 ± 65 до 1420 ± 40 гг. до н.э. [Gorsdorf, Parzinger, Nagler, 2004, p. 88], или с 1610 по 1410 гг. до н.э. [Епимахов, 2005, с. 172-173], или же с 1744 до 1500 гг. до н.э. [Svyatko, Mallory, Murphy, Polyakov, Reimer, Schulting, 2009, p. 251], или с 1675 до 1510 гг. до н.э. [Святко, Поляков, 2009, с. 147], или с XVII до XV вв. до н.э. [Поляков, Святко, 2009, с. 31, 32], т.е. между второй половиной XVIII и финалом XV вв. до н.э.

3. ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Считая изобразительное искусство евразийских народов раннего железного века яркой составляющей феномена скифо-сибирского культурно-исторического единства, Ж. Дюмезиль отмечал поразительное единство «искусства степей». С этой однородностью исследователь связывал устойчивость «североиранской» общности вне зависимости от внутренних политических и географических различий [Дюмезиль, 1990, с. 7] данной этнолингвокультурной ассоциации.

Истоки подобной «североиранской» общности восходят к предшествующей эпохе распада индоиранского единства и выделения свиты собственно древнеиранских диалектов.

3.1. РАННЕ- / ПРЕДАНДРОНОВСКИЙ КОМПЛЕКС

Идея об индоиранской принадлежности андроновской культуры («культуры Андроново»), по всей видимости, была впервые высказана М.М. Дьяконовым [Кузьмина, 2008, с. 126]. Ираноязычными считал андроновцев В. Бранденштайн (1948; 1953), но такую лингвокультурную атрибуцию категорически отрицал К. Йеттмар (1956) [см. по: Грантовский, 2007, с. 26, 61]. В эти же годы была изложена гипотеза С.П. Толстова о сложении индоиранцев на базе синтеза анаусской культуры и тазабагъябского андроноидного массива, восходящего, по мнению автора, к кельтеминарским древностям. По-видимому, именно С.П. Толстовым было впервые сформулировано и определение «андроноидной культуры» [Толстов, 1948, с. 67, 68]. Эту гипотезу поддерживали Э. Мольнар (1954) и С.С. Черников. При этом С.С. Черников задолго до своих последователей в этом вопросе (см. ниже) констатировал, что принадлежность к «восточноиранской группе языков представляется пока наиболее вероятной для большинства андроновцев» [Черников, 1960, с. 112; см. также: Грантовский, 2007, с. 57]. Обобщая подобные представления, Э.А. Грантовский указывал, что «положение об иранской или индоиранской принадлежности андроновцев наиболее распространено сейчас среди археологов и специалистов по древней истории Средней Азии и Казахстана» [Грантовский, 2007, с. 57]. Аналогичную тенденцию отмечает и И.М. Дьяконов: «В советской археологии распространена гипотеза, связывающая первоначальных носителей индо-иранских языков с андроновской культурой Казахстана и Южной Сибири» [Дьяконов, 1956, с. 124]. Позднее сам И.М. Дьяконов, предполагая, что в Митанни прибыли непосредственные предшественники представителей третьей ветви индоиранских языков, говорившие на дардо-кафирских диалектах, отождествлял дардо-кафиров с бишкентско-вахшской или донгальской культурами, допуская алакульскую (?) культурную принадлежность их митаннийских предшественников [Дьяконов, 1995, с. 129].

Особого мнения придерживался К.В. Сальников. Он основывался на разноэтничности и разноязычности алакульцев и фёдоровцев, с чем позднее согласился и М.Ф. Косарев [Косарев, 1974, с. 150]: «Многие советские археологи (С.П. Толстов, А.Н. Бернштам и др.), основываясь на ретроспективном методе, видят в андроновцах ираноязычные племена. Нам думается, что этого нельзя сказать обо всех андроновских племенах. Лишь племена алакульского времени и типа вместе с племенами срубной и тазабагъябской культур составили ираноязычный этнический массив на границе Европы и Азии… Ираноязычность населения алакульской территории подтверждается совпадением её с районами расселения савроматов, происхождение которых от поволжских срубников и западных андроновцев доказано» [Сальников, 1967, с. 347].

Сомневался, но уже в индоиранской принадлежности андроновцев и В.И. Сарианиди: «Не только не доказано, что носители степных культур Средней Азии (и в первую очередь андроновцы) были индоиранцами, но нет этому подтверждения и на новом археологическом материале» [Сарианиди, 1977, с. 149].

Ираноязычность андроновцев осторожно предполагалась Л.А. Лелековым [Лелеков, 1980, с. 123-124], а в концепции индоевропейских прародин В.А. Сафронова петровская и алакульская культуры, а равно весь андроновский массив считаются ираноязычными [Сафронов, 1989, с. 204-205].

Иную точку зрения в серии работ 2012-2015 гг. представил А. Парпола. Он отнёс весь ранне- / прандроновский комплекс, включающий синташтинские и петровские древности, а также абашевские материалы к т.н. «протоиндоарийской» или «протоарийской» ветви, содержательно равнозначной синкретичному индоиранскому массиву.

А. Парпола датирует раннюю фазу протоарийской, т.е. индоиранской, общности 2500-2300 гг. до н.э. и относит к числу носителей её диалектов население ямной, катакомбной и полтавкинской культур. Время протоиндоарийского (индоиранского) языкового единства, контактирующего с уральской, или финно-угорской группой языков, в лесной зоне европейской части России и Среднего Урала, определяется автором в пределах 2300-1500 гг. до н.э. В состав данного языкового сообщества включены представители абашевской и синташтинской культур, сейминско-турбинское население, а также петровская и другие культуры андроновского мира. Наконец, поздняя фаза протоиндоарийской общности датирована 2000-1300 гг. до н.э., а её историческое содержание связывается с распространением андроновского, т.е. «протоиндоарийского» = индоиранского языкового влияния, на территории, изначально заселённые неиндоевропейскими народами: Бактрию и Маргиану (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс), южные районы Центральной Азии, западнее – в Иран и Сирию (Митанни), восточнее – до долины Инда и далее [Parpola, 2012, p. 222-223].

В другой работе, характеризуя культурно-историческую ситуацию в регионе, автор приходит к неоднозначным выводам: «в то время как большая часть Прото-(Индо-)Арийской элиты перебралась на восточную сторону Уральских гор, носители арийского языка, оставшиеся в Волго-Камском регионе… в уменьшившемся составе, начали говорить на прото-уральском языке, как на своём родном (первом), однако сохранили способность общаться на Прото-(Индо-)Арийском с растущим восточным крылом Сейминско-Турбинской сети. Таким образом, прото-уральский, по-видимому, стал языком Европейской части Сейминско-Турбинских производителей металла и их сети воинов, торгующих там. Сибирская часть сейминско-турбинской сети с её производством оловянных бронз, без сомнения, находилась в руках носителей Прото-(Индо-)Арийского языка с очень сильными культурами Синташты и Петровки» [Parpola, 2012 (2013), p. 138, 159-160].

Последнее заключение категорически противоречит преимущественному распространению в аркаимо-синташтинских комплексах евразийских, а в сейминско-турбинских памятниках – одноимённых типов бронзовых изделий [напр.: Ковтун, 2013в, с. 53-55]. Следовательно, население, положившее начало оригинальной сейминско-турбинской традиции металлообработки, отличной от аркаимо-синташтинских образцов, не могло находиться под доминирующим влиянием этого поликультурного массива, тем более заимствовать из этой полидиалектной среды приписываемый аркаимо-синташтинским сообществам протоиндоарийский диалект.

Поэтому даже в качестве автора идеи о существенном, но уже собственно индоарийском субстрате в составе населения, оставившего древности сейминско-турбинского, галичского и елунинского типов [Ковтун, 2008, с. 140-141, рис. II, 1; Ковтун, 2009, с. 404-406; Ковтун, 2010, с. 188-189; Ковтун, 2010а, с. 115-118; Ковтун, 2010б, с. 77-83; Ковтун, 2010в, с. 121-123; Ковтун, 2010г, с. 66-80; Ковтун, 2011, с. 109-111; Ковтун, 2011а, с. 331-338; Ковтун, 2011б, с. 92-111; Ковтун, 2011в, с. 121-128; Ковтун, 2012, с. 172-178; Ковтун, 2012а, с. 106-116; Ковтун, 2012б, с. 95-105; Ковтун, 2012в, с. 53-70; Ковтун, 2012г; Ковтун, 2013, с. 195-204; Ковтун, 2013а, с. 138-141; Ковтун, 2013б, с. 18-35; Ковтун, 2013в; Ковтун, 2014, с. 470-478; Ковтун, 2014а, с. 5-13; и др.], мне сложно согласиться с культурно-исторической парадигмой, предложенной финским исследователем.

А. Парпола частично изменил свою точку зрения о самодийском диалекте, присущем, как считали он и его соавтор К. Карпелан, сейминско-турбинскому населению: «Samoyedic branch» [Carpelan, Parpola, 2003, с. 78], и позднее пришёл к выводу о его протоиндоарийской, т.е., судя по терминологии автора, индоиранской принадлежности [Parpola, 2012, p. 222-223; Parpola, 2012 (2013), p. 138, 159-160; Parpola, 2015, p. 59, 67-68]. Но происхождение «протоиндоарийского» диалекта сейминско-турбинских сообществ, проживавших к востоку от Урала, либо связывается им с аркаимо-синташтинским и петровским влиянием, либо эти культурные группы каким-то образом отождествляются с сейминско-турбинским массивом (?) [см. по: Parpola, 2012 (2013), p. 138, 159-160].

В русскоязычной работе, являющейся переводной, существенно сокращённой редакцией статьи 2005 г. [Parpola, 2004-2005, p. 1-63], А. Парпола повторяет свою мысль. Исходной по-

сылкой провозглашается: «Археология и праарийские заимствования в финно-угорских языках, распространённых в северо-восточной Европе, позволили локализовать возникновение арийской ветви индоевропейской языковой семьи в юго-восточной Европе (полтавкинская, абашевская и синташтинско-аркаимская археологические культуры)» [Парпола, 2014, с. 58]. Нетрудно заметить, что ни одна из упомянутых археологических культур к юго-восточной Европе отношения не имеет. Далее констатируется, что «их распространение (перечисленных культур – *И.К.*) прослеживается в евразийских степях и через Центральную Азию (бактрийско-маргианский археологический комплекс) в Сирию (царство Митанни) и в Южную Азию (гандхарские погребения)» [Парпола, 2014, с. 58]. Наконец, ниже следует предсказуемый вывод: «На позднем праарийском говорили, вероятно, в ареале пришедшей на смену полтавкинской и абашевской синташтинско-аркаимской культуры, датируемой приблизительно XXII-XIX вв. до н.э.» [Парпола, 2014, с. 59].

Принадлежность основной части аркаимо-синташтинского массива к индоиранской языковой группе, названной А. Парполой праарийской или протоиндоарийской, а другими исследователями «раннеарийской» [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 7, 376; см. крат. обзор: Кузьмина, 1999, с. 268-270], в настоящее время представляется бесспорной и не нуждающейся в дополнительных доказательствах.

Но существует и обоснованная версия уже о древне(восточно)иранской, иначе «раннедревнеиранской» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 854] языковой принадлежности создателей основного комплекса Аркаима-Синташты. Вслед за С.С. Черниковым, впервые отнесшим андроновцев к носителям восточноиранской группы языков [Черников, 1960, с. 112], данная идея применительно к аркаимо-синташтинским сообществам убедительно аргументирована не только археологами, но и лингвистами [Михайлов, 1999, с. 430; Михайлов, 2002, с. 200-204; Иванов, 2004а, с. 63][11].

Вяч.Вс. Иванов усматривает в полиэтнической, по его мнению, культуре Аркаима-Синташты след северной группы праиранцев, продвигавшейся на Кавказ, в Южное Приуралье, Среднюю Азию и контактировавшей с носителями северокавказского и картвельского языков [Иванов, 2003, с. 8]. Одновременно он же полагает, что состав диалектов, взаимодействовавших в аркаимо-синташтинское время в южноуральском и соседних регионах, включал индоевропейские, особенно индоиранские, и, возможно, тохарский, финно-угорские, енисейские и северокавказские языки [Иванов, 1999, с. 45]. По мнению исследователя, неоднородное население «протогородов» аркаимо-синташтинского комплекса говорило уже на восточно-иранском диалекте скифской (аланской) группы, финно-угорском и (пра)енисейском языках, при явном преобладании восточно-иранского субстрата [Иванов, 2004а, с. 63]. Такое многоязычие Вяч.Вс. Иванов считает характерным признаком аркаимо-синташтинского периода, присущим «всей области распространения древних металлопроизводящих городищ Южного Урала». Это удостоверяют взаимопроникновения терминов индоевропейских, особенно индоиранских и, возможно, тохарских, финно-угорских, енисейских и северокавказских языков, обозначавших металлы, колесничную атрибутику и лошадей [Иванов, 1999, с. 45-47].

В сравнительно недавней публикации Вяч.Вс. Иванов вместе с Т.В. Гамкрелидзе вновь отмечают присутствие иранского субстрата в аркаимо-синташтинском комплексе: «Синташта (где есть основания предполагать иранский слой населения)» [Гамкрелидзе, Иванов, 2013, с. 128].

Реконструируемая Вяч.Вс. Ивановым этническая и лингвистическая неоднородность аркаимо-синташтинского массива, обусловленная тесным полиэтническим и полидиалектным взаимодействием, на мой взгляд, находит палеоантропологические подтверждения. Исследователи указывают на исключительную механическую смешанность синташтинской популя-

[11] Заключение Ю.И. Михайлова и Вяч.Вс. Иванова расходится с утверждением об обособлении и появлении в евразийских степях восточноиранских диалектов лишь в последней трети – финале II тыс. до н.э. [Напольских, 2014, с. 82, рис. 3]. В.В. Напольских относит это событие к концу II тыс. до н.э., отождествляя начало распространения иранской (восточно-иранской) речи в степях Евразии только с общностью культур валиковой керамики [Напольских, 2010, с. 240; Напольских, 2014, с. 87]. Но возникновение феномена культур валиковой керамики (КВК) в Северо-Западной Азии датируется XV/XIV вв. до н.э. [Дегтярёва, Нескоров, 2015, с. 38]. Сам вывод об этнолингвистической близости КВК и их ираноязычности интересен и обоснован, но принадлежит Е.Н. Черных [Черных, 1983, с. 97-98] и заимствован без указания на первоисточник и автора идеи. Е.Е. Кузьмина также связывала распространение восточных иранцев с массированным продвижением на юг носителей культуры валиковой керамики в XIII-XII вв. до н.э. [Кузьмина, 2010, с. 74].

ции, представлявшей конгломерат разнородных антропологических типов, ещё не успевших перемешаться между собой [Зубова, Чикишева, Поздняков, 2014, с. 553].

Существуют и иные мнения о языковой принадлежности аркаимо-синташтинского населения. Е.Е. Кузьмина, поддерживавшая заключение Ж. Фусмана и О. Скьярво о распаде индоиранской общности только между 1700 и 1500 гг. до н.э. [Кузьмина, 2008, с. 175-176, 334], тем не менее допускала билингвизм аркаимо-синташтинского комплекса [Кузьмина, 2008, с. 125][12]. В этом Е.Е. Кузьмина прямо признавала правомерность выводов Вяч.Вс. Иванова [Кузьмина, 2010, с. 73]. Но оставаясь сторонницей очень позднего распада индоиранской общности, она излагает иную версию этнолингвистической принадлежности Синташты, полагая, что огромная близость Ригведы и Авесты и очень длительное сосуществование индоариев и иранцев не дают никаких оснований предполагать иранскую принадлежность Синташты: «Синташта отражает взаимодействие нескольких индоевропейских диалектов, в котором победителем выходит протоиндоиранский. Ему предстоит пройти ещё тысячелетнее развитие, прежде чем сформируются восточноиранские языки» [Кузьмина, 2010, с. 75].

И.М. Стеблин-Каменский прямо увязывает хронологию Аркаима и Синташты с филиацией индоиранского языкового единства: «Датируются эти памятники примерно серединой 2-го тыс. до н.э., т.е. предполагаемой эпохой распада индоиранской (арийской) общности на иранскую и индоарийскую» [Стеблин-Каменский, 2009, с. 18].

Г.Б. Зданович связывает петровское население с древними иранцами, а синташтинское – уже «с протоиндийцами (вероятно, обособившимися протоиндоариями. – *И.К.*), которые к XVI в. до н.э. покинули свою родину и ушли в Переднюю Азию, а затем в Индию» [Зданович, 1995, с. 42].

Подобная точка зрения, но без системной аргументации, разделяется некоторыми западноевропейскими исследователями, и её влияние отражается в самых авторитетных изданиях [Kristiansen, 2011, p. 255; Allentoft, Sikora, Sjögren, Rasmussen, Rasmussen, Stenderup, Damgaard, et al., 2015, Supplementary information, p. 5. URL: http://www.nature.com/nature/journal/v522/n7555/extref/nature14507-s1.pdf].

Согласно выводу Д. Энтони, «на общем индоиранском языке, возможно, говорили во время периода Синташты с 2100 по 1800 годы до н.э. Архаический древнеиндийский, возможно, выделился в отдельный язык из архаичного иранского (? – *И.К.*) около 1800-1600 годов до н.э.» [Anthony, 2007, p. 408].

Древнеиранская (или же, как считает ряд авторов, индоиранская) принадлежность населения, оставившего комплекс аркаимо-синташтинских древностей, опирается ещё и на предположение, что фортификации т.н. «Страны городов» соотносятся с авестийской Варой [Гуревич, 1989, с. 48-49; Стеблин-Каменский, 1993, с. 196; Кузьмина, 1994, с. 71-72; Стеблин-Каменский, 1995, с. 167; Пьянков, 1999, с. 281; Медведев, 1999, с. 283; Михайлов, 2002, с. 201; Стеблин-Каменский, 2009, с. 18; критику см.: Членова, 1995, с. 180-182; Lamberg-Karlovsky, 2002, p. 69]. Например, Большой Синташтинский курган представляется Ю.И. Михайлову идеальной моделью, схожей с образом этой постройки [Михайлов, 2002, с. 201].

Думается, описанные в Ригведе крепости даса / дасью и авестийская Вара (Вар) восходят к единому типу и общему прототипу подобных сооружений и к одним и тем же создававшим их культурным группам. При этом очевиден композитный характер обоих образов. Их прототипические составляющие аккумулировались столетиями культурно-исторического опыта доведийских протоиндоариев и доавестийских протоиранцев. Но архаичный пласт подобных представлений, вероятно, генерирован в эпоху небезконфликтного взаимодействия обособившихся носителей этих двух диалектов индоиранской общности. С указанным историческим периодом и связано сохранённое устной традицией, а позднее перенесённое в Ригведу и Авесту переживание укреплённого глинобитными стенами оборонительного, культового, жилого и хозяйственного комплекса, защищавшего древних иранцев (протоиранцев) от противостоящих им и их крепостям индоариев (протоиндоариев) и других противников [Ковтун, 2013в, с. 44, и др.].

[12] Близкие даты сейчас, наряду с такими сторонниками позднего распада индоиранского состояния, как Е.Е. Кузьмина и А. Парпола [Parpola, 2012, p. 222-223], предлагает ещё и К. Ламберг-Карловски. Он считает, что «раскол индоиранского языка на иранский и индоарийский должен датироваться XIV и XV вв. до н.э.» и что «к 16 / 15 вв. до н.э. отделённый индоарийский язык уже стал отличаться от предполагаемого индоиранского» [Lamberg-Karlovsky, 2002, p. 72].

Таким образом, ведийско-авестийские схождения восходят к кругу наиболее архаичных индоиранских мифологических сюжетов и персонажей. Это подтверждает сопоставимость аркаимо-синташтинских сооружений с архаичным образом Вары, присущим устной древне- или ещё протоиранской традиции до его зороастрийской редакции в Видевдате.

3.2. «АНДРОНОВСКАЯ КУЛЬТУРА» И «АНДРОНОВСКИЙ ДИАЛЕКТ»

Соотнесение с исторической шкалой древних цивилизаций указывает на хронологическую синхронность собственно андроновского культурного массива периоду возвышения Вавилона и правлению Хаммурапи, времени захвата гиксосами Нижнего Египта, эпохе Древнехеттского царства, первым векам династии Шан-Инь и т.д.

В последние десятилетия проблема обособления собственно андроновского комплекса в составе транскультурного андроноидного культурно-исторического массива, именуемого андроновской культурно-исторической общностью, приобрела скорее номинативный характер. Историографически симптоматично, что андроновская культура выделена С.А. Теплоуховым на основе раскопанных А.Я. Тугариновым погребений у д. Андроновой [Тугаринов, 1926, с. 153-158], соотнесённых с другими минусинскими материалам, аналогии которым автор обнаруживает на территории Восточного Казахстана, т.е. на востоке андроновского ареала [Тугаринов, 1926, с. 153-154; Теплоухов, 1927, с. 77-87, 89, 90; Кузьмина, 1994, с. 13; Матвеев, 1998, с. 5-7; и др.]. Но уже тогда С.А. Теплоуховым проводились параллели с северо- и западноказахстанскими, а также, одновременно с С.Н. Дурылиным [Кузьмина, 1994, с. 13], и с южноуральскими памятниками [Теплоухов, 1927, с. 87-89].

Исходной линией разлома андроновской проблемы представляется сконструированная в конце 40-х – начале 50-х гг. прошлого века периодизация К.В. Сальникова для западной части ареала, «состоящая из трёх сменяющих друг друга этапов: фёдоровского, алакульского и замараевского» [Сальников, 1967, с. 284]. После этого на протяжении нескольких десятилетий термин «фёдоровская культура» употреблялся как в качестве синонима, так и своеобразного «эвфемизма» определения «андроновская культура», и наоборот. Длительное сосуществование в научном обиходе двух «взаимозаменяемых» названий археологической культуры обусловлено некритической оценкой особенностей собственно фёдоровских комплексов, а также возобладавшей доктриной «андроновской культурно-исторической общности».

Истоки этого концептуального представления восходят к идее «андроновского единства» А.А. Формозова [Формозов, 1951, с. 15]. Автор упоминает о «сложении андроновской общности» или «общности в андроновскую эпоху» [Формозов, 1951, с. 17-18], но в итоге приходит к определению данного феномена как андроновской «культурной области» (но не «общности», как зачастую трактуют данный вывод исследователи [напр.: Кузьмина, 1994, с. 17; Ткачёва, Ткачёв, 2008, с. 90]): «Андронова – подлинные культуры отдельных племён… Термин же “андроновская культура”, в который мы не вкладываем того же конкретного содержания, как в понятие о подлинно племенных культурах бронзового века лесной полосы Восточной Европы, должен быть заменён. Пользуясь им здесь условно и по традиции, мы предлагаем в дальнейшем говорить об андроновской “культурной области”» [Формозов, 1951, с. 18].

Своеобразие фёдоровского комплекса отмечал и сам автор первой зауральской культурно-хронологической периодизации андроновских древностей: «Памятники андроновской эпохи широко известны на огромной территории от верховьев р. Енисея до Южного Урала. Фёдоровская курганная группа совместно с прочими причелябинскими памятниками составляет особую группу на северо-западной окраине площади распространения памятников этого типа» [Сальников, 1940, с. 66, и др.]. Или, например, характеризуя фёдоровскую керамику Зауралья, К.В. Сальников замечает: «В отличие от других районов (Северный Казахстан, Челябинские степи), для местной фёдоровской керамики характерен перерыв орнамента в нижней части шейки» [Сальников, 1961, с. 45]. Но впоследствии «фёдоровская культура» стала ассоциироваться с «андроновской культурой» в рамках одноимённой общности, а собственно «андроновская» – с «фёдоровской».

В.С. Стоколос, пересмотрев последовательность алакульского и фёдоровского этапов К.В. Сальникова, разделял истоки андроновских и алакульских древностей, отождествляя первые с фёдоровским комплексом: «…андроновское (фёдоровское) население не было в Зауралье

коренным и многочисленным, не играло той существенной роли в его истории, которая ему отводится в настоящее время. Ни один из этапов бронзового века здесь не может называться фёдоровским… Термин “андроновская культура” должен касаться памятников фёдоровских и им близких. Даже в хронологическом смысле употребление термина “андроновская эпоха”, как предлагает М.Ф. Косарев, едва ли возможно, во всяком случае, для Зауралья» [Стоколос, 1972, с. 132].

На фоне выделения многочисленных культурных типов, локальных вариантов и самостоятельных культур в составе (? – *И.К.*) обширного и многоликого «мира андроновских древностей» обнажилась двусмысленность сложившейся таксономической коллизии и появились первые попытки разрешения этой терминологической дилеммы. Например, предлагался своего рода паллиативный вариант: «Историографически в сибирской археологии сложилось… понятие “андроновская культура”. В последнее десятилетие оно было трансформировано в “андроновскую культурно-историческую общность”, в составе которой …. ряд самостоятельных культур. Но в научном обиходе устойчиво ассоциативное понятие ”андроновская”, и часто его присоединяют к названию какой-либо культуры общности, что довольно неудобно. Предлагаем ввести индексацию культур, например, -ф – фёдоровская, -а – алакульская» [Бобров, Михайлов, 1987, с. 18]. Но модернизация таксона не решает проблемы содержательных отличий андроновского и фёдоровского комплексов: «андроновская-фёдоровская» просто переименовывается в «андроновскую-ф культуру».

Позднее эта точка зрения была существенно скорректирована В.В. Бобровым: «учитывая разную генетическую основу фёдоровского и алакульского комплексов, антропологические различия, близость алакульского декора андроноидным культурам, обоснование общности (андроновской – *И.К.*) вызывает сомнения. Поэтому памятники фёдоровского типа следует относить к андроновской культуре (практически это делается), что историографически будет соответствовать изначальной ситуации, когда она была выделена С.А. Теплоуховым» [Бобров, 1992, с. 16]. Спустя двадцатилетие данная позиция была подтверждена. Как следствие, за фёдоровскими древностями не признавалось право на культурную самостоятельность [Бобров, 2013, с. 90].

Автору настоящей работы методология разрешения этой проблемы представлялась сквозь призму самого феномена андроноидности: «Если отталкиваться от классического культурного облика собственно андроновских древностей, давших название всей культурно-исторической общности, но по историографическому недоразумению более известных как “фёдоровские”, то понятие “андроноидность” обретёт исходную “точку отсчёта”… следует отличать *ретроспективную* (петровская, алакульская, кожумбердинская, атасуская, амангельдинская и т.д.), *раннюю* (карасукская, еловская, быстровский и ордынский типы – по А.В. Матвееву и В.А. Заху; корчажкинская, дандыбаевско-саргаринская – по В.В. Варфоломееву, или бегазы-дандыбаевская, пахомовская, черкаскульская, фёдоровская и т.д.), *позднюю или “вторичную”, опосредованную* (лугавско-ирменский и лугавско-андроноидный комплексы, “переходный” торгажакский комплекс – по Д.Г. Савинову, ингольский тип – по В.В. Боброву, ирменская, сузгунская, бархатовская, лозвинская, алтымская и т.д.) и *реликтовую* (например, орнамент обских угров) стадии феномена андроноидности» [Ковтун, 2001а, с. 172]. В этой схеме фёдоровские материалы фигурируют в ряду раннеандроноидных древностей, что объясняет природу их культурогенеза и культурно-хронологическое место в составе андроноидного массива.

Иным путём к схожей идее разделения собственно «андроновских» и особых «фёдоровских» культурных образований пришли и уральские исследователи. Они рассматривают фёдоровскую культуру лесостепного Зауралья «как субкультуру пришлого андроновского населения», сформировавшуюся в результате «сложных интеграционно-консолидационных процессов» [Стефанов, Корочкова, 2006, с. 125]. Далее исследователи констатируют: «…можно предположить, что это этническая субкультура взрослой части населения и даже, может быть, мужского населения… Это исключительно зауральское образование. Поэтому использование термина «фёдоровские» для обозначения родственных культур в центральных и восточных областях андроновского ареала сейчас не кажется нам правомерным» [Стефанов, Корочкова, 2006, с. 126]. Эта идея была признана «наиболее реалистичной», хотя и нуждающейся в дополнительной аргументации [Епимахов, Таиров, 2014, с. 30].

Позднее, вслед за В.С. Стоколосом (этнокультурно отделявшем алакульцев от «андроновцев-фёдоровцев» [Стоколос, 1972, с. 144, и др.]), отмечая аллохтонность и привнесённые

черты фёдоровской культуры в Зауралье, О.Н. Корочкова ещё раз замечает, что «использование термина “фёдоровские” для обозначения родственных культур в центральных и восточных областях андроновского ареала не кажется правомерным» [Корочкова, 2011, с. 15]. Продолжая эту мысль, а точнее ранее и вышеизложенные соображения автора [Ковтун, 2001а, с. 172], аналогично неприемлемой представляется экстраполяция термина «андроновские» на раннеандроноидные «фёдоровские» древности.

Отчасти схожую позицию высказали Н.А. Ткачёва и А.А. Ткачёв: «…фёдоровскими следует называть только зауральские памятники, как это предложил в своё время К.В. Сальников, и не распространять данный термин на весь ареал андроновской культурно-исторической общности» [Ткачёва, Ткачёв, 2008, с. 93].

Концептуально иное видение андроновского культурогенеза присуще В.А. Заху, вероятно, относящего к собственно андроновским древностям только петровские и алакульские комплексы. В алакульско-ташковской интеграции, приведшей к формированию коптяковской культуры, усматривается основа культуры фёдоровской, якобы распространившейся из Притоболья вплоть до Енисея [Зах, 2011, с. 220-222; Зах, 2014, с. 51-59].

Параллельно, а иногда и взаимообусловленно, высказывались соображения об этнической и языковой принадлежности андроновского населения, точнее представителей отождествляемых с ним археологических культур.

В.Н. Чернецов, по-видимому, первым указал на сходство андроновской и обско-угорской орнаментации. Он отметил, что, подобно андроновской, система обско-угорской орнаментации построена на двух принципах: «изображение строится на основе прямо- или косоугольной сетки. Вторая особенность заключается в так называемой обратимости, т.е. в совпадении контуров самого изображения и фона, соответствующих друг другу так, как соответствует позитиву негатив» [Чернецов, 1948, с. 147]. Автор отметил фрагментарно сохранившиеся свидетельства связи между определённым типом орнаментации и родовой принадлежностью. Например, «наиболее распространённым узором для тапсуйских манси является «соболь», и соболь же выступает как наиболее распространённое тотемное существо среди этой группы манси» [Чернецов, 1948, с. 148]. Сопоставления В.Н. Чернецова проводились с андроновскими линейными меандрами замкнутого и сомкнутого типов, но в перечне аналогий фигурируют и обско-угорские мотивы, типологически близкие «ковровому» меандру А-типа [Чернецов, 1948, с. 150-152, табл. VI]. Впоследствии это позволило провести и этнокультурные параллели: «лишь глубокими этническими связями можно объяснить проникновение в среду таёжных племён андроноидной орнаментации, послужившей основой для развития современной орнаментальной системы манси и хантов» [Чернецов, 1953, с. 61]. На основании указанного наблюдения В.Н. Чернецов пришёл к выводу о финно-угорской / угорской принадлежности андроновцев (фёдоровцев), «предполагая генетическую связь угорского населения Зауралья с носителями андроновской культуры» [Кузьмина, 1994, с. 16, 119]. Идея В.Н. Чернецова об андроновских истоках обско-угорской орнаментации была поддержана С.В. Ивановым, указавшим на целую систему подобных соответствий [Иванов, 1963, с. 161-162].

Позднее такое предположение, правда, без ссылки на вероятного автора идеи, поддержал и К.В. Сальников, считавший алакульцев ирано-, а собственно андроновцев или фёдоровцев угроязычными: «Восточные андроновцы не подверглись иранизации и, насколько можно судить по имеющимся далеко недостаточным данным, они связаны с угорской языковой средой» [Сальников, 1967, с. 347].

Продолжая эту мысль, М.Ф. Косарев отмечает: «так называемый “андроновский орнаментальный комплекс” в изобразительном искусстве современных угорских и самодийских народов севера Западной Сибири сопоставим не с андроновским декоративным набором вообще, а прежде всего с орнаментальными мотивами на фёдоровской керамике» [Косарев, 1974, с. 150]. Симптоматично, что по тем же основаниям и по весьма причудливой логике Л.П. Хлобыстин считал угроязычными черкаскульцев: «В национальных орнаментах обских угров наблюдаются черты сходства и даже тождества с узорами на андроновской керамике. Вполне закономерно связывать первоначальное распространение андроноидных видов орнамента среди угров именно с черкаскульской культурой, поскольку подобная орнаментация исчезает из украшений керамики в культурах, сменивших черкаскульскую» [Хлобыстин, 1976, с. 62].

Угорская принадлежность фёдоровцев категорически отрицалась Е.Е. Кузьминой «в свете новых данных и открытия фёдоровских памятников на юге Средней Азии» [Кузьмина, 1990,

с. 34; см. также: Кузьмина, 1988, с. 97; Кузьмина, 1994, с. 120], а также В.И. Стефановым и О.Н. Корочковой, полагающих, что «она основана почти исключительно на сходстве фёдоровского орнамента с угорским декором» [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 93, 94]. Одновременно отвергаются и соответствия между андроновским и угорским (вероятно, обско-угорским – *И.К.*) орнаментом, с ещё более радикальным тезисом о восхождении истоков последнего «к нео- и энеолитической керамике» (вероятно, орнаментации – *И.К.*) [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 93].

По мнению М.Д. Хлобыстиной, установление истоков андроновской «ковровой» орнаментации, особенно свастических меандров, связано с «проблемой семантико-графического соотношения такого узора с индо-иранским культурно-мифологическим культурным комплексом» [Хлобыстина, 1989, с. 131].

К. Ренфрю достаточно обобщённо предполагает, что «язык носителей Андроновской культуры вполне мог быть индоиранским», оговаривая при этом, что ей предшествует «культура Аркаим-Синташта» [Ренфрю, 2002, с. 23]. Аналогичная позиция, но в другой терминологии, по сути, изложена и А. Парполой (см.: 3.1.).

Однако подобная идентификация языковой принадлежности не представляется удовлетворительной. Необходима конкретизация индоиранских, а точнее постиндоиранских диалектов, обособление которых хронологически сопоставимо с бытованием собственно андроновских сообществ. При таком сужении области установления соответствий возникают обоснованные основания для соотнесения андроновцев с определённым языковым (диалектным) континуумом, образовавшимся после распада индоиранского единства.

Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов относят распад индоиранской языковой общности ко времени не позднее конца IV тыс. до н.э. [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 917]. Исследователи полагают, что «уже к середине второго тысячелетия до н.э. внутри индоиранского выделились отдельные диалекты, один из которых отражён в митаннийских арийских языковых фрагментах» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 547]. Но одновременно констатируются свидетельства раннего начала «процесса распада арийской диалектной общности, вероятно, не позднее III тысячелетия до н.э.» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 863].

Также IV тыс. до н.э. или даже ранее датируют разделение на индоариев и древних иранцев Р. Гиршман [Ghirshman, 1976, p. 618; Гиршман, 1981, с. 142; критика см.: Лелеков, 1978, с. 220-222] и Я.А. Шер, не упоминающий об иранской ветви, но констатирующий разделение «на индоариев и индоиранцев» (? – *И.К.*) [Шер, 1997а, с. 29].

Э.А. Грантовский первоначально полагал, что «распад арийского диалектного единства относится к рубежу III и II тысячелетий до н.э. или к началу последнего», но в 1998 г. сделал вывод о существовании индоиранской общности и в первых веках II тыс. до н.э. Время её распада определялось с конца первой четверти до середины II тыс. до н.э. [Грантовский, 2007, с. 410].

В.И. Абаев относил эпоху арийской общности, контактировавшей с финно-угорским миром, ко второй половине III тыс. до н.э. Её распад на протоиранскую и протоиндийскую ветви датирован первой половиной II тыс. до н.э. [Абаев, 1972, с. 32, 36]. Но одновременно исследователем отмечается, что «ни в середине, ни в начале II тыс. до н.э. ни о какой арийской общности уже говорить не приходится. Ко 2-й половине этого тысячелетия не только иранская группа полностью обособилась, но внутри этой группы имели место дальнейшие глубокие дивергенции…» [Абаев, 1972, с. 32]. Таким образом, процесс распада индоиранского состояния представлялся В.И. Абаеву сравнительно быстротечным и, вероятно, относится к рубежу III-II тыс. до н.э.

По мнению Д.И. Эдельман, «праязыковая система иранских языков мало отличается от индоиранской, и её существование относится условно к самому началу II тысячелетия или скорее к концу III тысячелетия до н.э.» [Эдельман, 2002, с. 17].

Как считал Т. Барроу, финал общего индоиранского состояния, локализованного «в Южной России», предшествовал началу самостоятельного существования индоарийского языка, которое определялось 1700-1400 гг. до н.э. [Барроу, 1976, с. 33-34]. При этом К.П. Масика вслед за Т. Барроу и другими исследователями допускает, что раскол индоарийской и иранской ветвей произошёл не позднее 2000 г. до н.э., а, вероятно, ещё раньше [Masica, 1991, p. 36].

Раздельное существование индоарийских и иранских диалектов относилось Л.А. Гиндиным, по крайней мере, к концу III тыс. до н.э. и даже ранее [Гиндин, 1972, с. 315; Гиндин, 1974, с. 153-154]. Позднее диалектная расчленённость арийцев на индоариев и иранцев была датирована рубежом IV-III тыс. до н.э. [Гиндин, 1992, с. 55].

Отчасти на эти выводы опирался Л.А. Лелеков, относя появление индоариев в Передней Азии к концу XVIII в. до н.э. Это событие представлялось ключевым при определении времени выделения носителей индоарийских диалектов: «Фундаментальным хронологическим критерием выступает факт обособленного существования индоариев до XVIII в. до н.э. где-то не слишком далеко от Передней Азии» [Лелеков, 1980, с. 123, 124]. Л.А. Лелеков отмечал: «… раздельность раннеиндийского и раннеиранского этносов и традиций во II тыс. до н.э. несомненно, с середины III тыс. – весьма вероятно, на что указывают реликтовые индо-хеттские эксклюзивы без иранских аналогий к ним» [Лелеков, 1988, с. 172]. По мнению исследователя, «предки хетто-лувийских иммигрантов некогда общались с протоиндийцами ещё где-то к северу от Чёрного моря, притом без участия иранцев. Хронологически это, по любым оценкам, происходило до середины III тыс. до н.э., но в таком случае первая стадия дезинтеграции индоиранского единства отодвигается в даль бесписьменных веков ещё глубже» [Лелеков, 1988, с. 171-172].

Распад индоиранского единства датирован В.А. Сафроновым второй половиной III тыс. до н.э. Позднеямные племена (сер. III тыс. до н.э.), полтавкинская, срубная и, вероятно, петровская и алакульская культуры, а равно весь андроновский массив считались им уже ираноязычными [Сафронов, 1989, с. 204-205].

На близкую хронологию данного процесса указывают Р. Грей и К. Эткинсон, которые, не будучи лингвистами, с помощью нетрадиционных методов исследования констатировали начало распада индоиранской общности 4600 лет назад или около 2600 г. до н.э. [Gray, Atkinson, 2003, p. 437].

Это же время удостоверяется глоттохронологией В. Блажека и И. Хегедюш. Исследователи пришли к выводу о распаде индоиранского языкового единства около 2700 г. или 2600 г. до н.э. на иранскую и индо-нуристанскую ветви. Около 1900 г. до н.э. из индо-нуристанской ветви выделились ведийский (индоарийский) и нуристанский, а 1600 г. до н.э. датировано расхождение собственно индоарийского (ведийского) и дардского языков. Одновременно авторы ссылаются на доклад Г.С. Старостина, отнесшего начало индоарийско-иранских расхождений к середине III тыс. до н.э.: «по последним расчётам, выполненным Георгием Старостиным, время индоарийско-иранской дивергенции приходится приблизительно на 2500 г. до н.э.» [Blažek, Hegedűs, 2012, s. 43][13].

Таким образом, приблизительно с середины III тыс. до н.э., но не позднее рубежа III-II тыс. до н.э., раздельное сосуществование носителей прото- / индоарийских и прото- / древнеиранских диалектов представляется свершившимся историческим фактом. Аркаимо-синташтинская хронология охватывает финал III – первые века II тыс. до н.э. [Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005, с. 97, 99-100] или 1970-1770 гг. до н.э. (при использовании двух сигм – 2030-1750 гг. до н.э.) [Епимахов, 2007, с. 403]. Следовательно, большинство представителей указанного полидиалектного сообщества отличало уже постиндоиранское состояние.

Е.Е. Кузьмина высказала идею об индоарийской принадлежности фёдоровского (т.е. собственно андроновского – *И.К.*) населения [Кузьмина, 1988, с. 97; Кузьмина, 1994, с. 266; Кузьмина, 2008, с. 335]. Но Е.А. Хелимский, определяя время распада индоиранского единства «ранее XVII в. до н.э., т.е. до появления андроновской культуры» [Хелимский, 2000, с. 504], считал отождествление андроновцев с индоариями «заведомой бессмыслицей». Он обосновал идею чет-

[13] Перечисленным заключениям кардинально противоречит позиция А. Парполы, придерживающегося мнения о чрезвычайно позднем распаде индоиранского (протоиндоарийского или праарийского) единства. Комментируя разделение «протоиндоиранских языков», А. Парпола отмечает, что «диалектное дифференцирование, которое, в конечном счёте, привело к формированию двух языковых групп, началось приблизительно в 2500 г. до н.э.» [Parpola, 2015, p. 55]. Но окончание этого процесса относится только к XIII в. до н.э. [Parpola, 2012, p. 222-223]. Первоначально в состав протоиндоарийской ветви А. Парпола, вместе с К. Карпеланом, включал аркаимо-синташтинские [Carpelan, Parpola, 2003, с. 79], а спустя десять лет и более поздние петровские, алакульские и фёдоровские комплексы [Parpola, 2012 (2013), p. 138-140]. Последний вывод отчасти обусловлен ошибкой отождествления сейминско-турбинского и андроновского искусства. Но в недавно вышедшей монографии А. Парпола вновь указывает, что андроновцы (фёдоровцы) разговаривали на «Прото-Индо-Арийском», ссылаясь при этом на статью Н.Л. Членовой [Parpola, 2015, p. 68]. Хотя Н.Л. Членова, решительно отвергавшая свою причастность к собственно индоарийской атрибуции андроновцев, приводила многочисленные и разнообразные доводы в пользу не только индоиранской, но и возможной иранской принадлежности языка андроновского населения [Членова, 1984, с. 88-98].

вёртой андроновской группы индоиранских языков, сосуществовавшей с языками индоарийской и индоиранской ветвей со второй половины II тыс. до н.э. [Хелимский, 2000, с. 509-510].

Судя по контексту, к индоарийской принадлежности андроновцев склоняется и А. Парпола, полагая, что «индоарийская» группа, вероятно, образовалась из поздней ямной культуры Верхнего Дона и полтавкинской культуры Волго-Уралья, одновременно с ранней катакомбной культурой 2500-2100 гг. до н.э.», а от восточной позднеямной культуры происходит абашевская культура, ставшая основой аркаимо-синташтинского массива, который вместе с петровской культурой и положил начало обширному андроновскому сообществу [Parpola, 2015, p. 55, 56, 59; и др.].

Комментируя утверждение об индоарийской принадлежности андроновцев, Ю.Ф. Кирюшин справедливо указывает на неправомерное отождествление Е.Е. Кузьминой (а равно А. Парполой – *И.К.*) андроновского и сейминско-турбинского искусства = фигуративной металлопластики, приведшее к этому ошибочному заключению: «Е.Е. Кузьмина вообще распространение сейминско-турбинской металлургии и искусства связывает с андроновскими-фёдоровскими племенами, которых она считает индоариями. Не возражая против прихода племён индоариев в Восточный Казахстан и на Алтай, не могу согласиться, что это были андроновцы» [Кирюшин, 2002, с. 84].

Категорически отрицал возможность индоарийской принадлежности андроновцев и Л.А. Лелеков, допуская вероятность их ираноязычности [Лелеков, 1980, с. 123] и т.д.

Д. Энтони полагает, что «язык, на котором говорили в синташтинских крепостях («Sintashta strongholds»), был очень похож на древнюю форму языка, на котором говорило население Петровки и Андроново. Индо-Иранские и Прото-Иранские диалекты, возможно, распространялись с материальной культурой Андроново» [Anthony, 2007, p. 450].

Вывод А. Парполы о том, что: «катакомбная культура, по всей вероятности, сформировала предковую языковую общность «Иранской» ветви Индо-Иранцев» [Parpola, 2015, p. 53, 55], вопреки мнению исследователя, косвенно подтверждает ираноязычные истоки андроновцев, обнаруживающих одонтологические соответствия (особенно барабинские и кузнецкие) именно с катакомбниками Калмыкии [см. по: Зубова, 2012, с. 75, рис. 1; с. 77; Зубова, Чикишева, Поздняков, 2014, с. 551-552]. Хотя, например, Л.С. Клейн относит представителей катакомбного мира уже к индоариям [Клейн, 2010, с. 172; Кони, колесницы и колесничие степей Евразии, 2010, с. 171].

У идеи Е.Е. Кузьминой имеются сторонники, либо располагающие собственной системой аргументации индоарийской принадлежности андроновцев, либо утверждающие это декларативно. К числу первых, в частности, относятся исследования В.А. Заха и А.В. Матвеева.

По материалам, в основном, фёдоровского поселения Черёмуховый Куст В.А. Захом была обоснована (1995), по всей видимости, независимо от Е.Е. Кузьминой (1988, 1994), арийская принадлежность андроновцев. Сходство жителей Черёмухового Куста и ведийских ариев усматривается в деталях хозяйственного уклада, быта и мировоззрения: «слабоуглублённые жилища с множеством опорных столбов; основа хозяйства – животноводство (главным образом разведение крупного рогатого скота); содержание скота в домах; общность традиций в гончарном производстве; игра в кости» [Зах, 1995, с. 73-75].

А.В. Матвеев также отмечал подобные соответствия, но уже между фёдоровским (т.е. собственно андроновским – *И.К.*) и индоарийским = ведийским погребальным ритуалом: «По таким признакам, как ведущая роль обряда трупосожжения в погребальной практике, а также изготовление сосудов четырехугольной формы, не свойственным культуре алакульского населения, фёдоровское сообщество может характеризоваться даже как более точный аналог культурной общности ариев ведийской эпохи, чем группы, обитавшие в Зауралье в первой половине II тыс. до н.э. Нельзя не заметить также сходной направленности эволюции некоторых явлений культуры в среде андроновского населения данного региона и древних ариев. Помимо перехода и завоевателей Индостана, и зауральских фёдоровских групп к преимущественной кремации умерших, в этом контексте уместно упомянуть и о том, что более молодая, чем древнеиндийские самхиты, Авеста осуждает часто упоминающиеся в последних жертвоприношения домашних животных, весьма характерные для обрядности алакульского населения, но почти не свойственные ритуалам фёдоровской эпохи» [Матвеев, 2014, с. 82].

Нетрудно заметить противоречивое, но симптоматичное соединение элементов ритуальных практик индоариев (кремация) и древнего ираноязычного населения (запрет жертвоприношения животных, хотя в собственно андроновских погребениях это не редкость; четырёх-

угольные сосуды – см.: 5.8.). Чем же обясняется подобное сочетание? Полагаю, это один из ключевых методологических вопросов андроновского этнолингвокультурогенеза. Его разрешение объясняет природу и истоки вероятного индоарийского субстрата у ираноязычных андроновских сообществ. Этим же фактором обоснована правомерность ведийских и поствед-ийских параллелей, используемых при реконструкции смысловых значений андроновских орнаментальных композиций (см.: 5.; 5.1.-5.8.; и др.).

Кроме того, присущий собственно андроновским сообществам культ огня, наиболее выпукло проявившийся в погребальных практиках, также не может считаться исключительно индоарийским индикатором. Действительно, ведийским индоариям были присущи огненные погребально-поминальные ритуалы, а также представление о похоронном обряде как о жертвоприношении Агни, передающем его своим пламенем на высшее небо [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 828; Пандей, 1990, с. 191-194, 198-202; Елизаренкова, 1999, с. 460-461, 463; и др.]. Но при этом установлено, что «в иранской традиции особое развитие раннего индо-иранского (общеарийского) наследия привело к становлению нескольких специфических понятий и соответствующих им терминов. В результате возникло целое учение об огне, ставшее важной частью иранской религии» [Иванов, 2003а, с. 19, и др.]. Разумеется, доктрина священных огней Авесты представляется более рафинированной ментальной конструкцией, но источник самого культа огня и у древних иранцев, и у индоариев восходит к общеиндоиранской архаике.

К похожим доводам при аргументации индоарийской принадлежности андроновцев прибегают и другие исследователи. Считается, что восходяшие к синташтинским андроновские популяции мигрировали в южном и восточном направлении, в Северный Иран и Северную Индию / Пакистан, где стали новой правящей элитой. Но этот вывод основан, главным образом, на предполагаемом сходстве отдельных синташтинских / андроновских и ведийских ритуалов, описанных в Ригведе [Allentoft, Sikora, Sjögren, Rasmussen, Rasmussen, Stenderup, Damgaard, et al., 2015, Supplementary information, p. 5. URL: http://www.nature.com/nature/journal/v522/n7555/extref/nature14507-s1.pdf].

Однако подобный «индоарийский субстрат» прослеживается даже у ряда безусловно не индоарийских культурных образований постандроновского времени и последующей эпохи[14]. Так, в Кузнецкой котловине зафиксированы уникальные элементы ирменской погребальной обрядности, находящие параллели в индоарийской ашвамедхе. Ощутимый мифоритуальный индоарийский компонент усматривается в постсейминско-турбинском искусстве Алтая, Казахстана, Монголии и даже в изобразительном искусстве и обрядовой практике ираноязычного раннетагарского населения Минусинской котловины и сопредельных территорий [Ковтун, 2013в, с. 148-151, 259-261, и др.], включая уникальный большереченский комплекс с конским жертвоприношением из Барабы [см. по: Молодин, Соловьёв, Кобелева, Мыльникова, 2012, с. 154-160]. Но эти наблюдения не свидетельствуют о собственно индоарийской принадлежности перечисленных культурных сообществ. Они лишь подтверждают сравнительно позднее преодоление инерции культурной архаики индоиранского состояния, распавшегося более чем за одно – полтора тысячелетия до обозначенного исторического периода. Обобщая наблюдения О. Семереньи, В.И. Абаева и О.Н. Трубачёва, Л.А. Лелеков констатировал, «что иранцы ещё только заканчивали становиться самими собой в VIII-VII вв. до н.э.» и «процесс брожения с нарастанием ираноязычия заканчивался очень поздно, в развитом железном веке» [Лелеков, 1988, с. 182]. В других случаях, вероятно, имело место взаимодействие с индоарийскими группировками.

Следовательно, скорее культурный, нежели языковой индоарийский субстрат у ираноязычных андроновцев, по-видимому, восходит к периоду индоиранской общности и / или к эпохе тесного сосуществования / взаимодействия представителей двух ключевых ветвей данной группы языков. Тесная генетическая общность индоарийских и иранских языков и наличие длительных и устойчивых контактов между индоарийско- и ираноязычными народами позволяли им сохранять известный уровень языкового взаимопонимания на протяжении очень длительного времени. Поэтому «наряду с процессами языковой дифференциации, в области стыка

[14] Например, биритуализм (сочетание кремации и ингумации) в мавзолеях Северного Тагискена и в раннесакских могильниках Южного Приаралья, а также камышовые подстилки в погребальной обрядности тагискенцев и саков ассоциируются с ритуальными установлениями в текстах Ригведы. Но одновременно биритуализм тагискенцев и саков представлялся свидетельством их ираноязычности [Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 2001, с. 103], что не соотносимо, поскольку Ригведу создали не иранцы, а индоарии.

индоарийских и иранских языков развивались и явления ареальной конвергенции, которые, наслаиваясь на исконную генетическую общность, образовали как бы второй этаж этой общности» [Оранский, 1976, с. 159].

Следы подобного синкретизма, вероятно, вызывали сомнения и у Е.Е. Кузьминой, колебавшейся при первой формулировке тезиса об индоарийской принадлежности андроновцев (фёдоровцев) и фактически самоопровергающей это своё позднейшее утверждение: «Определение их (андроновцев-фёдоровцев – *И.К.*) как звена в единой андроновской цепи, продолжающего петровцев и алакульцев, влечёт признание их ираноязычности. Допущение самостоятельного развития фёдоровского типа, эволюционирующего параллельно с алакульским, позволяет выдвигать гипотезу, по которой фёдоровцы являлись одной из многочисленных этнических групп индоиранской общности и, видимо, были особенно близки к индоариям» [Кузьмина, 1988, с. 96-97].

В предположениях сторонников принадлежности андроновского населения исключительно к индоариям остаются и иные неустранимые аргументационные изъяны. Один из них обусловлен отсутствием колесниц в составе комплекса собственно андроновских древностей.

Показательно, что этот факт решительно контрастирует с кругом древностей «аркаимо-синташтинско – петровско – нуртайского» культурно-хронологического горизонта. Его представители также не могут быть отнесены к носителям индоарийских диалектов. Но в культурной традиции этих народов сохранились архаичные индоиранские черты, сближающие некоторые их мировоззренческие доминанты с собственно индоарийскими представлениями об уникальности образа коня в космогонической картине мироздания и, соответственно, о его сакральном значении в погребальных ритуалах. Помимо этого, вероятно и хронологически синхронное влияние собственно индоарийского субстрата при взаимодействии указанных пред- / раннеандроновских коллективов с сейминско-турбинскими группами [Ковтун, 2013в, с. 50-57, и др.].

Почти уникальными представляются единичные свидетельства культа коня, зафиксированные у собственно андроновских сообществ (см.: 5.1.). Но особое отношение к рёбрам жертвенного коня зафиксировано в западной части «андроновского ареала». По наблюдениям Е.Е. Кузьминой, для исследованных здесь погребальных комплексов «обряд захоронения черепа и ног коня чужд совершенно» [Кузьмина, 1977, с. 31]. Тогда как «в фёдоровских могильниках Приуралья – Нурбаково, Новобурино, Смолино, Синеглазово, Сухомесово, Фёдорово, Туктубаево, Кинзерский, Перелески – типично положение в могилу только рёбра... лошади...» [Кузьмина, 1977, с. 31]. Думается, это ещё один пример либо общего индоиранского наследия, либо длительного обособления и взаимосвязанного раннего этнолингвокультурогенеза носителей индоарийских и древнеиранских диалектов.

4. АНДРОНОВСКИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

Для разграничения содержательно значимых и декоративных построений андроновской орнаментации необходимо оперировать количественным соотношением выделенных инвариантных комбинаций.

4.1. СООТНОШЕНИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ КОМПОЗИЦИЙ

В данной типологической классификации учтено ***1973 сосуда*****,** (генеральная совокупность) горшковидных и баночных форм с различными типами орнаментации, названными инвариантными комбинациями.

Удельный вес устойчивых разновидностей орнаментальных композиций, включающих типологически близкие инвариантные комбинации, в представленной генеральной совокупности подлежит первичной оценке на основе общих принципов теории информации и статистического анализа. В сравнительно-историческом языкознании принимаемый порог статистической значимости составляет 5%. Другой распространенный порог статистической значимости, применяющийся при более точных исследованиях, составляет 1% [Касьян, Живлов, Старостин, 2014, с. 401]. Таким образом, исходя из имеющегося количества сосудов, составляющих генеральную совокупность, могут быть исчислены и упомянутые пороговые величины. ***Статистически значимое представительство типа орнаментальной композиции должно составлять не менее 99 сосудов, а при более точной оценке – не менее 20.***

Композиций, состоящих только из ***меандровых элементов (М), насчитывается 137 экземпляров.*** Всего ***214 сосудов орнаментированы исключительно сочетаниями различных треугольных элементов (Т).*** Зато горшки, заполненные только ***зигзаговыми построениями, составляют 303 экземпляра (З)***. Различные ***сочетания «ёлочных» (вертикальный зигзаг) мотивов в пределах одного орнаментального поля (Ё) представляют 274 сосуда.*** Собственно ***каннелюрами либо их имитацией орнаментировано 111 горшков (К).*** Заполнение сосудов только ***насечками и вдавлениями присуще 95 сосудам (НВ).***

Таких ***моносюжетных инвариантных комбинаций, выстроенных на базе однотипного орнаментального элемента,*** большинство, и они насчитывают ***1134 сосуда***. Помимо «чистых», известны и ***«смешанные» инвариантные комбинации, сочетающие разнотипные орнаментальные элементы общим числом 839 горшков***.

Орнаментальные построения, ***сочетающие меандры во второй зоне и треугольники в третьей (МТ), составляют всего 66 экземпляров.*** Меандры во второй зоне, скомбинированные с зигзагом в третьей (МЗ), насчитывают 17 горшков, а меандры во второй зоне с «ёлочкой» в третьей (МЁ) – 5 сосудов.

Треугольники во второй зоне, сочетающиеся с меандром в третьей зоне (ТМ), представлены на 158 сосудах. Треугольные элементы во второй или в условной второй зоне, сопутствующие зигзагу в третьей (ТЗ), – на 52 сосудах. Сочетание треугольников во второй зоне с «ёлочкой» в третьей (ТЁ) запечатлено на 12 сосудах. Зигзаг во второй зоне и меандр в третьей (ЗМ) соседствуют на 14 горшках, а зигзаг и треугольники в указанном зональном соотношении (ЗТ) фигурируют на 5 сосудах.

Комбинация зигзаговых элементов во второй зоне с «ёлочными» в третьей присуща 10 сосудам, а сочетание «шевронных» «ёлочных» элементов во второй зоне с «ковровым» меандром (ЁМ) характерно для 11 сосудов.

«Шевронная» и обыкновенная «ёлочка» во второй зоне, сочетающаяся с пирамидальными треугольниками в третьей (ЁТ), нанесена на 11 образцов андроновской посуды, а комбинация «ёлочки» во второй зоне с зигзагом в третьей (ЁЗ) присуща 12 горшкам.

Каннелюры (либо их имитация) во второй зоне, сочетающиеся с меандром, в основном линейного, а из «ковровых» преимущественно А-типа в третьей зоне (КМ), представлены 30 сосудами.

В свою очередь, ***композиция из каннелюр во второй зоне, сопутствующих треугольным элементам в третьей зоне (КТ), изображена на 79 сосудах.***

Представительна и серия каннелюрно-зигзаговых орнаментальных композиций. ***Сочетание каннелюр во второй или в условной второй зоне*** (при отсутствии выраженной зоны венчика, орнаментированной иными мотивами) ***с зигзаговыми элементами в третьей зоне (КЗ) присуще 147 сосудам.***

Ещё более представительна каннелюрно-ёлочная серия. ***Сосуды с каннелюрами во второй*** (или в условной второй – при отсутствии выраженной зоны венчика) и «ёлочкой» в третьей зонах (КЁ) ***количественно составляют 164 экземпляра. Это самая представительная из смешанных инвариантных комбинаций, незначительно превосходящая треугольно-меандровые построения (ТМ) – 158 сосудов, и каннелюрно-зигзаговые (КЗ) – 147 сосудов.*** Но при этом она заметно превалирует над всеми прочими инвариантными комбинациями смешанного типа. Так, сосуды, сочетающие каннелюры, насечки и вдавления во всех композиционных вариациях (КНВ), составляют всего 32 экземпляра, а посуда, орнаментированная насечками-«штрихполосами» во второй зоне и линейным меандром в третьей (НМ), насчитывает только 7 горшков. Ещё 7 сосудов учтены по представленному на них редкому, но значимому для верификации межкультурных взаимодействий паркетному мотиву (табл. 288).

Итак, ***вопреки существующим представлениям, ключевой состав – «лицо» андроновских орнаментальных композиций – не сводится к геометрической и / или меандровой орнаментации***.

Самая представительная серия андроновских сосудов орнаментирована зигзаговыми построениями **(З)**, а её численность насчитывает ***303 экземпляра***. За ними следуют орнаменты, представляющие сочетания «ёлочных» (вертикальный зигзаг) мотивов в пределах одного орнаментального поля **(Ё)**, составляющие ***274 сосуда*** и обыкновенно относимые к т.н. «бытовой» посуде. И только третьими в этом статистическом ряду значатся ***214 сосудов***, орнаментированных различными треугольными элементами **(Т).**

Следующие три места занимают смешанные инвариантные комбинации. Самые представительные из них – каннелюрно-«ёлочные» **(КЁ) –** составляют ***164 экземпляра***, превосходя треугольно-меандровые **(ТМ) –** ***158 сосудов***, и каннелюрно-зигзаговые **(КЗ) –** ***147 сосудов***. И только на седьмом месте находятся композиции из одних меандровых элементов **(М) –** ***137 экземпляров***. Далее следуют сосуды, орнаментированные каннелюрами либо их имитацией **(К) –** ***111 горшков***, и керамика, декорированная только насечками и вдавлениями **(НВ) –** ***95 сосудов***; композиции из каннелюр во второй зоне с треугольными элементами в третьей зоне **(КТ) –** ***79 экземпляров***, а также комбинации меандров во второй зоне с треугольниками в третьей **(МТ) –** ***66 экземпляров*** и композиции с треугольными элементами во второй, (или в условной второй) зоне и зигзагами в третьей зоне **(ТЗ) –** ***52 сосуда***.

Ещё ***32 экземпляра*** сочетают каннелюры, насечки и вдавления во всех композиционных вариациях **(КНВ)**, а ***30 сосудов*** демонстрируют сочетание каннелюр либо их имитаций во второй зоне с меандром, в основном линейного, а из «ковровых» преимущественно А-типа в третьей зоне **(КМ)**.

Прочие инвариантные комбинации находятся в пределах статистической погрешности и в особых случаях могут рассматриваться, например, как диагностирующие исключения.

4.2. КАРДИНАЛЬНЫЕ И ОРДИНАРНЫЕ ИНВАРИАНТНЫЕ КОМБИНАЦИИ

Моносюжетные орнаментальные построения на основе «ёлочки» представляются архаичным субстратом **(Ё)**, сохраняющимся в составе андроновского орнаментального комплекса. Иногда такие орнаментальные схемы структурируются в соответствии с композиционным каноном трёхзонального (значительно реже двухзонального) членения орнаментального поля (табл. 140-149). Такой «винтажный постмодерн» возникает в результате использования архаичных выразительных средств – «ёлочки» в собственно андроновских, вертикально зонированных орнаментальных композициях.

Иной представляется ситуация с сосудами, украшенными зигзаговой орнаментацией **(З)**. В этой серии, возможно, также выделяется «архаичный» пласт, восходящий к пред- или раннеадроновским орнаментальным схемам аркаимо-синташтинского и последующего времени.

Но значительная доля такой орнаментики обнаруживает сравнительно поздние хронологические признаки: орнаментацию венчика не доминантным мотивом и наоборот (табл. 89-105 и др). Как и в предыдущем случае, отмечается мимикрия структуры орнаментального поля, стилизованного под собственно андроновский трёхзональный канон, как с доминантным мотивом в зоне венчика, так и без него (табл. 106-110). Орнаментация подобных сосудов в большинстве случаев также представляются подражанием канонической трёхзональной структуре, а время её бытования, скорее всего, охватывает период от апогея до заключительной фазы андроновского культурогенеза.

Особый интерес среди горшков с зигзаговой орнаментацией вызывают сосуды с двухзональным членением орнаментального поля. Они не малочисленны, а сама орнаментальная схема, по-видимому, привнесена с неким более ранним субстратом и впоследствии стилизована под технику нанесения андроновского декора (табл. 85-88). Имеются основания предполагать и определённое смысловое значение, составившее мировоззренческую подоплёку такого бинарного композиционного построения (см.: 5.1.).

Орнаментальные схемы, состоящие только из треугольных элементов, разнообразны, и среди них имеются как весьма ранние, так и хронологически поздние экземпляры **(Т)**. Поэтому некоторые из таких композиций отличает сугубо декоративное начало. Но при этом в большинстве треугольных комбинаций усматриваются различные оттенки смыслового ряда, как в инвариантном остатке, так и в полном объёме передаваемого содержания (табл. 47-74).

Следующие по численности каннелюрно-«ёлочные» **(КЁ)** инвариантные комбинации, главным образом, найдены близ или к востоку от р. Оби, на восточной периферии андроновского ареала. Но у этой четвёртой по численности орнаментальной схемы имеется ещё и примечательная композиционная особенность. В этой комбинации ***сочетаются перпендикулярные мотивы – горизонтальные каннелюры и вертикальный зигзаг или «ёлочка». Этим удостоверяется диссонирующее отличие смысловых значений, олицетворяемых горизонтальным мотивом второй / средней зоны и вертикальным мотивом, размещённым в нижней – третьей зоне.*** При этом означаемые таким сочетанием сопротивопоставляемые данности переданы двумя сравнительно архаичными мотивами – «ёлочкой» и каннелюрами. Это свидетельствует о раннем формировании данной инвариантной комбинации. При этом известны её параллели на лугавских сосудах [Ковтун, 2001а, с. 164-165, табл. 113] (рис. 5; 6) и даже на тагарской керамике, что, наряду с восточным ареалом, подтверждает длительное бытование такого сочетания вплоть до историчекого финала андроновской культуры.

В этой комбинации усматривается воплощение орнаментальной символизации некого дихотомического представления, олицетворяемого сочетанием двух диссонирующих перпендикулярных мотивов – горизонтальных каннелюр и вертикальной «ёлочки». При этом использование таких архаичных средств выражения, как каннелюры и «ёлочка», удостоверяет древность самой идеи, переданной на сосудах, украшенных сочетанием указанных мотивов.

Позднее в восточной части ареала именно каннелюрно-«ёлочным» построением замещались и постепенно вытеснялись содержательно синонимичные композиции, сочетающие линейный меандр или противопоставленные треугольники (горизонтальные мотивы) во второй зоне с треугольниками вертикального и пирамидального типа (вертикальные мотивы) **(МТ; Т)**.

Пятая по численности треугольно-меандровая серия **(ТМ)** представляет наиболее массовые смешанные фигуративные композиции. Они изображают ***содержательное взаимо- / противодействие либо иные смысловые сочетания персонажей / событийных контекстов, означаемых треугольными (вторая зона) и меандровыми (третья зона) протологорафическими символами.*** Эти инвариантные комбинации изображают несколько (не менее трёх) сюжетов, отличающихся типами сочетающихся треугольников и меандров, видоизменяющих смысловое значение орнаментальной комбинации.

Комбинация каннелюровой орнаментации во второй зоне с горизонтальным зигзагом в третьей **(КЗ)** допускает неантагонистический характер сюжета, в котором различные мотивы двух зон не противопоставлены, а сопоставимы по линейно-горизонтальному заполнению орнаментального поля.

Седьмые по удельному весу композиции из собственно меандровых элементов **(М)** ***означают андроновские сюжетные мотивы, различия между смысловыми значениями которых обусловлены использованием конкретного типа меандров и разновидности их сочета-***

ний. Так, например, сочетание линейных меандров во второй зоне с меандрами А-типа в третьей зоне при наличии доминантного мотива в первой зоне означает тему основного мифа [см. по: Иванов, Топоров, 1974, с. 164; и др.] ***и победу верховного божества – Бога Грозы над своим змее- / драконоподобным противником***.

К числу ординарных, т.е. бессодержательных инвариантных комбинаций, относятся следующие по количественному представительству сосуды, орнаментированные каннелюрами либо их имитацией **(К)**, а также горшки с насечками и вдавлениями **(НВ)**. К этой же серии ординарных инвариантных комбинаций относятся экземпляры, сочетающие каннелюры, насечки и вдавления во всех композиционных вариациях **(КНВ)**.

Но ***каннелюры во второй зоне – это единственный мотив, сочетающийся с каждым из прочих мотивов в третьей зоне – КЁ, КЗ, КТ, КНВ, КМ, – всего 452 экземпляра. Следовательно, изображение каннелюр или их имитаций во второй зоне обладает устойчивым избыточным значением. Именно поэтому сочетание прочих мотивов с каннелюрами во второй зоне обуславливает различную семантику композиций. Иначе говоря, избыточное, т.е. нулевое, содержательное значение каннелюр во второй зоне удостоверяет смыслоопределяющий фактор сопутствующего им мотива третьей зоны***.

Так, каннелюрно-треугольные инвариантные комбинации **(КТ)** сводятся к двум принципиальным построениям. В одном из них каннелюры сочетаются с треугольниками пирамидального типа (табл. 234-236), а во втором – с опоясывающим бордюром из треугольников вертикального типа вершинами к низу (табл. 237-242). Поэтому в рамках данной инвариантной комбинации усматриваются два различных сочетания, означавших не менее двух смысловых построений.

Меандры во второй зоне сочетаются, главным образом, либо с меандрами, либо с треугольниками. Статистически невыразительны, но содержательно и хронологически показательны меандры во второй зоне с зигзагом в третьей (МЗ) – 17 экземпляров (табл. 177-179) и меандры во второй зоне с «ёлочкой» в третьей (МЁ) – 5 сосудов (табл. 180).

Кратно представительнее комбинации меандров во второй зоне с треугольниками в третьей **(МТ)**. ***Здесь различные типы линейных меандров сочетаются с треугольниками пирамидального типа*** (табл. 167-175). Только незначительное количество сосудов обнаруживают в третьей зоне опоясывающий бордюр из треугольников вертикального типа вершинами к низу (табл. 176). Поэтому кардинальный сюжетный мотив этой инвариантной комбинации означается первым сочетанием.

Треугольники во второй зоне сочетаются с четырьмя типами элементов в третьей зоне: треугольниками (третье место в удельном весе) **(Т)**, меандром **(ТМ)** (пятое место в удельном весе), с горизонтальным зигзагом **(ТЗ)**, а также со статистически невыразительной и хронологически поздней комбинацией с «ёлочкой» **(ТЁ)** (всего на 12 сосудах).

В композиции с треугольными элементами во второй (или в условной второй) зоне и зигзагами в третьей зоне **(ТЗ)** вариабельность зигзаговых построений сводится к количественной составляющей. Поэтому кардинальность и смысловое значение всей композиции определяется типом треугольных мотивов второй зоны. Различие этих мотивов предполагает отличие означаемого ими содержания инвариантных комбинаций. Но в большинстве случаев оно сводится к позитив-негативным инверсиям базовой схемы взаимонаправленных треугольников. Следовательно, отличия типов треугольников второй зоны скорее обусловлены не смысловыми расхождениями, а использованием различных выразительных средств при передаче схожего сюжета.

Симптоматично ***сочетание каннелюр во второй зоне только с линейными меандрами разомкнутого и замкнутого типа*** (табл. 229-231) ***и с ковровыми только А-типа (одно исключение)*** (табл. 232-233) ***в третьей зоне*** **(КМ)**. Думается, комбинирование трёх типов меандров с каннелюрами либо указывает на триаду смысловых значений изображаемых этими инвариантными комбинациями, либо удостоверяет синонимичность всех типов меандров, означающую содержательную близость каннелюрно-меандровых композиций.

5. МИФОЛОГИЯ АНДРОНОВСКОЙ ОРНАМЕНТАЦИИ

Основные источники реконструкции мировоззренческой доктрины и мифологической картины мира андроновских сообществ, отразившиеся в их орнаментальных построениях, связаны с а) древностями генетически предшествующего аркаимо-синташтинского комплекса; б) собственно андроновскими материалами, зачастую либо уникальными, либо отличающимися от большей части культурного массива (орнамент на браслетах, статурные сооружения в захоронениях, неординарные формы сосудов и типы орнаментальных композиций и т.п.); в) геометрической орнаментацией сибирских, в первую очередь обско-угорских народов, в инвариантном остатке сохранивших представления о значении её образов и сюжетов; г) ведийскими и постведийскими литературными памятниками, а также с авестийским сводом. В последнем случае прямые аналогии методологически неприемлемы, и потому рассматриваются исключительно вероятные ретроспективные соответствия. Предлагаемые содержательные параллели опираются на доведийскую и протоавестийскую архаику, сохранившуюся в мифопоэтических текстах древних иранцев и индоариев.

Т.Н. Глушкова полагает, что «ковровый андроновский орнамент на сосудах можно рассматривать как своеобразную технологическую схему записи на глине изготовления сложного полихромного коврового узора, хорошо известного по текстильным материалам Средней и Передней Азии. Пока были живы носители этой традиции, хорошо понимавшие смысл отдельных элементов андроновского орнамента и всей композиции в целом, он сохранялся в традиционной форме, являясь своеобразным декоративно-технологическим каноном культуры. Именно такой орнамент, передающий особенности ткацкой технологии, сохранился на вышивках шерстяными нитями на рубахах у южных хантов и манси. Когда население Западной Сибири утратило первоначальную технологическую информацию, изначально заложенную в орнаменте-схеме (из-за естественного ухода из жизни мастеров и отсутствия условий для её воспроизводства), начинается самостоятельное декоративное развитие орнамента на керамике уже по совершенно другим, декоративным законам. Орнаментально-технологическая система теряет свой смысл, распадается на отдельные декоративные элементы, которые входят в совершенно иные знаково-смысловые композиции» [Глушкова, 2004, с. 44].

Ключевые письменные источники предлагаемых смысловых реконструкций связаны с текстами Авесты и Ригведы, а также некоторых других ведийских памятников. Данное сочетание обусловлено тем, что при преобладании древнеиранских диалектов в собственно андроновской среде мифологическое ядро Авесты перекликается с Ригведой и восходит к индоиранской общности, т.е. к III тыс. до н.э. [Абаев, 1982, с. 19]. Симптоматично, что некоторые гимны Ригведы и главы Гат рассматриваются Вяч.Вс. Ивановым, В.Н. Топоровым и Л.А. Лелековым как варианты единого исходного текста [Лелеков, 1992, с. 87]. Это означает, что ведийско-авестийские схождения очерчивают область наиболее архаичных индоиранских сюжетов и персонажей. Древнейшие части Яштов и Видевдата вообще могли: «сохраняться в виде застывших формул, выражений и целых отрывков, восходящих, может быть, даже и к эпохе арийской общности» [Соколов, 1961, с. 21]. Расстановка богов в хеттско-митаннийском брачном договоре XIV в. до н.э. [обзор см.: Ковтун, 2013в, с. 38, 59, 177] (см.: 5.3.) полностью идентична представленной в Ригведе, т.е. уже после расщепления индоиранской ареальной общности. Следовательно, оформление и характерное структуирование основного ядра прото-Ригведы состоялось задолго до XIV в. до н.э. По всей видимости, в это же время обретала свой первичный облик и прото-Авеста [Лелеков, 1992, с. 72].

Допустимость и обоснованность ведийских и постведийских параллелей для реконструкции смысловых значений андроновских орнаментальных сюжетов обусловлена в т.ч. и предполагаемым индоарийским субстратом (скорее культурным, чем языковым) у ираноязычных андроновцев. Истоки последнего, вероятно, восходят к эпохе индоиранской общности и / или близкого сосуществования / взаимодействия индоарийских и древнеиранских диалектов.

Исследователи указывают на теснейшие географические и культурные связи, общность языкового ареала, где протоиндийские и протоиранские диалекты втягивались в тождественные зоны контактирования и языковые союзы, на наличие целого комплекса индоарийско-древ-

неиранских схождений и др. [см. напр.: Макаев, 1977, с. 45-46 и др.; Лелеков, 1978, с. 221-222]. Э.А. Макаев, вслед за А. Мейе полагавший, что протоиндийский и протоиранский языки восходят к близкородственным, но различным индоевропейским диалектам, объяснял их соответствия долгим и тесным географическим и культурным контактированием [Макаев, 1977, с. 31, 36, 45, 46 и др.]. При этом выявленные системные взаимопроникновения трудносочетаемых индоарийских и иранских элементов культуры [Лелеков, 1980, с. 122], по всей видимости, отражают полиморфизм сосуществования и дивергенции этого немонолитного и неоднородного диалектного континуума индоиранской общности [Эдельман, 1992, с. 59, 60 и др.]. Культурно-исторические реалии подобного состояния восходят к аркаимо-синташтинскому времени и ранее, характеризуясь «“слипанием” различных и даже разноязыких родоплеменных группировок в более крупные объединения при весьма неравномерном, вернее, непредсказуемом обмене культурными ценностями и элементами словаря» [Лелеков, 1980, с. 122].

В свою очередь, внутри самой Авесты и даже Яштов не было никакого единства традиции, а в рамках авестийского свода грубо совмещены локальные и, возможно, соперничающие мифологии, культы и ритуалы [Лелеков, 1992, с. 251]. Схожая ситуация отмечена К. Йеттмаром для индоариев. В древней альтернативной системе (или системах) индоарийского пантеона центральной фигурой считался Яма [Йеттмар, 1986, с. 191]. По мнению К. Йеттмара, «среди индоарийских народных религий с самого начала существовало множество систем, носителями которых являлись различные социальные группы или же племена. Только одна из этих систем нашла отражение в Ведах. Ей соответствует пантеон, в котором первые места отведены Митре, Варуне и Индре. Однако наряду с этой существовала и другая система, в которой главным божеством пантеона был Яма. Он считался победителем Индры» [Йеттмар, 1986, с. 191]. Индоарийский Яма соотносится с древнеиранским строителем Вары Йимой [Елизаренкова, 1989, с. 439; и др.], а истоки образов Ямы / Йимы восходят к общему индоиранскому корню.

Сосуществование отличающихся мифологических субсистем у различных древнеиранских и индоарийских сообществ, возможно, восходит к выделенным исследователями андроновского массива обособленным локальным и (или) культурным вариантам и даже отдельным археологическим культурам в составе андроновской общности.

Примечательна и идея М. Блумфилда, объяснявшего отличие Атхарваведы от трёх прочих вед наличием двух разных социальных диалектов: иератической (жреческой – *И.К.*) религии и народных верований [Елизаренкова, 1989, с. 465]. Подобное сочетание известно во многих религиозных системах, что зачастую отражает сосуществование официальной мировоззренческой доктрины с реликтами архаичных мифологических представлений [Ковтун, 2013в, с. 60]. В частности, эпос Махабхараты и Рамаяны «отразил мировоззрение значительно более широких, чем жреческая среда “Ригведы”, кругов индоарийского общества, мировоззрение, в котором архаика удерживалась ещё очень долгое время после того, как она была искоренена или неузнаваемо трансформирована в жреческой традиции» [Дьяконов, 1990, с. 102-103].

Всё это очень напоминает дуализм андроновского орнаментального комплекса, включающего горшки с «парадной», а точнее «литургической» меандрово- / треугольной орнаментацией, и т.н. «утилитарные» сосуды, декорированные «ёлочкой», зигзагом, каннелюрами и т.п. Именно в последних композициях, не лишённых сюжетно обусловленных смысловых значений (см. напр.: 5.1.; 5.5.), проявляются мотивы, восходящие к архаичной пред- / раннеандроновской орнаментике и её семантическому континууму.

5.1. БИНАРНОСТЬ В ОРНАМЕНТАЦИИ И В МИФЕ

Дуалистические представления характерны для мифологической картины мира индоиранских народов. Двоичность, или парность, присуща ведийской мифологии. В пантеоне Ригведы немало парных богов, олицетворяющих взаимодополняющие части монады, дуальность, образующую единство: Ашвины, Сома / Пушан, Митра / Варуна [Елизаренкова, 1999, с. 477], Арьяман / Дакша, Бхага / Анша [Дюмезиль, 1986, с. 84, и др.]. В ведийской мифологии число «два» связано с символизацией изначального состояния: «Число 2 символизирует начало бинаризма в существовании вселенной: различение мужского и женского принципов, верха и низа, света и тьмы, дня и ночи и т.п. Этот период представлен таким парным божеством, как Небо-и-Земля…,

которых рассматривают как мужское и женское начало – от них произошли все боги… способ обозначения Неба-и-Земли – … “две половины вселенной”, или две распростёртые смыкающиеся чаши, составляющие сферическую вселенную» [Елизаренкова, 1999, с. 477].

Другим олицетворением архаичной бинарной мировоззренческой доктрины представляется андрогинная мифологема. Вероятно, ещё из индоиранского андрогинного прамифа берут истоки представления о богочеловеке гермафродите Пуруше и его женской сущности Вирадж, жертвоприношением которого создаётся вселенная. Этот мотив эволюционировал в сюжет о разнополых близнецах – прародителях человечества Яме и Ями, представляющийся вторым этапом эволюции данной идеи [Дандекар, 2002, с. 96, 139-140], поскольку добровольная смерть – жертвоприношение Ямы открыла такой путь всему человечеству [Невелева, 1975, с. 79-80].

Сравнительно с ведийскими, древнеиранские дуалистические представления приобретают антагонистические черты только в результате редакции авестийского свода, обусловленной влиянием раннего зороастризма.

По более древней концепции образа, порождённые Ахура-Маздой духи-близнецы Спента-Майнью (Дух-Благодетель) и Ангро-Майнью (Дух-Разрушитель) действуют как демиурги земного творения, избравшие для себя разные пути: один – добро и жизнь, другой – зло и смерть. Изначальное разделение между добром и злом представляется следствием выбора заданного Ахура-Маздой и самостоятельно сделанного Духами-Близнецами, избравшими – Аша (Справедливость) и Друг (Ложь), соответственно [Лелеков, 1994а, с. 467; Элиаде, 2009, с. 381-383][15]:

Два духа изначала –
как близнецы в явленьи
И мыслию, и словом,
и делом – благ и зол.
И прав лишь благодатный
из двух, а не злодей.
[Йасна 30.3] (перевод И.М. Стеблин-Каменского).

Когда эти два духа
сошлись, то изначала
Создали жизнь и смерть,
то бытие, что после, –
Для лживых наихудшее,
а праведному – лучшее.
[Йасна 30.4] (перевод И.М. Стеблин-Каменского).

Из двух дух Лживый выбрал
деянье наихудшее,
А Дух Святейший – Истину,
одет крепчайшей твердью,
Как те, что ублажают
Ахуру правдой Мазду.
[Йасна 30.5] (перевод И.М. Стеблин-Каменского).

В Гатах Святой Дух объявляет Злому об их антагонистической противоположности, говоря, что ни мысли, ни слова, ни дела у них не имеют ничего общего, ни веры, ни души их не согласуются друг с другом [Стеблин-Каменский, 2009а, с. 110]:

Вот возглашу
сущих двух духов первых,
Тот, святее,
так промолвил бы злому:
Ни помыслы
наши, ни речи, ни ум,
Ни выборы,
ни слова, ни деянья,
Ни веры,

[15] По второй, более поздней концепции образа, Спента-Майнью – ипостась, творческий аспект самого Ахура-Мазды [Лелеков, 1994а, с. 467]. В последующих построениях зороастрийской теологии эти два близнеца, Святой Дух – Ормазд, Ахура-Мазда и Злой Дух – Ахриман, представляются порождениями Божества бесконечного Времени – Зурвана [Стеблин-Каменский, 2009а, с. 52].

ни души – ничто – не согласны.

[Йасна 45.2] (перевод И.М. Стеблин-Каменского).

Эти абстрактные и сравнительно поздние, уже собственно зороастрийские представления вытесняют доктрину изначальной бинарности мироздания, замещаемую категоричной дихотомией с разделением на взаимоисключающие сущности.

Другим характерным примером дихотомии древнеиранской мифологии представляется восходящий к индоиранской общности сюжетный эпизод о сражении за освобождение вод бога-громовержца с демоническим противником [Лелеков, 1994б, с. 515]. В преломлённой авестийской версии данная мифологема представлена так, что «Тиштрия – герой, посылающий на землю воды, – сражается в образе белого коня, побеждающего чёрного коня, демона засухи Апаоша» [Кузьмина, 2002, с. 50]:

И вот он приближается,
Спитама-Заратуштра,
Блестящий, славный Тиштрия,
Ко морю Ворукаша,
Конём примчавшись белым,
Прекрасным, златоухим,
И с золотой уздой.

И вот ему навстречу
Несётся дэв Апаоша
Конём паршивым, чёрным,
Облезлым, корноухим,
Безгривым и бесхвостым,
Ужасным и престрашным.

И вот они схватились…

[Тиштр-яшт, VI. 20-22] (перевод И.М. Стеблин-Каменского).

После первой неудачи Тиштрия побеждает, и люди получают небесные воды [см.: Тиштр-яшт, VI. 20-34]. Примечательна категорическая разница облика сражающихся авестийских коней, изобличающая мировоззренческую дихотомию двух антагонистических образов.

Не к началу зороастрийского периода, а к ещё более ранней эпохе создания Ригведы возводит истоки такого состояния Ф.Б.Я. Кёйпер, полагавший, что уже: «ведийская (и в особенности, ригведийская) мифология основана главным образом на концепции космической дихотомии. Ведийские представления о вселенной группируются вокруг таких оппозиций, как небо-земля, день-ночь, боги-асуры… Поэтому… двойное членение вселенной старше, чем тройное» [Кёйпер, 1986а, с. 108].

М. Элиаде предлагает искать предысторию дихотомической составляющей авестийской теологии в «мифоритуальных системах, где присутствуют полярные противоположности, деления на две части, чередования и дуальности, антитетические пары и *coincidentia oppositorum*» (совпадения противоположностей – *И.К.*) [Элиаде, 2009, с. 382]. Такие системы, вероятно, восходят к эпохе, предшествовавшей разделению древних иранцев и индоариев: «Противостояние между Ахурамаздой и дэвами намечалось уже в индоиранский период, поскольку ведийская Индия тоже противопоставляла друг другу дева и асуров» [Элиаде, 2009, с. 390].

Близкая точка зрения высказана и Л.А. Лелековым, поддерживающим мнение У. Бьянки о том, что «оппозицию двух духов в Ясне 30. 3-6 нельзя брать за отправную точку развития всей идеологии зороастризма, потому что она очень уж отчётлива и симметрична, будучи радикальной систематизацией какой-то более ранней схемы» [Лелеков, 1992, с. 73].

Как уже отмечалось, ведийский способ обозначения Неба-и-Земли – «две половины вселенной» представляет их как «***две распростёртые смыкающиеся чаши, составляющие сферическую вселенную***» [Елизаренкова, 1999, с. 477]. Возможно, ***эта метафора восходит к архаичному представлению об устройстве мироздания, запечатлённому в символике геометрической орнаментации ряда андроновских сосудов с композицией моносюжет-дубликат.***

На андроновской посуде представлены орнаментальные серии, буквально пронизанные идеей бинарности, проявляющейся в различных выразительных формах. Это и сосуды с композицией моносюжет-дубликат, сопротивопоставляющей две идентично орнаментированные

зоны, и отдельные элементы, связанные в бордюр как, например, противопоставленные цепочки треугольников, симметричные изгибы меандров, а также позитив-негативные инверсии декора и т.п.

Наиболее явственно этот принцип орнаментальных построений проявляется в композициях моносюжет-дубликат, состоящих из двух зон, заполненных идентичными мотивами. Удельный вес таких сосудов невелик и насчитывает около ***118 экземпляров, или 6%*** от генеральной совокупности. При этом безусловное первенство среди инвариантных комбинаций с подобным типом композиционного решения остаётся за ***зигзагом в композиции моносюжет-дубликат*** (**З–2**) – ***49 экземпляров*** (табл. 85-88). К ним следует добавить инвариантную комбинацию **З–6** в композиции ложноклассический моносюжет – ***25 экземпляров*** (табл. 109-110), где формально присутствует третья зона венчика, но сам орнаментальный рисунок напоминает схему из идентичных мотивов в двух зонах. Итого: ***74 сосуда, или 3,75%***. Ещё ***20 подобных сосудов*** орнаментированы двумя зонами каннелюр (**К–2**) (табл. 155-156, кроме: табл. 155, *14*). «Ёлочка», разделённая на две зоны (Ё–2), запечатлена на 7 сосудах (табл. 133), а напоминающий такое построение «ёлочный» ложноклассический моносюжет (Ё–9) – ещё на 8 экземплярах (табл. 149). Линейный меандр замкнутого типа в композиции моносюжет-дубликат (М–2) представлен 5 сосудами (табл. 27). По два сосуда, в двухзональной композиции с идентичными мотивами в каждой из зон, представлены инвариантными комбинациями с горизонтальными треугольными построениями диагонально-сомкнутого типа (Т–12) (табл. 57) и треугольниками «пирамидального» типа (Т–60) (табл. 60, *2*, *3*).

Таким образом, статистически значимой представляется только серия сосудов, орнаментированных двухзональным зигзагом. Это не случайно, т.к. именно зигзаговые построения, включая двухзональные композиции, ощутимо представлены на аркаимо-синташтинской посуде. По-видимому, к этому источнику и восходят андроновские орнаментальные построения с двухзональным зигзагом. Думается, вероятность смыслового содержания подобных композиций присуща лишь сосудам, орнаментированным ***зигзагом в композиции моносюжет-дубликат***. К числу таких орнаментальных схем, по-видимому, следует относить и зигзаговые построения в композиции ложноклассический моносюжет с идентичными зигзаговыми мотивами в двух соседних зонах.

Какие образы, смысловой ряд или событийный контекст могли означать зигзаговые орнаментальные символы, изображённые на двухзональных андроновских сосудах?

В ряде древних индоевропейских диалектов числительное «два» связано с обозначением сомнения и страха. Так, производное от «два» – **dw(e)y-(o)t-* «страх» восходит к предыстории авестийского языка, связанной и с ведийским языком, а семантическое развитие подобных значений относится к раннему периоду истории индоевропейской семьи [Иванов, 2004, с. 101-111]. Поэтому не исключена связь между числительным «два» и вызывающим страх разрубленным надвое змееподобным противником верховного божества. В Шатапатха-Брахмане побеждённый Вритра просит Индру: «Не поражай меня ваджрой! Ведь теперь ты то, чем (был) я. Только рассеки меня – я не должен пропасть!... Рассёк он его ***надвое***» [Шатапатха-Брахмана, I. 6. 3. 17]. Подобно разрубленному ***надвое*** Вритре Мардук также расчленяет ***надвое*** побеждённую им змее- / драконоподобную Тиамат [Мелетинский, 1971, с. 83; Гринцер, 1974, с. 225; Элиаде, 1998, с. 145; Емельянов, 2003, с. 131-132][16].

[16] Членение жертвы на две части представляется архаичным и архетипическим мотивом, сохранившимся у индоевропейских и некоторых семитских народов. В римском ритуале Equus October противопоставлялись хвост и голова жертвенного коня, а для совершавшегося при походе хеттского ритуала характерно деление жертвы (включая человеческую) пополам: потерпевшая поражение армия проходила в ворота из боярышника между двумя половинами жертвы (человека, козла, щенка, поросёнка) и между двумя огнями. К архаичному «двучленному» обычаю в эпоху Цезаря регрессировал и римский ритуал, когда жертвенная лошадь заменялась двумя солдатами-бунтовщиками [Иванов, 1974, с. 103-104; Ардзинба, 1982, с. 67].

В Ветхом Завете Авраам также разделяет жертвенных животных на две части [Ветхий Завет. Бытие. Глава 15. 9, 10] [Ковтун, 2013в, с. 157]. Комментируя это в новом переводе Ветхого Завета, М.Г. Селезнёв отмечает: «Господь и Аврам заключают договор согласно принятому на древнем Ближнем Востоке ритуалу: чтобы скрепить свои обязательства, договаривающиеся проходят между половинами разрубленных надвое животных. Разрубленное животное символизирует участь того, кто нарушит договор. (Ср. Иер 34:18 – «А тех людей, что нарушили договор со Мной – не выполнили обязательств договора, который заключили предо Мной, – Я сделаю подобными тельцу, которого они рассекли надвое и прошли между его частями».) Само выражение “заключать договор” буквально переводится с еврейского как “разрубать договор”» [Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского. Книга

Этим вавилонско-индоарийским схождением объясняется приобретение Индрой отдельных черт змееборца-Мардука [Чаттерджи, 1977, с. 77]. Г. Чайлд же полагал, что «общий для индоевропейских народов драконоборческий миф – Индра и Ахи в Ригведе или же Атар и Ази в Авесте – по всей вероятности, изначально появился в Месопотамии» [Чайлд, 2009, с. 46].

В индоарийском космогоническом мифе акт Творения уподобляется расчленению змееподобного Вритры, из частей которого Индра создаёт луну и чрево для демонов (преисподнюю?) [Гринцер, 1974, с. 226] или чрево людей [Элиаде, 1998, с. 145-146][17]. Соответственно, Творение мироздания синонимично жертвоприношению разрубленного надвое Вритры при помощи выпитого Индрой для обретения силы жертвенного сомы [Овсянико-Куликовский, 1962, с. 152]. Симптоматично, что акту Творения сопутствуют именно две жертвы: сома и Вритра.

В свою очередь, соотнесение глиняного сосуда, воды и глины для лепки, а равно частей горшка с образом мироздания, его сферами и частями также фигурирует в различных ведийских источниках [см.: Кузьмина, 1986, с. 177; Кузьмина, 1994, с. 134-135]. Поэтому ***абстрактные серпентоморфные зигзаги в композиции моносюжет-дубликат могли означать архаичную идею космогонической жертвы – расчленения Змея / Дракона и создания из его частей мироздания, уподобляемого орнаментированному двухзональному сосуду*** (рис. 7).

Смысловое значение подобных орнаментальных композиций соответствует структуре фольклорных произведений с рекурсивным, т.е. бесконечно или многократно повторяющимся текстом или его фрагментом. Редупликация орнаментальных зигзагов в разных зонах, выступающих в качестве своеобразных «морфем», удостоверяет ритуальную подоплёку сюжета, отражающего ситуацию повтора цикла и воспроизводимого удвоением / разделением единственной составляющей. Приуроченность убийства и расчленения Змея / Дракона к кануну Нового года связывает рекурсивную структуру андроновской двухзональной композиции с повторяющимися зигзагами с мифокалендарностью годового цикла, возобновление которого и олицетворяется победой змее- / драконоборца Триты, Индры, Веретрагны и т.д. над своим противником.

Истоки данного композиционного построения, вероятно, восходят к изложенному протосюжету змее- / драконоборческого основного мифа [Иванов, Топоров, 1974, с. 164; и др.]. Более древнее, но, по-видимому, не самое раннее отражение данной мифологемы усматривается в орнаментальных композициях аркаимо-синташтинского массива, типологически аналогичных описанным андроновским [см. напр.: Ткачёв, Хаванский, 2006, с. 130, рис. 26, 12, 18; с. 131, рис. 27, 8, 14; с. 137, рис. 33, 3, 4, 7; с. 140, рис. 36, 3, 5, 11, 16; с. 141, рис. 37, 1, 3, 9, 10; , с. 143, рис. 39, 2, 8, 10; с. 145, рис. 41, 2, 4, 12; с. 150, рис. 46, 4; с. 151, рис. 47, 15; с. 152, рис. 48, 9; с. 154, 50, 4, 6; с. 156, рис. 52, 9; с. 157, рис. 53, 8; с. 171, рис. 67, 1; и др.]

Подобно убийству Вритры, жертвоприношение сомы на земле рассматривается как ритуальное повторение акта Творения. Разделённые Индрой при сотворении мироздания Небо и Земля, подобно раздвоению жертвы, уподобляются двум чашам для сомы [Елизаренкова, 1999а, с. 334; см. также: Елизаренкова, 1999, с. 460]. Две чаши сомы выпивает и новорождённый Индра:

В доме Тваштара Индра напился сомы,
Сто́ящего сотни, выжатого в два сосуда.
[Ригведа, IV. 18. 3].

Количественное совпадение частей разрубленного Вритры с двумя уподобляемыми Небу и Земле чашами с жертвенным сомой и с двумя сосудами с сомой, выпитыми новорождённым Индрой, представляется отголоском архаичного космогонического сюжета с «раздвоенной» – «двойной» жертвой. Такая «двойная» жертва соответствует первоначальному двучленному состоянию ведийской вселенной, что выражается на языковом уровне – «Земля и Небо», «обе половины (мира)» [Огибенин, 1968, с. 13] или «две половины вселенной» [Елизаренкова, 1999, с. 477], преодолённого космогоническим актом Индры, раздвинувшего Небо и Землю [Ковтун, 2013в, с. 158].

Бытия, 1999, с. 44]. Это позволяет предполагать восхождение истоков самой идеи бинарного членения жертвы к ностратическому периоду (?).

[17] Идея Творения посредством преобразования = умерщвления серпентоморфного или рептильного персонажа – Змея, червя и т.п. связывает индоарийский космогонический миф с космогонией, сохранившейся у ряда угорских, самодийских и тунгусо-манчжурских народов [см. по: Ковтун, 2013в, с. 110].

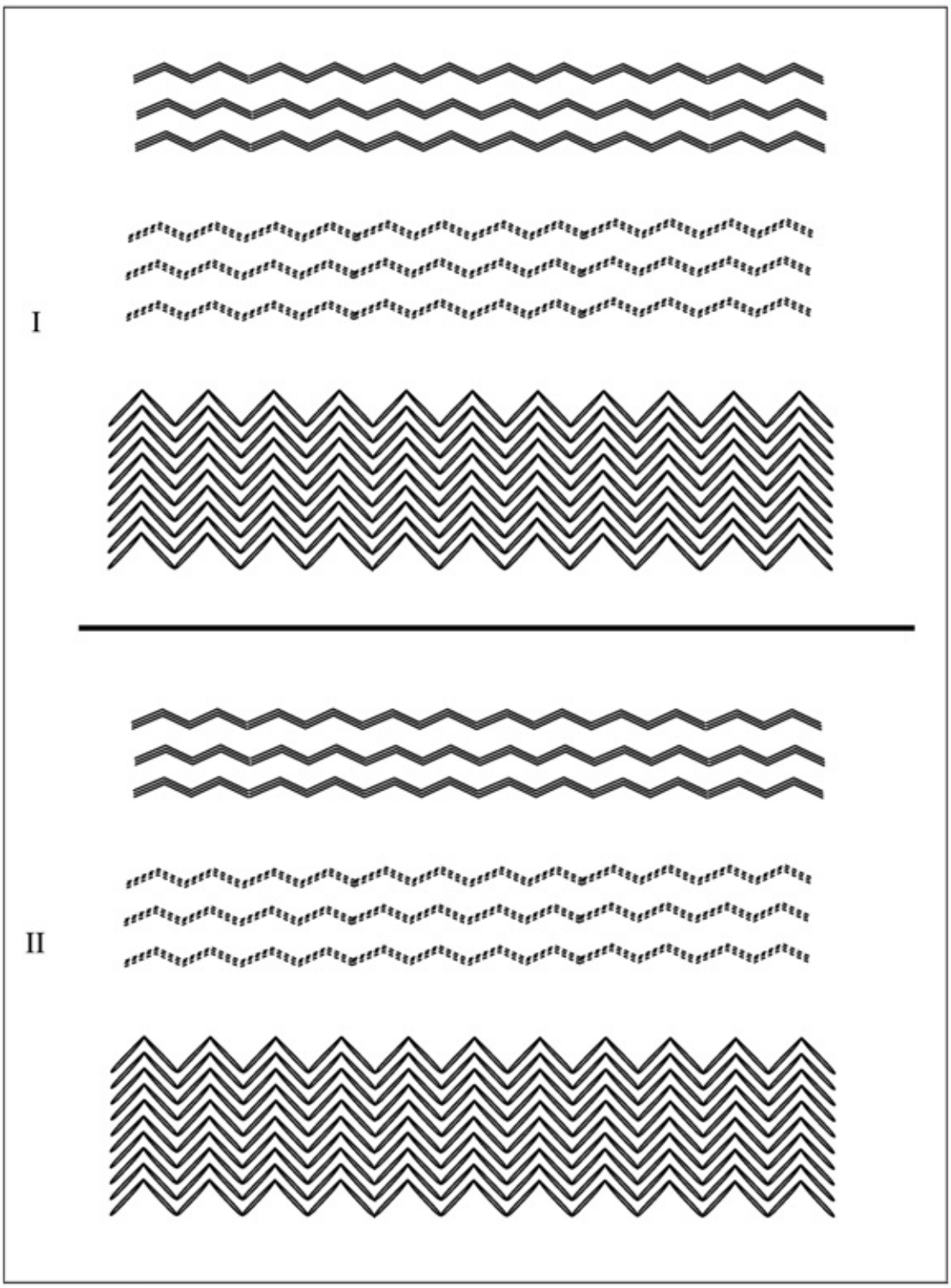


Рисунок 7. Схема построения орнаментальных вариаций, символизирующих бинарность мироздания (расчленение змея / дракона).

Вероятно, подобный архаичный сюжет и послужил праобразом первичной «картины мира», изображённой на андроновских двухзональных сосудах с зигзагами. Здесь запечатлён момент, наступивший после «расчленения Змея» – принесения космогонической жертвы, но до преодоления бинарного состояния и возникновения третьей промежуточной сферы мироздания. Это финал старого и преддверие грядущего изменения вселенной – ***канун возникновения нового мироздания, олицетворяющий рождение этиологически Первого, а мифокалендарно – Нового года.***

Дихотомия космогонических представлений о жизни и смерти предельно отчётливо отразилась и в собственно андроновском погребальном ритуале, при ориентировке умерших ***головой на юго-запад. Так олицетворялся закат солнца строго на юго-западе в момент зимнего солнцестояния, диаметрально противоположный его восходу на северо-востоке во время солнцестояния летнего.*** Обращением умершего на юго-запад олицетворялось смещение точки заката «угасающего» солнца в *юго-западном* направлении, к нарастающей продолжительности тёмного времени суток и к зимнему холоду. Тогда как восход солнца на северо-востоке символизировал тепло, возрастающий дневной свет и лето. Такова сущностная природа мифологического мировосприятия: «такие циклы, как сутки, год, циклическая цепь умираний и рождений человека или бога, рассматриваются как взаимно гомеоморфные. Поэтому, хотя ночь, зима, смерть не похожи друг на друга в некоторых отношениях, их сближение не представляет собой метафоры, как это воспринимает современное сознание. Они – одно и то же (вернее трансформации одного и того же). Упоминаемые на разных уровнях циклического мифологического устройства персонажи и предметы суть различные собственные имена одного» [Лотман, 2000, с. 277].

Ориентировка погребённых соотносилась андроновцами с *юго-западным* закатом в наиболее длительное в году тёмное, ночное время суток, противоположное северо-восточному восходу солнца в самый продолжительный световой день в году. Поэтому летним солнцестоянием олицетворяется максимум «света» и «тепла», т.е. «жизни», совпадающих с северо-восточной точкой восхода солнца, а представлениям о *юго-западном* закате солнца в день зимнего солнцестояния, когда продолжительность светового дня минимально возможная, а длительность ночи максимальна, придавались диаметрально противоположные коннотации. Эти особенности суток зимнего солнцеворота уподобляли его возобладавшим «ночи», «тьме» и «холоду» как семантическим субститутам «смерти». Диаметральность северо-востока и *юго-запада*, расположенных на одной горизонтальной оси, также адекватна полярности смысловых значений её крайних точек: «день» – «ночь», «свет» – «тьма», «тепло» – «холод», «лето» – «зима», «жизнь» – «смерть» и т.д. Возможно, это обусловило возникновение представлений о северовосточном месторасположении Верхнего мира и противоположной ему локализации Нижнего мира – «страны мёртвых», помещавшейся на *юго-западе*.

Вероятно, истоки подобной мифокалендарной и пространственной символизации восходят к *юго-западной* ориентировке коней, имитирующих парную упряжку, «везущую» умершего в потустороннюю обитель. На *юго-запад* обращены жертвенные кони в раннеандроновских (нуртайских) могильниках Нуртай и Ащису [см. по: Ткачёв, 2002, с. 162, 164; Кукушкин, 2010, с. 71-72; а также: с. 73-74], а также жертвенная конная пара из синташтинско-петровского погребения в могильнике Бестамак [Logvin Ševnina, 2013, s. 233, Abb. 5]. В переходном от аркаимо-синташтинского к петровскому могильнике Каменный Амбар-5, в могиле 15 за спиной погребённого размещались шкуры (?) двух лошадей, представленных четырьмя конечностями и двумя черепами, лежащими на нижней челюсти и также, обращёнными мордами на *юго-юго-запад*. Примечательно, что в этом захоронении у ЗЮЗ угла обнаружен ещё и деревянный вертикальный столб [Костюков, Епимахов, Нелин, 1995, с. 168-169], параллели которому известны, главным образом, в фёдоровских (или в фёдоровско-черкаскульских) и в собственно андроновских захоронениях восточной части ареала[18].

[18] Такие статуарные сооружения обнаружены в могильниках Синеглазово, Сухомесовский, Фёдоровский, Мало-Кизильский, Урефты I, Боровое, Кытмановский, Танай I, Титово II, Васьково V, Юрман I, Урский, Орак, Каменка II, Ланин Лог. Вероятно, схожие столбы зафиксированы и в алакульских могильниках Куропаткино II, Семипалатное и Чистолебяжский [Ковтун, 1994, с. 126-127; Ковтун, Горяев, 2001, с. 54]. В одном из захоронений ирменского могильника Титово VII также зафиксирован деревянный столб у западной стенки погребальной камеры [Бобров, Мыльникова, Мыльников, 2004, с. 7].

Традиция установки подобных сооружений известна и в более раннее время, например, в елунинских

Пожалуй, единственное обособленное захоронение жертвенного (?) коня известно в собственно андроновском могильнике Васьково V, в погребениях обоих курганов которого находились столбовые конструкции [Бобров, Михайлов, 1989, с. 27-29]. Конское захоронение было совершено в кургане 2, к северо-западу от единственной могилы этого комплекса [Бобров, 2014, с. 272]. Кроме того, в *юго-западном* секторе кургана 1 Васьково V обнаружены две ямы, заполненные костями лошади, и положенный на поверхность конский череп. Авторы исследования предположительно связывают эти находки с впускными ирменскими захоронениями [Бобров, Михайлов, 1989, с. 27, рис. 29]. Но однозначных доводов, исключающих возможную связь конского жертвоприношения не с ирменским, а с андроновским комплексом, по-видимому, нет.

Аналогичная *юго-западная* ориентировка не коня, а только конского черепа зафиксирована также и в возможно собственно андроновском погребально-поминальном комплексе кургана 25 могильника Заречное I на северо-западной оконечности Кузнецкой котловины [Мыльникова, Дураков, Кобелева, 2010, с. 103, 114]. Находки конского черепа в собственно андроновском захоронении исключительно редки. Но авторы настаивают на андроновской принадлежности этого и иных жертвоприношений, включая череп медведя.

Аналогичный, но уже, безусловно, андроновский (нуринский) случай захоронения на стыке двух оград ориентированного на *юго-запад* конского черепа с сосудом зафиксирован в северо-казахстанском могильнике Шондыкорасы II [Сакенов, 2013, с. 40, 43, рис. 6][19].

Постандроновское воплощение *юго-западной* ориентировки погребённых вообще, и конских черепов в частности, прослеживается уже в близко расположенных ирменских захоронениях северо-западной оконечности Кузнецкой котловины. Так, в «конском погребении» 7 ирменской части этого же могильника Заречное I под кладкой из сланцевых плит в северо-западной части на материке лежал конский череп, обращённый на *юго-запад*, а по бокам – длинные кости ног [Зах, 1997, с. 80]. В расположенном в непосредственной близости ирменском могильнике Журавлёво IV под насыпью кургана 10 в неглубокой яме находились девять конских черепов, ориентированных на *юго-запад* (пять черепов) и *северо-восток* (четыре черепа) [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 37]. Как уже отмечалось, так олицетворялся восход солнца на северо-востоке во время летнего солнцестояния и его закат на *юго-западе* в момент зимнего солнцеворота. Количество же конских черепов, по моему мнению, символизирует число месяцев, на которые приходится заметное смещение точек восхода и заката солнца к северо-востоку и *юго-западу* соответственно.

В кургане 14 ещё одного близко расположенного ирменского могильника Танай VII обнаружили материковую яму № 14, содержавшую пятьдесят два конских черепа с проломленными

могильниках Телеутский Взвоз-I и Староалейка-II, причём в первом случае столб стоял у западной стенки, ближе к юго-западному углу. Здесь же найден орнаментированный шест [Кирюшин, 1987, с. 105; Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2000а, с. 300, 302]. Четыре деревянных столба по углам и один в центре погребальной камеры выявлены в синташтинско-петровском комплексе кургана 24 Большекараганского могильника [Боталов, Григорьев, Зданович, 1996, с. 80]. Небезынтересно упоминание о нахождение в большинстве захоронений Синташтинского большого грунтового могильника одной или трёх ямок «с остатками вкопанных в них столбов, поддерживавших продольную балку или доску, на которую укладывались поперечные доски перекрытия» [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 379]. Также функциональные столбы обнаружены и в синташтинских погребениях могильников Танаберген II и Жаман-Каргала I [Ткачёв, 2007, с. 97].

Вероятно, прообраз собственно андроновских погребальных деревянных столбов зафиксирован в жертвенно-ритуальном кургане 3 Лисаковского I. Здесь в юго-западном углу ямы был обнаружен обожжённый деревянный столб «корнями вверх» с заострённым концом и тремя резными желобами, а также череп барана, долгое время находившийся на воздухе (!), берцовая кость лошади, зубы и кости МРС [Усманова, 2005, с. 38-40, фото 39-44; с. 107-111]. Радиоуглеродная дата этого статуарного сооружения определена в диапазоне (четыре даты) 2050-1660 гг. до н.э., а суммарно по четырём датам установлен календарный возраст – 1780 г. до н.э. [Панюшкина, 2013, с. 204].

[19] Ещё один подобный случай известен в андроновском могильнике Сухое озеро I хронологически и территориально смыкающемся с карасукскими древностями, где в необычном разрисованном квадратами каменном ящике (мог., кур. 462) с двумя погребёнными также найден фрагмент конского черепа [Максименков, 1978, с. 30]. Но детальный анализ этого и ещё одного подобного захоронения (мог., кур. 20) могильника обнаруживает присущий им карасукоидный субстрат [Бобров, Ковтун, 2000, с. 231-236]. Небезынтересно и обособленное жертвоприношение, включавшее фрагменты десяти конских особей, а также кости (т.е. части туш) крупного и мелкого рогатого скота из андроновского могильника Корболиха I в предгорьях Алтая [Могильников, 1998, с. 30].

лобными костями, а также длинные кости ещё двух лошадей [Бобров, Горяев, 1998, с. 183][20]. Яма с конскими черепами из Таная VII, подобно ориентации конских голов из Журавлёво IV, вытянута по линии *северо-восток – юго-запад*. Кроме того, в могиле 5 кургана 12 Таная VII зафиксированы останки умершего и трупосожжение коня, также ориентированные по длинной оси с *северо-востока* на *юго-запад* [Бобров, Горяев, 1998, с. 184].

Примечательно, что жертвенный конь в ашвамедхе движется на *северо-восток*, т.е. в направлении диаметрально противоположном неблагоприятному *юго-западному*: «Затем они отпускают его (коня. – *И.К.*) к *северо-востоку* для этого, а именно, на *северо-восток* – это область, как богов, так и человека» [Satapatha-Brahmana, XIII. 4. 2. 15].

5.2. ТРОИЧНОСТЬ КОМПОЗИЦИИ И МИФА О ЙИМЕ

Достоверно установлена взаимообусловленность между наличием (или отсутствием) треугольных элементов на венчике андроновского сосуда и количеством его орнаментальных зон. Удельный вес сосудов с треугольниками по венчику составляет около ***771 из 1974 учтённых экземпляров или 39,05%***. Д. Кларк предлагает считать критерием типа внутреннюю однородность популяции, выраженную корреляцией признаков в группе предметов на уровне 30-60% [Фёдоров-Давыдов, 1970, с. 261; Клейн, 1991, с. 61]. Поэтому сочетание трёхзональности орнаментального поля с треугольниками по венчику сосуда представляется статистически обоснованной типологической комбинацией – одним из типов андроновской орнаментации.

Зависимость структуры орнаментальной композиции от наличия либо отсутствия доминантного орнаментального элемента – треугольника – представляется обоюдной. Широкий перечень и разнообразная комбинаторика элементов таких построений удостоверяют содержательные отличия их смысловых значений. Но сочетанием трёхзональности с треугольниками на венчике сосуда олицетворялась связующая такие орнаментальные композиции единая фабула различных сюжетных линий.

Итак, трёхзональность андроновских композиций соотносится с мотивом на венчике сосуда и представляется одним из ключевых принципов структурирования орнаментального «повествования». Сочетание трёхзональной структуры орнаментального поля с треугольниками по венчику отличает два типа андроновских композиций. В композиции классический моносюжет присутствует трёхзональность орнаментального поля, венчик украшен цепочкой треугольников, а две другие зоны – любыми одинаковыми элементами (табл. 19). Аналогичная трёхзональная разбивка орнаментального поля, цепочка треугольников по венчику, но уже неодинаковые сюжеты в двух последующих зонах отличают композицию классический полисюжет (табл. 21; 22).

При этом зафиксированы построения с треугольниками по венчику, но без трёхзональной разбивки орнаментального поля, либо трёхзональные, но без треугольников по венчику. В композиции моносюжет-доминант венчик орнаментирован цепочкой треугольников, но прочее орнаментальное поле, не структурированное на три зоны, украшено каким-то одним мотивом – ***всего 75 или 3,8% сосудов*** (табл. 17). Вторая и третья зоны в композиции ложноклассический моносюжет также орнаментированы одинаковыми элементами, но в зоне венчика нет цепочки треугольников, замещённой иным орнаментальным мотивом – ***всего 46 или 2,3% сосудов*** (табл. 20). В композиции **неоклассический** полисюжет сохраняется трёхзональность, но мотив цепочки треугольников по венчику утрачен и вытеснен иными элементами, а две последующие зоны заполнены неодинаковыми сюжетами – ***всего 199 или 10% сосудов*** (табл. 25). Примечательно, что 35 таких экземпляров представлены каннелюрно-зигзаговыми (КЗ) построениями (табл. 253-256), а 102 сосуда орнаментированы каннелюрно-«ёлочными» (КЁ) композициями (табл. 266-280). В совокупности это ***137 или 6,94% сосудов*** в общем удельном весе учтённых экземпляров. Во многом благодаря этим инвариантным комбинациям рассматриваемое композиционное оформление и получило наименование неоклассического полисюжета. Занимая

[20] По своим масштабам конская гетакомба Таная VII сопоставима с жертвоприношениями коней из Аржана, а применительно к отдельным погребальным камерам последнего количественно превосходит число жертвенных животных в каждой из них [см. по: Грязнов, 1980, с. 26, 29, 32, 36, и др.]. Учитывая популярную интерпретацию аржанских жертвоприношений как дара вассалов «царя», статус ирменской могилы, сопровождавшейся массовым захоронением жертвенных коней, также обладает таким характерным признаком «царского» погребения.

в основном восточную зону культурного ареала, сосуды с подобной орнаментацией «вытесняют» композицию классический полисюжет и, вероятно, замещают их содержательно.

Таким образом, сочетание треугольников по венчику с трёхзональностью образует тип, а трёхзональность без орнаментации венчика треугольниками типа не образует. Типообразующим инвариантным комбинациям присущи соотносимые смысловые значения, а в композициях ложноклассический моносюжет и неоклассический полисюжет предполагаемая содержательная составляющая редуцирована и производна от сопоставимых образцов с треугольниками по венчику.

Местоположение и повторяемость цепочки треугольников по венчику изобличает уникальность смыслового значения этого мотива. При любых содержательных вариациях трёхзональных композиций верхняя зона, заполненная треугольными элементами, оставалась семантически неизменной. Ключевое значение данного мотива, обрамляющего приустьевую часть сосуда, соотносится с солярной символикой, чему имеется несколько подтверждений (см. ниже).

При сочетании треугольников по венчику с трёхзональностью орнаментальной композиции наличие одного признака неизбежно влечёт появление другого и наоборот. Инвариантность данного сочетания удостоверяет, что троичностью орнаментального поля, увенчанного цепочкой треугольников, означалось смысловое содержание композиций со структурно схожей фабулой сюжета. Возможно, к смысловым основам трёхзональности андроновских орнаментальных композиций восходит и сакральность тернарных социальных и идеологических систем многих индоиранских народов [см. напр.: Хазанов, 1975, с. 43, 44].

В ведийской традиции, генетически связанной с прото- / древнеиранской, число «три» сакрально, что обусловлено фундаментальным индоарийским представлением о «трёхчленной вселенной, в которой небо и земля оказались разделёнными промежуточным звеном, опорой удерживающей этот мир в равновесии» [Елизаренкова, 1999, с. 475, а также: с. 476, и др.]. С троичностью индоарийской Вселенной непосредственно связана и троичность жертвы. Жертвоприношениями погребального ритуала олицетворялось преодоление смерти, соотносимой с Нижним – третьим миром, и воссоздание тройного состава Вселенной [Топоров, 2004, с. 281, 284].

Таким образом, трёхчастностью ведийского мироздания и его структурными авестийскими параллелями удостоверяются истоки тернарной доктрины древних иранцев и индоариев, восходящей к эпохе индоиранской общности. Подобные представления структурно синонимичны трёхзональности орнаментальных композиций на андроновских сосудах. Орнаментальные сюжеты выполняли функцию ключевого носителя мифоритуальной информации и обеспечивали литургическое сопровождение новогодних празднеств, а также отправление андроновского обряда погребения.

Трёхзональность андроновских композиций с треугольниками по венчику сопоставима со структурой прото- / древнеиранских ойкуменических представлений об изначальных мифокалендарных циклах, зафиксированных в повествовании о Йиме из второго фрагарда Видевдата. При этом пространственно-временное содержание таких орнаментальных построений включает ряд смежных смысловых значений, связанных общей семантической доктриной ***архаичного структурообразующего мифа***. Соотнесение этого мифа с андроновскими трёхзональными орнаментальными схемами, украшенными треугольниками по венчику сосуда, удостоверяется идентичностью структурной организации мифологического повествования. В мифе фигурирует ***синонимичная андроновской трёхзональности троичность пространственной составляющей и сопутствующая трём временным циклам солярная константа, сопоставимая с треугольниками на самой верхней зоне андроновских сосудов, олицетворявших Солнце в зените и связанное с ним божество.***

Включённый в Авесту архаичный дозороастрийский миф о царе «золотого века» Йиме, образ которого соотносится с ведийским Ямой и восходит к индоиранскому единству [Эрман, 1980, с. 94; Елизаренкова, 1989, с. 439; Авеста в русских переводах (1861-1996), 1998, с. 75; Ковтун, 2013в, с. 50, 190-191, 197 и др.], сохраняет сакральную ***троичность*** деяний Йимы по созиданию взращённого им мира и созданного им убежища – Вары: «Йима был центральным персонажем языческой мифологии древнего Ирана, культурным героем раннеиранских сказаний, и в этом качестве очень мешал Зороастру, новоявленному претенденту на ту же роль, почему пророк лично предал Йиму проклятию … Это нисколько не помешало … изобразить Зороастра преемником и эпигоном того же Йимы, а сочинителям второго фрагарда Видевдата

в его окончательной форме препоручить заботам Зороастра выстроенную Йимой квадратную Вару» [Лелеков, 1992, с. 240].

По велению Ахура-Мазды Йима ***трижды*** расширяет Землю [Стеблин-Каменский, 2009, с. 15], соответственно и структура изложения также сводится к ***троекратному*** повторению единообразной текстовой модели:

«8. И вот царству Йимы ***триста*** зим настало. И тогда эта земля наполнилась мелким и крупным скотом, людьми, собаками, птицами и красными горящими огнями. Не находилось места для мелкого и крупного скота и людей.

9. И тогда я оповестил Йиму:

“О Йима прекрасный, сын Вивахванта, наполнилась эта земля мелким и крупным скотом, людьми, собаками, птицами и красными горящими огнями. Не находят места мелкий и крупный скот и люди”.

10. ***Тогда Йима выступил к свету в полдень на пути Солнца.*** Он этой земле дунул в золотой рог и провёл по ней кнутом, говоря:

“Милая Спэнта-Армайти, расступись и растянись вширь, чтобы вместить мелкий и крупный скот и людей!”

11. Вот так Йима эту землю раздвинул на ***одну треть*** больше прежнего, и нашли себе здесь пристанища мелкий и крупный скот и люди по своему желанию и воле, как им хотелось».

[Видевдат, 2. 8-11] (перевод И.М. Стеблин-Каменского).

Это текстуальное клише повторяется ещё дважды, но «триста зим» замещаются на «шестьсот» и затем на «девятьсот», земля же при этом раздвигается на «две трети», а затем на «три трети» соответственно [Видевдат, 2. 12-19]. Первые 300 лет царства Йимы соответствуют одной трети раздвинутой, т.е. приращённой им земли, 600 лет – двум третям, а 900 лет – ***трём третям***. Такая последовательность передана возрастающим рядом кратных чисел: 3 – 6 – 9. Здесь исходная треть желаемого целого, дважды увеличиваясь на собственную величину, достигает значения данного целого или ***трёх его третей*** [Ковтун, 2013в, с. 47].

Сын солнечного божества Вивахванта Йима обладает чертами солярного героя [Лелеков, 1994, с. 599], и его акты «соТворения» – досозидания мира совершаются исключительно «в полдень» при нахождении Солнца в зените: «***Тогда Йима выступил к свету в полдень на пути Солнца***». ***Эта словесная формула сопровождает все три цикла расширения Йимой земного мироздания и соответствует солярной константе, означаемой треугольниками верхней зоны андроновских сосудов, олицетворявших максимальную высоту Солнца на эклиптике.***

Таким образом, трёхзональность андроновского декора соотносится с ***тремя третями трижды расширявшегося земного царства Йимы, а сопутствующие трём орнаментальным зонам треугольники на венчике сосудов – с неизменным положением Солнца в зените при каждом приращении царём «золотого века» своей земли.***

Числовые значения, используемые при описании конструкций и элементов построенной Йимой чудесной Вары, зеркально отображают ***три фазы*** расширения жизненного пространства. ***Три округа*** Вары и количество сделанных в них проходов идентичны числовой символизации деяния Йимы по приумножению-взращиванию мира:

«38. В переднем округе [Вара] он сделал ***девять*** проходов, в среднем – ***шесть***, во внутреннем – ***три***».

[Видевдат, 2. 38] (перевод И.М. Стеблин-Каменского).

Повторяющийся в обратном порядке аналогичный упоминавшемуся ряд чисел, 9 – 6 – 3 кратных годам царства Йимы, а также трём округам Вары, в конечном итоге также сводится к троичной символизации.

В основе второго фрагарда Видевдата лежит архаичный мифокалендарный прототекст, позднее искажённый зороастрийской редакцией памятника [Ковтун, 2013в, с. 49], но восходящий к древнеиранскому состоянию и эпохе аркаимо-синташтинского ранне- / прендроновского комплекса. Поэтому прото- / древнеиранские мифокалендарные представления о приумножения Йимой мира представляются одной из вариаций структурообразующего мифа, позднее отразившегося в инвариантном сочетании трёхзональности с треугольниками на венчиках андроновских сосудов.

Истоки архаичного структурообразующего мифа, констатирующего ***троичность мироздания,*** восходят к индоиранскому состоянию, а его позднейшие проявления охватывают не

только прото- / древнеиранский массив, но и взаимодействовавших с ним индоариев. Так, Варуна (иногда с Митрой) уже в «фамильных мандалах» (с II по VII), т.е. в древнейшей части Ригведы [Елизаренкова, 1987, с. 10-11; Елизаренкова, 1989, с. 474], олицетворяет устойчивость ***троичного*** мироздания:

Я сделал набухшими текучие воды,
Я поддержал небо в сидении закона.
По закону сын Адити, хранитель закона,
Трояко распластал небо и землю.
[Ригведа, IV. 42. 4].

Три светлых пространства, о Варуна, а также *три* неба,
Вы поддерживаете, о Митра, *три* (воздушных) пространства…
[Ригведа, V. 69. 1].

Три неба покоятся в нём,
Три земли, находящиеся ниже, образующие шестёрки.
Искусный царь Варуна сотворил себе на небе
Эти золотые качели для блеска.
[Ригведа, VII. 87. 5].

У кого двое светлых глядящих далеко
Живут над *тремя* землями
(И) заполнили *три* высших (пространства) –
Прочно сидение Варуны,
Он правит семью потоками.
[Ригведа, VIII. 41. 9].

Связь Варуны с *троичностью мироустройства* выражается и через жертвенного коня, олицетворяющего мироздание и уподобляющегося Варуне:

Три у тебя, говорят, на небе привязи,
Три в водах, *три* в океане.
А ещё кажешься ты мне подобным Варуне, о скакун,
(Там,) где, говорят, твоё высшее место рожденья.
[Ригведа, I. 163. 4].

Атхарваведа также удостоверяет принадлежность Варуне *трёх* стихийных начал мироздания: Земли, Неба и Вод:

И эта земля (принадлежит) царю Варуне,
И то небо высокое с далёкими краями.
И два океана – две стороны живота Варуны,
И в этой малой капле воды он сокрыт.
[Атхарваведа (Шаунака), IV. 16. 3].

Ойкуменические представления о числе «три» в ведийской = индоарийской мифологии связаны с космогоническим актом Индры – разъединением Неба и Земли, созданием промежуточной сферы между ними [Елизаренкова, 1999, с. 477]: «Своей силой он разводит эти два мира, Небо и Землю, и позволяет Солнцу воссиять» [Элиаде, 2009, с. 257]. В переводе Т.Я. Елизаренковой этот фрагмент звучит несколько иначе, но суть его неизменна:

Индра (своим) величием распространил две половины
вселенной – (своей) силой.
Индра заставил светить солнце.
[Ригведа, VIII. 3. 6].

Б.Л. Огибенин приводит другой пример: «[Индра] укрепил Небо и Землю, породил солнце и утреннюю зарю, ловкий мастер» [Ригведа, III. 32. 8. Перевод Б.Л. Огибенина; Огибенин, 1968, с. 23].

Как уже отмечалось, для ведийской мифологической традиции характерно троичное деление вселенной – земля, воздушное пространство, небо или небесный свод, достигнутое преодолением первоначальной дихотомии двучленного состояния мироздания: «Земля и Небо», «обе половины (мира)» или «две половины вселенной» [Огибенин, 1968, с. 13; Кёйпер, 1986а, с. 108; Елизаренкова, 1999, с. 477].

Рождению третьей сферы мироздания сопутствует возникновение Солнца. Это ключевой сюжетный эпизод и апофеоз деяния верховного божества. Он обнаруживает

буквальное соответствие структуре трёхзональной андроновской орнаментальной схемы. Три зоны андроновских композиций олицетворяют три сферы мироздания, озаряемого солнечным светом, символизируемым треугольниками на венчике сосуда.

Восходящий на небо в момент акта творения Индры и совершающий свои три шага Вишну третьим шагом символизирует совокупность противоположных половин мира. Третий шаг Вишну особый, он не воспринимается человеческим глазом и непостижим, а местоположение самого божества связывается с вершинами гор или горы [Кёйпер, 1986а, с. 109, 111; Елизаренкова, 1999, с. 474, 476, 477]. Для соотнесения этих представлений с треугольниками по венчику сосуда, сочетающихся с трёхзональностью андроновской орнаментации, примечательно то, что в ведийской = индоарийской традиции «третья единица противопоставлялась первым двум как нечто высшее и более совершенное. Так, третье небо выделяется как обитель Ямы… Третий шаг Вишну – это тайна…» и т.д. [Елизаренкова, 1999, с. 476].

Таким образом, структура приведённых ведийских / индоарийских представлений сопоставима со структурной организацией орнамента трёхзональных андроновских сосудов с треугольниками по венчику.

По мнению Е.Е. Кузьминой, описание трёхчастного горшка в Шатапатха-брахмане (6, 5, 1-4) уподобляется троичности мироздания: «“Делает он укху столь большой, как эта Земля вначале была сделана”…“Ты Земля, дно укхи (и придонная часть. – *Е.К.*) – это земное жизненное пространство” (оно связано с божествами Васу), вторая лента сосуда – “это воздушное пространство” (оно связано с Рудрами), верхняя лента – “это небо” (оно связано с верховными божествами Адитьями)… Отождествление трёх поясов посуды с тремя сферами мироздания подчёркивается и в текстах Яджурведы (Майтраяни Самхита, 3, 1, 6-8; Катха-Чакха Самхита, 19, 5-7; Катха Самхита, 30, 3-5; Тайтирья Самхита, 5, 1, 6-7)» [Кузьмина, 1986, с. 177].

Совсем иначе выглядят позднейшие, собственно зороастрийские сакральные триады, вероятнее всего, не имеющие прямых истоков в индоиранской и дозороастрийской прото- / древнеиранской среде. «Мысль, слово, дело – основная триада зороастрийской этики. Собирать благие мысли, благие, добрые слова и добрые дела (и избегать злых мыслей слов и дел) – составляет смысл земной жизни верующих зороастрийцев» [Стеблин-Каменский, 2009а, с. 53]. Другая святая триада зороастризма – Ахура-Мазда, Истина и Благая Мысль [Стеблин-Каменский, 2009а, с. 59], к которым возносится молитва пророка в Гатах:

Скажи, как различить мне,
    по Истине, что лучше,
Познать с Благою Мыслью,
    что вправе я провидеть,
О Мазда, о Ахура,
    не будет что и будет.
[Йасна 31.5] (перевод И.М. Стеблин-Каменского).

5.3. ТРОИЧНОСТЬ КОМПОЗИЦИИ И МИФ О ТРИТЕ / ТРАЙТАОНЕ

Семантика орнаментальных построений на 771 учтённом андроновском сосуде с треугольниками по венчику не ограничивается ойкуменическим мотивом мифа о Йиме или функционально близком персонаже. Смысловая синонимичность различных элементов на этих сосудах (см.: 5.7. и др.) сводится к представительной серии орнаментальных композиций, символизирующих фабулу основного – змее- / драконоборческого мифа.

Индоиранские истоки данного мифологического сюжета связаны с фигурой Триты, предшествовавшего Индре в качестве ключевого персонажа различных вариаций этой версии основного мифа [Macdonell, 1897, p. 68-69; Эрман, 1980, с. 72; Елизаренкова, 1989, с. 495; см. также: Топоров, 2006а, с. 481-484, 491-492]. Напрямую в Ригведе ему не посвящено ни одного гимна. Но Трита Аптья упоминается 40 раз в 29 гимнах, хотя из гимна 105 мандалы I, как отмечал В.Н. Топоров, «нельзя с надёжностью установить характер отношений между риши Трита и Тритой Аптьей: претендовал ли “герой” гимна на родство с одноимённым божеством или же он был идентичен ему. Тем не менее соотнесённость обоих носителей этого имени несомненна и легко подтверждается характеристиками Триты Аптьи … указанных совпадений и соответствий между одноимёнными риши и божеством достаточно, чтобы в образе мифического

риши в колодце видеть продолжение и воплощение Триты Аптьи, одно из вечных возвращений персонажа с той же общей функцией соединения бездны и неба… Но эта функция в поколении и во время риши Триты реализуется совсем иначе, чем в "первоначальное" время Триты Аптьи, когда он расчленил демона Вритру по суставам… Для риши Триты, когда он оказался в кризисной ситуации, проблема спасения приобретает иной вид» [Топоров, 1977, с. 91, 92].

Сам образ архаичного культурного героя описывается обращениями к различным божествам ведийского гимна I. 105 «Ко Всем-Богам (Трита в колодце)» и реконструируется сопоставлением с традициями индоевропейского ареала [Macdonell, 1897, p. 68-69; Елизаренкова, 1989, с. 495]. Наличие же у Триты авестийской параллели – Трайтаоны [Топоров, 2006а, с. 479-504] и атрибуты главного героя – конь, колесница и оружие из бронзы, а следовательно определённый уровень развития металлургии, позволяют соотнести возникновение змее- / драконоборческой мифологемы у индоиранских народов с концом III – началом II тыс. до н.э. «...в областях, примыкавших к древним очагам распространения колёсных повозок и ранним центрам металлургии бронзы…» [Иванов, Топоров, 1974, с. 158, 163].

Следовательно, возникновение индоиранских змее- / драконоборческих представлений с героем, функционально подобным Трите, территориально связано с Северным Казахстаном, Южным Уралом и Волжско-Камским междуречьем [Ковтун, 2013в, с. 123], а этнолингвокультурно – с преимущественно ираноязычным аркаимо-синташтинским массивом.

Позднее вытесненный Индрой, но ещё упоминающийся в Ригведе, Трита остаётся причастным к расчленению Змея Вритры, что удостоверяет его древнее амплуа героя-змее- / драконоборца:

Пищу я хочу сейчас прославить, могучую
Поддерживательницу силы,
Благодаря которой Трита
Расчленил Вритру на суставы.
[Ригведа, I. 187. 1].

Трита – прообраз авестийского Трайтаоны, что означает «третий», победителя трёхглавого «Змея Огненного». С помощью Индры Трита убивает и трёхглавого Змея Вишварупу – прообраз авестийского трёхглавого «Змея Огненного» [Macdonell, 1897, p. 68-69; Эрман, 1980, с. 72; Елизаренкова, 1989, с. 495; см. также: Топоров, 2006а, с. 481-484, 491-492]:

Это для нас тогда ты отдал во власть Вишварупу,
Сына Тваштара, во власть Триты из круга (наших) друзей.
[Ригведа, II. 11, 19].

Ведийский Трита представляется персонажем основного мифа, а трёхглавый Вишварупа выступает как его змее- / драконоподобный противник:

Зная оружие, идущее от предков, этот
Аптья, посланный Индрой, победил в борьбе.
Убив трёхглавого, о семи лучах,
Трита выпустил коров даже у сына Тваштара.
[Ригведа, X. 8. 8].

Здесь Трита именуется Тритой Аптьей – «Трита Водяной», а имена Триты и его авестийской параллели Трайтаоны указывают на третье царство – преисподнюю, куда герои спускались для поединка с хтоническим чудовищем и где преодолели связанную с этим смерть [см. напр.: Елизаренкова, 1989, с. 495; Топоров, 2006а, с. 481-484, 491-492; Елизаренкова, Топоров, 2010, с. 169-171].

Древнеиндийское ядро этого индоевропейского мифа «достраивается» от серии ведийских фрагментов до целого сюжета посредством привлечения поздневедийских и эпических санскритских текстов. В них вырисовываются мотивы: 1) трёх братьев, рождённых из золы от жертвоприношений, брошенной Агни в воду, по имени Ekata, Dvita, Trita, т.е. «Первый», «Второй», «Третий», и объединённых фамильным названием Aptyas – «Водяные»; 2) предательского поступка двух старших братьев, бросивших младшего брата Триту, упавшего в колодец; 3) чудесного спасения Триты посредством сложения и вознесения гимна богам [Ригведа, I. 105; Махабхарата. Книга девятая. Шальяпарва. Глава 35; Топоров, 1977, с. 93, 94].

Сидя в колодце, Трита видит два небесных объекта – «Семь лучей» и «Пять быков», соответствующие первой и второй лунным станциям древнеиндийской системы накшатр, составляющих знак Зодиака Тельца – «Бык». В эпоху создания гимнов Ригведы точка весеннего

равноденствия перемещалась в пределах Тельца. Трита называет «Семью лучами» часть знака Тельца, Плеяды, констатируя наступление весеннего равноденствия, знаменуемого перемещением Луны в скопление Плеяд – «Семи лучей». Созвездию «Пяти быков» соответствует вторая древнеиндийская лунная станция, обнимающая пять звёзд Тельца во главе с Альдебараном [Боголюбов, 2002, с. 87, 88]. Точка весеннего равноденствия – местоположение Луны относительно созвездий в период с 4000-2800 гг. до н.э. – находилась в «Пяти быках», а с 2200 по 1700 гг. до н.э. или около 4000 лет назад – в Плеядах [Климишин, 1985, с. 29; Боголюбов, 2002, с. 88]. Это рассеянное звёздное скопление в созвездии Тельца и отождествляется с «Семью лучами» – небесным объектом, описываемым ведийским Тритой [Боголюбов, 2002, с. 87-88]:

Вот эти «Семь лучей».
Там мне разместилась ступица (колеса колесницы Солнца).
Трита Аптья знает это.
Он поёт хвалу родству (семье «Семи лучей»).
[Ригведа, I. 105. 9].
Перевод М.Н. Боголюбова [Боголюбов, 2002, с. 88].
В переводе Т.Я. Елизаренковой этот же текст выглядит несколько иначе:
Вот те семь лучей –
Дотуда протянулась моя родословная.
Трита Аптья ведает это.
Он поднимает голос в пользу родства.
[Ригведа, I. 105. 9].

Но и Т.Я. Елизаренкова также предполагала, что под «Семью лучами» подразумеваются если не лучи восходящего солнца, то какое-то созвездие [Елизаренкова, 1989а, с. 604].

Описанные от имени Триты астрономические реалии звёздного неба наблюдались с 2200 по 1700 гг. до н.э. [Боголюбов, 2002, с. 88], т.е. в аркаимо-синташтинскую эпоху. Трита указывает на астрономические признаки окончания Старого и наступления Нового года, когда змее- / драконоборец побеждает своего противника. Поэтому причастность Триты к этой поворотной календарной точке подтверждает его вытеснение Индрой в функции культурного героя [см.: Macdonell, 1897, p. 68-69; Елизаренкова, 1989, с. 495], а равно змее- / драконоборца и удостоверяет архаичность празднества весеннего равноденствия.

Трита, а точнее Трита Аптья – Трита Водный, причастен к этой календарной вехе как покровитель и хранитель весеннего равноденствия [Боголюбов, 2002, с. 88], обретший такой статус как древний герой змее- / драконоборец, ***убивший трёхглавого Змея Вишварупу*** с указанием времени данного действия – «о семи лучах», т.е. при нахождении Луны в скоплении Плеяд – «Семи лучей» ***при наступлении весеннего равноденствия***:

Аптья, посланный Индрой победил в борьбе.
Убив трёхглавого, о семи лучах…
[Ригведа, X. 8. 8].

Как соотносится период с 2200 по 1700 гг. до н.э. с культурно-историческими реалиями пред- / раннеандроновского массива и абсолютной хронологией собственно андроновских древностей? Думается, возникновение самого мифа восходит к аркаимо-синташтинскому времени и ранее. Поэтому его отражение в собственно андроновской орнаментации обусловлено её восхождением к архаичному субстрату, заимствованному из орнаментальных комплексов аркаимо-синташтинского времени (включая абашевский, нуртайский, а позднее петровский и др.). Время бытования собственно андроновских древностей также пересекается с финальной стадией указанного (2200-1700 гг. до н.э.) хронологического периода.

Как уже отмечалось (см.: 2.3.), собственно андроновское время на Среднем Енисее по ^{14}C укладывается между 1715 ± 65 и 1420 ± 40 гг. до н.э. [Gorsdorf, Parzinger, Nagler, 2004, p. 88], а по другой процедуре подсчёта тех же данных – с 1610 по 1410 гг. до н.э. [Епимахов, 2005, с. 172-173]. В более поздних работах среднеенисейские андроновские памятники датируются по ^{14}C в диапазоне 1744-1500 гг. до н.э. [Svyatko, Mallory, Murphy, Polyakov, Reimer, Schulting, 2009, p. 251], или 1675-1510 гг. до н.э. [Святко, Поляков, 2009, с. 147], или укладываются в отрезок XVII-XV вв. до н.э. [Поляков, Святко, 2009, с. 31, 32]. Как видно, все эти даты охватывают диапазон XVIII-XV вв. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 151].

Для Кузнецкой котловины в результате калибровки ранее полученных дат [Бобров, 1990, с. 87] андроновский могильник Васьково V датирован XV в. до н.э.

Датировка по ^{14}C андроновско-позднекротовского комплекса (с преобладанием андроновских черт) барабинского могильника Тартас-1 первоначально определялась XIX-XVI-XIV вв. до н.э. (без крайних значений) [Молодин, Парцингер, Марченко, Пиецонка, Орлова, Кузьмин, Гришин, 2008, с. 326-327], а иначе XIX-XV или XVII-XV вв. до н.э. [Molodin, Marchenko, Kuzmin, Grishin, Van Strydonck, Orlova, 2012, p. 743], но затем уточнялась до XVII-XIV вв. до н.э. [Молодин, Марченко, Гришин, 2011, с. 251].

Андроновские погребения Старого Тартаса-4 [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 48-62] датированы по органическим материалам XVIII-XV вв. до н.э. [Молодин, Марченко, Гришин, 2011, с. 251-252; Molodin, Marchenko, Kuzmin, Grishin, Van Strydonck, Orlova, 2012, p. 744, 746].

Известны радиоуглеродные датировки для некоторых алтайских памятников: Рублёво VIII – XVII-XIV вв. до н.э., Чекановский Лог-10 – XVI-XV вв. до н.э., Манжиха V – около XV в. до н.э. К XVIII-XVI вв. до н.э. по результатам радиоуглеродного датирования отнесены грунтовые могильники Подтурино, Восход I, Телеутский Взвоз-I, а также Фирсово XIV. Диапазон девяти фирсовских дат охватывает период с XXII до III вв. до н.э. [Кирюшин, Грушин, Орлова, Папин, 2007, с. 256-258]. Поэтому датировку данного могильника следует исключить из суммарного учёта хронологических данных. Для андроновского погребения могильника Телеутский Взвоз-I [Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2000, с. 45] получена калиброванная дата 1921-1751 гг. до н.э. (95,4%).

Радиоуглеродная хронология могильника Лисаковский I в Северо-Западном Казахстане, давшего браслет, орнаментированный змее- / драконоборческой композицией (см.: 5.6.-5.8.), соответствует периоду с 1780 до 1660, или 1610 гг. до н.э. [Panyushkina, Mills, Usmanova, Li, 2008, p. 467-468; Панюшкина, 2013, с. 204, табл. 4], или со второй четверти XVIII до середины / финала XVII вв. до н.э. Не исключается и более молодой возраст памятника: 1780-1530 гг. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 143].

Для андроновских памятников Нижнего Притоболья известны даты поселения Черёмуховый Куст [Матвеев, Орищенко, Зах, Панфилов, Петренко, 1991, с. 30; Зах, 1995, с. 85] после калибровки: 1981-1526 гг. до н.э. (94,1%); 2018-1995 гг. до н.э. (1,3%); 1630-1497 гг. до н.э. (95,4%); 2136-1872 гг. до н.э. (89,9%); 1845-1813 гг. до н.э. (3,2%); 1801-1778 гг. до н.э. (2,3%). Повторная калибровка дат поселения Курья 1 [Зах, Зимина, Рябогина, 2011, с. 220] дала следующие результаты: 1776-1607 гг. до н.э. (90,9%); 1871-1845 гг. до н.э. (2,4%); 1582-1560 гг. до н.э. (1,7%); 1811-1804 гг. до н.э. (0,4%).

Хронология андроновско-алакульских комплексов Южного Зауралья по ^{14}C представлена датами Урефты I, Солнце-Талика и Каменной Речки III, ограниченными диапазоном с 1880 по 1520 гг. до н.э. При этом большинство нижних дат относятся к началу XVII в. [см. по: Hanks, Epimakhov, Renfrew, 2007, p. 361, Fig. 3].

Таким образом, архаичный индоиранский змее- / драконоборческий сюжет, или т.н. основной миф [Иванов, Топоров, 1974, с. 164; и др.], представлен на андроновских сосудах в сравнительно поздних и орнаментально-символических, т.е. содержательно «свёрнутых» версиях. Их содержание соответствовало схожим змее- / драконоборческим представлениям андроновского населения, говорившего на иранских или восточноиранских диалектах, либо, как считал Е.А. Хелимский, на т.н. «андроновском арийском», сосуществовавшем с индоарийской и иранской ветвями третьей группы индоиранских языков [Хелимский, 2000, с. 509-510].

Иранские параллели уточняют детали мифа и функции персонажей. Здесь ключевой фигурой выступает Трайтаона – ***третий*** брат, преданный старшими и победитель дракона Azi Dahaka – «Змея Огненного». Но среди древне- и среднеиранских данных выделяются ещё три имени и мотива: Трита, ***третий*** человек, приготовивший хаому (сому) [Yasna, IX, 10], ***вторым*** был Атвья – отец Трайтаоны (Триты), для имени которого реконструируется сочетание, идентичное имени ведийского божества – Трита & Атвья. Он идентичен Трите Аптье, упоминающемуся при победе над трёхглавым Вишварупой [Ригведа, X. 8. 8], участвующему в убийстве Вритры [Ригведа, I. 187. 1] и связанному с ведийским богом Апам Напатом [Топоров, 1977, с. 94-95]. Наконец, ***первым*** из смертных, согласно Авесте, хаому (сому) приготовил Вивахвант, за что и получил сына Йиму в награду [Macdonell, 1897, p. 172; Эрман, 1980, с. 94].

Последовательность триады перечисленных персонажей структурно симметрична, хотя содержательно и не вполне идентична семантическому полю серии орнаментальных композиций трёхзональных андроновских сосудов с цепочкой треугольников по венчику, располо-

женных в ***первой – верхней*** зоне. К этому андроновскому орнаментальному мотиву, возможно, восходит солярная символика первого из приготовивших хаому (сому) – отца Йимы Вивахванта. Сам Йима, как сын считавшегося воплощением солнца Вивахванта, тоже сохраняет черты солярного героя [Лелеков, 1994, с. 599], и его деяния совершаются «к свету в полдень на пути Солнца» (см.: 5.2.). Ведийский аналог Вивахванта – отец Ямы Вивасват – также связан с образом солнечного бога Сурьи. Его имя означает «Блистающий» [Эрман, 1980, с. 94], и он прямо отождествляется с солнцем (Сурьей) [Миллер, 1876, с. 184, 194-195; Эрман, 1980, с. 94], выступая заменителем основного имени Сурьи или как его эпитет [Невелева, 1975, с. 88; Топоров, 1994г, с. 235; критика солярности Вивасвата см.: Дандекар, 2002, с. 89].

Помимо Вивахванта / Вивасвата, Сурьи, а также Савитара и, менее вероятно, но возможно, самого Йимы (?) как солнечного героя, с очевидной солярной семантикой окружности из треугольников в первой – верхней зоне андроновских сосудов могут соотноситься и символизации, присущие образу Митры.

Как божество общежития, союза и согласия, ведийский Митра соответствует Митре авестийскому [Овсянико-Куликовский, 1962, с. 147, 163], истоки образа которого восходят к общеарийскому состоянию [Гиндин, 1972, с. 296]. Индоиранская этимология имени Митры означала «Бог Договоров». Но со временем Митра превращается в главного Бога Солнца, сопровождающего светило в его небесном полёте, а солярность и солнечный свет приобретают ключевое значение для образа этого божества. Поклонение Митре становится поклонением свету, озаряющему весь мир, а у ряда иранских народов культ Митры отождествлялся с культом Солнца и слова «михр», «мира» стали означать просто «солнце» [Иванов, 2009, с. 58; Стеблин-Каменский, 2009а, с. 71; Элиаде, 2009, с. 399-400]. По мнению Е.Е. Кузьминой, формирование образа Митры как солярного божества связано с доскифской эпохой, т.е., по сути, с эпохой бронзы Казахстана и сопредельных южных регионов [Кузьмина, 1988а, с. 57].

Для соотнесения с треугольниками на венчиках андроновских сосудов примечательно, что божественное «пламя», связанное с содержащейся в хаоме / хауме, хварэной (сравн.: «хварно», «фарн» [см.: Топоров, 1994е, с. 557]) – горящей, светящейся и оплодотворяющей сакральной жидкостью [Элиаде, 2009, с. 388], извергается изо лба Митры:

А спереди от Митры
Летит Огонь горящий,
Который Хварно Кавьев.
[Михр-яшт. 10. 127].

Аллегорическая антропоморфизация сосуда[21] проявляет соответствие образу Солнца солярных треугольников на венчике андроновского горшка, синонимичных источающему пламя лбу солярного божества: сакральный «верх» = «Солнце» = «венчик с треугольниками».

К образу Митры восходят и истоки солярных черт Мир-сусне-хума, заимствованных у иранцев или из восточноиранской среды предками манси до их перемещения в высокие (приполярные) широты [Топоров, 1981, с. 146-149; Топоров, 1994д, с. 156; Гемуев, 1990, с. 190-194; Гемуев, 2001, с. 89-90]. С солнцеголовостью его образа у обских угров связано представление о том, что «на Оби вскрывается лёд, когда Мир сусне хум поднимает локоны своих волос» и «солнце стоит в его волосах» [Новикова, 1991, с. 29].

У ведийских индоариев метафора солнца также сводится к его «золотоволосости», т.е. к солярности «верха» самого божества:

С лучами солнца, с золотистыми волосами Савитар
Простёр вверх на востоке немеркнущий свет.
[Ригведа, X, 139].

Первое упоминание имени Митры документально зафиксировано в хеттско-митаннийском брачном договоре XIV в. до н.э. [обзор см.: Ковтун, 2013в, с. 38, 59, 177]. Но А. Камменхубер и И.М. Дьяконов полагали, что живого разговорного арийского / древнеиндийского / «митаннийского арийского», а точнее индоарийского языка к XV в. до н.э. в Митанни уже не было [Дьяконов, 1970, с. 41; Гиоргадзе, 1971, с. 122]. Вслед за указанными авторами Л.А. Гиндин отмечает, что ко времени составления данного договора упомянутые в нём име-

[21] Ю.И. Михайловым установлена антропоморфизация образа андроновского сосуда применительно к цепочке треугольников вершиной вниз, выполненных ямочными вдавлениями. Такая половозрастная символика наносилась на сосуды, сопровождавшие погребения девочек и молодых женщин, и связана «с орнаментальной зоной, на которую приходится наибольший диаметр сосуда» [Михайлов, 1990, с. 16-17].

на индоарийских богов, включая Митру, превратились в анахронистические окаменелости, а первые индоарийско-хурритские контакты приходятся на конец XVIII – начало XVII вв. до н.э. [Гиндин, 1972, с. 293-294, 314, и др.] и связаны с появлением в Митанни «обособленных индо-арийцев, возможно, в правление вавилонского царя Самсуиллунаса (по новой датировке 1740 г.)» [Гиндин, 1974, с. 153-154].

Другие исследователи отрицают причисление «митаннийского арийского» к «мёртвым» языкам [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 547], но указывают, что «ещё в конце IV и начале III тысячелетий до н.э. южнее Кавказа… были распространены различные арийские диалекты, один из которых документально фиксирован в митаннийском арийском в середине II тыс. до н.э.» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 917].

С.В. Кулланда вообще отвергает индоарийскую принадлежность митаннийского или переднеазиатского арийского, полагая, что он «представлял собой либо диалект ещё не разделившегося индоиранского, либо особую ветвь арийских языков», близкую реконструируемым праформам общеарийского [Кулланда, 2014, с. 556]. Изолированное бытование в XIV в. до н.э. диалекта еще не разделившегося индоиранского если теоретически и возможно, то исторически труднообъяснимо. Поэтому вторая версия представляется более вероятной, при достижении лингвистами конвенциональной позиции по этой проблеме. В любом случае, доводы автора косвенно указывают на индоиранскую архаику, с которой связан и перечень индоарийских богов из хеттско-митаннийского договора, включая Митру.

Следовательно, в дописьменной традиции образ Митры восходит, как минимум, к первой половине II тыс. до н.э., т.е. к андроновской эпохе. Истоки же пра- или прообраза Митры связаны с периодом индоиранского единства, т.е. с первой половиной III тыс. до н.э. (см.: 3.2.), что удостоверяется его присутствием и в индоарийской, и в древнеиранской традициях. Это обстоятельство и соотнесение с пра- / прообразом данного божества ряда солнцеголовых антропоморфов Центральной и Северо-Западной Азии [обзор см.: Ковтун, 2013в, с. 38, 59, 177, и др.; Ковтун, 2014б, с. 138-139] допускают орнаментальную символизацию огненно-солнечных черт бога Митры или функционально схожего «солнцеликого» персонажа солярными треугольниками на венчиках андроновских сосудов.

Орнаментированная особым образом ***вторая*** – средняя – зона андроновских сосудов может быть соотнесена с идеей, позднее воплотившейся в образах ***второго*** приготовителя хаомы (сомы) по имени Атвья и его сына Трайтаоны (Триты). Как уже отмечалось, его полное имя Трита & Атвья идентично имени ведийского божества Трита Аптья – «Трита Водяной» [Топоров, 1977, с. 95], главный подвиг которого состоит в убийстве трёхглавого Змея Вишварупы [Ригведа, X. 8. 8] и расчленении Вритры [Ригведа, I. 187. 1]. Это самое архаичное из известных деяний Триты-змее- / драконоборца. Поэтому праобраз подобного божественного героя или олицетворяющих его атрибутов мог быть схематично изображён в средней – ***второй*** – зоне андроновских сосудов, более древних, нежели ведийские тексты, не говоря уже о древнеиранской версии этого мифа.

Ещё В.Ф. Миллер заметил, что «Трита Аптья – какая-то личность глубокой древности, уже почти забытая в ведийском периоде, вероятно тот же Индра в более первобытном виде. Он, или Индра, убивает трёхглавого сына тваштарова…» [Миллер, 1876, с. 200]. Преодолевая смерть, он совершает этот подвиг в преисподней – Нижнем мире [Елизаренкова, 1989, с. 495; Топоров, 2006а, с. 481-484, 491-492; Елизаренкова, Топоров, 2010, с. 169-171], фигуральным олицетворением которого является колодец, в котором оказался Трита. Ведийский текст этого сюжета позволяет реконструировать смысловое значение цепочек треугольников, опоясывающих придонные части андроновских сосудов, уподобляемые «дну колодца» Триты и третьей, подземной части мироздания. Они «зеркально» дублируют орнаментацию первой зоны и представляются «отражением» солнца, подобно отражению астрально-лунарных объектов в воде колодца, где сидит Трита:

Месяц в глубине вод:
Прекраснокрылый мчится по небу,
Не находят себе места
Златообручные, сверкающие (звёзды).
[Ригведа, I. 105. 1].

В данном случае принцип «зеркальной» симметрии астрально-лунарной символики Верхнего и Нижнего миров, воплощённый в солярных мотивах на венчиках и в придонной части андроновских сосудов, фигурирует и в гимне Ригведы.

5.4. ЗМЕЕ- / ДРАКОНОБОРЧЕСКИЕ И МИФОКАЛЕНДАРНЫЕ МОТИВЫ

Зачастую образ самого змее- / драконоборца (коня-змееборца) передаётся характерными чертами его противника [Ковтун, 2013в, с. 69-70, 100][22]. Подобное «замещение», вероятно, обусловлено семантическим тождеством обоих ключевых персонажей основного мифа сюжетному мотиву их первопоединка. Поэтому ***змее- / драконоборческие подвиги праобразов Триты Аптьи, Индры или функционально схожего с ними персонажа мог символизировать андроновский «серпентоморфный» мотив из противопоставленных цепочек треугольников, напоминающих «орнаментальный» окрас гадюки*** (рис. 8; 9) ***как фигурального образа Змея, «обвивающего» среднюю зону горшка.***

Возможно, в постведийской традиции переосмысленный образ змея, обвившего тулово сосуда, перевоплотился в сюжете о пахтании богами и асурами океана для получения амриты, где фигурирует Змей – царь нагов Васуки, отождествляемый с космическим Змеем Шешей. Его обернули вокруг Мировой горы Мандары, которую выдернули из земли и раскручивают, как гигантскую мутовку, взбивая океан [Гринцер, 1994, с. 642; Невелева, 1996, с. 114; Темкин, Эрман, 2000, с. 111-116; и др.]. Уподобление сосуда модели вселенной – одна из мифологических универсалий индоевропейских народов. Поэтому андроновский сосуд с молочным (?) напитком и серпентоморфной символикой содержательно соотносим и с образом взбиваемого Молочного океана, и с архаическим мотивом Мирового Змея, обвившего сосуд-мироздание или его символическую центрообразующую ось – Мировую гору, Мировое дерево и т.п.

Позитив-негативные инверсии взаимонаправленных треугольников зачастую образуют ромбические фигуры, также олицетворявшие серпентоморфного персонажа, но в позитивном исполнении мало присущие собственно андроновской орнаментике. Между тем символизация бордюрами из ромбических фигур образа змеи установлена в абашевской [Большов, 2009, с. 297] и срубной [Кочерженко, Слонов, 1993, с. 39, рис. 2] орнаментации. Андроновская орнаментальная система стилизовала бордюр из взаимонаправленных треугольников в мотив взаимопроникающих треугольников. При этом исходные позитив-негативные метаморфозы и последующие преобразования, судя по всему, сохранили смысловую подоплёку, основанную на ассоциации такого орнаментального построения с окрасом гадюки.

---

[22] В абхазо-адыгской версии нартского эпоса конь нарта Бадыноко описывается как сиво-вороной, с шеей, как у змеи, сухоголовый, поджарый: «С шеей змеиной – конь сухопарый» [по: Ковалевская, 2010, с. 131]. В.Г. Ардзинба полагал, что сравнение шеи коня со змеиной воспроизводит образ змееподобного противника главного героя эпоса Сосруко / Сасрыквы [Ардзинба, 1985, с. 144, 147, 164]. В другом нартском сюжете Сасрыква связывает ногу и руку уснувшего врага-великана, получеловека-полузмеи, подпругами своего коня. Привязав их к коню Бзоу, Сасрыква и его конь резко натягивают подпруги, переламывая кости противника [Ардзинба, 1985, с. 146]. Мотив «привязывания» великана-змея к лошади героя, приводящего к гибели противника Сасрыквы, объясняет змеиноподобную шею коня Бадыноко.

Этот эпизод раскрывает смысловое значение змеевидных шее-голов трёхглавого коня, изображённого в виде радиального трикветра на покровском псалии XVII-XVI вв. до н.э. с поселения Нижняя Красавка-II в Саратовской области. Отмечается синташтинско-петровское влияние на типологические признаки изделия [Лопатин, 2010, с. 138-141, 156, рис. 9, 13]. Ираноязычность покровского населения допускает соответствие нартской сюжетной линии персонажу, изображённому на псалии. Его образ напоминает об авестийском трёхглавом «Змее Огненном» – Ажи Дахаке [Младшая Ясна, 9. Хом-яшт, 8; Яшт, 5. Ардвисур- или Абан-яшт, 29, 34; 14. Варахран- или Бахрам-яшт, 40; 17. Ард-яшт, 34; 19. Замийад-яшт, 37, 46-50]. Именно этому трёхглавому Змею противостоит трёхглавый конь-змееборец, змеевидные конфигурации которого олицетворяют поверженного противника. Это подтверждается и образом авестийского Трайтаоны – победителя трёхглавого Змея, имя которого означает «третий».

Ещё пример. Герой греческого мифа змее- / драконоборец Кадм, брат похищенной Зевсом Европы, убивает дракона – сына Ареса, но в итоге женится на дочери Ареса, с которой они превращаются в змей [Ярхо, 1994, с. 607] и т.д., и т.п.

Инвариантной реминисценцией этого архетипического соответствия представляется внешнее уподобление или трофейное присвоение героем характерных / чудесных качеств и / или силы поверженного противника: Геракл в шкуре Немейского льва, витязь в барсовой шкуре, Персей с головой Горгоны Медузы и др.

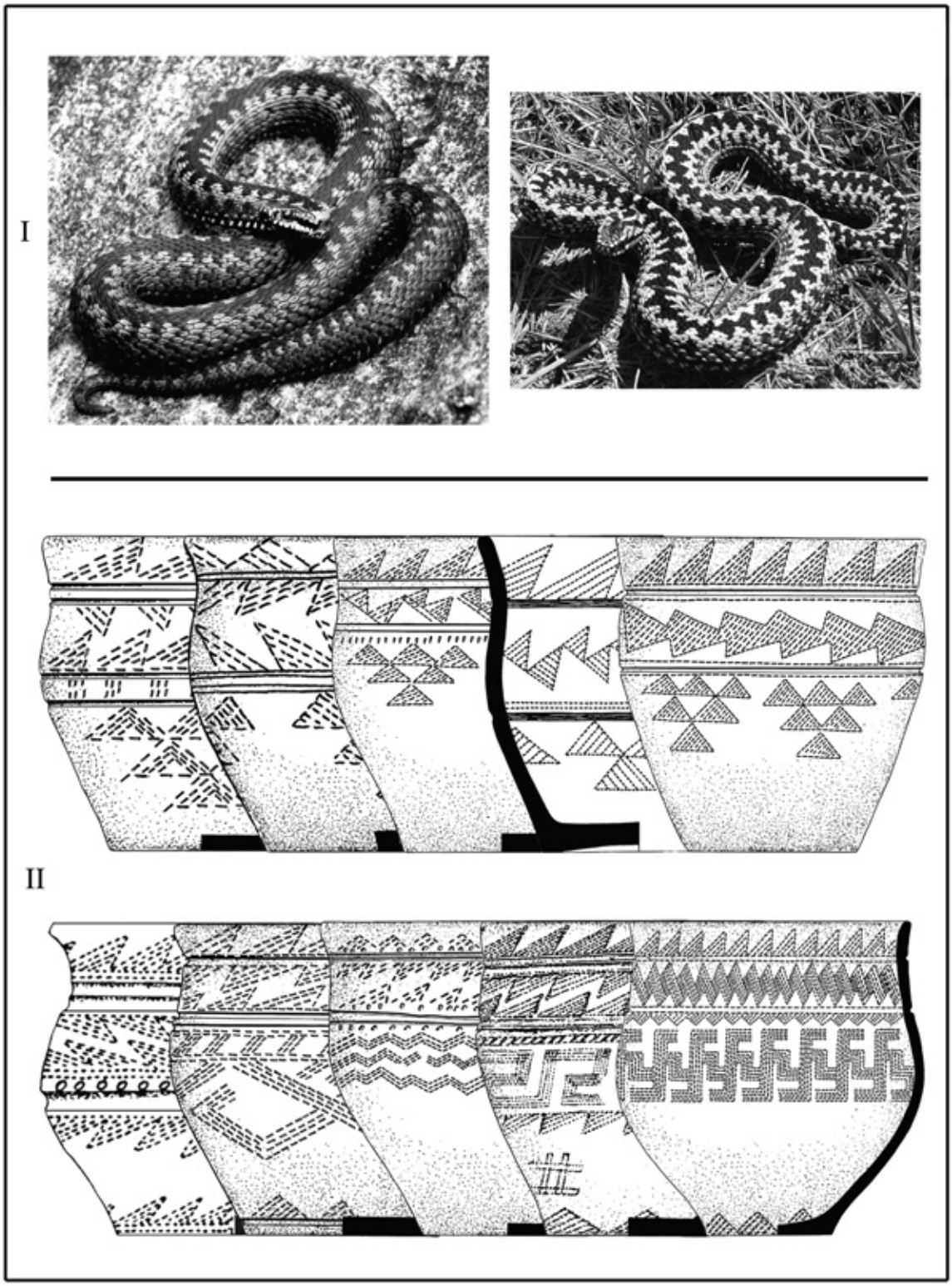


Рисунок 8. Окрас гадюки и орнаментация второй зоны андроновских сосудов.

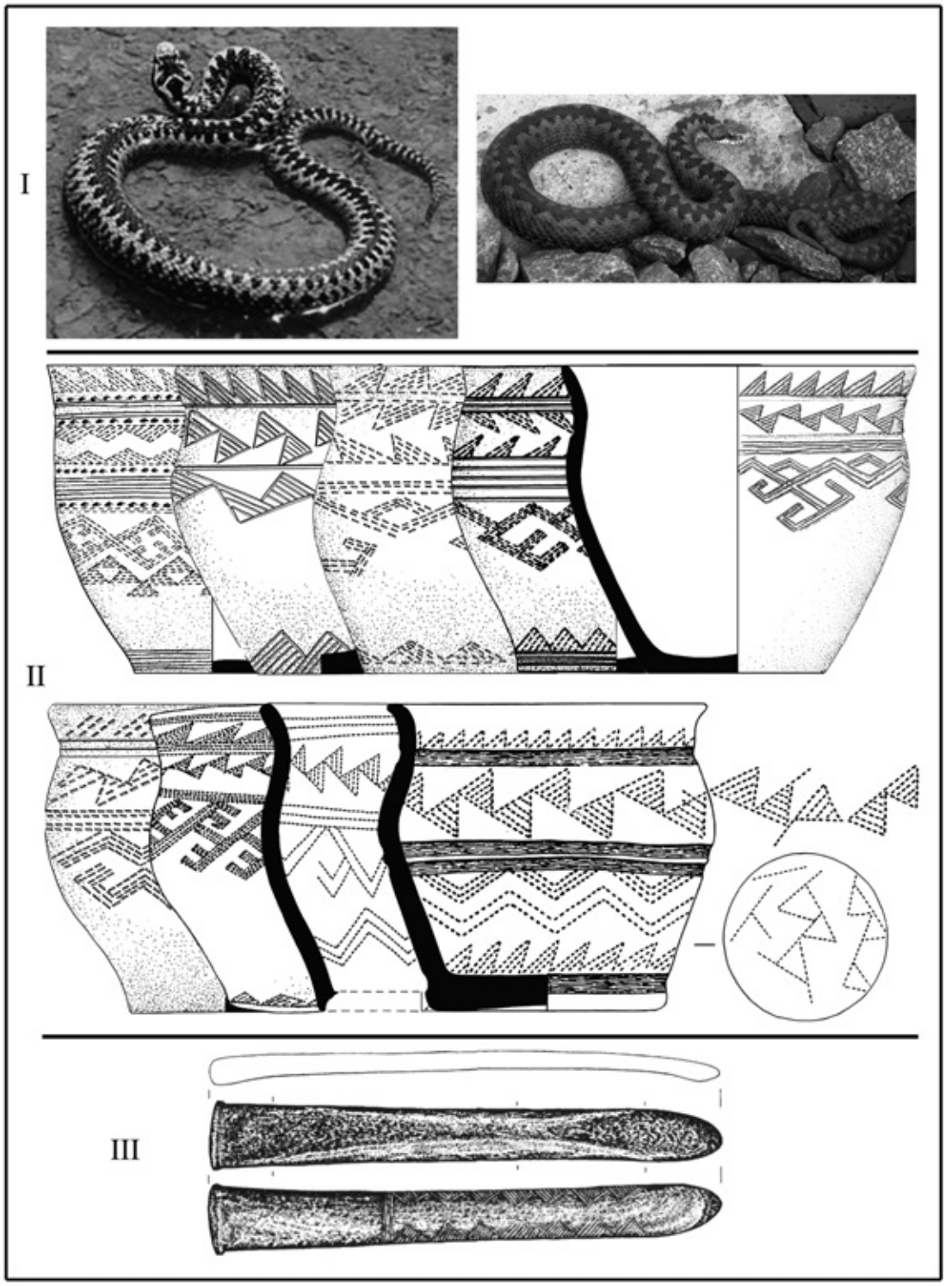


Рисунок 9. Окрас гадюки, орнаментация второй зоны андроновских сосудов и вязальной палочки из Тартаса-1.

Зачастую содержание внешне абстрактных андроновских орнаментальных мотивов и элементов раскрывается при их воспроизведении на нетипичных носителях, а также при перенесении этих композиций в инокультурную среду. При таких нетривиальных обстоятельствах стираются семантические коды, утрачиваются культурные табу и вскрываются неочевидные смысловые значения, присущие андроновской орнаментации. Означаемое орнаментальным знаком или их композицией идейное содержание оказывается контекстуально связанным с характерными признаками декорированного изделия (см.: 5.6.; 5.7.). В других же подобных случаях орнаментальный «текст» выглядит как иносказательная параллель с функциональным предназначением предмета.

Так, в позднекротовской могиле Тартаса-1 (погребение 330) обнаружена костяная, вероятно, вязальная палочка, украшенная резным геометрическим узором, свидетельствующим «о заимствовании автохтонным позднекротовским населением художественных традиций пришельцев» [Молодин, Мыльникова, Новикова, Соловьёв, Наглер, Дураков, Ефремова, Кобелева, Ненахов, 2009, с. 338, 339, рис. 1, 5]. Композиция состоит из двух взаимонаправленных цепочек заштрихованных треугольников (рис. 9, III), представляя пример андроновского «серпентоморфного» мотива (рис. 8; 9)[23]. Каждая из двух цепочек состоит из семи треугольников, но семантика декора заключена не в этих сакральных цифрах, а в их сумме – числе четырнадцать. Такое количество суток знаменует окончание первой половины лунного, синодического месяца, составляющего около 29,5 суток. Поскольку во время новолуния Луна не видна около 1,5 суток, продолжительность её видимости составляет 28 суток или четыре недели, соответствующие первой четверти, полнолунию, последней четверти и новолунию [Селешников, 1970, с. 166; Климишин, 1985, с. 34, 40]. Таким образом, четырнадцатидневный рубеж соответствует середине лунного месяца и фазе полнолуния.

Многие народы придавали полнолунию совершенно особое значение [Элиаде, 1999, с. 162-163]. Кеты считали, что «родившийся месяц начинал свой путь низко над землёй и каждый вечер поднимался всё выше. За первые семь дней он достигал второго круга (мыса) неба, а на четырнадцатый оказывался на месте своего жительства – четвёртом круге… На втором круге он выглядел уже в виде полукруга, а четвёртого достигал круглым» [Алексеенко, 1976, с. 83].

Согласно В.Н. Чернецову, по представлениям манси «в подземном мире луна бывает лишь вполовину, полнолуния там не бывает» [Источники по этнографии Западной Сибири, 1987, с. 152]. Это означает, что с полнолунием ассоциировался апогей жизненного цикла, уже по определению отсутствующий в потустороннем мире. Отсюда представление о жертве, приуроченной к указанному календарному периоду лунного цикла и призванной обеспечить изобилие и благополучие. Мансийские жертвенные покрывала – ялпын, с изображением Мир-сусне-хума (реже его матери Калтащ-эквы или Калтась-ими у хантов, а также «невесты»), одновременно олицетворявшие «седло бога» и его «коня», начинали делать «когда полмесяца», а заканчивали – «когда полная луна» [Гемуев, 1990, с. 35-37]. Такое соотнесение времени изготовления жертвенных атрибутов с фазой полнолуния не случайно. В культурных традициях манси выявлены заимствованные индоарийские элементы [Ковтун, 2013в, с. 59 и др.], а ночь полнолуния у ведийских ариев именовалась «первой достойной жертв» [Атхарваведа (Шаунака), VII. 85. 1, 2, 4][24].

Количественная символизация полнолуния представлена на сосуде из могильника аркаимо-синташтинского времени Бестамак. Опоясывающие этот горшок двенадцать ромбических фигур с крестом (одна пустая) означали месяцы календарного года. Расположенные же под ними ряды из семи свастических фигур и из шести окружностей с крестом внутри и одной свастической фигуры в совокупности составляют четырнадцать – число суток середины лунного месяца и фазы полнолуния (рис. 10, *2*).

---

[23] «Серпентоморфный» мотив из двух взаимонаправленных треугольников фигурирует и на костяных изделиях из сопкинских захоронений. Это подвеска из суставной косточки стопы птицы, найденная в кротовском погребении 9 кургана 31 Сопки II [Молодин, 1985, с. 57, рис. 27, 28], и костяной игольник из погребения 612 могильника Сопка-2/3А, отнесённого к эпохе раннего металла (игрековская общность) [Молодин, 2001, с. 79, рис. 64, 4; с. 100].

[24] Традиция совершения жертвоприношения в полнолуние сохранилась даже у римлян, выделявших середину месяца – иды (13 или 15 день месяца), посвящавшиеся Юпитеру, которому в этот день приносили в жертву овцу [Энциклопедический словарь, Том XIIA. Земперъ – Имидокислоты, Ф.А. Брокгаузъ, И.А. Ефронъ, 1894, с. 807].

Одно из важнейших индоарийских жертвоприношений – ашвамедха – также проводилось в полнолуние месяца Чайтра [Махабхарата. XIV. Ашвамедхикапарва, или Книга о жертвоприношении коня. 71. 1-2, 3-6; 82. 16-32; 83. 24-32; и др.], соответствующего марту – апрелю [Невелева, 2003, с. 200; Лушникова, 2004, с. 142, табл. 1], т.е. в новогоднее время весеннего равноденствия. При этом образ первоисточника и первоадресата конского жертвоприношения Праджапати уподобляется самой луне в полнолуние [Каушитаки Упанишада, II. 9].

С какой же жертвой в полнолуние соотносится андроновский «серпентоморфный» мотив на позднекротовской вязальной палочке? С космогоническим жертвоприношением – убийством противника змее- / драконоборца. С переломным событием основного мифа, олицетворямым «формульными» андроновским композициями, включающими мотив взаимонаправленных треугольников. Индра убивает Вритру, потому что «мир и жизнь не могли родиться иначе как через умерщвление аморфного первичного Существа» [Элиаде, 2009, с. 258]. Эта первожертва равнозначна жертвоприношению расчленённого Пуруши и самопожертвованию Праджапати. Только Индра жертвует не собой, а своим противником – первичным драконом [Элиаде, 2009, с. 258]. Убийство и / или расчленение первочеловека Пуруши и первозмея Вритры рассматриваются как жертвоприношение, порождающее особое состояние силы, процветания и благополучия. Творение мироздания тождественно жертвоприношению Первосущества, составляющему ядро сюжета основного мифа [Топоров, 2006, с. 455-456] (см. также: 5.1.). Реминисценции идеи творения мироздания посредством преобразования = умерщвления серпентоморфного или рептильного персонажа – Змея, червя и т.п. – связывают индоарийский космогонический миф с его перелицованным инвариантным остатком в представлениях угорских (манси), самодийских (нганасаны) и тунгусо-манчжурских (нанайцы) народов. Аналогичная мифологема реконструирована по изобразительным комплексам сейминско-турбинской эпохи и окуневского времени [Ковтун, 2013в, с. 110, 120-126, табл. 22-24, 26 и др.], хронологически близким позднекротовским древностям.

Не случайно и нанесение орнамента, означавшего змее- / драконоподобного персонажа основного мифа, именно на вязальную палочку из позднекротовского комплекса. При вязании используется пряжа растительного, а чаще животного происхождения, полученная из шерсти домашних животных. В различных вариациях и смысловых оттенках сюжета основного мифа мотивы пряжи и шерсти содержательно пересекаются с образом змеи и противника змее- / драконоборца [Топоров, 2014, с. 172-173, 175-176]. Так, Вритра (*vrtrá*) происходит от корня *var* – «покрывать», «замыкать», «препятствовать» [Елизаренкова, 1999, с. 454]. «В древнеиндийском *ūrṇā* ʻшерсть’, и *ūrṇāvar* обозначение ʻовцы’, снабжённой шерстью, связывается с тем же корнем *var* (*ūr-ṇa* как причастие от *var*-), что и *vṛ-tra*» [Иванов, Топоров, 1974, с. 45]. Сам же мотив «шерсти» и / или «змеи на шерсти» представляется одним из характерных признаков противника змее- / драконоборца [Топоров, Иванов, 1974, с. 31-35, 44-54]. Возможно, общий корень обозначения «овцы, снабжённой шерстью,» и имени «Вритра» восходит к архаическим ритуалам заклания овцы (барана), символизирующего космогоническое жертвоприношение противника змее- / драконоподобного Первосущества [Ковтун, 2013в, с. 157]. Помимо этого, В.Н. Топоровым реконструирован мотив прядения пряжи женой Громовержца, как-то связанной с его противником. В другой версии противнику Громовержца принадлежит скот, а его жене – пряжа, шерсть, волосы. С прядением и пряжей часто связана именно хозяйка Нижнего мира [Топоров, 2014, с. 176].

Таким образом, усматривается соответствие функционально-смысловых ассоциаций позднекротовский вязальной палочки, а равно воспринятой от андроновцев её «серпентоморфной» орнаментации, образу противника змее- / драконоборца основного мифа. Думается, заимствование таких глубинных мировоззренческих стереотипов могло состояться только вместе с их носителями – андроновскими женщинами, инкорпорированными в позднекротовское сообщество.

Не исключено, что с идеей жертвоприношения в полнолуние связана и уникальная архитектура погребения 17 из андроновского могильника Устье-Бири IV, обставленного четырнадцатью вертикальными брёвнами диаметром до 50 см [Леонтьев, Леонтьев, 2006, с. 68, 70, 73, рис. 2, 5]. Возможная символизация идеи полнолуния окружающими умершего четырнадцатью вертикальными брёвнами соотносима с представлением о похоронном обряде как о жертвоприношении Агни, передающем его на высшее небо [Пандей, 1990, с. 201-202; Елизаренкова, 1999, с. 460-461].

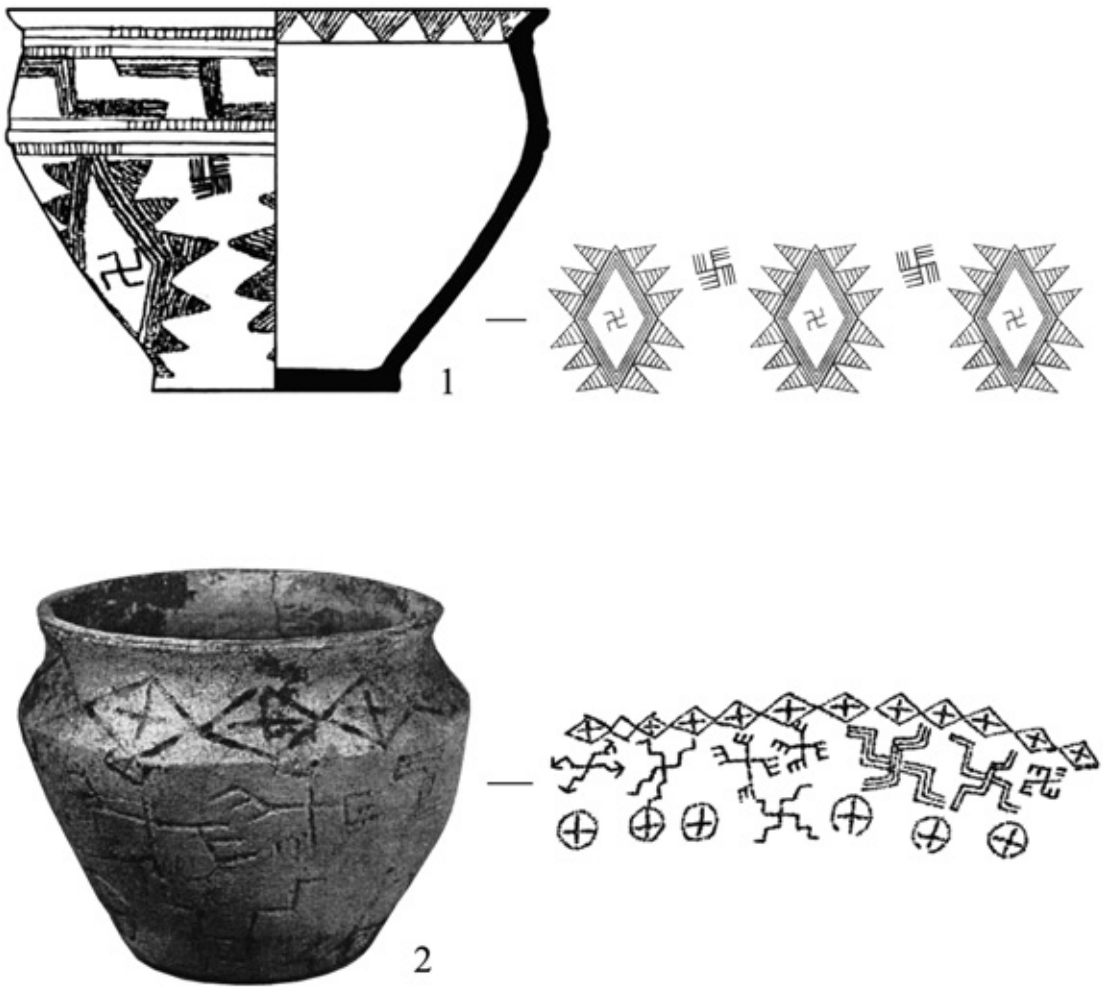


Рисунок 10. Мифокалендарные мотивы на сосудах аркаимо-синташтинского времени: 1 - Танаберген II; 2 - Бестамак.

Композиции с «сепентоморфными» взаимонаправленными треугольниками во второй – средней зоне составляют заметную серию андроновских орнаментальных построений: Т–19, Т–20, Т–21-22, Т–27 – 45 сосудов (табл. 64-67; 68, *1, 3, 4*; 69, *1, 2, 6, 7, 10, 13*; 70, *1-4, 6*; 73); ТМ–10, ТМ–11, ТМ–12 – 32 сосуда (табл. 189-193); ТМ–13, ТМ–14, ТМ–15-16 – 46 сосудов (табл. 194, *1-5*; 195; 199; 200); ТМ–22-23, ТМ–24-26 – 13 сосудов (табл. 203, *1, 2, 4-8, 10*; 204, *1-3, 5, 6*); ТЗ–2, ТЗ–4-5 – 22 сосуда (табл. 208-210; 212).

Этот змее- / драконоборческий мотив второй зоны сосуда предполагает развитие и / или завершение сюжетной линии в третьей орнаментальной зоне. Её построениями могли олицетворяться либо ключевые обстоятельства схватки двух главных персонажей основного мифа, либо символизированный итог и космогоническое следствие окончившегося противостояния. Поэтому на серии андроновских сосудов переданы ***мифокалендарные аспекты змее- / драконоборческого сюжета. В данных композициях фигурально указывается на календарное время победы героя или божества над чудовищем, приходящееся на исход Старого и нача-***

ло Нового года. Символическим выражением этой мифологемы представляются пирамидальные конструкции из шести треугольников «пирамидального» типа (табл. 61, *1, 5*; 62, *2, 5, 6*; 63, *1, 2, 4, 6-9*; 64, *6, 8*; 65, *1, 2, 4-6*; 66; 67, *7*; 68, *4, 6*; 70, *1, 2, 4, 5*; 71, *1, 4*; 73, *1-3*; 167, *1-3*, *5-7*; 168, *4, 5, 8*; 169, *3, 4, 6*; 170, *2-5*; 171, *1-3, 8*; 172, *2, 3, 7*; 173, *1-3*; 174, *1, 5, 6*; 220, *5*; 224, *1, 2*; 225, *1, 4*; 234, *6*; 235, *1, 2*; 235, *8*; 236, *2-4*). ***Указанные мотивы третьей зоны могли олицетворять отдельные полугодия – годы андроновского календарного цикла, «смыкающиеся» при переходе от Старого к Новому году.*** Таким образом, сюжет на андроновских сосудах передан не как развитие фабулы, а как вертикальное чередование зональных лейтмотивов.

Деление года на два сезона восходит к архаике календарной обрядности [Лушникова, 2004, с. 10, 11]. Мифопоэтическое соответствие андроновским пирамидальным построениям из шести треугольников усматривается в ведийских источниках, уподобляющих двенадцать месяцев года «шестерым близнецам»:

Седьмой из парнорождённых, говорят, рождён один,
А ***шестеро – близнецы***, это риши, рождённые богами.
Желанные их (дни и ночи), распределённые по порядку,
Меняясь по форме, трясутся на (своём) месте.
[Ригведа, I. 164. 15].

Узнай это, о Савитар:
Шестеро близнецов, один рождён в одиночку,
И они ищут участия в том,
Кто из них один рождён в одиночку.
[Атхарваведа (Шаунака), X. 8. 5].

Символизирующие двенадцать месяцев года шестеро близнецов [Елизаренкова, 1989а, с. 647; Елизаренкова, 2007, с. 252] соответствуют секстету богов из Агни, Индры, Варуны, Сомы, Вишну, Брихаспати [см.: Атхарваведа (Шаунака), III. 27. 1-6; XII. 3. 55-60].

Помимо этого, в ведийской литературе имеются упоминания и о том, что «год – это один день богов», состоящий из дня и ночи, длящихся по шесть месяцев. Многочисленные комментарии этого в постведийских источниках сводятся к трактовке календарного года в качестве суток богов, где день – это тёплый период движения солнца к северу, а ночь – холодный период движения светила к югу [Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 10-12; Тилак, 2002, с. 98-106].

На две половины делился и иранский календарь, основанный на неравномерности годичного движения Солнца: зимой быстрее, а летом медленнее. От весеннего до осеннего равноденствия Солнце перемещается по эклиптике за 186 дней, а вторую половину своего пути оно проходит за 179 дней. Поэтому в иранском календаре все месяцы первой половины года имеют по 31 дню, а месяцы второй половины года – по 30 дней [Селешников, 1970, с. 76-77].

Схожие архаичные представления сохранялись в древнем Риме, календарная система которого имела собственные имена для шести месяцев с января по июнь, и только счётные обозначения для оставшихся месяцев второй половины года. В первую половину года солнечный день увеличивается, и она считалась счастливой, а вторая половина года, когда увеличивается продолжительность ночи, считалась неблагоприятной [Климишин, 1985, с. 202-203].

Двухсезонная календарная традиция присуща и ряду сибирских народов. У тунгусских племён (эвенков) зима и лето были основными подразделениями года, как самостоятельные календарные единицы. Был год зимний и год летний. У народов Нижнего Амура и Сахалина год также делился на зимнее и летнее полугодия [Лушникова, 2004, с. 11; Лушникова, 2005, с. 12]. У угров и самодийцев астрономический год включает летнее и зимнее полугодия, именуемые отдельными годами. Так, у ненцев настоящий (природный) год делится на два полугодия (пом-пеля), считающихся отдельными летним и зимним годами. Селькупский год также подразделяется на зимнее (кэн, катэ) и летнее (тачеты) полугодия. У северных манси зима и лето считаются основными сезонами года и часто характеризуются как полугодия или годы, при этом количество лет при подсчётах удваивается, и отмечаются два новых года. Кондинские манси делили год на семь зимних и шесть летних месяцев [Головнёв, 1995, с. 297, 301, 329, 349; Лушникова, 2004, с. 11].

Изобразительные воплощения идеи двенадцатимесячного цикла, разделённого на два шестимесячных сезона-года, реконструированы у сейминско-турбинского и самусьского населения [Ковтун, 2013в, с. 103-106].

Истоки подобного значения андроновской орнаментальной схемы восходят к хронологически синхронным сейминско-турбинской эпохе аркаимо-синташтинским древностям, например, к орнаментальным построениям, подобным знаковому декору сосуда из могильника Танаберген II. В центре ромбических фигур, образующих ключевой мотив третьей зоны, нанесена свастика (в инвариантном остатке сохраняющаяся на позднем сосуде из ЕК-II) (табл. 174, 5), а противоположные стороны ромбов «окантованы» шестью треугольными фигурами, образующими двенадцатичастную конструкцию (рис. 10, *1*). Орнаментальная символизация двенадцатимесячного года усматривается и в упоминавшемся бордюре из двенадцати ромбов с крестами (один пустой) в композиции хронологически синхронного танабергенскому сосуда из упоминавшегося могильника Бестамак (рис. 10, *2*). Думается, мотивы, подобные танабергенским, и послужили смысловым праобразом позднейших собственно андроновских пирамидальных построений из треугольных элементов в третьей зоне.

Число треугольников, образующих мотив «пирамидок», не ограничивается шестью и варьирует от трёх до двадцати одного (табл. 9, I; 60-68; 70; 72, *1*; 73; 167-175; 220; 224; 225; 234-236), что обусловлено утраченным в более позднее время изначальным смысловым значением данных орнаментальных символов. ***Но из 167 сосудов с треугольниками «пирамидального» типа «пирамидки» из шести элементов фигурируют на 78 горшках, т.е. на 46,7%, или почти половине экземпляров. Это удостоверяет исходный канонический характер и мифокалендарную символику шестичастных «пирамидок».***

Ещё С.В. Зотовой установлено, что такие мотивы характерны для Прииртышья и восточных областей андроновского ареала [Зотова, 1965, с. 180]. Действительно, из 78 сосудов со сгруппированными по шесть треугольниками «пирамидального» типа только два сосуда найдены в Южном Зауралье (Сосновский, Урефты I), и по два – в Центральном (Самара, Балыкты) и в Северном Казахстане (Алыпкаш, Ермак). Находки прочих 72 экземпляров сделаны в Восточном Казахстане (12), Барабе (7), в Новосибирском (1) и Томском Приобье (4), на Алтае (15), в Кузнецкой котловине (18) и на Среднем Енисее (15).

Территориальное распределение 89 сосудов, орнаментированных «пирамидками» с неканоническим числом треугольных элементов, соотношения почти не меняет, но подтверждает приоритет кузнецких и среднеенисейских комплексов: Южное Зауралье (2), Семиречье (2), Центральный Казахстан (8), Северный Казахстан (5), Восточный Казахстан (7), Бараба (8), Новосибирское Приобье (1), Томское Приобье (8), Алтай (10), Кузнецкая котловина (16), Ачинско-Мариинская лесостепь (1), Средний Енисей (21).

Не сложно заметить, что 71 сосуд с подобной орнаментацией найден в междуречье правого притока Оби р. Ини и Енисея, т.е. в Кузнецкой и средненисейских котловинах, а также в Ачинско-Мариинской лесостепи. Это основная доля, составляющая 42,5% в общей массе андроновской керамики, орнаментированной «пирамидальными» мотивами. Поэтому андроновские композиции с треугольниками «пирамидального» типа, скорее всего и в большей степени, присущи сосудам из позднеандроновских комплексов. Не случайно среди андроноидных культур «пирамидальные» орнаментальные построения из треугольных элементов (вершиной вверх и / или вниз) зафиксированы, главным образом, только на керамике древнейшего этапа карасукской культуры [см.: Поляков, 2013, с. 403-407, рис. 1, 12; 2, 1, 4] и на сосудах из захоронений и поселенческих комплексов андроноидной танайской культуры (см.: 2.2.).

Симптоматично и сочетание пирамидок с одним-двумя другими мотивами в пределах третьей зоны (рис. 11, *3-7*). Такие примеры знаменуют и отражают начинающиеся андроноидные трансформации. Подобные орнаментальные композиции буквально в синхронном отображении передают зримые следствия процессов культурогенеза и преломление андроновской традиции в андроноидную. Небезынтересно, что присутствие трёх (а иногда и двух) различных мотивов / элементов в пределах любой орнаментальной зоны отражает наступление «предандроноидной» фазы угасания культуры (рис. 11-13).

Позднее стилизованные двухярусные «пирамидки» из треугольников вершиной вниз встречаются на ирменской керамике, включая т.н. ордынские и реже подобные им быстровские экземпляры [Матвеев, 1993, с. 136, рис. 23, 16; с. 172, табл. 18, 3; с. 180, табл. 26, 7; Зах, 1997, с. 58, рис. 24, 2, 11; с. 59, рис. 25, 9; с. 60, рис. 26, 14], а также близкие танайским сосуды еловско-ирменского комплекса Крохалёвки 7А [см. по: Титова, Троицкая, 2008, с. 97, рис. 4, 4, 6; с. 99, рис. 5, 3; Сумин, Евтеева, Ануфриев, Росляков, 2013, с. 199, рис. 138]. Имеются «пирамидки» на посуде из мавзолеев Северного Тагискена, датированных IX-VIII вв. до н.э. [Итина,

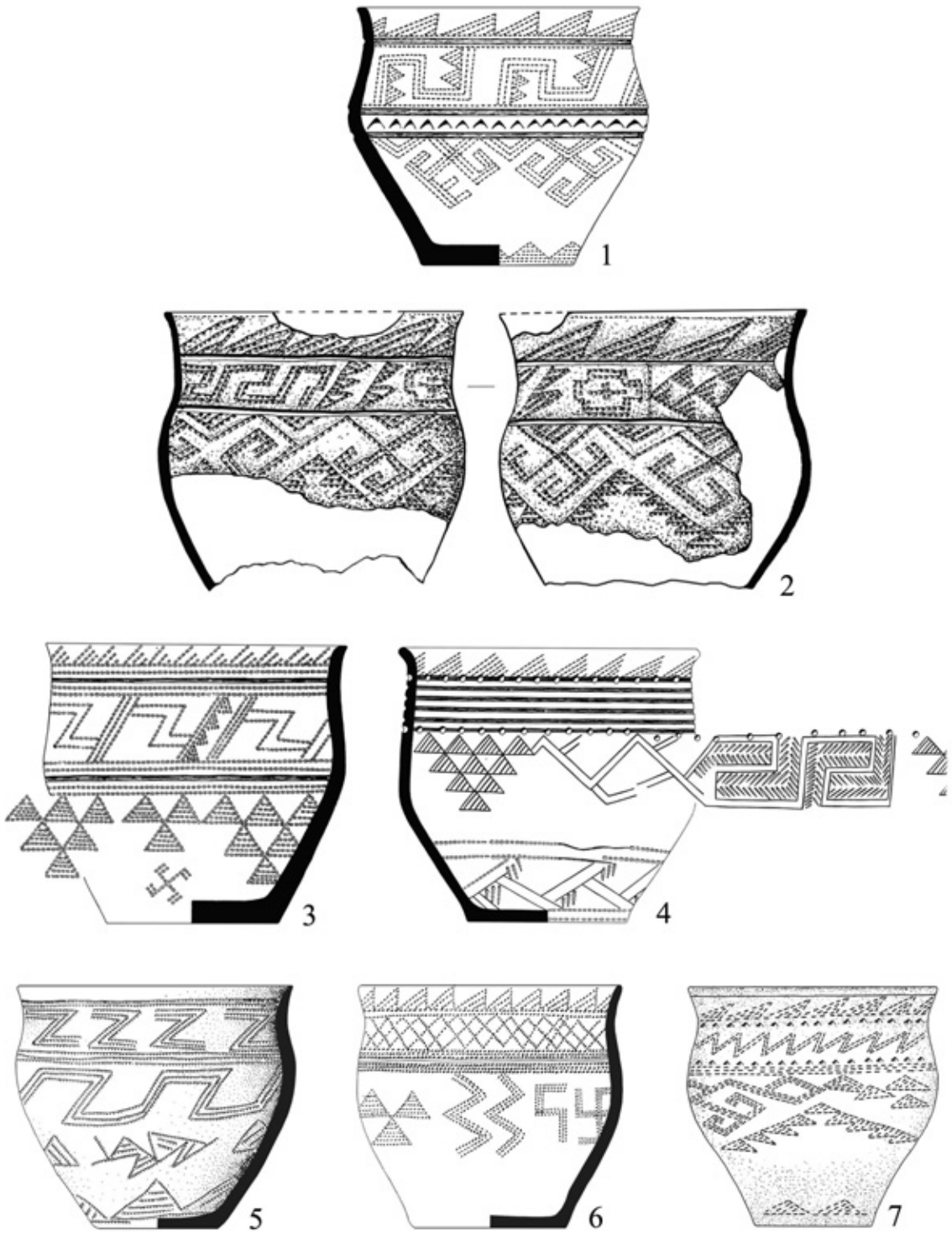


Рисунок 11. Сочетание различных мотивов и элементов в одной зоне:1, 3, 4 - ЕК-II; 2 - Танай XII; 5, 6 - Фирсово XIV; 7 - Малый Койтас.

Яблонский, 2001, с. 101; рис. 47, 116; 50, 154; 59, 277; 62, 306; 68, 365; 81, 501; 82, 513; 95, 643], а также, например, в Синцзяне на сосудах из могильника на западном берегу р. Манас, в 5 км к северу от города Шихецзы [см. по: Новоженов, 2012, с. 274, рис. 161А, 9, 10].

Известны примеры, когда змее- / драконоборческий мотив, олицетворяемый длительностью и, следовательно, новогодней вехой календарного года, изображалась не «пирамидальными» построениями, а меандровыми символами. «Развёртки» подобных орнаментальных схем с «ковровым» меандром А-типа на сосудах из могильников ЕК-II, к. 52, м. 4, № 8 (рис. 14, *2*; табл. 194, *5*), Бурлук I (рис. 14, *3*; табл. 197, *5*) и Телеутский Взвоз-I (рис. 14, *1*) также удостоверяют мифокалендарное смысловое значение данных композиций и их содержательную синонимичность мотиву шестичастных «пирамидок». Количество отдельных «ковровых» меандровых сегментов-«крючков» А-типа в орнаментации третьей зоны сосуда из ЕК-II составляет двенадцать (рис. 14, *2*; табл. 194, *5*), а из Телеутского Взвоза-I – тринадцать (рис. 14, *1*), что соответствует двенадцатимесячному или эмболисмическому тринадцатимесячному году соответственно. Орнаментальная композиция на сосуде из могильника Бурлук I передаёт этот мифокалендарный мотив несколько иначе (рис. 14, *3*; табл. 197, *5*). «Ковровые» меандры А-типа представлены пятью сдвоенными элементами, т.е. образуют десять сегментов. Но смыкается этот бордюр двумя ромбовидными фигурами с косым крестом внутри. Думается, так означались два пограничных месяца уходящего Старого и наступающего Нового года. Двенадцатичастность как смысловая основа этой орнаментальной конструкции удостоверяется обрамляющим меандровый бордюр шестиконечным зигзагом, образованным фестонами из треугольников. Шестиконечная фигура «внутри» двенадцатичастной, вероятно, олицетворяла упоминавшиеся полугодия – «зимний» и «летний» годы андроновского календаря (см. выше). Небезынтересно, что количество треугольников на венчике этого сосуда составляет двадцать восемь – число дней календарного месяца с видимой луной, а количество ромбов во второй зоне равно тридцати шести или трёхлетнему календарному циклу (без учёта эмболисмического месяца), принятому у ряда народов (?) (рис. 14, *3*; табл. 197, *5*).

Ещё один пример символизации мифокалендарных представлений и змее- / драконоборческого сюжета представлен на «развёртке» сосуда из ЕК-II (рис. 12, *3*; табл. 170, *6*). В средней (второй) зоне этого горшка сочетается «серпентоморфный» мотив цепочки взаимонаправленных треугольников и линейный меандр замкнутого типа. Последний мотив соотносится с образом змее- / драконоборца (см.: 5.6.-5.7.), а первый – с его противником. Последовательность чередования / смены мотивов справа-налево, т.е. по часовой стрелке или по движению солнца, следующая: цепочки с ***шестью*** взаимонапрвленными треугольниками – ***два*** сегмента меандра – цепочки с ***двумя*** взаимонаправленными треугольниками (один нижний неокончен) – ***два*** сегмента меандра, или формульно: ***т6 × м2 × т2 × м2 = 12*** (рис. 12, *3*; табл. 170, *6*). Общее число сегментов соответствует числу месяцев календарного года. Из них первые шесть переданы «серпентоморфным» мотивом и означают «зиму» – время противника змее- / драконоборца, от осеннего равноденствия до весеннего равноденствия: конец сентября-октябрь – конец марта. Следующие два меандровых сегмента означали «весну» – апрель-май. Затем следуют два «серпентоморфных» сегмента, означающие «лето» – июнь-июль, и два меандровых сегмента, символизирующие «осень» – август-сентябрь. Таким образом, «зима» и «лето» олицетворяются «серпентоморфными» мотивами, а межсезонье – линейными меандрами. Символизация «лета» мотивом змея / дракона обусловлена его использованием для обозначения самого образа змее- / драконоборца, а также противопоставляемыми поворотными точками летнего и зимнего солнцестояния (противопоставленные треугольники).

5.5. АДЖА ЭКАПАД, ВАРУНА И КОСМОГРАФИЧЕСКИЕ КОМПОЗИЦИИ

В восточной части собственно андроновского культурного массива заметно увеличивается представительство ряда орнаментальных композиций, редко встречающихся в центральной и западной областях общеандроновского ареала. Одно из таких построений представлено сочетанием каннелюр во второй зоне орнаментального поля с вертикальной «ёлочкой» в третьей зоне сосуда. При такой инвариантной комбинации орнаментальных элементов украшение венчика – первой зоны – определяло двух- или трёхзональность сосуда, а равно сам тип композиционного построения. Первую зону – зону венчика – могли заполнять треугольники

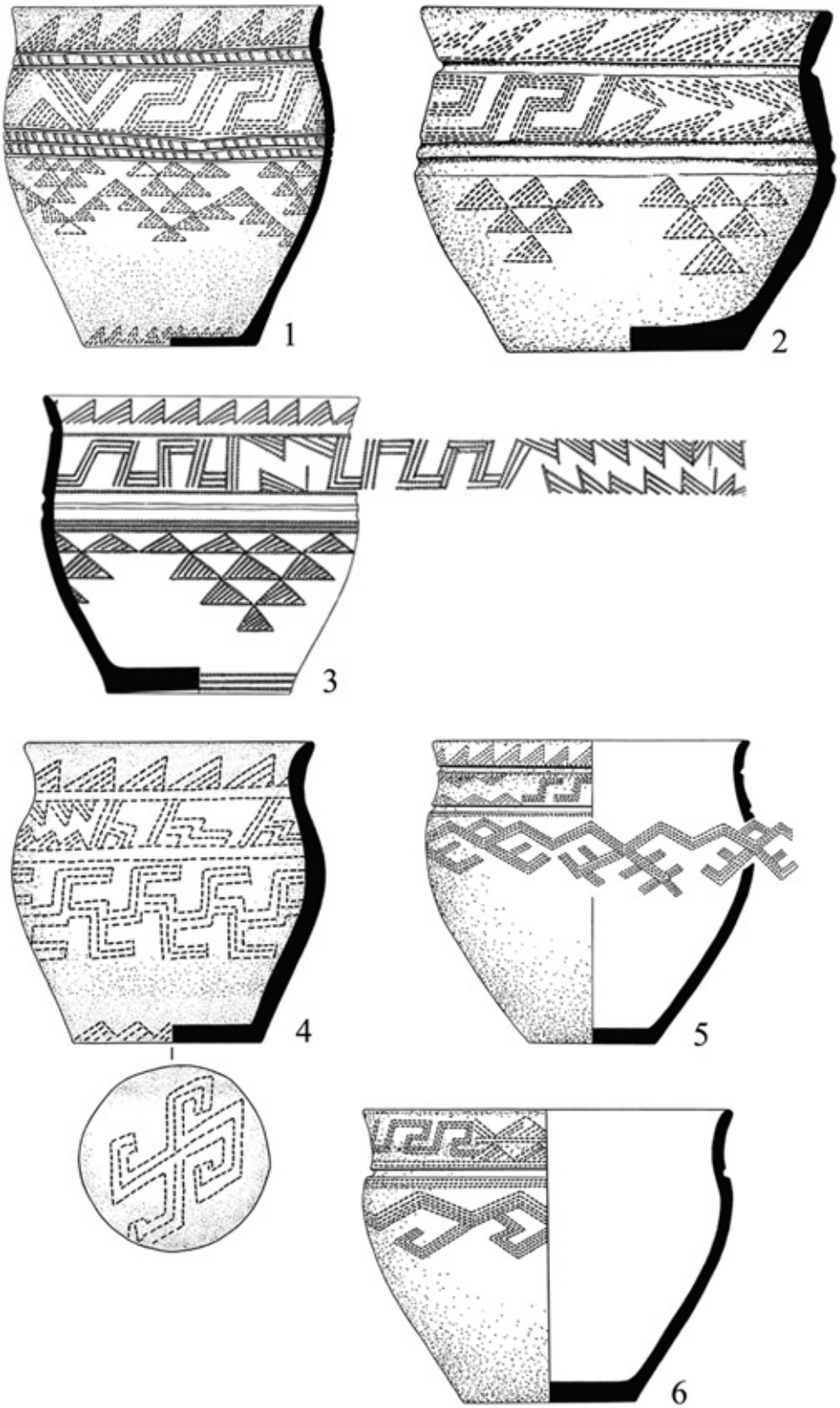


Рисунок 12. Сочетание различных мотивов и элементов в одной зоне:1 - Титово II; 2 - Меновное-9; 3 - ЕК-II; 4 - Быково II; 5, 6 - Мичурино I.

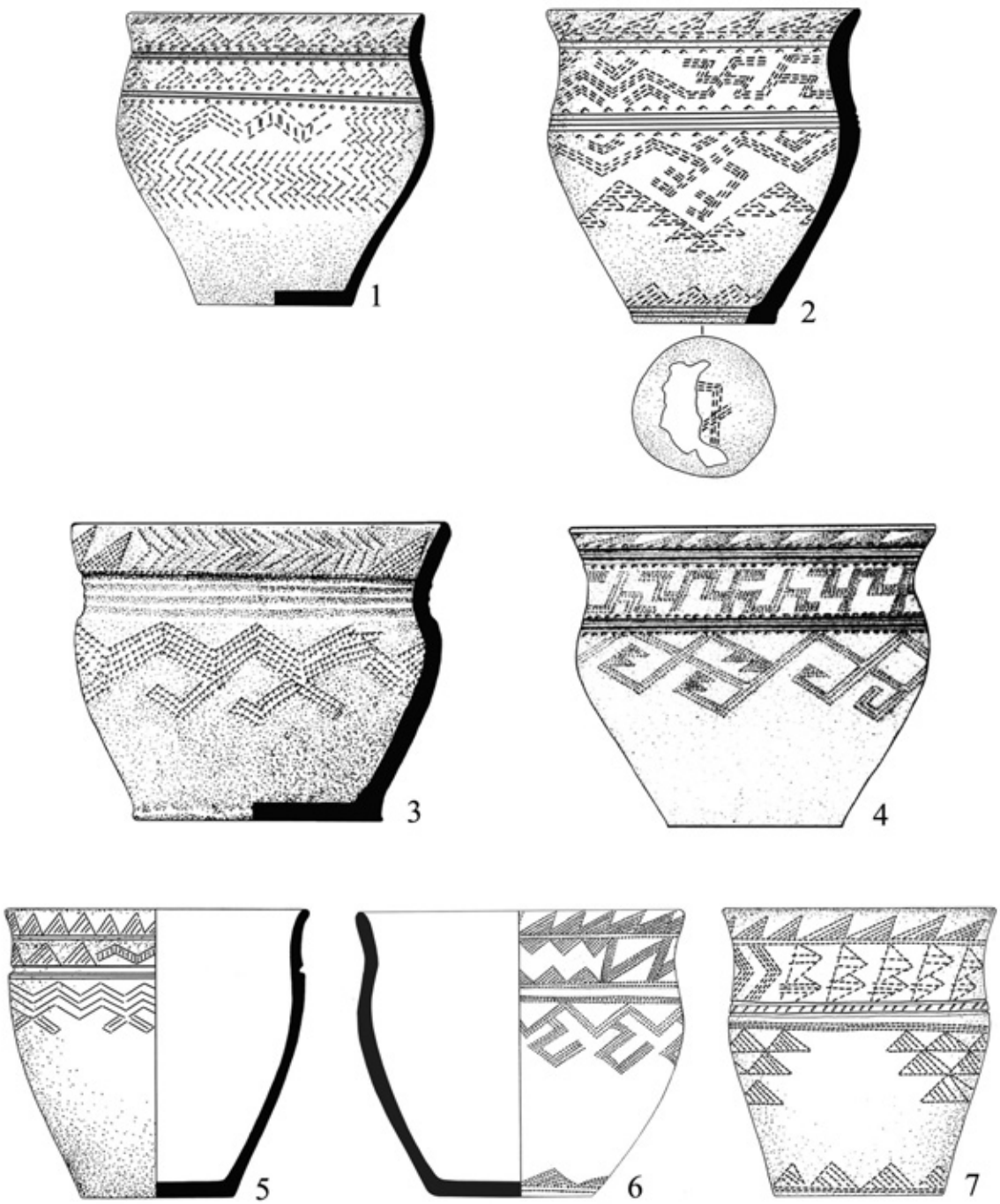


Рисунок 13. Сочетание различных мотивов и элементов в одной зоне:1 - Сухое озеро I; 2 - Титово II; 3 - Кытманово; 4 - Юрман I; 5 - Мичурино I; 6 - Фирсово XIV; 7 - Андроново.

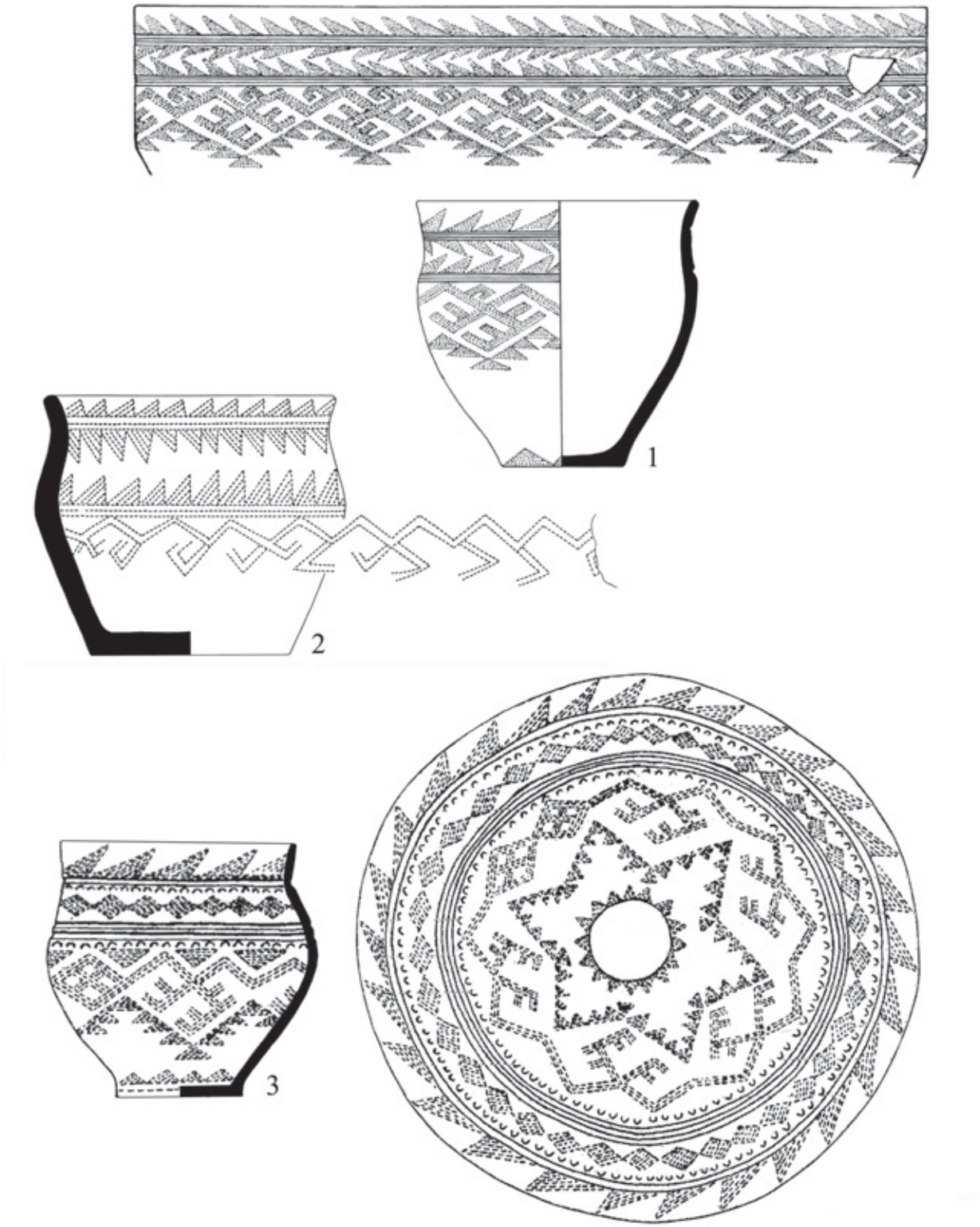


Рисунок 14. Мифокалендарные композиции:
1 - Телеутский Взвоз-1; 2 - ЕК-II; 3 - Бурлук I.

(табл. 257-263), иные элементы декора (табл. 266-280), либо её декор продолжал каннелюровый рисунок второй зоны или отсутствовал вовсе (табл. 264-265). Перечисленные отличия, вероятно, отражают развитие и трансформации андроновского орнаментального комплекса в целом, его хронологию и окончательную стилизацию изначальной орнаментальной схемы. Но ***сохранение ключевой инвариантной связки каннелюров и «ёлочки» удостоверяет неизменность означаемого данным сочетанием смыслового значения орнаментального построения, представленного различными композиционными вариациями.***

Истоки представительной серии подобных орнаментальных композиций, по моему мнению, восходят к аркаимо-синташтинскому периоду и специфическому сюжету, зафиксированному на сосудах этого пред- или раннеандроновского времени. Это схематичное изобразительное воплощение одного из индоиранских, а равно древнеиранских мифологических персонажей, запечатлённое на аркаимо-синташтинской керамике из Синташтинского могильника и могильника Бестамак. Стилизованные вариации этих орнаментализованных изображений фигурируют на сосудах из могильников Кривое Озеро, Кулевичи III и Танаберген II. Ключевые признаки главного персонажа переданы либо как винтообразные «рога», включённые в орнаментальную схему (рис. 15, *1, 2*), либо как знаковые символы, запечатлевшие стилизованную одноногость подразумеваемого образа (рис. 15, *3-9*; 16, *1-5*). Особенно показательно стилизованное, но недвусмысленное изображение «одноногого козла» на сосуде из могильника Бестамак (рис. 15, *2*).

Судя по форме рогов, на бестамакском, а также на одном сосуде из Синташтинского могильника схематично запечатлены головы восточнокавказского (или дагестанского) тура или же западнокавказского тура (кубанский тур или кавказский горный козёл) (рис. 15, *1, 2*). ***Не исключено, что данные орнаментализованные изображения указывают на ареал протоаркаимо-синташтинского населения («южного субстрата») до его исхода в Южное Зауралье и Северный Казахстан.***

На ряде сосудов изображение стилизованной головы козла утрачено, но «подпирающий» её вертикальный зигзаг не исчезает, опоясывая тулово сосудов (рис. 15, *3-9*; 16, *1-5*). Это удостоверяет единство смыслового значения символа, переданного и со схематичными козлиными рогами, и без этих деталей. Другим примечательным признаком данной орнаментальной схемы представляется неорнаментированная зона шейки, отграниченная от венчика и тулова горизонтальными рядами гребенчатого штампа или каннелюрами. Можно предположить, что таким образом передавалось небо, поддерживаемое божественными персонажами. Так, в Ригведе поддерживающему небо одноногому козлу Адже Экападу уподобляется сам Варуна, считавшийся «создателем изначального мира» [Кёйпер, 1986б, с. 159]:

Тот измерил древнюю область,
Кто опорой держал врозь два мира,
Как Аджа (поддерживает) небо.
[Ригведа, VIII. 41. 10].

Ф.Б.Я. Кёйпер излагает этот гимн Варуне несколько иначе [Ригведа, VIII. 41. 10]: «Он (Варуна. – *И.К.*) сотворил первое творение, тот, кто своей колонной держит врозь оба мира, как Аджа /поддерживает/ небо» [Кёйпер, 1986б, с. 159].

Стоящий у Мирового дерева и поддерживающий небо одноногий козёл Аджа Экапад [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 587] в Ригведе независимо упоминается лишь однажды. В оставшихся же четырёх случаях его имя связано с именем «змея глубин» Ахи Будхнья, равно как и их объединение в домашнем ритуале. Подлинное имя божества, скрытое под эпитетом Аджа Экапад, осталось неизвестным. Но его связь со змеем Ахи, молнией и одноногость [Топоров, 1994, с. 44] указывают на серпентоморфные признаки [Ковтун, 2013в, с. 81]. Поэтому зигзагообразность орнаментального символа аркаимо-синташтинского времени (рис. 15; 16) одновременно олицетворяет и праобраз «змея глубин» Ахи Будхньи, связанного с одноногим козлом Аджей Экападом [Топоров, 1994а, с. 91], имя и одноногость которого выступают метафорой молнии [Топоров, 1994, с. 44]. Примечательна причастность Ахи Будхньи ко всем сферам мироздания и их обитателям: «к небу и земле, солнцу и месяцу, горам, растениям, животным» [Топоров, 1994б, с. 137], что и демонстрирует структура рассматриваемых орнаментальных композиций.

В свою очередь, за персонажем, близким фигуральной проекции Аджи Экапада и Ахи Будхньи, мог стоять образ Варуны, которому уподобляются и поддерживающий небо одно-

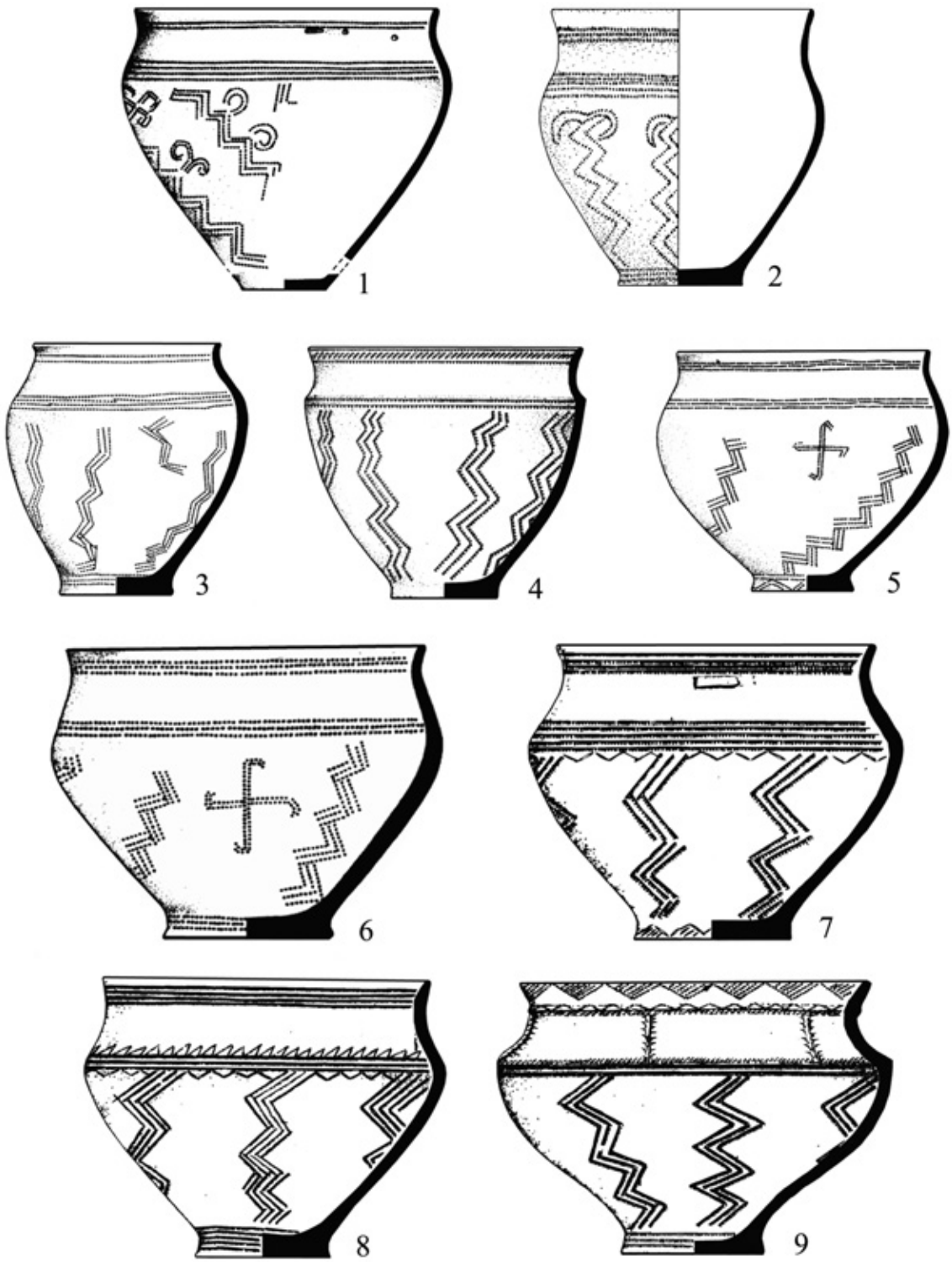


Рисунок 15. Сюжет «одноногий козёл у Мирового дерева»: Синташтинский могильник: 1 - погр. 8; 3, 4 - погр. 3; 5, 6 - погр. 2; 2 - Бестамак, погр. 140; 7-9 - Синташтинский могильник.

ногий козёл [Кёйпер, 1986б, с. 159], и «змей глубин». Общим знаменателем сближения Аджи Экапада и Варуны выступает образ Мирового дерева – структурирующего столпа мироздания. Варуна поддерживает Мировое дерево – дерево жизни [Кёйпер, 1986б, с. 159; Елизаренкова, 1999, с. 477] перевёрнутым корнями вверх, а его ветви или указанные корни, свисающие вниз, – это солнечные лучи [см. крат. обзор: Елизаренкова, 1989а, с. 557]:

В бездонном (пространстве) царь Варуна с чистой
силой действия
Держит прямо вершину дерева.
(Ветви) направлены вниз. Их основание – наверху.
Да укоренятся в нас лучи!
[Ригведа, I. 24. 7].

Образ перевёрнутого Мирового дерева представлен в поздневедийских источниках, а также в мифологиях эвенков, селькупов, якутов и качинцев [Кёйпер, 1986б, с. 159; Сагалаев, 1991, с. 113; Топоров, 2010, с. 216-217, 247; Быконя, 2011, с. 135; см. также: Атхарваведа (Шаунака), II. 7. 3; Катха Упанишада, II. 3. 1; Майтри Упанишада, VI. 4]. Сочетание фигуры Варуны с мотивом перевёрнутого Мирового дерева и их сибирские соответствия [Ковтун, 2013в, с. 81-84] удостоверяют вероятность североазиатских истоков функционального плана данного божества. Следовательно, подобные представления могут восходить к эпохе и содержанию бестмакско-синташтинской и каннелюрно-«ёлочных» андроновских композиций.

Для соотнесения праобраза Варуны или близкого ему божества с андроновским мировоззренческим комплексом небезынтересна находка деревянного столба «корнями вверх» с заострённым концом и тремя резными желобами в жертвенно-ритуальном кургане 3 алакульско-андроновского могильника Лисаковский I. Э.Р. Усманова указывает на связь цитированного гимна [Ригведа, I. 24. 7] с лисаковским столбом [Усманова, 2005, с. 38-40, фото 39-44; с. 107-111], датированным по ^{14}C 1780 г. до н.э. [Панюшкина, 2013, с. 204]. Добавлю, что три резных желоба на этой статуарной конструкции могли символизировать непосредственную причастность Варуны, а точнее предполагаемого праобраза этого или подобного ему божества, к троичности мироздания (подр. см. 5.2.).

Показательны и змеиные черты Варуны, сопоставимые не только с признаками Ахи Будхньи, но и Вритры. Его эпитет – «гад» или «гадюка», имена Вритра и Варуна восходят к общей этимологии, оба персонажа способны сковывать-связывать людей и воды и др. [Дюмезиль, 1986, с. 213; Элиаде, 1998, с. 143; Элиаде, 1999, с. 77-78, 380, 389-390; Элиаде, 2009, с. 252–253]. Ночную ипостась Варуны, уподобляющегося змее – гадюке (придаку), олицетворяет западное направление, символизирующее заходящее солнце [Атхарваведа (Шаунака), III. 27. 3, XII. 3. 57]. Змеиность Варуны подчёркивает и свита, включающая демонов-змеев Шешу и Такшаку [Невелева, 1975, с. 75; Кёйпер, 1986б, с. 159]. Он Бог Океана, где обитают змеи и нагараджа – «змеиный царь» [Элиаде, 1999, с. 380].

Для обоснованности параллелей с бестамакско-синташтинскими и собственно андроновскими композициями методологически существенно, что Варуна почитался как высочайшее божество ещё в период индоиранской общности [Невелева, 1975, с. 73]. Соперничество «новой религии Индры» с древней «религией Варуны» и замещение / вытеснение первым последнего вслед за Р. Ротом, У.Д. Уитни, А.Э. Макдонеллом [Macdonell, 1897, p. 20] и А.Б. Кейтсом констатировали и индийские исследователи [см. напр.: Чаттопадхьяя, 1961, с. 572, 678-679; Дандекар, 2002, с. 118; Радхакришнан, 2008, с. 55]. Древний бог Варуна, пребывающий скрытым в подземном мире, в месте нахождения Змея – противника демиурга [Иванов, Топоров, 1974, с. 5, 38], в доведийский период оставался божеством хаоса и космических вод, находящихся под землёй, а позднее стал хранителем космического закона [Кёйпер, 1986, с. 48, 75; Эрман, 1996, с. 113]. Амбивалентность образа Варуны сочетает змееподобные черты архаичного хтонического божества с более поздним ведийским обликом небесного хранителя космического закона[25].

Змееподобие, хтонические черты, причастность к поддержанию Мирового дерева и связь с противником змее- / драконоборца присущи архаическому индоиранскому, т.е. доведийскому

[25] М. Элиаде замечает: «С точки зрения логики все эти “рептильные” атрибуты никак не могут подходить такому небесному божеству, как Варуна. Но миф приоткрывает онтологическую область, где законы поверхностной логики не имеют силы. Миф о Варуне являет нам божественное двуединство, наложение противоположностей, происходящую внутри божественной природы тотализацию всех атрибутов» [Элиаде, 1999, с. 380].

образу Варуны. Он сменил божество Неба, Дьяуса, и принадлежит к сонму первичных богов – асуров. Ведийскому облику этого верховного божества предшествует образ Варуны, привнесённый в Индию, как впервые предположил А.Б. Кейтс, извне. Имя же «Варуна», возможно, заимствовано из языка переднеазиатского народа, с которым индоарии когда-то соприкасались [Елизаренкова, 1960, с. 10; Чаттопадхьяя, 1961, с. 678; Иванов, Топоров, 1974, с. 5, 38; Невелева, 1975, с. 73; Лелеков, 1980, с. 121; Дюмезиль, 1986, с. 86; Кёйпер, 1986, с. 48, 75; Эрман, 1996, с. 113; Элиаде, 1999, с. 100 и др.; Дандекар, 2002, с. 22, 118 и др.; Элиаде, 2009, с. 248-249 и др.]. Варуна мог бы считаться «индоарийским» божеством, поскольку он отсутствует в древнеиранском пантеоне [Гиндин, 1972, с. 297; Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 168; и др.]. Но как главный асура он сравним с верховным авестийским «асурой» – Ахура Маздой. Поэтому неоднократно отмечавшийся параллелизм ведийского Варуны и авестийского Ахура-Мазды восходит к индоиранскому состоянию [Macdonell, 1897, p. 8, 28; Чаттопадхьяя, 1961, с. 678; Овсянико-Куликовский, 1962, с. 147; Дюмезиль, 1986, с. 85-86; Абаев, 1990, с. 55; см. также: Лелеков, 1978, с. 194; и др.]. Так, ведийскому композиту Митра-Варуна в Авесте соответствует Митра-Ахура, Ахура-Митра [Гиндин, 1972, с. 297; Елизаренкова, Топоров, 1979, с. 52].

Прототипические истоки Варуны гораздо древнее ведийских текстов. По-видимому, часть предыстории данного божества сопряжена в том числе с эпохой и ареалом индоиранско–финно-угорских или праиранско–финно-угорских контактов. Об этом могут свидельствовать выявленные функциональные схождения Варуны и угорского Нуми-Торума [Кузьмина, 1997, с. 186; Ковтун, 2013в, с. 85, 109 и др.]. С индоиранским / праиранским периодом, возможно, связаны индоиранские или праиранские заимствования в финно-угорских языках, свидетельствующие о сравнительно раннем почитании индоиранцами / праиранцами и финно-уграми праобраза ведийского Варуны – «Грозного господина» и «асуры из асуров» [Ковтун, 2013в, с. 87-88][26].

Таким образом, наряду с фигурами, близкими Адже Экападу и Ахи Будхнье, ключевым персонажем бестамакско-синташтинского сюжета, а равно стилизованно-реминисцентных каннелюрно-«ёлочных» андроновских композиций, могло быть древнее индоиранское / праиранское божество, функционально идентичное архаичному облику Варуны и праобразу Ахура-Мазды.

Не исключено, что бестамакско-синташтинской композицией, включая её стилизованные версии, подразумевался более широкий семантический план. Так, восходящий к индоиранской эпохе и известный в Авесте как дух вод, живущий в их глубинах ведийский бог Апам Напат родственен Трите, олицетворяющему божество молнии, воплощение огня в молнии, рождающейся в тучах, среди атмосферных вод, откуда его эпитет – Аптья, т.е. «Водяной». Предполагается, что Апам Напат, или «Сын Вод», также представлялся воплощением молнии [Macdonell, 1897, p. 69-70; Эрман, 1980, с. 72]. Он связан с водой и огнём и выступает как эпитет Агни и Савитара, будучи одновременно причастным к «змею глубин» Ахи Будхнье и одноногому козлу Адже Экападу [Топоров, 1994а, с. 91], имя и одноногость которого, в свою очередь, как уже отмечалось, представляются метафорой молнии [Топоров, 1994, с. 44]. Поэтому вариации смыслового значения бестамакско-синташтинской орнаментальной серии, помимо пра- или прообраза стоящего у Мирового дерева и поддерживающего небо Аджи Экапада, могли включать ещё и ряд соотносящихся с ним персонажей, функционально напоминающих Триту Аптью, Апам Напата, Ахи Будхнью и, разумеется, Варуну. Данный перечень мифологических образов удостоверяет древность рассматриваемого орнаментального сюжета, восходящего, как и его предполагаемые герои, к индоиранской архаике. С этими образами соотносится устойчивый ассоциативный ряд инвариантных представлений о молнии (небесном огне) и водах – атмосферных (т.е. небесных) водах, а также о различных ипостасях Мирового дерева, воплощённых в фигурах Варуны, Аджи Экапада и, вероятно, в облике соединяющей небо и землю молнии.

---

[26] Мордовское azor или azoro – «господин» – соответствует др.-инд. asura – «божество», «демон», «господин, хозяин» [Абаев, 1972, с. 28; Барроу, 1976, с. 28]. В несколько иной интерпретации финно-угорскому assrz – «господин», «вождь» – и морд. azoro соответствуют праиндоиранское asura- и др.-инд. ásuraḥ [Редеи, 1997, с. 151]. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов, как и Т. Барроу, добавляют к этому мансийское āter, ōter – «князь», которое Т. Барроу переводит как «герой» [Барроу, 1976, с. 28], но вслед за А. Йоки относят его к раннеиранскому заимствованию в финно-угорском [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 923; см. также: Членова, 1984, с. 98]. Архаичное смысловое значение заимствованной финно-уграми индоиранской и индоарийской вокабулы «асура» определяет змеиность Варуны и его отождествление с Вритрой [Элиаде, 2009, с. 249; см. также: Эрман, 1980, с. 90].

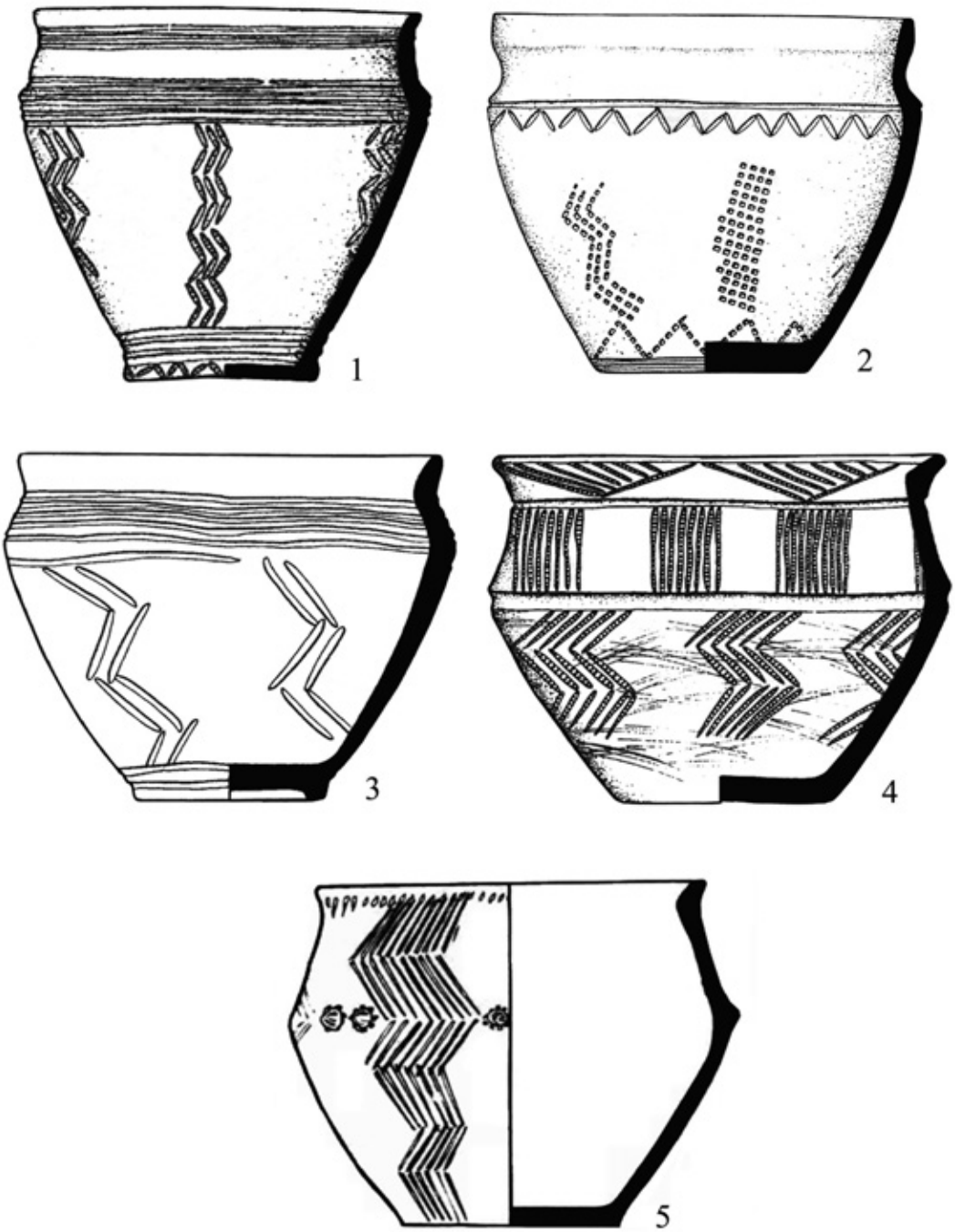


Рисунок 16. Сюжет «одноногий козёл у Мирового дерева». 1 - Кривое озеро, к-н 2, яма 8; 2 - Кривое озеро, к-н 2, яма 7; 3 - Кулевчи III; 4 - Кривое озеро, к-н 10, яма 19; 5 - Танаберген II.

На аркаимо-синташтинской стадии ключевая семантическая составляющая композиции, по-видимому, сводилась к пра- или прообразам Аджи Экапада, Варуны и к иным символизациям мифологической космографии. Но судя по смутной причастности к фабуле реконструируемого повествования отца Трайтаоны (Триты) Атвьи, соответствующего имени ведийского божества Триты & Атвьи и идентичного Трите Аптье, упоминающегося при победе над трёхглавым Вишварупой [Ригведа, X. 8. 8] и участвующего в убийстве Вритры [Ригведа, I. 187. 1; Топоров, 1977, с. 94-95], протосюжету аркаимо-синташтинской композиции могли быть присущи ещё и змее- / драконоборческие мотивы.

Данное орнаментальное построение зафиксировано на ограниченном числе сосудов, происходящих буквально из четырёх-пяти памятников этого и более позднего, по мнению Н.Б. Виноградова, петровского (Кулевичи III, Кривое Озеро) [Виноградов, 2003; Виноградов, 2011] периода (рис. 16, *1-4*). Примечательно, что эта композиция идёт в разрез с архитектоникой всей аркаимо-синташтинской орнаментации с её непроницаемыми горизонтальными бордюрами. В отличие от подобной «горизонтально» выстроенной орнаментальной схемы, композиция с предполагаемым праобразом одноногого козла Аджи Экапада или Варуны демонстрирует принципиально иной способ структурирования и пространственного расположения элементов. Орнаментальное поле данных сосудов «рассекается» зигзагообразными линиями по вертикали на отдельные «сектора» (рис. 15; 16). Такое вертикальное зонирование орнаментальной композиции решительно противоречит принципам построения собственно аркаимо-синташтинского декора. Вероятно, появление этой атипичной орнаментальной схемы связано с неким этнолингвокультурным, а соответственно и с мировоззренческим субстратом (судя по форме рогов тура, «южным» или собственно «кавказским» ?) в составе неоднородного аркаимо-синташтинского комплекса.

Последующая стилизация рассматриваемой орнаментальной композиции аркаимо-синташтинского времени отразила утрату содержательного разнообразия сюжетных линий подразумеваемого ею мифологического повествования. Небезынтересно, что подобное орнаментальное построение не получило своего заметного продолжения в петровской, алакульской, нуртайской, кожумбердынской и других культурных традициях западной и центральной части «общеандроновского» ареала. Но в собственно андроновском орнаментальном комплексе представлена серия типологически однородных композиций, восходящих к бестамакско-синташтинскому сюжету. Возможность такой преемственности удостоверяется специфическими палеоантропологическими признаками, сочетающимися в синташтинской популяции и унаследованными петровскими, алакульскими и фёдоровскими (т.е. собственно андроновскими – *И.К.*) краниологическими сериями. Именно этим обусловлена характеристика синташтинского населения как основы для формирования петровских, алакульских и фёдоровских (под фёдоровскими подразумеваются собственно андроновские – *И.К.*) групп [Зубова, Чикишева, Поздняков, 2014, с. 552-553]. Это удостоверяется и тесной генетической связью синташтинского и собственно андроновского населения, представляющегося территориально-хронологическим расширением синташтинского генофонда [Allentoft, Sikora, Sjögren, Rasmussen, Rasmussen, Stenderup, Damgaard, et al., 2015, p. 169][27].

Итак, среди инвариантных комбинаций собственно андроновской орнаментации усматриваются позднейшие реминисценции бестамакско-синташтинской композиции. Это каннелюрно-«ёлочные» сочетания (КЁ), характеризующиеся особой территориальной локализацией. Гипотетически можно предположить, что каннелюры символизировали небо и небесные / атмосферные воды (?), к которым причастны Трита & Атвья (Трите Аптья) и Апам Напат, тогда как вертикальная «ёлочка» – это декоративно стилизованный образ Аджи Экапада и его метафоры – молнии. Древность мотивов свидетельствует о раннем формировании смысловой подоплёки данной инвариантной комбинации, восходящей к вышеописанному орнаментальному сюжету бестамакского и синташтинских сосудов (рис. 17).

В любом случае ключевым мотивом подобных композиций представляется «ёлочка», т.к. каннелюры не обладали самостоятельным смысловым значением, что удостоверяется их

[27] Результаты данных палеоантропологических и генетических исследований представляются методологически значимыми, поскольку подтвержают историческую реальность андроновской общности. Утверждения об отсутствии таковой в связи с разновременностью культурных составляющих, их якобы существенных антропологических и генетических различиях [Яблонский, 2013, с. 35], опровергаются выводами вышеуказанных естественнонаучных изысканий.

использованием в качестве разделителя орнаментального поля, а в смешанных композициях только как мотива второй (очень редко первой) зоны. Симптоматично, что каннелюры никогда не употребялись в качестве мотива третьей зоны (см.: 4.2.). В отличие от ключевых орнаментальных построений – «меандров», «треугольников», «зигзагов» и «ёлочки» (вертикального зигзага)», перекрёстносочетаемых и во второй, и в третьей зонах, каннелюры не входят в перечень этих двенадцати вариаций[28].

Каннелюрно-«ёлочные» (КЁ) инвариантные комбинации главным образом найдены близ или к востоку от р. Оби, на восточной периферии андроновского ареала. Это четвёртая по численности орнаментальная схема передана двумя сравнительно архаичными мотивами – «ёлочкой» и каннелюрами (рис. 17; табл. 257-280). Общее количество сосудов, украшенных каннелюрно-«ёлочным» орнаментом, в составе учтённой генеральной совокупности составляет 164 экземпляра, или 16,6%, что более чем троекратно превышает уровень статистически значимой величины. Для сравнения данную орнаментальную схему численно опережают только зигзаговые (З – 304 экз.), «ёлочные» (вертикальный зигзаг) (Ё – 274 экз.) и треугольные (Т – 214 экз.) построения. В свою очередь, каннелюрно-«ёлочные» композиции превосходят треугольно-меандровые (ТМ– 158 экз.), каннелюрно-зигзаговые (КЗ – 147 экз.) меандровые (М – 137 экз.) и все прочие инвариантные комбинации. Значительная доля каннелюрно-«ёлочных» построений составляет представительство композиционного варианта неоклассический полисюжет (табл. 25; 266-280), также присущего в основном позднеандроновским комплексам. Это удостоверяется заимствованными параллелями на лугавских сосудах [Ковтун, 2001а, с. 164-165, табл. 113] (рис. 5; 6). Поэтому архаичным истокам мифологемы, подразумеваемой этим инвариантным сочетанием, сопутствует длительность бытования её орнаментальных символизаций.

Охватывая главным образом восточную часть ареала, сосуды с каннелюрно-«ёлочной» орнаментацией (рис. 17) «потеснили» серию сосудов с композициями, олицетворяющими змее- / драконоборческую фабулу основного мифа (см.: 5.4.; 5.7.; и др.). По всей видимости, в позднеандроновское время эта идея «вытесняется» из числа наиболее популярных мифологических представлений, а равно из андроновской ритуальной практики, архаичной космографической схемой. Вероятно, олицетворяемое ею повествование было содержательно переосмыслено андроновцами. Думается, андроновская версия этого мифа сохранила универсальное представление о структурирующем вселенную Мировом дереве и утратила либо переформатировала образ поддерживающего небо одноногого козла, близкого фигуре Адже Экапада, связанного со «змеем глубин» Ахи Будхньей и персонифицированного в Варуне (рис. 17). Но ощутимое уменьшение доли сосудов с орнаментальной символизацией змее- / драконоборческого сюжета в любом случае указывает на мировоззренческие пертурбации в андроновском социуме. Следствием последних стало обращение к древним архетипическим представлениям и определённое содержательное замещение и / или редакция ортодоксальных мифоритуальных канонов.

5.6. АНДРОНОВСКИЕ БРАСЛЕТЫ И БАРАН-ИНДРА / ВЕРЕТРАГНА

О смысловом значении отдельных инвариантных комбинаций, а также некоторых орнаментальных элементов андроновского декора можно судить по их присутствию на ряде браслетов с конусовидными спиралями на окончаниях (рис. 18, *3*; 19).

Например, в орнаментации андроновского браслета из могильника Лисаковский I сочетаются ***совмещённый линейный меандр замкнутого и сомкнутого типов с «ковровым» меандром А-типа*** (рис. 18, *3*). Думается, смысловое значение этой орнаментальной композиции соотносится с её изображением на браслете, увенчанном образной конической имитацией двух рогов барана – архара (аргали) или / и уриала (рис. 18, *1-2*). Поэтому фигура и деифицированные персонификации данного животного представляются ключевыми при интерпретации семантики и мифокалендарной символики лисаковского браслета и подобных ему изделий.

[28] Не исключено, что следствием видоизменённой стилизации этой же синташтинской схемы является и инвариантная комбинация Ё–3, в которой «ёлочное» заполнение орнаментального поля увенчано треугольниками по венчику, также связанными с небесными – солярными символизациями (табл. 134).

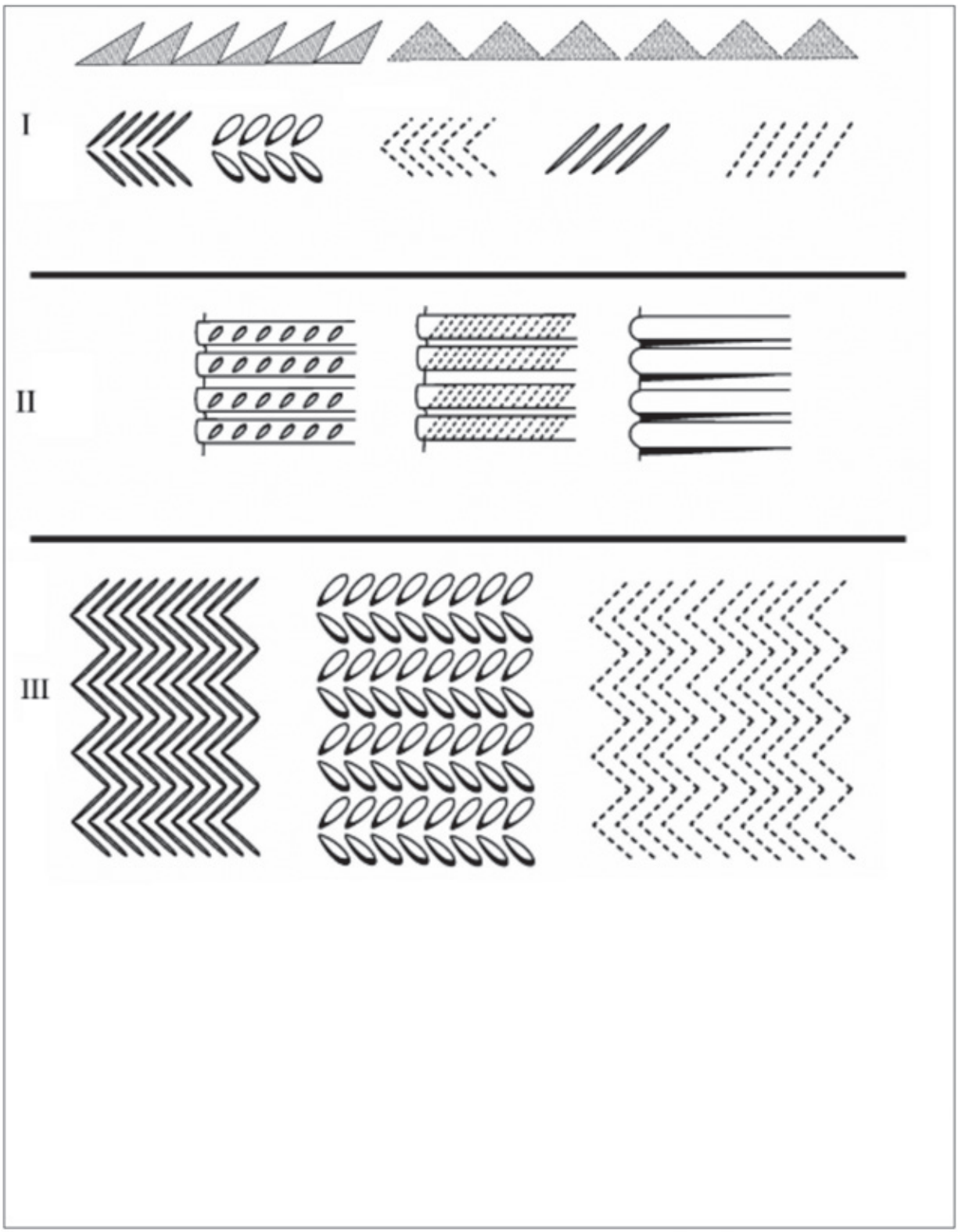


Рисунок 17. Схема построения орнаментальных вариаций, восходящих к сюжету «одноногий козёл у Мирового дерева».

В индоевропейской традиции овца / баран является одним из трёх, основных жертвенных животных, посвящённых богам [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 581]. Баран входил в число жертвенных животных ведийских ариев, однако не был главным среди них [Элиаде, 2009, с. 267]. Но иногда под обликом этого животного подразумевался совсем иной персонаж:

Этого барана – много раз призванного, прославленного
Индру опьяняйте хвалебными песнями, (этот) поток добра,
Чьи (деяния) ради людей распространяются, как небеса.
Воспевайте (нам) на радость щедрейшего вдохновенного!
[Ригведа, I. 51. 1].

Бараном Индру называют потому, что однажды в облике барана он пришёл к риши Медхатитхи, сыну Канвы, выжимавшего сому, и выпил его напиток [Елизаренкова, 1989а, с. 573]. Гимн прославляет деяния Индры, включая главный космогонический подвиг – убийство Вритры. Следующий гимн, представляющий Индру в облике барана, уже целиком посвящён победе Индры над Вритрой:

Я хочу прекрасно возвеличить этого барана, находящего солнце,
Чья сотня благотворных (сил) сразу приходит в движение.
Как скакуна – к награде, мчащуюся на зов колесницу –
Индру я хотел бы обратить к себе на помощь хвалебными песнями.
[Ригведа, I. 52. 1].

В обоих гимнах повторяется тема основного мифа о поединке Бога Грозы и его противника [Иванов, Топоров, 1974, с. 164 и др.]. В третьем гимне баран-Индра, заметив жертвователя, собирающего сому для жертвоприношения, возглавляет и ведёт Марутов [Елизаренкова, 1989а, с. 550]:

Когда он карабкался с вершины на вершину
(И) видел, как много надо сделать,
Тогда Индра замечает (его) цель.
Как баран (-вожак) он приходит в движение вместе со стадом.
[Ригведа, I. 10. 2].

Но и здесь обнаруживаются сюжетные элементы одной из вариаций основного мифа:

(Загон с коровами,) легко открываемый, легко опустошаемый, –
О Индра, (это) отличие, даваемое только тобой!
Открой загон с коровами!
Соверши благодеяние, о хозяин давильных камней!
[Ригведа, I. 10. 7].

В этих стихах гимнов употребляется лексика мифа об освобождении Индрой коров демона Валы [Елизаренкова, 1989а, с. 550]. Смысловое значение этого подвига тождественно убийству Индрой Вритры, а оба мифа – дублеты, восходящие к исходному космогоническому прамифу [Огибенин, 1968, с. 52; Елизаренкова, 1999, с. 456; см. также: Иванов, Топоров, 1974, с. 43-44].

Ещё одно упоминание об освобождении Индрой коров Валы в сочетании с обращением божества в барана содержится в мандале VIII:

Могущественный, который даже без следов (нашёл) коров,
Дал их как друг мужам,
Которые возлагали на него надежду…

И правда, о повелитель давильных камней, наделённого видением
Потомка Канвы – Медхьятитхи (ты услышал),
Когда, превратившись в барана, отвёл (его на небо).
[Ригведа, VIII. 2. 39, 40].

Таким образом, все приведённые гимны полностью или частично, непосредственно или опосредованно посвящены демиургическому акту Индры, а барану-Индре неизменно сопутствует повторяющийся сюжет или сюжетный эпизод основного мифа. Инвариантность установленного сочетания означает, что именно баранья ипостась божества отождествлялась с главным космогоническим подвигом Индры, ставшим отправной точкой его акта Творения. В облике барана Индра убивает Вритру, потому что «мир и жизнь не могли родиться иначе как через умерщвление аморфного первичного Существа» [Элиаде, 2009, с. 258].

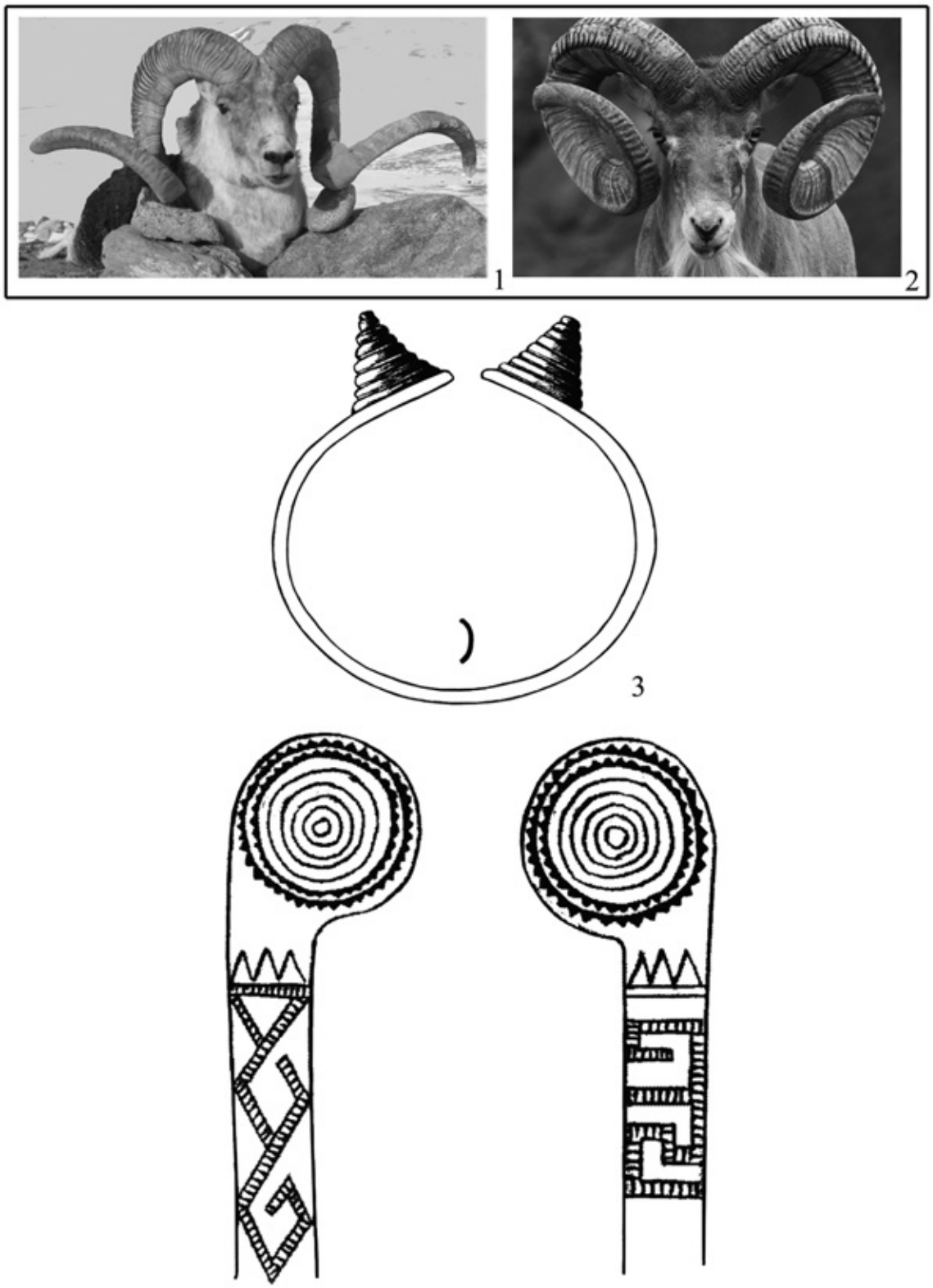


Рисунок 18. Бараны и андроновский браслет с конусовидными:спиралями.
1 - Архар (аргали); 2 - Уриал; 3 - Лисаковский I.

Не всем упоминаниям этого деяния Индры сопутствует его перевоплощение в барана, но все упоминания барана-Индры сопровождаются описанием этого деяния. Поэтому образ барана-Индры представляется архаизмом контекстной ситуации с центральным мотивом космогонического жертвоприношения [Ковтун, 2013в, с. 154-155].

Обращение к теме жертвоприношения удостоверяет и мотив сомы как жертвенного напитка, всегда сопутствующего Индре в облике барана [Ригведа, I. 10. 2, 3, 5, 7, 11; I. 51. 1, 2, 7, 8, 10, 12, 13; I. 52. 2, 3, 5, 10, 14; VIII. 2. 40]. Гимны, посвящённые соме, относятся к чрезвычайно древнему слою, а культ сомы / хаомы (хаумы) возник ещё в индоиранский – общеарийский период (В. Вюст, М. Винтерниц) [Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 113; Елизаренкова, 1999а, с. 324]. В. Вюст и М. Винтерниц даже считали посвящённую соме (Соме) мандалу IX древнейшей частью Ригведы [Елизаренкова, 1989, с. 475-476; Елизаренкова, 1999а, с. 324]. Поэтому жертвоприношение сомы, безусловно, восходит к архаическим, общеиндоиранским жертвоприношениям животных и животной пищи, включая овец и баранов, их мясо и шерсть [Ковтун, 2013в, с. 156].

Вероятно, к архаичному индоиранскому корню восходит и древнеиранское представление о перевоплощении в барана божественного змее- / драконоборца. Это удостоверяется упоминающимся в Авесте явлением Веретрагны в образе барана:

Явился Заратуштре
Восьмой раз так Вэртрагна,
Создание Ахуры:
Бараном горным диким,
Прекрасным, круторогим, –
Явился так Вэртрагна.
[Гимн Вэртрагне. «Бахрам-яшт», Яшт 14. VIII. 23].

Прообраз Веретрагны (Вртрагны) древнее авестийских текстов, а идея мифа о победе над Вритрой хронологически предшествует возникновению образа Индры [Невелева, 1975, с. 60]. Это удостоверяется совпадением эпитета Индры и Веретрагны (Вртрагны) – «Вритрахан», т.е. «убийца Вритры», восходящим к индоиранской общности и к индоиранской стадии данного змее- / драконоборческого сюжета [Брагинский, 1994, с. 233; см. также: Эрман, 1980, с. 67; Топоров, 1994в, с. 221]. Хотя с Индрой образ Веретрагны и не отождествлялся [Дьяконов, 1990, с. 211][29]. Следовательно, облик барана, присущий и ведийской, и авестийской фигуре божественного змее- / драконоборца, также восходит к индоиранским истокам индоарийской и древнеиранской версий основного мифа.

Имитация рогов барана-Индры / Веретрагны на андроновских браслетах двумя конусовидными спиралями предполагает соответствие смыслового значения подобного браслета именно этой ипостаси божества, связанной с идеей жертвоприношения. Аналогичный мотив отражает и орнаментация браслета, позволяющая реконструировать доктринальную сюжетную линию, символизируемую сочетанием декора на обруче изделия с его конусовидными окончаниями.

Характерная орнаментация присуща браслету из с. Искандер под Ташкентом (рис. 19, *2*). Обруч изделия украшен цепочками взаимонаправленных треугольников, содержательно близких «серпентоморфному» бордюру из аналогичных элементов, напоминающих орнаментальный окрас спины гадюки (рис. 7; 8) как метафорического образа Змея, «обвивающего» среднюю зону горшка.

По всей видимости, идентичное содержательное значение присуще орнаментации из треугольных элементов на браслете из Узгена или Аурахмата (рис. 19, *3*), а также зигзагообразно-ромбическому декору на браслете из ЕК-II (рис. 19, *1*). Очевидно, что «рогами» браслета означалась фигура победителя – змее- / драконоборца в облике барана, а взаимонаправленные треугольники, соотносимые с окрасом гадюки (рис. 8; 9), символизировали его поверженного змееподобного противника.

Согласно высказанному предположению, указанный орнаментальный мотив мог олицетворять змее- / драконоборческие подвиги праобраза Триты Аптьи, а также Индры или иного функционально схожего персонажа посредством передачи / совмещении образа змее- / драко-

[29] В качестве героя-змееборца основного мифа индоариев (протоиндоариев) Индре предшествовал позднее вытесненный им Трита [Macdonell, 1897, p. 68-69; Эрман, 1980, с. 72; Елизаренкова, 1989, с. 495; см. также: Топоров, 2006а, с. 481-484, 491-492].

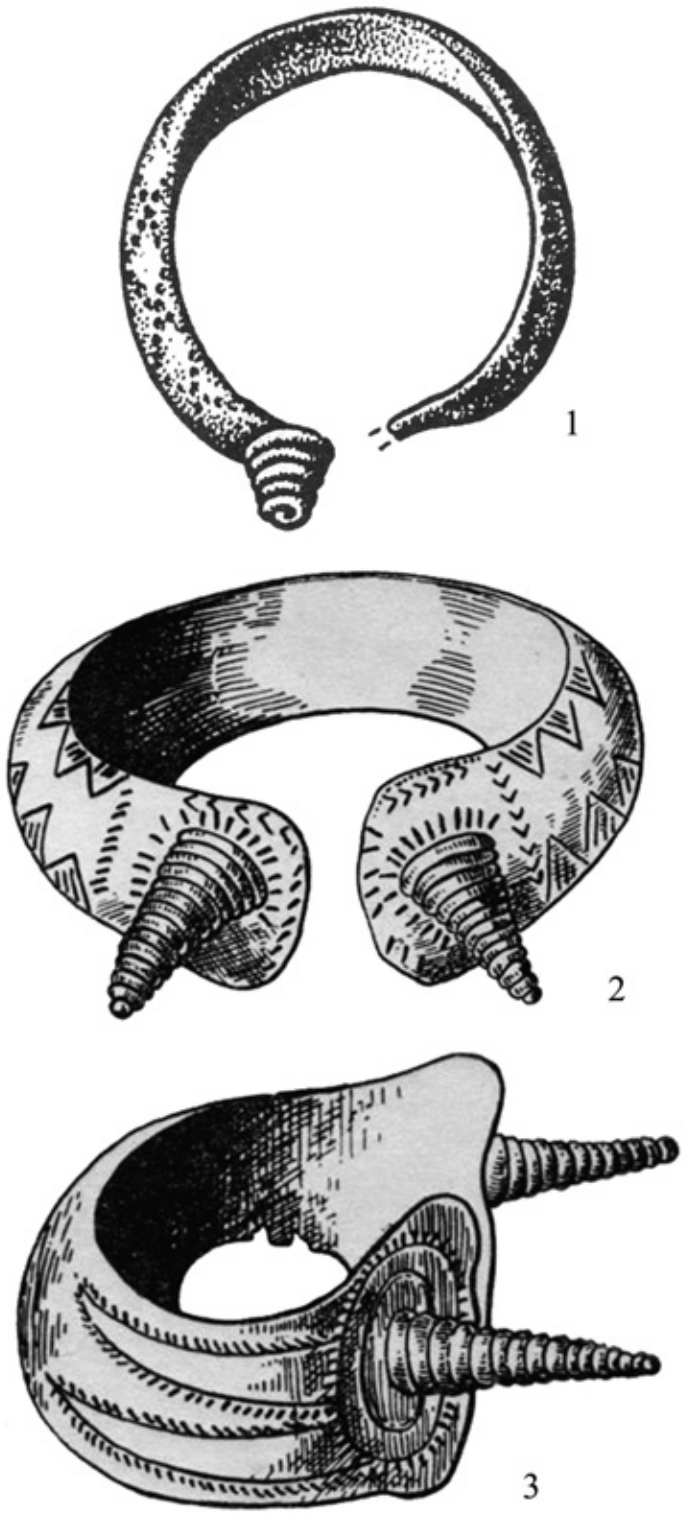


Рисунок 19. Браслеты с конусовидными спиралями: 1 - ЕК-II; 2 - с. Искандер, под Ташкентом; 3 - Узген или Аурахмат.

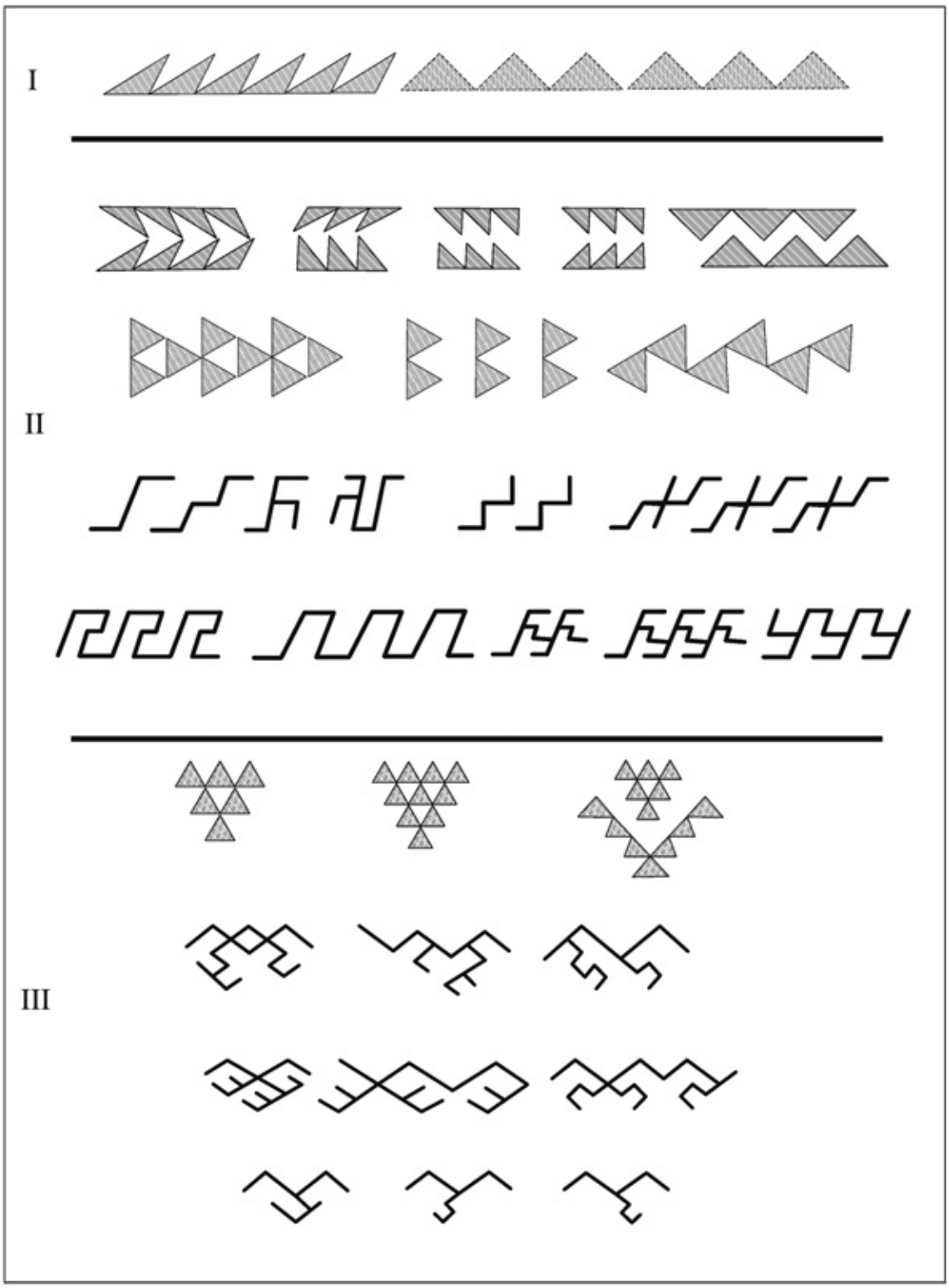


Рисунок 20. Схема построения орнаментальных вариаций, символизирующих фабулу основного мифа.

ноборца (с) характерными чертами его оппонента [Ковтун, 2013в, 69-70, 100] (см.: 5.3.; 5.4.). Подобная орнаментация, представленная мотивом взаимонаправленных треугольников во второй зоне, запечатлена и на андроновских сосудах: Т–19, Т–20, Т–21-22, Т–27 – 45 сосудов (табл. 64-67; 68, *1, 3, 4*; 69, *1, 2, 6, 7, 10, 13*; 70, *1-4, 6*; 73); ТМ–10, ТМ–11, ТМ–12 – 32 сосуда (табл. 189-193), ТМ–13, ТМ–14; ТМ–15-16 – 46 сосудов (табл. 194, *1-5*; 195; 199; 200); ТМ–22-23, ТМ–24-26 – 13 сосудов (табл. 203, *1, 2, 4-8, 10*; 204, *1-3, 5, 6*); ТЗ–2, ТЗ–4-5 – 22 сосуда (табл. 208-210; 212).

5.7. ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ВАРИАЦИИ ОСНОВНОГО МИФА

Итак, одним из двух главных (при трёх реконструированных) сюжетов, означаемых серией андроновских орнаментальных композиций (рис. 7; 17; 20), представляется содержание основного мифа (рис. 20). Структурированные комбинации различных кардинальных мотивов и элементов орнаментации олицетворяли смысловые оттенки мифологического повествования, образные вариации его ключевых персонажей и их атрибутики, фабулу сюжета и календарные аспекты мифа и т.п. Но всё это разнообразие в конечном итоге сводилось к орнаментальной символизации архетипической победы змее- / драконоборца на рубеже Старого и Нового года над своим противником и преобразованием мироздания, ассоциируемым с началом нового календарного цикла (рис. 20).

При реконструкции ключевого смыслового содержания семантически значимых андроновских композиций большое значение имела орнаментация андроновского браслета с конусовидными спиралями из могильника Лисаковский I (рис. 18, *3*). В отличие от прочих подобных изделий, на браслете из Лисаковского I фигурирует не один, а два мотива, сочетанием которых означалось некое содержание, соотносящееся с семантическим планом конусовидной имитации бараньих рогов (рис. 18, *3*). На этом браслете ***совмещённый линейный меандр замкнутого и сомкнутого типов сочетается с «ковровым» меандром А-типа.*** Смысловое значение последнего отчасти реконструируется по позднейшим обско-угорским параллелям. У хантов и манси мотив, идентичный андроновскому «ковровому» меандру А-типа, только с одним крючком, спущенным из вершины зигзага, имеет название «соболь» или «соболь с головой» [Иванов, 1963, с. 135-136, рис. 83; Рындина, 1995, с. 325; Молданова, 1999, с. 103-106, 233, рис. 18]. У манси подобные орнаменты известны как «спящий соболь», «безголовый соболь», «соболь с головой», «ушки молодого соболя», «голова маленького соболя», «парная головка соболя», «сидящий соболь» и т.п., а также под иными наименованиями [Ромбандеева, 1992, с. 116-118, рис. 1, 12-15, 25, 28, 30-33; Шешкин, Шабалина, 2001, с. 20, рис. 26; с. 37-40, рис. 77-91, др.], заместившими первоначальное («соболь») только в прошлом веке [Молданова, 1999, с. 104].

По наблюдениям Т.А. Молдановой, проводящей параллель с соответствующей разновидностью андроновской орнаментации, у хантов Казымского Приобья ***этот мотив, как и сам соболь, связан с лесными духами (миш) и символизирует идею изобилия*** [Молданова, 1999, с. 103-106, 139]. Орнаментальный мотив «соболь» и его разновидности употребляли не везде, т.к. считали, что соболь – священный зверёк, за шкурку которого отдавали целого оленя [Сязи, 2000, с. 111]. Это также подтверждает связь соболя и его орнаментальных воплощений с идеей изобилия. Такая трактовка удостоверяется и предназначением вещей, на которые наносился подобный орнаментальный мотив у разных групп хантов Нижнего Приобья. Практически ***у всех групп нижнеобских хантов «соболь» и его разновидности украшают сумки, реже коробки и коробки для хранения швейных принадлежностей*** [Сязи, 2000, с. 42, 44, 46, 55, 57, 58, 61-62, 63, 72, 74, 78, 84, 95, 106]. У различных же хантыйских групп «соболь» и его вариации используются для орнаментации платьев, халатов, шуб, подушек и покрывал, мужской обуви, малиц и мехового гуся [Сязи, 2000, с. 61, 69, 73, 83, 89, 91, 99, 103, 107, 108]. Таким образом, очевиден классический случай метонимического тропа, в котором вместилище фигурирует вместо содержимого. Поэтому ***использование мотива «соболь» на сумках и коробках нижнеобских хантов*** связывает его с представлением об идее изобилия, восходящей к прото- или раннеобско-угорской архаике.

Аналогичные или близкие орнаментальные мотивы с названиями «безголовый соболь», «соболь» и «берёзовая ветка» зафиксированы у ненцев. Но сама Л.В. Хомич полагала, что

«многие мотивы орнамента ненцы заимствовали у хантов» [Хомич, 1966, с. 189-191, табл. IX, 5, 8; X, 8].

Сейчас распад, т.е. финал существования праобско-угорского языка, глоттохронологически датируется IX-VIII вв. до н.э. [Живлов, 2013, с. 219]. Следовательно, его бытование охватывает предшествующие столетия второй половины II тыс. до н.э. (вероятно, не позднее XIV в. до н.э.), совпадающие с уходом собственно андроновского населения с исторической авансцены. Вероятно, в этот переходный период носители праобско-угорских диалектов и заимствовали ключевые мотивы андроновской орнаментации вместе с представлениями о смысловом значении данных геометрических композиций[30]. Возможность такого заимствования в этот исторический период усматривается лишь в орнаментальном комплексе андроноидного культурного массива. При этом ***орнаментальные элементы, напоминающие либо соответствующие андроновскому типу «коврового» меандра А-типа, аналогичного хантыйскому и мансийскому мотиву «соболь / «соболь с головой», среди андроноидных культур известны только на еловской, пахомовской, фёдоровской*** (не путать с собственно андроновской)**, *а также бегазы-дандыбаевской керамике.*** Не исключено, что какие-то из перечисленных андроноидных сообществ были причастны к передаче указанного орнаментального мотива от ираноязычных андроновцев в праобско-угорскую среду, откуда он гораздо позднее и «появился» у хантов и манси.

Лингвистическая реконструкция названий деревьев в обско-угорском языке указывает на Западную Сибирь как на его прародину [Норманская, Дыбо, 2010, с. 251 и др.]. Следовательно, предлагаемая интерпретация удостоверяется и данными сравнительно-исторического языкознания. Во всяком случае, в рамках изложенной парадигмы предположение о праобско-угорской принадлежности (или ощутимом субстрате) наиболее обосновано в отношение еловской и пахомовской культур[31].

Симптоматично, что в числе предполагаемых немногочисленных заимствований из т.н. «андроновского арийского языка» фигурируют: 1) манс. *āćtər ʻкнут, плетьʼ – поздний авест. aštrā- ʻплеть, кнут, бичʼ, др.-инд. aṣṭrā- ʻстрекалоʼ < индоир. *aćtrā-; 2) коми dar (darj-) ʻразливательная чашкаʼ, удм. duriʒ ʻразливательная чашкаʼ < перм. *dariʒ – др.-инд. darvi- ʻразливательная ложкаʼ < индоир. *darvi-; 3) коми (летский диалект) varneʂ ʻгодовалая овечкаʼ – совр. перс. barra ʻягненокʼ, др.-инд. uraṇa- ʻбаран, ягненокʼ [Живлов, 2013, с. 219, 220].

Значения именно этих заимствований созвучны семантическому полю андроновского «коврового» меандра А-типа, аналогичного хантыйскому и мансийскому мотиву «соболь / «соболь с головой». Все три заимствования непосредственно соотносятся с фабулой и главным героем основного мифа, подразумеваемого образом божественного змее- / драконоборца (баран), идеей неиссякаемого изобилия (разливательная чашка / ложка) (см. также: 5.6.) и функцией магического атрибута, дарованного верховным божеством (кнут, стрекало) для «соТворения» – досозидания мироздания. В последнем случае подразумевается орудие авестийского Йимы: кнут-стрекало, бодило, стимул – «аштра», «украшенное золотом», данное ему Ахура-Маздой для расширения земли [Стеблин-Каменский, 1995, с. 166; Стеблин-Каменский, 2009, с. 12, 14, 18][32].

Темой изобилия и плодородия, олицетворяемой андроновскими «ковровыми» меандрами А-типа и угорским мотивом «соболь» / «соболь с головой», а равно возрождения новой жизни и процветания, идущих на смену «опустошению», пронизаны мифокалендарные представле-

[30] Данный вывод противоречит предлагаемой В.В. Напольских хронологии финно-угорско–иранских контактов, начало которых датируется им только концом II тыс. до н.э. [Напольских, 2010, с. 238 и др.; Напольских, 2014, с. 87].

[31] При этом остаётся неразрешённой проблема языка, а скорее диалектов (?) создателей бегазы-дандыбаевского комплекса. Проникновение его элементов с территории Казахстана неоднократно отмечалось исследователями по материалам памятников эпохи поздней бронзы Алтая и Барабы.

[32] В.И. Абаев считал данное заимствование протоиранским вкладом в финно-угорские языки [Абаев, 1981, с. 86-87]. Но Е.А. Хелимский полагал, «что обско-угорские и пермские формы не обнаруживают в форме и значении большего сходства с иранским материалом, чем с индоарийским мансийское *oštər – «кнут, плеть», мар. woštyr и венг. ostor, соответствуют индоиранскому *aštra, др.-инд. áṣṭrā – «острая палка, которой погоняют скот», а также авест. aštrā – «хлыст, плеть» [Хелимский, 2000, с. 506; см. также: Барроу, 1976, с. 28]. И.М. Стеблин-Каменский отмечает, что данное слово было заимствовано в финно-угорские языки и известно в коми, финском, мордовском, марийском, удмуртском, мансийском и венгерском [Стеблин-Каменский, 1995, с. 166; Стеблин-Каменский, 2009, с. 14]. Как атрибут сопоставимого с Йимой божественного персонажа рассматривается изображение стрекала в петроглифах Саймалы-Таша. Отмечается упоминание магии стрекала в заговоре Атхарваведы [Шер, 1980, с. 285-286].

ния индоиранских народов о переходном периоде от Старого к Новому году [см. напр.: Топоров, 1990, с. 20; Элиаде, 2009, с. 258]. Вероятно, ***к архаичной древне- или праиранской идее новогоднего изобилия и самого Нового года как времени начала нового цикла, означавшего возрождение мироздания, восходит и орнаментальная символика андроновского «коврового» меандра А-типа. Указанные смысловые значения свидетельствуют о передаче посредством данного орнаментального мотива генеральной змее- / драконоборческой идеи основного мифа.***

В этом содержательном качестве ковровый меандр А-типа сопоставим с символизацией главной календарной вехи основного мифа «пирамидками» из шести треугольников «пирамидального» типа (табл. 61, *1, 5*; 62, *2, 5, 6*; 63, *1, 2, 4, 6-9*; 64, *6, 8*; 65, *1, 2, 4-6*; 66; 67, *7*; 68, *4, 6*; 70, *1, 2, 4, 5*; 71, *1, 4*; 73, *1-3*; 167, *1-3*, *5-7*; 168, *4, 5, 8*; 169, *3, 4, 6*; 170, *2-5*; 171, *1-3, 8*; 172, *2, 3, 7*; 173, *1-3*; 174, *1, 5, 6*; 220, *5*; 224, *1, 2*; 225, *1, 4*; 234, *6*; 235, *1, 2*; 235, *8*; 236, *2-4*). Как уже отмечалось, последние олицетворяли отдельные полугодия – «зимний» и «летний» годы андроновского календарного цикла (см.: 5.4.).

Мифокалендарное смысловое значение мотива шестичастных «пирамидок» подтверждают «развёртки» семантически близких орнаментальных схем, но уже с «ковровым» меандром А-типа. Количество отдельных сегментов в меандровой орнаментации третьей зоны сосудов из ЕК-II, к. 52, м. 4, № 8 (рис. 14, *2*; табл. 194, *5*), Бурлук I (рис. 14, *3*; табл. 197, *5*) и Телеутский Взвоз-I (рис. 14, *1*) также соответствует двенадцатимесячному или эмболисмическому тринадцатимесячному году (см.: 5.4.). Аналогичные наблюдения сделаны мною в отношении ряда сосудов с такой орнаментацией из андроновских могильников Кузнецкой котловины, «развёртки» орнамента которых пока не опубликованы.

Фабулу основного мифа, скорее всего, символизируют и комбинации «серпентоморфных» мотивов (рис. 8; 9) ***из взаимонаправленных треугольников либо треугольников «горизонтального» типа с различными способами соединения*** (табл. 8, I-IV) ***и «ковровых» меандров А, Б и В-типов в третьей зоне***: ТМ–13, ТМ–14, ТМ–15-16, ТМ–22-23, ТМ–24-26 – 62 сосуда (рис. 20; табл. 194, *1-5*; 195-200; 203; 204)[33]. Олицетворяемые перечисленными треугольными мотивами второй зоны образы змее- / драконоборца и его поверженного противника находят продолжение / завершение этой сюжетной линии в третьей орнаментальной зоне. Здесь представлена орнаментальная символизация результата одержанной победы в виде наступившего изобилия, неразрывно связанного с ним начала нового календарного цикла – Нового года и преобразованного до трёхчастного мироздания.

Указанными количественными символизациями в этих орнаментальных построениях, семантически созвучных шестичастным «пирамидкам» в третьей зоне, олицетворялась мифокалендарная идея годового цикла и новогодняя веха его отсчёта.

Календарные аспекты основного мифа подразумеваются и инвариантной комбинацией ЗТ–1, где опоясывающий зигзаг во второй зоне, символизирующий серпентоморфного персонажа, сочетается с пирамидальными построениями из треугольников в третьей зоне (табл. 220, *1-5*).

Второй мотив орнаментальной композиции лисаковского браслета представлен линейным меандром замкнутого и сомкнутого типов. Самое известное представление о символике такого вида меандра связано с его непрерывностью, сочетающейся с изломом под прямым углом, а также отсутствием начала и конца, олицетворяющим вечность. Примечательно, что, например, в «Древнем Китае меандр соотносился с реинкарнацией и громом» [Топоров, 1994д, с. 273] и трактовался как «линия грома» и «грозовое облако» [Власов, 2001, с. 428]. При этом именно непрерывная волна прямоугольных меандровых узоров, т.е. замкнутый и сомкнутый типы линейных андроновских меандров (табл. 2; 3), известна в китайском искусстве как «завиток молнии» или «полоса облака» [Бир, 2011, с. 378]. Персонификация подобных значений указывает на фигуру Громовержца – главного противника и победителя Мирового Змея или дракона. Согласно фабуле основного мифа, именно с этим событием связываются новогодние празднества возрождения мироздания и начала нового жизненного и календарного цикла. Обоснованность китайских параллелей удостоверяется археологическими свидетельствами проникновения традиции андроноидной меандровой орнаментации в Северо-Восточный Китай. Здесь они известны в культуре байцзиньбао, начало которой приходится на IX в. до н.э., т.е. на средний этап Западного Чжоу [см. по: Гребенщиков, 1990, с. 74-75, рис.15, 11].

[33] Доводы о семантической идентичности «ковровых» меандров А-типа и «ковровых» меандров Б и В-типов приведены ниже.

Итак, для передачи смыслового значения орнаментально-фигуративной связки лисаковского браслета, символизирующей змее- / драконоборца в образе барана и его противника, поверженного на стыке Старого и Нового года, использовались не треугольные и зигзагообразные, а совершенно иные, меандровые элементы декора. Это объяснимо своего рода орнаментально-знаковым «билингвизмом», вариабельностью выразительных средств при передаче единого содержательного значения (рис. 20). Как замечено Ю.М. Лотманом, «мифологический текст, в силу своей исключительной способности подвергаться топологическим трансформациям, с поразительной смелостью объявляет одним и тем же сущности, сближение которых представило бы для нас значительные трудности» [Лотман, 2000, с. 277]. Одна и та же мифологема, её ключевой эпизод либо фабула сюжета олицетворялись устойчивыми сочетаниями различных орнаментальных символов с присущей этим инвариантным комбинациям максимальной семантической компрессией. В подобных андроновских композициях топологически идентичные ***линейные меандры замкнутого, сомкнутого и, вероятно, разомкнутого типов сочетаются с «ковровым» меандром А-типа***: М–3 – 20 сосудов, М–19 – 15 сосудов, и М–16 – 8 сосудов (табл. 28; 29; 37; 38; 44).

А-тип составляет самую представительную разновидность андроновских «ковровых» меандров (табл. 4). Они запечатлены на 147 сосудах (табл. 28; 29; 37; 38; 41, *1*; 44; 46, *3, 4*; 184; 187; 188; 194-198; 200, *3*; 203, *1-6, 9, 10*; 204; 218; 223, *1-9*; 232; 233, *1-5*). Для сравнения «ковровые» меандры В-типа (табл. 6) представлены на 58 (табл. 30; 31; 33; 41; 42; 46; 185; 200; 203, *7*; 223, *10, 11*), а Б-типа (табл. 5) на 32 (табл. 32; 33; 39; 40; 46; 199; 233, *6*) сосудах. Такое соотношение, территориальное распределение и фактор наличия А-типа в пред- / раннеандроновских комплексах свидетельствуют о безусловном хронологическом приоритете А-типа и производном характере В и Б-типов «ковровых» меандров.

Как и вышеупомянутые разновидности линейных меандров, все типы «ковровых» меандров также топологически гомеоморфны. Поэтому логично предположение о близости семантической нагрузки типологически однородных орнаментальных символов. Смысловое значение «коврового» меандра А-типа реконструировано, в т.ч. и по этнографическим параллелям. Для В и Б-типов аналогичные соответствия также имеются, но в меньшем количестве, скорее всего, вследствие производности этих мотивов. У хантов Казымского Приобья подобные типы «коврового» меандра представляют вариации мотива «соболь», а их происхождение, как и А-типа, справедливо связывается С.В. Ивановым и Т.А. Молдановой с данным типом андроновской орнаментации [Иванов, 1963, с. 161; Молданова, 1999, с. 179, 234, рис. 18 (продолжение), 7, 13, 17, 19-24]. Схожее направление развития мотива «соболь» отмечает и О.М. Рындина. Обско-угорские меандры, близкие андроновским «ковровым» Б и В-типа, производны от узора, близкого А-типу. Они присущи и северным, и южным группам обских угоров и возникли не в результате трансформации исходного мотива (А-типа – *И.К.*), а изначально [Рындина, 1995, с. 325-327, ил. 21, 10-12; с. 329, ил. 23], что удостоверяет архаичность данных построений.

В мансийском орнаменте ситуация иная. Многие орнаментальные вариации, конструктивно близкие андроновским «ковровым» меандрам А, Б и В-типа, носят наименование «рог оленя» (оленя-самца), «рог лося», «ветвистый рог оленя-быка», «непарный рог оленя», «рог осеннего оленя», «рог взрослого лося самца» и т.д., и т.п. [Ромбандеева, 1992, с. 117, рис. 1, 18-20; Шешкин, Шабалина, 2001, с. 46-53, рис. 110-133]. Возможно, это сравнительно позднее переименование мотива «соболь» [Молданова, 1999, с. 104] и его производных. Но использование образов промысловых животных для обозначения орнаментального мотива, олицетворяющего идею изобилия, представляется мансийской реминисценцией одного из ключевых аспектов основного мифа. Это борьба Громовержца или другого героя за обладание скотом, похищенным, спрятанным и удерживаемым его змее- / драконоподобным оппонентом [Иванов, Топоров, 1974, с. 5, 41-42, 45, и др.]. Прямым следствием победы змее- / драконоборца становится освобождение скота и изобилие / благополучие получивших его людей:

Ты завоевал коров, ты завоевал сому, о герой!
[Ригведа, I. 32. 12].
Кто, убив змея, пустил струиться семь рек,
Кто выгнал коров, (этот) устранитель Валы…
[Ригведа, II. 12. 3].
Могущественный, который даже без следов (нашёл) коров,

Дал их как друг мужам,
Которые возлагали на него надежду…
[Ригведа, VIII. 2. 39].
Убив трёхглавого, о семи лучах,
Трита выпустил коров даже у сына Тваштара.
[Ригведа, X. 8. 8] и т.д.

Трансформации этого сюжетного мотива зачастую принимали самые причудливые очертания. Например, «переход золотого руна от дракона к Ясону аналогичен мотиву перехода скота от противника Громовержца к Громовержцу в основном мифе» [Топоров, 2014, с. 173]. Поэтому в семантике мансийских орнаментов, напоминающих андроновские «ковровые» меандры и носящих названия промысловых и / или домашних животных, также обнаруживается инвариантный остаток сюжетного ядра основного мифа. Смысловое значение данных элементов и построений может восходить к воплощённой в орнаментальтных композициях андроновско-андроноидной версии змее- / драконоборческой мифологемы, заимствованной и перелицованной далёкими предками манси. Присутствие в названиях мансийских орнаментальных мотивов рогов животных, вероятно, обусловлено их ассоциацией с тёплым временем года[34]. Рога лося-оленя представлялись метафорой солнечных лучей: «для оленевода символом лета является “рогатость” стада, зимы – “комолость”... нетрудно уловить связь между растущим солнцем и пробивающимися ростками новых рогов» [Головнёв, 1995, с. 317, 323]. Подобная мифокалендарная символика указывает на начало Нового года и, следовательно, также приурочена ко времени ключевого события основного мифа. Фигуративные изображения с такими деталями присущи ряду культур Северной и Центральной Азии эпохи бронзы и особенно раннего железного века.

Семантический изоморфизм андроновских «ковровых» меандров удостоверяется и другими наблюдениями. Зафиксированы неоднократные случаи синонимичного замещения / сочетания различных типов «ковровых» меандров в одной орнаментальной зоне: А и В-типов (табл. 41, *1*; 184, *8, 11*; 200, *3*), А и Б-типов (табл. 223, *9*), А, Б, и В-типов (табл. 46, *3, 4*; 194, *5*), а также Б и В-типов (табл. 33). Данное обстоятельство позволяет экстраполировать реконструированное содержательное значение «ковровых» меандров А-типа на «ковровые» меандры В и Б-типов.

Таким образом, допуская вероятность смысловых оттенков, означаемых различными типами «ковровых» меандров, следует констатировать общность сюжетного лейтмотива, олицетворяемого этими орнаментальными построениями и сводящегося к фабуле и ключевым персонажам основного мифа. Такая интерпретация применима к ***сочетаниям линейного меандра замкнутого, сомкнутого и разомкнутого типов с «ковровым» меандром Б и В-типа***: М–4, М–5, М–6-7, М–11-12, М–13-14, М–17, М–18-21 – 54 сосуда (рис. 20; табл. 30-33; 39-42; 45; 46).

В сосуде из кургана 16 могильника Юрман I с орнаментальной композицией, сочетающей линейный меандр сомкнутого типа и «ковровый» меандр А-типа, были обнаружены когти собаки (волка) [Ковтун, Баштанник, Фрибус, 2015, с. 213-214, рис. 3]. Мифологические универсалии индоевропейских (и не только индоевропейских) народов связаны с представлениями о собаке как о психопомпе, а также страже входа загробного – Нижнего мира. Поэтому когти представителя канисовых в андроновском горшке содержательно соотносятся со смысловым значением орнаментальной композиции этого сосуда, а равно с семантическим контекстом всего ритуала погребения кремированных останков умершего[35].

---

[34] Например, в большинстве популяций рога у лосей начинают отрастать с конца марта – в апреле (на северных территориях в мае), достигая максимума к июлю-августу, а сбрасывают они их в ноябре-январе [Филонов, 1983, с. 12-15].

[35] Сопроводительные захоронения собак известны в ранне- / предандроновских (иногда, как в погр. 22 могильника Танаберген II в сочетании с конскими жертвоприношениями [Ткачёв, 2007, с. 28, 98-99], что, на мой взгляд, указывает на обряд, схожий с ашвамедхой [см. по: Ковтун, 2013в]), алакульских, в собственно андроновских и андроноидных погребальных комплексах. В собственно андроновской, а также в фёдоровской (фёдоровско-черкаскульской) погребальной практике захоронения собак зафиксированы в могильниках Сухомесовский, Фёдоровский, Кинзерский, Приплодный Лог I, Куропаткино II, Сухое озеро IA, Усть-Ерба [Михайлов, 1992, с. 110-114; Ковтун, 1994, с. 127]. Челюсть собаки обнаружена в могильнике Наровчатский I [Археология Южного Урала, 2006, с. 142-143, рис. 2.37, 4].

Когти собаки (волка), найденные на дне юрманского сосуда, по-видимому, попали туда с его истлевшей крышки. Можно предположить, что по принципу «pars pro toto» они олицетворяли саму собаку – стража, охранявшего «вход» и доступ к содержимому горшка, представлявшегося залогом перехода умершего в иной мир и олицетворением «напитка бессмертия» («сомы», «амриты» «хаомы», «хаумы»), предназначавшегося либо самому умершему (?), либо выступавшего в качестве жертвенного дара, преподносимого богам.

В первом случае важно, что, сома растёт «на пупе земли, в горах» [Ригведа, IX. 82. 3], т.е. в Центре Мира, где возможен проход между Небом и Землёй. Поэтому в Ригведе «сома очищающийся», «себя проясняющий», являвшийся главным предметом жертвоприношения ведийских ариев, становится напитком «не-смерти» – амритой [Элиаде, 2009, с. 261-262], способным возродить умершего. При этом, как уже отмечалось выше, мотив сомы всегда сопутствует божественному змее- / драконоборцу накануне и / или в момент схватки со своим противником. С помощью выпитого Индрой жертвенного сомы Громовержец побеждает Вритру [Овсянико-Куликовский, 1962, с. 152].

Следовательно, не только меандровая орнаментация юрманского горшка, но и его содержимое, «охраняемое собакой», причастны к семантическому полю основного мифа.

Небезынтересно, что в Древней Греции меандр сравнивали с лабиринтом царя Миноса [Топоров, 1994д, с. 273], т.е. с Кносским лабиринтом – логовом Минотавра. Такая трактовка также представляется мне инвариантным остатком ключевой сюжетной линии основного мифа, сводящейся к борьбе с хтоническим чудовищем героя Тесея, ведущего свою родословную в т.ч. и от Громовержца (Зевса) [Тахо-Годи, 1994, с. 502].

Реконструированное смысловое значение линейного меандра во второй зоне позволяет предположить, что и на прочих сосудах с подобной орнаментацией также подразумевался образ змее- / драконоборца и (или) Громовержца. Такое содержание данного мотива удостоверяется и его синонимичным сочетанием / замещением во второй зоне (с) бордюром из взаимонаправленных треугольников, напоминающим окрас гадюки (рис. 8), а также треугольниками иного типа (?) (рис. 9, I, II) как аллегории Змея, «обвивающего» среднюю зону горшка. В данном случае образ змее- / драконоборца передавался характерными чертами его противника [Ковтун, 2013в, 69-70, 100]. Но совместное использование сразу двух мотивов в средней зоне (рис. 11, *1-3*; 12, *1-5*; 13, *2*, *5-7*) подтверждает, что ***символизацией змее- / драконоборческих подвигов праобразов Триты Аптьи, Индры или функционально близкого им персонажа мог служить не только «серпентоморфный» бордюр из взаимонаправленных треугольников***: Т–19, Т–20, Т–21-22, Т–27 – 45 сосудов (табл. 64-67; 68, *1, 3, 4*; 69, *1, 2, 6, 7, 10, 13*; 70, *1-4, 6*; 73); ТМ–10, ТМ–11, ТМ–12 – 32 сосуда (табл. 189-193); ТМ–13, ТМ–14, ТМ–15-16 – 46 сосудов (табл. 194, *1-5*; 195; 199; 200); ТМ–22-23, ТМ–24-26 – 13 сосудов (табл. 203, *1, 2, 4-8, 10*; 204, *1-3, 5, 6*); ТЗ–2, ТЗ–4-5 – 22 сосуда (табл. 208-210; 212). ***Схожим содержанием, вероятно, обладал и его смысловой «синоним», также означавший главного героя основного мифа. Он представлен линейным меандром замкнутого*** (МТ–2 – 24 сосуда) (табл. 170-173), ***а также разомкнутого*** (МТ–1 – 21 сосуд) (табл. 167-169) ***и сомкнутого типов*** (МТ–3-4 – 9 сосудов) (табл. 174-175). Сочетанием этих линейных меандров с «серпентоморфными» треугольниками «пирамидального» типа в третьей зоне (табл. 167-175) также олицетворялись ключевые и мифокалендарные аспекты победы змее- / драконоборца и / или Громовержца над своим противником на исходе Старого и в начале Нового года (рис. 20).

Показательно, что в рассмотренном случае вместе с инвариантным преобразованием плана выражения орнаментального мотива не происходит кардинальной трансформации плана содержания. Это объясняется единством смысловой основы некоторых принципиально отличных элементов и мотивов андроновской орнаментации. ***Для передачи идентичного сюжета и / или схожих персонажей использовались неодинаковые орнаментальные символы. Взаимозаменяемостью данных элементов, мотивов и их сочетаний удостоверяется инвариантность смыслового значения типологически различных композиций*** (рис. 20).

5.8. СОСУДЫ С ЧЕТЫРЁХУГОЛЬНЫМ УСТЬЕМ

Андроновские сосуды с подквадратным – четырёхугольным устьем (табл. 289) появляются на востоке культурного массива и известны только из погребальных памятников собственно андроновской культуры. Отсутствие подобной посуды на андроновских поселениях удостоверяет не её утилитарное предназначение и статус атрибута погребального ритуала, а и, скорее всего, иных сакральных практик.

В настоящее время насчитывается не менее восемнадцати образцов керамики с такой конфигурацией устья. Самые западные экземпляры обнаружены в барабинских могильниках Преображенка III (табл. 289, *6*, *10*), Старый Тартас-4 (табл. 289, *1*, *7*) и Старый Сад (табл. 289, *15-18*). Наиболее удалённые, восточные образцы подобной посуды происходят из погребальных комплексов Среднего Енисея: Сухое озеро I (табл. 289, *2*, *8*, *12*), Сухое озеро IA (табл. 289, *9*) и Новая Чёрная II (табл. 289, *11*, *13*). Между двумя этими крайними районами локализации сосудов с подквадратным устьем зафиксированы находки одиночных экземпляров в могильниках Новосибирского (Вахрушево) (табл. 289, *3*) и Томского (ЕК-II) (табл. 289, *4*, *14*) Приобья, а также Ачинско-Мариинской лесостепи (Ашпыл) (табл. 289, *5*). При этом очевидно тяготение последнего к среднеенисейскому очагу андроновских древностей и территориальное примыкание первых двух находок к восточным рубежам Барабинской лесостепи [см. также: Ковтун, 2000, с. 118-120].

Происхождение такой формы устья андроновских сосудов связывалось либо с окуневским влиянием [Максименков, 1978, с. 63-66; Кузьмина, 1994, с. 43; и др.], либо с изобретением в собственной, андроновской среде, где известны и своеобразные «прототипы» – четырёхугольные блюда [Молодин, 1985, с. 102; Молодин, Новиков, Гришин, 1998, с. 296-297], происходящие с западной, зауральской части ареала (Смолино, Сухомесовский, Фёдоровский, Кинзерский, Урефты I), а также из Томского могильника на Малом Мысе [см.: Ковтун, 1994, с. 128], ЕК-II [Матющенко, 2004, с. 149, рис. 224, 2], могильника Лисаковский I [Усманова, 2005, с. 189, рис. 48, 5; с. 203, рис. 62, 1; с. 205, рис. 64, 1, 3; с. 206, 65, 4; с. 207, рис. 66, 2, 4-6, 15; с. 209, рис. 68, 5], поселения Каргат-6, могильников Абрамово IV и Тартас-1 [Молодин, 1985, с. 102; Молодин, Хансен, Дураков, Райнхольд, Ефремова, Ненахов, Ковыршина, Мыльникова, Нестерова, Кобелева, Борзых, Сальникова, Демахина, 2015, с. 333-335, рис. 2, 1] и др.

При различной трактовке происхождения подквадратных / четырёхугольных венчиков в традиции андроновского гончарства некоторые авторы едины в представлении о ритуальной функции подобных сосудов [Кузьмина, 1994, с. 135-136; Молодин, Новиков, Гришин, 1998, с. 296-297].

Е.Е. Кузьмина соотносит андроновские сосуды с четырёхугольным устьем с ведийскими упоминаниями о многогранных сосудах: «в Катха-чакха самхита (19, 5-7), в Капистхала самхита (30, 3-5), Тайтирия самхита (5, 1, 6-5, 1, 7) говорится, что *укху* надо делать четырёх-, восьми- или девятигранной в магических целях ‘против колдовства’» [Кузьмина, 1994, с. 135-136]. В более ранней работе автор также указывает, что «такие квадратные сосуды известны в андроновской культуре в фёдоровском керамическом комплексе. Эти специфические соответствия вряд ли можно признать случайными» [Кузьмина, 1986, с. 178].

Однако подобная символизация и четырёхгранная форма сосудов присуща не только андроновской, но и культовой самусьской керамике с антропоморфными изображениями. Данные сосуды удостоверяют присутствие индоарийского субстрата в составе самусьского комплекса [Ковтун, 2013в, с. 300, и др.], синхронного андроновской экспансии на восток. Поэтому самусьские древности – это ещё и вероятный источник заимствования ираноязычными андроновцами индоарийской идеи, олицетворяемой четырёхугольными горшками. Но не исключена и параллельность двух линий развития, при которой четырёхгранная самусьская керамика, как и андроновская посуда с аналогичной формой устья, обоюдно восходят к мировоззренческой архаике индоиранского состояния.

Вероятность такого исторического сценария опосредованно подтверждается упоминанием подобного атрибута в нартском эпосе ираноязычных осетин, сохраняющих генетическую преемственность с языком аланов и скифов. Согласно упомянутому источнику, нарты совместно владели волшебной четырёхугольной чашей, название которой – Нартамонга или Уацамонга – означает «указующая героя». Чашу выносили на пирах, и она чудесным образом

наполнялась и поднимаясь к устам героев, переливалась через край, подтверждая заявления нартов о своих подвигах. Если нарт лгал, чаша не трогалась с места, тем самым, опровергая безосновательное бахвальство [Дюмезиль, 1976, с. 45-46, 144-145; Дюмезиль, 1990, с. 175-177; Калоев, 1994, с. 543].

Характерные особенности нартской чаши – неиссякаемость и наполненность вкуснейшими напитками. Это напоминало Ж. Дюмезилю остатки мифа об амброзии [Дюмезиль, 1976, с. 45]. Но одновременно в некоторых сюжетных эпизодах с Нартамонгой / Уацамонгой очевидны и реминисценции основного мифа. Они сохранились в символизируемом чудесной чашей мотиве неиссякаемого изобилия. Так, аналогичный мотив материального процветания (= неиссякаемого изобилия) сопутствует победе Триты Аптьи над Вритрой [Топоров, 2006а, с. 482] на стыке Старого и Нового (Первого) года. Поэтому «указующая героя» неиссякаемая четырёхугольная чаша фигурально уподобляла подвиги героя-нарта победе божественного персонажа основного мифа, дарующей изобилие и процветание.

Причастность Нартамонги / Уацамонги к переосмысленной фабуле основного мифа удостоверяется её связью с подвигами Батраза, образу которого присущи черты скифского Ареса и ведийского Индры, включая такой статусный атрибут индоарийского змее- / драконоборца, как молния [Дюмезиль, 1990, с. 14-17, и др.].

Инвариантным остатком календарных ритуалов основного мифа, приуроченных к празднованиям Нового года, представляется и другая функция четырёхугольной чаши – быть судьёй состязаний на пирах нартов [см. по: Дюмезиль, 1976, с. 171; Дюмезиль, 1990, с. 177]. Пиры – значимые действия, отмечавшие важнейшие события и организующие сам ход жизни [Ковшова, 2013, с. 243]. По наблюдениям В.Н. Топорова, сочетание ритуального пиршества и состязания – тризны восходит к «пороговой» протоситуации кануна и начала Нового года, когда победивший демиург переустраивает мироздание [Топоров, 1990, с. 17, 20, 22, и др.].

Хранение Нартамонги / Уацамонги и сбор нартов на пиры, где фигурирует волшебная четырёхугольная чаша, считалось прерогативой одного из трёх нартских родов – рода Алагата, сравнивающегося с магами [Дюмезиль, 1976, с. 171; Дюмезиль, 1990, с. 162-163, 177]. По аналогии с данным порядком вещей вполне вероятно, что и андроновские сосуды с подквадратным устьем составляли атрибутику ритуальных и (или) сакральных практик, осуществлявшихся лицами с особыми, по-видимому, жреческими полномочиями.

Культовое предназначение андроновских сосудов с подквадратным / четырёхугольным устьем подтверждается и содержанием некоторых из украшающих их орнаментальных композиций. Так, в третьей зоне одного из старотартасских горшков фигурирует «ковровый» меандр А-типа, сочетающийся с сомкнутым меандром во второй зоне (табл. 289, *1*). Смысловое значение подобного сочетания реконструировано по орнаментальной композиции браслета с конусовидными спиралями из могильника Лисаковский I (рис. 18, *3*), китайским параллелям и сходству с обско-угорским орнаментальным мотивом «соболь» (подр. см.: 5.7.). В этой композиции мотив второй зоны олицетворял образ и / или идентифицирующую атрибутику громовника – демиурга-змее- / драконоборца. Мотив же третьей зоны символизировал идею изобилия и процветания преображённого мироздания, которые наступают в результате победы Громовержца над своим противником. Таким образом отражалась мифокалендарная кульминация сюжетного действия основного мифа при переходе от Старого к Новому году (табл. 289, *1*) (подр. см.: 5.7.).

Аналогичные смысловые значения присущи и орнаментальным композициям на сосудах из Сухого озера I (табл. 289, *2*), Вахрушево (табл. 289, *3*) и ЕК-II (табл. 289, *4*). Вторая – средняя – зона этих горшков декорирована линейным меандром сомкнутого и замкнутого типов, означавшим Громовержца / змее- / драконоборца и / или его чудесное оружие – молнию (подр. см.: 5.7.). Треугольники «пирамидального» типа в третьей зоне – это восходящий к аркаимо-синташтинскому времени (рис. 10, *1*) стилизованный календарный мотив (подр. см.: 5.4.), также соотносящийся с основным мифом и с присущим ему новогодним ритуалом [см. напр.: Топоров, 2006а, с. 484-485].

Иная орнаментальная композиция запечатлена на сосудах из Преображенки-III (табл. 289, *10*) и из Старого Сада (табл. 289, *17*). Это каннелюрно-«ёлочные» инвариантные комбинации (КЁ), известные, главным образом, на востоке андроновского ареала. Они стилизованы, но смысловой основой восходят к своему «протографу» – сюжету аркаимо-синташтинского периода, представленному на керамике из Синташтинского могильника и из могильников Бестамак, Кривое Озеро, Кулевичи III и Танаберген II (рис. 15, *1-9*; 16, *1-5*). Ключевым для ин-

терпретации подобных композиций представляется стилизованное изображение «одноногого козла» на сосуде из могильника Бестамак (рис. 15, *2*), напоминающее праобраз Аджи Экапада (подр. см. 5.4.).

Андроновские реминисценции данного сюжета включают каннелюры во второй зоне, возможно, означавшие небо и атмосферные воды, к которым причастны мифологические персонажи, восходящие к индоиранскому состоянию. Это змее- / драконоборец Трита, считавшийся божеством молнии, воплощением огня в молнии, рождающейся в тучах среди атмосферных вод, откуда его эпитет – Аптья, т.е. «Водяной», и родственный Трите «Сын Вод» Апам Напат, также олицетворявший молнию [Macdonell, 1897, p. 69-70; Эрман, 1980, с. 72]. Связанный с водой («Сын Вод») и с огнём (молния) Апам Напат одновременно обнаруживает причастность к «змею глубин» Ахи Будхнье и к одноногому козлу Адже Экападу [Топоров, 1994а, с. 91], имя и одноногость которого также выступают метафорой молнии [Топоров, 1994, с. 44]. Думается, что вертикальная «ёлочка» в третьей зоне рассматриваемых сосудов передаёт декоративно стилизованный и содержательно стёртый праобраз Аджи Экапада и его метафоры – молнии. Кроме того, как уже отмечалось, зигзагообразность синташтинского орнаментального символа и его андроновских реминисценций могла олицетворять праобраз Варуны, а также «змея глубин» Ахи Будхньи, связанного с одноногим козлом Аджей Экападом [Топоров, 1994, с. 44; Топоров, 1994а, с. 91] (подр. см.: 5.5.). Поэтому вертикальной «ёлочке» в каннелюрно-«ёлочных» инвариантных комбинациях, запечатлённых на андроновских сосудах, вероятно, присуща ещё и серпентоморфная символика.

Итак, сочетанием каннелюр во второй зоне с вертикальной «ёлочкой» в третьей, вероятно, означалась космогоническая модель мироздания в семантическом преломлении основного мифа. Вторая зона сосуда, орнаментированная каннелюрами, по-видимому, сохранила смысловую символику стихийного начала (небесные / атмосферные воды), соотносимого с архаичным образом героя змее- / драконоборца. Такая интерпретация подтверждается схематичными пра- / прообразами синташтинского и бестамакского козла-одинонога, подобно Адже Экападу «поддерживающему небо» (рис. 15, *1, 2*). На андроновских же сосудах его изображение окончательно редуцировано и орнаментализовано до мотива вертикальной «ёлочки». Вероятно, мифологические представления о стоящем у Мирового дерева и поддерживающем небо одноногом козле, известном в Ригведе под именем Аджи Экапада [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 587], в Северо-Западной Азии бытовали только в аркаимо-синташтинский период. Хронологически синхронные образы козлов с фигуральной «одноногостью» известны из окуневского могильника Красный Камень в виде каменного жезла и из сейминско-турбинского могильника Ростовка в виде изображения на кельте с предполагаемым черенком-«ногой» [Ковтун, 2013в, с. 81, 321]. Позднее эти эпохальные мифологические представления, вероятно, были утрачены собственно андроновским населением. В отличие, например, от фигуративных образов, запечатлённых в сейминско-турбинской металлопластике, «метаязык» андроновского искусства аниконичен и «изъясняется» комбинаторикой орнаментальных построений, подобно декору сейминско-турбинских кельтов. Поэтому на андроновских сосудах изображался уже не конкретный персонаж, а орнаментальная символика с инвариантным остатком смысловых значений столпа, поддерживающего небо, молнии и фигуральных признаков серпентоморфности, присущих олицетворяемому ими древнему божеству.

Подобные семантические планы меандровых, меандрово-треугольных и каннелюрно-«ёлочных» орнаментальных композиций сосудов с подквадратным / четырёхугольным устьем (табл. 289, *1-4*, *10*, *17*) удостоверяют особый функциональный статус этих горшков. Можно предположить, что, подобно нартской Нартамонге / Уацамонге, андроновские сосуды с подквадратным / четырёхугольным устьем использовались в качестве культовых атрибутов ритуально-обрядовых практик. Смысловое значение ряда орнаментальных композиций, запечатлённых на таких горшках, представляется свидетельством их употребления при отправлении мифокалендарных обрядов. Содержание подобной обрядности, вероятно, иллюстрировало мировоззренческую доктрину сотворения мироздания, структуру миропорядка, установленного демиургом-змее- / драконоборцем после низвержения своего противника, и сюжетные эпизоды основного мифа, сопровождавшие переход от Старого к Новому году.

Думается, в том числе и к андроновским сосудам с подквадратным / четырёхугольным устьем восходит сама идея напитка бессмертия – сомы, обретённого ценою великого жертвоприношения. Позднее она была переосмыслена и перелицована в представлениях об огненной

крови божества или огне в магической жидкости. Это божественное «пламя» связано с содержащейся в хаоме / хауме хварэной – горящей, светящейся и оплодотворяющей сакральной субстанцией [Элиаде, 2009, с. 388] (см. 5.3.). Вслед за Э. Бюрнуфом, Л.А. Лелеков объединяет в единый типологический ряд перечисленные индоарийские и древнеиранские представления с митраистскими, а затем и христианскими установлениями о сакральном приобщении к бессмертию посредством чаши причастия, усматривая истоки подобной идеи в ведийских текстах. В иллюстрирующем эту связь ведийском гимне [Лелеков, 1992, с. 30], посвящённом трём искусным ремесленникам братьям Рибху, употребляющих сому и ставших бессмертными, упоминаются четыре сосуда с сомой, сделанные из одного:

Вы сделали из одного кубка четыре.

…

Из чего же был этот кубок,

Из которого вы сделали четыре силой поэтического искусства?

Так выжимайте выжимание (сомы) для опьянения!

Пейте, о Рибху, сладость сомы!

[Ригведа, IV, 35. 3, 4].

Нетрудно заметить количественную параллель между одним четырёхугольным андроновским сосудом и четырьмя ведийскими кубками, сделанными из одного. Поэтому, вероятно, идея и праобразы чаши с напитком «не-смерти» – сомой / амритой и чаши причастия, олицетворяющие бессмертие души, древнее ведийских и авестийских текстов и восходят в том числе и к андроновским сосудам с четырёхугольным устьем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: АНИКОНИЗМ И МОНОТЕИЗМ

Несмотря на отсутствие системных и абсолютно достоверных подтверждений существования собственно андроновской иконической традиции, некоторые исследователи причисляют к андроновским серии наскальных и скульптурных изображений эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии.

Я.А. Шером высказывалось предположение о выделении петроглифов срубно-андроновского времени из числа среднеенисейских геометризованных наскальных изображений [Шер, 1980, с. 232, 233]. Но на собственно андроновской принадлежности этого гипотетического пласта рисунков исследователь не настаивал, а позднее к этой идее, как мне представляется, больше не возвращался.

Андроновскую принадлежность серии петроглифов Саймалы-Таша и Тамгалы провозгласила Е.Е. Кузьмина, одновременно утверждавшая, что в монументальной скульптуре, мелкой пластике и наскальных изображениях андроновцы воспроизводили образы коня и верблюда [Кузьмина, 1986, с. 112-128]. Однако эта констатация не удостоверяется аргументированными и бесспорными опровержениями факта отсутствия андроновских фигуративных изображений.

Более того, ***нет ни одного случая находки фигуративных предметов изобразительного искусства (разумеется, исключая орнамент и украшения) в бесспорно андроновских, а также в пред-, ранне-, и в позднеандроновских комплексах: в аркаимо-синташтинских, петровских, алакульских, нуртайских, балыктинских, нуринских, атасуских, амангельдинских, кожумбердынских, бишкульских, каракудукских, тау-таринских и т.д., и т.п.***

Действительно, на плитах погребальных конструкций в могильниках Каракудук II и Тамгалы II зафиксированы фигуративные изображения [Максимова, 1961, с. 62-71; Рогожинский, 2001, с. 14-16]. Данные погребения оставлены позднеандроновским (или андроноидным) населением Южного Казахстана и Семиречья. При этом установлено, что плиты с рисунками из указанных захоронений переиспользованы [Рогожинский, 2001, с. 15-17]. Поэтому возникновение представленной на них изобразительной традиции предшествует появлению в юго-западном Семиречье населения, оставившего эти каракудукские и тамгалинские погребения [Ковтун, Михайлов, 2001, с. 318].

Другой случай связан с андроновским могильником Самара, где с внешней стороны плиты ограды 3 были найдены изображения коня и тамгообразного знака [Ткачёв, 2002а, с. 58, 64, рис. 159]. Сам могильник андроновский, но захоронение в ограде 3 разграблено. Помимо кальцинированных костей, здесь обнаружены обломок бронзовой подвески в полтора оборота, фрагмент неорнаментированной керамики и каменный курант [Ткачёв, 2002а, с. 58]. Перечисленные материалы не подтверждают андроновскую принадлежность данного погребения. Более того, фигурка коня стилистически напоминает силуэтную группу варчинской изобразительной традиции, а также среднеенисейские и тувинские петроглифы с элементами «проволочного стиля» с характерным «наложением» задних конечностей на круп животного для имитации его «разворота в фас» [см. по: Ковтун, 2001а, с. 117, табл. 84; с. 118, 121, табл. 86, VIII]. Такие стилистические признаки появляются только в карасукское время, т.е. во второй половине II тыс. до н.э., и бытуют, возможно, до начала I тыс. до н.э. Поэтому если погребение в ограде 3 могилника Самара андроновское, то оно должно быть синхронно указанному периоду, что категорически противоречит абсолютной хронологии собственно андроновских древностей Северо-Западной Азии. Скорее всего, рисунки на плите ограды принадлежат постандроновской (возможно, андроноидной) культуре. Следовательно, и в данном случае обоснованных доводов о связи самарских петроглифов на плите ограды 3 с андроновскими погребениями не имеется.

Расхожим аргументом в пользу причастности андроновцев к изготовлению фигуративных изображений служат золотые височные кольца с раструбом и тандемной конской парой из могильников Мыншункур и Чесноково I [Акишев, 1992, с. 7-9; Кирюшин, Шульга, 1996, с. 34-35]. Некоторые исследователи не сомневаются в андроновской принадлежности мыншункурского и чесноковского украшений [Кузьмина, 1994, с. 260; Кирюшин, Шульга, 1996, с. 33-35;

Шульга, Казаков, Ведянин, Семибратов, Ситников, 1997, с. 124-126; Кирюшин, Шульга, 2000, с. 26-30; Кирюшин, Иванов, 2001, с. 44, 51].

Но при ближайшем рассмотрении обстоятельств, сопутствовавших обнаружению этих уникальных изделий, выясняется, что могильник Мыншункур не содержит материалов, позволяющих считать его андроновским. Орнамент на сосудах отсутствует, могилы разграблены, а каменные ящики и цисты [Акишев, 1992, с. 7-8] сами по себе не удостоверяют принадлежности захоронений собственно андроновскому населению. Цисты и цистовая кладка, использованная при сооружении погребальных конструкций, отличают позднеандроновские и ряд андроноидных культурных образований. Вероятно, к последним относится и погребение из Мыншункура с височным кольцом со стилизованными конскими скульптурками постсейминского облика.

В такой ситуации только раструб, служащий замком мыншункурского украшения, остаётся последним возможным доводом в пользу андроновской атрибуции давшего это изделие погребения. Однако этот т.н. «индикатор» андроновских (т.е. в расхожем понимании – фёдоровских) сообществ зафиксирован в раннеандроноидных комплексах ЕК-II и Черноозерье I, в андроноидных памятниках таутаринского типа и др. [Аванесова, 1991, с. 51-53; Матющенко, 2004, с. 309].

Неоднозначные обстоятельства сопутствовали нахождению чесноковского золотого височного кольца с раструбом и скульптурной группой из двух конских фигурок. Захоронение, названное курганом 1 могильника Чесноково I, обнаружилось при обвале стенки песчаного карьера. Обнажившийся каменный ящик не был заполнен грунтом и, по мнению авторов публикации, это «позволило местным жителям беспрепятственно похитить все вещи, череп, крупные кости скелета (скелетов?)» [Кирюшин, Шульга, 1996, с. 33]. Сообщается, что позднее удалось вернуть как будто происходящие из этого захоронения керамический сосуд и золотую серьгу с фигурками лошадей [Кирюшин, Шульга, 1996, с. 33; Кирюшин, Шульга, 2000, с. 26].

В любом случае материалы, обнаруженные не in situ, не могут удостоверять время сооружения комплекса. Очевидность подобного допуска сопровождается и другими противоречиями. Редкое для андроновцев каменное статуарное сооружение в погребении[36] и уникальная золотая серьга с фигурками коней – слишком много для одного, судя по сосуду, рядового андроновского захоронения.

Примечательно описание участка местонахождения чесноковского погребения и якобы происходящих из него вещей, содержащееся в другой работе, цитата из которой, возможно, многое объясняет: «Помимо разрушаемого карьером курганного могильника Чесноково I, обследовано еще два неподалеку расположенных курганных могильника – Чесноково 2 и 3. Установлено, что основная площадь могильника Чесноково I уничтожена. По сообщениям местных жителей, при добыче песка неоднократно находились человеческие кости, черепа, вещи из бронзы и золота. Здесь же, на террасе р. Чарыш, выявлены участки поселенческого слоя

[36] Параллели каменному столбу из чесноковского погребения зафиксированы в андроновских могильниках Орак, Усть-Ерба, Косоголь III (Средний Енисей), Предгорное, Аир-Тау, Средняя база Беткудук, Кызылтас (Восточный Казахстан), Сигнал-I (Алтай) и Танай-12 (Кузнецкая котловина) [Комарова, 1961, с. 32-73; Киселёв, 1935, с. 206-210; Киселёв, 1949, с. 44; Михайлов, 1999а, с. 77; Рахимов, 1968, с. 74; Кущ, 1989, с. 227-228; Археологические памятники в зоне затопления…, 1987, с. 28; Ковтун, Горяев, 2001, с. 35-36; Ткачёва, Ткачёв, 2008, с. 177-179, 189; Грушин, Леонтьева, Фрибус, Вальков, 2015, с. 208-211]. Имеются сведения и относительно могильного комплекса Бугулы: «в бугулинской группе почти у каждого погребения с западной стороны могильной ямы стоит плита, обращённая плоскими сторонами по линии с востока на запад. По-видимому, это изголовная стела» [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 63, 65]. Г.Б. Зданович упоминает крупные камни-менгиры, стоящие рядом с надмогильными сооружениями южноуральских андроновских некрополей Путиловская Заимка II и Приплодный Лог I [Зданович, 1988, с. 147], с присущими им чертами андроноидных фёдоровской и черкаскульской культур.

Традиция установки каменных статуарных сооружений над местом погребения или в непосредственной близости от него зафиксирована в бегазы-дандыбаевских, переходных от эпохи бронзы к раннему железному веку (Темир-Канка, Измайловка), ирменских (Журавлево IV, Танай VII, Камень I), лугавском (курган Уй) и раннескифских (Тыткескень VI, Бийке) комплексах [Маргулан, 1979, с. 69-111 и др.; Археологические памятники в зоне затопления…, 1987, с. 48-49, 87; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 80-81; Михайлов, 2000, с. 335; Новиков, 2001, с. 62-64; Боковенко, Сорокин, 1995, с. 80, 84; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 57-58, 159, рис. 12, с. 172, рис. 25, с. 178-179, рис. 31-32; Бобров, Мыльникова, Мыльников, 2004, с. 25, и др.].

Не менее пяти андроновских каменных столбов сочетались с цистой, являющейся типично позднеандроновской погребальной конструкцией: Орак, Усть-Ерба (в одной ограде), Косоголь III, Аир-Тау, Средняя база Беткудук (в одной ограде с пристройкой).

эпохи бронзы: керамика, каменные песты и зернотерки. Всего в кромке обрыва исследовано четыре погребения: андроновское, два ирменских и раннескифское» [Шульга, Казаков, Ведянин, Семибратов, Ситников, 1997, с. 124].

На постандроновское время указывают стилистические особенности чесноковской композиции. Как и мыншункурская скульптурная группа, она представляется очевидным стилизованным воспроизведением иконографии скульптурного навершия ножа из Сеймы, где также запечатлены две следующие друг за другом лошадки [Ковтун, 2013в, табл. 105, *2, 3*; фото 157-160].

Но стилистически чесноковская металлопластика остаётся прямой аналогией петроглифам варчинской изобразительной традиции, датируемым карасукским временем, т.е. постандроновской эпохой, нижняя граница которой не выходит за рамки второй половины II тыс. до н.э. Так, например, стилистически схожее с чесноковскими изображениями и варчинскими петроглифами костяное изделие происходит из среднеенисейского могильника карасукского времени [Ковтун, 2013в, табл. 34, *2, 12-16*; 35, *8*]. Подобно сходству чесноковских скульптурок с петроглифами варчинского стиля [Ковтун, 2013в, табл. 34, *12-15*], мыншункурские лошадки также обнаруживают соответствия в петроглифах Монгольского Алтая, Среднего Енисея, Восточного и Центрального Казахстана и некоторых сопредельных территорий [Ковтун, 2013в, табл. 34, *1, 3-9, 11*; 35, *3, 5-7, 11*]. Подобные петроглифы датируются завершающим этапом эпохи бронзы по изображению кинжала с зооморфным навершием, имеющим аналоги на оленных камнях и в карасукских бронзах [Самашев, 1992, с. 152-154]. Для мыншункурских скульптурок хронологически значим стилистически схожий рисунок лошади из урочища Мойнак [Ковтун, 2013в, табл. 34, *1, 9*], зафиксированный на одной плоскости с изображением карасукоидного кинжала [Самашев, 1992, с. 44, рис. 51].

Схожее с мыншункурскими лошадками мойнакское изображение подстать петроглифам так называемого предварчинского «иконографического горизонта» эпохи поздней бронзы Центральной и Северо-Западной Азии [Ковтун, 2001, с. 62-67, табл. 44 и др.]. Их появление непосредственно предшествовало петроглифам варчинского стиля. Ключевой приметой предварчинских изображений является вогнутый, а зачастую неестественно «переломленный» абрис спины животного [Ковтун, 2013в, табл. 34, *11*]. Подобные рисунки сопутствовали формированию варчинского иконографического стандарта. Поэтому известны случаи сосуществования обоих типов изображений на общих плоскостях. Мыншункурская находка представляется геометризованным образцом предварчинской формы [Ковтун, 2013в, табл. 34, *1*; фото 160], а чесноковских лошадок отличает уже типично варчинский облик [Ковтун, 2013в, табл. 34, *2*; фото 157-159].

Таким образом, невозможно отрицать отсутствие бесспорных фактов, опровергающих представление о нонфигуративности искусства андроновцев. Как правило, принадлежность фигуративных изображений к числу андроновских древностей не доказывалась, а провозглашалась. Но при детальном анализе предполагавшихся случаев сопряжённости фигуративных изображений с собственно андроновскими комплексами бесспорных подтверждений этому не найдено, включая находки из могильников Мыншункур и Чесноково I. Но даже допуская андроновскую принадлежность чесноковского украшения, этот уникальный случай возможно принять лишь как исключение, подтверждающее правило.

Таким образом, сущностной чертой андроновского восприятия и отражения в различных атрибутивно-изобразительных формах окружающего мира, в его преломлении мифологической традицией социума представляется аниконизм. При категорическом табу на создание фигуративных изображений функция содержательно «свёрнутой», формульной фиксации мифологических образов и сюжетов отводилась семантически значимым орнаментальным композициям. Думается, содержание мифологических повествований сохранялось и передавалось посредством устной традиции, сопутствующим отражением которой представляется андроновская протологографическая орнаментально-знаковая система.

Результаты исследования удостоверяют сравнительную узость канонического перечня образов и сюжетов, означаемых андроновскими орнаментальными построениями. Поэтому мифологическая картина мира андроновцев представляется мировоззренчески сложившейся и доктринально отчётливой. Разумеется, в ней имелись смысловые оттенки, но практически отсутствовала семантическая вариабельность, допускающая различную трактовку образов и повествовательное многообразие сюжетных линий. Полагаю, андроновская мифологическая

система отличалась устойчивым перечнем персонажей, чётким распределением их ролей и функций, а также ограниченным составом сюжетных фабул и ключевых символов.

Присущая андроновской культурной традиции развитая и «кодифицированная» система мировоззренческих представлений сочетается с исключительно аниконическим способом их содержательно «свёрнутой» фиксации в орнаментально-знаковых композициях. В соответствии с методологией сравнительного религиоведения, подобная комбинация может указывать на определённый уровень и форму религиозного сознания андроновцев.

Симптоматично, что аниконические табу присущи, главным образом, монотеистическим религиозным системам и связанным с ними культурным традициям. Первая в мировой истории попытка учреждения монотеистической религии, основанной на почитании солнечного диска – Атона, была предпринята египетским фараоном-реформатором Аменхотепом IV, более известным как Эхнатон. Эта революционная реформа сопровождалась аниконическими новациями при передаче облика нового верховного божества. Эхнатон лишил его антропоморфных черт, и с девятого года правления солнечный диск с расходящимися от него лучами становится единственной зримой формой Атона. Сохранился только один антропоморфный элемент – ладони на концах солнечных лучей [Ван дер Плас, 1996, с. 123-143].

В истории иудаизма отношение к изображениям колебалось от их полного отрицания до снисходительно-терпимого отношения. Но семь пассажей из Торы запрещают создание образов. Все они появляются в связи с запретом почитания других богов и их скульптурных изображений. При этом вторая заповедь неразрывно связана с первой, т.е. запрет создания изображений следует из запрета поклонения иным богам. Нельзя создать изображение Бога, потому что он не имеет телесной формы. Бог настолько превышает всё существующее, что любые попытки создания изображений и поклонения им не достигают цели, а лишь порождают веру в новых богов, противореча заповеди единобожия. Наличие изображений умаляет величие Бога и подрывает веру в его абсолютное превосходство над миром. Соответственно, невозможность изображения Бога подчёркивает его исключительность. Как следствие, изобразительная деятельность в иудаизме никогда не получала такого широкого развития, как в христианском мире, и носила весьма ограниченный характер. Это обусловлено ещё и внутренней установкой религиозного сознания, не придающего значения визуальным символам. Любые символы и материальные объекты в качестве посредников между Богом и человеком, кроме Торы, оказываются ненужными. Поэтому отрицание значения чувственных опор в религиозной практике, признание их несущественности для постижения Бога и приближения к нему привело к отсутствию интереса к использованию изображений [Раевская, 2011, с. 11-19; Раевская, 2014, с. 208-217].

Примечателен присущий иудаизму т.н. аниконизм «пустого места», отличный от «материального аниконизма». В скинии (походный храм евреев) изображённые крылья херувимов смыкались над Ковчегом Завета, образуя «трон Бога». Но пространство между ковчегом и крыльями оставалось пустым, означая, что место Бога в скинии и храме было свободным [Раевская, 2014, с. 211]. Таким образом, «пустое место» олицетворяло самого Бога и место его пребывания. Возможно, аниконизму «пустого места», символизировавшего местонахождение и облик божества, изображение которого даже орнаментальными абстракциями строго табуировано, обязана неорнаментированная зона на шейке-плечиках алакульских, кожумбердинских и др. подобных сосудах.

Для христианства с его разноплановой фигуративно-изобразительной традицией можно вспомнить и о движении иконоборцев, и о неоднозначной иконографии Святой Троицы. На иконах Ветхозаветной Троицы единосущная Святая Троица олицетворяется фигурами трёх ангелов. При этом хорошо известны запреты на изображение Бога-отца в образе старца, а Святого Духа в облике голубя, что характеризует, в частности, иконы Новозаветной Троицы.

Принципиально аниконичным всегда оставался подлинный зороастризм, строившийся, в отличие от мифологии Ригведы, на принципах монотеизма. Для предшествующего ему древнеиранского мировоззренческого комплекса также характерны элементы аниконизма. Например, отсутствие антропоморфных черт у Ардвисуры Анахиты связывается с древнейшей частью Авесты: «если в популярном Абан-яште Анахита являет собой уже бесспорное подобие человека, “девушки прекрасной”, не без помощи изобразительной традиции древних культур Передней Азии, то в Ясне такой Анахиты и следа нет, там по-старому царит неантропоморфная Вода Ардвисура, таинственная стихия межзвёздной воды без признаков человекоподобия.

Эту сторону регулярно недооценивают археологи, у которых даже ранние общеиндоиранские божества подразумеваются в статичных и резко индивидуализированных, т.е. иконографически фиксированных, обличьях» [Лелеков, 1992, с. 12, 92-93, и др.].

В исламе представления об абсолютной непознаваемости и вездесущности Аллаха исключают любая попытку изображения или даже мысли об образе Бога. Отсюда запрещение всех видов изобразительного искусства, поскольку даже мысль о возможности зафиксировать присутствие Бога в конкретном месте посредством изображения или символа является богохульством и святотатством. Единственность и непознаваемость Бога представляется постижимой лишь в ощущении упорядоченности и бесконечности: «именно в этом лежит основа зарождения арабесок с их бесконечным повторением геометрических форм, линий, изломов и углов, в которые вплетены выдержки из Корана – слова Бога, каллиграфически выписанные или вырезанные на стенах как знаки Его присутствия» [Ван дер Плас, 1996, с. 123-143].

Приведённые примеры могут свидетельствовать о весьма нетривиальном для второй четверти II тыс. до н.э. мировоззренческом укладе, по-видимому, присущем андроновскому населению Северо-Западной Азии. Отсутствие у андроновцев традиции фигуративных изображений и отражение их ключевых мифологических представлений в комбинациях абстрактных орнаментальных символов косвенно подтверждают, возможно, самые ранние в мировой истории религий монотеистические штрихи в андроновской картине мироздания. Подобно андроновскому аниконизму как индикатору мировоззренческого своеобразия, на оригинальность этих религиозных установлений указывает и сравнительная гомогенность андроновского социума. Общеизвестно неприятие андроновцами инокультурных новаций, тогда как представительность андроноидного массива удостоверяет культуртрегерский характер андроновской экспансии.

Таким образом, за несколько столетий до неудавшейся попытки Эхнатона, до зороастризма и почти за тысячелетие до иудаизма и ислама в Северо-Западной Азии в XVIII-XV вв. до н.э. существовал обширный андроновский этнолингвокультурный массив, вероятно, отличавшийся уникальными элементами монотеистических представлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. Сб. статей, посвящённый проф. В.И. Авдиеву. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 26-37.

Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981. – С. 84-89.

Абаев В.И. Slavo-avestica // Вопросы языкознания. – 1982. – № 2. – С. 18-25.

Абаев В.И. Миф и история в Гатах Зороастра // Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1990. – С. 52-70.

Абдулганеев М.Т. Валиковая керамика раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 106-109.

Абдулганеев М.Т. «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. (Материалы научно-практической конференции). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 128-134.

Абдулганеев М.Т., Лузин С.Ю., Кунгурова Н.Ю. Раскопки у с. Быково // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. госуниверситета, 1993. – Ч. 1. – С. 102-105.

Аванесова Н.А. Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, Лен-е отд-е, 1975. – С. 67-73.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племён эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: ФАН, 1991. – 200 с.

Авеста. Избранные гимны; Из Видевдата. / Пер. с авест., предисл., примеч. и словарь И. Стеблин-Каменского. – М.: Дружба народов; КРАМДС – Ахмед Ясави, 1993. – 207 с.

Авеста в русских переводах (1861-1996) / Сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И.В. Рака. – Изд. 2-е, испр. – СПб.: «Журнал “Нева”», «Летний Сад», 1998. – 480 с.

Акишев К.А. Происхождение «звериного» стиля в изобразительном искусстве саков // Маргулановские чтения. 1990. – М.: ИА АН РК, 1992. – Ч. I. – С. 4-9.

Алаева И.П. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья / Дис. … канд. ист. наук. – М., 2015. – 219 с.

Алексеенко Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (Вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 67-105.

Андроновская культура. Памятники западных районов. Вып. 1. / Кузьмина Е.Е., Мошкова М.Т., Сорокин В.С., Стоколос В.С., Фёдорова-Давыдова Э.А. – М.-Л.: Наука, 1966. – САИ. – В 3-2. – 64 с., 38 табл.

Антонова Е.В., Раевский Д.С. Рецензия: Я.А. Шер. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1980, 328 с., библиогр. с. 290-311 // Народы Азии и Африки. – 1981. – № 4. – С. 230-236.

Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. – М.: Наука, 1982. – 252 с.

Ардзинба В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985. – С. 128-168.

Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // СА – 1973. – № 4. – С. 160-168.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. / Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С., Максимова А.Г., Самашев З.С., Таймагамбетов Ж.К., Трифонов Ю.И. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 280 с.

Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». – Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2006. – 528 с.

Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. / Пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой; Ин-т востоковедения. – М.: Вост. лит., 2005. – Т. I. – кн. I-VII. – 573 с.

Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. / Пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой; Ин-т востоковедения. – М.: Вост. лит., 2007. – Т. 2. – кн. VIII-XII. – 293 с.

Барроу Т. Санскрит. – М.: Изд-во «Прогресс», 1976. – 411 с.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г., Касеналин А.Е. Новое в археологии Сарыарки: донгальские погребения могильника Кызыл // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвящённый 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы, 2013. – С. 59-73.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – 192 с., 20 с. цв. ил.

Белоусов Р.В., Запрудский С.С., Кулагина Ю.Н. Новые поступления археологического материала в Каменский краеведческий музей // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул: БГПУ, 2006. – С. 11-15.

Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. – М.: Ориенталия, 2011. – 428 с.

Бобров В.В. Новый тип андроноидных памятников в Ачинско-Минусинской лесостепи // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. – Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1988. – С. 5-23.

Бобров В.В. О взаимосвязи посуды и обряда погребения в андроновских могильниках Кузнецкой котловины // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. – С. 81-88.

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы / Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1992. – 41 с.

Бобров В.В. Танай I – могильник корчажкинской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. (Тезисы науч.-прак. конф-ции). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 75-78.

Бобров В.В. Взаимодействие производящих центров Евразийской и Центральноазиатской металлургических провинций (к постановке проблемы) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, Декабрь 2001 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 250-252.

Бобров В.В. Новые материалы поселений на озере Танай // Археологические открытия 1999 года. – М.: Наука, 2001а. – С. 225-227.

Бобров В.В. Окуневские реминисценции в культуре поздней бронзы Кузнецкой котловины // Окуневский сборник. Выпуск 2: Культура и её окружение. – СПб.: СПбГУ, 2006. – С. 322-324.

Бобров В.В. Характеристика андроновской культуры Кузнецко-Салаирской горной области // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2013. – № 2 (3). – С. 84-92.

Бобров В.В. Особенности андроновского погребального обряда в восточных районах ареала культуры // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железного века в степях Евразии и на сопредельных территориях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 268-278.

Бобров В.В., Горяев В.С. Андроновские погребения могильника Танай 12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, Декабрь 2001 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 240-243.

Бобров В.В., Горяев В.С. Итоги полевых исследований памятника Танай 12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – Т. X, Ч. I. – С. 189-193.

Бобров В.В., Горяев В.С. Лошадь в погребальном обряде ирменской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, Декабрь 1998 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 182-186.

Бобров В.В., Горяев В.С. Погребение в каменном ящике могильника Танай 12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, Декабрь 2001 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001а. – Т. VII. – С. 244-249.

Бобров В.В., Горяев В.С. Танай 12 – новый памятник эпохи бронзы в Кузнецкой котловине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, Декабрь 2000 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 226-230.

Бобров В.В., Горяев В.С., Умеренкова О.В. Планиграфические особенности памятника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 229-233.

Бобров В.В., Жаронкин В.Н. О новом типе сооружений ирменской культуры (по материалам полевых исследований поселения Танай 4а) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, Декабрь 2000 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 237-240.

Бобров В.В., Жаронкин В.Н., Умеренкова О.В. Исследование поселений на озере Танай // Археологические открытия 2000 года. – М.: Наука, 2001. – С. 204-206.

Бобров В.В., Касастикова Л. Ю. Культурная принадлежность поселения Танай 4 // Археологические исследования в Сибири (Тезисы докладов к конференции). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1989. – 106 с.

Бобров В.В., Ковтун И.В. Гравировки на плитах из андроновского могильника Сухое озеро I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 231-236.

Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Комплекс андроновской-ф культуры поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: КемГУ; Кемеровский полиграфкомбинат, 1987. – С. 17-27.

Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Андроновские памятники Обь-Чулымского междуречья. – Кемерово: Деп. в ИНИОН, 26.06.89. № 38518, 1989. – 197 с.

Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А., Колонцов С.В., Кравцов В.М., Кравцов Ю.В., Соболев В.И. Археологические памятники Тогучинского района Новосибирской области. – Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 2000. – 101 с.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 4-34.

Бобров В.В., Умеренкова О.В. Новые источники постандроновского времени из Кузнецкой котловины (по результатам раскопок поселения Танай-4 в 1999 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, Декабрь 1999 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 263-268.

Бобров В.В., Умеренкова О.В. Результаты полевых исследований поселения Танай 4 в 2000 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, Декабрь 2000 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 241-244.

Бобров В.В., Умеренкова О.В. Набор украшений эпохи поздней бронзы из могильника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посвящённой 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003. – Т. IX, Ч. I. – С. 260-263.

Бобров В.В., Фрибус А.В., Марочкин А.Г., Соколов П.Г., Баштанник С.В. Итоги полевых исследований памятника Исток (предварительное сообщение по материалам керамических комплексов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2006. – Т. XII, Ч. I. – С. 274-279.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлёво-4. – Новосибирск: ВО Наука, Сиб-я изд-я фирма, 1993. – 157 с.

Боброва Л.Ю., Умеренкова О.В. К проблеме реконструкции украшений головного убора эпохи бронзы (по материалам памятника Новый Белоярск-1) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сборник статей, посвящённый 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 187-191.

Боголюбов М.Н. Ригведа I, 105. Трита в колодце // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 86-89.

Боковенко Н.А., Сорокин П.И. Новые погребальные памятники на юге Хакассии // Археологические изыскания. Южная Сибирь в древности. – СПб.: ИИМК РАН, 1995. – № 24. – С. 76-84.

Большов С.В. Семантическая функция абашевского орнамента // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – т. 11, № 6. – С. 296-299.

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. – 2-е изд. доп. и испр. – М.: Мысль, 1983. – 206 с.

Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 г.) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск: Челяб. ун-т, 1996. – С. 64-88.

Брагинский И.С. Веретрагна // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1. – С. 233.

Бухонина Т.А. Могильник эпохи бронзы Куропаткино II на р. Чаглинка // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. ун-т, 1984. – С. 44-58.

Быконя В.В. Мифические предки в культуре селькупского этноса (по лингвистическим данным) // Вестник ТГПУ. – 2011. – Выпуск 3 (105). – С. 133-139.

Вадецкая Э.Б. Предметы вооружения из могил окуневской культуры // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1981. – С. 13-21.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, Лен. отд-е, 1986. – 180 с.

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Изд-во Наука, Лен. отд-е, 1980. – 148 с.

Ван дер Плас Д. Запрет на изображения в монотеистических религиях // Вестник древней истории. – 1996. – № 2. – С. 123-143.

Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского. Книга Бытия. – Изд-во РГГУ, 1999.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2003. – 362 с.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). – Челябинск: Абрис, 2011. – 175 с.

Винокурова Е.И., Лысенко Ю.А. Охранные раскопки погребального комплекса около города Усть-Каменогорска // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Баранул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – Выпуск XI. – С. 134-138.

Власов В.Г. Меандр // Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 8 т. – Т. 4. – СПб.: ЛИТА, 2001. – С. 426-428.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. – Т. I-II. –1328 с.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейская прародина и расселение индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений // Вопросы языкового родства: Международный научный журнал. Материалы международной научной конференции памяти Николая Яковлевича Мерперта: круглый стол «Проблемы прародины индоевропейцев», Москва, 12 сентября 2012 г. – М., 2013. – № 9. – С. 109-136. (Вестник РГГУ: Научный журнал; Серия «Филологические науки. Языкознание»; № 5 (106).

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1990. – 232 с.

Гемуев И.Н. Мир-сусне-хум // Мифология манси. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – С. 89-91.

Генинг В.Ф., Ещенко Н.К. Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье I // ИИС – Томск: ТГУ, 1973. – Вып. 5. – С. 53-64.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – 408 с.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье-I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 67-111.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье IV – поселение кротовской культуры // Археологические исследования Севера Евразии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1982. – С. 53-64.

Гиндин Л.А. Некоторые ареальные характеристики хеттского, I // Этимология. 1970. – М.: Наука, 1972. – С. 272-321.

Гиндин Л.А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. II (К балкано-хетто-лувийским изоглоссам в преданатолийский период) // Этимология. 1972. – М.: Наука, I974. – С. 149-159.

Гиндин Л.А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «Карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В.М. Иллич-Свитыча // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 54-65.

Гиоргадзе Г.Г. A. Kammenhuber, Die Arier im Vordern Orient, Heidelburg, 1968, 295 стр. // ВДИ – 1971. – № 1. – С. 120-123.

Гиршман Р. Иран и миграции индоариев и иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981. – С. 140-144.

Глушкова Т.Н. Археологический текстиль как источник по реконструкции древнего ткачества Западной Сибири / Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 53 с.

Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.

Головнёв А.В. Этничность и мобильность // Этничность в археологии или археология этничности?: Материалы Круглого стола. – Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013. – С. 116-136.

Горячев А.А. О погребалных традициях племён поздней бронзы урочища Ой-Джайляу в Чуилийских горах // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2008. – Вып. II. – С. 44-59.

Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвящённый 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы, 2013. – С. 348-370.

Готлиб А.И. Горные архитектурно-фортификационные сооружения окуневской эпохи в Хакассии // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 134-151.

Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Вост. лит., 2007. – 510 с.

Гребенщиков А.В. Необычные сюжеты в орнаментике традиционного гончарства Приамурья в эпоху раннего железа // Семантика древних образов. Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. – С. 54-79.

Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. – 419 с.

Гринцер П.А. Шеша // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 2. – С. 642.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ. – В3-12. – М.: Наука, 1971. – 88 с., 18 табл.

Громов А.В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 301-320.

Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Новые материалы андроновской культуры с территории лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы XVII и XIX региональных научно-практических конференций. – Барнаул: Концепт, 2013. – С. 121-128.

Грушин С.П., Леонтьева Д.С., Фрибус А.В., Вальков А.С. Предварительные итоги изучения андроновского могильника Сигнал-I // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сборник статей, посвящённый 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 206-211.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – № 48. – 228 с.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, Лен-е отд-е, 1980. – 62 с.

Гуревич Л.Л. О круглых городах древних иранцев // Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы «Город и процессы урбанизации в Средней Азии»). ТД. – Ташкент: Фан, 1989. – С. 48-49.

Дандекар Р.Н. От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. – М.: Вост. лит-ра, 2002. – 286 с.

Данченко Е.М., Полеводов А.В. Четырёхгранный сосуд с Красноярского городища в южнотаёжном Прииртышье // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 24-26.

Дегтярёва А.Д., Нескоров А.В. Ростовкинский клад бронзовых изделий эпохи бронзы (культурная интерпретация) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 3 (30). – С. 32-41.

Дрёмов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 264 с.

Дьяконов И.М. История Мидии. От древнейших времён до конца IV века до н.э. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 485 с.

Дьяконов И.М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа (к методике исследования исчезнувших языков) // Вестник древней истории. – 1970. – № 4. – С. 39-63.

Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 247 с.

Дьяконов И.М. Прародина индоевропейцев (По поводу книги Е.Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?». М., 1994) // Вестник древней истории – 1995. – № 1. – С. 123-130.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1976. – 276 с.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1986. – 235 с.

Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 229 с.

Евдокимов В.В., Новоженов В.А., Ломан В.Г. Археологические исследования на территории Карагандинской области летом 1984 года // Полевой отчёт. – Караганда, 1985.

Елизаренкова Т.Я. Аорист в «Ригведе». – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 152 с.

Елизаренкова Т.Я. Ведийский язык. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. – 181 с.

Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы. I-IV. Приложения. – М.: Наука, 1989. – С. 426-543.

Елизаренкова Т.Я. Примечания // Ригведа. Мандалы. I-IV. Приложения. – М.: Наука, 1989а. – С. 544-757.

Елизаренкова Т.Я. Мир идей ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы V-VIII. – Изд-е втор., испр. Приложения. – М.: Наука, 1999. – С. 452-486.

Елизаренкова Т.Я. О Соме в Ригведе // Ригведа. Мандалы. IX-X. Приложения. – М.: Наука, 1999а. – С. 323-353.

Елизаренкова Т.Я. Комментарий // Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. / Пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой; Ин-т востоковедения. – М.: Вост. лит., 2007. – Т. 2. – кн. VIII-XII. – С. 205-280.

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Древнеиндийская поэтика и её индоевропейские истоки // Литература и культура древней и средневековой Индии. – М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1979. – С. 36-88.

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Трита в колодце: ведийский вариант архаичной схемы // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. – М.: Языки славянских культур, 2010. – Т. 3: Индийские и иранские языки. – Кн. 2. – С. 168-171.

Емельянов В.В. Ритуал в Древней Месопотамии. – СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2003. – 320 с.

Епимахов А.В. О возможности формирования единой системы хронологии бронзового века Северной Евразии // Западная и Южная Сибирь в древности: сб. науч. трудов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 169-173.

Епимахов А.В. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиокарбонных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2007. – № 17. – С. 402-421.

Епимахов А.В. Динамика коммуникаций бронзового века Урала // Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии. – Алматы: Остров Крым, 2014. – С. 125-205.

Епимахов А.В., Таиров А.Д. Андроновские древности бронзового века причелябинского региона. Новые материалы и старые проблемы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2014. – т. 14, № 4. – С. 29-34.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // Российская археология. – 2005. – № 4. – С. 92-102.

Ермолаева А.С. Погребения эпохи бронзы могильников Малое Карасу и Ковалёвка левобережного Иртыша // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд «Родничок», Фонд «XXI век», 2001. – Вып. 2. – С. 102-111.

Жаронкин В.Н. Особенности культурогенеза в межгорных котловинах и проблема «доживающих» культур // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23-28 октября 2006 г., Новосибирск). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 369-371.

Живлов М.А. Андроновский арийский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. – М.: Academia, 2013. – с. 217-220.

Запрудский С.С. Могильник андроновской культуры Барсучиха в Ребрихинском районе Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае 2011-2012 гг. Археология, этнография, устная история. – Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2013. – Вып. 8. – С. 24-30.

Зах В.А. Посёлок древних скотоводов на Тоболе.– Новосибирск: «Наука». Сиб-я изд-я фирма РАН, 1995. – 96 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья.– Новосибирск: Наука, Сиб. пред-е РАН, 1997. – 132 с.

Зах В.А. О формировании фёдоровской культуры (по материалам Нижнего Притоболья) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб-М-Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 220-222.

Зах В.А. Формирование фёдоровской культуры в Притоболье и пути миграции её носителей на восток // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 1 (24). – С. 50-60.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е. Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2001. – № 1 (14). – С. 219-233.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 184 с.

Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: Творч. об-ние «Каменный пояс», 1995. – С. 21-42.

Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // МИА. Новое в советской археологии. – М.: Наука, 1965. – № 130. – С. 177-181.

Зубова А.В. Происхождение населения андроновской (фёдоровской) культуры Западной Сибири по одонтологическим данным // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 2 (17). – С. 70-78.

Зубова А.В. Палеоантропологическая серия из могильника Танай-12 и происхождение населения корчажкинской культуры Кузнецкой котловины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 3 (26). – С. 90-98.

Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропологические аспекты генезиса представителей андроновской культурно-исторической общности // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железного века в степях Евразии и на сопредельных территориях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 541-554.

Иванов Вяч.В. Опыт истолкования ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva – конь (жертвоприношение коня и дерево aśvattha в древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. – С. 75-138.

Иванов Вяч.Вс. К вопросу о возможной лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы к конференции. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. – С. 45-47.

Иванов Вяч.Вс. Восточные индоевропейцы, анатолийцы и носители древнебалканских культур // В поисках «ориентального» на Балканах. Античность. Средневековье. Новое время. Изд. 2-е, исправл. (Балканские чтения 7. Тезисы и материалы.). – М., 2003. – С. 8-12.

Иванов Вяч.Вс. Евразийские эпические мифологические мотивы // Евразийское пространство: Звук, слово, образ. (Язык. Семиотика. Культура). – М.: Языки славянской культуры, 2003а. – С. 13-53.

Иванов Вяч.Вс. К семантической типологии производных от числительного «два» // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 101-111.

Иванов Вяч.Вс. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарианиди. – М.: Старый сад, 2004а. – С. 41-67.

Иванов Вяч. Вс. Евразийские эпические мифологические мотивы // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5: Мифология и фольклор. – М.: Знак, 2009. – С. 49-78.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. – М.: Наука, 1974. – 342 с.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В.Я. Проппа. – М.: Наука, 1975. – С. 44-76.

Иванов Г.Е. К вопросу об абсолютной и относительной хронологии памятников с валиковой керамикой степного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во ИИФиФ; АГУ, 1988. – С. 101-104.

Иванов Г.Е. Поселение Крестьянское-9 – памятник финальной бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 1990. – С. 86-103

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 500 с.

Иды // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон; ред. И.Е. Андреевский, К.К. Арсеньев, Ф.Ф. Петрушевский. – СПб.: Типо-Литографія И.А. Ефрона, Прачешный пер., № 6, 1894. – Т. XII[A]. Земперъ – Имидокислоты. – С. 807.

Илларионов С.В. Гносеологическая функция принципа инвариантности // Вопросы философии – 1968. – № 12. – С. 89-95.

Илюшин А.М., Борисов В.А. Курганы развитой бронзы в долине реки Ур. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2013. – 304 с.

Институт археологии: история и современность: Сборник научных биографий. – М.: ИА РАН, 2000. – 280 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 284 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 295 с.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986. – 524 с.

Кадырбаев М.К. Акмола – памятник андроновской культуры. // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во «Наука», КазССР, 1969. – С. 91-106.

Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. – Алма-Ата: Наука, 1974. – С. 24-45.

Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. ун-т, 1983. – С. 134-142.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алматы: Гылым, 1992. – 247 с.

Казаков Е.П. Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии // СА – 1979. – № 1. – С. 145-160.

Калоев Б.А. Уацамонга // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 2. – С. 543.

Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1975. – 174 с.

Касьян А.С., Живлов М.А., Старостин Г. С. Вероятностная оценка индоевропейско-уральского родства: формализованное сравнение реконструированной базисной лексики // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 23-25 июня 2014 г. – СПб.: Наука, 2014. – С. 382-408.

Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ / сост. Л.Ю. Касастикова. – Кемерово: Скиф, 2006. – Вып. 2. – 124 с.

Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ / сост. Л.Ю. Касастикова. – Кемерово: Скиф; ИПП «Кузбасс», 2008. – Вып. 3. – 128 с.

Кёйпер Ф.Б.Я. Древний арийский словесный поединок // Кёйпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986. – С. 47-100.

Кёйпер Ф.Б.Я. Три шага Вишну // Кёйпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986а. – С. 101-111.

Кёйпер Ф.Б.Я. Небесная бадья // Кёйпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986б. – С. 156-162, 183-188.

Кириллова Д.А., Подольский М.Л. *Све* Кызыл хая на севере Хакасии // Окуневский сборник. Выпуск 2: Культура и её окружение. – СПб.: СПбГУ, 2006. – С. 130-145.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья. Автореф. дис. … докт. ист. наук. – Новосибирск, 1986. – 35 с.

Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. – С. 100-125.

Кирюшин Ю.Ф. Работы в лесостепном Алтае // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1987а. – С. 32-35.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: АГУ, 2002. – 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Орлова Л.А., Папин Д.В. Хронология бронзового века на Алтае (проблемы радиоуглеродного датирования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 255-259.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е. Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново-V на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 43-52.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: АГУ, 1990. – С. 104-128.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог I – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. – С. 42-56.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 62-85.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – Часть I. Культура населения в раннескифское время. – 232 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Андроновская могила на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина 6-7 октября 1999 г. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 40-47.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Сведения о раскопках грунтового могильника эпохи ранней бронзы Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2000а. – Т. VI. – С. 297-302.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажкинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. – С. 137-158.

Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновские погребения на реке Чарыш // Известия Алтайского государственного университета. – 1996. – № 2. – С. 33-38.

Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на реке Чарыш // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994 – 1996 гг. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2000. – С. 26-30.

Киселёв С.В. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии // СЭ – 1935. – № 4-5. – С. 206-209.

Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – № 9. – 364 с.

Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ; Лен. науч.- иссл. арх. объед., 1991. – 448 с.

Клейн Л.С. Пути ариев. Полемические заметки о книге Е.Е. Кузьминой. Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М.; СПб.: Летний сад, 2008, 558 с., 12 карт, 71 табл. илл. // РА – 2010. – № 3. – С. 171-174.

Климишин И.А. Календарь и хронология. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1985. – 320 с.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник: история одомашнивания лошадей в евразийских степях, на Кавказе и Ближнем Востоке. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2010. – 160 с.

Ковтун И.В. О верхнем хронологическом пределе существования андроновских (фёдоровских) памятников в Западной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. – С. 69-71.

Ковтун И.В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – 140 с.

Ковтун И.В. Андроновские погребения Урского могильника из раскопок Ф.И. Александрова (К открытию первого андроновского памятника в Кузнецкой котловине) // Методология и историография археологии Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – С. 122-134.

Ковтун И.В. Особенности андроновской экспансии на юге Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – Т. I. – С. 246-253.

Ковтун И.В. Хронология андроновских браслетов с конусовидными спиралями // Археология, этнография, и музейное дело. – Кемерово: Изд-во Никалс, 1999. – С. 21-26.

Ковтун И.В. Андроновский могильник Кожа-Бала // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Изд-во Никалс, 1999а. – С. 27-31.

Ковтун И.В. Андроновские сосуды с подквадратным устьем // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – Вып. XI. – С. 118-120.

Ковтун И.В. Валики «донгальского типа» в керамических комплексах эпохи поздней бронзы Среднего Енисея, Алтая и Казахстана // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2001. – Вып. XII. – С. 214-217.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001а. – 184 с.

Ковтун И.В. Иконографический инвариант (историография и методология) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2003. – Т. 2. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 16-23.

Ковтун И.В. Инвариантный анализ изобразительных стилей // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1 (21). – С. 40-50.

Ковтун И.В. Древнейшее скульптурное изображение лошадиных «причёсок» в Северной и Центральной Азии // Тропою тысячелетий. К юбилею М.А. Дэвлет. Труды САИПИ. Вып. IV. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 137-141.

Ковтун И.В. Каменные жезлы с фигурным зооморфным навершием эпохи бронзы Северо-Западной и Центральной Азии // «Homo Eurasicus»: Сборник научных трудов. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 401-412.

Ковтун И.В. Змеи и кинжалы: прообраз героического эпоса // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 188-189.

Ковтун И.В. Иконографические и смысловые планы ростовкинской композиции // Материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии: Труды музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. – Томск: Том. гос. ун-т, 2010а. – Т. III, вып. 1. – С. 105-123.

Ковтун И.В. Символические мотивы и персонажи скульптурной композиции ножа из Турбино II // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН. – Кемерово: ИП Скобликов, 2010б. – Вып. 2. – С. 77-83.

Ковтун И.В. Фигуративно-орнаментальная композиция ростовкинского кельта // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010в. – С. 118-123.

Ковтун И.В. Ножи из Елунино I и Усть-Муты // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. – Барнаул: Слово, 2010г. – С. 66-80.

Ковтун И.В. Змея в змее // Религия в истории России и Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 109-111.

Ковтун И.В. Индоарийские диалекты и сейминско-турбинские бронзы // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2011а. – С. 331-338.

Ковтун И.В. Композиция сейминского кинжала и предыстория индоарийской мифологии // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2011 года. – Кемерово: Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2011б. – Вып. 3. – С. 92-111.

Ковтун И.В. Сюжет сейминской композиции // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я.А. Шера. – Кемерово: РИО КемГУ, 2011в. – Вып. 25. – С. 121-128.

Ковтун И.В. Происхождение масленицы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН, Периферия, 2012. – Кн. 1. – С. 172-178.

Ковтун И.В. Смысловые планы рукояти ножа из Сеймы // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: «Амфора», 2012а. – С. 106-116.

Ковтун И.В. «Конноголовые» жезлы и культ конской головы в Северо-Западной Азии во II тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012б. – № 4 (52). – С. 95-105.

Ковтун И.В. Сейминско-турбинские древности и индоарии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012в. – № 4 (19). – С. 53-70.

Ковтун И.В. Конь и лыжник. – Томск: ТГУ, 2012г. Труды Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. – Т. IV. – 128 с.

Ковтун И.В. Образы и символы джетыгарского копья // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. – Томск: ТГУ, 2013. – Вып. 3. – С. 193-205.

Ковтун И.В. Образы коней-змееборцев из Елунино I, Усть-Муты и Нижней Красавки-II // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013а. – № 3 (23). – С. 138-141.

Ковтун И.В. Праобраз Варуны на кинжале из Сеймы // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013б. – Вып. VI. – С. 18-35.

Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. – Кемерово: Азия-Принт, 2013в. – 702 с.

Ковтун И.В. Сюжет турбинской композиции // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железного века в степях Евразии и на сопредельных территориях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 470-478.

Ковтун И.В. Хвост и грива конской фигурки из Ростовки // Российская археология. – 2014а. – № 1. – С. 5-13.

Ковтун И.В. Шёпот духов (Этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц). – Кемерово: Азия-Принт, 2014б. – 171 с.

Ковтун И.В., Баштанник С.В., Фрибус А.В. Андроновское захоронение могильника Юрман I и змее- / драконоборческие мотивы в орнаментации погребальных сосудов // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. К 70-летию Ю.Ф. Кирюшина. – Барнаул: Изд-во АГУ. – 2015. – С. 212-218.

Ковтун И.В., Горяев В.С. Могильник Танай-12 и культурно-хронологические особенности андроновской статуарной и изобразительной традиции // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – С. 53-63.

Ковтун И.В., Михайлов Ю.И. Искусство и ремесло: к проблеме нефигуративного характера андроновского изобразительного творчества // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 316-321.

Ковтун И.В., Нескоров А.В. Хронология и мифология андроновских сосудов с подквадратным устьем // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 1 (28). – С. 15-25.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 456 с.

Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племён лесной полосы Западной Сибири // МИА. Материалы и исследования по археологии Сибири. – т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – № 24. – С. 7-50.

Комарова М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСГЭ. Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. – Вып. 3. – С. 32-73.

Комарова М.Н. Карасукские могильники близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, Лен. отд-е, 1975. – С. 85-94.

Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / В.С. Бочкарёв, А.П. Бужилова, А.В. Епимахов, Л.С. Клейн, П.А. Косинцев, С.В. Кулланда, П.Ф. Кузнецов, Е.Е. Кузьмина, М.Б. Медникова, А.Н. Усачук, А.А. Хохлов, Е.А. Черленок, И.В. Чечушков. – Екатеринбург-Самара-Донецк: ООО «ЦИКР «Рифей»», 2010. – 371 с.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаёжном Тоболо-Иртышье: факторы, механизмы, динамика / Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2011. – 37 с.

Корочкова О.Н. О производящем центре эпохи бронзы в Среднем Зауралье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – С. 572-574.

Корочкова О.Н., Спиридонов И.А., Стефанов В.И. О металлообработке эпохи поздней бронзы горно-лесного Зауралья: кельты кижировского типа // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2 (62), Т. 6. – С. 61-67.

Корякова Л.Н., Молодин В.И. Изучение культурной изменчивости в археологии // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. – 2012. – Т. 11, вып. 3: Археология и этнография. – С. 82-102.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Микрюкова О.В., Берсенева Н.А., Шарапова С.В. Позднебронзовый могильник близ села Больше-Казакбаева на севере Челябинской области // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Фёдоровича Генинга). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 147-161.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М.: «Наука», 1974. – 167 с., 49 рис.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры в Волго-Уралье (II тыс. до н.э.). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. – С. 156-207.

Кочерженко О.В., Слонов В.Н. О семантике орнамента керамики срубной культуры // СА – 1993. – № 3. – С. 37-42.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ – М.: Наука, 1966. – Вып. В4-9. – 150 с.

Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племён Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). – М.: Наука, 1977. – С. 28-52.

Кузьмина Е.Е. О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства Евразийских степей скифского времени. Методика анализа памятников // ВДИ – 1983. – № 1. – С. 95-105.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Информационный бюллетень. Межд. асс-ии по изуч. культур Центр. Азии. – М.: Глав. ред. изд. для зар. стран изд-ва «Наука», 1985. – Вып. 9. – С. 24-45.

Кузьмина Е.Е. Гончарное производство у племён андроновской культурной общности (об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоиранцев) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986. – С. 152-182.

Кузьмина Е.Е. Ещё раз о хронологии и этнической атрибуции памятников фёдоровского типа андроновской общности // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во ИИФиФ; АГУ, 1988. – С. 95-97.

Кузьмина Е.Е. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ – 1988а. – № 2. – С. 35-59.

Кузьмина Е.Е. Финно-угры и индо-иранцы: динамика культурных связей // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – Ч. II. – С. 33-39.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. – 464 с.

Кузьмина Е.Е. Финно-угры и индо-иранцы: динамика культурных связей // Балто-славянские исследования 1988-1996. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – С. 184-190.

Кузьмина Е.Е. Методика этнической атрибуции и хронология памятников бронзового века Центральной Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. – С. 268-270.

Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев: (Культурологические очерки). – М.: Рос. ин-т культурологии, 2002. – С. 47-73.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. – М.: Летний сад, 2008. – 558 с.

Кузьмина Е.Е. Синташтинский тип памятников и их этническая атрибуция // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Г.Б. Здановича. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2010. – Ч. 2. – С. 66-77.

Кузьминых С.В. Основные этапы развития металлообработки Западной Сибири в эпохи раннего металла и раннего железа (медь и бронза) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2 (62), Т. 6. – С. 68-71.

Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Сейминско-турбинская и самусьская металлобработка: проблема соотношения // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во ИИФиФ; АГУ, 1988. – С. 71-74.

Кукушкин И.А. Могильник Аяпберген – раннеандроновский памятник Центрального Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. – С. 50-69.

Кукушкин И.А. Новые исследования на могильнике Ащису // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 1 (12). – С. 71-75.

Кулланда С.В. Переднеазиатский арийский. К проблеме генеалогической классификации // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 23-25 июня 2014 г. – СПб.: Наука, 2014. – С. 553-557.

Куприянова Е.В. Тень женщины. Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). – Челябинск: Авто Граф, 2008. – 244 с.

Кущ Г.А. Могильник Аир-Тау в Восточном Казахстане // Маргулановские чтения. – Алма-Ата: ИИАиЭ АН Каз. ССР; ЦСООПИК Каз. ССР, 1989. – С. 227-228.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 295 с.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 19-64.

Лелеков Л.А. R. Ghirshman. l'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens, E. J. Brill, 1977, 88 p. Р. Гиршман. Иран и миграция индоариев и иранцев // НАА – 1978. – № 5. – С. 220-226.

Лелеков Л.А. Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово, 1980. – С. 118-125.

Лелеков Л.А. Проблемы индоиранистики на современном этапе // НАА – 1988. – № 6. – С. 168-184.

Лелеков Л.А. Авеста в современной науке. – М.: Государственный научно-исследовательский институт реставрации Министерства культуры и туризма Российской Федерации, 1992. – 363 с.

Лелеков Л.А. Йима // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1. – С. 599.

Лелеков Л.А. Спента-Майнью // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994а. – Т. 2. – С. 467.

Лелеков Л.А. Тиштриа // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994б. – Т. 2. – С. 515.

Леонтьев Н.В. Отчёт о полевых работах Минусинского музея в устье речки Бири в 1982 году. – Минусинск, 1982 // Архив ИА АН СССР. – Р-1, 9087.

Леонтьев Н.В. Отчёт о раскопках Минусинского музея на могильнике Устье-Бири в 1983 г. – Минусинск, 1984 // Архив ИА АН СССР. – Р-1, 10066.

Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н. Могильник андроновской культуры Устье Бири IV // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – Вып. 3-4. – С. 66-78.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – С. 190-197.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. – С. 115-129.

Лопатин В.А. Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка-II (по материалам исследований 2007-2009 годов) // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов: ИЦ «Наука», 2010. – Вып. 8. – С. 126-156.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПБ», 2000. – С. 150-390.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПБ», 2000а. – С. 14-285.

Лузин С.Ю. Разведочные работы на поселении Фирсово-XV // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Топчихинская типография, 1990. – С. 46-49.

Лузин С.Ю. Андроновское поселение на оз. Горином // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул: Топчихинская типография, 1991. – С. 56-58.

Лушникова А.В. Модель универсума древних календарей (лингвистическая реконструкция). – М.: «Советский писатель», 2004. – 258 с.

Лушникова А.В. Календари Северной Евразии и Сибири как источник для реконструкции древней картины мира // Вопросы языкознания. – 2005. – № 5. – С. 11-29.

Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. – М.: Наука, 1977. – 205 с.

Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, Лен. отд-е, 1975. – С. 48-58.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, Лен. отд-е, 1978. – 190 с.

Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. – Л.: Изд-во Наука, Лен. отд-е, 1980. – С. 3-26.

Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата, 1961. – Т. 12. – С. 62-71.

Малютина Т.С. Фёдоровская культура Урало-Казахстанских степей / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М, 1994. – 27 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура. – Алма-Ата: Наука, Каз. ССР, 1979. – 360 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, Каз. ССР, 1966. – 435 с.

Мартынов А.И. Исследования Косогольского поселения // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Кемеровский полиграфкомбинат, 1987. – С. 39-51.

Марченко Ж.В., Молодин В.И., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Погребальные комплексы с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) и их радиоуглеродная хронология // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – С. 463-468.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Археологические памятники эпохи бронзы урочища Ой-Джайляу (Семиречье) // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Тип-я КазНИИНКИ, 1992. – С. 3-15.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Источники. Проблемы периодизации и хронологии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. – 181 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е РАН, 1998. – 417 с.

Матвеев А.В. Фёдоровская культура в лесостепном Зауралье // Александр Васильевич Матвеев: Сборник научных трудов и воспоминаний. Посвящён памяти А.В. Матвеева. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. – С. 53-93.

Матвеев А.В., Орищенко А.В., Зах В.А., Панфилов А.Н., Петренко Ю.В. Радиоуглеродный возраст и проблемы хронологии археологических памятников эпохи неолита и бронзового века на юге Тюменской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (3-5 апреля 1991 года). – Барнаул: Топчихинская типография, 1991. – С. 28-31.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби // ИИС – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. – Вып. 11. – 118 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура // ИИС – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. – Вып. 12. – 188 с.

Матющенко В.И. Самусьская культурная общность и ее окружение // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. – № 3. – вып. 1. – С. 29-33.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть первая. Еловский I курганный могильник. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. – 62 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 468 с.

Матющенко В.И. Отчёт об исследовании могильника ЕК-II // Архив ИА РАН, 1980.

Матющенко В.И., Тихонов С.С. Еловская керамика юга Томской области // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1991. – С. 73-86.

Махабхарата. Книга девятая. Шальяпарва. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1996. – 352 с.

Махабхарата. Книга четырнадцатая. Ашвамедхикапарва, или книга о жертвоприношении коня. – СПб.: Наука, 2003. – 308 с.

Медведев А.П. Авестийский «Город Йимы» в историко-археологической перспективе // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. – С. 283-285.

Мелетинский Е.М. Мифы древнего мира в сравнительном освещении // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1971. – С. 68-133.

Мерц В.К., Казизов В.С., Мерц И.В. Новые исследования могильника Кенжеколь-1 в Павлодарском Прииртышье // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул: БГПУ, 2007. – Вып. 3. – С. 36-40.

Миллер Всев. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. – М.: Типография Ф.Б. Миллера, Покровка, Машков пер., соб. дом, 1876. – Том I. Асвины-Диоскуры. – 356 с.

Михайлов Ю.И. Орнамент андроновского керамического комплекса (Проблема анализа и интерпретации) / Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 18 с.

Михайлов Ю.И. Орнамент андроновского керамического комплекса (Проблема анализа и интерпретации) / Дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 1990а. – 146 с.

Михайлов Ю.И. Собака в ритуальной практике андроновского населения // Маргулановские чтения. 1990. – М.: ИА АН РК, 1992. – Ч. I. – С. 110-116.

Михайлов Ю.И. Божество «хрустального неба» в культурных традициях древнеиранского населения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – т. V. – С. 427-432.

Михайлов Ю.И. Опыт реконструкции соматического кода в традиции использования оленных камней // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: «Никалс», 1999а. – С. 74-85.

Михайлов Ю.И. К проблеме исследования коммуникативной символики каменных стел и изваяний в контексте палеосоциологического анализа комплексов эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2000. – т. VI. – С. 334-339.

Михайлов Ю.И. К проблеме определения этнокультурной принадлежности синташтинских памятников // Степи Евразии в древности и средневековье. Мат-лы межд. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. I. – С. 200-204.

Могильников В.А. Курганы Корболиха I – памятник андроновской культуры в предгорьях Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1998. – № 3. – С. 29-43.

Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 261 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1977. – 173 с.

Молодин В.И. Археологические исследования в Западной Сибири летом 1977 года (полевой отчёт). – Новосибирск, 1977 // Архив ИА АН СССР. – 264 с. – Р-1, 6375.

Молодин В.И. К вопросу о соотношении кротовской и андроновской культур // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1979. – С. 75-79.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла) – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. – С. 61-76.

Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Труды САИПИ. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Вып. VII. – С. 58-69.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2013. – С. 309-324.

Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2014. – № 1 (57). – С. 49-54.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1989. – 168 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – Том 13, вып. 3: Археология и этнография. – С. 136-167.

Молодин В.И., Марченко Ж.В. Стратиграфия погребальных комплексов эпохи бронзы могильника Тартас 1 и её радиоуглеродное обоснование // Международный симпозиум «Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы». 22-26 июня 2015 г., Новосибирск. Программа. Тезисы докладов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2015. – С. 63-64.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Радиоуглеродная хронология позднекротовских и андроновских (фёдоровских) памятников центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб-М-Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 251-252.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы итоговой сессии ИАЭт СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 240-246.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нескоров А.В. Завершение исследований могильника Старый Сад эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы итоговой сессии ИАЭт СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 195-198.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьёв А.И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии, 2011. – № 3 (47). – С. 40-56.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьёв А.И., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А. Этнокультурные процессы у населения Центральной Барабы в эпоху развитой бронзы (по материалам исследования могильника Тартас-1 в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы Итоговой сессии ИАЭт СО РАН 2009 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 337-342.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальнокова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы Итоговой сессии ИАЭт СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231-236.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения 1990. – М.: ИА АН РК, 1992. – Ч. I. – С. 93-97.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 1998. – 140 с.

Молодин В.И., Новиков А.В., Гришин А.Е. Результаты последнего года полевых исследований могильника андроновской культуры Старый Тартас-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы VI Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь 1998 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 294-299.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2002. – № 3 (11). – С. 48-62.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Новикова О.И., Соловьев А.И., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Пиецонка Х., Казакова Е.А. Результаты полевых исследований памятника Тартас-1

в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы Годовой сессии ИАЭт СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 329-333.

Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Пиецонка Х., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Гришин А.Е. Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 325-328.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Журавлёв А.А., Трапезов Р.О., Ромащенко А.Г. Генофонд мтДНК представителей восточного варианта пахомовской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4 (52). – С. 62-69.

Молодин В.И., Соловьёв А.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ритуальный комплекс с захоронением коня раннего железного века на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Фёдоровича Косарева. – Томск: Аграф-Пресс, 2012. – С. 154-166.

Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Борзых К.А., Сальникова И.В., Демахина М.С. Археологические комплексы эпохи развитой и поздней бронзы на памятнике Тартас-1: новейшие результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 332-336.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы Итоговой сессии ИАЭт СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 206-211.

Молодин В.И., Шатов А.Г. К реконструкции военного дела носителей кротовской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Мат-лы Годовой юбилейной сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь 2000 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 358-363.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Исследование кургана № 25 могильника Заречное-1 // Андроновский мир. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2010. – С. 98-117.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновский (фёдоровский) курган на могильнике Погорелка-2 (Центральная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы Итоговой сессии ИАЭт СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 212-216.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновские (фёдоровские) кургана могильника Погорелка-2 в Центральной Барабе) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы итоговой сессии ИАЭт СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 249-253.

Напольских В.В. Уральско-арийские взаимоотношения, история исследований, новые решения и проблемы // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В.А. Сафронова). – М.: МГОУ, 2010. – С. 229-242.

Напольских В.В. Проблема начала финно-угорско–иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Серия «Археология евразийских степей». – Казань: Отечество, 2014. – Выпуск 20. – С. 76-89.

Нащокин Н.В. Отчёт о полевых исследованиях Красноярского краевого музея летом 1966 года у дер. Солёноозёрной Хак-ой АО на Среднем Чулыме в пределах Бирилюсского и Большеулуйского районов. – Красноярск, 1966 // Архив ИА АН СССР. – Р-1, 3743.

Невелева С.Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон) – М.: Наука, 1975. – 118 с.

Невелева С.Л. Васуки // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. – М.: Республика, 1996. – С. 114.

Невелева С.Л. Эпическая ашвамедха // Махабхарата. Книга четырнадцатая. Ашвамедхикапарва, или книга о жертвоприношении коня. – СПб.: Наука, 2003. – С. 196-213.

Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. – М.: «Наука», 1970. – 192 с.

Новиков А.В. Исследования на могильнике ирменской культуры Камень I // Пространство

культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 62-64.

Новикова Н.И. Об иранском влиянии в культуре обских угров // СЭ – 1991. – № 4. – С. 28-36.

Новоженов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колёсный транспорт Евразии. – М.: Изд-во ТАУС, 2012. – 500 с.

Норманская Ю.В., Дыбо А.В. ТЕЗАУРУС. Лексика природного окружения в уральских языках. – М.: Тезаурус, 2010. – 364 с.

Овсянико-Куликовский Д.Н. Религия индусов в эпоху вед // Избранные труды русских индологов-филологов. – М.: Издательство восточной литературы, 1962. – С. 144-173.

Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов «Ригведы» (Ведийская космогония). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. – 115 с.

Оранский И.М. Indo-iranica. 1-4 // Этимология. 1974. – М.: Наука, 1976. – С. 158-171.

Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычаи). – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1990. – 319 с.

Панюшкина И.П. Возраст могильников эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. – Караганда – Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. – С. 196-204.

Парпола А. Праарийская религия, Насатьи и колесница // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 58-69.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Изд-ая фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 206 с.

Первобытное искусство: проблема происхождения / Бледнова Н.С., Вишняцкий Л.Б., Гольдшмидт Е.С., Дмитриева Т.Н., Шер Я.А. – Кемерово: Никалс, 1998. – 211 с.

Пилипенко А.С. Реконструкция процессов формирования населения Барабы эпохи бронзы методами анализа вариабельности мтДНК / Автореф. дис. … канд. биол. наук. – Новосибирск, 2010. – 16 с.

Погодин Л.И., Полеводов А.В. «Шаманские» погребения могильника эпохи бронзы Боровянка-XVII в Среднем Прииртышье // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово: КемГУ; ИАЭт СО РАН, 2003. – С. 56-60.

Полеводов А.В. Памятники андроновской культурно-исторической общности в Среднем Прииртышье // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Омск, 19-20 октября 2000 г.). – Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. – С. 99-101.

Поляков А.В. О соотношении материалов карасукской и ирменской культур // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23-28 октября 2006 г., Новосибирск). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 449-451.

Поляков А.В. Ранние этапы развития эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвящённый 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы, 2013. – С. 401-416.

Поляков А.В. О необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примеое кургана 13 могильника Итколь II) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенгез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010). Труды ИИМК РАН. № XLII. – СПб.: ИИМК РАН; «Арт-Экспресс», 2014. – С. 332-355.

Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Азбука, 2009. – Вып. 5. – С. 20-56.

Попова Т.Б. Племена поздняковской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. – М.: Советская Россия, 1970. – Вып. 44. – С. 154-230.

Потёмкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: «Лабиринт», 2001. – 192 с.

Пьянков И.В. Аркаим и индоиранская вара // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. – С. 280-281.

Пяткин Б.Н. Некоторые вопросы датировки петроглифов Южной Сибири // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1977. – Вып. 9. – С. 60-67.

Радхакришнан С. Индийская философия. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – 1007 с.

Раевская Н.Ю. Изображение в иудаизме и христианстве: возможность и действительность // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2011. – Том 12, вып. № 2. – С. 11-19.

Раевская Н.Ю. Иудаизм: Бог и его образ // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Том 15, вып. № 2. – С. 208-217.

Рахимов С.А. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде (Красноярский край) // КСИА. Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. – М.: Наука. – 1968. – Вып. 114. – С. 70-75.

Редеи К. Древнейшие индоевропейские заимствования в уральских языках // Балто-славянские исследования 1988 – 1996. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – С. 141-155.

Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение евразийских степей: вопросы хронологии // Вестник древней истории. – 2002. – № 2. – С. 20-32.

Ригведа. Мандалы I-IV. – М.: «Наука», 1989. – 768 с.

Ригведа. Мандалы V-VIII. Изд.-е втор., испр.-е. – М.: «Наука», 1999. – 743 с.

Ригведа. Мандалы IX-X. – М.: «Наука», 1999. – 559 с.

Рогожинский А.Е. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд «Родничок», Фонд «XXI век», 2001. – вып. 2. – С. 7-44.

Ромбандеева Е.И. Мансийские орнаменты и их названия // Орнамент народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. – С. 115-119.

Рындина О.М. Орнамент. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 3. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 640 с.

Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, Лен. отд-е, 1975. – С. 94-100.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сиб-е отд-е, 1978. – С. 47-62.

Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 155 с.

Сакенов С.К. Алакульские и нуринские комплексы могильника Шондыкорасы II // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук, 2013. – № 3 (289). – С. 35-49.

Сальников К.В. Андроновский курганный могильник у с. Фёдоровки Челябинской области // МИА. Археологические памятники Урала и Прикамья. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – № 1. – С. 58-68.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 288 с.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. – М.: Наука, 1977. – 171 с.

Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. – 398 с.

Святко С.В., Поляков А.В. Новые радиоуглеродные даты памятников эпохи бронзы – начала железного века Среднего Енисея // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 146-149.

Селешников С.И. История календаря и хронология. – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1970. – 224 с.

Соколов С.Н. Авестийский язык. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 123 с.

Софейков О.В. Охранные раскопки андроновского могильника Катково 1 // Археологические открытия 2000 года. – М.: Наука, 2001. – С. 252-253.

Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. – СПб.: «Эликсис Принт», 2006. – С. 292-302.

Стеблин-Каменский И.М. Примечания // Авеста. Избранные гимны; Из Видевдата. / Пер. с авест., предисл., примеч. и словарь И. Стеблин-Каменского. – М.: Дружба народов; КРАМДС – Ахмед Ясави, 1993. – С. 3-12.

Стеблин-Каменский И.М. Арийско-уральские связи мифа об Йиме // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. – Ч. V. – кн. 1. – С. 166-167.

Стеблин-Каменский И.М. Вступительные статьи // Гаты Заратуштры / Пер. с авестийского, комм. и прил. И.М. Стеблин-Каменского. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. – С. 4-32.

Стеблин-Каменский И.М. Гаты Заратуштры. Переводы и комментарии // Гаты Заратуштры / Пер. с авестийского, комм. и прил. И.М. Стеблин-Каменского. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009а. – С. 33-161.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. – Екатеринбург: Полиграфит, 2000. – 108 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 160 с.

Стефанов В.С., Днепров С.А., Корочкова О.Н. Курганы фёдоровского типа могильника Урефты I // СА – 1983. – № 1. – С. 155-166.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ, 1988. – С. 53-75.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). – М.: Наука, 1972. – 168 с.

Сумин В.А., Евтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. Археологические памятники Коченёвского района Новосибирской области. – Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области. – 272 с.

Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 248 с.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

Тахо-Годи А.А. Тесей // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 2. – С. 502-504.

Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы Древней Индии. – Изд. 4-е, доп. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. – 560 с.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. – Л.: Издание Государственного Русского музея, 1927. – Т. III, выпуск второй. – С. 57-112.

Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 528 с.

Титова М.В., Троицкая Т.Н. К вопросу о связи между еловской и ирменской культурами // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 92-101.

Ткачёв А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – Ч. 1. – 289 с.

Ткачёв А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002а. – Ч. 2. – 243 с.

Ткачёв А.А., Винокурова Е.И. Могильник эпохи бронзы Маринка // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 53-55.

Ткачёв А.А. Проблемы происхождения и хронологии нуринских комплексов Центрального Казахстана // Андроновский мир. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2010. – С. 84-97.

Ткачёв В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. – 384 с.

Ткачёв В.В. К вопросу о памятниках кожумбердынского типа эпохи бронзы Урало-Мугоджарского региона // РА – 2012. – № 1. – С. 155-159.

Ткачёв В.В., Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры. – Орск – Самара: Изд-во ОГТИ, 2006. – 180 с.

Ткачёва Н.А., Ткачёв А.А. Роль миграций в развитии андроновской общности // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3 (35). – С. 88-96.

Ткачёва Н.А., Ткачёв А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. – Новосибирск: Наука, 2008а. – 304 с.

Толстов С.П. Древний Хорезм. – М.: Издание МГУ, 1948. – 87 с.

Топоров В.Н. Об отражении одного индоевропейского мифа в древнеармянской традиции // Историко-филологический журнал. – 1977. – № 3. – С. 88-106.

Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1-2) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981. – С. 146-162.

Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. – М.: Наука, 1990. – С. 12-47.

Топоров В.Н. Аджа Экапад // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1. – С. 44.

Топоров В.Н. Апам Напат // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994а. – Т. 1. – С. 91.

Топоров В.Н. Ахи Будхнья // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994б. – Т. 1. – С. 137.

Топоров В.Н. Ведийская мифология // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994в. – Т. 1. – С. 220-226.

Топоров В.Н. Вивасват // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994г. – Т. 1. – С. 235.

Топоров В.Н. Геометрические символы // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994д. – Т. 1. – С. 272-273.

Топоров В.Н. Митра // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994д. – Т. 2. – С. 154-157.

Топоров В.Н. Фарн // Мифы народов мира. – М.: Российская энциклопедия, 1994е. – Т. 2. – С. 557-558.

Топоров В.Н. К семантике троичности (слав. **trizna* и др.) // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. – М.: Языки славянских культур, 2004. – Т. 1: Теория и некоторые частные её приложения. – С. 273-291.

Топоров В.Н. Indo-Iranica: к связи грамматического и мифоритуального // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. – М.: Языки славянских культур, 2006. – Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. – Кн. 2. – С. 455-478.

Топоров В.Н. Авест. *Θrita*, *Θraētaona*, др.-инд. *Trita* и др. и их индоевропейские истоки // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. – М.: Языки славянских культур, 2006а. – Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. – Кн. 2. – С. 479-504.

Топоров В.Н. «Мировое дерево». Опыт семиотической интерпретации // Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Т. 1. – С. 210-262.

Топоров В.Н. Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – Т. 2. – 536 с.

Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974. – Вып. 4. – С. 32-46.

Троицкая Т.Н. Красный Яр-1 – памятник позднего железного века // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. – С. 99-117.

Троицкая Т.Н., Дураков И.А., Савин А.Н. Самусьские бронзовые фигурки с поселения Крохалёвка-13 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1 (5). – С. 91-93.

Труфанова Ж.Н. Плоское ажурное литье кулайской культуры (стилистико-иконографический анализ) / Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ижевск, 2003. – 25 с.

Тугаринов А.Я. Андроновские могилы // Сибирская живая старина. Год издания IV. – Иркутск, 1926. – Вып. I (V). – С. 153-158.

Удодов В.С. О некоторых особенностях керамического комплекса поселения Переезд // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: тез. докл. к конф. – Барнаул: Топчихинская типография, 1991. – С. 74-76.

Уманский А.П. Полевой отчёт о раскопках могильника Кытманово (Кирзавод). – Баранаул, 1962-1963 // Архив ИА АН СССР. – Р-1, 2777; Р-1, 2777[а].

Уманский А.П. Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья. // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: Барн. госпединст., 1992. – С. 18-27.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 132 с.

Упанишады в 3-х книгах. Брихадараньяка Упанишада. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы; Научно-издательский центр «Ладомир», 1992. – Книга 1. – 239 с.

Упанишады в 3-х книгах. Упанишады. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы; Научно-издательский центр «Ладомир», 1992. – Книга 2. – 336 с.

Усманова Э.Р. Андроновский могильник Лисаковский // Маргулановские чтения. – Алма-Ата: Тип-я МВД Каз. ССР, 1989. – С. 116-118.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда – Лисаковск, 2005. – 232 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка // СА – 1970. – № 3. – С. 258-270.

Федорук О.А., Федорук А.С., Папин Д.В. К вопросу об особенностях парных захоронений разнополых индивидов в андроновской культуре Верхнего Приобья (по материалам раскопок могильника Фирсово XIV. 2010-2011 гг.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы XVII и XIX региональных научно-практических конференций. – Барнаул: Концепт, 2013. – С. 272-279.

Филонов К.П. Лось. – М.: Лесная промышленность, 1983. – 246 с.

Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры (Доклад, прочитанный на заседании сектора первобытной археологии ИИМК 20 мая 1950 г.) // КСИИМК. – М. – Л.: Изд-во АН СССР. – Вып. XXXIX. – С. 3-18.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1975. – 343 с.

Хелимский Е.А. Южные соседи финно-угров: иранцы или исчезнувшая ветвь ариев («арии-андроновцы»)? // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – С. 502-510.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. – Л.: Наука, Лен-е отд-е, 1976. – 64 с.

Хлобыстина М.Д. Андроновский дифференцированный керамический комплекс // Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. – С. 118-134.

Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. – М.-Л.: Наука, 1966. – 329 с.

Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 269 с.

Чаттерджи С.К. Введение в индоарийское языкознание. Восемь лекций, прочитанных в 1940 г. в Гуджаратском обществе родного языка (Ахмадабад). – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. – 256 с.

Чаттопадхьяя Д. Локаята даршана. История индийского материализма. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1961. – 736 с.

Чернецов В.Н. Орнамент ленточного типа у обских угров // СЭ – 1948. – № 1. – С. 139-152.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. МИА – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35. – С. 7-71.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – № 88. – 272 с.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья – М.: Наука, 1970. – 180 с.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. ун-т, 1983. – С. 81-99.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Членова Н.Л. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины: (По материалам Ужурского могильника) // Древняя Сибирь. Сибирский археологический сборник. Новосибирск: Наука, 1966. – Вып. 2. – С. 212-228.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. – М.: Наука, 1976. – 104 с.

Членова Н.Л. Основы хронологии андроновских памятников фёдоровского типа // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. ун-т, 1983. – С. 22-34.

Членова Н.Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // СА – 1984. – № 1. – С. 88-103.

Членова Н.Л. Проблема прародины иранцев и древнейшие городища Южного Урала и сопредельных территорий // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. – Ч. V. – кн. 1. – С. 177-184.

Шамшин А.Б. Богатое андроновское погребение из могильника Фирсово XIV // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 44-45.

Шамшин А.Б., Ченских О.А. Новый памятник андроновской культуры в Верхнем Приобье // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 47-50.

Шатапатха-брахмана: книга I; книга X (фрагмент) / перевод, вступ. статья и примеч. В.Н. Романова. – М.: Вост. лит., 2009. – 383 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Шер Я.А. К методике исследования геометрического орнамента на древних предметах // Базы данных по истории Евразии в средние века. – М.: Ин-т востоковед. РАН, 1997. – Вып. 3. – С. 61-71.

Шер Я.А. Петроглифы – древнейший изобразительный фольклор // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997а. – Вып. 2. – С. 28-35.

Шешкин П.Е., Шабалина И.Д. Мансийские орнаменты. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2001. – 128 с.

Шульга П.И., Казаков А.А., Ведянин С.Д., Семибратов В.П., Ситников С.М. Аварийные работы на реке Чарыш // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та., 1997. – Вып. VIII. – С. 124-128.

Эдельман Д.И. Ещё раз об этапах филиации арийской языковой общности // Вопросы языкознания. – 1992. – № 3. – С. 44-66.

Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. – М.: Вост. лит-ра, 2002. – 230 с.

Элиаде М. Мефистофель и андрогин. – СПб.: Алетейя, 1998. – 374 с.

Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. – М.: Ладомир, 1999. – 488 с.

Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2009. – 622 с.

Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1980. – 231 с.

Эрман В.Г. Варуна // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. – М.: Республика, 1996. – С. 113.

Юнгнер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника. Приложение к статье Соловьева Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001-2004 гг.) // Российская археология. – 2005. – № 4. – С. 112.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья: (Археология и антропология могильников). – М.: Информ.-изд. центр «ТИМР», 1996. – 184 с.

Яблонский Л.Т. Проблемы концепции этногенеза на современном этапе развития гуманитарных знаний // Этничность в археологии или археология этничности?: Материалы Круглого стола. – Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013. – С. 34-49.

Ярхо В.Н. Кадм // Мифы народов мира.– М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1. – С. 607.

Allentoft M.E, Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa Ph., Dąbrowski P., Duffy P. R., Ebel A.V., Epimakhov A.V., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A.V., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtchyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Pontén Th., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. – 2015. (11 June 2015). – № 522. – P. 167-172.

Anthony D.W. The horse, the wheell, and language: how Bronze-Age riders from the Eurasian steppes shaped the modern world. – Princeton: Princeton University Press. Princeton and Oxford, 2007. – 553 p.

Blažek V., Hegedűs I. On the position of Nuristani within Indo-European // In The Sound of Indo-European 2: papers on Indo-European phonetics, phonemics and morphophonemics. Lincom Studies in Indo -European Linguistics. Vol. 41. –Munich: Lincom, 2012. – S. 40-66.

Carpelan C., Parpola A. The abashevo culture and the earliest history of the indo-iranian and uralic (finno-ugric) languages // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2003. – С. 78-79.

Ghirshman R. l'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. – 1976. –Volume 120. – № 4. – p. 614-620.

Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. ^{14}C dating of the Siberian steppe zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. – Dordrecht / Boston / London: Kluwer Academic Publishers, 2004. – P. 83-89.

Gray R.D., Atkinson Q.D. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // Nature. – 2003. (27 November 2003). – № 426. – P. 435-439.

Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C. Towards a refined chronology for the Bronze Age of the southern Urals, Russia // Antiquity. – 2007. – 81 (312). – P. 353-367.

Kristiansen K. Bridging India and Scandinavia: Institutional Transmission and Elite Conquest during the Bronze Age // Interweaving Worlds. Systemic Interaction in Eurasia, 7th to the 1st Millennia BC. –Oxford: Oxbow Books, 2011. – P. 243-265.

Lamberg-Karlovsky C.C. Archaeology and Language. The Indo-Iranians // Current Anthropology. –February 2002. – Volume 43, Number 1. – P. 63-88.

Logvin A.V., Ševnina I.V. Die Nekropole von Bestamak // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. – Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. – Bd. 1. – S. 231-244.

Macdonell A.A. Vedic mythology. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1897. – 189 p.

Marchenko Z.V., Orlova L.A., Panov V.S., Zubova A.V., Molodin V.I., Pozdnyakova O.A., Grishin A.E., Uslamin E.A. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: preliminary results // Radiocarbon. – 2015. – Vol. 57, № 4. – P. 595-610.

Masica C.P. The Inpo-Aryan languages (Cambridge language surveys). – Cambridge, New York, Port Chester, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1991. – 539 p.

Molodin V.I., Marchenko Z.V., Kuzmin Y.V., Grishin A.E., Van Strydonck M., Orlova L.A. ^{14}C chronology of burial grounds of the andronovo period (middle bronze age) in Baraba forest steppe, Western Siberia // Radiocarbon. – 2012. – Vol. 54, № 3-4. – P. 737-747.

Panyushkina I.P., Mills B.J., Usmanova E.R., Li C. Calendar age of Lisakovsky timbers attributed to Andronovo community of Bronze Age of Eurasia // Radiocarbon. – 2008. – Vol. 50, № 3. – P. 459-469.

Parpola A. The Nāsatyas, the Chariot and Proto-Aryan Religion // Journal of Indological Studies. – 2004-2005. – Nos. 16 & 17. – P. 1-63.

Parpola A. The Dasas of the *Ṛgveda* as Proto-Sakas of the Yaz I-related Cultures. With a revised model for the protohistory of Indo-Iranian speakers // Archaeology and Language: Indo-European Studies Presented to James P. Mallory. Journal of Indo-European Studies Monograph Series, № 60. – Washington: Institute for the Study of Man, 2012. – P. 221-264.

Parpola A. Formation of the Indo-European and Uralic (Finno-Ugric) language families in the light of archaeology: Revised and integrated *'total'* correlations // Linguistic Map of Prehistoric Northern Europe. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 266). – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012 (2013). – P. 119-184.

Parpola A. The Roots of Hinduism: The Early Aryans and the Indus Civilization. – New York: Oxford University Press. – 2015. – 363 p., 190 ill.

Sackett J.R. The meaning of style in archaeology: a general model // American antiquity. – 1977. – Vol. 42, № 3. – P. 369-379.

Stöllner T., Samašev Z., Berdenov S., Cierny J., Doll M., Garner J., Gontscharov A., Gorelik A., Hauptmann A., Herd R., Kušč G., Merz V., Riese T., Sikorski B., Lickgraf B. Zinn und Kupfer aus dem Osten Kasachstans. Ergebnisse eines deutsch-kasachiscen Projektes 2003-2008 // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. – Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. – Bd. 1. – S. 357-382.

Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon. – 2009. – Vol. 51, № 1. – P. 243-273.

The Satapatha-Brâhmana. According to the text of the Mâdhyandina school. Translated by Julius Eggeling. Part V. Books XI, XII, XIII, and XIV // The sacred books of the east. Translated by various oriental scholars and edited by F. Max Müller. – Oxford: At the clarendon press, 1900. – Vol. XLIV. – 596 + 8 p.

СВОД АНДРОНОВСКОЙ ОРНАМЕНТАЦИИ

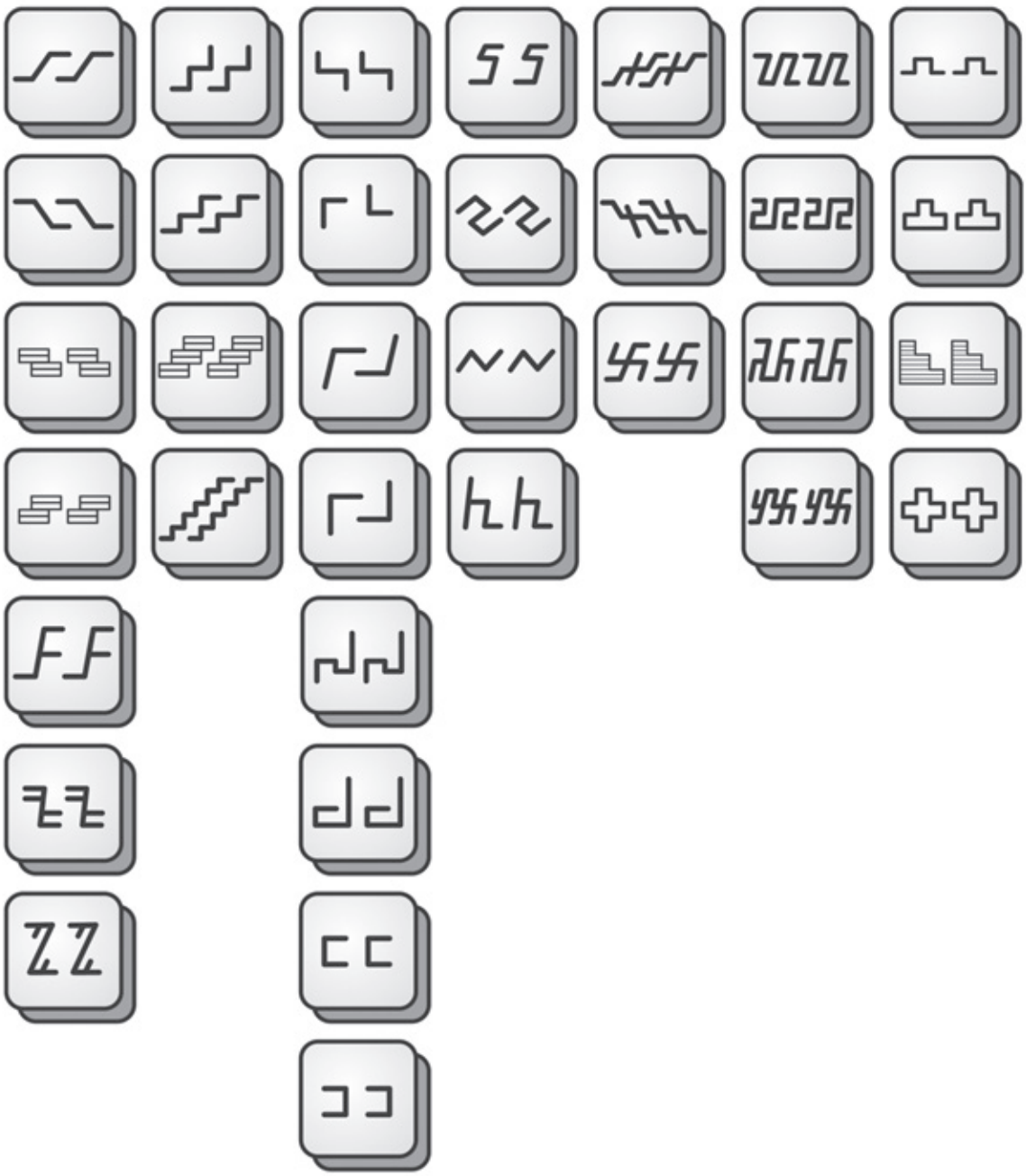


Табл. 1. Линейные меандры разомкнутого типа.

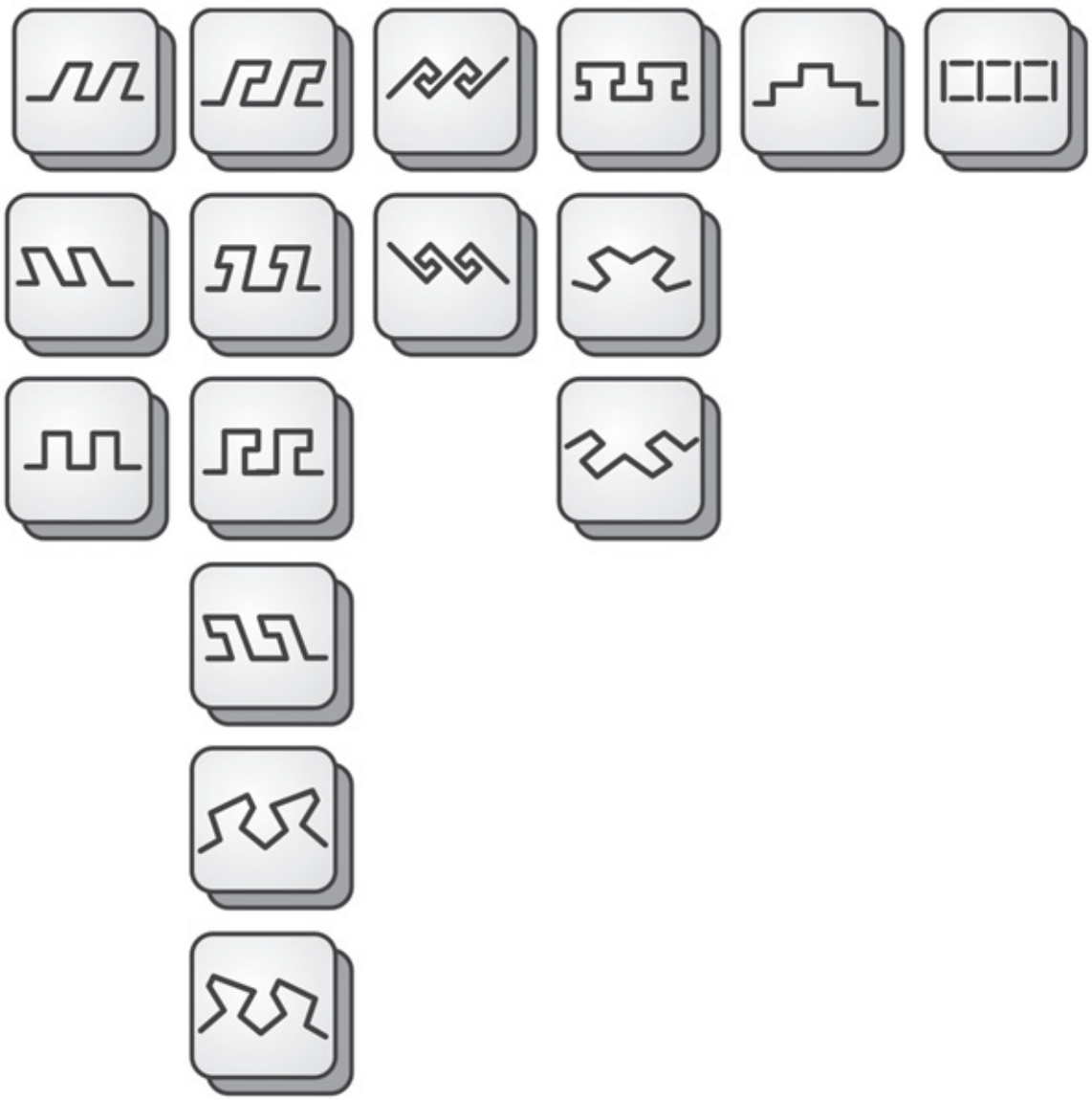


Табл. 2. Линейные меандры замкнутого типа.

Табл. 3. Линейные меандры сомкнутого типа.

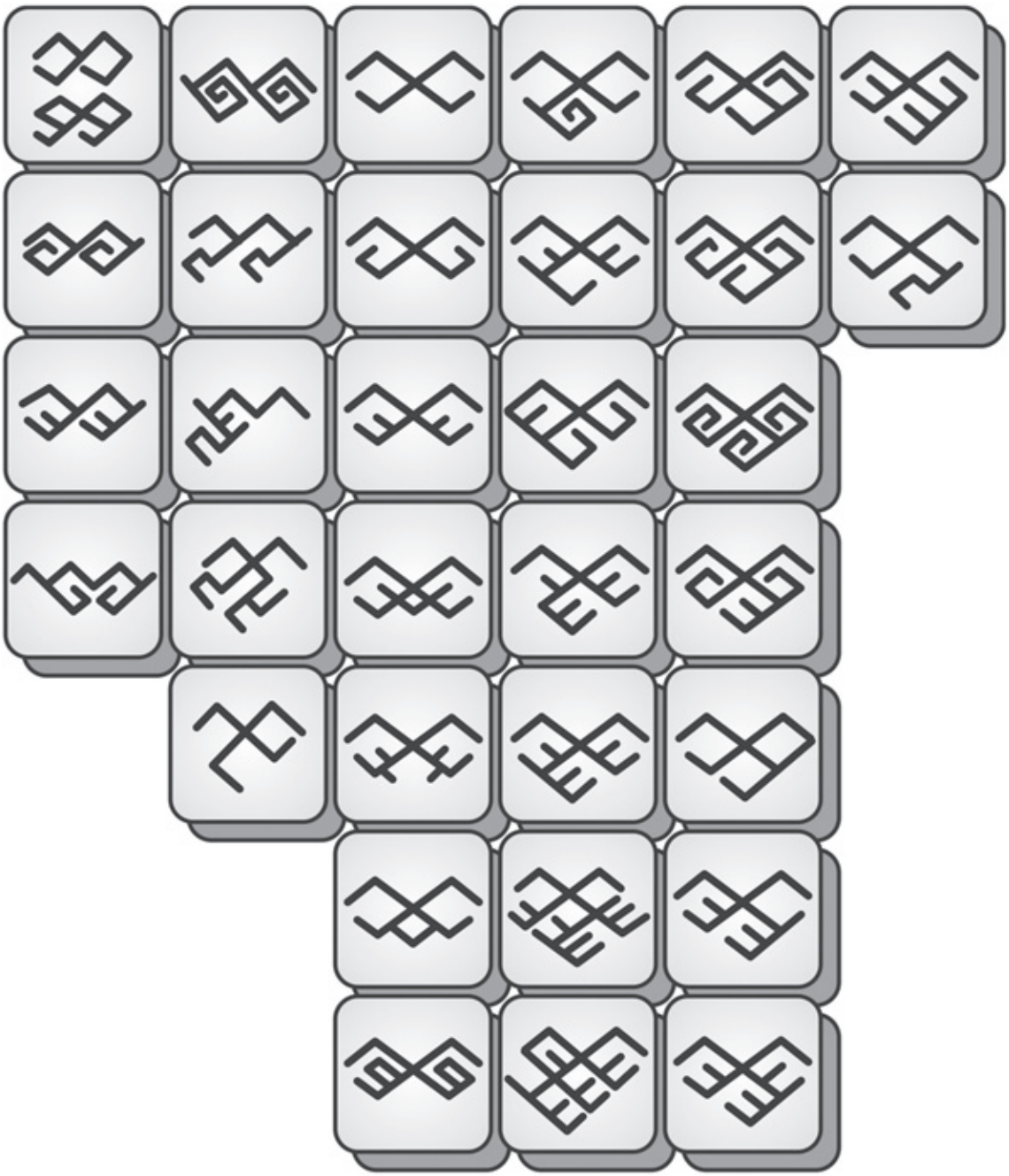


Табл. 4. «Ковровые» меандры А-типа.

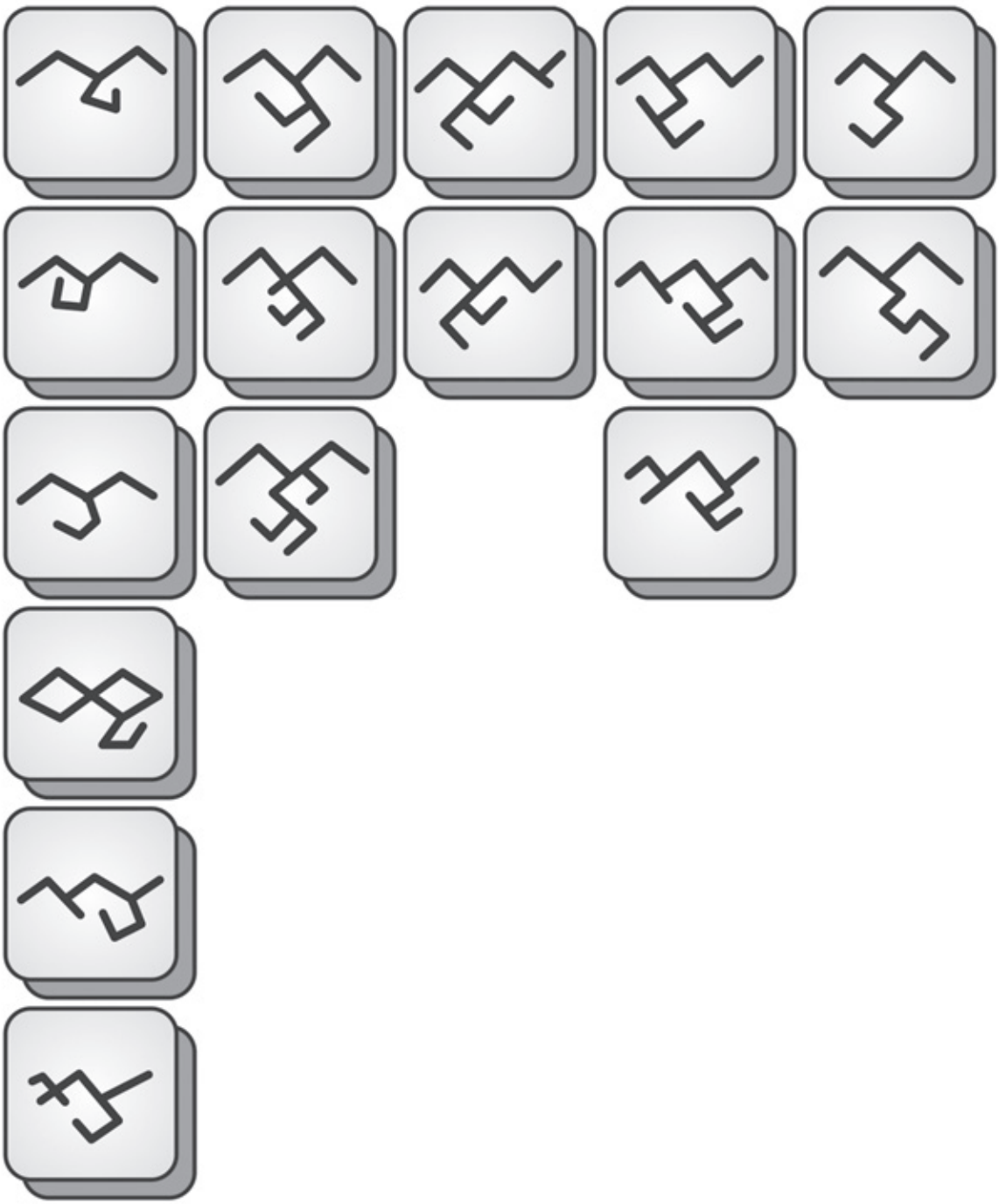


Табл. 5. «Ковровые» меандры Б-типа.

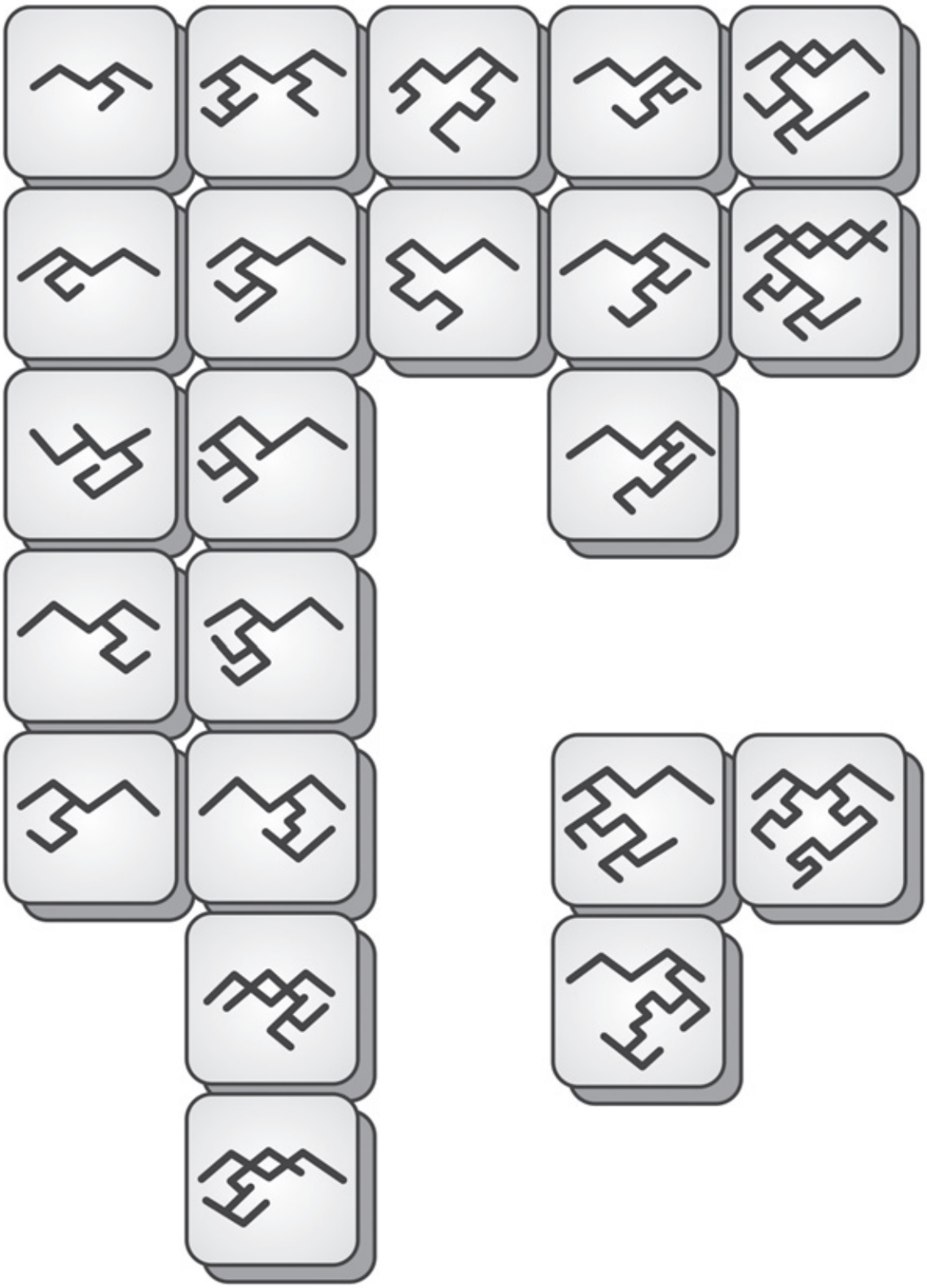


Табл. 6. «Ковровые» меандры В-типа.

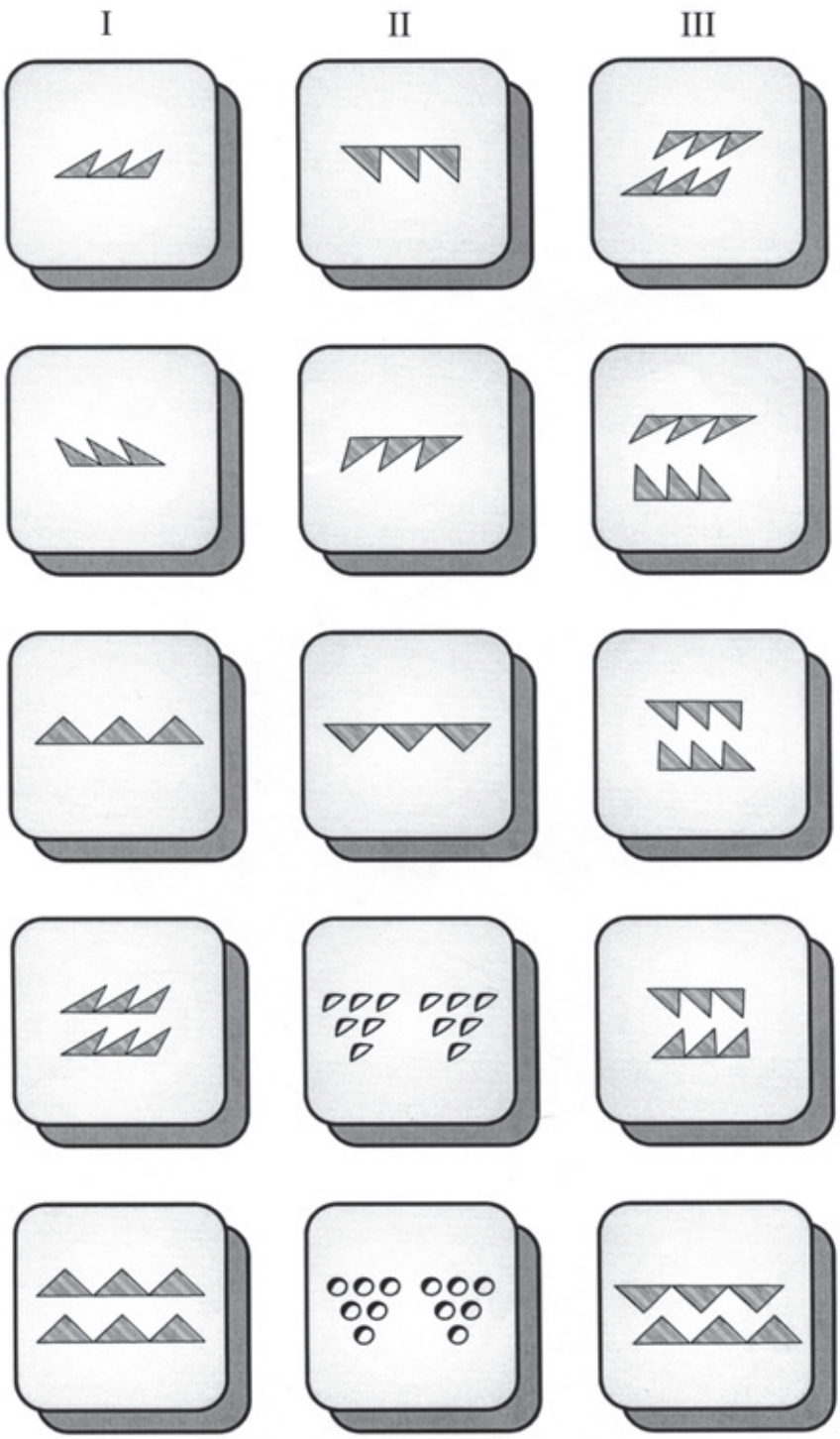


Табл. 7. Виды треугольников «вертикального» типа.

Табл. 8. Виды треугольников «горизонтального» типа.

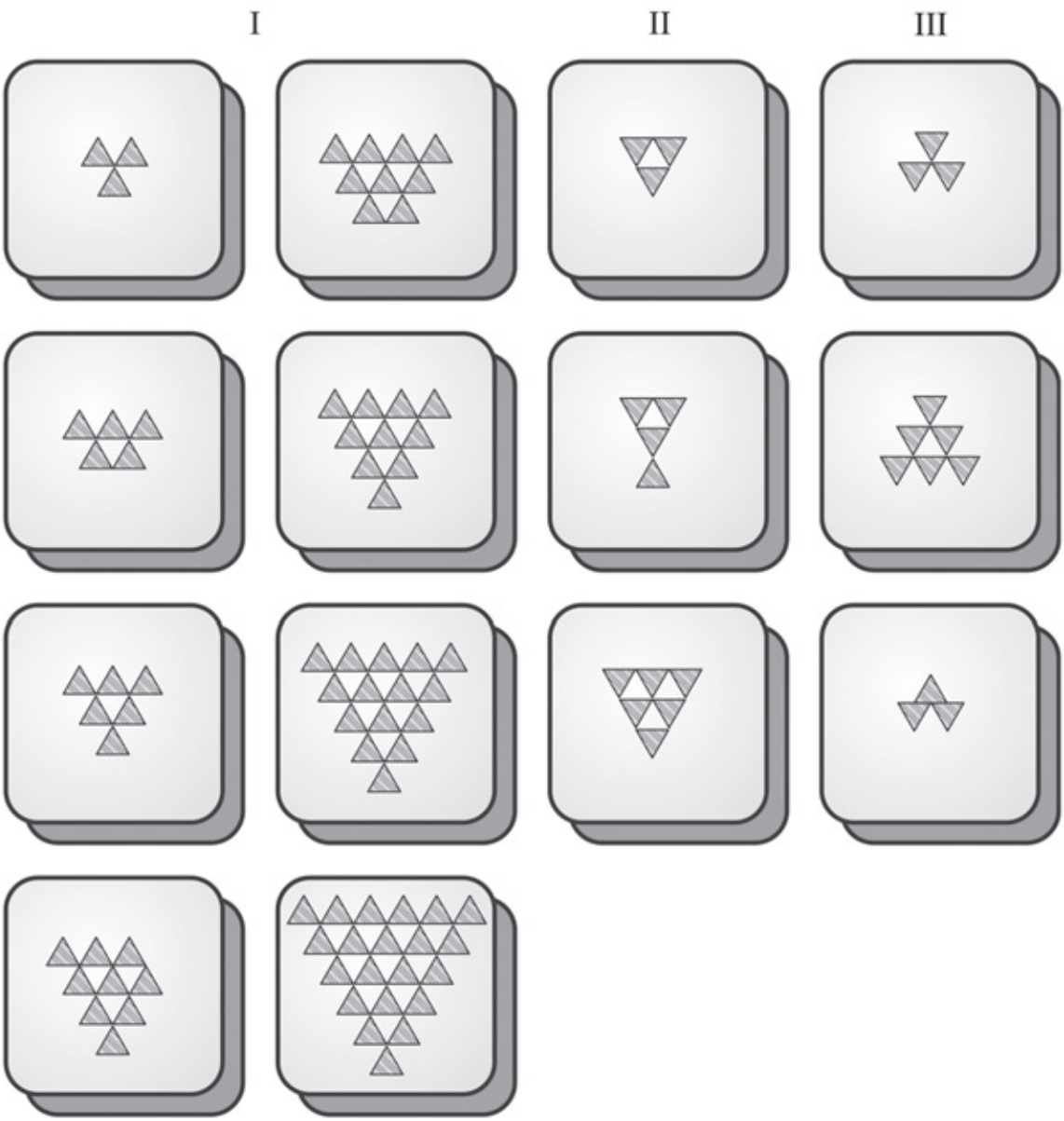


Табл. 9. Треугольники «пирамидального» типа.

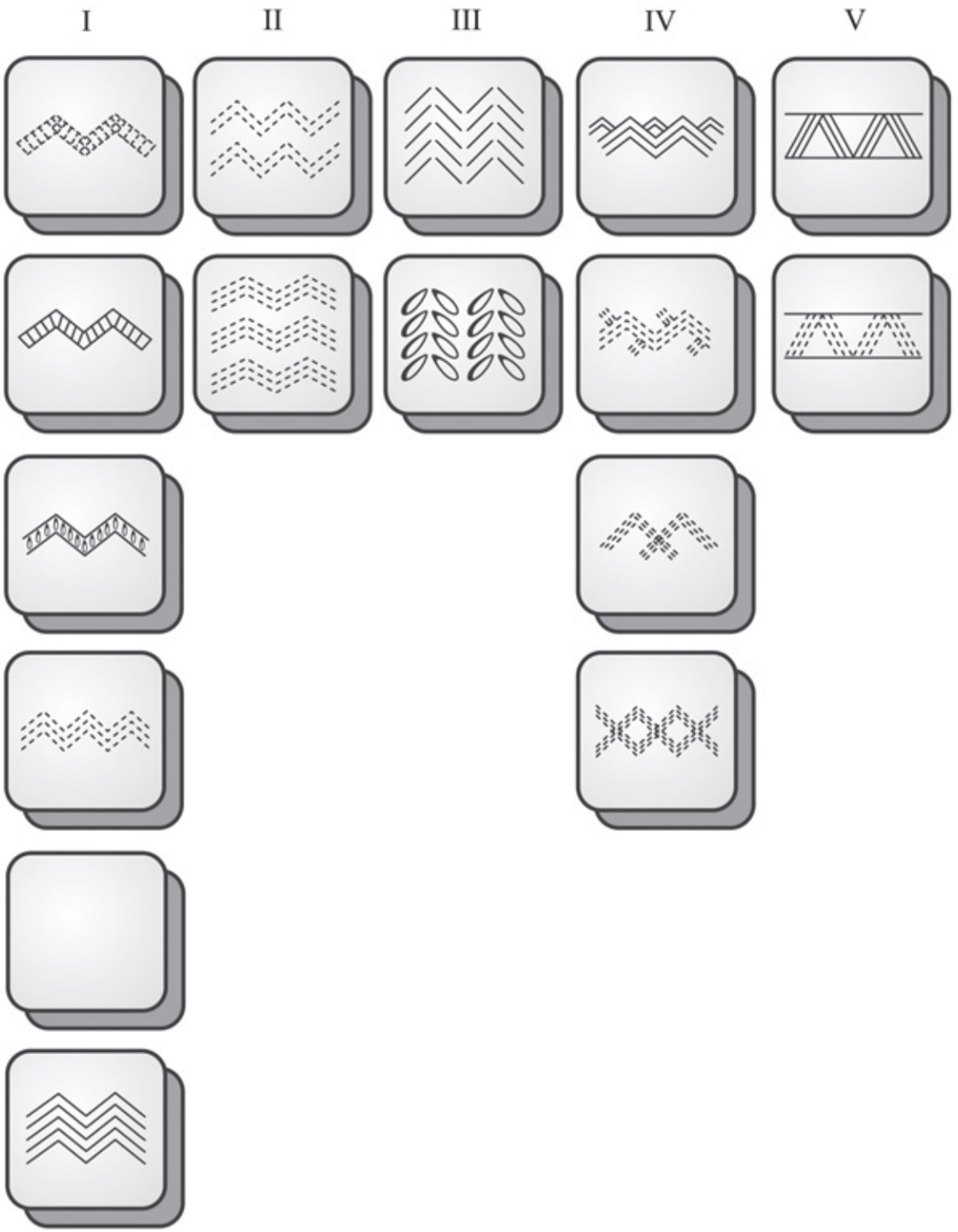


Табл. 10. Некоторые виды зигзагов.

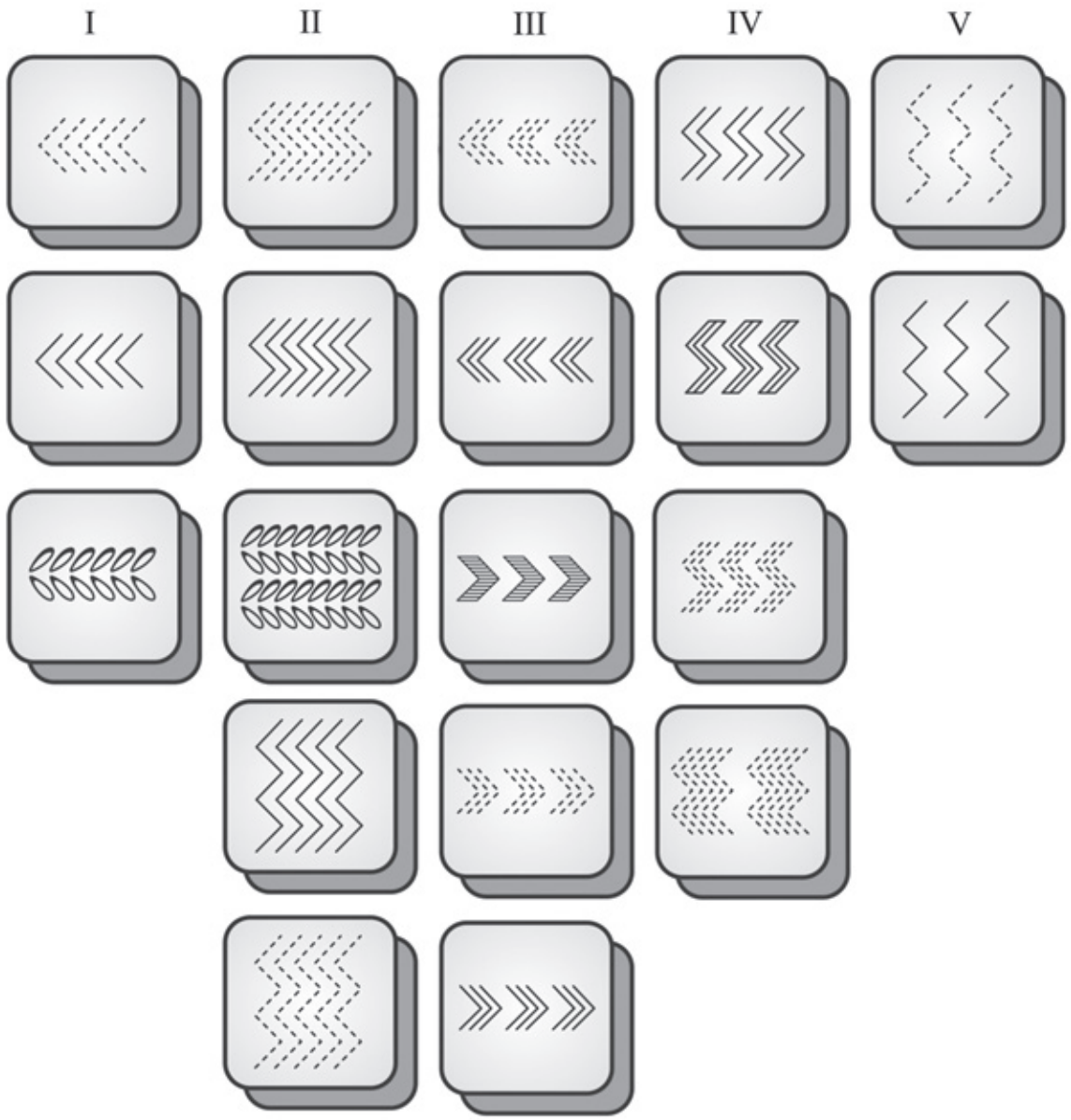


Табл. 11. Некоторые виды «ёлочки».

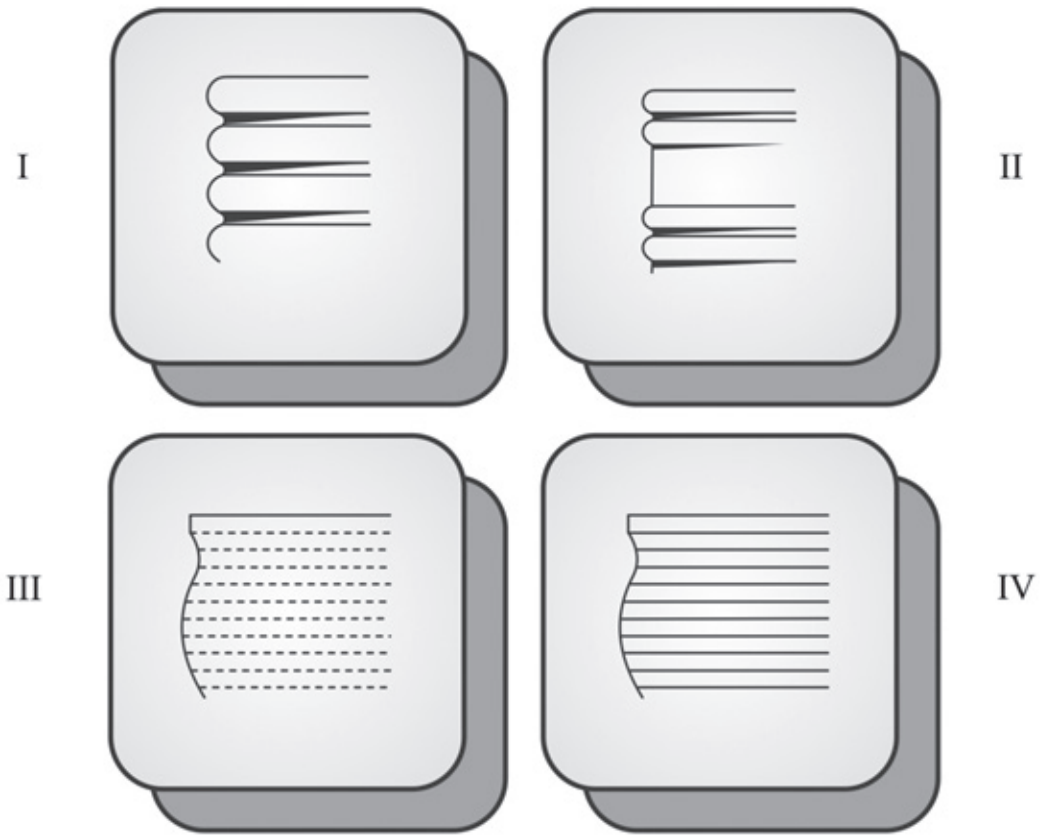


Табл. 12. Каннелюры и их имитации.

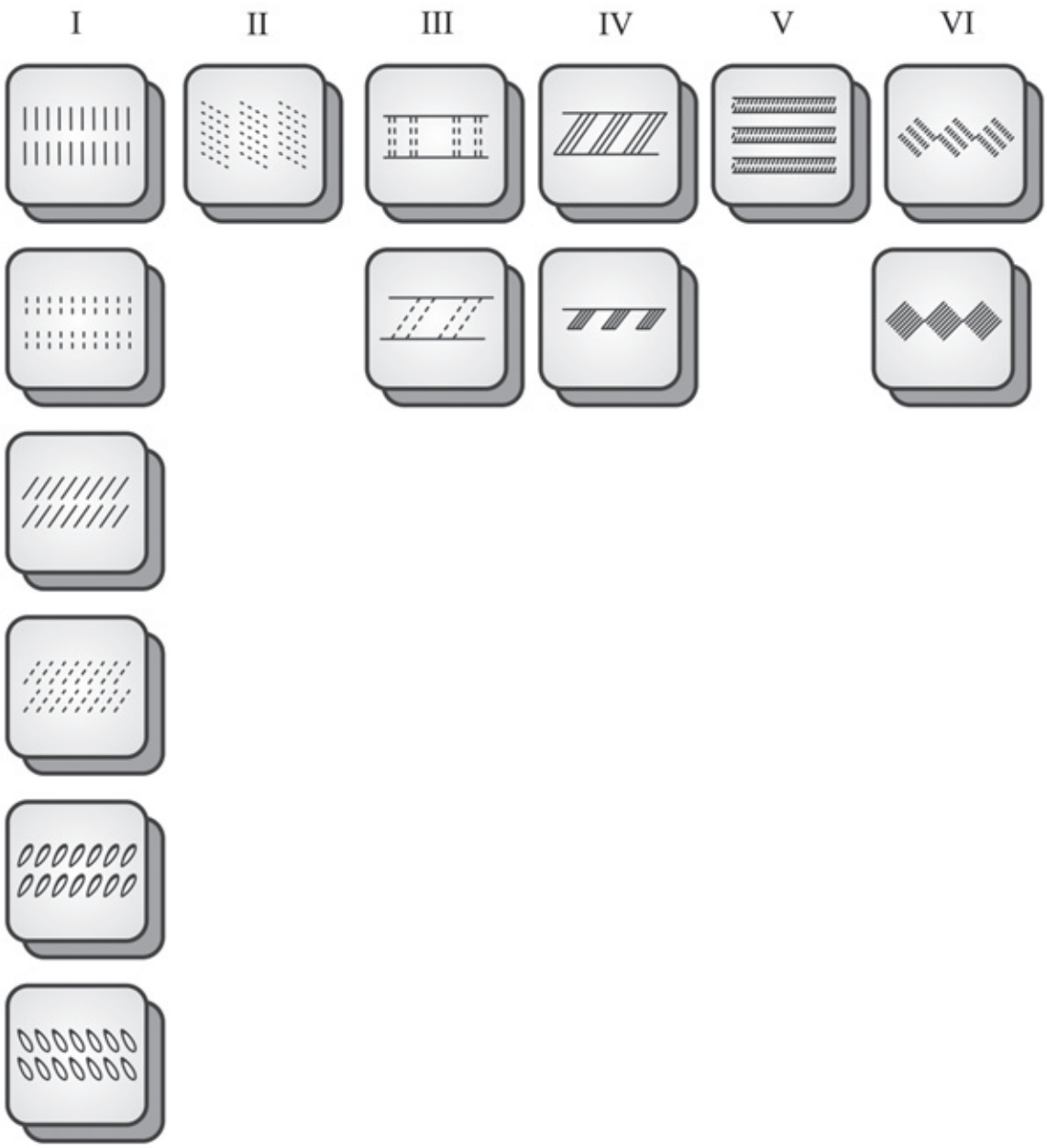


Табл. 13. Виды насечек и «штрихполос».

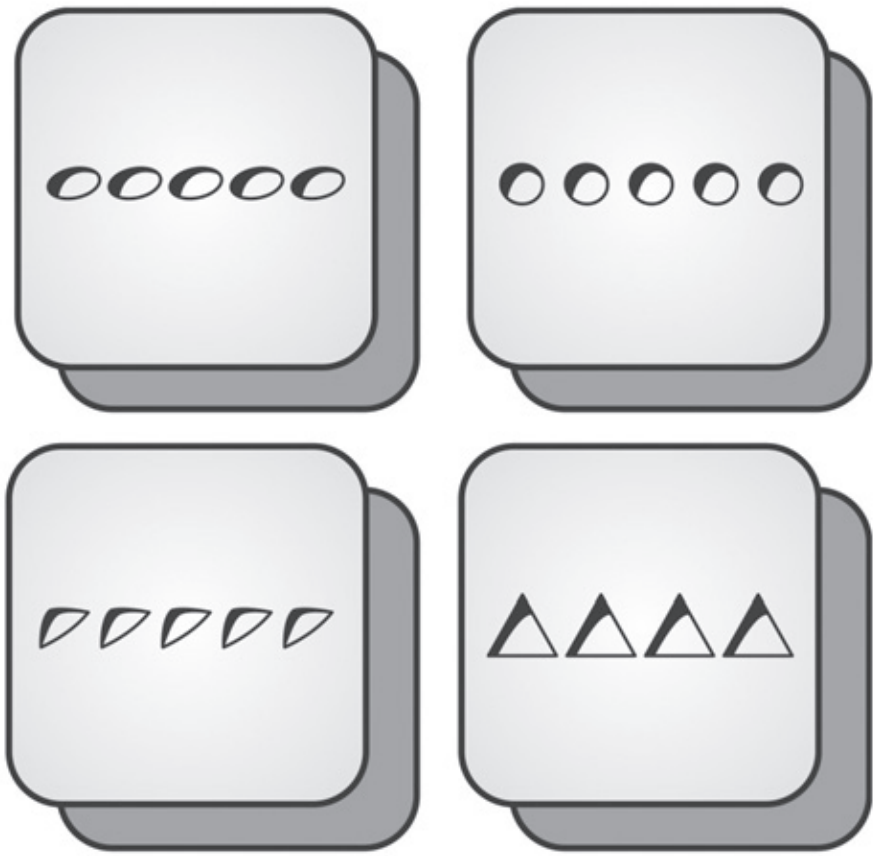


Табл. 14. Некоторые виды вдавлений.

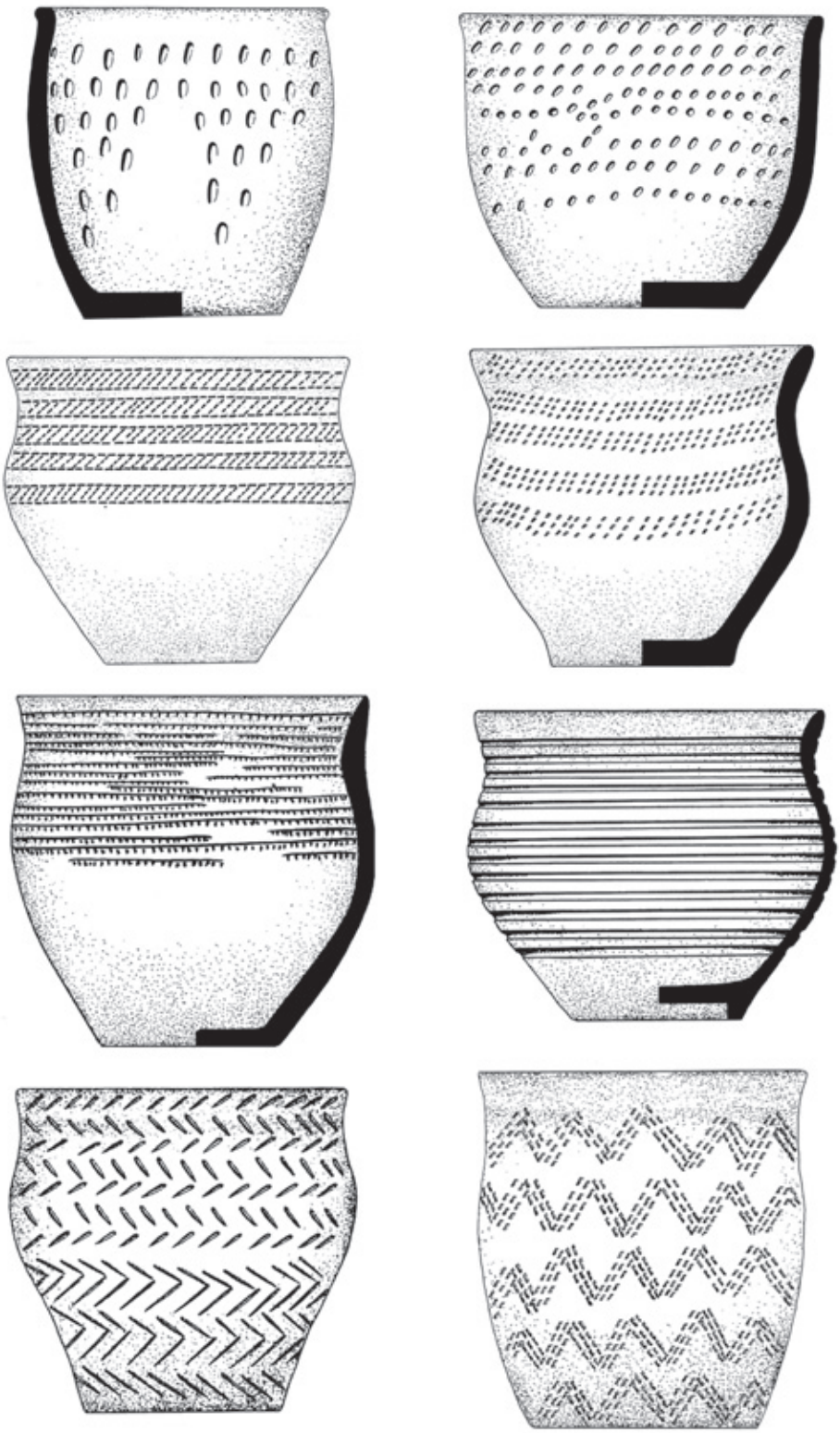


Табл. 15. Варианты композиций: моносюжет – эталон.

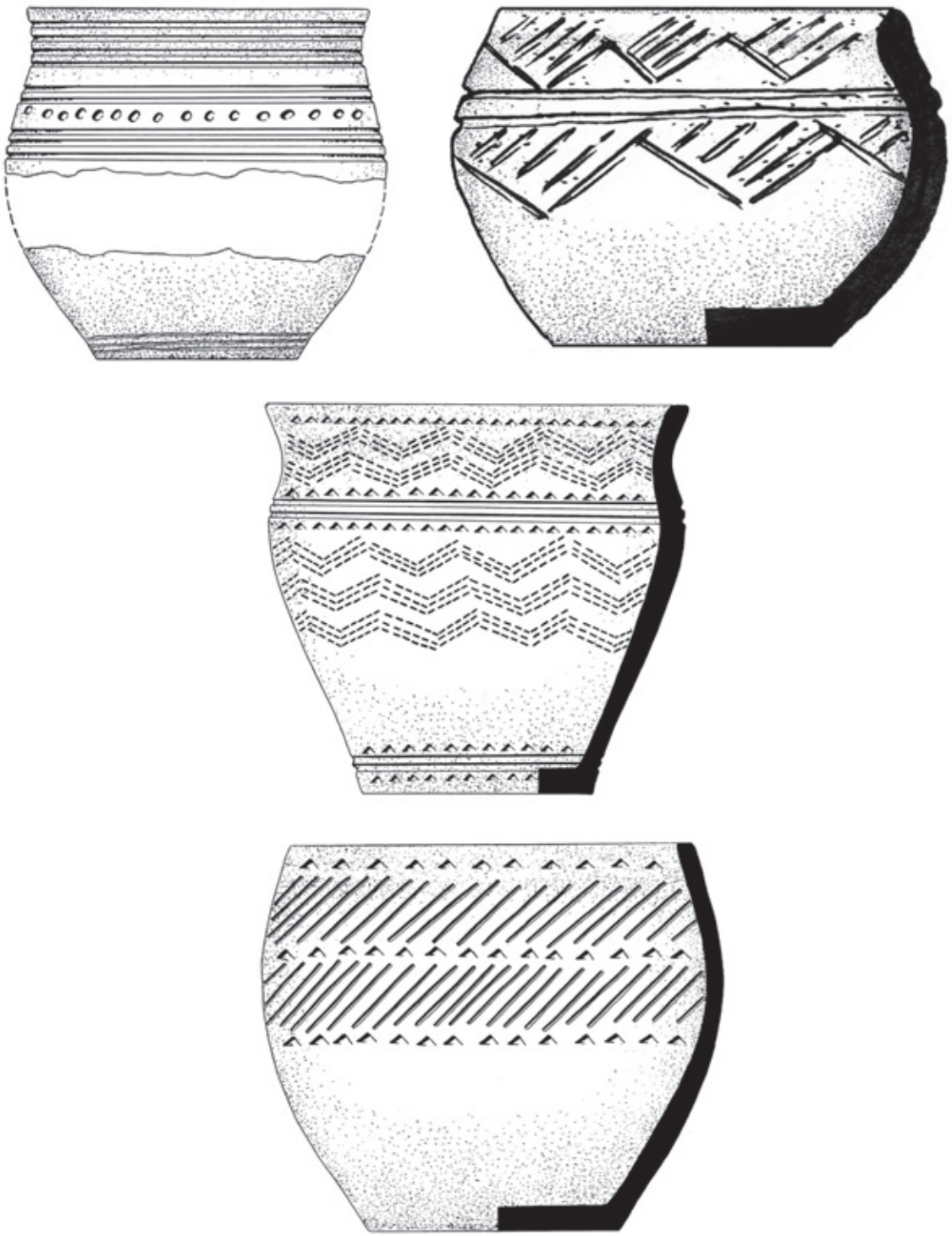


Табл. 16. Варианты композиций: моносюжет – дубликат.

Табл. 17. Варианты композиций: моносюжет – доминант.

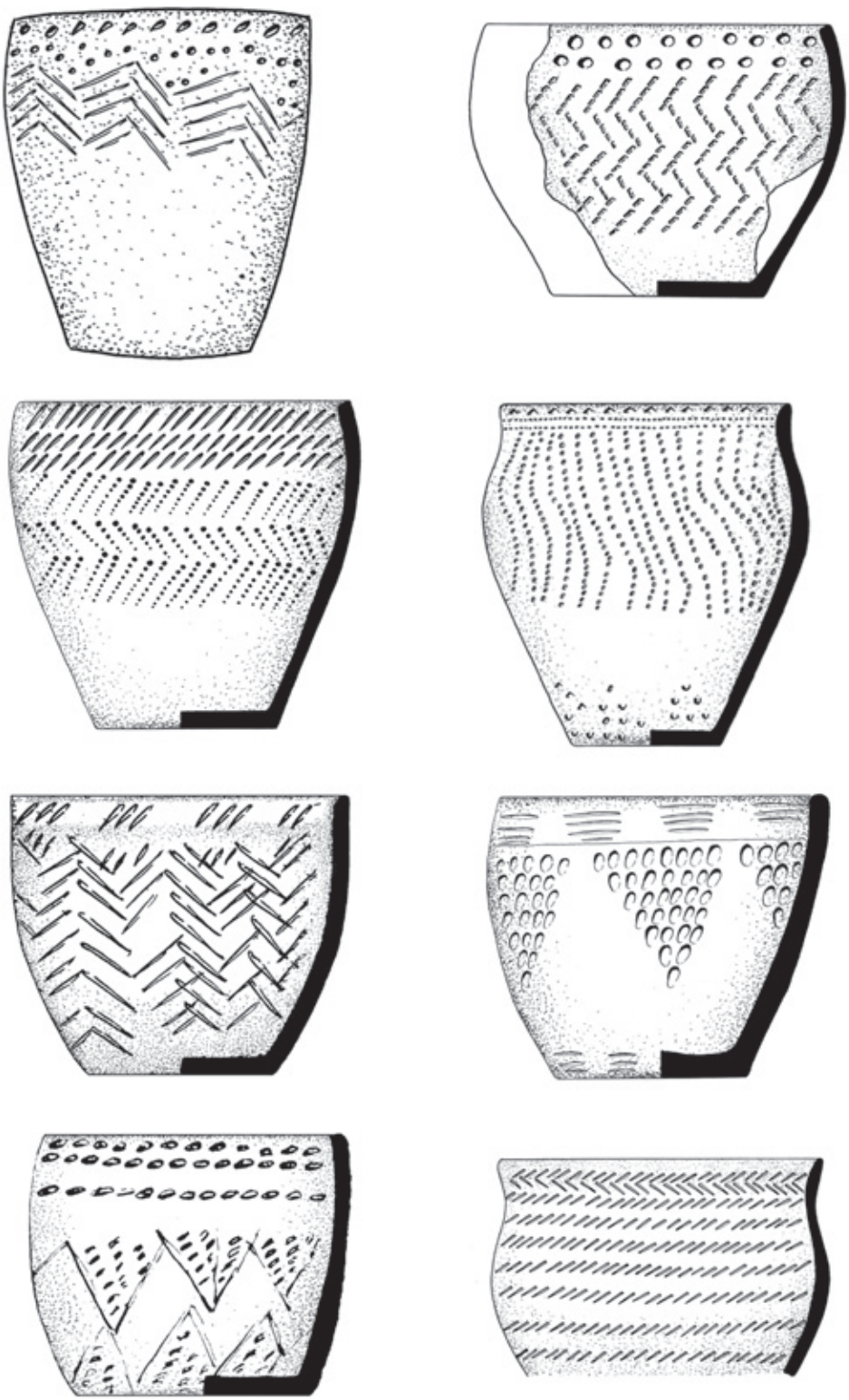


Табл. 18. Варианты композиций: моносюжет – псевдодоминант.

Табл. 19. Варианты композиций: классический моносюжет.

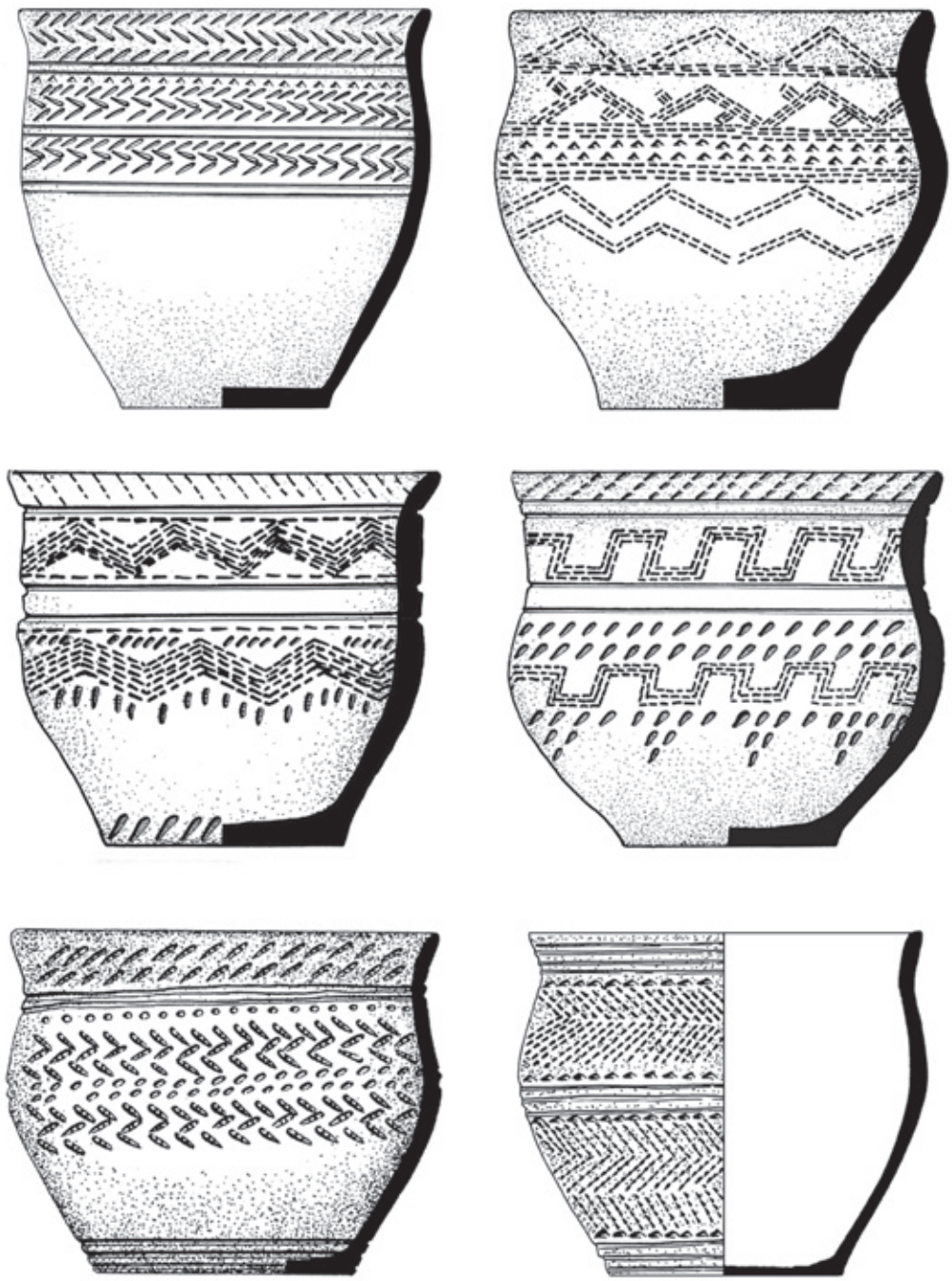


Табл. 20. Варианты композиций: ложноклассический моносюжет.

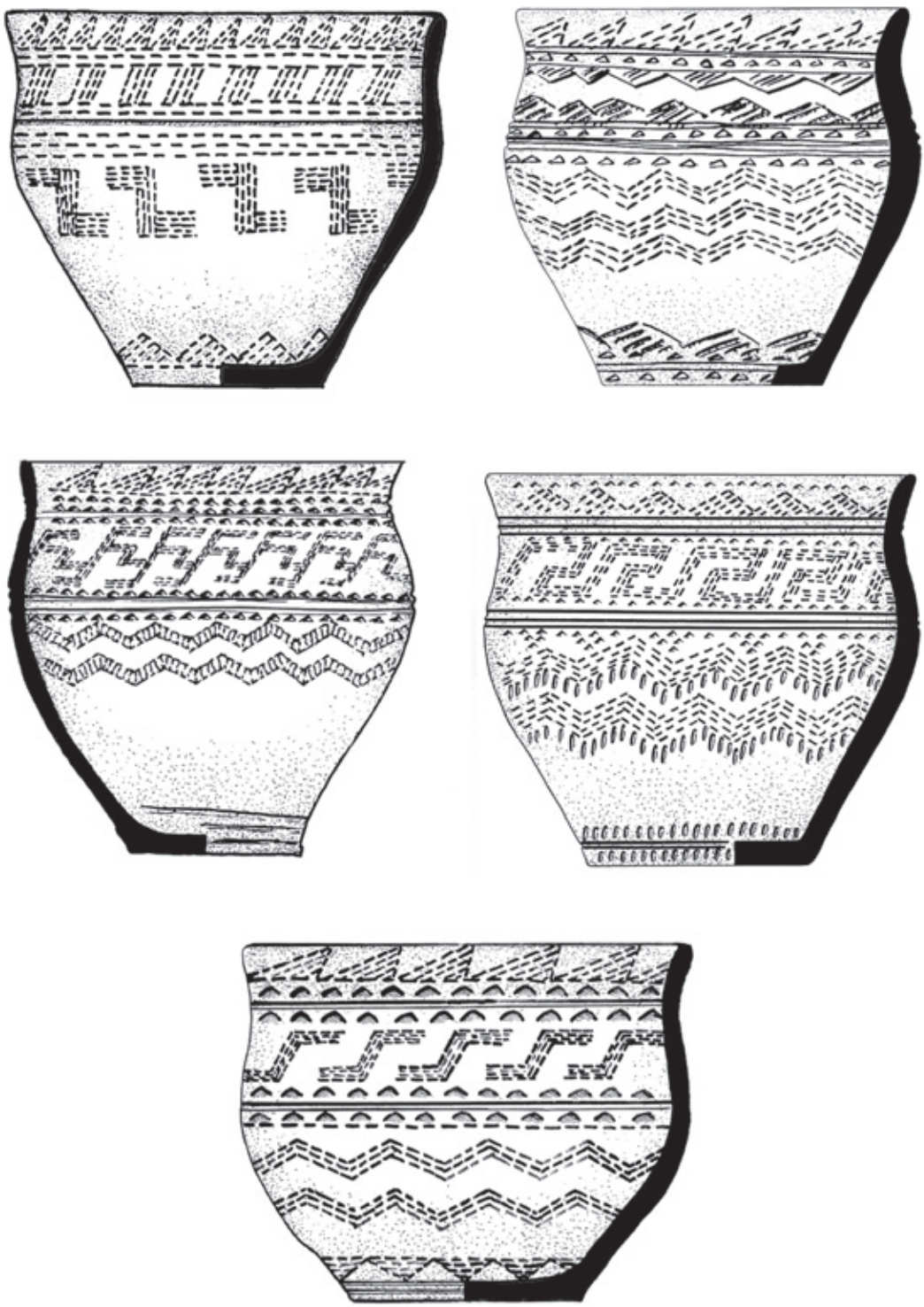


Табл. 21. Варианты композиций: классический полисюжет.

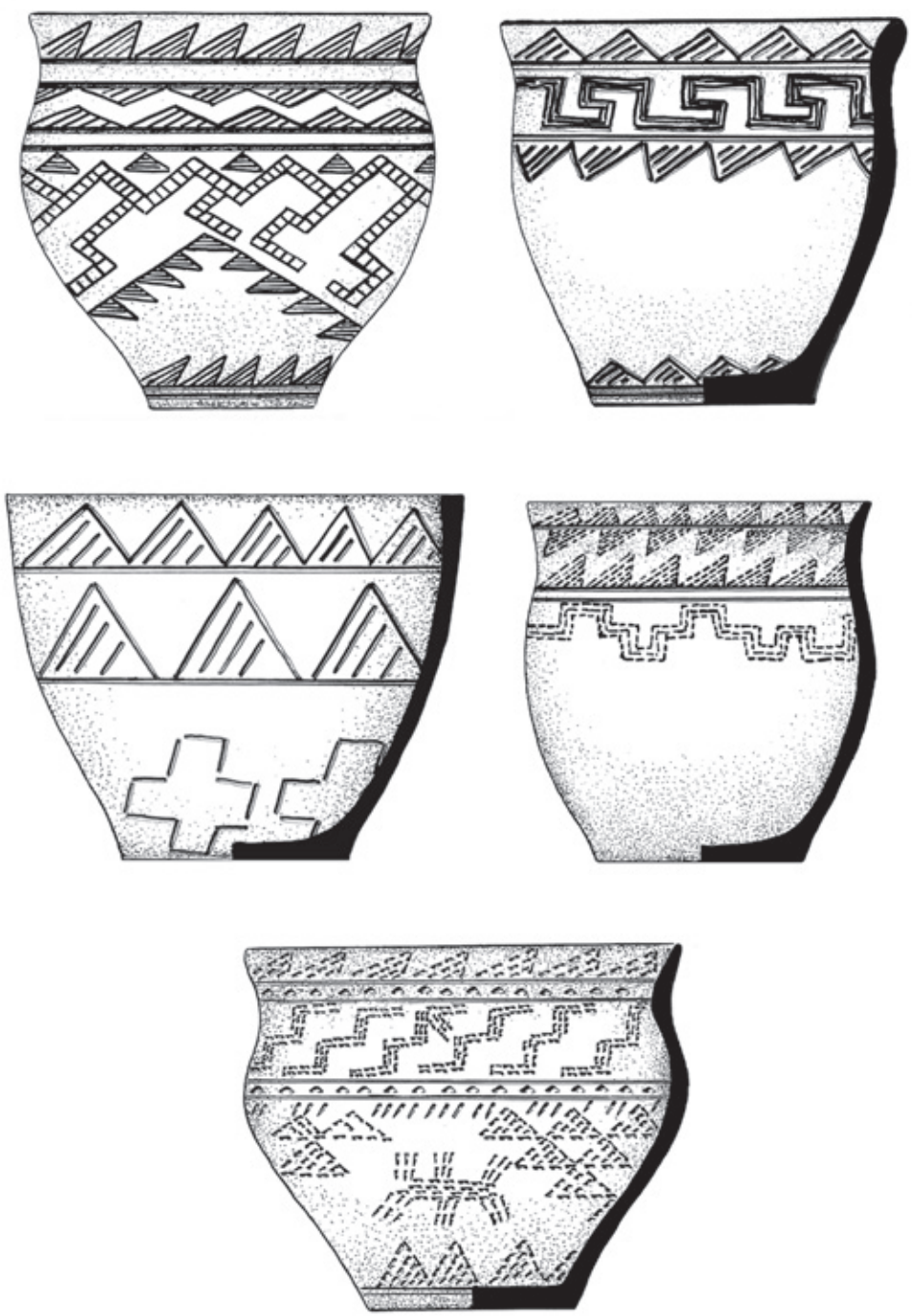


Табл. 22. Варианты композиций: классический полисюжет.

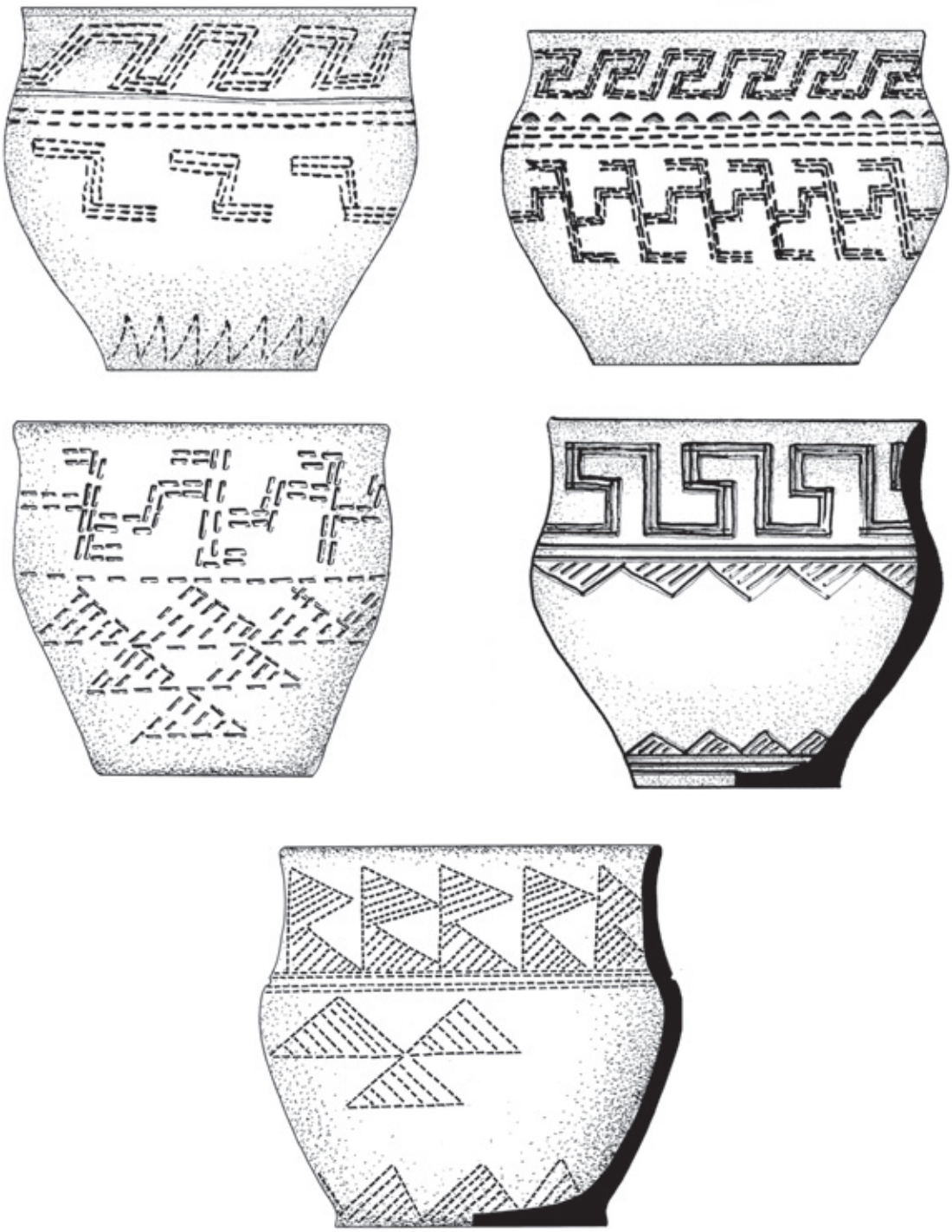


Табл. 23. Варианты композиций: редуцированный полисюжет.

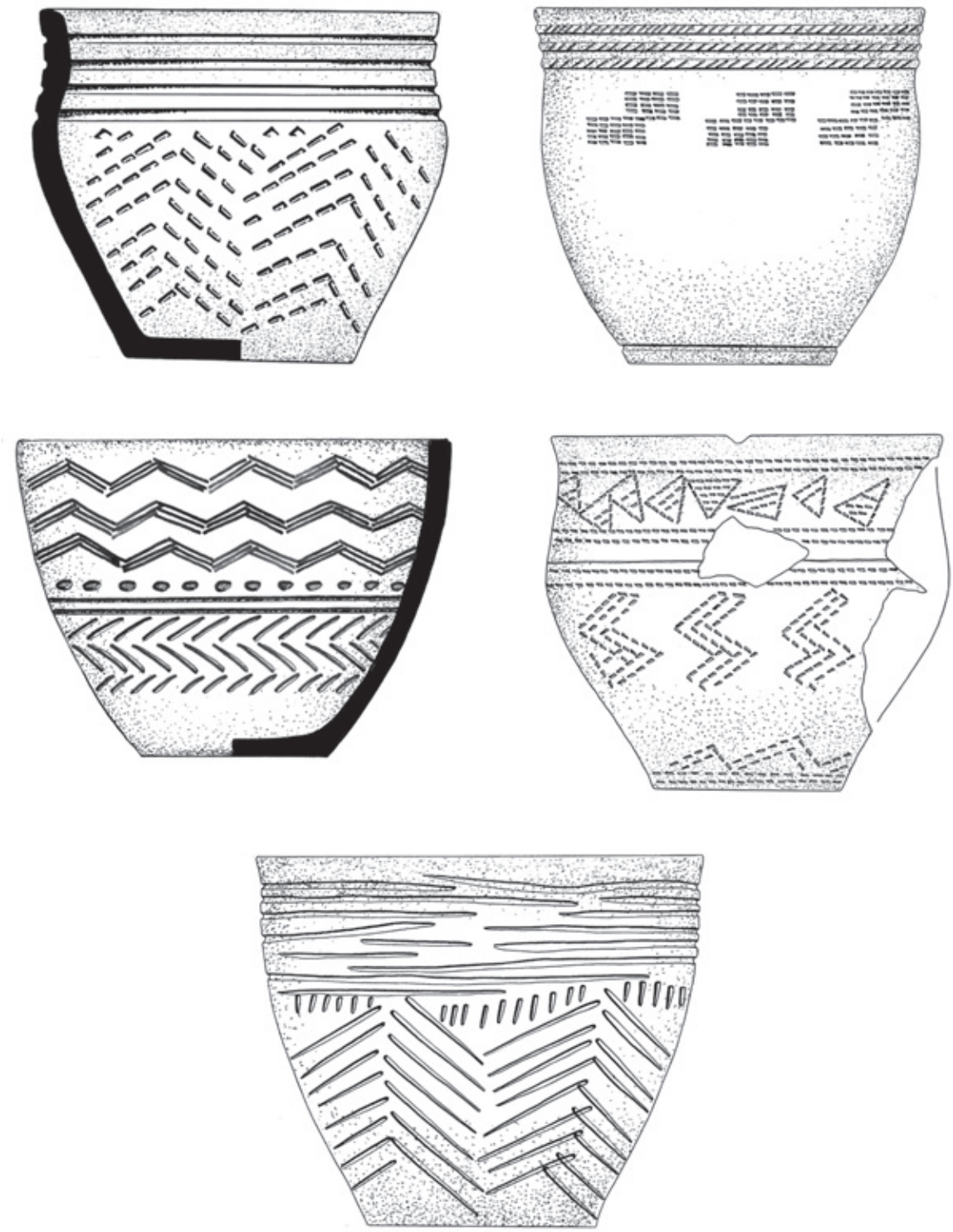


Табл. 24. Варианты композиций: редуцированный полисюжет.

Табл. 25. Варианты композиций: неоклассический полисюжет.

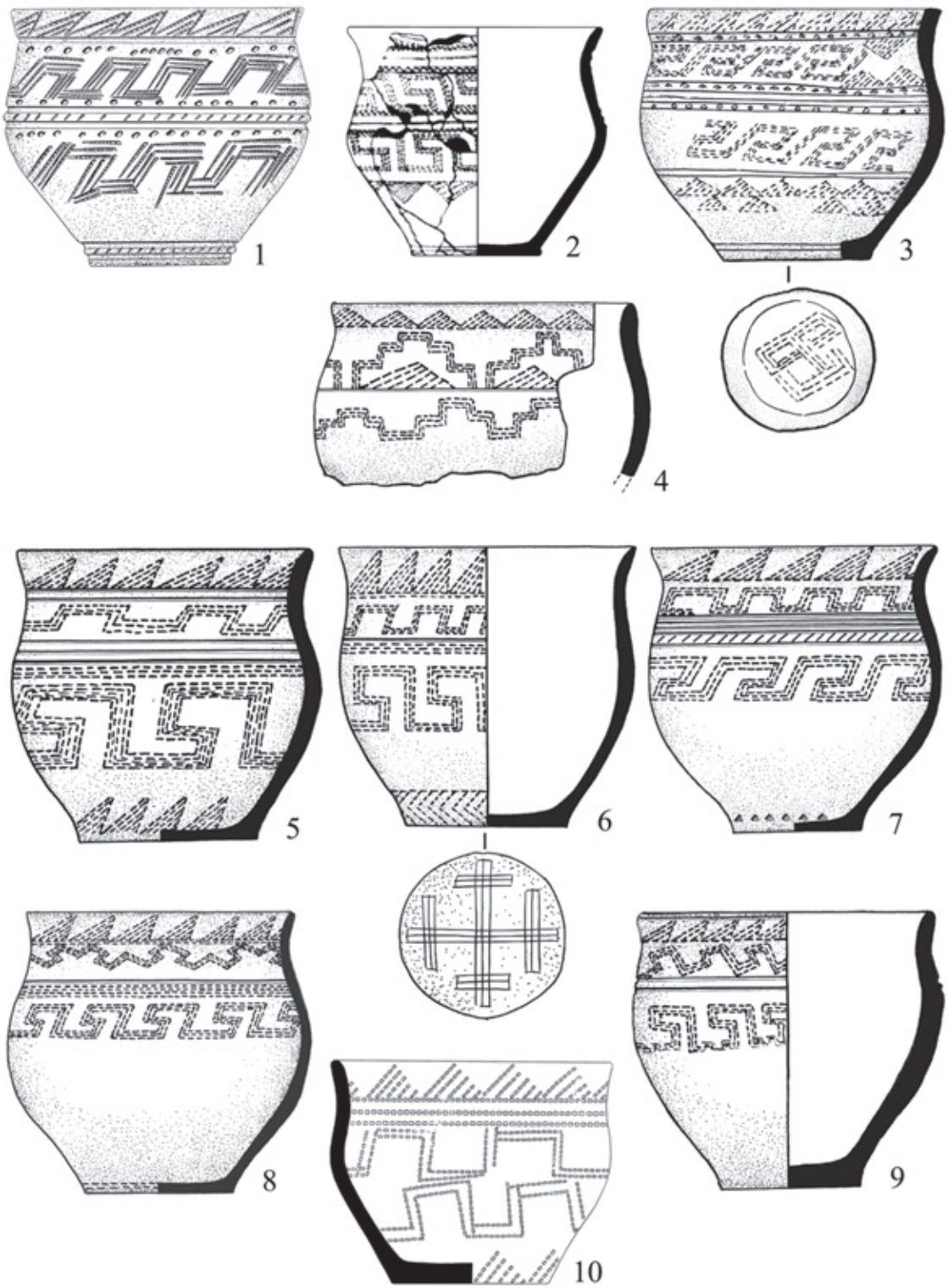


Табл. 26. 1 - Старый Тартас-4; 2 - Кытманово, м. 29; 3 - Урский, к. 4, м. 1; 4 - Айшрак, огр. 4; 5 - Джартас, огр. 14, циста; 6 - ЕГМ-II, м. 1; 7 - Путиловская Заимка II, к. 2, п. 1; 8 - Субботино, к. 3, погр.; 9 - Айшрак, огр. 1; 10 - ЕК-II, м. 253, № 4.

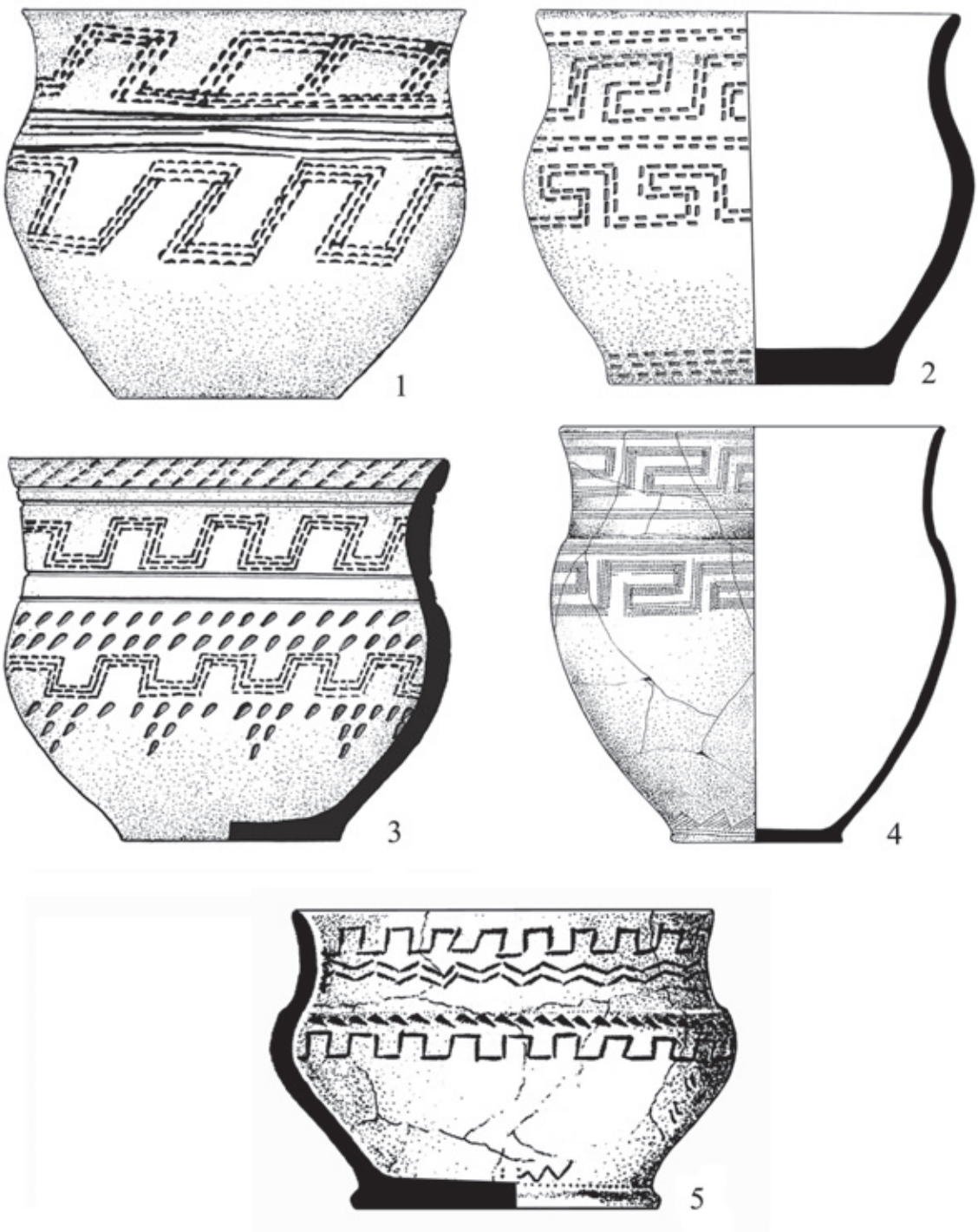


Табл. 27. 1 - Смолино, к. 2; 2 - Лисаковский I, м. яма № 5; 3 - Сухомесовский, к. 3; 4 - Урефты I, к. 15, п. 6; 5 - Урефты I, к. 10, сос. 4.

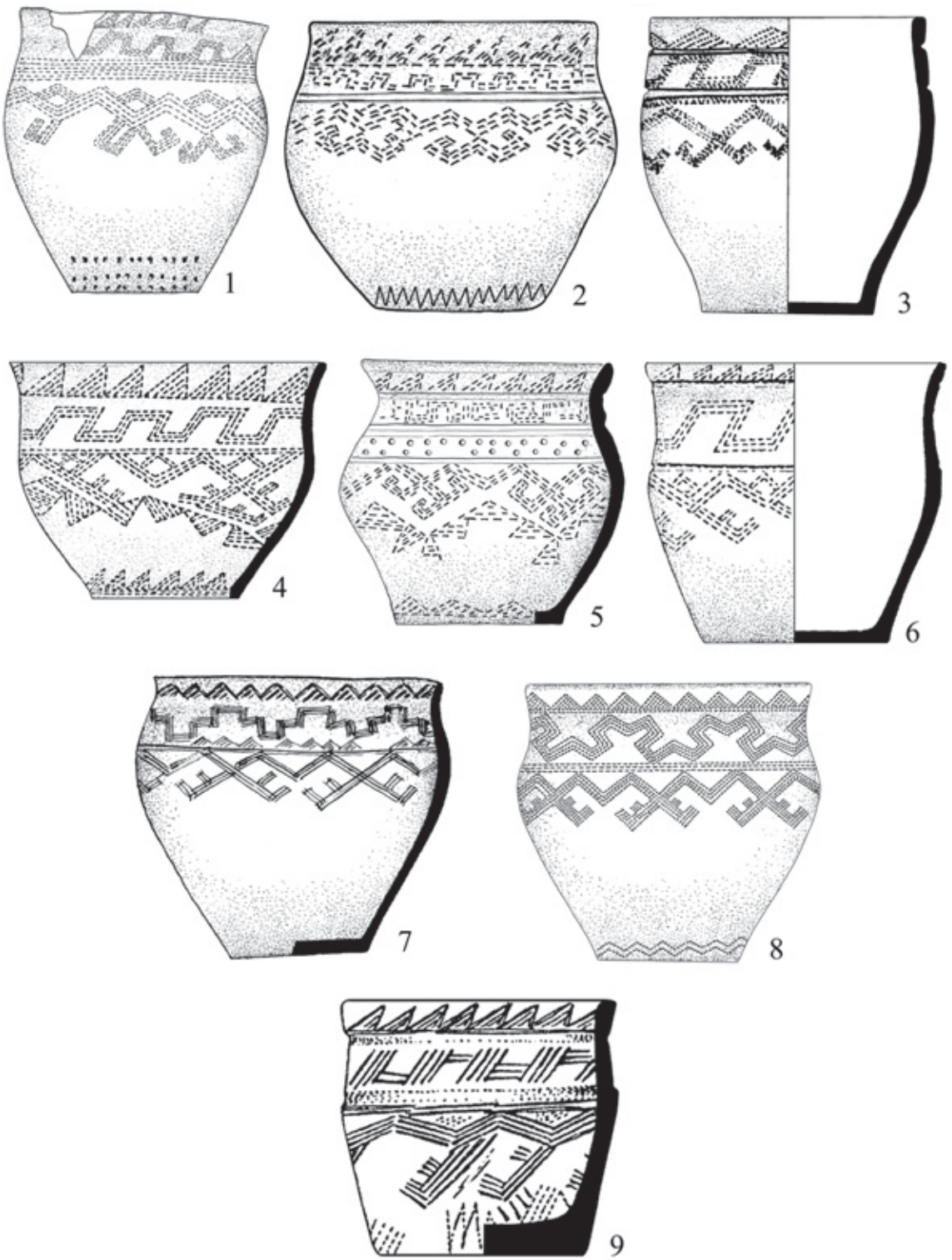


Табл. 28. 1 - Нижняя Суетка, м. 1; 2 - Алексеевский, п. 4; 3 - Чекановский Лог-10; 4, 6 - Подтурино; 5 - Котанэмель I, к. 13, нижнее погр.; 7 - Мыржик III; 8 - Карасай; 9 - Рублёво VIII, м. 11.

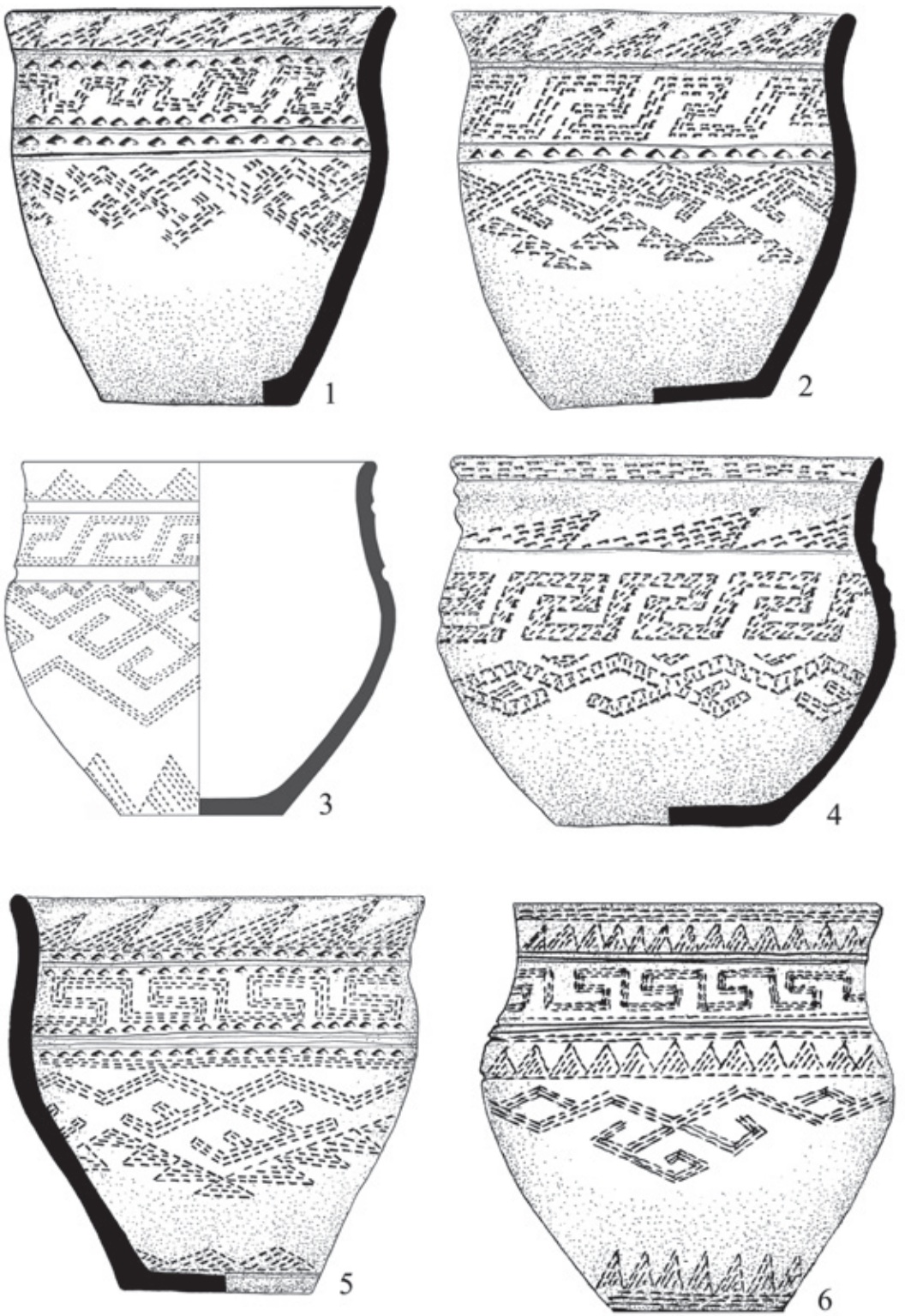


Табл. 29. 1 - Урский, к. 11, м. 1 (одна из сторон сосуда); 2 - Титово II, к. 2; 3 - Берёзовский, к. 30; 4 - Смолино; 5 - Танай I, к. 10, м. 4; 6 - Балыкты.

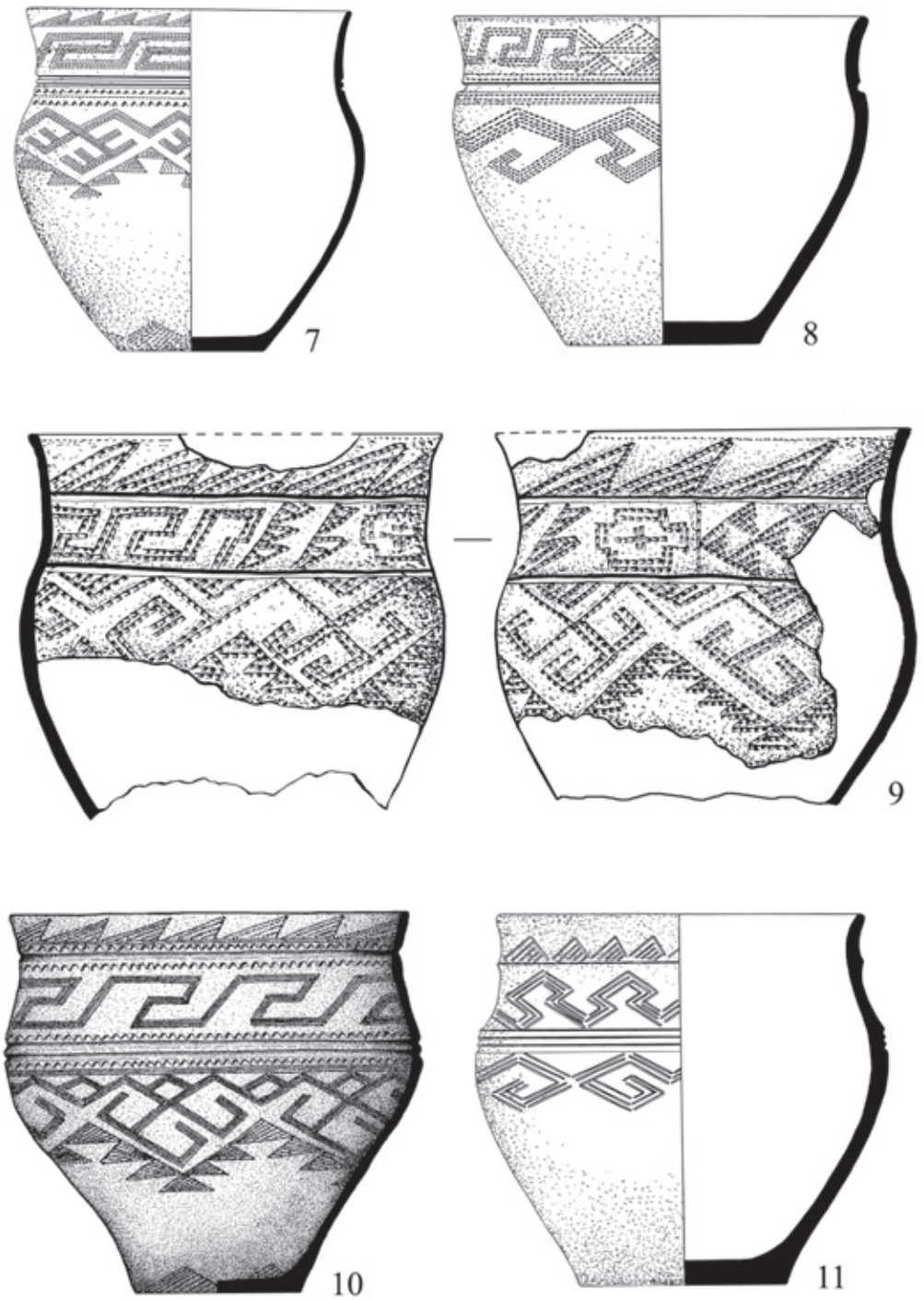


Табл. 29. (продолжение) 7 - Лисаковский I; 8 - Мичурино I;
9 - Танай XII, к. 12, м. 2; 10 - Танай XII, п. кв. a-b-XLVI-XLIV; 11 - Бозенген, м. 7.

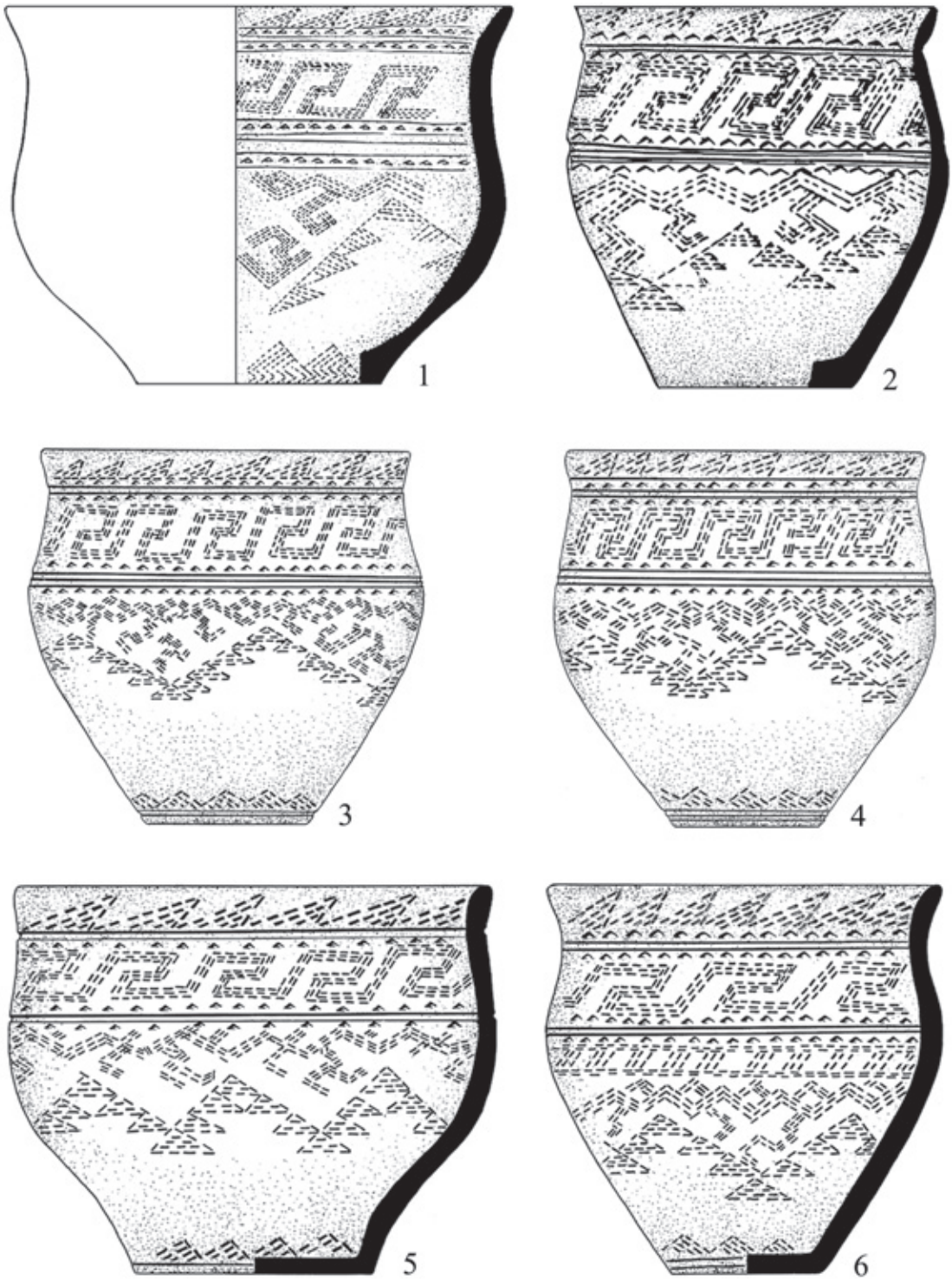


Табл. 30. 1 - Акмола, к. 2, м.; 2 - Танай I, к. 10, м. 4; 3, 4 - Акмола, к. 19; 5 - Сухое озеро I, к. 442, м. 4; 6 - Орак, м. 37.

Табл. 31. 1, 2 - Старый Тартас-4, к. 10, п. 1; 3 - Бегазы; 4 - Урефты I, к. VI, п. 2; 5 - Биырек-коль, огр. 23, м. 2; 6 - Кенжеколь-1, м. 24.

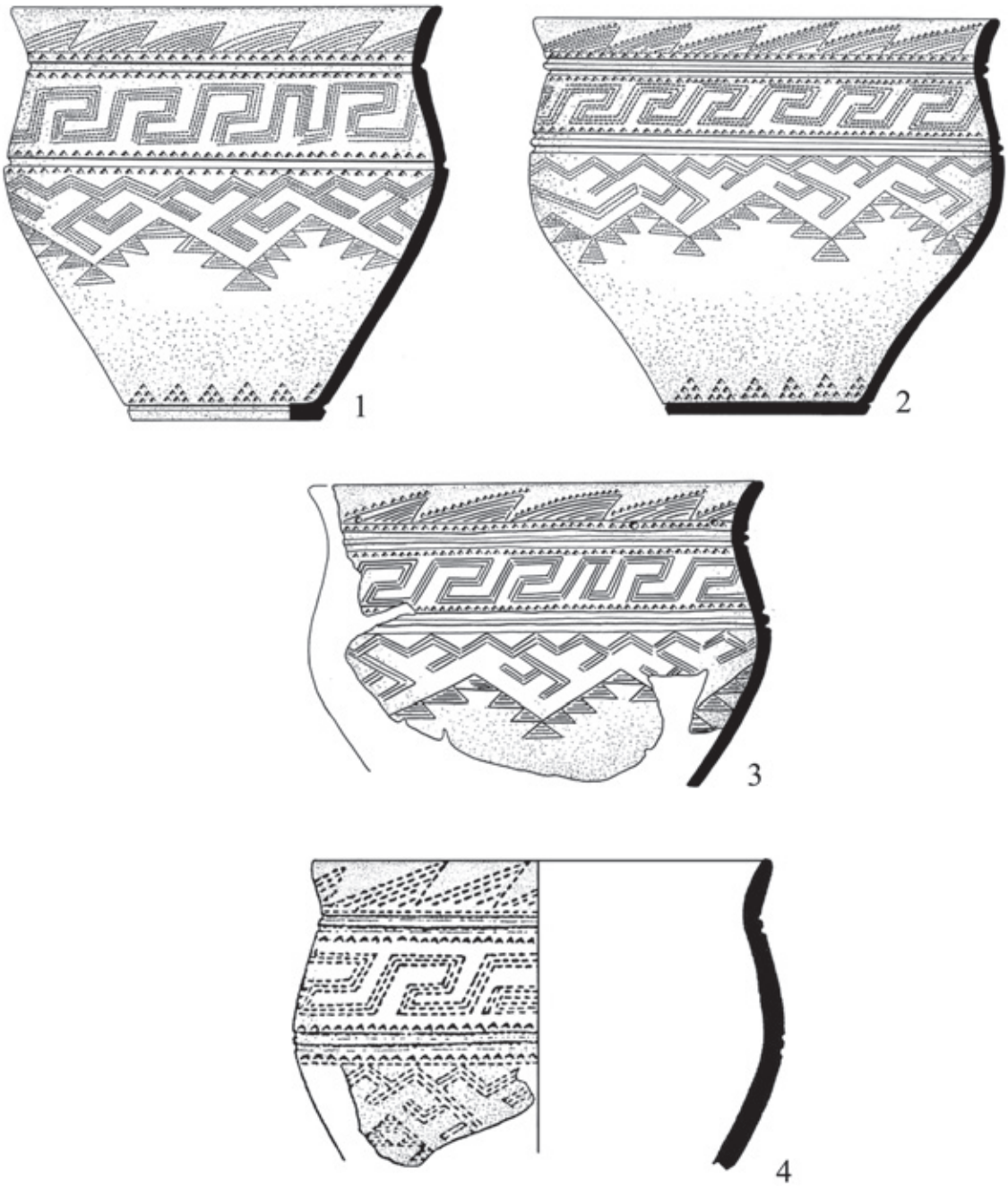


Табл. 32. 1 - Старый Тартас-4, к. 12, к. 1; 2, 3 - Старый Тартас-4, к. 6, п. 1; 4 - Подтурино.

Табл. 33. 1 - Урский, к. 11, м. 1; 2 - Титово II, к. 4; 3 - Боровое, огр. 14, погр. В; 4 - ЕК-II, к. 52; 5 - Старый Тартас-4, к. 5, п. 1; 6 - Титово II, к. 14, м. 1; 7 - Мичурино I.

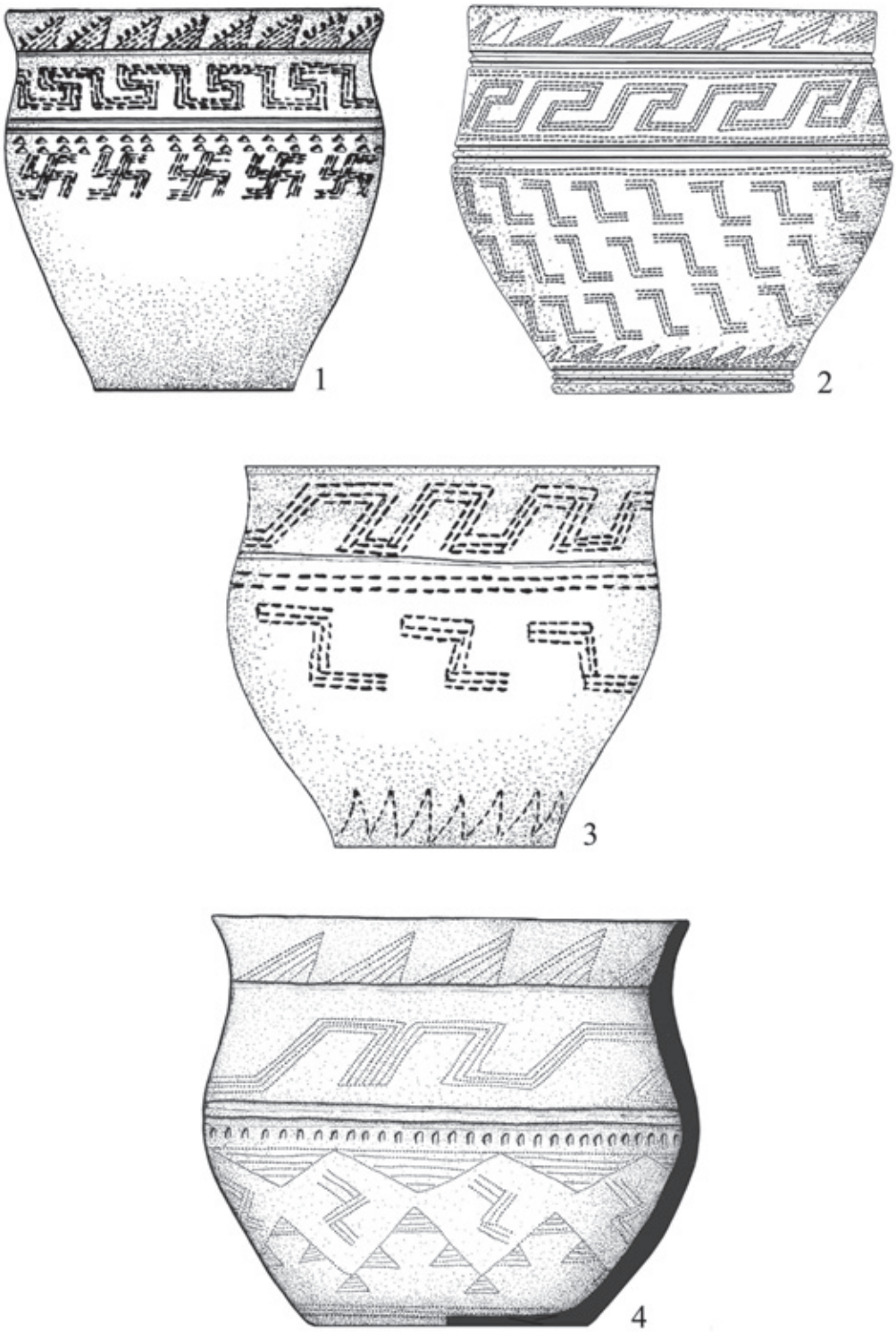


Табл. 34. 1 - Биырек-коль, огр. 23, м. 1; 2 - Малый Койтас, м. 1; 3 - Нижняя Суетка, м. 16; 4 - Танай XII, п. 79, сос. 2.

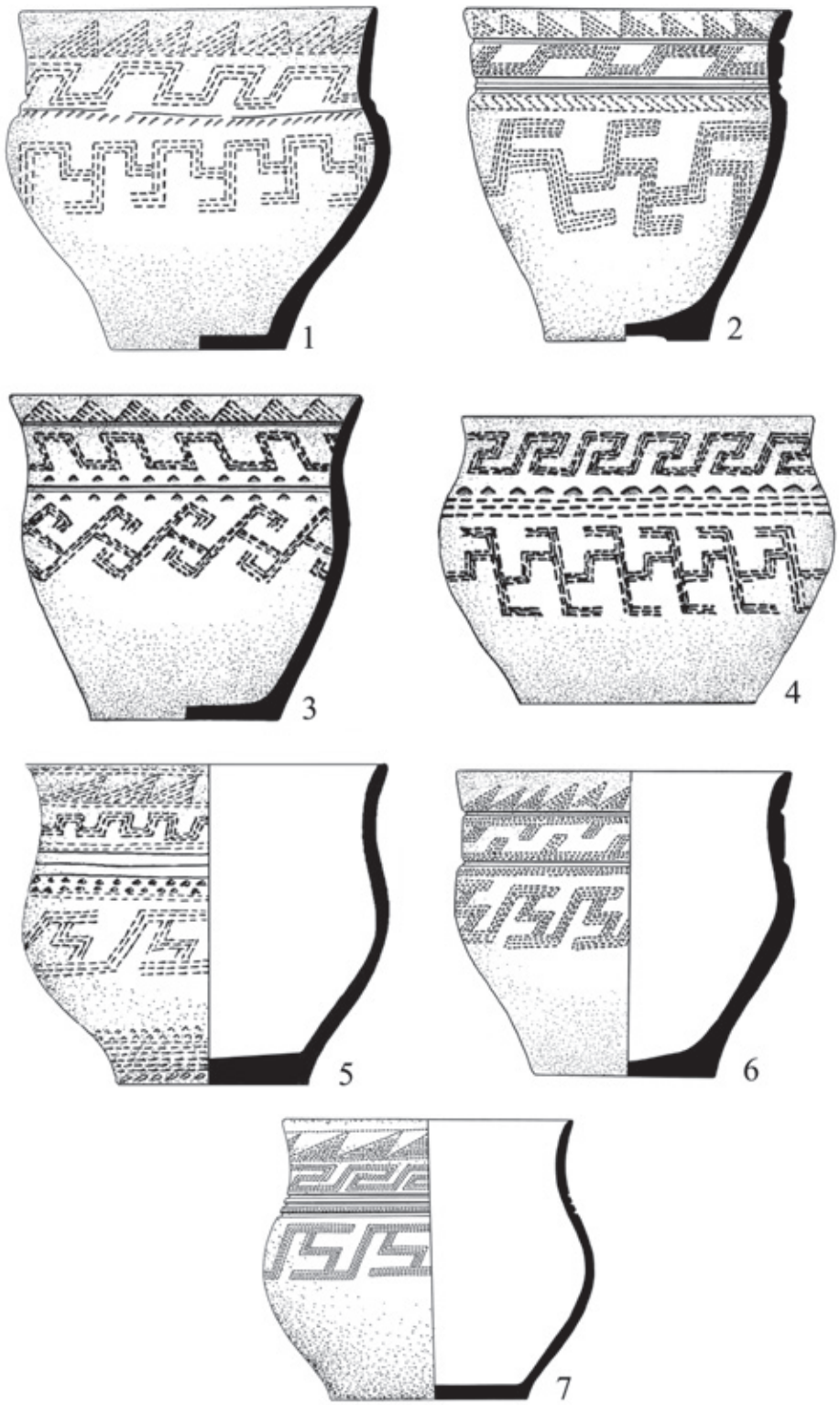


Табл. 35. 1 - Сангру II, огр. 20; 2, 6 - Чекановский Лог-10; 3 - Жиланды, огр. 2, вост. пр-ка; 4 - Тау-Тары; 5 - Путиловская Заимка II, к. 2, п. 1; 7 - Лисаковский I.

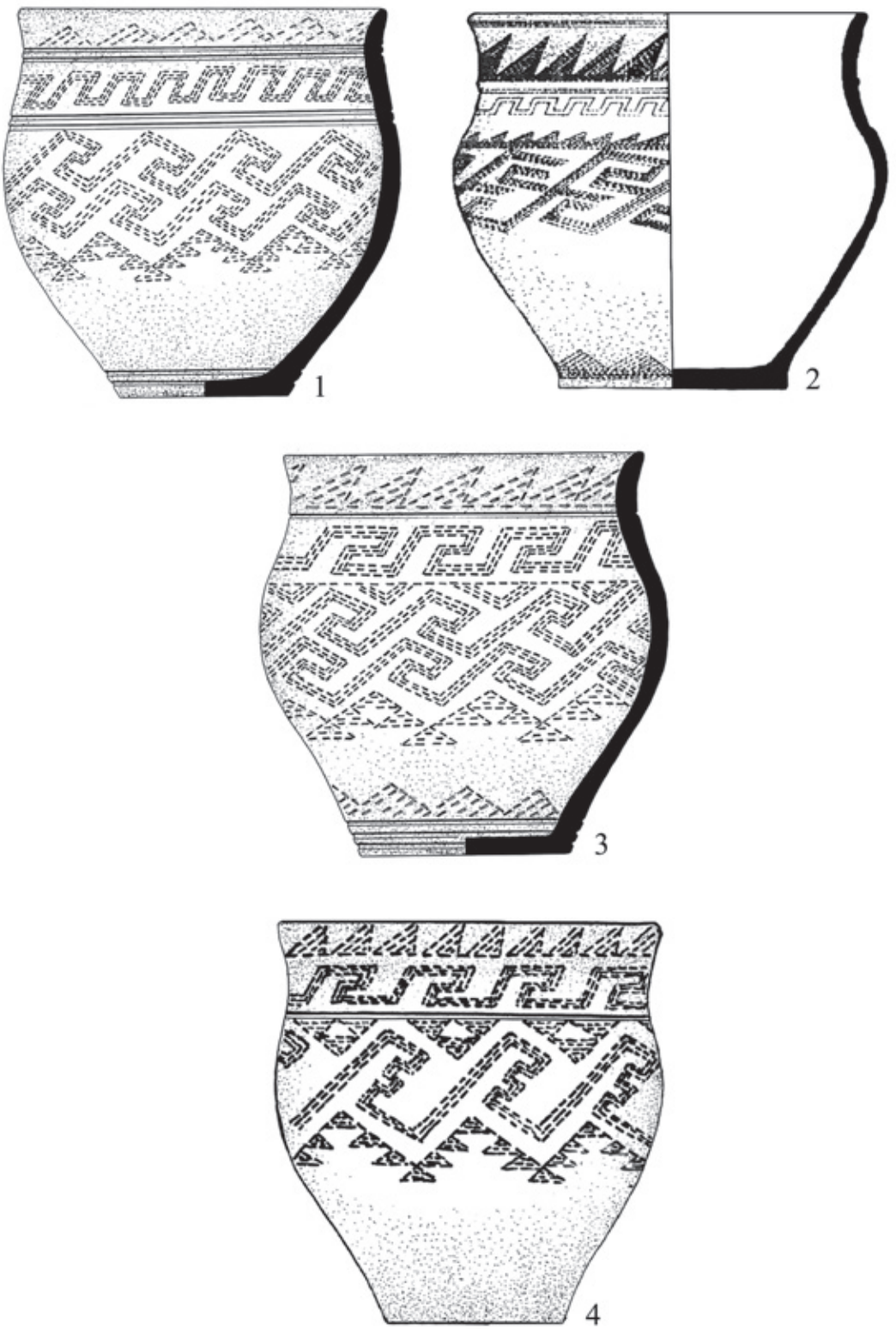


Табл. 36. 1 - Боровое, огр. 14, п. Г; 2 - Солнце-Талика, к. 1, мог. яма; 3 - Боровое, огр. 14, п. Е; 4 - Боровое, огр. 14, п. Е.

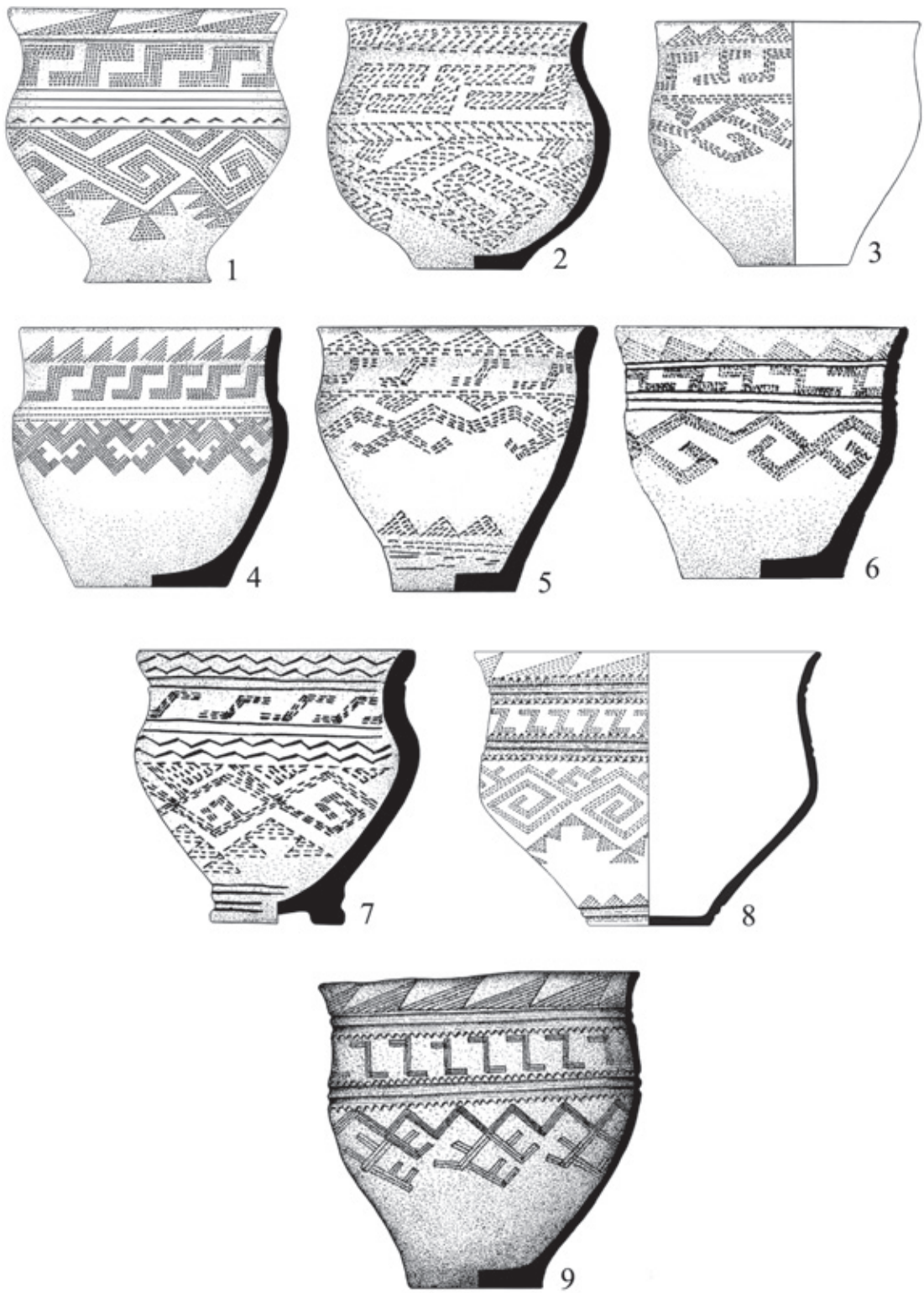


Табл. 37. 1 - Сангру II, к. 4; 2 - Дындыбай, к. 11; 3 - Ермак, м. 71; 4 - Зевакино, огр. 72б; 5 - Ой-Джайляу III; 6 - Чекановский Лог-10; 7 - Бурлук I, огр. 6; 8 - Кытманово, м. 32; 9 - Танай XII, п. кв. a-b-XLVI-XLIV.

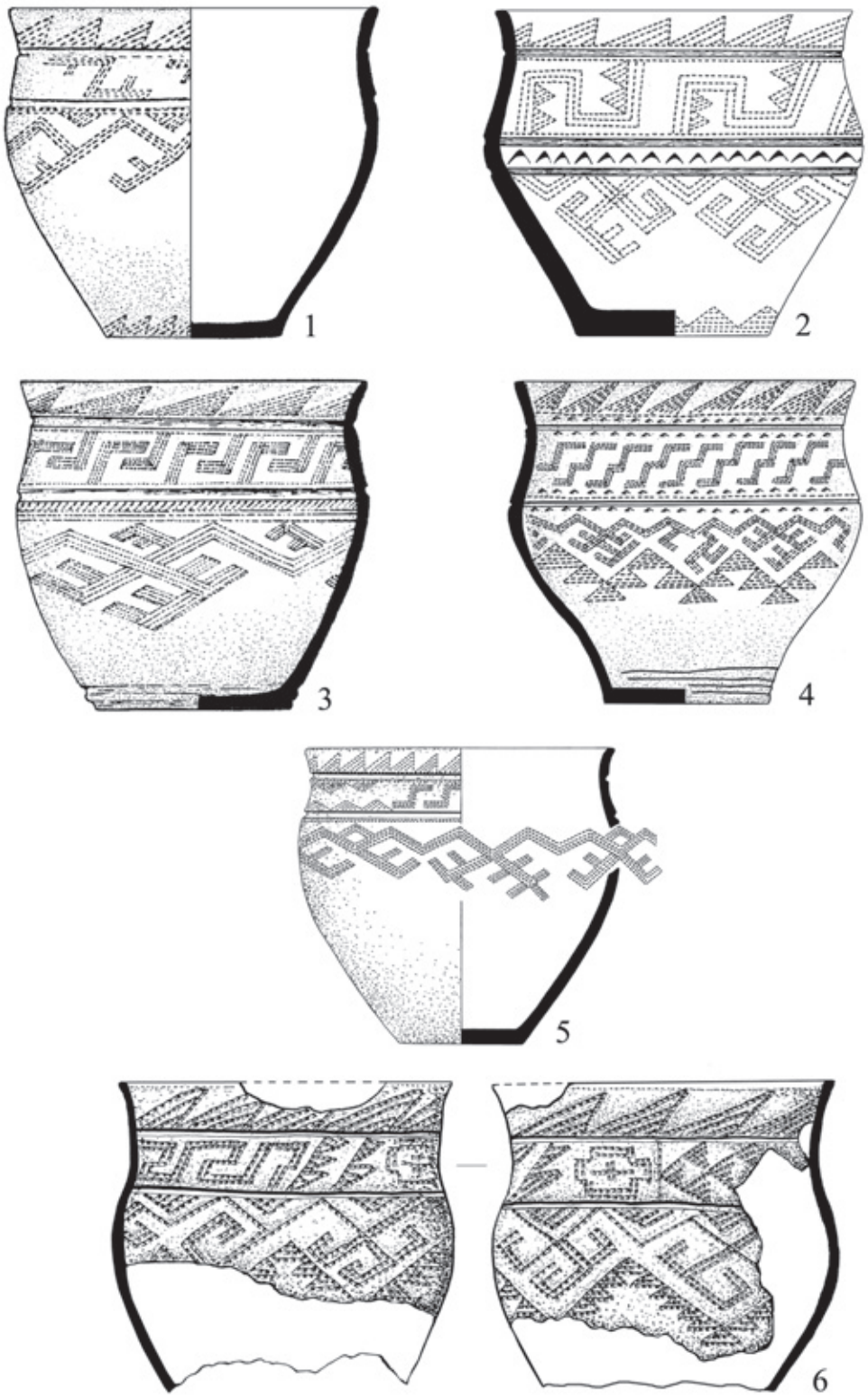


Табл. 38. 1 - Подтурино; 2 - ЕК-II, к. 50, с. II, глуб. 90 см, сос. 1; 3 - БЕ-6, к. 5, м. 3; 4 - Титово II, к. 6, м. 5; 5 - Мичурино I; 6 - Танай XII, к. 12, м. 2.

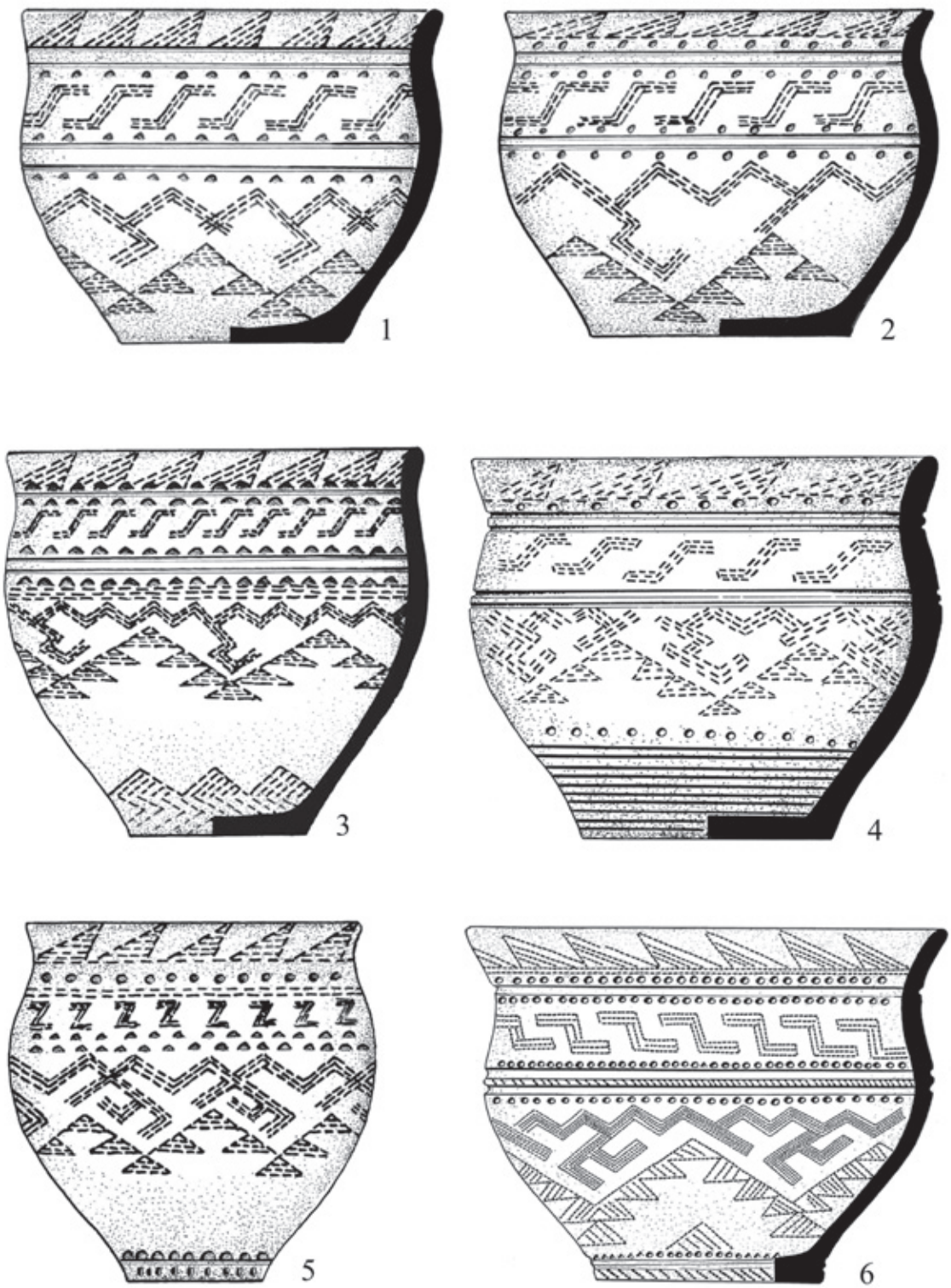


Табл. 39. 1 - Большое Пичугино, к. 2, м. 1; 2 - Преображенка III, к. 12, п. 1; 3 - Титово II, к. 5, м. 6; 4 - Орак, м. 16; 5 - Боровое, огр. 5, сев. мог.; 6 - Старый Тартас-4, к. 1, м. 1.

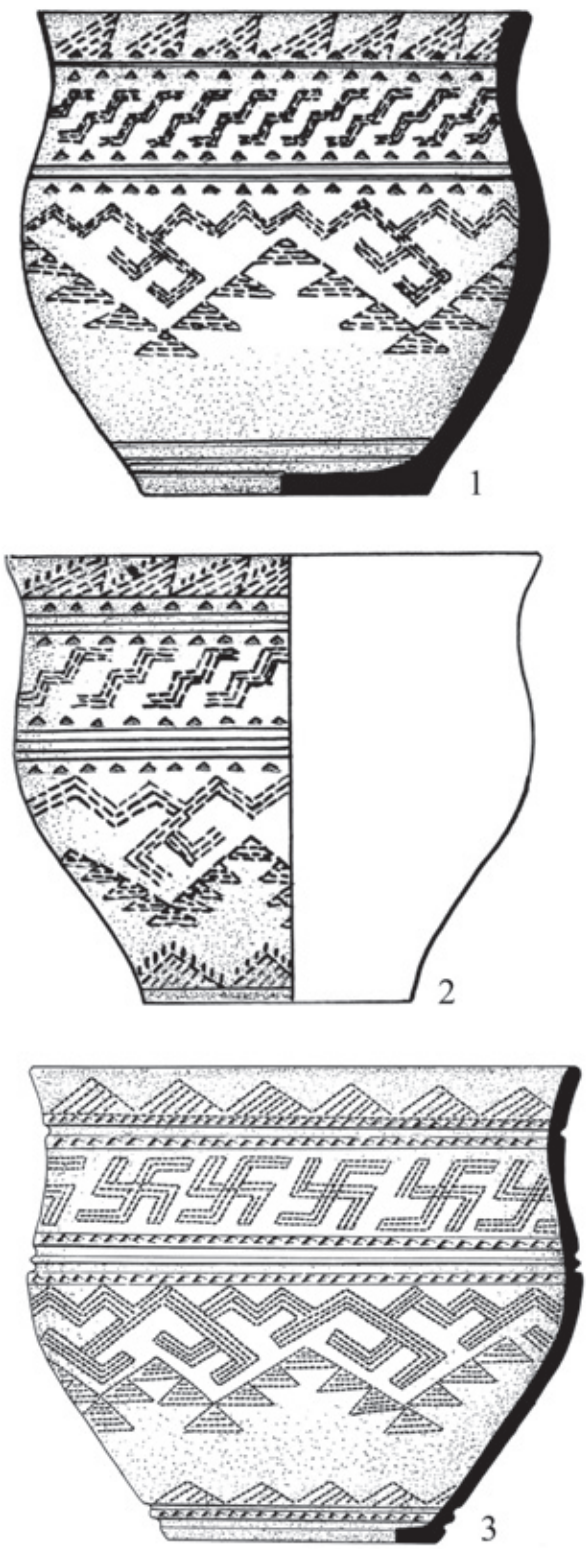


Табл. 40. 1 - Вахрушево, к. 6, м. 2; 2 - Преображенка III, к. 21, п. 2;
3 - Старый Тартас-4, к. 9, п. 1.

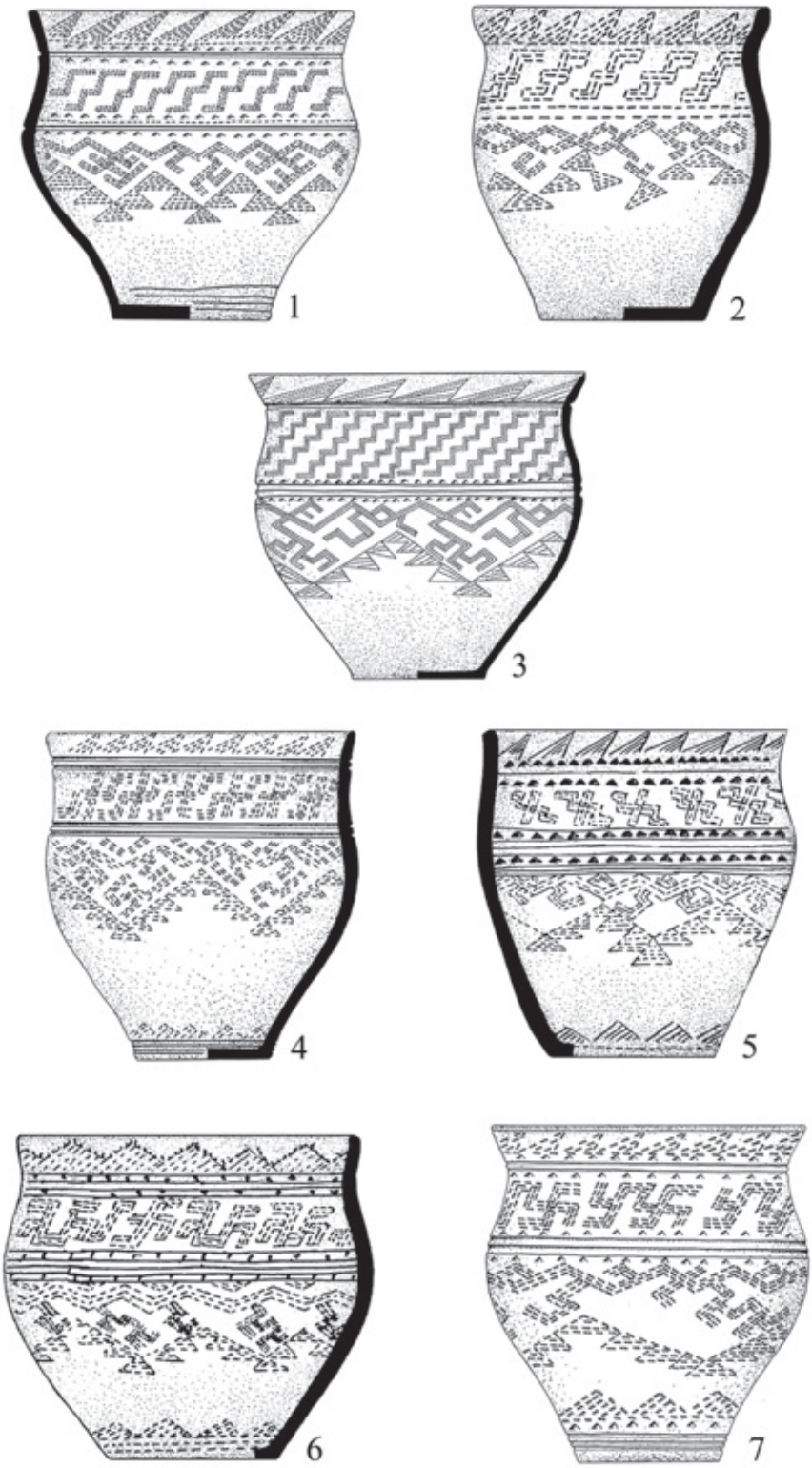


Табл. 41. 1 - Титово II, к. 6, м. 5; 2 - Урский, к. 14, м. 2; 3 - Юрман I, к. 2, п.; 4 - Боровое, огр. 14, погр. Ж; 5 - Урский, к. 8, м. 2; 6 - Урский, к. 13, м. 1; 7 - Дегтярёвка (Урский).

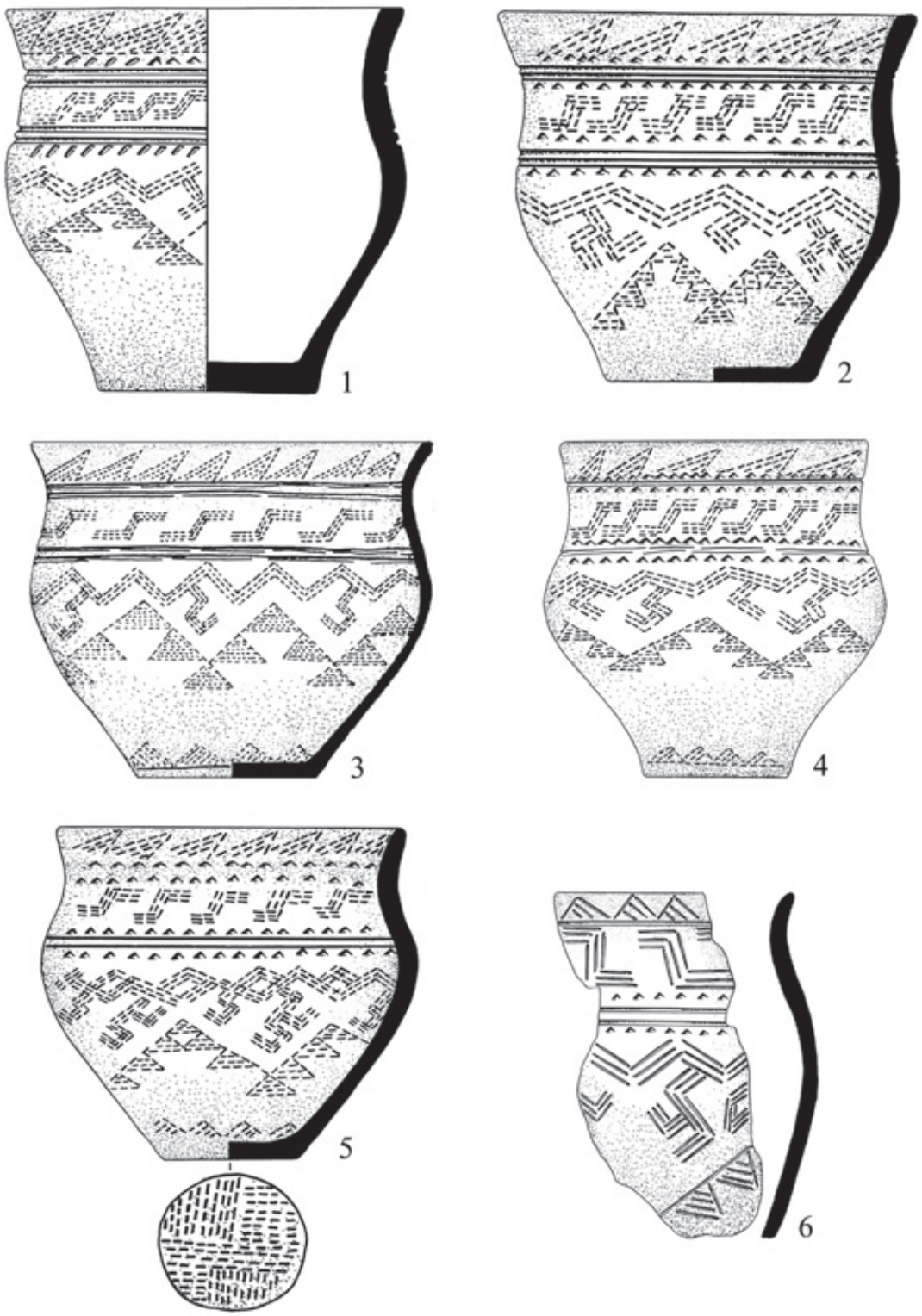


Табл. 42. 1 - Бурлук I, огр. 3; 2 - Акмола, к. 19; 3 - Абрамово IV, к. 21, п. 1; 4 - Боровое, огр. 10, м. 2; 5 - Акмола, к. 20; 6 - Большое Пичугино, к. 7, м. 2.

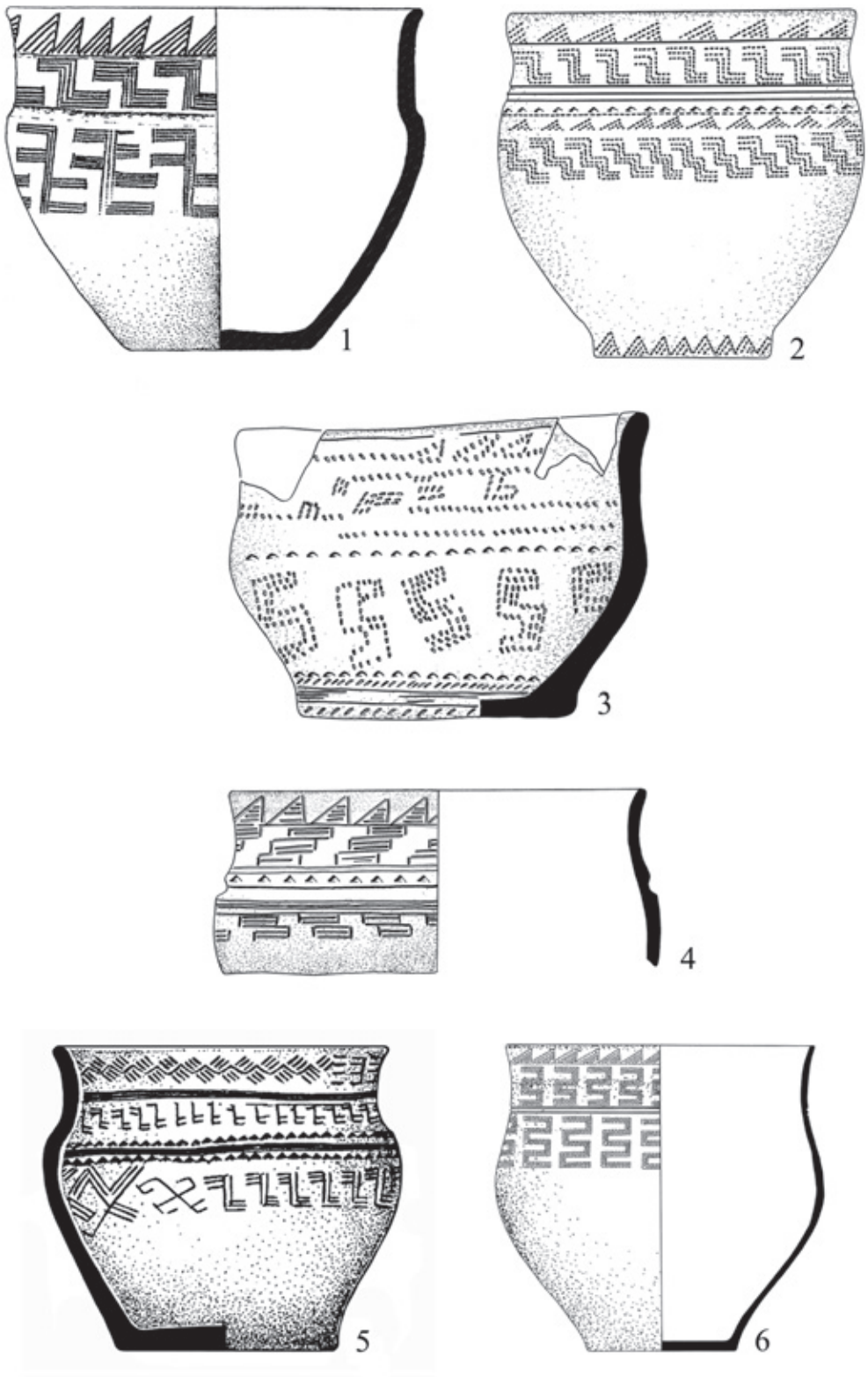


Табл. 43. 1 - Прудской I, м. 1; 2 - Сангру II, огр. 1, ящик 3; 3 - Змеевка, к. I, п. III; 4 - Бозенген, огр. 9, м. 1; 5 - Урефты I, к. 13А, п. 19; 6 - Лисаковский I.

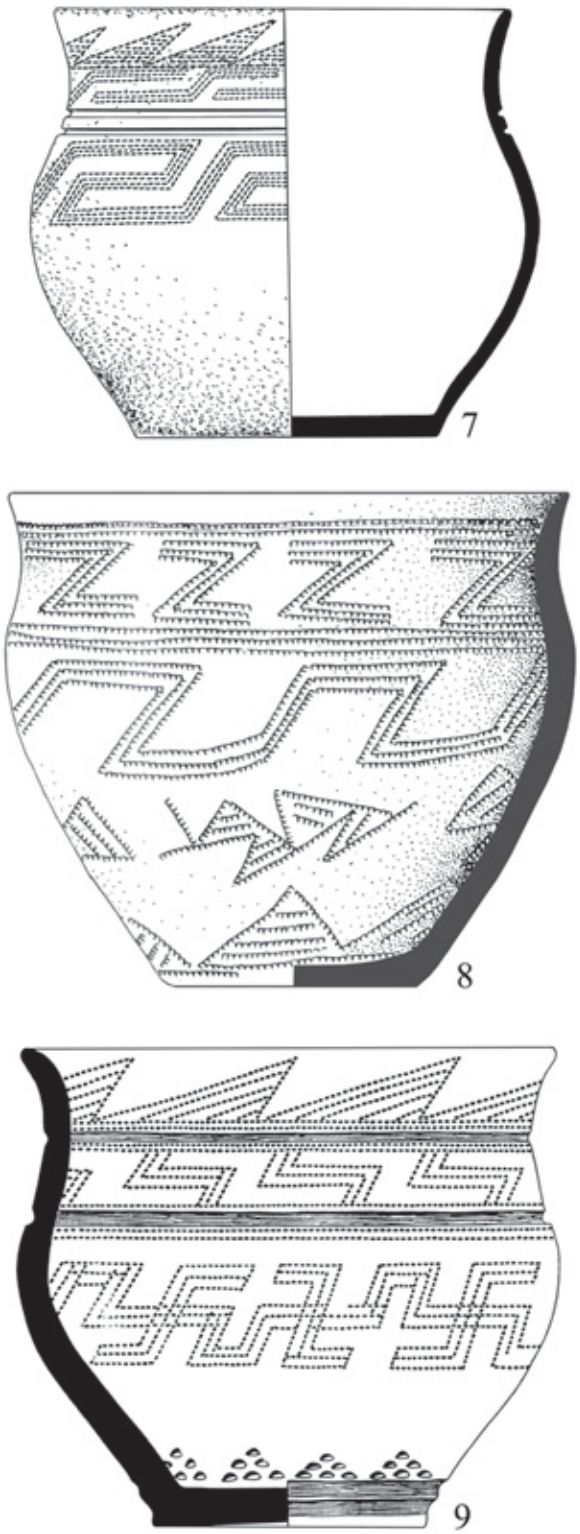


Табл. 43 (продолжение). 7 - Лисаковский I; 8 - Фирсово XIV, м. 67; 9 - ЕК-II, к. 52, м. 12.

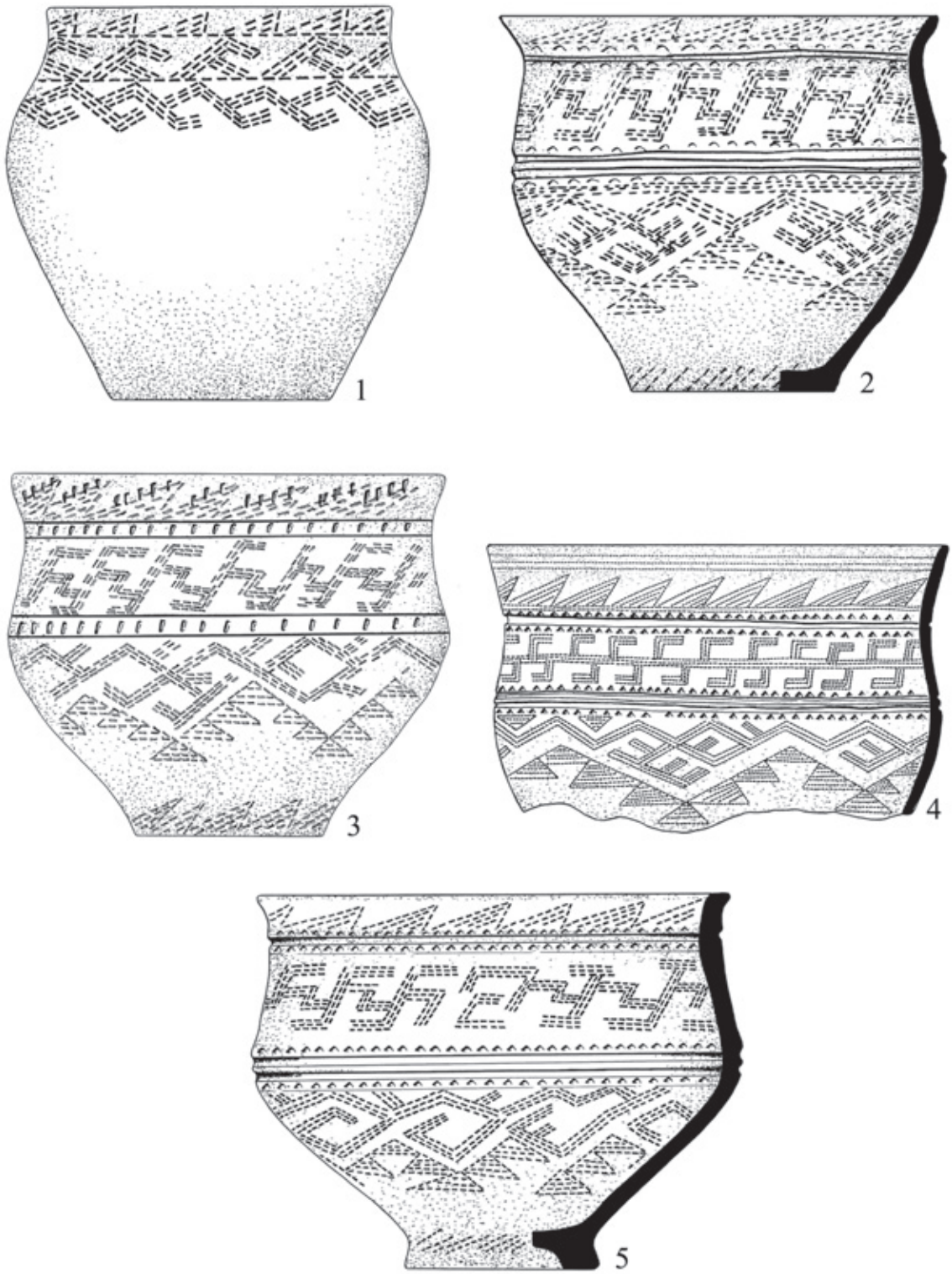


Табл. 44. 1 - Карасай; 2 - Танай I, к. 10, м. 3; 3 - Орак, м. 32; 4 - Старый Тартас-4, к. 5, п. 1; 5 - Старый Тартас-4, к. 16, п. 1.

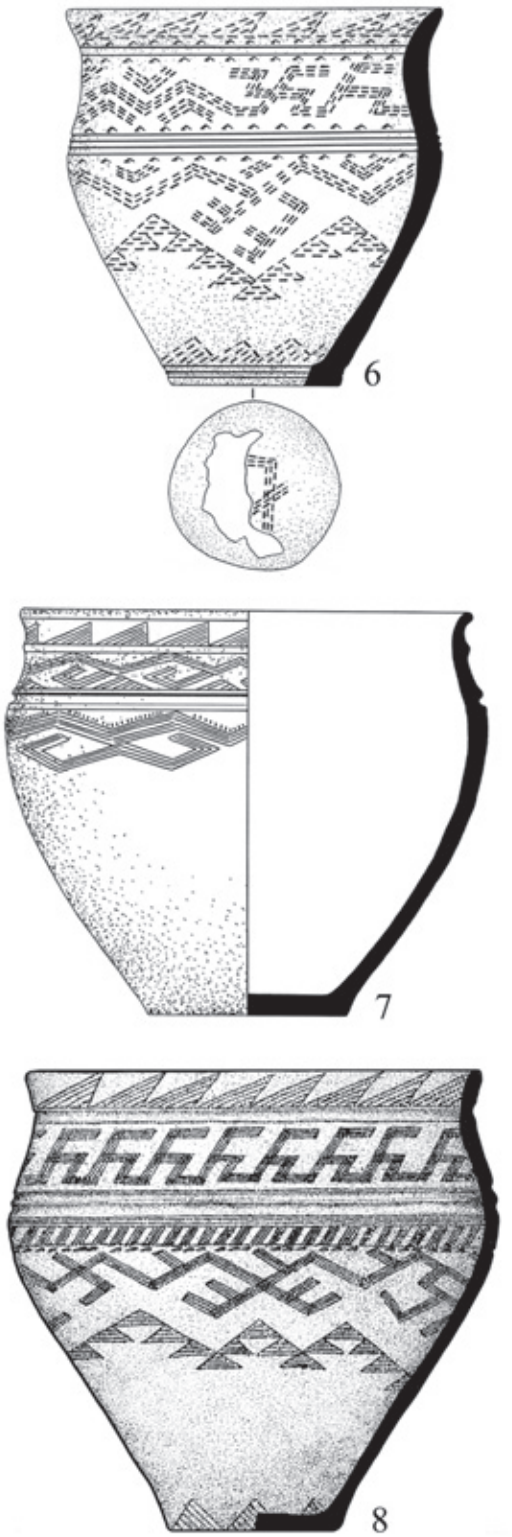


Табл. 44 (продолжение). 6 - Титово II, к. 4; 7 - Шапат, м. 23; 8 - Танай XII, п. 30, сос. 1.

Табл. 45. 1, 3 - Большое Пичугино; 2 - Юрман I, к. 2, п.; 4 - Старый Тартас-4, к. 15, п. 1; 5 - Тартас-1, захор. 351.

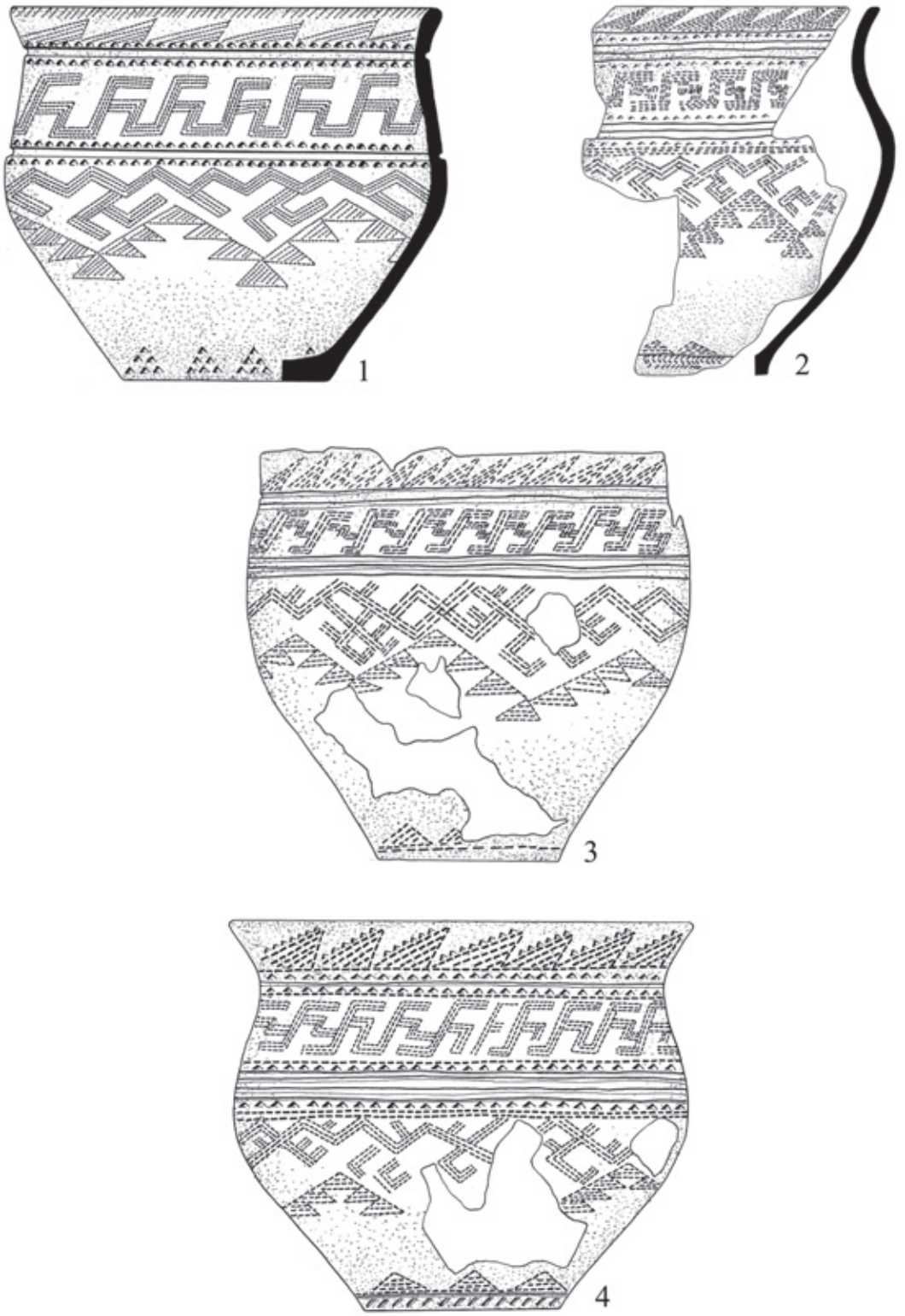


Табл. 46. 1 - Старый Тартас-4, к. 12, п. 1; 2 - Акмола, к. 19; 3 - Урский, к. 9; 4 - Урский, к. 15, м. 1.

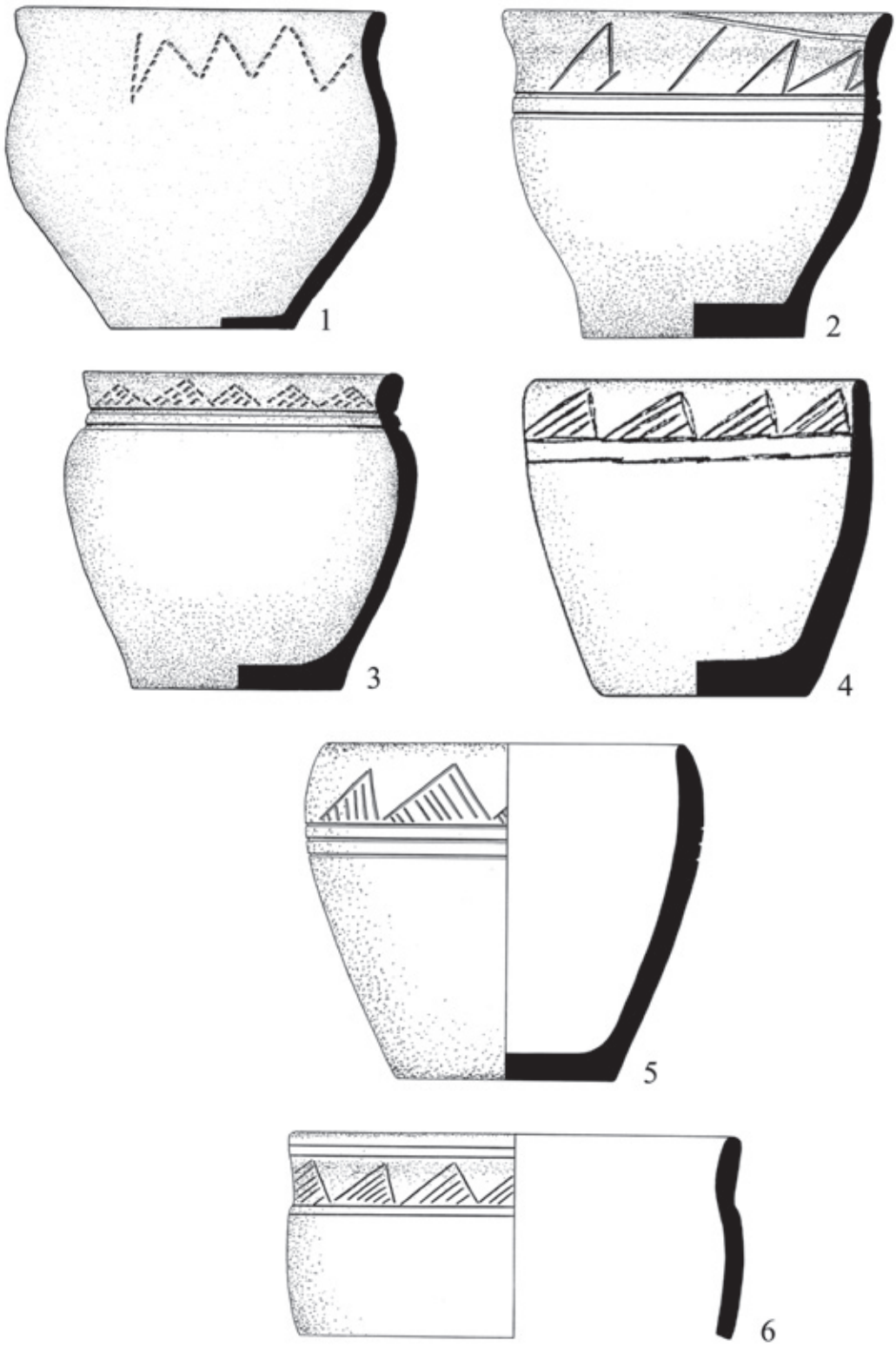


Табл. 47. 1 - Солёноозёрная I, м. 16; 2 - Преображенка III, погр. 10; 3 - Сангру II, огр. Б; 4 - Рублёво VIII; 5 - Шапат, жерт. 1; 6 - Шапат, м. 15.

Табл. 48. 1 - ЕК-II, м. 161; 2 - Калантырь-13, сборы; 3 - Мыржик II, к. 4; 4 - ЕК-II, м. 167, № 5; 5 - ЕК-II, м. 270, № 2; 6 - ЕК-II, м. 208, № 2; 7 - ЕК-II, м. 174, № 2.

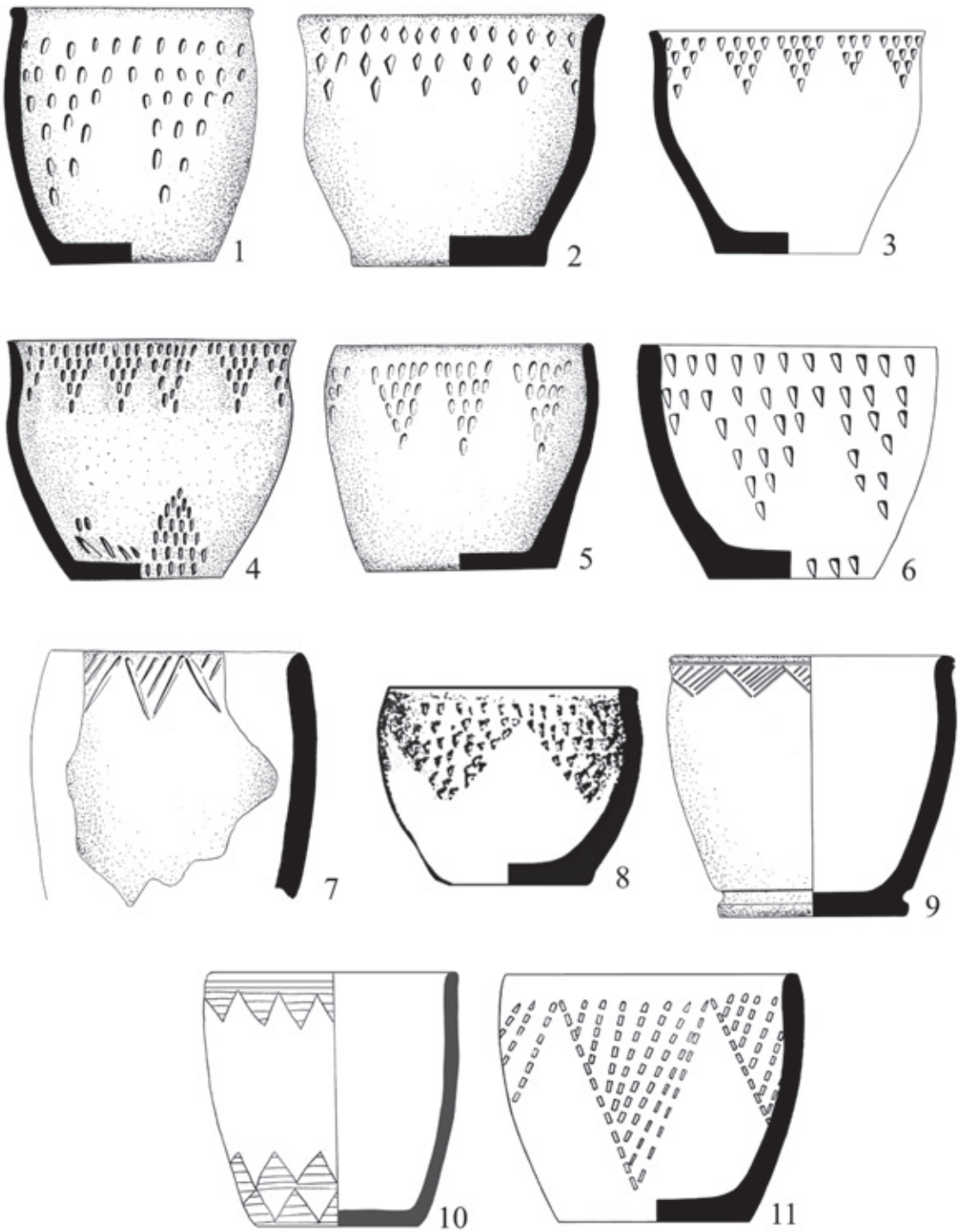


Табл. 49. 1, 2 - Змеевка; 3 - ЕК-II, м. 49а, № 2; 4 - Заречное I; 5 - БЕ-XIV, м. 14; 6 - ЕК-II, м. 60, № 1; 7 - Шет-II, огр. II; 8 - Кенжеколь-1, м. 33; 9 - Мичурино I; 10 - Фирсово XIV, кв. 17; 11 - ЕК-II, транш. 14 метр.

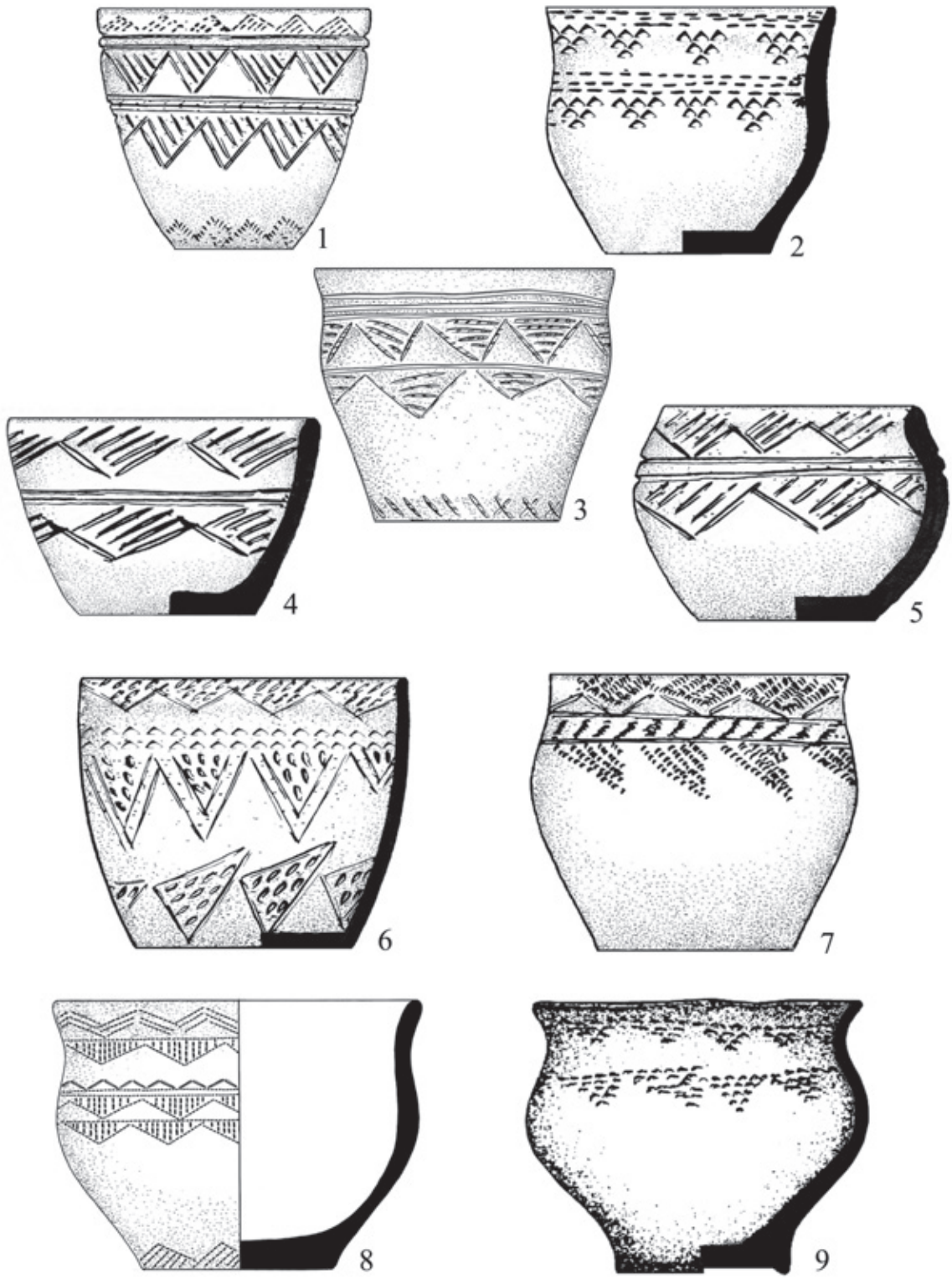


Табл. 50. 1 - Балыкты, к. 19, насыпь; 2 - неустановленный памятник близ Челябинска; 3 - Быково II, м. 9; 4, 5 - Лисаковский I, к 3, п. 2; 6 - Преображенка III, к. 48, п. 1; 7 - Кинзерский, к. 73, п. 1; 8 - Ижевский I, подъём. мат-л; 9 - Кенжеколь-1, м. 36.

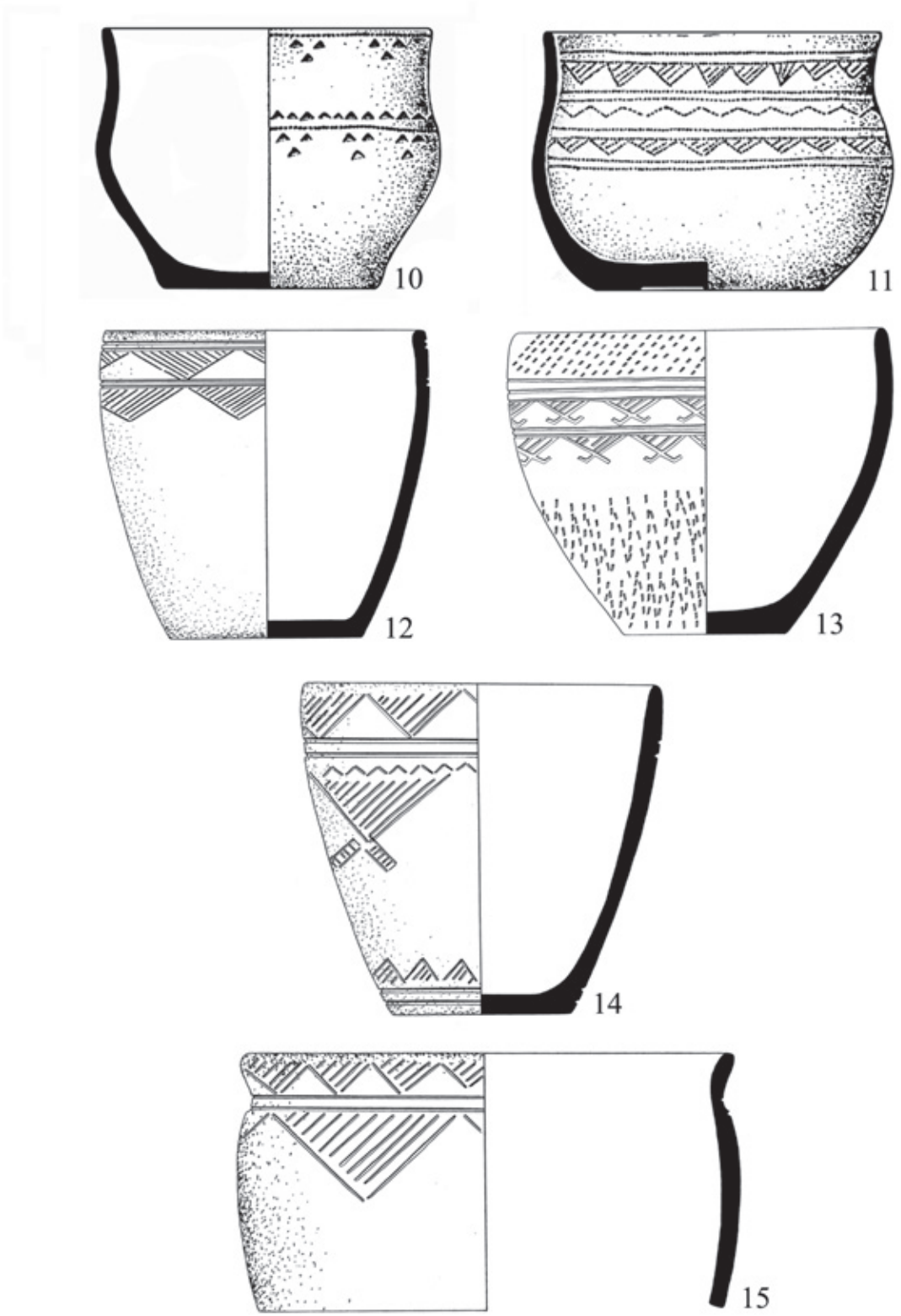


Табл. 50 (продолжение). 10 - Урефты I, к. 13, сос. 4; 11 - Урефты I, к. 13, п. 17; 12 - Мичурино I; 13 - Звенигородка, огр. 2, жерт. 2; 14 - Бозенген, к. 5а, жерт. 1; 15 - Бозенген, м. 7.

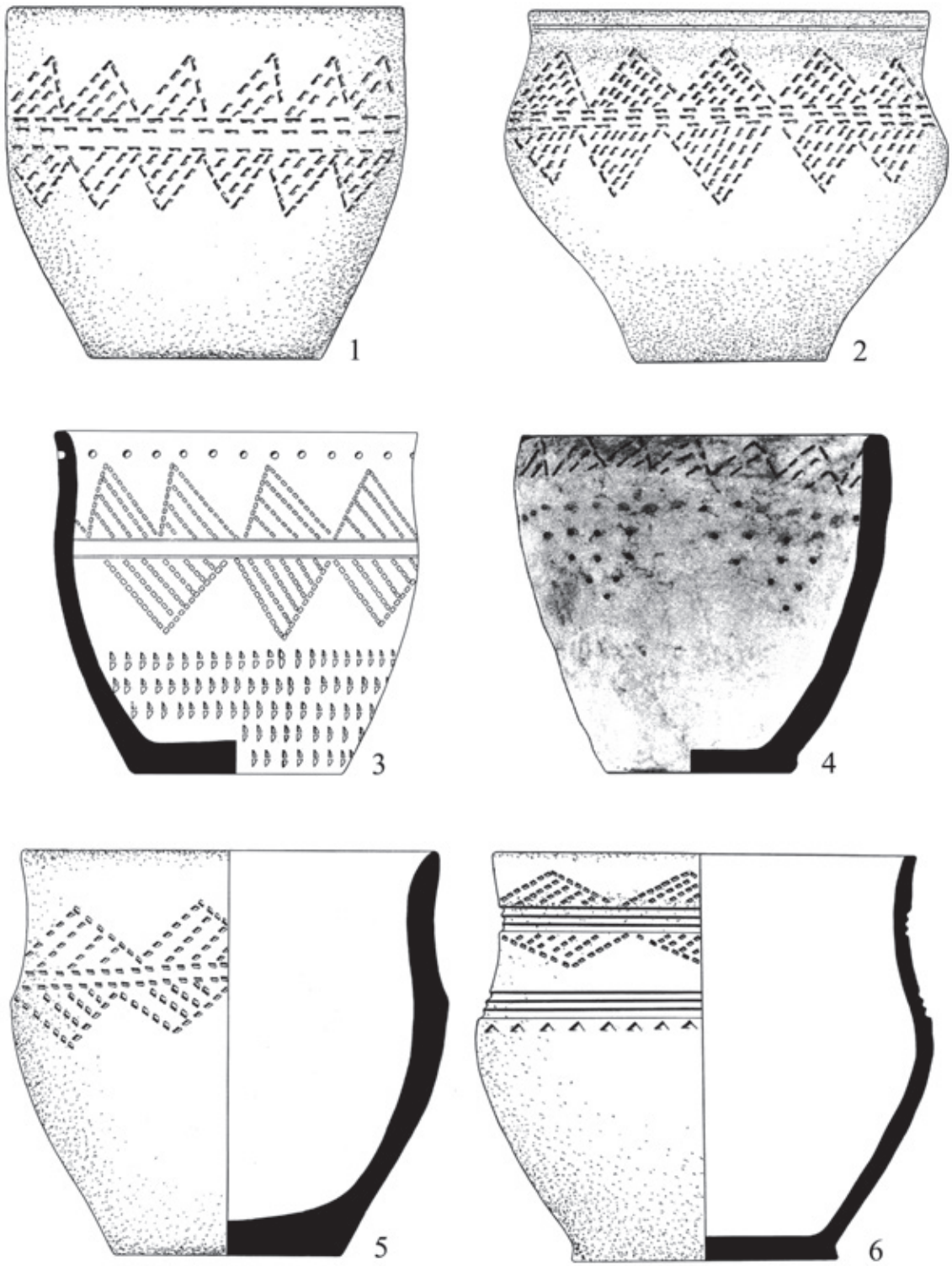


Табл. 51. 1, 2 - Тау-Тары; 3 - ЕК-II, м. 55, № 1; 4 - Кытманово, м. 27;
5 - Ижевский I, подъём. мат-л; 6 - Лисаковский I.

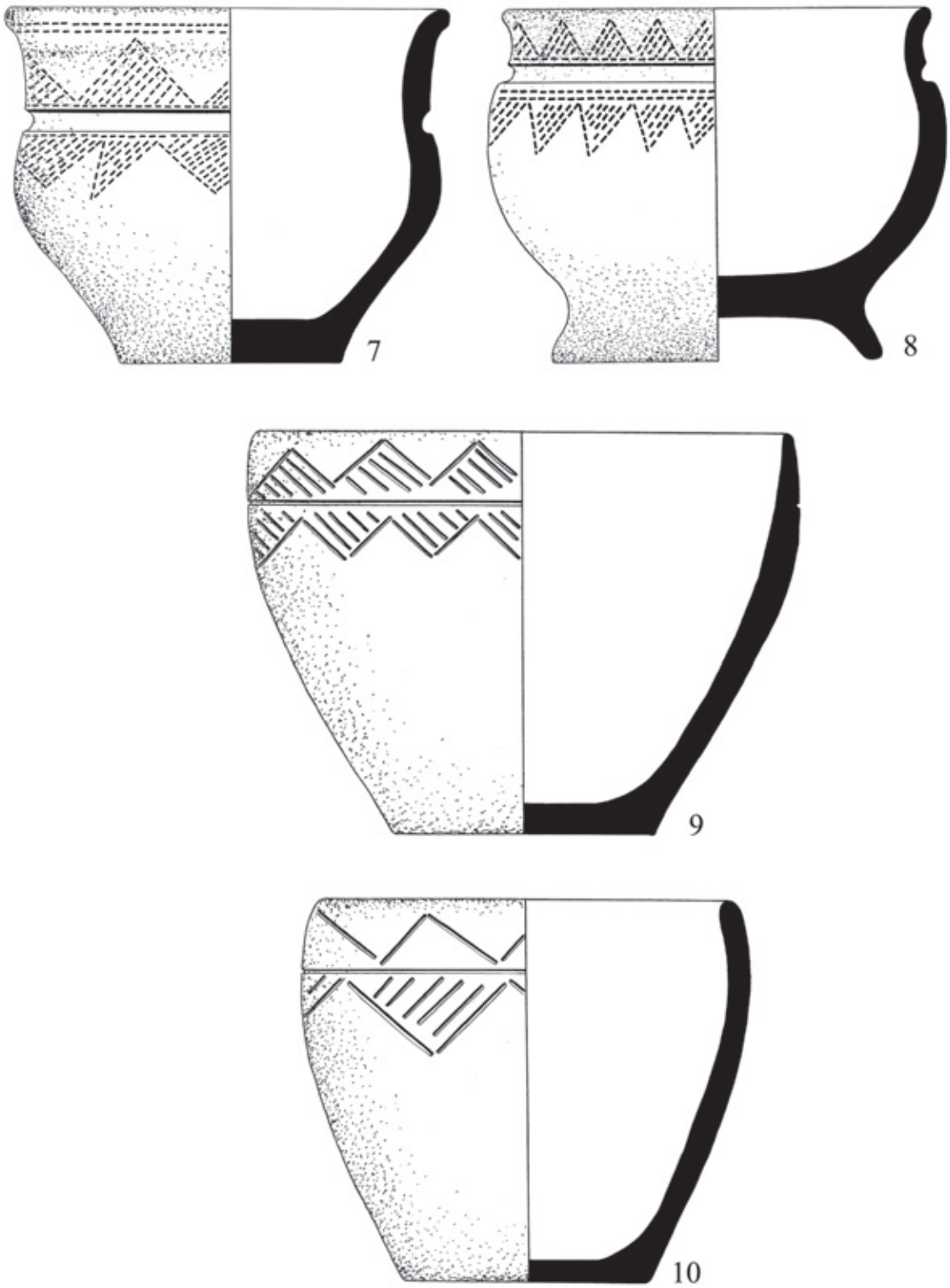


Табл. 51 (продолжение). 7, 8 - Мичурино I; 9 - Нуртай, огр. 8, м. 2; 10 - Нуртай, огр. 13, м. 2.

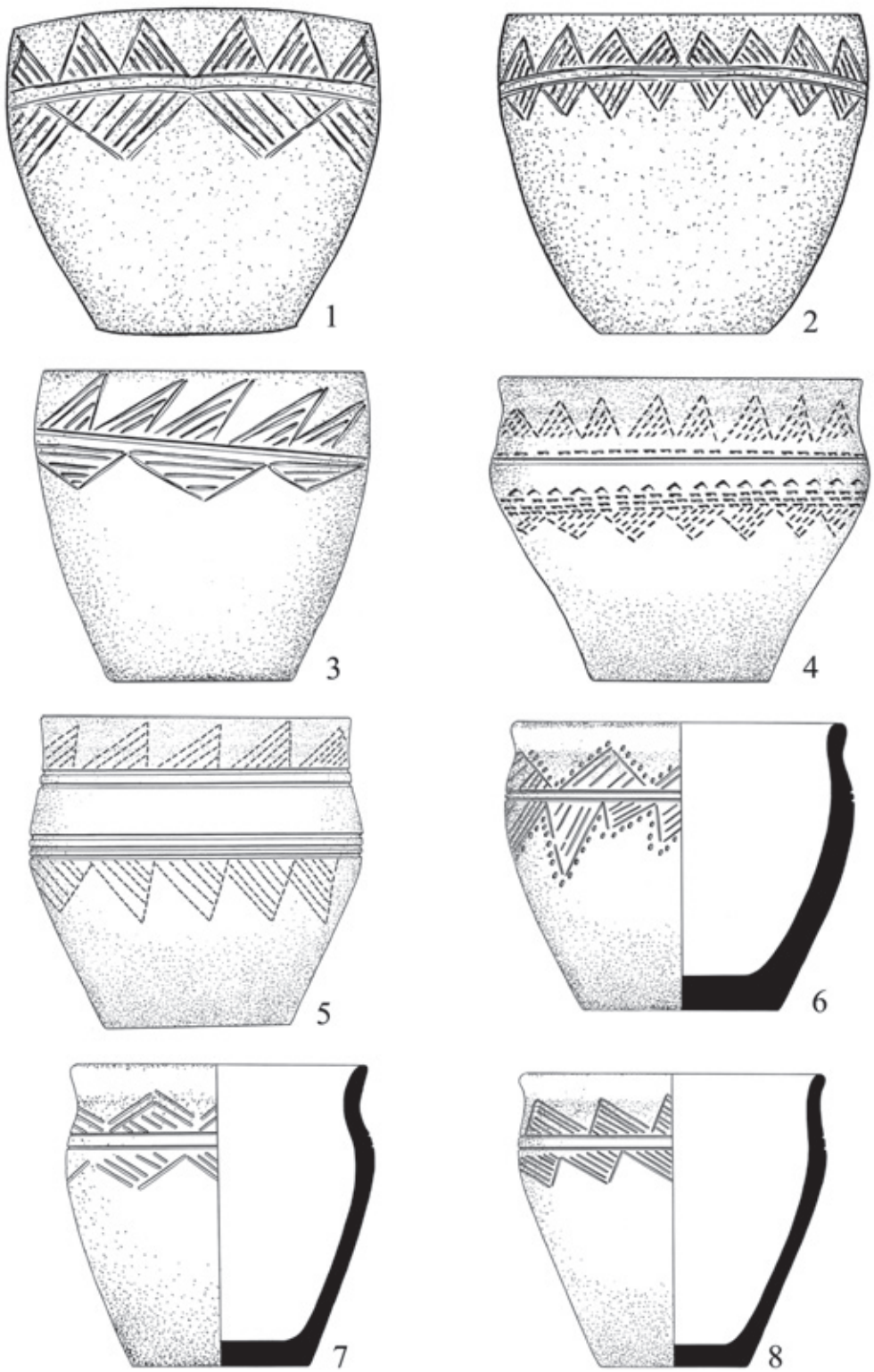


Табл. 52. 1 - Ермак, м. 32; 2 - Ермак; 3 - Биырек-коль, огр. 23, м. 1; 4 - Тау-Тары; 5 - Нижняя Суетка, м. 26; 6 - Шапат, м. 3; 7 - Шапат, м. 21; 8 - Шапат, м. 4.

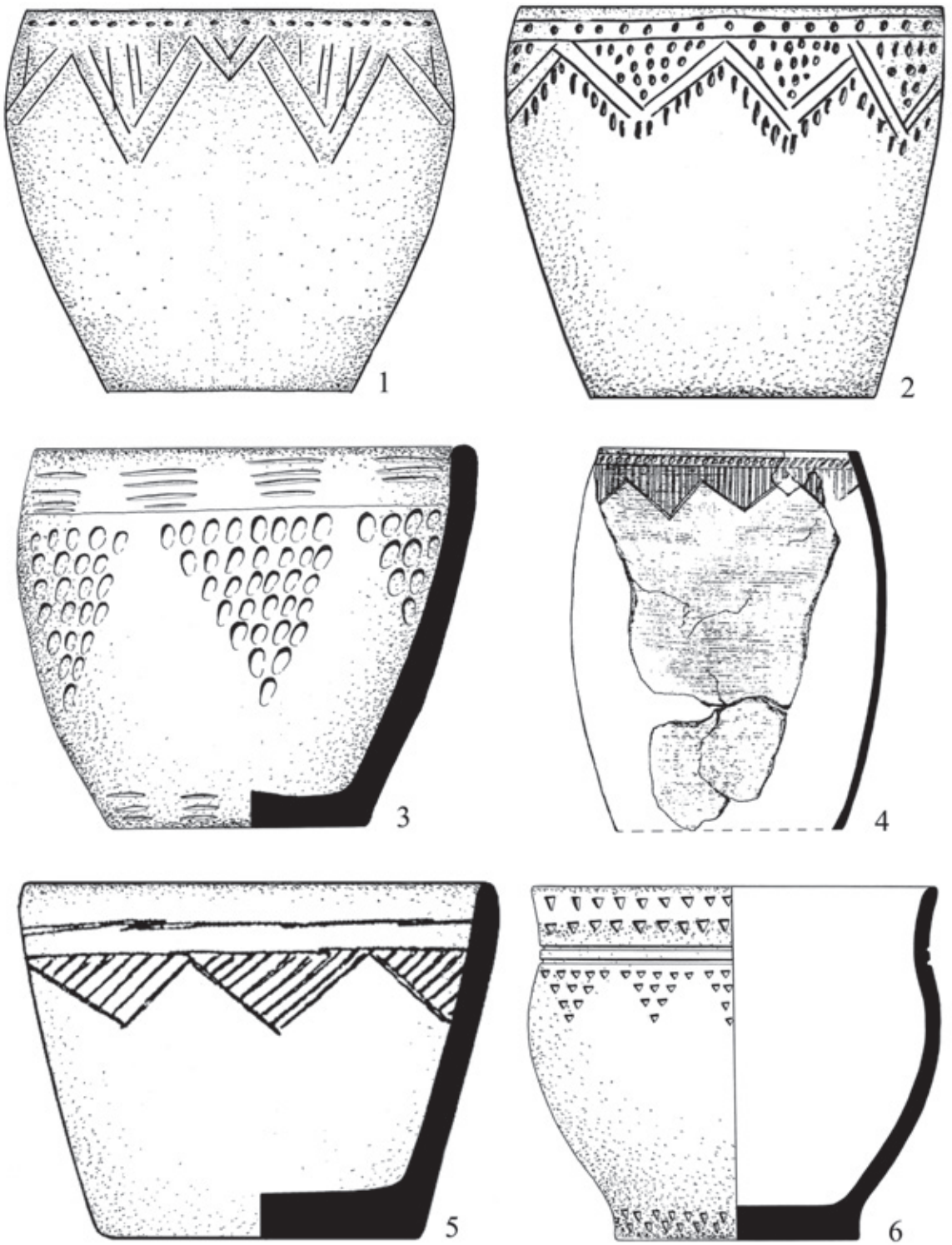


Табл. 53. 1 - Шоиндыколь, м. 14; 2 - Жамбай-Карасу, огр. 1; 3 - Орак, м. 28; 4 - Аяпперген (Аяпберген), кур.-огр. 7, п. 3; 5 - Рублёво VIII; 6 - Лисаковский I.

Табл. 53. (продолжение) 7 - Шапат, м. 39; 8 - Актобе I, огр. 2, м. 2; 9 - Бозенген, к. 23, м. 4; 10 - Бозенген, к. 23, м. 9; 11 - Тартас-1, захор. 358.

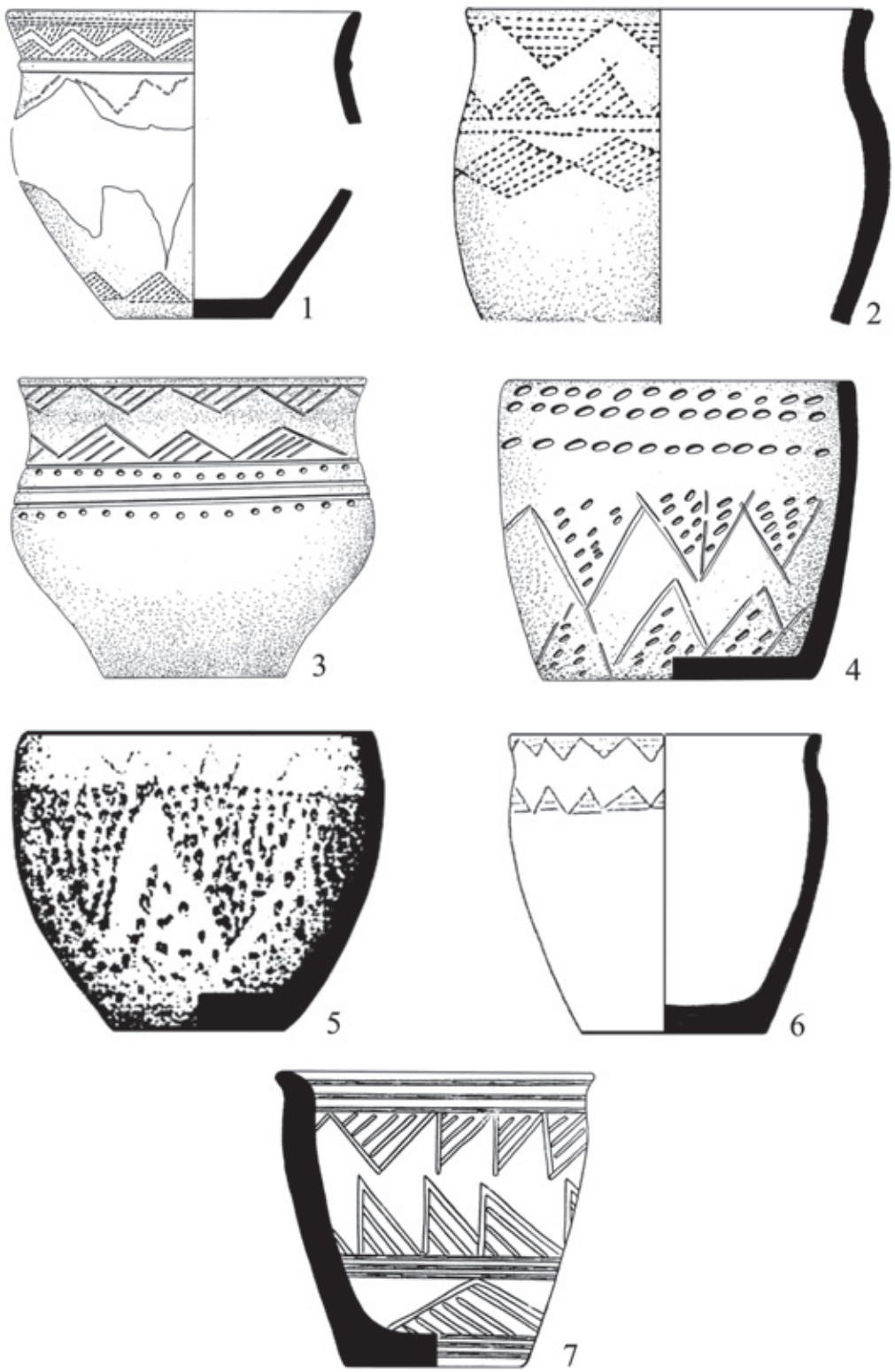


Табл. 54. 1 - Солнце-Талика, к. 2, мог. яма; 2 - Кызылтас; 3 - Смолино, к. 7, п. 1; 4 - Преображенка III, к. 34; 5 - Кенжеколь-1, м. 31; 6 - Маринка, м. 10; 7 - ЕК-II, м. 30, № 1.

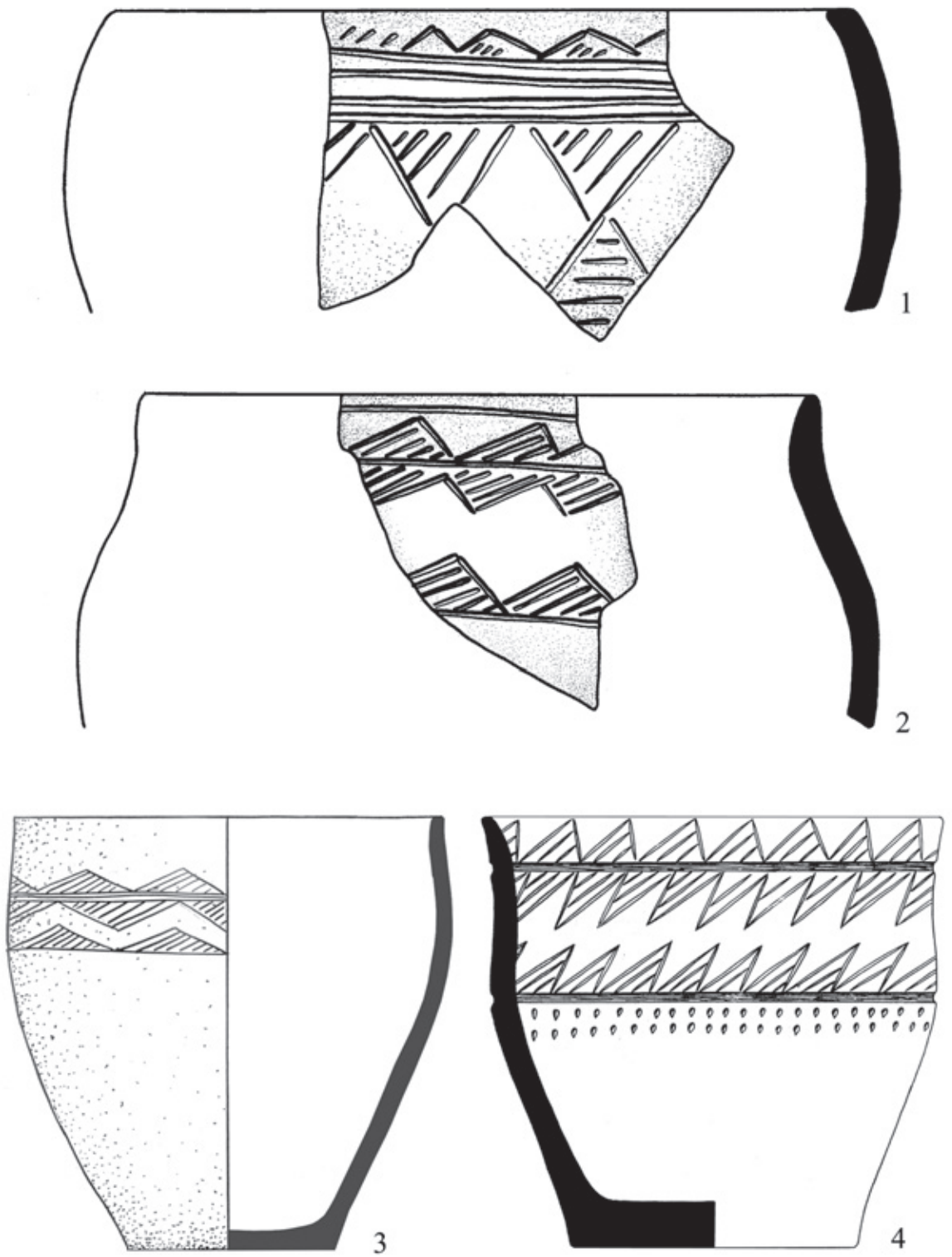


Табл. 55. 1 - Шет III; 2 - Шет I, огр. 3; 3 - Фирсово XIV, сос. 1, м. 179; 4 - ЕК-II, к. 49, м. 3, № 1.

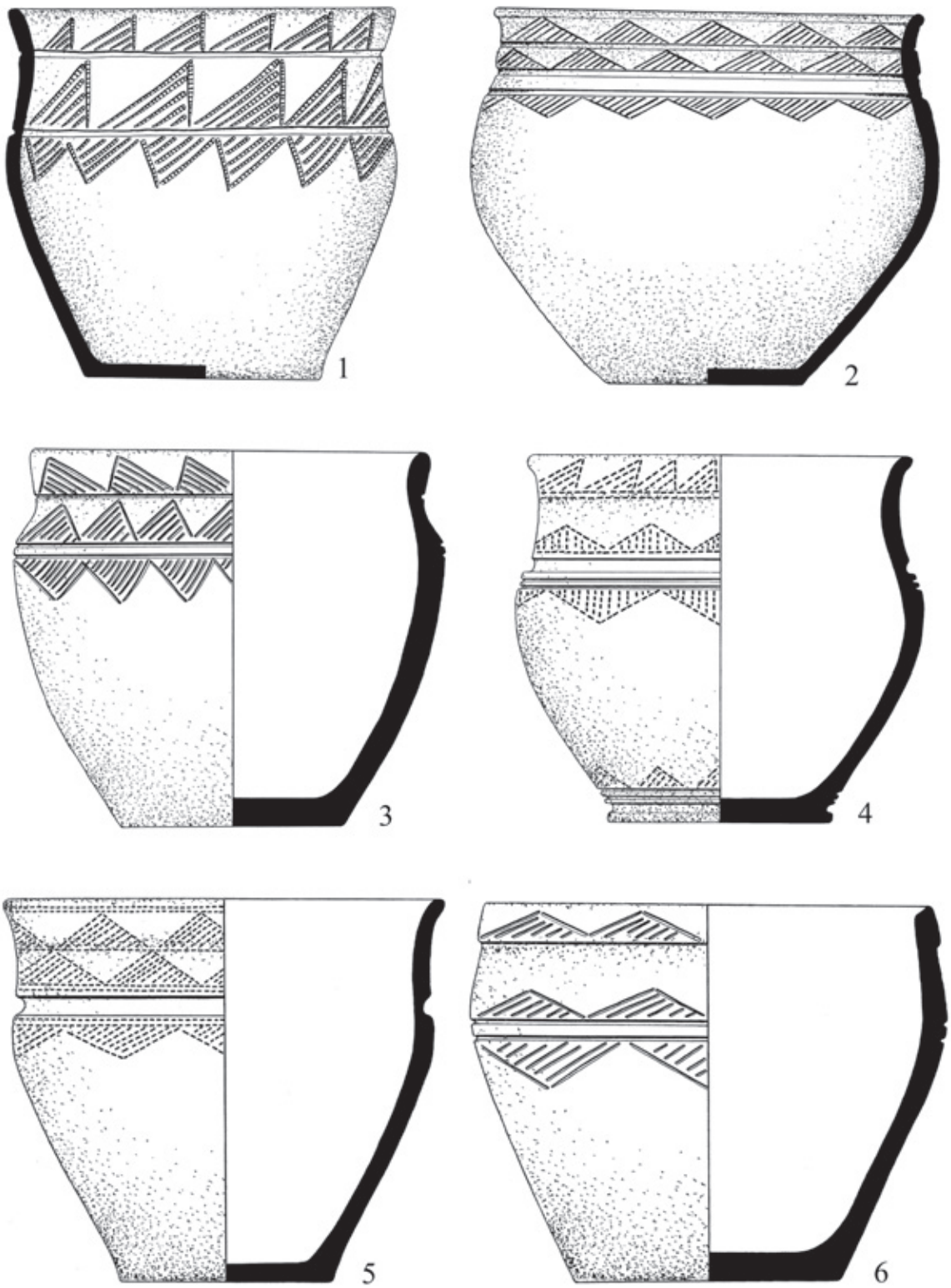


Табл. 56. 1 - Гилёво-VI; 2 - Котанэмель I, огр. 15; 3 - Шапат, м. 39; 4, 5 - Мичурино I; 6 - Ташик.

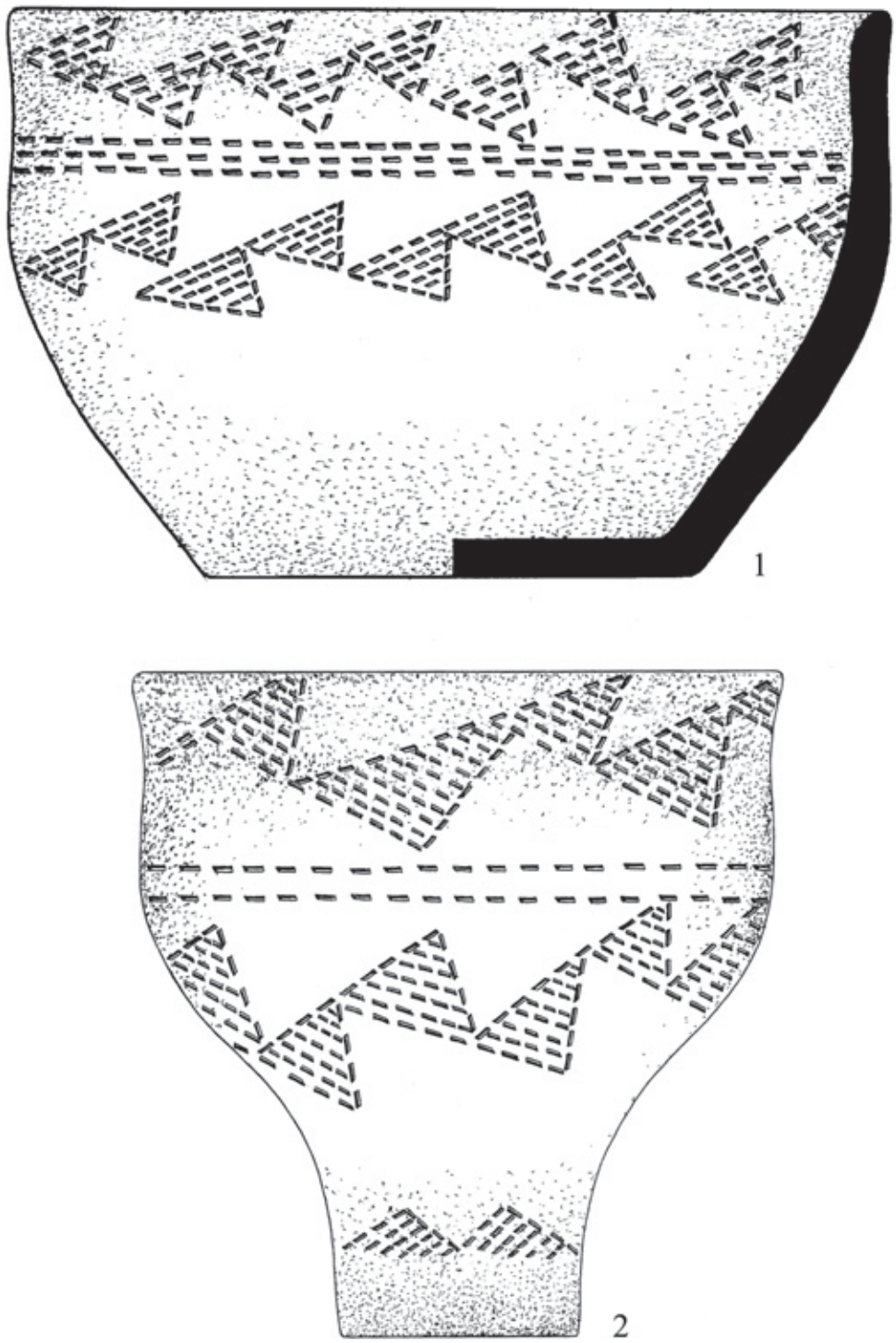


Табл. 57. 1 - Преображенка III, п. 3; 2 - Тау-Тары.

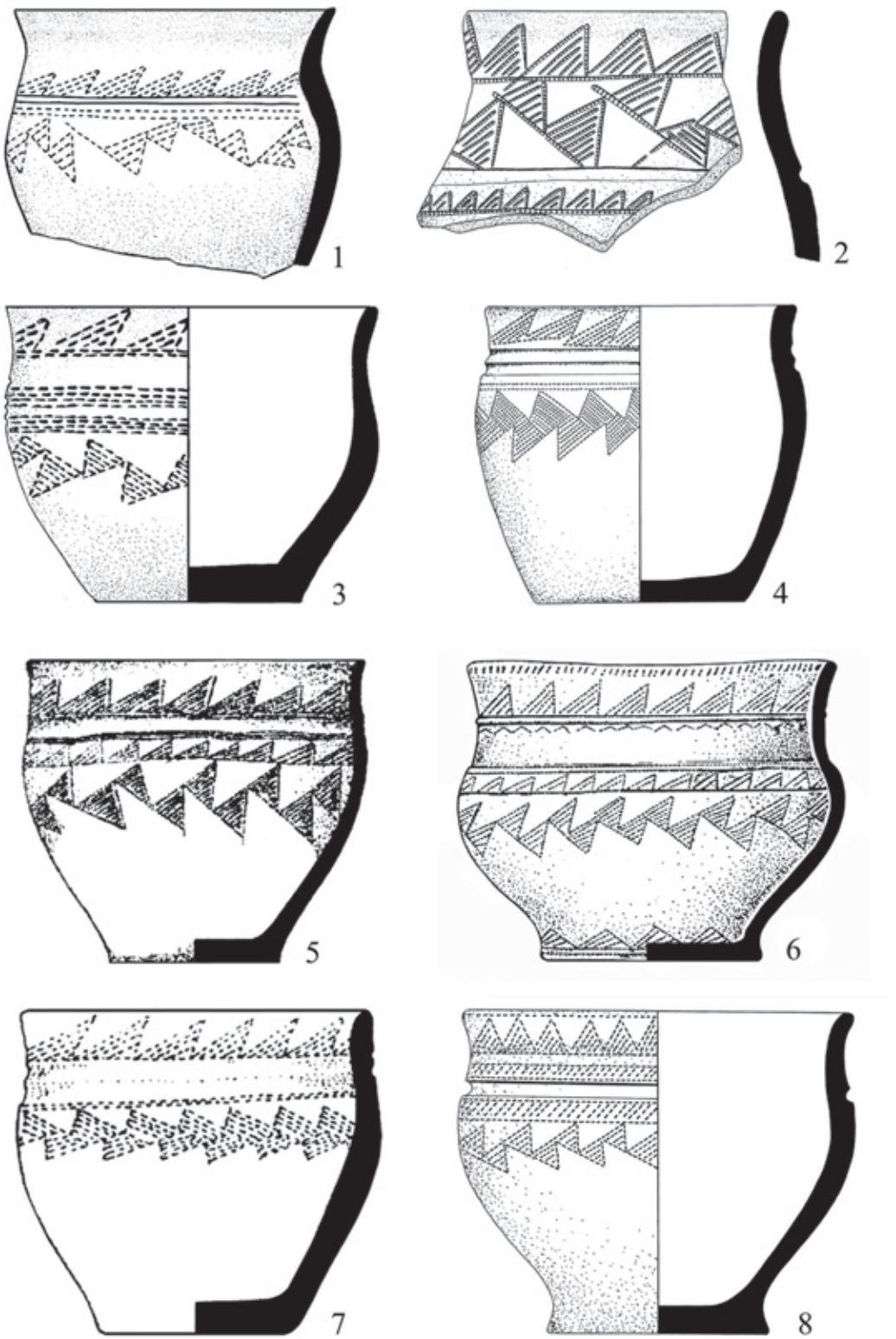


Табл. 58. 1 - Быково II, м. 12; 2 - Чекановский Лог-10; 3 - Ермак, м. 9, № 1; 4, 7 - Рублёво VIII; 5 - Кенжеколь-1, м. 27; 6 - Урефты I, к. 13, п. 5; 8 - Мичурино I.

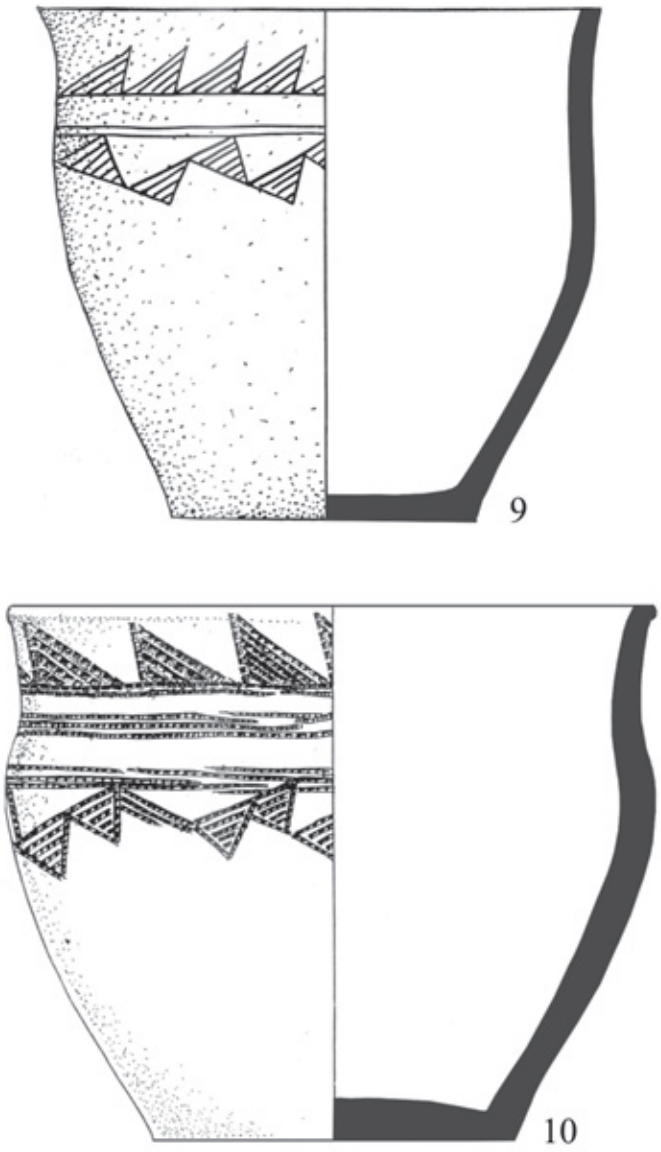


Табл. 58 (продолжение). 9 - Фирсово XIV, сос. 2, м. 179; 10 - Фирсово XIV, м. 57.

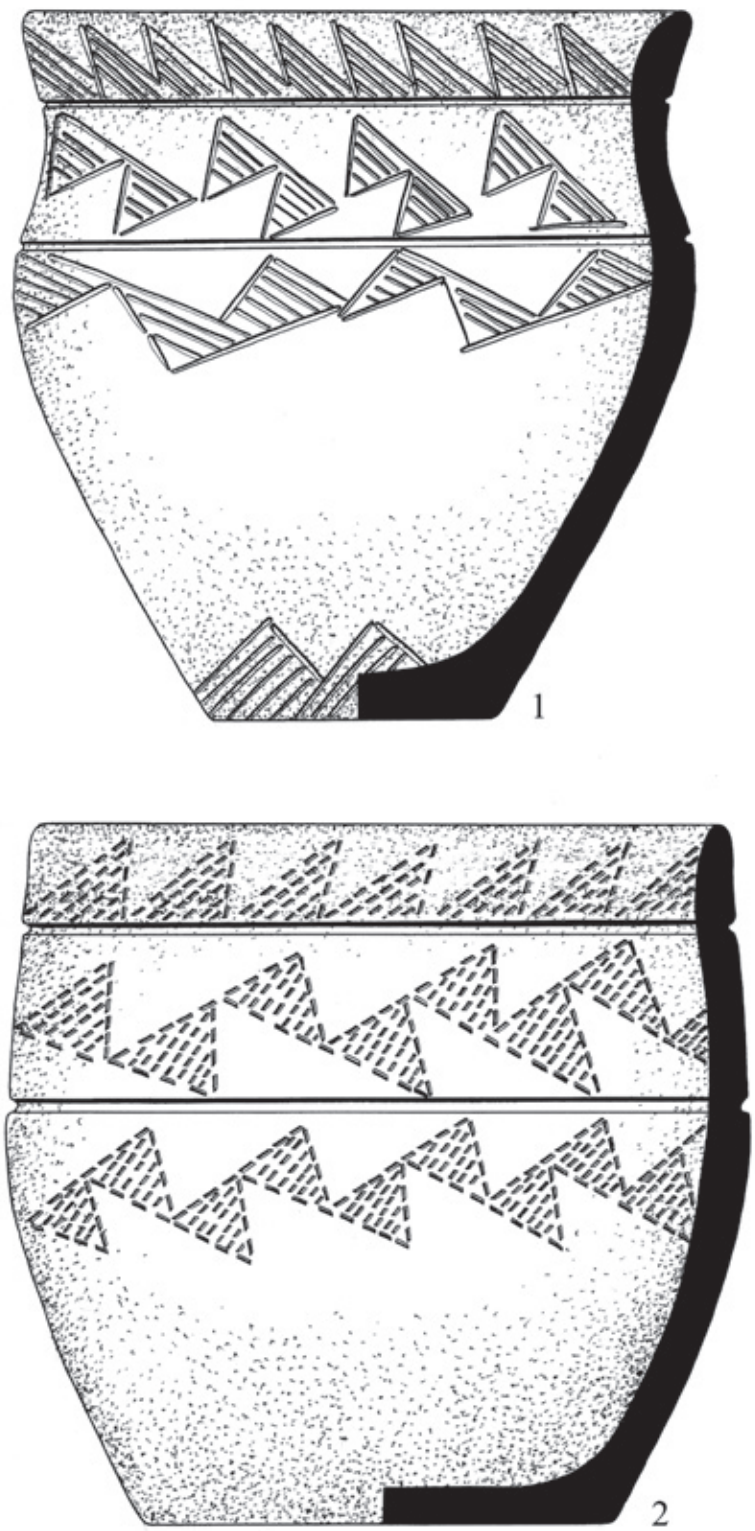


Табл. 59. 1 - Тасырбай II, пристройка огр. 3; 2 - Быково IV, м. 1.

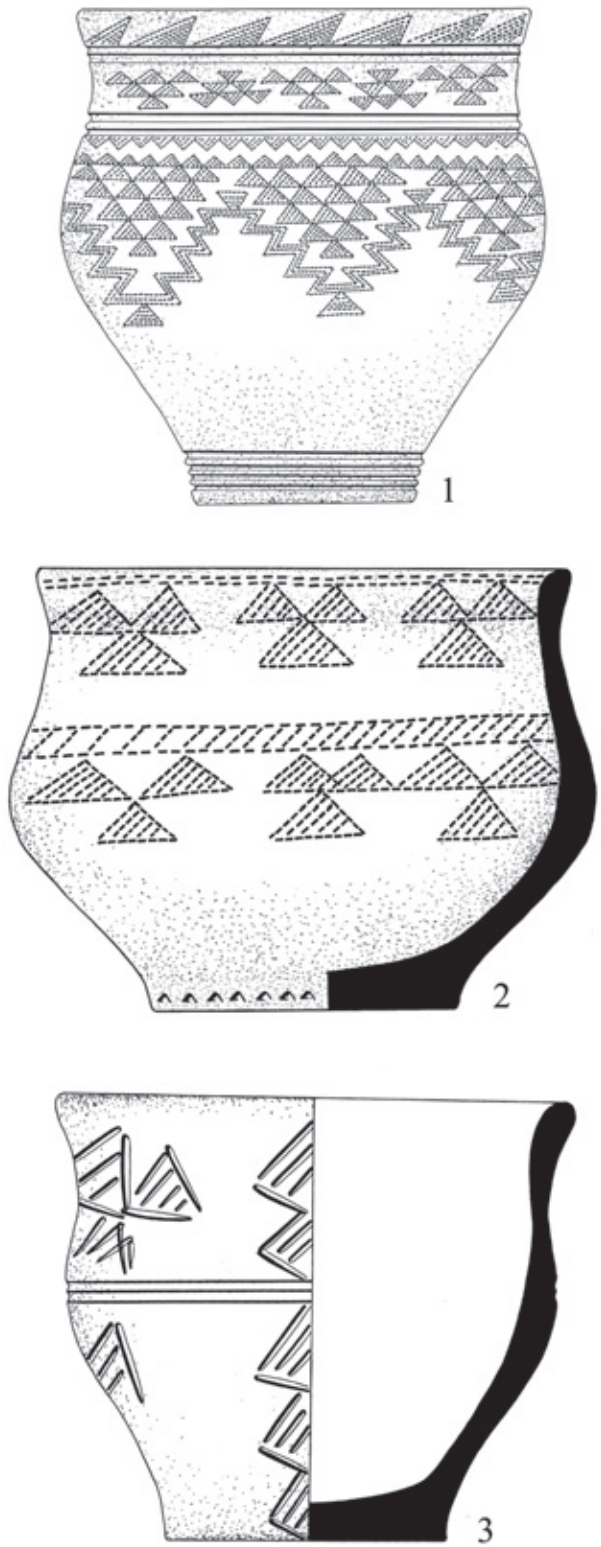


Табл. 60. 1 - Боровое, огр. 14, м. Б; 2 - Путиловская Заимка II, к. 7; 3 -Талапты.

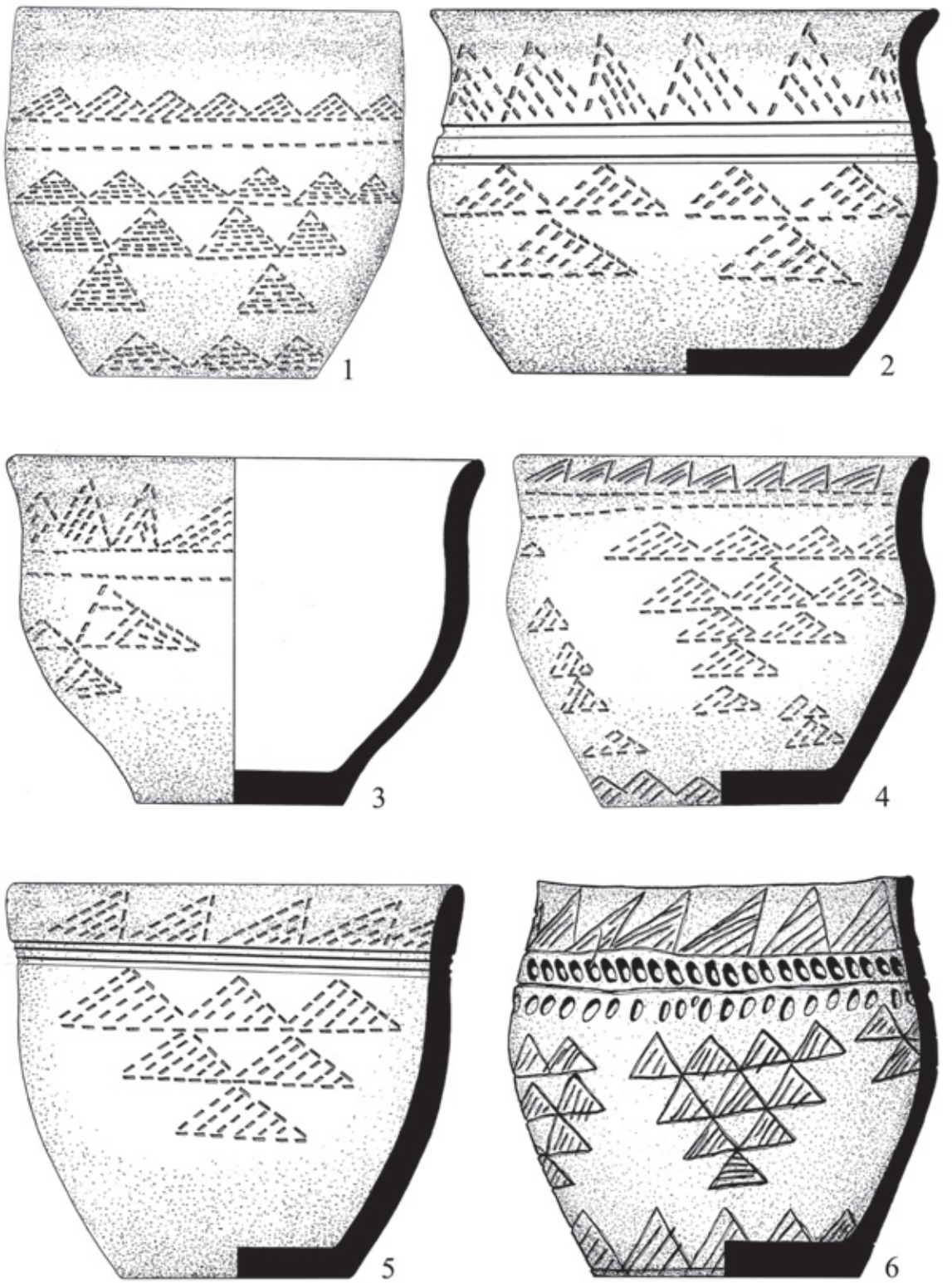


Табл. 61. 1 - Нижняя Суетка, м. 30; 2 - Зевакино, огр. 16; 3 - Талапты; 4 - Орак, м. 12; 5 - Усть-Ерба, к. 2; 6 - Танай XII.

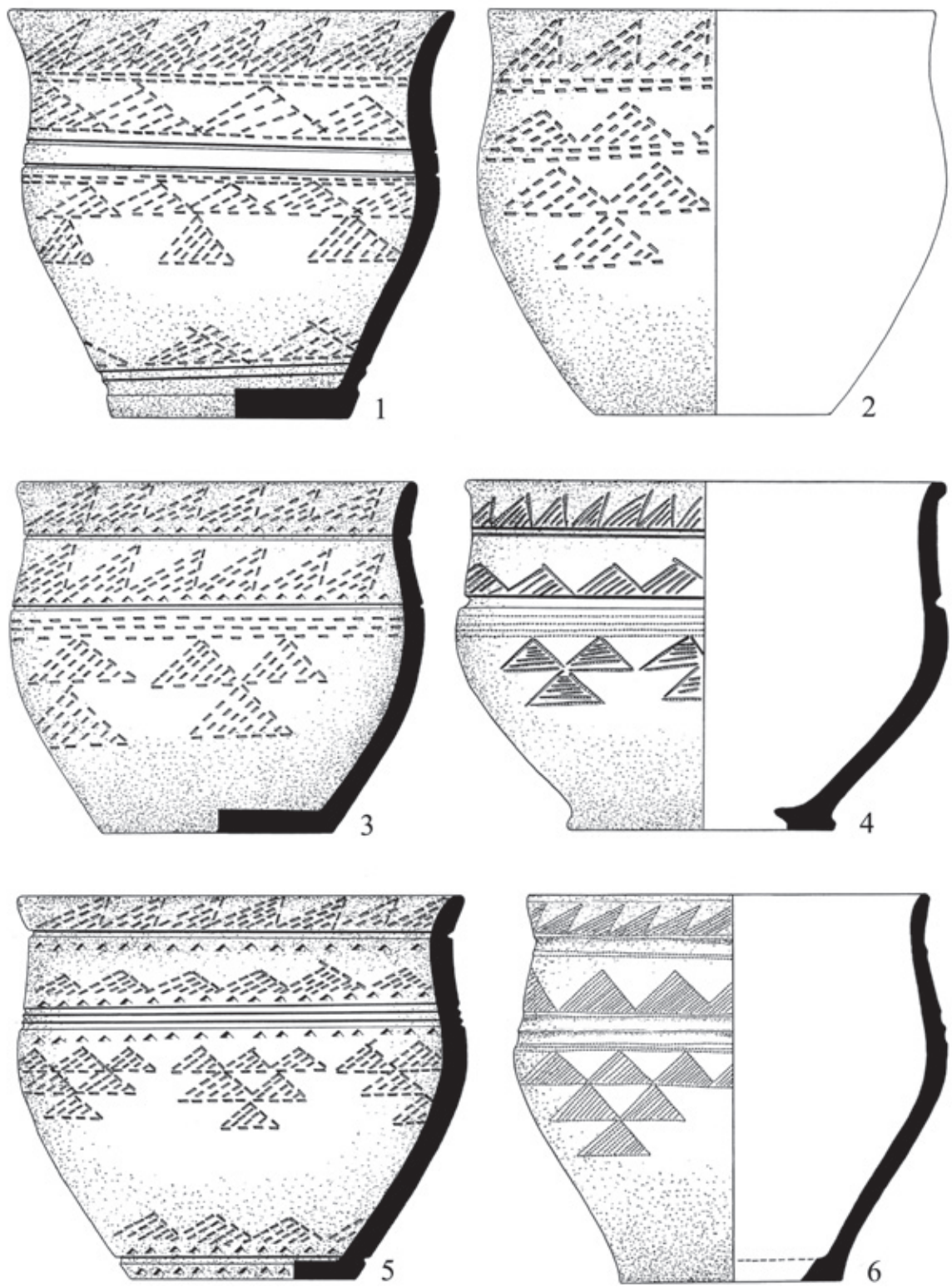


Табл. 62. 1 - Преображенка III, к. 26, п. 1; 2 – Ермак; 3 - Усть-Ерба, к. 2, м. 2; 4 - Малое Карасу, об. 1, южный ящик; 5 - Титово II, к. 8, м. 2; 6 - Малаховский, м. 1.

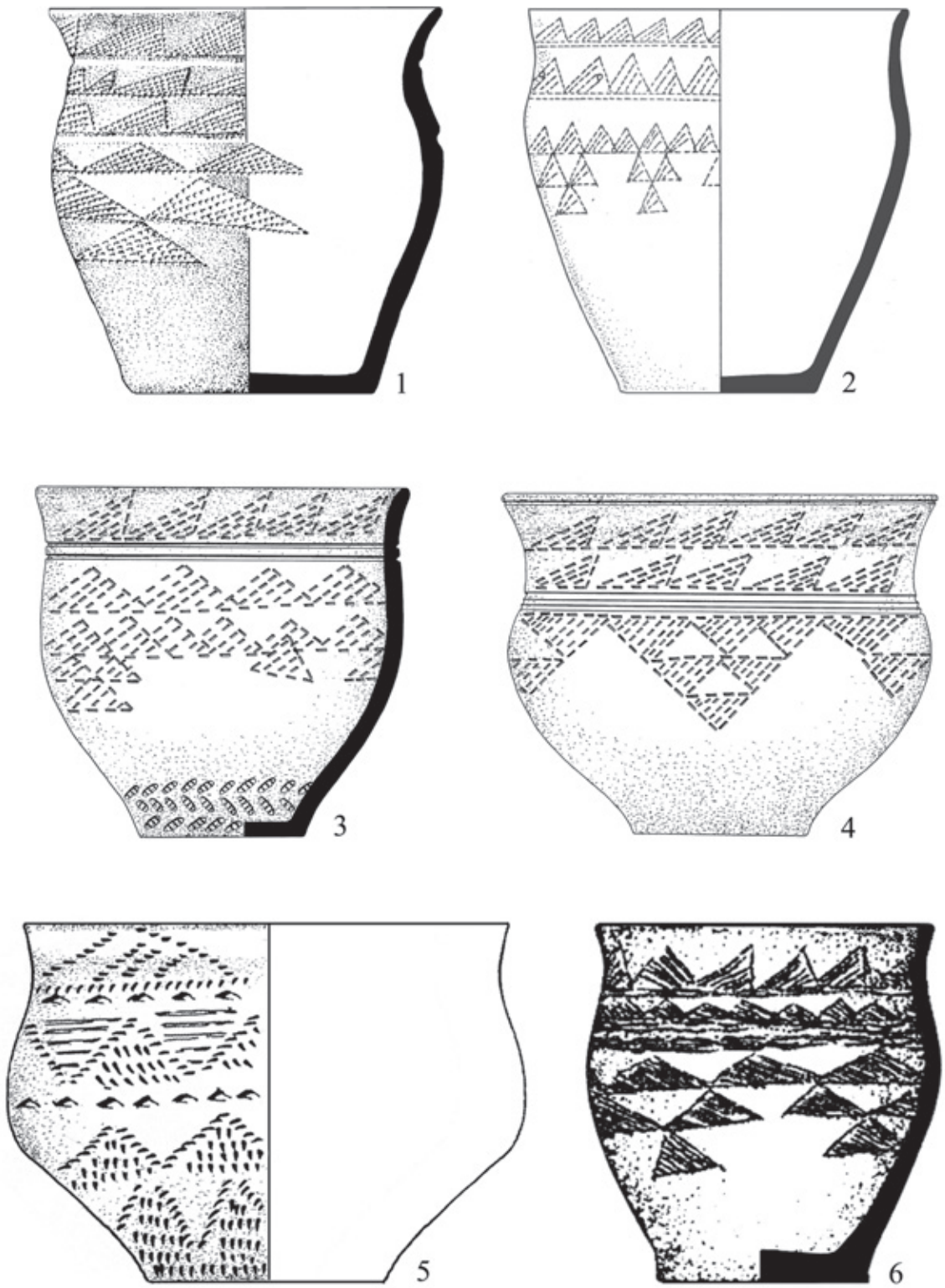


Табл. 63. 1 - Кытманово, м. 24; 2 - Фирсово XIV, сос. 1, яма 30; 3 - Преображенка III, к. 14, п. 2; 4 - Сосновский, к. 2; 5 - ЕК-II, м. 174; 6 - Кенжеколь-1, м. 28.

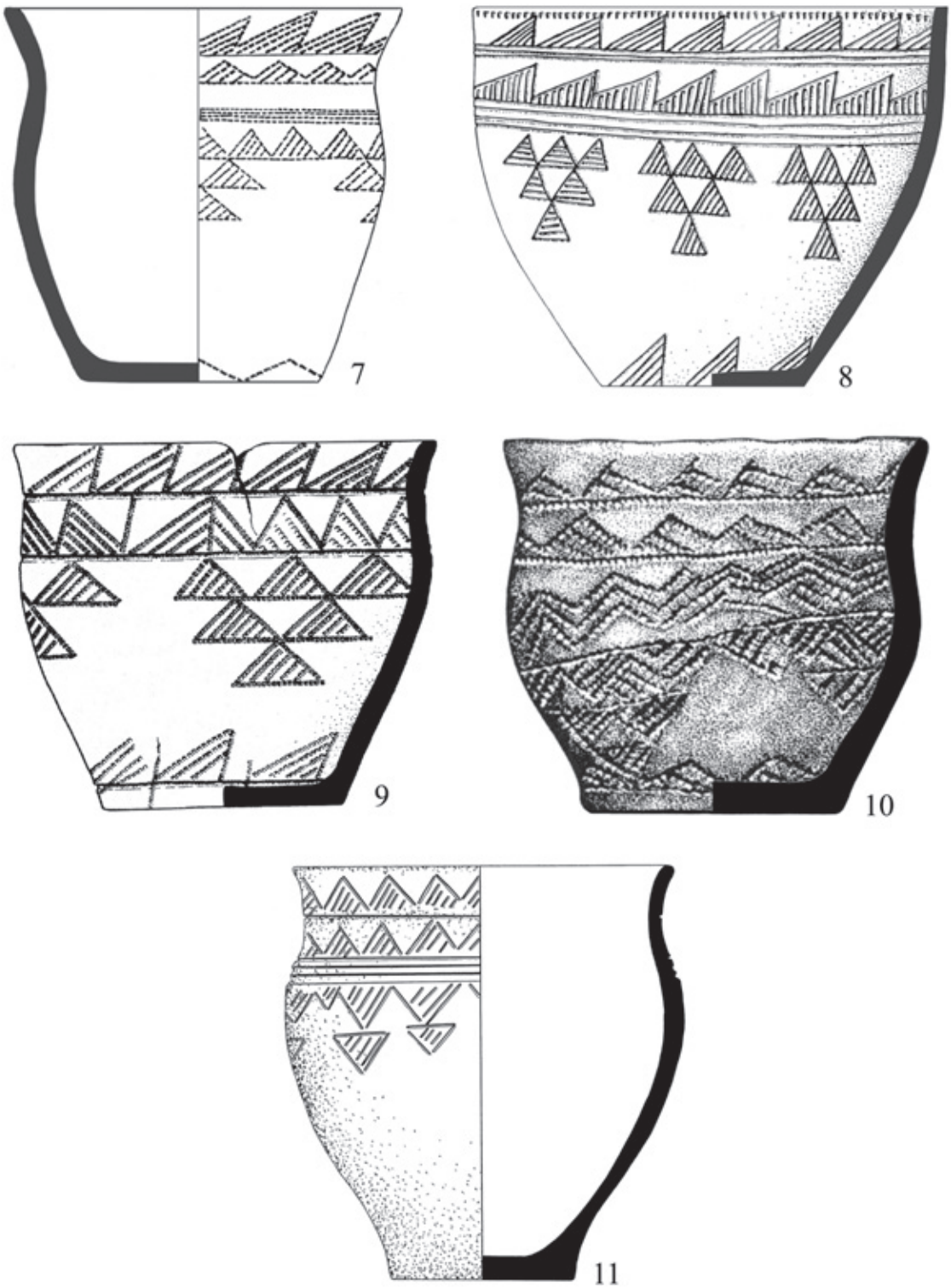


Табл. 63 (продолжение). 7 - Фирсово XIV, сос. 2, м. 15; 8 - Фирсово XIV, мог. 113; 9 - Барсучиха-2, п. 1; 10 - Тартас-1, захор. 351; 11 - Бозенген, м. 6.

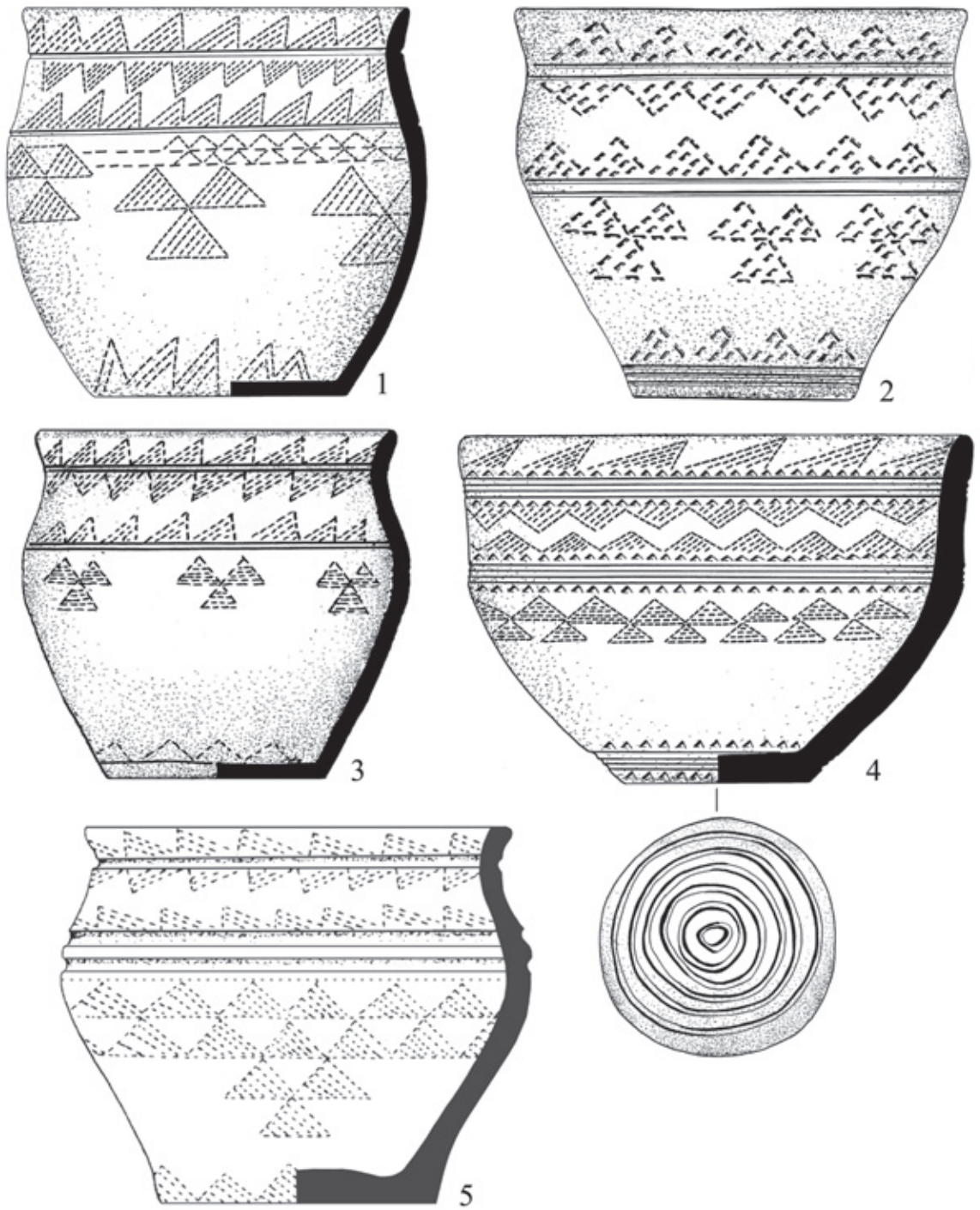


Табл. 64. 1 - Ланин Лог, к. 1, м. 1; 2 - Дындыбай, к. 8; 3 - Канаттас; 4 - Абрамово IV, к. 21, п. 3; 5 - Кызылтас, огр. 20.

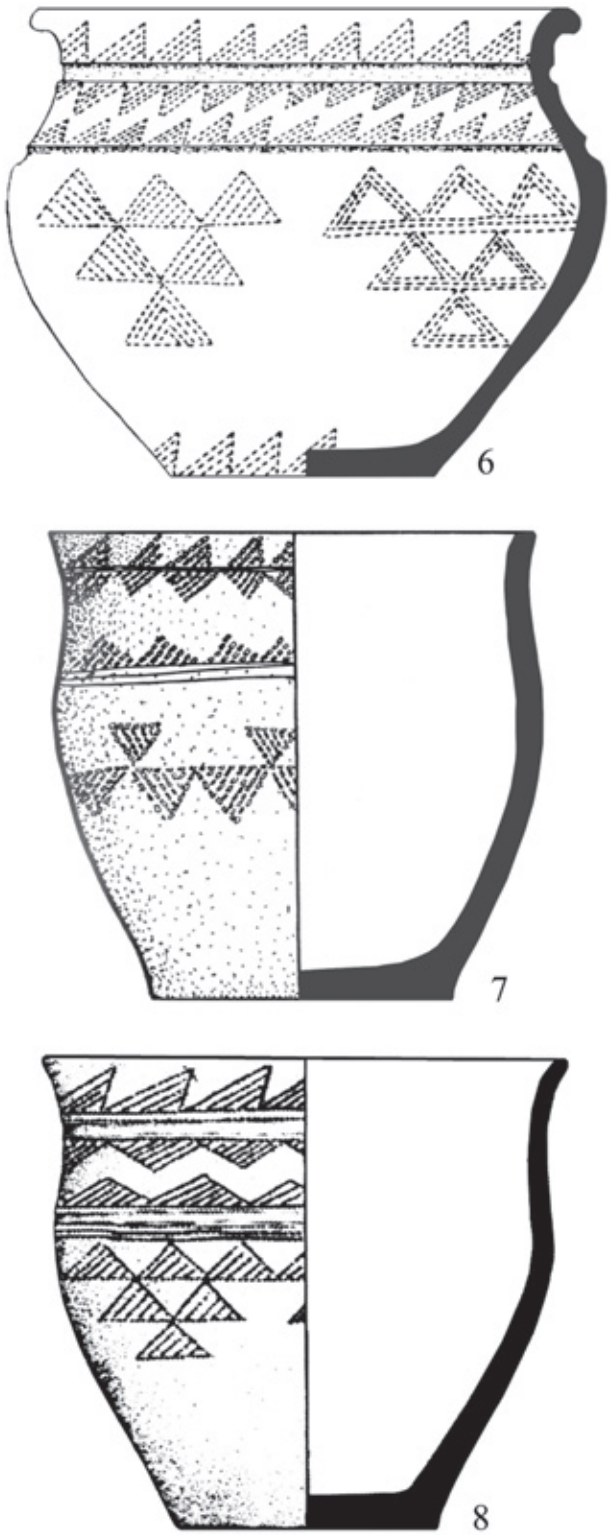


Табл. 64 (продолжение). 6 - Кызылтас, огр. 39; 7 - Фирсово XIV, м. ?; 8 - Фирсово XIV, п. 26.

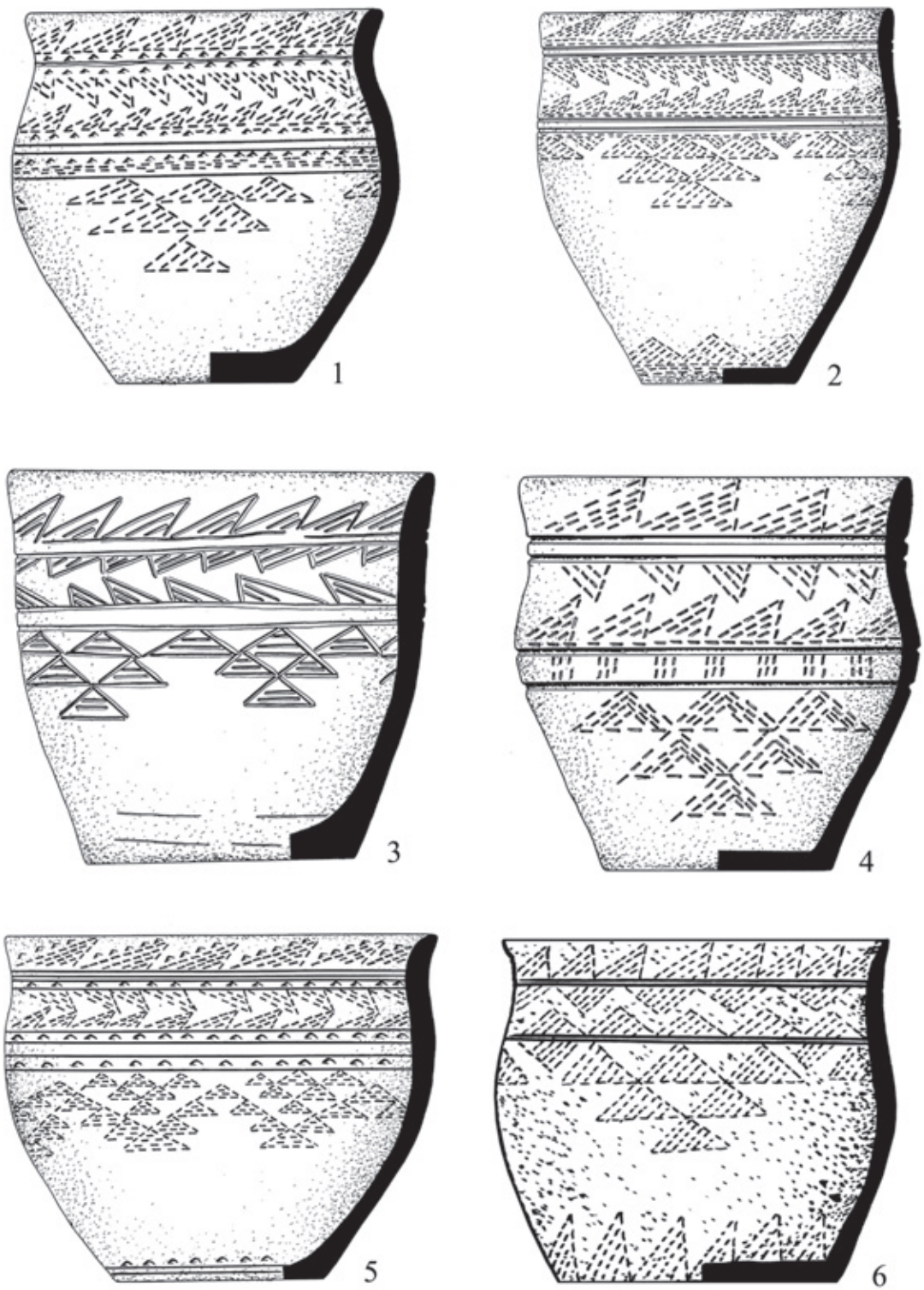


Табл. 65. 1 - Урский, к. 7, м. 2; 2 - Урский, к. 2; 3 - Урский, к. 11, м. 2; 4 - Усть-Ерба, к. 2, м.; 5 - Урский, к. 13, м. 1; 6 - Ланин Лог, к. 1, м. 2.

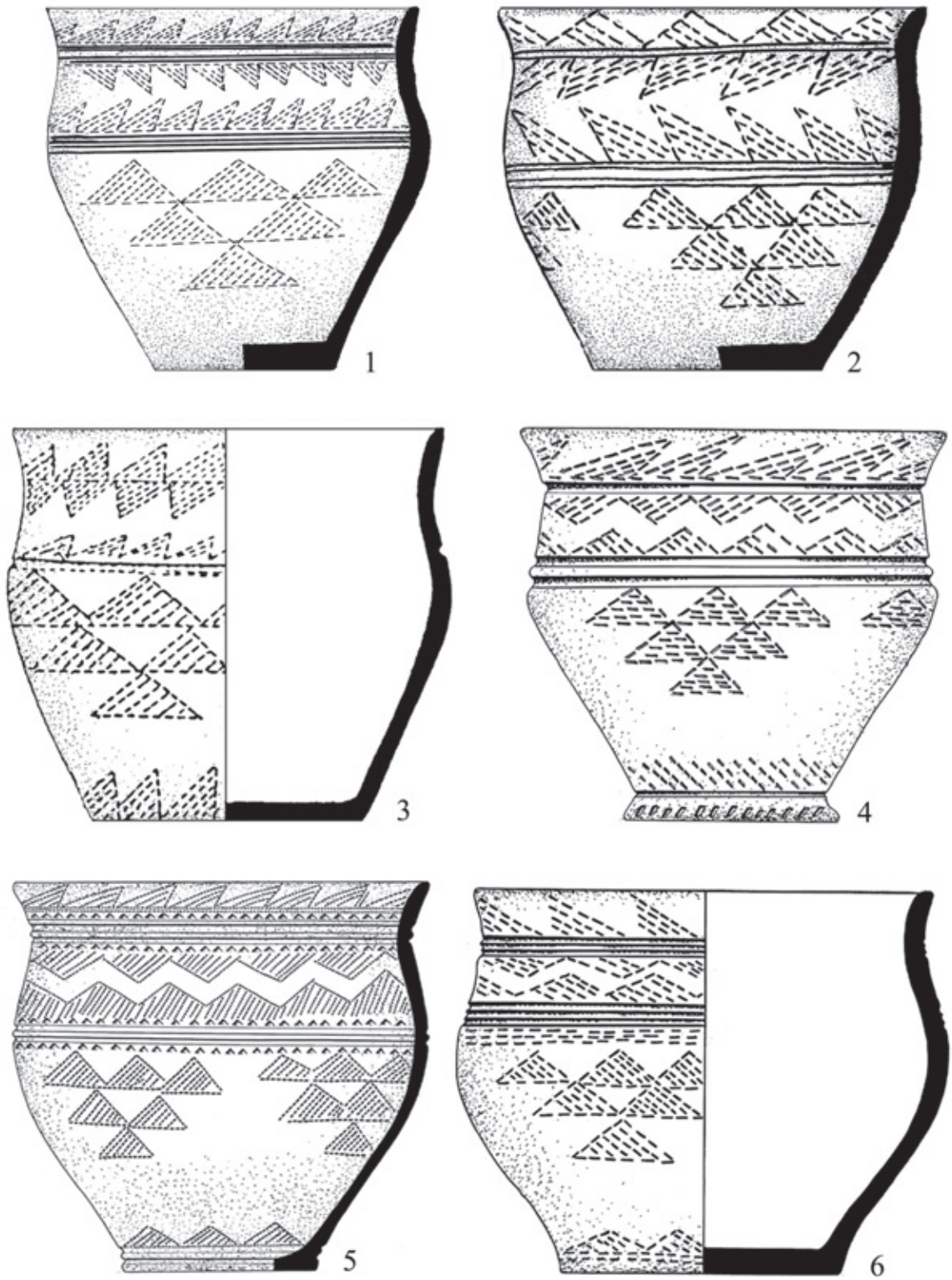


Табл. 66. 1 - Зевакино, огр. 24; 2 - Орак, м. 23; 3 - Подтурино; 4 - Старый Тартас-4, к. 15, м.; 5 - Старый Тартас-4, к. 5, п. 1; 6 - Алыпкаш.

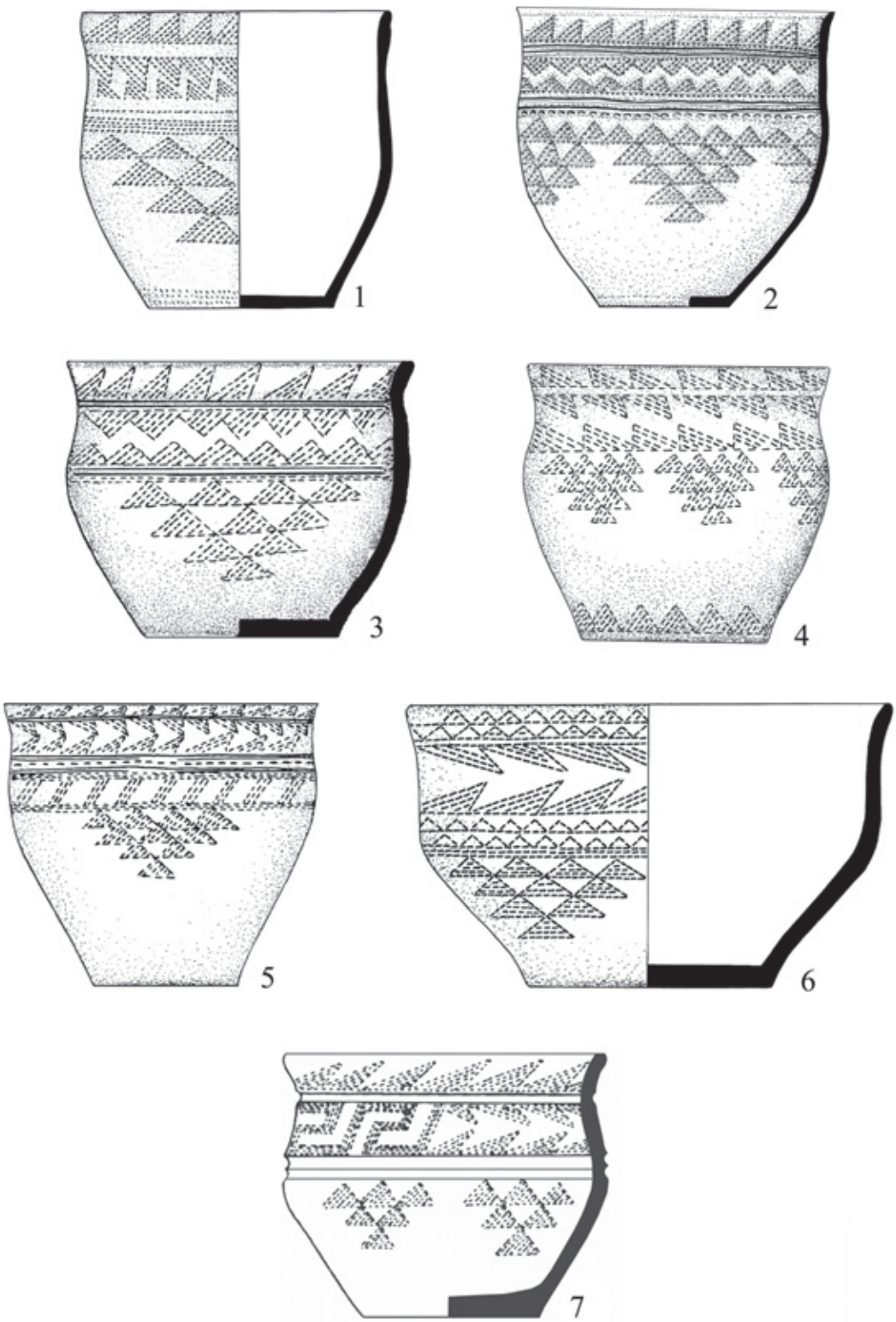


Табл. 67. 1 - ЕК-II, м. 185; 2 - Танай XII, к. 6, м. 2; 3 - Подкунинский, к. 4, м.; 4 - Бегазы; 5 - Андроново, м. 1, 5-7 (?); 6 - Подтурино; 7 - Меновное-9.

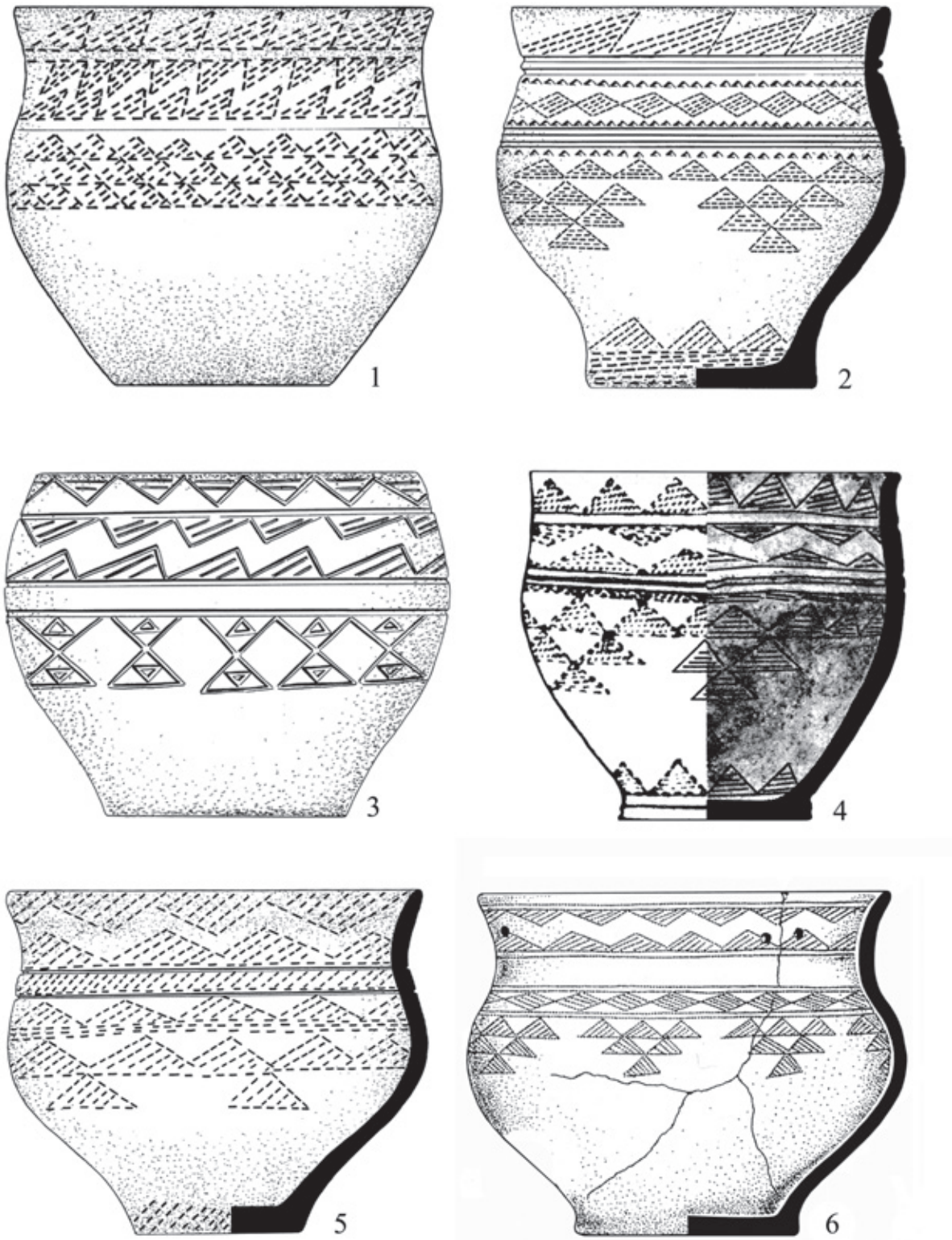


Табл. 68. 1 - Боровое, огр. 20; 2 - Бурлук I, огр. 14; 3 - Атасу; 4 - Кытманово, м. 30; 5 - Смолино, к. 4; 6 - Урефты I, к. 21, п. 8.

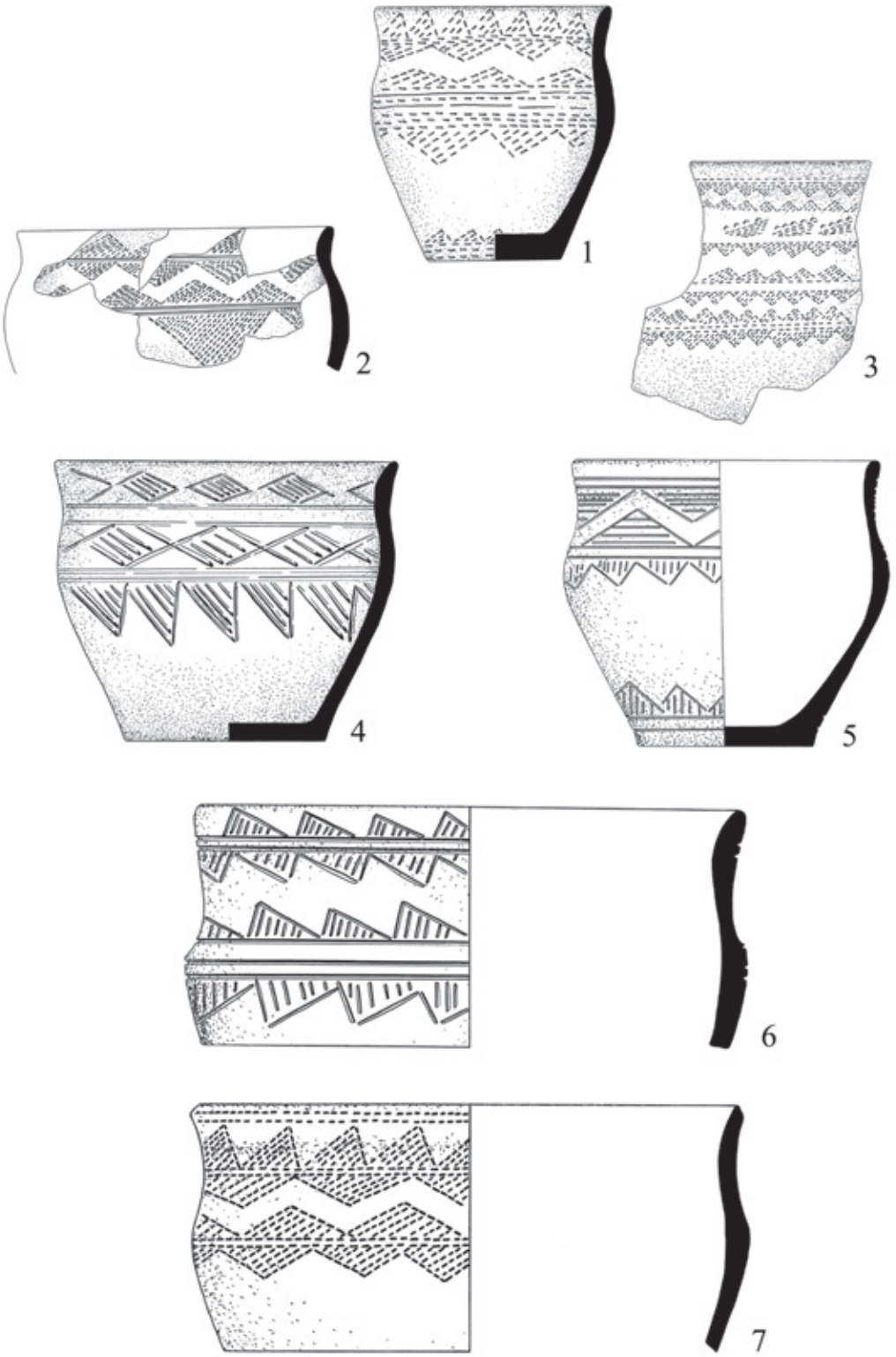


Табл. 69. 1 - Ермак; 2 - Жаман-Узен II, огр. 1, м. 1; 3 - Смолино, к. 7, п. 2; 4 - Акмола, к. 23; 5 - Бозенген, к. 23, м. 4; 6 - Шапат, м. 1; 7 - Шапат, м. 5.

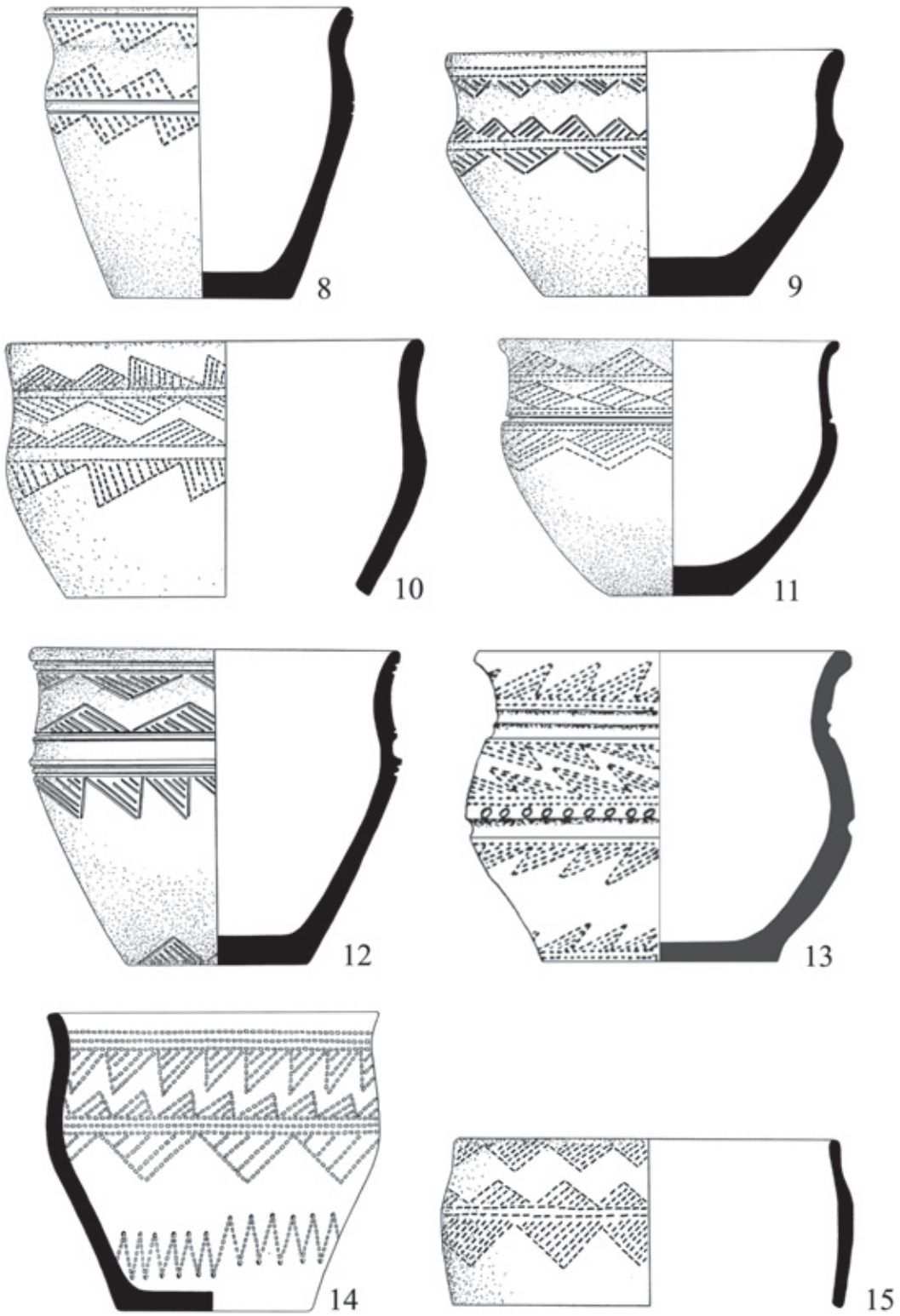


Табл. 69 (продолжение). 8 - Шапат, м. 15; 9 - Шапат, м. 26; 10 - Шапат, м. 38; 11, 12 - Мичурино I; 13 - Кызылтас, огр. 36; 14 - ЕК-II, м. 52, № 19; 15 - Бозенген, к. 12, м. 5.

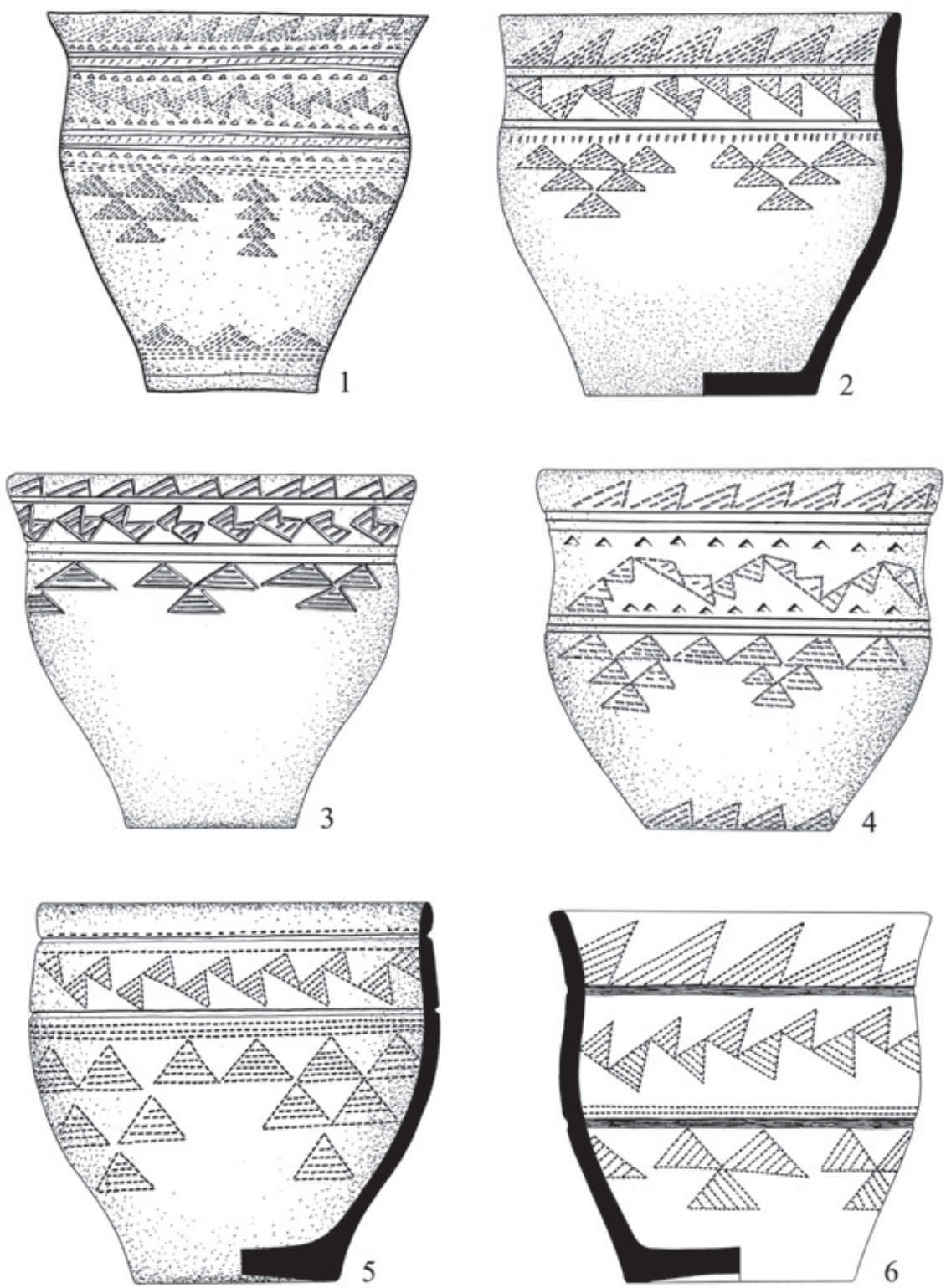


Табл. 70. 1 - Дегтярёвка (Урский); 2 - Венгерово VII, к. 1, м. 5; 3 - Жиланды, огр. 7, п. 5; 4 - Юрт-Акбалык II, к. 1; 5 - Быково IV, сборы; 6 - ЕК-II, м. 232, № 1.

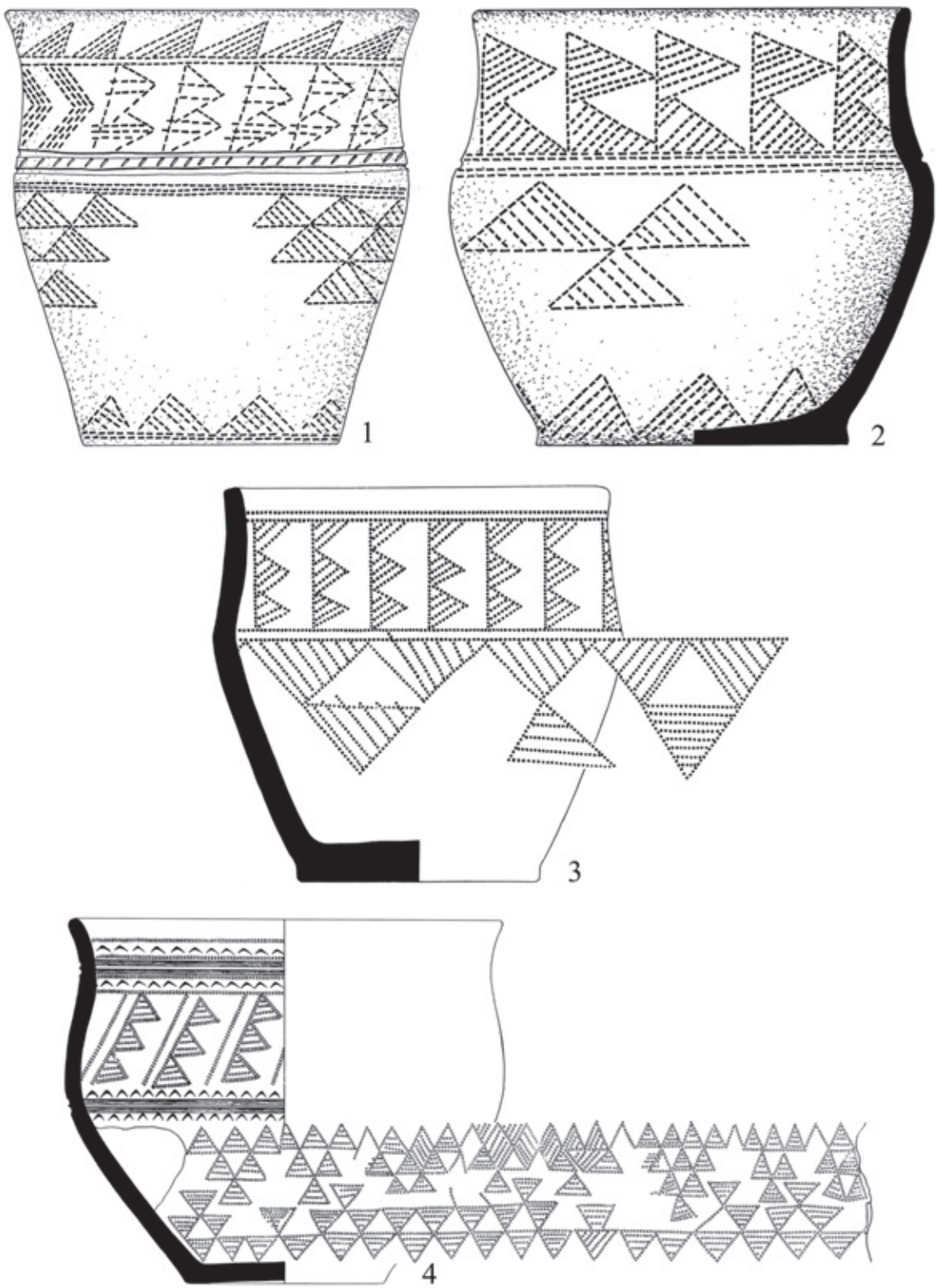


Табл. 71. 1 - Андроново, м. 4; 2 - Зевакино, огр. 72; 3 - ЕК-II, м. 184, № 1; 4 - ЕК-II, к. 52, м. 9.

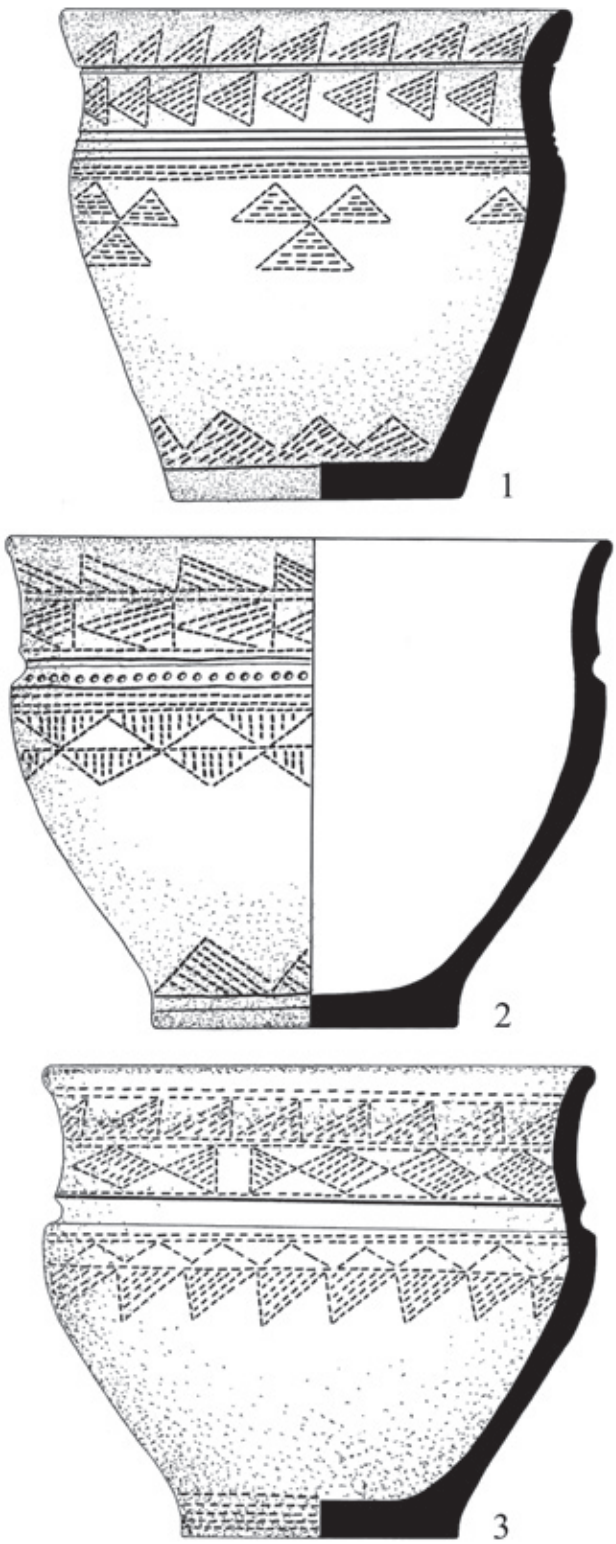


Табл. 72. 1 - Канаттас; 2 - Ижевский I, подъём. мат-л; 3 - Икпень I, м. 24.

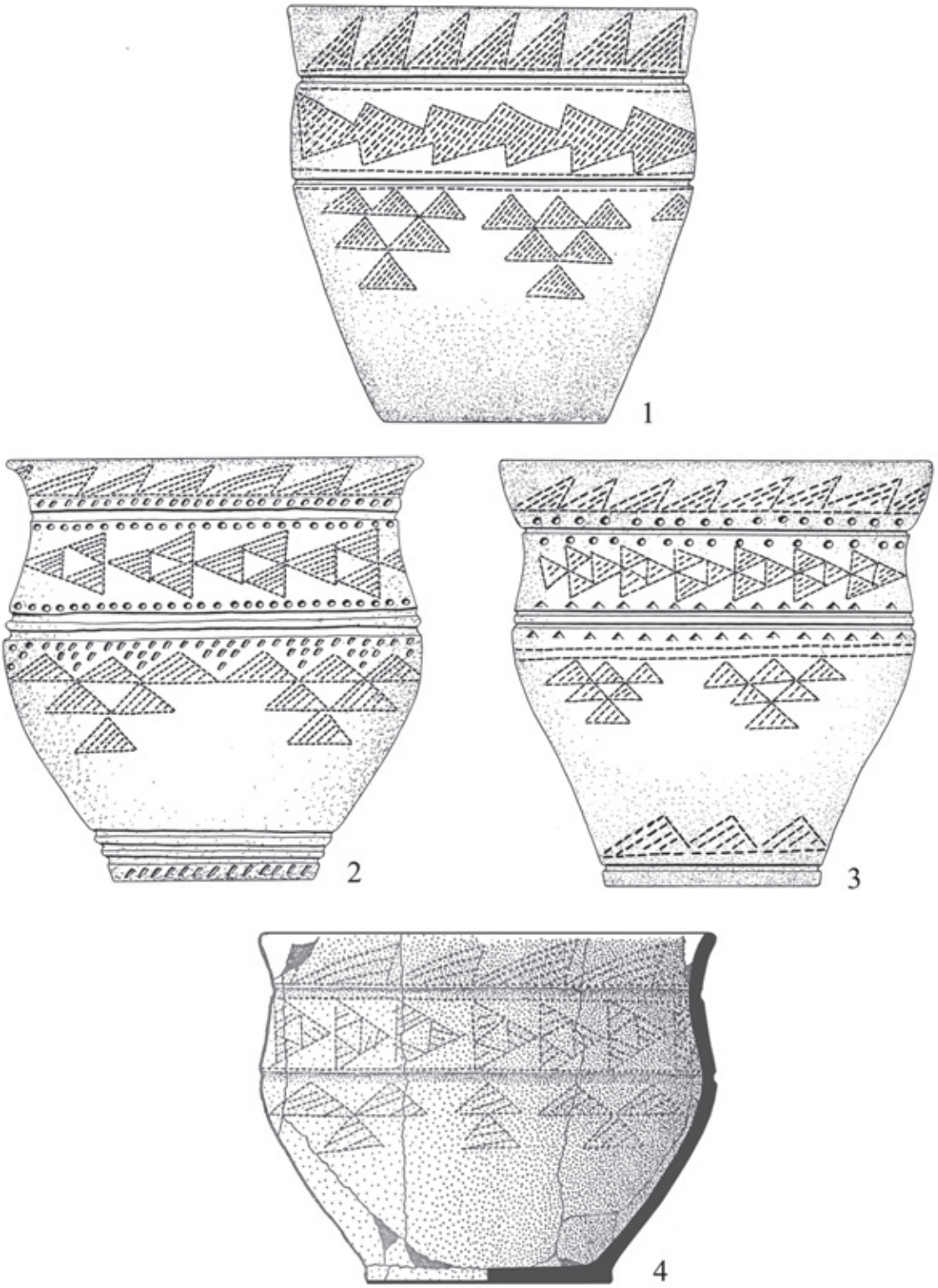


Табл. 73. 1 - Нижняя Суетка; 2 - Титово II, к. 5, м. 5; 3 - Урский, к. 1, м. 1; 4 - Чудиновка-1, сос. 2, к. 2, м. 1.

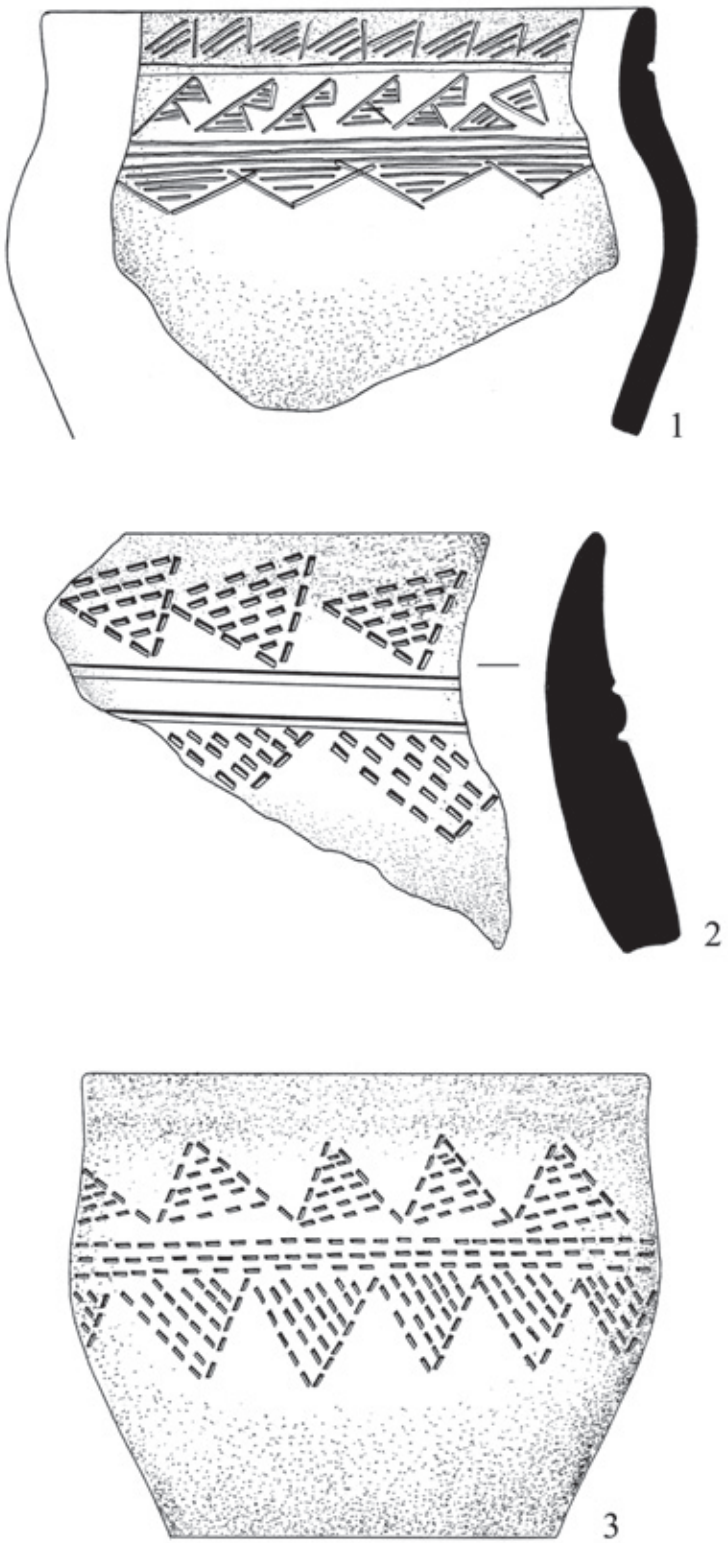


Табл. 74. 1 - Шет II, огр. 2; 2 - Шет I, огр. 3; 3 - Тау-Тары.

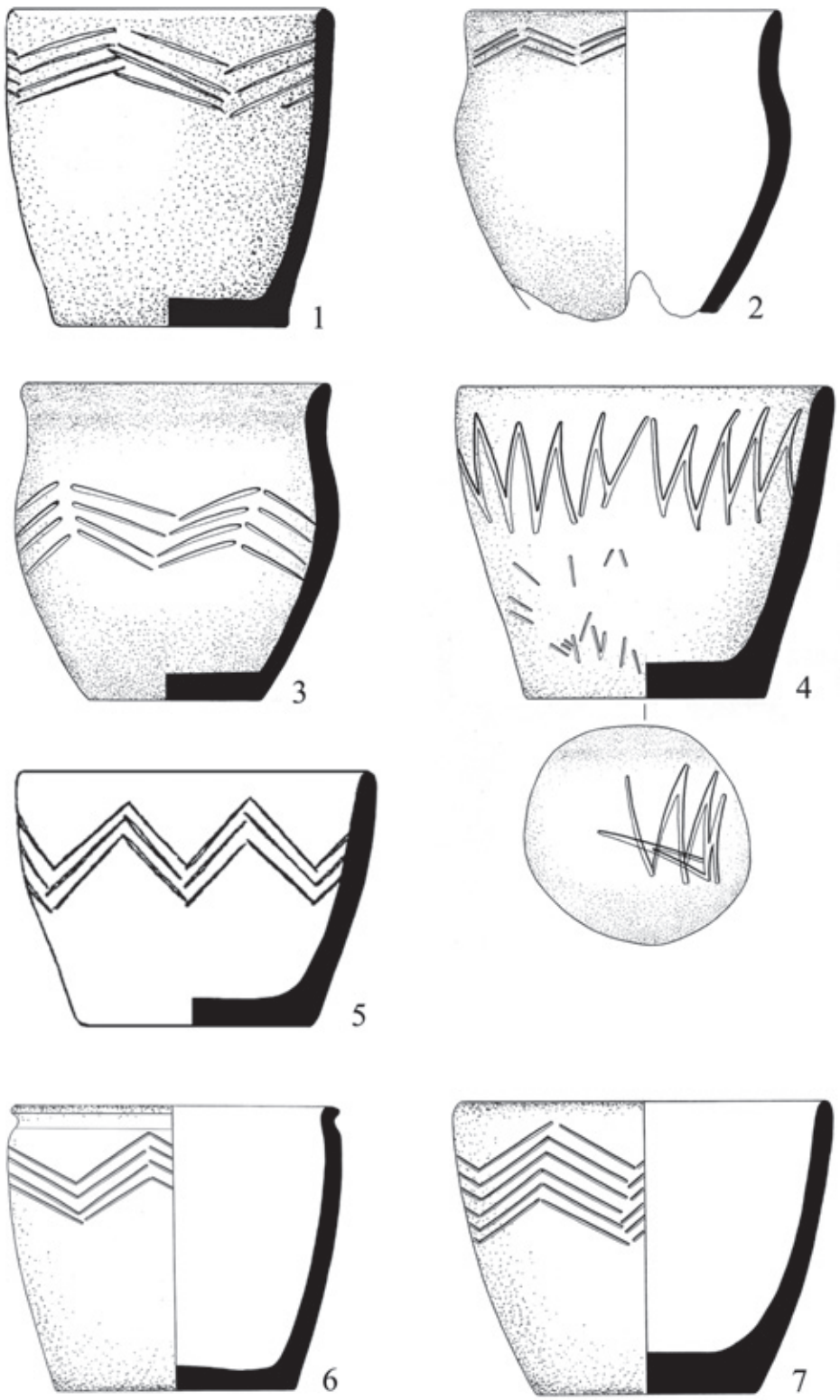


Табл. 75. 1 - Кытманово, м. 15; 2 - Солнце-Талика, к. 3, яма 3; 3 - Преображенка III, к. 8, п. 5; 4 - Чекановский Лог-10; 5 - Рублёво VIII, м. 14; 6-7 - Мичурино I.

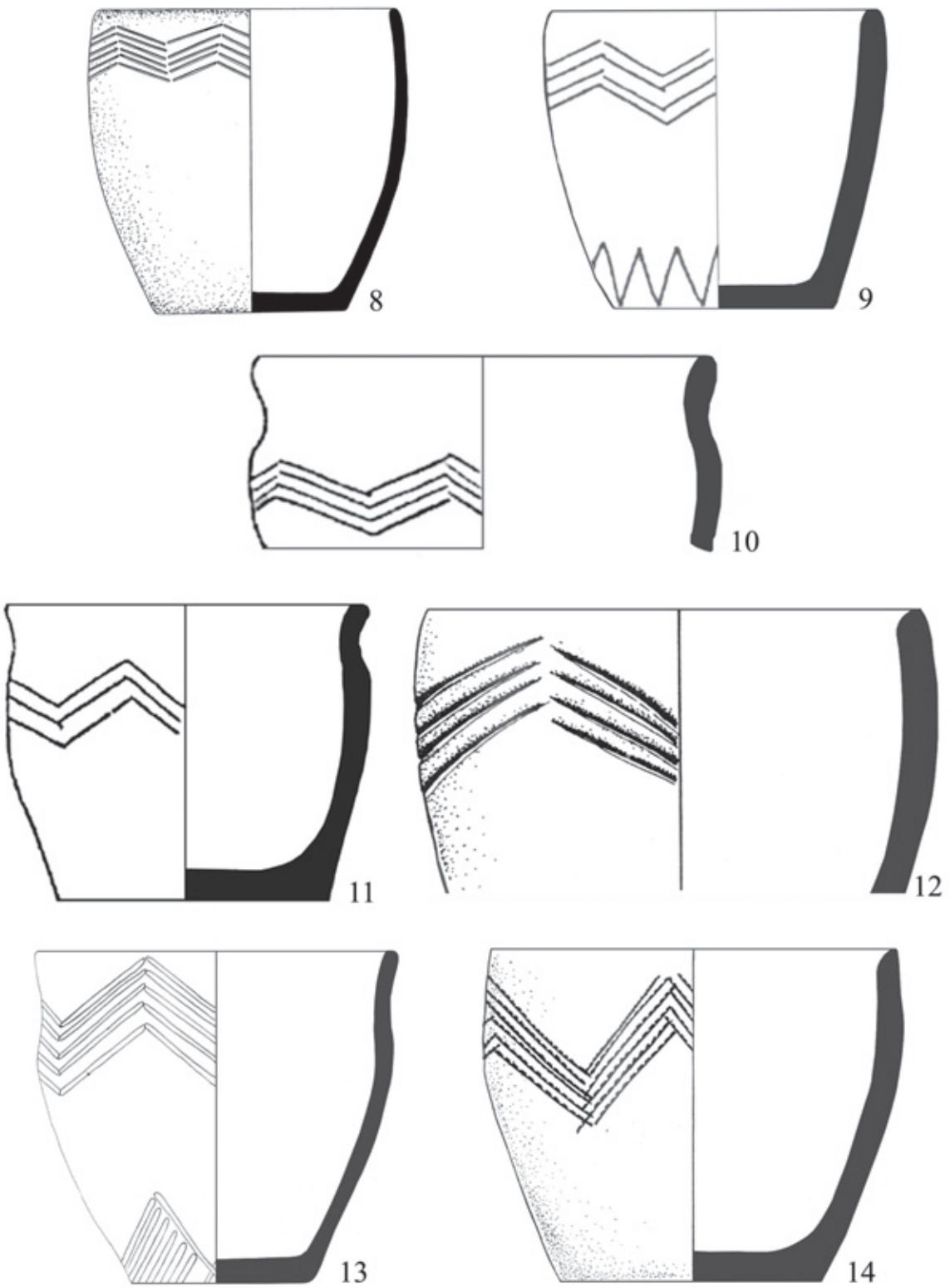


Табл. 75 (продолжение). 8 - Мичурино I; 9 - Маринка, м. 13; 10 - Маринка, м. 17; 11 - Маринка, м. 31; 12 - Фирсово XIV, кв. 74/2; 13 - Фирсово XIV, кв. 16; 14 - Фирсово XIV, кв. 165/2.

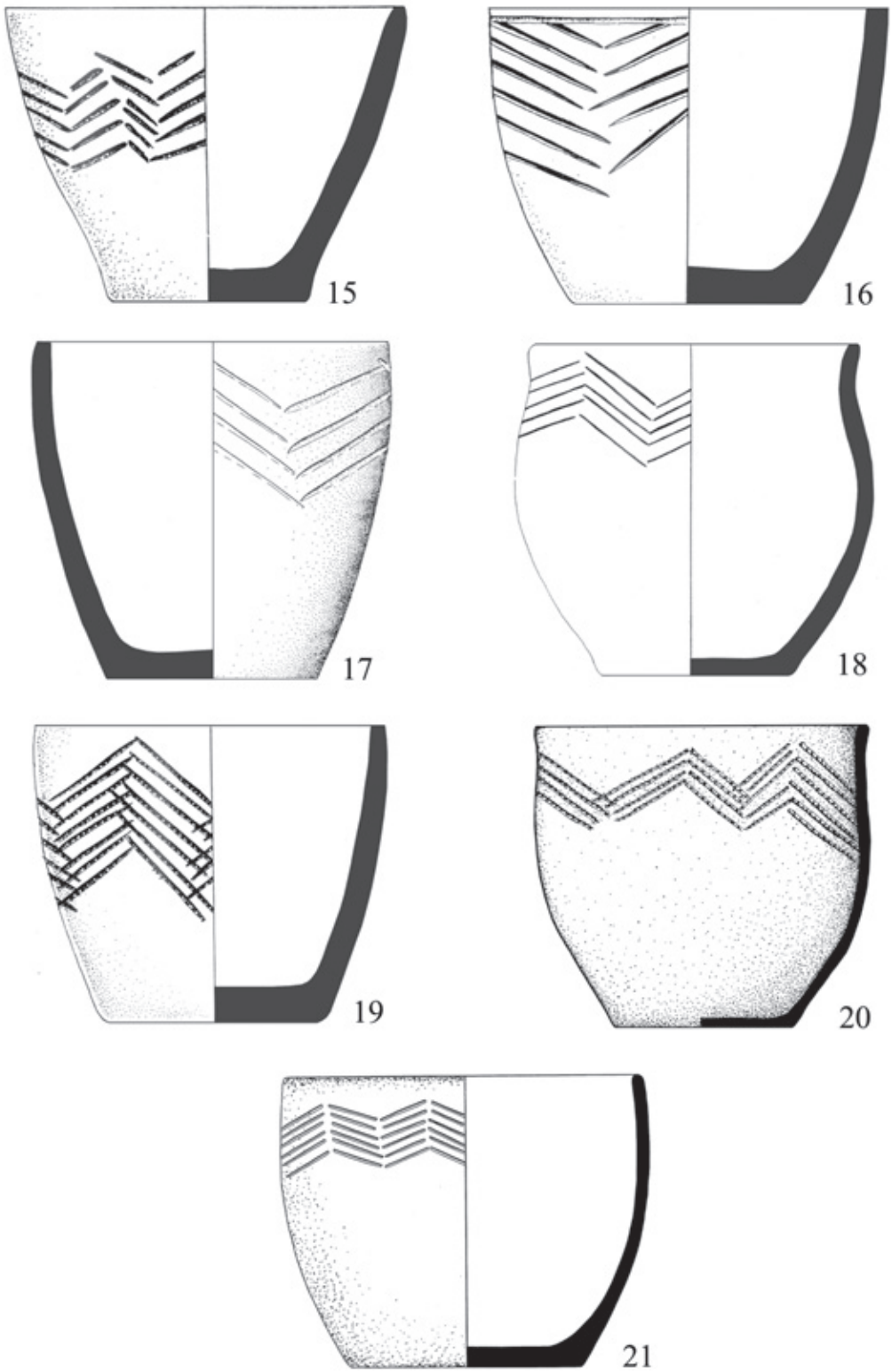


Табл. 75 (продолжение). 15 - Фирсово XIV, кв. 178/3; 16 - Фирсово XIV, кв. 150/2; 17 - Фирсово XIV, м. (?); 18 - Фирсово XIV, сос. 1, м. 15; 19 - Фирсово XIV, м. 33; 20 - Танай XII, п. 38; 21 - Ташик.

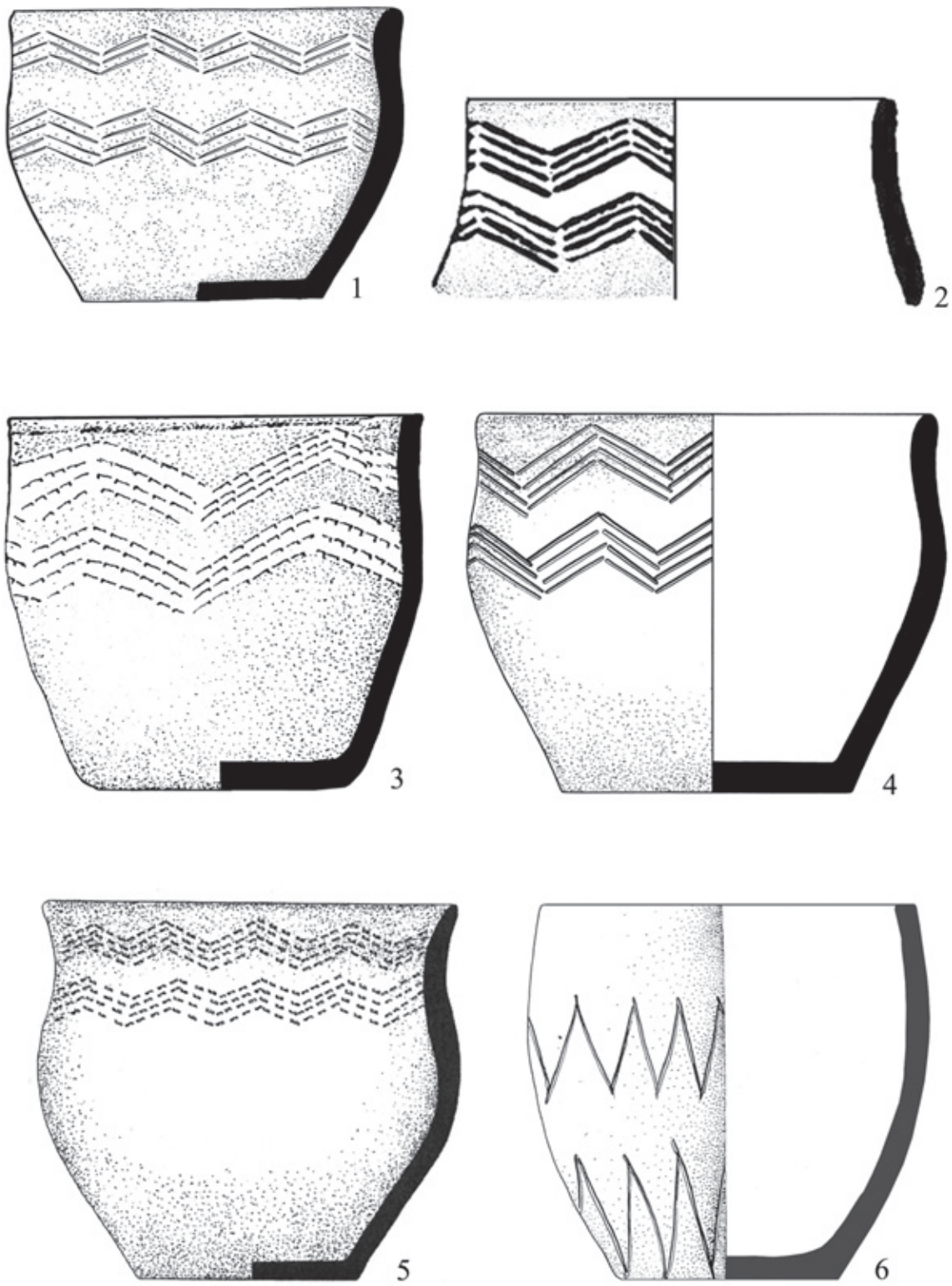


Табл. 76. 1 - Быково II, поминальник; 2 - Чарышское-6; 3 - Кытманово, м. 3; 4 - Средняя база Беткудук, огр. 39; 5 - Жиланды, огр. 1; 6 - Фирсово XIV, м. 122.

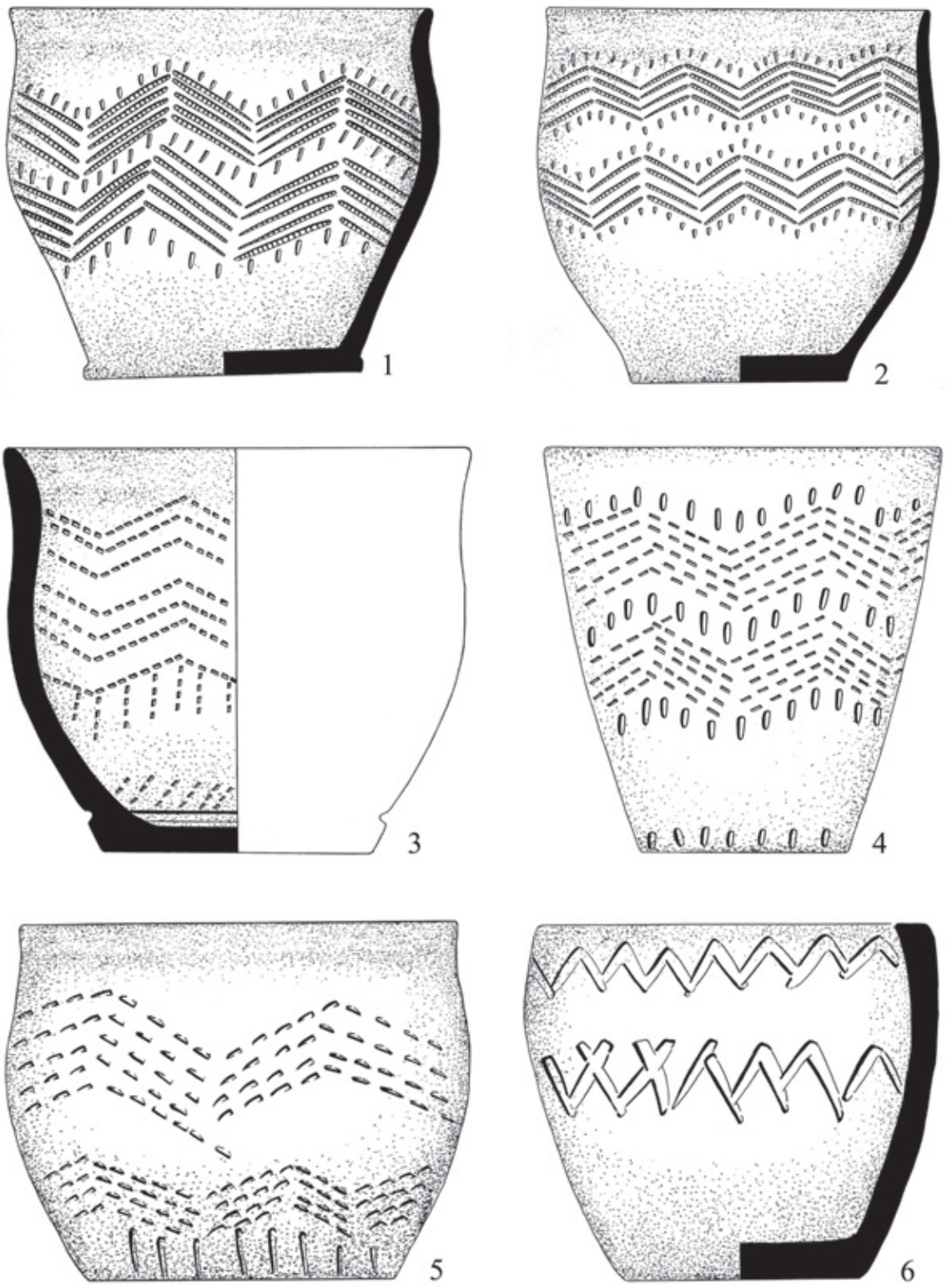


Табл. 77. 1, 2 - БЕ-6, к. 3, м. 1; 3 - Заречное I; 4 - Канай; 5 - ЕК-II, м. 14; 6 - Сухое озеро I, к. 23, м. 2.

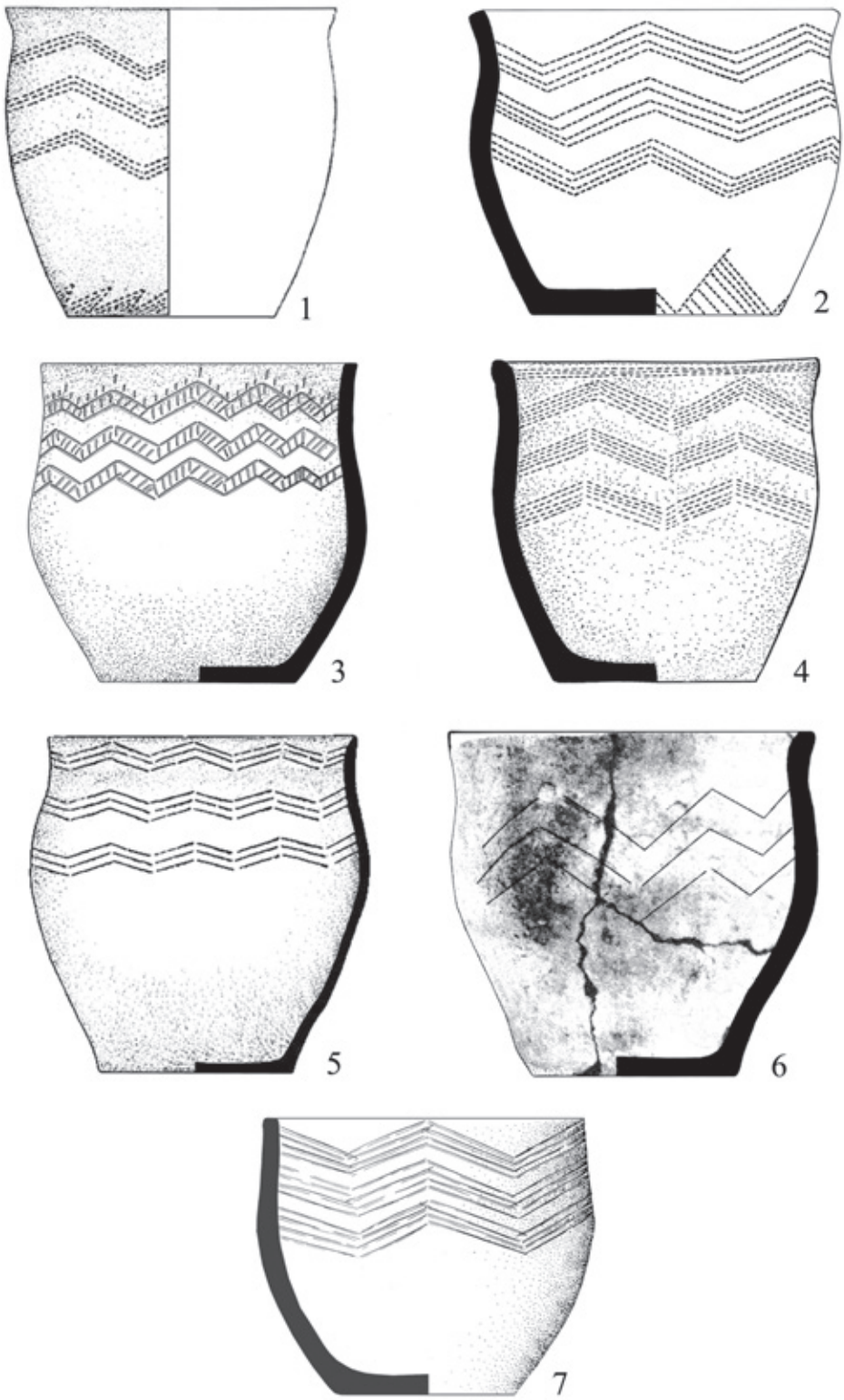


Табл. 78. 1 - ЕГМ-II, м. 19; 2 - ЕК-II, м. 16, № 1; 3 - Урский, к. 2, м. 2; 4 - Заречное I; 5 - БЕ-XVI, м. 15; 6 - Кытманово, м. 28; 7 - Фирсово XIV, м. 93.

Табл. 79. 1 - Орак, м. 10; 2 - Боровое, огр. 3, пр.; 3 - Куропаткино II, к. 7, яма; 4 - Иконниково; 5 - Подтурино; 6 - Фирсово XIV, м. 138.

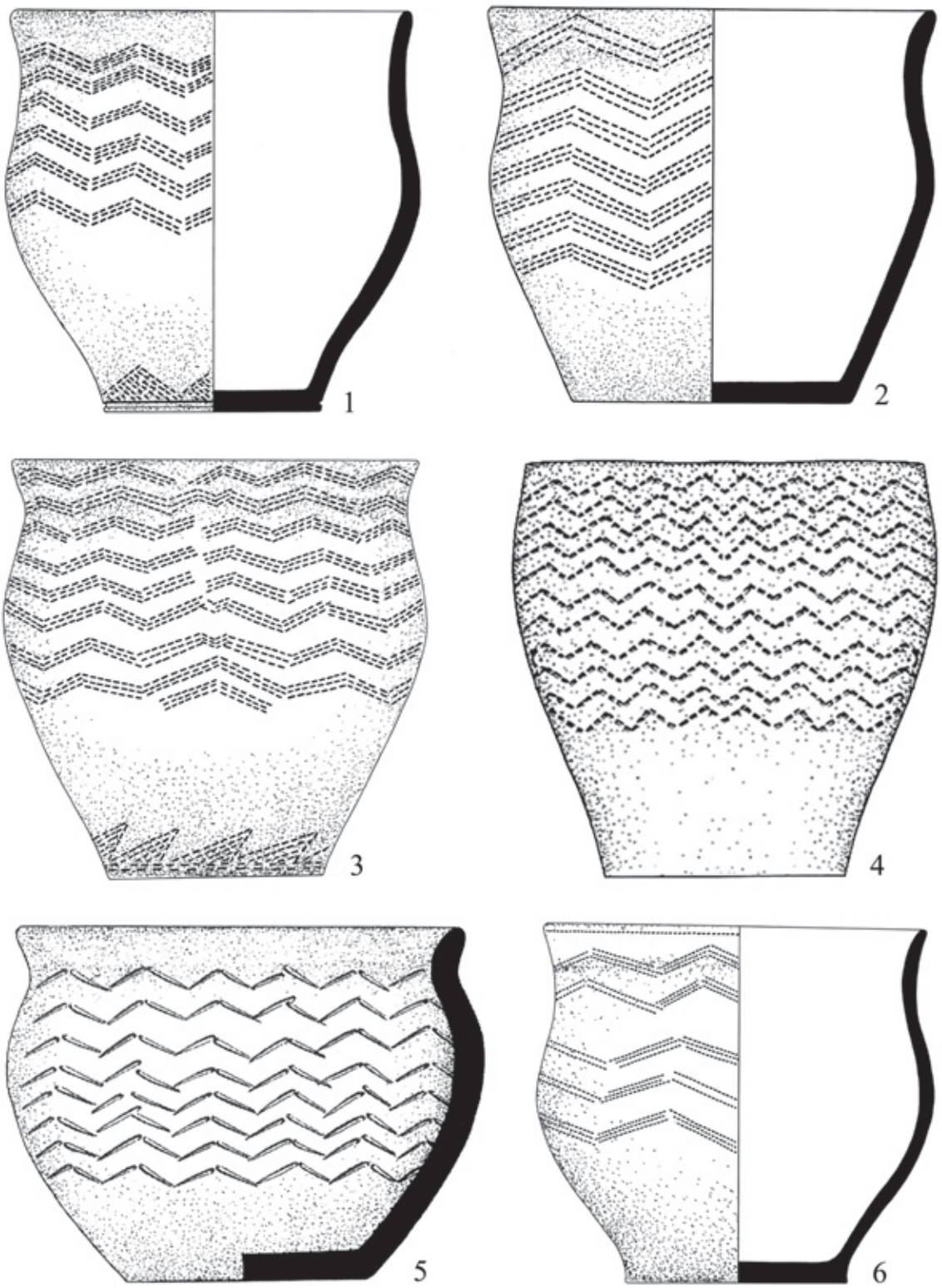


Табл. 80. 1 - Подтурино; 2 - ЕГМ-II, м. 13; 3 - Урский, к. 8, м. 1; 4 - Шоиндыколь м. 7; 5 - Лисаковский I, м. 6; 6 - Лисаковский I.

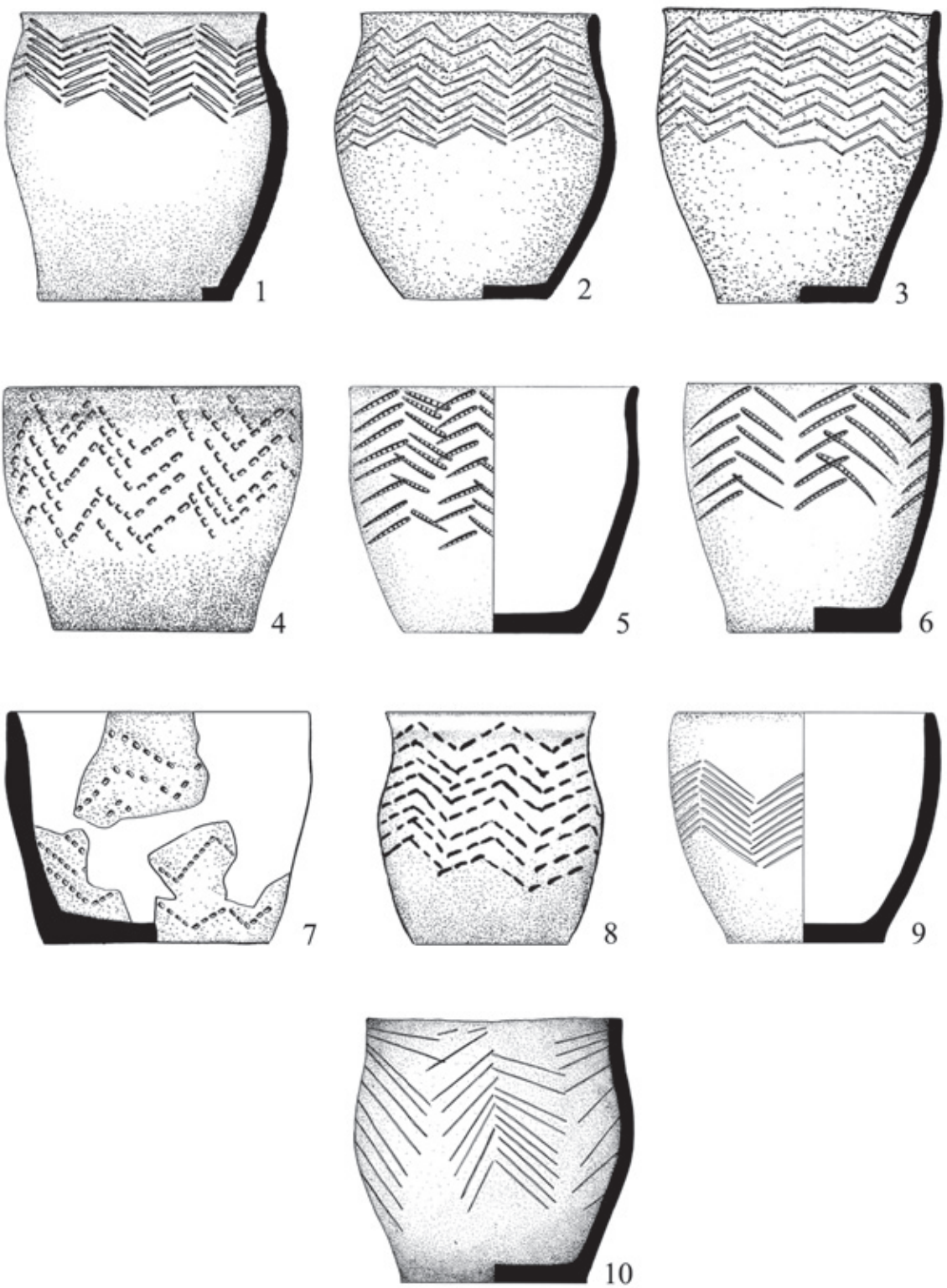


Табл. 81. 1 - Боровое, огр. 14, п. Ж; 2 - без точного местонахождения; 3 - Бурлук I, огр. 9; 4 - БЕ-XIV, м. 27; 5 - Подтурино; 6 - Змеевка, к. 2, п. IV; 7 - Заречное I; 8 - Канай; 9 - Аяпперген, огр. 5, м. 4; 10 - Танай XII.

Табл. 82. 1 - Чекановский Лог-2; 2 - Ланин Лог, к. 2, м. 1; 3 - Урский, к. 10, м. 1; 4 - Вахрушево, к. 2; 5 - Прудской I, к. 6, насыпь; 6 - Преображенка III, к. 95; 7 - Преображенка III, п. 8; 8 - Кенжеколь-1, м. 25; 9 - Фирсово XIV, м. 121; 10 - Танай XII, п. 37.

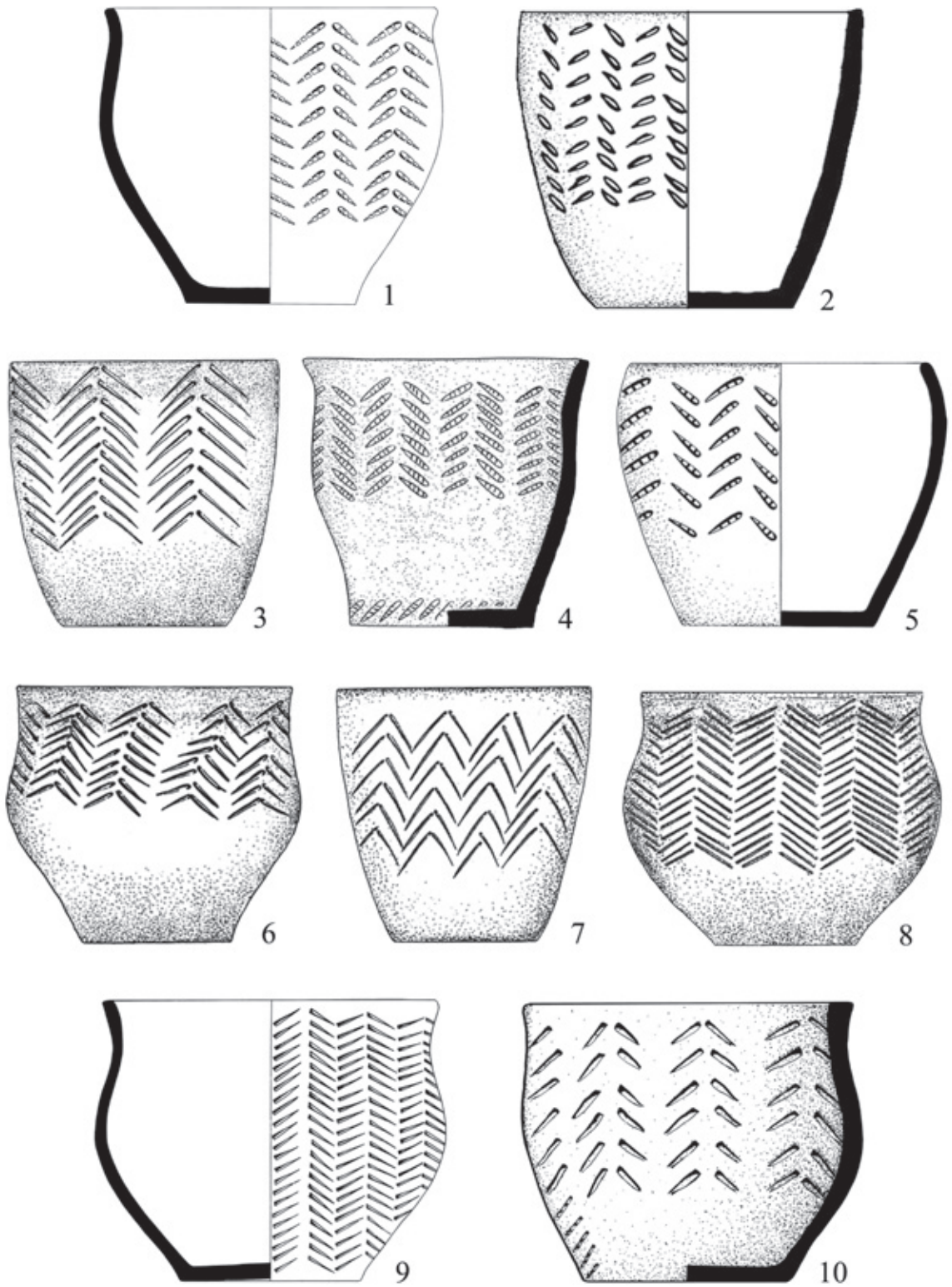


Табл. 83. 1 - ЕК-II, м. 98, № 1; 2 - ЕГМ-II, м. 6; 3 - Зевакино, к. 19; 4 - Быково II, м. 7; 5 - Подтурино; 6 - Бурлук I; 7 - Ижевский I; 8 – Кинзерский; 9 - ЕК-II, м. 228, № 1; 10 - Танай XII, п. 39.

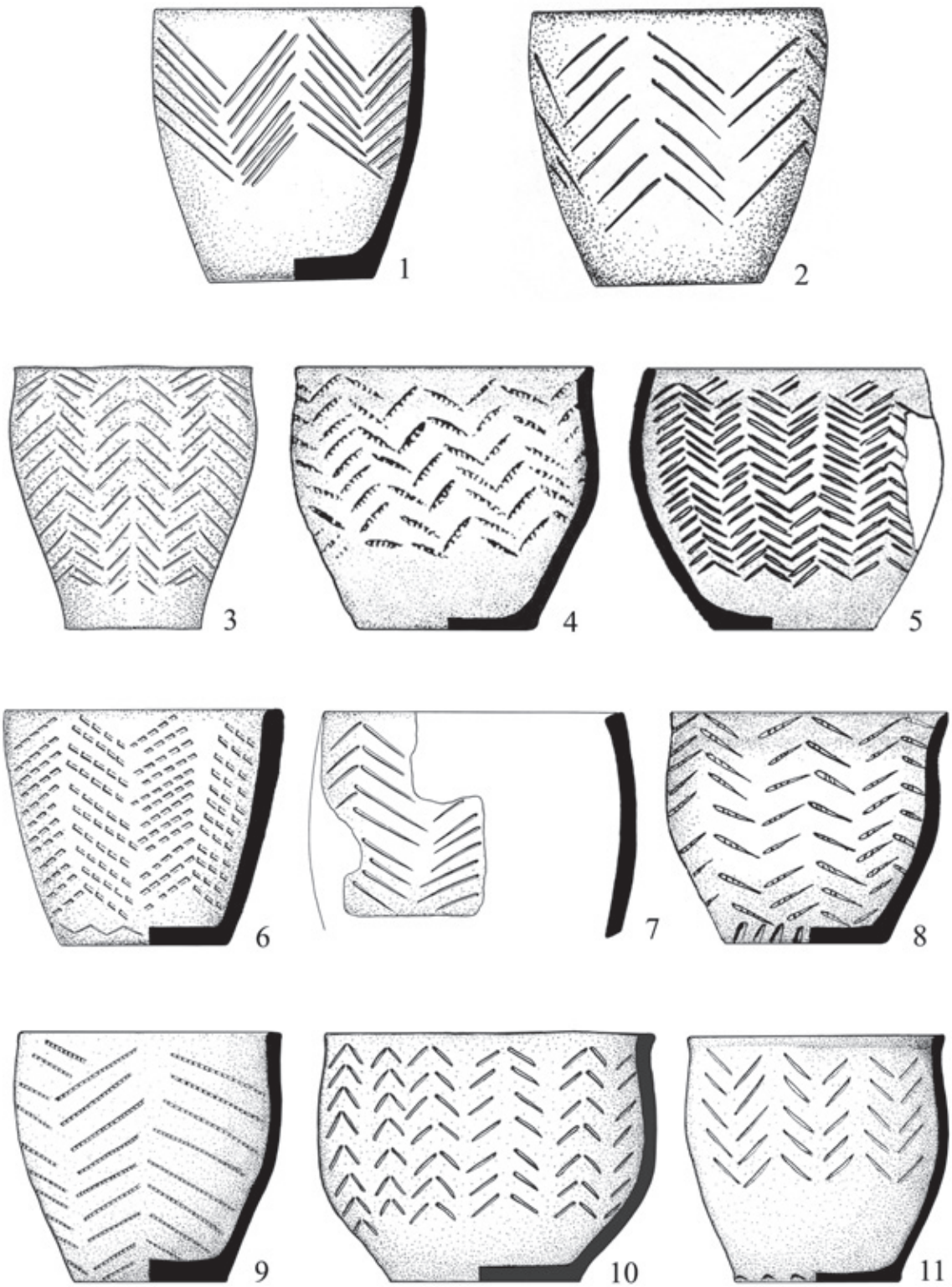


Табл. 84. 1 - Быково IV, м. 2; 2 - БЕ-XII, м. 9; 3 - Шоиндыколь; 4 - БЕ-XVI, сбор; 5 - Сухое озеро IA, к. О; 6 - Орак, м. 35; 7 - Венгерово I, к. 3, п. 7; 8 - Венгерово I, к. 3, п. 1; 9 - Танай XII, п. 36; 10 - Танай XII, п. 33; 11 - Танай XII, п. 34.

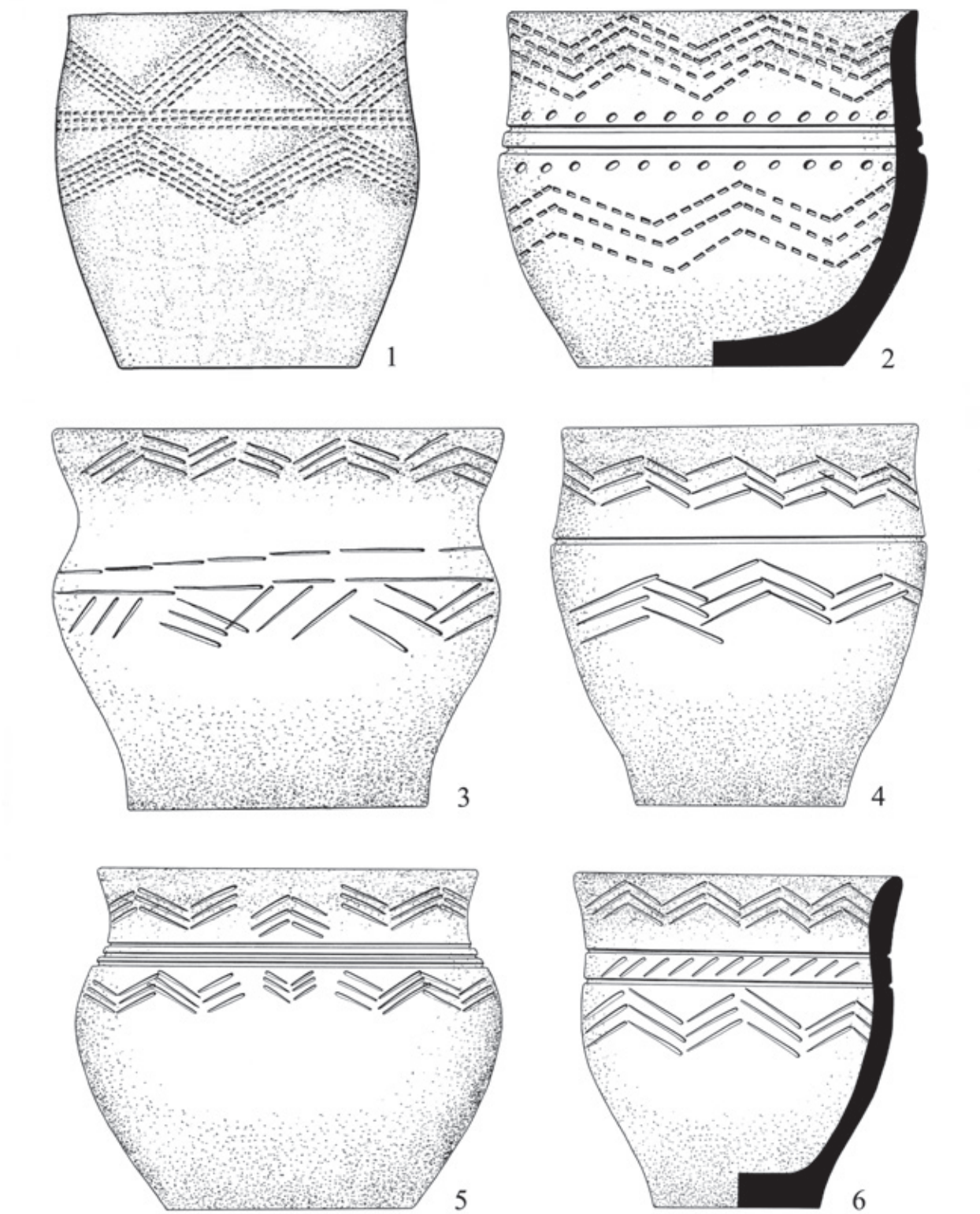


Табл. 85. 1 - Быково II, м. 14; 2 - Подтурино; 3 - Нижняя Суетка, м. 14; 4 - Алыпкаш; 5 - Ижевский I; 6 - Венгерово I, к. 3, п. 6.

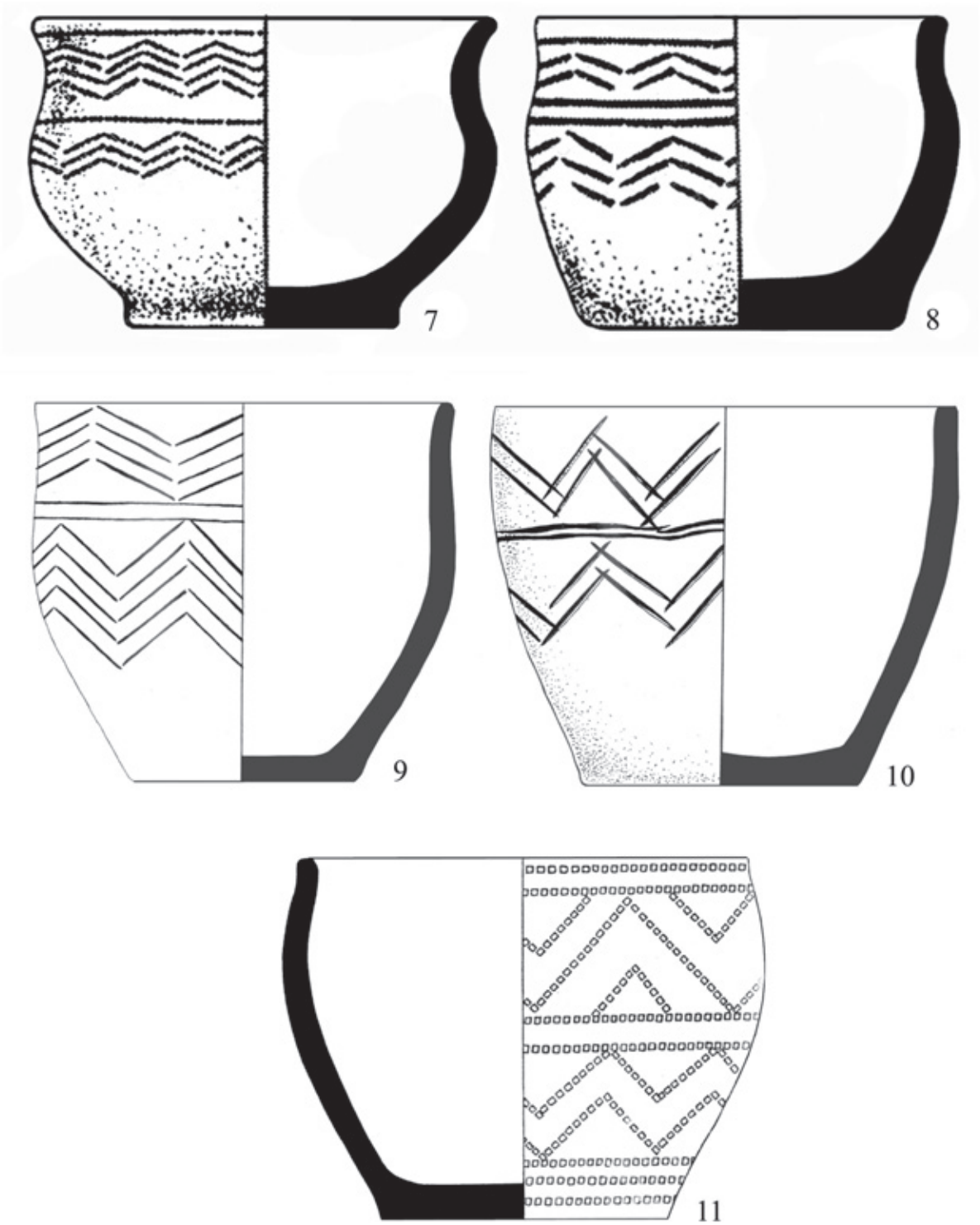


Табл. 85 (продолжение). 7 - Урефты I, к. 13, сос. 6; 8 - Урефты I, к. 13, сос. 7; 9 - Фирсово XIV, кв. 47; 10 - Фирсово XIV, кв. 152; 11 - ЕК-II.

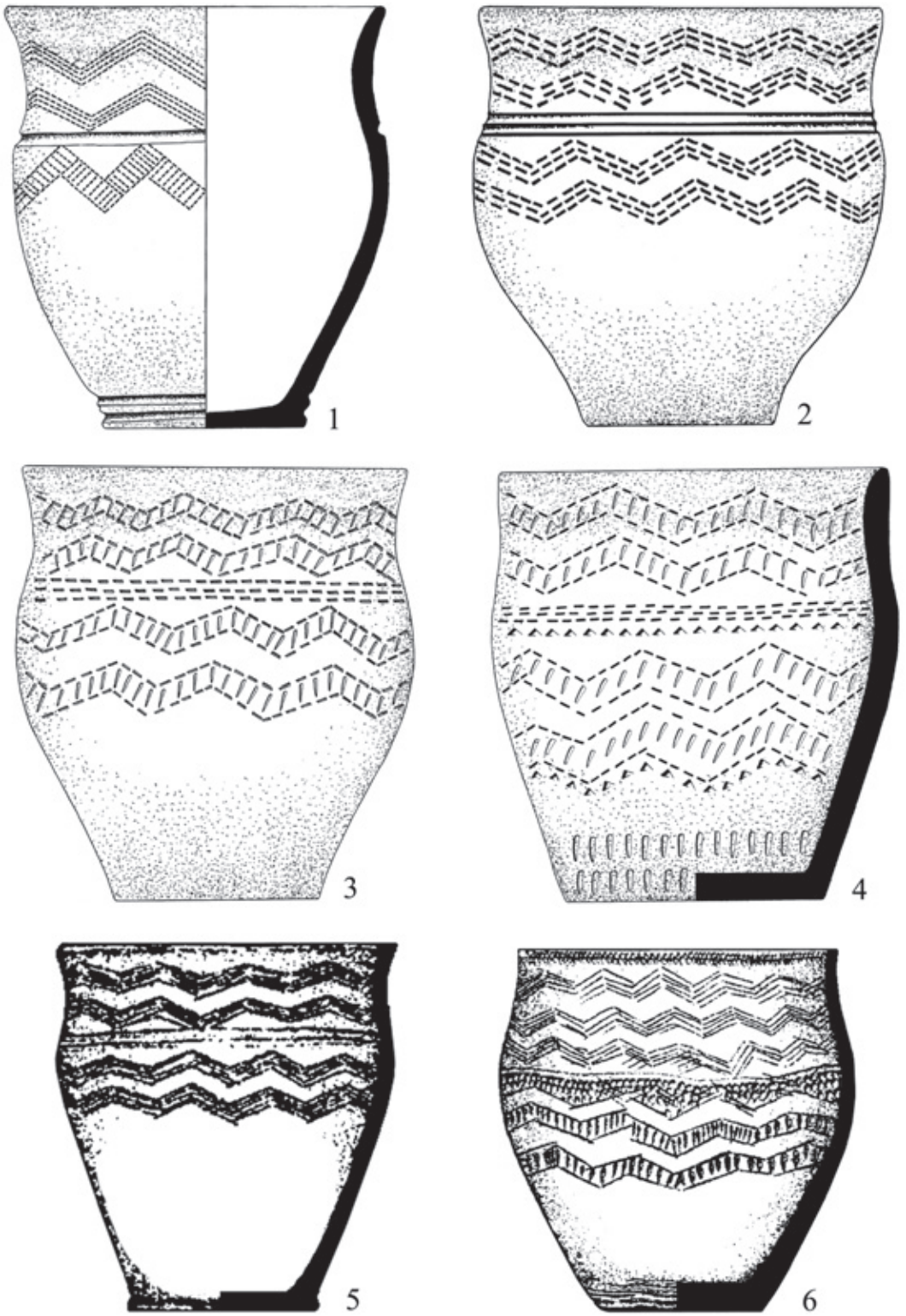


Табл. 86. 1 - Самара, к. 4, м. 1; 2 - Боровое, огр. 10, м. 1; 3 - Алыпкаш; 4 - Преображенка III, шурф; 5 - Кенжеколь-1, м. 16; 6 - Кенжеколь-1, м. 32.

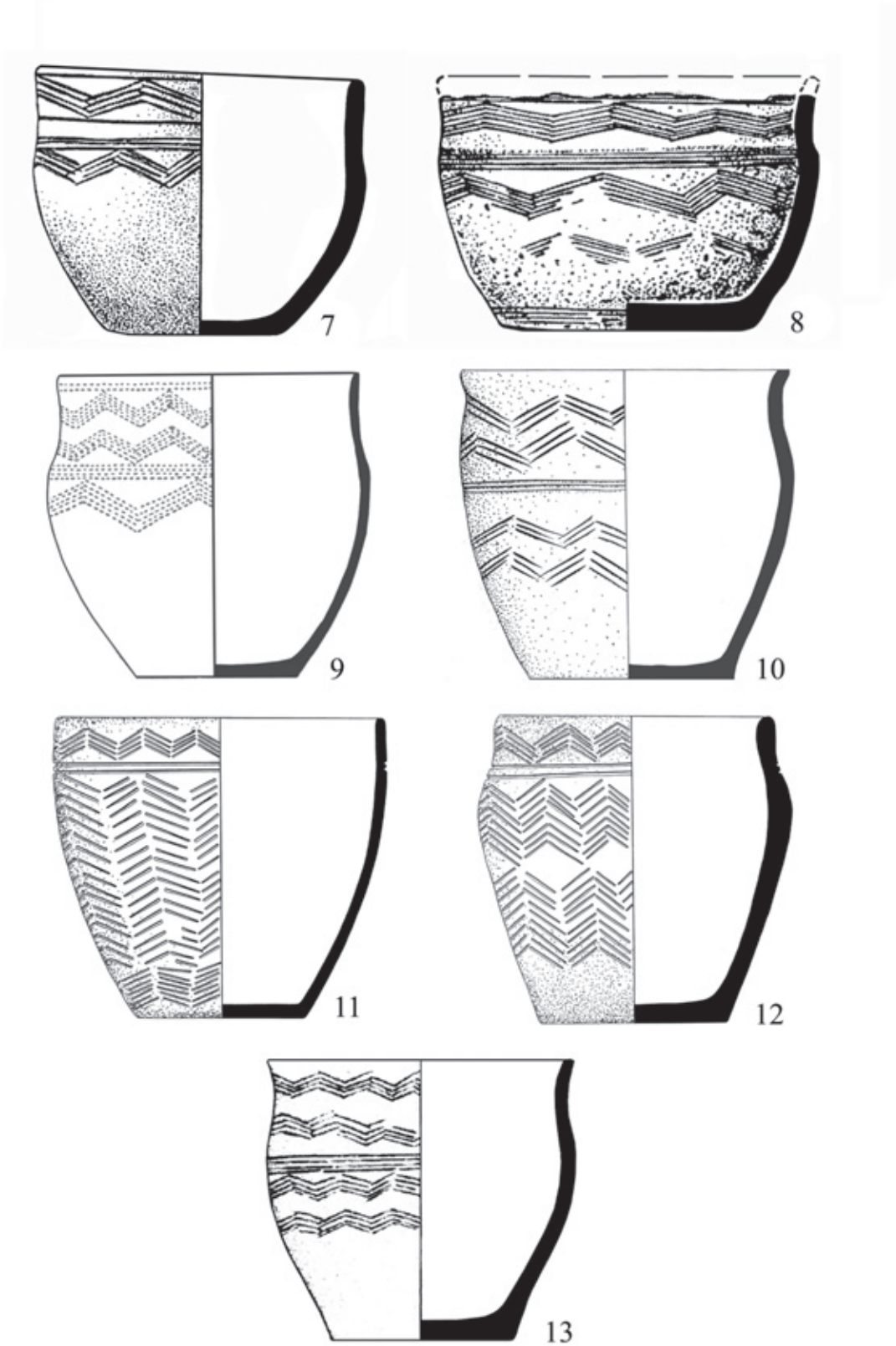


Табл. 86 (продолжение). 7 - Урефты I, к. 13, п. 9; 8 - Урефты I, к. 13, п. 11; 9 - Маринка, м. 2; 10 - у с. Чайкино, м. 151; 11 - Ташик; 12 - Балыкты, огр. 13, перекр.; 13 - у с. Чайкино, п. 29 (2010-2011 гг.).

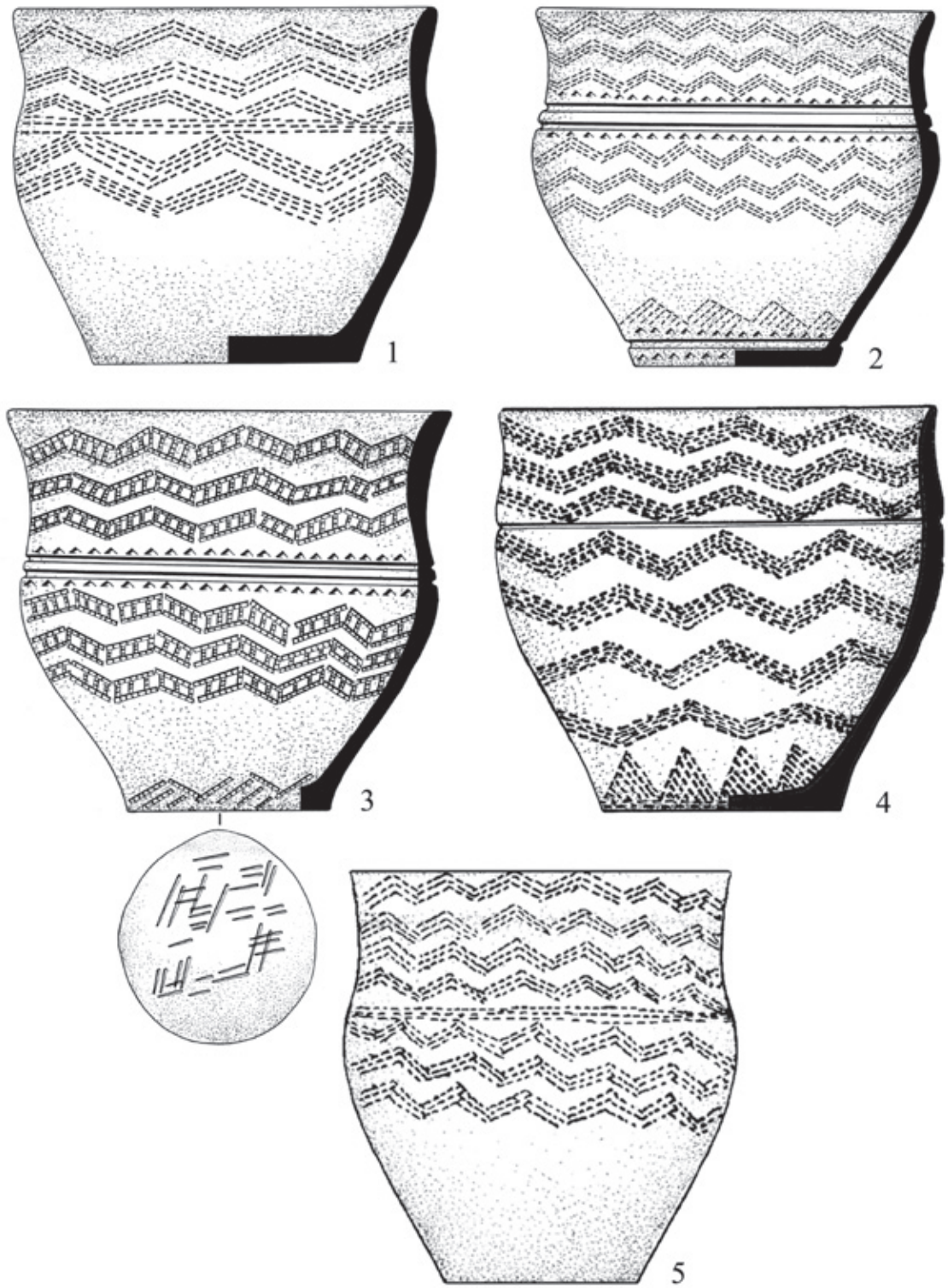


Табл. 87. 1 - Сухомесовский; 2 - Титово II, к. 6, м. 4; 3 - Урский, к. 17, м. 1; 4 - Быково IV, сборы; 5 - Боровое, огр. 8.

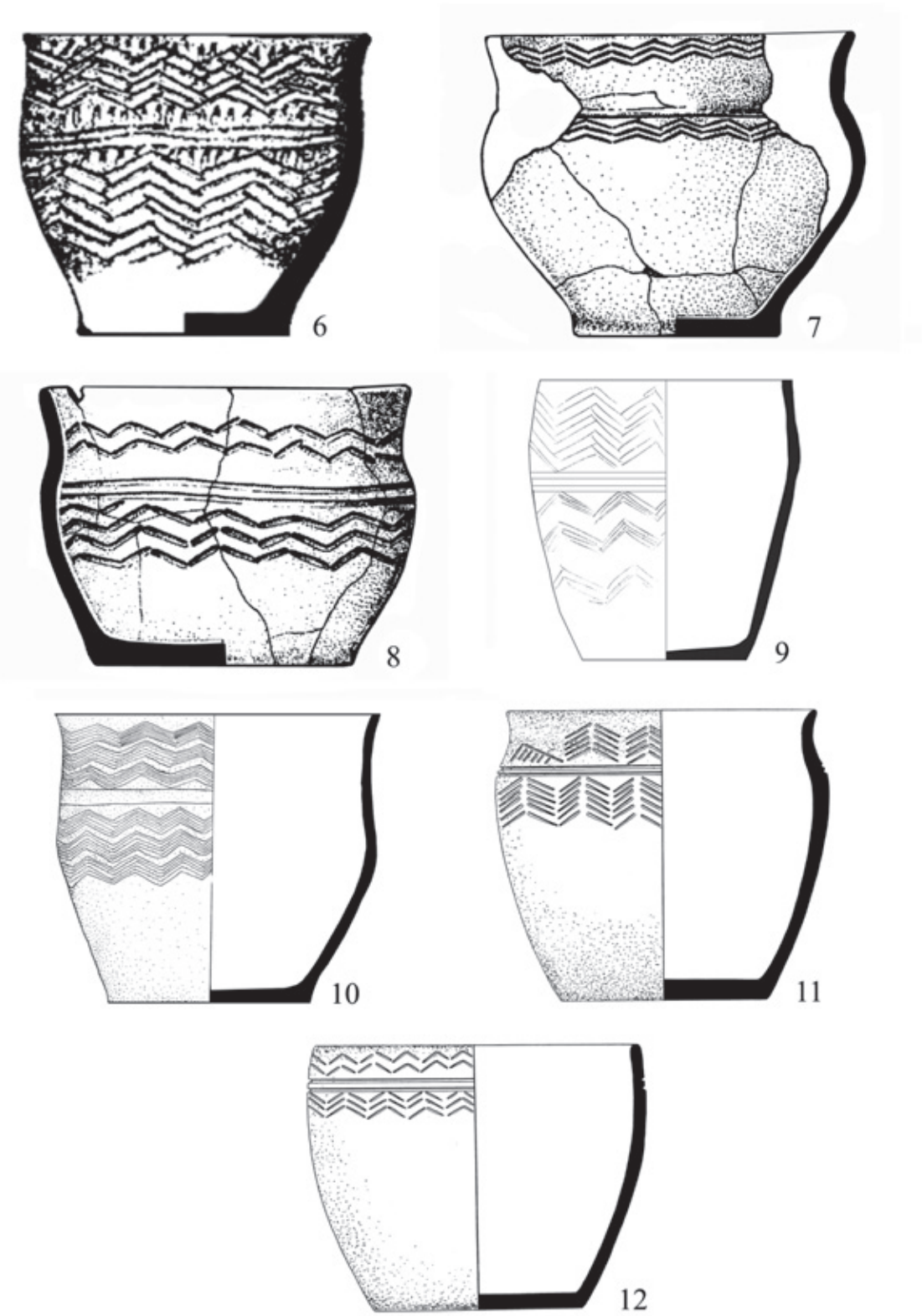


Табл. 87 (продолжение). 6 - Кенжеколь-1, м. 17; 7 - Урефты I, к. 13А, сос. 12; 8 - Урефты I, к. 15, п. 5; 9 - у с. Чайкино, м. 143; 10 - у с. Чайкино, м. 238; 11, 12 - Ташик.

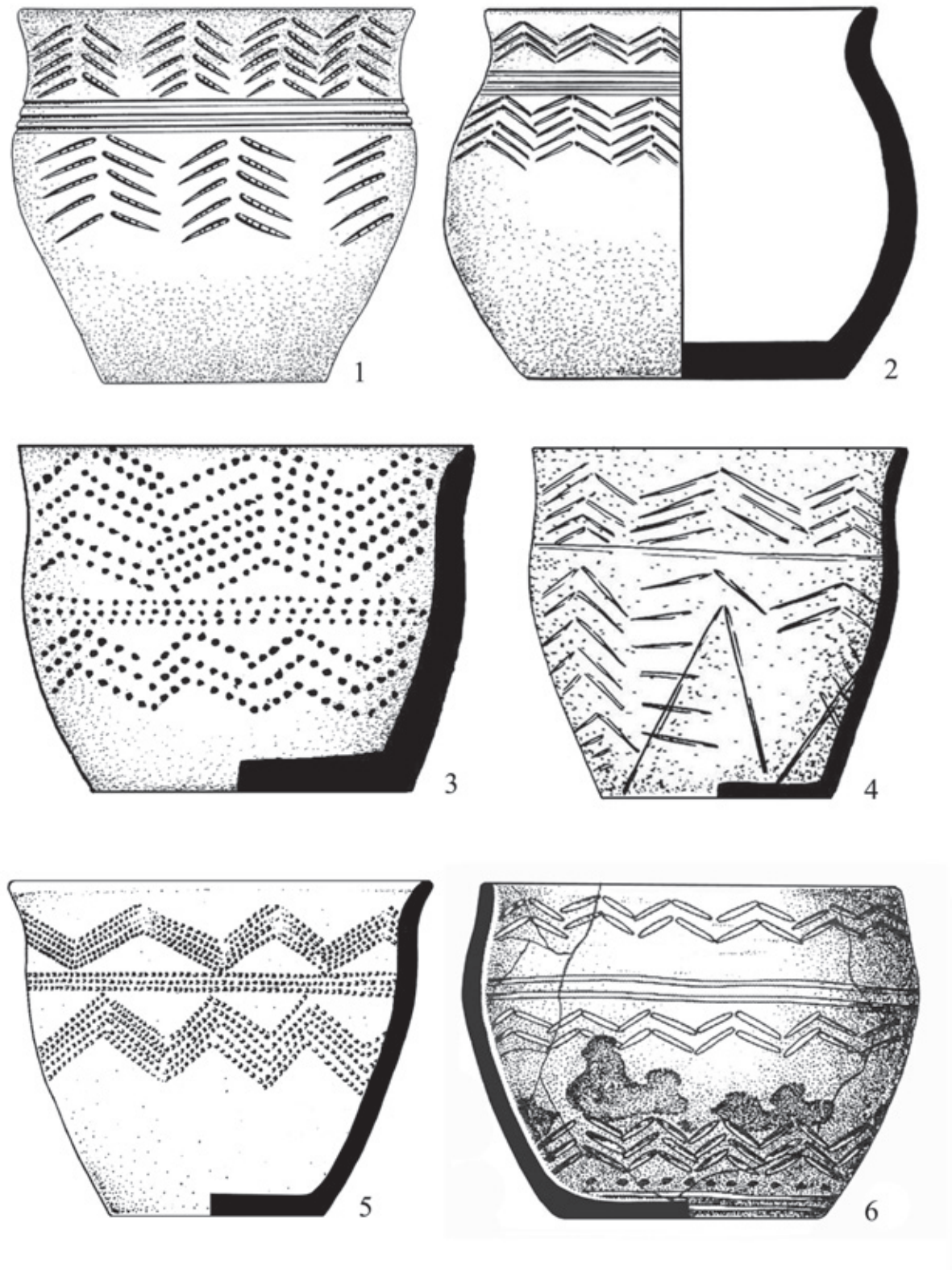


Табл. 88. 1 - Быково II, поминальник; 2 - Ижевский I; 3 - Преображенка III, п. 1; 4 - Преображенка III, к. 24, п. 2; 5 - у с. Чайкино; 6 - Урефты I, к. 21, п. 10.

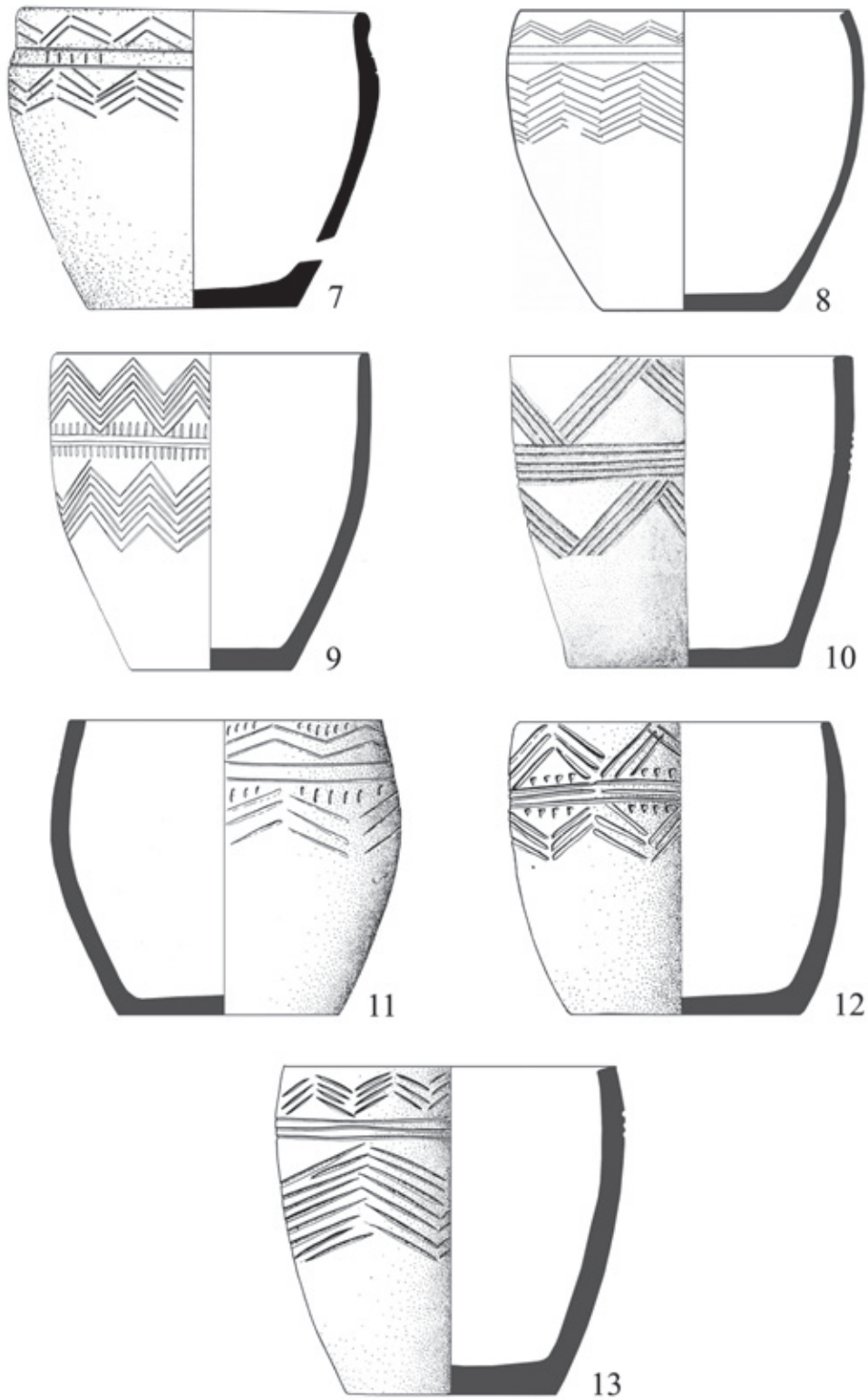


Табл. 88 (продолжение). 7 - Шапат, жерт. 4; 8 - Маринка, м. 24; 9 - у с. Чайкино, сос. 2, м. 6; 10 - у с. Чайкино, м. 73; 11 - у с. Чайкино, м. 80; 12 - у с. Чайкино, м. 94; 13 - у с. Чайкино, м. 96.

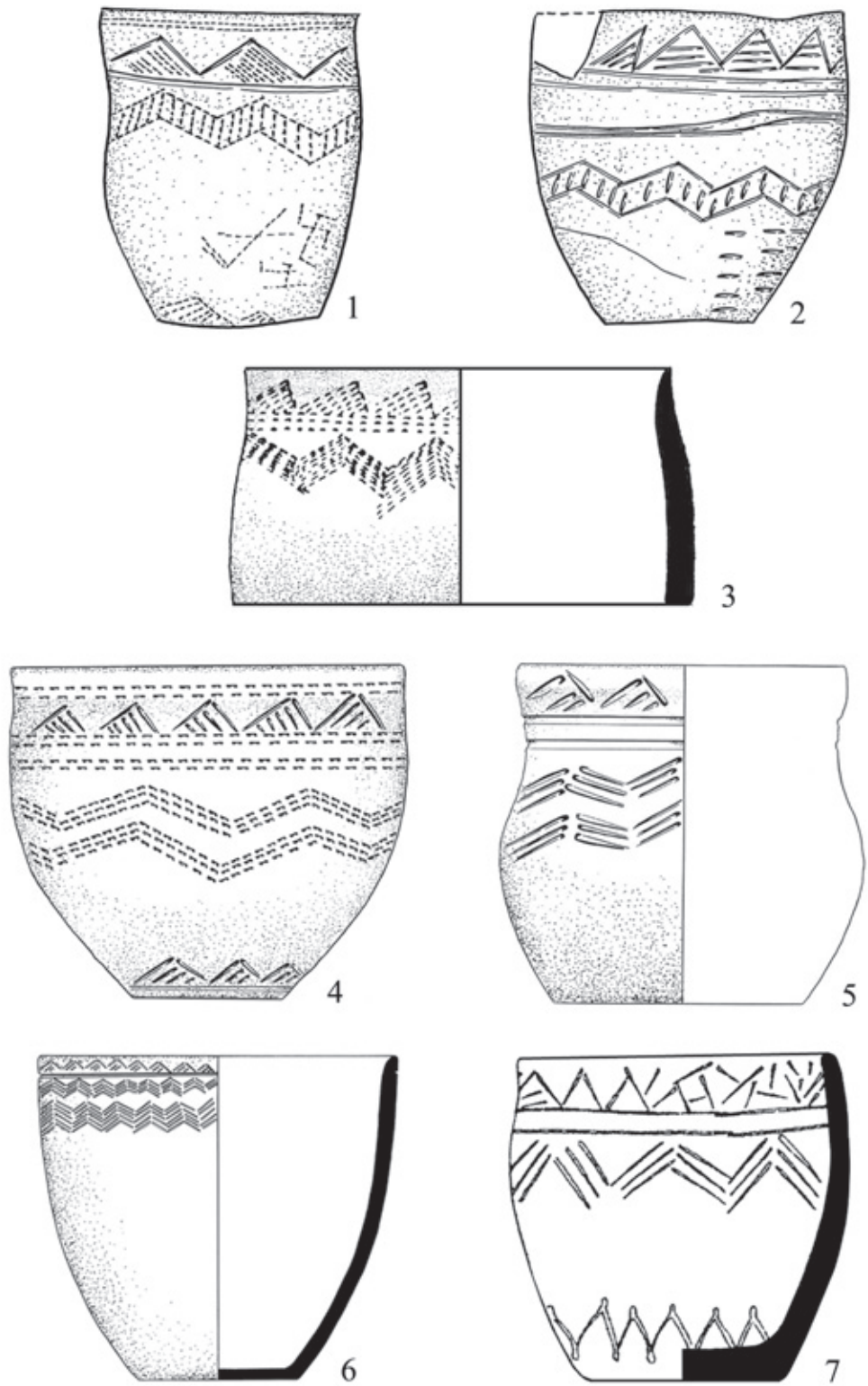


Табл. 89. 1 - Нижняя Суетка, м. 24; 2 - Нижняя Суетка, м. 12; 3 - Кривое I; 4 - Лисаковский I, к. 2, жертв. «О»; 5 - Манжиха; 6 - Акимбек I, сев. ящик; 7 - Рублёво VIII, м. 17.

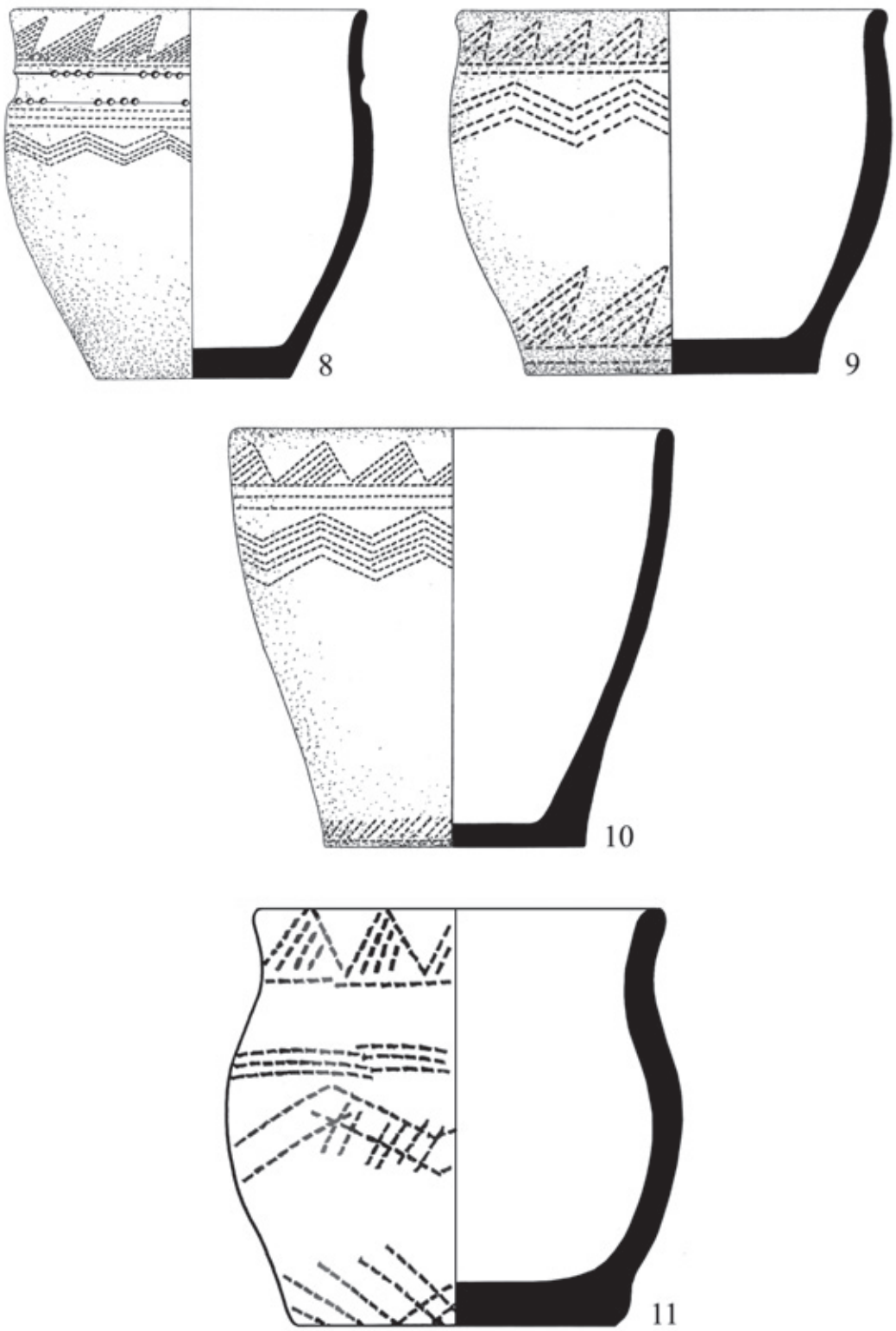


Табл. 89 (продолжение). 8-10 - Мичурино I; 11 - Фирсово XIV, кв. 45.

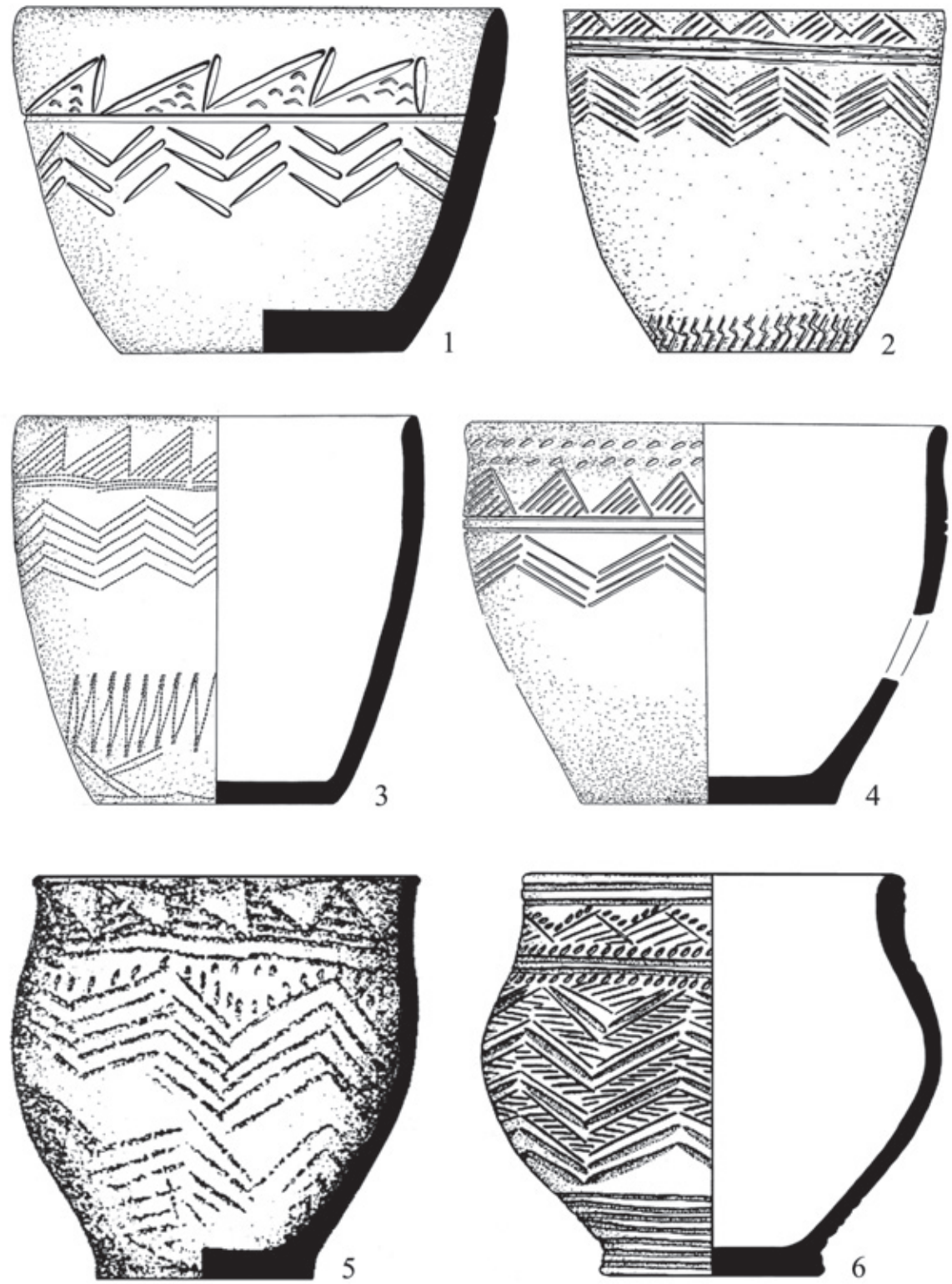


Табл. 90. 1 - БЕ-XIV, м. 18; 2 - Балыкты, огр. 3; 3 - Рублёво VIII; 4 - Балыкты, огр. 14, м.; 5 - Кенжеколь-1, м. 15; 6 - Большеказакбаевский 2.

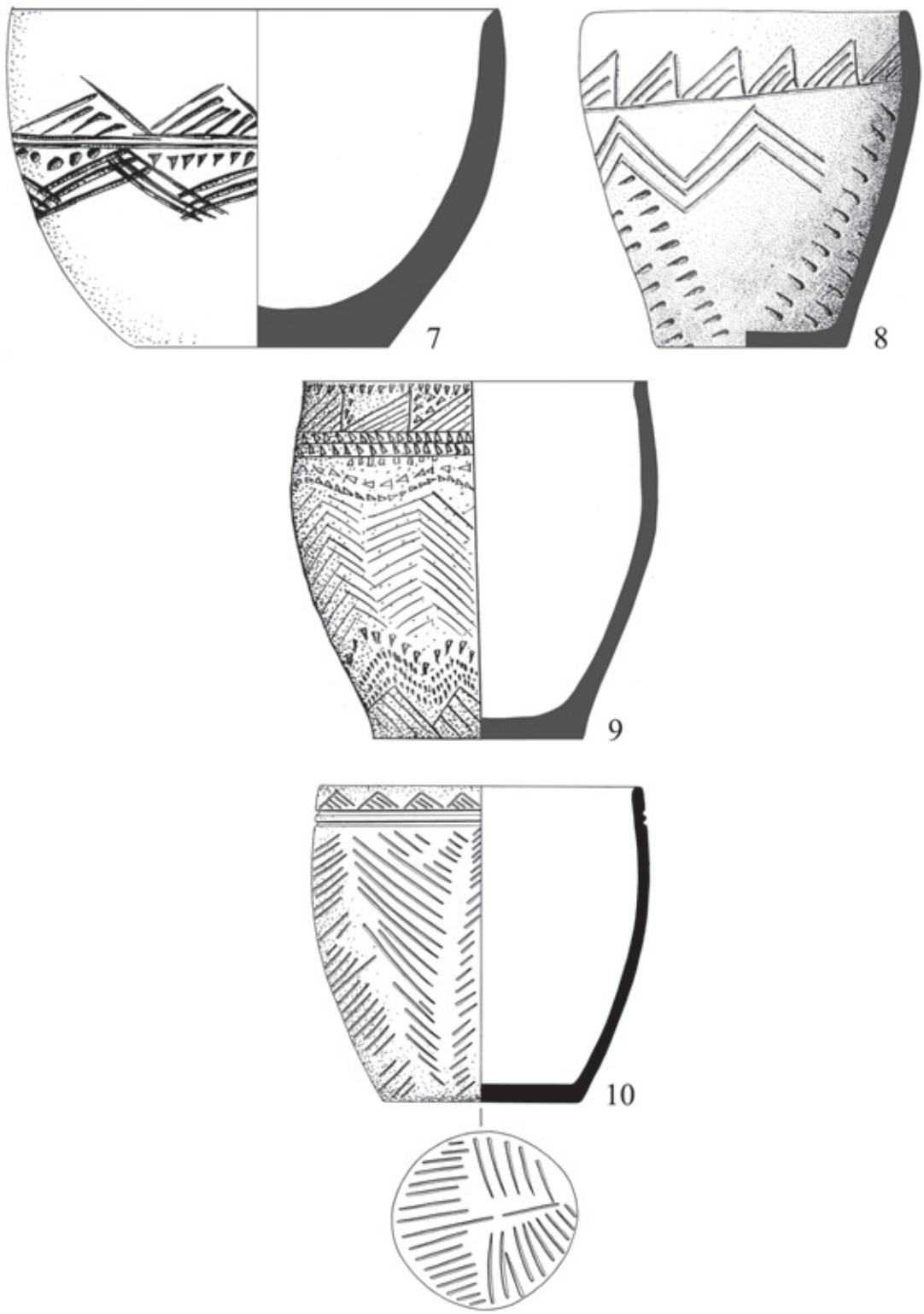


Табл. 90 (продолжение). 7 - Змеевка м. 49; 8 - Змеевка м. 69; 9 - Змеевка м. 145; 10 - Ташик.

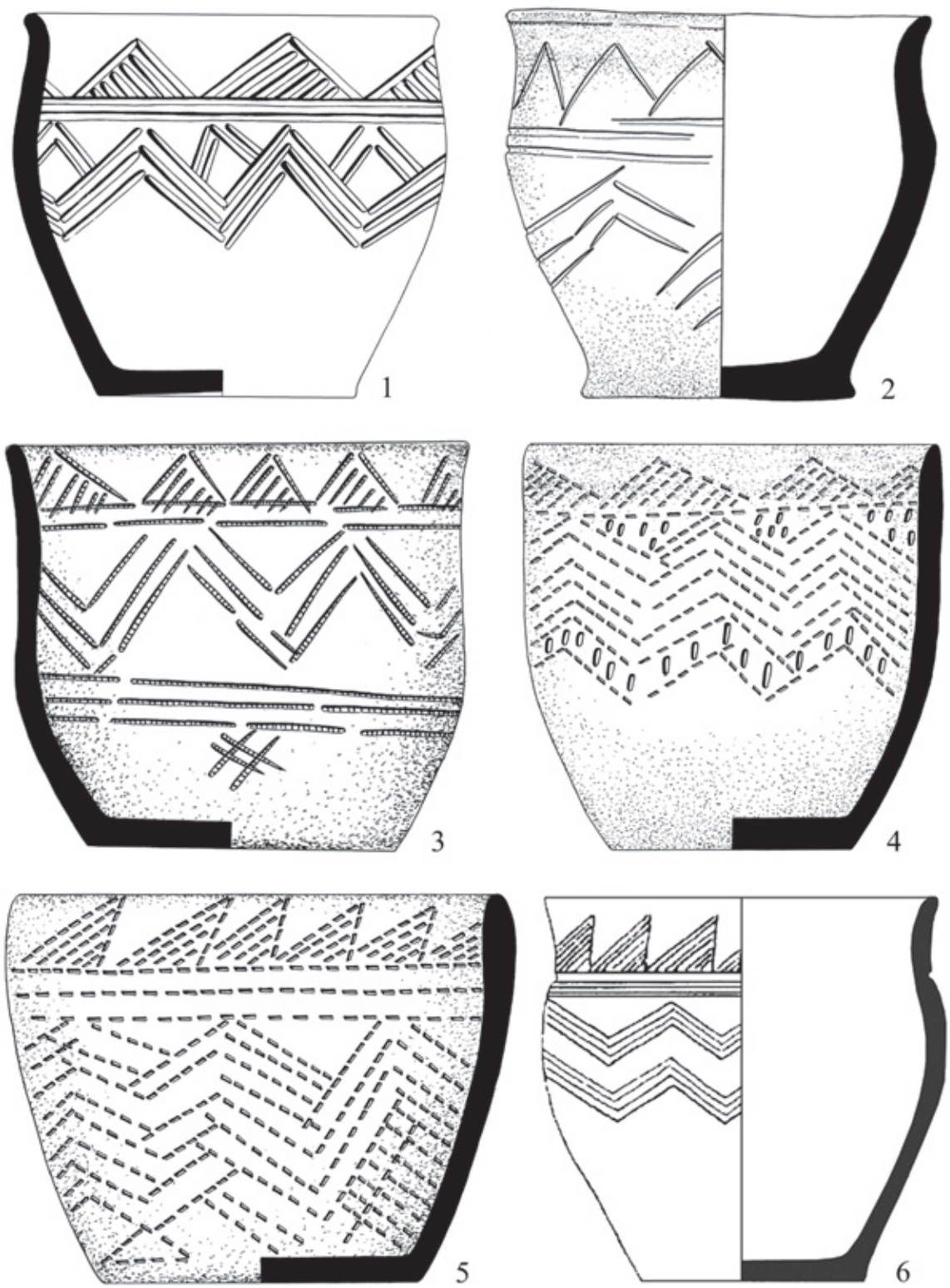


Табл. 91. 1 - ЕК-II, к. 52, м. 6, № 1; 2 - Рублёво VIII; 3 - Змеевка; 4 - Солёноозёрная I, м. 30; 5 - ЕГМ-II, м. 1; 6 - Маринка, м. 26.

Табл. 91 (продолжение). 7 - Маринка, м. 29; 8 - Маринка, м. 32; 9 - ЕК-II, м. 70, № 1.

Табл. 92. 1 - Венгерово-I, к. 3, п. 4; 2, 3 - БЕ-6, к. 3, м. 1; 4 - Андроново; 5 - Акмола, к. 31; 6 - Кызылтас, огр. 31Б.

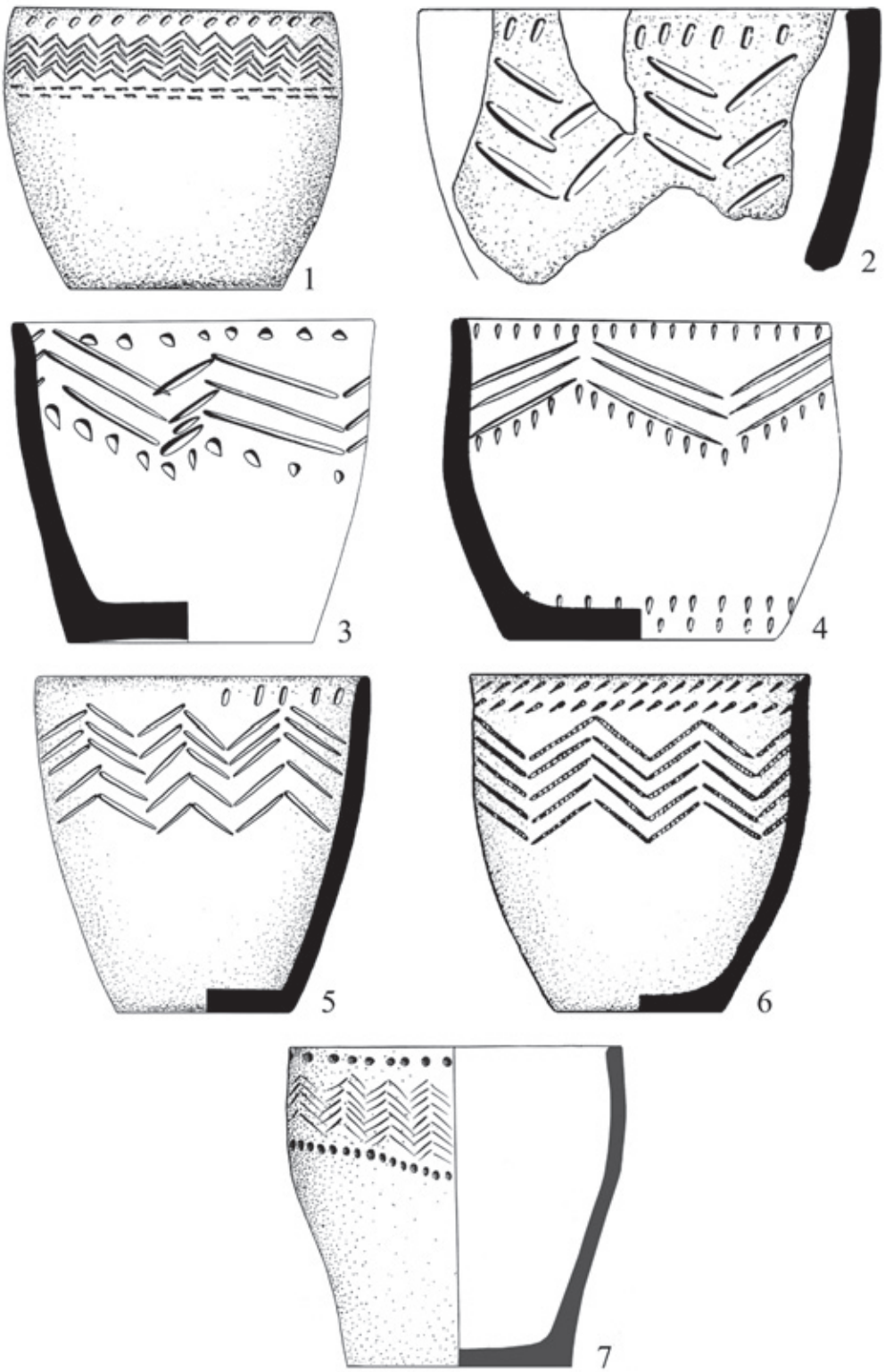


Табл. 93. 1 - Кинзерский; 2 - Ярки; 3 - ЕК-II, м. 56, № 6; 4 - ЕК-II, м. 49б, № 8; 5 - Змеевка; 6 - БЕ-XVI, мог. 1; 7 - Фирсово XIV, м. 134.

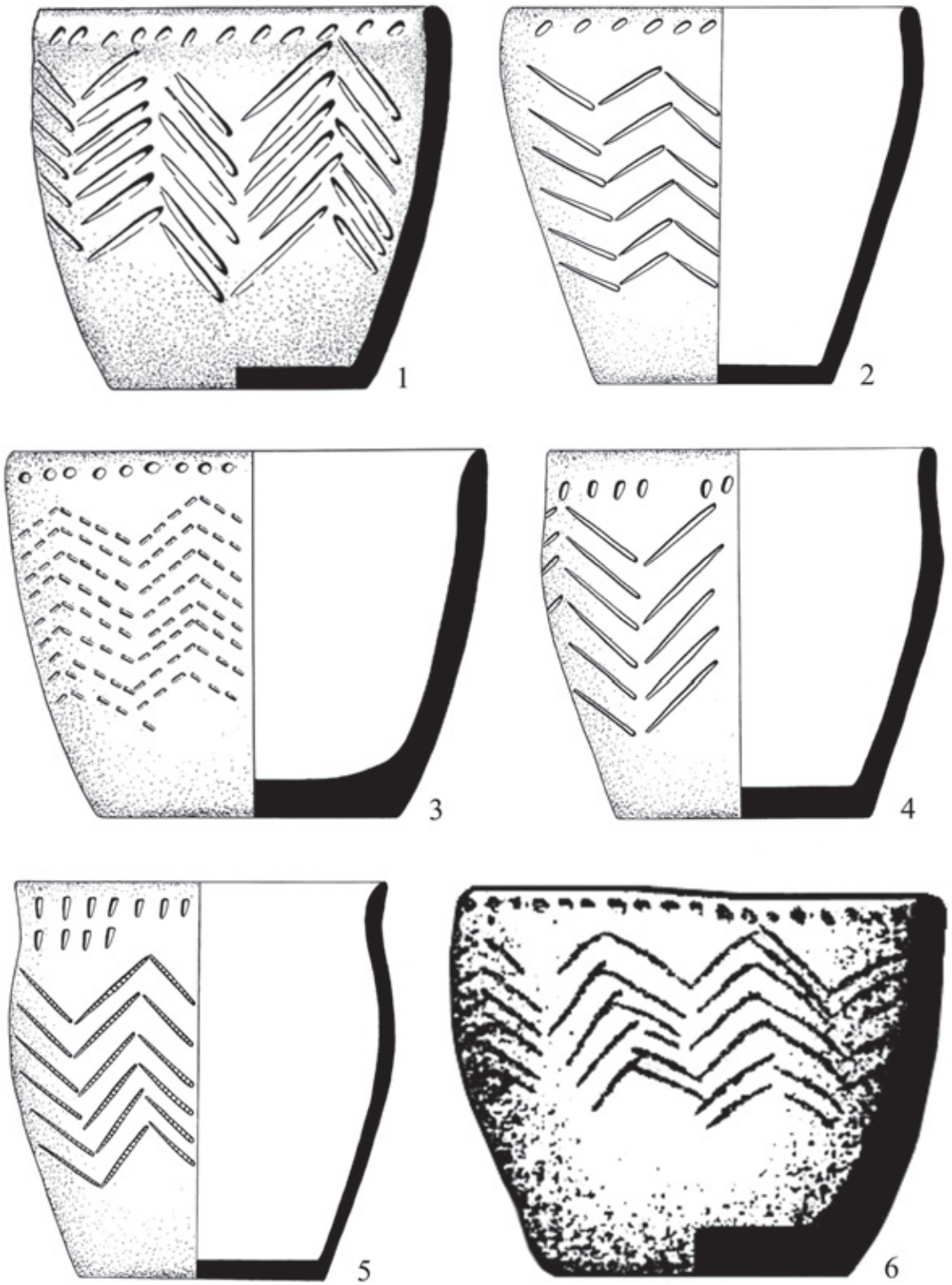


Табл. 94. 1 - Солёноозёрная I, м. 30; 2 - ЕГМ-II, м. 18; 3, 4 - Подтурино; 5 - ЕГМ-II, м. 12; 6 - Кенжеколь-1, м. 40.

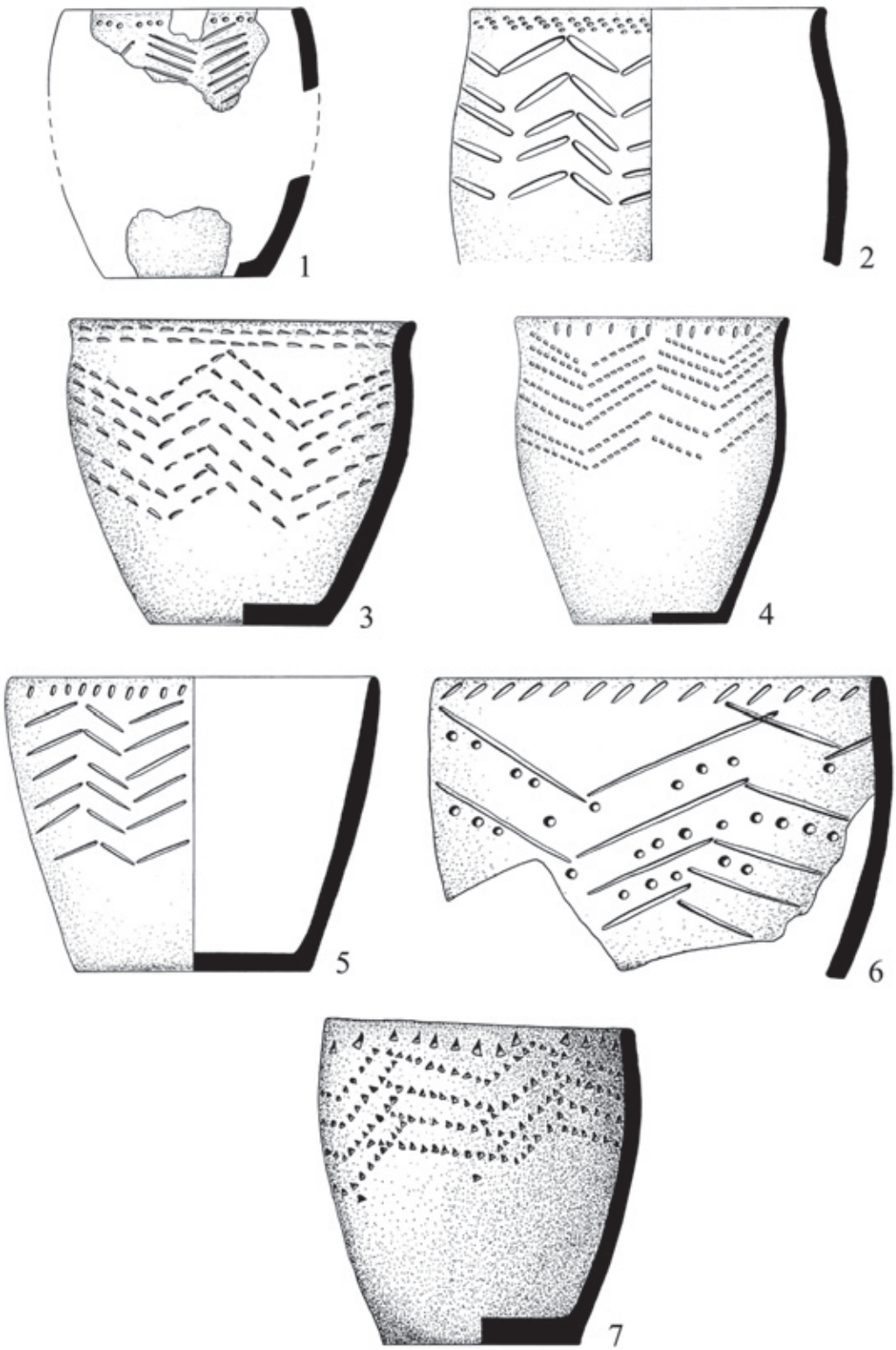


Табл. 95. 1, 5 - Подтурино; 2 - Чарышское-6; 3 - Тасырбай II, огр. 5; 4 - ЕГМ-II, м. 2; 6 - Преображенка III, п. 17; 7 - Танай XII.

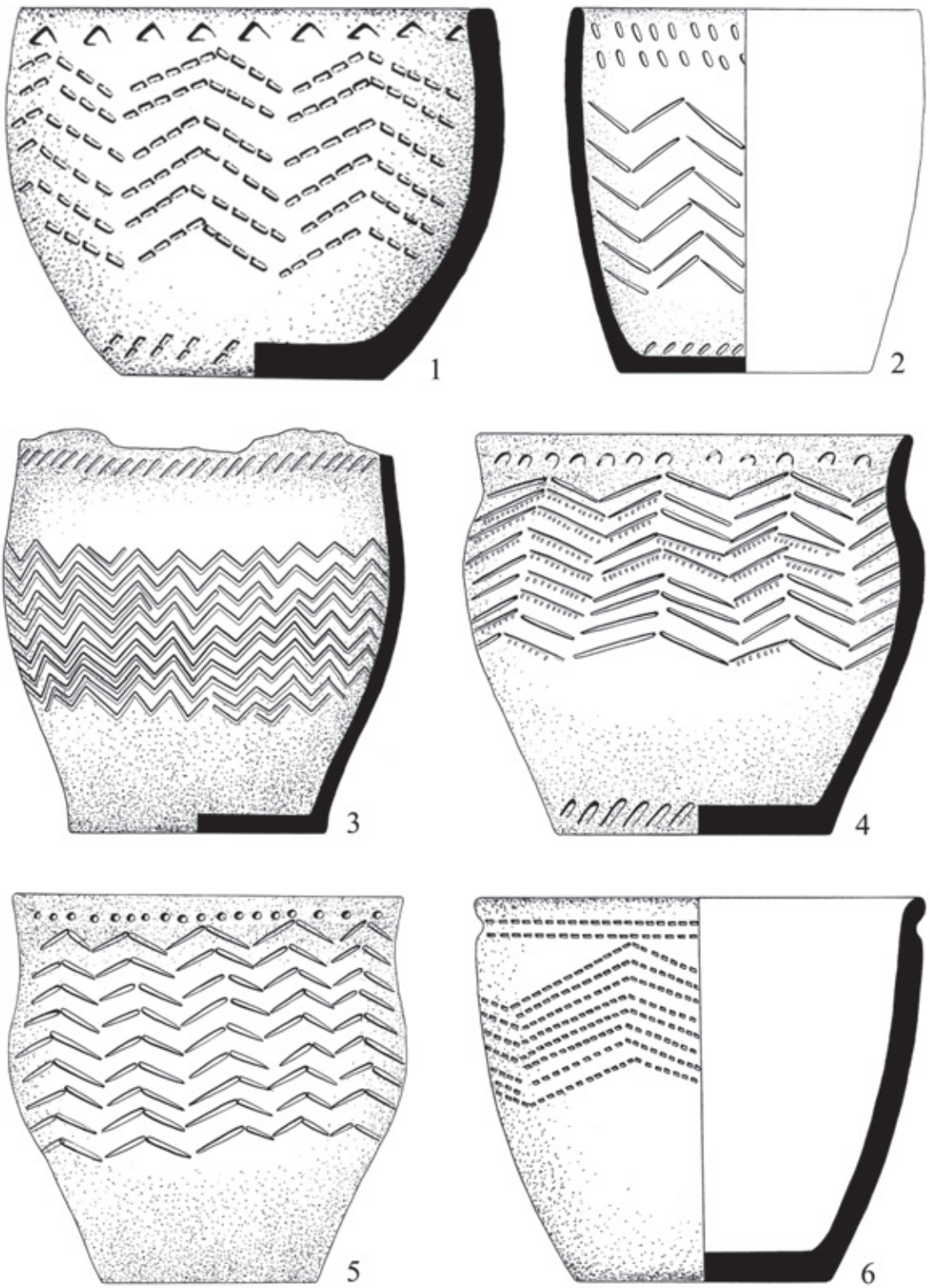


Табл. 96. 1 - Преображенка III, к. 78, п. 1; 2 - ЕГМ-II, м. 19; 3 - Кошколь, к. 7, м. 2; 4 - Преображенка III, к. 73, п. 5; 5 - Боровое, огр. 14, м. Г; 6 - Мичурино I.

Табл. 97. 1 - Чарышское-6; 2 - Юрман I, к. 3, м.; 3 - Подтурино; 4 - Орак, м. 12; 5 - Меновное-9, огр. 15; 6 - Кытманово м. 20, сос. № 3.

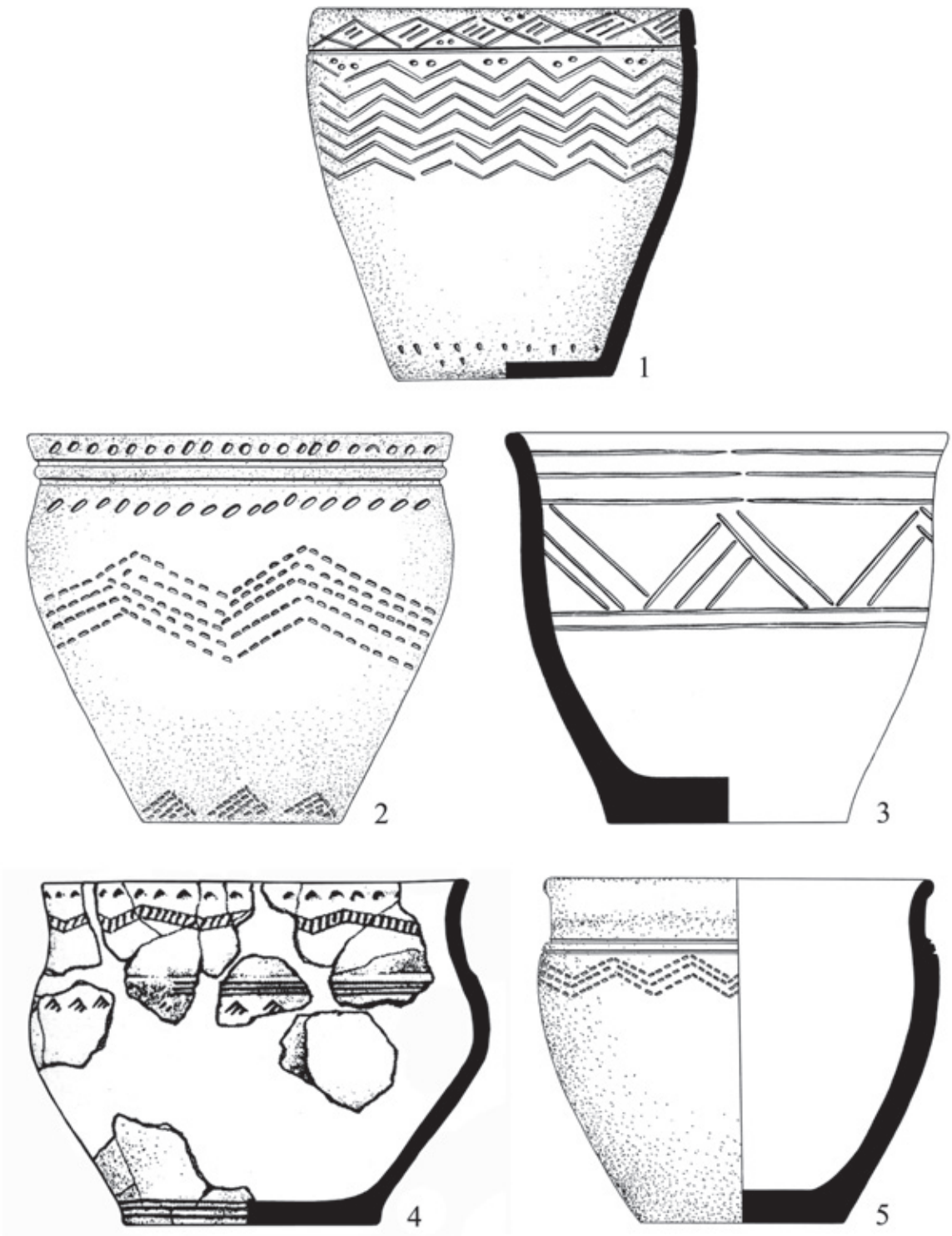


Табл. 98. 1 - Преображенка III, к. 73, п. 4; 2 - Шипуново; 3 - ЕК-II, м. 1, № 1; 4 - Урефты I, к. 15, п. 1; 5 - Шапат, м. 4.

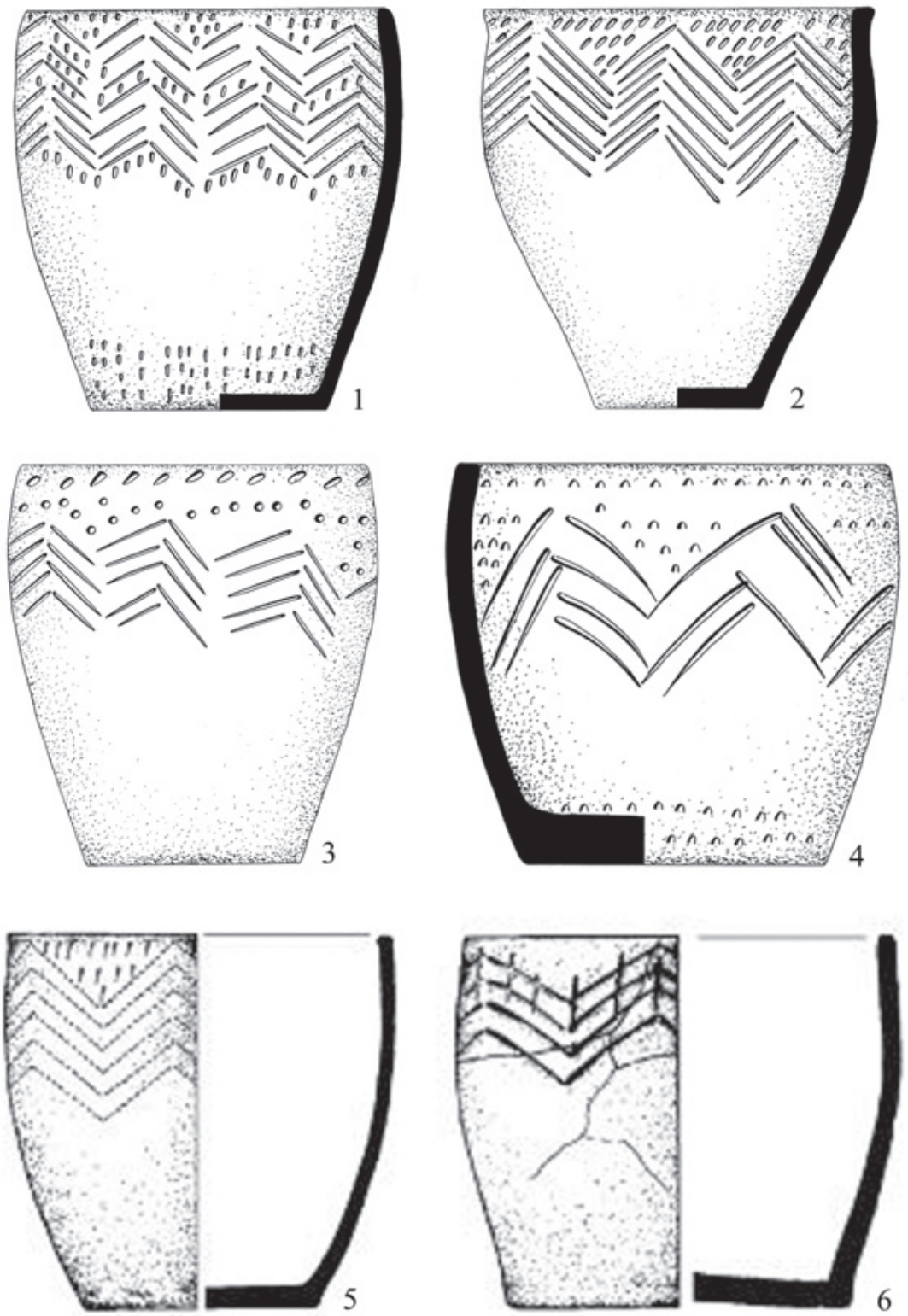


Табл. 99. 1 - Солёноозёрная I, м. 27; 2 - Урский, к. 14, м. 3; 3 - Кытманово м. 31; 4 - без точного местонахождения; 5 - Устье-Бири IV, м. 14; 6 - Устье-Бири IV, м. 16.

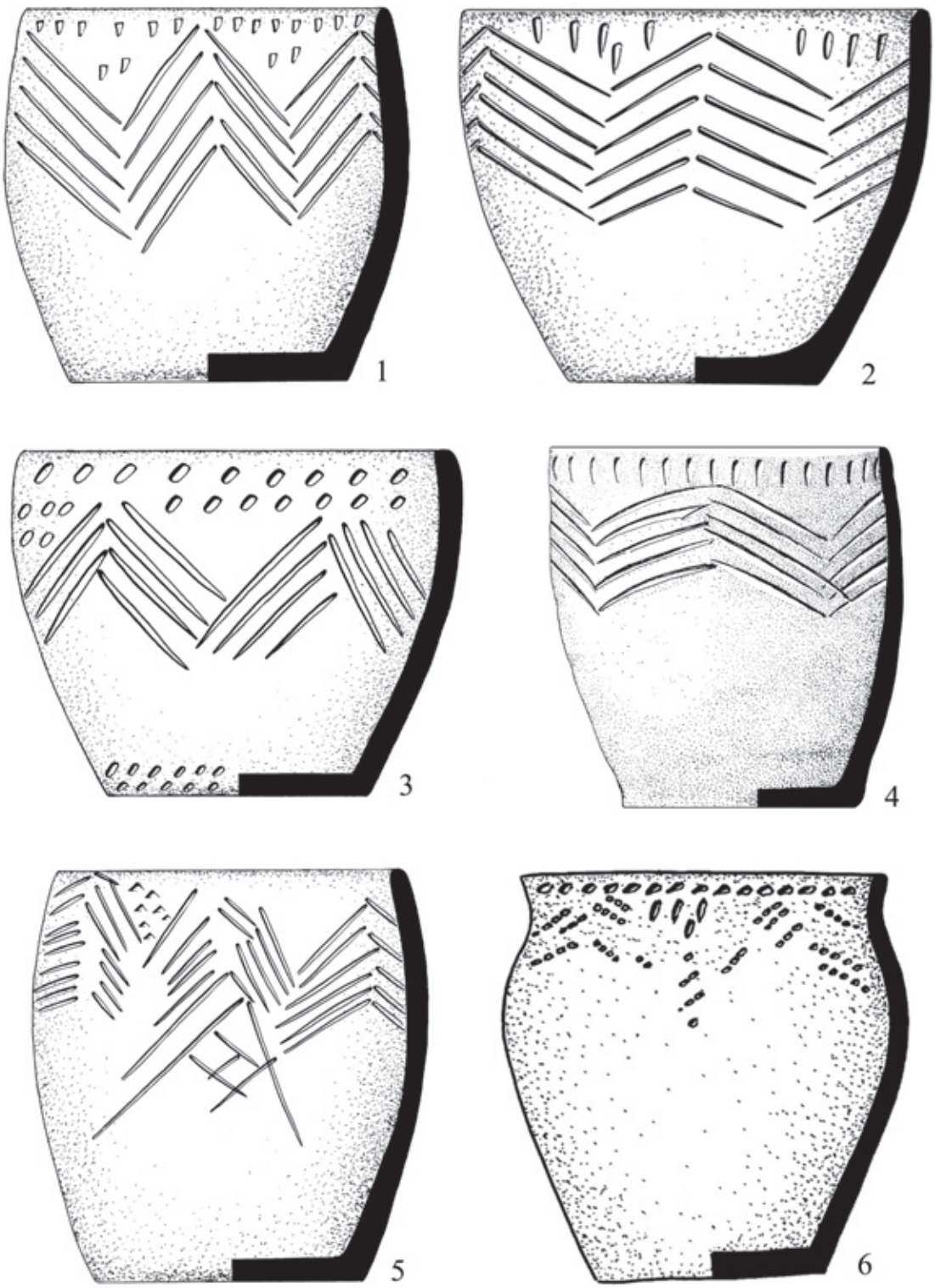


Табл. 100. 1 - БЕ-XVI, мог. 2; 2 - Восход-I; 3 - Змеевка; 4 - Кытманово; 5 - Преображенка III, п. 8; 6 - Заречное I.

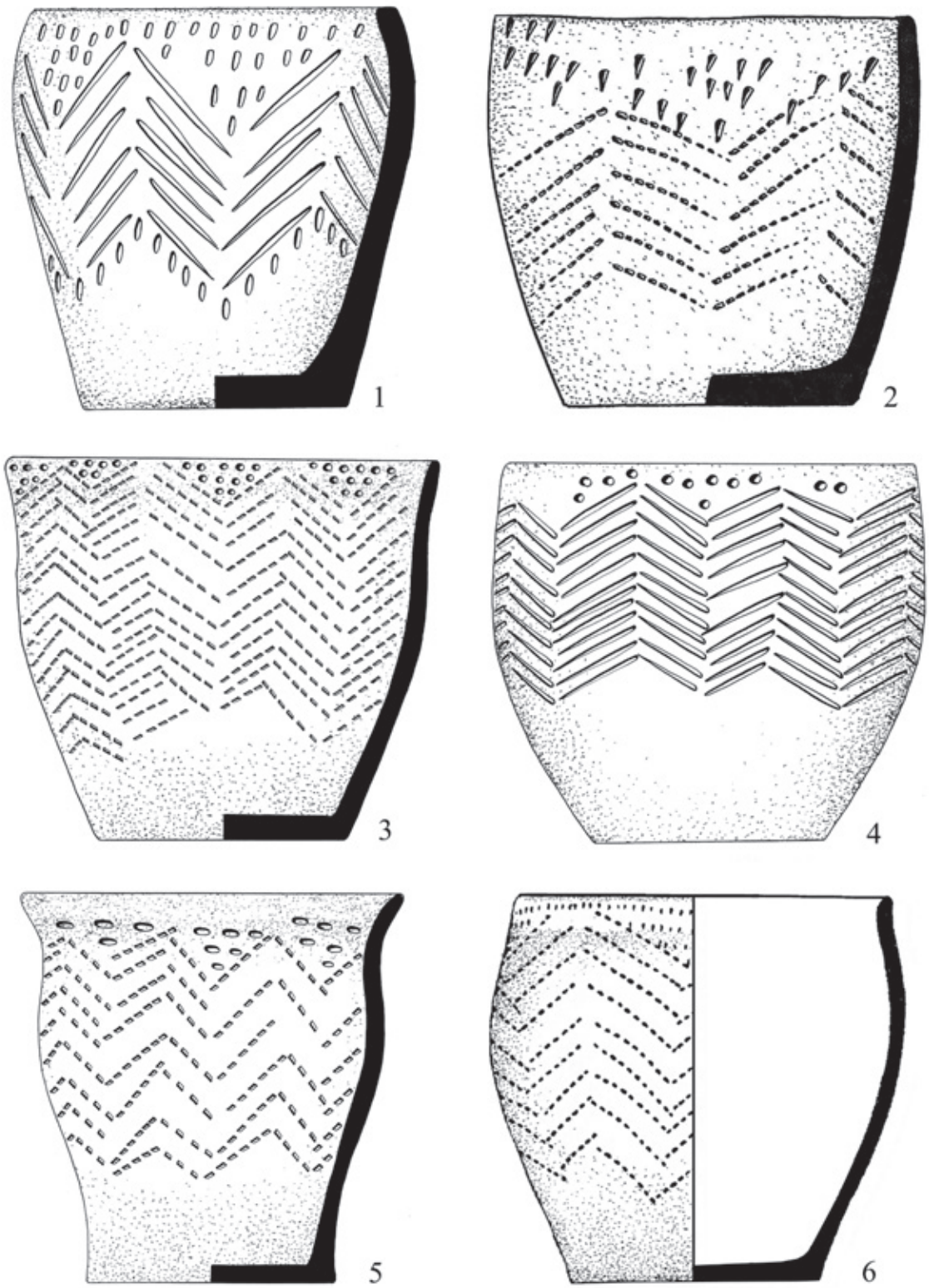


Табл. 101. 1 - БЕ-XIV, м. 15; 2 - Заречное I; 3 - Орак, м. 20; 4 - Биырек-коль, огр. 23, м. 5; 5 - Титово II, мкп, м. 1; 6 - Берёзка I.

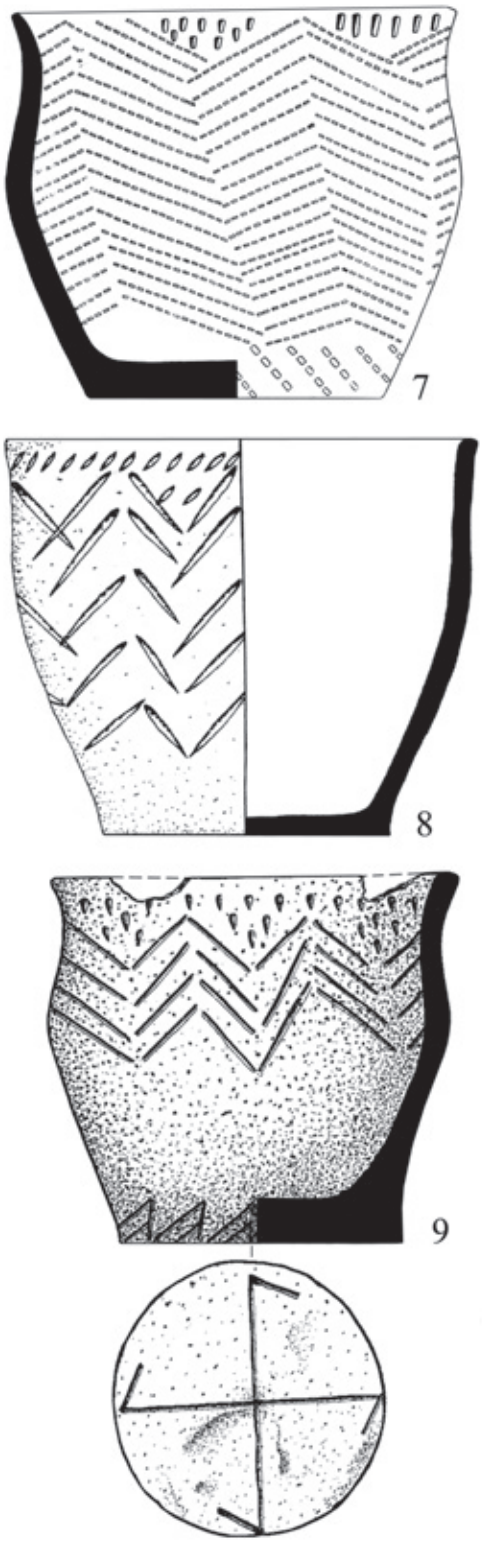


Табл. 101 (продолжение). 7 - ЕК-II, м. 14, № 1; 8 - Барсучиха-2, п. 3; 9 - Танай XII п. 61.

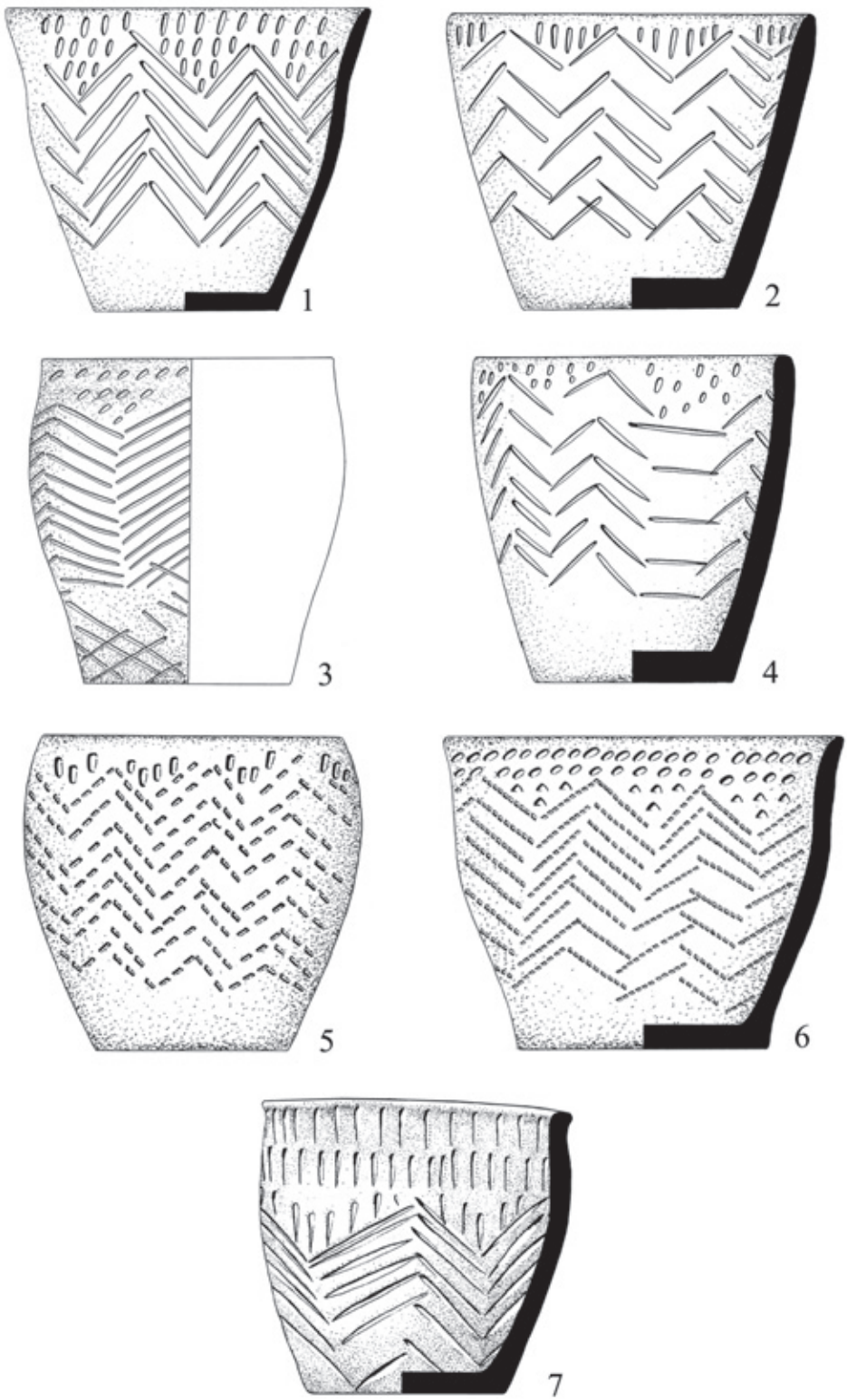


Табл. 102. 1 - Титово II, мкп, м. 1; 2 - Пристань I, м. 2; 3 - Елбана; 4 - БЕ-XIV м. 16; 5 - Новосёлово; 6 - Старый Тартас-4, к. 6, п. 1; 7 - Кытманово.

Табл. 103. 1 - Устье-Бири IV, м. 25; 2 - Орак, м. 22; 3 - Урский, к. 16, м. 1; 4 - Батени «Ярки»; 5 - Старый Тартас-4, грунт. п. 2; 6 - Старый Тартас-4, к. 4, п. 1.

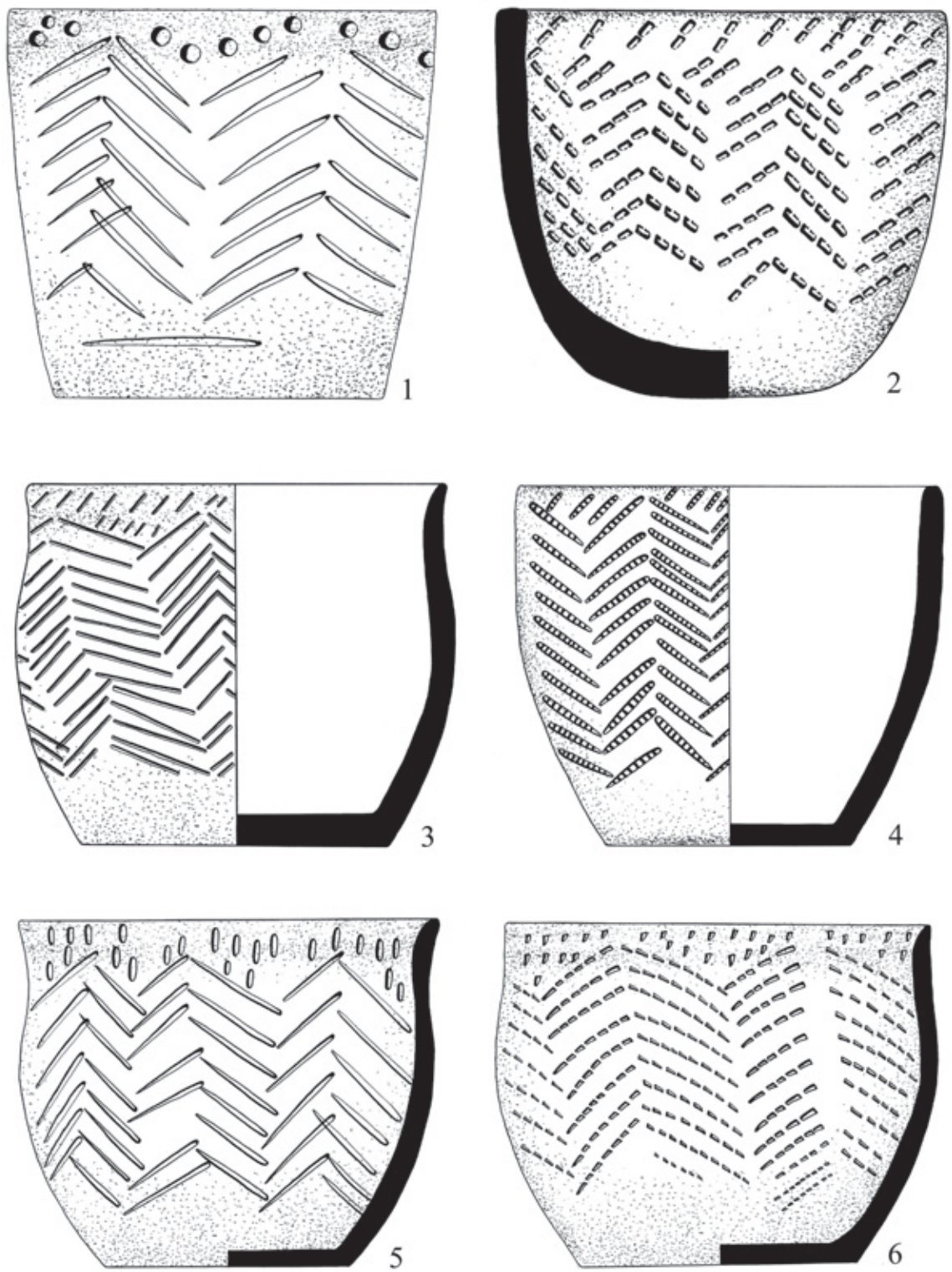


Табл. 104. 1 - Заречное I; 2 - Титово II, к. 8, м. 1; 3, 4 - Подтурино; 5 - Сухое озеро I, к. 16, м. 1; 6 - БЕ-XVI, сбор.

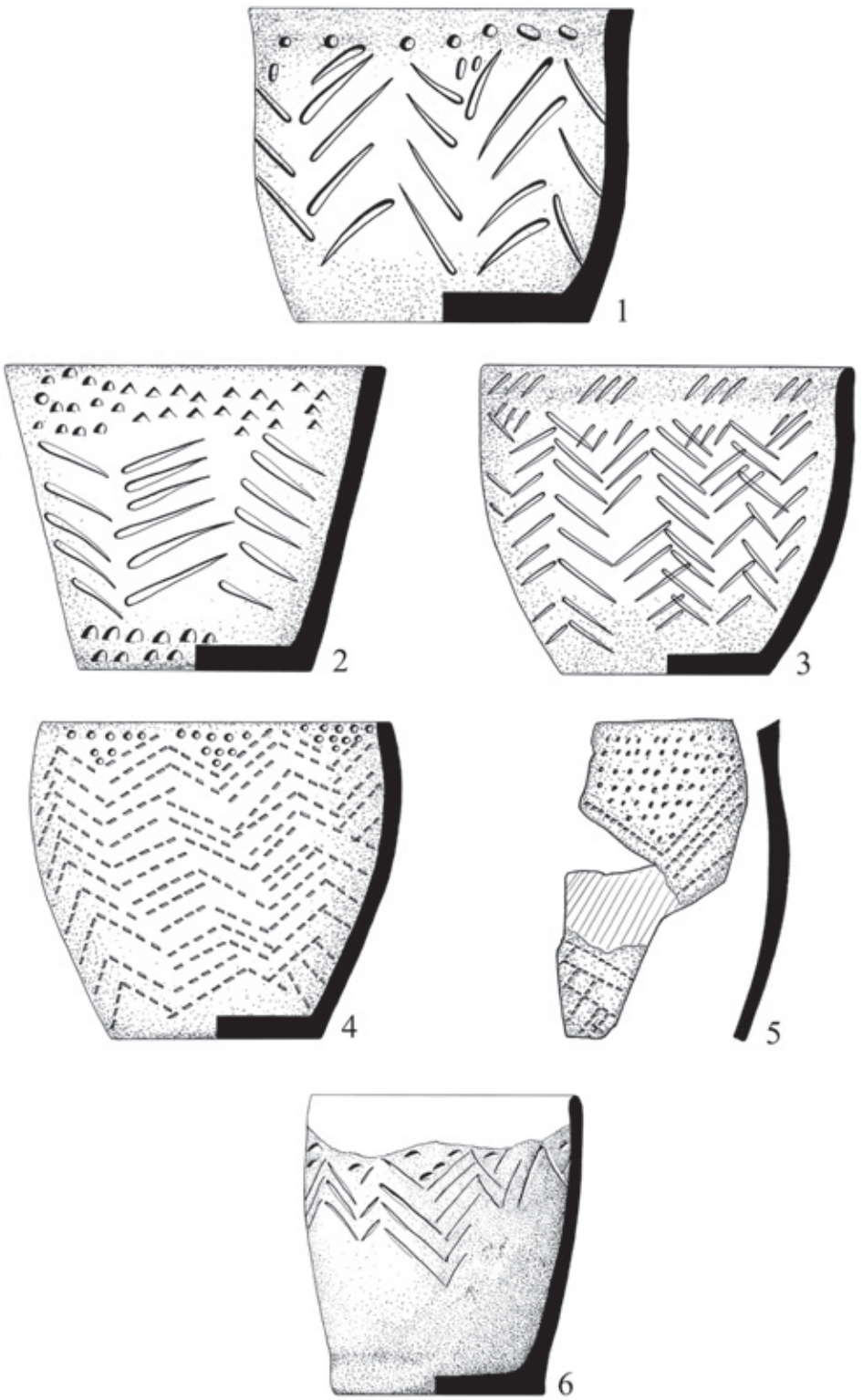


Табл. 105. 1 - Заречное I; 2 - Сухое озеро I, к. 442, м. 5; 3 - Новая Чёрная III, м. 18; 4 - Орак, м. 26; 5 - Шоиндыколь, м. 8; 6 - Кытманово.

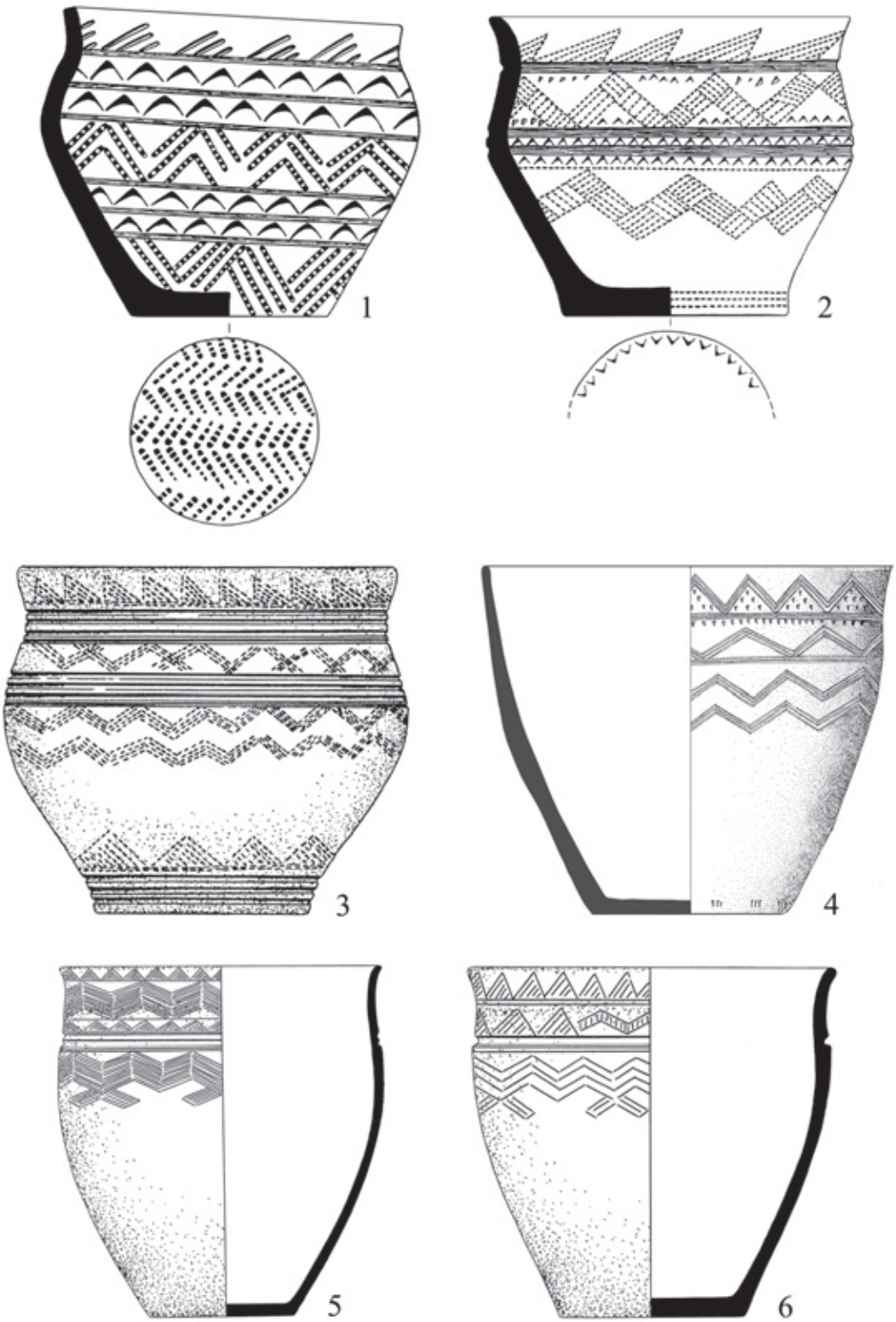


Табл. 106. 1 - ЕК-II, к. 52, сек. 3, № 25; 2 - ЕК-II, м. 2, № 1; 3 - Алыпкаш; 4 - Фирсово XIV, м. 74; 5, 6 - Мичурино I.

Табл. 107. 1 - Юрман I, к. 1, м. 2; 2 - Кытманово, м. 2; 3 - Орак, м. 21; 4 - Урефты I, к. 21, п. 7; 5 - Танай XII.

Табл. 108. 1 - ЕК-II, м. 183, № 2; 2 - Бугулы I, огр. 4, яма 5; 3 - Бугулы I; 4 - Урефты I, к. 21, п. 13; 5 - Урефты I, к. 21, п. 1; 6 - Урефты I, к. 21, сос. 4; 7 - Урефты I, к. 13, п. 9.

Табл. 109. 1 - Тау-Тары; 2 - Фёдоровский, к. 39, м. 1; 3 - Айшрак; 4 - Преображенка III, к. 8, п. 2; 5 - Зевакино, огр. 72а; 6 - Ижевский I.

Табл. 109 (продолжение). 7 - Шапат, м. 18; 8 - Тартас-1, захор. 351; 9 - Ташик.

Табл. 110. 1 - Восход-I; 2 - Алексеевский, п. 4; 3 - Урский, к. 3, м. 2; 4 - Смолино; 5 - Урский, к. 3, м. 1; 6 - Урефты I, к. 2, яма в кв. Д-8.

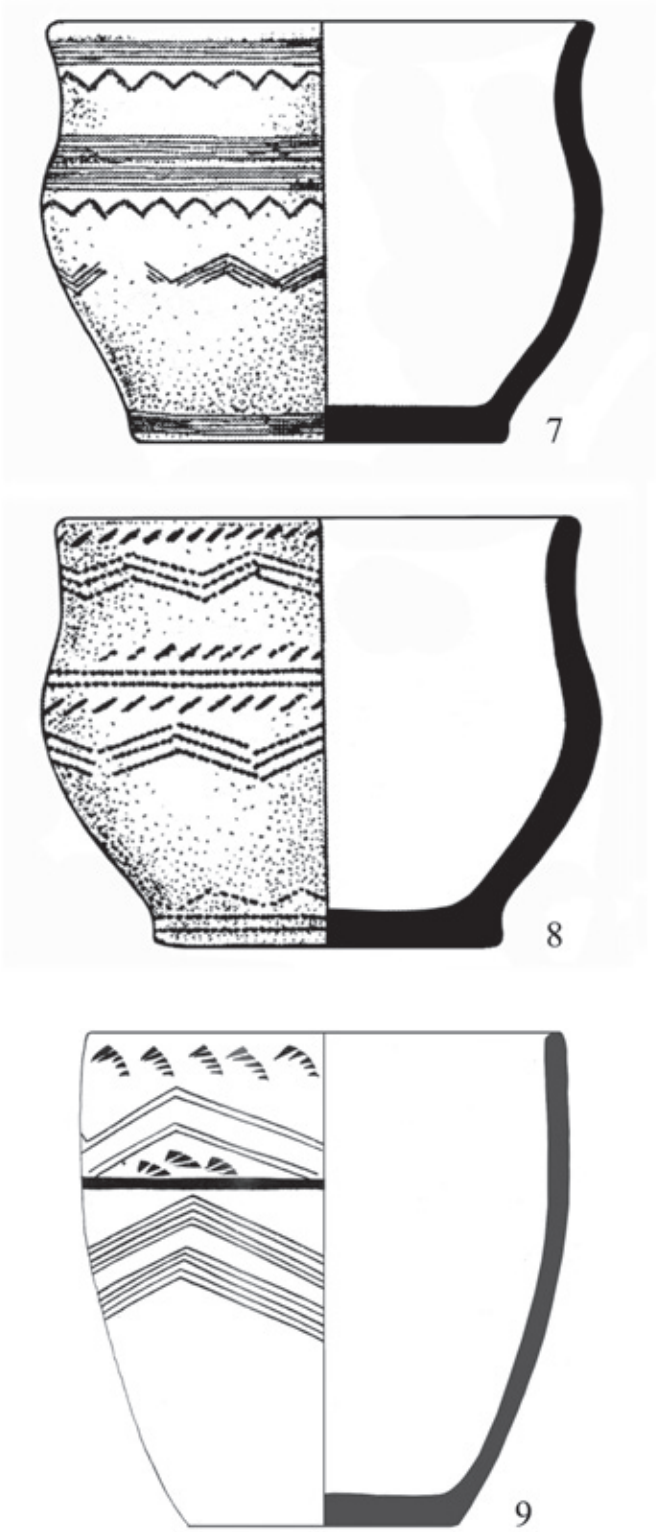


Табл. 110 (продолжение). 7 - Урефты I, к. 13. п. 7; 8 - Урефты I, к. 13, п. 10; 9 - Фирсово XIV, сос. 4, м. 22.

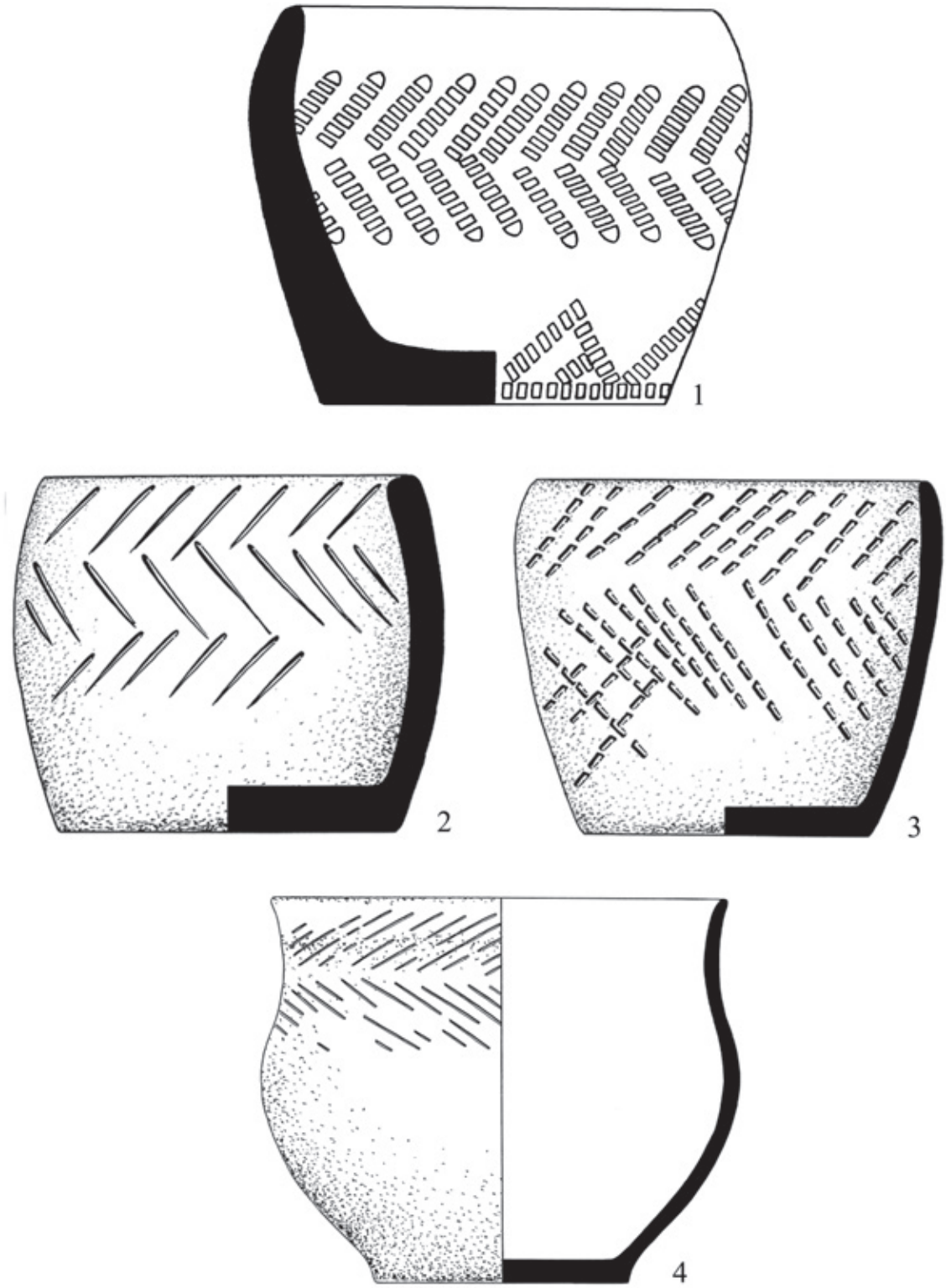


Табл. 111. 1 - ЕК-II, м. 32, № 3; 2 - Преображенка III, к. 27, п. 5; 3 - Новая Чёрная III, м. 23; 4 - Лисаковский I.

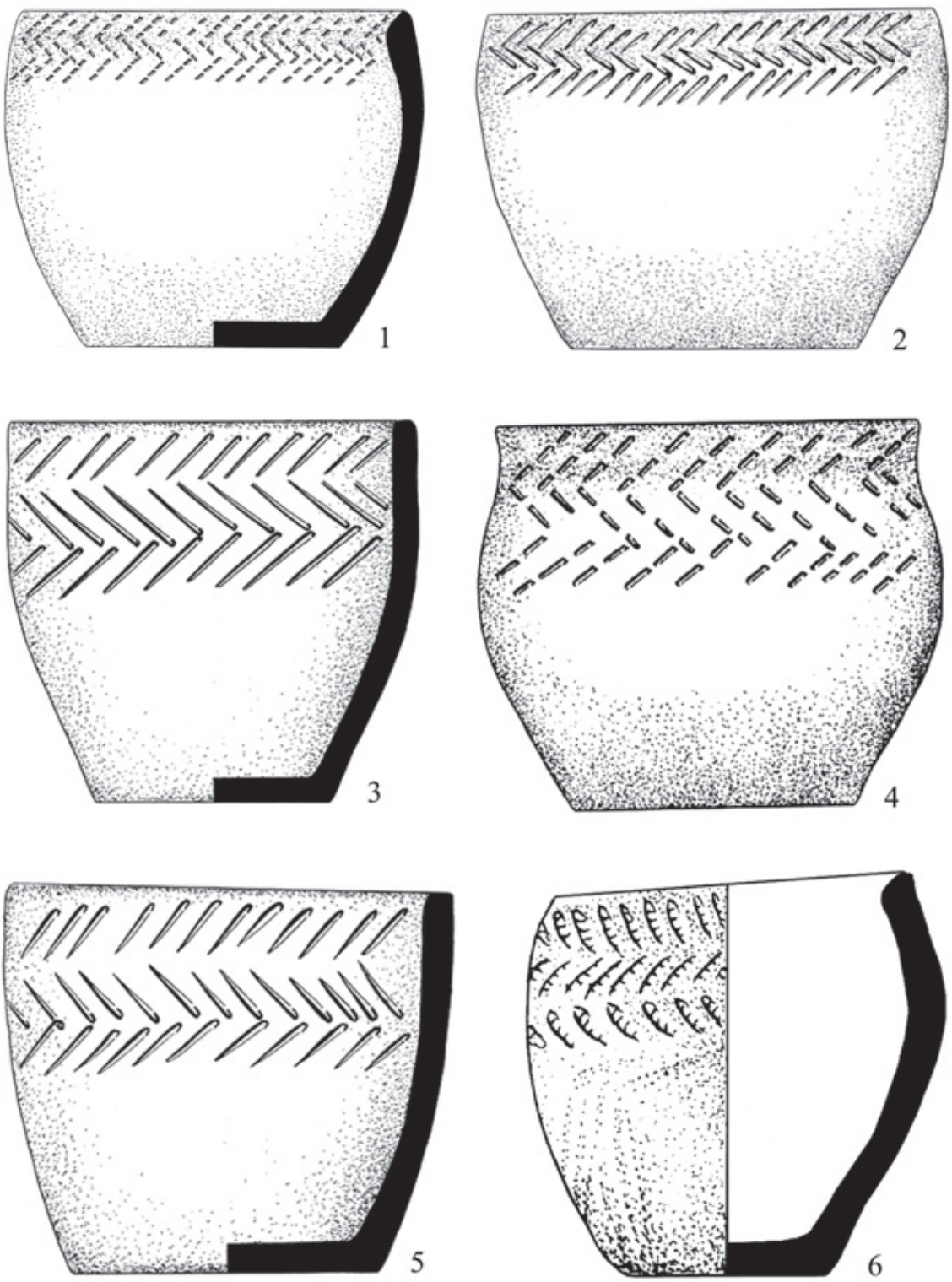


Табл. 112. 1 - Пристань I, м. 3; 2 - Сухое озеро IA, к. 442, м. 2; 3 - Вахрушево; 4 - Кинзерский-2 к. 71; 5 - БЕ-XIV, м. 22; 6 - Кытманово, м. 10.

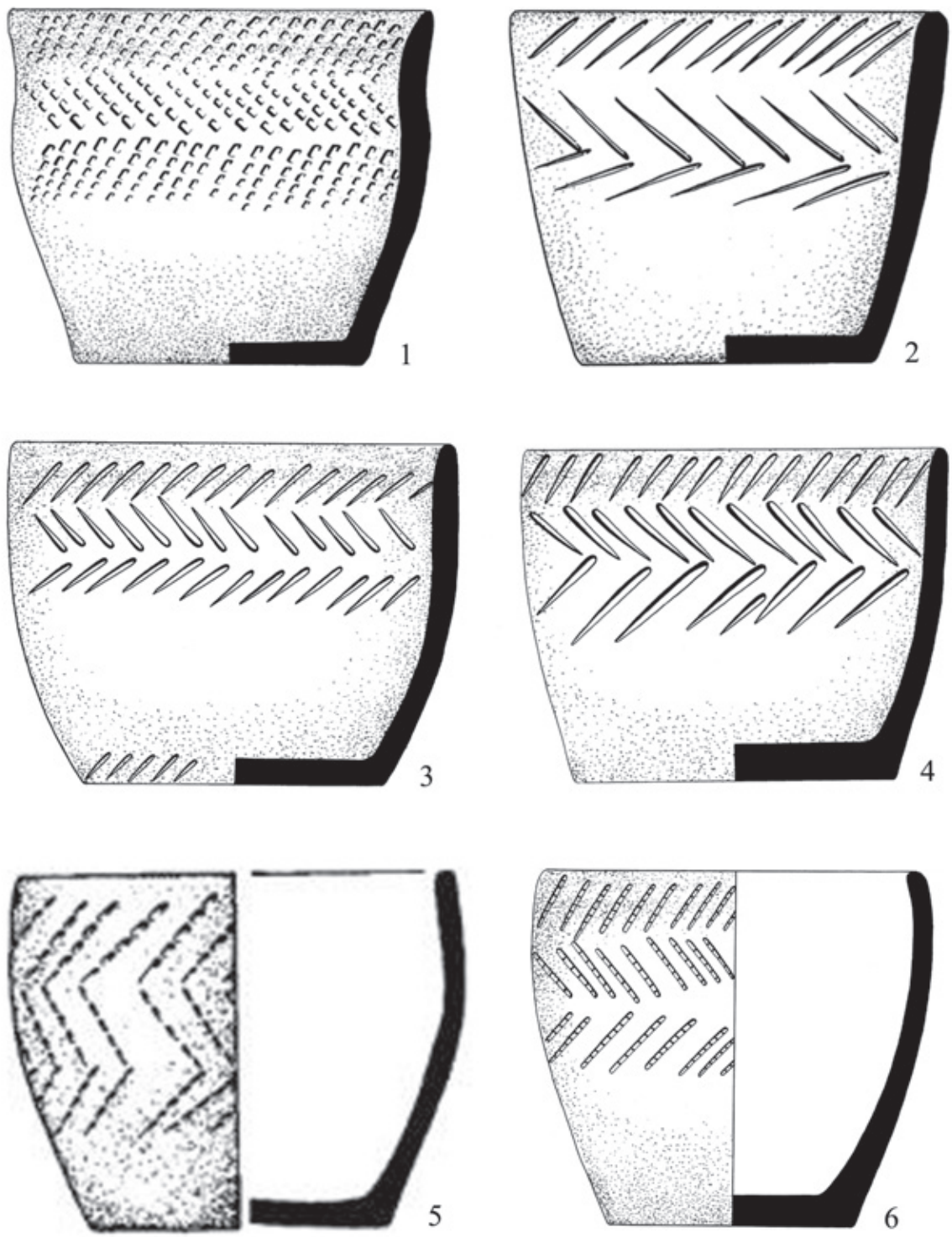


Табл. 113. 1 - БЕ-XIV, м. 25; 2 - Преображенка III, к. 48, п. 1; 3 - Орак, м. 19; 4 - Заречное I; 5 - Устье-Бири IV; 6 - Подтурино.

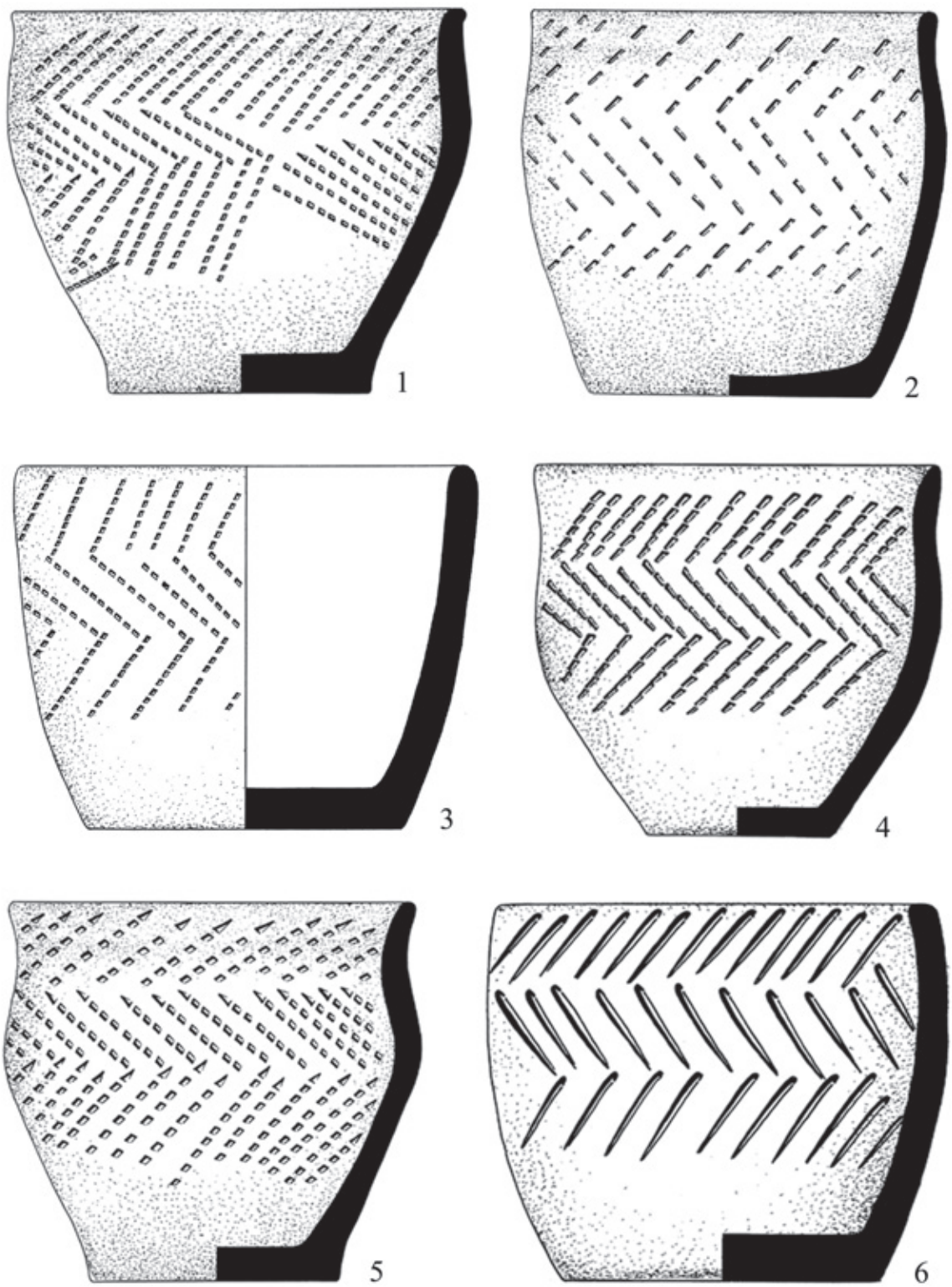


Табл. 114. 1, 5 - Старый Тартас-4, к. 7, п. 2; 2 - Зевакино, огр. 24; 3 - Подтурино; 4 - Зевакино, огр. 23, м. 1; 6 - Новая Чёрная III, м. 8.

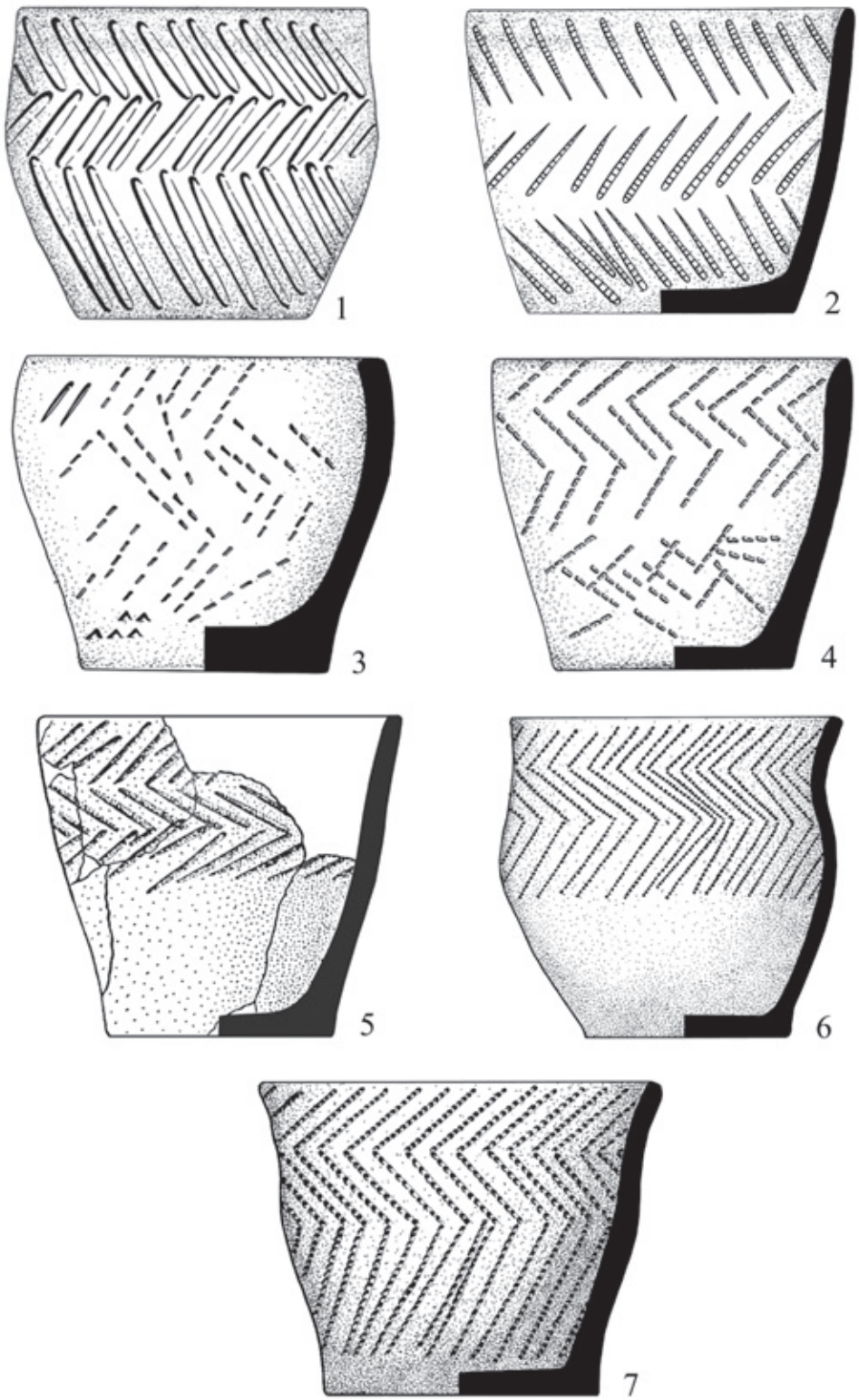


Табл. 115. 1 - Кинзерский-2; 2 - Заречное I; 3 - Урский, к. 14, м. 1; 4 - Преображенка III, к. 18, п. 3; 5 - Чудиновка-1, тр. 2, ш. 1, м. 1, сос. 3; 6 - Танай XII п. 60, сос. 1; 7 - Танай XII п. 60, сос. 2.

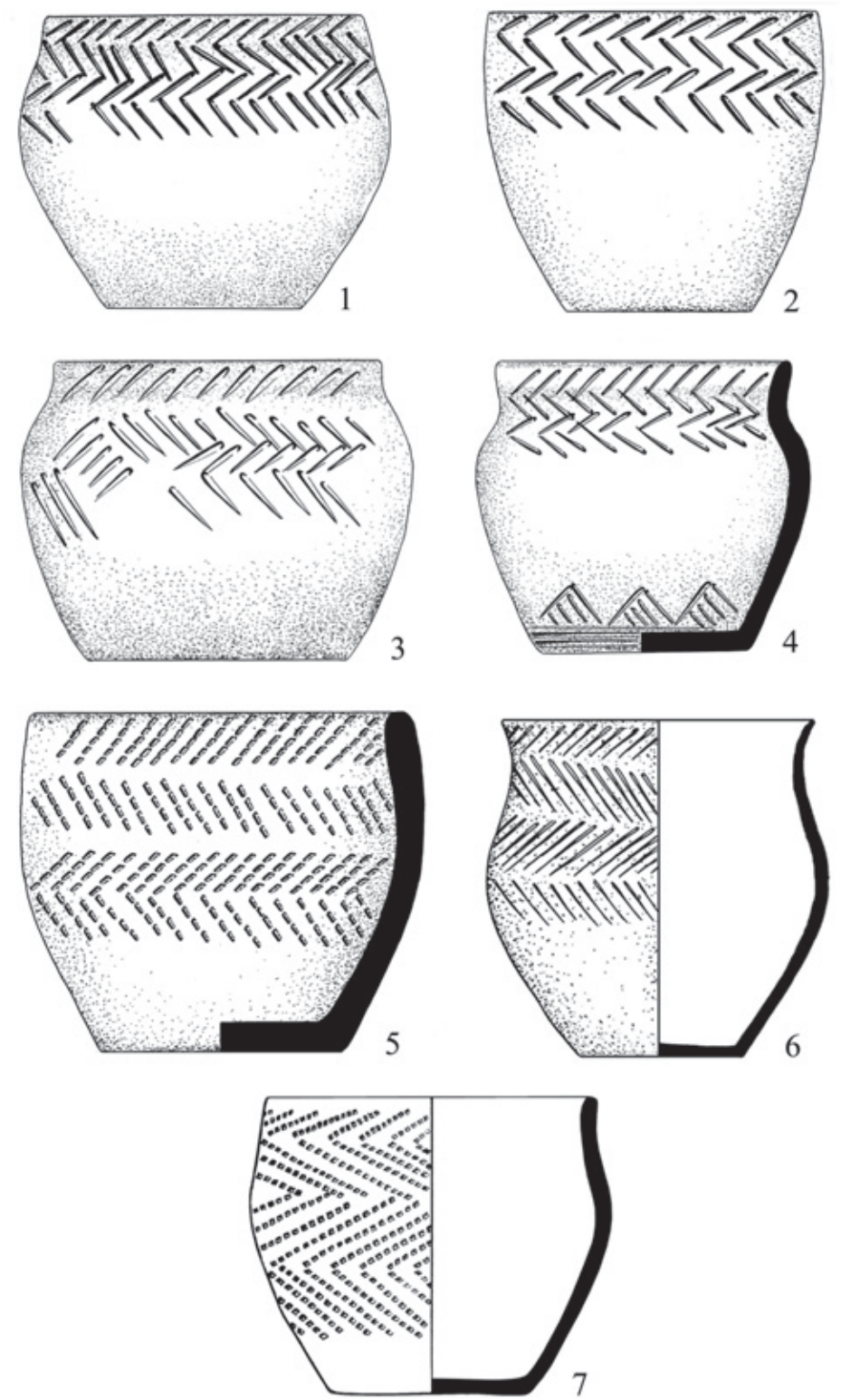


Табл. 116. 1 - Смолино, к. 7, п. 1; 2 - Новосёлово; 3 - Новая Чёрная III, м. 13; 4 - Лисаковский I, к. 2; 5 - Венгерово VII, к. 1, м. 3; 6 - Быково II, м. 2; 7 - Старый Сад, к. 80, п. 4, с. 3.

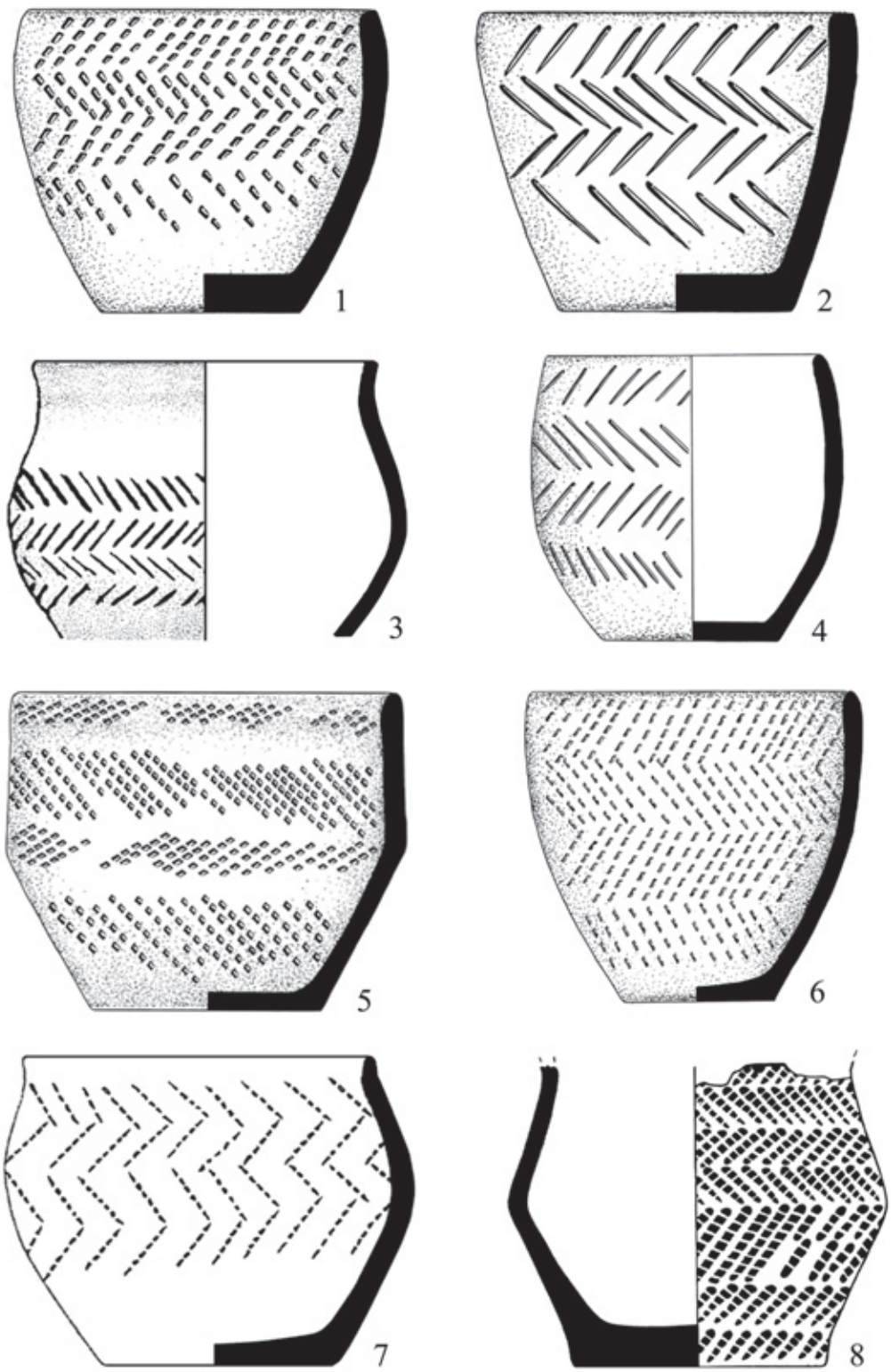


Табл. 117. 1 - Новая Чёрная III, м. 15; 2 - Преображенка III, к. 45, п. 2; 3 - Чекановский Лог-7; 4 - Подтурино; 5 - Старый Тартас-4, к. 17, п. 1; 6 - Зевакино, огр. 26а; 7 - Рублёво VIII, м. 7; 8 - ЕК-II, м. 338, № 4.

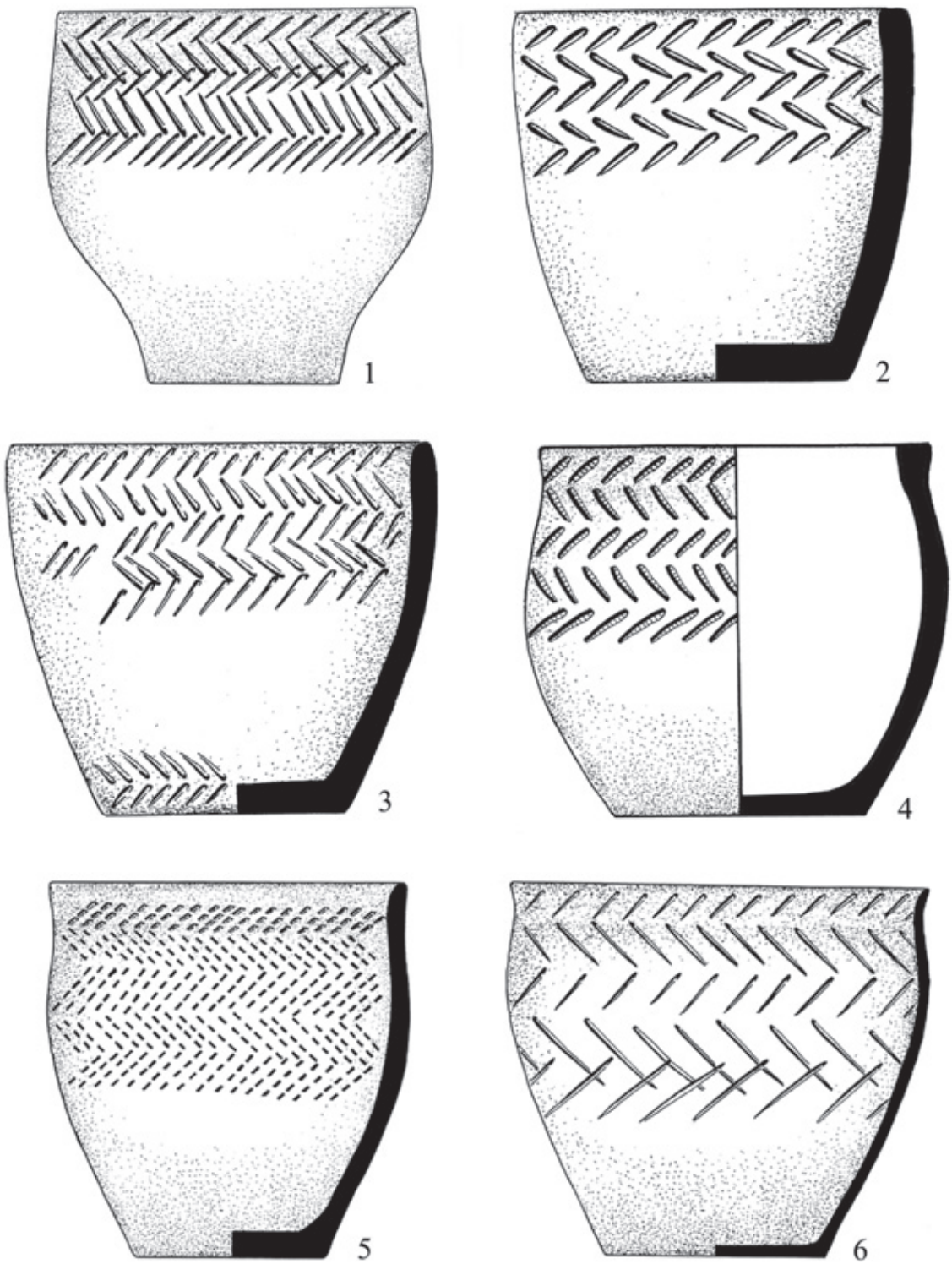


Табл. 118. 1 - Боровое, огр. 43; 2 - Орак, м. 12; 3 - Сухое озеро IA, к. 3, м. 4; 4 - Коврижка-2; 5 - Пристань I, огр. 9, м.; 6 - БЕ-6, к. 5, м. 2; 7 - без точного местонахождения; 8 - Кенжеколь-1, м. 42; 9 - Кызылтас, огр. 37.

Табл. 118 (продолжение). 7 - без точного местонахождения; 8 - Кенжеколь-1, м. 42; 9 - Кызылтас, огр. 37.

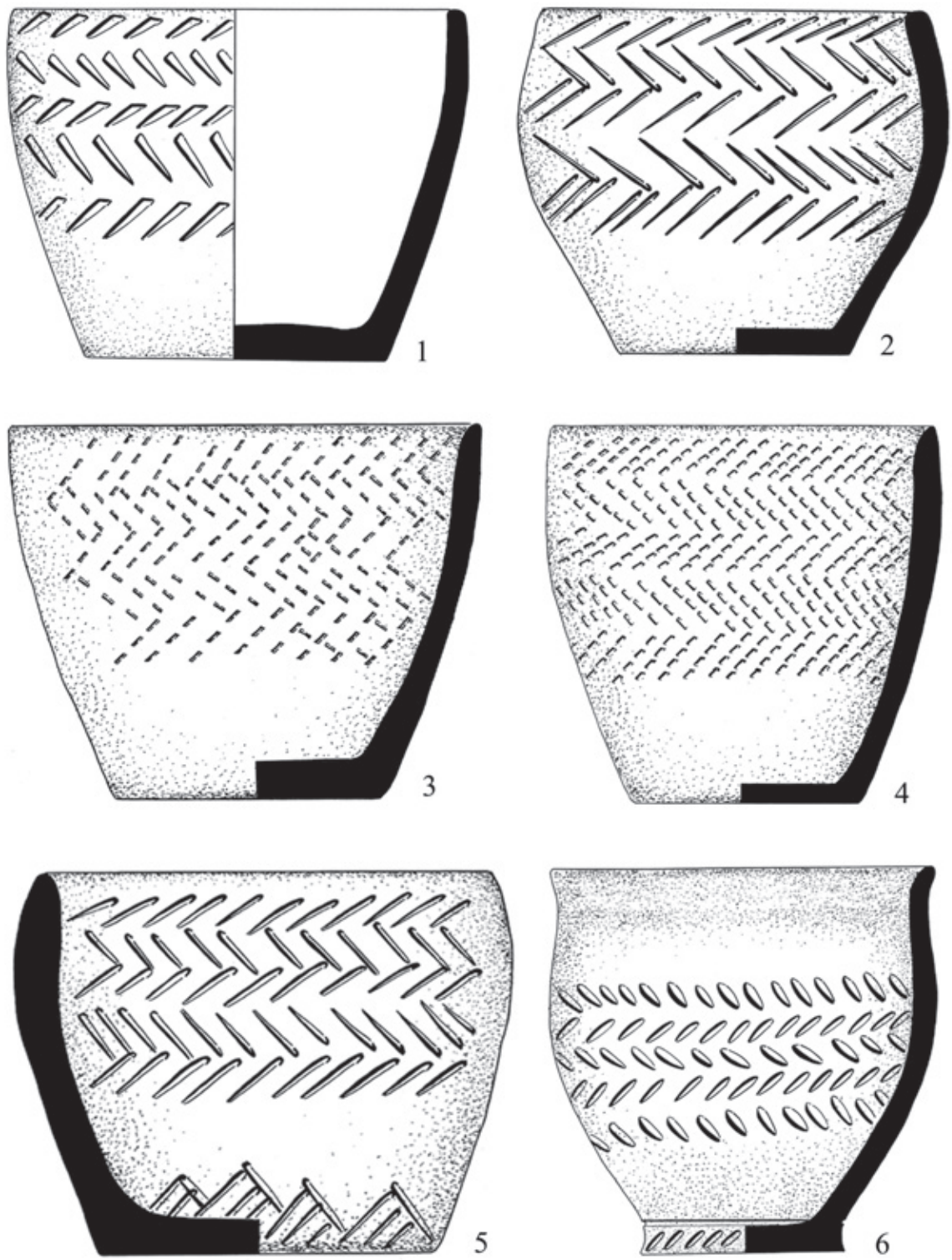


Табл. 119. 1 - Восход-I; 2 - Преображенка III, к. 18, п. 2; 3 - Новая Чёрная III, м. 14; 4 - Васьково V, к. 1, м. 3; 5 - Титово II, мкп, м. 5; 6 - Танай XII.

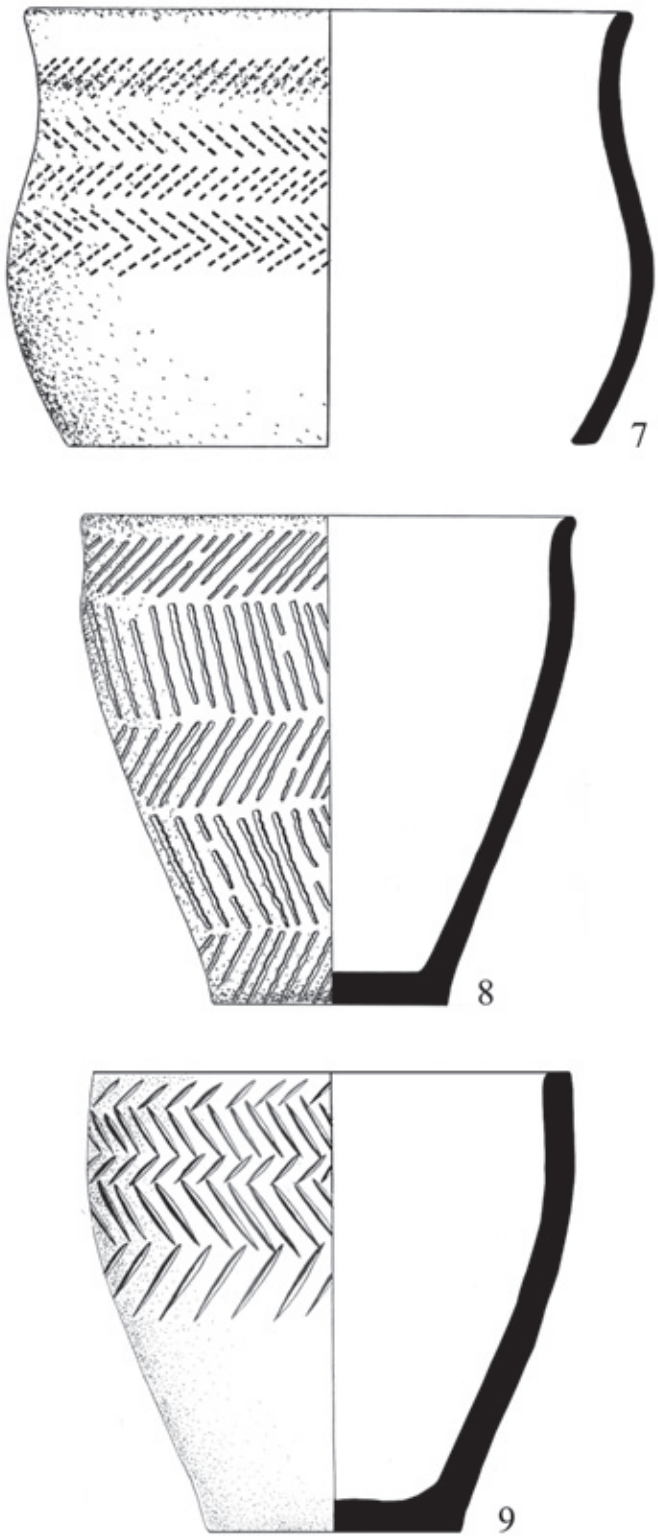


Табл. 119 (продолжение). 7 - Лисаковский I; 8 - Мичурино I; Фирсово XIV, кв. 79/1.

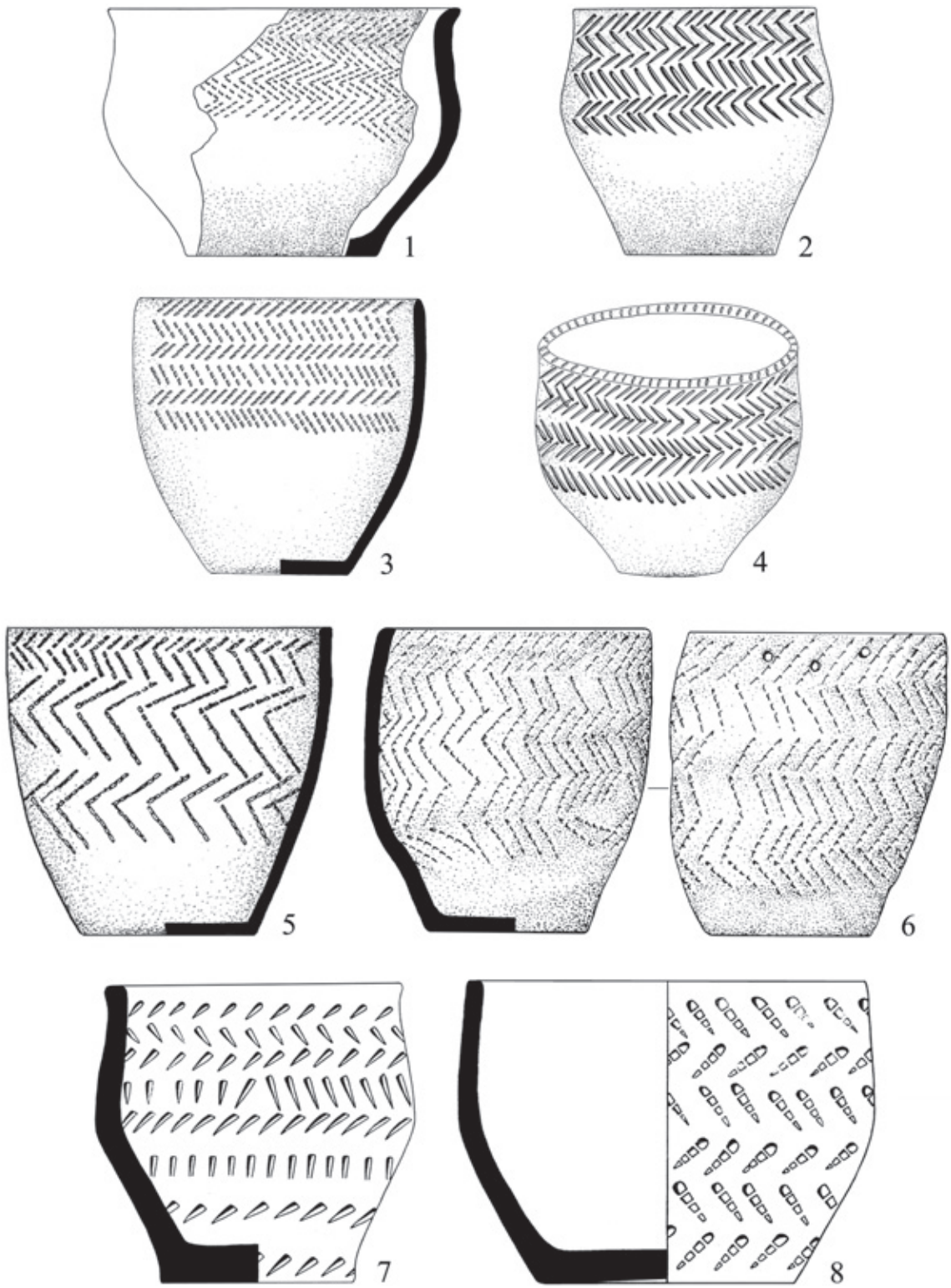


Табл. 120. 1 - Джартас, огр. 17, циста; 2 - Боровое, огр. 14, м. Д; 3 - Пристань I, огр. 7, м. 9; 4 - Боровое, огр. 5; 5 - Преображенка III, к. 47, п. 1; 6 - Кытманово, м. 8; 7 - ЕК-II, м. 154, № 2; 8 - ЕК-II, кв. 14-Т, № 1.

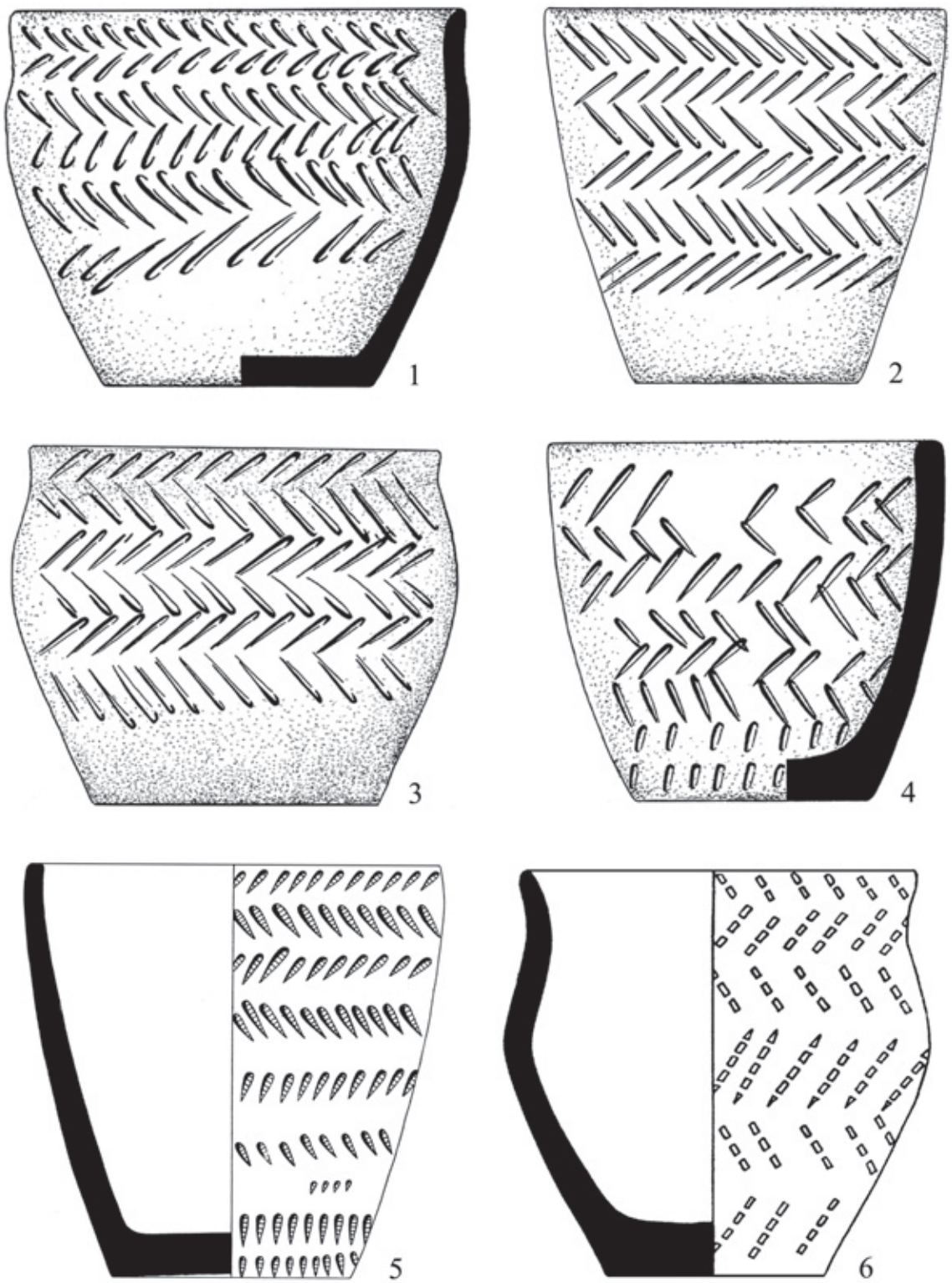


Табл. 121. 1 - Новая Чёрная III, м. 16; 2 - Вахрушево к. 1, м. 2; 3 - Пристань I, огр. 7, м. 7; 4 - Урский, к. 8, м. 1; 5 - ЕК-II, к. 51, м. 1; 6 - ЕК-II, м. 48.

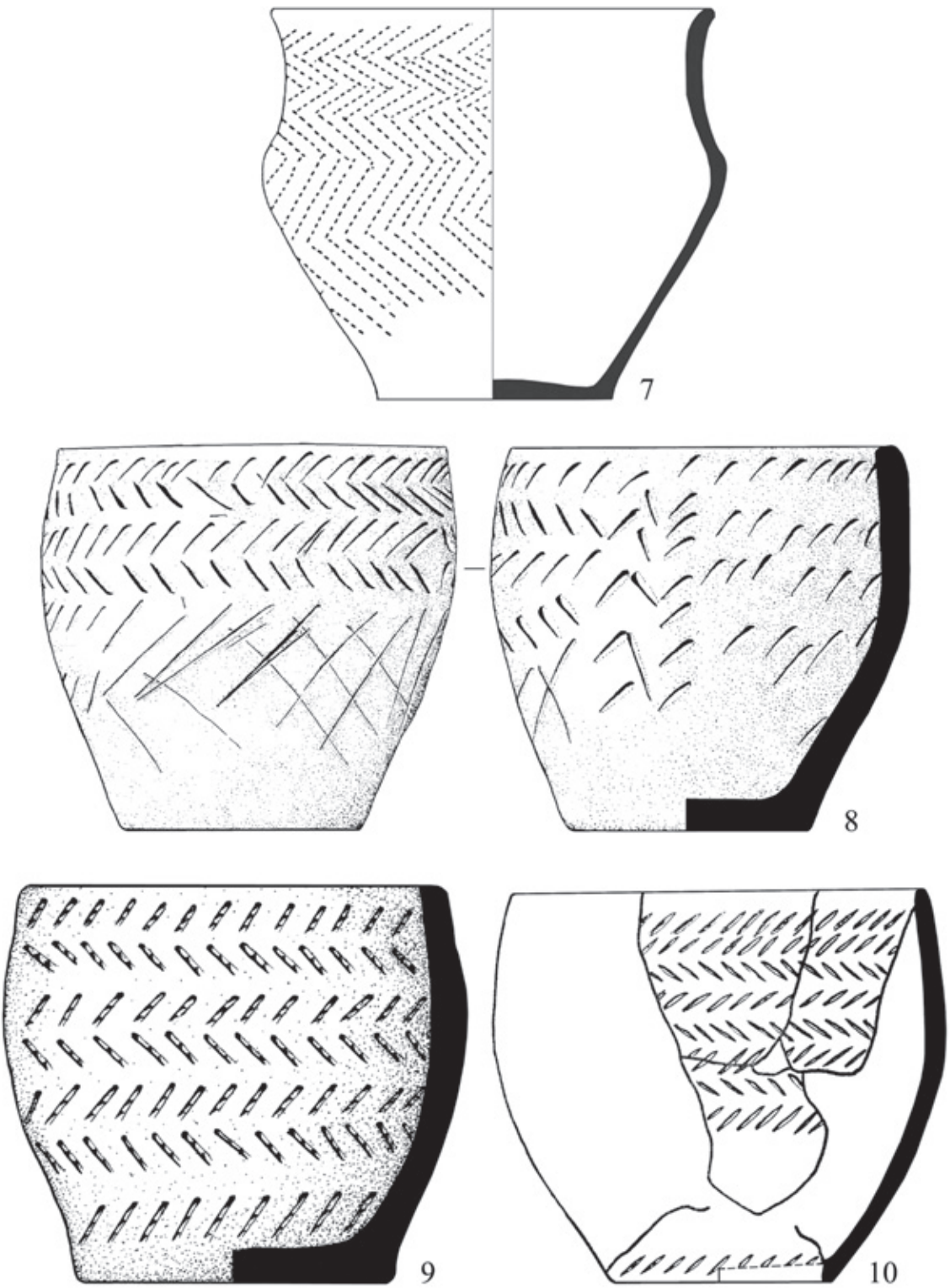


Табл. 121 (продолжение). 7 - Берёзовский, огр. 22А; 8 - Кытманово; 9 - Танай XII п. 31, сос. 1; 10 - Старый Сад, к. 79, яма.

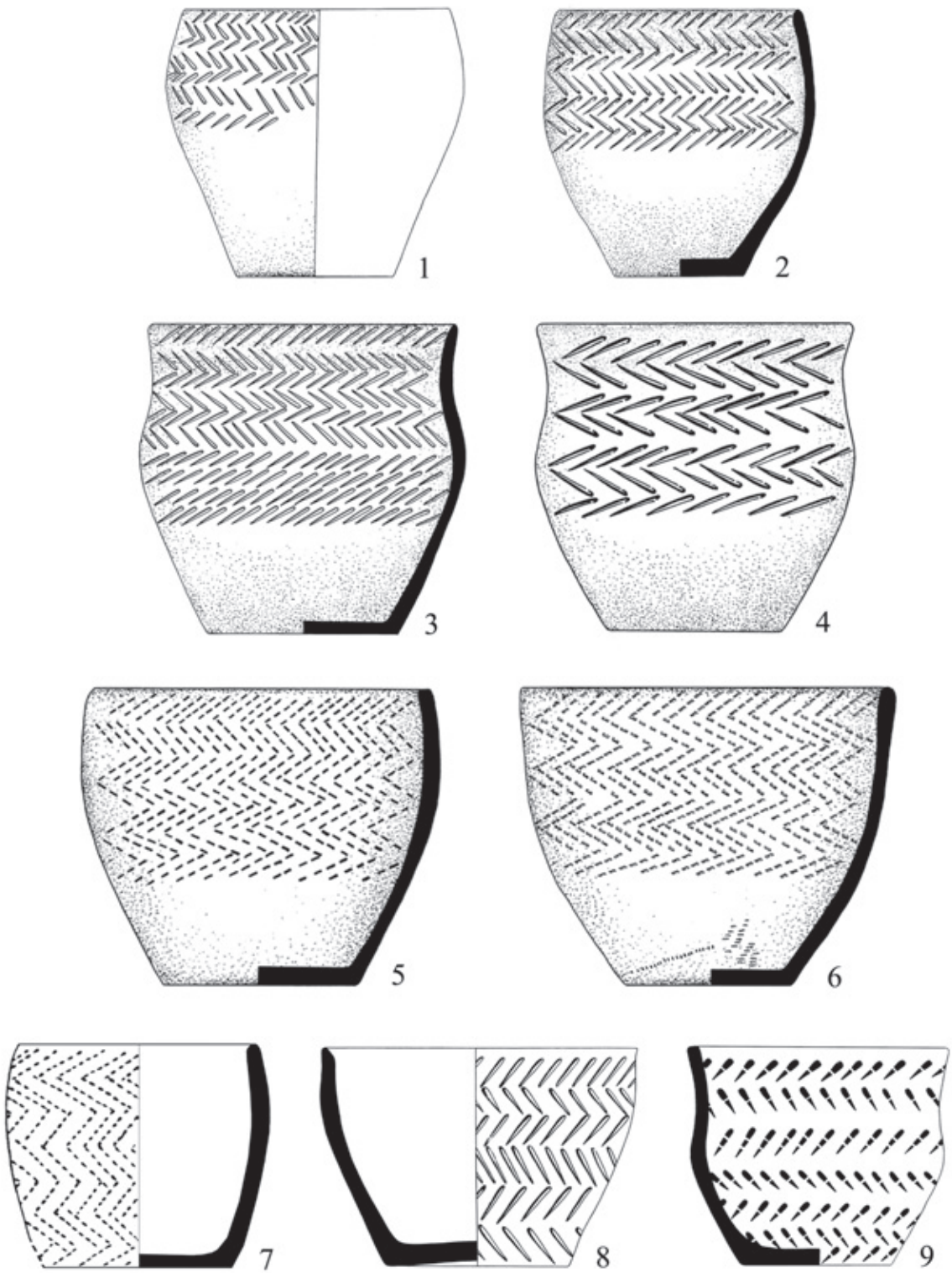


Табл. 122. 1, 2 - Солёноозёрная I, м. 21; 3 - Абрамово IV, к. 11, п. 1; 4 - Акмола, к. 23; 5 - Ярки, м. 2; 6 - Ярки; 7 - Барашки, огр. 29; 8 - ЕК-II, м. 209, № 1; 9 - ЕК-II, м. 238 или 338, № 2.

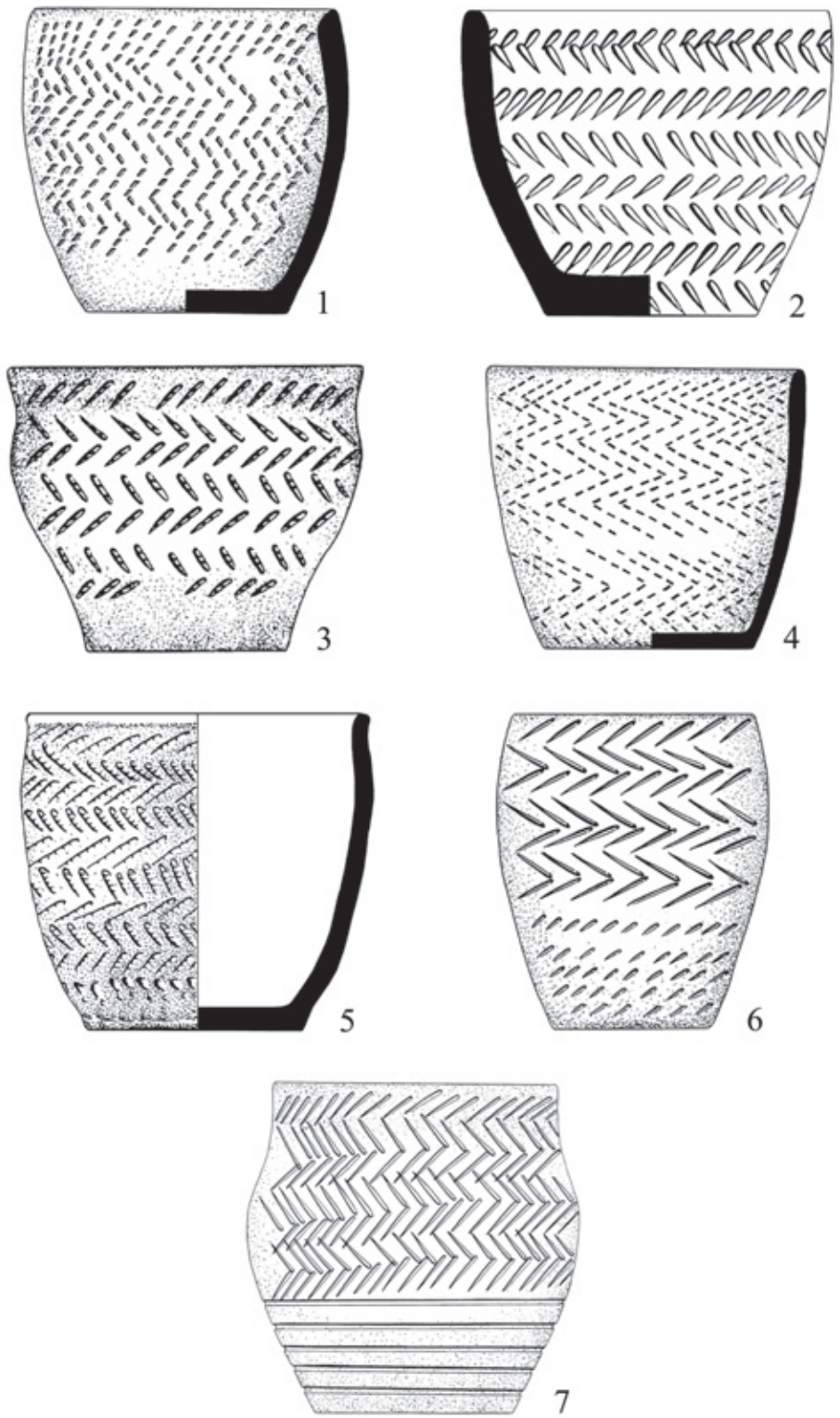


Табл. 123. 1 - Сухое озеро IA, к. 3, м. 3; 2 - ЕК-II, м. 48; 3 - Кытманово, м. 33; 4 - Венгерово VII, к. 1 м. 2; 5 - Кытманово, м. 25-26; 6 - Канай; 7 - Боровое, огр. 2.

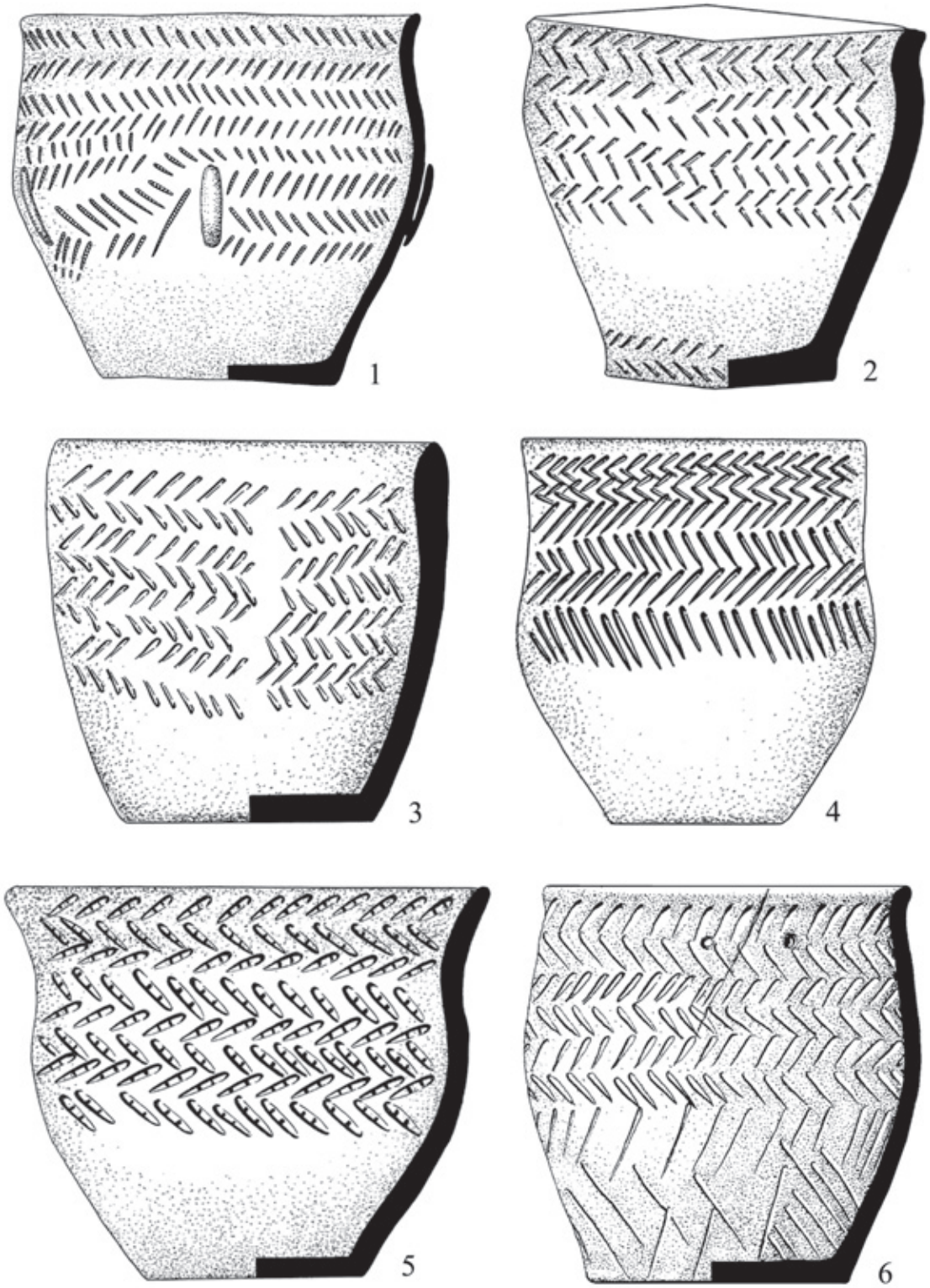


Табл. 124. 1 - Орак, м. 29; 2 – Ашпыл; 3 - Пристань I, огр. 7, м. 2; 4 - Боровое, огр. 5, сев. м.; 5 - Титово II, мкп, м. 2; 6 - Кытманово.

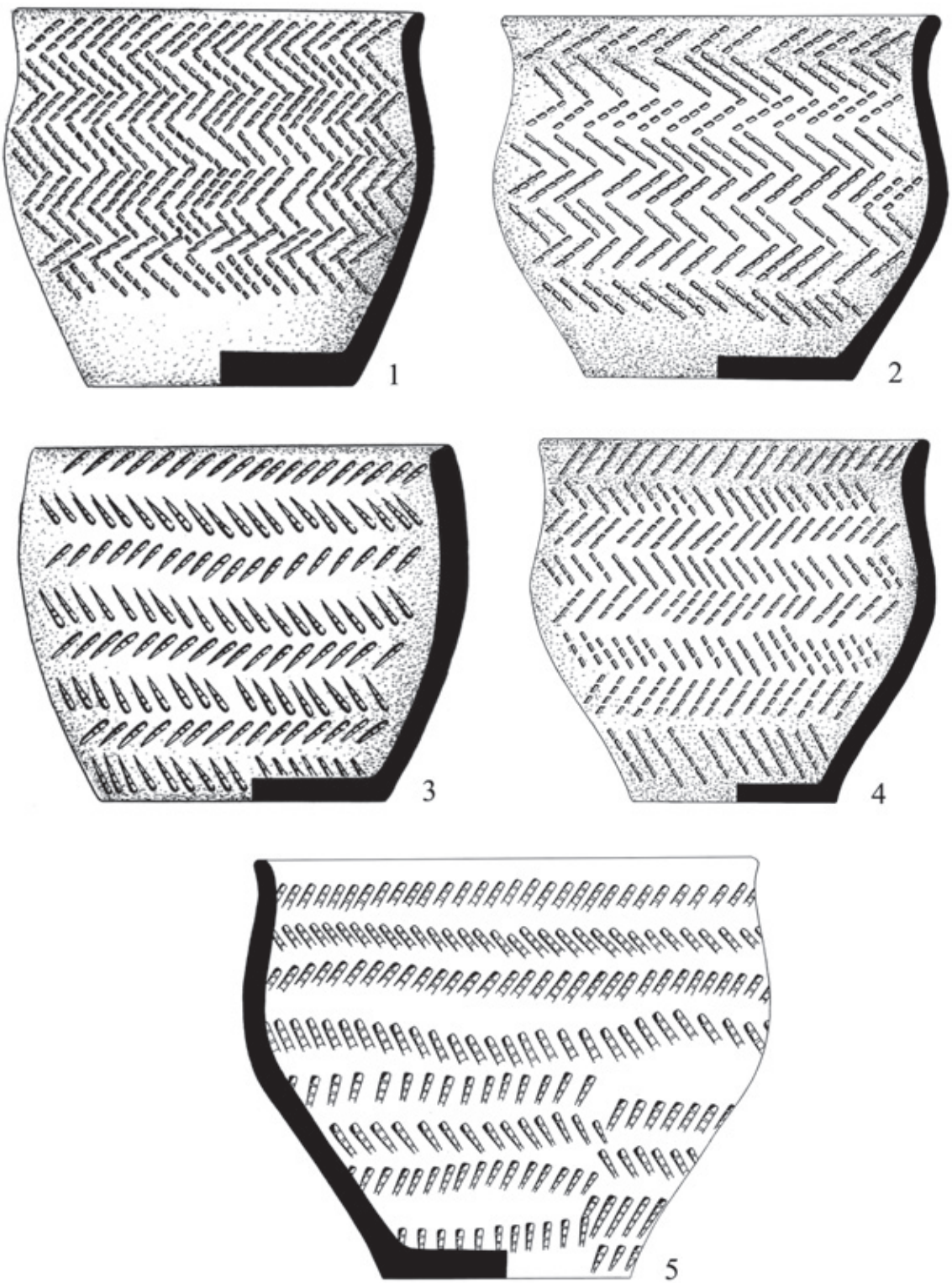


Табл. 125. 1 - Сухое озеро I, к. 107; 2 - Джартас, огр. 36, м.; 3 - Сухое озеро I, к. 442, м. 2; 4 - Сухое озеро I, к. 442, м. 3; 5 - ЕК-II, м. 309, № 2.

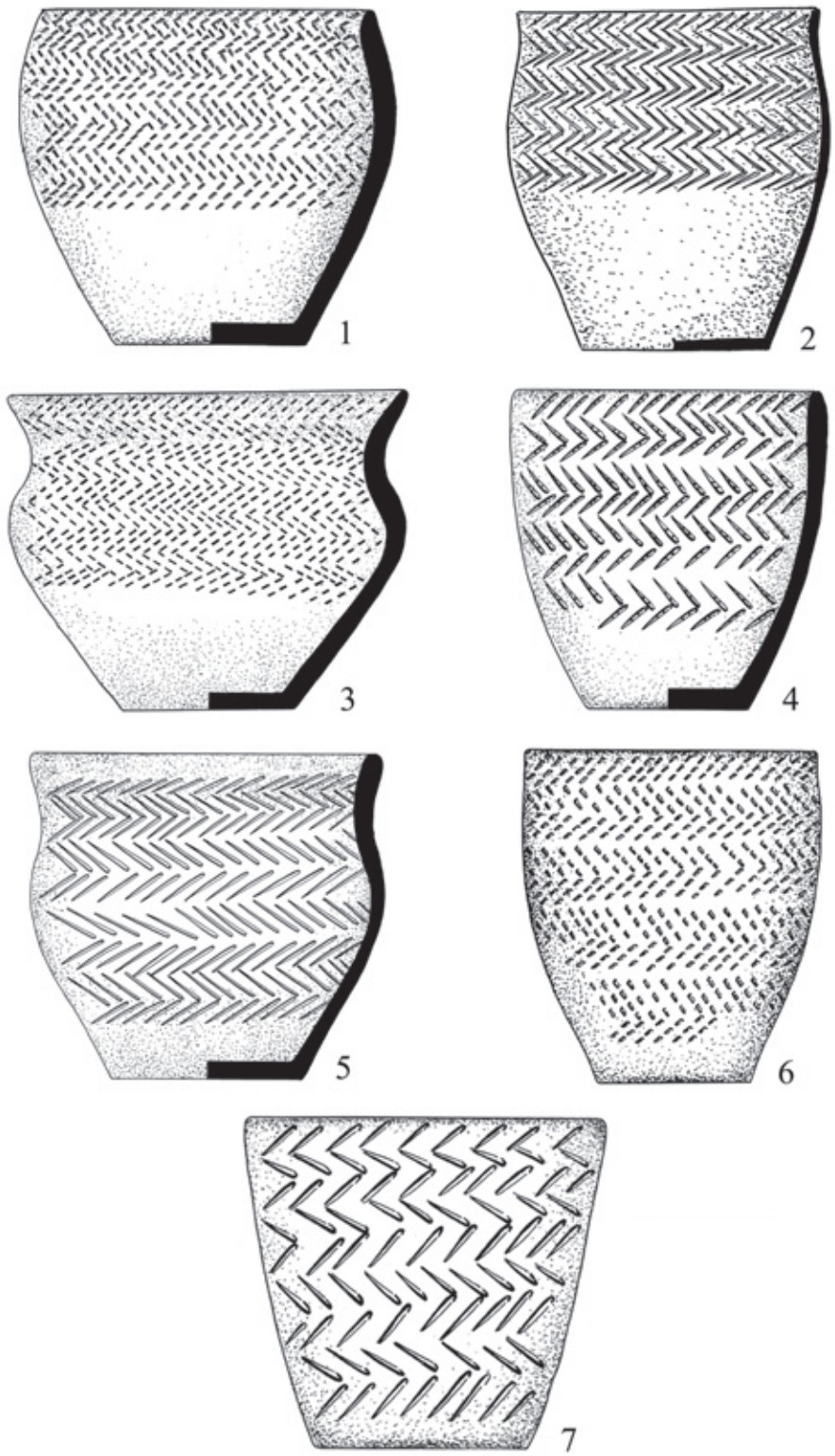


Табл. 126. 1, 4 - Орак, м. 32; 2 - Преображенка III, к. 59, п. 1; 3 - Преображенка III, к. 75, п. 2; 5 - Акмола, огр. 23; 6 - Кытманово; 7 - Балыкты, огр. 3, жерт. 1.

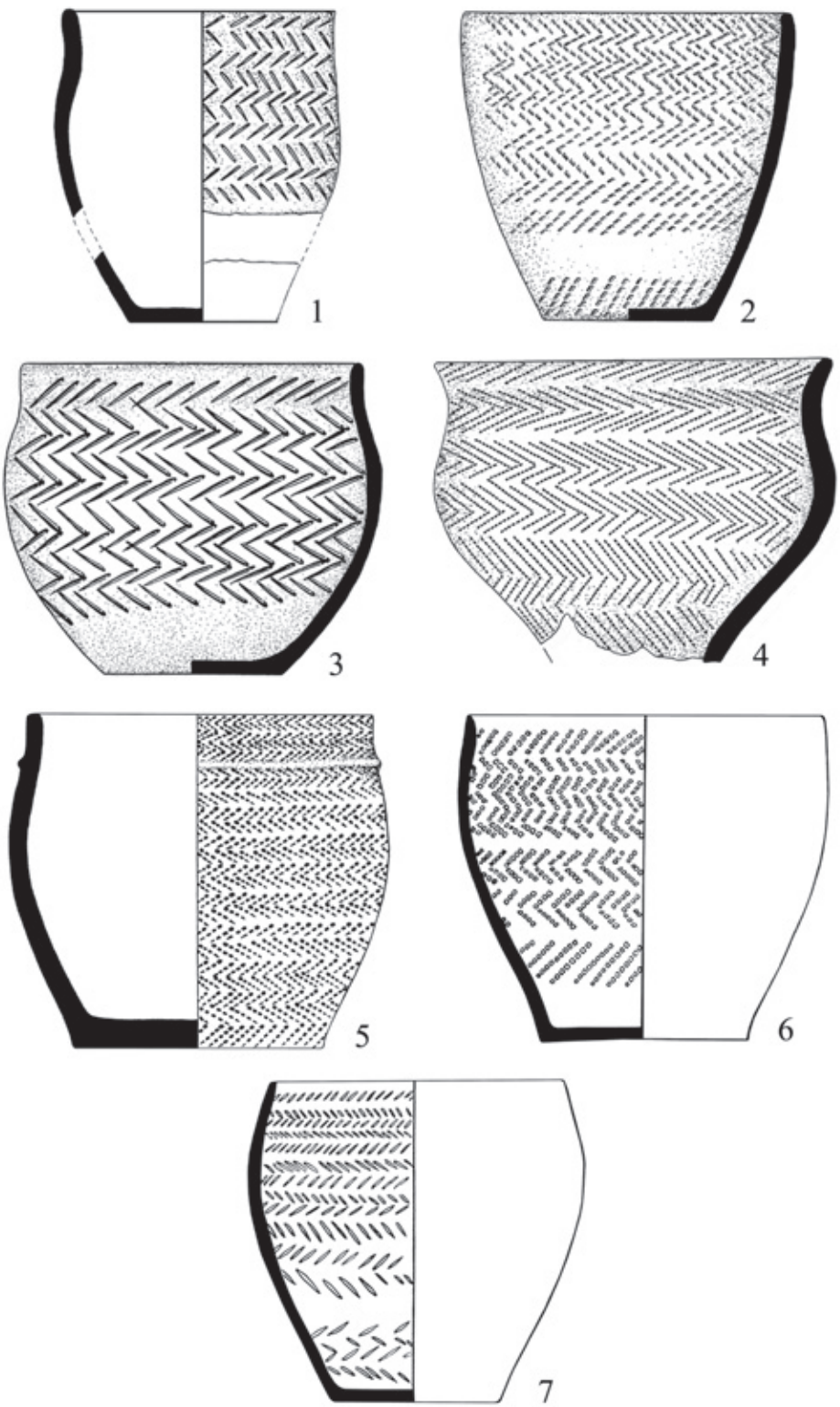


Табл. 127. 1 - Вахрушево к. 8, м. 1; 2 - Венгерово VII, к. 1, м. 3; 3 - Малый Койтас, огр. 35, ящ. 5; 4 - Старый Тартас-4, к. 13, п. 1; 5 - ЕК-II, м. 237, № 2; 6 - Старый Сад, к. 79, п. 2, с. 2; 7 - Старый Сад, к. 80, п. 4, с. 2.

Табл. 128. 1 - Меновное-9, к. 8, огр. 13, м.; 2 - Меновное-9, к. 8, огр. В; 3 - Преображенка III, к. 91, п. 1; 4 - Зевакино, огр. 25а; 5 - Чудиновка-1, сос. 1, к. 2, м. 1; 6 - Чудиновка-1, сос. 1, к. 4, м. 1.

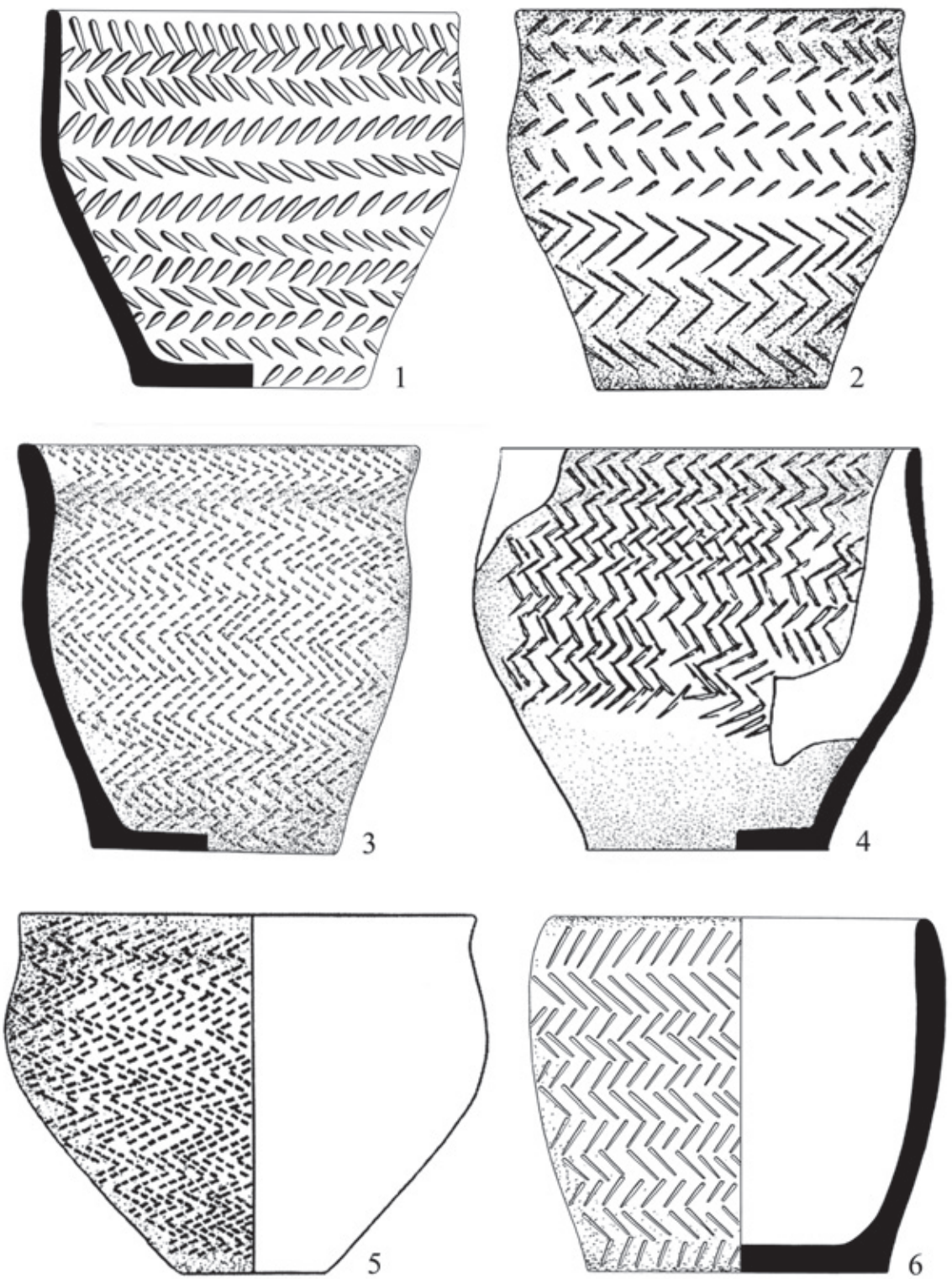


Табл. 129. 1 - ЕК-II, м. 11, № 2; 2 - Кытманово, м. 12; 3 - Танай I, к. 7, м. 1; 4 - Орак, м. 39; 5 - Преображенка III, к. 33, п. 1; 6 - Балыкты, к. 19, насыпь.

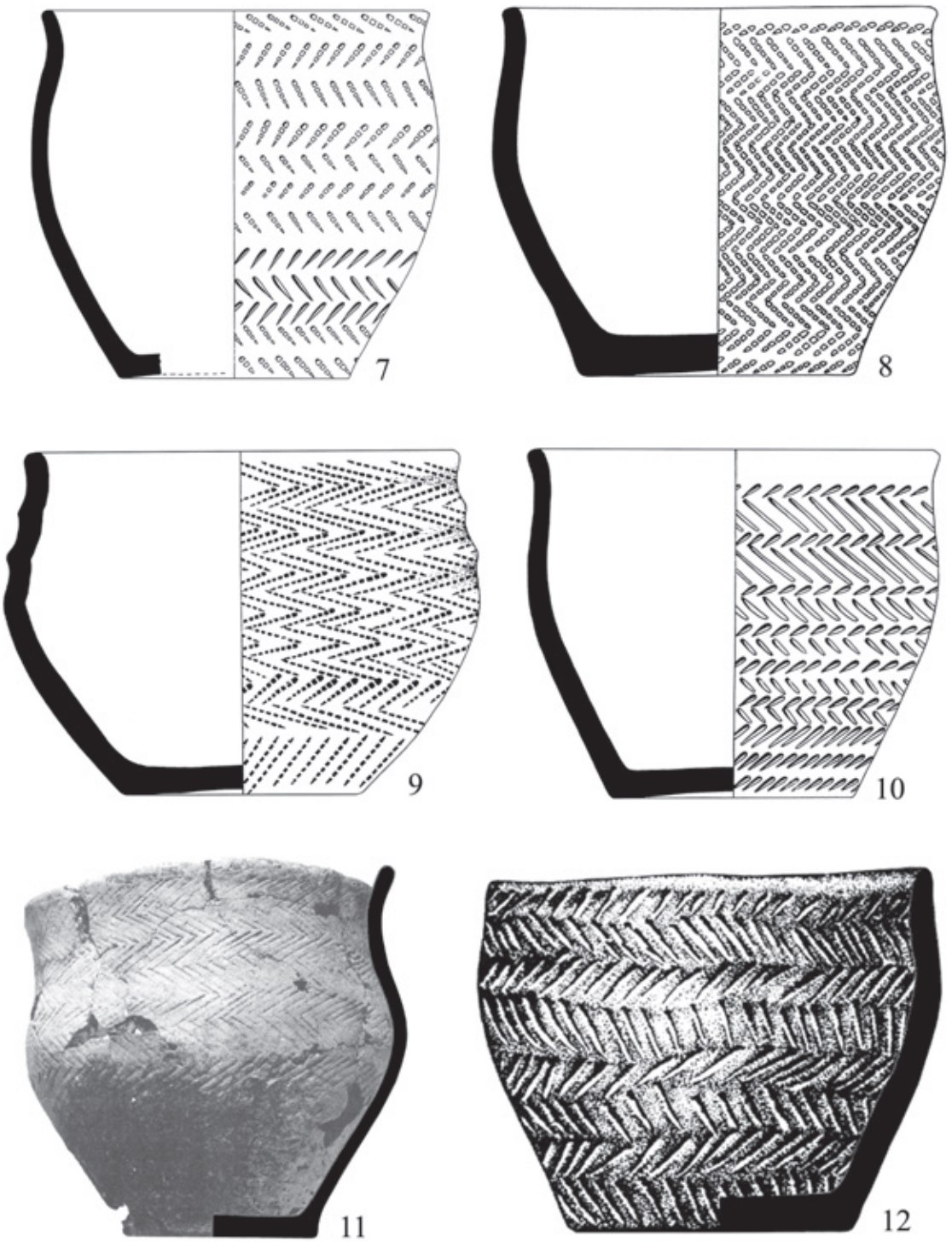


Табл. 129 (продолжение). 7 - ЕК-II, м. 201, № 1; 8 - ЕК-II, м. 293, № 1; 9 - ЕК-II, м. 318, № 1; 10 - ЕК-II, м. 321, № 5; 11 - Тартас-1, захор. 333; 12 - Тартас-1, захор. 351.

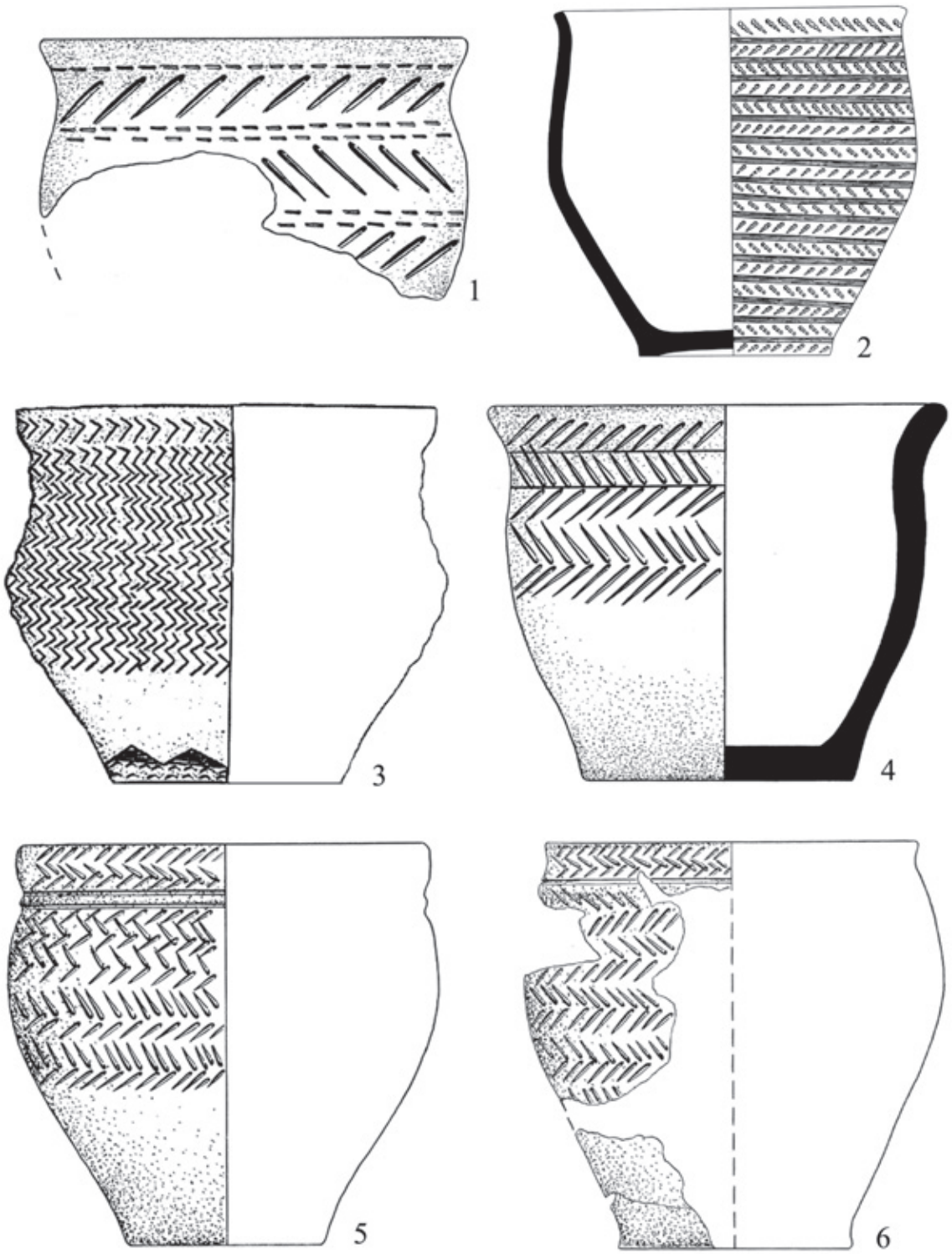


Табл. 130. 1 - Лебяжье I, м. 8; 2 - ЕК-II, м. 114, № 1; 3 - Вахрушево к. 8, м. 2; 4 - Бугулы I; 5 - Солёноозёрная I, м. 23; 6 - Солёноозёрная I, м. 13а.

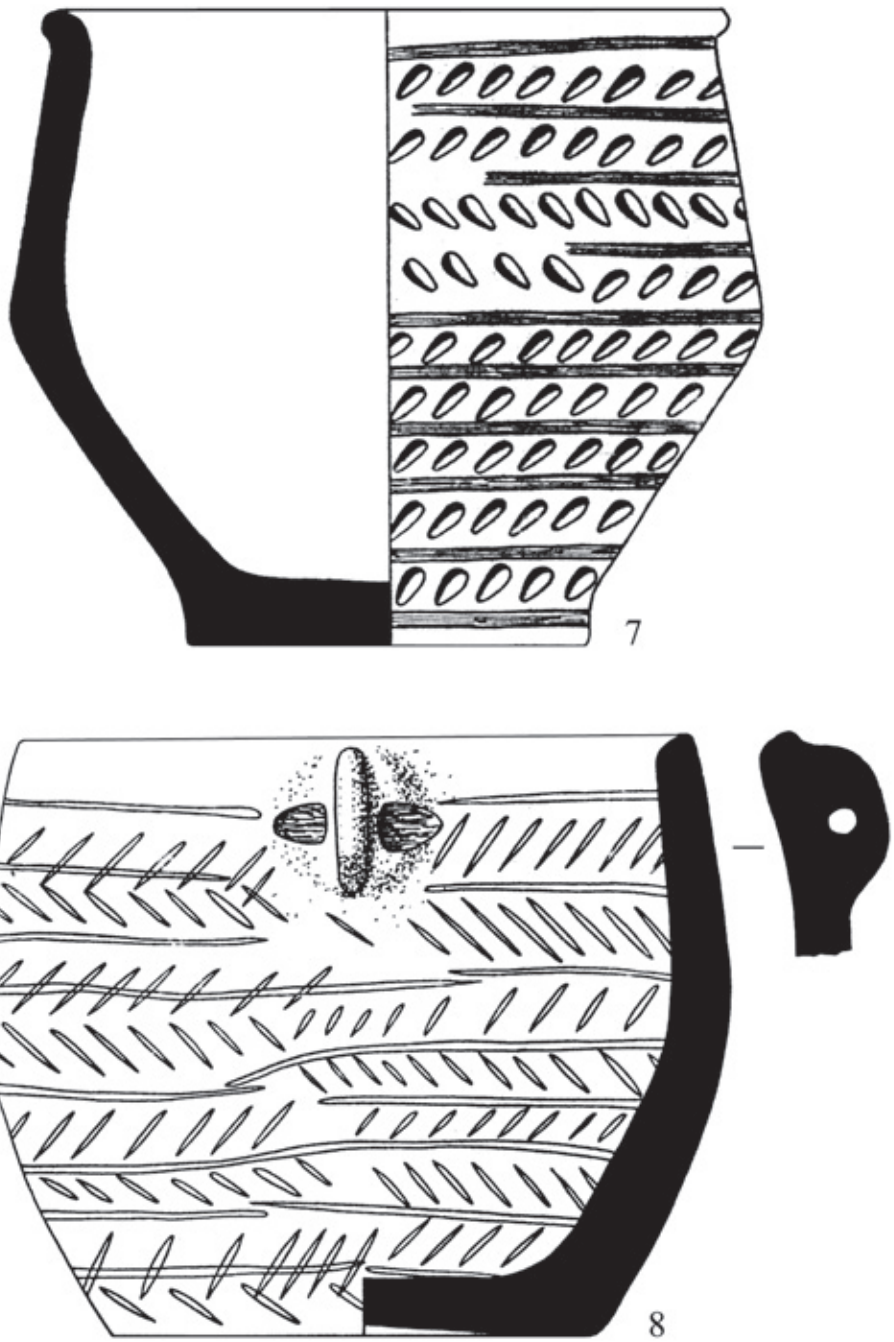


Табл. 130 (продолжение). 7 - ЕК-II, м. 309, № 3; 8 - ЕК-II, отвал.

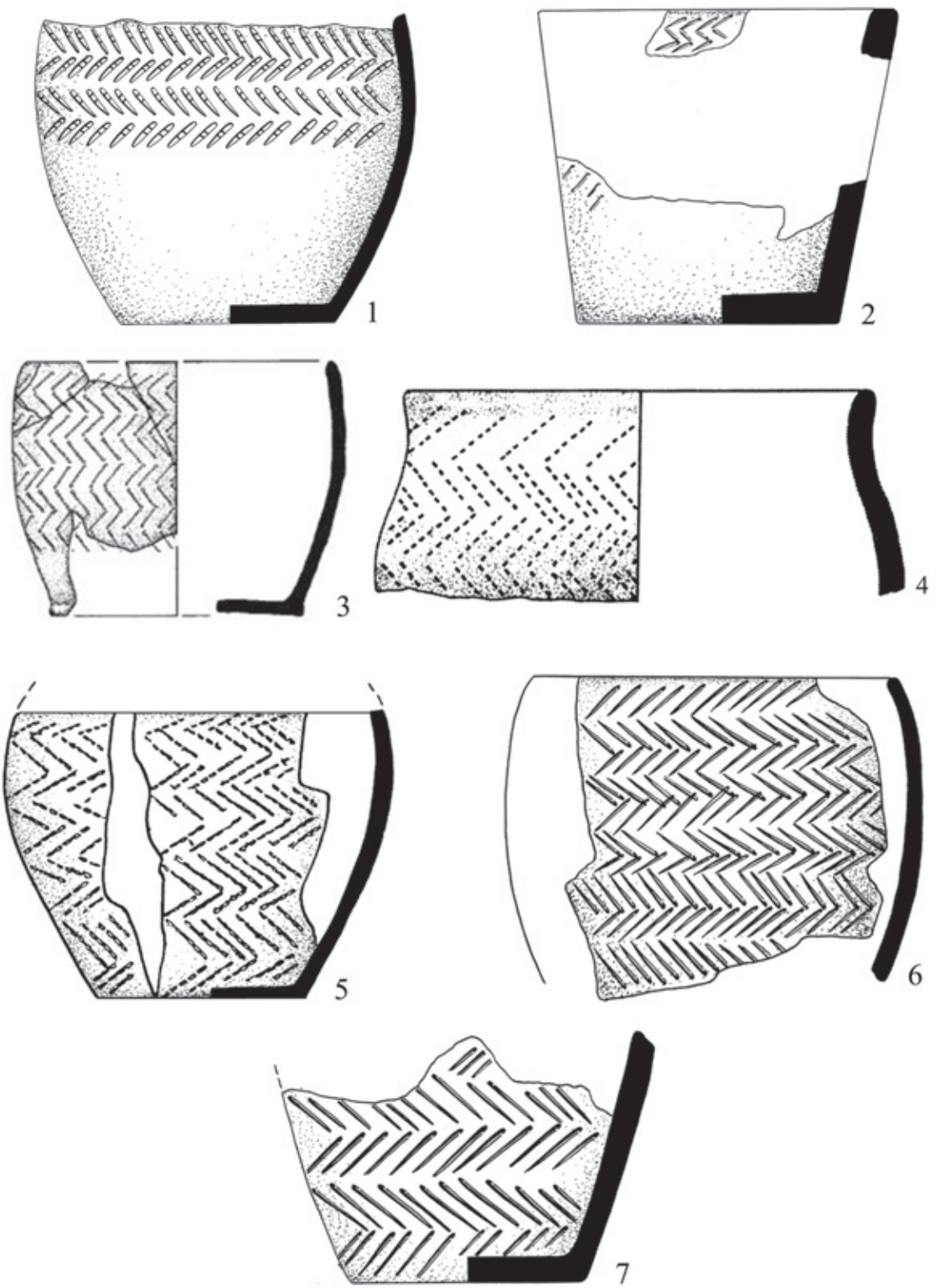


Табл. 131. 1 - Сухое озеро I, к. 662, м. 2; 2 - Орак, м. 25; 3 - Устье-Бири IV; 4 - Чекановский Лог-2; 5 - Малый Койтас, огр. 35, ящ. 4; 6 - Новая Чёрная III, м. 6; 7 - Зевакино, огр. 24.

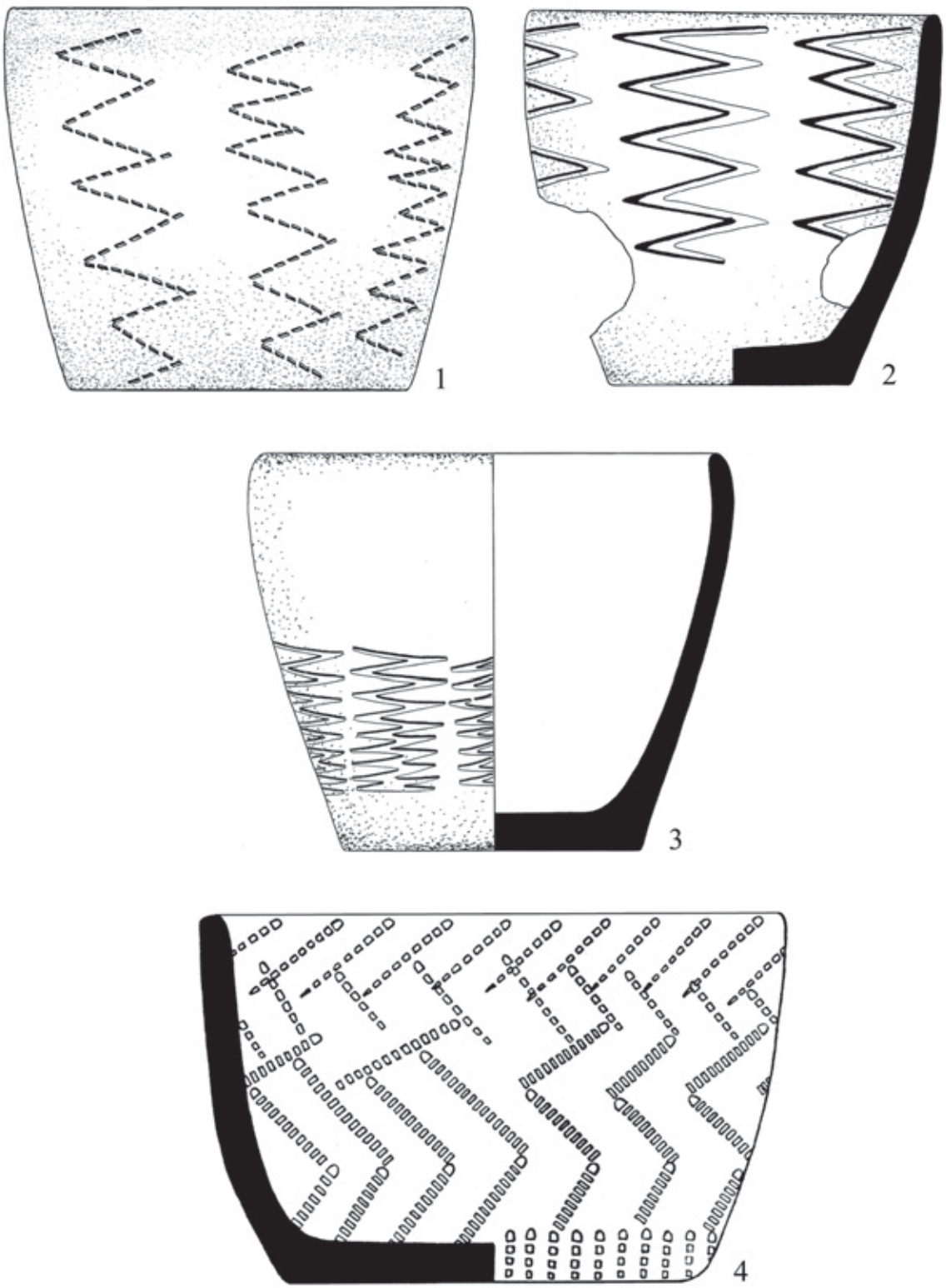


Табл. 132. 1 - Нижняя Суетка, м. 4; 2 - Подтурино; 3 - Мичурино I; 4 - ЕК-II, м. 58, № 2.

Табл. 133. 1 - Сухое озеро I, к. 430, м. 5; 2 - Боровое, огр. 5; 3 - ЕК-II, м. 154, № 1; 4 - Усть-Ерба, м. 3; 5 - Старый Тартас-4, к. 10, м. 1; 6 - ЕК-II, м. 148, № 2; 7 - ЕК-II, м. 337, № 1.

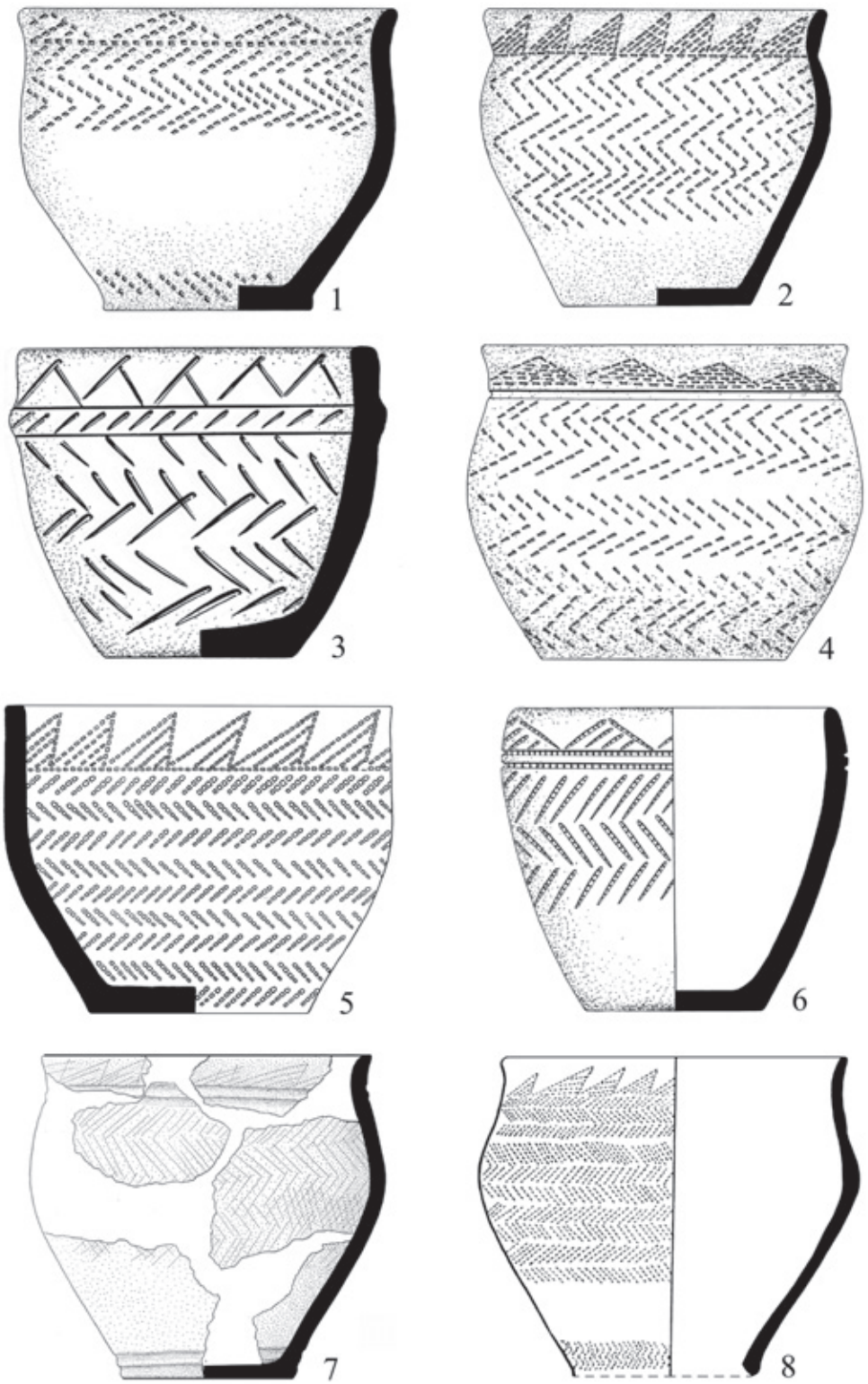


Табл. 134. 1 - Старый Тартас-4, к. 14, п. 2; 2 - Преображенка III, погр. 15; 3 - Новая Чёрная III, м. 16; 4 - Гандичевский, к. 2, п. 1; 5 - ЕК-II, м. 70, № 3; 6 - Икпень I, м. 5; 7 - Чудиновка-1, сос. 1, к. 1, м. 2; 8 - Старый Сад, к. 79, п., с. 1.

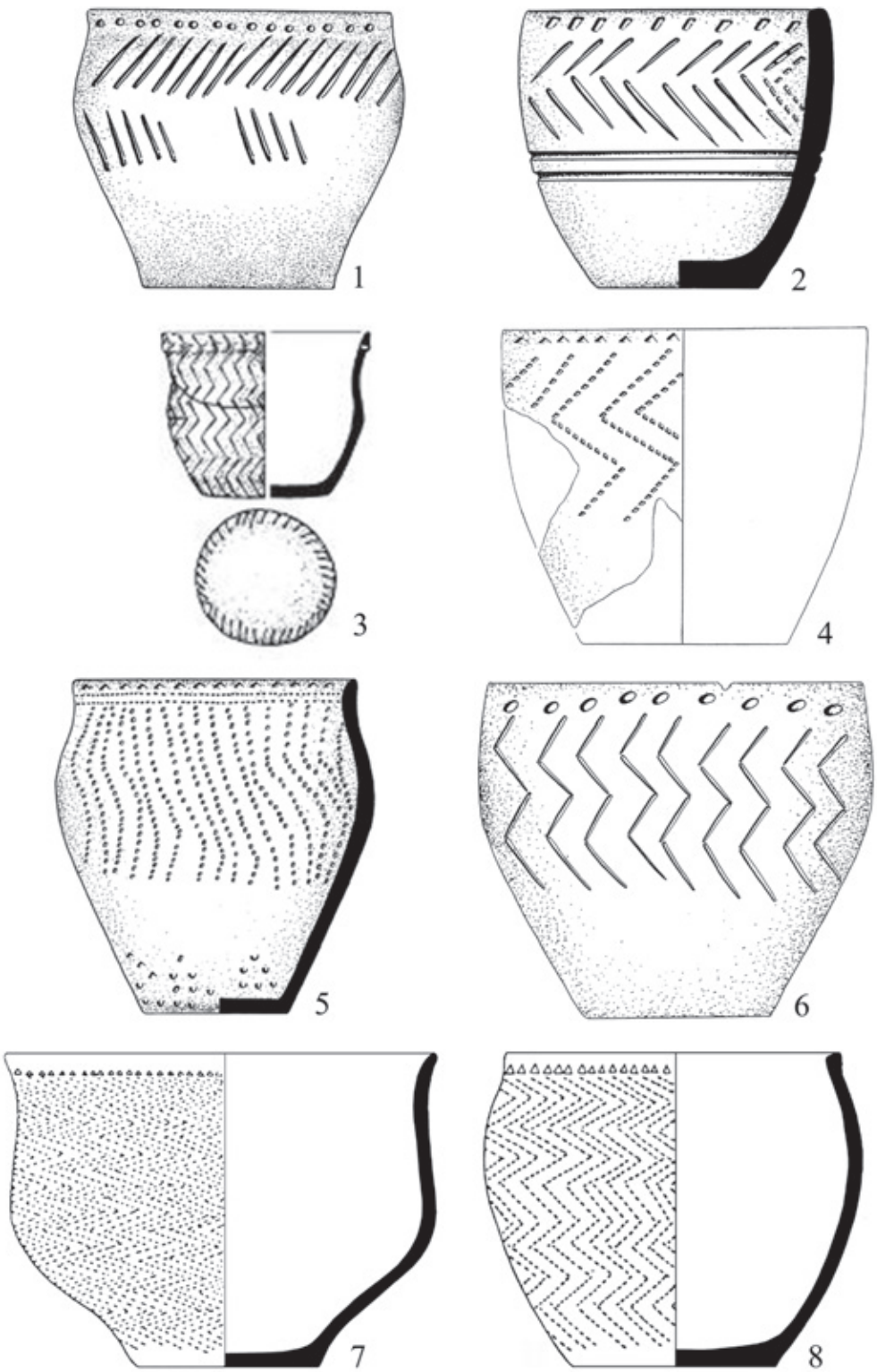


Табл. 135. 1, 6 - Преображенка III, к. 84, п. 1; 2 - Новая Чёрная III, м. 7; 3 - Устье-Бири IV, м. 11; 4 - Гандичевский; 5 - Преображенка III, п. 13; 7 - Берёзовский, огр. 18; 8 - Берёзовский, огр. 28.

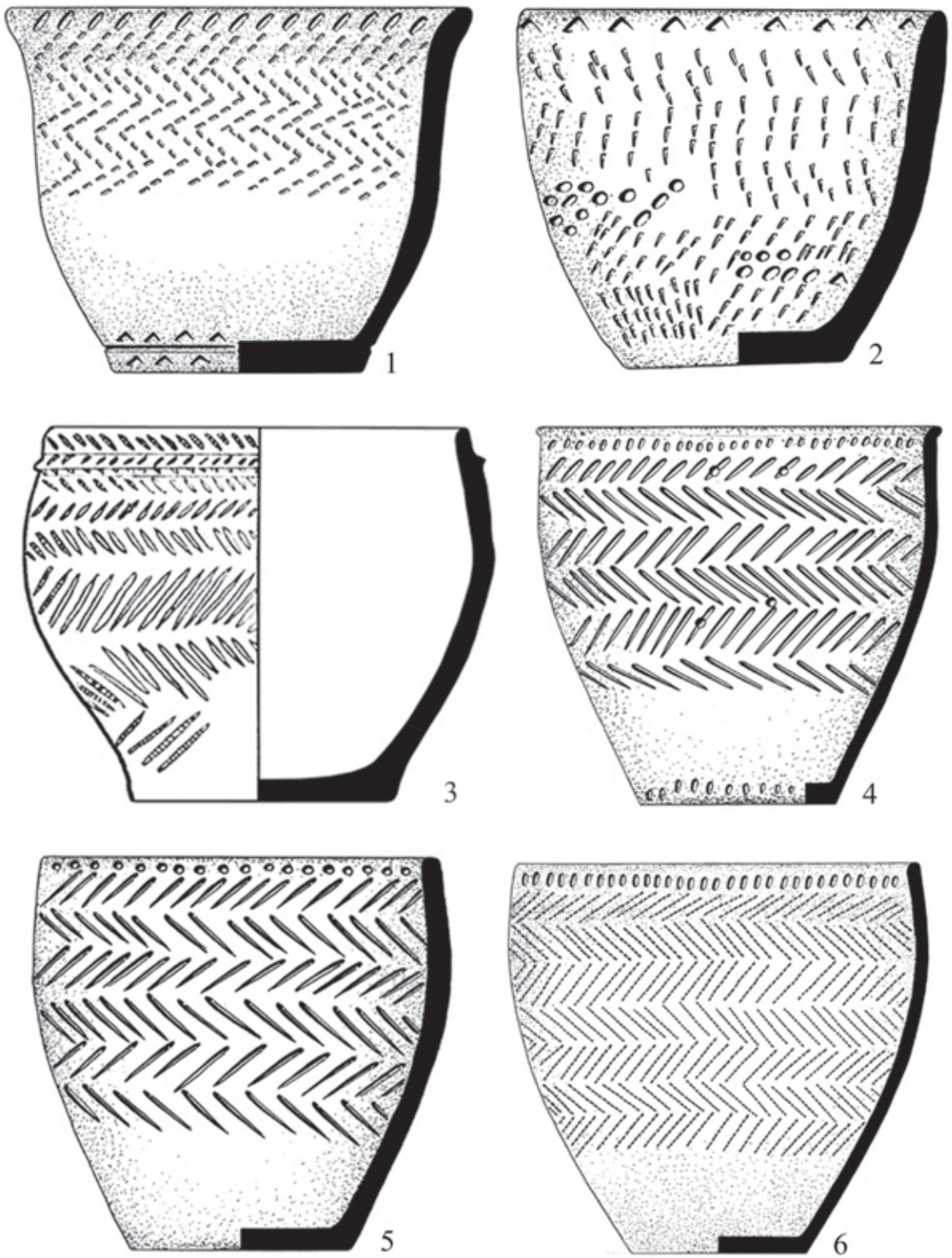


Табл. 136. 1 - Солёноозёрная I, м. 13; 2 - Сухое озеро I, к. 440, м. 3; 3 - Старый Сад; 4, 6 - Старый Тартас-4, к. 5, п. 1; 5 - Урский, к. 15, м. 1; 7 - Быково II, м. 1; 8 - ЕК-II, м. 142, № 3; 9 - ЕК-II, м. 193, № 1.

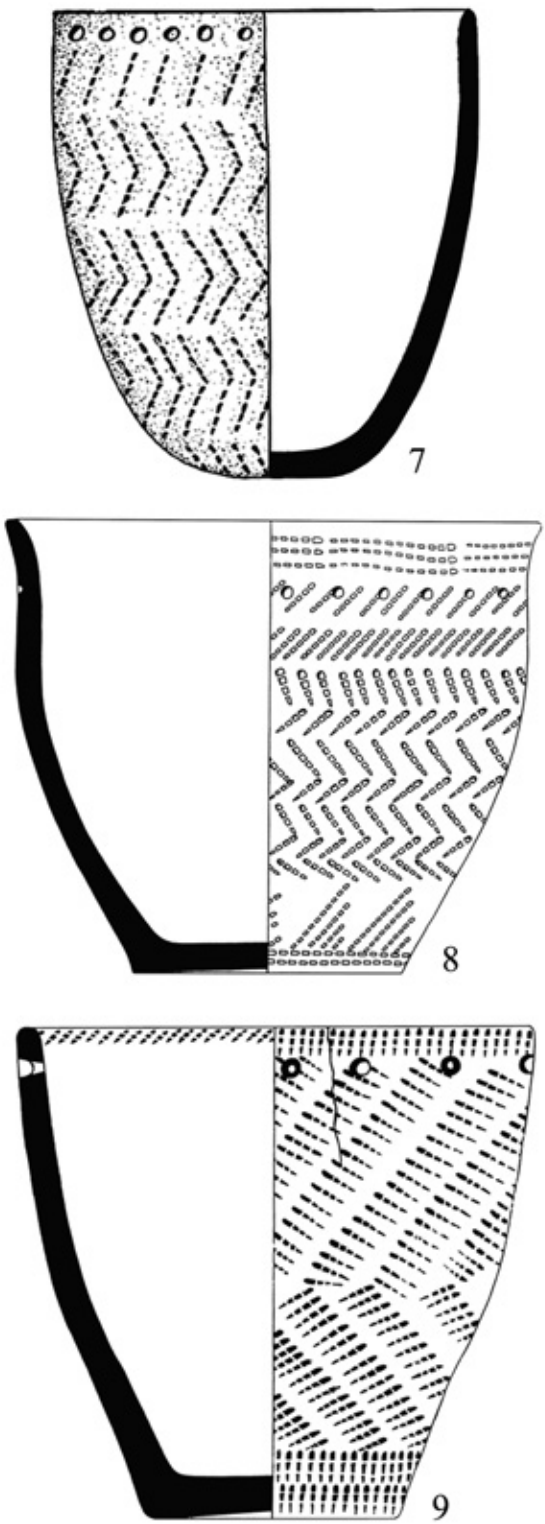


Табл. 136 (продолжение). 7 - Быково II, м. 1; 8 - ЕК-II, м. 142, № 3; 9 - ЕК-II, м. 193, № 1.

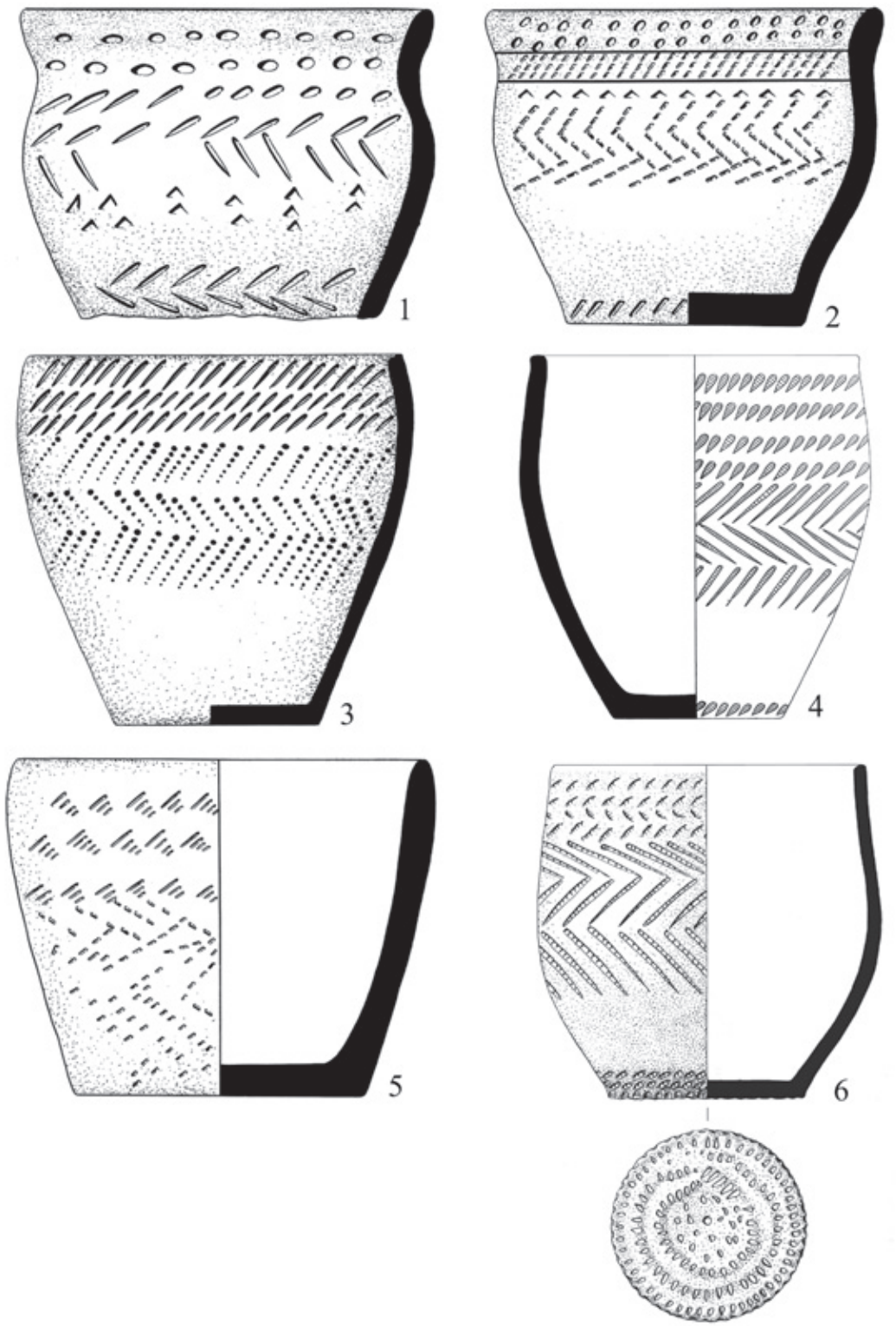


Табл. 137. 1 - Сухое озеро IA, к. E, м.; 2 - Солёноозёрная I, м. 5; 3 - Преображенка III, к. 21, п. 2; 4 - ЕК-II, к. 52, м. 13, № 3; 5 - Подтурино; 6 - Кытманово, м. 20.

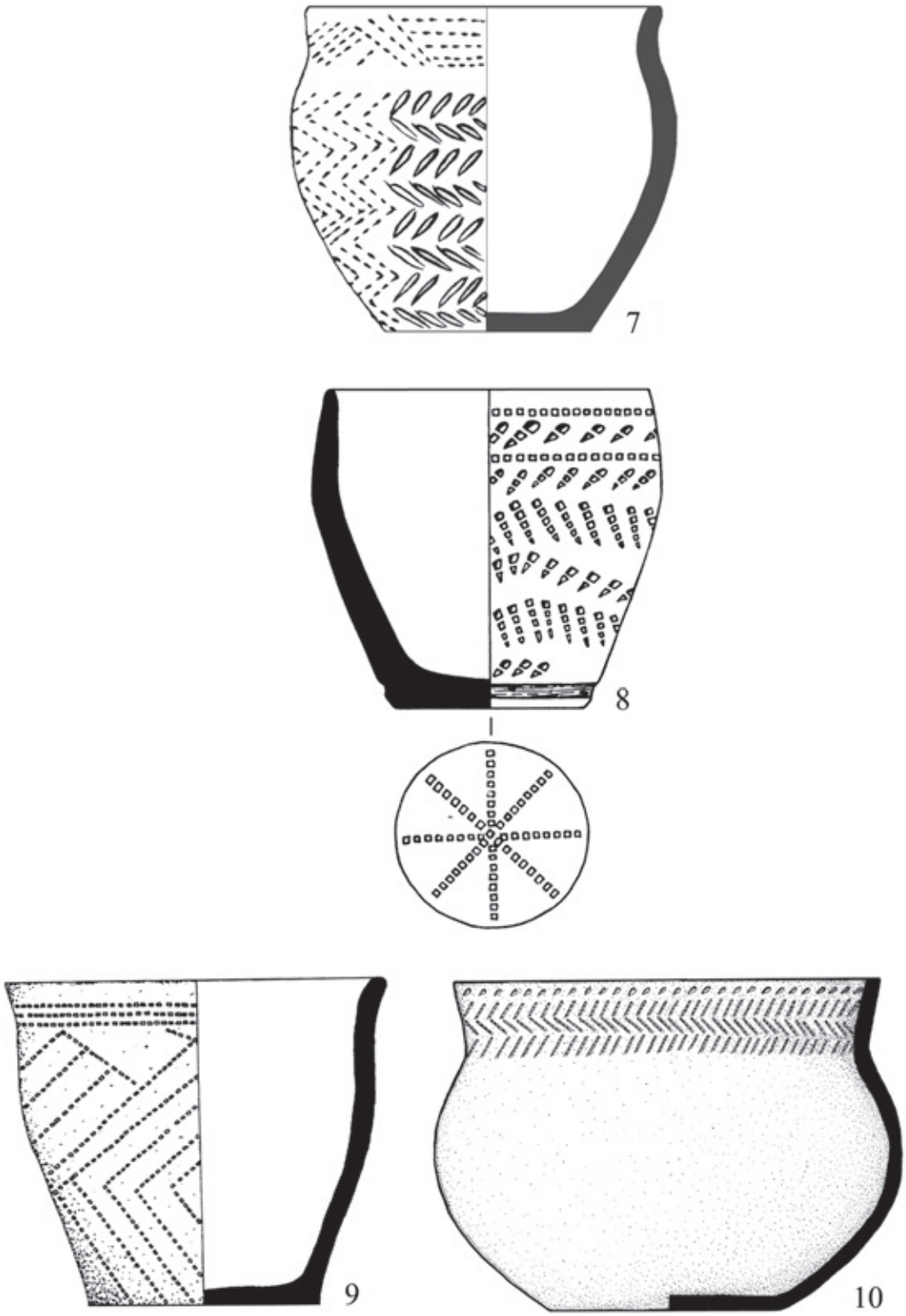


Табл. 137 (продолжение). 7 - Барашки, огр. 26; 8 - ЕК-II, м. 252, № 1; 9 - Барсучиха-2, п. 4; 10 - Танай XII, м. 30, сос. 2.

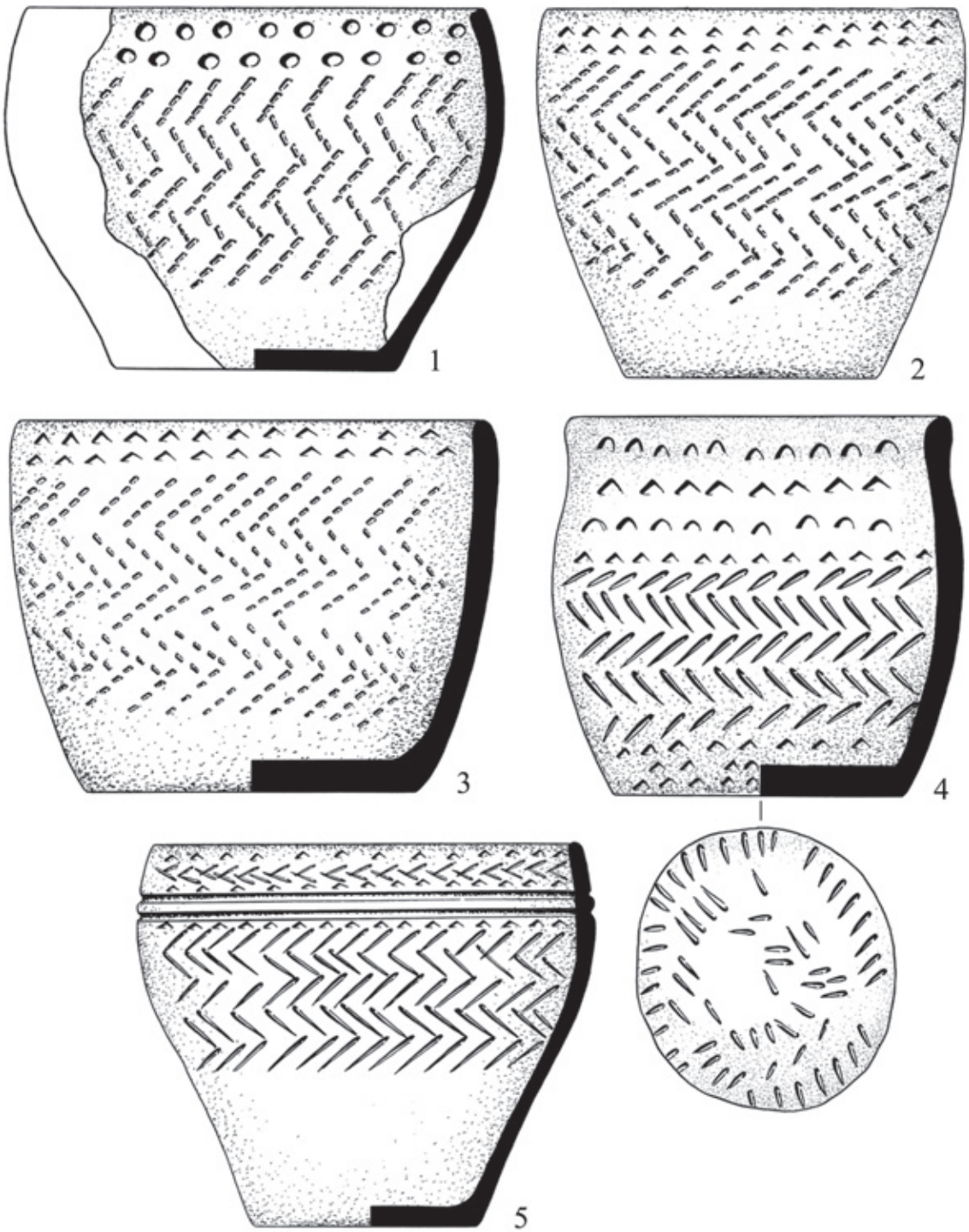


Табл. 138. 1 - Большое Пичугино или Михайловка; 2 - Акмола, к. 24; 3 - Акмола, к. 14; 4 - Пристань I, огр. 8, м.; 5 - Солёноозёрная IV, п. ком. 1, м. 4.

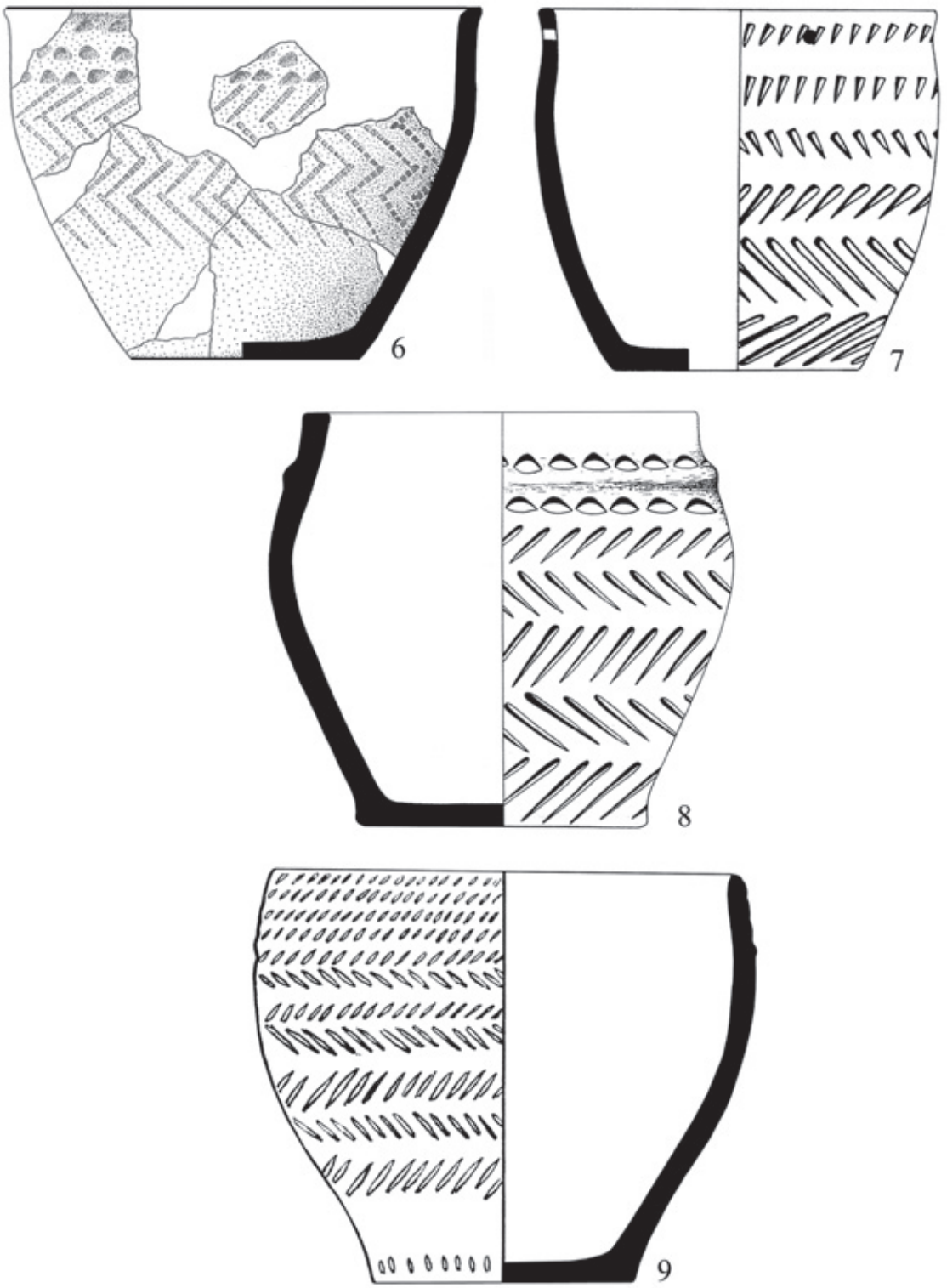


Табл. 138 (продолжение). 6 - Чудиновка-1, сос. 1, к. 9, м. 3; 7 - ЕК-II, м. 205, № 3; 8 - ЕК-II, м. 291, № 1; 9 - Старый Сад, к. 44, п. 1, с. 1.

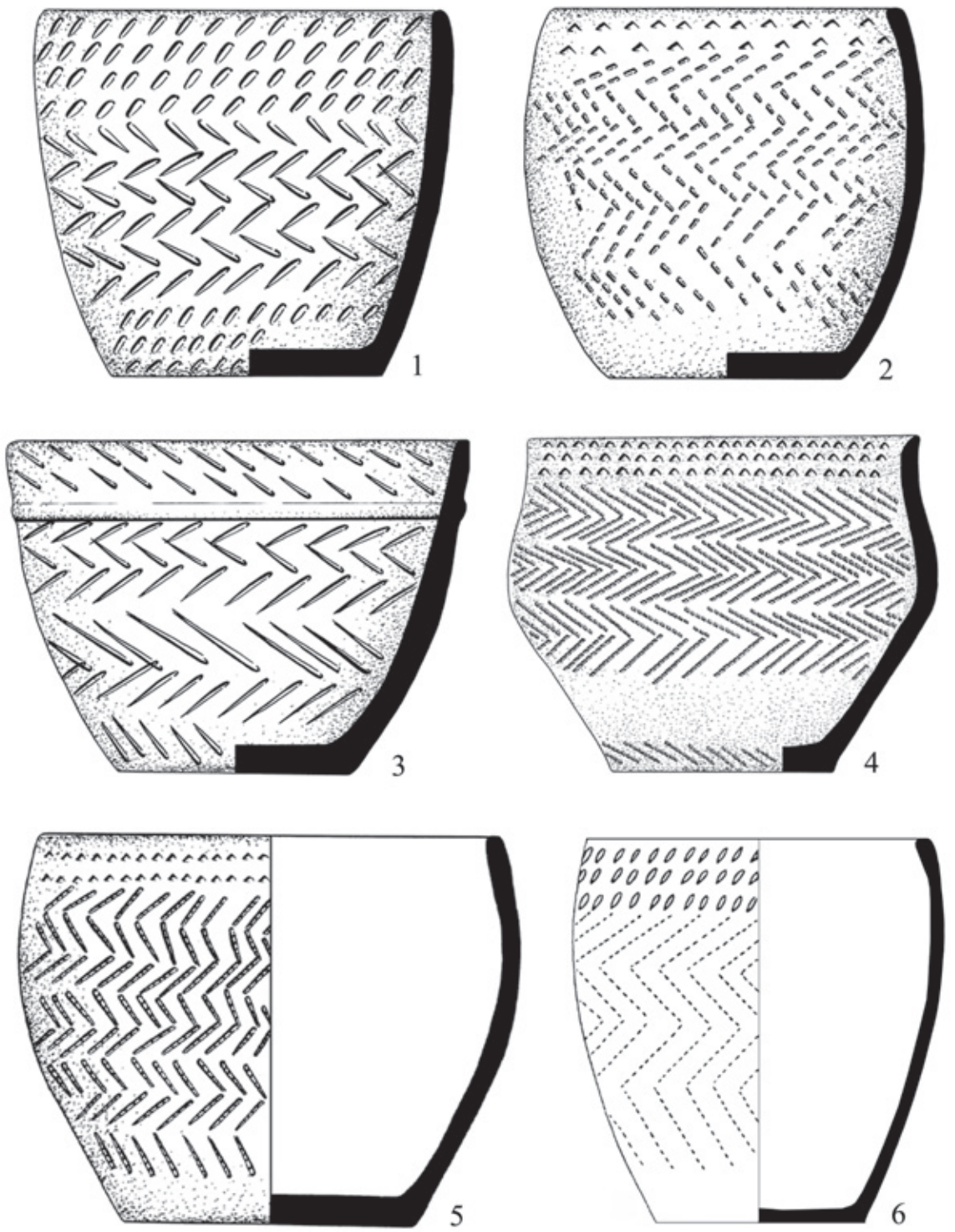


Табл. 139. 1 - Сухое озеро IA, к. Ж, м. 2; 2 - Новая Чёрная III, м. 22; 3 - Сухое озеро IA, к. 436, м. 2; 4 - Старый Тартас-4, к. 11, п. 1; 5 - Меновное-9, огр. 15; 6 - Берёзовский, огр. 6.

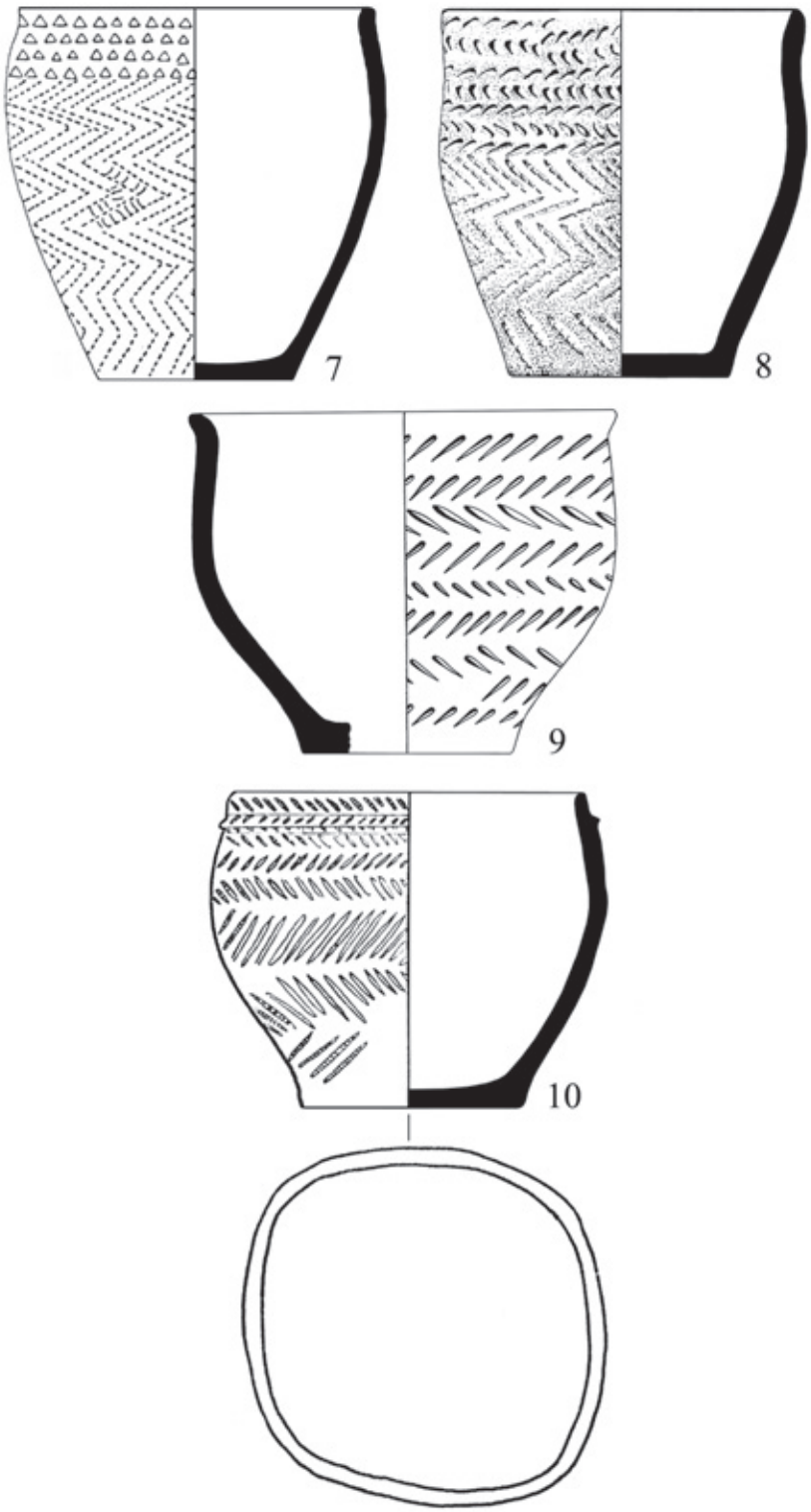


Табл. 139 (продолжение). 7 - Берёзовский, огр. 9; 8 - Кытманово, м. 12; 9 - ЕК-II, м. 309, № 4; 10 - Старый Сад, к. 44, п. 1, с. 2.

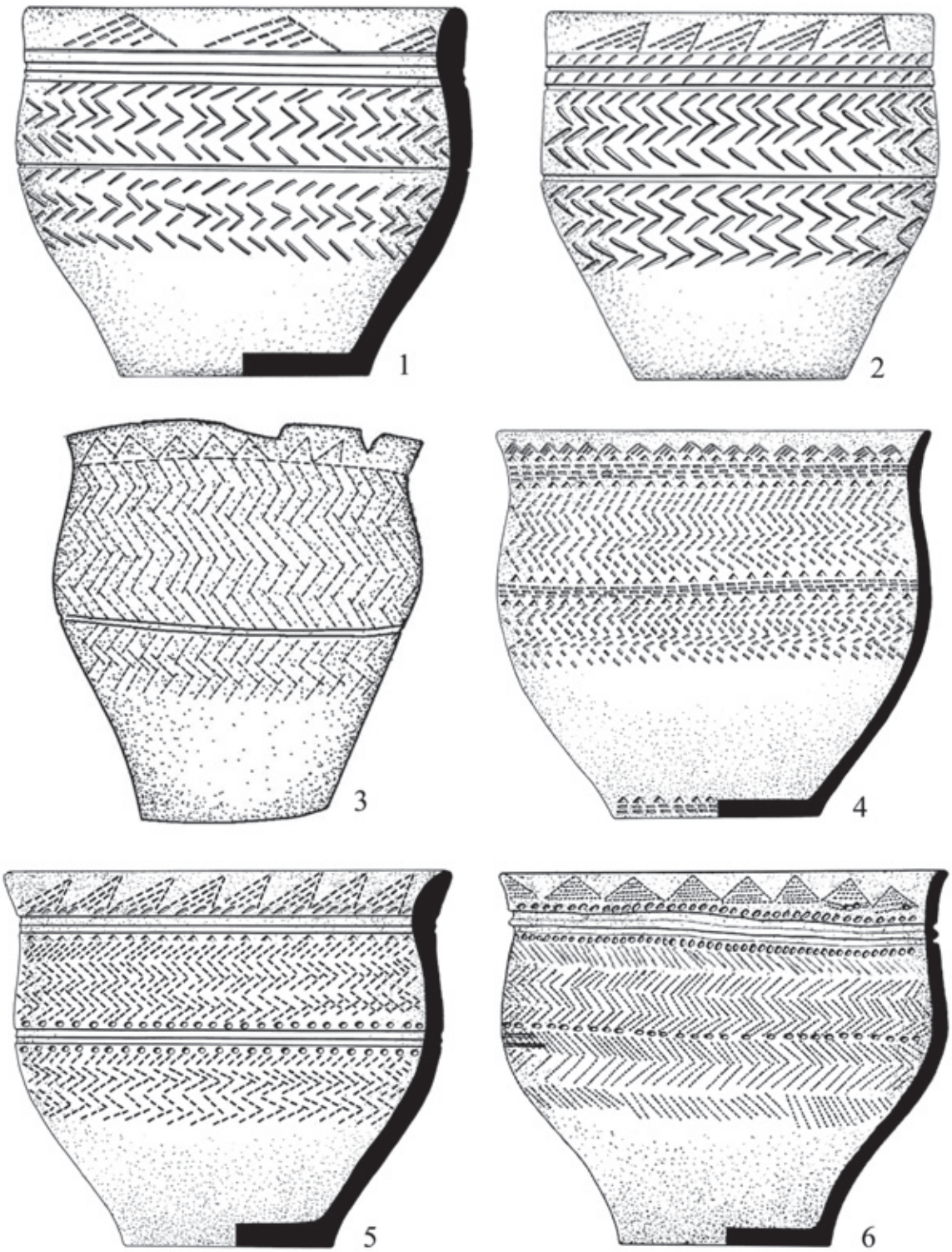


Табл. 140. 1 - Преображенка III, к. 17, п. 1; 2 - Вахрушево, к. 1, м. 2; 3 - Лебяжье I, м. 9; 4 - Пристань I, огр. 7, м. 5; 5 - Орак, м. 1; 6 - Старый Тартас-4, к. 9, п. 1.

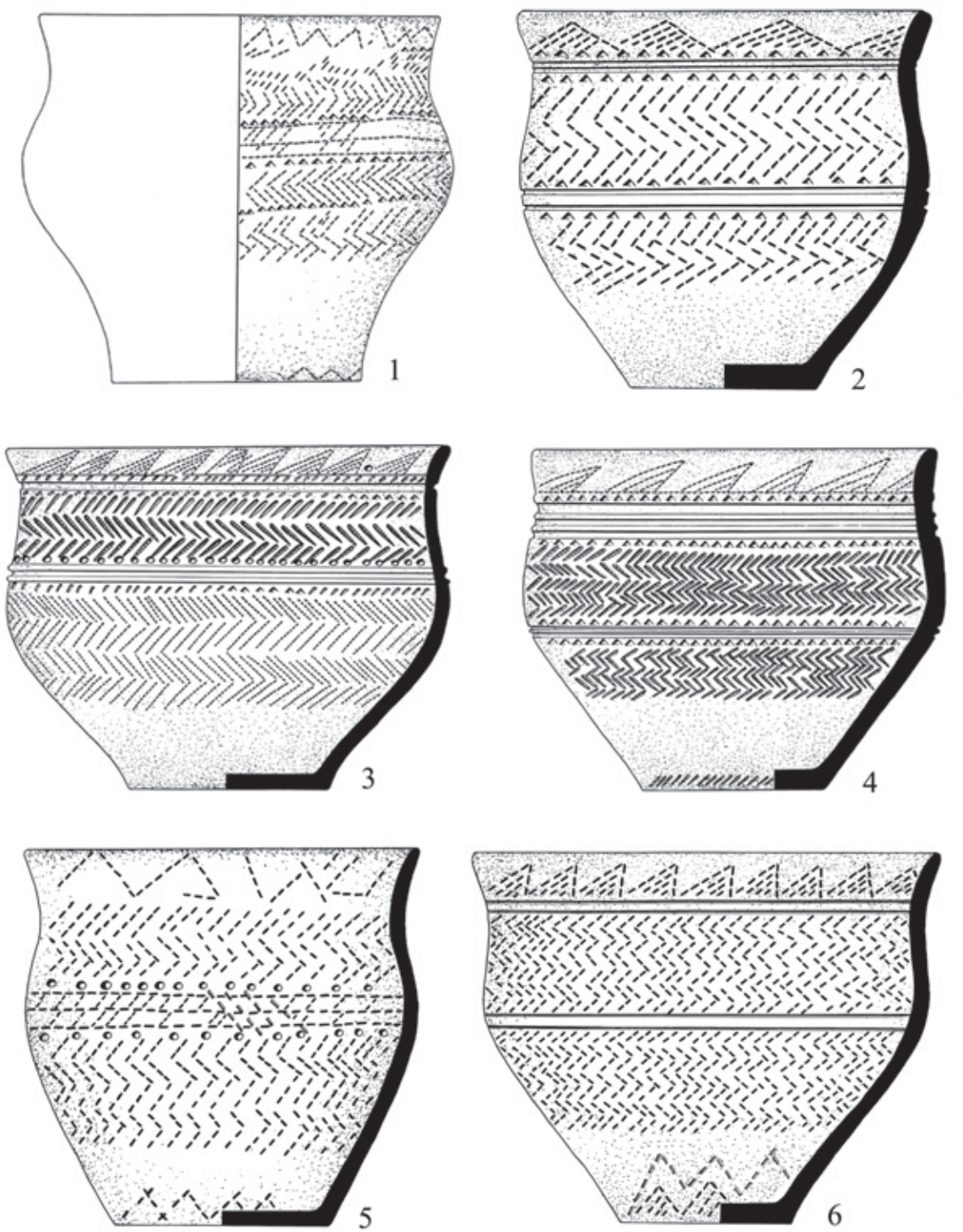


Табл. 141. 1, 5 - Солёноозёрная I, м. 20; 2 - Солёноозёрная I, м. 4; 3 - Старый Тартас-4, к. 9, п. 1; 4 - Старый Тартас-4, к. 17, п. 2; 6 - Кадат IX, м. 4.

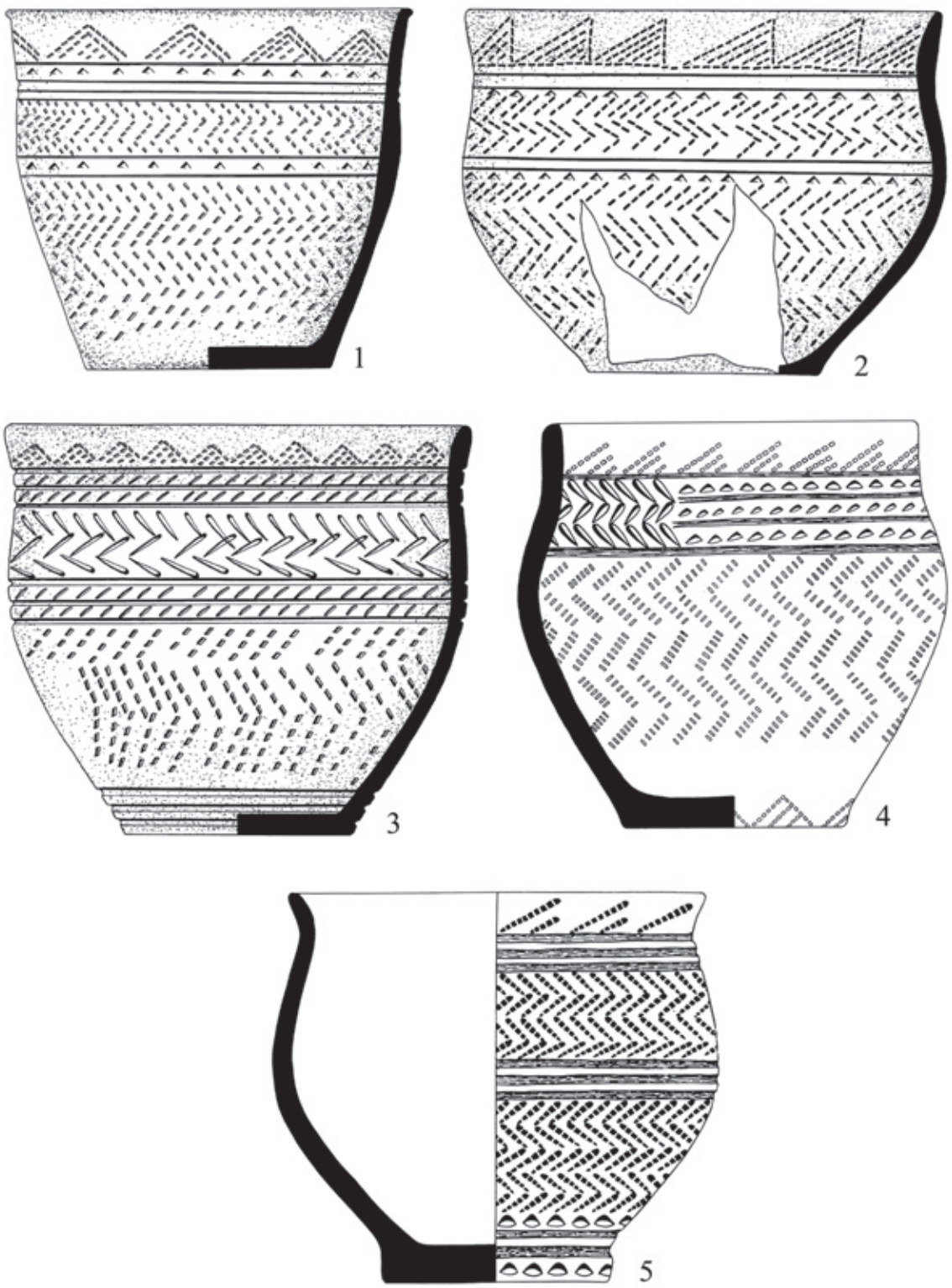


Табл. 142. 1 - Сухое озеро I, к. 430, м. 3; 2 - Малый Койтас, огр. 35, ящ. 4; 3 - Сухое озеро I, к. 430, м. 7; 4 - ЕК-II, м. 78, № 1; 5 - ЕК-II, м. 252, № 3.

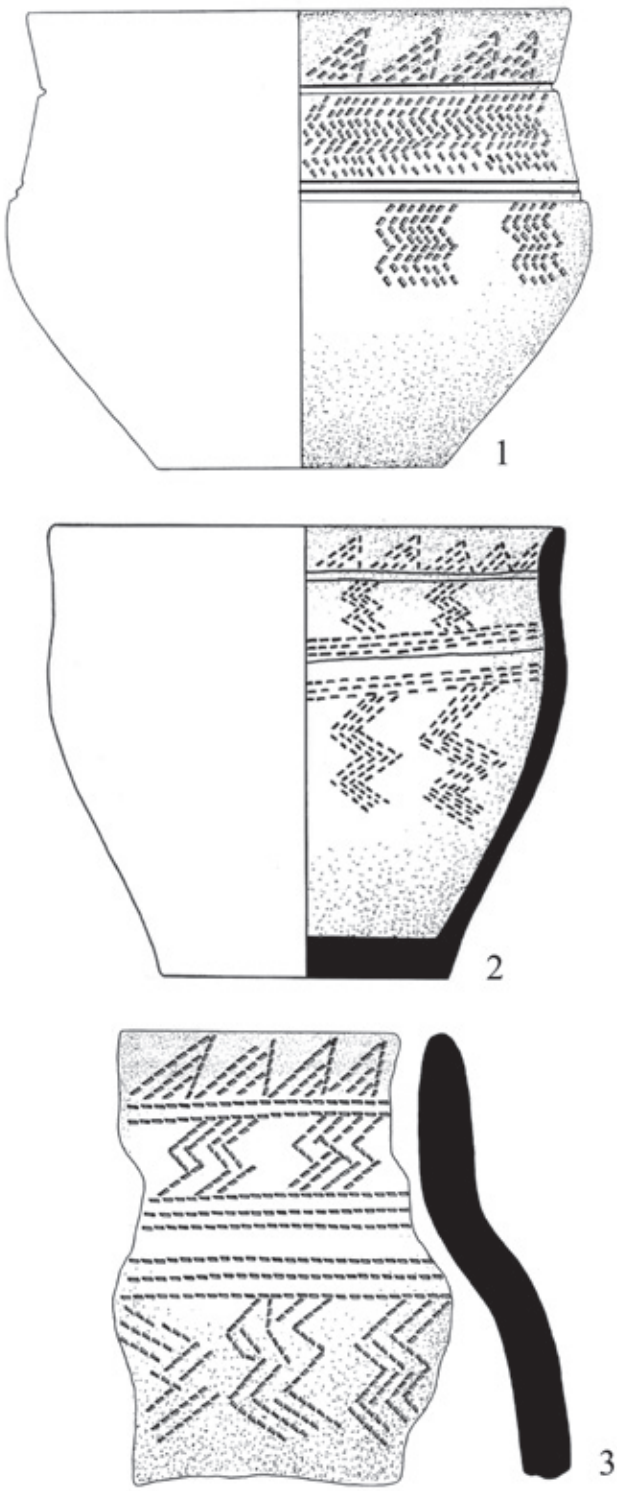


Табл. 143. 1 - Айшрак Б, кур.-огр. 6; 2 - Айшрак огр. 6; 3 - Айшрак.

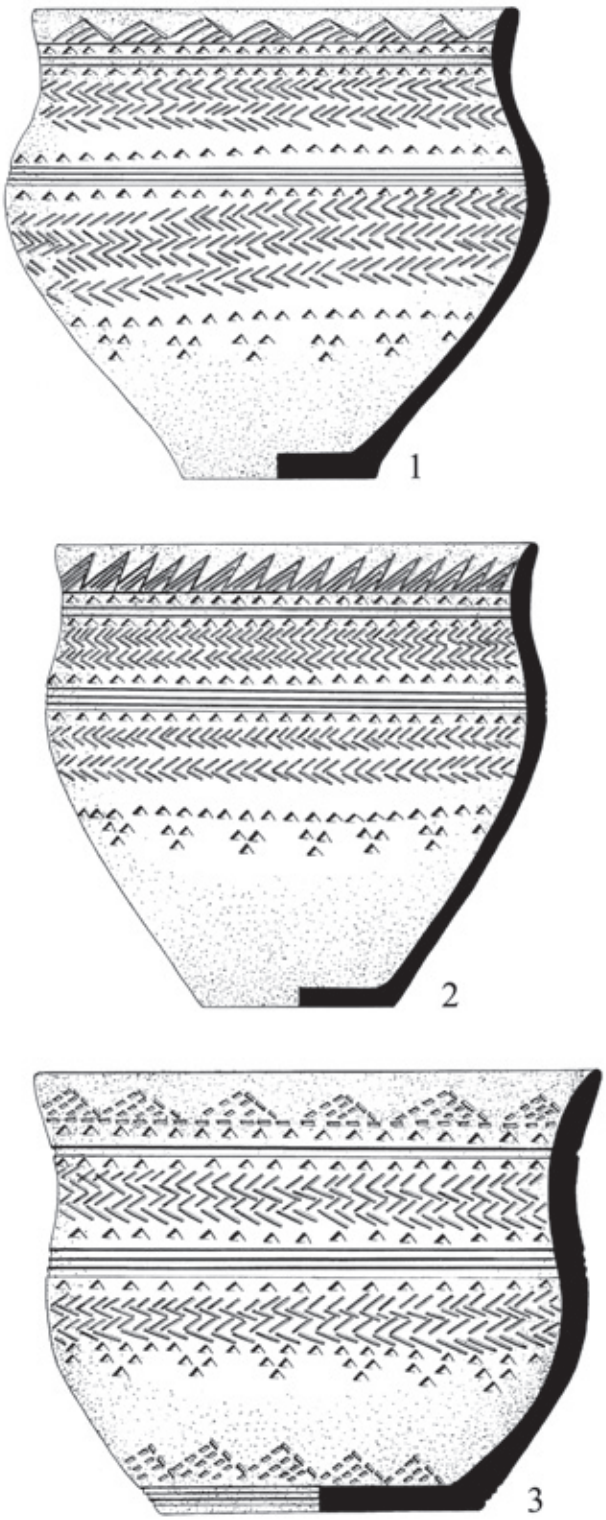


Табл. 144. 1 - Акмола, огр. 15; 2, 3 - Акмола, к. 15.

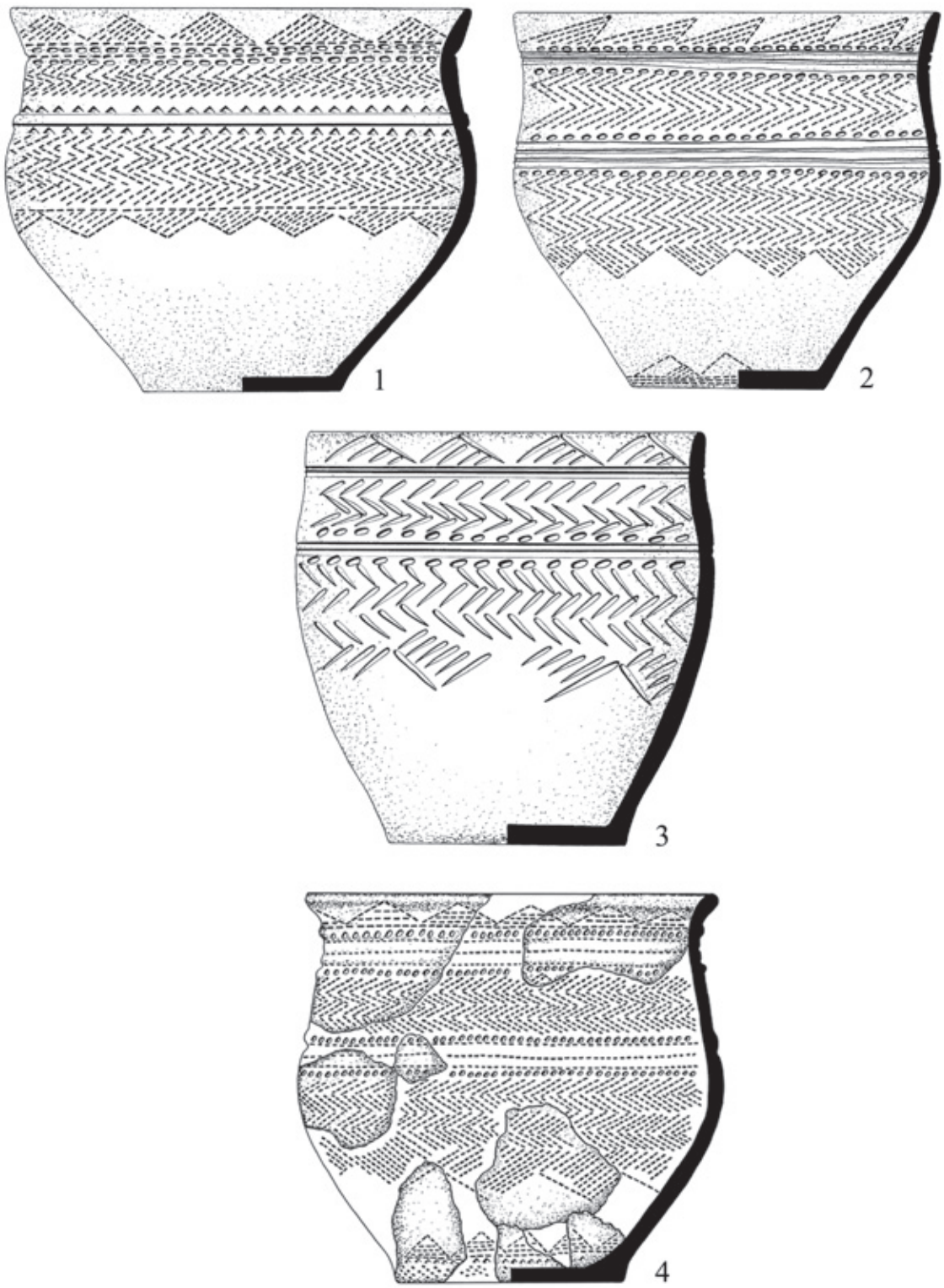


Табл. 145. 1 - Васьково V, к. 1, м. 2; 2 - Преображенка III, к. 21, п. 2; 3 - Сухое озеро I, к. 94, м.; 4 - Старый Тартас-4, к. 19, п. 2 или 3.

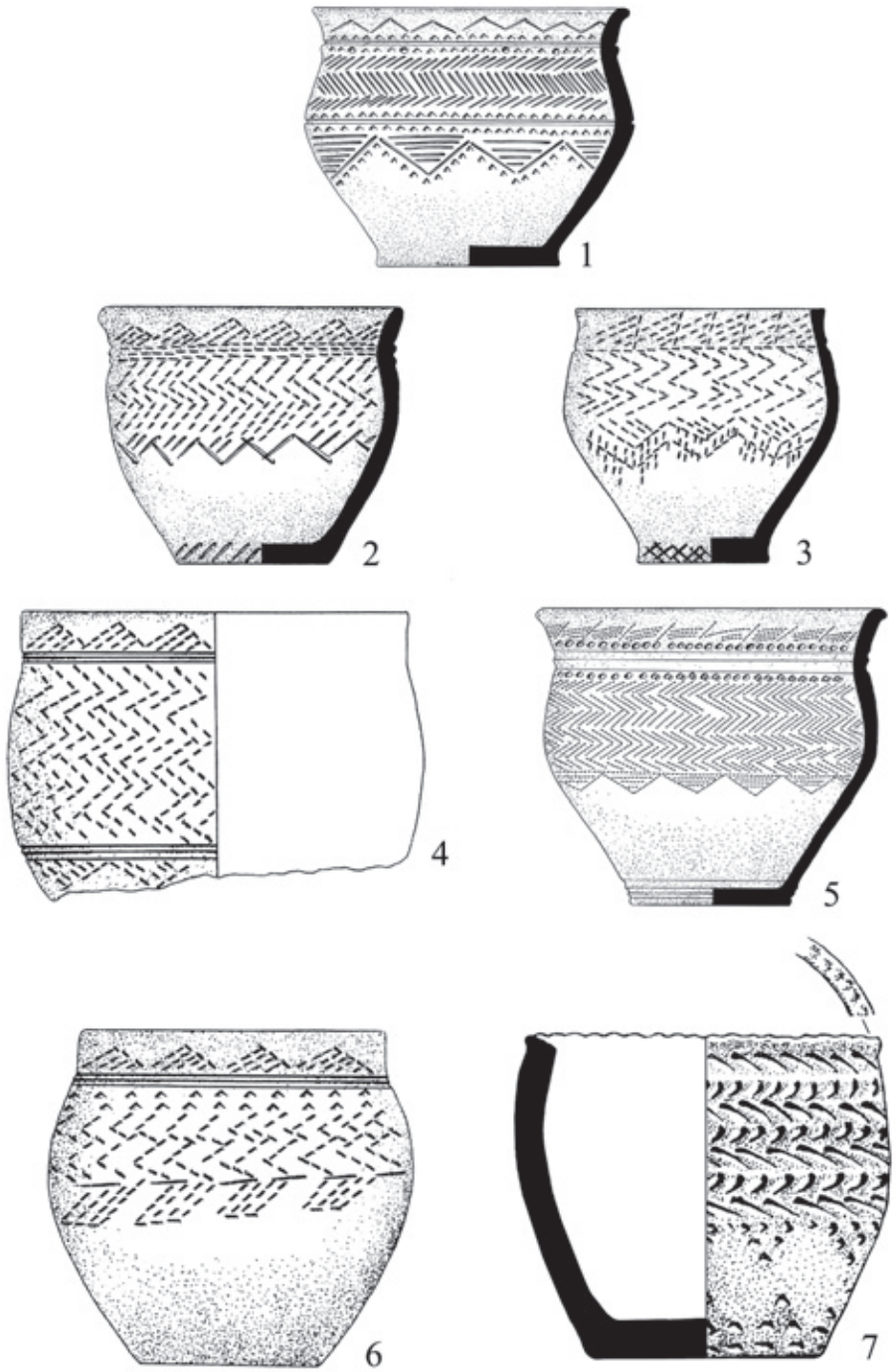


Табл. 146. 1 - Старый Тартас-4, к. 7, п. 1; 2 - Орак, м. 1; 3 - Бурлук I, огр. 7; 4 - Шоиндыколь, м. 11; 5 - Старый Тартас-4, к. 19, п. 2 или 3; 6 - Боровое, огр. 5; 7 - Кытманово, м. 23.

Табл. 147. 1 - Алпымса, к. 5, жертв.; 2 - Нуртай, к. 5, жертвенник; 3 - Боровое, огр. 14, м. Б; 4 - Акмола, к. 15 (под насыпью, в центре); 5 - Пристань I, огр. 7, м. 7; 6 - Пристань I, огр. 8, м.; 7 - Старый Сад, к. 79, п. 1, с. 2.

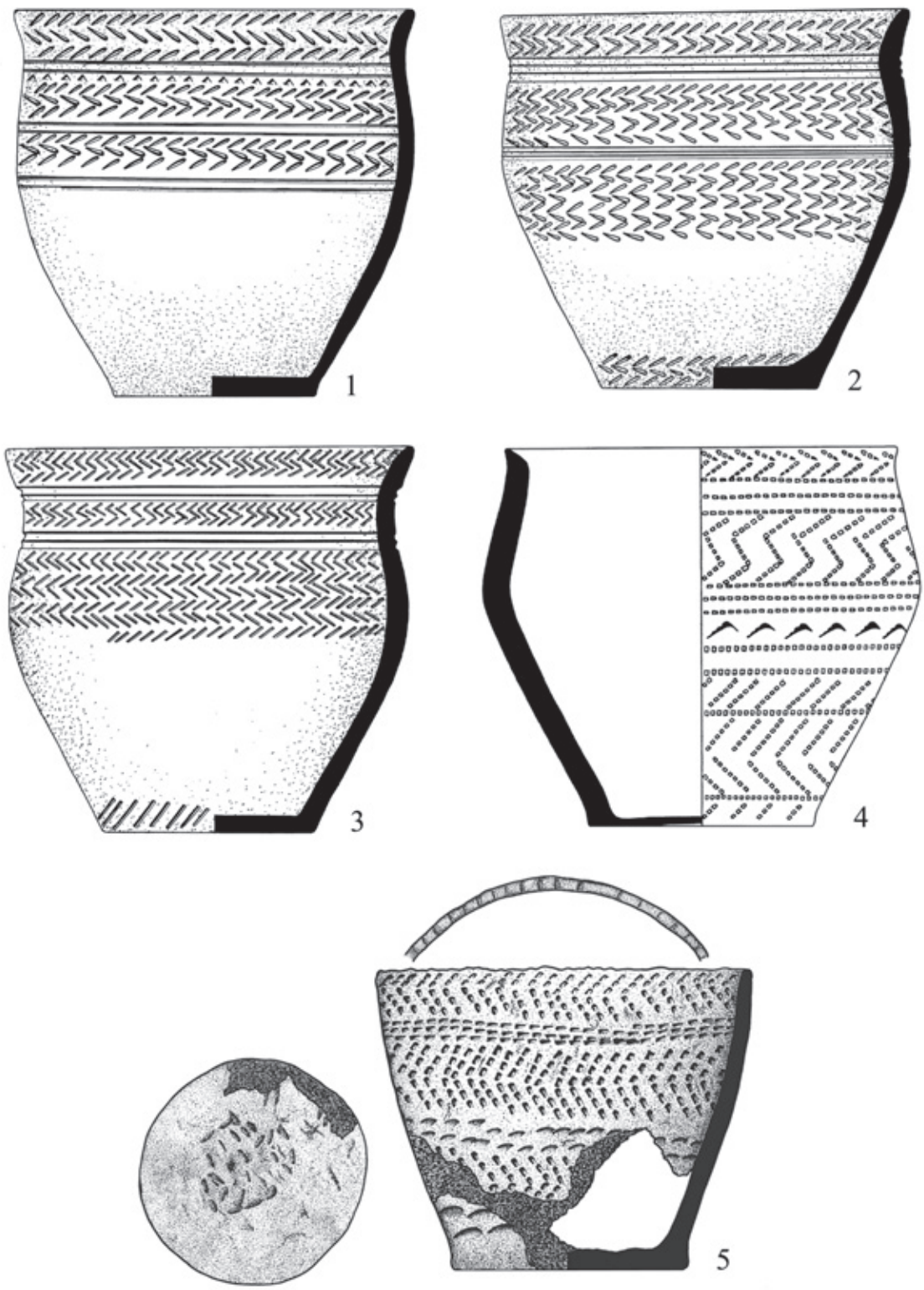


Табл. 148. 1 - Пристань I, огр. 7, м. 9; 2 - Орак, м. 38; 3 - Солёноозёрная III, м. 7; 4 - ЕК-II, м. 137, № 3; 5 - Танай XII, п. 58, сос. 1.

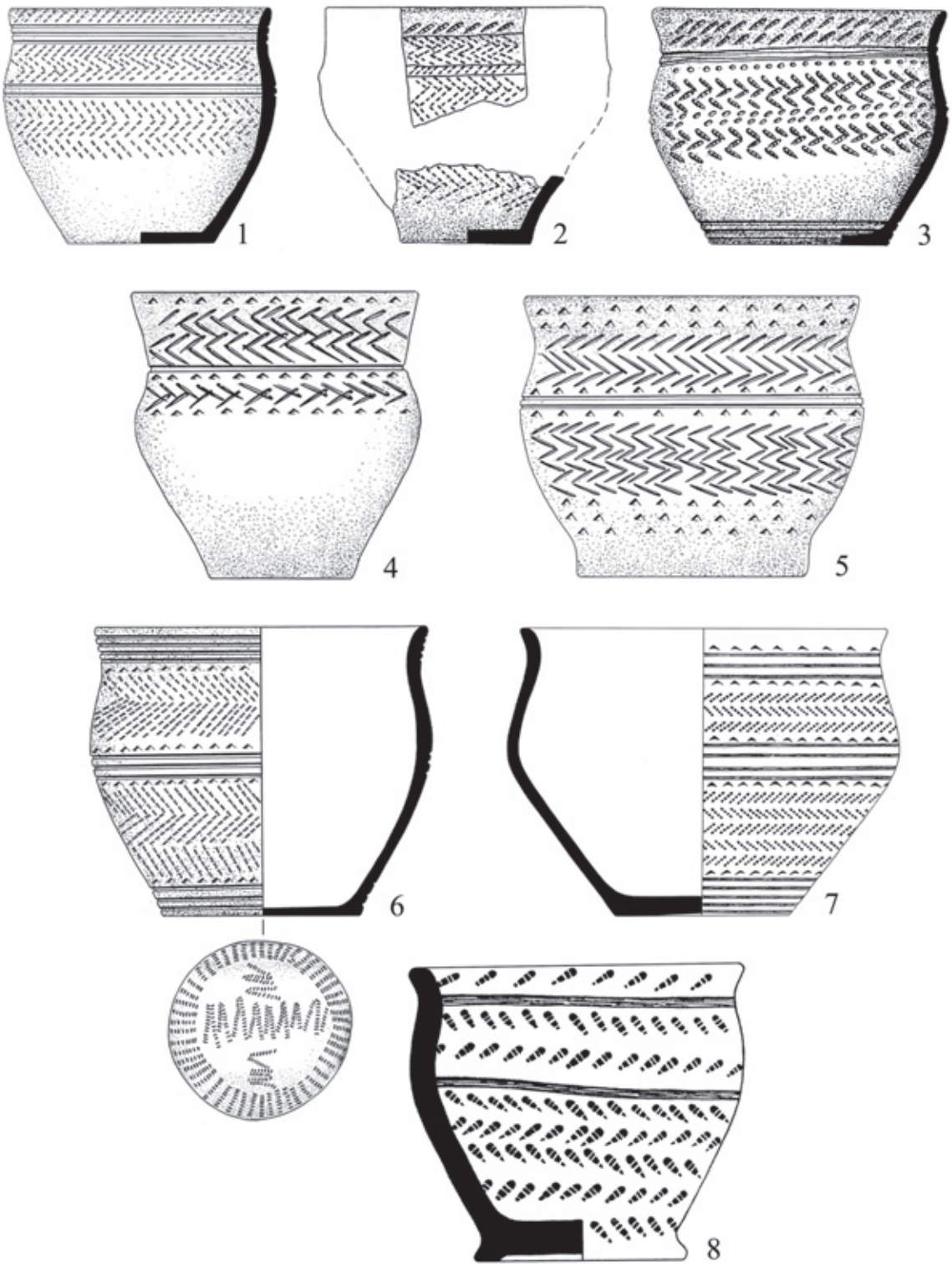


Табл. 149. 1 - Пристань I, м. 2 (1923 г.); 2 - Сухое озеро I, к. 7, м.; 3 - Преображенка III, к. 12, п. 8; 4 - Боровое, огр. 10, № 1; 5 - Акмола, к. 15 (под насыпью); 6 - ЕК-II, м. 307, № 6; 7 - ЕК-II, м. 153, № 3; 8 - ЕК-II, м. 70, № 2.

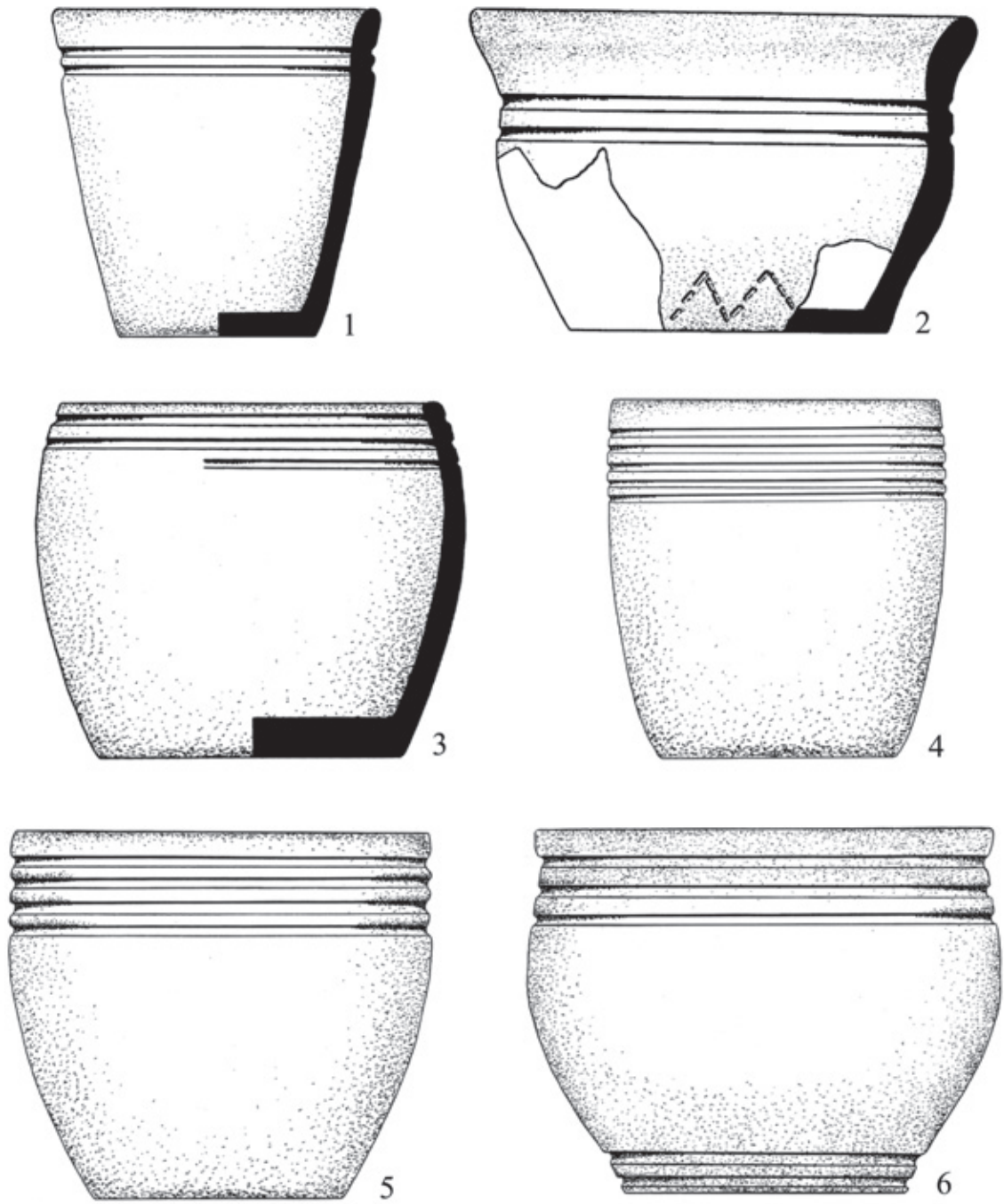


Табл. 150. 1 - Аксу-Аюлы, огр. 3; 2 - Сухое озеро IA, к. Ж, м. 1; 3 - Преображенка III, п. 4; 4 - Жиланды, огр. 7, п. 1; 5 - Атасу; 6 - Коврижка 2 (?).

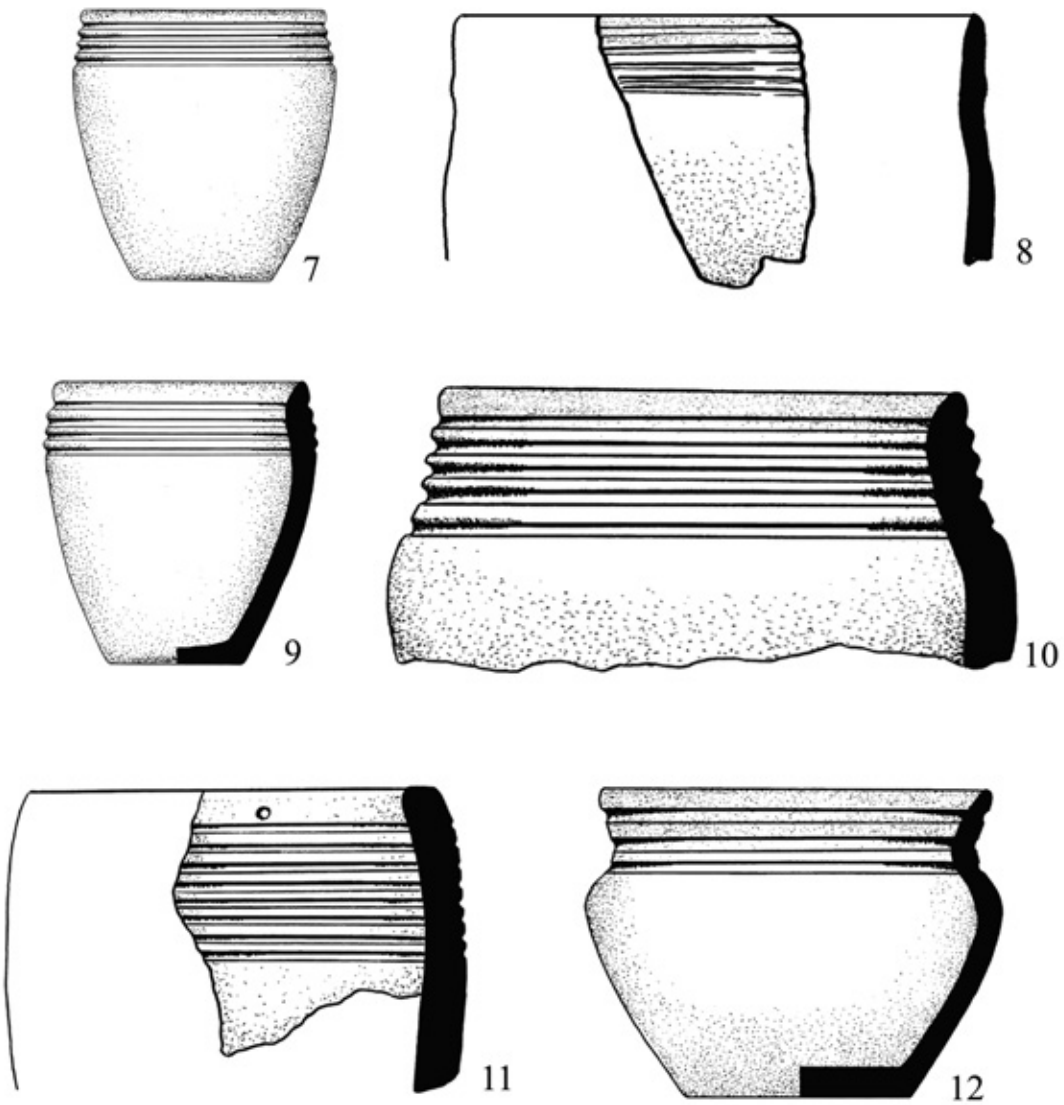


Табл. 150 (продолжение). 7, 12 - Жиланды, огр. 7, п. 5; 8 - Шет I; 9, 11 - Зевакино, огр. 72; 10 - без точного местонахождения.

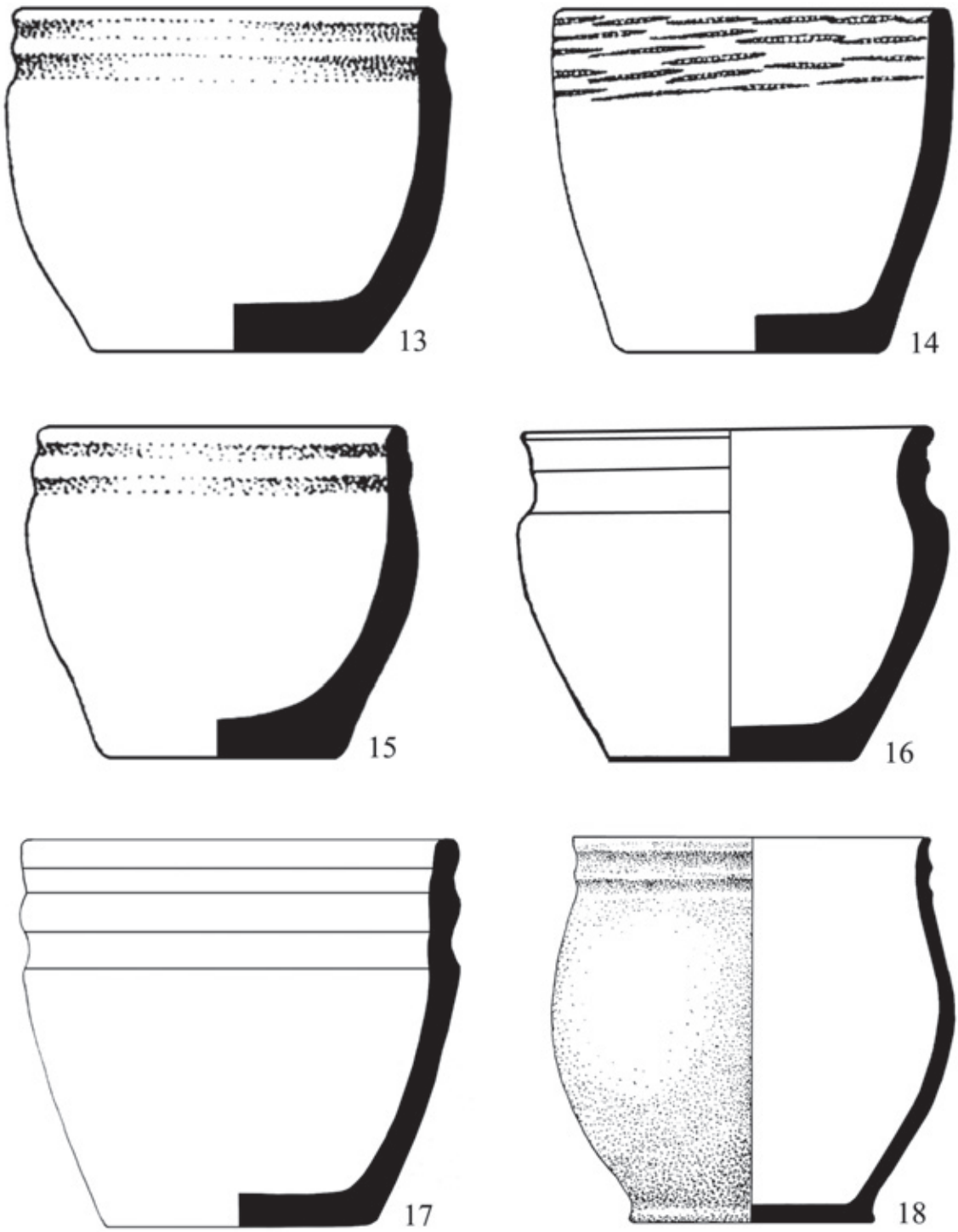


Табл. 150 (продолжение). 13 - Рублёво VIII, м. 17; 14, 15 - Рублёво VIII; 16 - Маринка, м. 9; 17 - Фирсово XIV, м. 8, сос. 3; 18 - Кытманово, ммп.

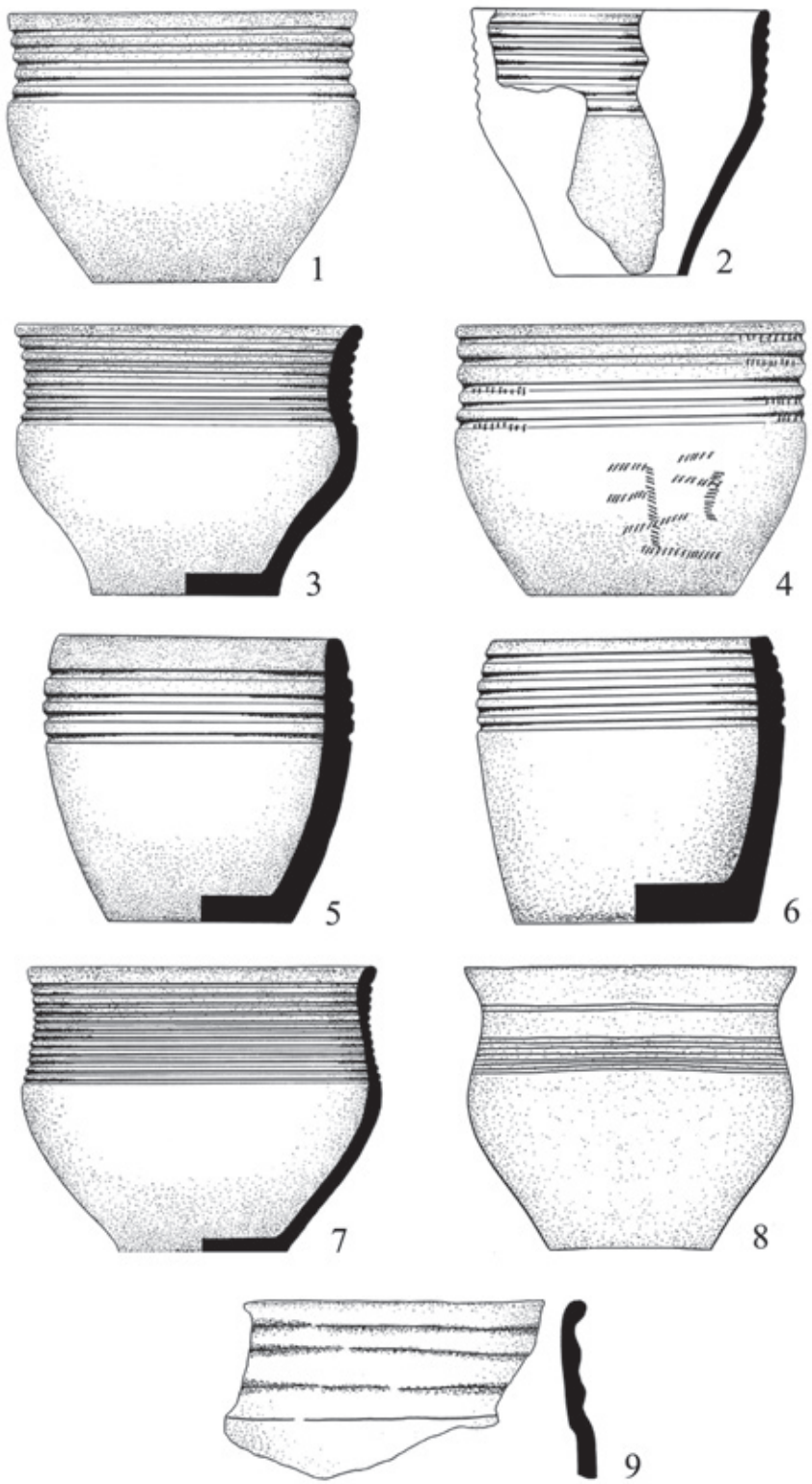


Табл. 151. 1, 4 - Кинзерский; 2 - Сухое озеро I, к. 29; 3 - Смолино; 5 - Подтурино; 6 - Жиланды, огр. 7, п. 2; 7 - Соколовка III; 8 - Путиловская Заимка II, к. 2, п. 1; 9 - Тамгалы I, огр. 1, ящ. 2.

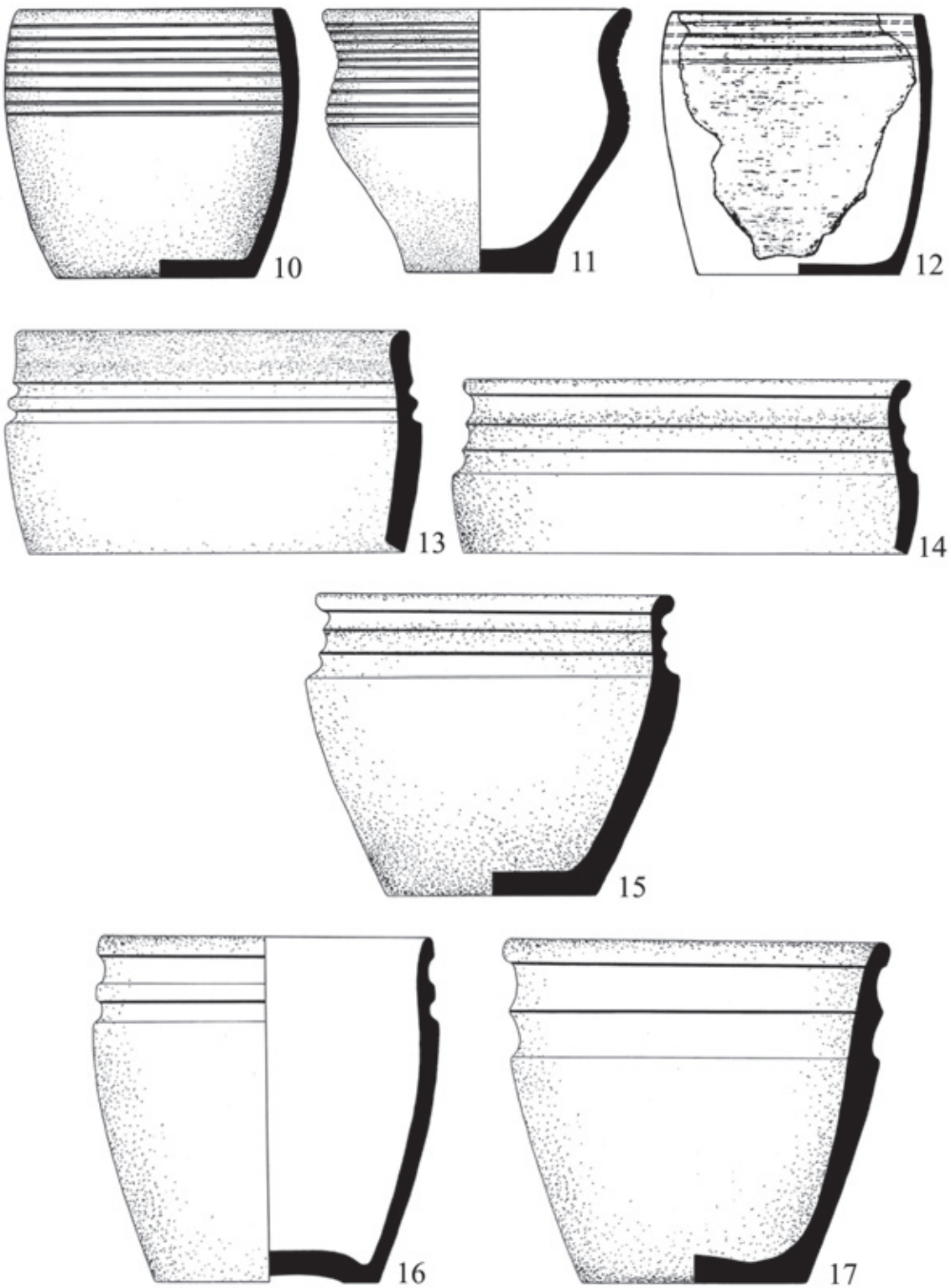


Табл. 151 (продолжение). 10 - Преображенка III, к. 73, п. 9; 11 - Бугулы I; 12 - Аяпперген (Аяпберген), кур.-огр. 7, п. 3; 13, 14 - Шапат, м. 15; 15 - Шапат, м. 28; 16 - Шапат, м. 33; 17 - Бозенген, м.

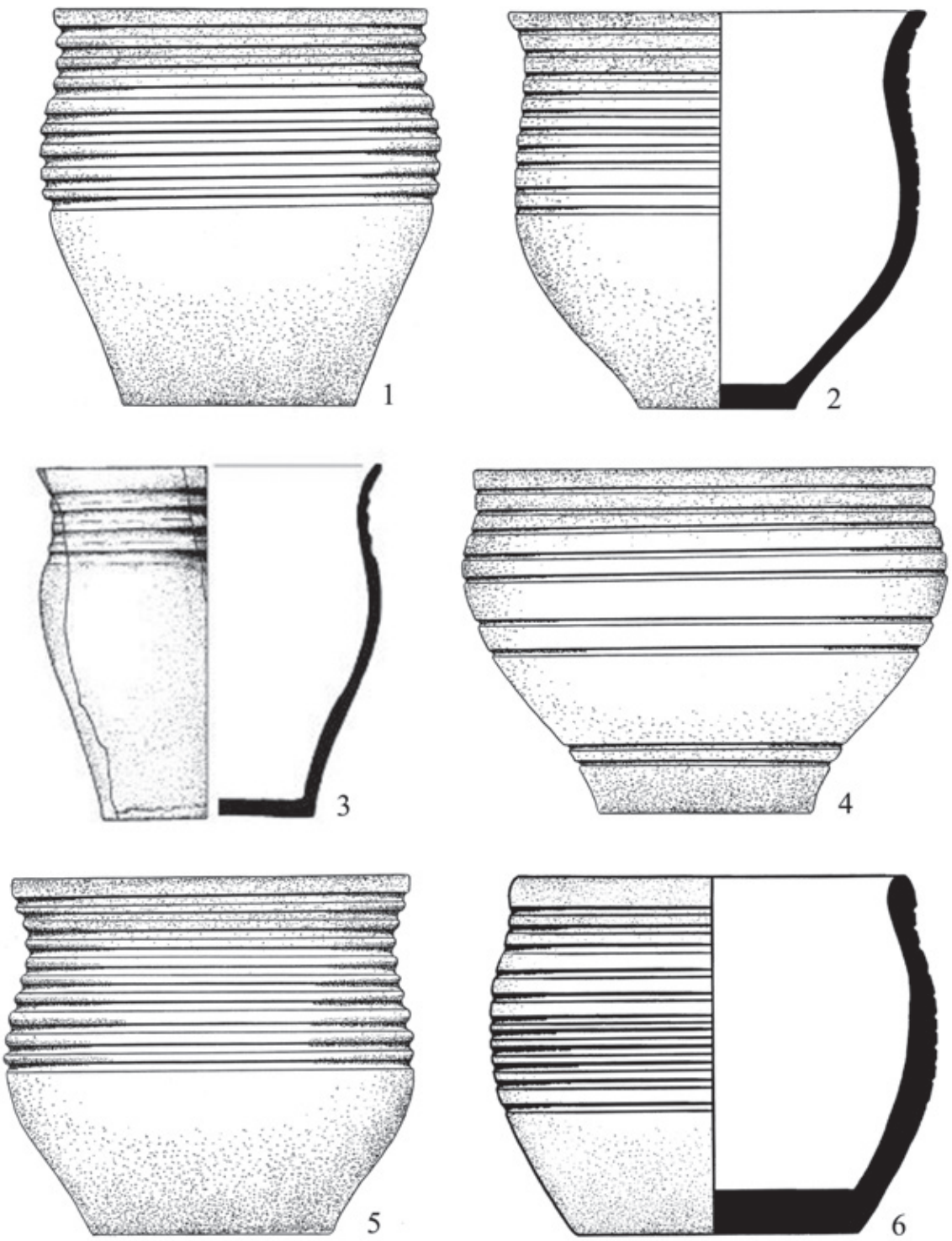


Табл. 152. 1 - Кинзерский к. 71; 2 - Бурлук I, огр. 9; 3 - Устье-Бири IV, м. 14; 4 - Алыпкаш; 5 - Фёдоровский; 6 - ЕК-II, к. 51, м. 4, № 1.

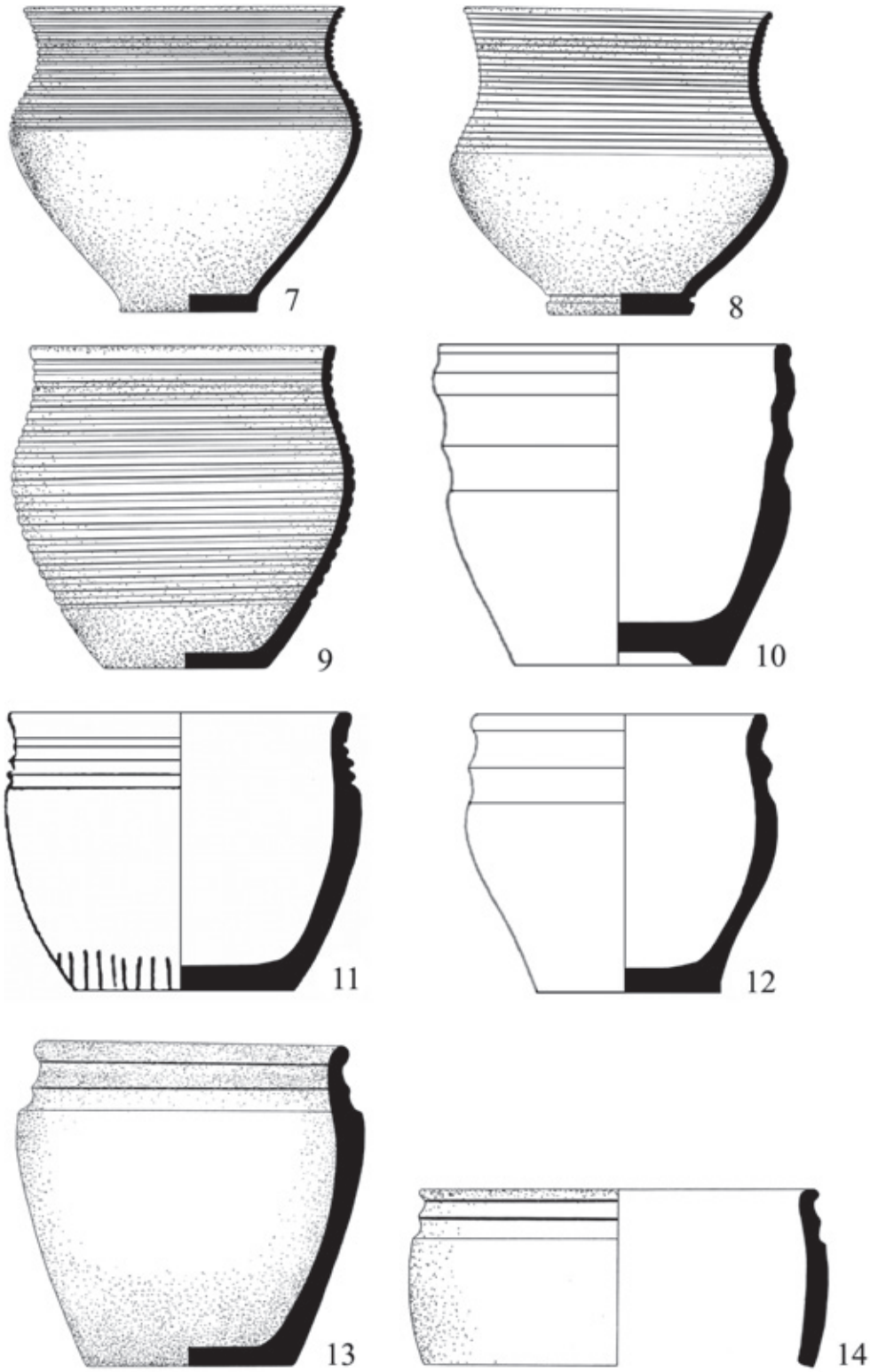


Табл. 152 (продолжение). 7-9 - Лисаковский I; 10 - Маринка, жерт. сос. № 2; 11 - Маринка, жерт. сос. № 3; 12 - Маринка, м. 27; 13 - Икпень I, м. 19; 14 - Звенигородка, огр. 2, жерт. 5.

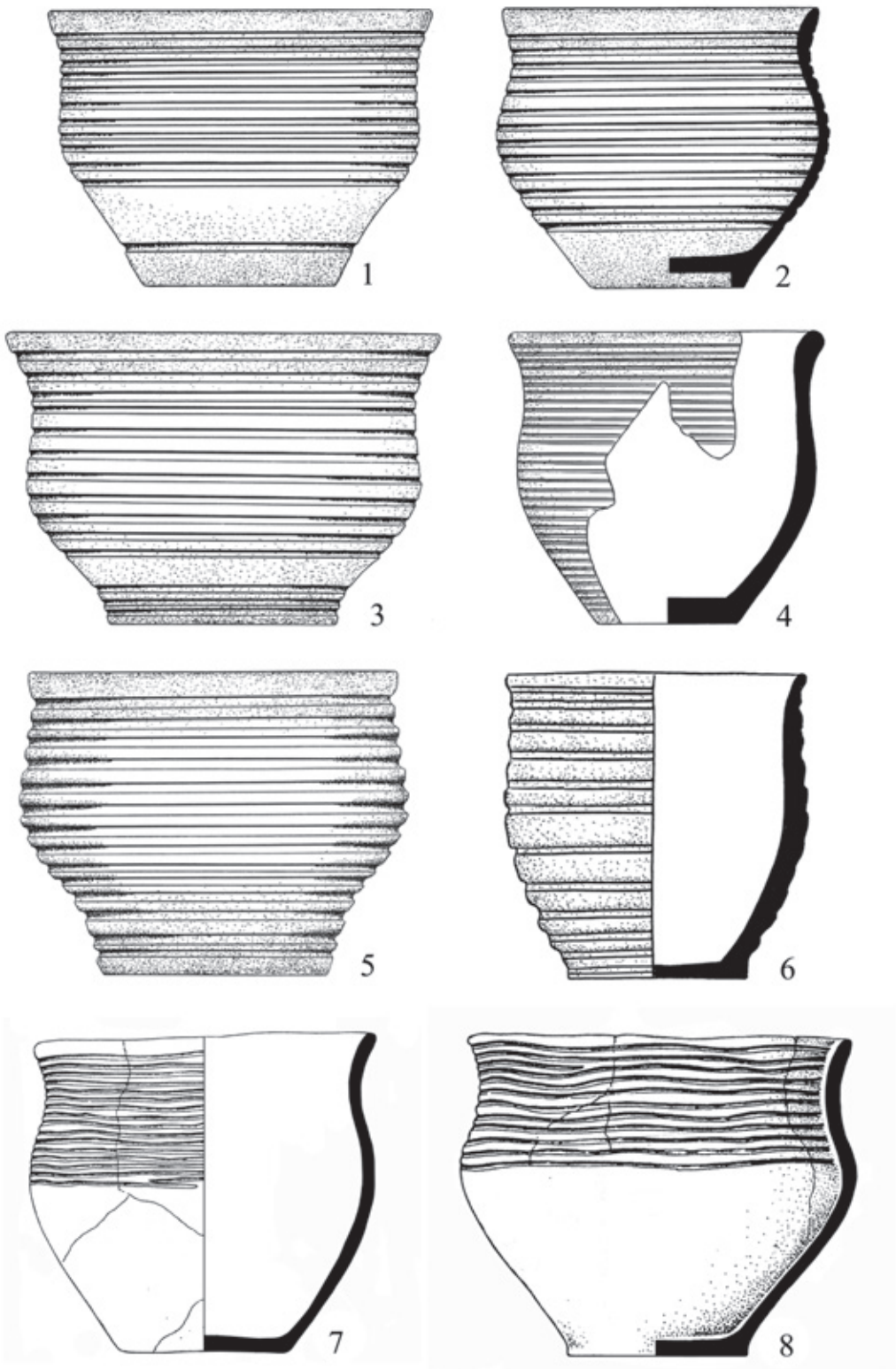


Табл. 153. 1 - Калачевский; 2 - Преображенка III, к. 56, п. 2; 3 - Боровое, м. А; 4 - Боровое, огр. 14, п. В; 5 - Подтурино; 6 - Алыпкаш; 7, 8 - Урефты I, к. 16, п.

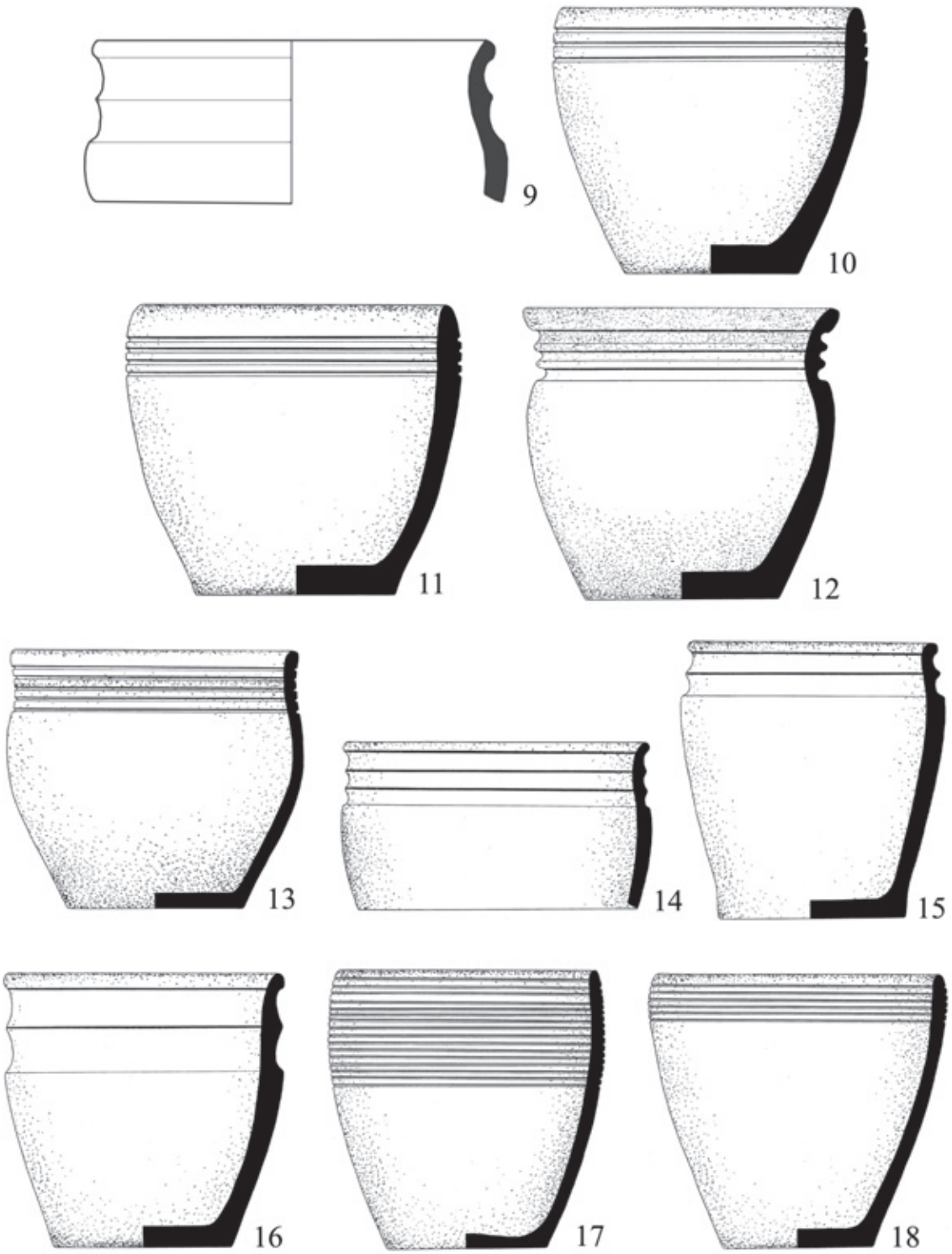


Табл. 153 (продолжение). 9 - Маринка, м. 11; 10 - Икпень I, ?; 11 - Икпень I, м. 6; 12 - Икпень I, м. 4; 13 - Ташик; 14 - Бозенген, огр. 6, м. 1; 15 - Бозенген, к. 8, м. 5; 16 - Бозенген, огр. 8 у м. 9; 17 - Бозенген, к. 8 у м. 8; 18 - Бозенген, к. 8, перекр. м. 7.

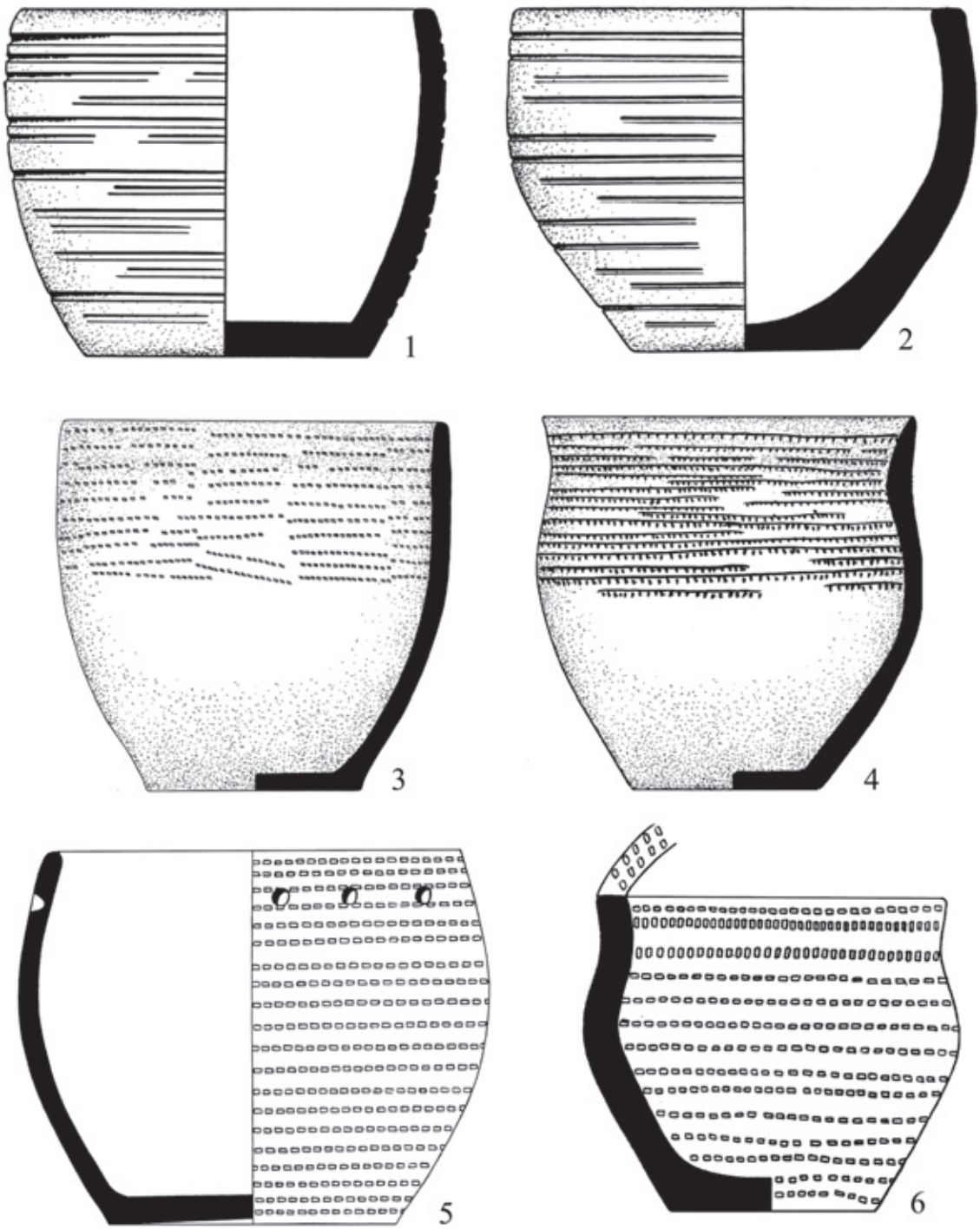


Табл. 154. 1 - ЕК-II, м. 56; 2 - ЕК-II, м. 31; 3 - Старый Тартас-4, к. 3, п. 1; 4 - Урефты I, к. VII, п. 2; 5 - ЕК-II, м. 34, № 1; 6 - ЕК-II, м. 124, № 4; 7 - ЕК-II, м. 137, № 1; 8 - ЕК-II, м. 163, № 2; 9 - ЕК-II, м. 164, № 8; 10 - ЕК-II, м. 246, усл. 1; 11 - ЕК-II, м. 259, № 1; 12 - ЕК-II, м. 230, № 1; 13 - ЕК-II, м. 273, № 3; 14 - ЕК-II, м. 307, № 3; 15 - ЕК-II, м. 335, № 1; 16 - ЕК-II, к. 51, м. 6, № 1.

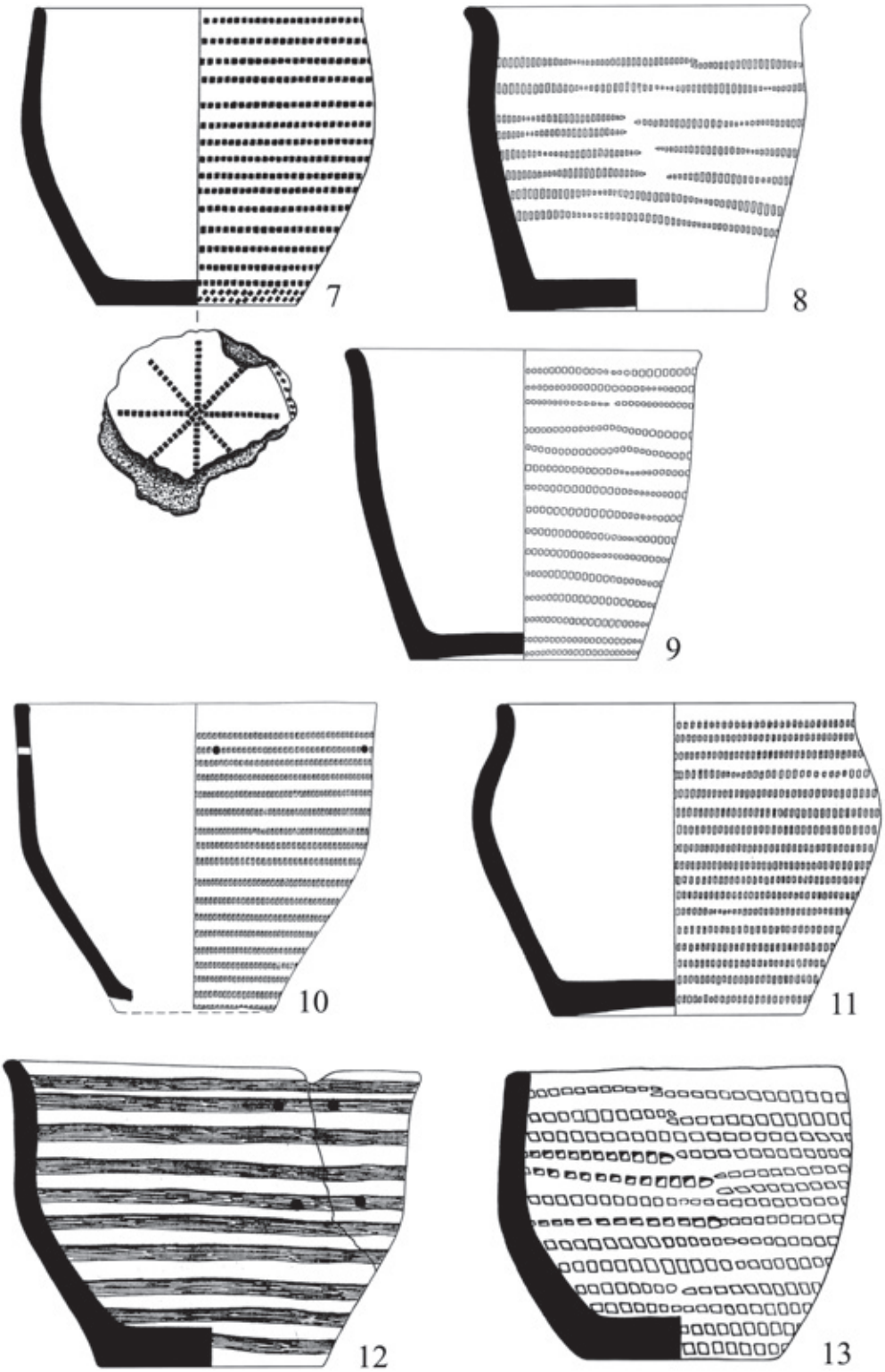


Табл. 154 (продолжение). 7 - ЕК-II, м. 137, № 1; 8 - ЕК-II, м. 163, № 2; 9 - ЕК-II, м. 164, № 8; 10 - ЕК-II, м. 246, усл. 1; 11 - ЕК-II, м. 259, № 1; 12 - ЕК-II, м. 230, № 1; 13 - ЕК-II, м. 273, № 3.

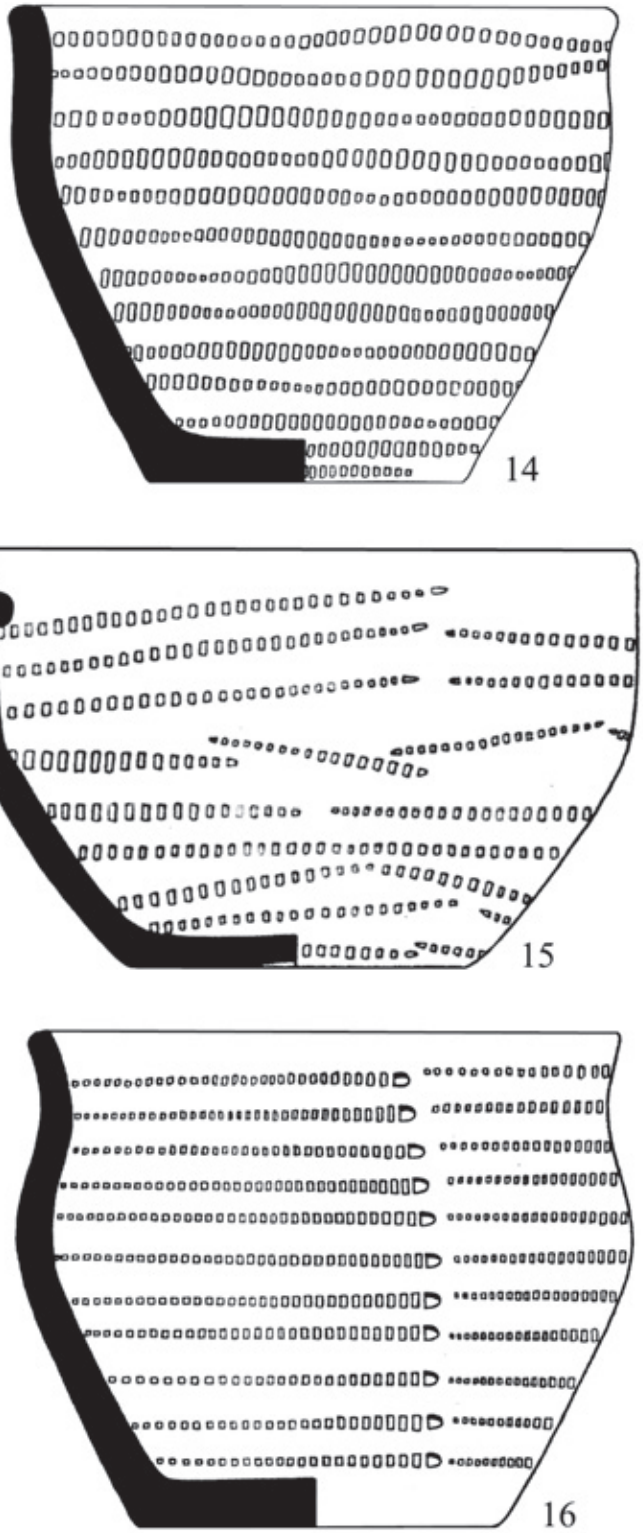


Табл. 154 (продолжение). 14 - ЕК-II, м. 307, № 3; 15 - ЕК-II, м. 335, № 1; 16 - ЕК-II, к. 51, м. 6, № 1.

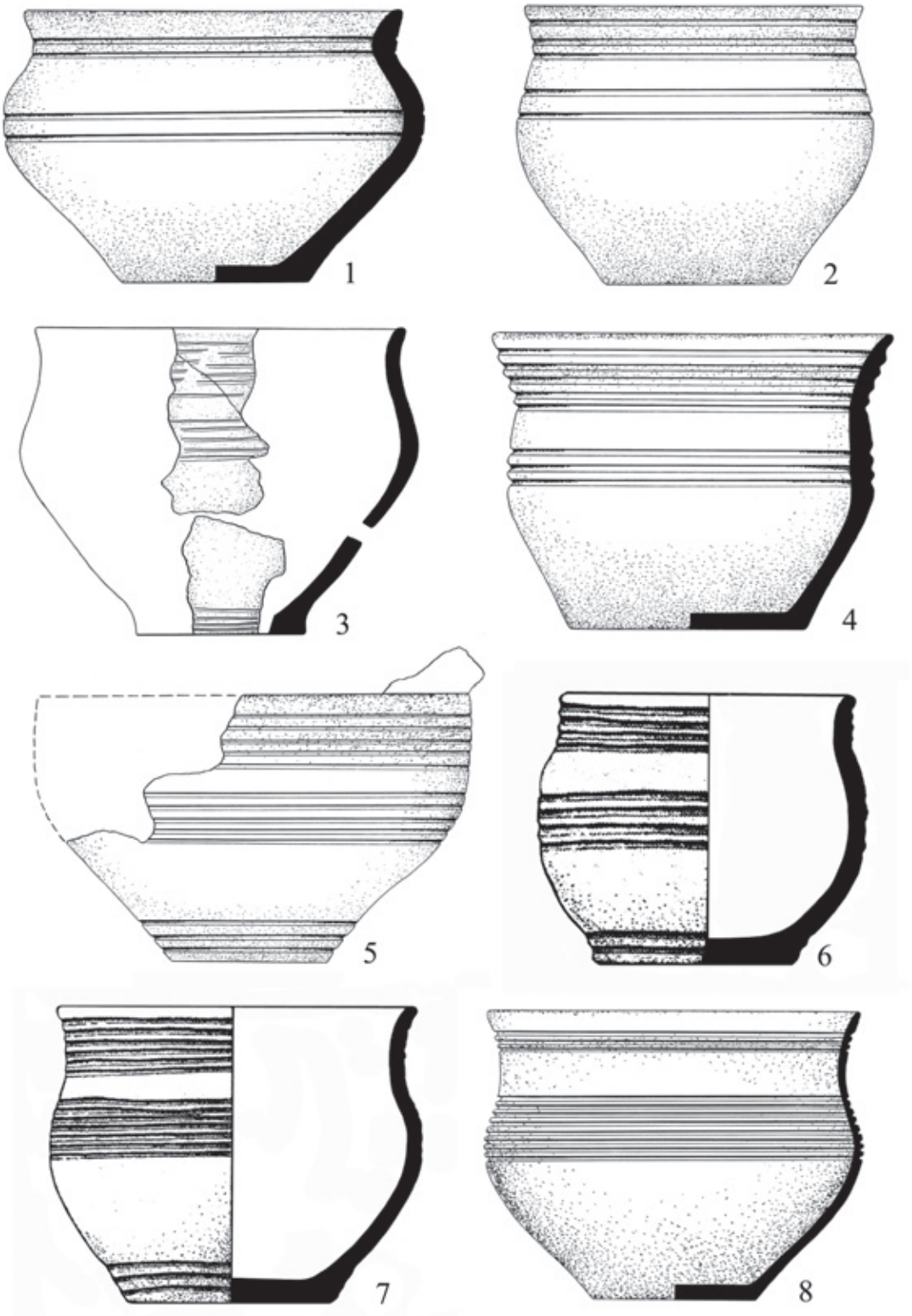


Табл. 155. 1 - Преображенка III, к. 61, п. 1; 2 - Смолино, к. 7, п. 1 (1907 г.); 3 - Субботино к. 3, насыпь; 4 - Сухомесовский; 5 - Лисаковский I, раск. VII, п. 1; 6, 7 - Касарги; 8 - Лисаковский I.

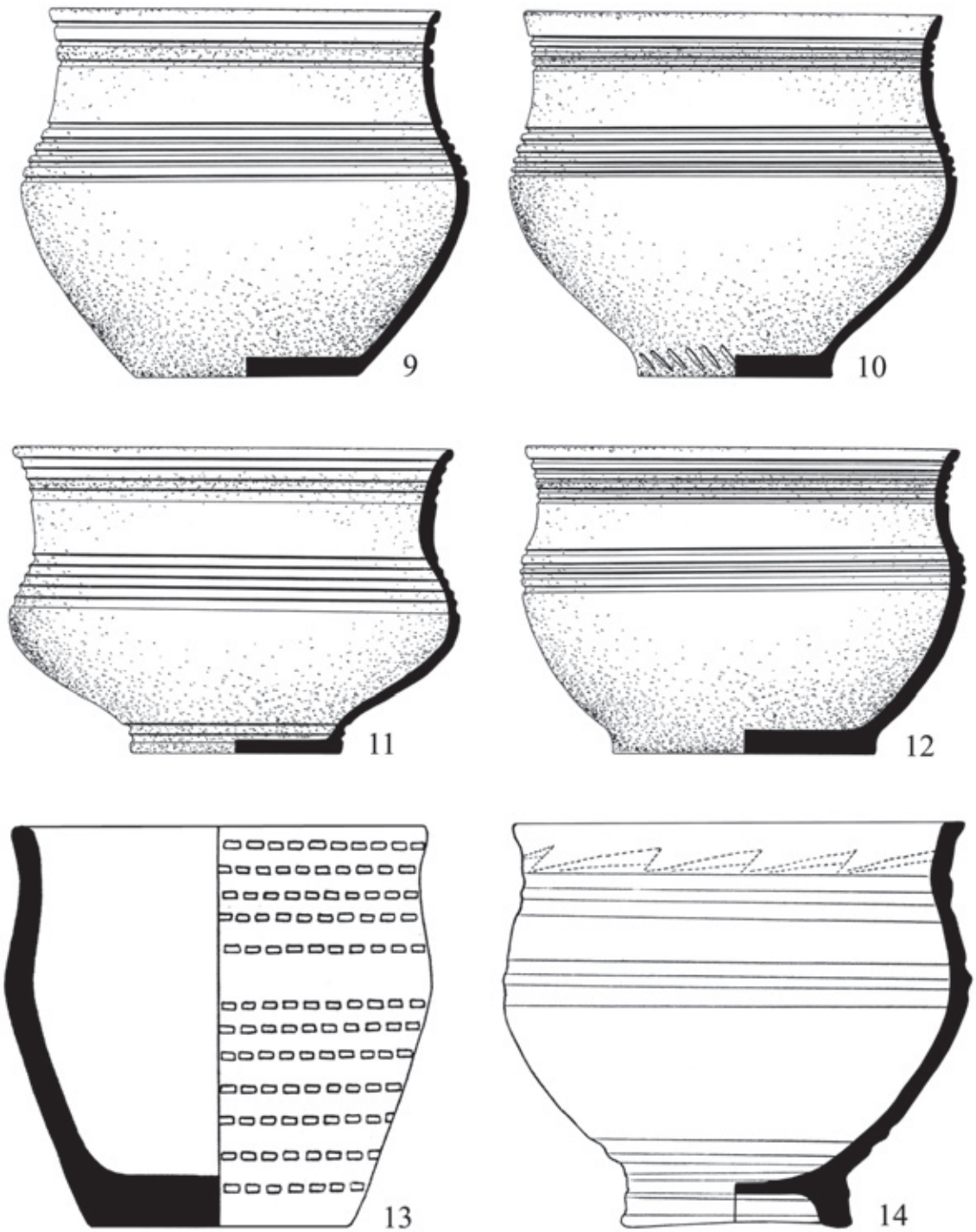


Табл. 155 (продолжение). 9-12 - Лисаковский I; 13 - ЕК-II, м. 8, № 1;
14 - Старый Сад, к. 80, п. 1, с. 2.

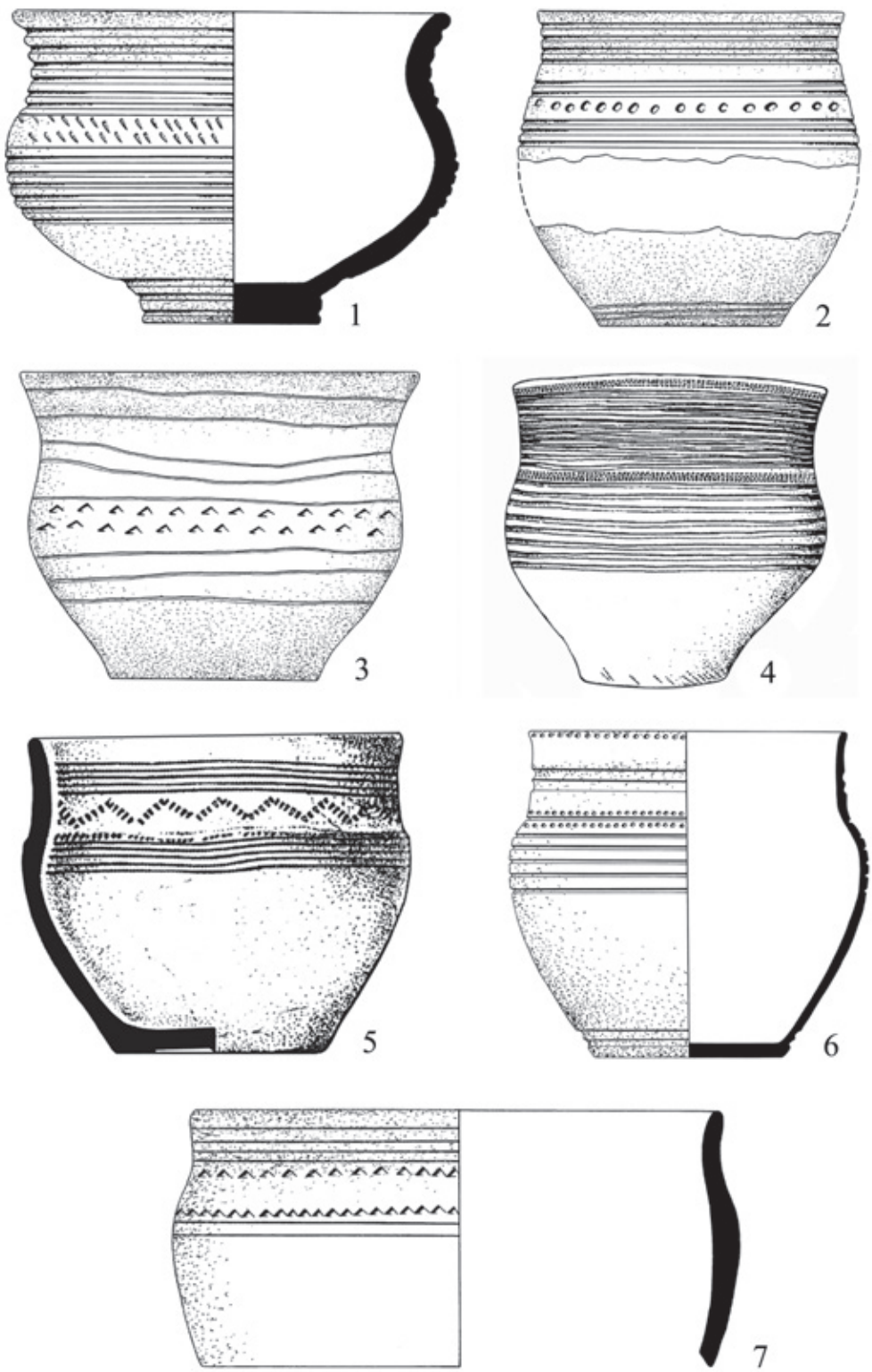


Табл. 156. 1 - Путиловская Заимка II; 2 - Фёдоровский; 3 - Алыпкаш; 4 – Нурбаково; 5 - Урефты I, к. 2, п. 15; 6 - Лисаковский I; 7 - Актобе II, огр. 5, м.

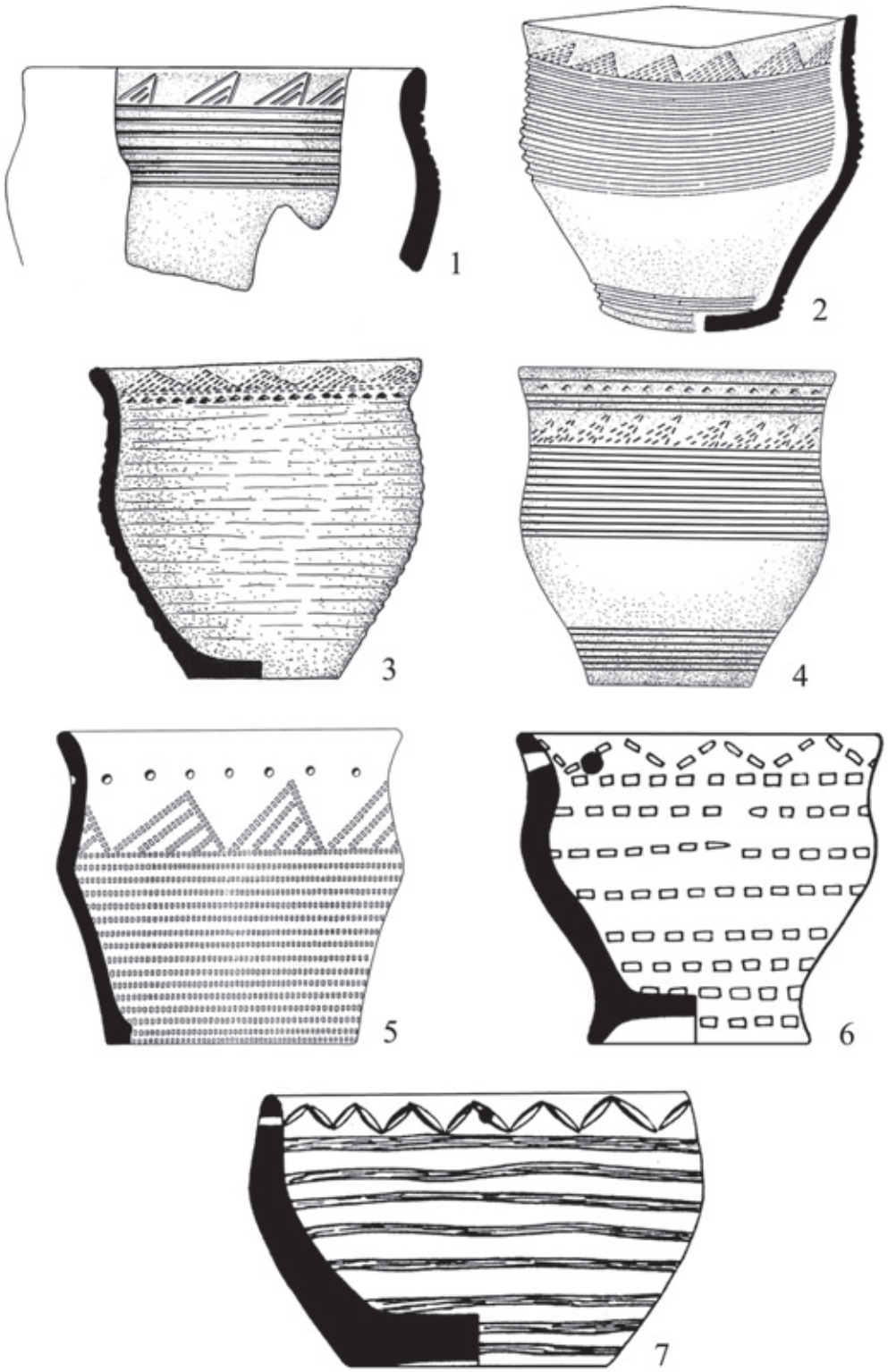


Табл. 157. 1 - Сухое озеро IA, к. В, м.; 2 - Сухое озеро I, к. 409; 3 - Танай I, к. 7, м. 3; 4 - Боровое, огр. 5, юж. м.; 5 - ЕК-II, м. 162, № 7; 6 - ЕК-II, м. 258, № 1; 7 - ЕК-II, м. 324, № 2.

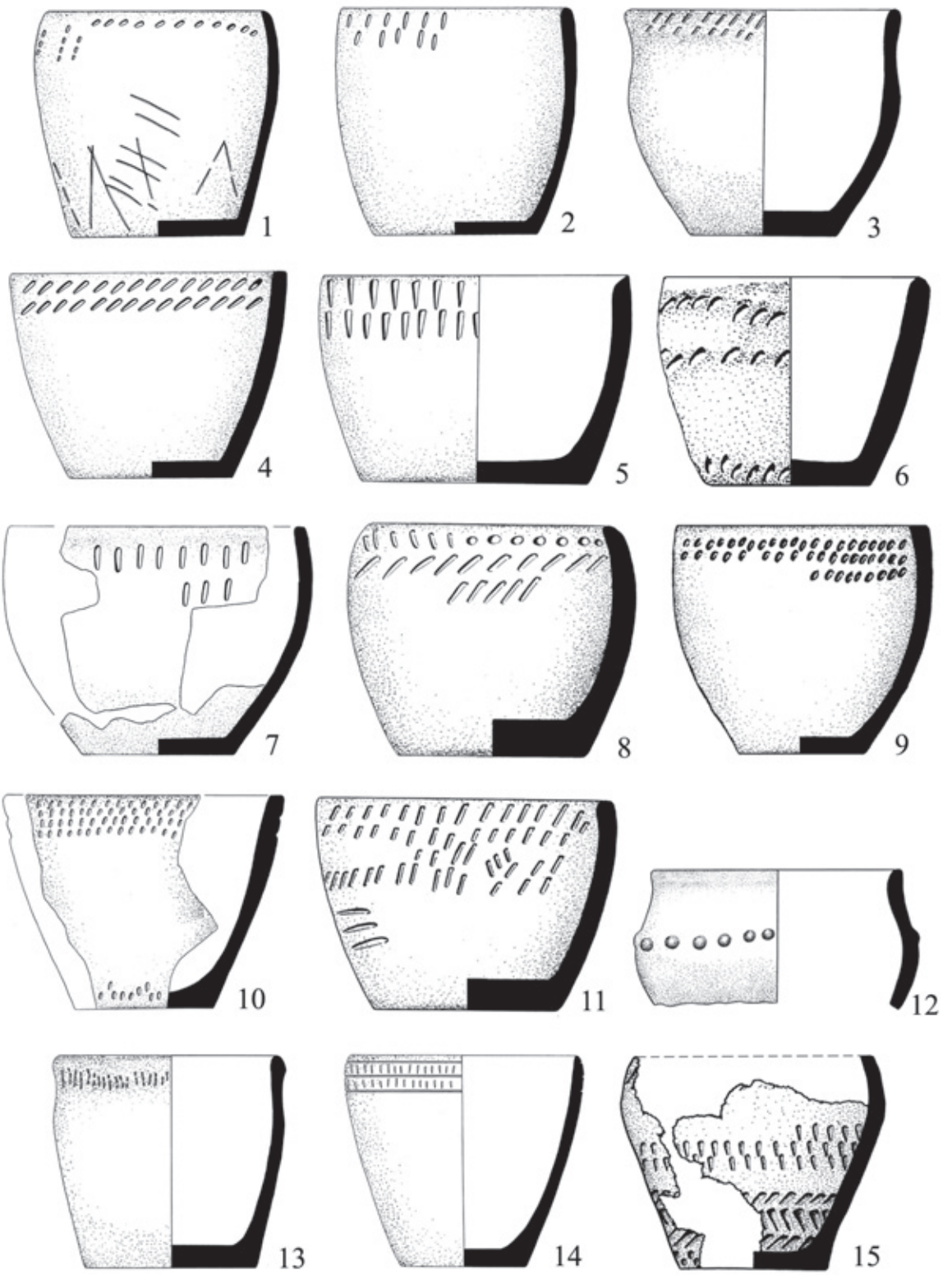


Табл. 158. 1 - Преображенка III, п. 2; 2 - ЕГМ-II, м. 5; 3 – Кинзерский; 4 - Преображенка III, к. 27, п. 4; 5 - Восход-I; 6 - Кытманово, м. 20; 7 - Белокаменка, огр. сев. погр.; 8 - Сухое озеро IA, к. Н, м. 2; 9 - Титово II, к. 6, м. 6; 10 - Шет I; 11 - Новая Чёрная III, м. 9; 12 - Чекановский Лог-7; 13 - Шапат, жерт. 7; 14 - Бозенген, к. 20, м. 3; 15 - Танай XII, ров, соор. № 5.

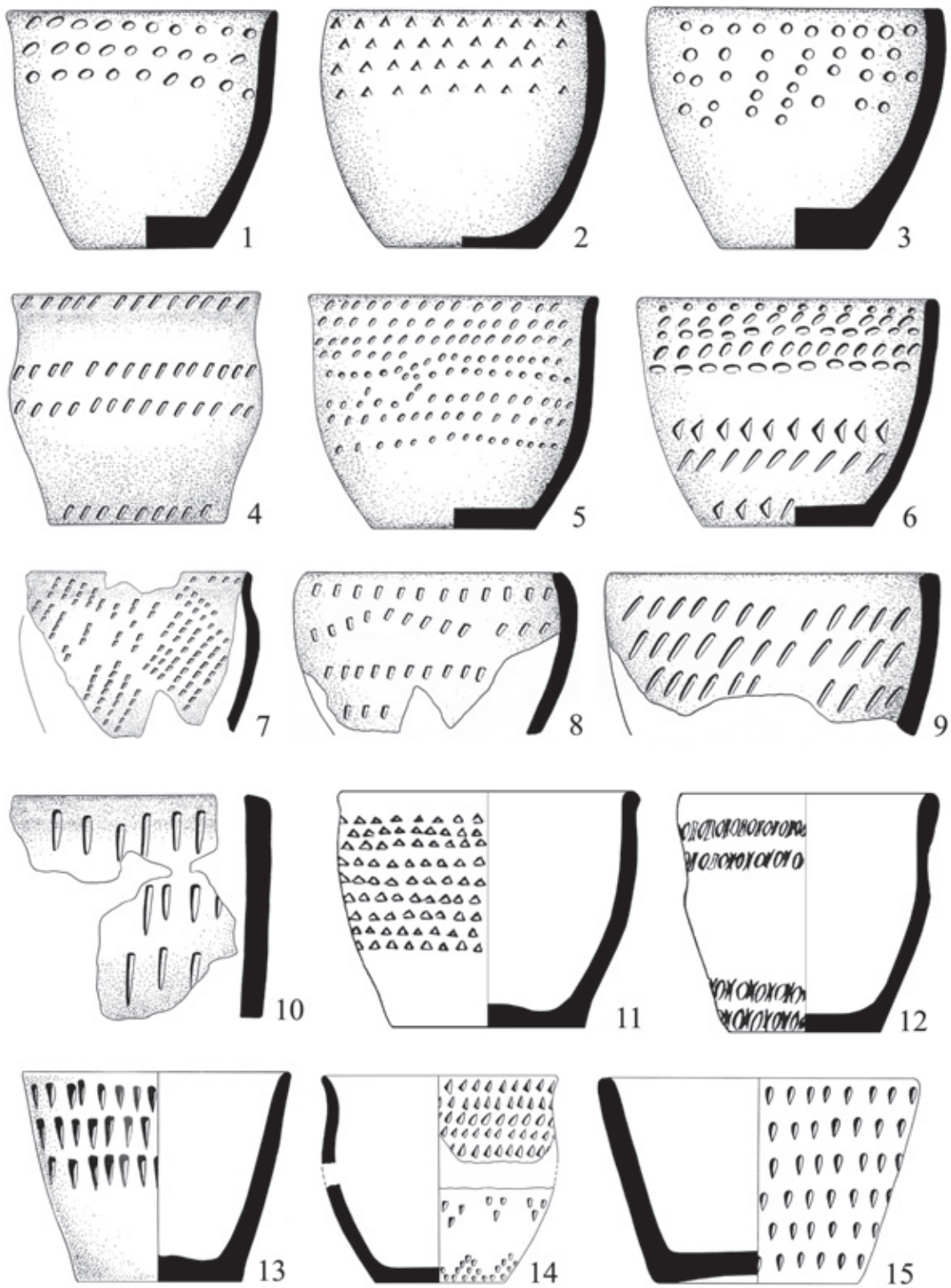


Табл. 159. 1 - Новая Чёрная III, м. 15; 2 - Сухое озеро IA, к. 442, м. 5; 3 - Ярки I, м. 3; 4 - Батени «Ярки»; 5 - Преображенка III, к. 48, п. 1; 6 - Преображенка III, к. 56, п. 1; 7 - Орак, м. 2; 8 - Сухое озеро IA, к. 3, м. 1; 9 - Сухое озеро IA, к. М, м.; 10 - Старый Тартас-4, к. 3, п. 1; 11 - Барашки, огр. 25; 12 - Барашки, огр. 32; 13 - Фирсово XIV, м. 62; 14 - ЕК-II, м. 6, № 1; 15 - ЕК-II, м. 194, № 4.

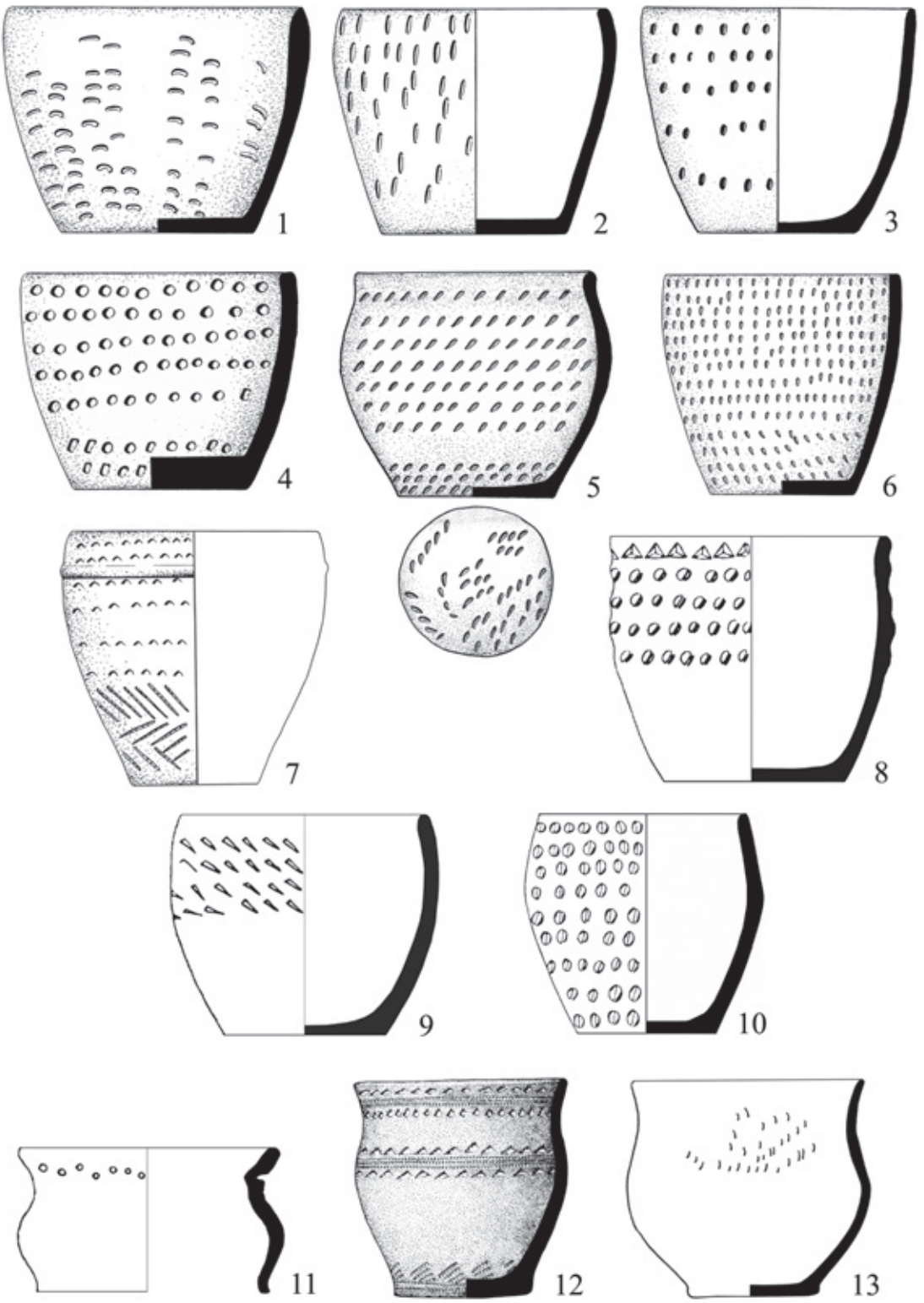


Табл. 160. 1 - БЕ-XIV, м. 28; 2, 3, 7 - Подтурино; 4 - Орак, м. 34; 5 - Кошколь, к. 8, м. 7; 6 - Танай XII, к. 1, м. 2; 8 - Берёзовский, огр. 12; 9 - Берёзовский, огр. 14; 10 - Берёзовский, огр. 28; 11 - Берёзовский, огр. 22Е; 12 - Тартас-1, захор. 340; 13 - Старый Сад, к. 80, п. 2, с. 1.

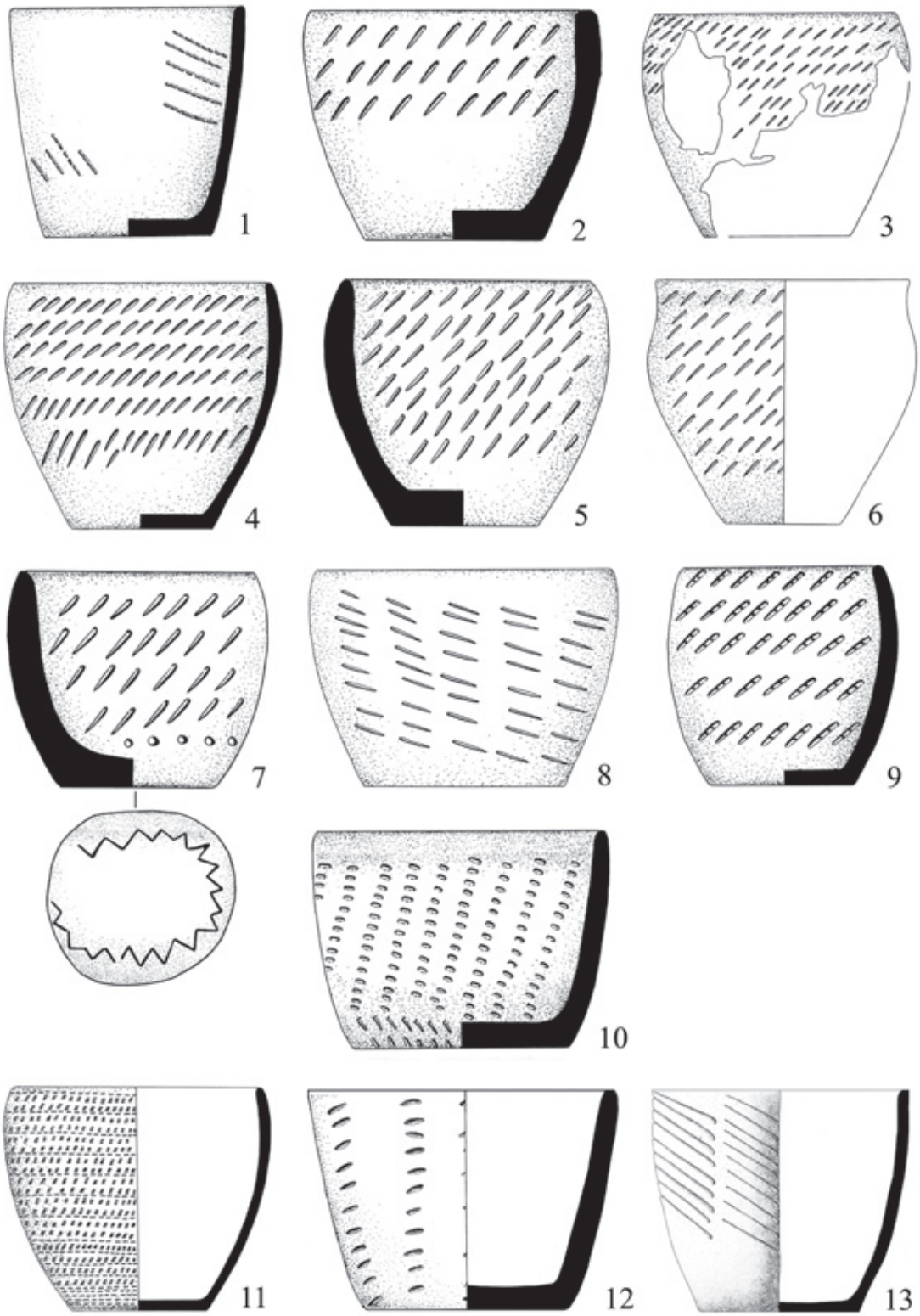


Табл. 161. 1 - Подтурино; 2 - Солёноозёрная III, м. 5; 3 - Гандичевский, к. 4, п. 2; 4 - Большое Пичугино, к. 2, м. 1; 5 - Вахрушево, к. 6, м. 2; 6 - Гандичевский, к. 1, п. 2; 7 - Вахрушево, к. 1, м. 2; 8 - Нижняя Суетка, м. 17; 9 - Сухое озеро I, к. 30, м.; 10 - Быково IV, м. 5; 11 - Балыкты, к. 19, м. 3; 12 - Фирсово XIV, м. 39; 13 - Фирсово XIV, м. 70.

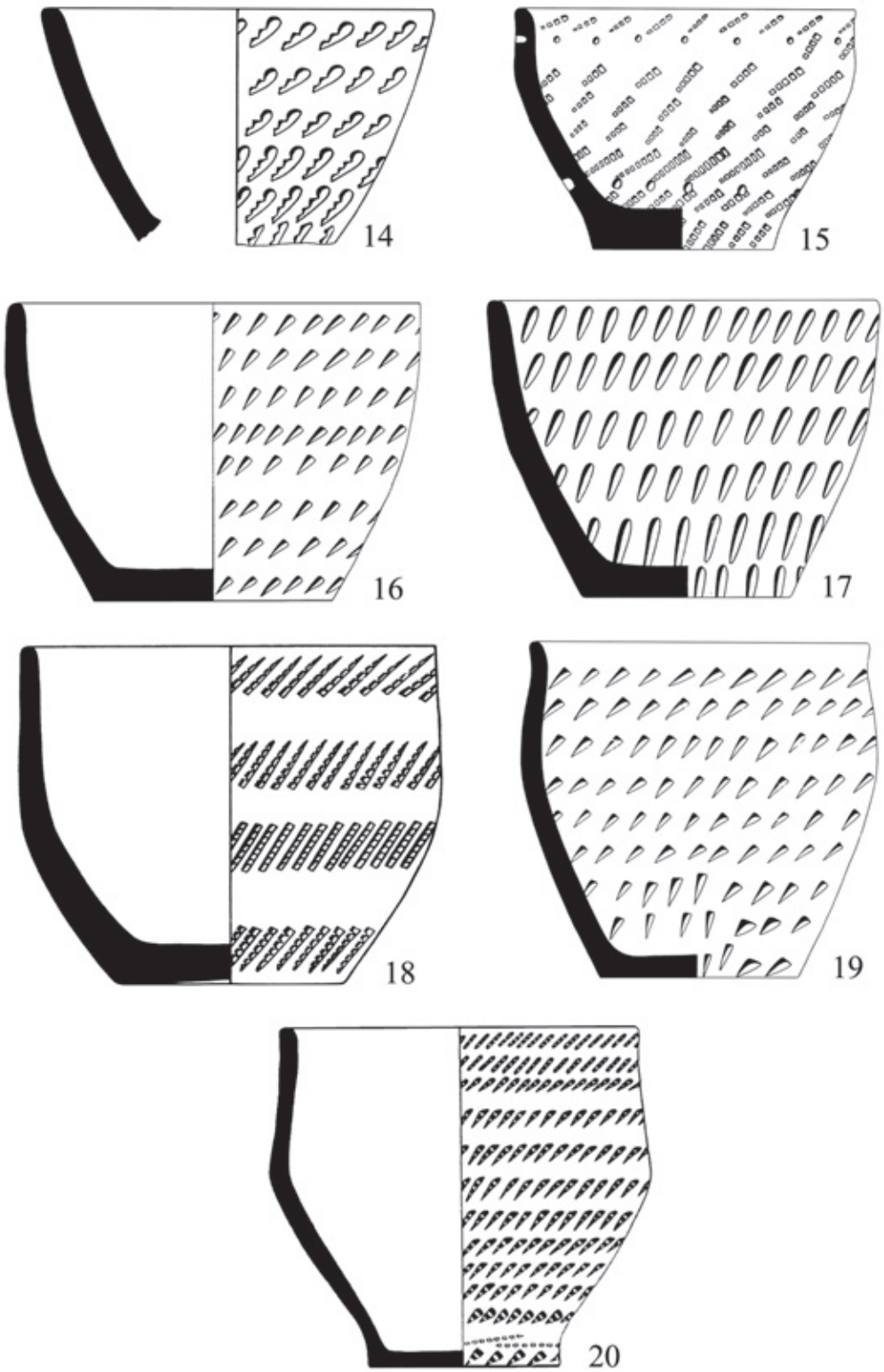


Табл. 161 (продолжение). 14 - ЕК-II, м. 146, № 2; 15 - ЕК-II, м. 148, № 1; 16 - ЕК-II, м. 199, № 5; 17 - ЕК-II, м. 299, № 1; 18 - ЕК-II, м. 302, № 1; 19 - ЕК-II, м. 358, № 1; 20 - ЕК-II, кв. 20АН, сос. 1.

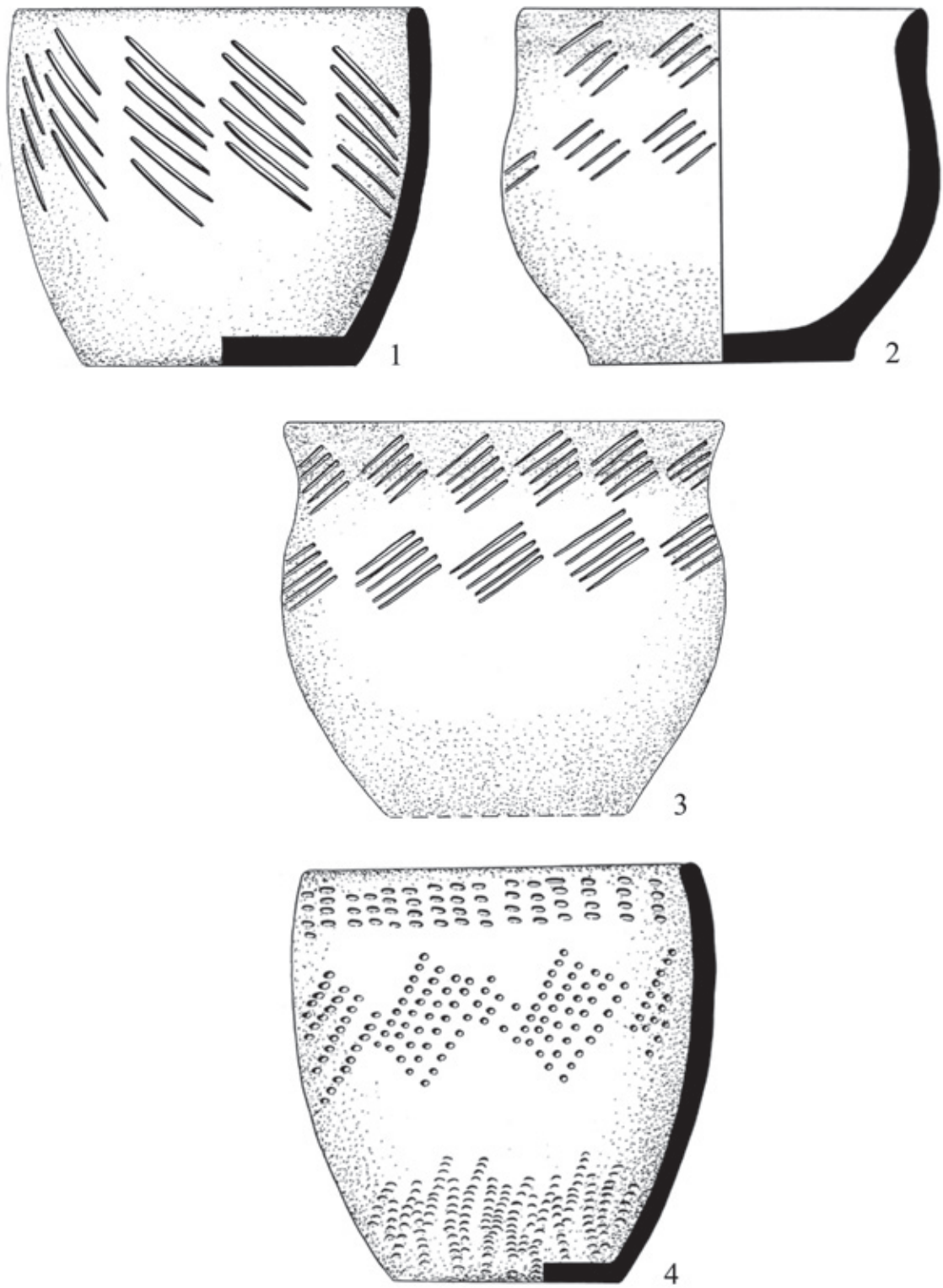


Табл. 162. 1 - БЕ-XII, м. 10; 2 - Урефты I, к. VI, п. 2; 3 – Смолино; 4 - Преображенка III.

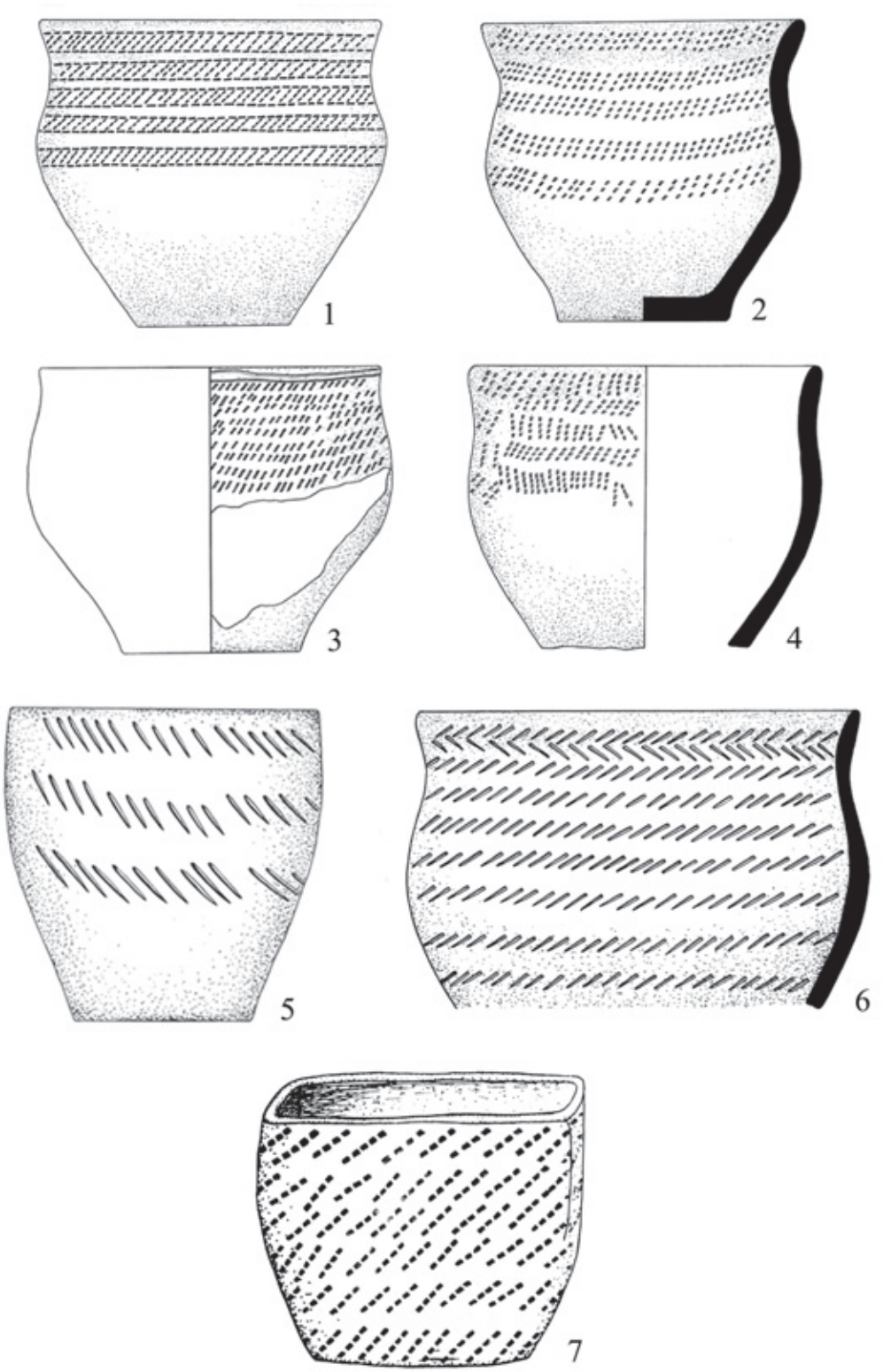


Табл. 163. 1 - Фёдоровский, к. 39, м. 2; 2 - Беласар, огр. 6; 3 - Гандичевский, к. 3, п. 1; 4 - Урефты I, к. VII, п. 1; 5 - Гандичевский, к. 4, п. 1; 6 - Преображенка III, к. 60, п. 1; 7 - ЕК-II, ?.

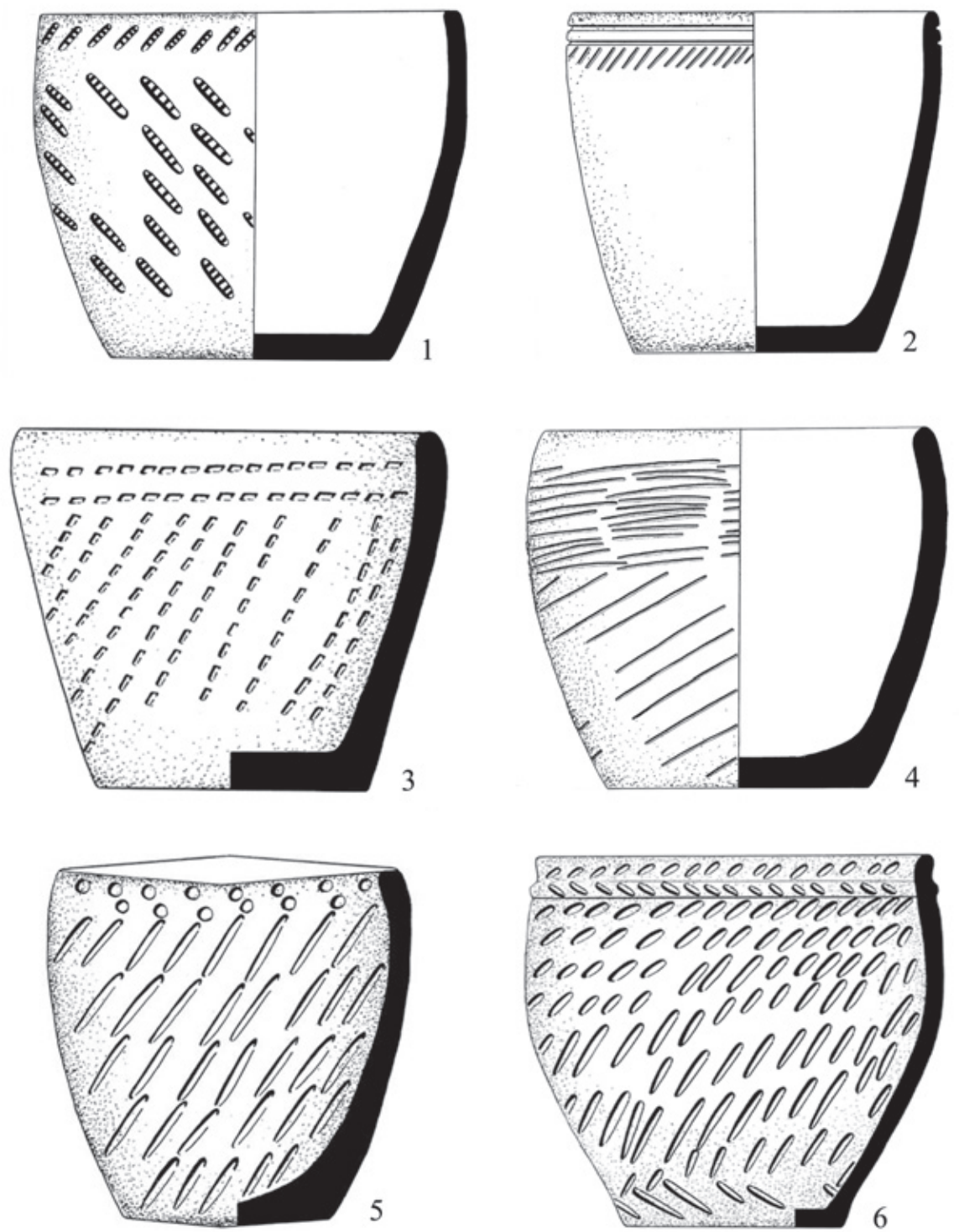


Табл. 164. 1 - Подтурино; 2 - Ташик; 3 - Зевакино, огр. 21А; 4 - Чекановский Лог-10; 5 - Сухое озеро IA, к. 442, м. 4; 6 - Старый Тартас-4, к. 6, м. 1.

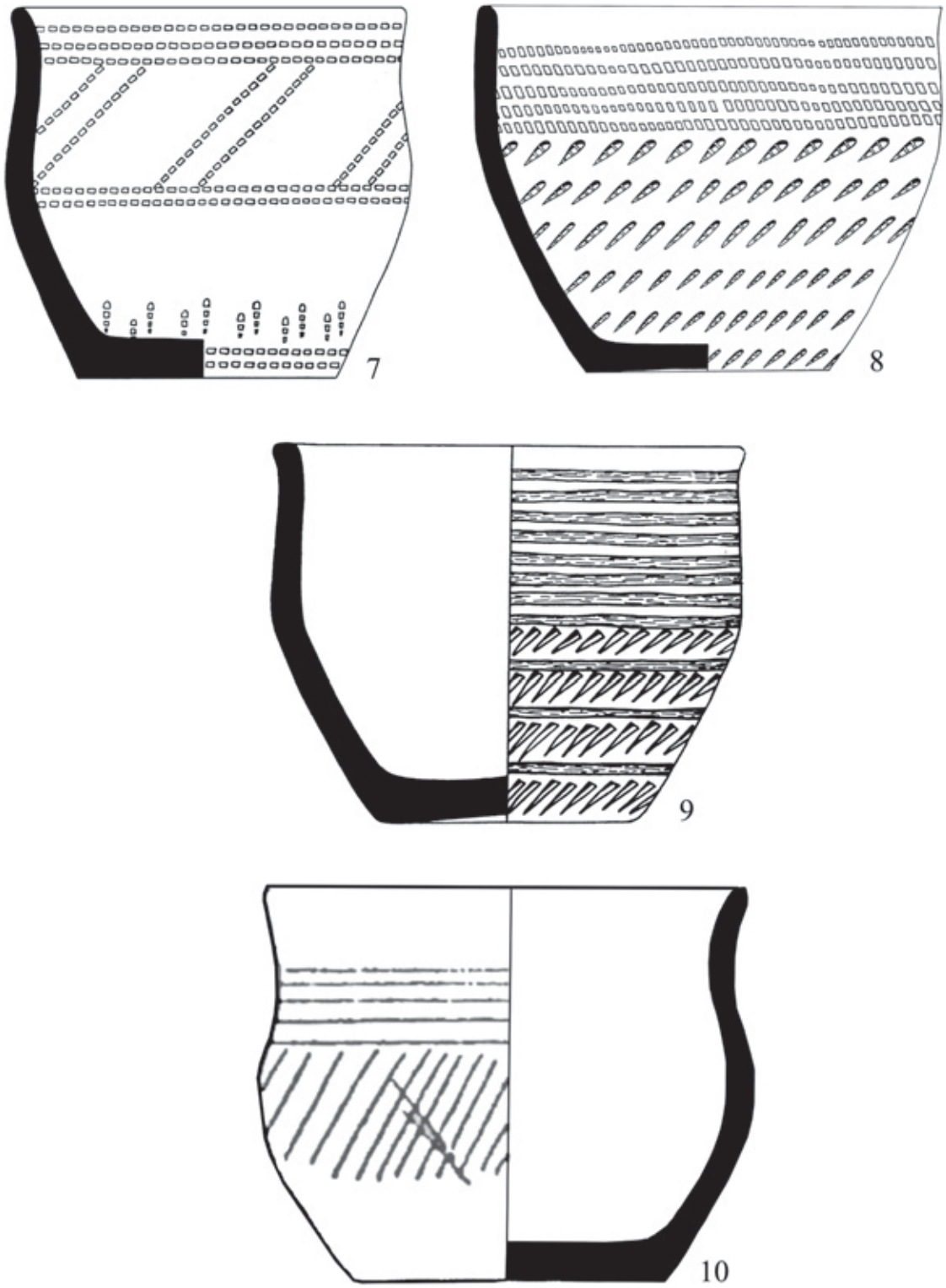


Табл. 164. 6 - Старый Тартас-4, к. 6, м. 1; 7 - ЕК-II, м. 20, № 1; 8 - ЕК-II, м. 63, № 1; 9 - ЕК-II, м. 207, № 2; 10 - Маринка, м. 11.

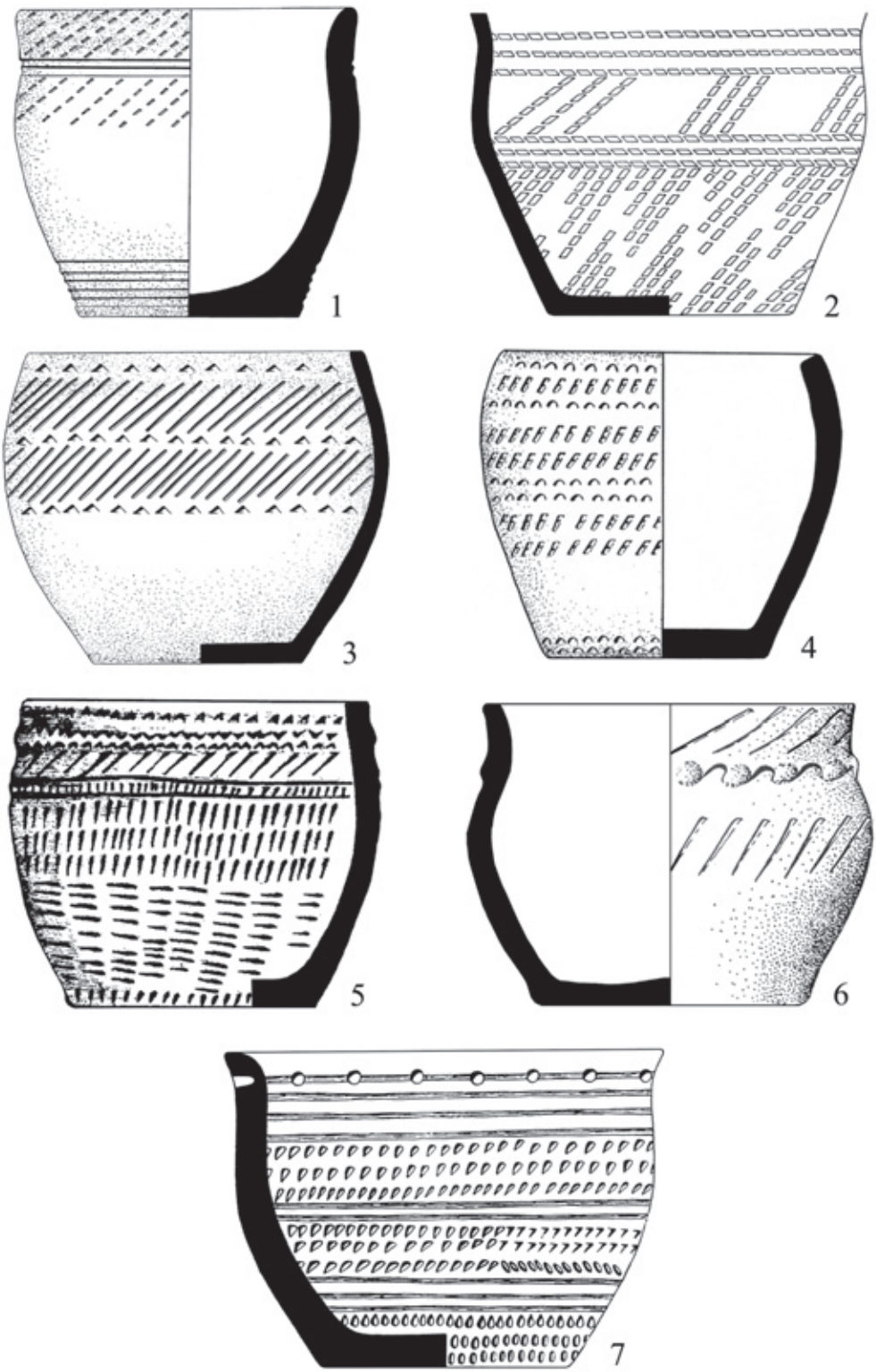


Табл. 165. 1 - Путиловская Заимка II, к. 2, п. 1; 2 - ЕК-II, м. 47, № 2; 3 - Абрамово IV, к. 78, п. 1; 4 - Ашпыл; 5 - Аяпперген (Аяпберген), кур.-огр.; 6 - Фирсово XIV, м. ?; 7 - ЕК-II, м. 104, № 1.

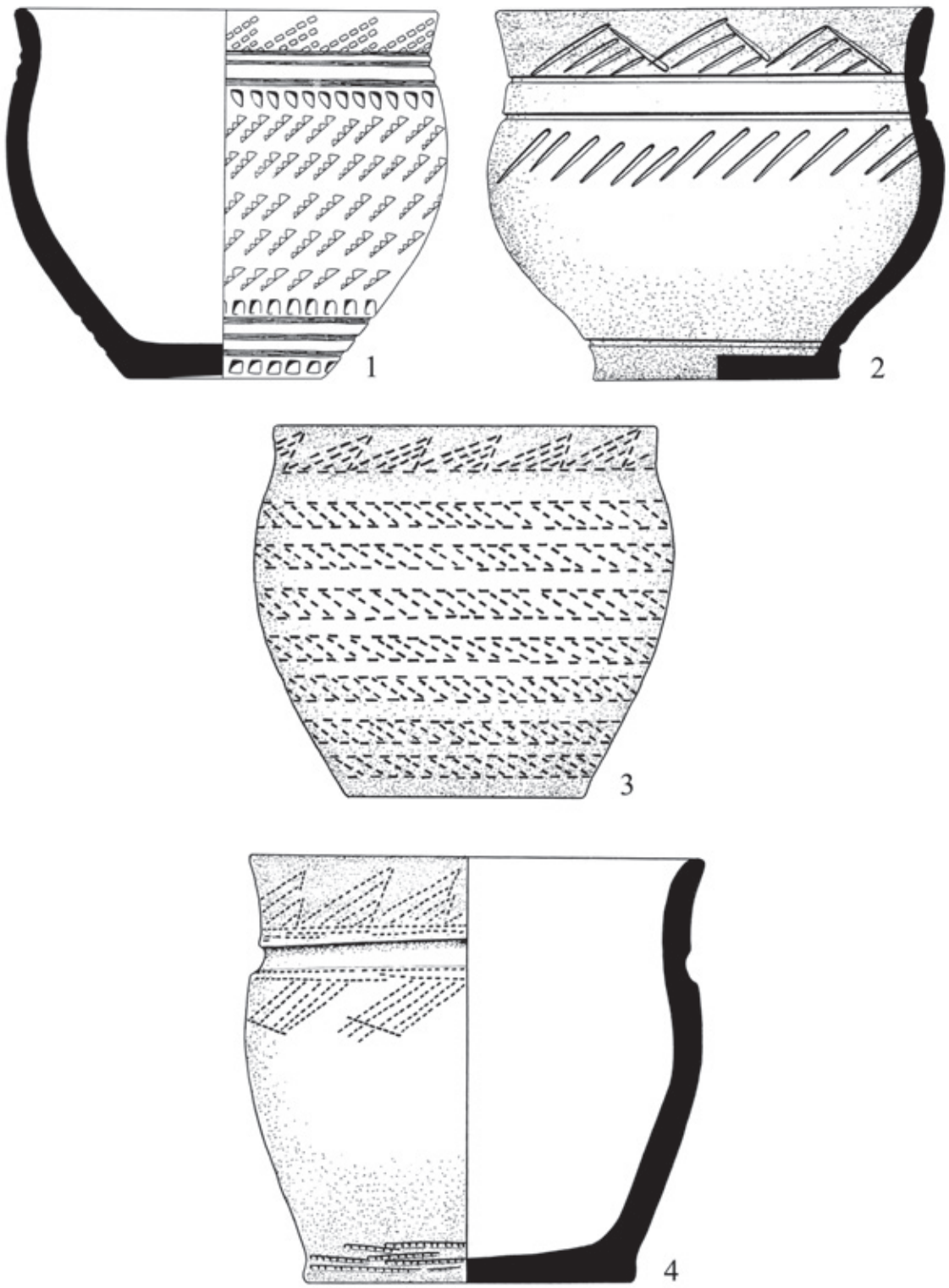


Табл. 166. 1 - ЕК-II, м. 167, № 3; 2 - Смолино, к. 11; 3 - Канай; 4 - Рублёво VIII.

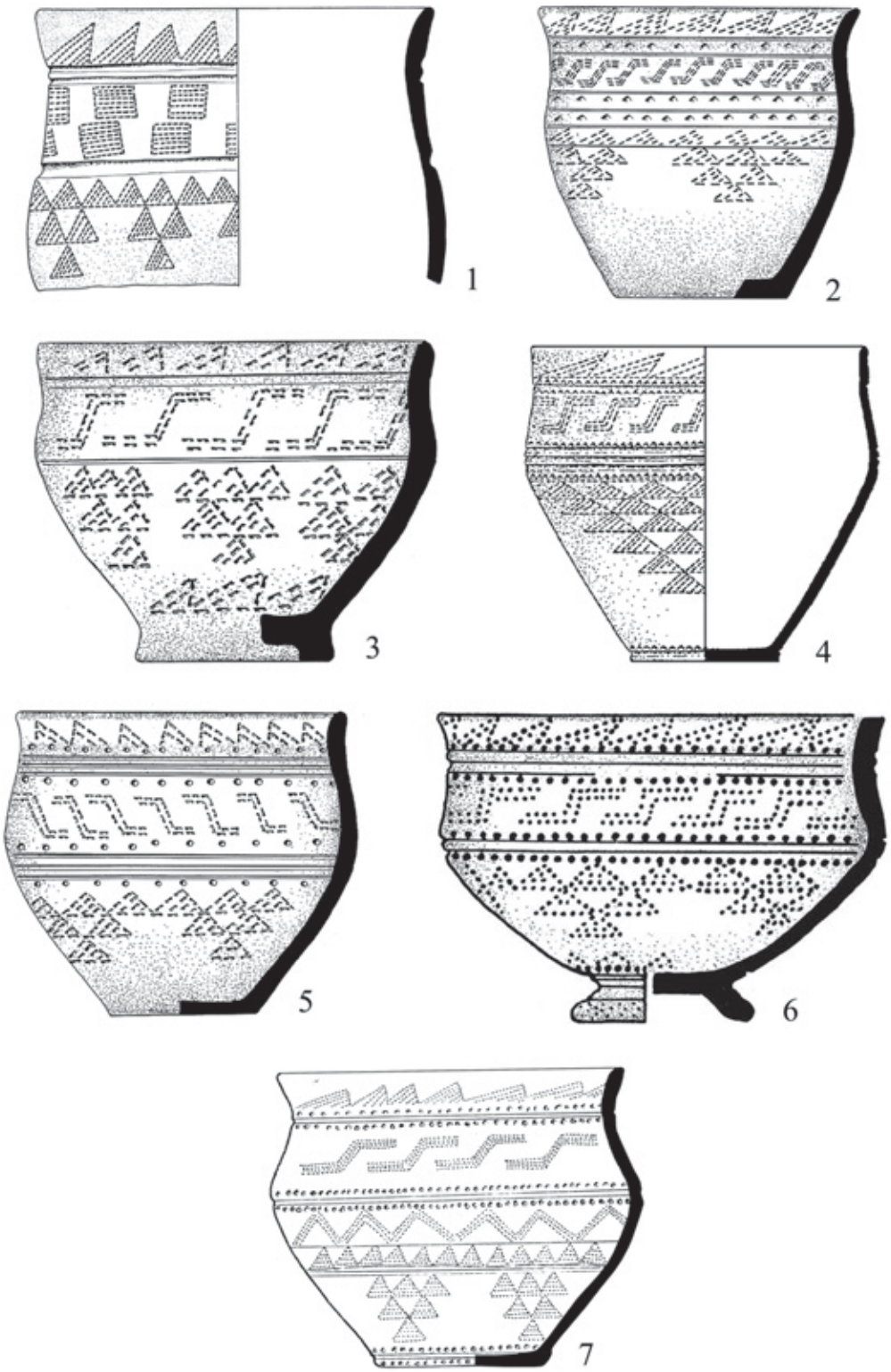


Табл. 167. 1 - Самара, к, 2, м. 2; 2 - Урский, к. 11, м. 1; 3 - Новая Чёрная II, к. 2, м.; 4 - Подтурино; 5 - Сухое озеро I, к. 243, м.; 6 - Сухое озеро I, к. 413, м.; 7 - Старый Сад, к. 80, п. 3, с. 2.

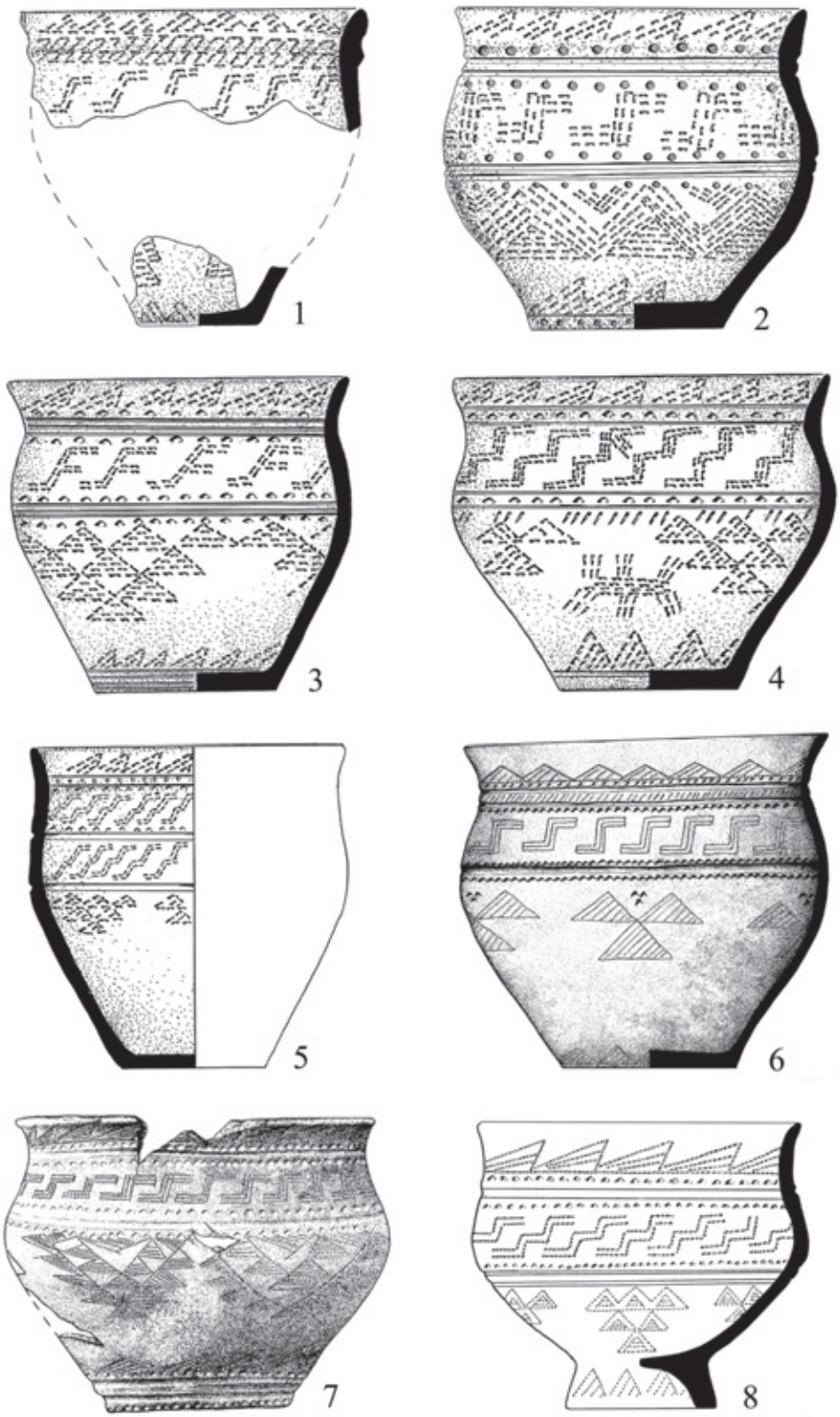


Табл. 168. 1 - Сухое озеро I, к. 430, м. 4; 2 - Преображенка III, к. 27, п. 5; 3 - Солёноозёрная I, м. 21; 4 - Сухое озеро I, к. 430, м. 6; 5 - Вахрушево, к. 2; 6 - Танай XII, п. кв. Y-Z-XLII-XLIV; 7 - Погорелка-2, к. 43; 8 - Старый Сад, к. 80, п. 3, с. 1.

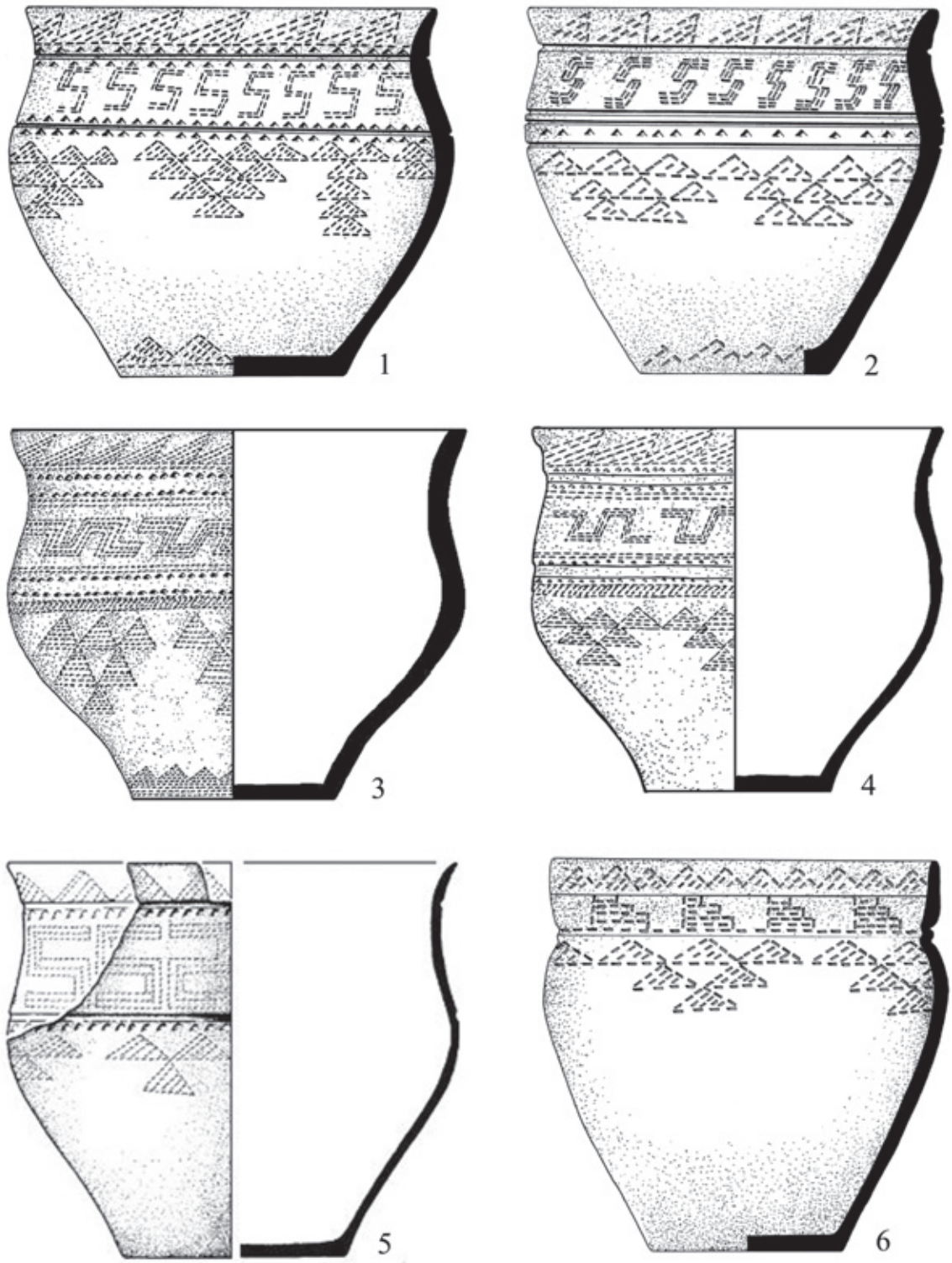


Табл. 169. 1 - Мохов III, м.; 2 - Сангру II, огр. 1, ящ. 1; 3 - Киприно II, м. 2; 4 - Киприно II, м. 5; 5 - Устье-Бири IV, м. 7; 6 - Балыкты, огр. 13, м. 1.

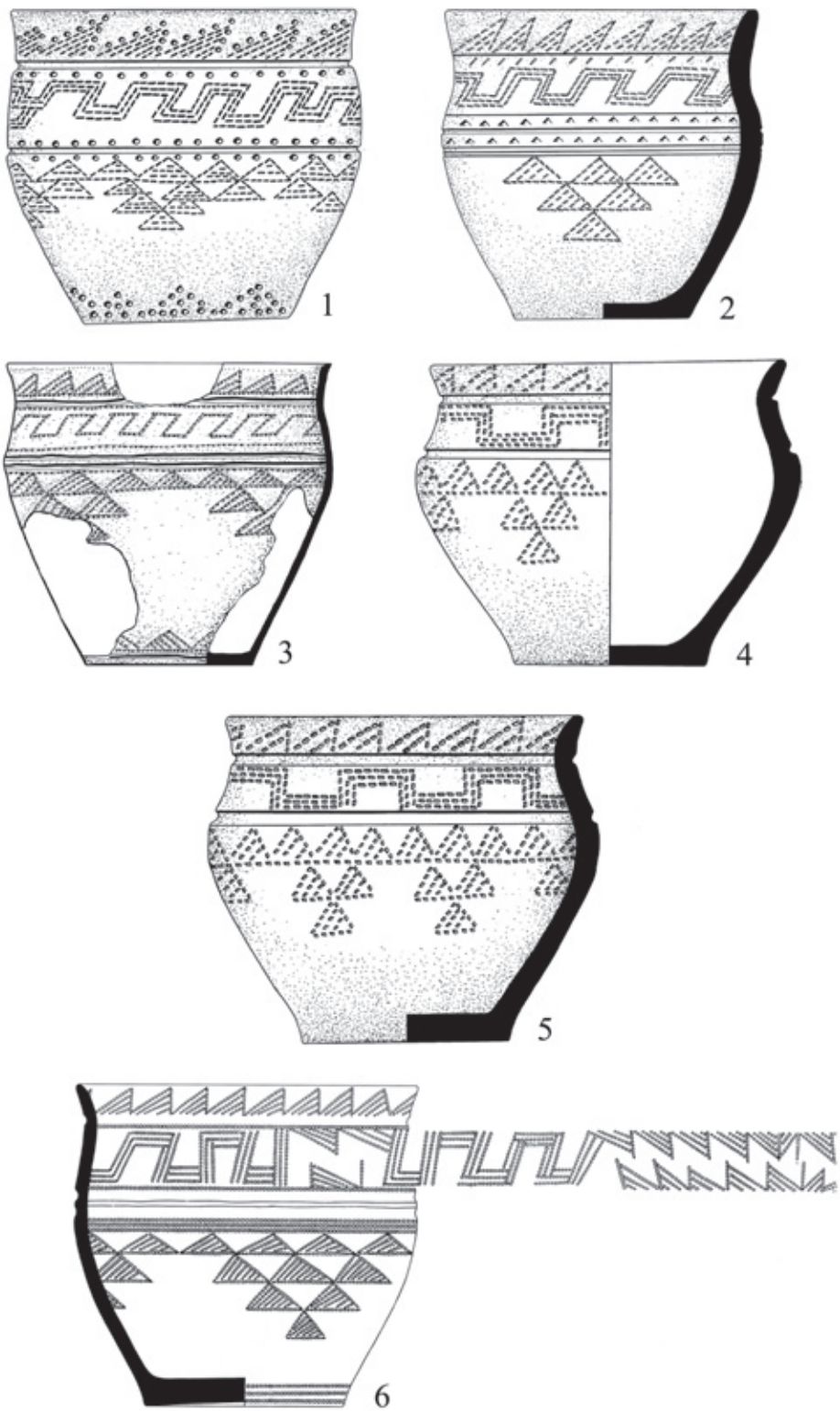


Табл. 170. 1 - Орак, м. 1; 2 - Урский, к. 11, м. 2; 3 - Танай XII, к. 6, м. 1; 4 - Меновное-9, огр. 11, м.; 5 - Меновное-10; 6 - ЕК-II, м. 185, № 2.

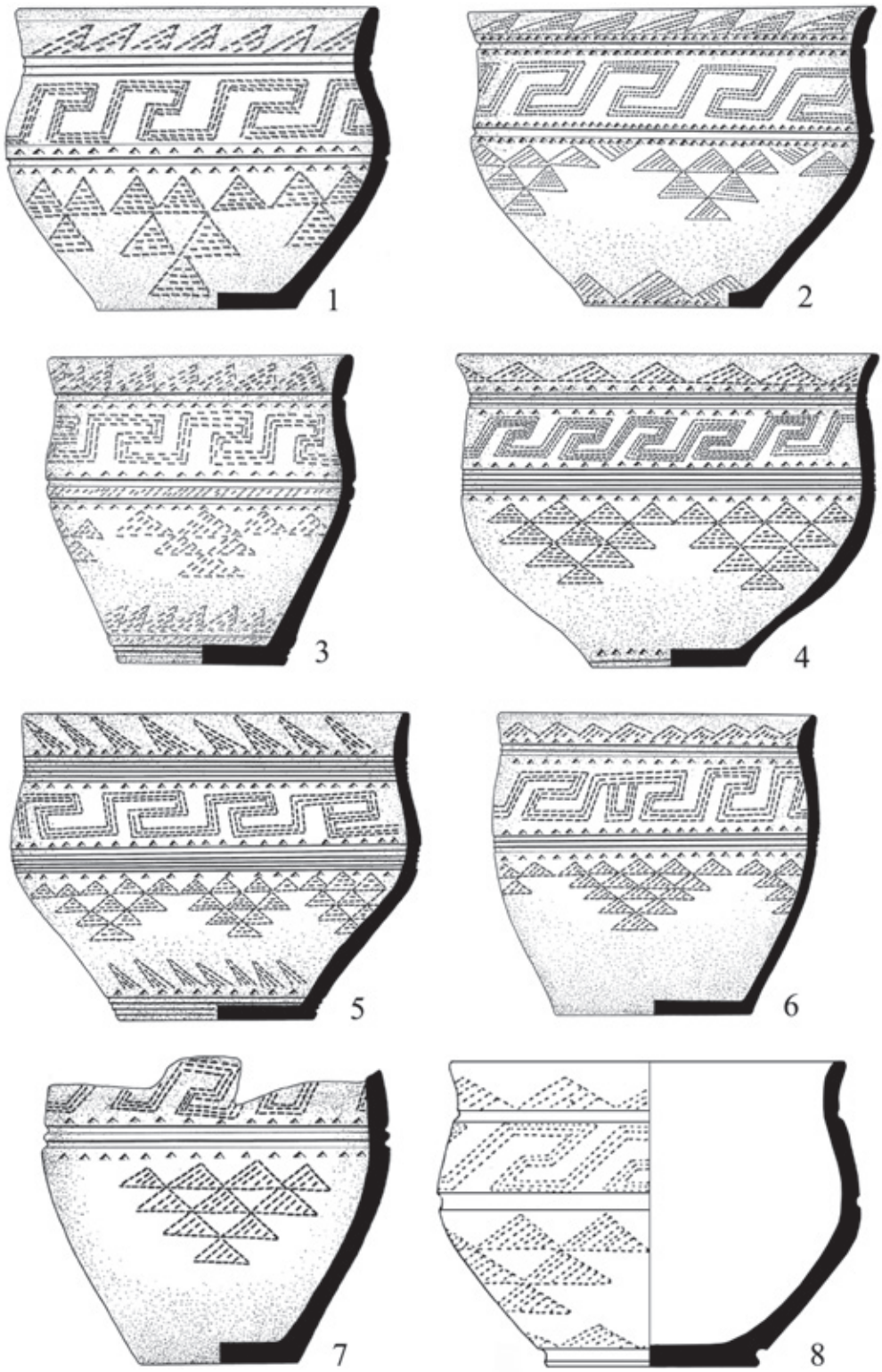


Табл. 171. 1 - Малый Койтас, огр. 35, ящ. 3; 2 - Старый Тартас-4, к. 1, п. 1; 3 - Орак, м. 22; 4 - Танай I, к. 7, м. 2; 5 - Сухое озеро I, к. 1, м.; 6 - Пристань I, огр. 7, м. 2; 7 - Титово II, к. 3, м. 1; 8 - Берёзовский, огр. 37А.

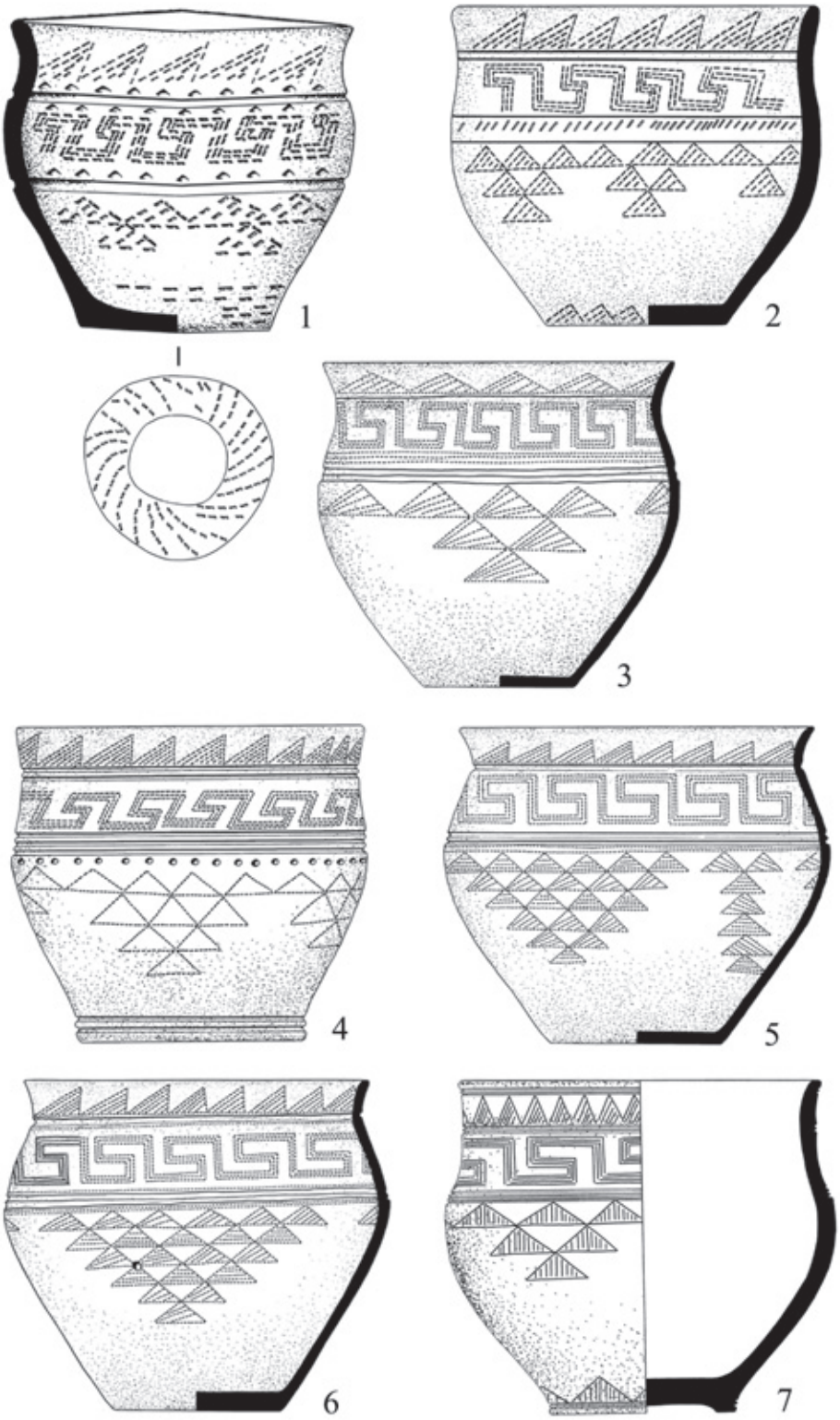


Табл. 172. 1 - Вахрушево, к. 4; 2 - Преображенка III, к. 14, п. 2; 3, 6 - Юрман I, к. 1, м. 1; 4 - Кара-Узек; 5 - Юрман I, к. 1, м. 2; 7 - Мичурино I.

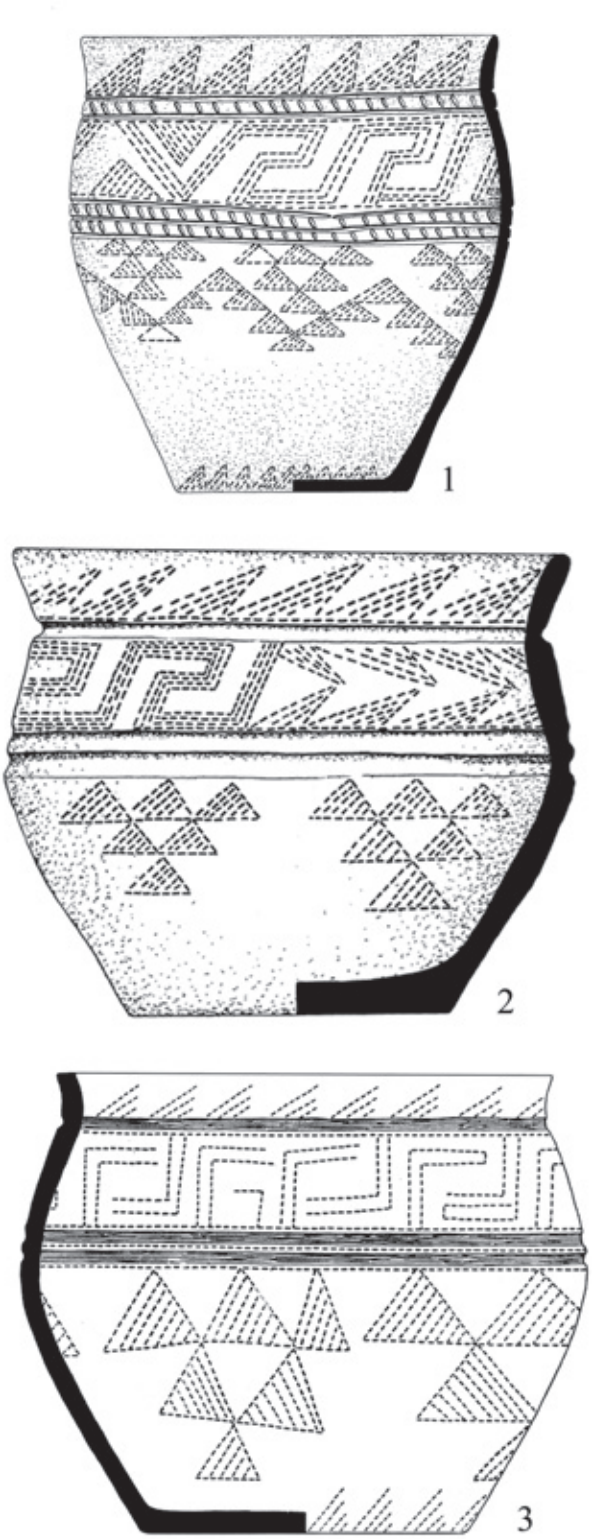


Табл. 173. 1 - Титово II, к. 1; 2 - Меновное-9, к. 8, огр. А, м.;
3 - ЕК-II, к. 50, м. 3, ЮЗ камера, № 5.

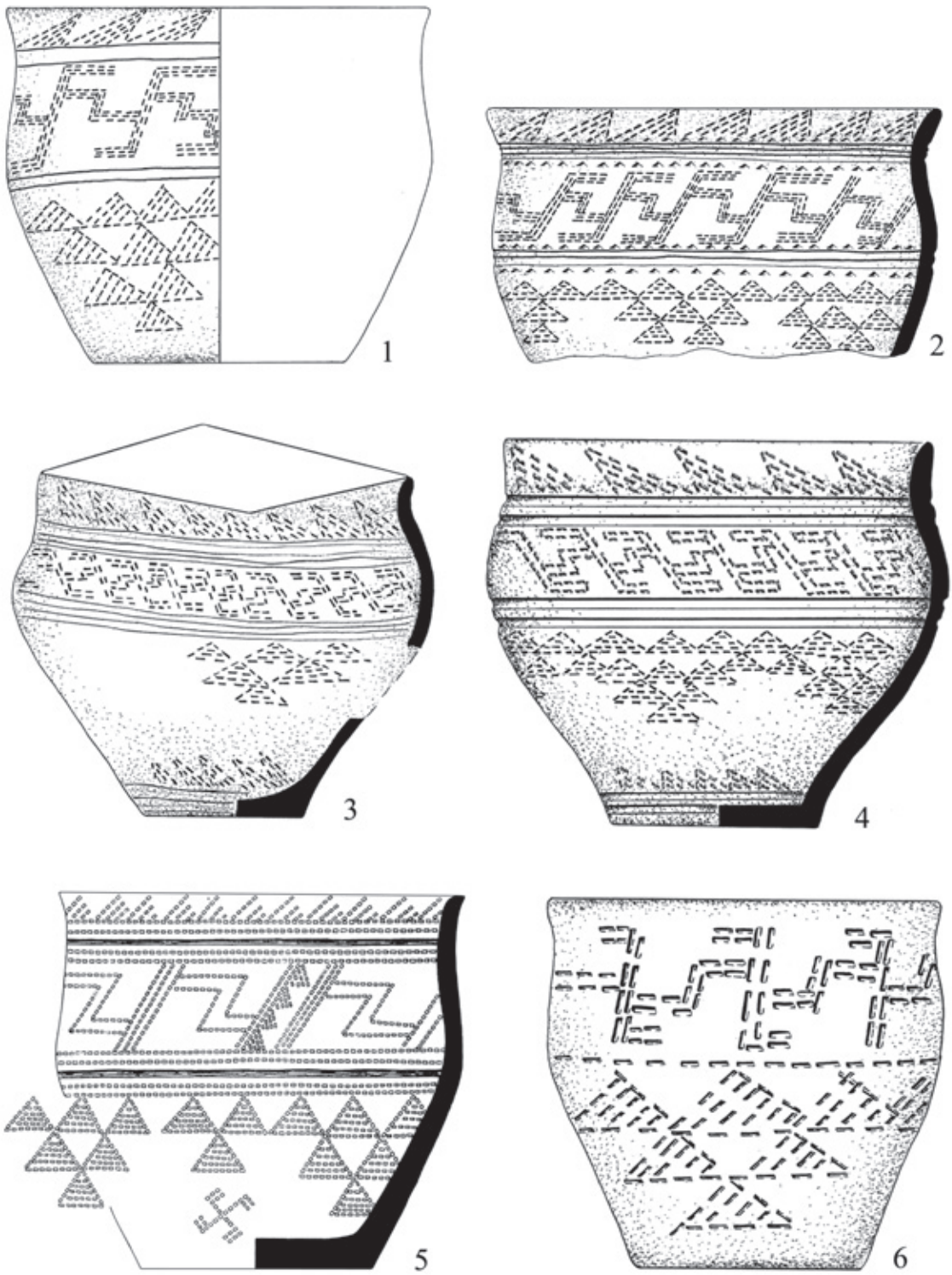


Табл. 174. 1 - Лебяжье V, м. 2; 2 - Орак, к. 47, м.; 3 - Сухое озеро I, к. 29; 4 - Сухое озеро I, к. 2, м.; 5 - ЕК-II, к. 50, м. 2, № 6; 6 - Батени «Ярки».

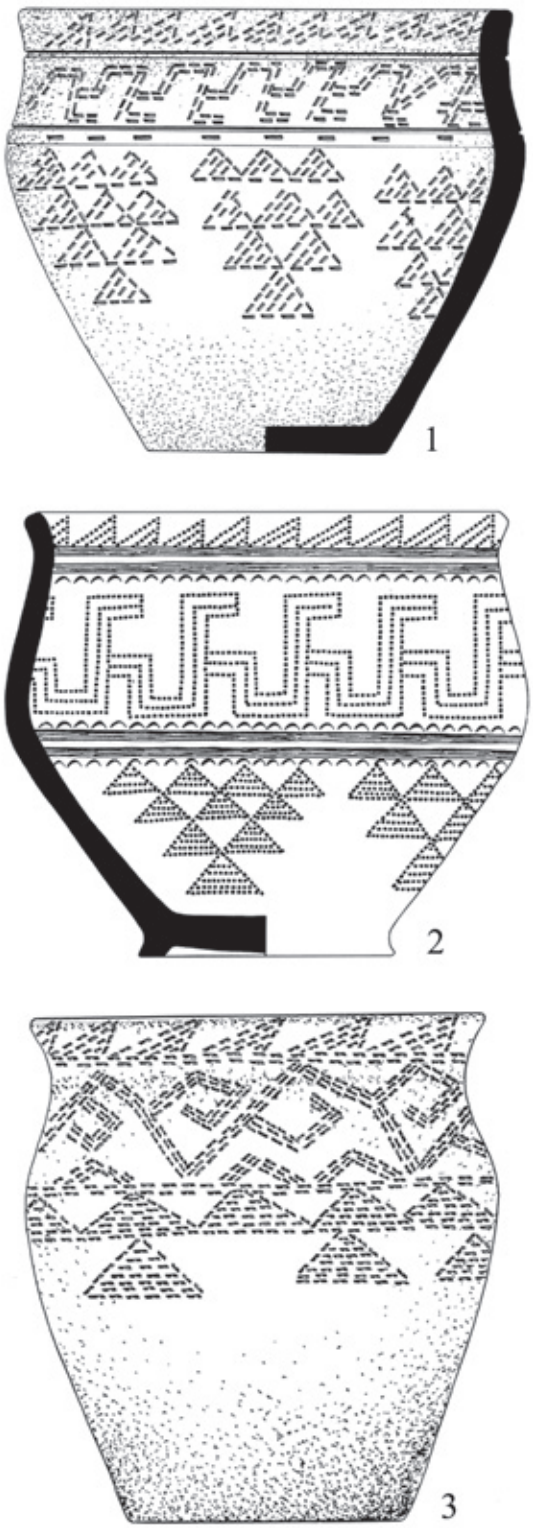


Табл. 175. 1 - Урский, к. 4, м. 2; 2 - ЕК-II, м. 10; 3 - Андроново, м. 2.

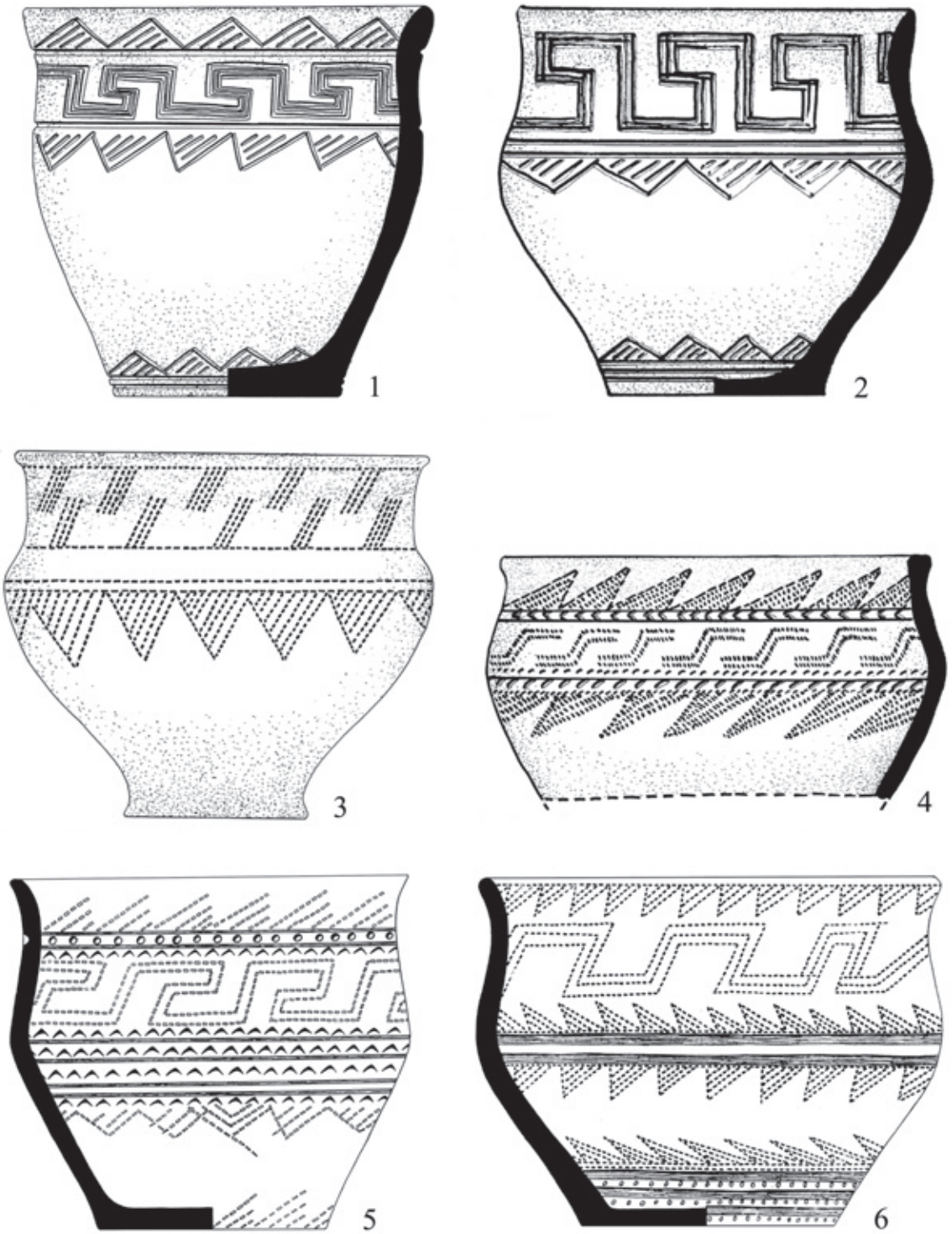


Табл. 176. 1 - Айшрак, огр. 4; 2 - Жаман-Узен II, огр. 3; 3 - Сангру II, к. 4; 4 - Сухое озеро I, к. 8; 5 - ЕК-II, м. 103, № 1; 6 - ЕК-II, к. 50, м. 2, № 4.

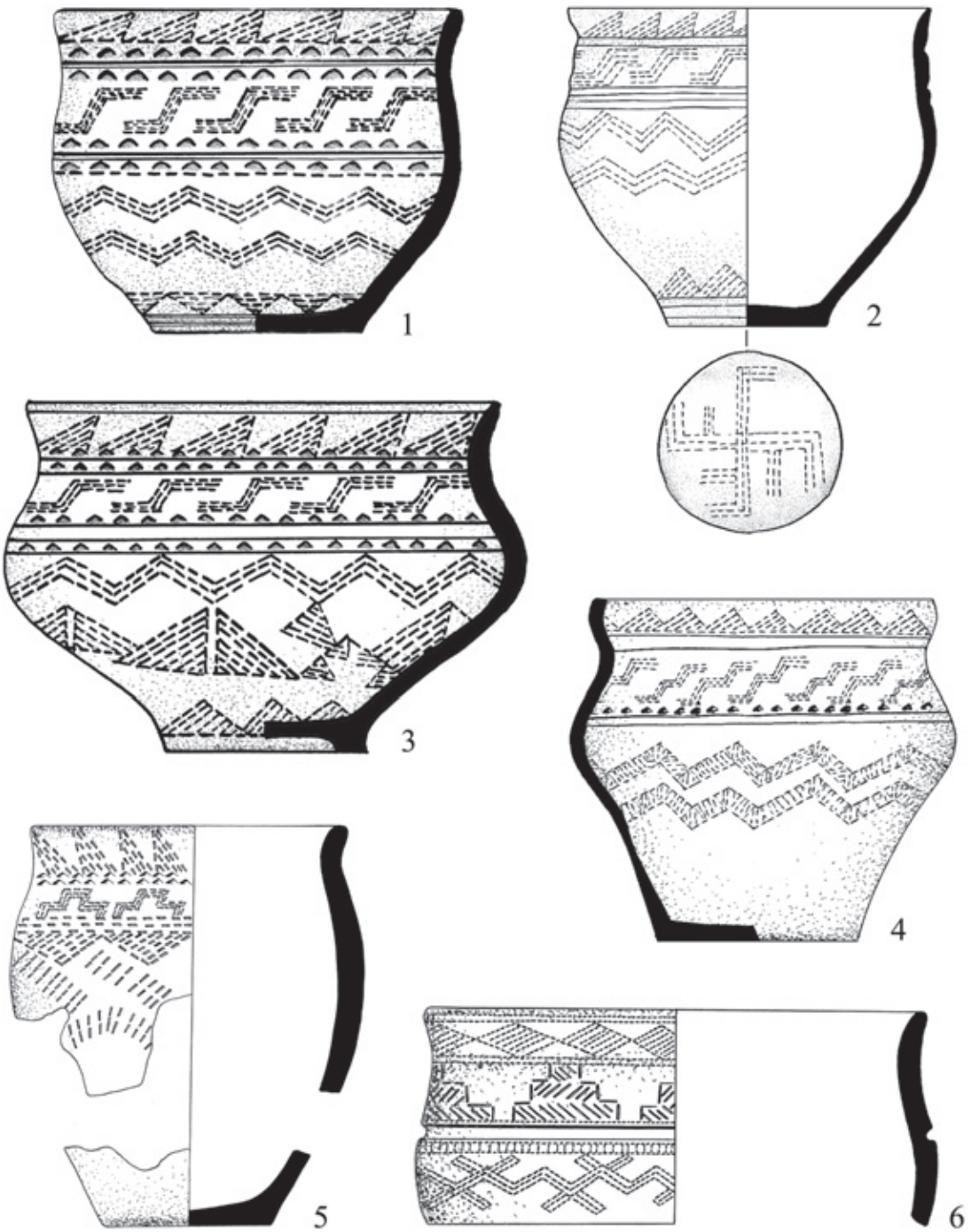


Табл. 177. 1 - Новая Чёрная III, м. 19; 2 - Приплодный Лог I, к. 11, яма 1; 3 - Кадат IX, м. 2; 4 - Солёноозёрная IV, п. комп. 1, м. 2; 5 - Бурлук I, огр. 13; 6 - Шапат, м. 46.

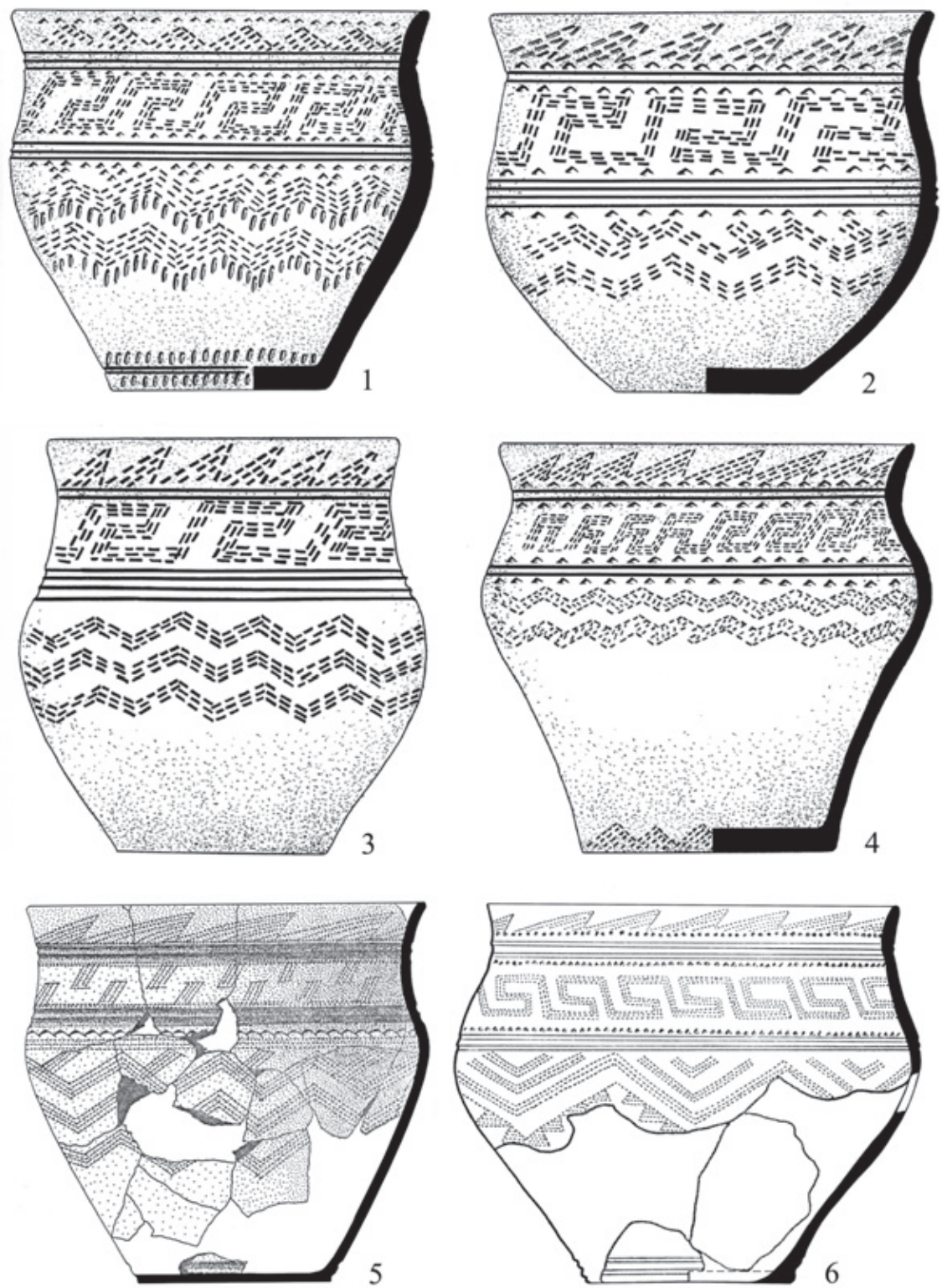


Табл. 178. 1 - Орак, м. 38; 2 - Средняя база Беткудук, огр. 38, ящ.; 3 - Боровое, огр. 3, пристр.; 4 - Солёноозёрная IV, п. комп. 1, м. 4; 5 - Чудиновка-1, сос. 2, к. 1, м. 1; 6 - Старый Сад, к. 79, яма 2.

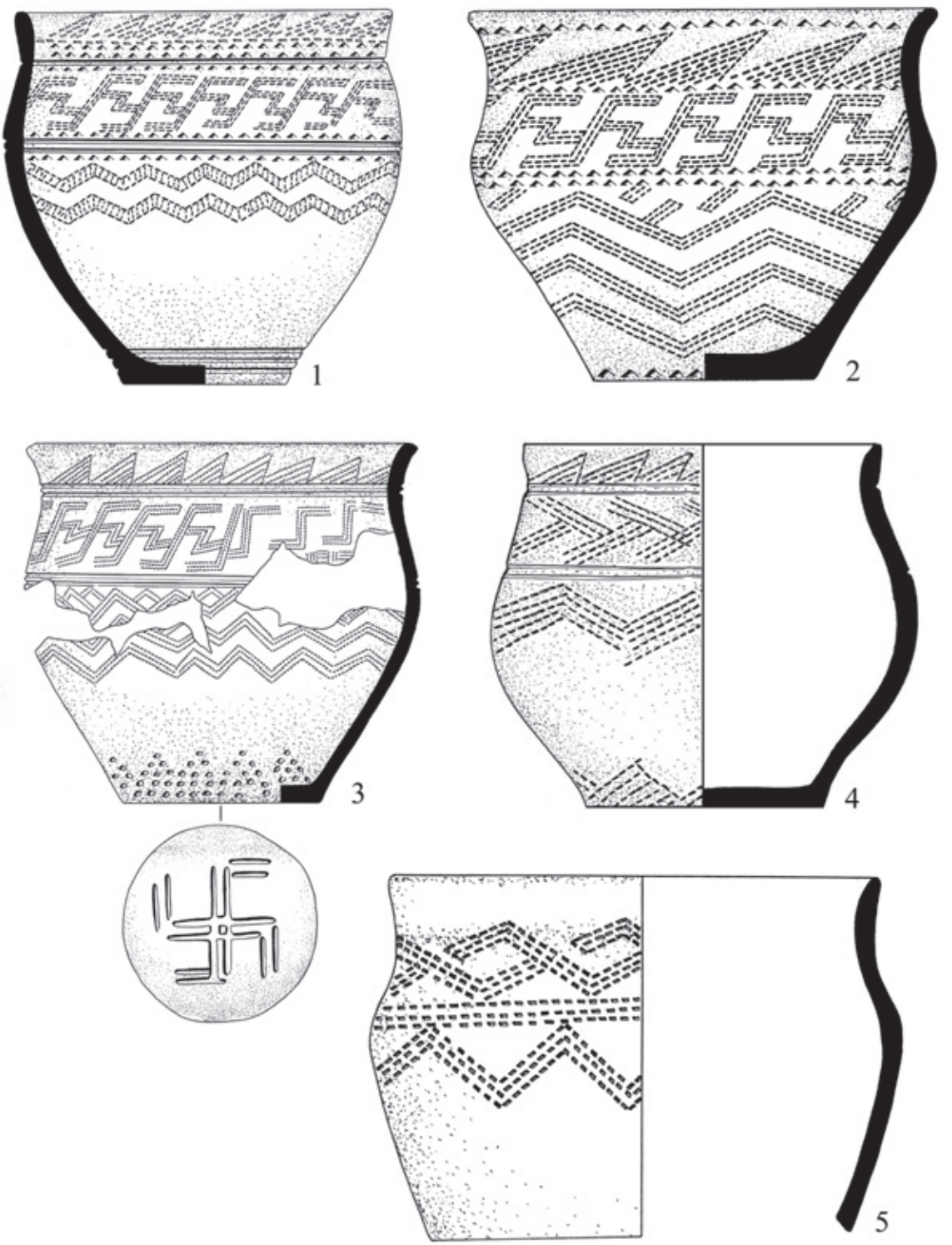


Табл. 179. 1 - Васьково V, к. 1, м. 2; 2 - Меновное-9, огр. 9, м.; 3 - Старый Тартас-4, к. 8, п. 1; 4 – Акимбек; 5 - Шапат, м. 50.

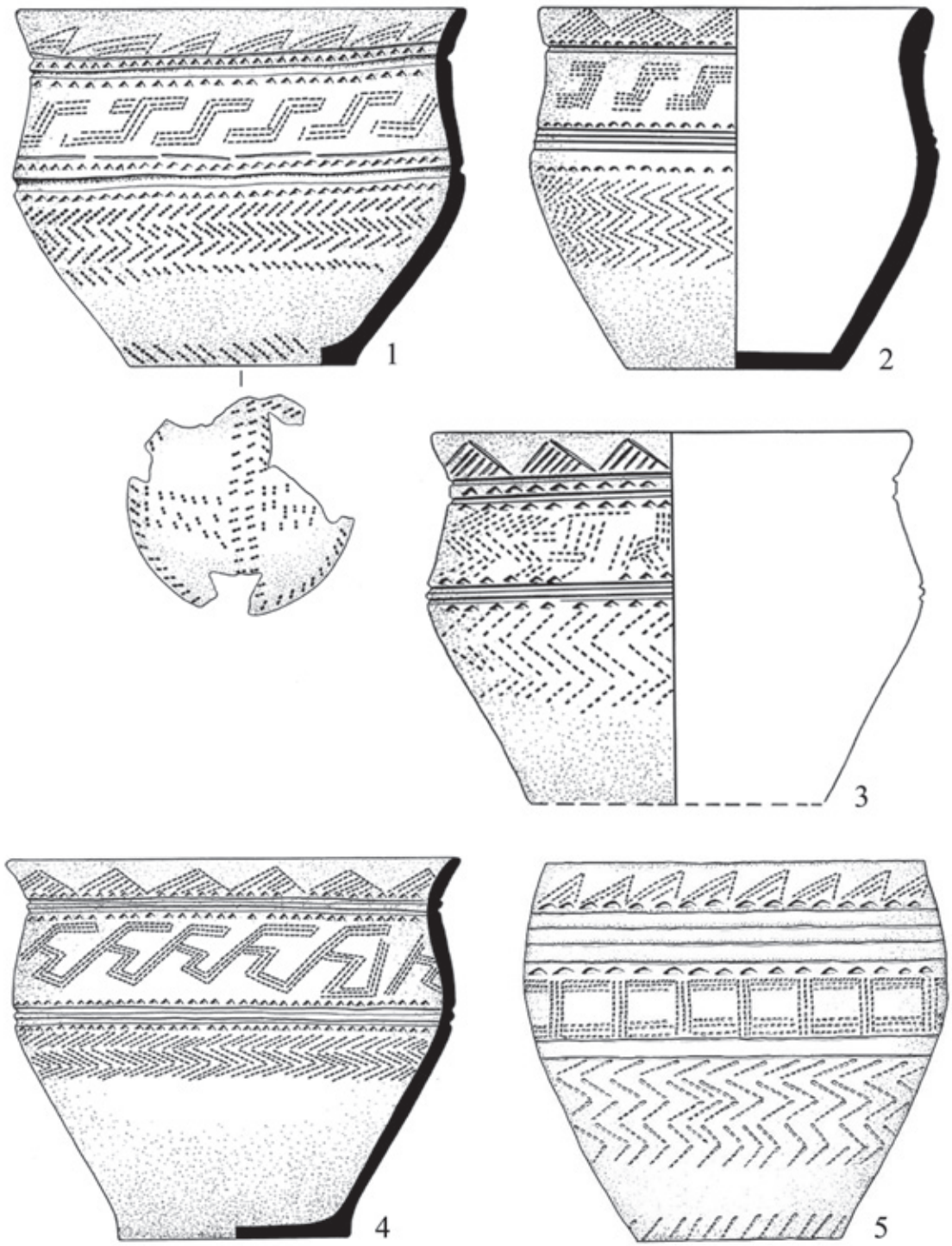


Табл. 180. 1 - Старый Тартас-4, к. 14, п.; 2 - Ашпыл; 3 - Солёноозёрная I, м. 4; 4 - Старый Тартас-4, к. 17, п. 2; 5 - Преображенка III, к. 25, м. 1.

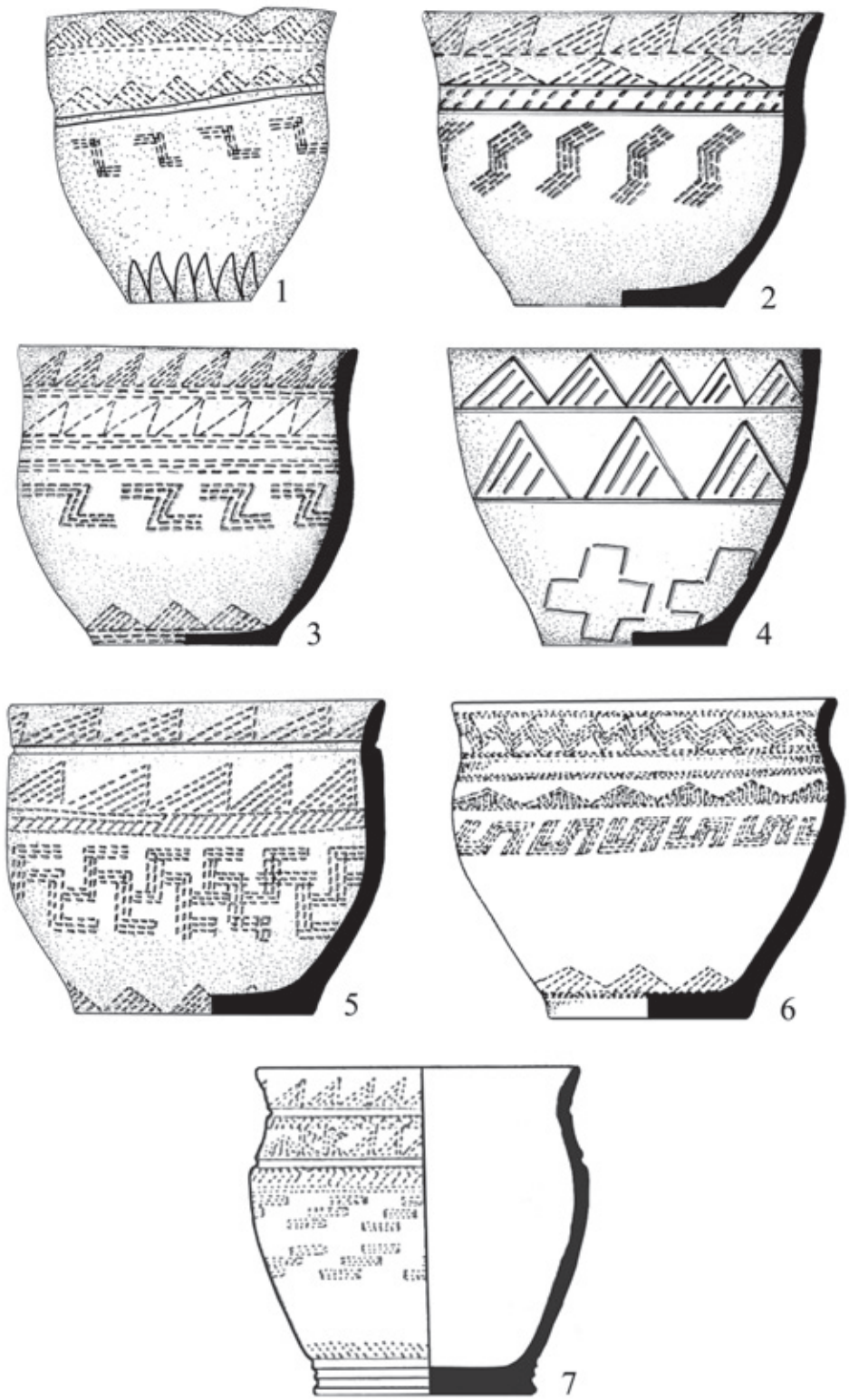


Табл. 181. 1 - Нижняя Суетка, м. 14; 2 - БЕ-XIV, м. 9; 3 - Венгерово I, к. 3, п. 3; 4 - БЕ-XIV, м. 1; 5 - БЕ-6, к. 5, м. 4; 6 - Рублёво VIII, м. 15; 7 - Маринка, м. 8.

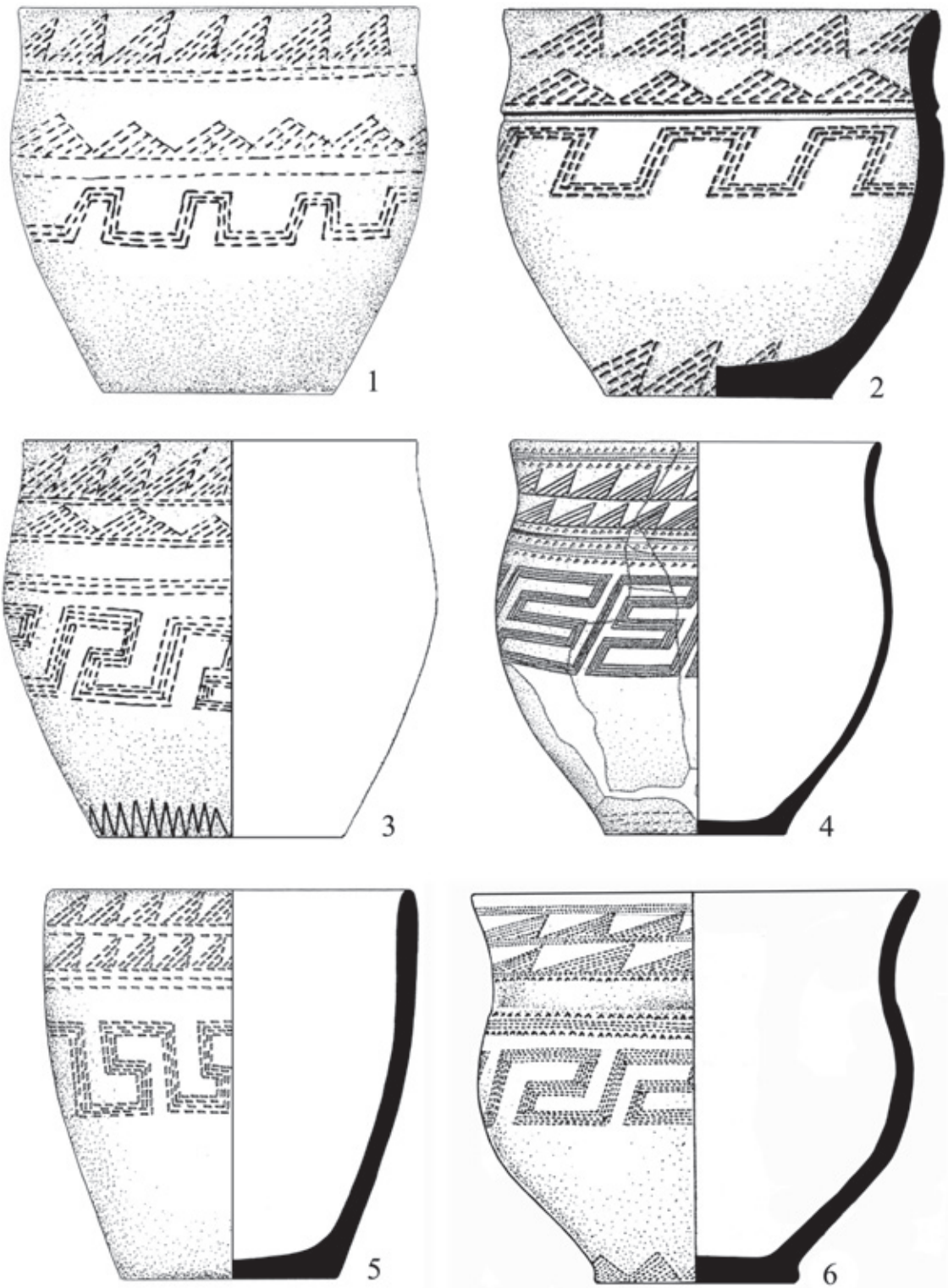


Табл. 182. 1 - Нижняя Суетка, м. 31; 2 - Ермак, м. 69-1; 3 - Нижняя Суетка, м. 5; 4 - Большеказакбаевский 2, кур. 18, м.; 5 - Айшрак, огр. 11; 6 - Фёдоровский, к. 39, м. 2.

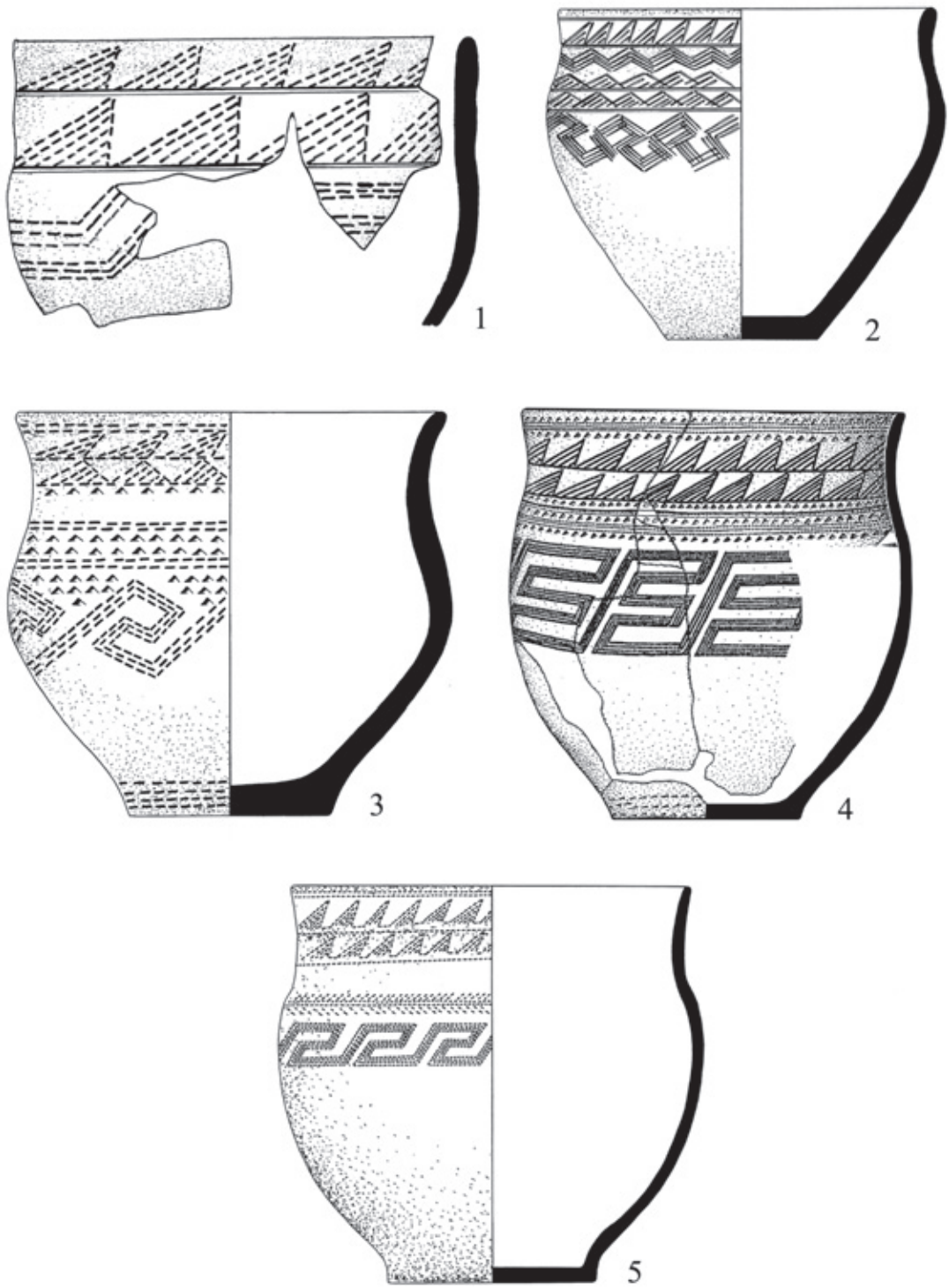


Табл. 183. 1 - Смолино, к. 4 (1907 г.); 2 - Айшрак, огр. 2; 3 - Путиловская Заимка II, к. 2, п. 1; 4 - Большеказакбаевский 2, к. 18; 5 - Лисаковский I.

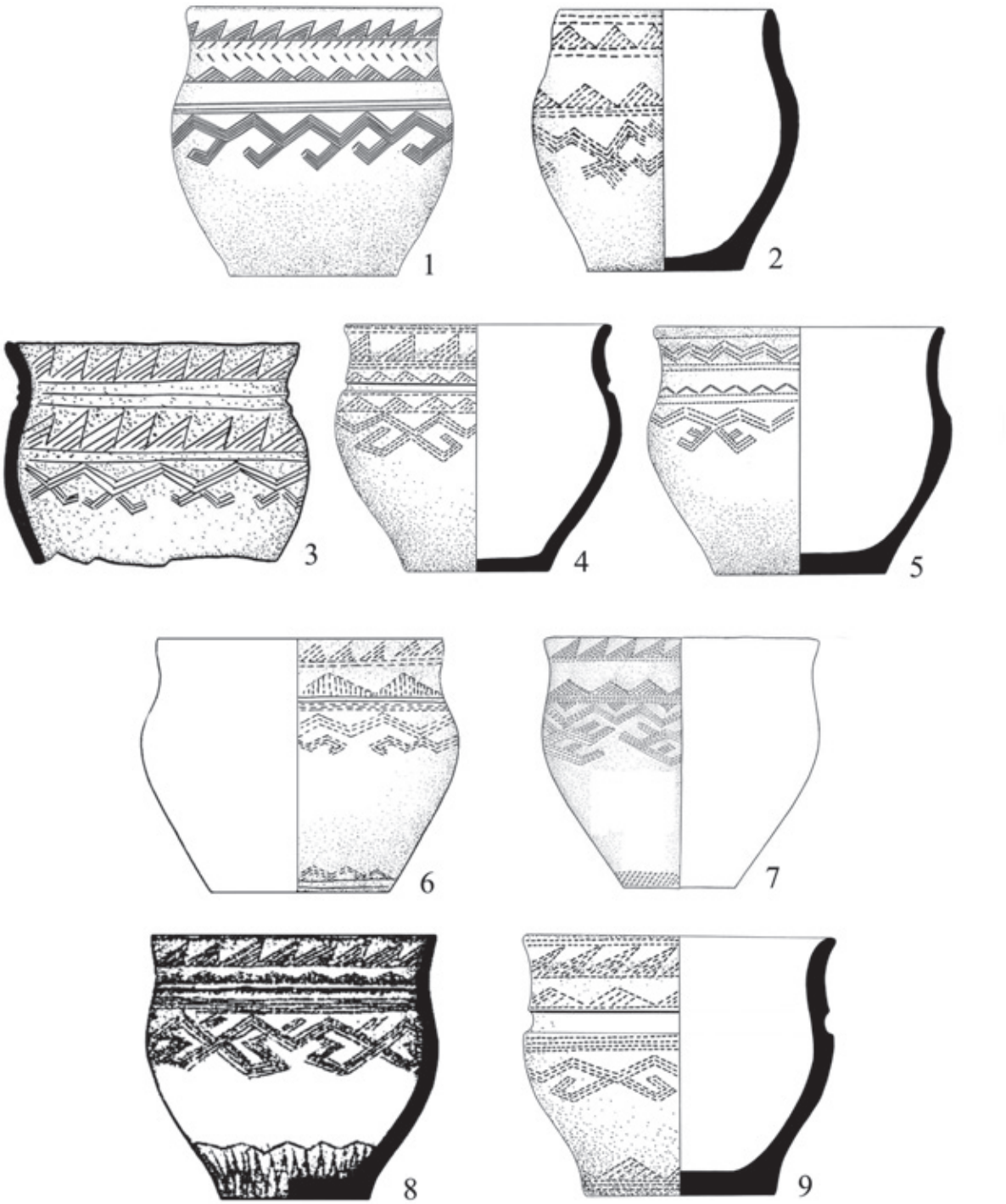


Табл. 184. 1 - Бегазы; 2 - Уркаш 7; 3 - Кожа-Бала; 4 - Балыкты, огр. 11, м. 2; 5 - Ижевский I, под. мат-л; 6, 7 - Алыпкаш; 8 - Кенжеколь, м. 18; 9 - Мичурино I.

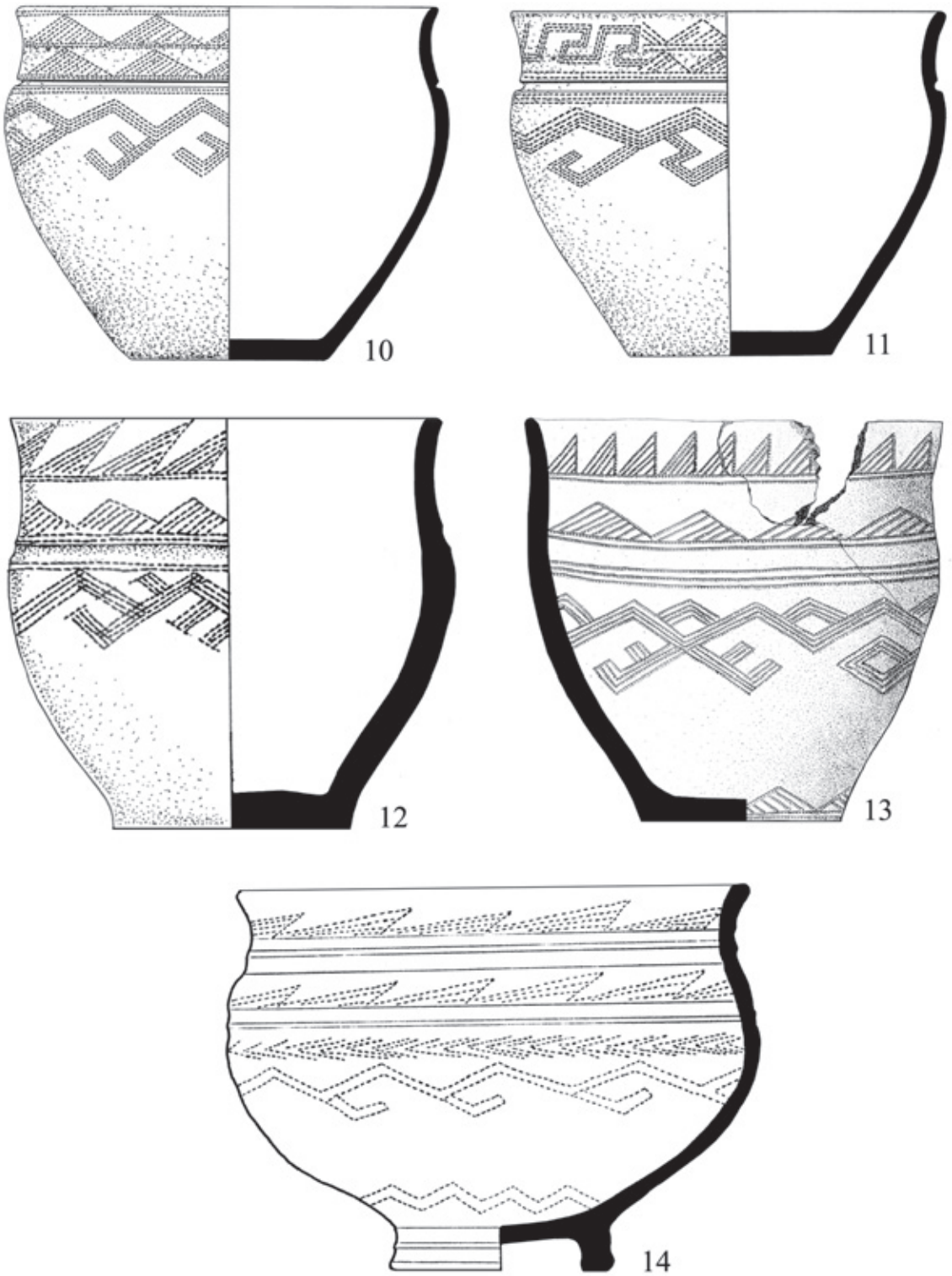


Табл. 184 (продолжение). 10, 11 - Мичурино I; 12 - Фирсово XIV, м. 41; 13 - Фирсово XIV, м. 75; 14 - Старый Сад, к. 80, п. 1, с. 1.

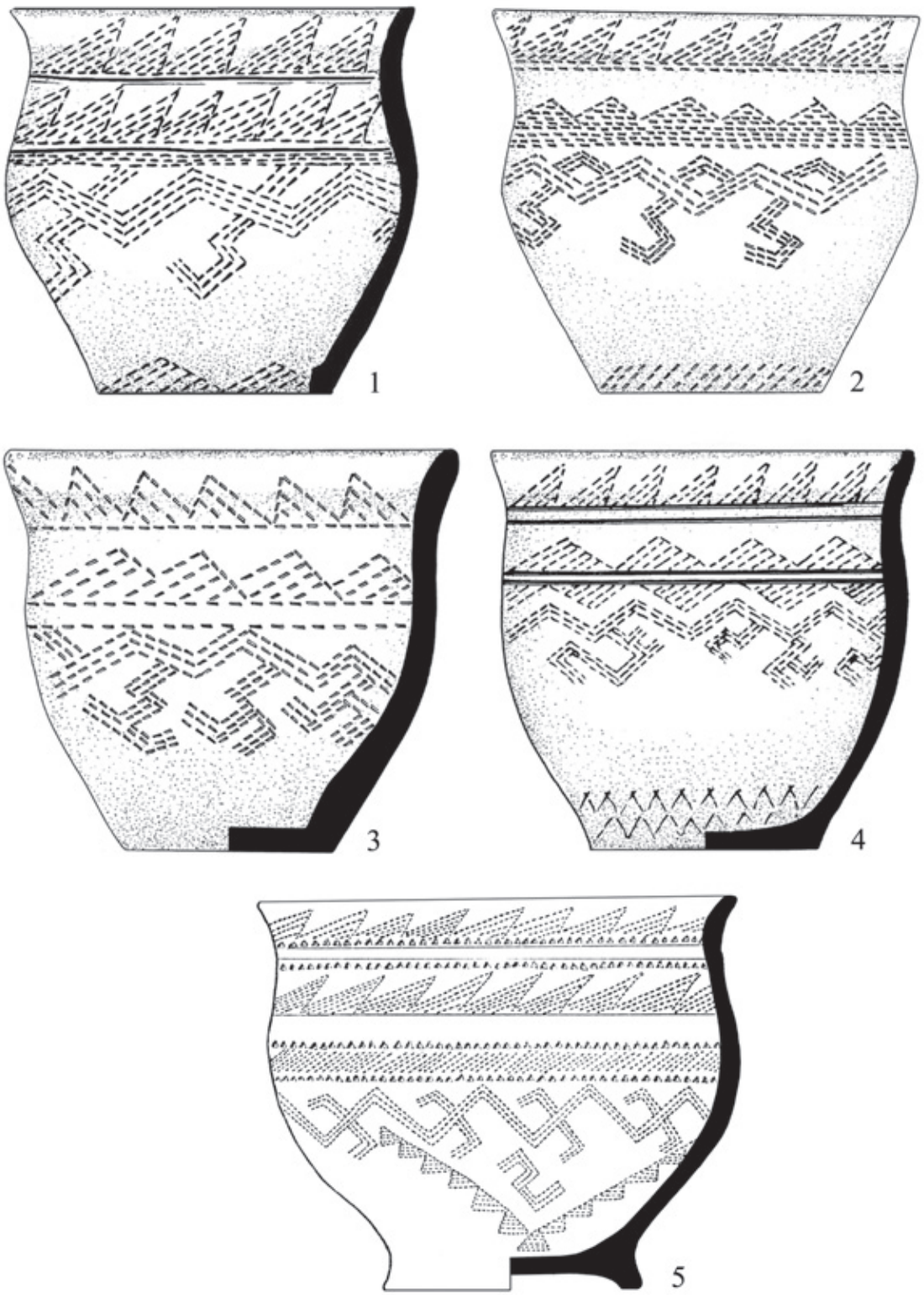


Табл. 185. 1 - ЕГМ-II; 2 - Нижняя Суетка, м. 7; 3 - Зевакино, огр. 72; 4 - Ярки II, м. 9; 5 - Старый Сад, к. 79, п. 3, с. 1.

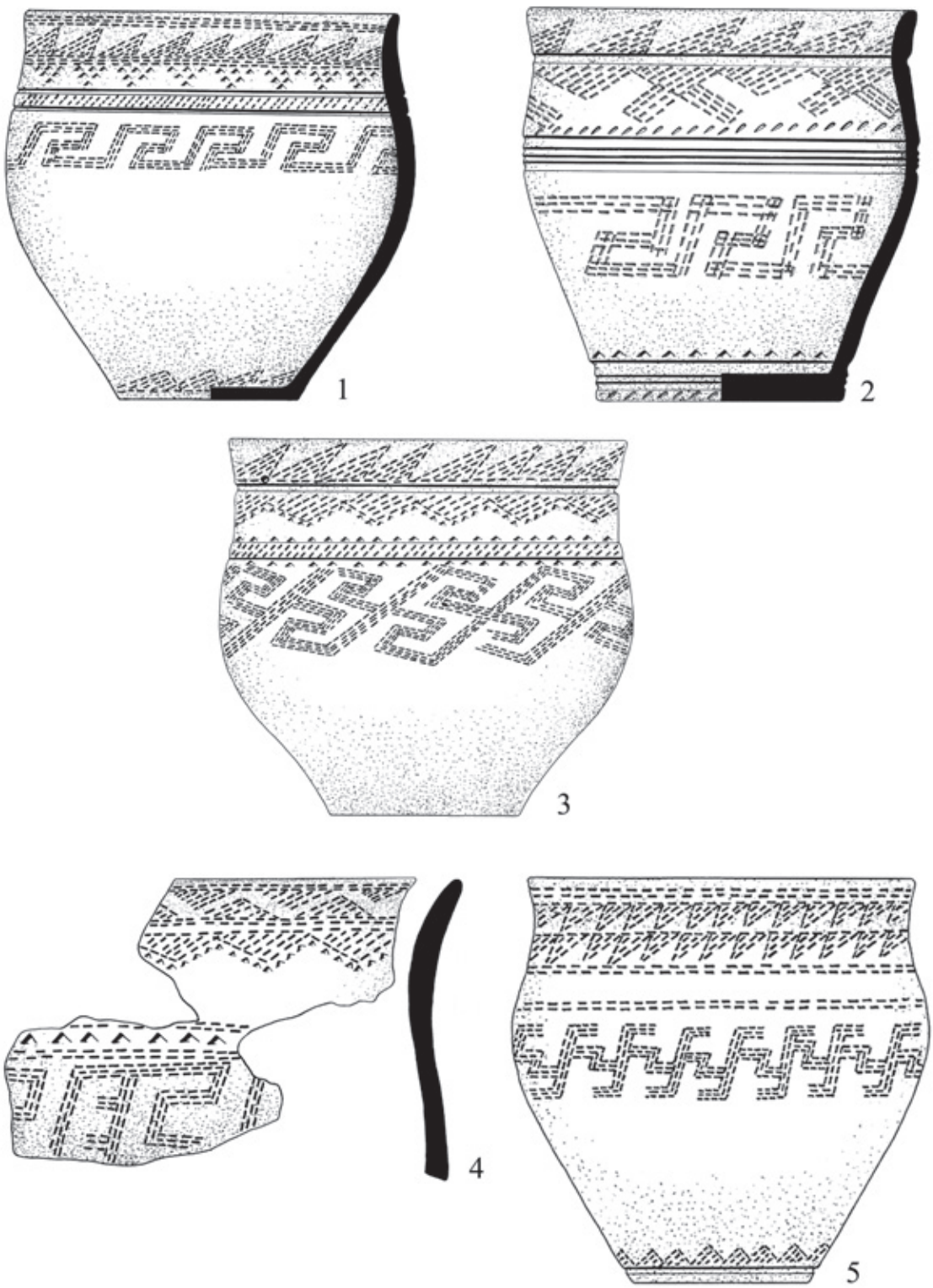


Табл. 186. 1 - «близ Челябинска»; 2 - Преображенка III, п. 15; 3 - Фёдоровский, к. 33, м. 1; 4 - Урефты I, к. 1; 5 - Лисаковский I, раск. VII, огр. 2, м. 5.

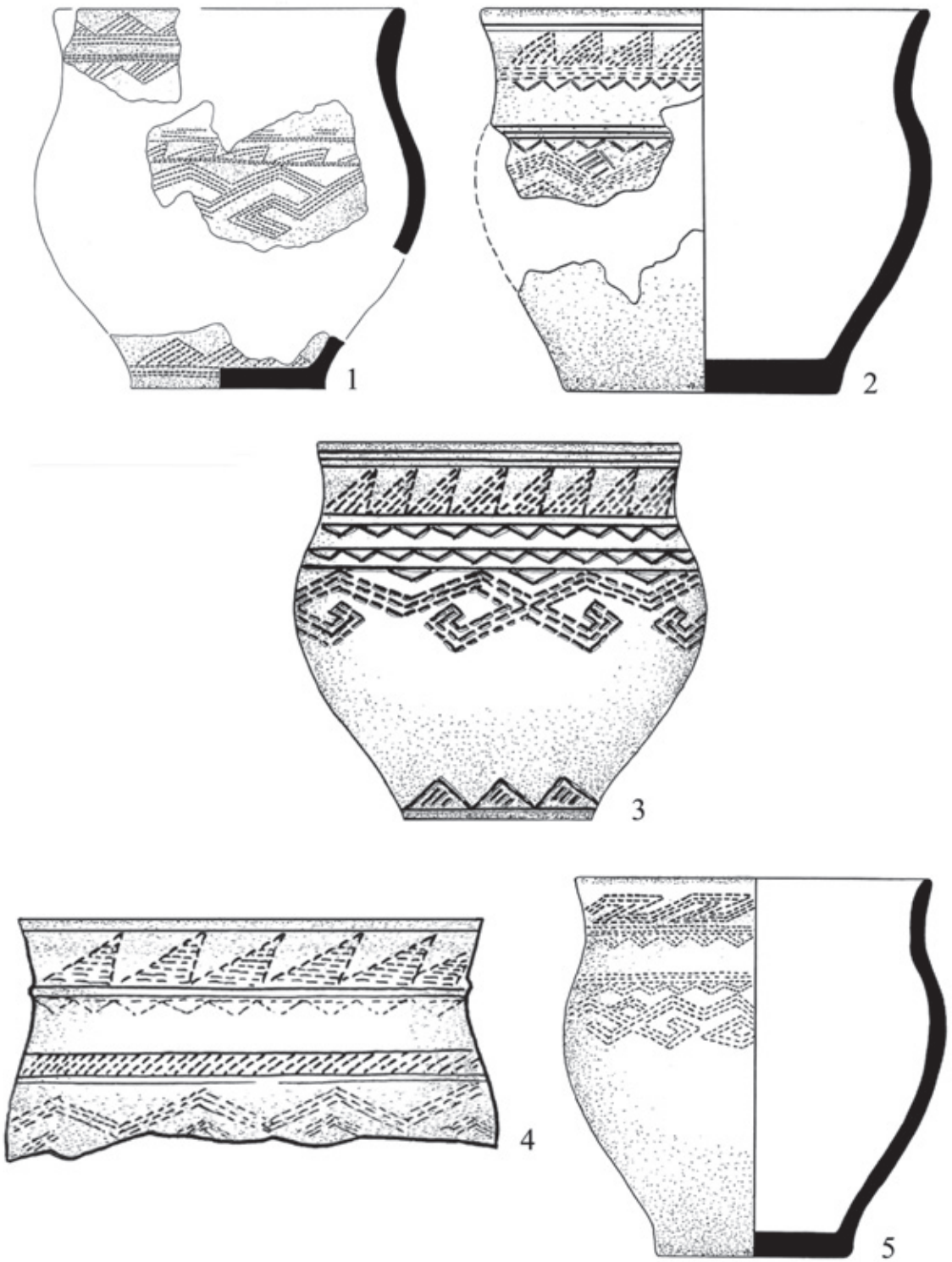


Табл. 187. 1 - Солнце-Талика, к. 6; 2, 5 - Солнце-Талика, к. 2, м.; 3 - Петропавловский; 4 - Синеглазово.

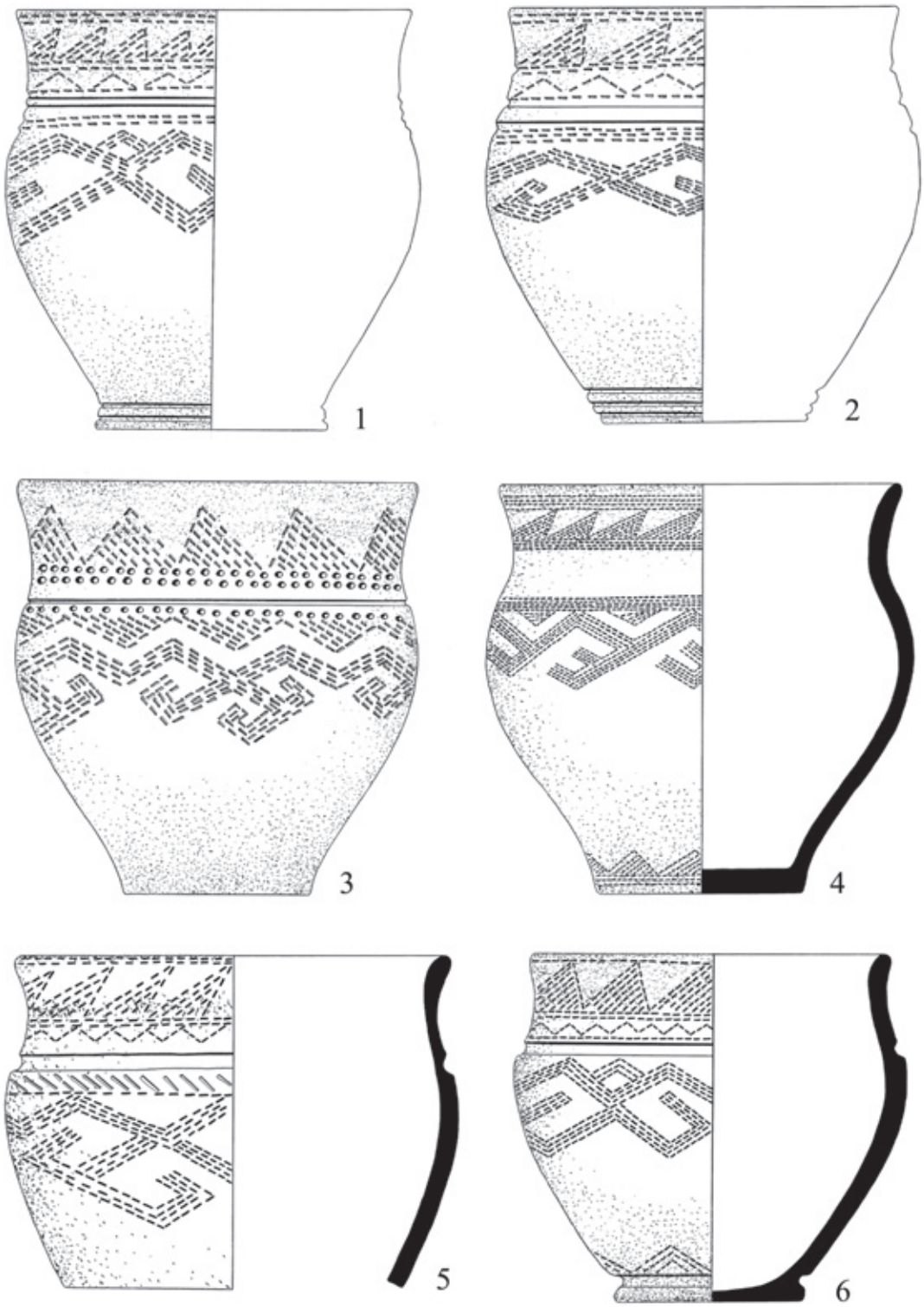


Табл. 188. 1 - Балыкты, огр. 11, м. 2; 2 - Балыкты, огр. 13, м. 1; 3 - Тау-Тары; 4 - Солнце-Талика, к. 1, м.; 5 - Звенигородка, огр. 3; 6 - Балыкты, огр. 11, м. 1.

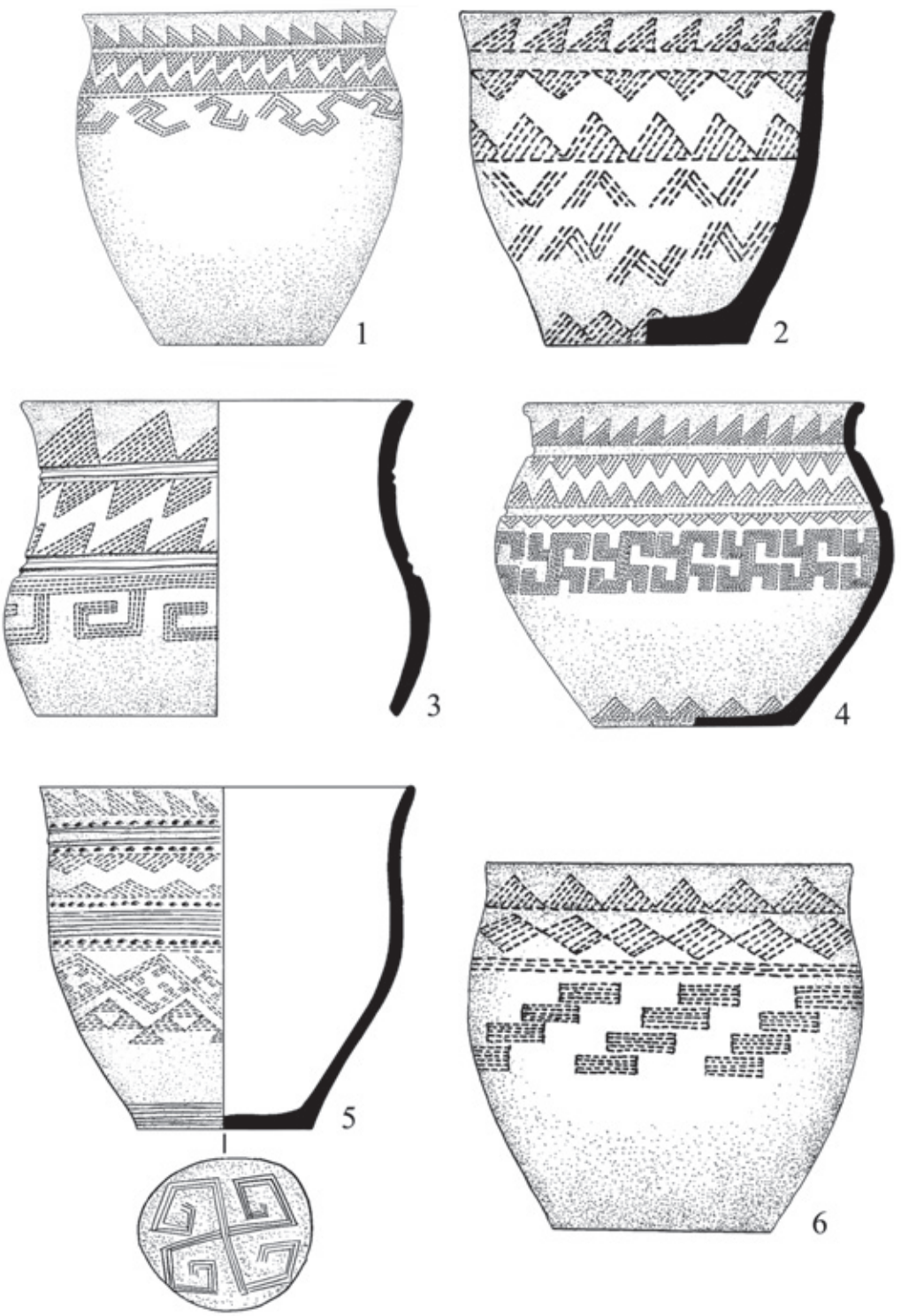


Табл. 189. 1 - Ак-Мустафа; 2 - БЕ-XIV, м. 20; 3 - Самара, к. 2, м. 1; 4 - Зевакино, огр. 72б; 5 - Заречное I; 6 - Бегазы.

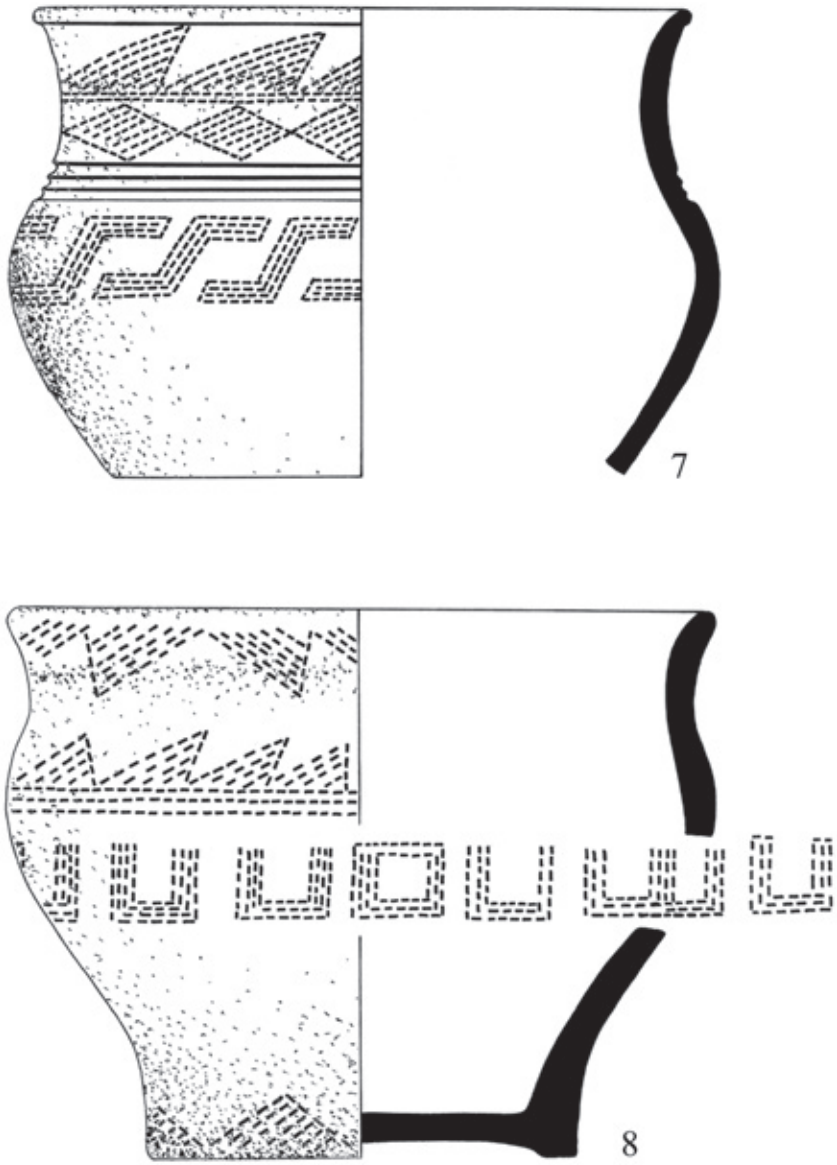


Табл. 189 (продолжение). 7 - Лисаковский I; 8 - Мичурино I.

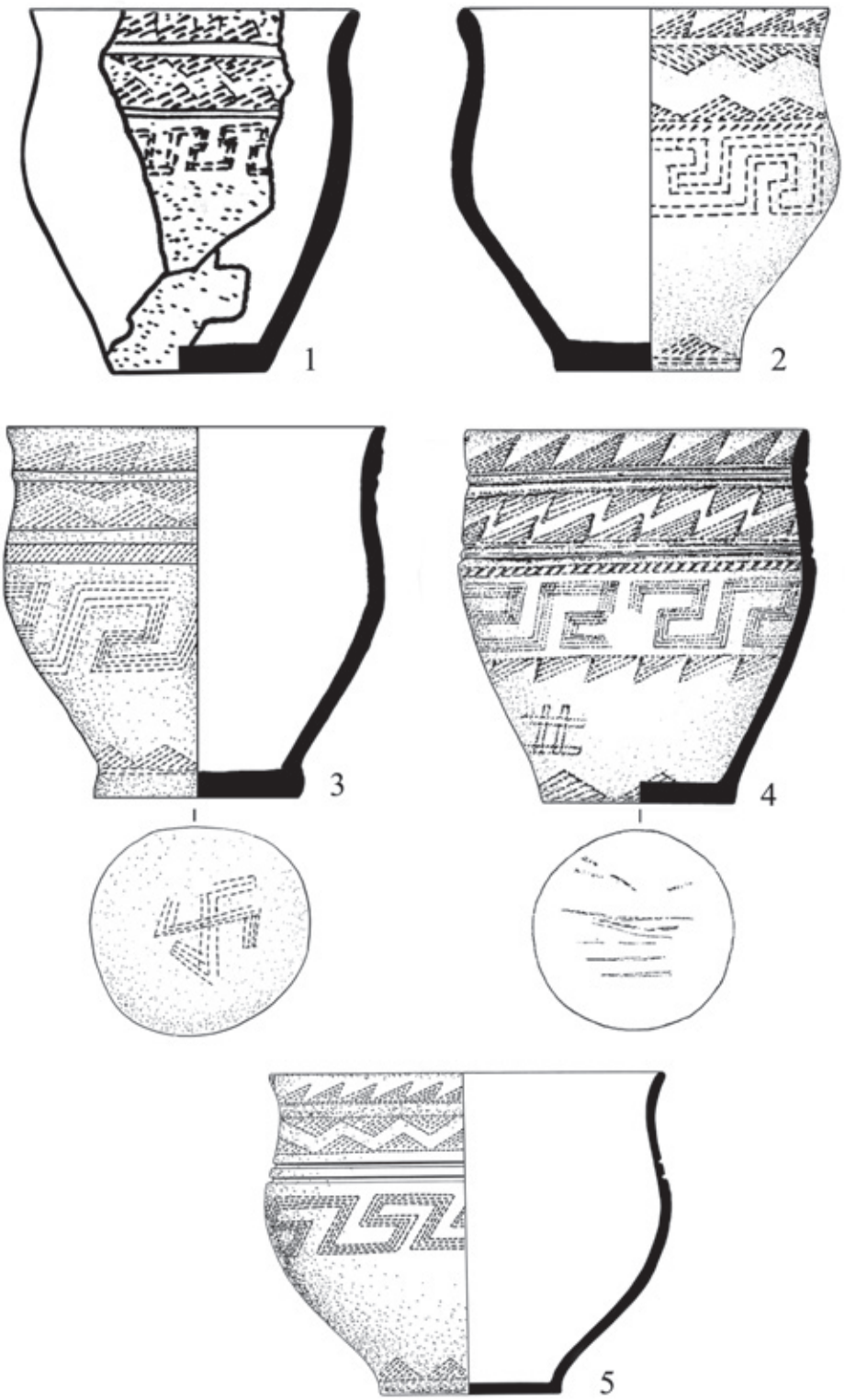


Табл. 190. 1 - Ново-Александровка; 2 - Алыпкаш; 3 - Соколовка III (?), яма 2; 4 - БЕ-6, к. 5, м. 1; 5 - Лисаковский I, огр № 4.

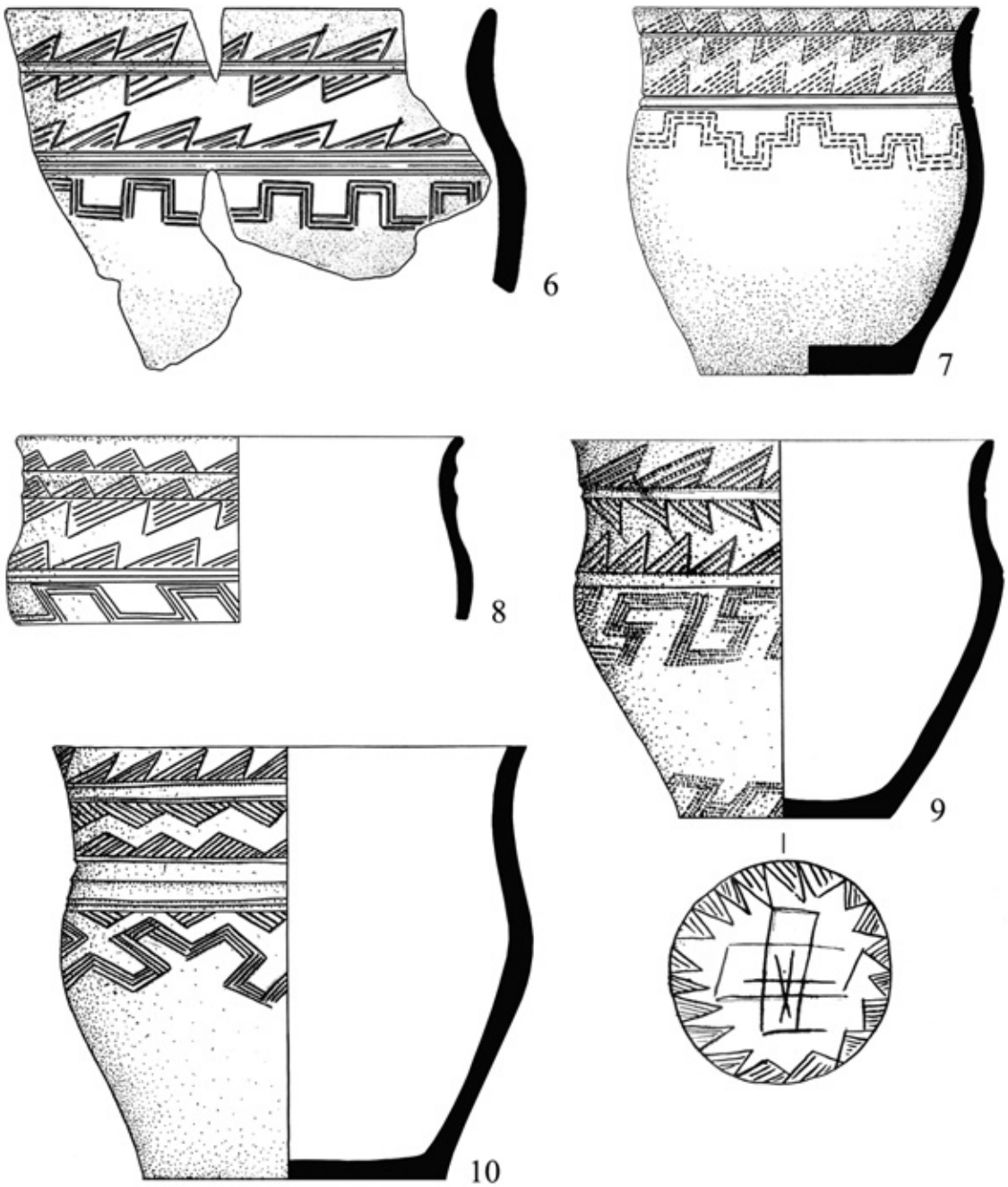


Табл. 190 (продолжение). 6 - Жиланды, огр. 7, п. 3; 7 - Средняя база Беткудук; 8 - Аяпперген, огр. 5, м. 2; 9 - Фирсово XIV, м. 169; 10 - Фирсово XIV, м. 181.

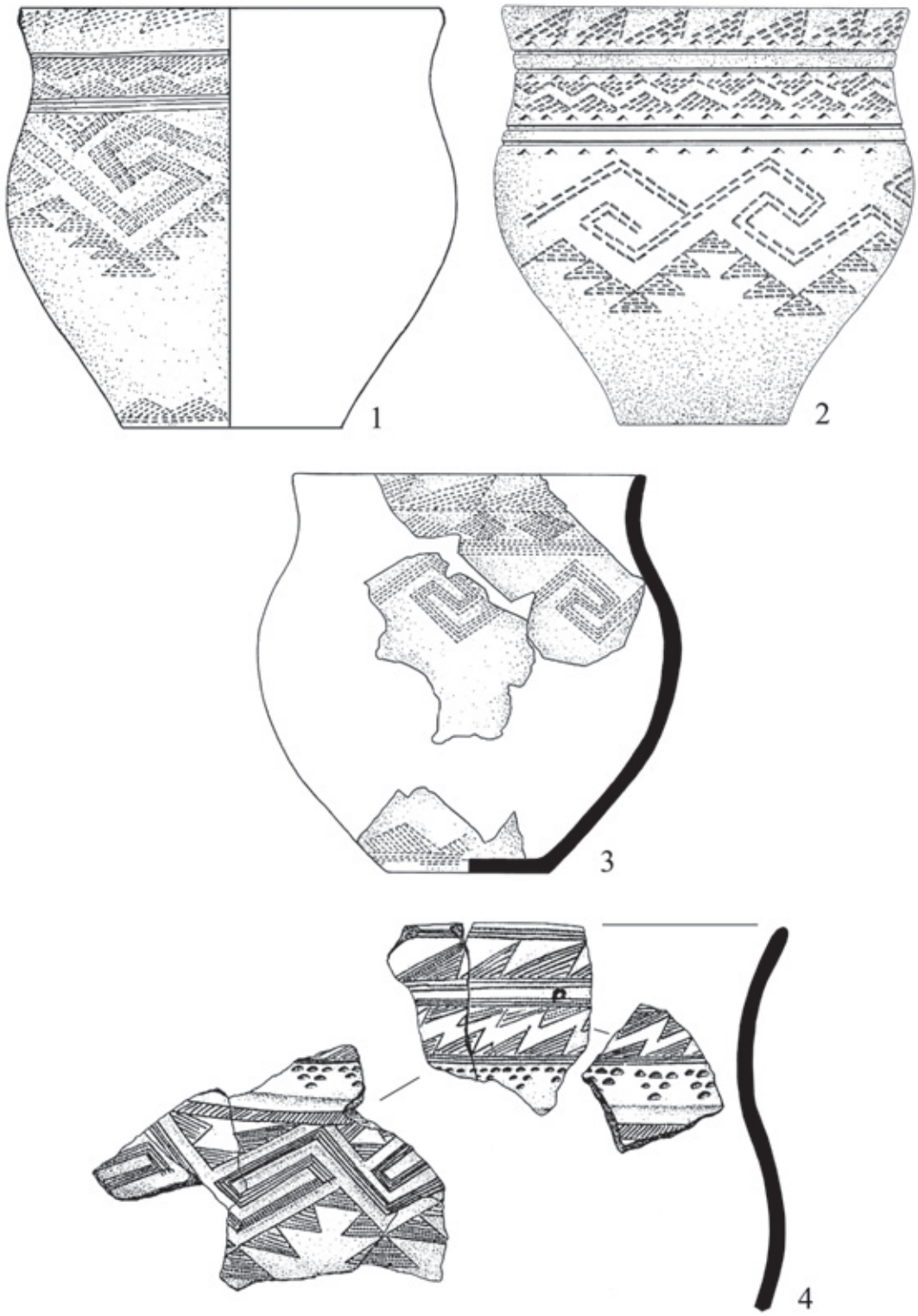


Табл. 191. 1 - Алыпкаш; 2 - Боровое, огр. 6; 3 - Путиловская Заимка II, к. 5; 4 - Большеказакбаевский 2, к. 20, яма.

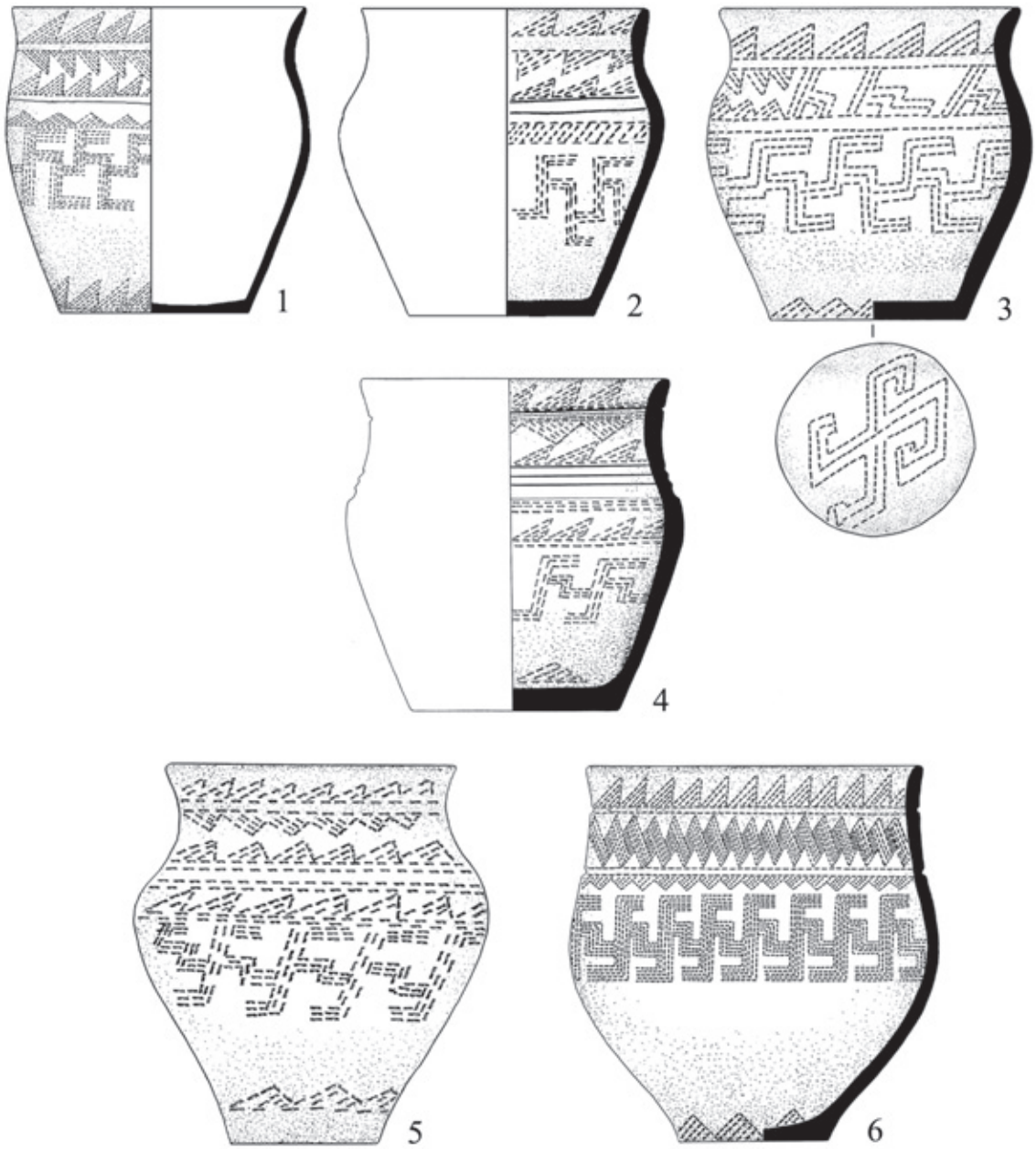


Табл. 192. 1 - ЕГМ-II, м. 22; 2 - Айшрак, огр. 3; 3 - Быково II, м. 17; 4 - Айшрак, огр. 5; 5 - Айшрак; 6 - Зевакино, огр. 72б.

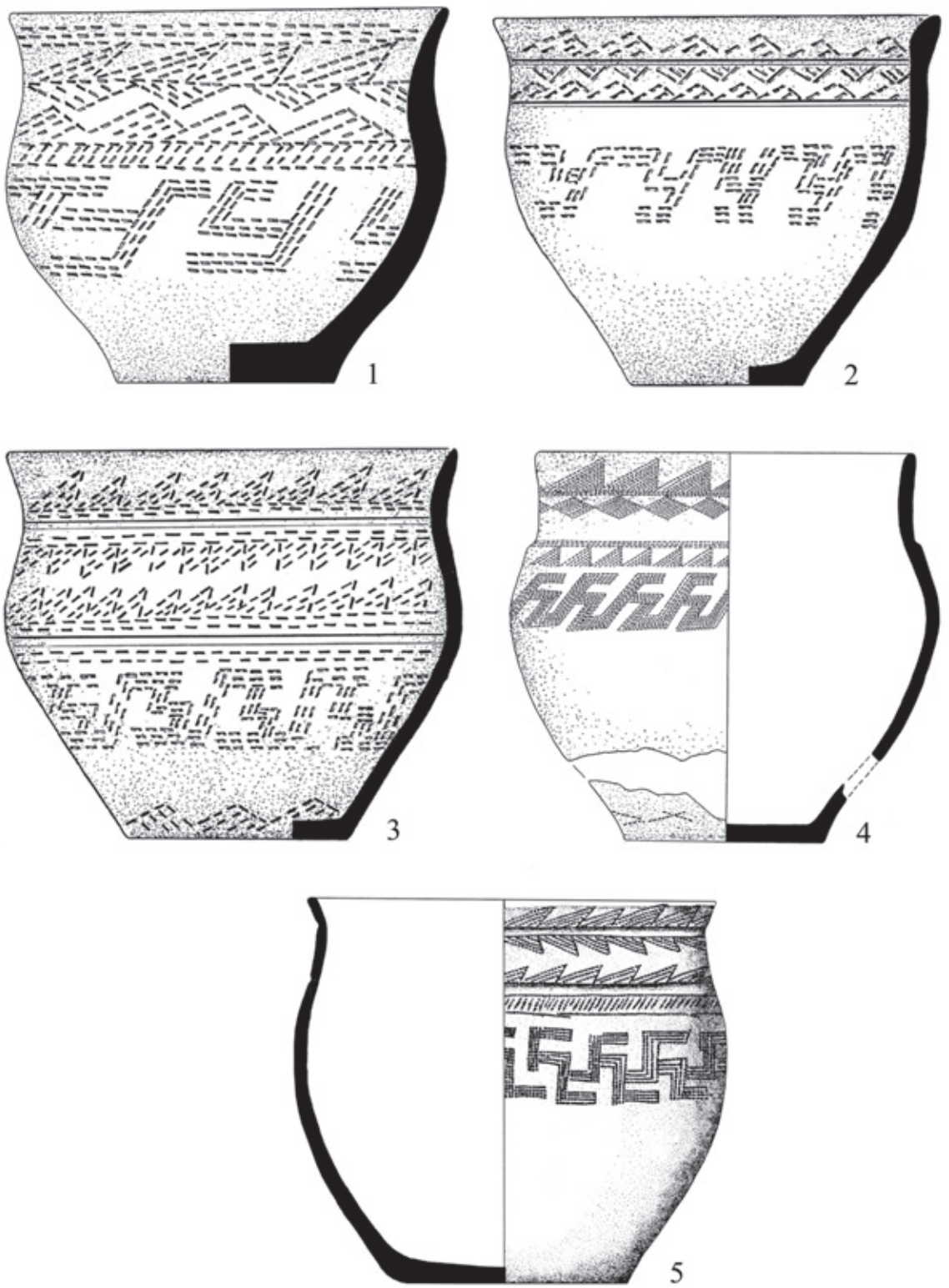


Табл. 193. 1 - «близ Челябинска»; 2 - Сангру II, огр. Б; 3 - Преображенка III, п. 12; 4 - Солнце-Талика к. 3, яма 1; 5 - Елбанка-IV.

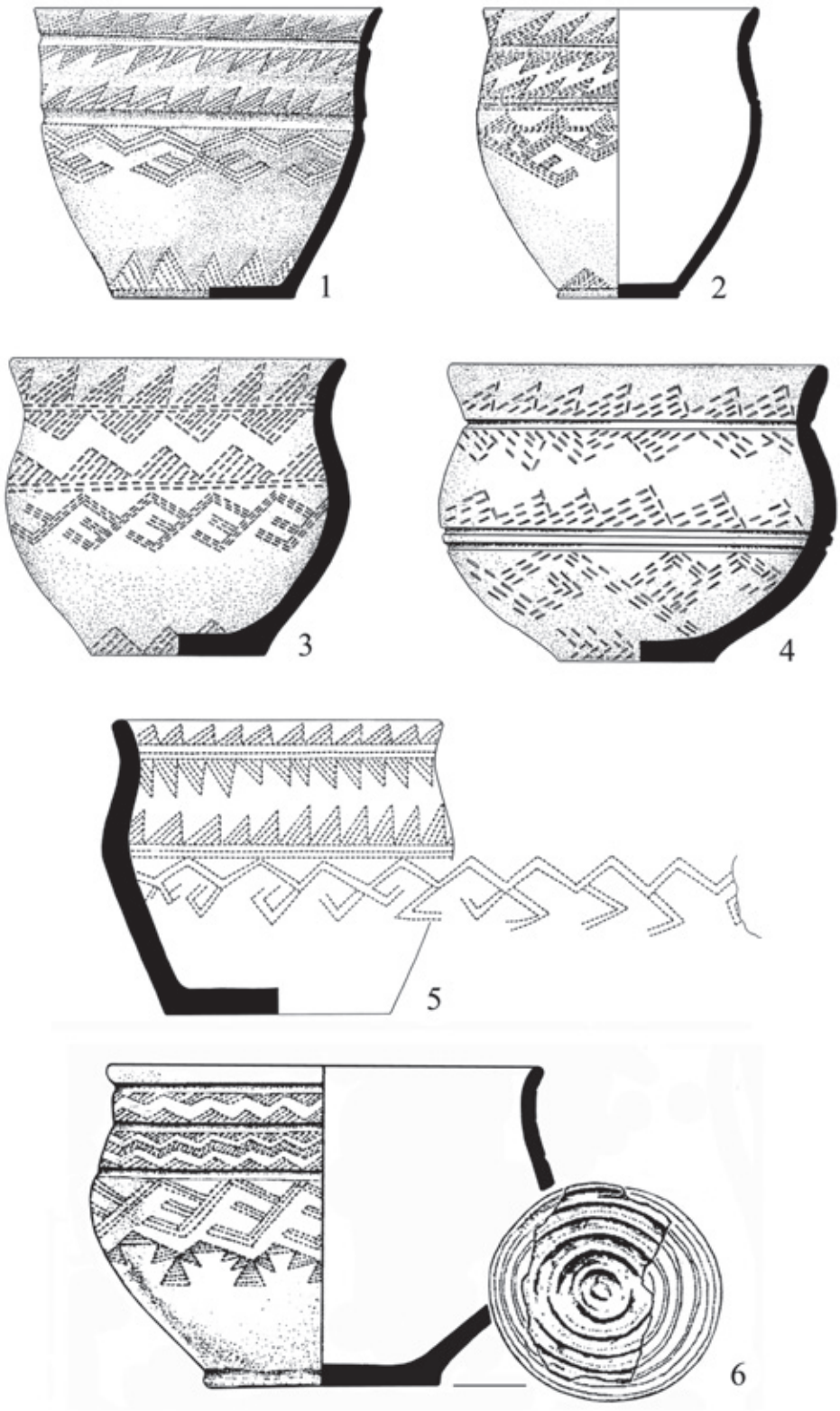


Табл. 194. 1 - Кытманово, м. 19; 2 - Подтурино; 3 - Исаковский; 4 - Титово II, мкп, м. 4; 5 - ЕК-II, к. 52, м. 4, № 8; 6 - Урефты I, к. VI, п. 1.

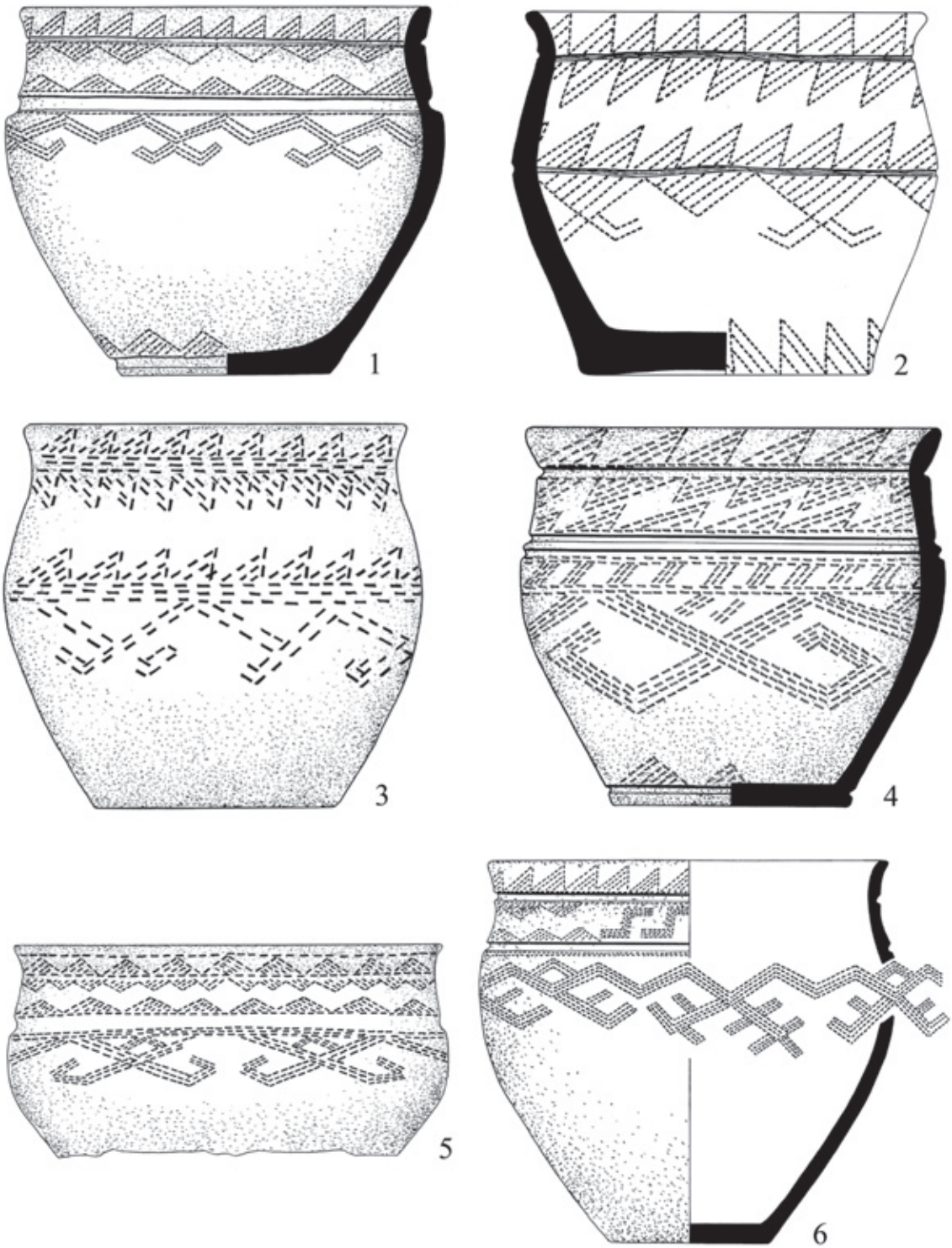


Табл. 195. 1 - Ижевский I; 2 - ЕК-II, м. 158, № 2; 3 - ЕК-II, к. 52, м. 8; 4 - Подтурино; 5 - Балыкты; 6 - Мичурино I.

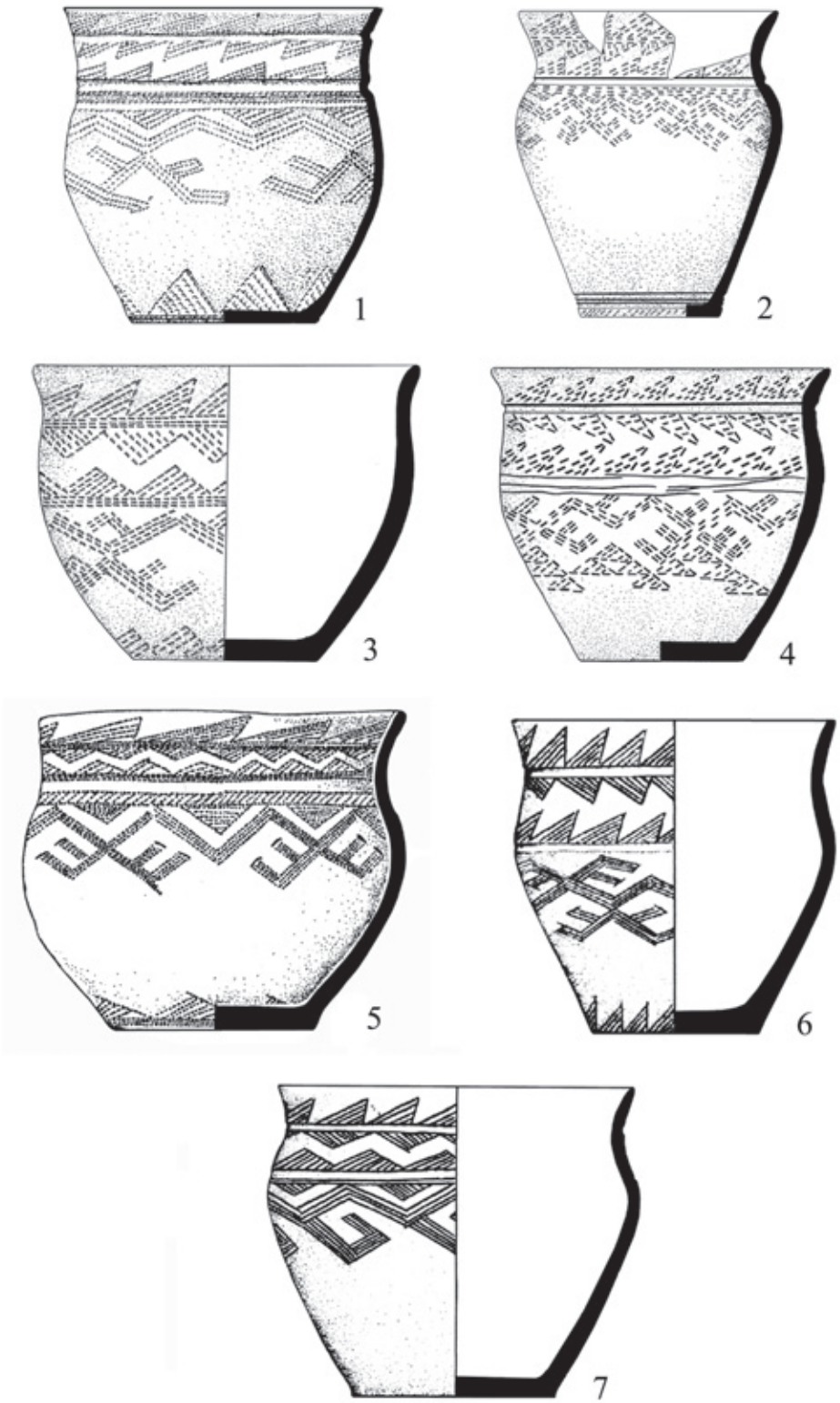


Табл. 196. 1 - Кытманово, м. 24; 2 - Жиланды, огр. 2, зап. пр.; 3 - Подтурино; 4 - Титово II, к. 7, м. 1; 5 - Касарги; 6, 7 - Фирсово XIV, п. 26.

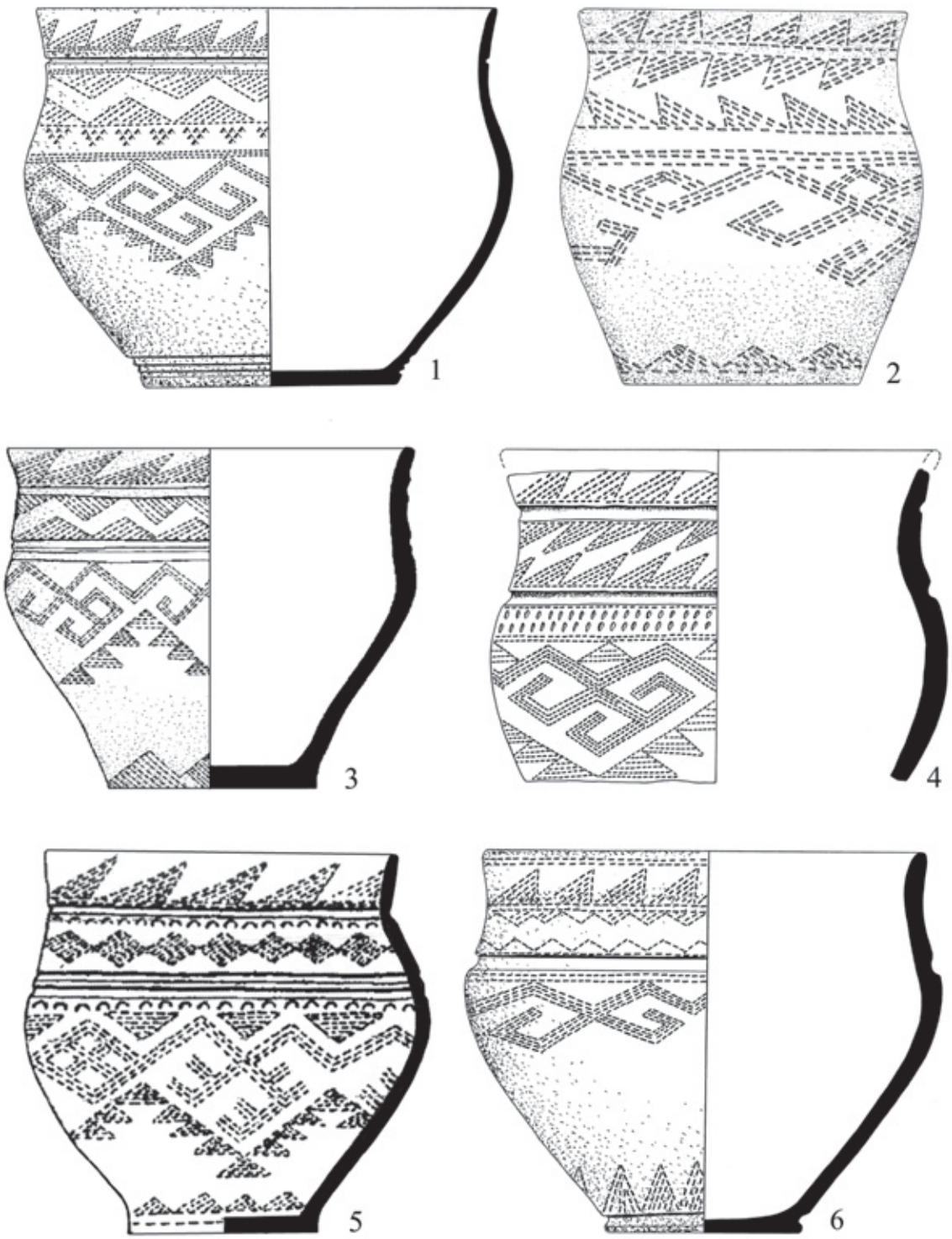


Табл. 197. 1 - Лисаковский I, раск. 1, огр. 4; 2 - Быково II, м. 9; 3 - Соколовка III, яма 2; 4 - Алпымса, к. 2, м. 1; 5 - Бурлук I, огр. 14; 6 - Звенигородка, огр. 3.

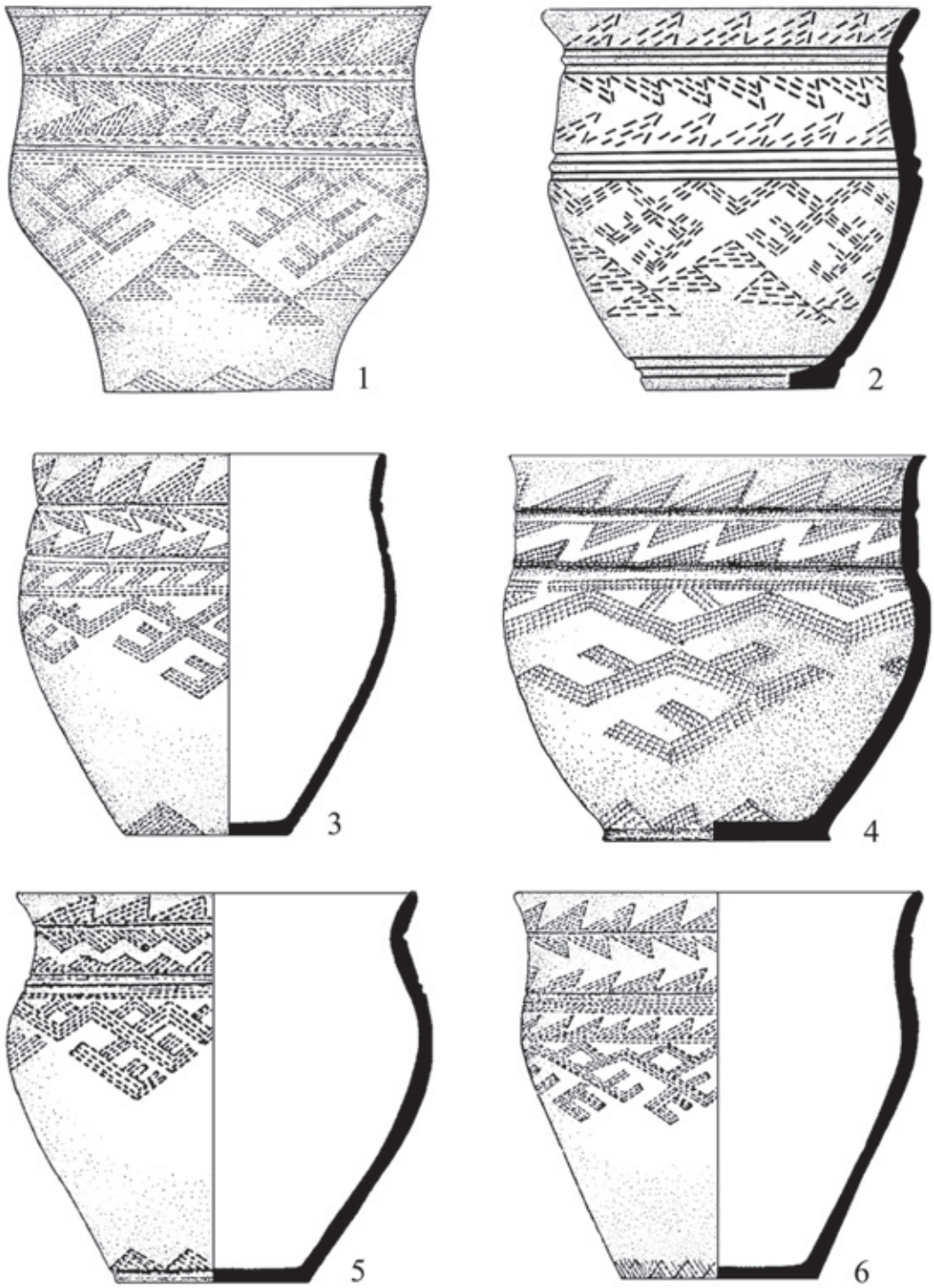


Табл. 198. 1 - Дегтярёвка (Урский); 2 - Титово II, к. 5, м. 5; 3, 5, 6 - Подтурино; 4 - Кытманово, м. 21.

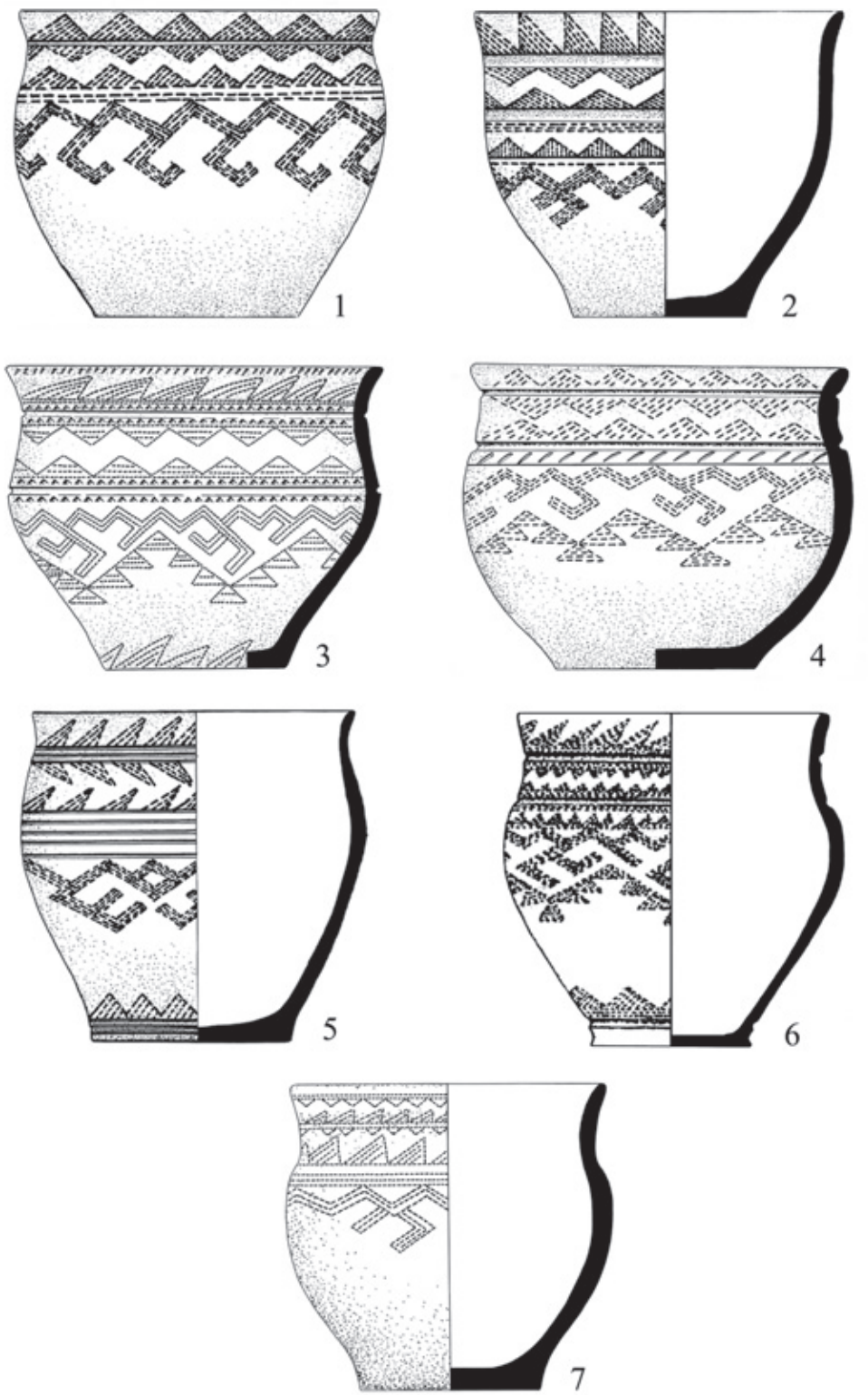


Табл. 199. 1 - Малый Койтас, м. 8; 2 - Фирсово XIV; 3 - Старый Тартас-4, к. 10, м. 1; 4 - Фёдоровский, к. 39, м. 1; 5 - Степной Чумыш, к. 2; 6 - Аяпперген, огр. 11, м.; 7 - Шапат, м. 20.

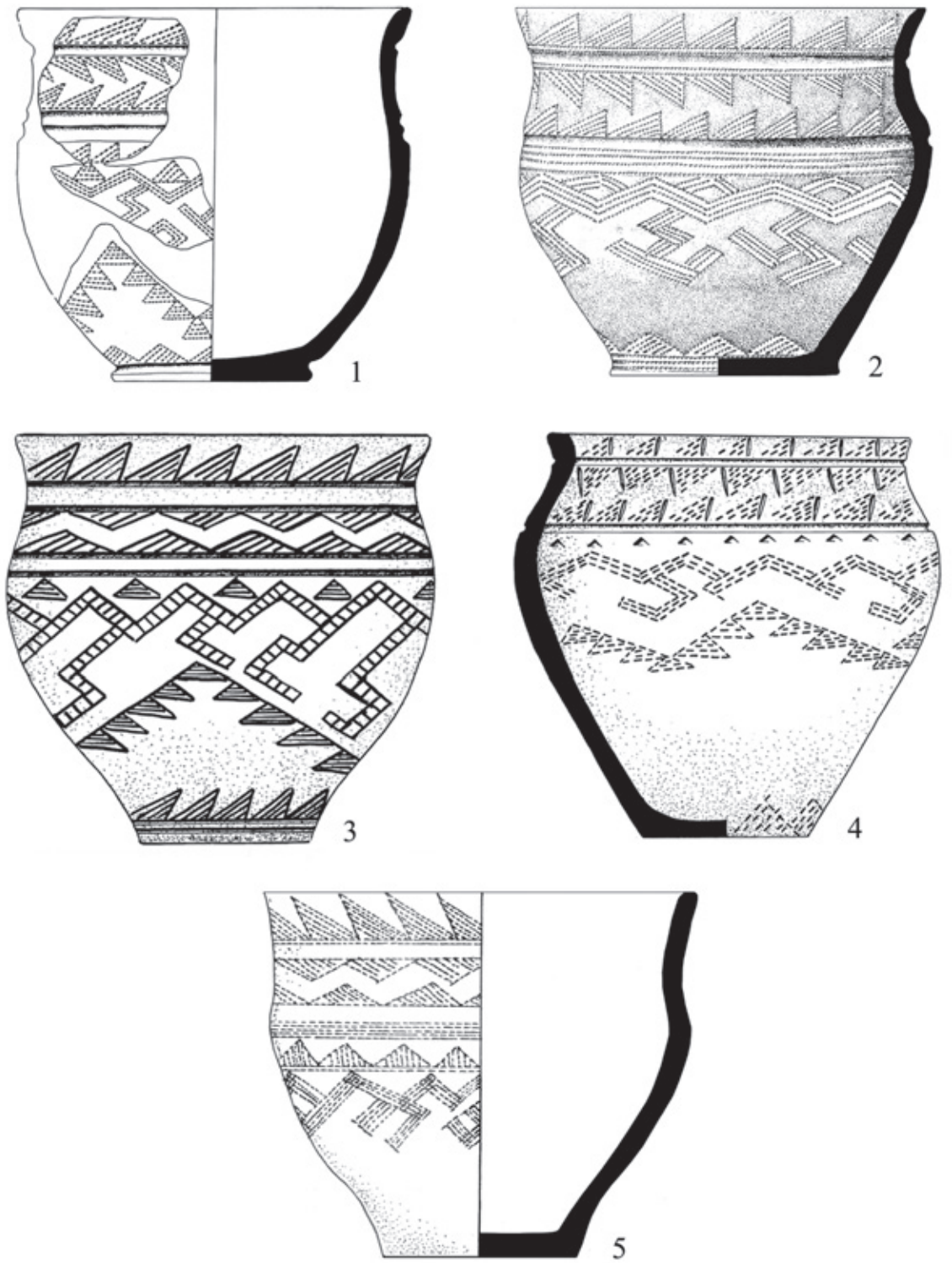


Табл. 200. 1 - Алпымса, к. 2, м. 1; 2 - Кытманово; 3 - Биырек-коль, огр. 23, м. 1; 4 - Быково II, м. 9; 5 - Фирсово XIV, сос. 2, яма 30.

Табл. 200 (продолжение). 6 - Фирсово XIV, м. 131; 7 - Фирсово XIV, сос. 1, м. 22; 8 - Фирсово XIV, м. 91; 9 - Фирсово XIV, п. 29 (2010-2011 гг.).

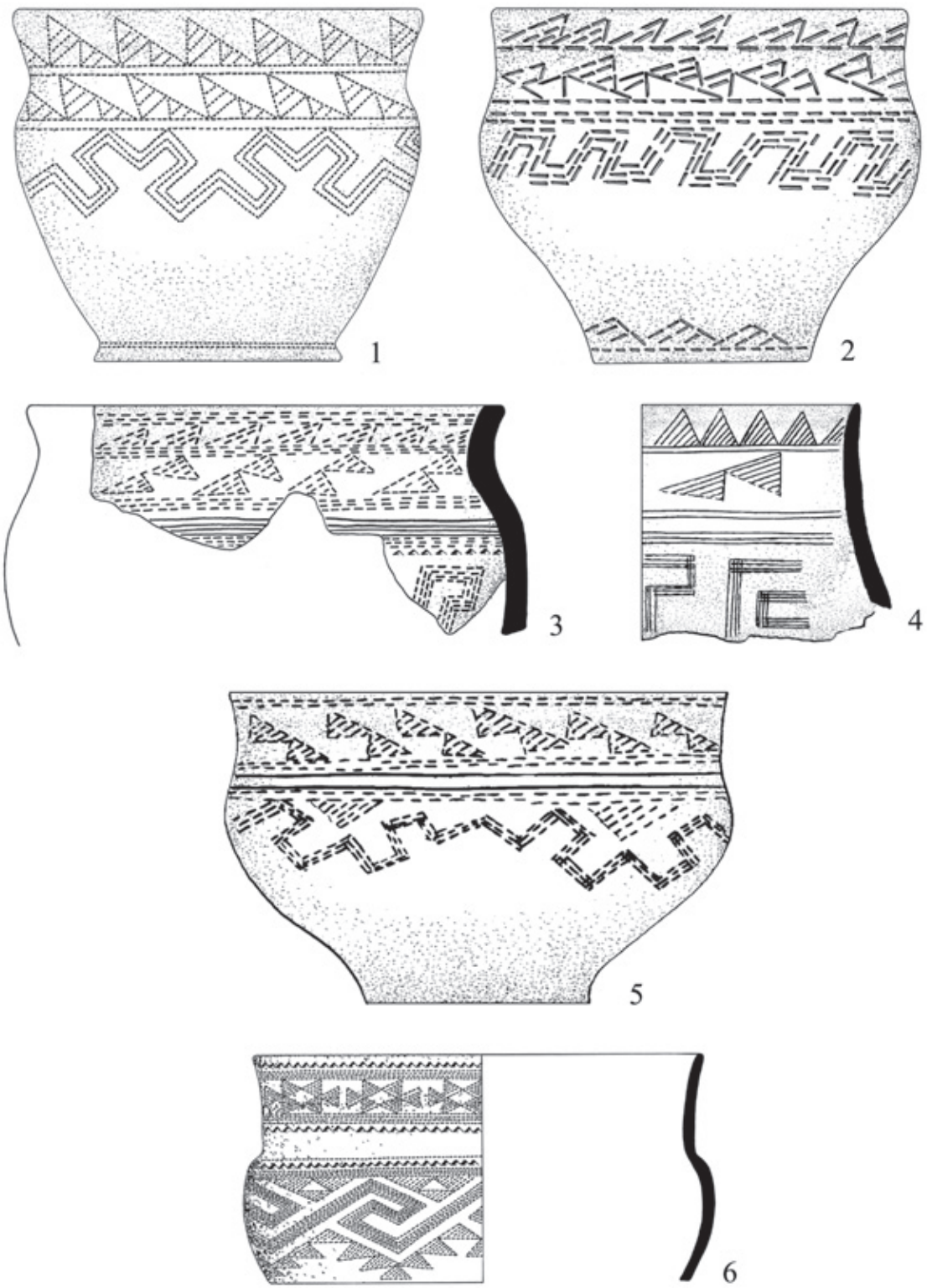


Табл. 201. 1 - Былкылдак; 2 - Пригородный; 3 - Путиловская Заимка II, к. 7; 4 - Акмола, к. 15; 5 - Алыпкаш; 6 - Лисаковский I.

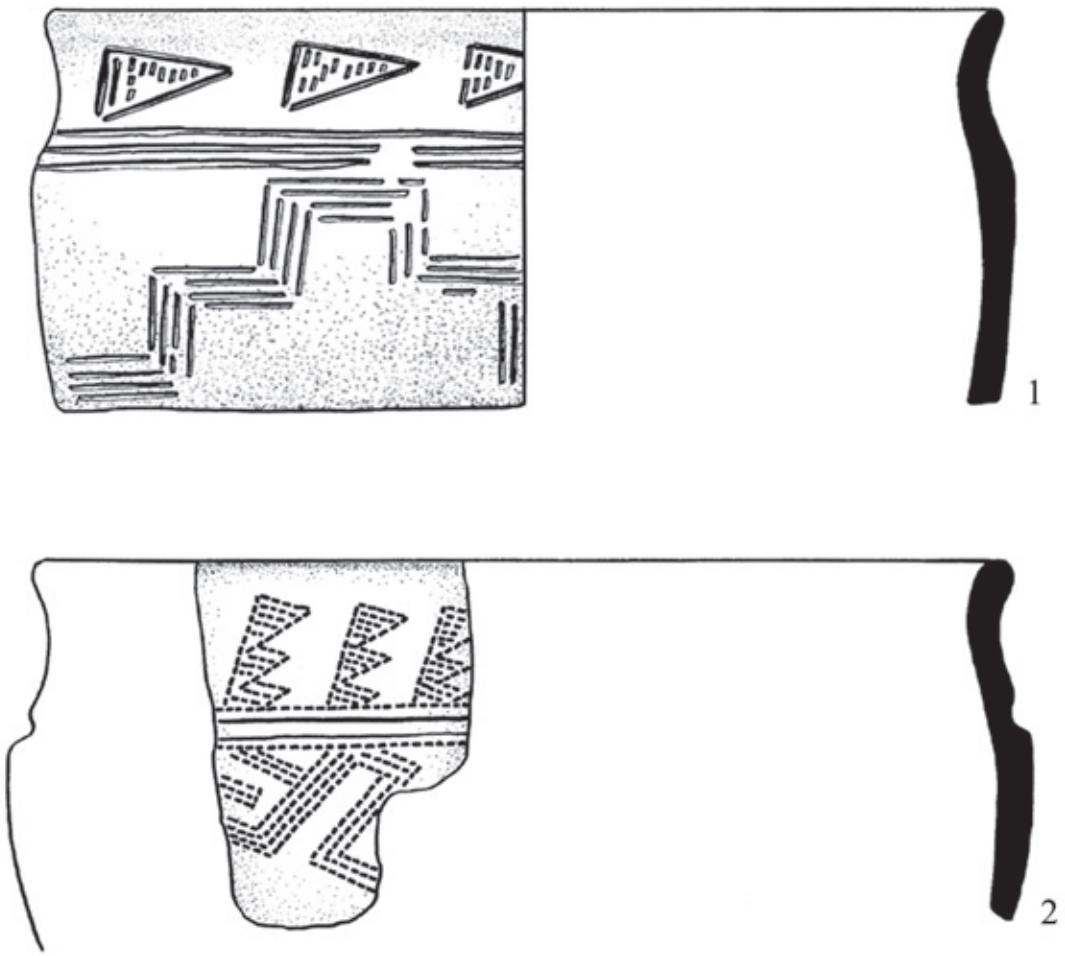


Табл. 202. 1 - Майтан, огр. 36а, м. 3; 2 - Актобе I, огр. 1, м. 1.

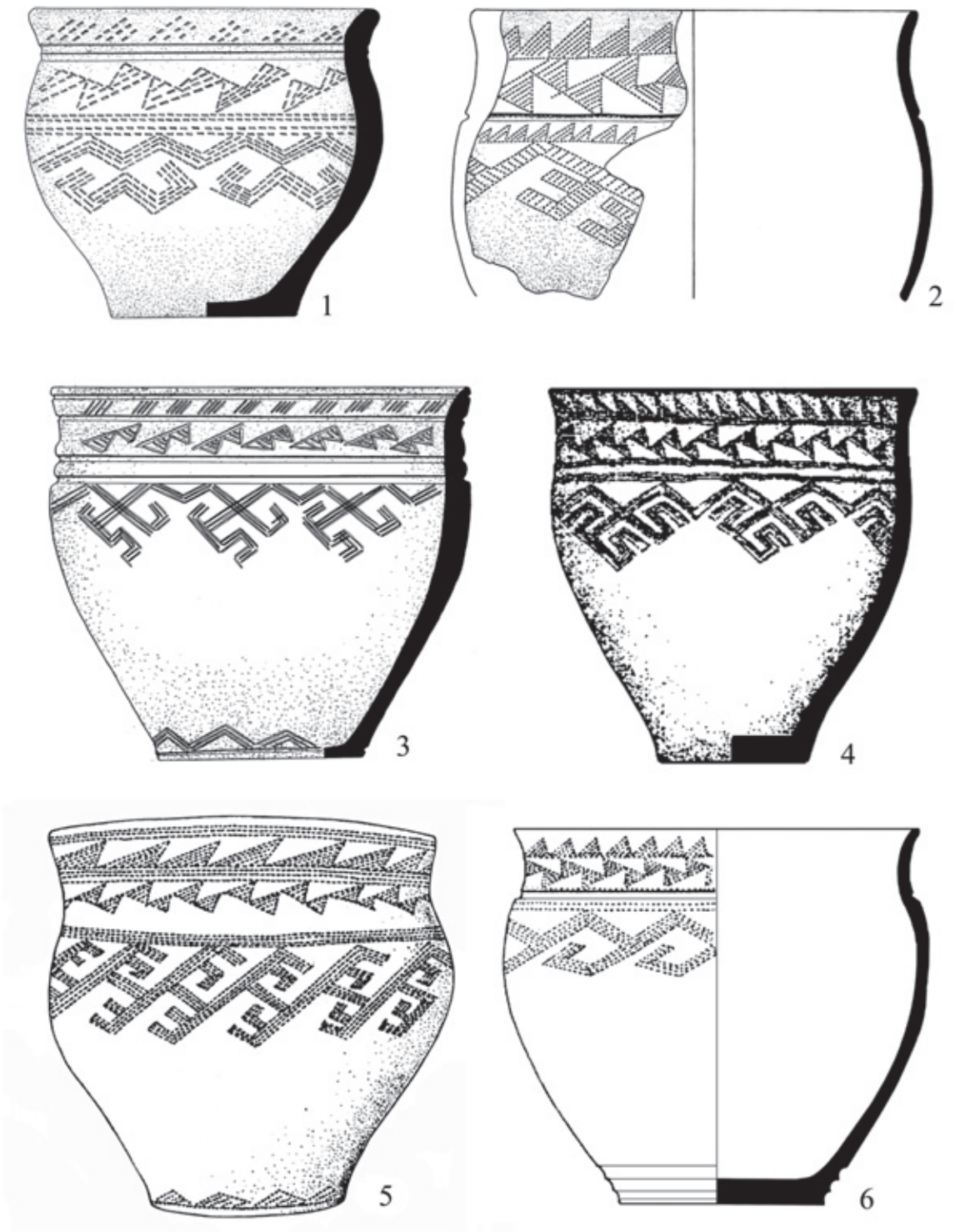


Табл. 203. 1 - Талапты; 2 - Чекановский Лог-10; 3 - Жиланды, огр. 7, п. 5; 2 - Кенжеколь-1, м. 24; 5 - Нурбаково; 6 - Маринка, м. 35.

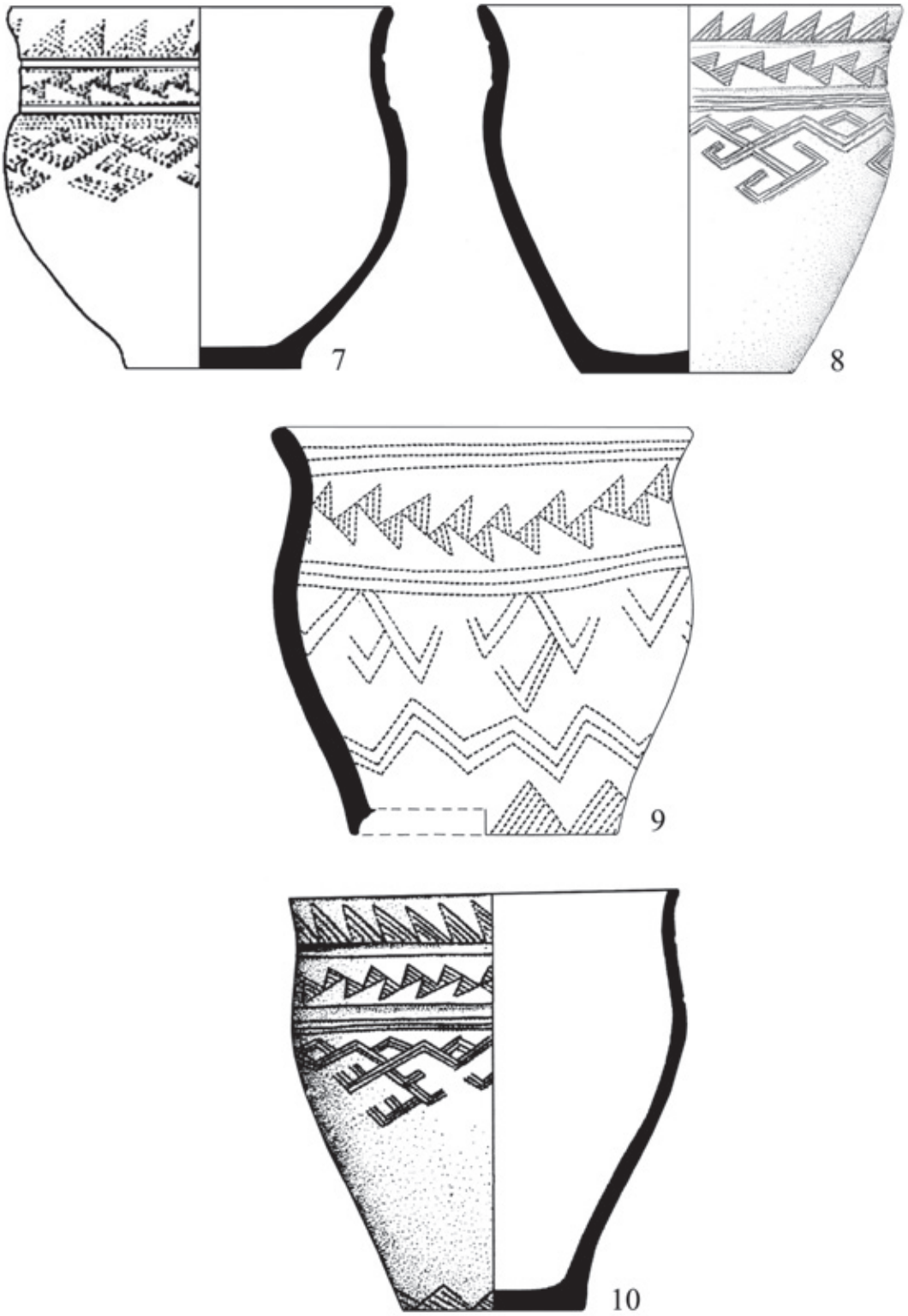


Табл. 203. 7 - Маринка, м. 18; 8 - Фирсово XIV, м. ?; 9 - ЕК-II, к. 52, с. III, шт. 2, 3; 10 - Фирсово XIV, п. 7.

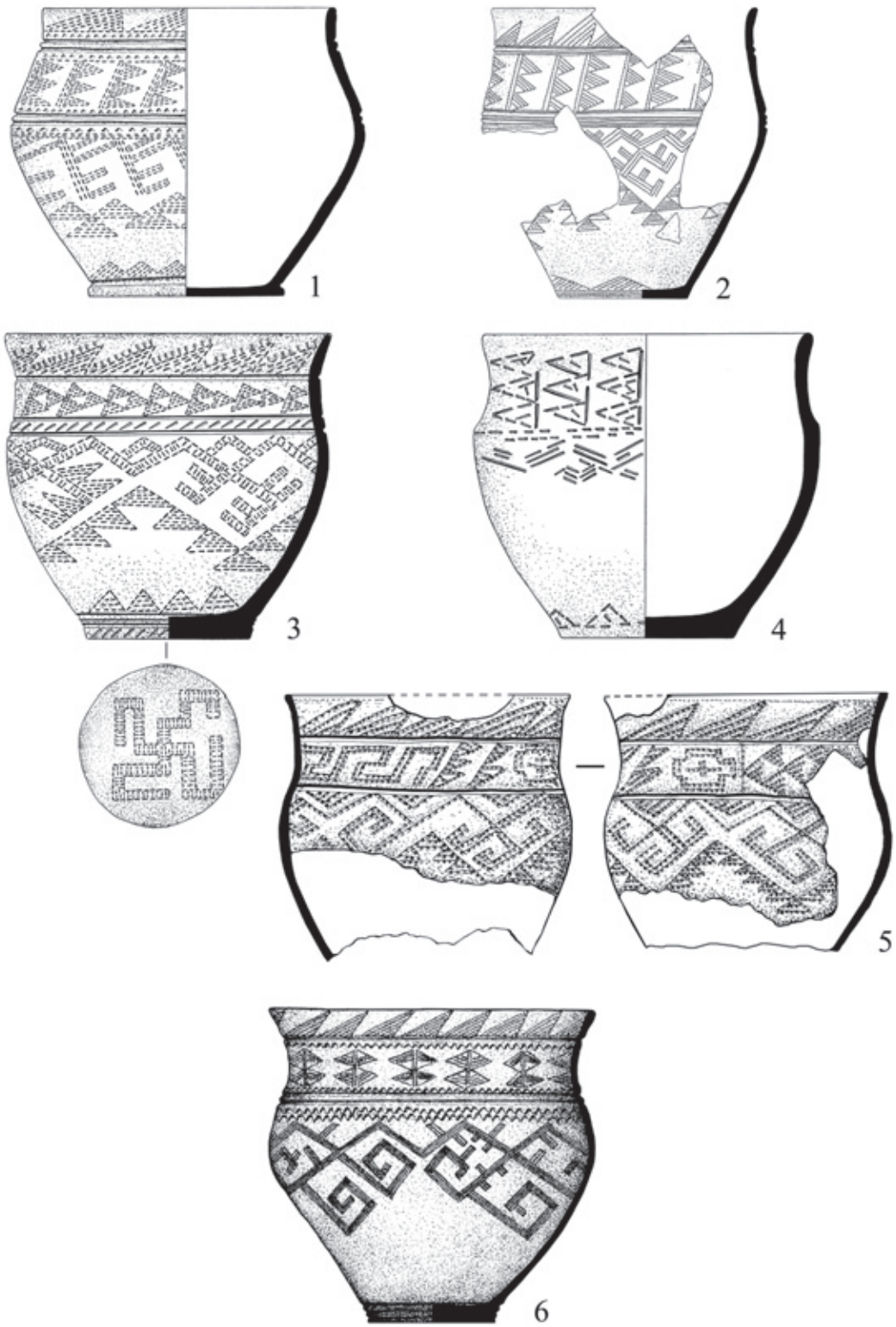


Табл. 204. 1 - Павловка-13; 2 - Танай XII, к. 2, п. 1; 3 - Абрамово IV, к. 19, п. 1; 4 - Майтан, огр. 17б, м. 1; 5 - Танай XII, к. 12, п. 2; 6 - Танай XII, к. 7, п. 1.

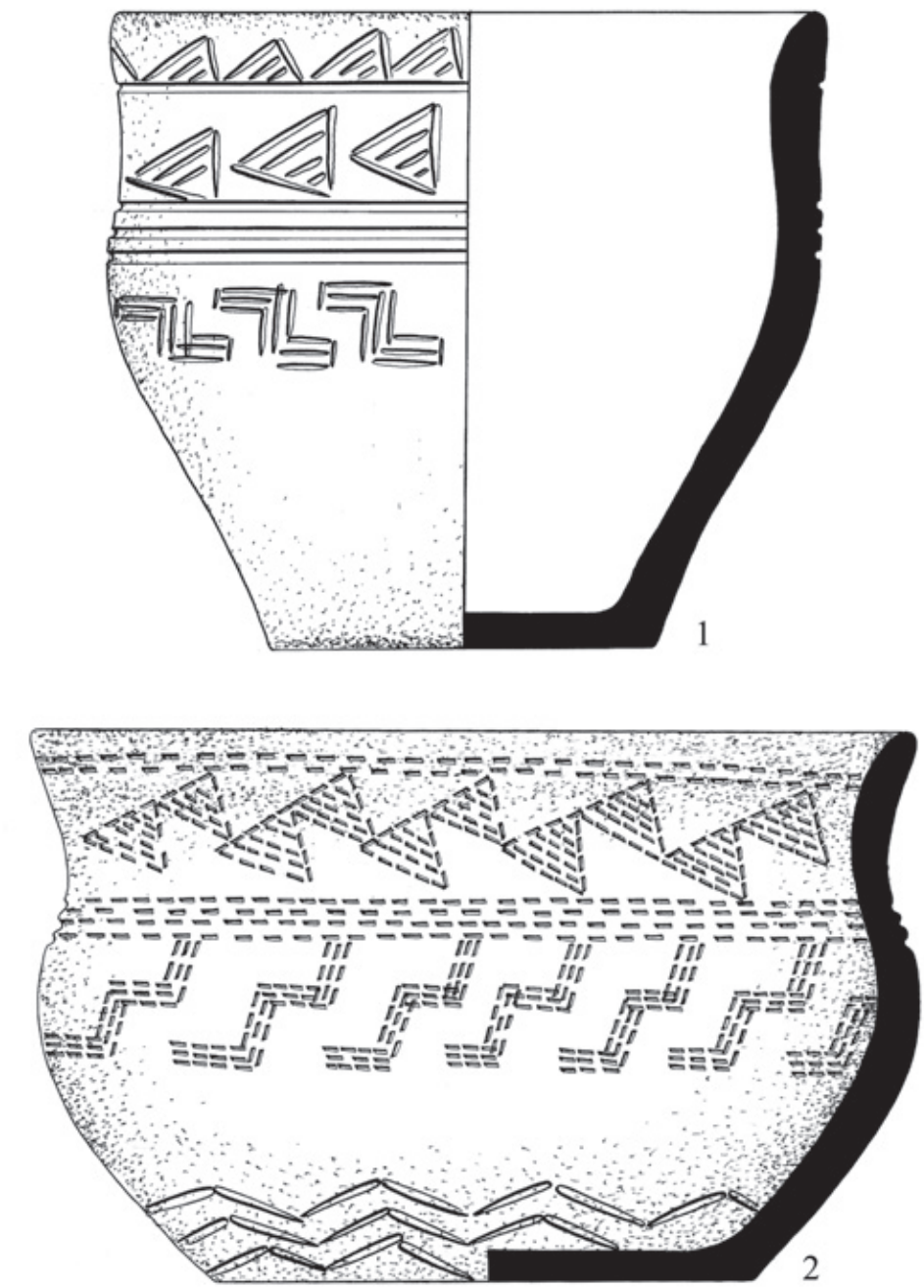


Табл. 205. 1 - Ермак, м. 16; 2 - «близ Челябинска».

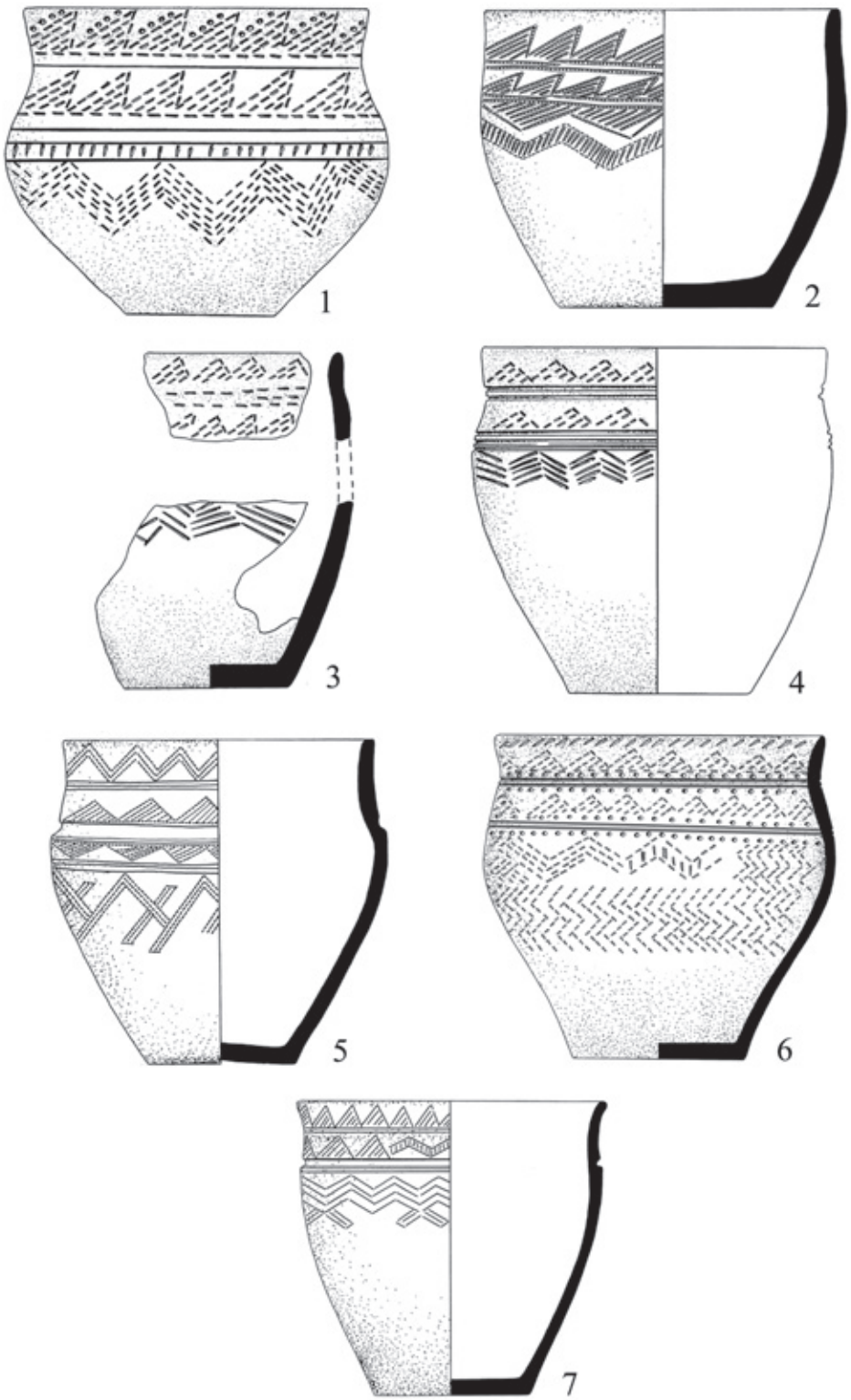


Табл. 206. 1 - Айшрак Б кур.-огр. II; 2 - Рублёво VIII; 3 - Жиланды, огр. 4; 4 - Нуртай, огр. 2, м.; 5 - Рублёво VIII, м. 17; 6 - Сухое озеро I, к. 468, м. 1; 7 - Мичурино I.

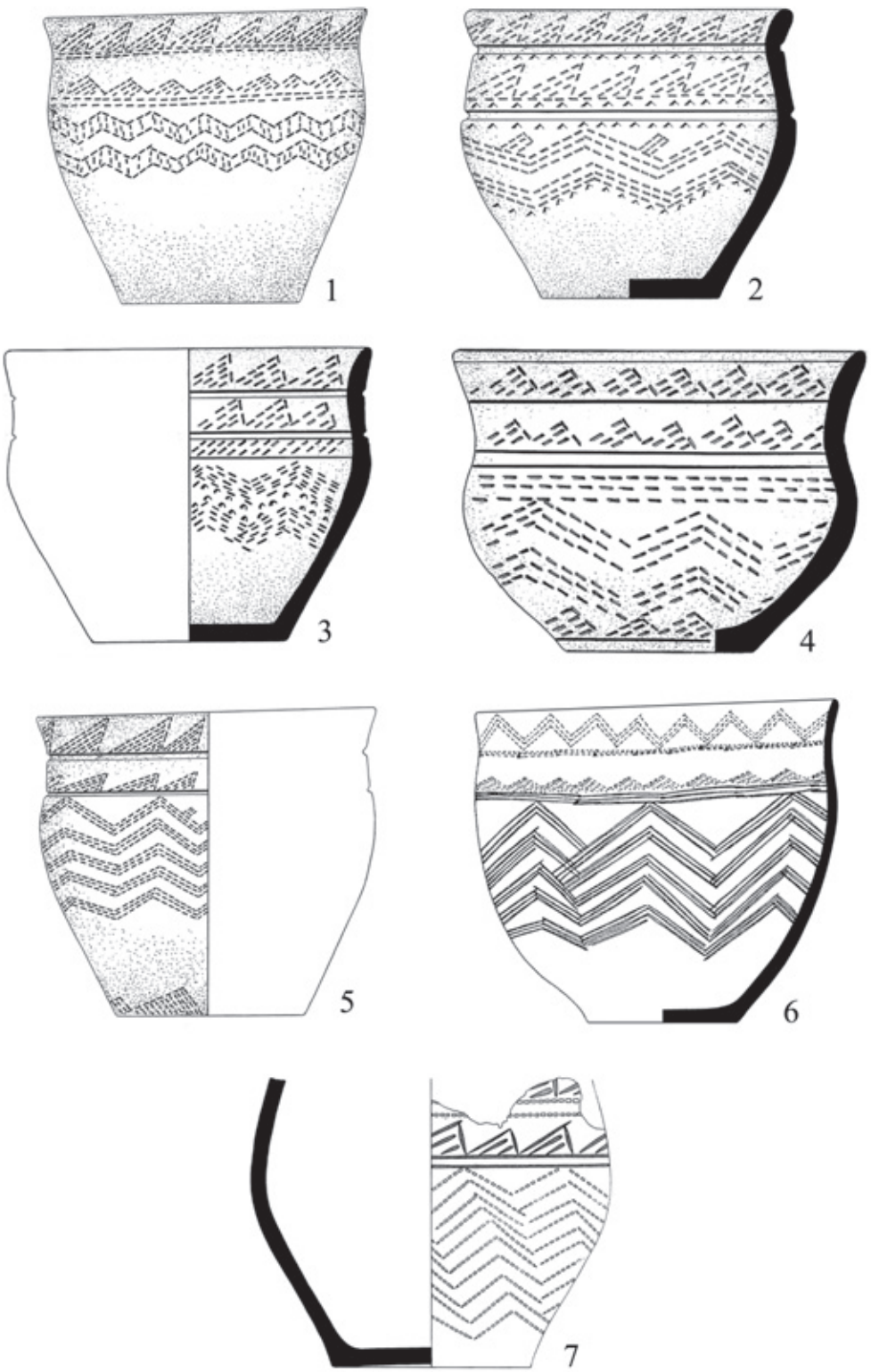


Табл. 207. 1 - Алыпкаш; 2 - Урский, к. 1, м. 2; 3 - Айшрак, огр. 10; 4 - Сангру II, огр 1, ящ. 1; 5 - Подтурино; 6 - Рублёво VIII, м. 17; 7 - ЕК-II, м. 81, № 1.

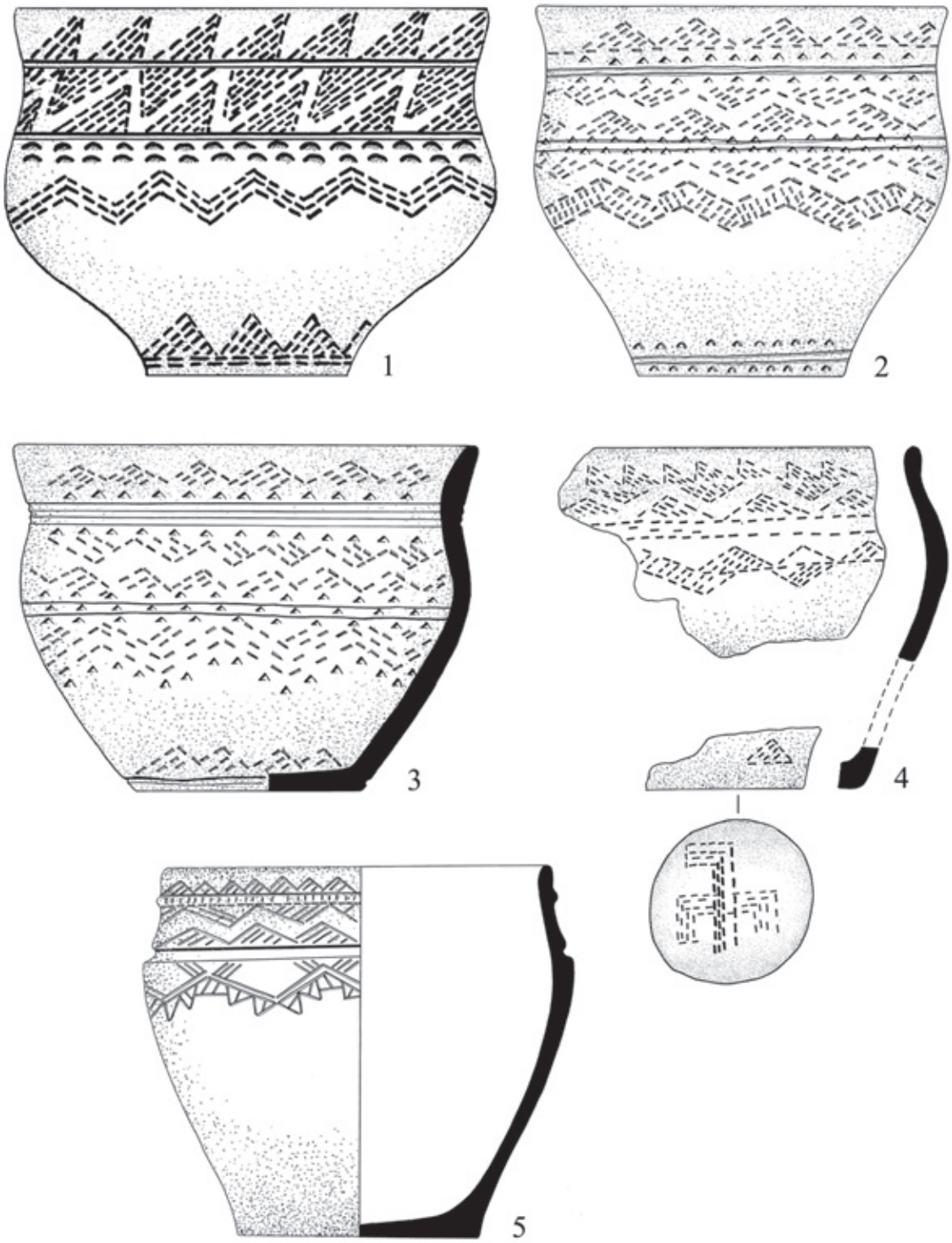


Табл. 208. 1 - Егизек I, огр. 23; 2 - Боровое, огр. 14, м. Д; 3 - Пристань I, огр. 7, м. 8; 4 - Сангру II, огр 1, ящ. 3; 5 - Балыкты, огр. 10, м. 2.

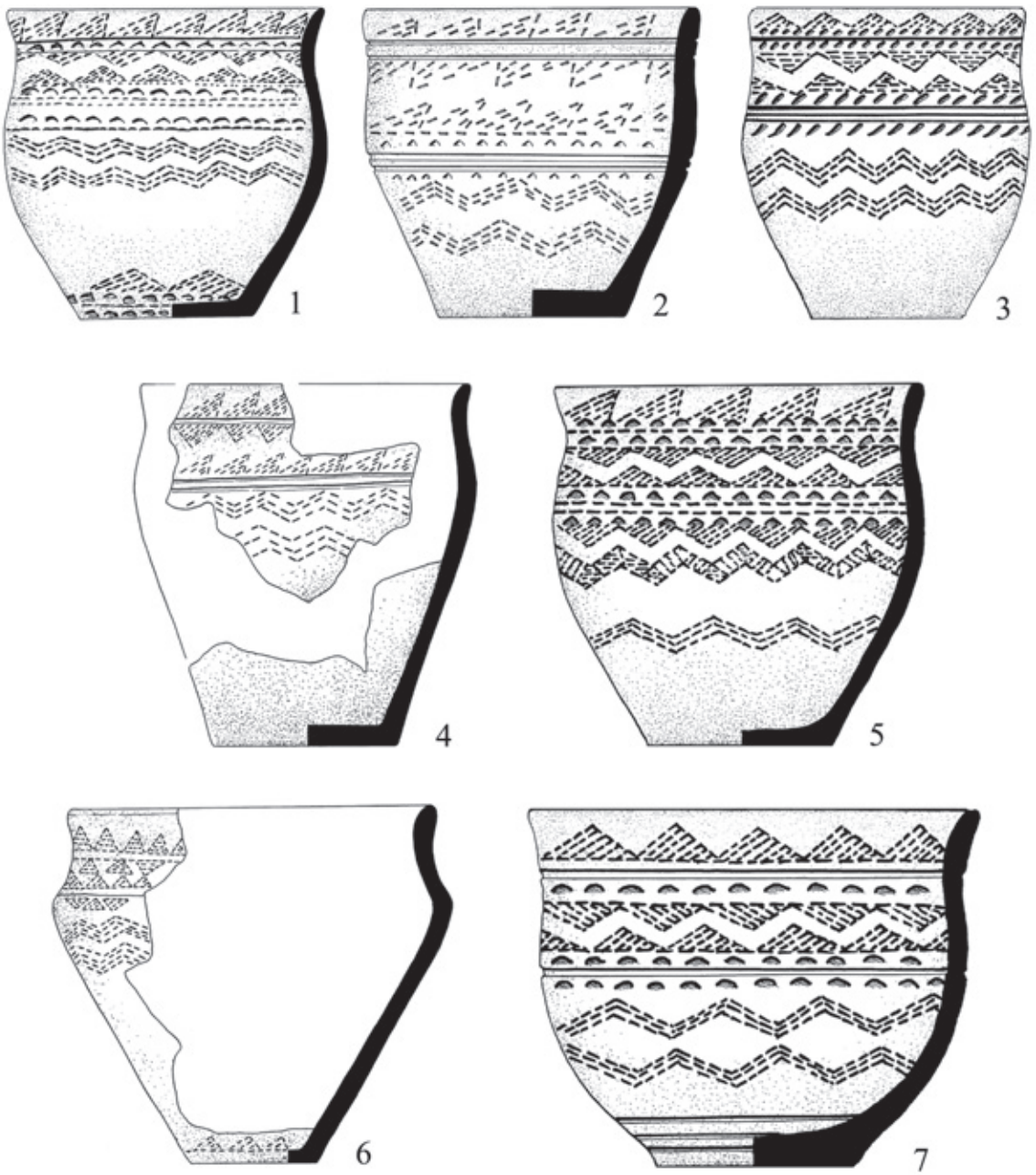


Табл. 209. 1 - Титово II, к. 5, м. 2; 2 - Новая Чёрная III, м. 15; 3 - Знаменка; 4 - Орак, м. 44; 5 - Титово II, к. 6, м. 2; 6 - Сангру II, огр. 1, ящ. 5; 7 - Титово II, мкп, м. 3.

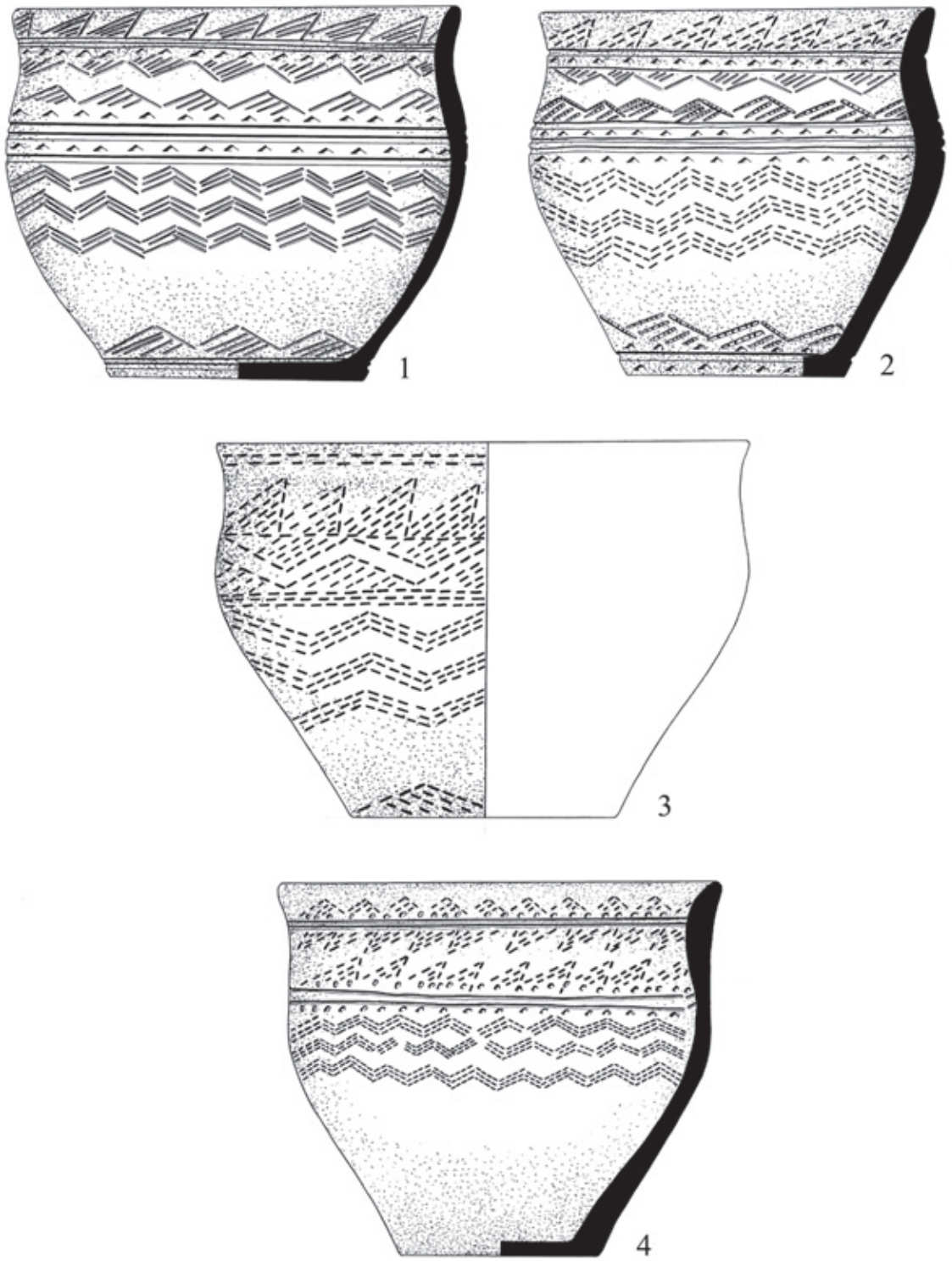


Табл. 210. 1 - Урский, к. 12, м. 1; 2 - Урский, к. 3, м. 2; 3 - Алыпкаш; 4 - Орак, м. 17.

Табл. 211. 1 - Лебяжье V, м. 1; 2 - Косагал; 3 - ЕК-II; 4 - Тасырбай II, прист. огр. 3; 5 - Сангру II, огр. 1, ящ. 7; 6 - Кеженколь-1.

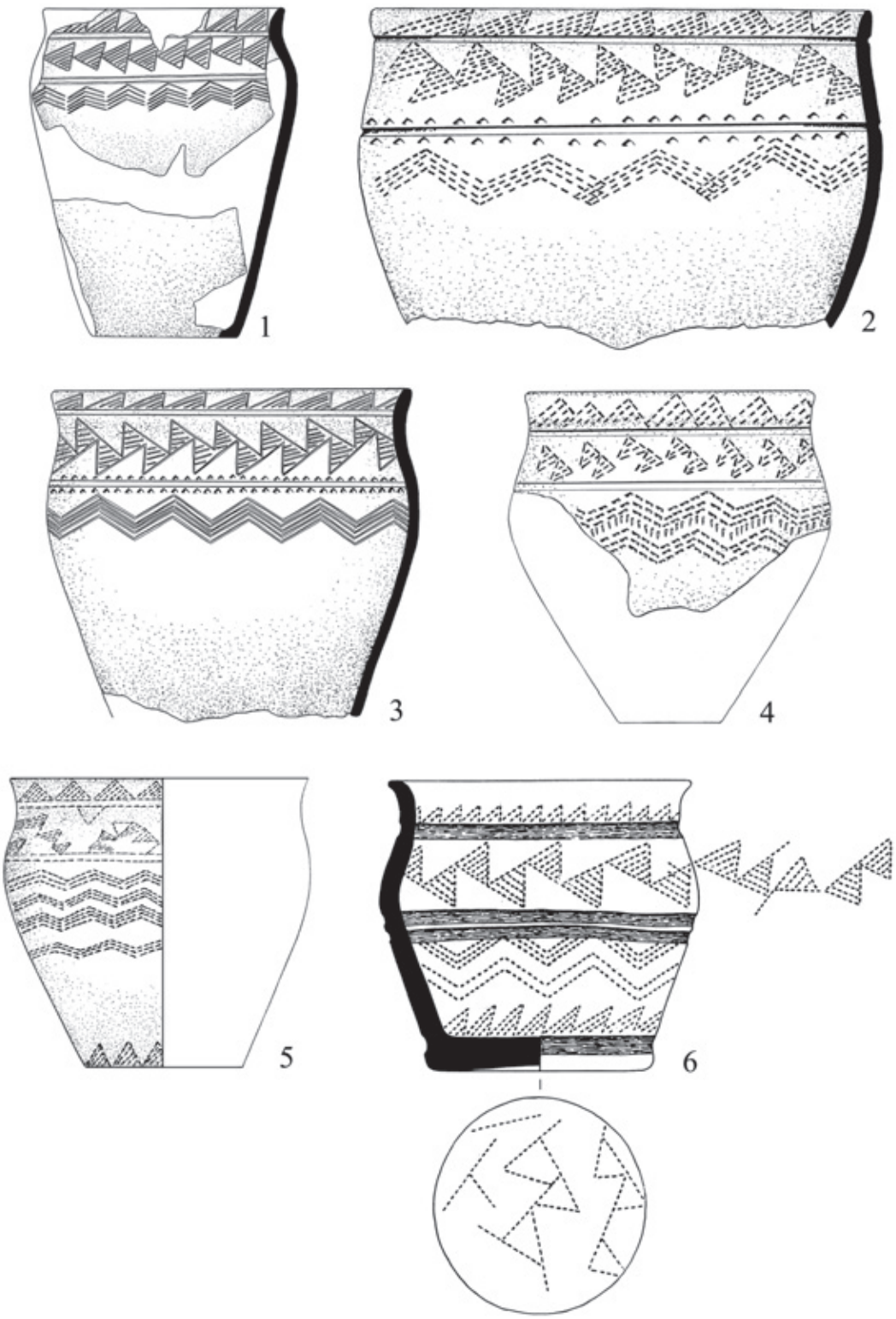


Табл. 212. 1 - Аксу-Аюлы, огр. 3; 2 - Сангру II, огр. 20 или 27; 3 - без точного местонахождения; 4 - Биырек-коль, огр. 23, м. 3; 5 - ЕГМ-II, м. 9; 6 - ЕК-II, м. 212, на дне.

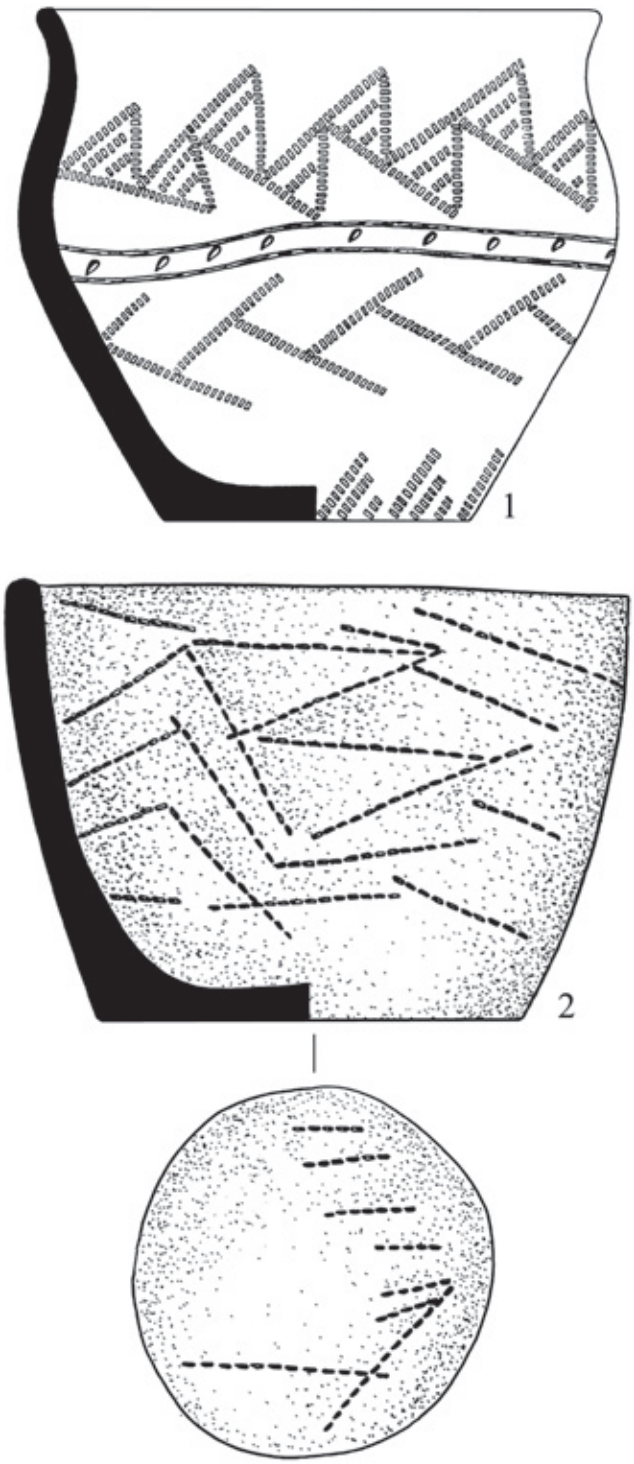


Табл. 213. 1 - ЕК-II, кв. 18; 2 - Заречное I.

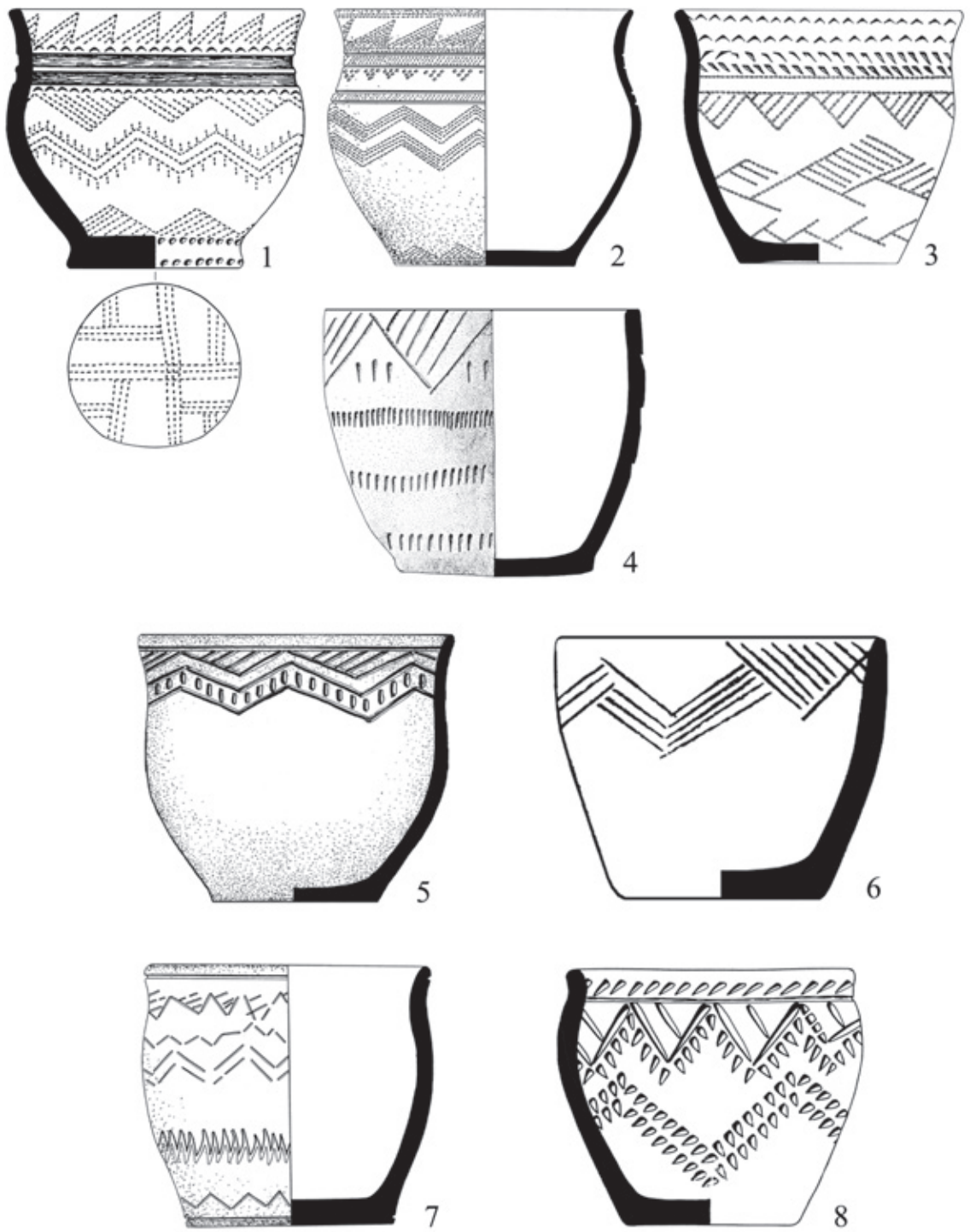


Табл. 214. 1 - ЕК-I, раскоп 1; 2 - Лисаковский I; 3 - ЕК-II, м. 25, № 1; 4 - Фирсово XIV, м. 64; 5 - Смолино; 6 - Рублёво VIII; 7 - Мичурино I; 8 - ЕК-II, м. 253, № 1.

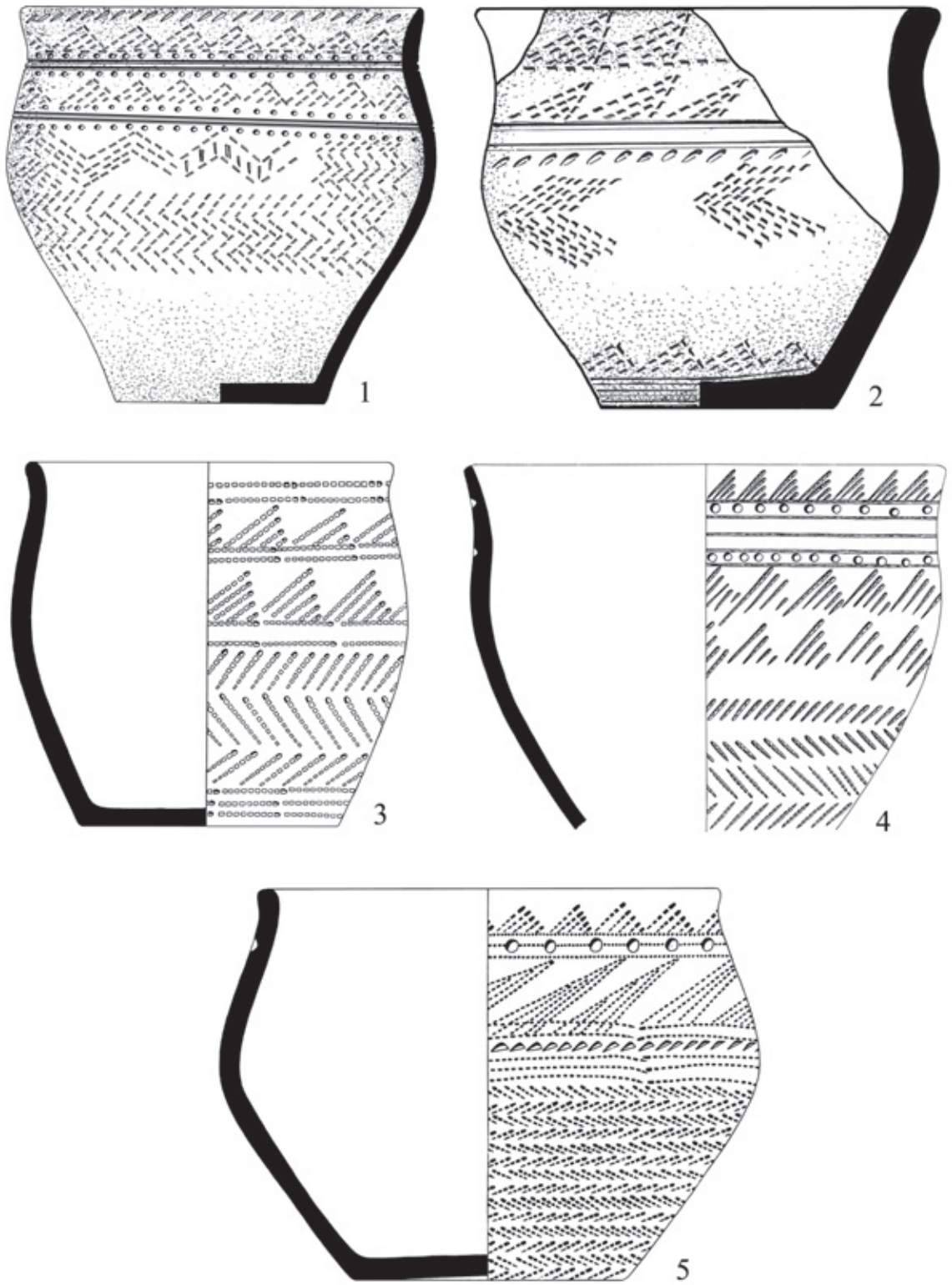


Табл. 215. 1 - Сухое озеро I, к. 468, м. 1; 2 - Айшрак, огр. 11; 3 - ЕК-II, м. 13, № 1; 4 - ЕК-II, м. 257, № 1; 5 - ЕК-II, м. 304, № 4.

Табл. 216. 1 - Новосёлово; 2 - Вахрушево, к. 6, м. 2; 3 - Мыржик II, к. 1, м. 1; 4 - ЕК-II, м. 80, № 3.

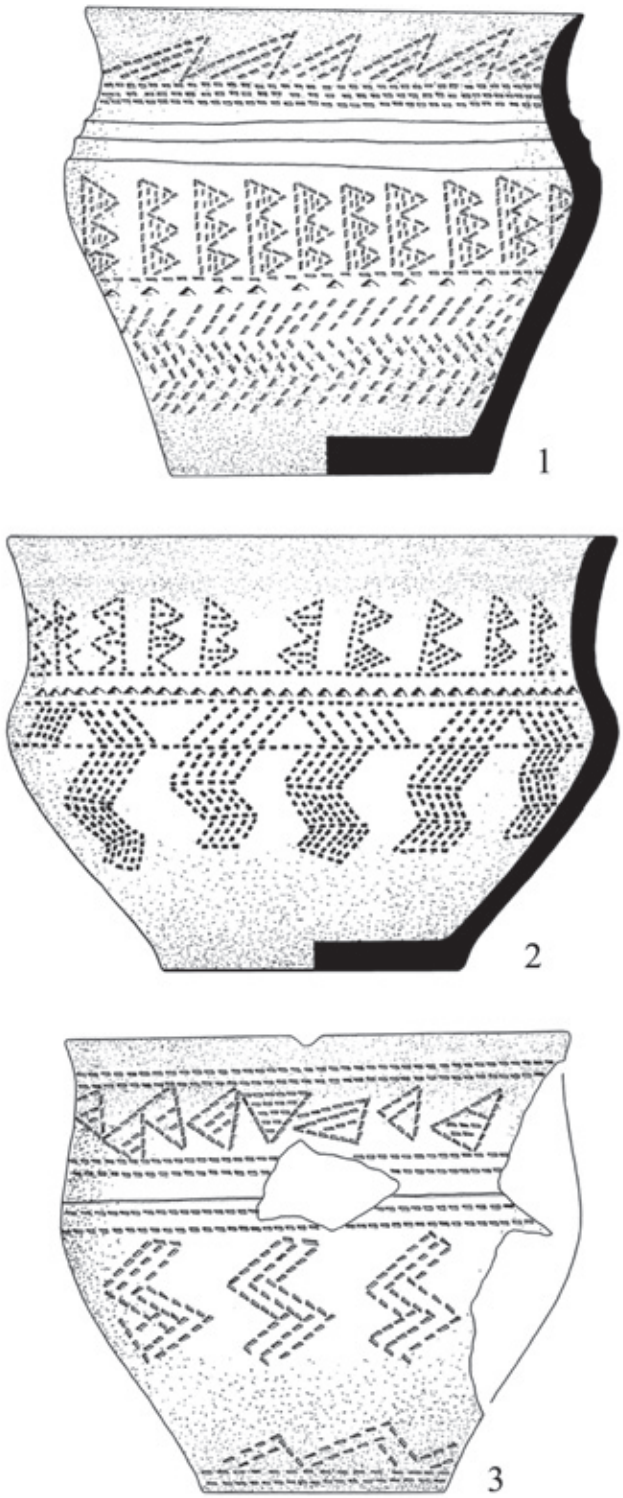


Табл. 217. 1 - Вахрушево, к. 7, м. 1; 2 - Тау-Тары; 3 - Арпа.

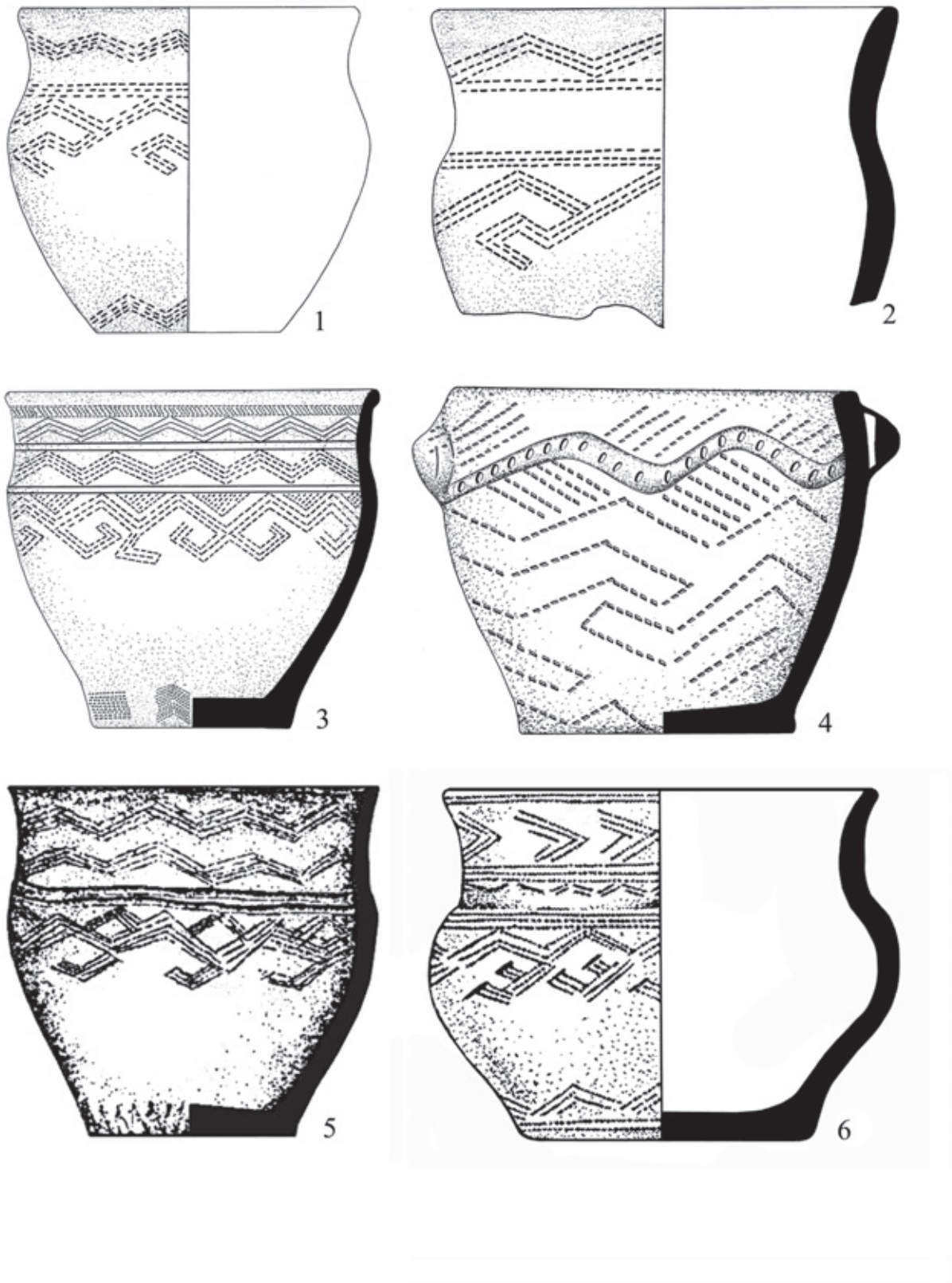


Табл. 218. 1 - Алыпкаш; 2 - Солнце-Талика, к. 3, яма 3; 3 - Тамгалы I, огр. 2, ящ. 1; 4 - Солёноозёрная I, м. 1; 5 - Кенжеколь-1; 6 - Урефты I, к. 13, п. 7.

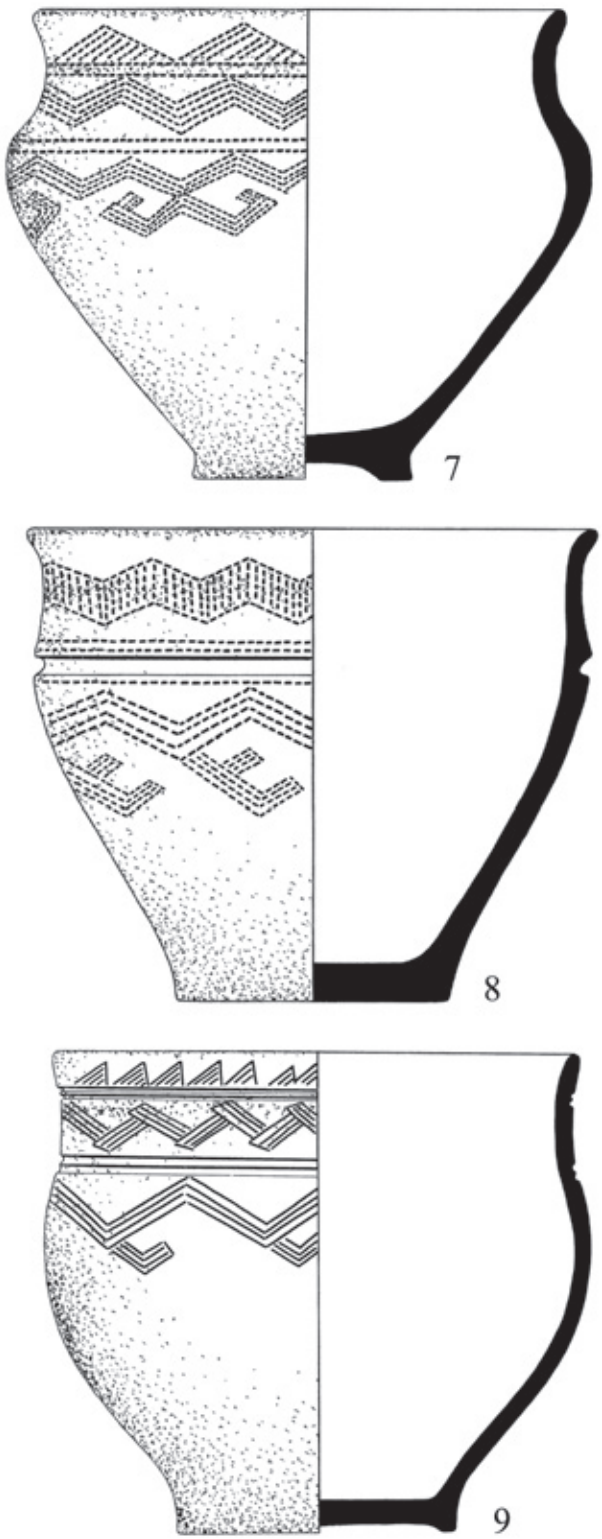


Табл. 218 (продолжение). 7 - Шапат, м. 46; 8 - Мичурино I; 9 - Ташик.

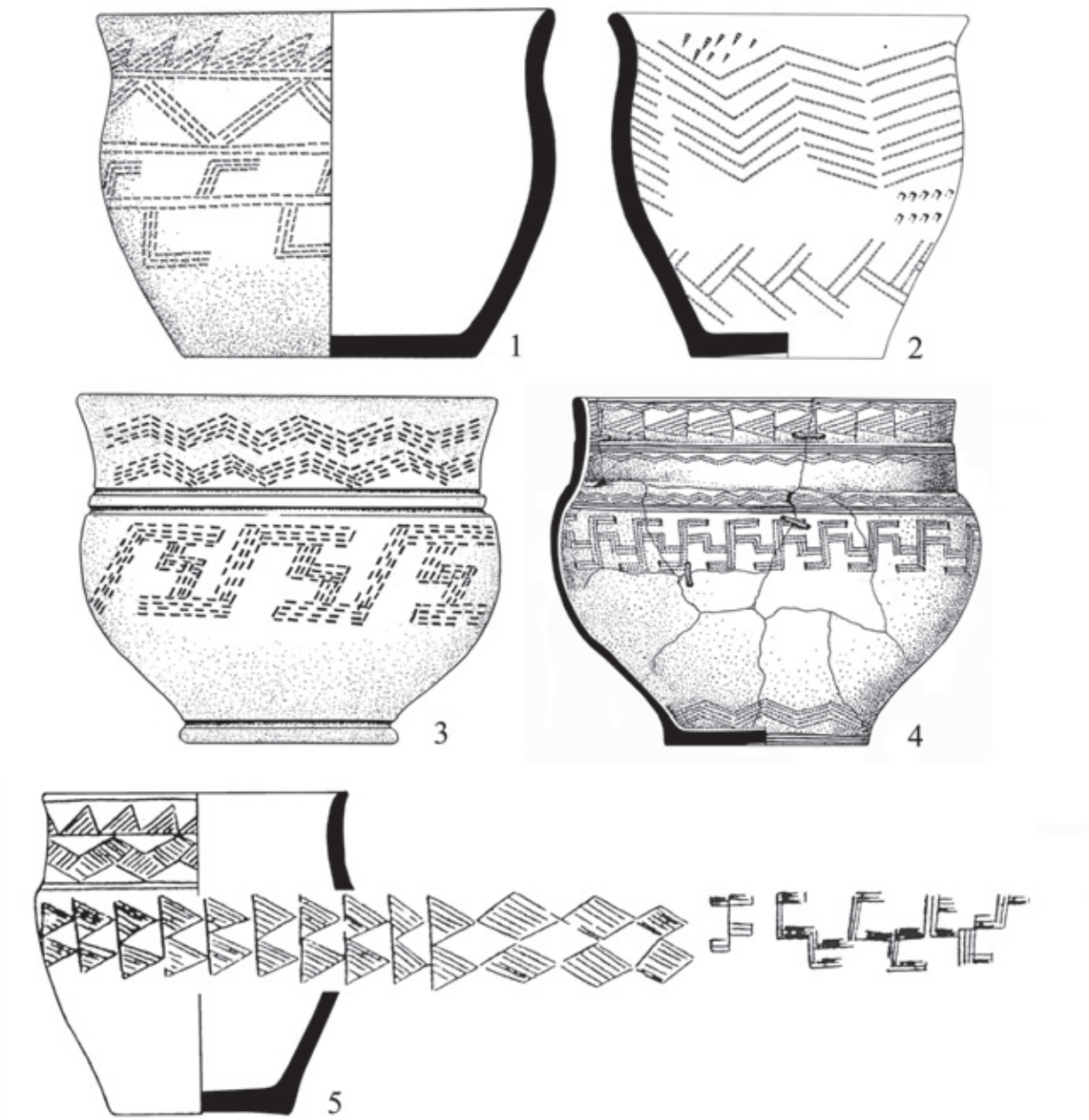


Табл. 219. 1 - Подтурино; 2 - ЕК-II, м. 24, № 7; 3 - Фёдоровский; 4 - Урефты I, к. 25, п. 7; 5 - Мичурино I.

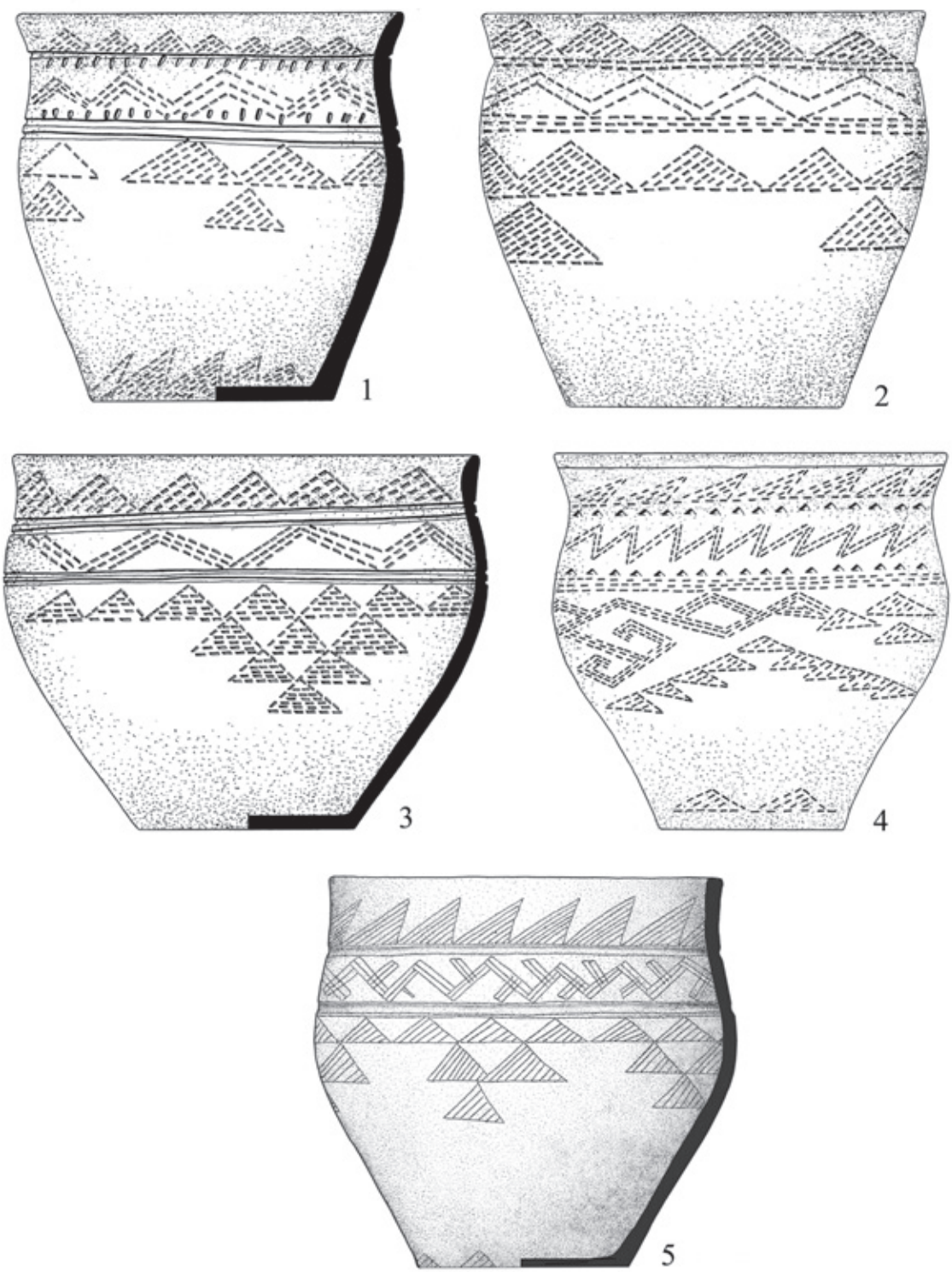


Табл. 220. 1 - Ярки II, м. 7 (1926 г.); 2 - Алыпкаш; 3 - Пристань I, огр. 7, м. 4; 4 - Малый Койтас; 5 - Танай XII, к. 13, п. 1.

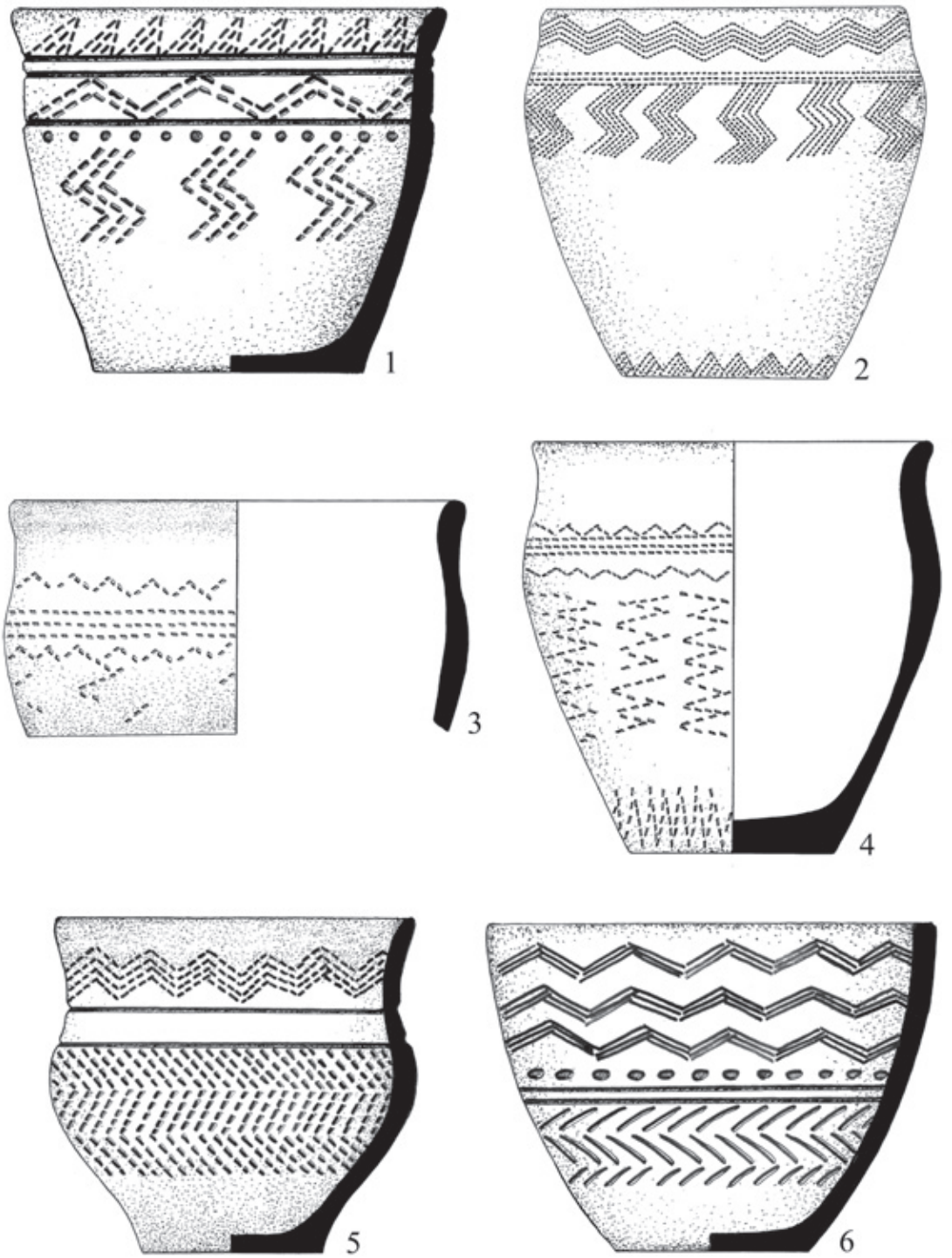


Табл. 221. 1 - Венгерово I, к. 3, п. 1; 2 - Былкылдак I или II; 3, 4 - Ижевский I, под. мат-л; 5 - Койшокы II, огр. 4; 6 - Вахрушево, к. 2.

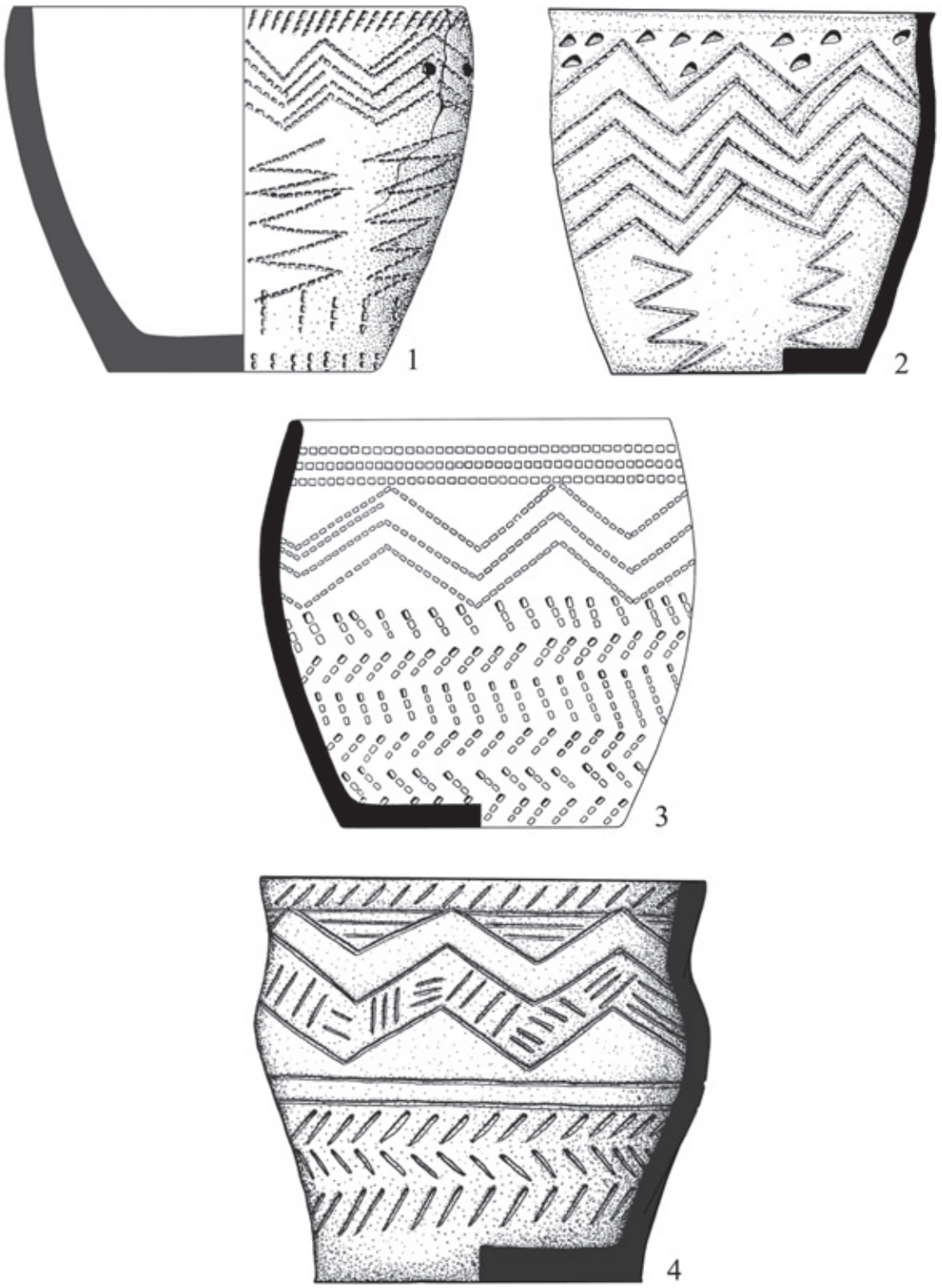


Табл. 222. 1 - Фирсово XIV, м. 78; 2 - Танай XII, п. 24; 3 - ЕК-II, м. 21, № 1; 4 - Танай XII, п. кв. R-S-LVI.

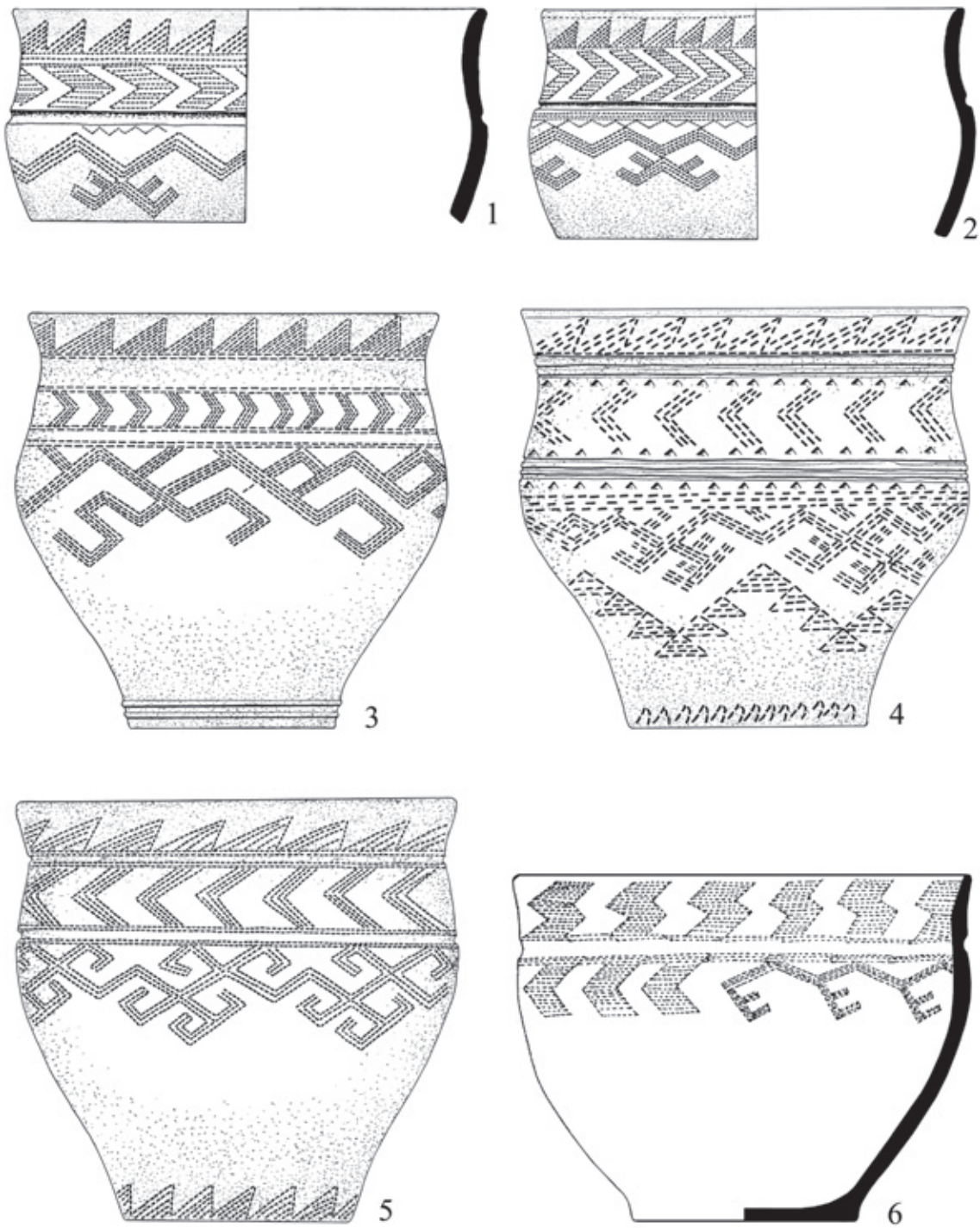


Табл. 223. 1, 2 - Ижевский I, под. мат-л; 3, 5 - Чёрная Курья II и Самарка IБ; 4 - Дегтярёвка (Урский), к. 10; 6 - Рублёво VIII, м. 15.

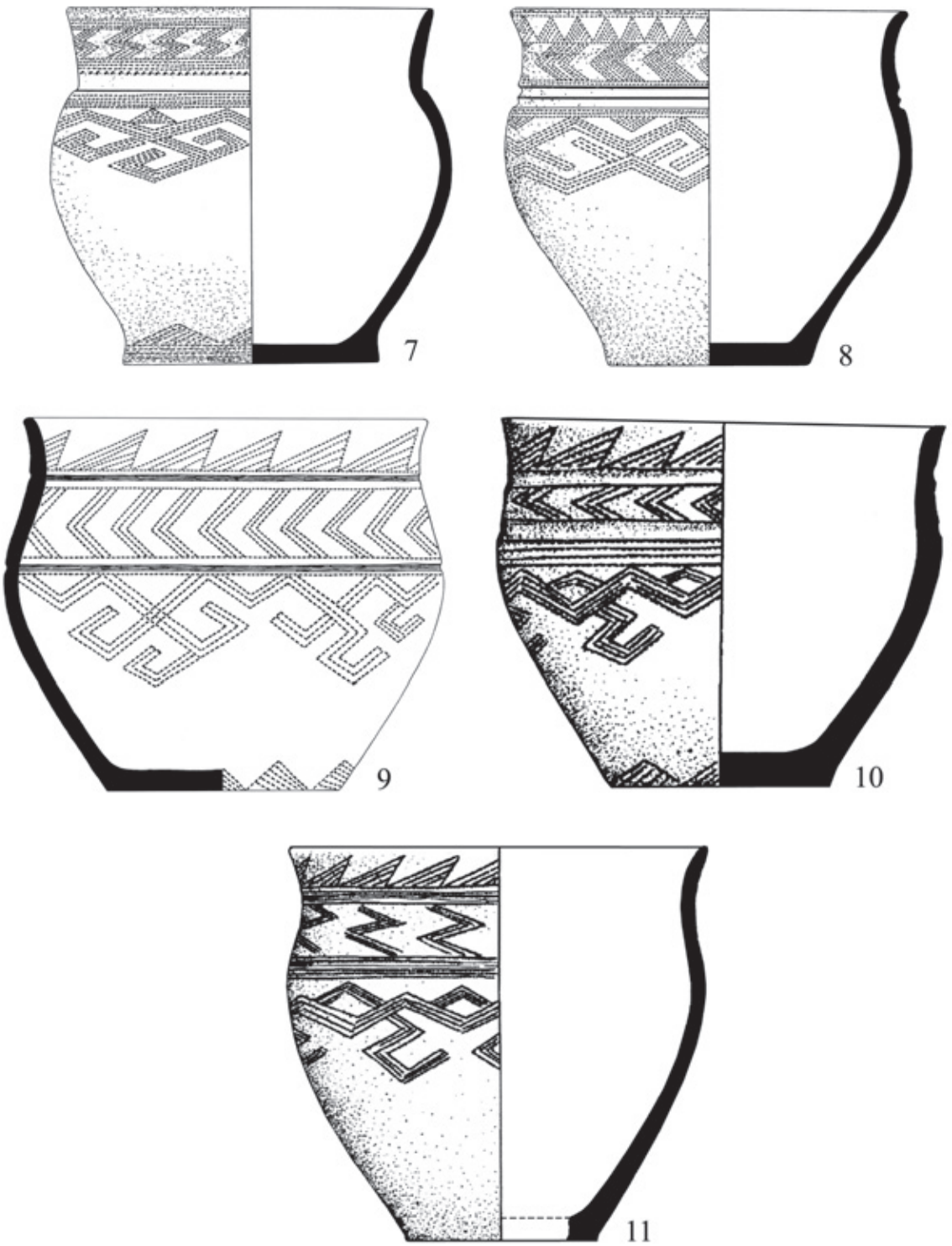


Табл. 223 (продолжение). 7 - Лисаковский I; 8 - Мичурино I; 9 - ЕК-II, м. 64, № 1; 10 - Фирсово XIV, п. 7; 11 - Фирсово XIV, п. 26.

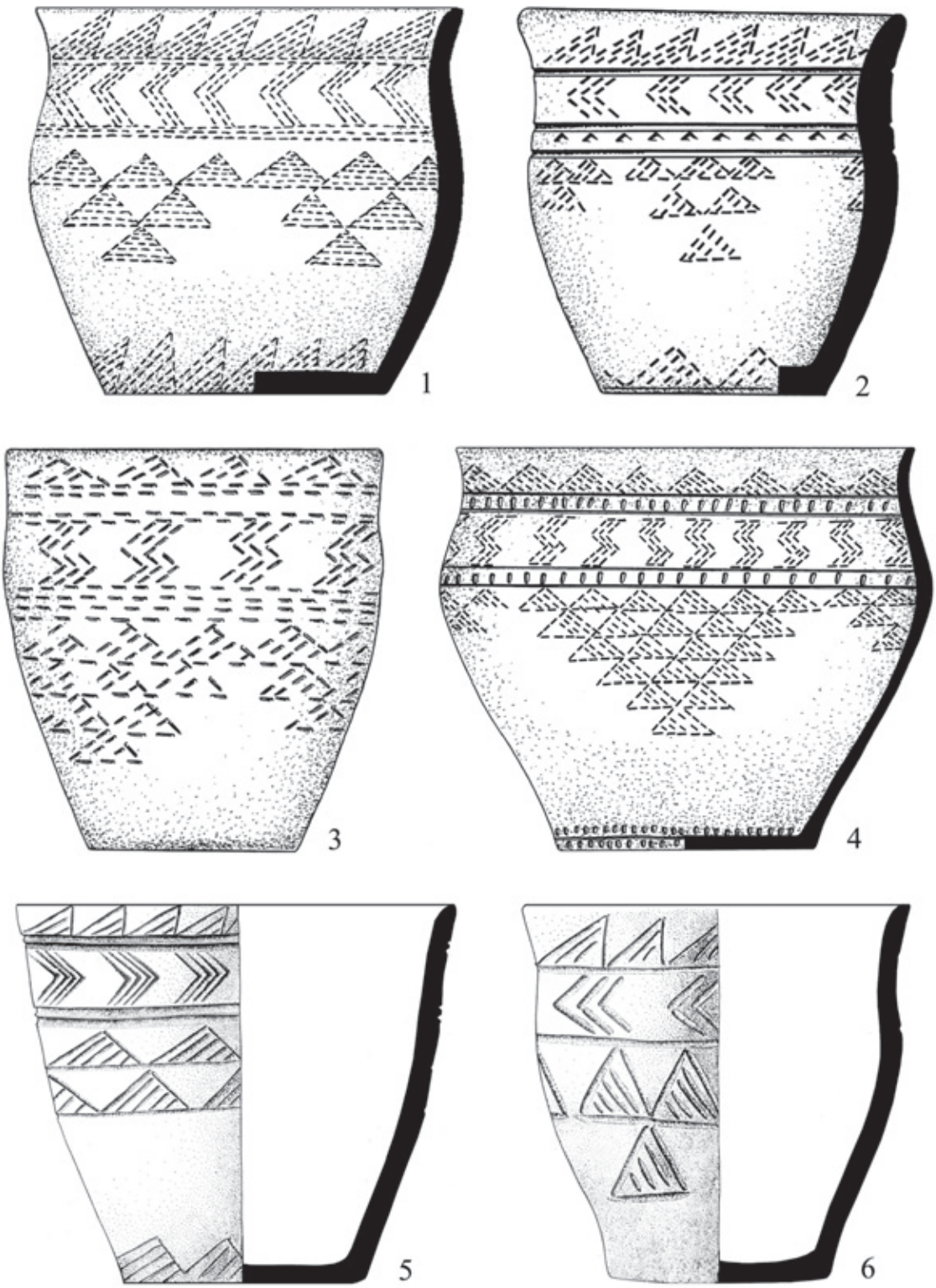


Табл. 224. 1 - ЕГМ-II, м. 1; 2 - Урский, к. 11, м. 1; 3 - Иконниково; 4 - Орак, м. 29; 5 - Фирсово XIV, м. 66; 6 - Фирсово XIV, м. 68.

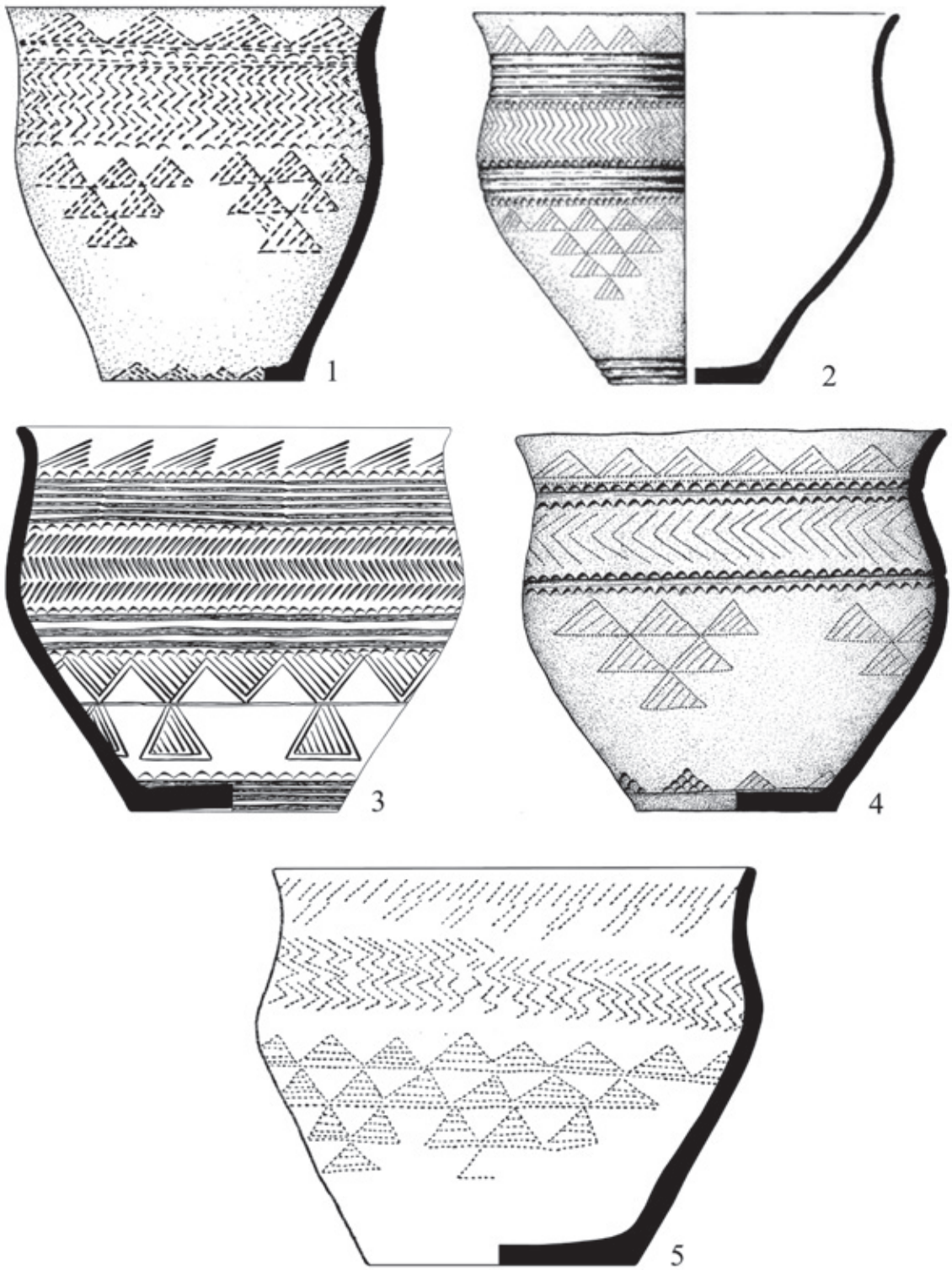


Табл. 225. 1 - Урский, к. 1, м. 1; 2 - Устье-Бири IV, м. 28; 3 - ЕК-II, м. 289, № 1; 4 - Танай XII, п. кв. V-W-XLII-XLI; 5 - Старого Сада, к. 80, п. 2, с. 2.

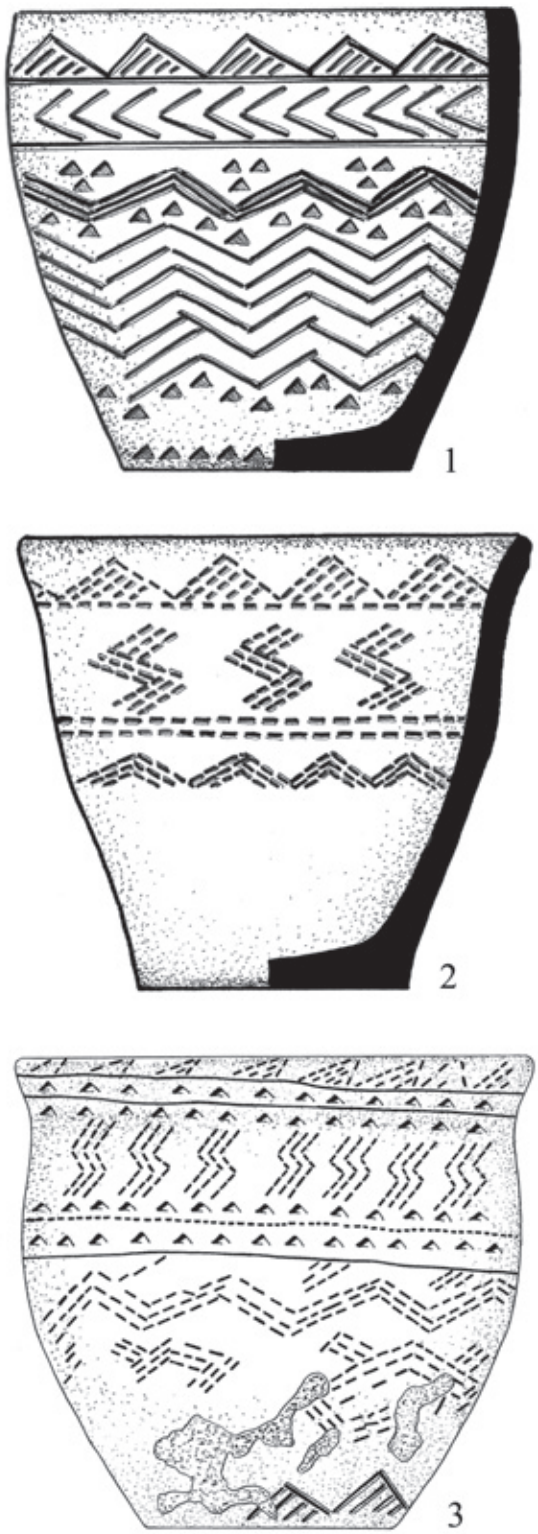


Табл. 226. 1 - Орак, м. 27; 2 - Ой-Джайляу III; 3 - Урский, к. 11, м. 1.

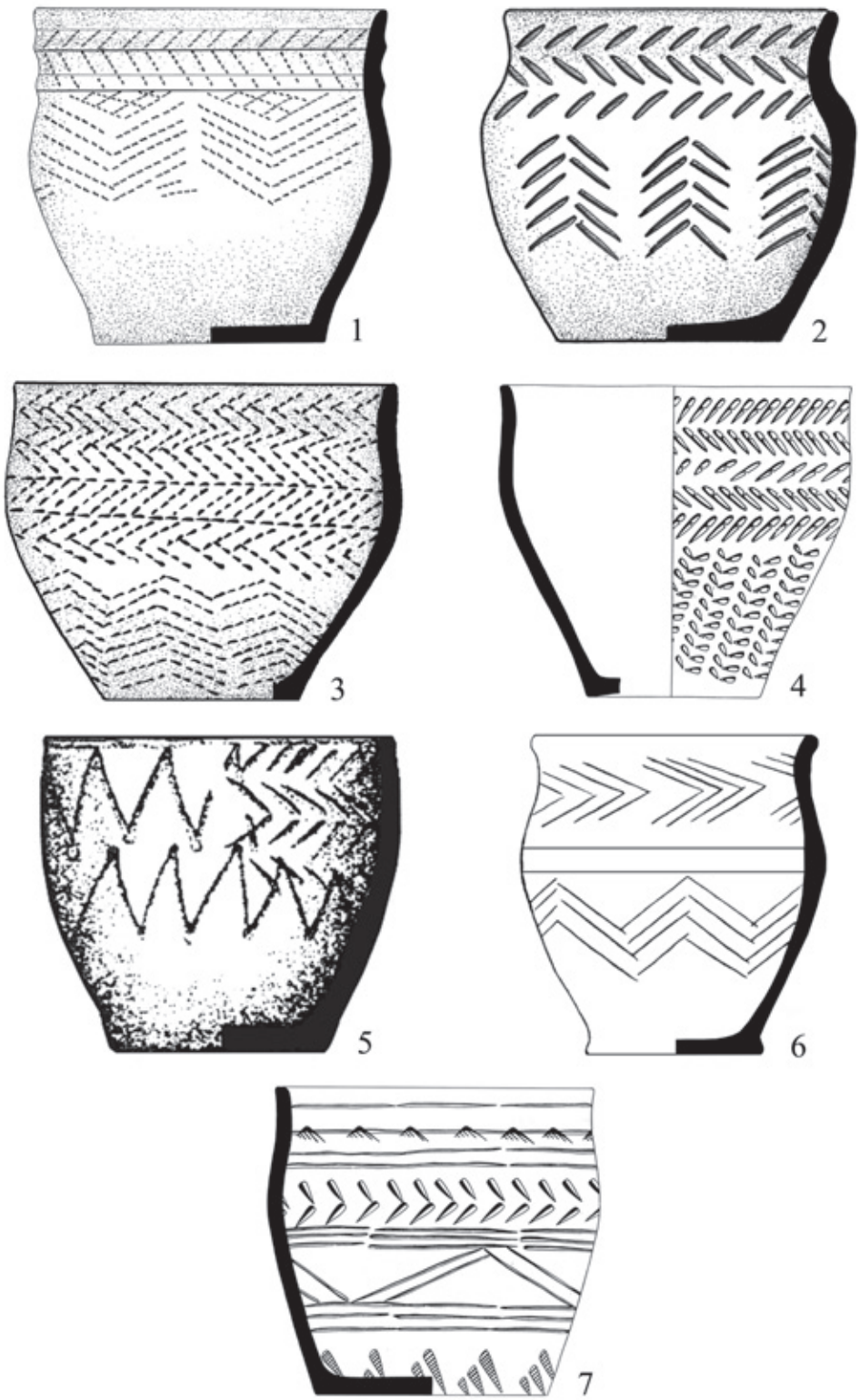


Табл. 227. 1 - Вахрушево, к. 1, м. 1; 2 - Лисаковский I, огр. 2, м.; 3 - Акмола, огр. 23; 4 - ЕК-II, м. 174; 5 - Кенжеколь-1, м. 34; 6 - Кызылтас, огр. 41; 7 - ЕК-II, м. 110, № 1.

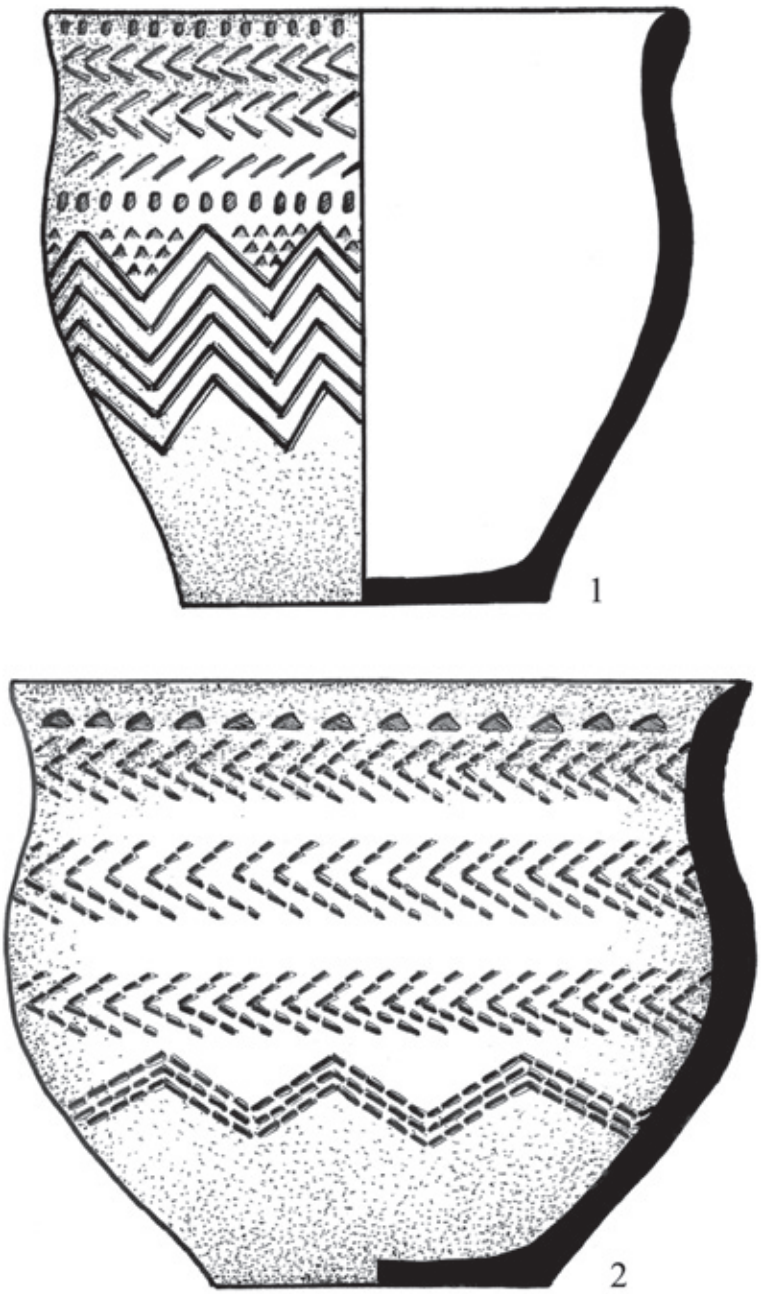


Табл. 228. 1 - Ашпыл; 2 - Преображенка III, к. 57, п. 1.

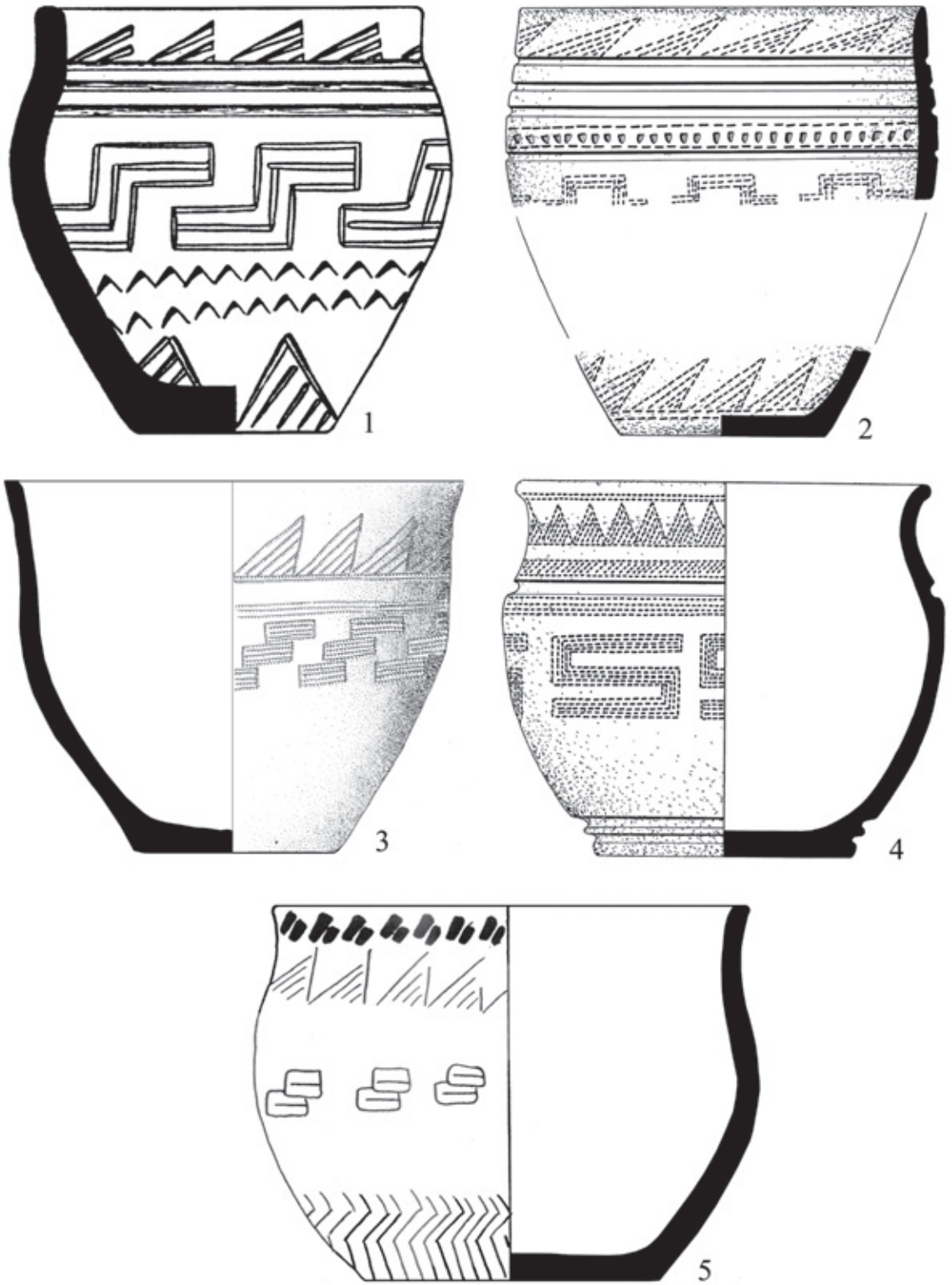


Табл. 229. 1 - ЕК II, к. 52, м. 10, № 1; 2 - БЕ-XVI; 3 - Фирсово XIV, сос. 2, м. 74; 4 - Мичурино I; 5 - Фирсово XIV, сос. 3, м. 22.

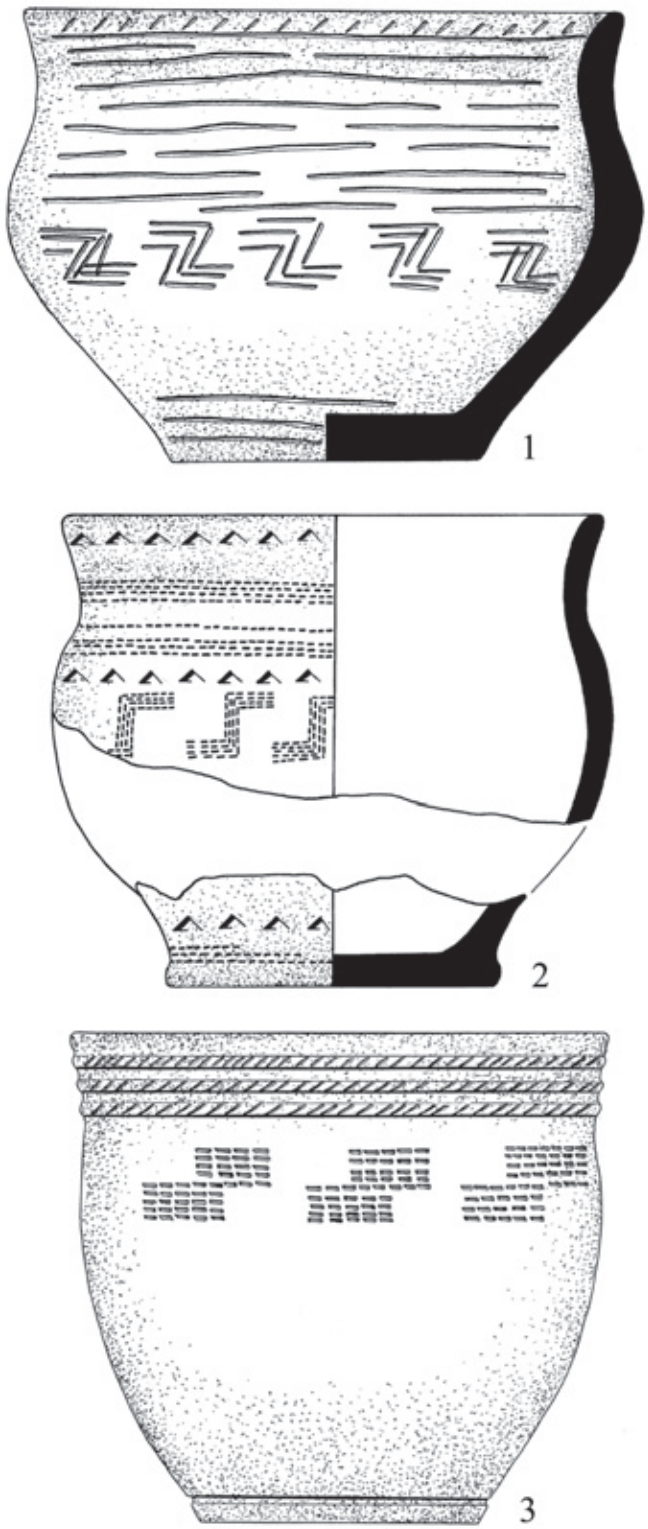


Табл. 230. 1 - Путиловская Заимка II, к. 2, п. 1; 2 - Солнце-Талика, к. 3, яма 3; 3 - Бегазы, огр. 1.

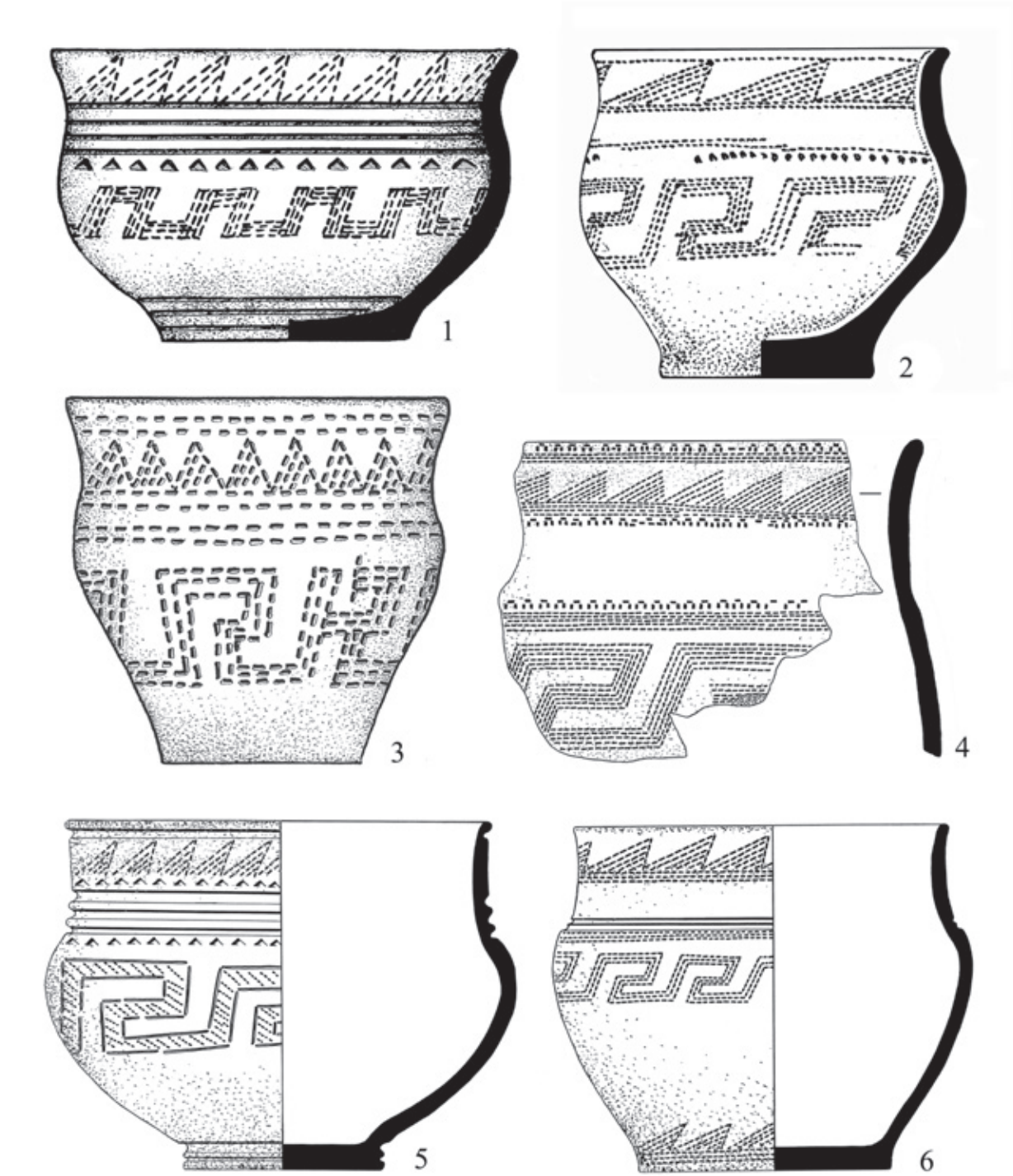


Табл. 231. 1 - Егизек II, огр. 2; 2 - Фёдоровский, к. 60; 3 - Арпа;
4 - Солнце-Талика, к. 2, м.; 5,6 - Лисаковский I.

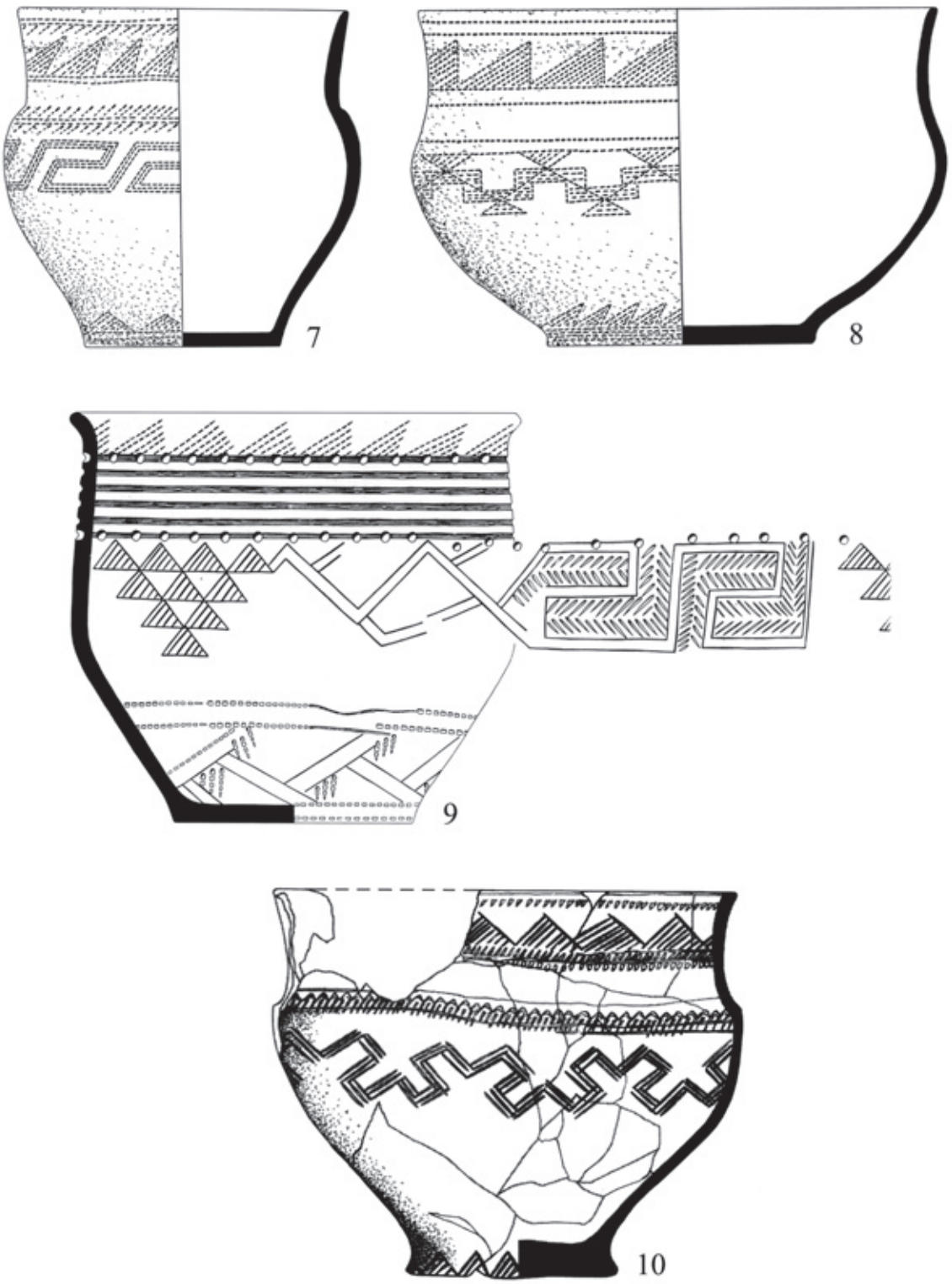


Табл. 231 (продолжение). 7, 8 - Лисаковский I; 9 - ЕК-II, м. 22, № 1; 10 - Ушкаттинский I.

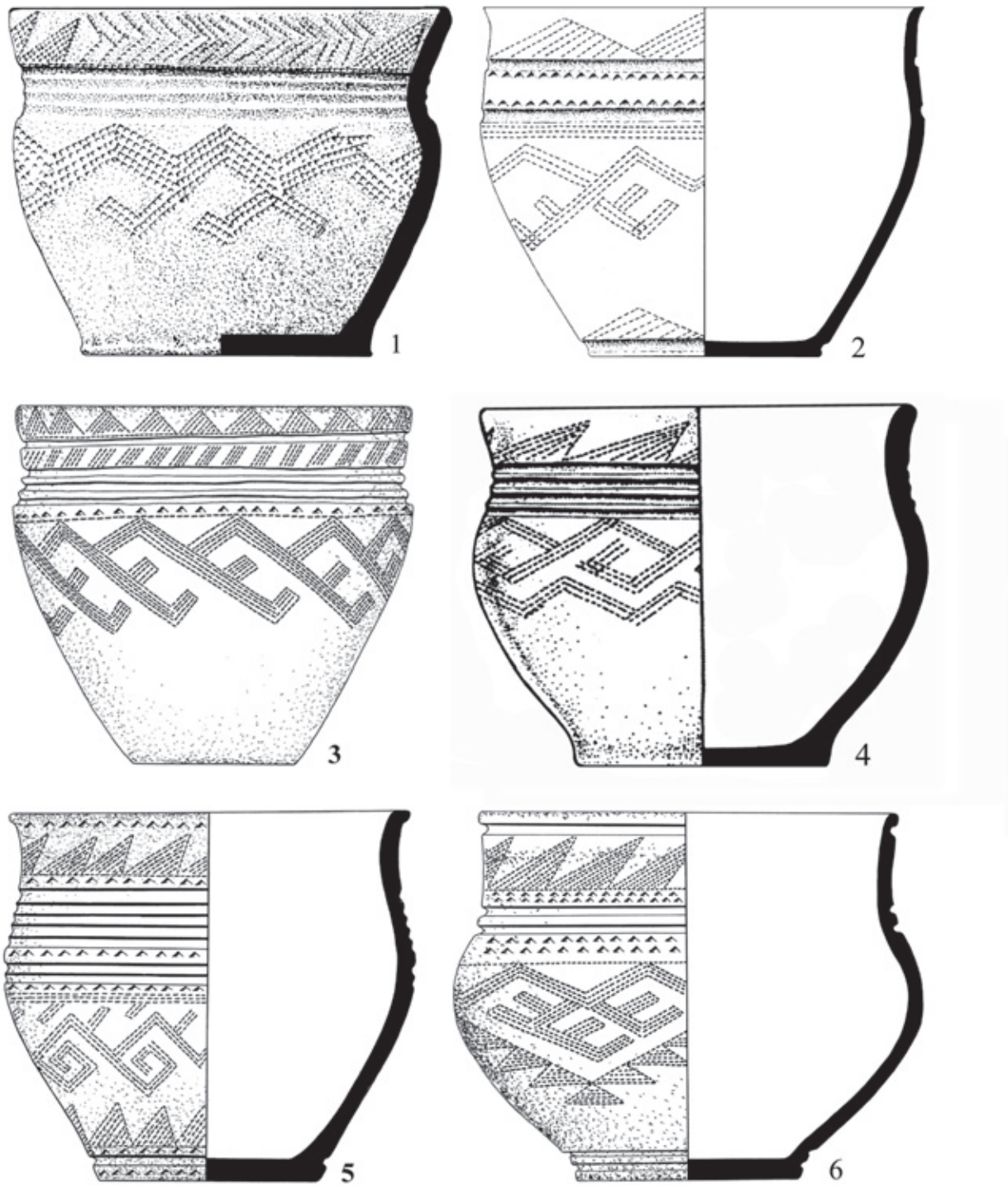


Табл. 232. 1 - Кытманово, м. 4; 2 - Кытманово, м. 34; 3 - Айшрак, огр. 11; 4 - Урефты I, к. IV, п. 1; 5 - Меновное-9, огр. 7, м.; 6 - Лисаковский I.

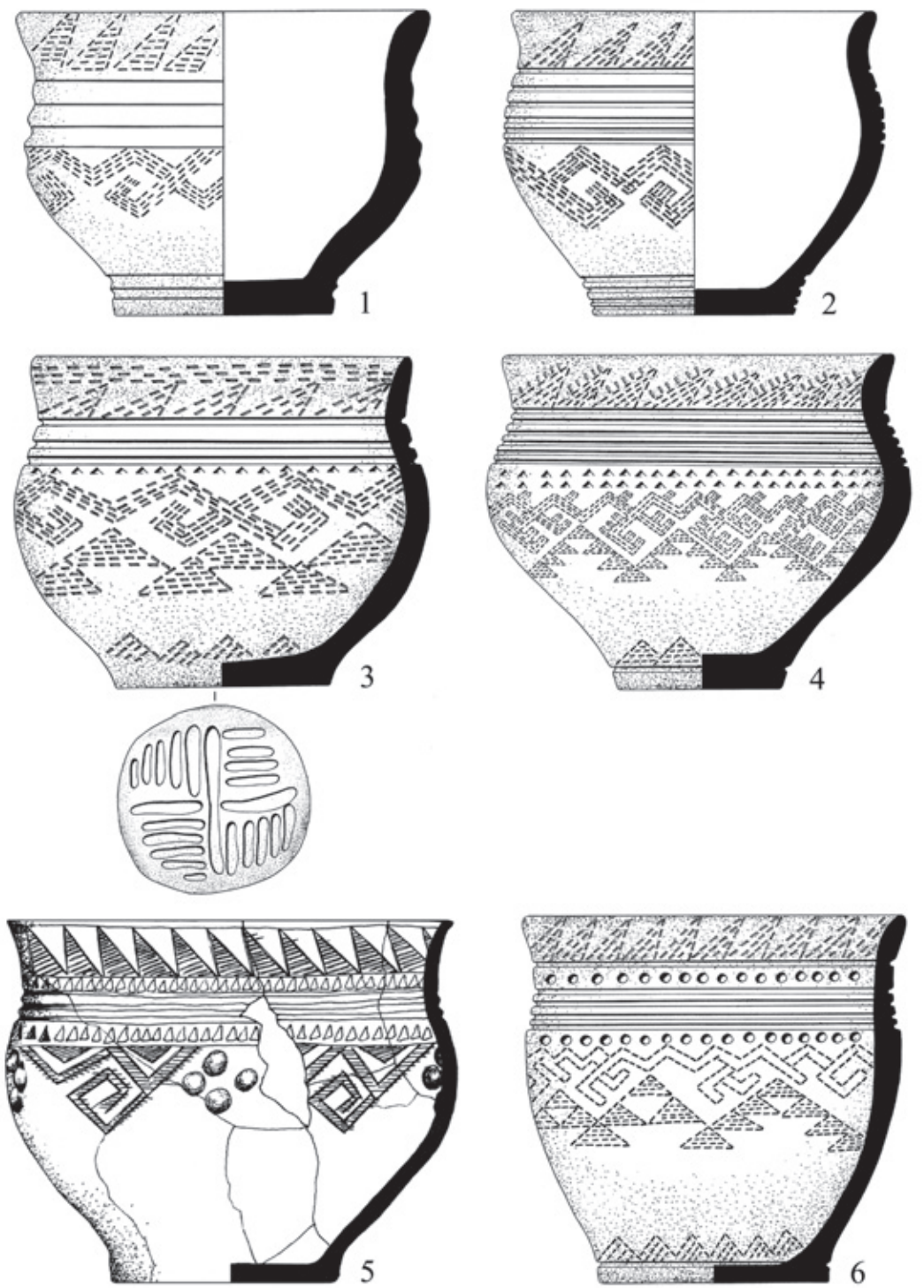


Табл. 233. 1 - Аксу-Аюлы, к. 2; 2 - Бугулы I; 3 - Сухомесовский; 4 - Бугулы I, огр. 4, яма 4; 5 - Ушкаттинский I; 6 - Орак, м. 15.

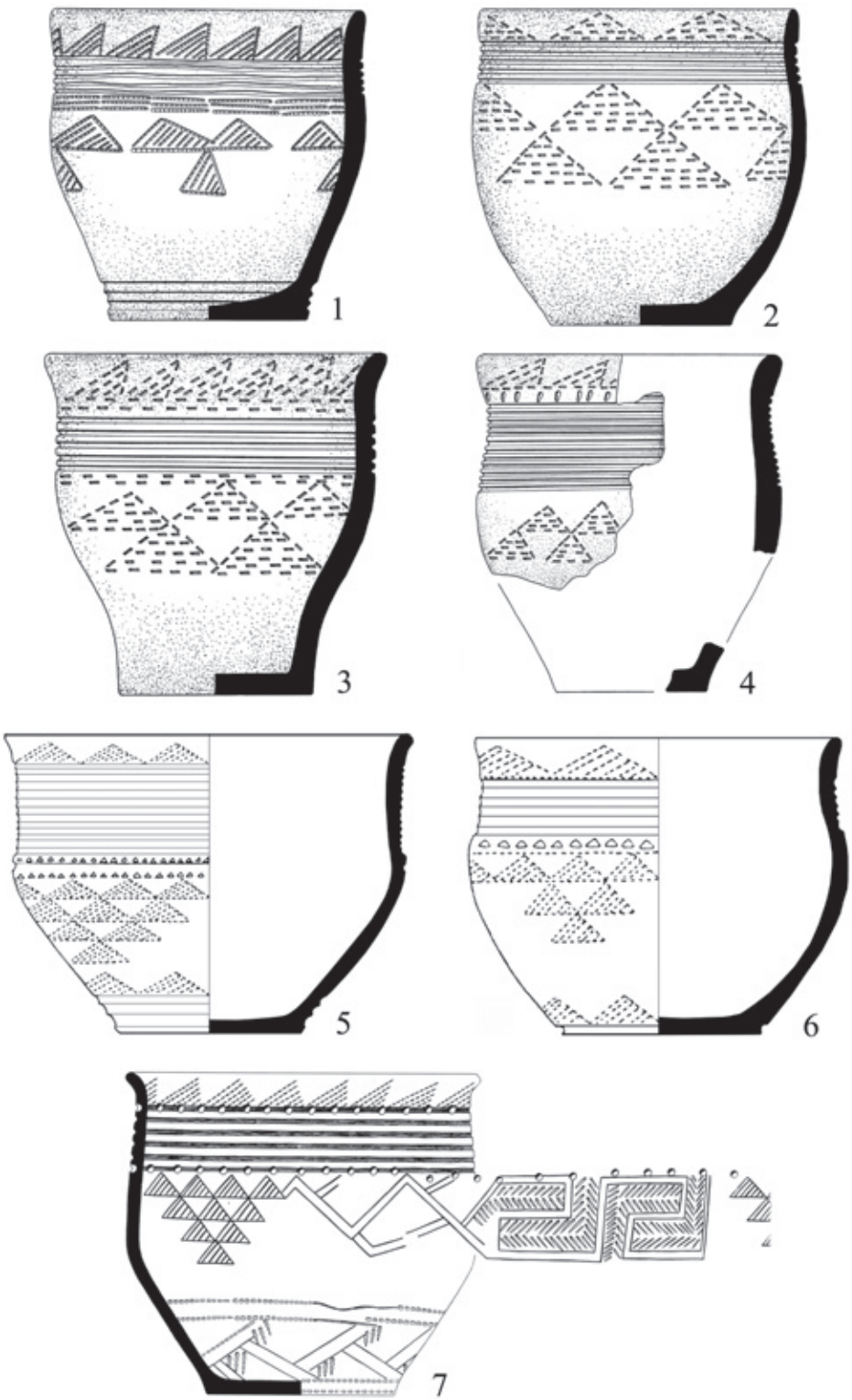


Табл. 234. 1 - Чекановский Лог-10; 2 - Танай I, к. 7, м. 4; 3 - Солёноозёрная I, м. 8; 4 - Боровое, огр. 6; 5 - Берёзовский, огр. 1; 6 - Берёзовский, огр. 7; 7 - ЕК-II, м. 22, № 1.

Табл. 235. 1 - Меновное-9, огр. 2, м.; 2 - Орак, м. 40; 3 - Дегтярёвка (Урский); 4 - Подтурино; 5 - Кадат IX, м. 3.

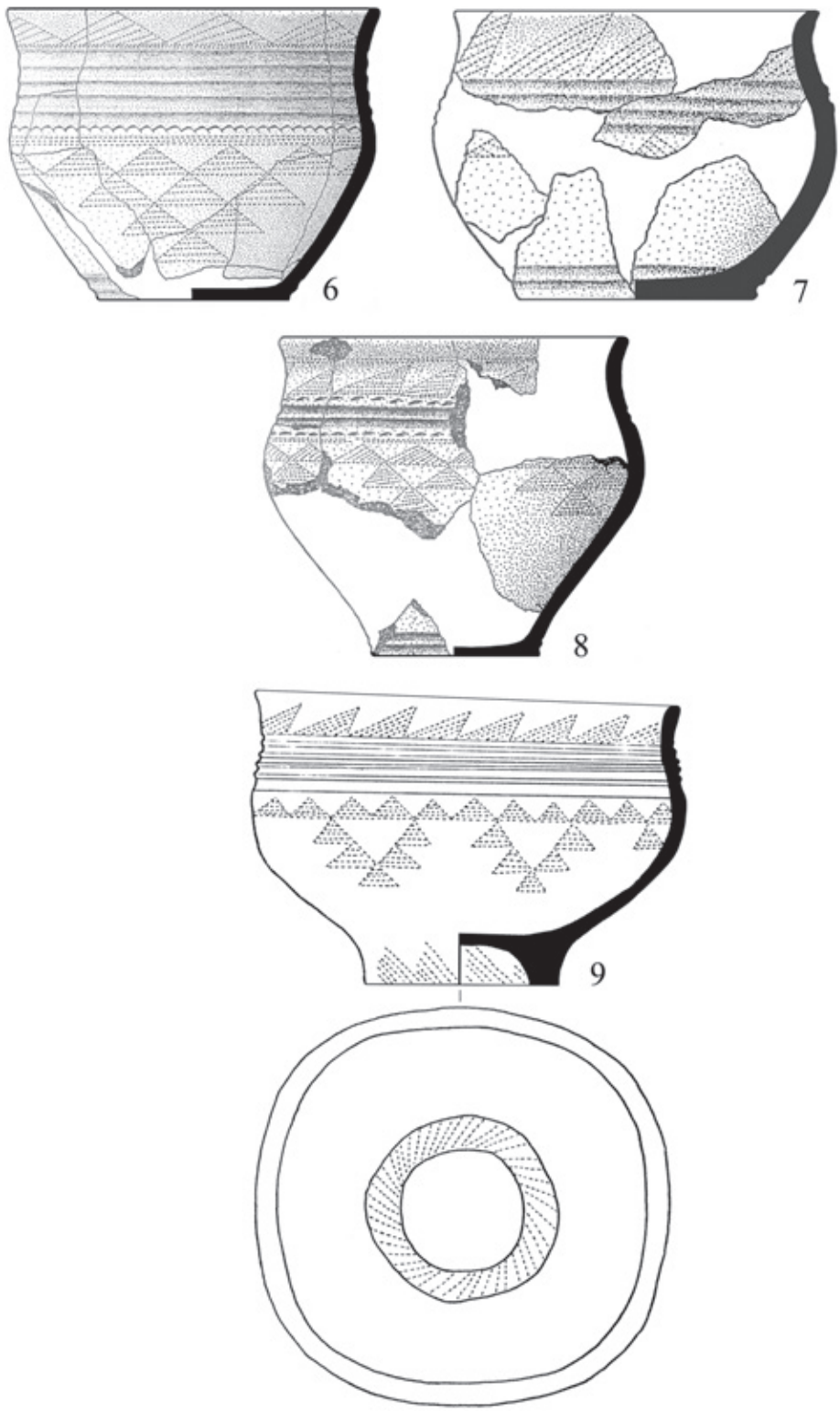


Табл. 235 (продолжение). 6 - Чудиновка-1, сос. 1, к. 1, м. 1; 7 - Чудиновка-1, сос. 1, к. 6, м. 1; 8 - Чудиновка-1, сос. 3, к. 7, м. 1; 9 - Старый Сад, к. 80, п. 1, с. 3.

Табл. 236. 1 - Рублёво VIII; 2 - Титово II, к. 5, м. 5; 3 - Подкунинский, к. 2, м.; 4 - Устье-Бири IV, м. 6; 5 - Рублёво VIII, м. 19; 6 - Чудиновка-1, сос. 2, к. 8, м. 1.

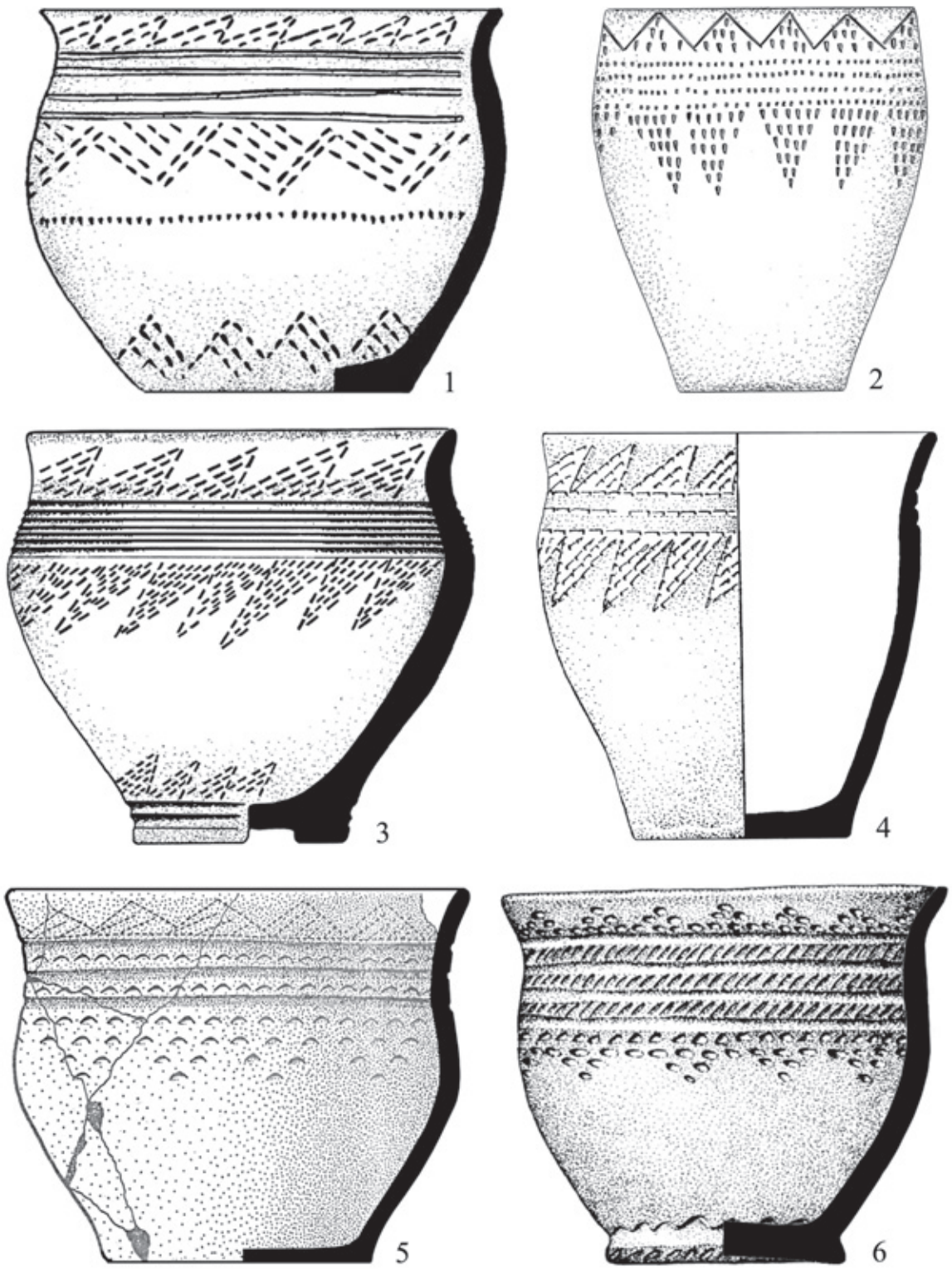


Табл. 237. 1 - Средняя база Беткудук, огр. 3, п.; 2 - Байбала I; 3 - Бугулы I; 4 - Кытманово, м. 6; 5 - Чудиновка-1, сос. 1, к. 7, м. 1; 6 - Тартас-1, захор. 358.

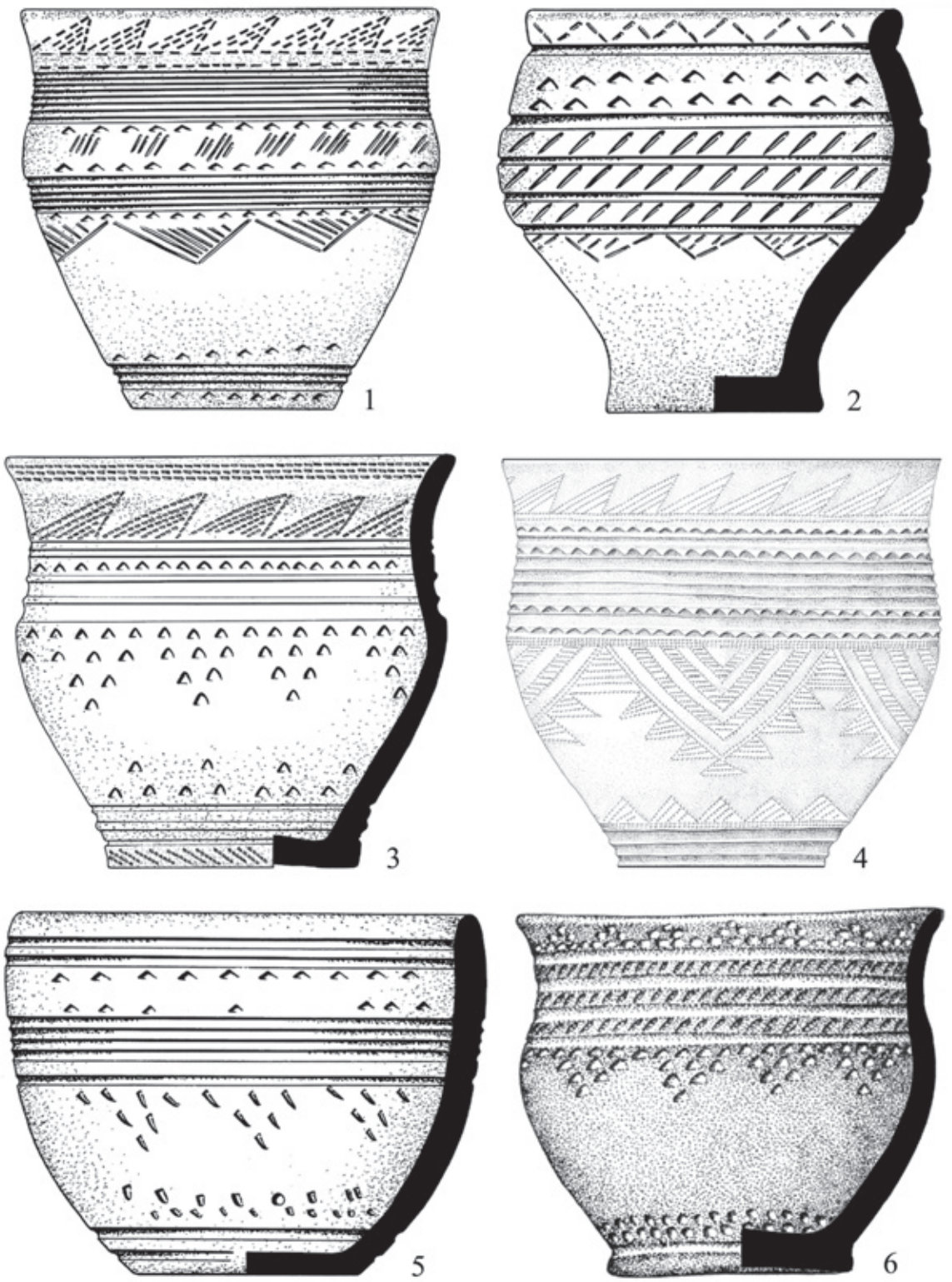


Табл. 238. 1 - Вахрушево, к. 6, м. 1; 2 - Бурлук I, огр. 7; 3 - Старый Тартас-4, гр. п. 1; 4 - Кытманово, м. 23; 5 - Вахрушево, к. 7, м. 1; 6 - Тартас-1, захор. 358.

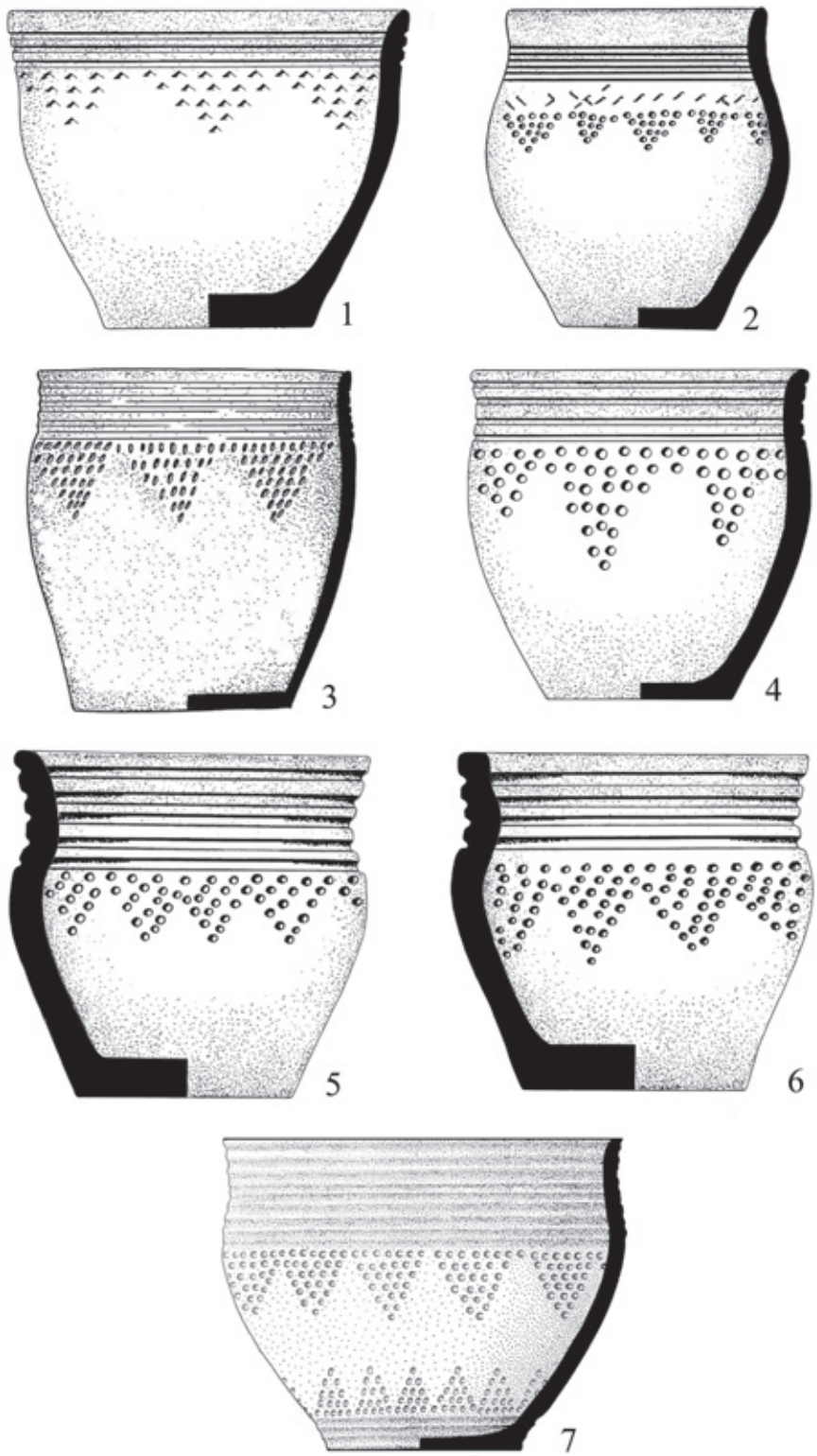


Табл. 239. 1 - Преображенка III, к. 91, п. 2; 2 - Сангру II, огр. Б; 3 - Заречное I; 4-6 - Урский, к. 1, м. 3; 7 - Чудиновка-1, сос. 3, к. 3, м. 1.

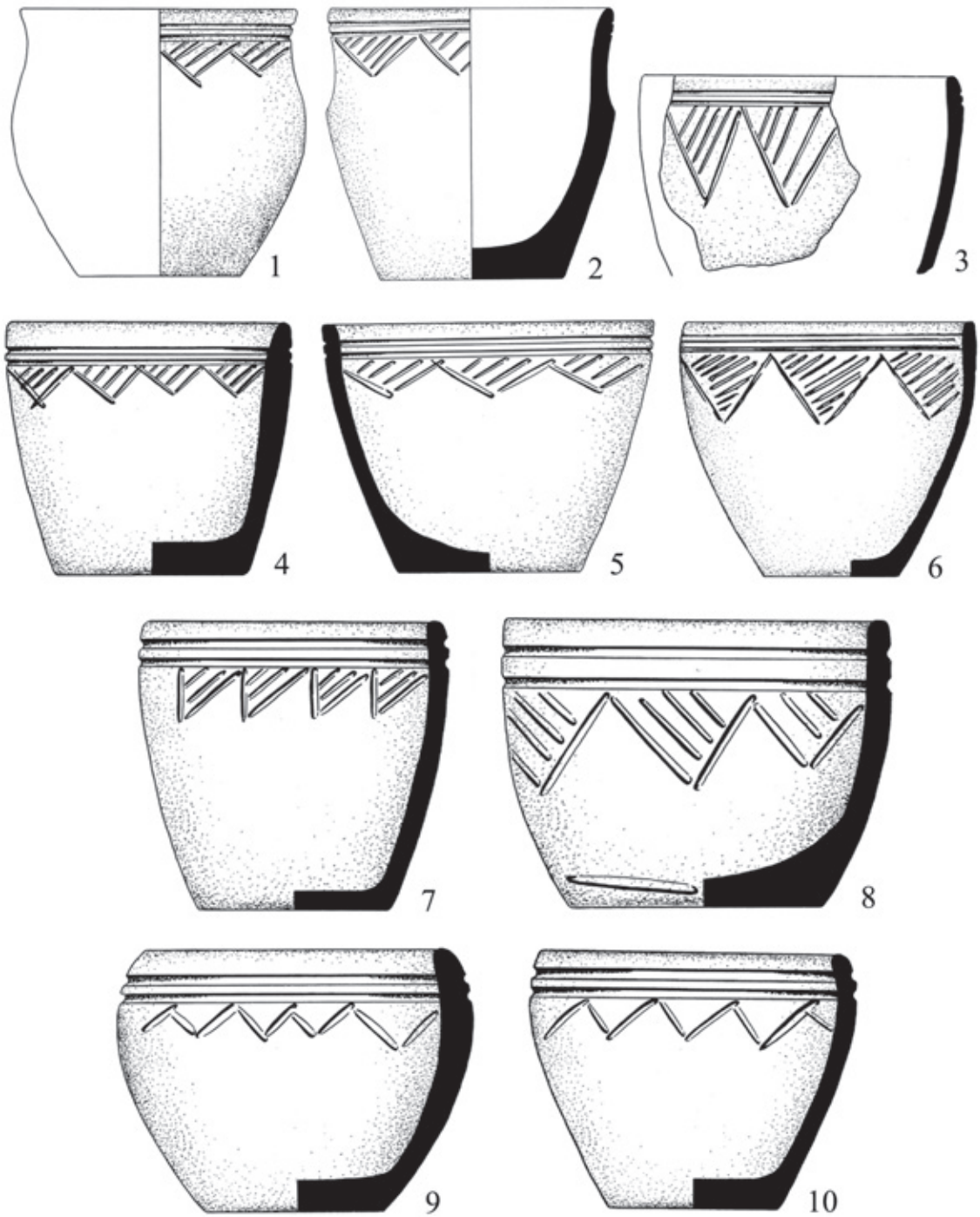


Табл. 240. 1, 2, 5 - Ижевский I; 3 - Шет III; 4 - Шет I, огр. 3; 6 - Жаман-Узен, огр. 2, п. 2; 7-10 - Шет I, огр. 1.

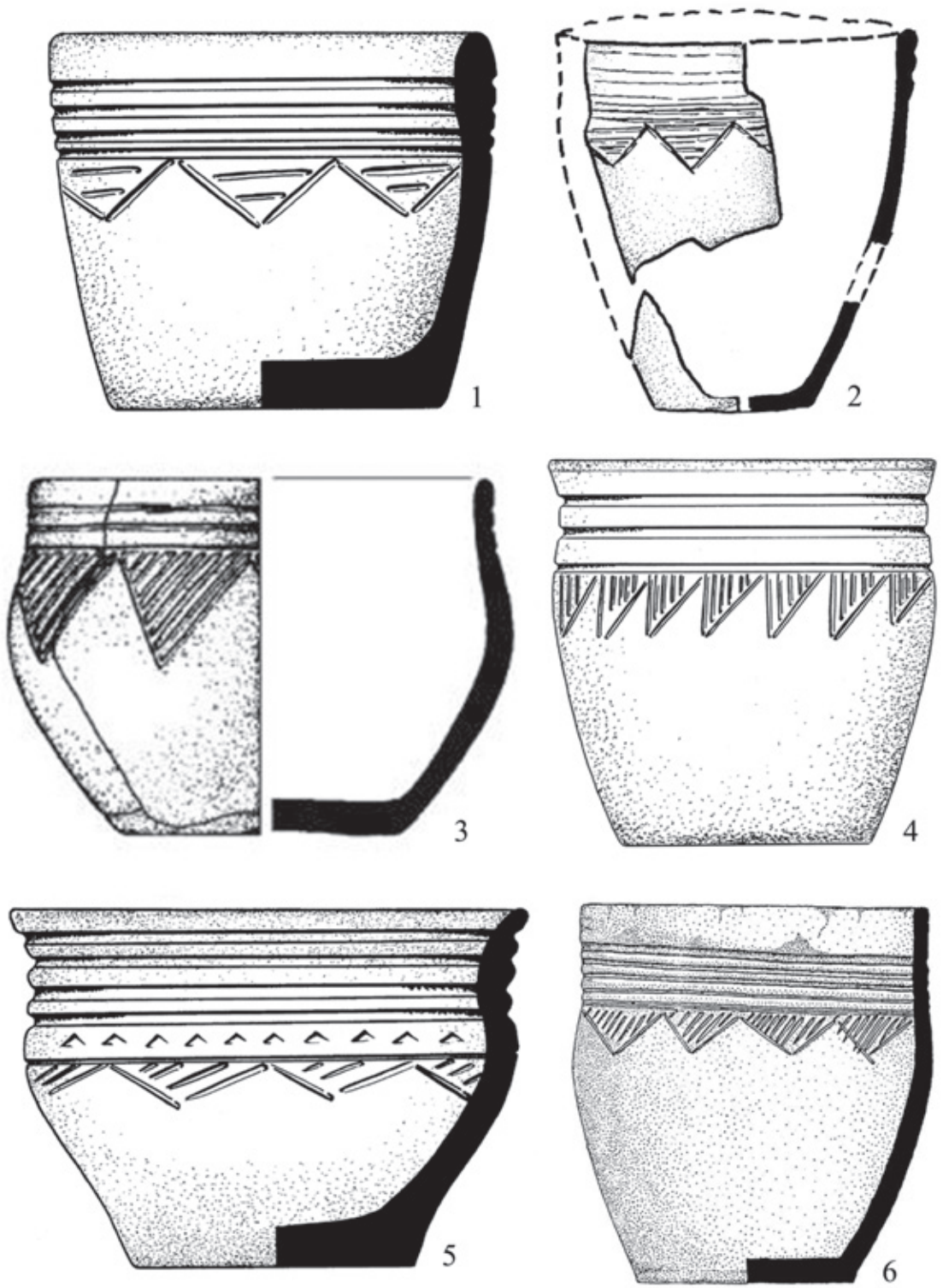


Табл. 241. 1 - Змеевка; 2 - Аксу-Аюлы, огр. 2; 3 - Устье-Бири IV, сборы; 4 - Малый Койтас, м. 8; 5 - Койшокы II, огр. 4; 6 - Мехток.

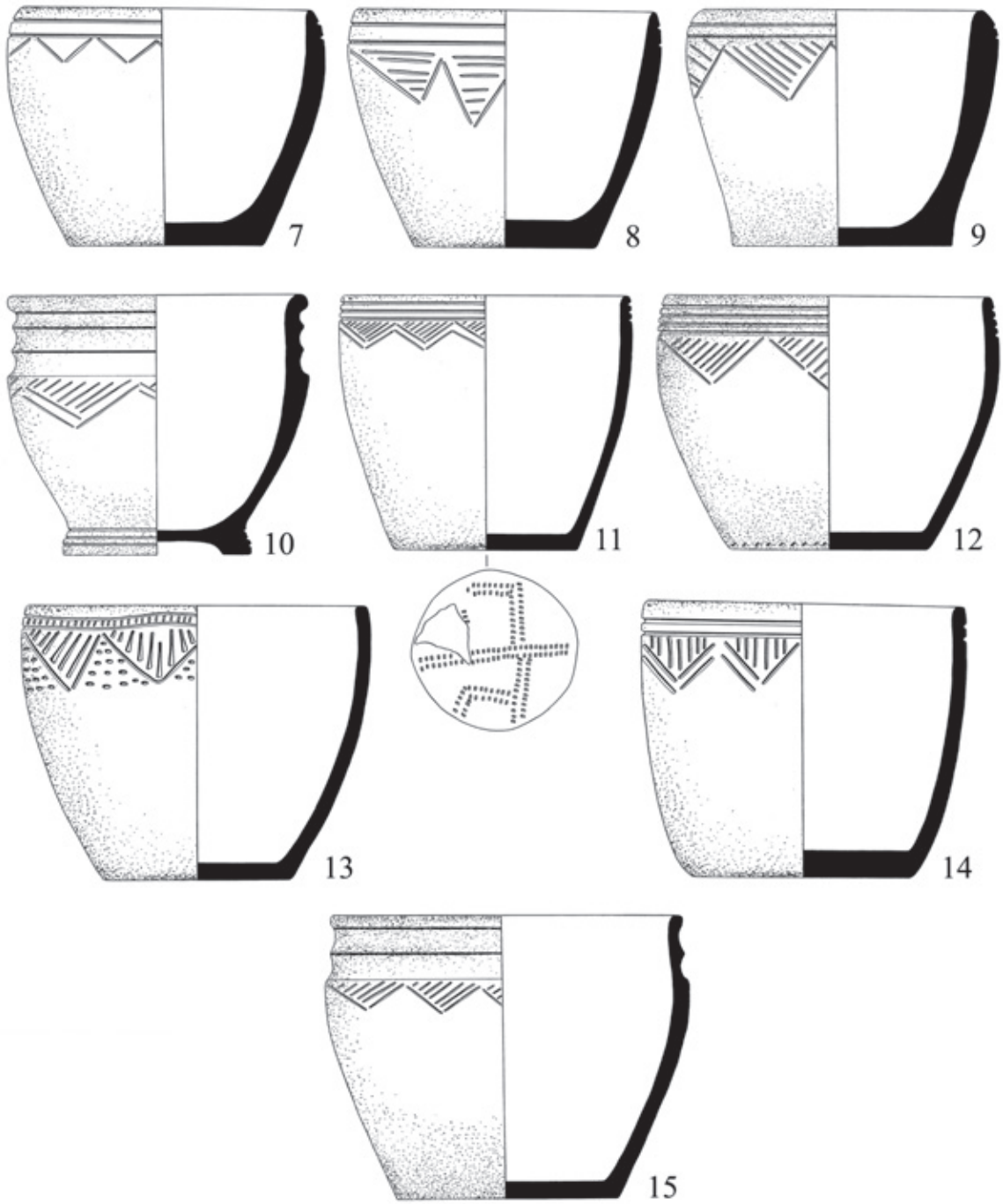


Табл. 241 (продолжение). 7 - Шапат, м. 9; 8 - Шапат, м. 10; 9 - Бозенген, к. 5а, м. 1; 10 - Бозенген, к. 8, м. 11; 11-15 - Ташик.

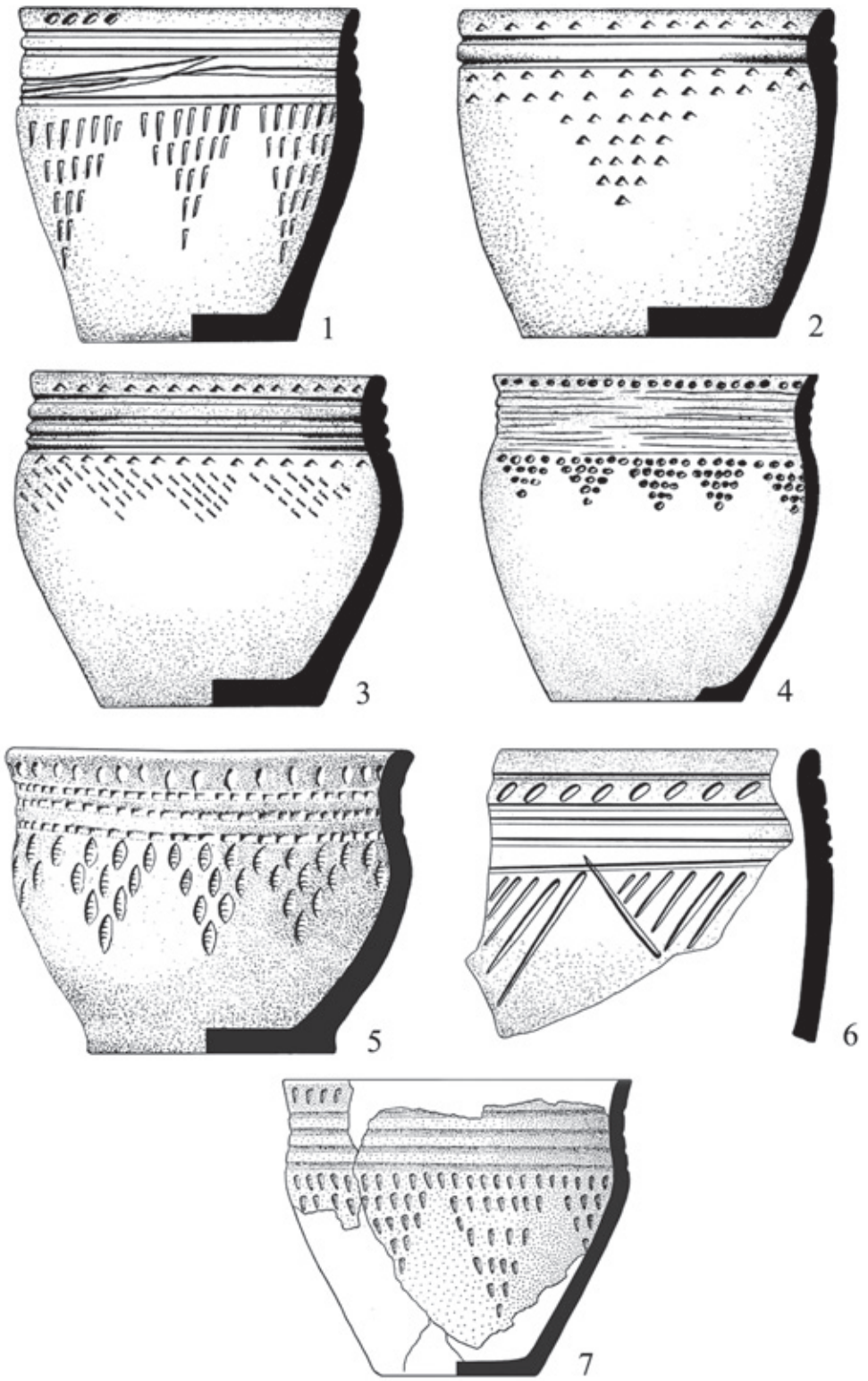


Табл. 242. 1 - Урский, к. 15, м. 1; 2 - Усть-Ерба, м. 1; 3 - Сухомесовский, к. 6; 4 - Урский, к. 1, м. 3; 5 - Кытманово; 6 - Шет II, огр. 2; 7 - Чудиновка-1, сос. 1, к. 22, м. 1.

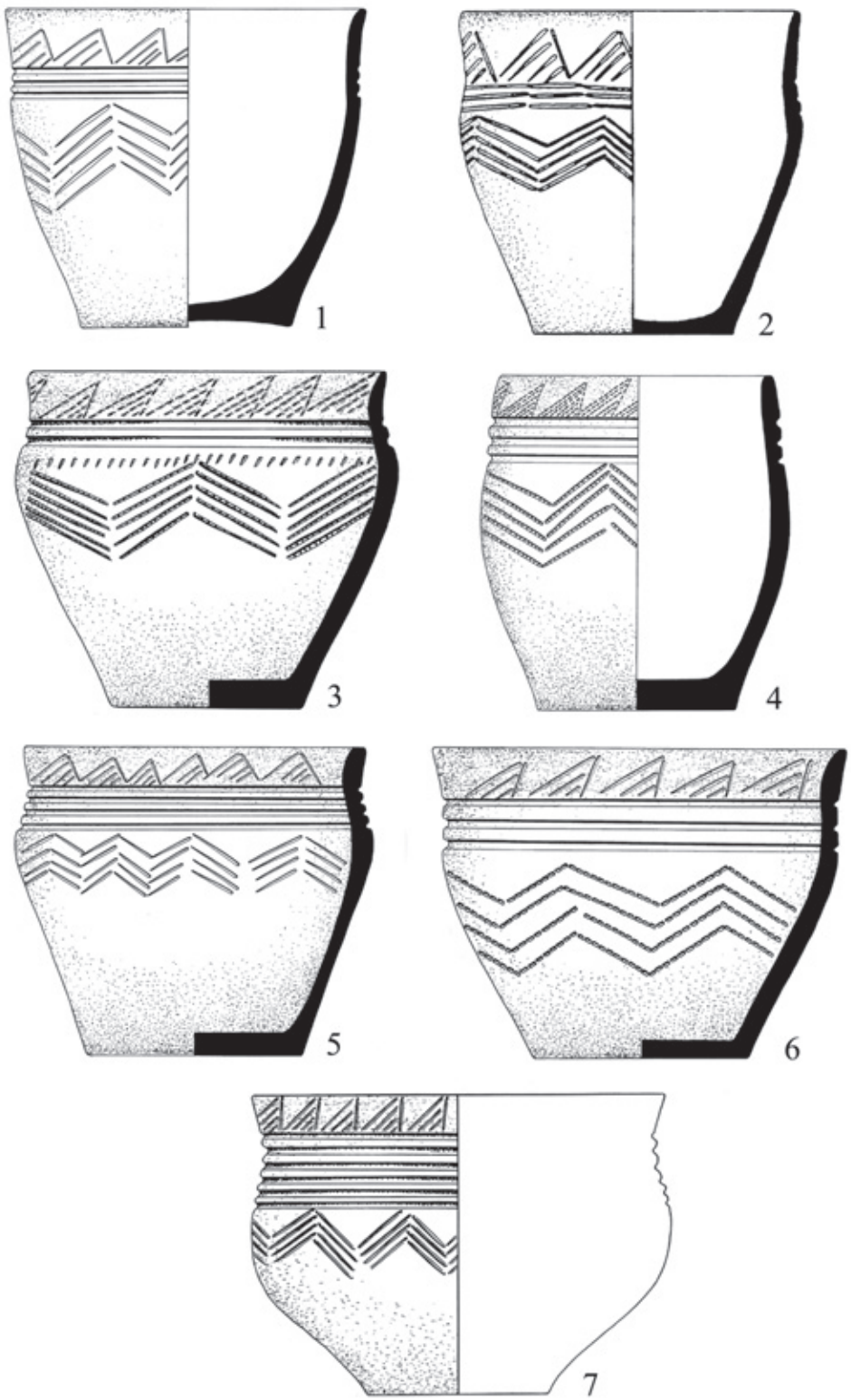


Табл. 243. 1, 2, 4 - Чекановский Лог-10; 3 - Быково IV, м. 4; 5, 6 - Солёноозёрная I, м. 15; 7 - Айшрак Б, кур-огр. II.

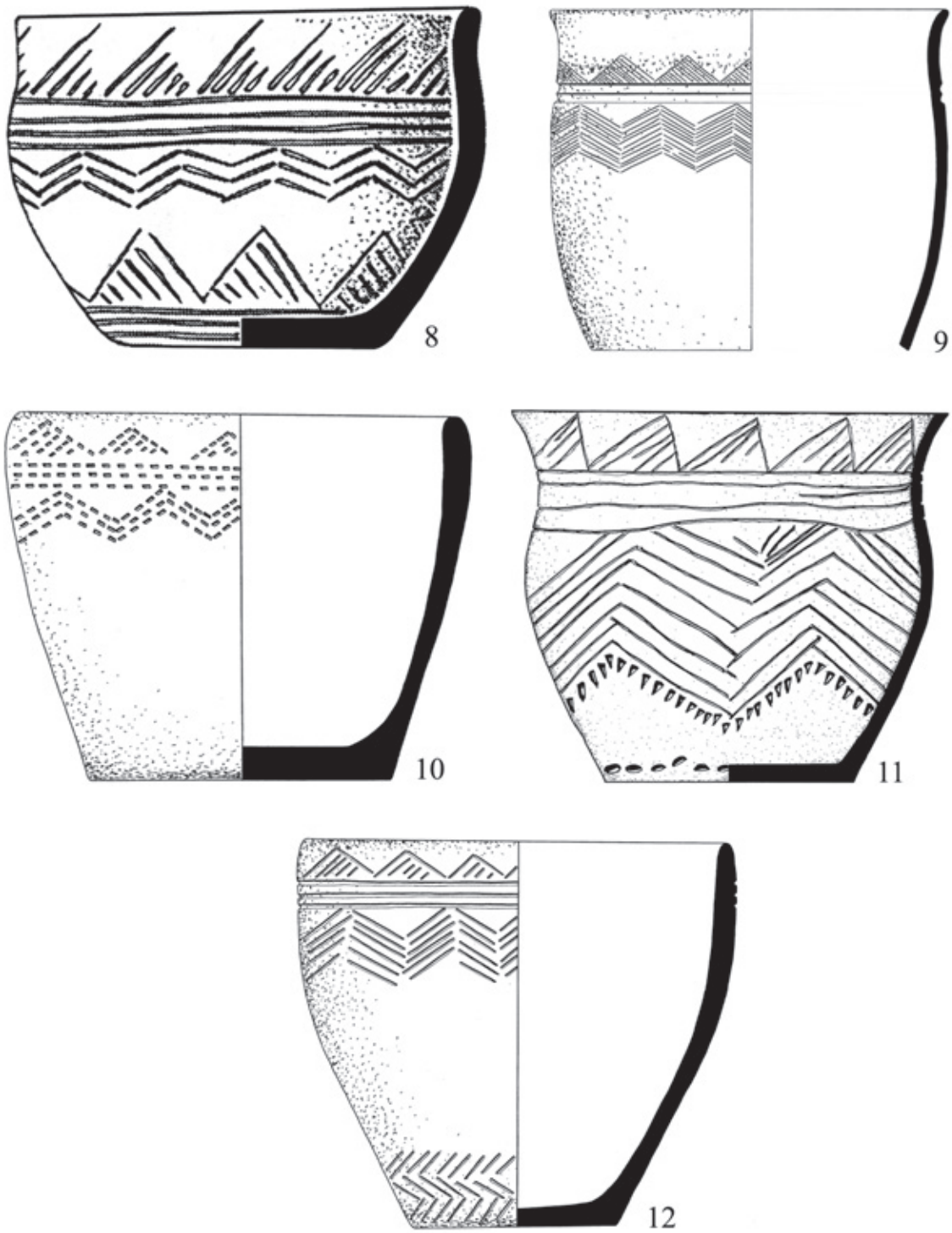


Табл. 243 (продолжение). 8 - Урефты I, яма кв. Д-8; 9 - Мичурино I; 10 - Актобе I, огр. 2, м. 3; 11 - Танай XII; 12 - Балыкты, огр. 3, жерт. 1.

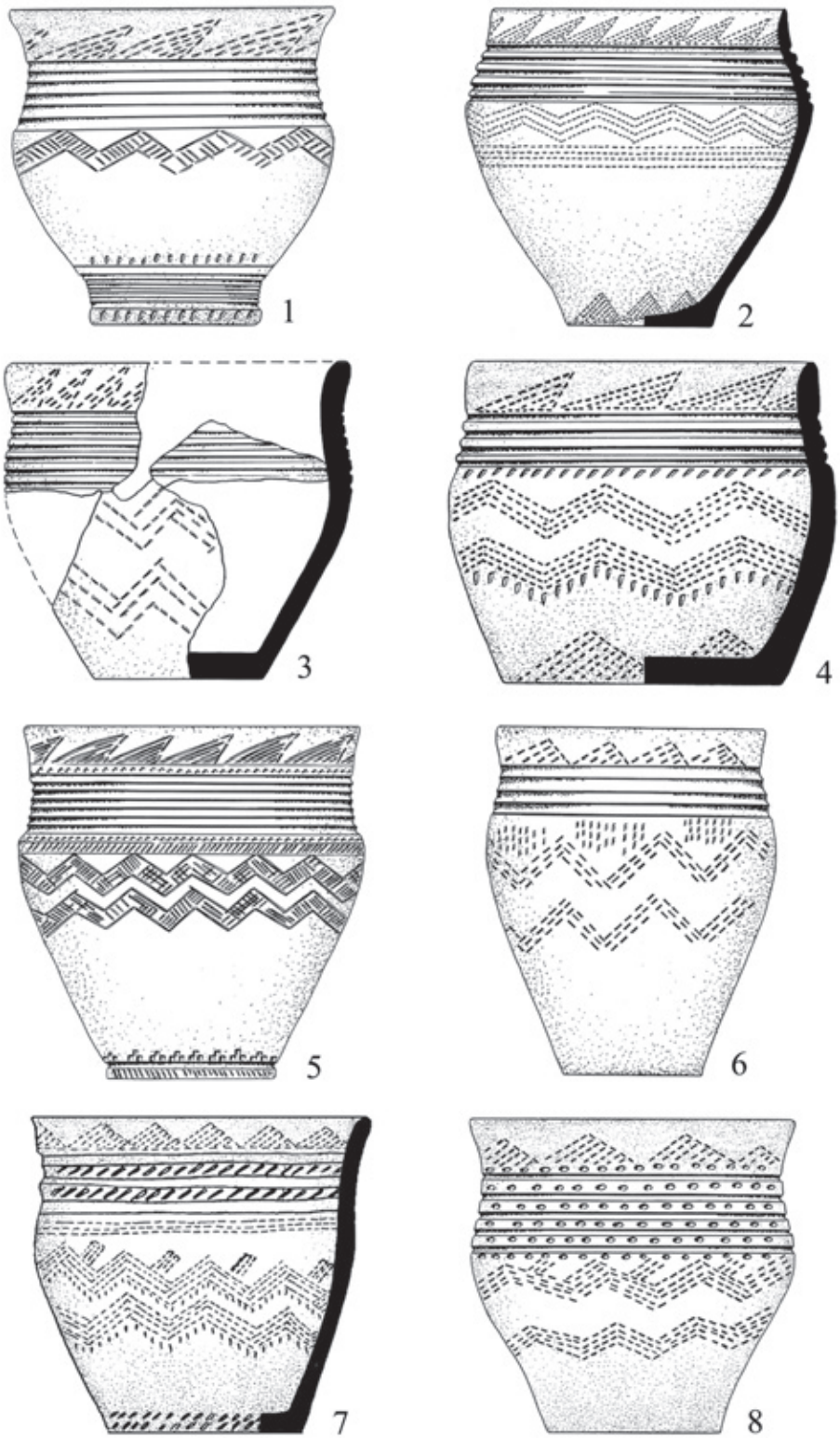


Табл. 244. 1 - Старый Тартас-4, к. 15, м. 17; 2 - БЕ-XVI, сбор; 3 - Солёноозёрная I, м. 31; 4 - БЕ-XVI, м. 8; 5 - Старый Тартас-4, к. 15, м. 18; 6 - Иконниково; 7 - Урский, к. 6; 8 - Красный Яр, к. 1 (?).

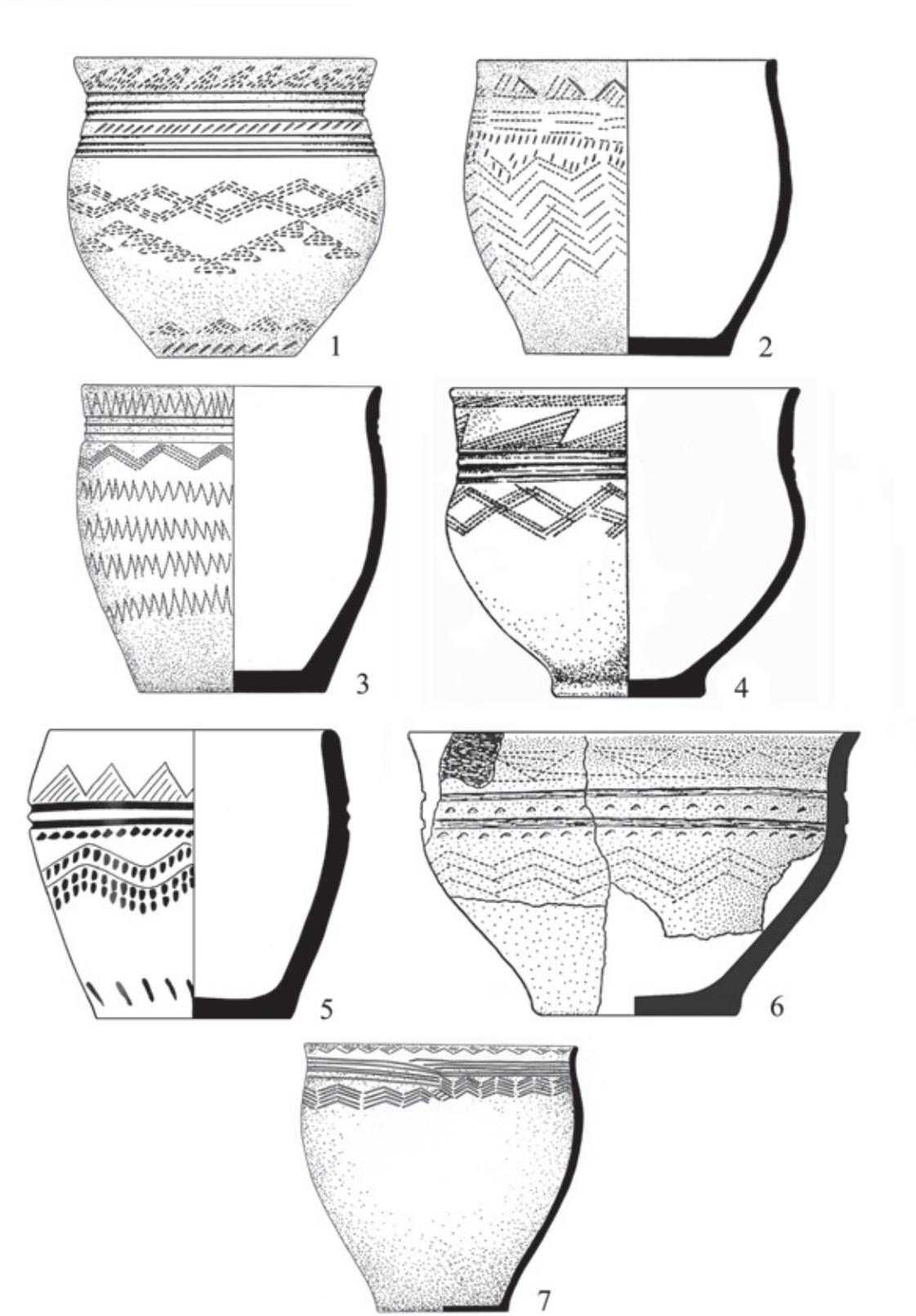


Табл. 245. 1 - Боровое, огр. 10, м. 2; 2 - Берёзка I (?); 3 - Чекановский Лог-10; 4 - Урефты I, к. 8, п.; 5 - Фирсово XIV, кв. 32; 6 - Чудиновка-1, сос. 2, к. 10, м. 1; 7 - Ташик.

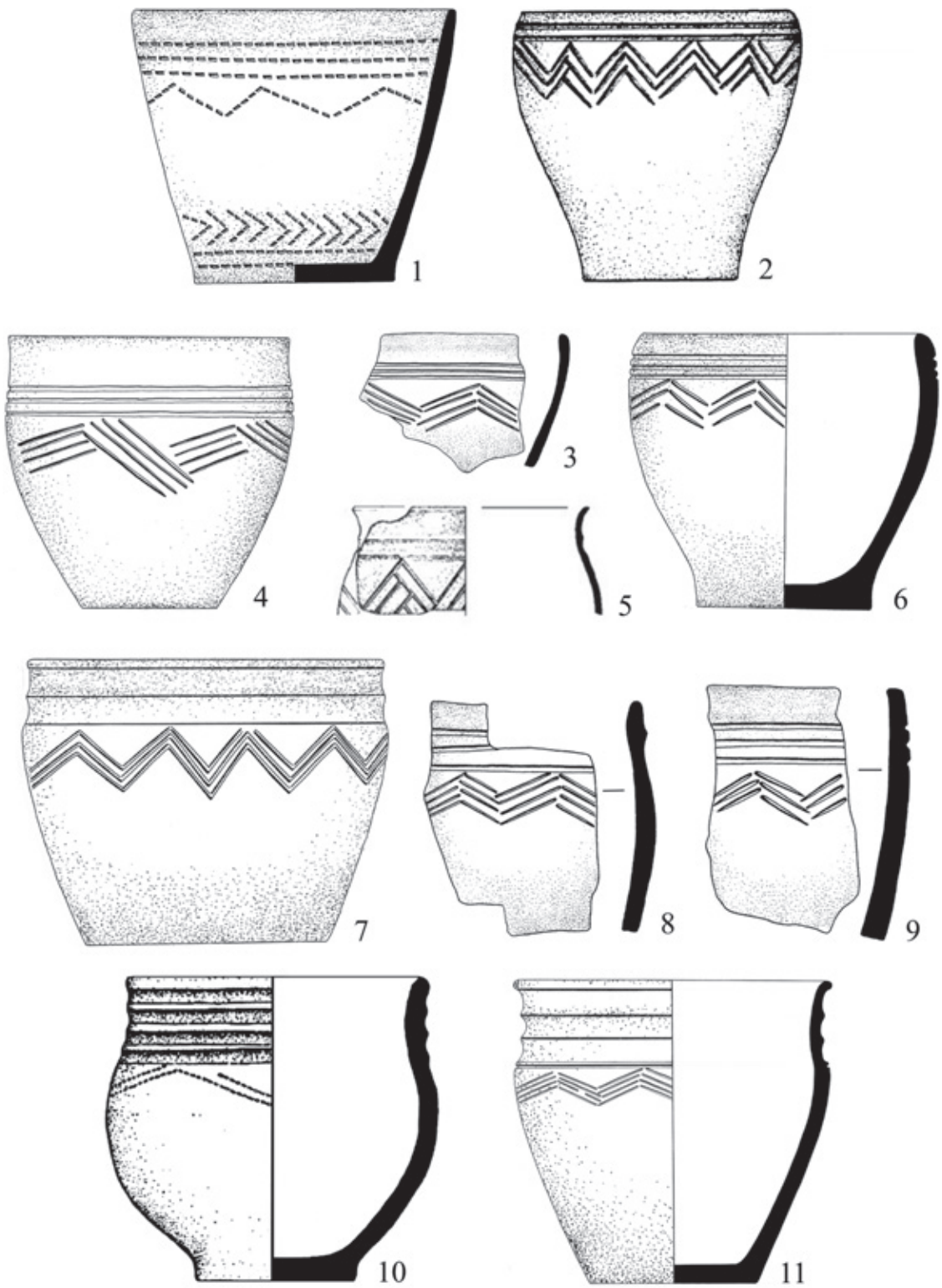


Табл. 246. 1 - Заречное I; 2 - Мыржик III; 3 - Атасу I; 4 - Лисаковский I, раск. VIII, к. 1, м. 7; 5 - Устье-Бири IV, м. 21; 6 - Меновное-9, к. 8, огр. Г, м.; 7 - Тамгалы I, огр. 1, ящ. 7; 8 - Аксу-Аюлы, огр. 2; 9 - Балыкты; 10 - Большеказакбаевский 2, к. 19, яма 2; 11 - Мичурино I.

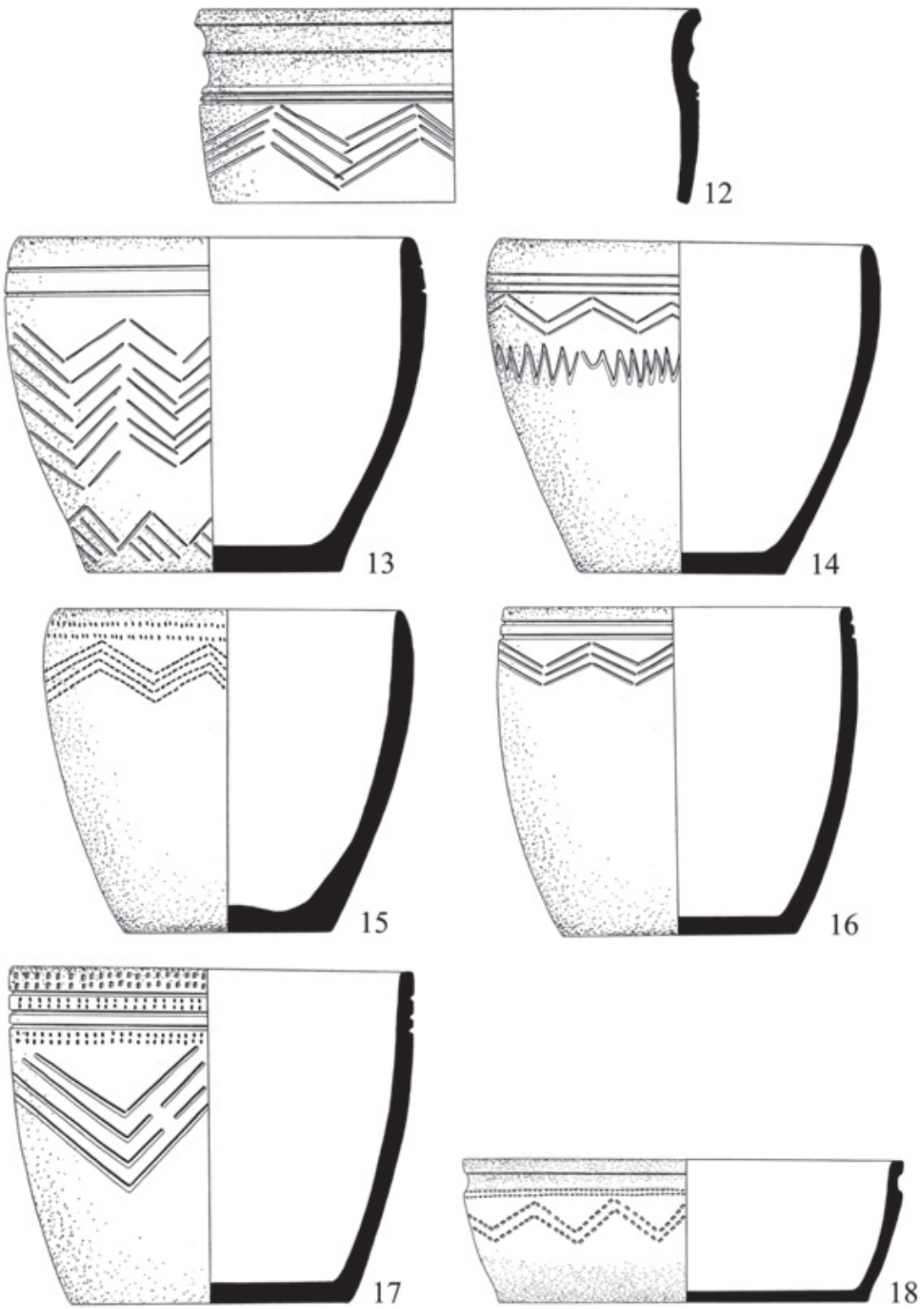


Табл. 246 (продолжение). 12 - Икпень I, м. 20; 13 - Нуртай, к. 15, м. 1; 14 - Нуртай, огр. 22в, м. 1; 15 - Бозенген, к. 5б, жерт.; 16-18 - Ташик.

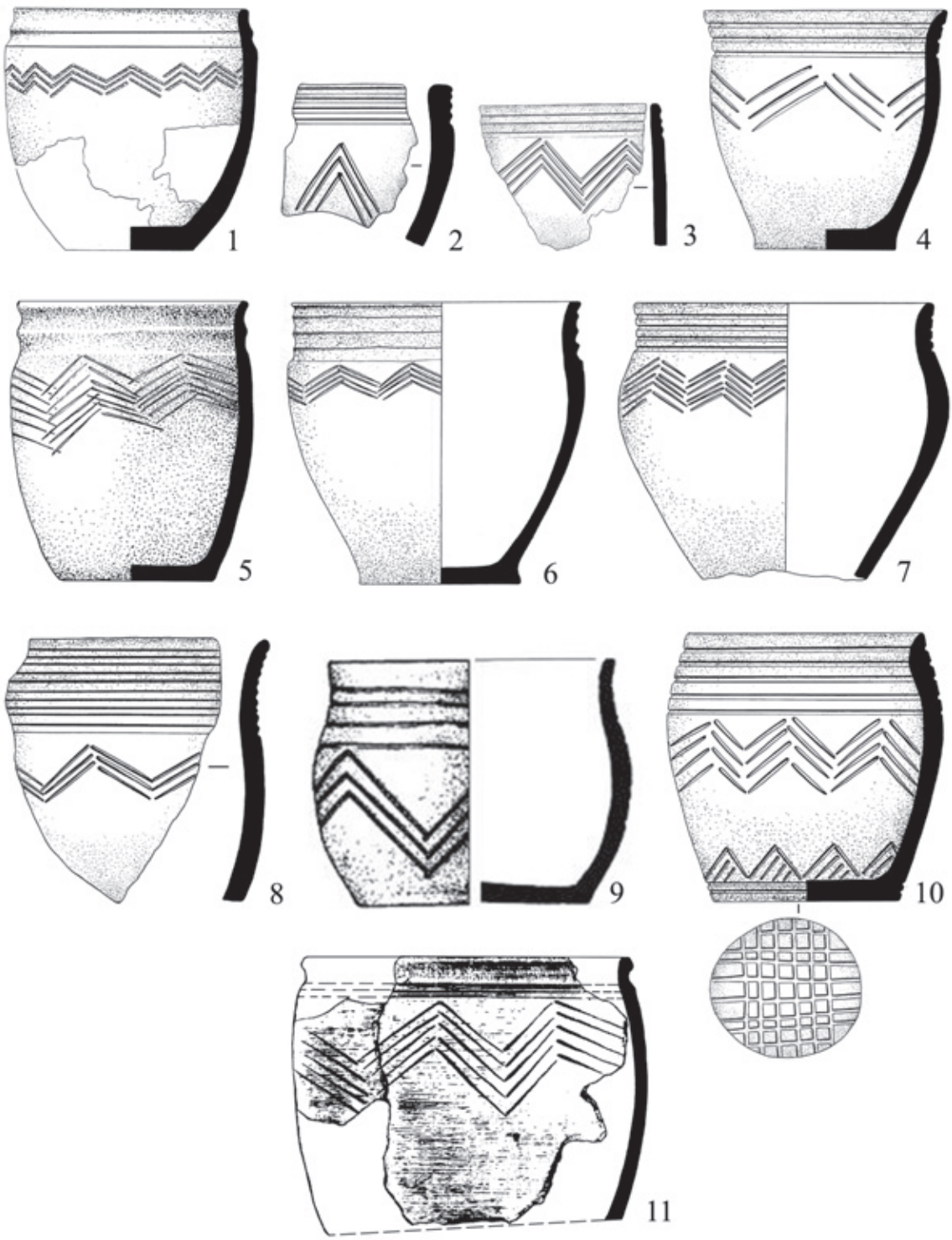


Табл. 247. 1, 3 - Тамгалы I, огр. 1, ящ. 5; 2, 10 - Шет II, огр. 2; 4 - Средняя база Беткудук, огр. 39, ящ. 1; 5 - Кытманово, сборы; 6 - Самара, к. 4, м. 2; 7 - Тасырбай II, огр. 3; 8 - Жиланды, огр. 7, п. 3; 9 - Устье-Бири IV, сборы; 11 - Аяпперген (Аяпберген), кур.-огр.

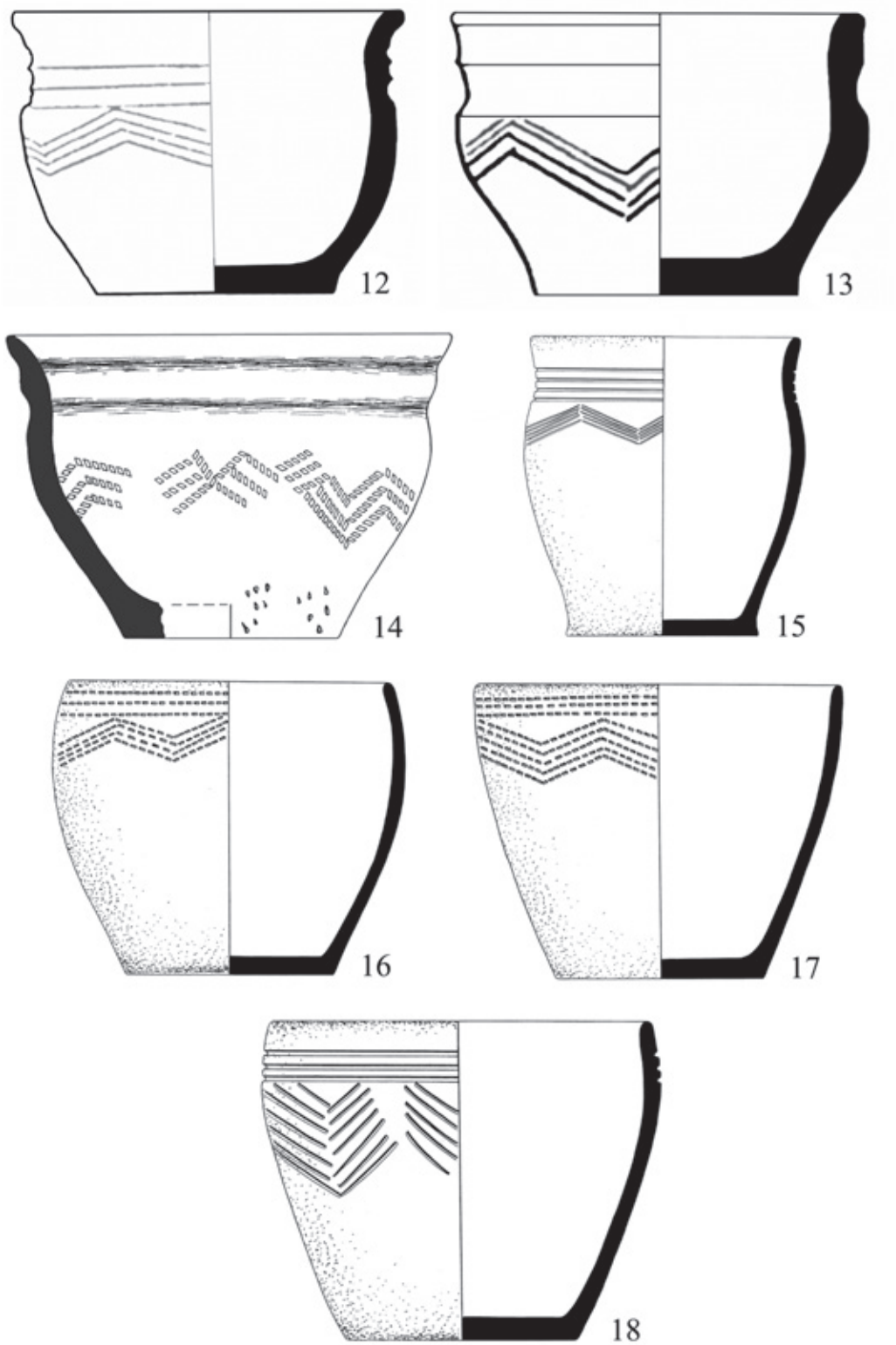


Табл. 247 (продолжение). 12 - Маринка, м. 12; 13 - Маринка, м. 19; 14 - ЕК-II, м. 53, № 1; 15-18 - Ташик.

Табл. 248. 1 - Преображенка III, п. 18; 2 - Преображенка III, п. 6; 3 - без точного местонахождения; 4 - Устье-Бири IV, м. 19; 5 - Сангру II, огр. В; 6 - Смолино, к. 7, п. 2, 1908 г.; 7 - Фёдоровский, к. 42; 8 - Тамгалы I, огр. 3; 9 - Мичурино I; 10 - Звенигородка, огр. 8, жерт. 4; 11 - Звенигородка, огр. 2, жерт. 3; 12 - Актобе I, огр. 3, м. 2.

Табл. 249. 1, 4 - Тамгалы I, огр. 2; 2 - БЕ-XIV, м. 19; 3 - Тамгалы I; 5 - Малое Карасу, сев. ящ.; 6 - Вахрушево, к. 7, м. 2; 7 - Рублёво VIII; 8 - Чудиновка-1, сос. 3, к. 8, м. 1; 9 - ЕК-II, м. 254, № 1.

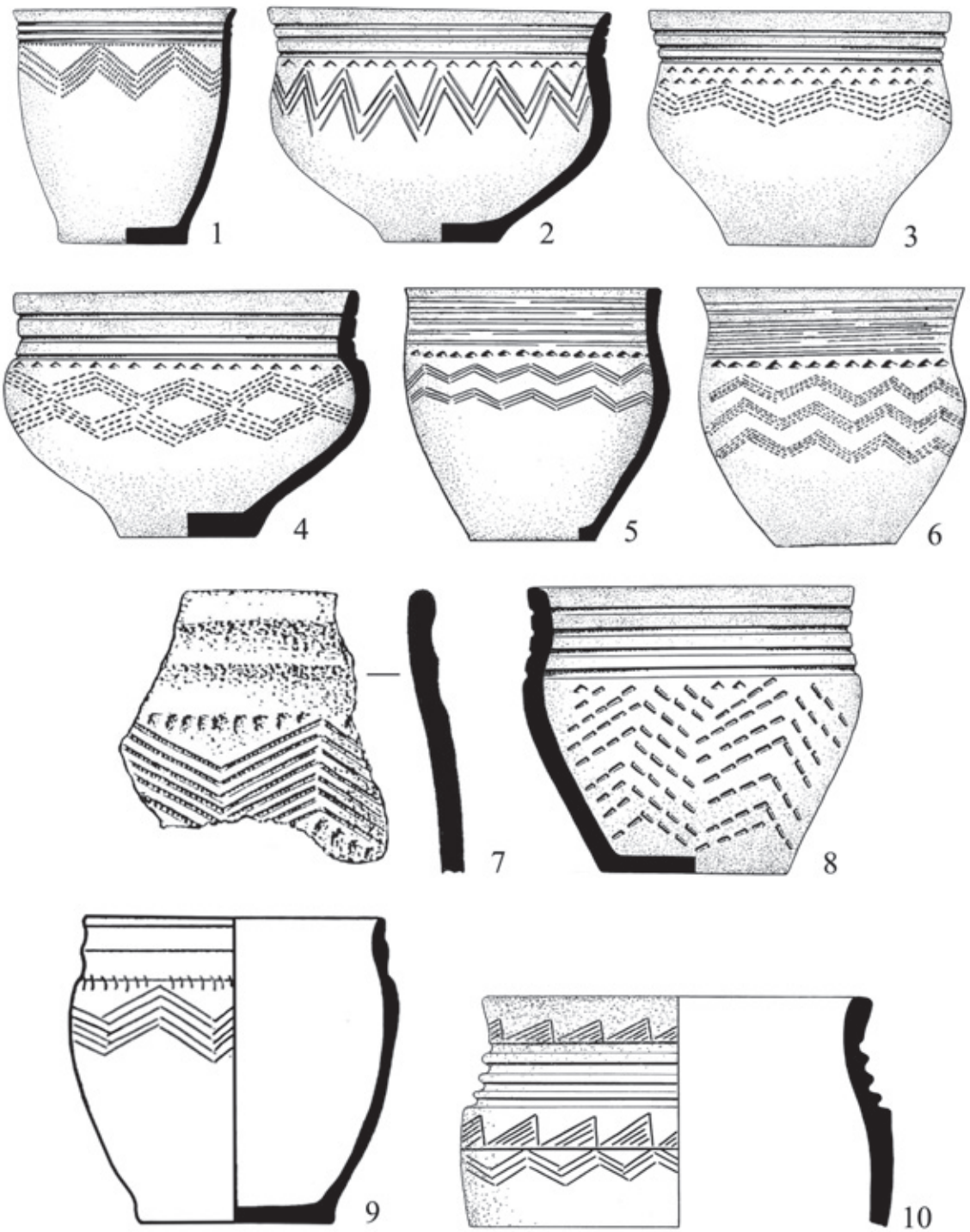


Табл. 250. 1 - Чесноково I; 2 - Егизек II, огр. 2; 3, 4 - Егизек I, огр. 23; 5 - Урский, к. 13, м. 1; 6 - Андроново, м. 3; 7 - Гилёво VI; 8 - Урский, к. 1, м. 3;9 - Маринка, м. 1; 10 - Икпень I, мог. 2.

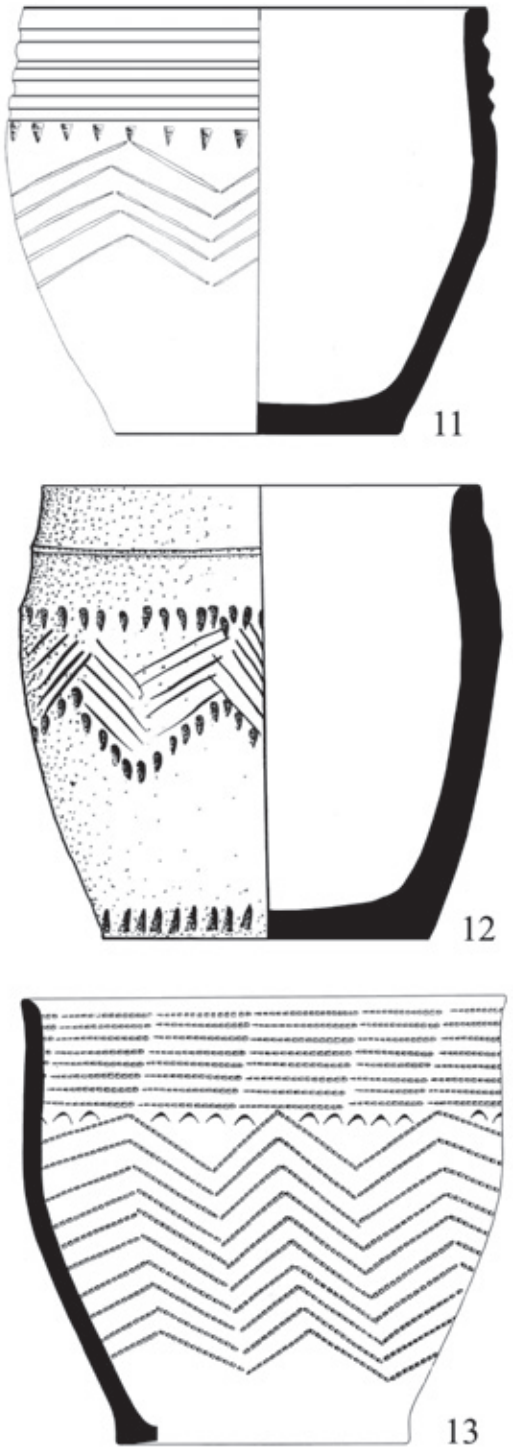


Табл. 250 (продолжение). 11 - Фирсово XIV, кв. 12; 12 - Фирсово XIV, м. 156; 13 - ЕК-II, м. 233, № 1.

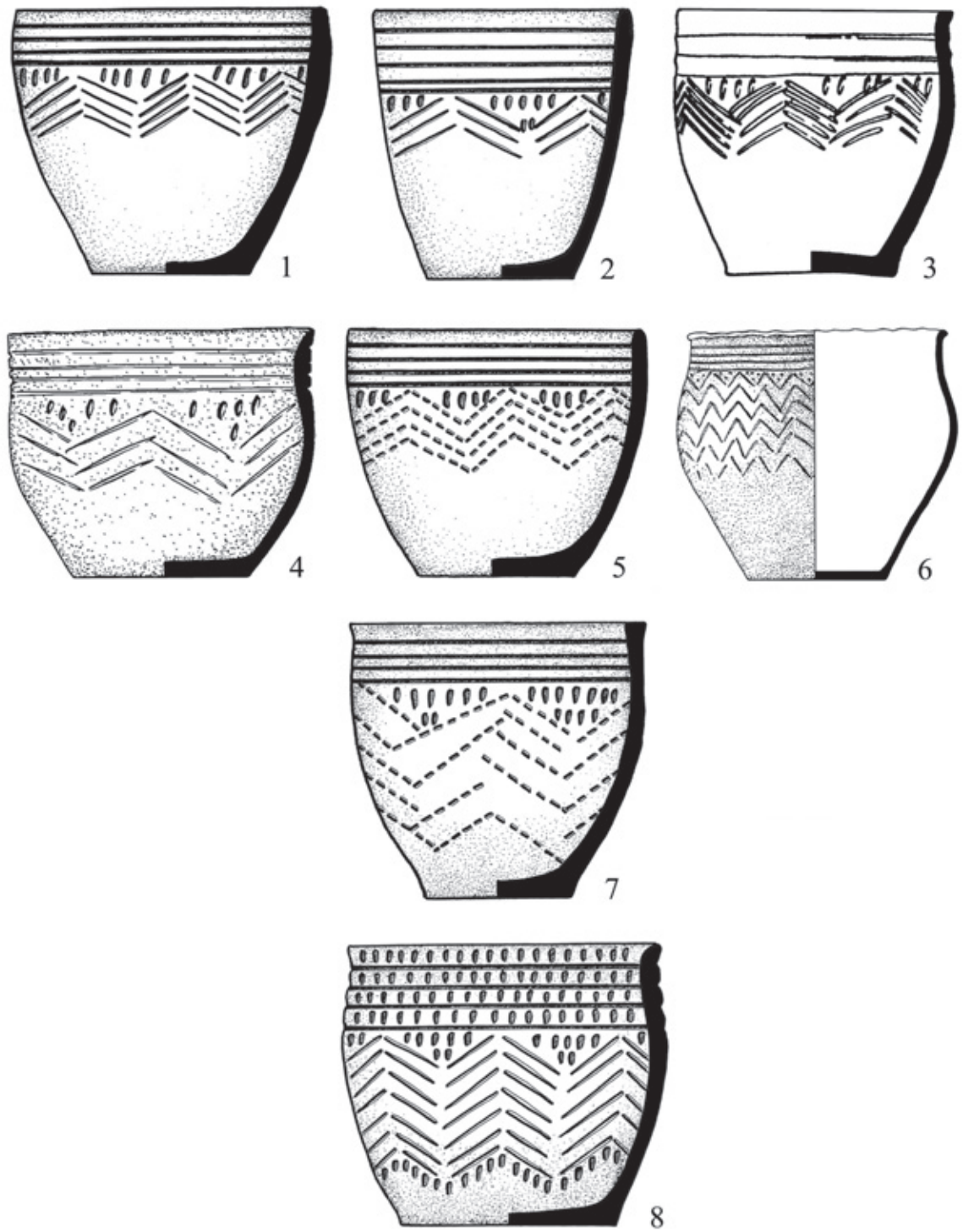


Табл. 251. 1 - Ярки II, м. 6; 2 - Юрт-Акбалык II, к. 2; 3 - Ярки II, м. 10; 4 - Заречное I; 5 – Ярки; 6 - Кытманово, м. 16; 7 - Преображенка III, п. 14; 8 - Орак, м. 35.

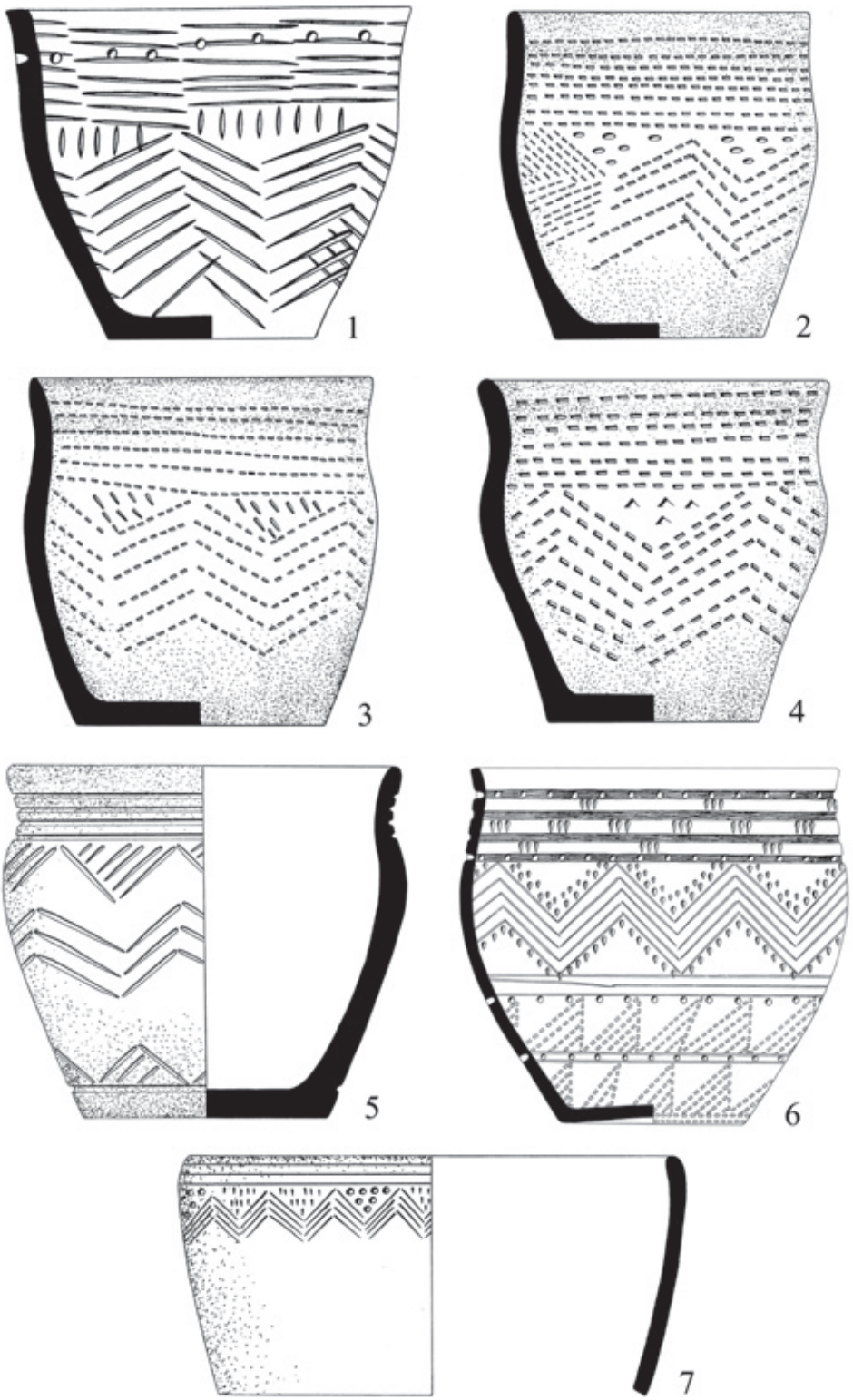


Табл. 252. 1 - ЕК-II, к. 51, м. 1, № 2; 2, 4 - Титово II, к. 11; 3 - Заречное I; 5 - Икпень I, м. 9; 6 - ЕК-II, м. 262, № 3; 7 - Бозенген, к. 23, жерт.

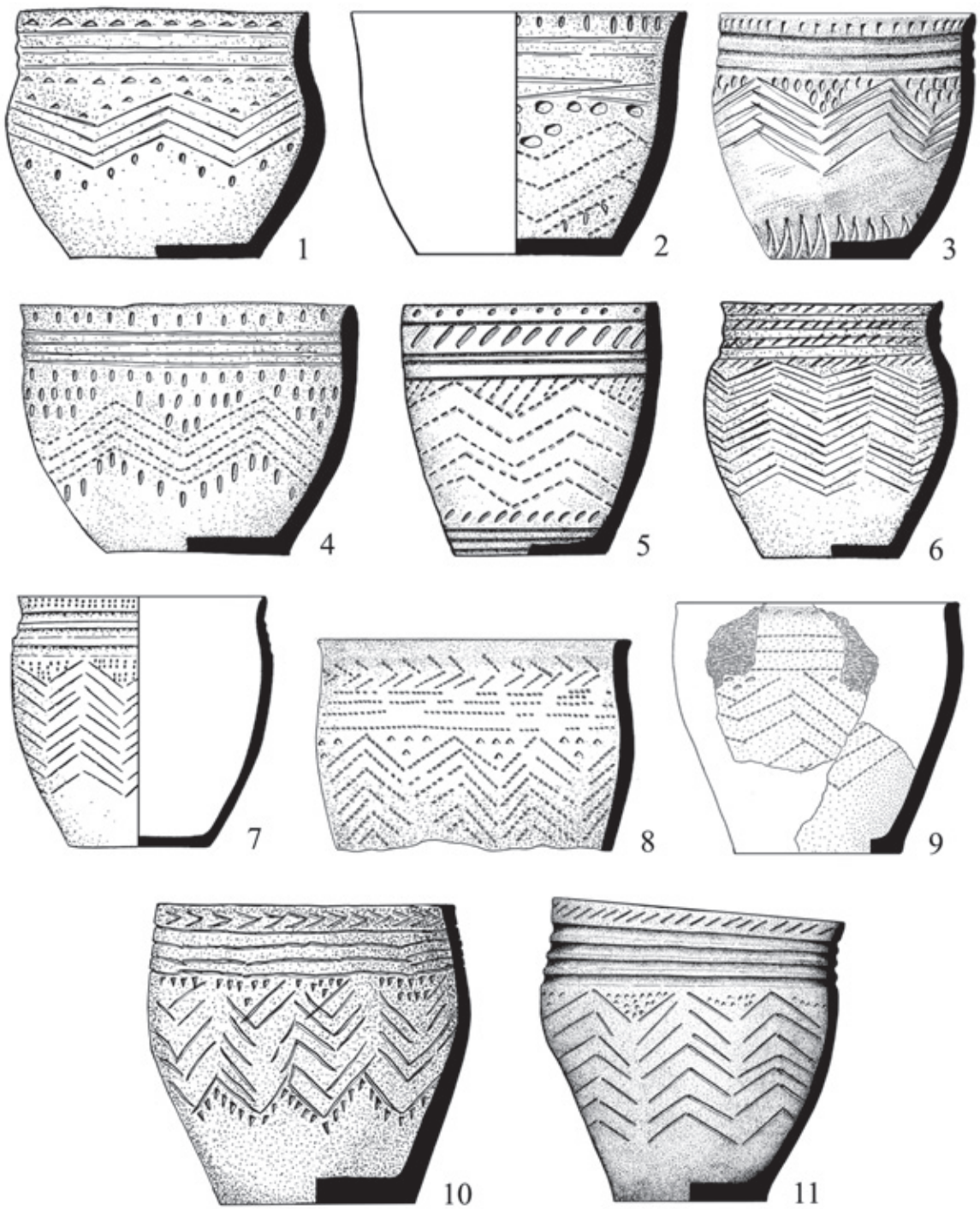


Табл. 253. 1, 2, 4 - Заречное I; 3 - Кытманово, КОКМ, ин. № 2452/1; 5 - Преображенка III, к. 77, п. 4; 6 - Абрамово IV, к. 22, п. 6; 7 - Подтурино; 8 - Старый Тартас-4, к. 10, п. 1; 9 - Чудиновка-1, сос. 2, к. 11, м. 1; 10 - Танай XII; 11 - Танай XII, п. кв. F-G-XLIV-XLV.

Табл. 254. 1 - Чудиновка-1, сос. 2, к. 7, м. 1; 2, 3, 7 - Подтурино; 4 - БЕ-XVI, м. 11; 5 - Биырек-коль, огр. 23, м. 2; 6 - Быково II, м. 5; 8 - Новосёлово; 9 - Аяпперген (Аяпберген), огр. 6, п.; 10 - Фирсово XIV, сос. 2, м. 22; 11 - Чудиновка-1, сос. 1, к. 9, м. 1.

Табл. 255. 1 - Балыкты, огр. 11, жерт.; 2 - Ижевский I; 3 - Тасырбай II, огр. 1; 4 - Мичурино I; 5 - Кытманово м. 13.

Табл. 256. 1 - Лисаковский I, к. 2, п. 3; 2 - Ижевский I, под. мат-л; 3 - Шет III; 4 - Ярки II, м. 8; 5 - Боровое, огр. II; 6 - Ермак; 7 - Нуртай, к. 14а, жерт. 1; 8 - Урефты I, к. 2, яма кв. Е-4.

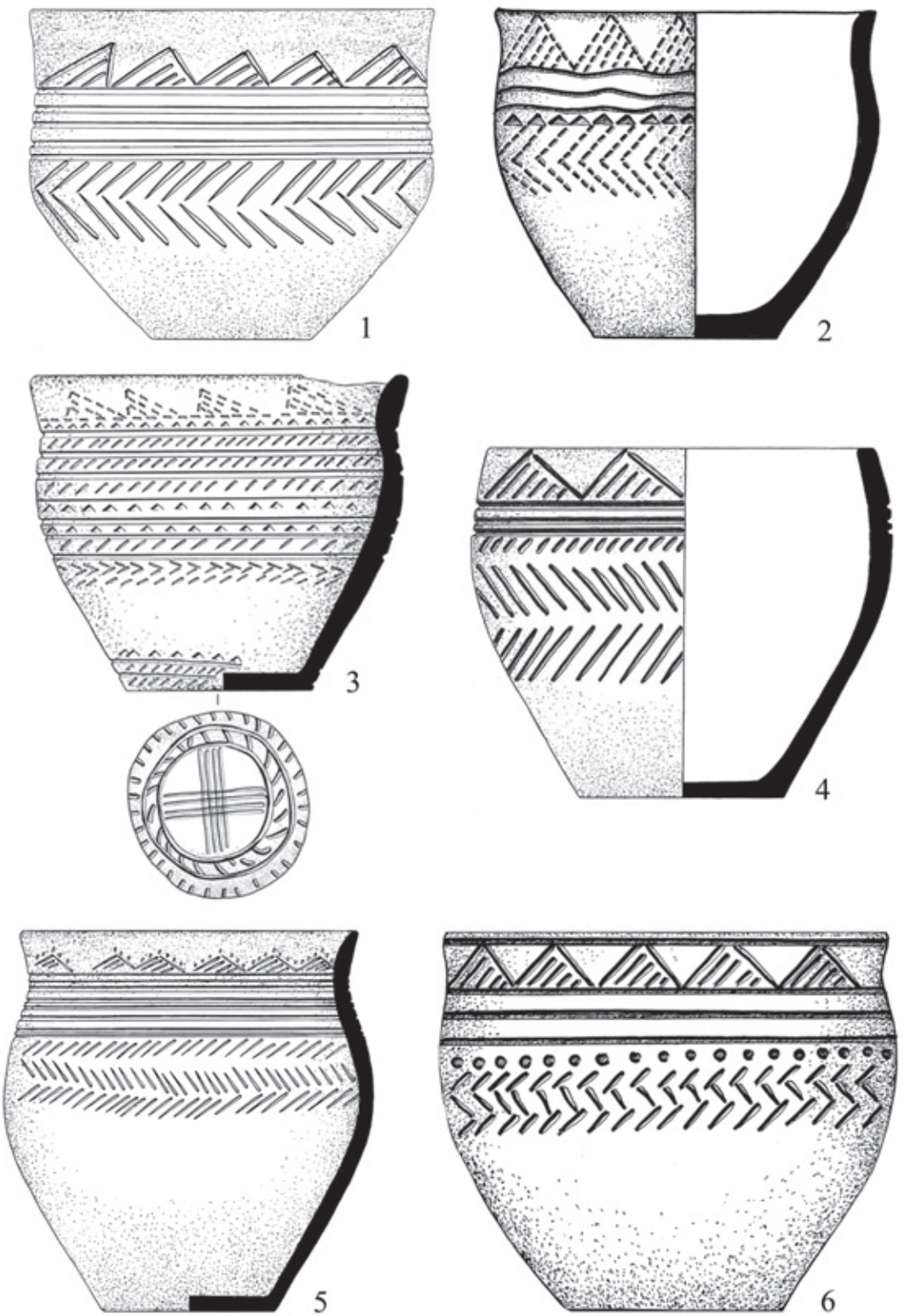


Табл. 257. 1 - Боровое, огр. 14, м. К; 2 - Бугулы I; 3 - Кадат IX, м. 3; 4 - Подтурино; 5 - Боровое, огр. 46; 6 - Сухое озеро I, к. 97, м.

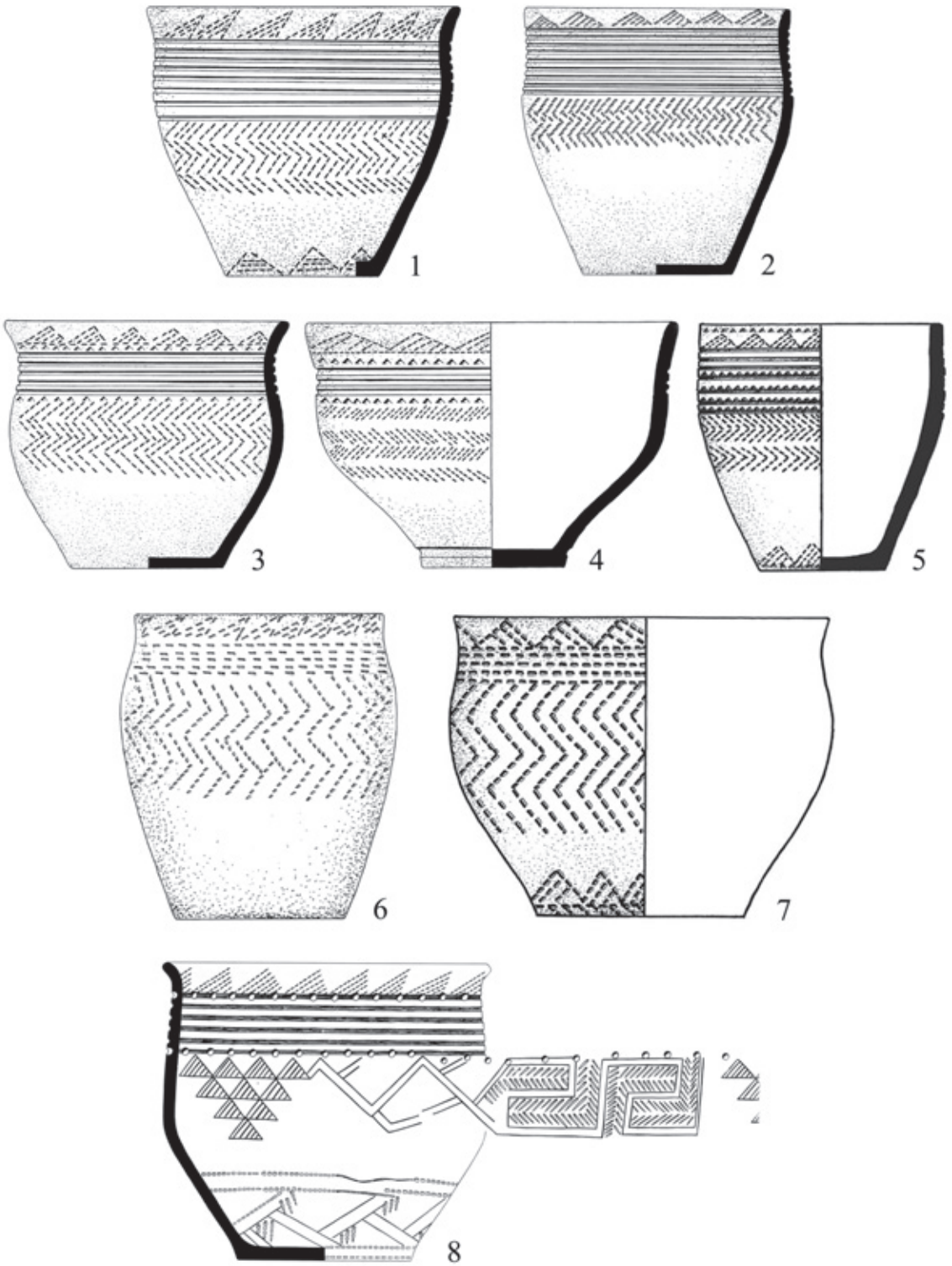


Табл. 258. 1 - Урский, к. 3, м. 1; 2 - Сухое озеро I, к. 470, м.; 3 - Танай I, к. 7, м. 1; 4, 5 - Подтурино; 6 - Малый Койтас; 7 - Сопка II, к. 48 или 46, п. 1; 8 - ЕК-II, м. 22, № 1.

Табл. 259. 1 - Урский, к. 3, м. 1; 2 - Солёноозёрная IV, п. ком. 1, м. 2; 3 - Урский, к. 10, м. 1; 4 - Сухое озеро I, к. 440, м. 2; 5 - Солёноозёрная I, м. 31; 6 - ЕК-II, м. 78; 7 - Пристань I, огр. 7, м. 4; 8 - ЕК-II, м. 154, № 4.

Табл. 260. 1 - Сухое озеро I, к. 440, м. 1; 2 - Солёноозёрная III, м. 1; 3 - Танай I, к. 10, м. 3; 4 - Анаш; 5 - Чудиновка-1, сос. 1, к. 9, м. 2.

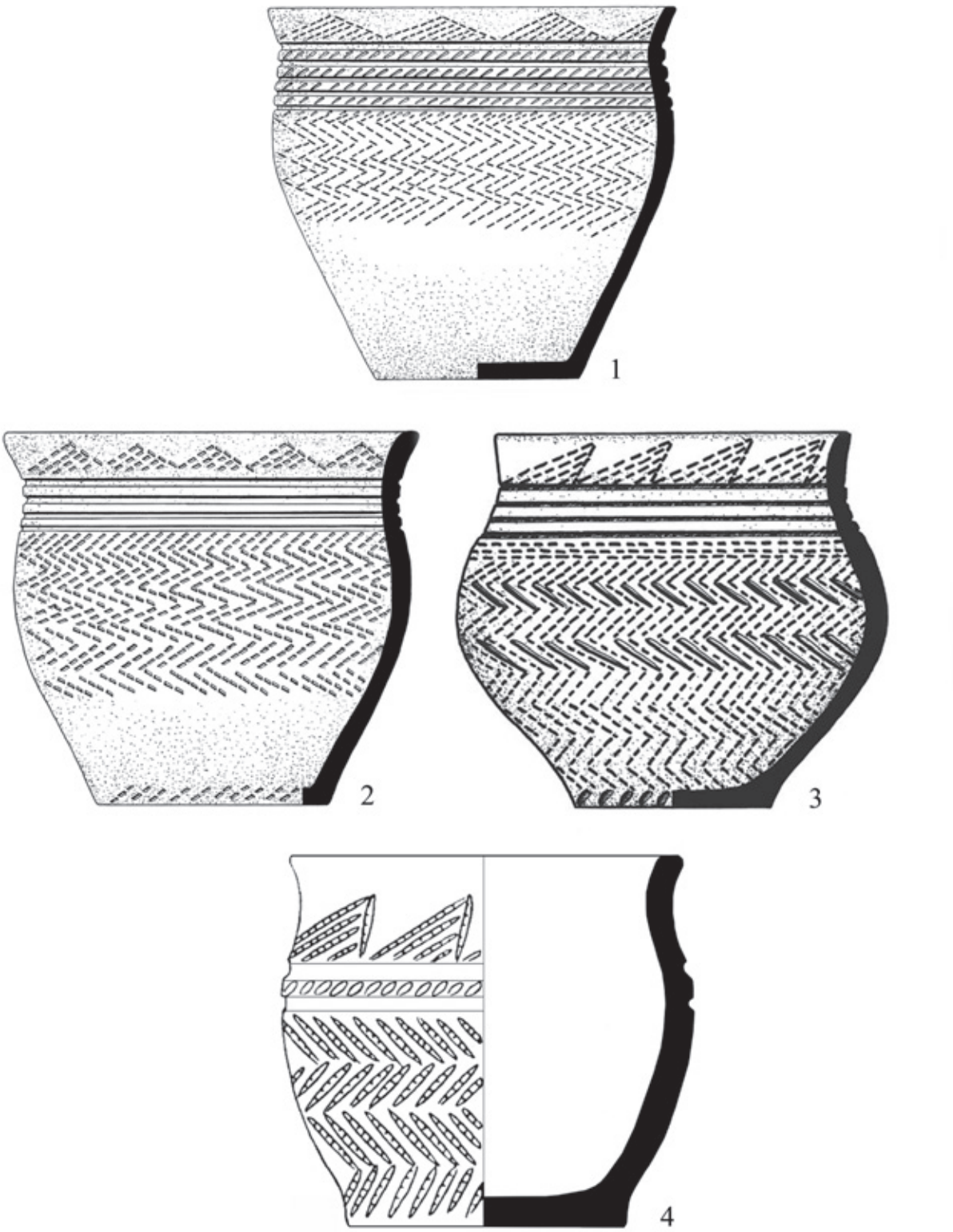


Табл. 261. 1 - Преображенка III, к. 17, п. 1; 2 - Танай I, к. 10, м. 2; 3 - Хомутинка; 4 - Берёзовский, огр. 22В.

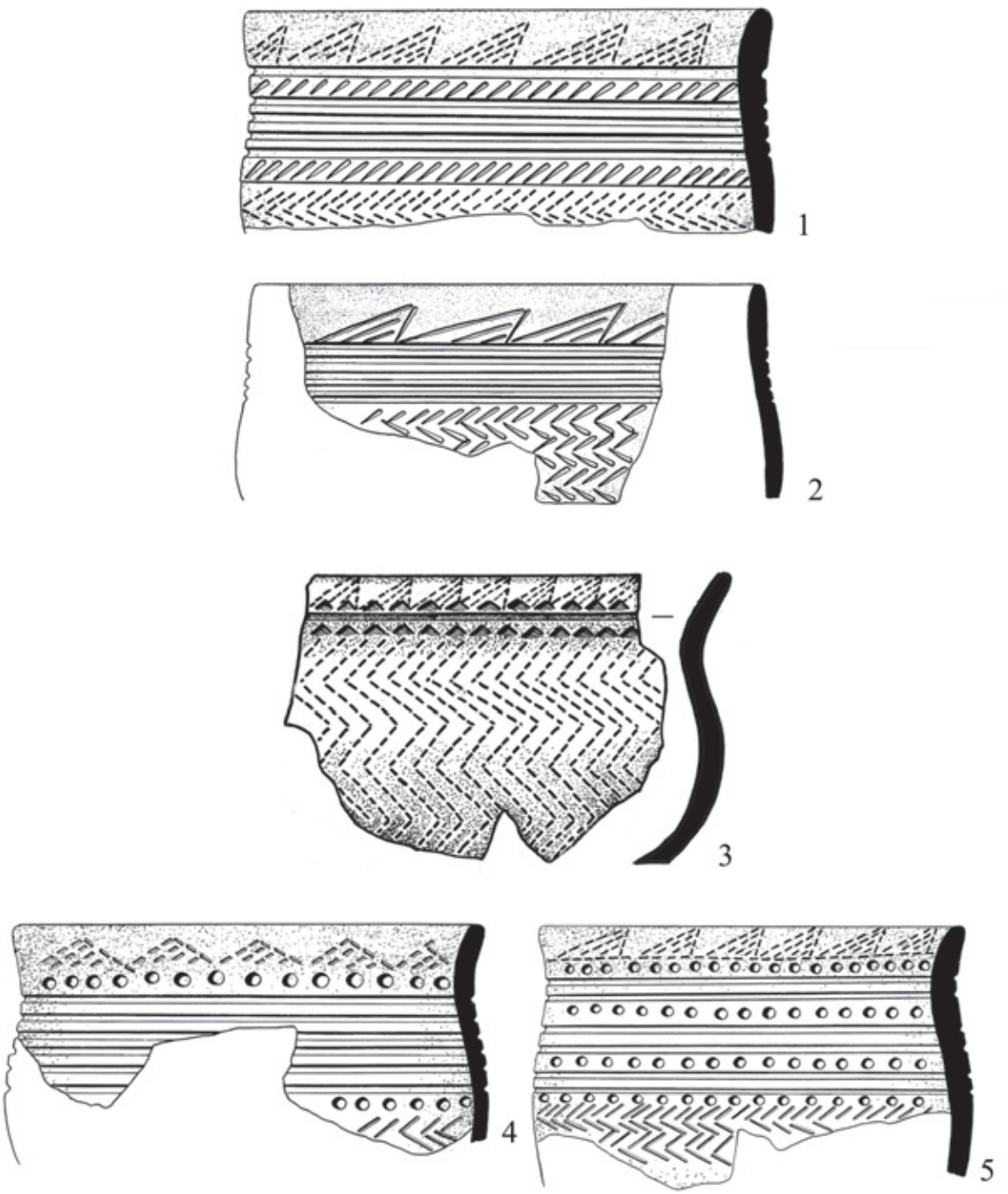


Табл. 262. 1 - Пристань I, огр. 9, м.; 2 - Орак, м. 33; 3 - Пристань I, место неиз.; 4, 5 - Большое Пичугино, к. 9, м. 2.

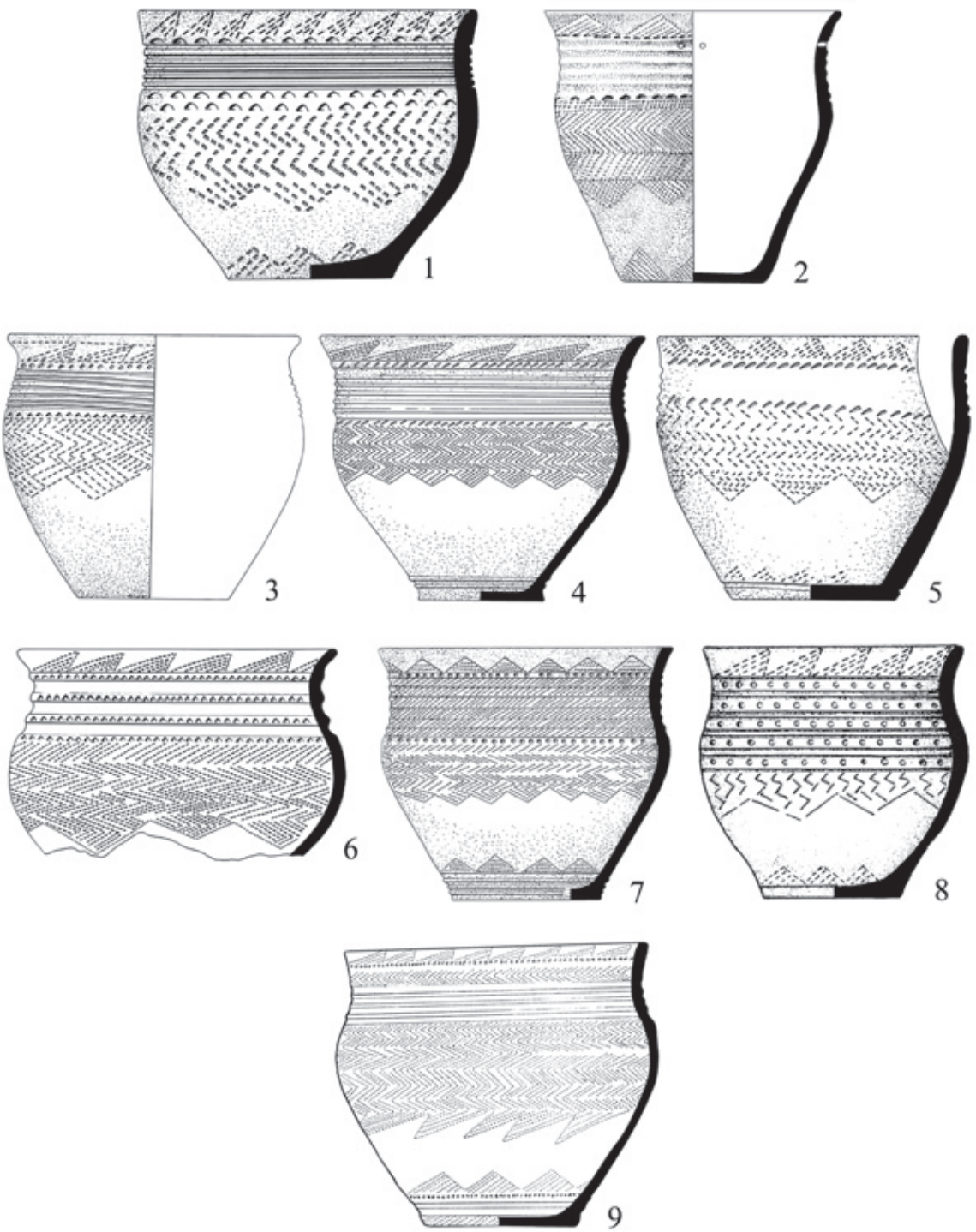


Табл. 263. 1 - Акмола, огр. 23; 2 - Кытманово, м. 22; 3 - Преображенка III, к. 26, м. 1; 4 - Старый Тартас-4, к. 3, насыпь; 5 - Орак, м. 34; 6 - Старый Тартас-4, к. 1, насыпь; 7 - Старый Тартас-4, к. 17, п. 2; 8 - Большое Пичугино или Михайловка; 9 - Старый Сад, к. 78, п. 1, с. 1.

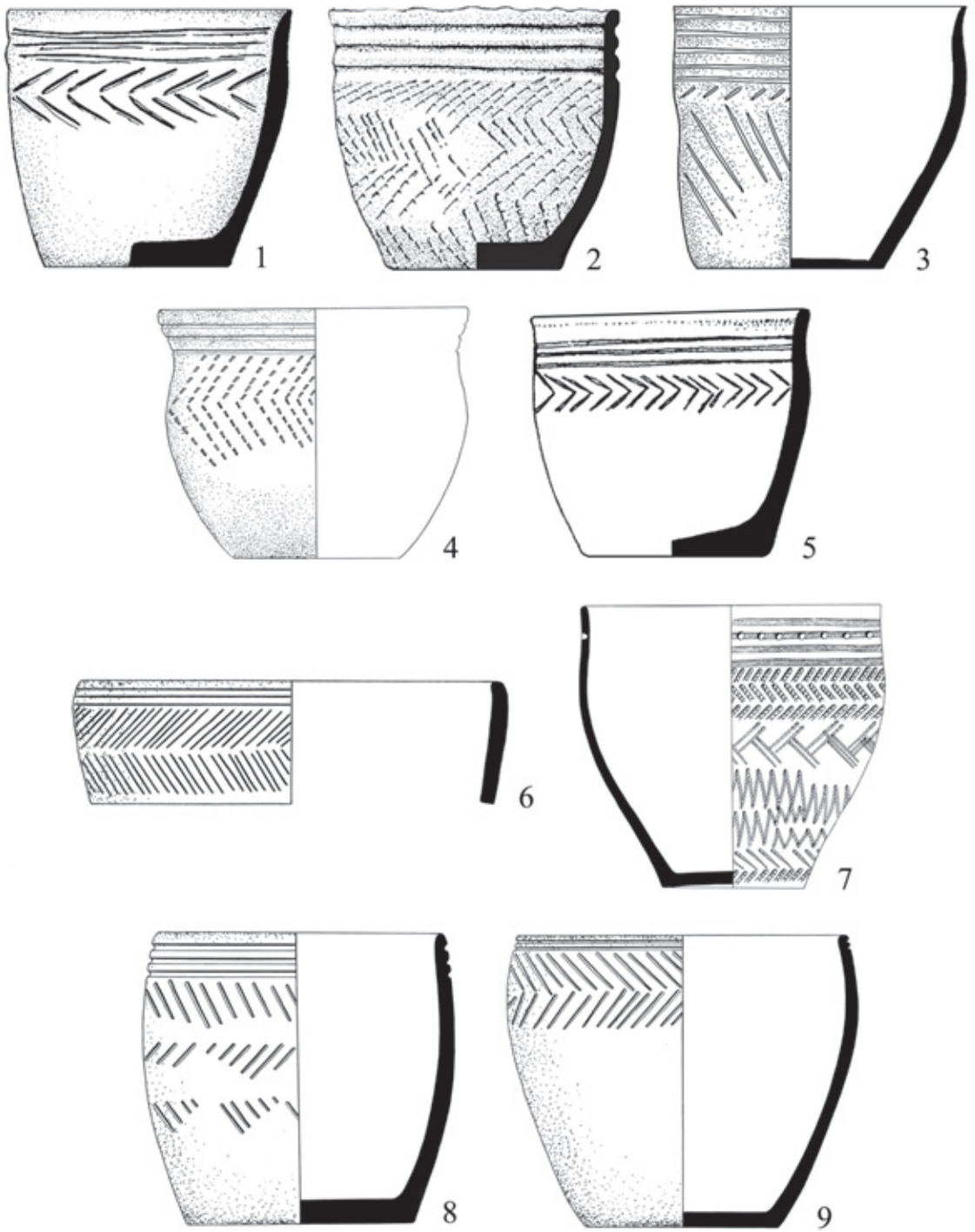


Табл. 264. 1 - БЕ-XIV, м. 13; 2 - Кытманово, м. 7; 3 - ЕГМ-II, м. 18; 4 - Преображенка III, к. 84, п. 1; 5 - Рублёво VIII, м. 10; 6 - Актобе II, огр. 8, м. 2 и СВ сектор; 7 - ЕК-II, м. 202, № 1; 8, 9 - Ташик.

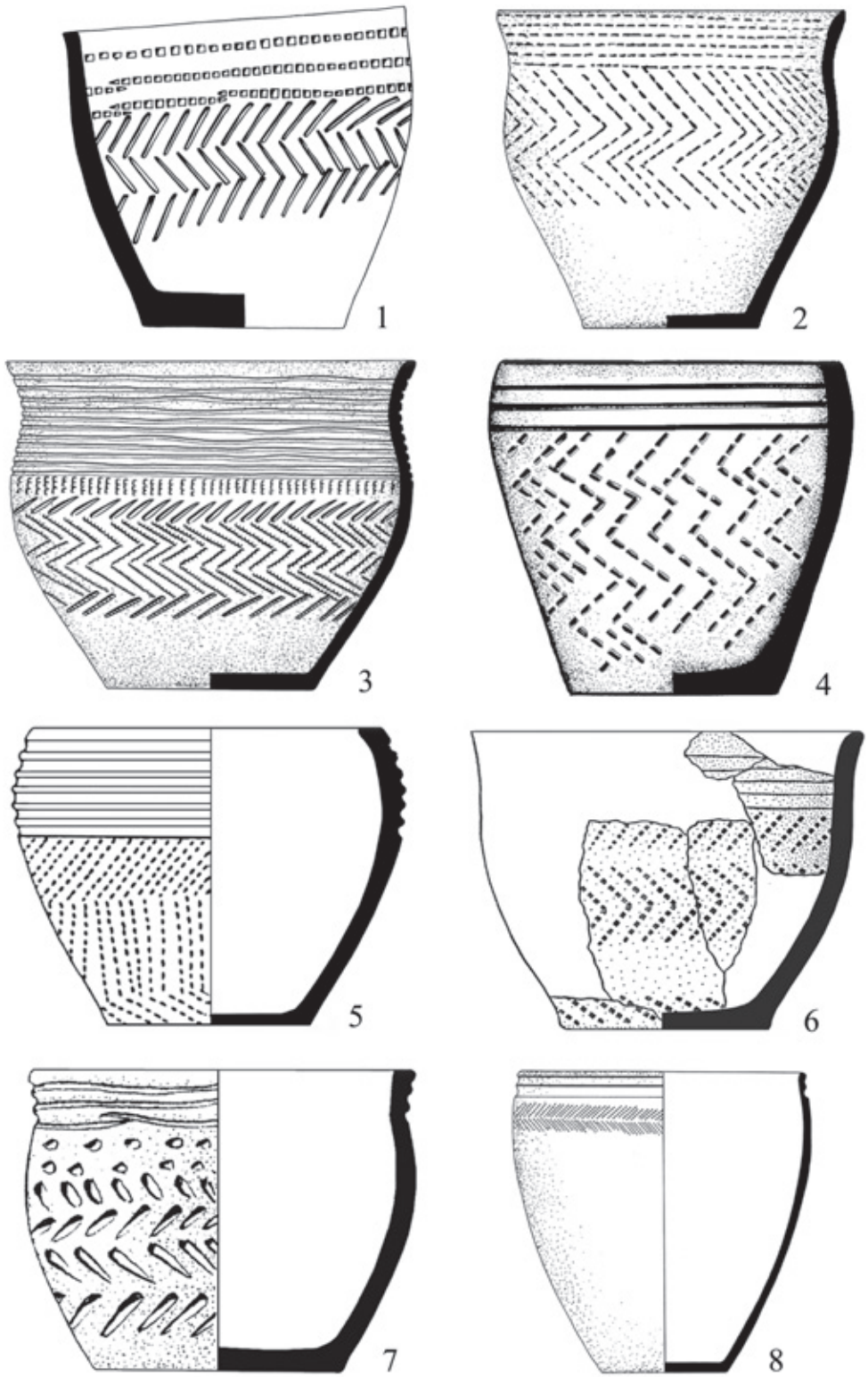


Табл. 265. 1 - ЕК-II, м. 178, № 1; 2 - Титово II; 3 - Юрман I, к. 3, м.; 4 - Орак; 5 - Берёзовский, огр. 22Б; 6 - Чудиновка-1, сос. 1, к. 6, м. 2; 7 - Кытманово, ммп; 8 - Ташик.

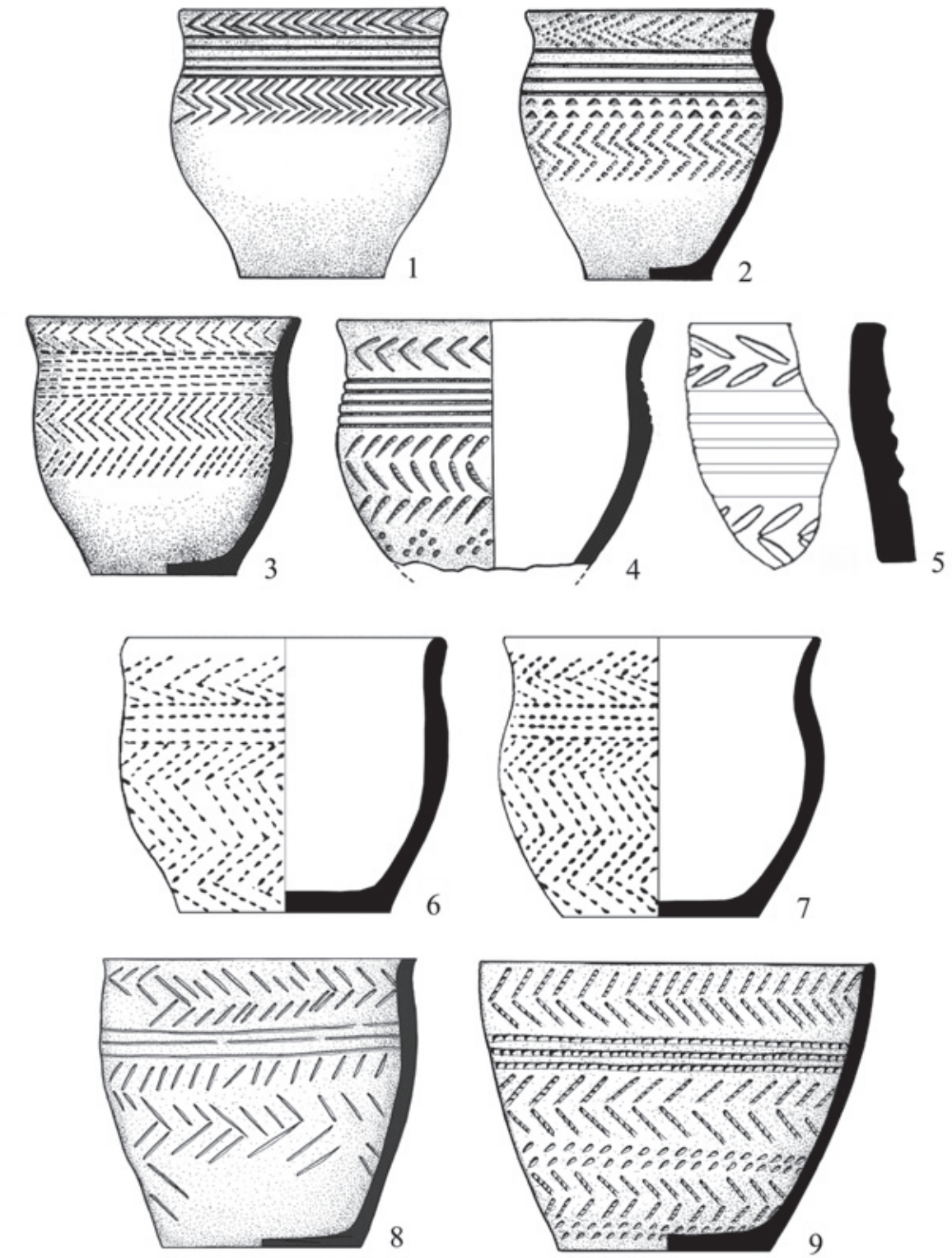


Табл. 266. 1 - Боровое, огр. 5, юж. м.; 2 - Мыржик I, к. 16; 3 - Титово II, к. 3, м. 1; 4 - Подтурино; 5 - Берёзовский, огр. 38; 6 - Барашки, огр. 30; 7 - Барашки, огр. 35; 8 - Танай XII, п. 56; 9 - Танай XII, п. 57 (?).

Табл. 267. 1 - Кытманово, м. 32; 2 - Боровое, огр. 36; 3 - Титово II, к. 6, м. 1; 4 - Боровое, огр. 16; 5 - Титово II, к. 6, м. 3; 6 - Бурлук I, к. 11; 7 - Боровое, огр. 6; 8 - Солёноозёрная I, погр. ком. 1, м. 1; 9 - Танай XII, п. кв. ф-у-18-19.

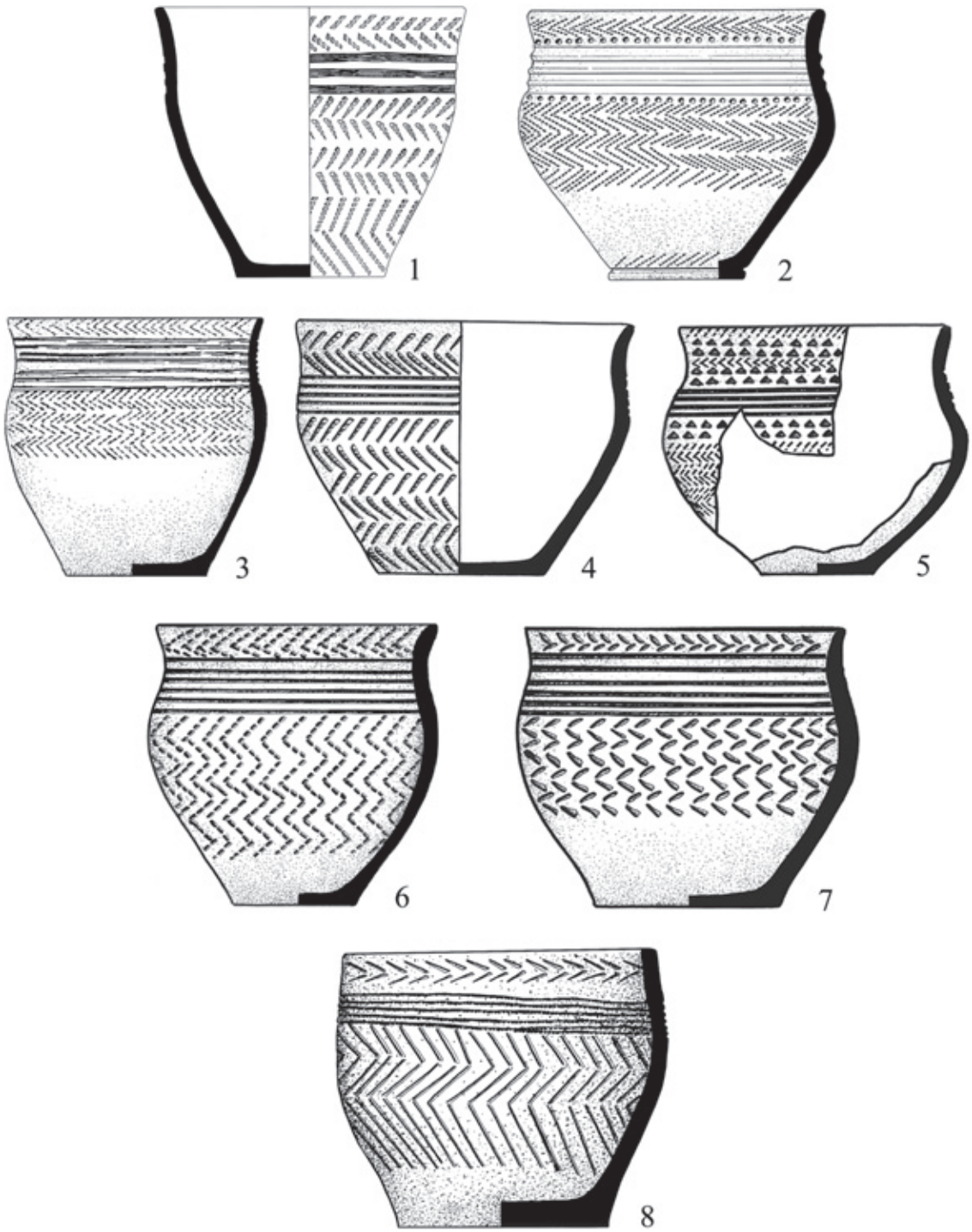


Табл. 268. 1 - ЕК-II, м. 186, № 2; 2 - Старый Тартас-4, к. 7, п. 1; 3 - Орак, м. 18; 4 - Подтурино; 5 - Боровое, огр. 1; 6 - Абрамово IV, к. 11, п. 4; 7 - Урский, к. 7, м. 1; 8 - Танай XII, п. 57 (?).

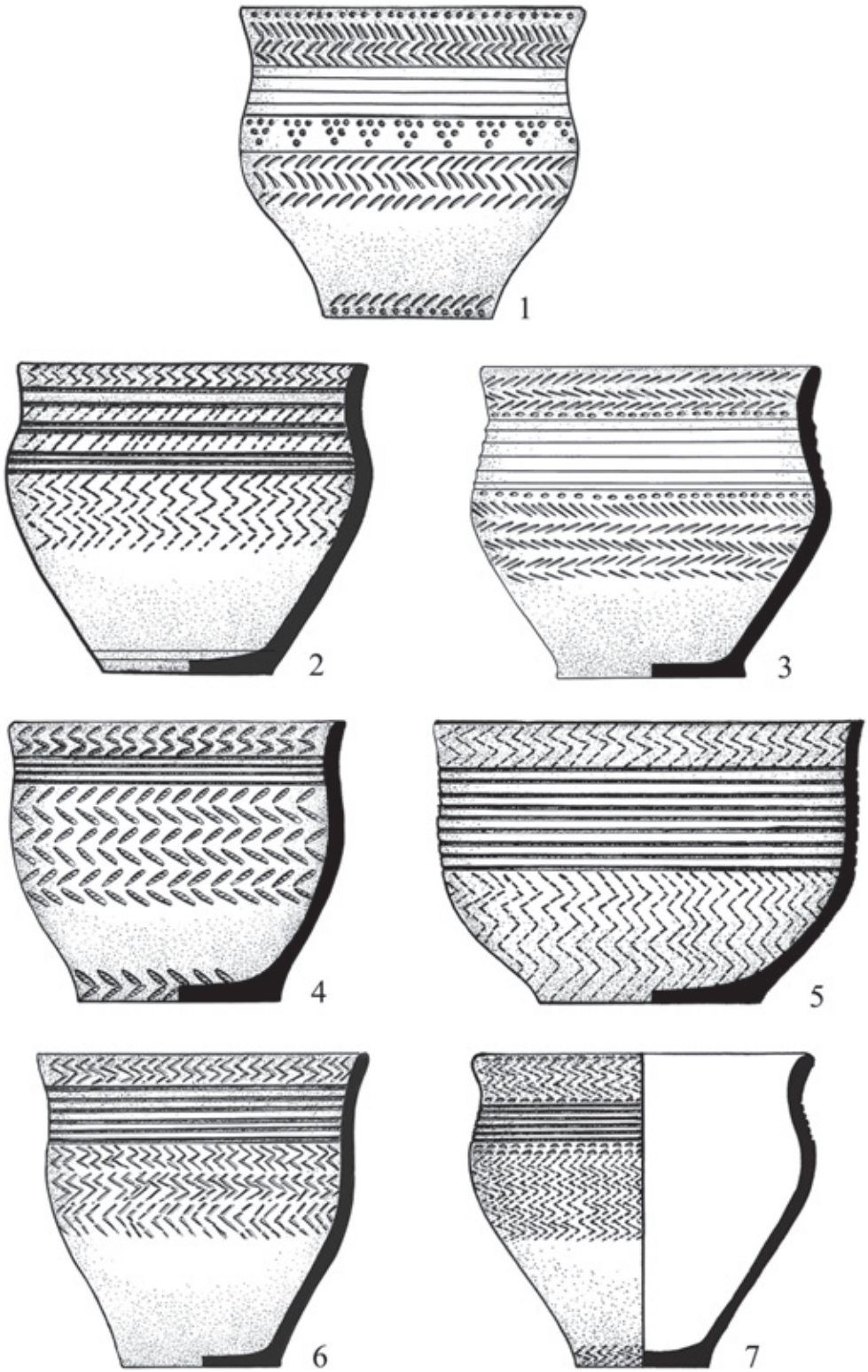


Табл. 269. 1 - Старый Тартас-4, к. 15, м.; 2 - Урский, к. 7, м. 2; 3 - Старый Тартас-4, к. 19, п. 3; 4 - Вахрушево, к. 1, м. 1; 5 - Зевакино, к. 260; 6 - Титово II, к. 5, м. 4; 7 - Ашпыл.

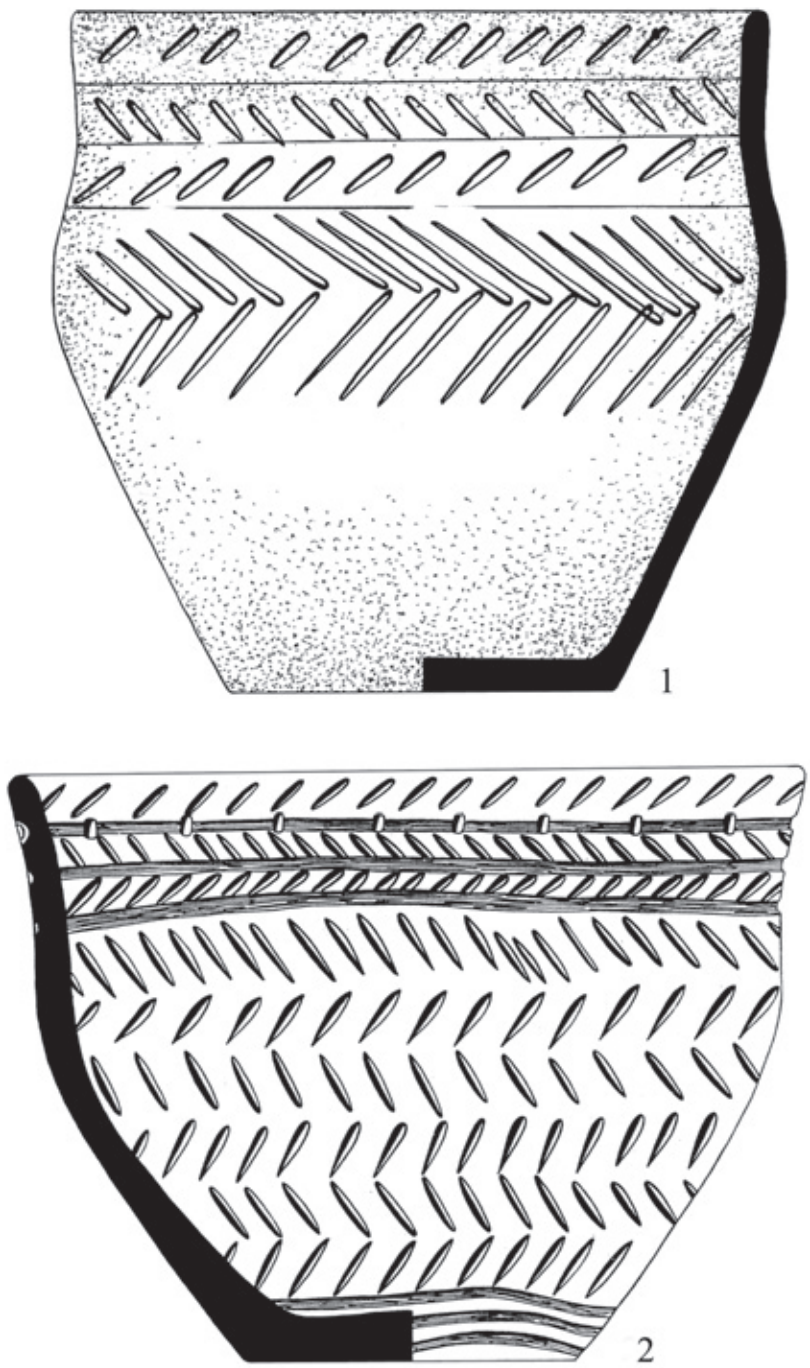
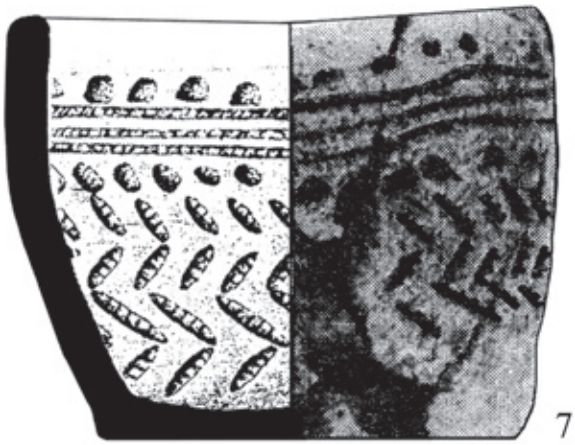
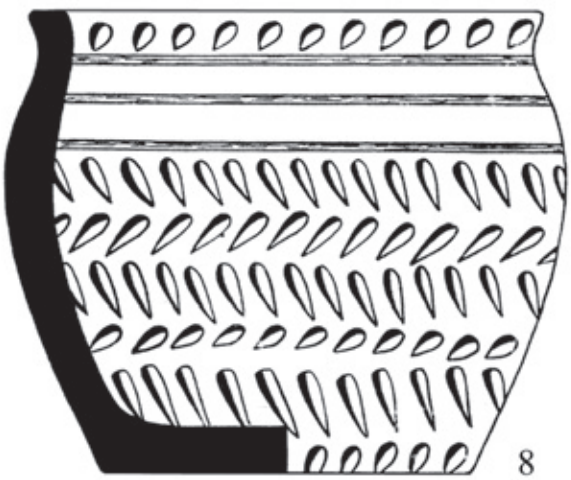


Табл. 270. 1 - Урский, к. 10, м. 1; 2 - ЕК-II, м. 181, № 1.

Табл. 271. 1 - Устье-Бири IV, м. 1; 2 - Орак, м. 24; 3 - Кытманово, м. 8; 4 - Солёноозёрная IV, погр. ком. м. 3; 5 - Лебяжье I, м. 9; 6 - Кадат IX, м. 1.





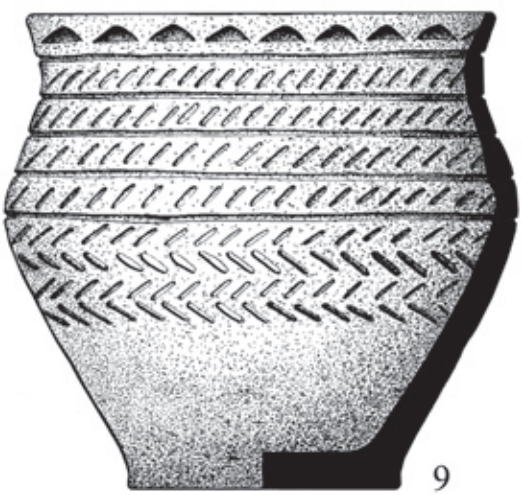


Табл. 271 (продолжение). 7 - Кытманово, м. 29; 8 - ЕК-II, м. 59, № 1; 9 - Танай XII, п. 57.

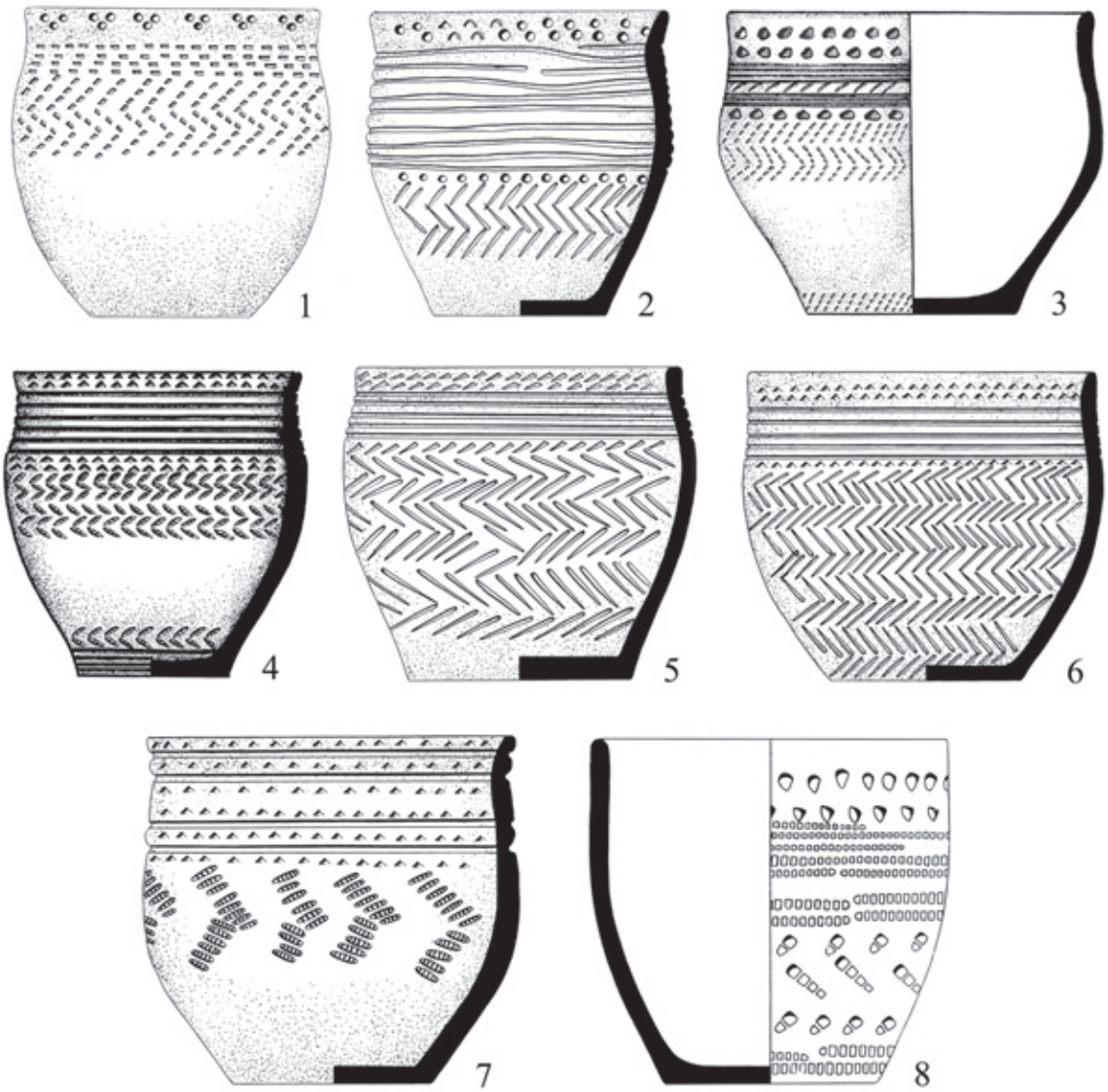


Табл. 272. 1 - Новосёлово; 2 - Урский, к. 15, м. 1; 3 - Солёноозёрная I, м. 5; 4 - Орак, м. 30; 5 - Сухое озеро I, к. 26, м.; 6 - Зевакино, к. 157; 7 - Смолино; 8 - ЕК-II, м. 167, № 4.

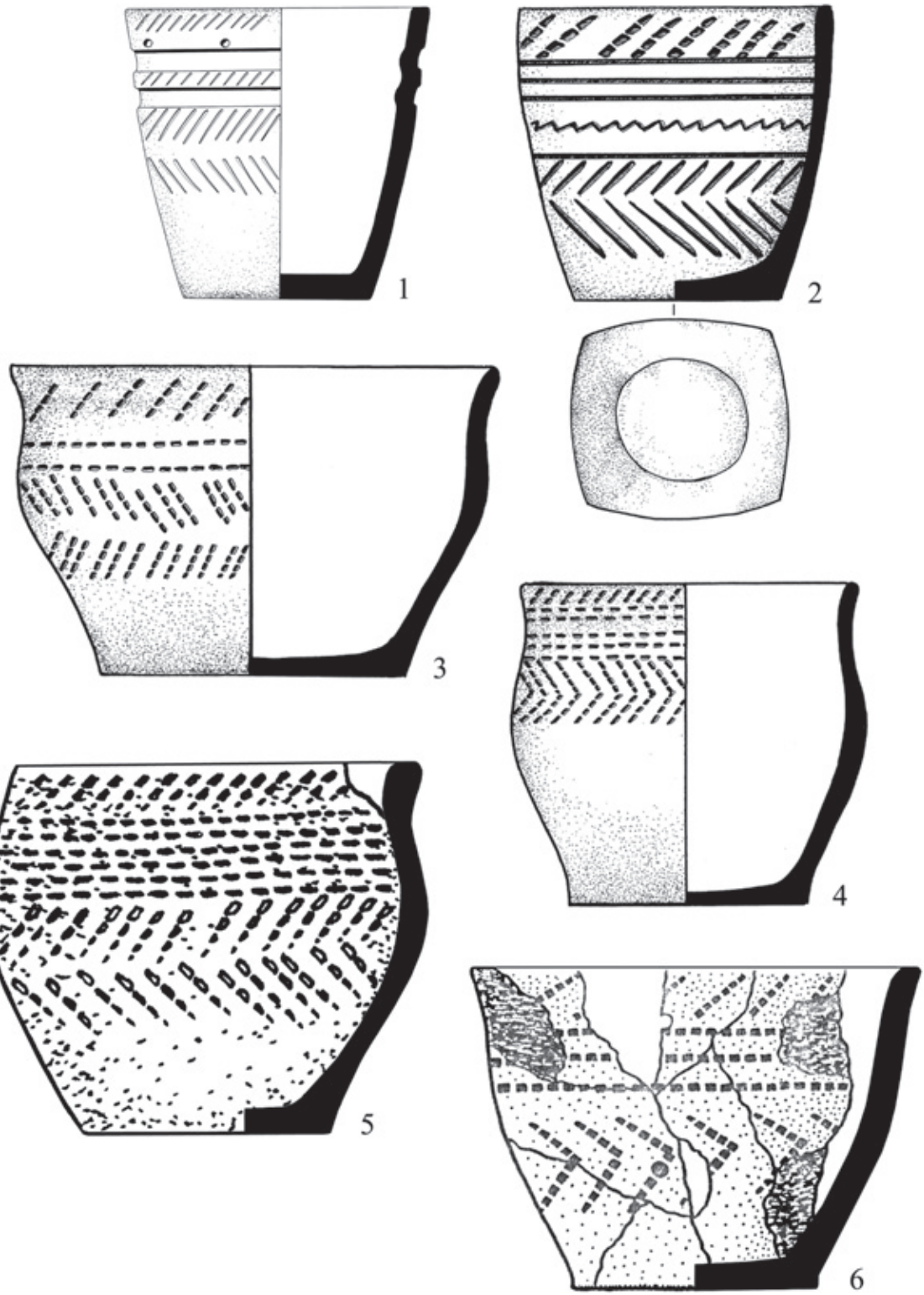


Табл. 273. 1, 3 - Подтурино; 2 - Преображенка III, к. 48, п. 1; 4 - Чекановский Лог-2; 5 - Урский, к. 15, м. 1; 6 - Чудиновка-1, сос. 2, к. 9, м. 2.

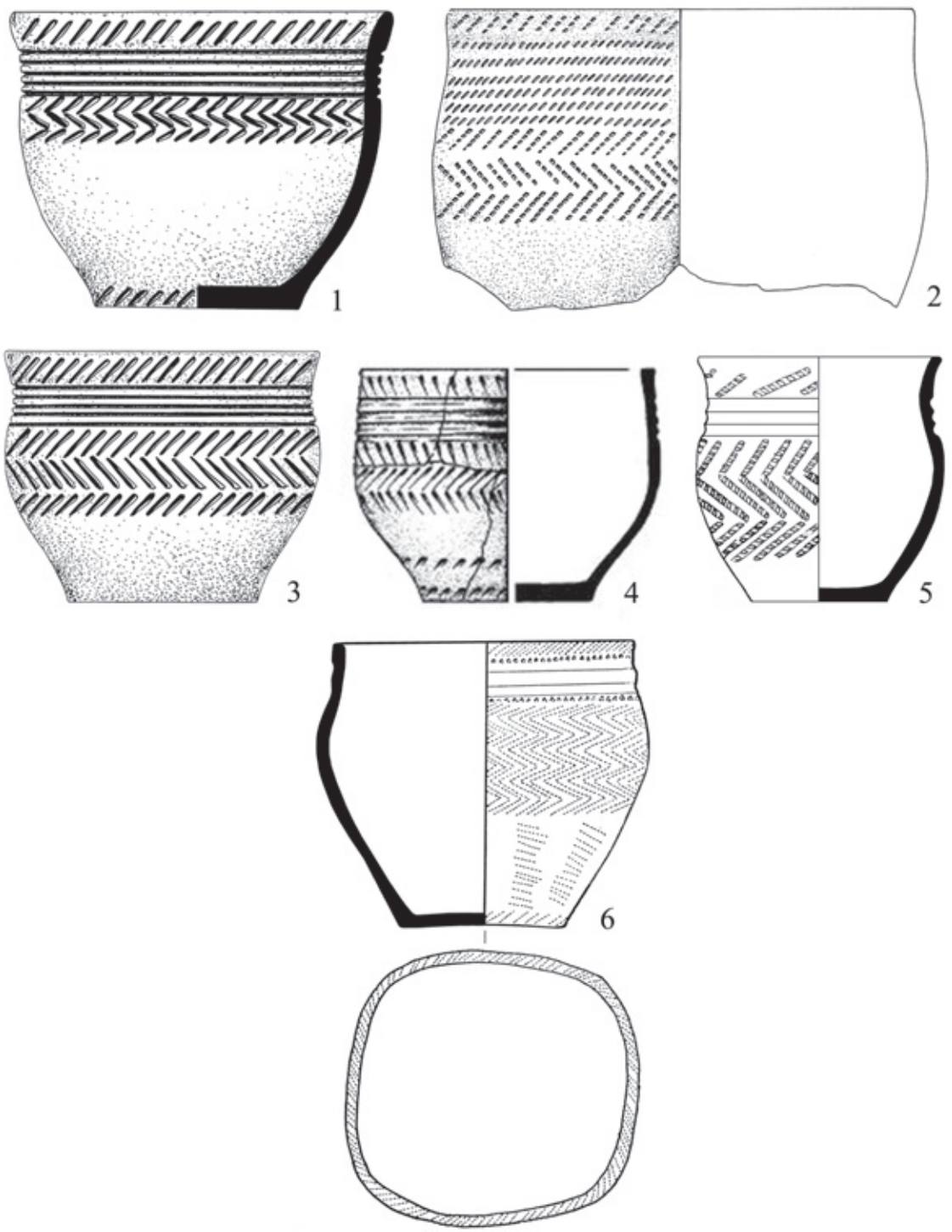


Табл. 274. 1 - Акмола, к. 15; 2 - Шоиндыколь, м. 15; 3 - Боровое, огр. 14, м. И; 4 - Устье-Бири IV, м. 3; 5 - Берёзовский, огр. 22Б; 6 - Старый Сад, к. 80, п. 3, с. 2.

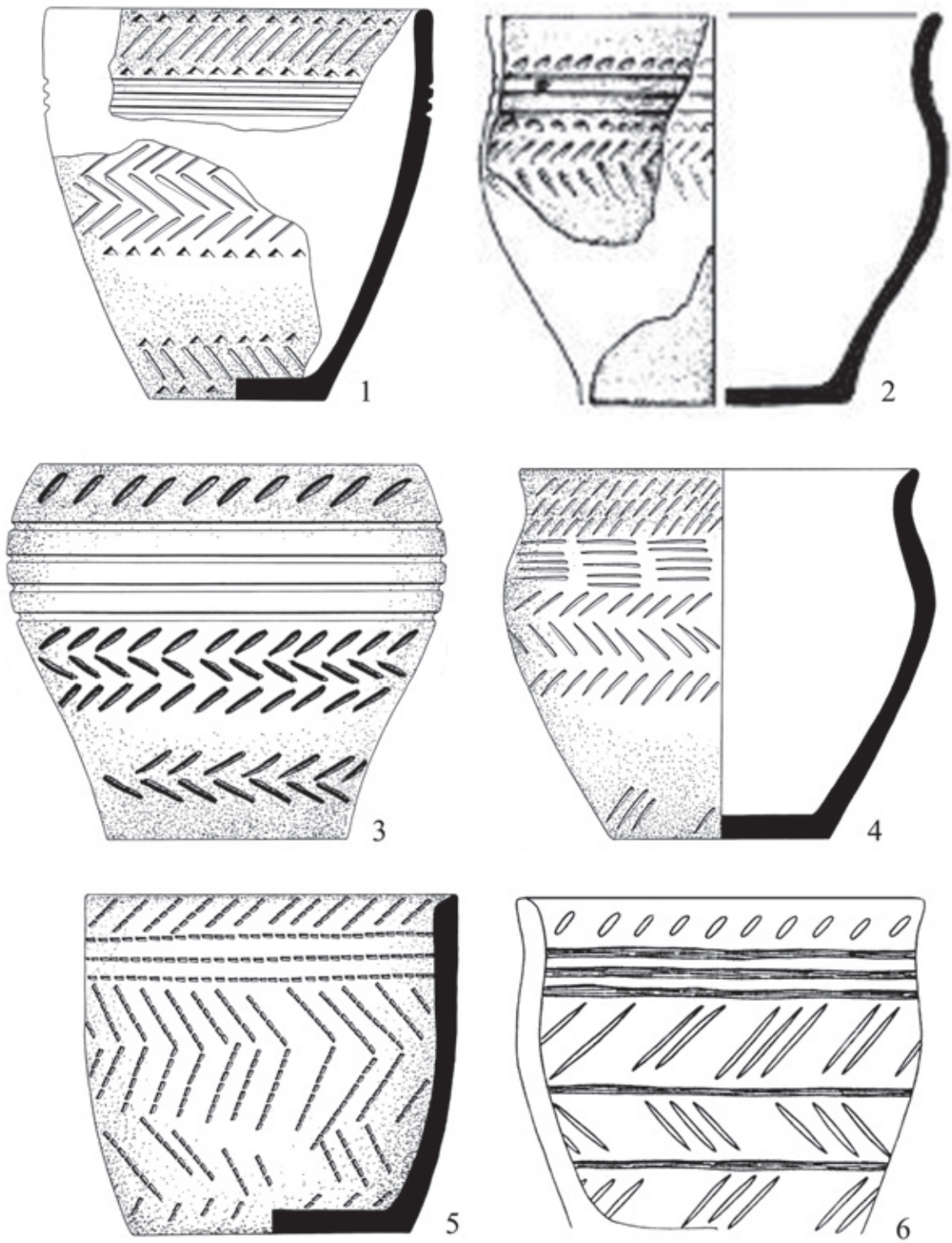


Табл. 275. 1 - Михайловка, к. 3; 2 - Устье-Бири IV, м. 18; 3 - Устье-Бири IV, м. 20; 4 - Абрамово IV, к. 11, п. 1; 5 - Преображенка III; 6 - ЕК-II, м. 191, № 1.

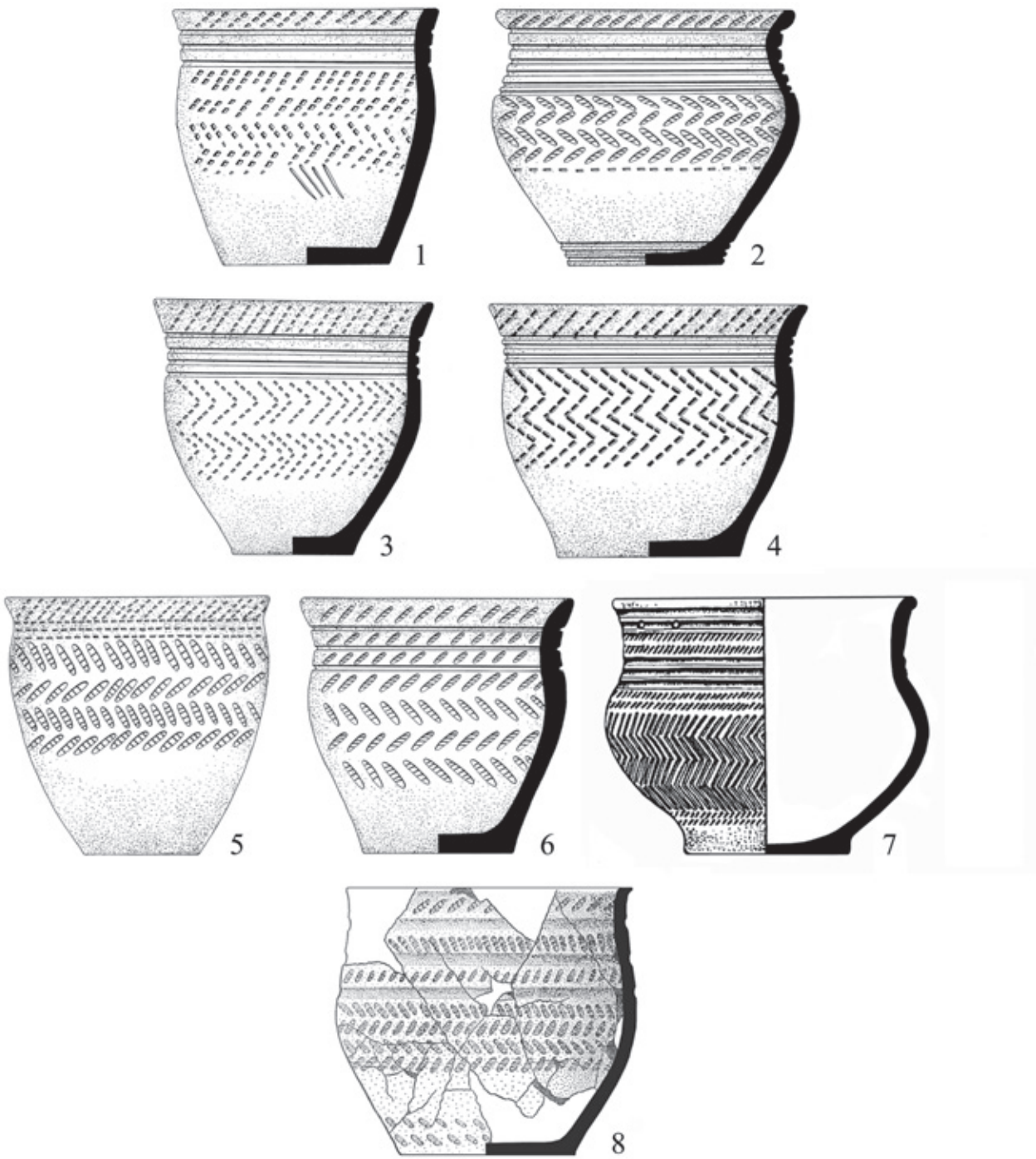


Табл. 276. 1 - Урский, к. 3, м. 1; 2 - Титово II, к. 5, м. 3; 3 - Солёноозёрная III, м. 4; 4 - Солёноозёрная III, м. 6; 5 - Лебяжье V, м. 1; 6 - Солёноозёрная III, м. 3; 7 - Урефты I, к. IV, п. 3; 8 - Чудиновка-1, сос. 2, к. 33, м. 1.

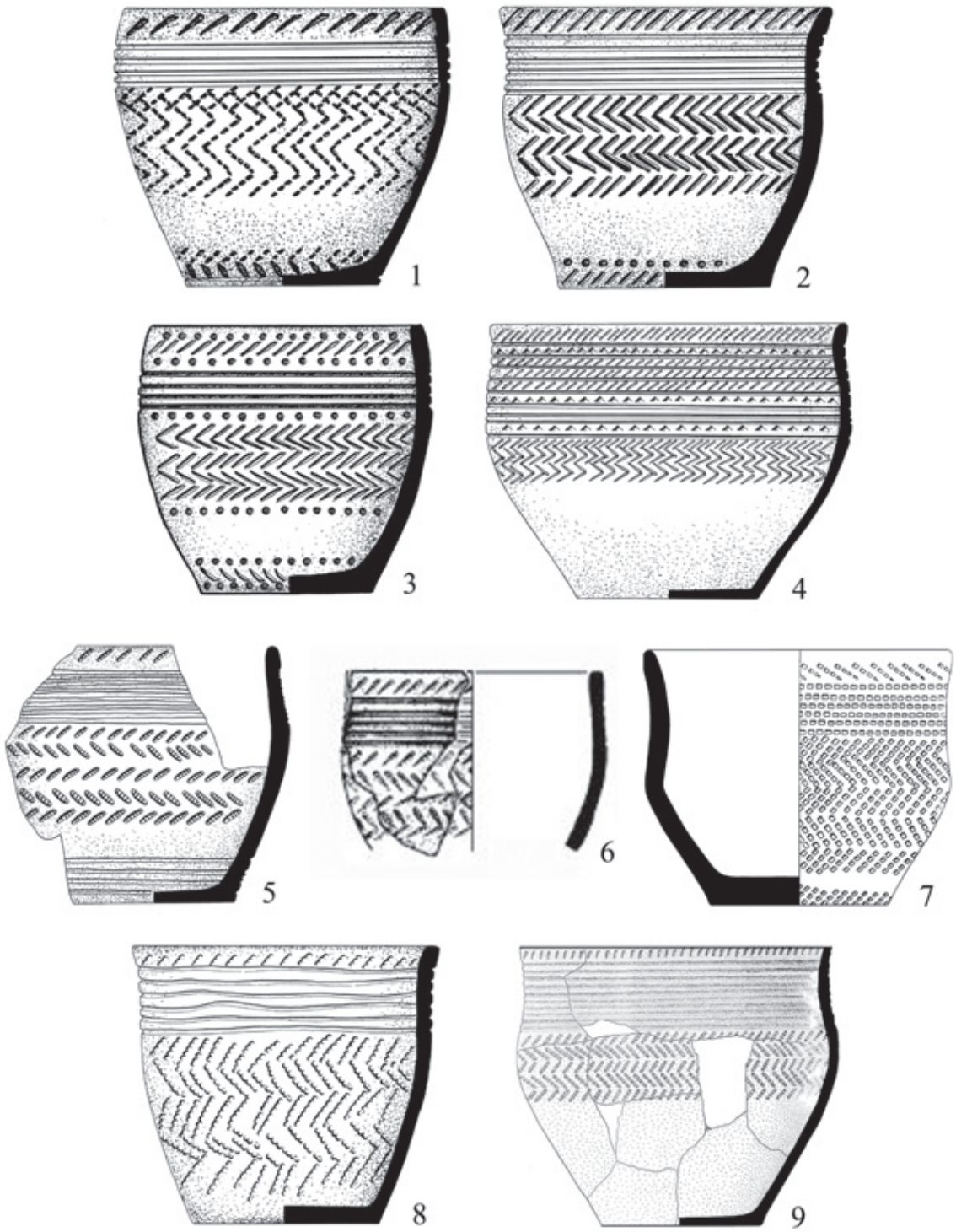


Табл. 277. 1 - Титово II, к. 7, м. 2; 2 - Орак, м. 2; 3 - Большое Пичугино, к. 2, м. 1; 4 - Сухое озеро I, к. 239, м.; 5 - Устье-Бири IV, м. 13; 6 - Устье-Бири IV, м. 23; 7 - ЕК-II, м. 154; 8 - Юрман I, к. 3, м.; 9 - Чудиновка-1, сос. 1, к. 10, м. 1.

Табл. 278. 1 - Урский; 2 - Зевакино, огр. 91, м. 2; 3 - Солёноозёрная I, м. 33; 4 - Танай XII, п. кв. R-S-LVI; 5 - Танай XII, п. 56, сос. 2; 6 - Тартас-1, захор. 358.

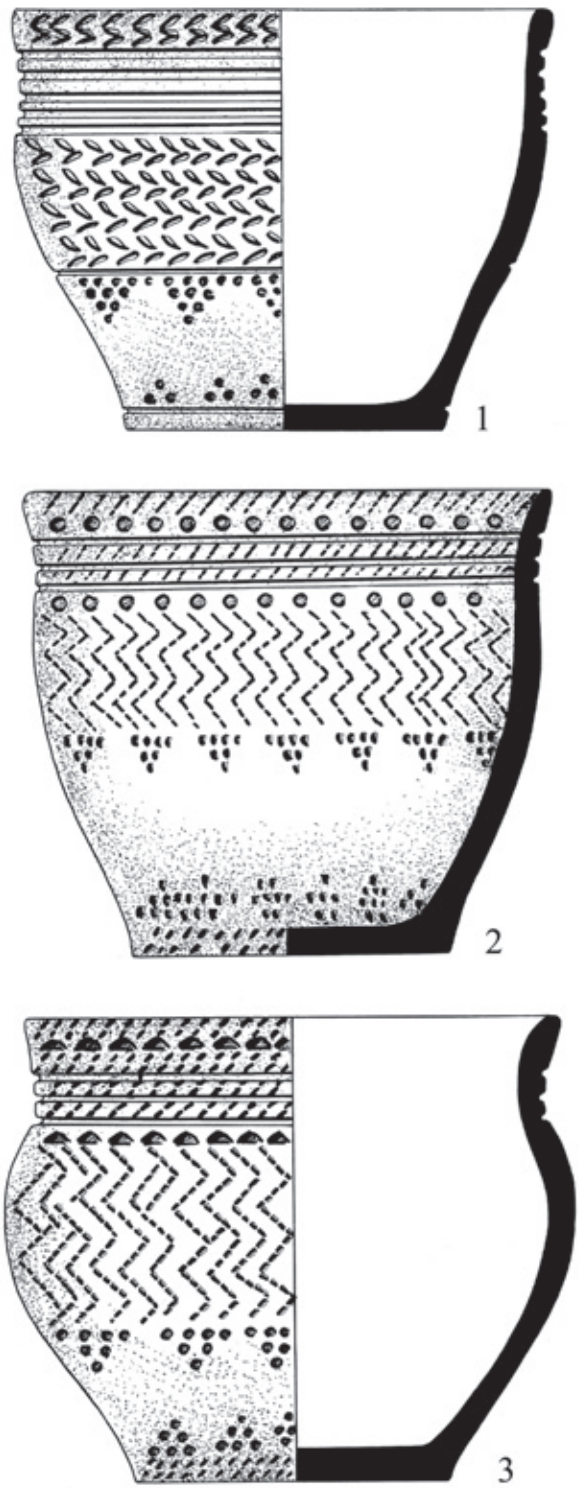


Табл. 279. 1 - Вахрушево, к. 7, м. 2; 2, 3 - Солёноозёрная I, м. 4.

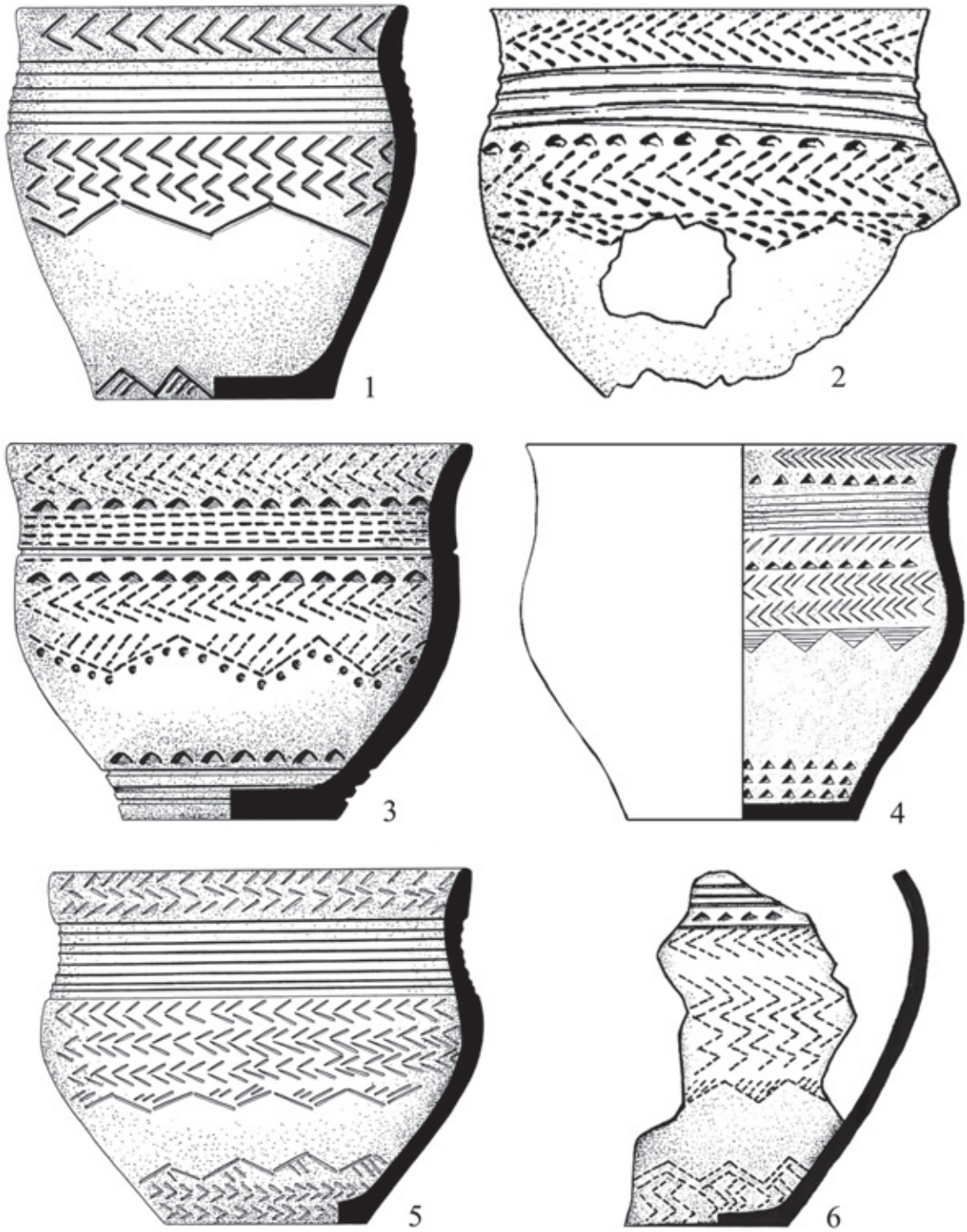


Табл. 280. 1 - Солёноозёрная IV, погр. ком. 1, м. 4; 2 - Ортау II, к. 3; 3 - Преображенка III, к. 27, п. 2; 4 - Акмола, к. 15, кам. ящ.; 5 - Акмола, огр. 19; 6 - Акмола, к. 24.

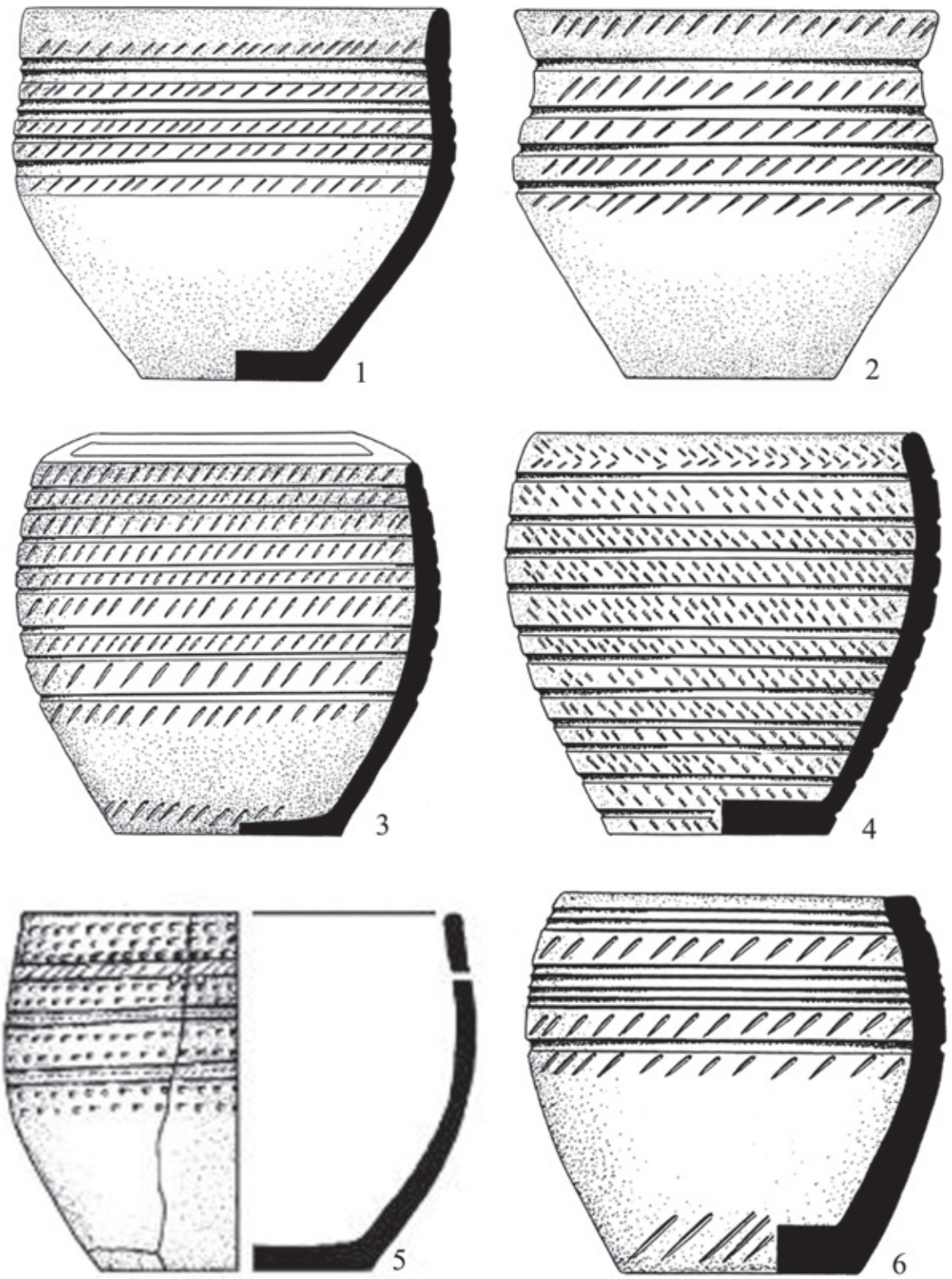


Табл. 281. 1 - Сухое озеро I, к. 2, м.; 2 - Боровое, огр. II; 3 - Новая Чёрная II, к. 10, м.; 4 - Сухое озеро 1А, к. 436, м. 6; 5 - Устье-Бири IV, м. 4; 6 - Сухое озеро 1А, к. 243А, м.

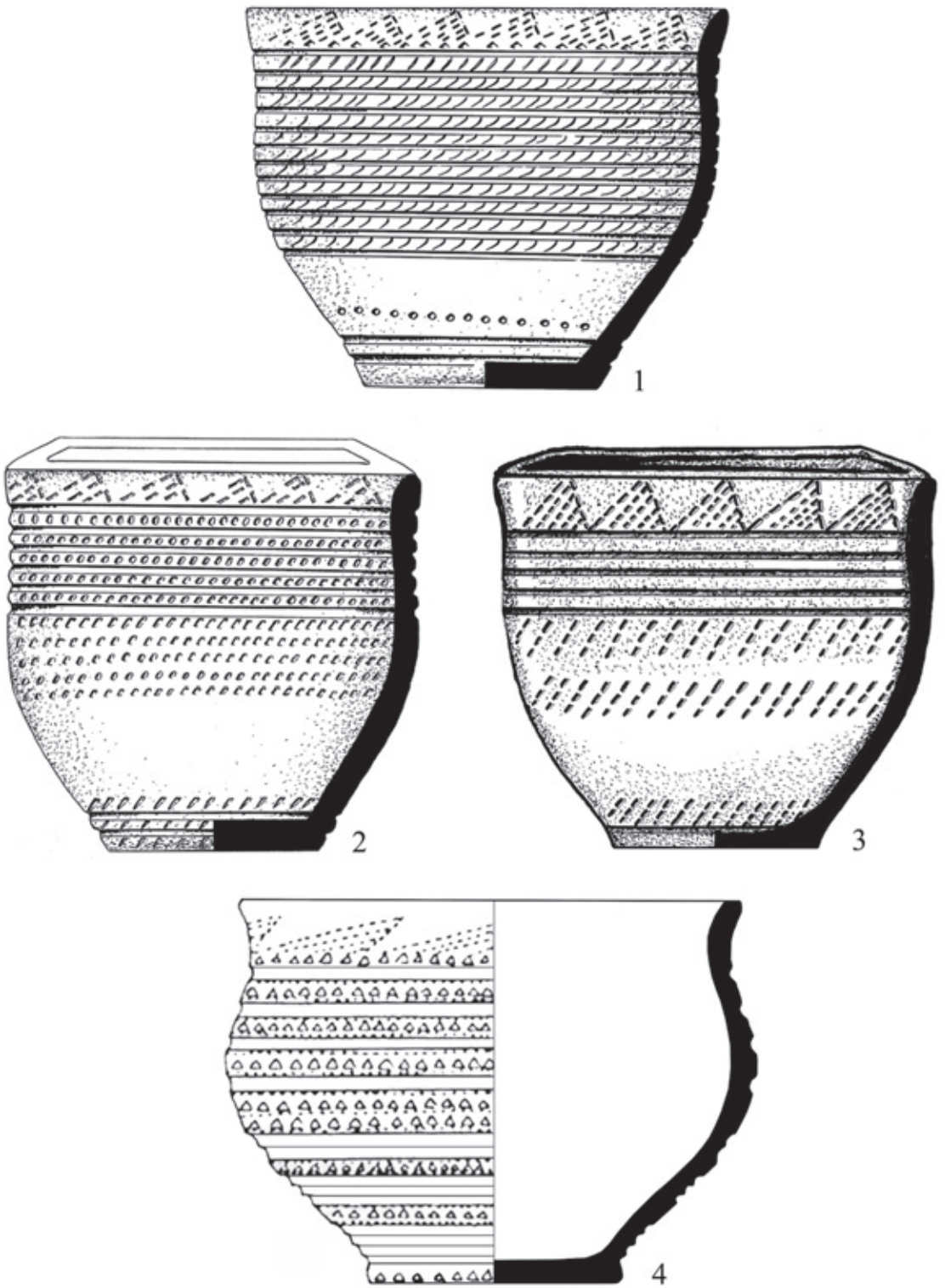


Табл. 282. 1 - Преображенка III, к. 34, п. 3; 2 - Сухое озеро I, к. 243, м.; 3 - Новая Чёрная II, к. 1, м. 1; 4 - Берёзовский, огр. 13.

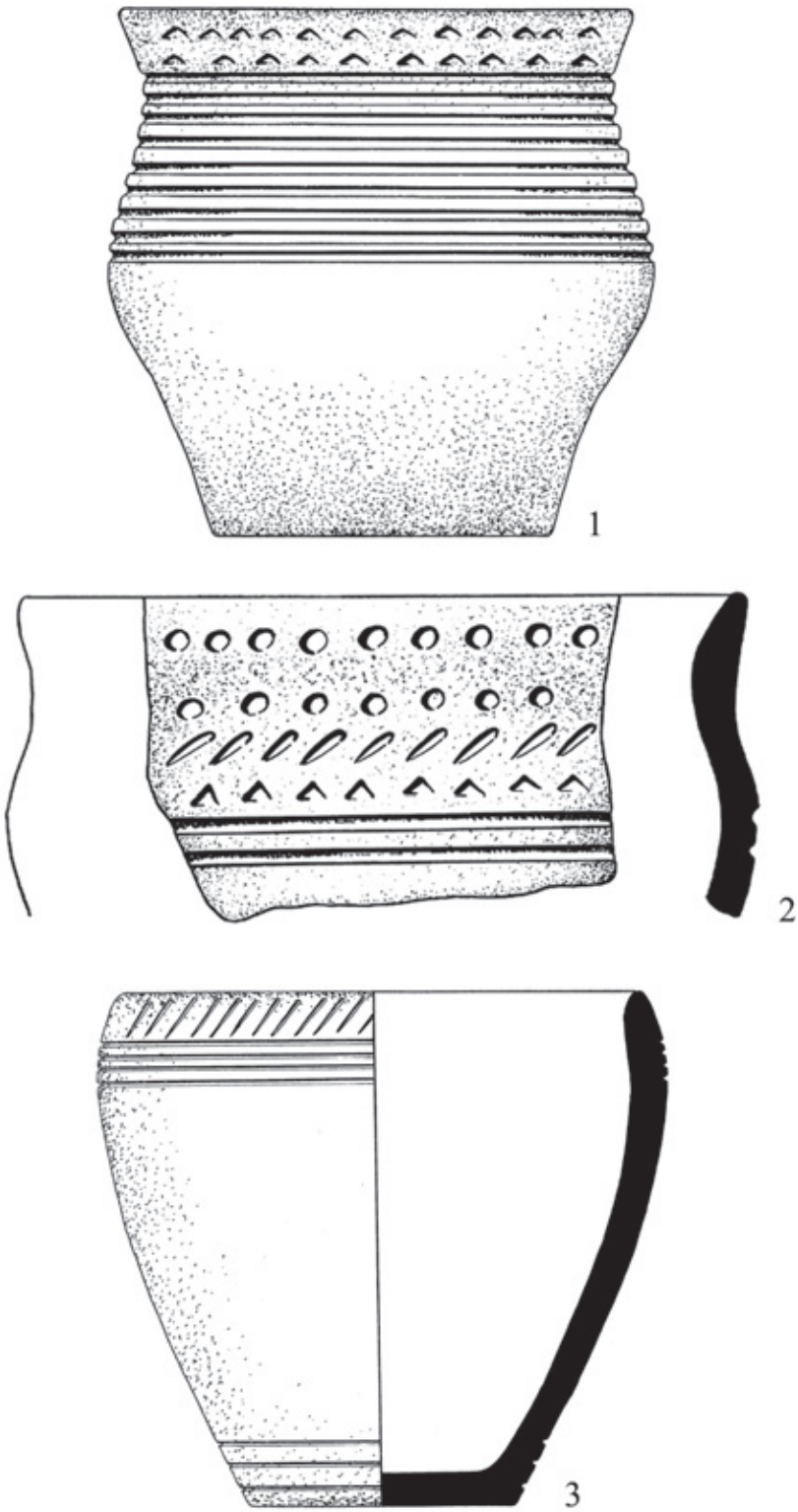


Табл. 283. 1 - Обалы, огр. 7; 2 - Сухое озеро IA, к. Ж, м. 3; 3 - Бозенген.

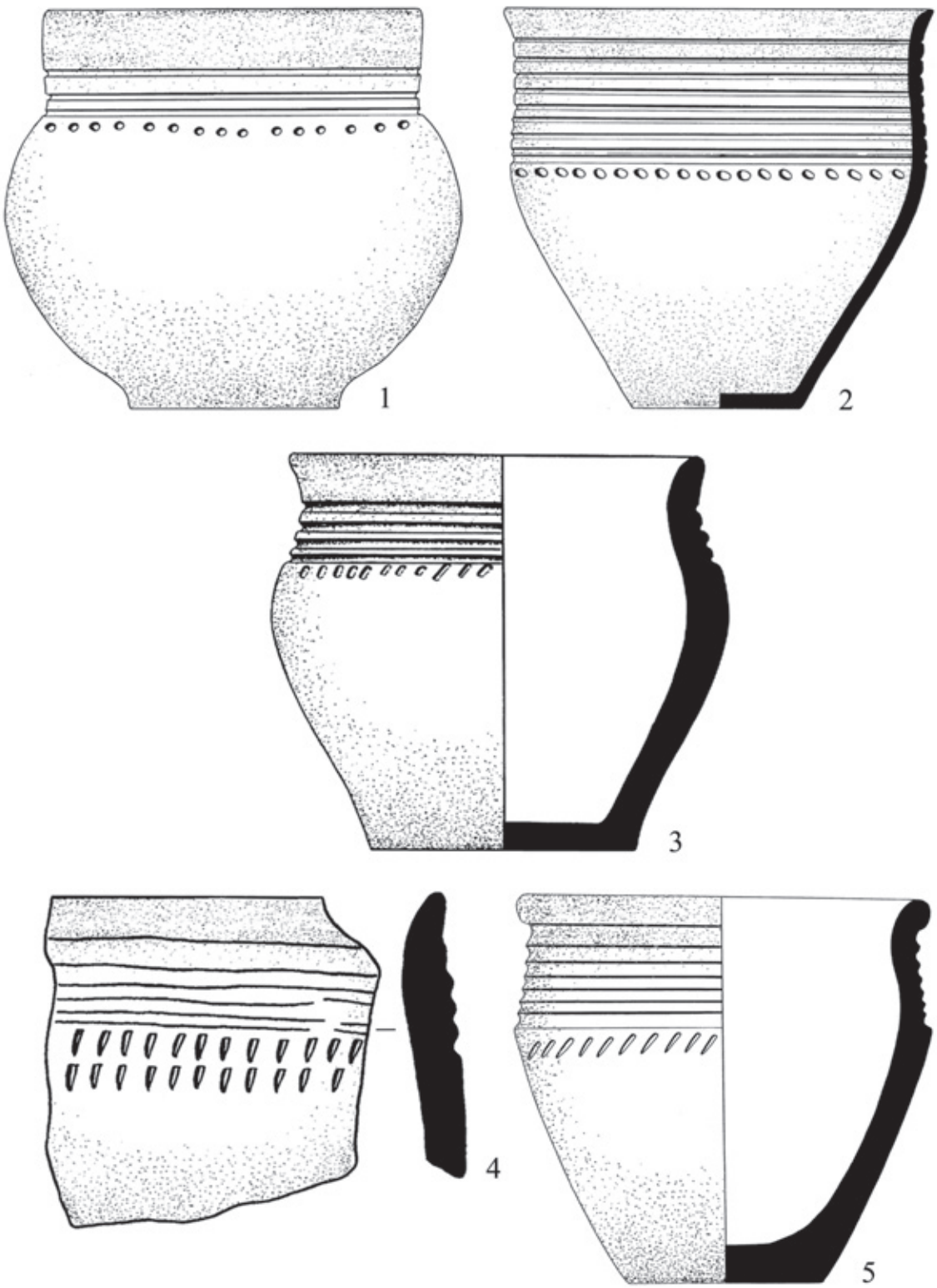


Табл. 284. 1 - Беласар, кур.-огр. 2; 2 - Юрман I, к. 3, м.; 3 - Талапты; 4 - Шет I, огр. 3; 5 - Икпень I, жерт. 1.

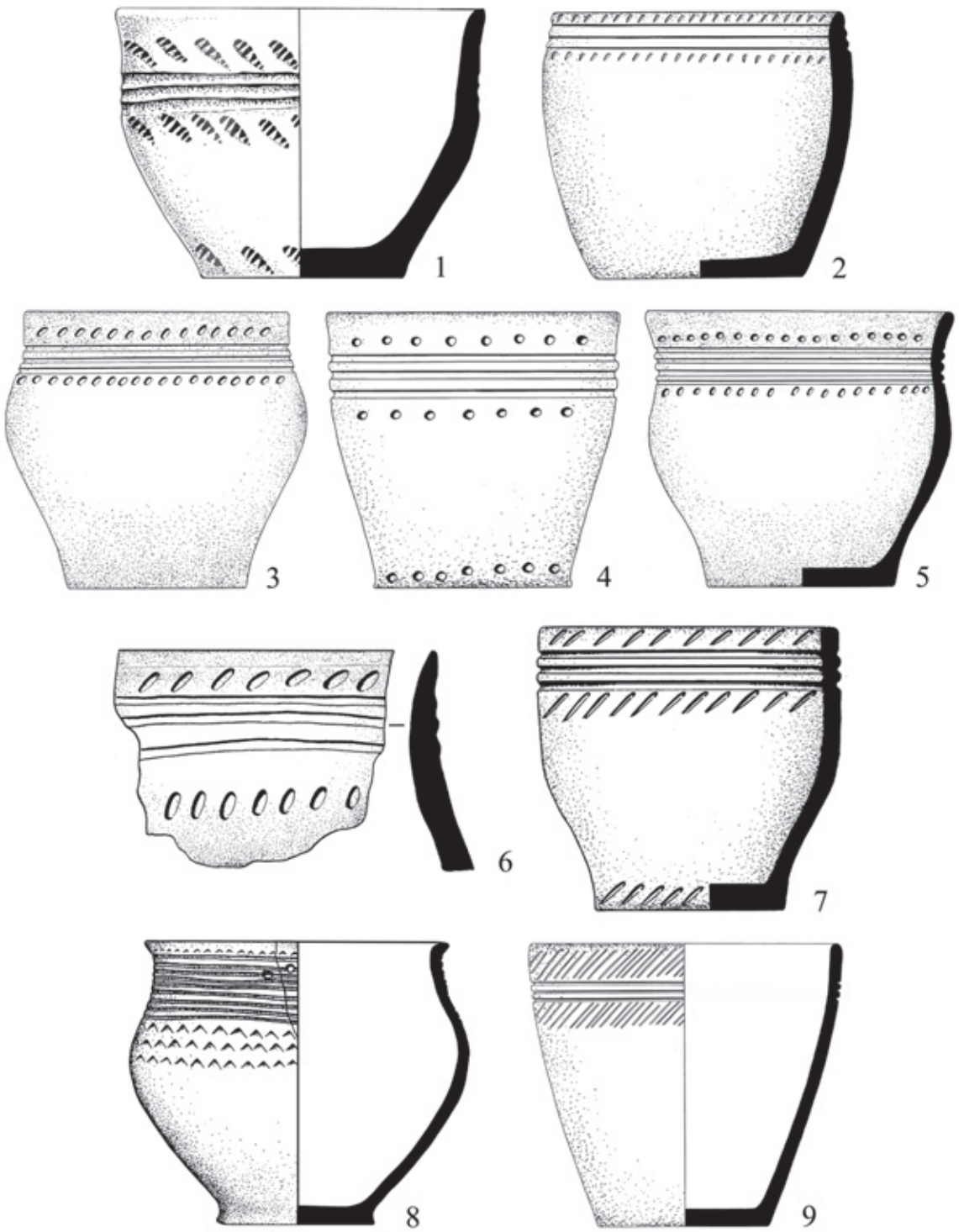


Табл. 285. 1 - Фирсово XIV, м. 63; 2 - БЕ-XVI, м. 4; 3 - Сангру II, огр. 5; 4 - Быково II, пом-к; 5 - Беласар, кур.-огр. 2; 6 - Средняя база Беткудук, огр. 3, погр. кам.; 7 - Преображенка III, к. 95, п. 3; 8 - Большеказакбаевский, к. 19, яма 2; 9 - Мичурино I.

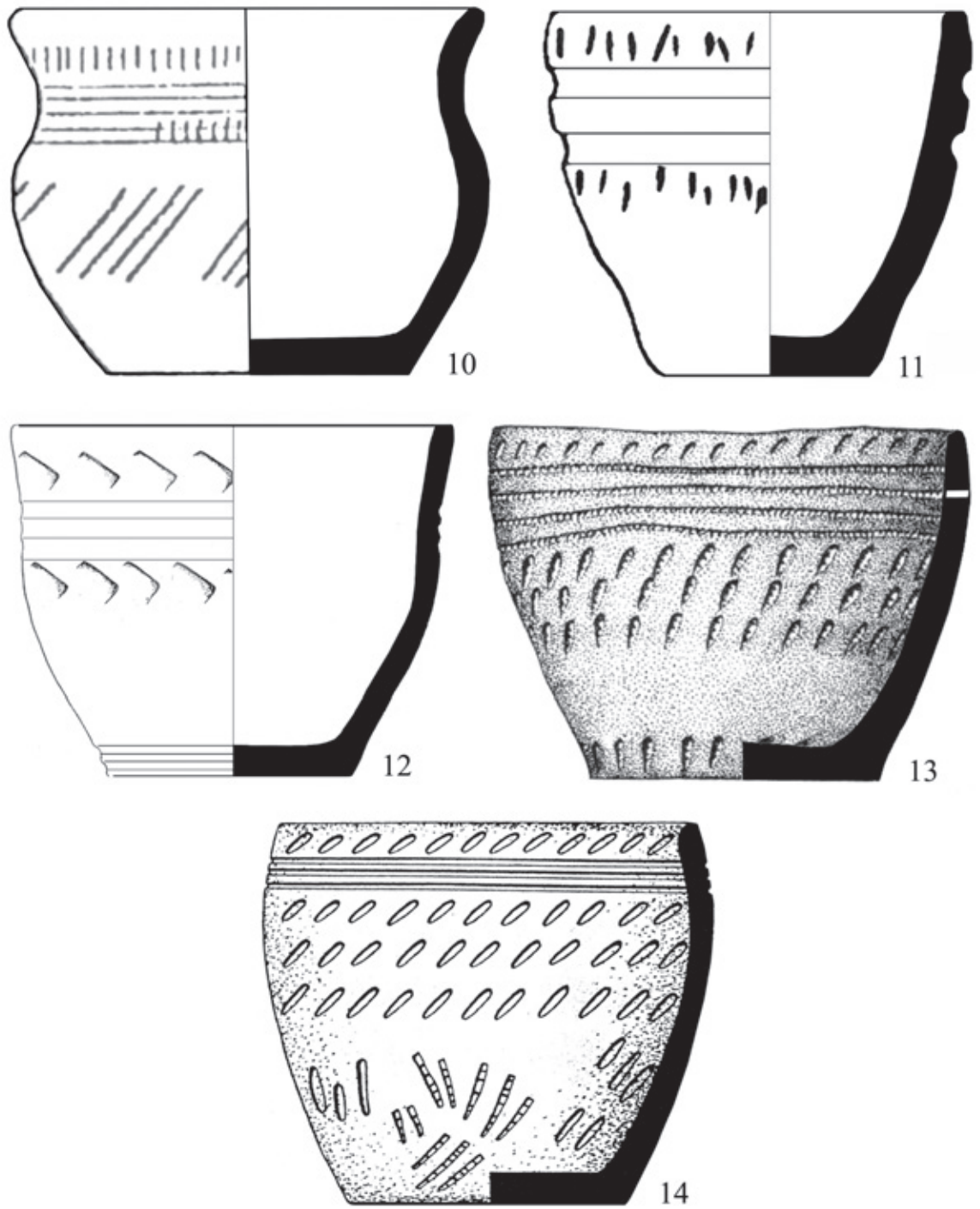


Табл. 285 (продолжение). 10 - Маринка, м. 11; 11 - Барашки, огр. 28; 12 - Фирсово XIV, м. 8, № 1; 13 - Тартас-1, захор. 358; 14 - Новая Чёрная III, м. 4.

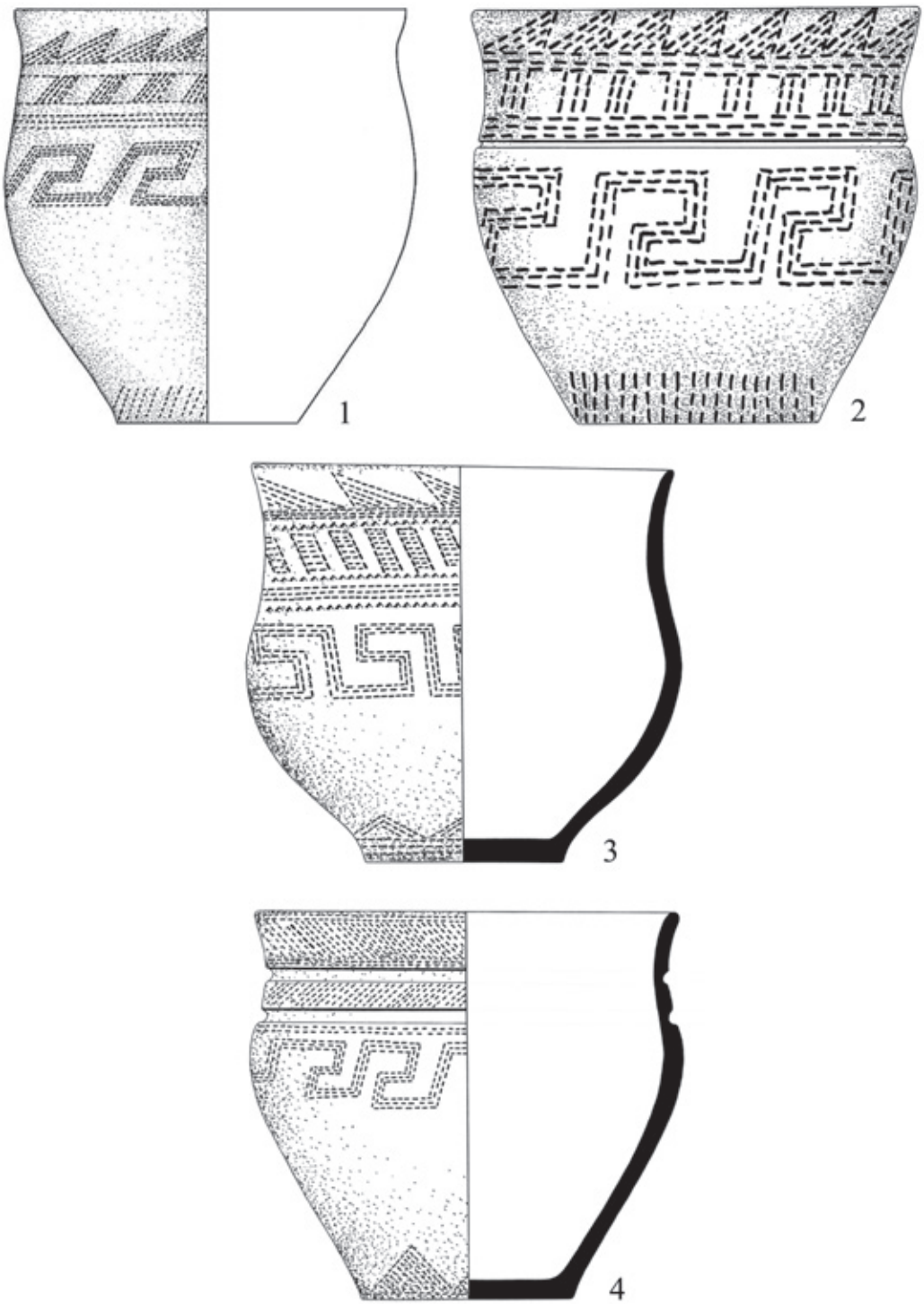


Табл. 286. 1 - Алыпкаш; 2 - Нижняя Суетка, м. 1; 3 - Лисаковский I; 4 - Мичурино I.

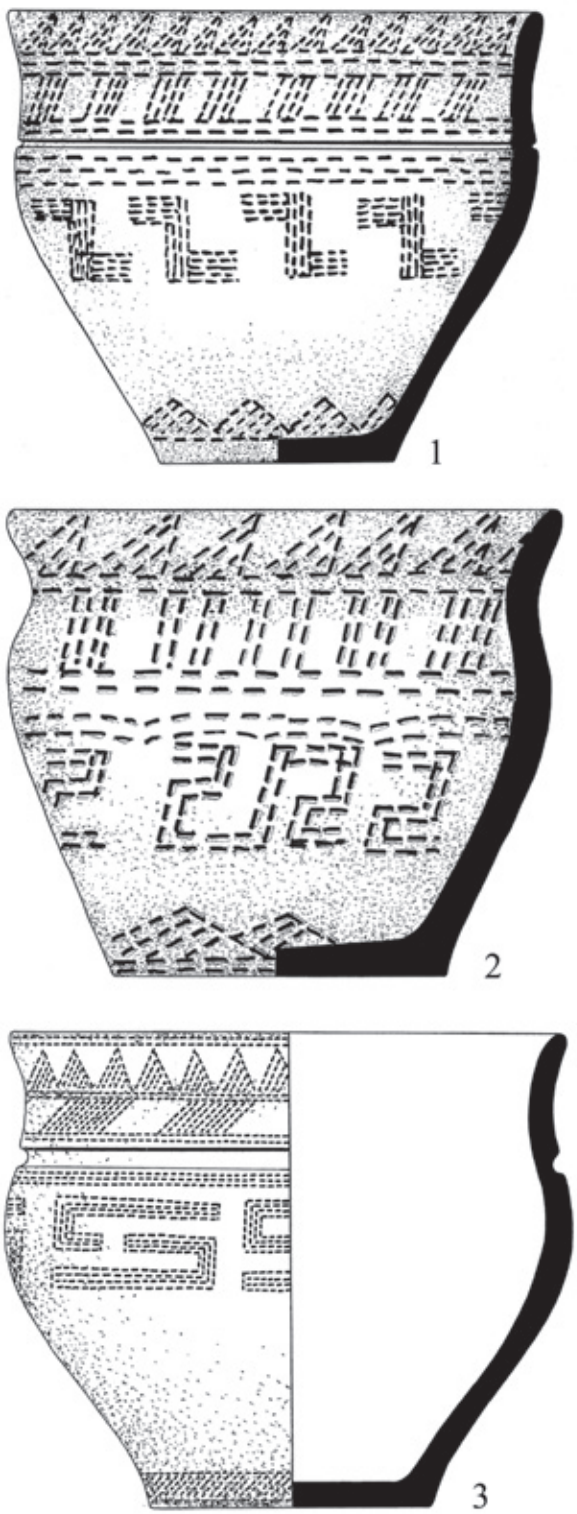


Табл. 287. 1 - Преображенка III, п. 5; 2 - Преображенка III, к. 8, п. 6; 3 - Мичурино I.

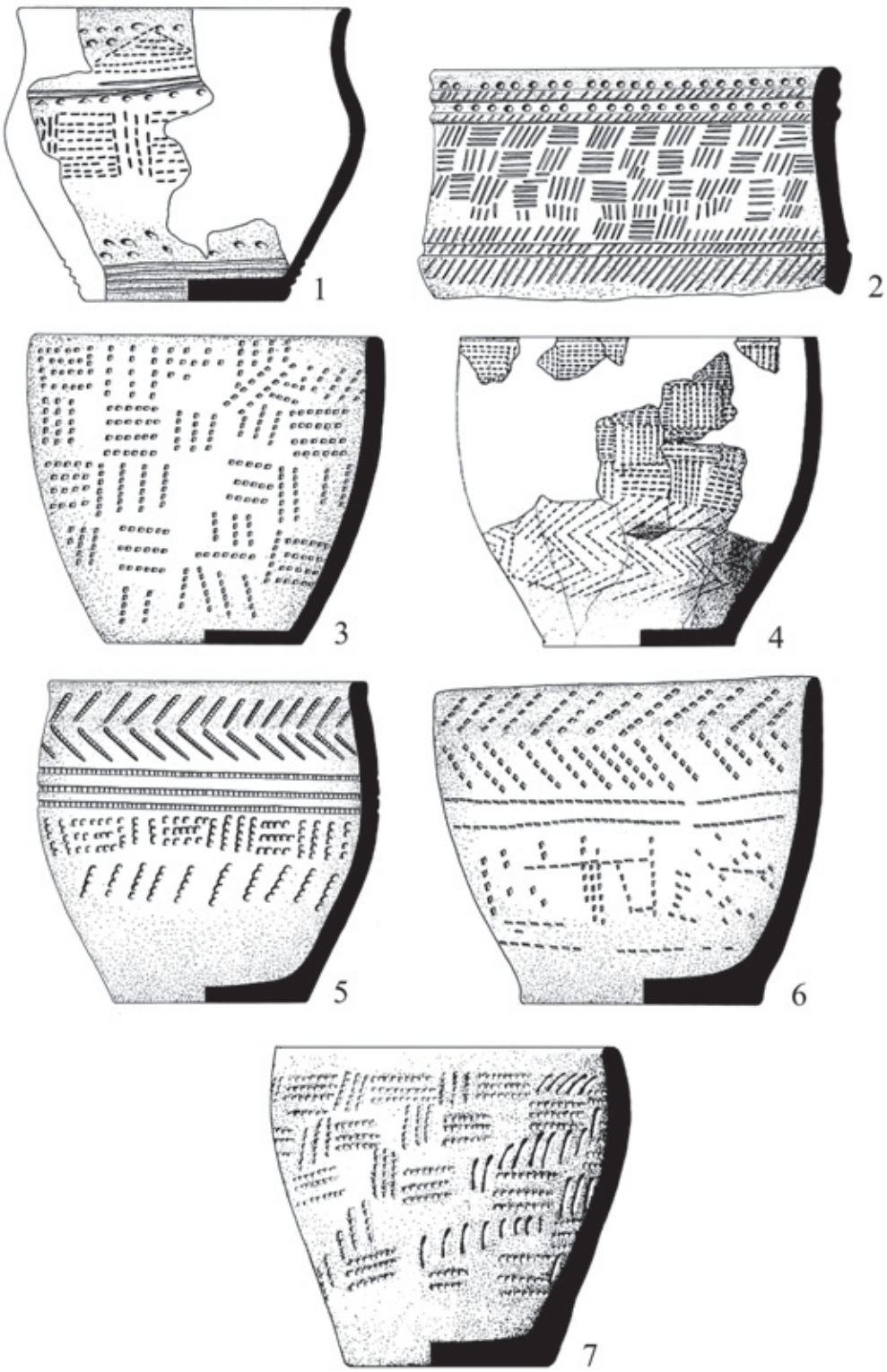


Табл. 288. 1 - Преображенка III, 2 - Сухое озеро I; 3 - Подтурино; 4 - Тамбар; 5 - Юрман I; 6 - Старый Тартас-4; 7 - Кытманово.

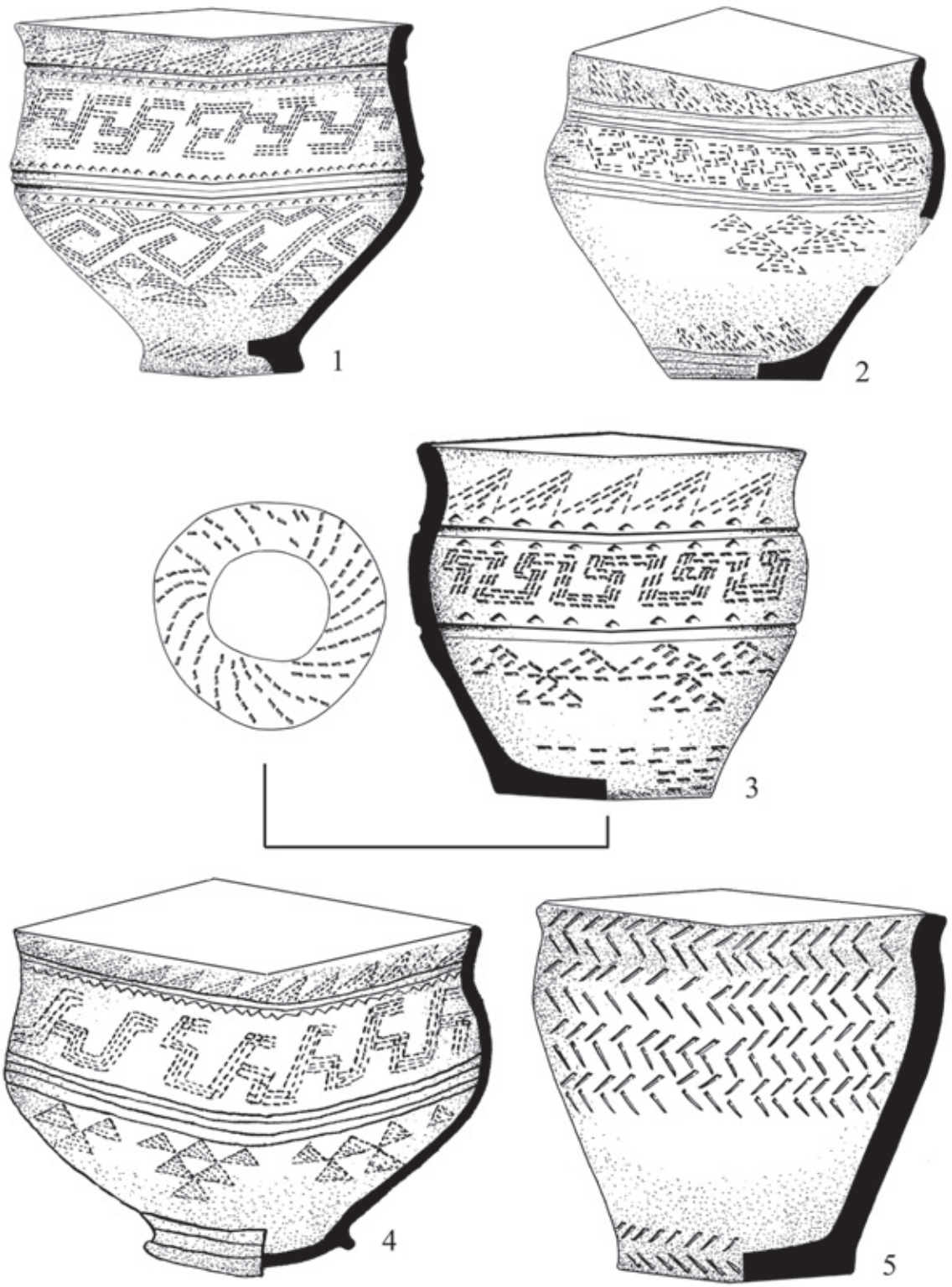


Табл. 289. Сосуды с подквадратным устьем из андроновских комплексов:
1 - Старый Тартас-4; 2 - Сухое озеро I; 3 - Вахрушево; 4 - ЕК-II; 5 - Ашпыл.

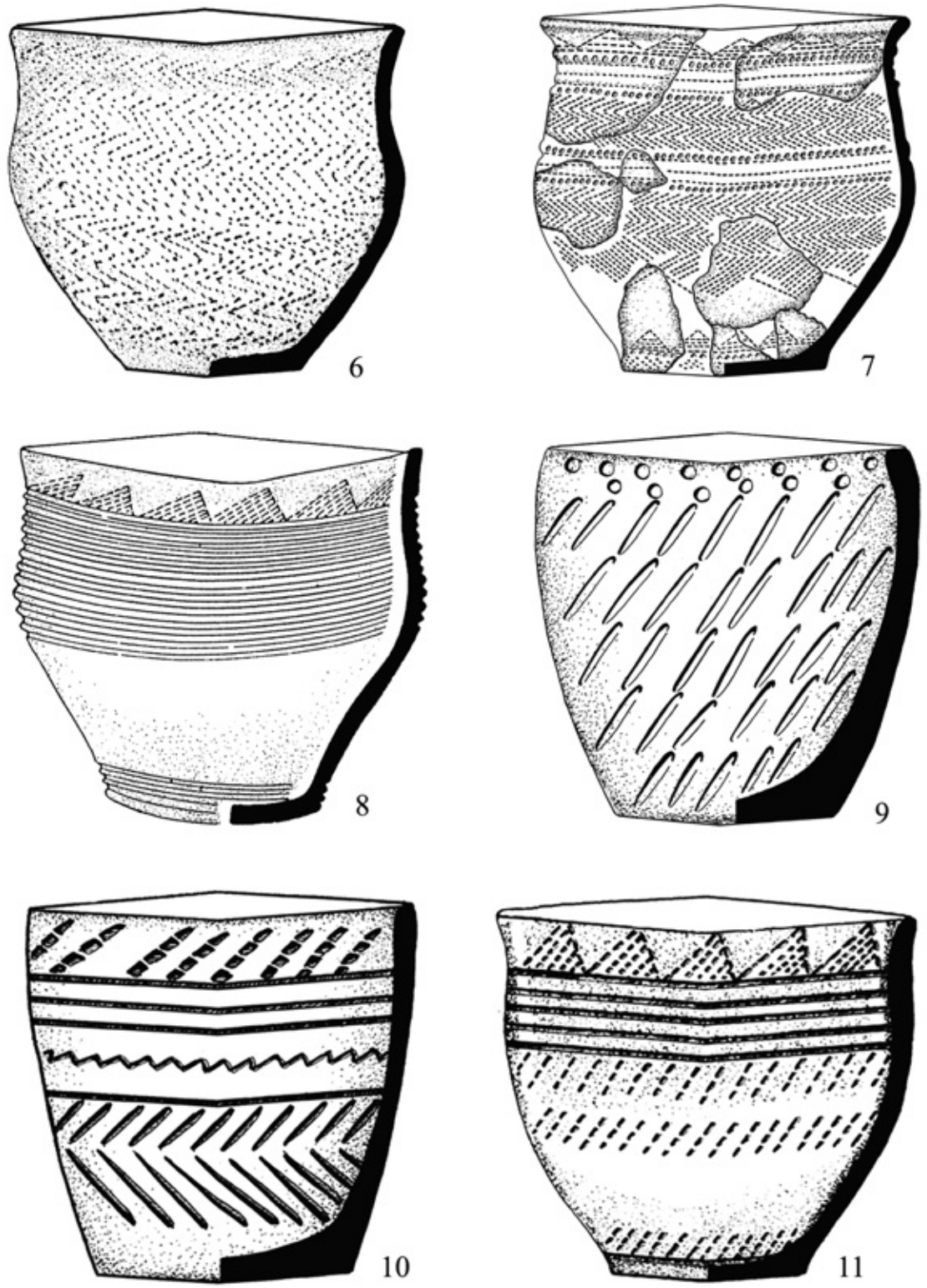


Табл. 289. **Сосуды с подквадратным устьем из андроновских комплексов (продолжение):**
6, 10 - Преображенка-III; 7 - Старый Тартас-4; 8 - Сухое озеро I; 9 - Сухое озеро IA;
11 - Новая Чёрная II.

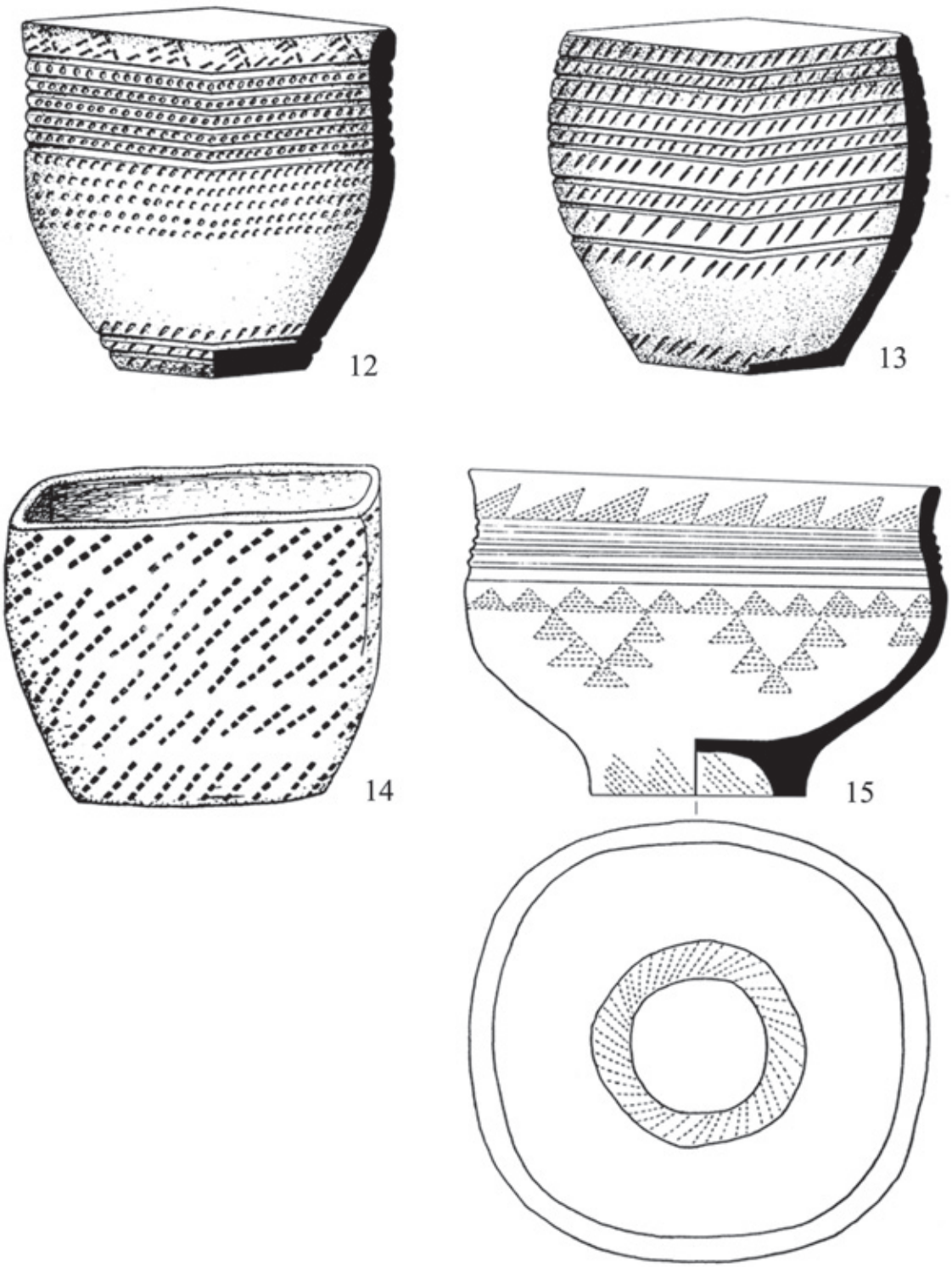


Табл. 289. Сосуды с подквадратным устьем из андроновских комплексов (продолжение):
12 - Сухое озеро I; 13 - Новая Чёрная II; 14 - ЕК-II; 15 - Старый Сад.

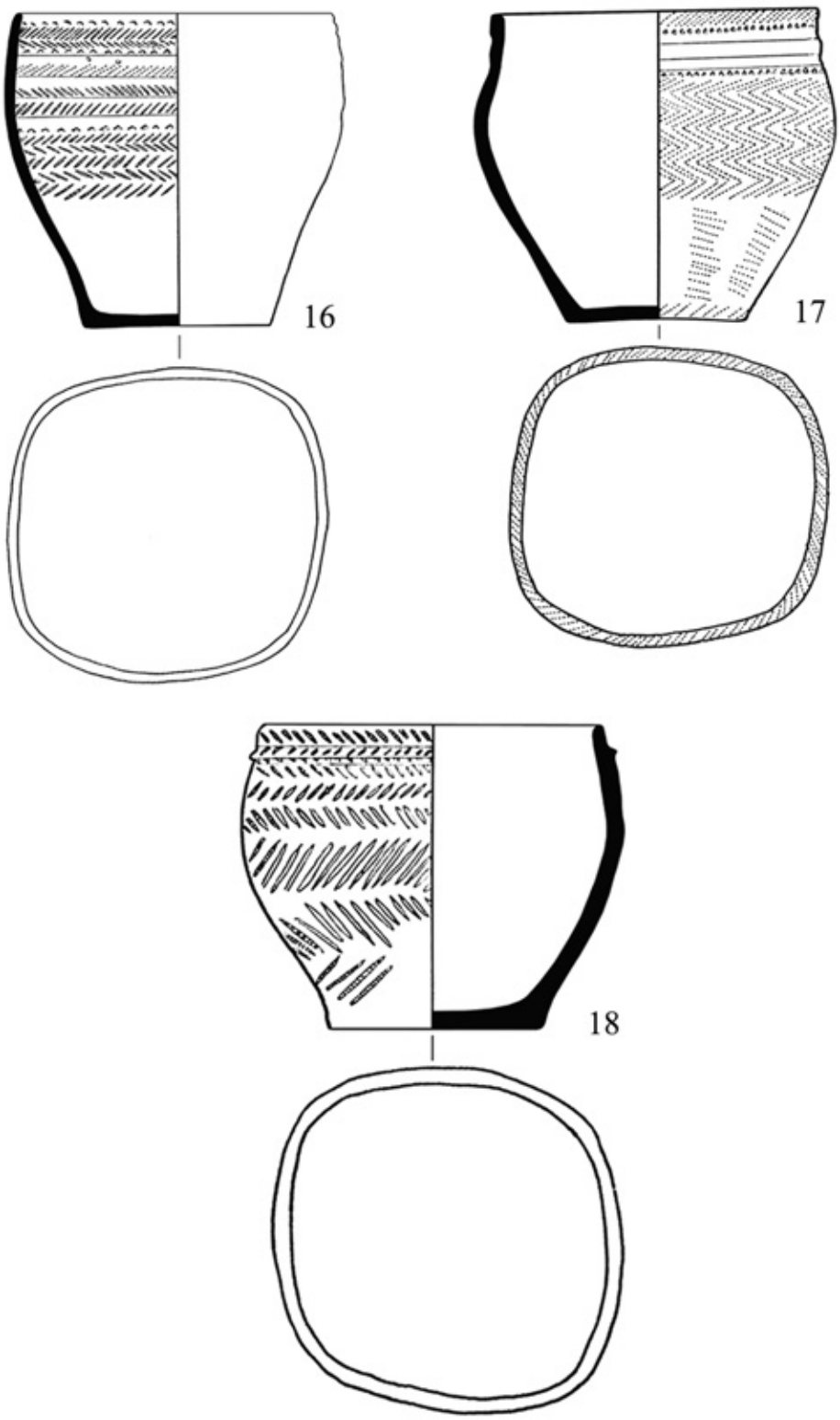


Табл. 289. Сосуды с подквадратным устьем из андроновских комплексов (продолжение):
16-18 - Старый Сад.

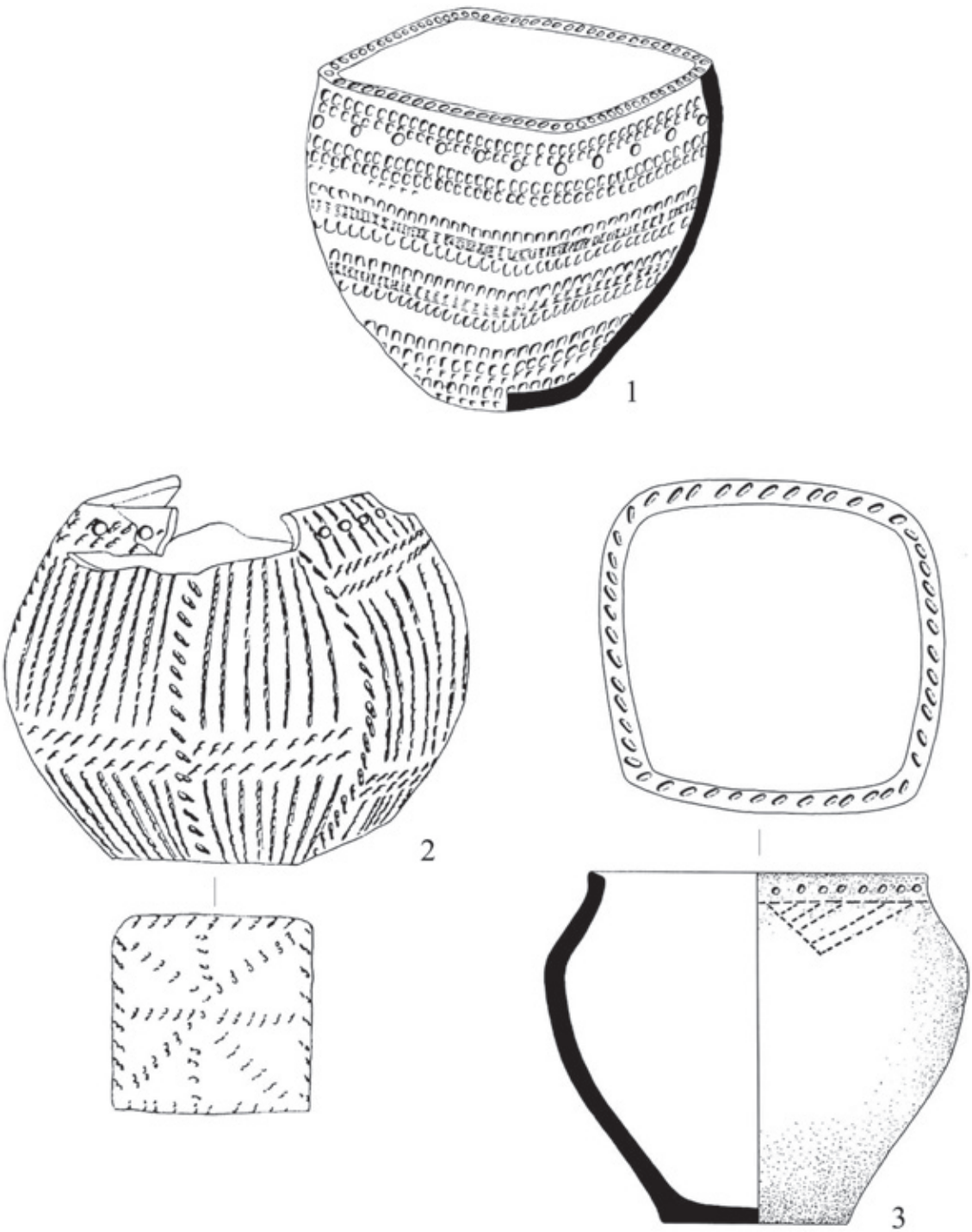


Табл. 290. Параллели андроновским сосудам с подквадратным устьем:
1, 2 - могильник у д. Окунево; 3 - могильник Такталачук.

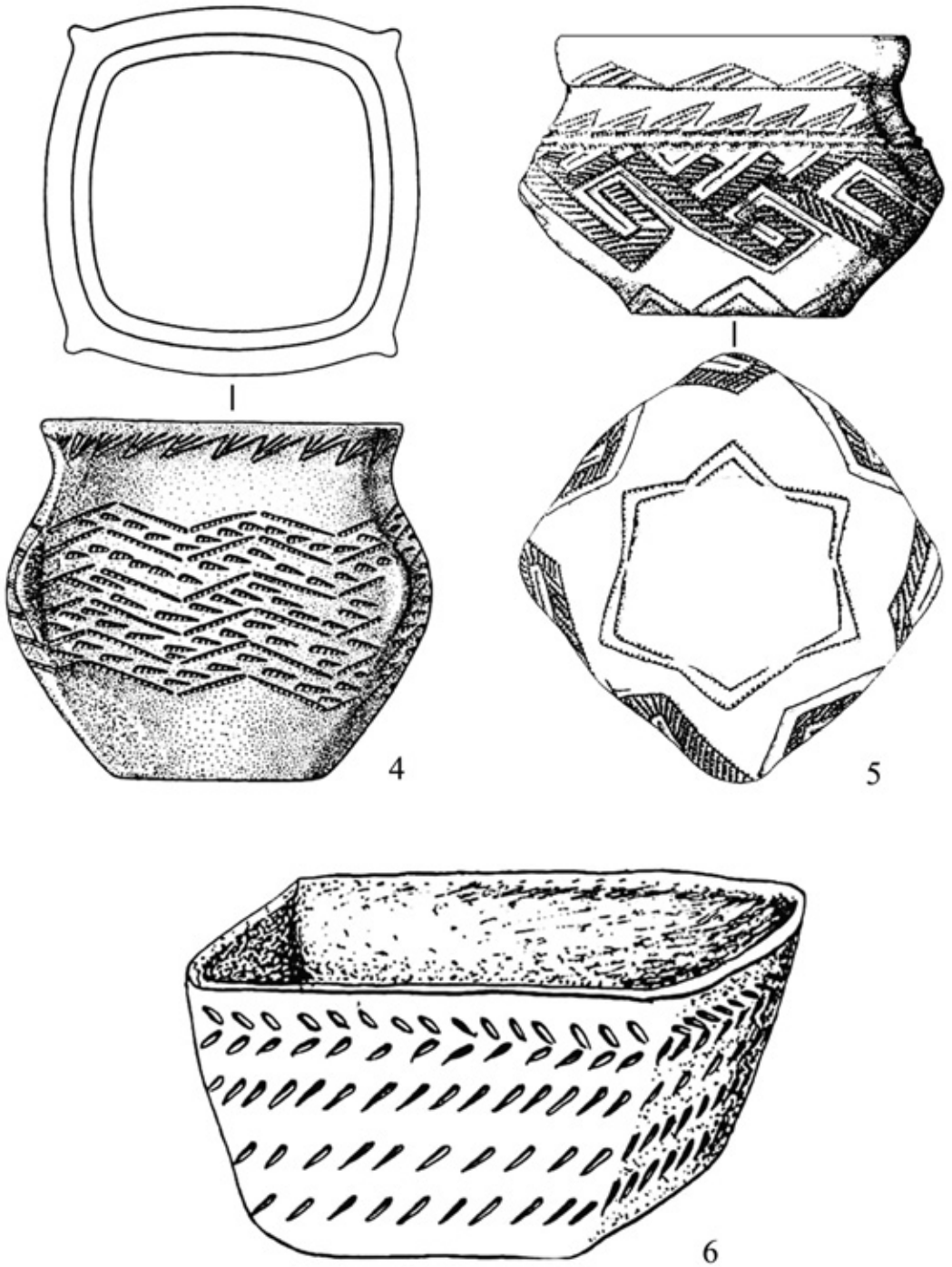


Табл. 290. Параллели андроновским сосудам с подквадратным устьем (продолжение):
4 - Красноярское городище; 5 - могильник Старый Сад; 6 - ЕК-II, м. 205.

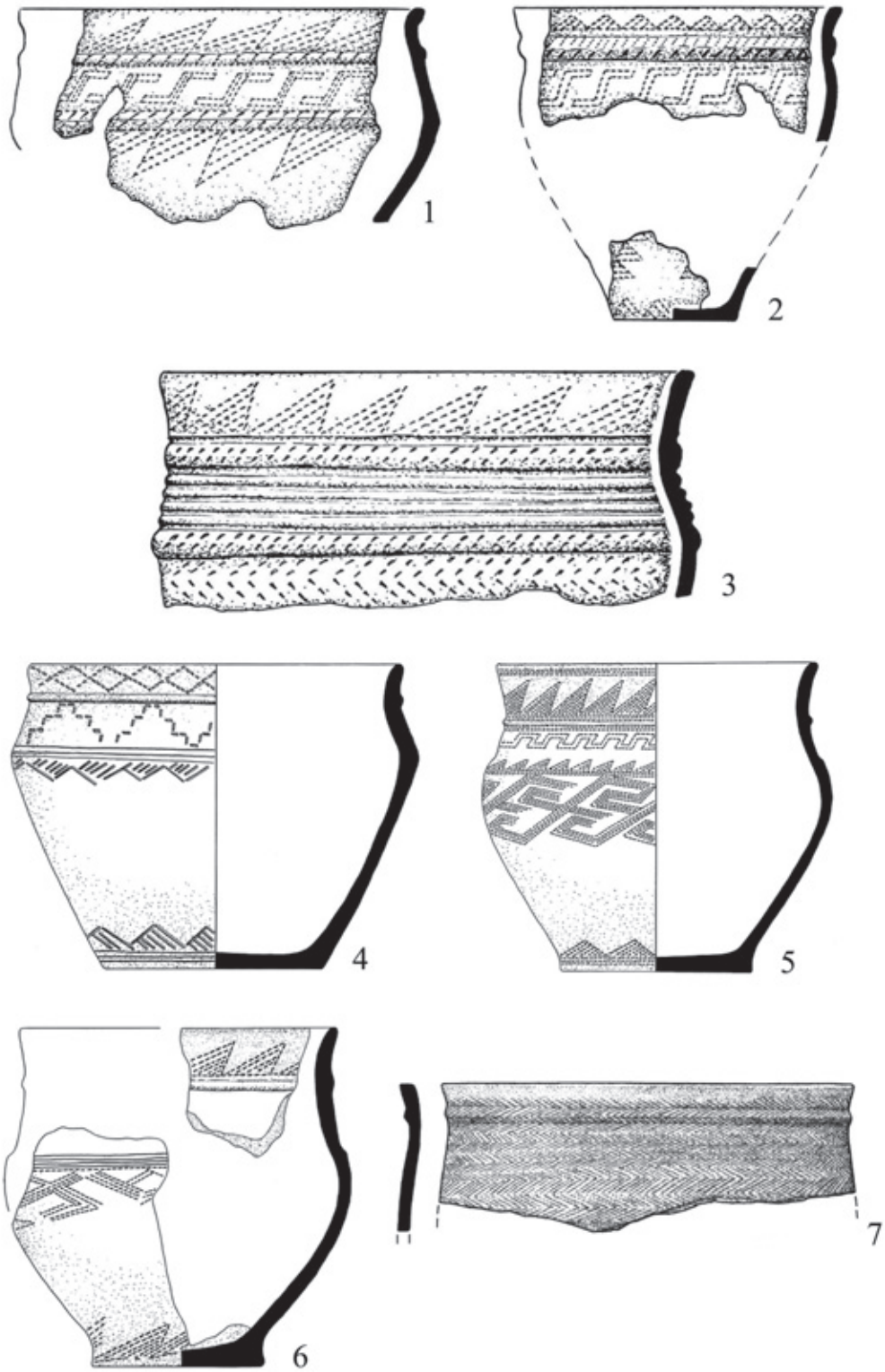


Табл. 291. Андроновская керамика с валиком: 1, 2 - Сухое озеро I; 3 - Пристань I; 4 - Звенигородка, ограда 4, м.; 5 - Солнце-Талика, к-н 1, м.; 6 - Солнце-Талика, к-н 6, центральная яма; 7 - Погорелка-2, к-н 13.

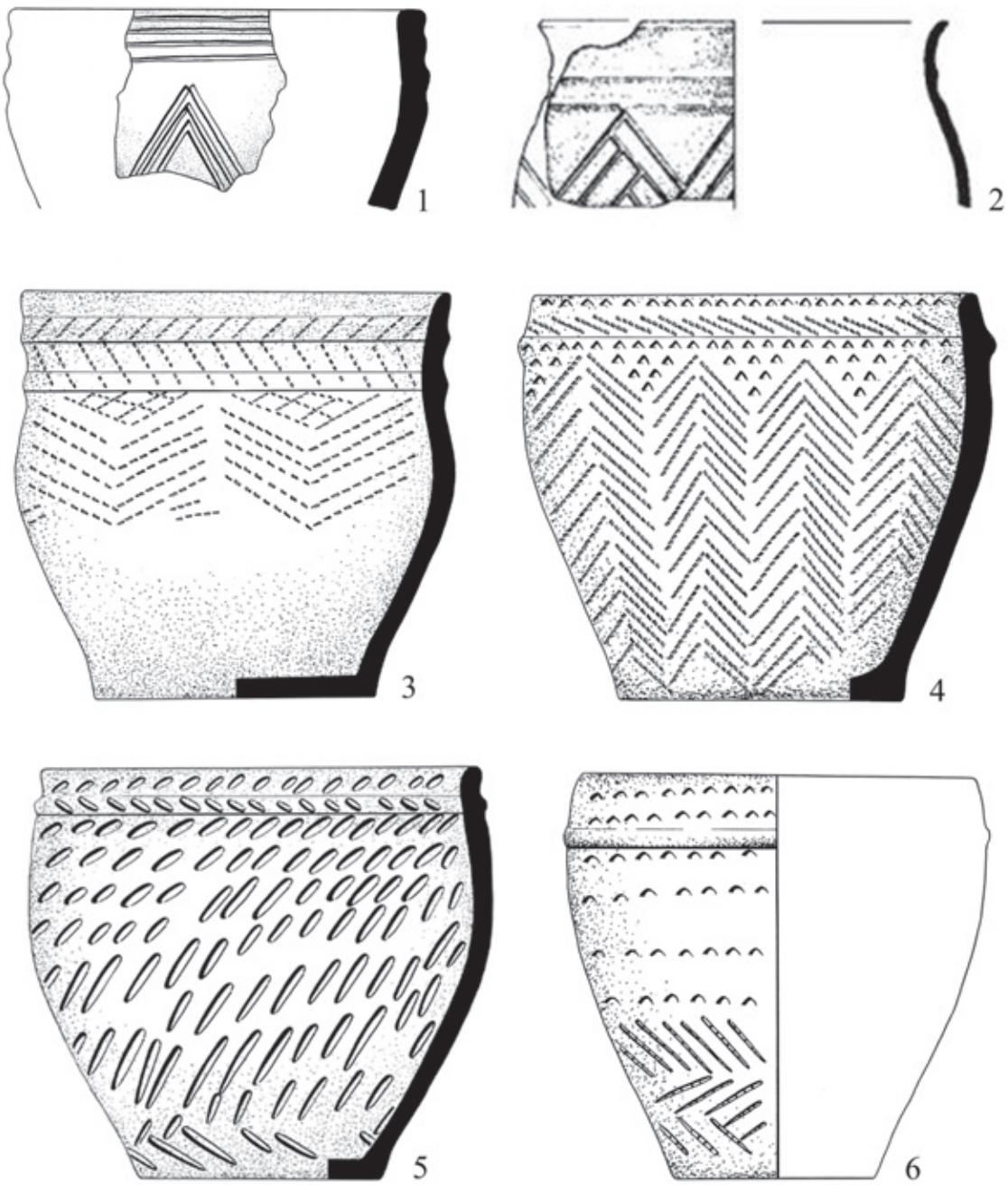


Табл. 292. Андроновская керамика с валиком: 1 - Шет II, ограда 2; 2 - Устье-Бири IV, м. 21; 3 - Вахрушево;4 - Старый Тартас-4, к-н 4, п. 1; 5 - Старый Тартас-4, к-н 6, п. 1; 6 - Подтурино.

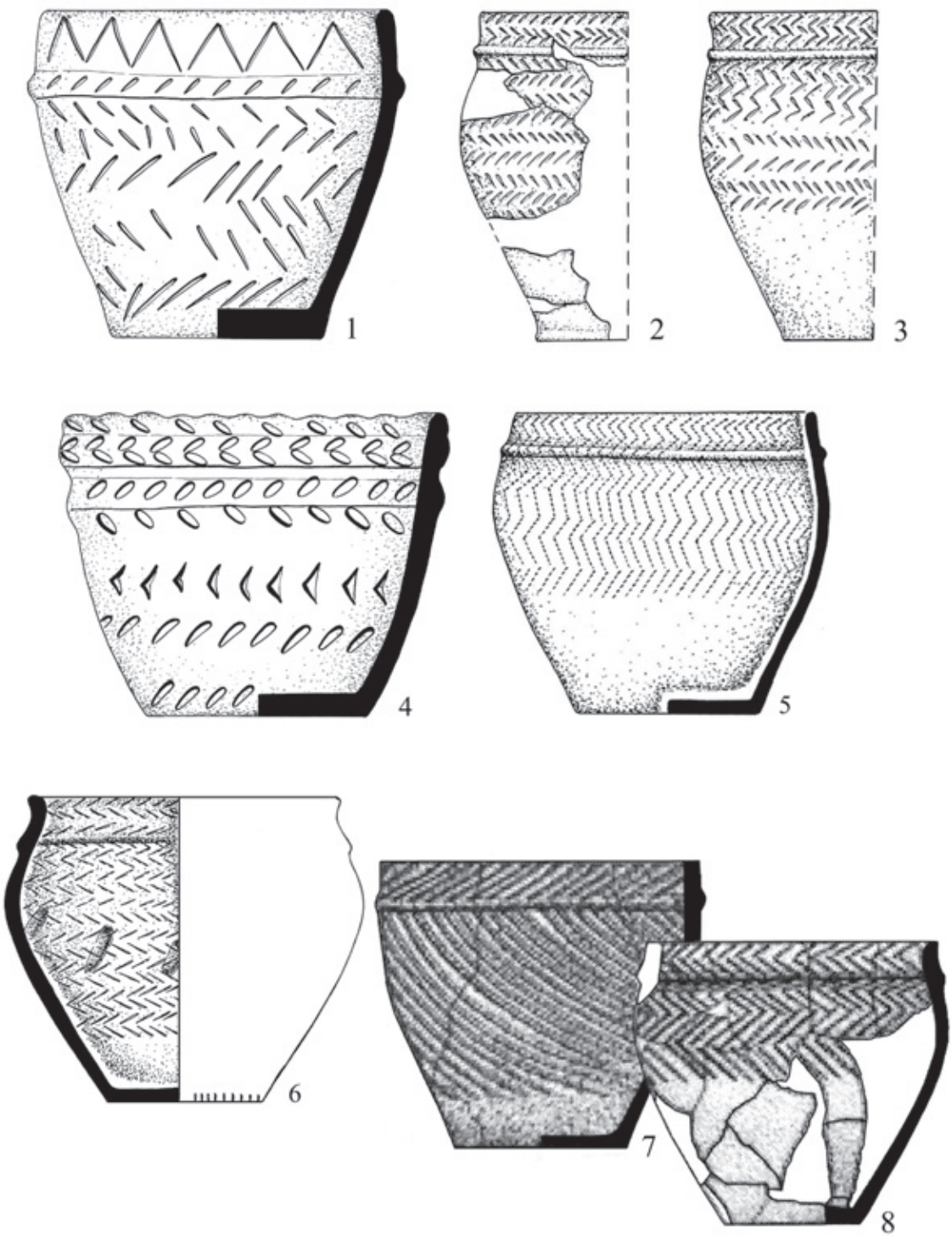


Табл. 293. Андроновская керамика с валиком: 1 - Новая Чёрная III, м. 16; 2, 3 - Солёноозёрная I; 4 - Преображенка III; 5 - Орак; 6 - Киприно II; 7, 8 - Катково I.

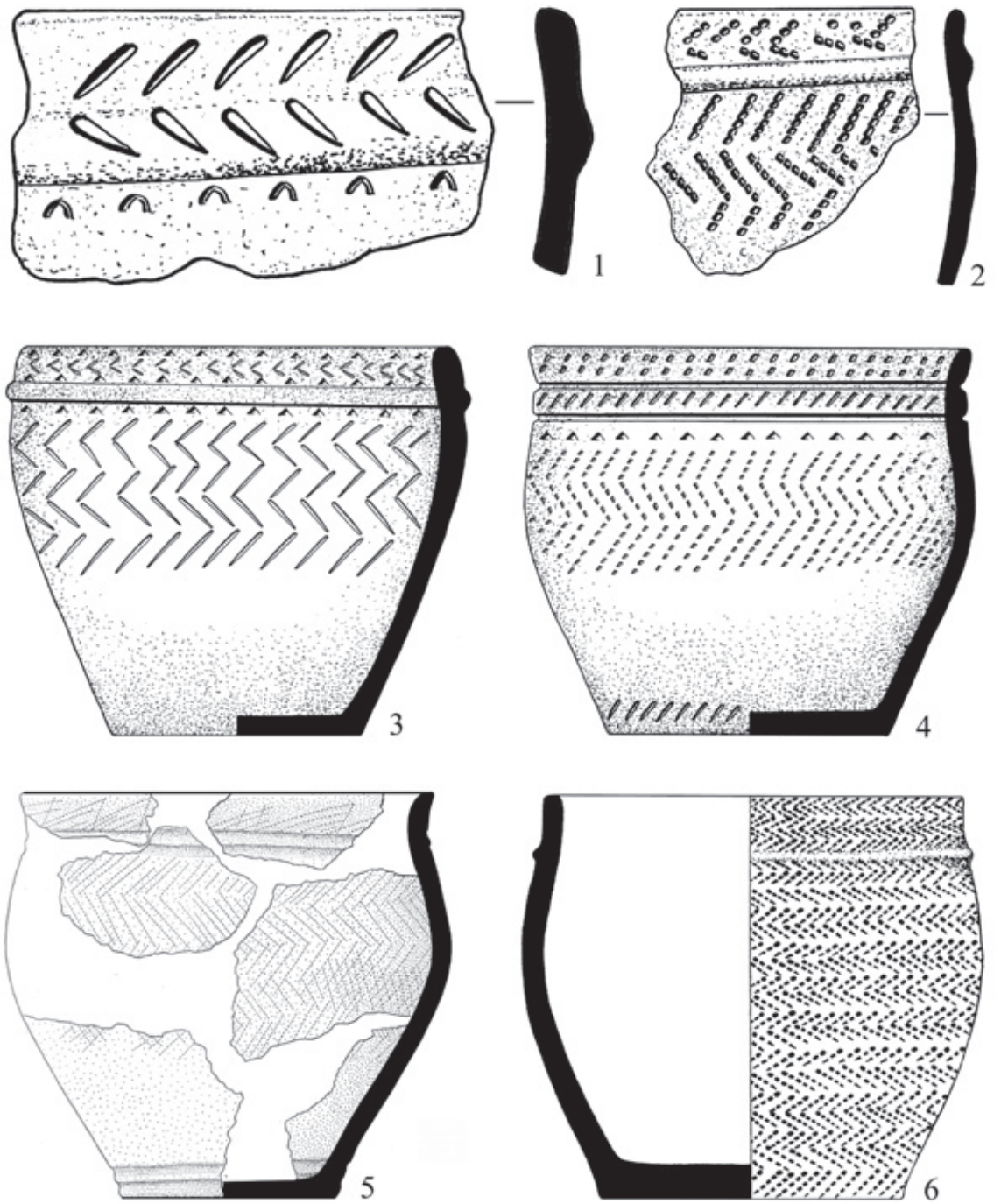


Табл. 294. Андроновская керамика с валиком: 1 - Михайловский, насыпь к-на 8; 2 - Большое Пичугино, к-н 9, м. 3; 3 - Солёноозёрная IV; 4 - Солёноозёрная I; 5 - Чудиновка, к-н 1, м. 1, с. 1; 6 - ЕК-II, м. 237, № 2.

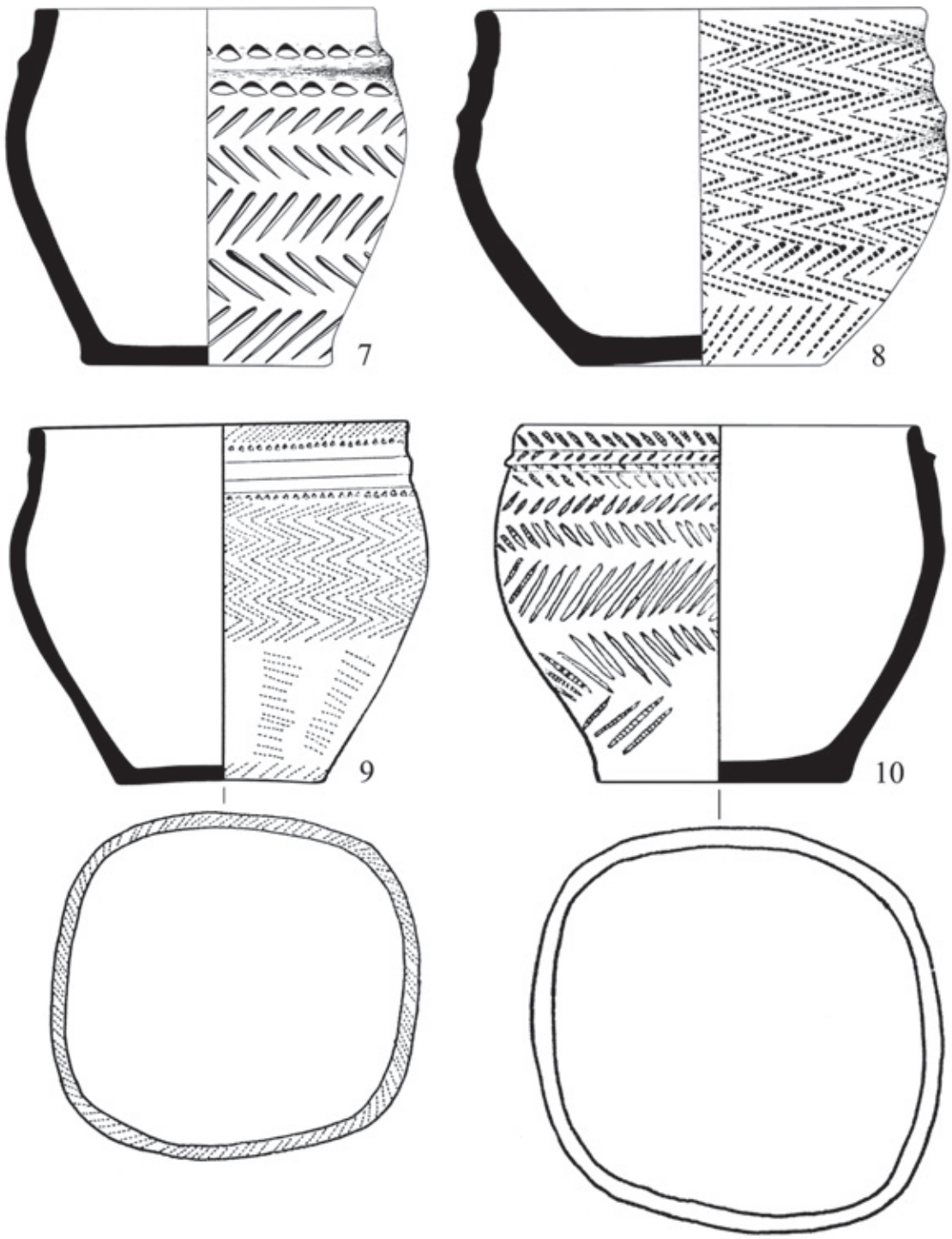


Табл. 294. Андроновская керамика с валиком (продолжение): 7 - ЕК-II, м. 291, № 1; 8 - ЕК-II, м. 318, № 1; 9 - Старый Сад, к-н 80, п. 3, с. 2; 10 - Старый Сад, к-н 44, п. 1, с. 2.

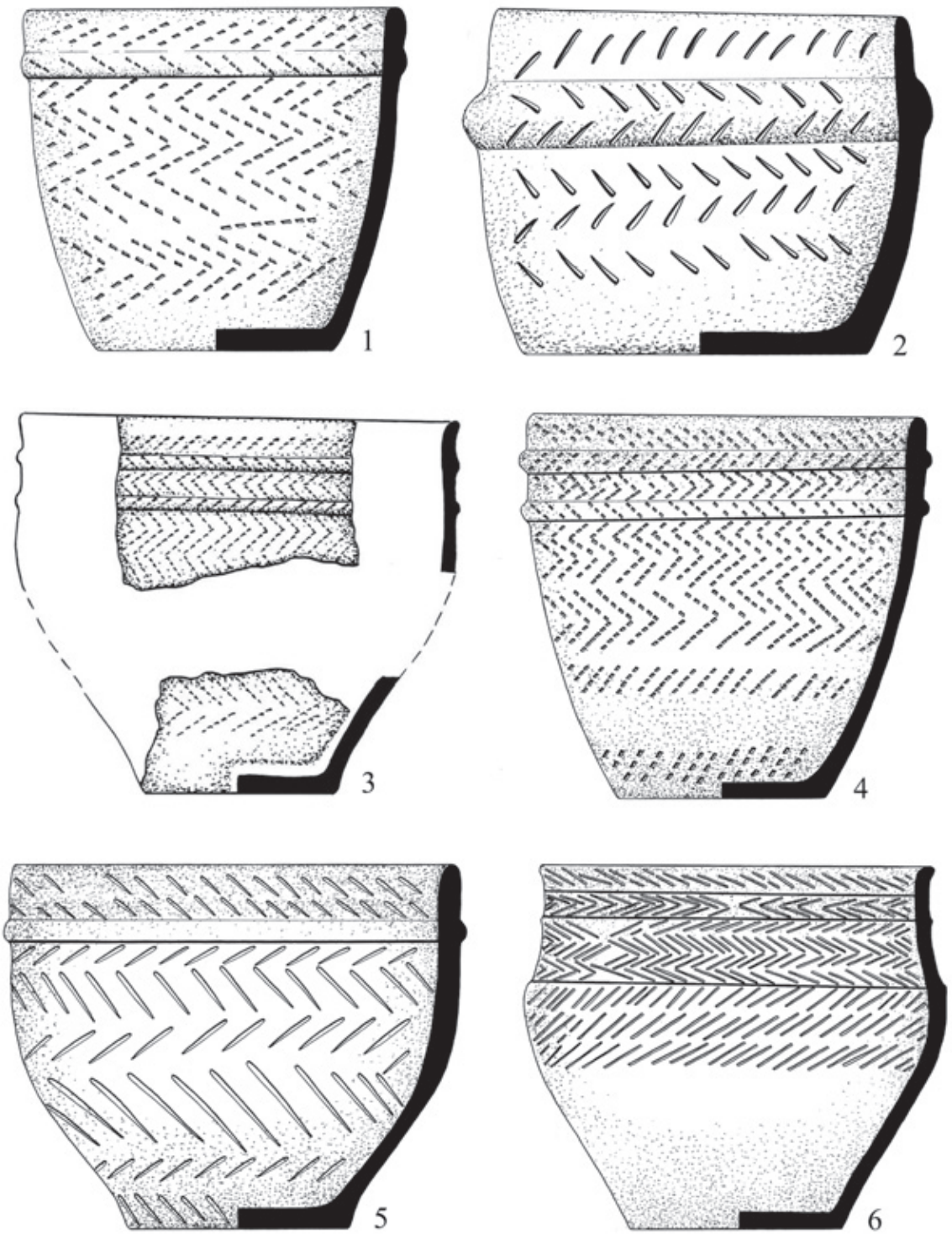


Табл. 295. Андроновская керамика с валиком: 1, 4 - Венгерово VII; 2 - Солёноозёрная I; 3 - Сухое озеро I; 5 - Сухое озеро IA; 6 - Старый Тартас-4, к-н 16, п. 1.

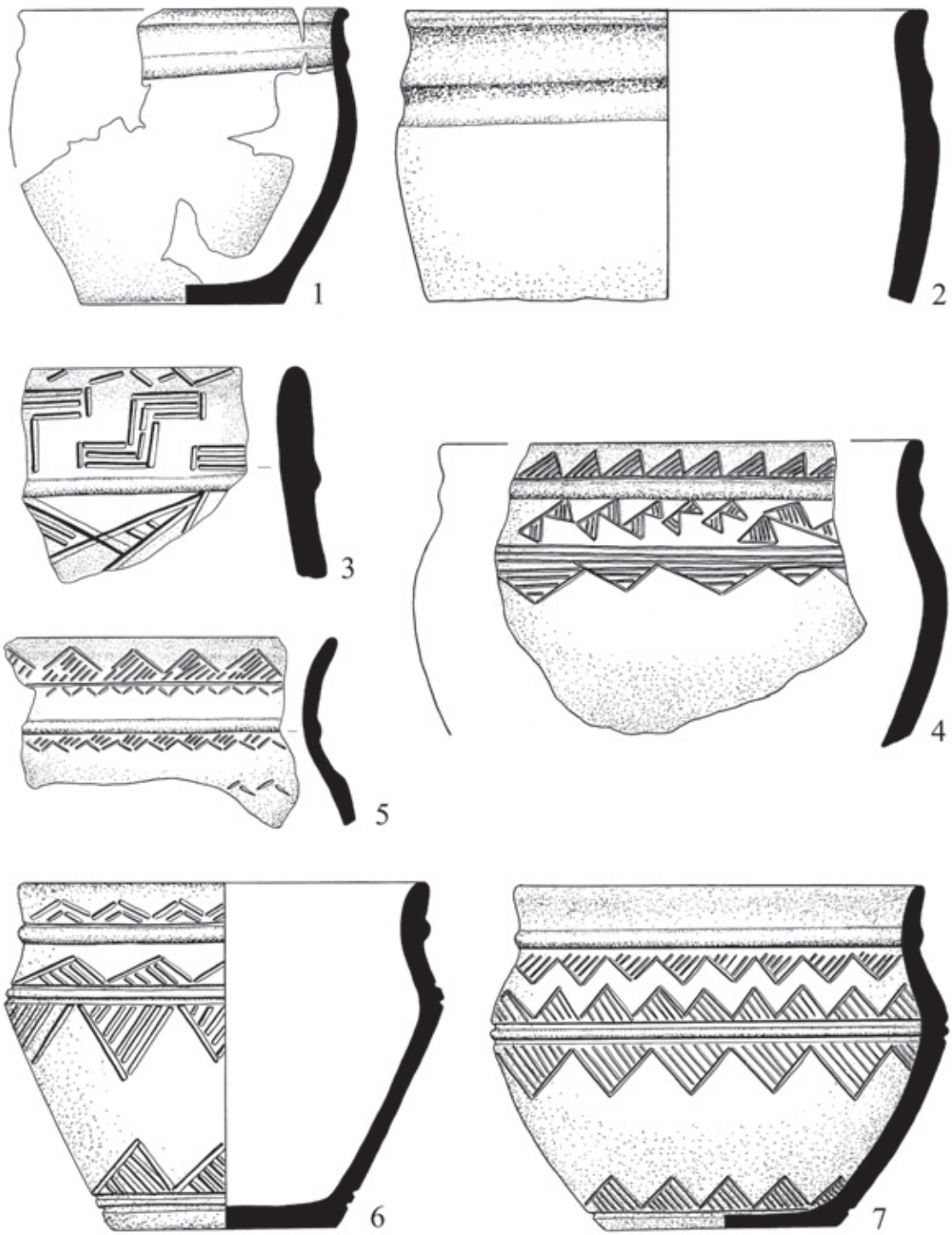


Табл. 296. Андроновская керамика с валиком:1 - Тамгалы I, ограда 2; 2 - Чекановский Лог-10; 3 - Казахстан (?); 4 - Шет II, ограда 2; 5, 6 - Звенигородка, ограда 4, м.; 7 - Шет III.

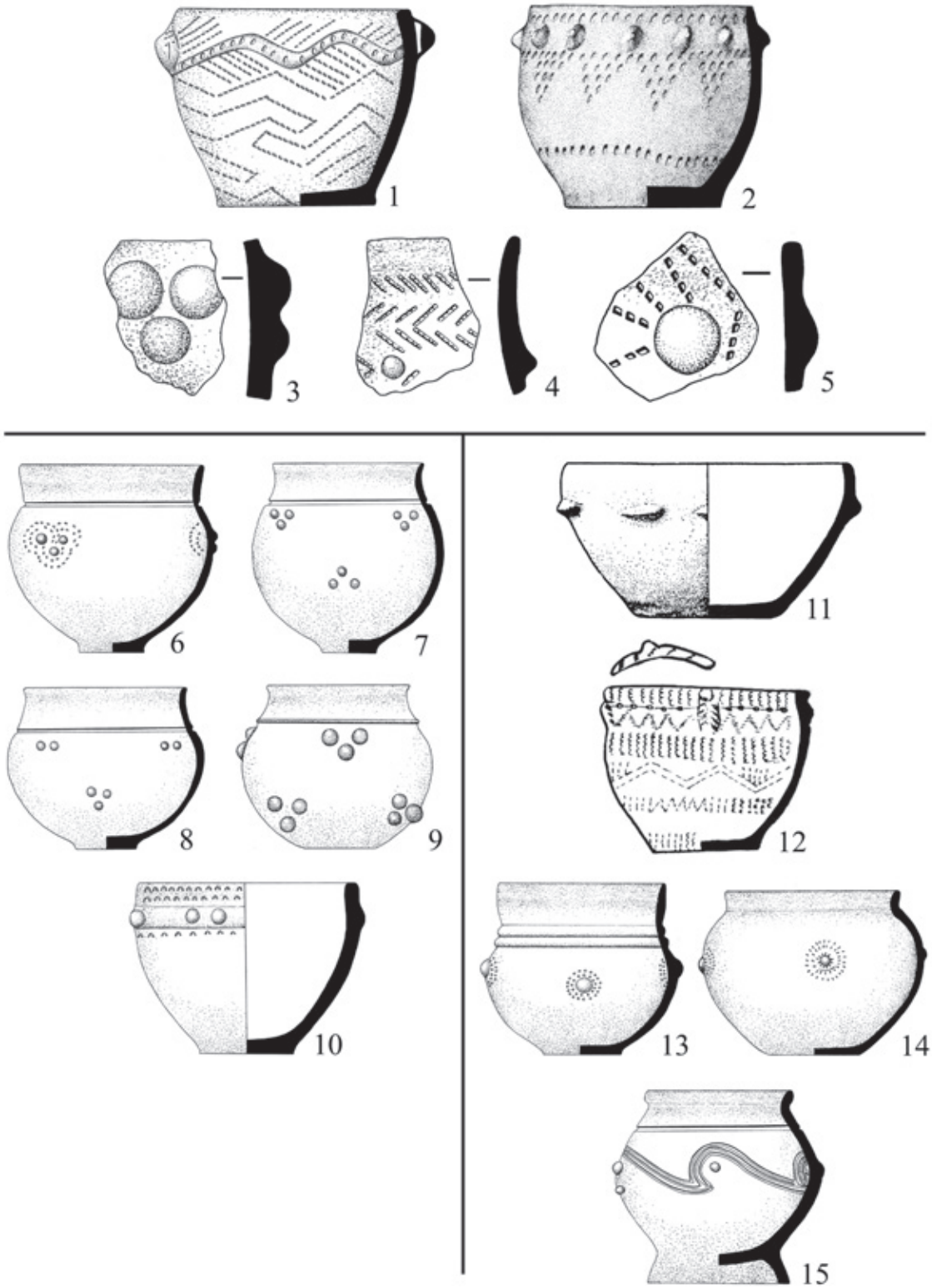


Табл. 297. 1 - Солёноозёрная I, м. 1; 2 - Тартас-1, захоронение 358; 3 - Куделька; 4 - Тамбар; 5 - оз. Гориное; 6, 7, 10 - Айбас-Дарасы; 8 - Тагискен, мавз. 6; 9 - Ирмень; 11 - Рублёво VIII; 12 - Тух-Эмптор IV, жил. 4; 13 - Бегазы, мавз. 1; 14 - Дандыбай; 15 - Тагарский остров, к-н В.

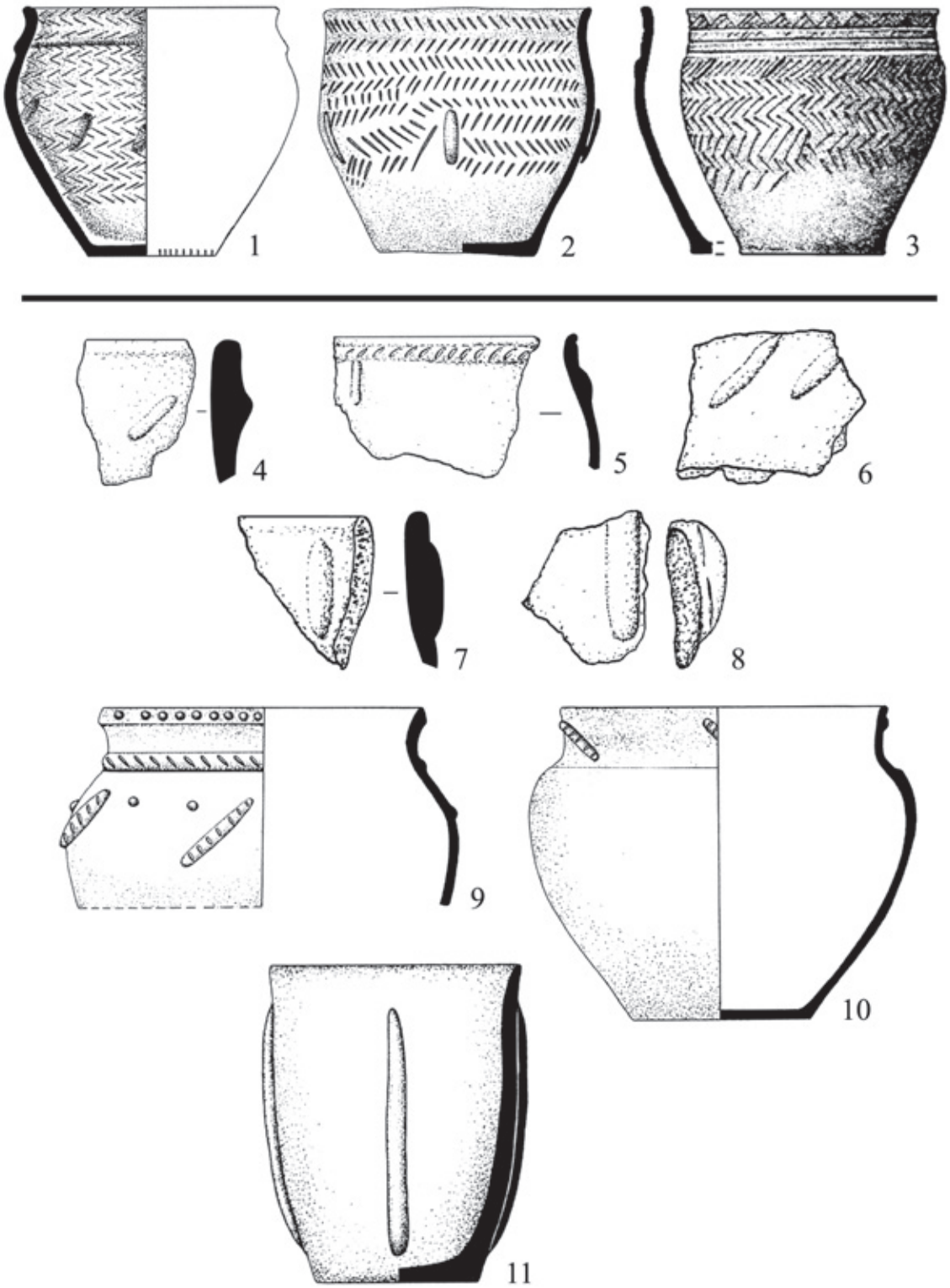


Табл. 298. 1 - Киприно II; 2 - Орак; 3 - Погорелка-2; 4 - Косоголь; 5 - Новоильинка; 6 - Трушниково; 7 - Атасу; 8 - Алексеевское поселение; 9, 10 - Донгал; 11 - Краюшкино.

Игорь Вячеславович Ковтун

Андроновский орнамент (морфология и мифология)

Научное издание

Оригинал-макет – *А.А. Сайфуллин*
Корректор – *Т.Е. Чижевская*

Подписано в печать 19.10.2016 г.
Формат 60х84 $^{1}/_{8}$. Усл. печ. листов 63,7.
Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 14589.

Отпечатано с готового оригинал-макета
ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость»
420054, РТ, г. Казань, ул. Актайская, д. 21
www.apress-kzn.ru